

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

Исторіи и Древностей Россійскихъ

П Р И

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1907 годъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ДВѢСТИ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

ИЗДАНА

подъ завѣдываніемъ

Е. В. Барсова.

МОСКВА.

Типографія Штаба Московскаго военнаго Округа

Остоженка, военного вѣдомства.

1907.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

Исторіи и Древностей Россійскихъ

П Р И

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1907 годъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ДВѢСТИ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

ИЗДАНА

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

Е. В. Барсова.

МОСКВА.

Типографія Штаба Московскаго военнаго Округа

Остоженка, военнаго вѣдомства.

1 9 0 7.

Отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

I.

О преміи имени Г. Э. Карпова.

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ открываетъ *шестнадцатое* соисканіе Высочайше утвержденной преміи имени Геннадія Ѳеодоровича Карпова. Срокъ представленія сочиненій истекаетъ 1 ноября 1907 года. О результатѣ соисканія объявлено будетъ 24 апрѣля 1908 года.

Извлеченіе изъ правилъ о порядкѣ присужденія преміи:

§ 1. Къ соисканію преміи имени Геннадія Ѳеодоровича Карпова допускаются всѣ самостоятельныя изслѣдованія по Русской исторіи, основанныя на первоисточникахъ.

§ 2. Въ случаѣ представленія нѣсколькихъ сочиненій одинаковаго достоинства предпочтеніе отдается тому изъ нихъ, которое относится къ изученію Малороссіи.

§ 3. Въ соисканіи преміи имѣютъ право участвовать и Члены Общества.

§ 8. Сочиненія, уже удостоенныя преміи какимъ-либо другимъ ученымъ учрежденіемъ, на соисканіе преміи имени Геннадія Ѳеодоровича Карпова не допускаются.

§ 9. Премія выдается въ количествѣ 500 рублей и ни въ какомъ случаѣ не дробится.

§ 10. Право на полученіе ея принадлежитъ только авторамъ и ихъ наследникамъ, но отнюдь не издателямъ награжденныхъ сочиненій.

II.

О преміи имени А. П. Бахрушина.

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ открываетъ первое соисканіе преміи имени А. П. Бахрушина. Срокъ представленія сочиненій истекаетъ *1 мая 1909 г.* О результатѣ соисканія объявлено будетъ въ *декабрь 1909*.

Извлеченіе изъ правилъ о порядкѣ присужденія преміи:

§ 2. Къ соисканію преміи допускаются сочиненія по исторіи и археологіи гор. Москвы и Московской губерніи.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

Исторіи и Древностей Россійскихъ

П Р И

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1907 годъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ДВѢСТИ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

ИЗДАНА

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

Е. В. Барсова.

МОСКВА.

Типографія Штаба Московскаго военнаго Округа

Остоженка, д. военнаго вѣдомства.

1907.

Содержаніе

второй книги Чтеній Общества за 1907 годъ.

I. МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ.

1.—Разрядныя записи за Смутное время, собранныя Дѣйствительнымъ Членомъ *С. А. Вълочуровымъ*. 1—80.

II. МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ.

1.—Псалтырь жидовствующихъ въ переводѣ Феодора еврея. Съ предисловіемъ Дѣйствител. Члена *М. Н. Сперанскаго* (съ 2 фототипическими таблицами). 1—72.

III. МАТЕРІАЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

1.—Путешествія въ Московію сэра Еремѣя Горсея (Разсказъ или повѣствованіе о путешествіяхъ, должностяхъ, службахъ и переводахъ сэра Еремѣя Горсея, въ которыхъ онъ провелъ почти цѣлыя 18 лѣтъ). Переводъ съ англійскаго *Юрія Толстого* (Окончаніе. Начало помѣщено въ 1-ой книгѣ Чтеній за 1877 г.). I—IV + 31—110.

IV. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

1.—Очерки по исторіи Грузинской словесности. Дѣйствительнаго Члена *А. С. Хазанова*. Выпускъ 4-й: Литература XIX в. (Окончаніе). . 321—572.

V. С М Ъ С Ъ .

1 — Практическое описаніе Монетнаго производства въ Екатеринбургѣ. 1780 г. Сообщилъ Дѣйствител. Членъ *М. Н. Сперанскій*. 1—29.

- 2.—Представленіе объ утѣсненіяхъ народа отъ подуш-
паго сбора. 1733 г. Сообщилъ *А. Н. Филипповъ*. 29—38.
- 3.—1685 г. О поѣздкѣ въ Смоленскъ къ митроп. Симеону
„для великихъ духовныхъ дѣлъ“ архим. Игнатія и справщика
Каріона Истомина. Сообщилъ Членъ-Соревнователь *Н. П.
Поповъ*. . . . . 38—44.
- 4.—О Бумажной мельницѣ въ Москвѣ на рѣкѣ Яузѣ.
1673—1676 г.г. Сообщилъ Дѣйствительный Членъ *С. А. Бу-
логуровъ* . . . . . 44—62.
- 5.—1612 г. О дачѣ помѣстья Чеботаю Челищеву въ Му-
ромскомъ уѣздѣ . . . . . 63—64.

I.

МАТЕРІАЛЫ ІСТОРИЧЕСКІЕ.

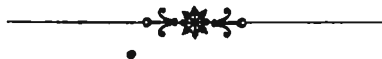
С. А. БЪЛОКУРОВЪ.

РАЗРЯДНЫЯ ЗАПИСИ

ЗА СМУТНОЕ ВРЕМЯ.

(7113—7121 гг.).

I.

По рукописи библиотеки Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ № 98/129. Варианты отмѣчаются изъ рукописи Императорской Публичной Библиотеки IV. Ф. № 166.

(л. 542) Лѣта 7113-го году учинилася вѣсть государю царю і великому князю Борису Федоровичю всеа Русіи, что назвался в Литве вор государским именемъ царевичемъ Дмитрѣемъ Углетцкимъ великого государя царя Ивановымъ сыномъ. А тотъ вор рострига Гришка, сынъ сотника стрелцкаго Богдана Отрепьева, постригшии былъ в Чюдове монастыре в дьяконех, и въ 111-мъ году зшол на Северу, и збѣжалъ за рубежъ в Литву и пришелъ в Печерской монастырь; а с нимъ воръ же чернецъ Мисаило Повадин. И умысля дьявольскою козвню розболелся ¹ до умертвия и велель бит челомъ игумену Печерскому, чтобъ ево поновилъ, і въдоховне сказалъ: бутто онъ сынъ великого государя царя Ивана Васильевича царевичъ Дмитрѣй Углетцкой, а ходитъ бутто в-ыскусе не постриженъ, избѣгаючи укрываяся отъ царя Бориса; и онъ бы игуменъ после ево смерти про то всемъ объявилъ. И после того всталъ, сказалъ, бутто полехчело ему. И тотъ игуменъ с техъ мѣсть учалъ ево чтитъ, чаялъ то правда, і ведомо учинилъ королю и сонаторемъ; а тотъ Розстрига, сложивъ черное платье, сшолъ к Сердомирскому, называючися царевичемъ ². Да и Московскаго государства во всей Севере і в Полскихъ городехъ учинилосъ то вѣдомо. (л. — об.) И по умышленью Полскаго и Литовскаго короля и пановъ учалъ тотъ воръ збиратца с Литовскими людьми и писалъ в Черниговъ и в Путимль прелесныя грамоты мирскимъ людямъ мимо воеводъ, чтобъ ему крестъ целовали и прямили, и пошолъ к Чернигову.

И тое жъ осени на Дмитрѣевъ денъ по вестемъ послалъ государь на Северу бояръ и воеводъ на три полки до болшого розряду: в болшомъ полку бояринъ князь Дмитрѣй Ивановичъ Шуйской да князь Михайло Федоровичъ Кашинъ, в передовомъ полку околпичейъ Иванъ Ивановичъ Годуновъ, в сторожевомъ полку бояринъ Михайло Глебовичъ Салтыковъ.

И после того послалъ государь бояръ и воеводъ князь Федора Ивановича Мстисловскаго с товарищи ³, а бытъ болшому розряду по росписи: в болшомъ полку бояринъ князь Федоръ Ивановичъ Мстисловской да бояринъ же князь Ондрѣй Ондрѣевичъ Телятевской, (л. 543) в правой рукѣ вое-

¹ вст.: дьявольскою козвню Шл. ² царевичемъ нѣтъ П2. ³ съ товарищи нѣтъ Л2.

воды боярин княз Дмитрѣй Иванович Шуйской да княз Михайло Ѳедорович Кашин, в передовом полку боярин княз Василей Васильевич Булгаков-Годицын да боярин же Михайло Глебович Салтыков, в сторожевом полку воеводы околничей Иван Иванович Годуновъ да княз Михайло Самсонович Турѣнин, в лѣвой рукѣ воеводы околничей Василей Петрович Морозов да княз Лука Оснонович ¹ Щербатой. А послал государь з боярином со князем Ѳедором Ивановичем ² с Москвы дворян болших и чапников и столников и стряпчих.

А в Чернигов послал государь воевод боярина князя ³ Микиту Рамановича Трубѣтцкого да околничего Петра Ѳедоровича Басманова.

В Путивль послал государь околничего Михаила Михайловича Салтыкова; а тамъ готовы ⁴ княз Василей княж Михайлов сынъ Мосалской да дьякъ Богдан Ивановъ.

(л.—об.) В Новгородок Северской послал государь князя Якова Петровича Борятинского, да в Новгородкѣ княз Григорѣй княж Иванов сынъ Гагарин да голова Елизарѣй Бартепев.

В Карачев послал Олексѣя Рамановича Плещеева да головы Меркуръ Безобразов да Иванис Одадуровъ.

А в Литву х королю послал государь в гонцах на обличенье тому вору Ростриге дядю его роднова Галеченипа Смирнова Отрепьева.

А вор Рострига с Литовскими людьми приход Чернигов взял; а в Чернигове были воеводы: княз Иван Ондрѣевич Татев, да княз Петръ княж Михайлов сынъ Шоховской да головы Микифор Семенович Вельяминов. А княз Микита Трубѣтцкой да Петръ Басманов в Черниговъ до Ростригина приходу не успели, и государь велел им быт в Новгородкѣ Северскомъ. И в Новгородкѣ были воеводы: боярин княз Никита Раманович Трубѣтцкой, да околничей Петръ Ѳедорович Басманов, да княз Яков Петрович Борятинской, да княз Григорѣй Иванович Гагарин да головы Елизарѣй Данилов сынъ Бартепев; (л. 544) да головы ж з да(то)шними людьми: Ондрѣй Матвѣев сынъ Восйков, Иван Петров сынъ Биркин, Ондрѣй Бунаков, Борис Угримов, Данило Яблочков, а с ними Комаричан по пятосот человекъ, да с Московскими людьми з ⁵ стрелцами Ратман Дуровъ.

И тот вор Рострига, взявъ Чернигов, пошел к Новгородку, а в Путивль послал з грамотами; и Путивцы ему добили челом, и крестъ целовали і воевод к нему и наряд привезли под Новгородокъ. А под Новым городком стоял вор с Литовскими людьми в Спаском монастыре и к городу приступал многожда. И пришли бояре і воеводы княз Ѳедор Иванович Мстисловской с товарищи, и с вором и с Литовскими людьми был бой, и на том бою боярина княз Ѳедора Ивановича ранили, сечен по голове во многих местех; и з бою бояре и воеводы отошли. А Рострига после того под Новым городком стоял две недели и пошел

¹ Офонасьевич II. ² Мстисловскимъ дворянъ II. ³ зачеркнуто: Дмитрѣя Арх.

⁴ Такъ въ обихъ рукописяхъ. ⁵ людьми з нѣтъ II.

проч в Добрыничи. I воеводы из Новагородка посылали станов жеч Ондръя Воейкова, и с сеунчом ко государю посылали ево ж; и государь Ондръя Воейкова пожаловал, велел быт въ яселничих i в Думе. А в большой полкъ послал государь в прибавку боярина князя Василья Ивановича Шуйскова. (л. — об.) А в Новгородок к воеводам ко князю Миките Рамановичю с товарищи послал государь з золотыми столника княз Юрья Епшеевича Сулешева

И тое ж зимы бояре и воеводы княз Федор Иванович Мстисловской с товарищи вора Ростригу и Литовских людей в Добрыничях побили, а ко государю с сеунчом послали Михаила Борисовича Шеина. И государь Михаила Борисовича пожаловал, велел ему ¹ быт в околничих; а побитых людей велел счесть и погресть, и сочтено побитых людей ² полдруганатцати тысени. А Рострига з бою с невеликими людьми утекъ в Севской, а отгуды побѣжалъ в Путивль. А из Новагородка воеводам велел государь ³ быт к Москвѣ, а в Новогородкѣ велел государь быт ис полков княз Ивану Васильевичю Голицыну.

И после того вскорѣ княз Ивану Васильевичю ⁴ велел государь быт в полках по прежнему, а в Новгородокъ на его мѣсто велел государь быт воеводам: околничему Михаилу Борисовичю Шеину да яселничему и думному дворянину Ондръю Матвѣевичю Воейкову. (л. 545) А в полки к бояром и воеводам послал государь ко князю Федору Ивановичю Мстисловскому с товарищи з золотыми чашиника княз Данила Ивановича Мезецкого.

А под Кромы послалъ государь с нарядом воеводу Федора Ивановича Шереметева. А с Москвы послал государь в полки г бояром и воеводам з большим нарядом воеводу князя Ивана Михайловича Борятинского да дьяку велено быт Ондръю Олябѣву; а головы у наряду: Сидор да Полуехт Мячковы, Михайло Опшанин, Гаврило Салманов, Левонтей Курчовъ, Курдюкъ Усовъ. А с Москвы посланы охотники все: псари конные, подкдюшники, чарошники, сытинки, трубники. И бояре и воеводы тогды от Рылска отошли в Севской, и государь послал к бояром с речью и пенья и роспрашиват: для чего от Рылска отошли околничего Петра Никитича Шереметева да думного дьяка Овопаса Власьева. А ко князю Ивану ⁵ Борятинскому прислал государь з грамотами Григорья Григорьева сына Колединского Бороздина, а велел князю Ивану со всем нарядом до своего государева указу стоит в Карачеве, (л. об.) а ис полков для береженья прислати к нему людей; и присланы головы с сотнями с Пошехонцы княз Михайло Ухтомской да с ⁶ Костромичи. И в генваре ж пригнал ⁷ от государя в Карачев х князю Ивану ⁸ Юрьи Зюзин з грамотами, а велено по государеву указу послати ис Карачева з жилцом съ Юрьем Зюзиным под Кромы к воеводе к Федору Ивановичю Шерѣметеву наряд пишал „Левъ Слоботцкой“ да две верховых с пушешными запасы.

¹ велѣлъ ему *нѣтъ* П2. ² 11:00 человекъ. А П2. ³ государь *нѣтъ* П2
⁴ *вст.*: Голицыну П2. ⁵ *вст.*: Михайловичю П2. ⁶ с *нѣтъ* П2. ⁷ прислан П2. ⁸ *вст.*: Борятинскому П2.

И тое ж зимы велел государь из Севского бояром князю Ѳедору Ивановичю ¹ с товарищи со всѣми полки итит под Кромы. А ис Карачева воеводе князю Ивану Михайловичю Борятинскому велел государь итит со всем нарядом под Кромы ж; а сойтитца з бояры і воеводы со княз Ѳедором Ивановичем Мстисловским с товарищи, не доходя Кром ² версты за три или за четырьѣ, гдѣ пригоже. А для береженья прислан провожат наряду ис Карачева до Кром ис полков воевода княз Михайло Самсонович Турѣнин з своими полчаны.

(л. 546) И какъ бояре и воеводы пришли под Кромы, и после того в пятой ден марта в 9-м числе прислан государевъ ³ указ, велено князю Ивану Михайловичю Борятинскому быт в Донкове, а с нимъ голове Григорью Ѳефилатьеву сыну Бибикову; а у наряду на княз Иваново мѣсто велел государь быт князю Лукѣ Осиповичю Щербатому.

А в Рязком велел государь быт Юрью Григорьевичю Пильемову да голове Пѣтру Суворову сыну Наумову.

На Еливанни князю Семену княж Юрьеву сыну Вяземскому. И наказы и подорожные от государя к воеводам присланы ⁴.

А на Елец послал государь воеводу для походов княз Ѳедора Петровича Борятинского да голову Бориса Хрущова; а головы со княз Ѳедором посланы с сотнями ис полков: княз Матвѣй княж Иванов сынъ Несвитцкой, Мирон Тимоѳеев сынъ Хлопов, Тимоѳей ⁵ Овцын.

А в Новосили велел государь быт воеводе князю Якову Петровичю Борятинскому да голове Ѳедору Борисову сыну Колтовскому.

(л. — об.) Того-ж 113-го году преставился государь царь и великий княз Борис Ѳедорович всеа Русіи, а во ипическом чину Боголепъ; а был на Московском государстве сем лѣт. И после его бояре, воеводы и дворяне на Москвѣ і в полках и в городех всякие люди целовали крестъ сыну ево царевичю Ѳедору Борисовичю, і в полки посланы с Москвы бояре і воеводы княз Михайло Петрович Катырев да Петръ Ѳедорович Басманов. А ис полков боярину князю Ѳедору Ивановичю Мстисловскому, да князю Василью да княз Дмитрѣю Ивановичемъ Шуйскимъ велено быт тотчас к Москвѣ.

А в полках бояре и воеводы были по новой росписи: в болшом полку княз Михайло Петрович Катырев да Петръ Ѳедорович Басманов, в правой рукѣ княз Василей Васильевич Голицын да княз Михайло Ѳедорович Кашин, в передовом полку ⁶ Иван Иванович Годунов да Михай(ло) Глебович Салтыковъ, (л. 547) в сторожевом полку княз Ондрѣй Петрович Телятевской да княз Михайло Самсонович Турѣнин, в лѣвой рукѣ Замятня Иванович Сабуров да княз Лука Осипович Щербатой.

И Украинных городов дворяне и дѣти боярские Резанцы, Туленя, Коширѣня, Олексинцы і всех Украинных городов, удумав и сослався с

¹ вст.: Мстисловскому П2. ² Кромъ *кнтъ* П2. ³ государевъ *кнтъ* П2. ⁴ На Елецъ прислан для приходов князь П2. ⁵ Ивановъ сынъ Овцынъ и с сеунчемъ к государю присылалъ князь Федор Тимоѳей ж Овцына. А в Новосили П2. ⁶ Написано: въ правой руке полку, а надъ строкой *потомъ*: в передовом П2.

Камчаны ¹, вору Ростриге крестъ втайне целовали и бояр и воевод на съезде переимали, і вся рат от того смутилас, и крестъ Ростриге целовали, и воевод х крестному целованью привели и по городом писали, чтоб крестъ целовали царю Дмитрѣю. А в Путимль к Ростриге, что назвался царевичем Дмитрѣем, послали ото всеѣ рати князя Івана Васильевича Голицына и дворян и столтников і всяких чинов людей; а бояре і воеводы і вся рат учили дожидатца Ростриги под Кромами, а з стрелцов и казаковъ, приветчи х крестному целованью, отпустили по городом и от того в городех учинилас и ² болшая смута. А Полские города до тех местъ смутились, крестъ ему целовали и воевод к нему в Путимль отвели: из Бѣлагограда князя Бориса Михайловича Лыкова да головъ, (л.—об.) из Царева нового города князя Бориса Петровича Татева ³ да княз Дмитрѣя Васильевича Турѣнина, с Ливен княз Дмитрѣя Михайловича Борятинского. А какъ Рострига ис Путивля пришел в Кромы, а бояр с нимъ пришло: княз Борис Татев, княз Василей Масалской, княз Борис Лыков, околничей княз Дмитрѣй Турѣнин, думной дворяне Ортем Измайлов, Григорей Микулин; а под Кромы к нему из достальных городов воевод и осадных головъ и приказных людей привели.

А ис под Кром пошел на Тулу, а бояръ і воевод велел расписат на пят полков: в болшомъ полку боярин княз Василей Васильевич Голицын да княз Борис Михайлович Лыковъ, (л. 548) в правой рукѣ княз Иван Семенович Куракин да княз Лука Осипович Щербатой, в передовом полку ⁴ Федор Иванович Шерѣметев да княз Петрѣ Амашукович Черкасской, в сторожевом полку княз Борис Петрович Татев да княз Федор Ондрѣевич Звенигородской, в лѣвой рукѣ княз Юрьи Петрович Ушатой да княз ⁵..... А дворовые воеводы были: княз Иван Васильевич Голицын да боярин Михайло Глебович Салтыковъ. А ближние люди при нем были: боярин ⁶ княз Василей Рубѣць Масалской да Ортемей Измайлов; и у ествы сидел он же. А постелничей был Семен Шапкин.

А к Москвѣ послал для смуты Гаврила Григорьева сына Пушкина да Наума Михайлова сына Плѣщеева. И Гаврило Пушкин да Наум Плещеев, приѣхавъ к Москвѣ с прелесными грамотами сперва в Красное село и собрався с мужики, пошли в город, и пристал народ многой, і учили на Лобном мѣсте грамоты честь, и послали в город по бояр. И на Лобном мѣсте Богдан Белской учал говорит (л. об.) в мир: яз за царя Иванову милость ублюю царевича Дмитрѣя, за то ⁷ и терпел от царя Бориса. И услыша то, и достал народ возмущился и учили Годуновых дворы грабить; а иные воры с миром пошли в город, и от дворян с ними были, и государевы хоромы и царицны пограбили. И Гаврила Пушкина Рострига за то пожаловаль, что назвался у него к Москвѣ и государство Московское смутил, пожаловал соколничеством і в Думу.

¹ Камчаны П2. ² и нѣтъ П2. ³ с Ливень П2. ⁴ надъ строкой: боярин П2. ⁵ вст.: Семен Григорьевич Звенигородской П2. ⁶ бояринъ нѣтъ П2. ⁷ вст.: я П2.

А Рострига приишол на Тулу, и бояре і всякие люди, видя то, и по неволе поѣхали к Ростриге встречу; и приѣхали к нему на Тулу бояре: княз Иван Михайлович Воротынской, княз Микита Раманович Трубѣтцкой, и дворяне многие, и столники, и стряпчие, і всяких чинов люди, і власти и гости. И Рострига послал к Москвѣ боярина княз Василья Васильевича Голицына да с нимъ ближних своих: боярина княз Василья Масалского да печатника и думного дьяка Богдана Сутупова ¹. (л. 549) И велел царя Борисову царицу Марию и царевича Феодора из государевых хором свести на старой двор и уморить злою смертью, а царевну Оксипью велел постричь; а святѣйшого патриарха Иева велел послат с Москвы в заточенье; а Годуновых всех и до малого робѣнка послат велель в города по тюрьмам с приставы, а Степана Васильевича и сына ево Степана да Семена Никитича Годуновых велел в тюрьмах ² поморит, а иных в Сибир послат.

И приишол тот вор Рострига к Москвѣ, и послал боярина своего княз Василья Мосалского к царя Ивана Васильевича к царице инокѣ Марое, велел ее привести к Москвѣ; а наперед послал ее уговариват постелничего своего Семена Шапкина, штоб ево назвала сыном своим царевичем Дмитрѣем, а потому Семен послан, что он Нагим племя да и грозить ей велел: не скажет, и быт ей убитой.

(л.— об.) А в Казанские города с Тулы ж послал по Нагих и по Головиных, и подавал имъ боярство и вотчины великие и двory Годуновых и з животы.

А которые царю Борису служили, многих розослани по службамъ по городом: княз Ивана Семеновича Куракина послал в Смоленскъ.

В Белгород послал княз Данила Ивановича Мезетцкого да с нимъ были головы: Богдан Соловцов да Олексѣй Губастов.

В Борисов послал Михаила Богдановича Сабурова да с нимъ был в товарыщех княз Юрья Приимковъ.

На Ливны послал княз Петра Ивановича Буйносова.

В Астарахан послал околичного княз Ивана Дмитрѣевича Хворостинина.

А после того з Белгорода князю Данилу Ивановичю Мезетцкому велель быт к Москвѣ, а в Белгороде велел быт князю Петру Ивановичю Буйносову.

А на Ливнах на его мѣсто Матвѣю Васильевичю Бутурлину.

А в городех дворян и дѣтей боярских велел для прелести верстат и дават оклады болшие.

(л. 550) На Кострому послан верстат Костромич і Ерславцовъ боярин княз Ондрѣй Петрович Куракин да княз Яков Петрович Борятинской.

На Рѣзань ³).

¹ вст.: и с Тулы тот вор Рострига послал к Москвѣ П2. ² по тюрьмамъ П2.

³ вст.: боярин княз Никита Раманович Трубецкой да княз Юрья Петрович Ушатов П2.

Да пришедъ к Москвѣ послал в Литву х королю в посланниках Оеонася Власьева. Да к Сендомирскому послал, чтоб по прежнему договору доч свою за него дал и приѣхаль с нею и со всеѣми своими племяны к Москвѣ, а многие дары от государской казны судов и платья и соболиной казны к нему послалъ. В Литву ж послал в гонцах Ивана Раманова сына Безобразова Осечку.

(л. 551) ¹ Лѣта 7114 году послал Рострига в Смоленскъ для приходу Сендомирского з дочерью и приятелей его и для Полских и Литовских послов боярина своего княз Василья Михайловича Масалского.

Того ж году был царевич Сибирской Еналей, а рынды были в белом платье: княз Иван Балхованской, да княз Раман Троекуров, да княз Ѳедор Елетцкой да княз Юрьи Звенигородцкой.

Того ж году пришли к Ростриге Литовские послы: Николай Олесницкой коштелян Мологотский да староста Велишской Олександра Гасейвской. А приставы из Смоленска с послы были: Ондрѣй Дмитрѣев сынъ Бунаков да Иван Борисов сынъ Макшеев Смольянини. А на Москвѣ в приставах же велел ² быт князю Григорью княж Костянтинову сыну Волконскому да дьяку Дорохе Бохину.

Того ж году пожаловал Рострига боярством княз Бориса Михайловича Лыкова, а на его мѣсто у стола стоит велел княз Ивану Ондрѣевичю Хворостинину.

(л.—об.) Того ж году велел Рострига сказат бояром и воеводам: на Тулу—в болшом полку ³ боярину князю Ивану Ивановичю Шуйскому да княз Михаилу Ѳедоровичю Кашину, в передовом полку на Ливнах околничему Михаилу Борисовичю Шеину да княз Василью Григорьевичю Чертенку-Долгорукому, в сторожевом полку на Орле князю Ивану Ондрѣевичю Хованскому да князю Олексѣю Чертенку Григорьевичю Долгорукому.

На Рѣзани боярин княз Василей Карданукович Черкасской да Яковъ Васильевъ Зюзин.

На Михайлове воевода княз Василей Петрович Тростенской да голова.

В Пронску

На Ливнах воеводы: Олексѣй Раманович Плещеев да княз Дмитрѣй княж Васильевъ сынъ Мосалской

На Елцѣ воевода ⁴ княз Григорей Тимоѳеевич Долгорукой да голова.

На Волуйкѣ Матвѣй Васильевъ сынъ Бутурлин.

(л. 552) В Курску княз Григорѣй княж Петров сынъ Шаховской да Богдан Глебовъ.

В Путимлѣ княз Ондрѣй Иванович Бахтѣяров да ⁵.....

В Бѣлгороде велел быт с Ливен князю Петру Ивановичю Буйносову; а княз Данилу велел быт к Москвѣ.

¹ Листъ 550 оборотъ—чистый. ² вст.: Рострига П2. ³ въ болшомъ полку ~~итъ П2.~~ ⁴ воевода ~~итъ П2.~~ ⁵ да ~~итъ П2.~~

(л.—об.) Тое ж весны пришло из Литвы Сендомирской з дочерью и с приятели своими: зят ево княз Костянтин Вешневетцкой, да племянникъ ево Лукомской староста, да Саднацкой ¹ староста да Стадитицкие. А встречал Сендомирского ближней бояринъ Петръ Басмановъ.

И того ж году маия въ 8 день противъ Николина дни с четверга на пятницу женился Розтрига на Сендомирской дочери, не крестя ея в православную крестьянскую вѣру, не послушавъ священнаго собору Казанскаго Ермогена митрополита, и здѣлалъ костель у Стретенья на переходехъ подле Никола Явленскаго. А Литва и Поляки въ Московскомъ государствѣ учали насилство дѣлать: у торговыхъ людей жен и дочерѣй имать силно, и по ночемъ ходить с саблями и людей побивать, и у храмовъ вѣре крестьянской и образомъ поругатца. И бояре и дворяне и всякие люди, видя такое насилство и бѣззаконие, съѣхався къ Москвѣ из городовъ и положивъ межъ себя совѣтъ, того вора Розтригу Гришку Отрѣпьева убили маия въ 15 денъ. И въ тѣ поры народъ возмущился, черные люди Литовскихъ людей (л. 553) во многихъ мѣстехъ Сендомирского ² приятелей его пограбили, и иныхъ Литовскихъ людей побили до смерти, а дутчие люди въ то время утекли на Посолской дворъ; и оттого межъ государствъ с Литвою и ссора учинилася.

И после Розтриги вскорѣ ³ учинился на Московскомъ государствѣ царемъ и великимъ княземъ князъ Василей Ивановичъ Шуйской и крестъ ему на Москвѣ и въ Замосковныхъ городехъ целовали. И послалъ царь Василей въ Литву въ посланникахъ ⁴ князъ Григорья Волконскаго да въ дьячье мѣсто Посолскаго подьячего Ондрѣя Иванова. А на Посолскомъ дворѣ велелъ бытъ у пословъ въ приставахъ ⁵ и для иныхъ Полскихъ людей, которые въ смутное врѣмя утекли на Посолской дворъ, бытъ: князю Ивану Михайловичу Борятинскому, да Ондрѣю Дмитрѣеву сыну Бунакову, да Ивану Борисову сыну Мокшееву да дьяку Дорохе Вохину. А въ Крымъ послалъ царь Василей думнаго дворянина Ондрѣя Матвѣевича Воейкова.

(л.—об.) А какъ после Розтриги селъ на государство царь Василей, и въ Полскихъ, и въ Украинныхъ и въ Северскихъ городехъ люди смутились и заворовали, креста царю Василью не целовали, воеводъ почали и ратныхъ людей побивать и животы ихъ грабить, и затеали будто тотъ воръ Розтрига с Москвы ушелъ, а въ его мѣсто будто убитъ иной человекъ. Въ Борисове городѣ убили Михаила Богдановича Сабурова; въ Бѣлгородѣ убили князъ Петра Ивановича Буйносова; а с Ливенъ Михайло Борисовичъ Шеинъ утекъ душою да теломъ, а животы ево и дворянские пограбили.

(л. 554) Того ж году послалъ царь Василей подъ Елецъ воеводъ: въ болшомъ полку бояринъ князъ Иван Михайловичъ Воротынской, въ передовомъ полку с Ливенъ околничей Михайло Борисовичъ Шеинъ.

Во Брянскъ послалъ Еёима Вахромѣевича Бутурлина.

Того ж лѣта на Северу послалъ царь Василей воеводъ на три полки: въ болшомъ полку князъ Юрьи Никитичъ Трубѣцкой да Михайло Олек-

¹ Санацкой П.2. ² вст.: и П.2. ³ вскорѣ нѣтъ П.2. ⁴ въ посланникахъ нѣтъ П.2.

⁵ въ посланникахъ П.2.

сандрович Нагой, в передовом полку боярин княз Борис Михайлович Лыков да княз Яков Петрович Борятинской, и княз Яков ¹ бил челом на княз Бориса Лыкова ²; в сторожевом полку околничей ³ Григорѣй Петрович Рамодановской да княз Роман княз Ивановъ сынъ Гагаринъ.

(л.—об.) И под Кромами у воевод с воровскими людьми был бой, и из Путимля пришел Ивашко Болотников да Юшка Бѣзубцов со многими Северскими людьми и с казаки прошли ⁴ на проход в Кромы. И после бою в полкѣх ратные люди дальних городов Ноугородцы и Псковичи и Лучаня и Торопчане и Замосковных городов под осен в полкех быт не похотели, видячи ⁵, что во всех Украинных городех учинилас измена и учали ис полков розѣзжатца по домоу. И воеводы княз Юрь Никитич ⁶ с товарищи ис под Кром отошли на Орель.

А с Орла воеводы княз Иван Ондрѣевич Хованской да княз Иван Михайлович Борятинской писали к царю Василью: велено с ними быт Ноугородцом Бѣжетцкой да Шелонской пятины, и какъ воеводы от Кром отошли, и ратные люди розѣхалис, и Ноугородцы с ними, видя в Орлянех шатость, быт не хотят. И царь Василей послал у(го)варивать ратных людей княз Данила Ивановича Мезетцкого, а на Орел послал три приказы стрелцов з головы: с-Иваном Широносowym, да з Данилом Пузиковым да с Петром Мусорским; и они воевод встретили у Лихвинской засеки.

(л. 555) Лѣта 7115-го году с сентября послал царь Василей в Колугу против воровских людей брата своего боярина князя Ивана Ивановича Шуйского, да боярина князя Бориса Петровича Татова да околничего Михаила Игнатъевича Татицева, а с нимъ дворян Московских, и столников, и стряпчих и дворовых людей, и велел имъ ратных людей уговорить ⁷, которые Замосковные города и Ноугородцы с воеводы пришли ис под Кром и с Орла в Колугу. А вор Ивашко Болотников, собрався со многими воры, сослався с Колужены, шол х Колуге. И бояре и воеводы княз Иван Иванович с товарищи, и Кромские, Орловские воеводы со всѣми ратными людьми пошли против воров сентября въ 23 день; и того ж дни усть Оки рѣки на Угре воровъ многих побили, и з сеунчом послан ⁸ ко государю княз Михайло Петрович Борятинской. А воеводы пошли к Москвѣ, в Колуге не сели, потому что все города Украинные и Береговые отложилис і в людех стала смута. А иные воры в те поры Оедка Берсен с товарищи Визму и Можаяскъ смутили.

(л.—об.) Тое ж осени под Серпухов ходил на воров боярин княз Михайло Васильевич Шуйской, да боярин княз Борис Петрович Татов, да Ортемей Измайллов: і воры все: Ивашко Болотников, да Истома Пашков да Юшка Безубцов с Резанцы, и с Коширяны, и с Тулены и со всѣми Украинными города, з дворяны, и з дѣтми боярскими, и з стрел-

¹ *вст.*: Борятинской П2. ² *вст.*: да Михаила Нагова П2. ³ *вст.*: княз П2

⁴ *вст.*: пришли П2. ⁵ видя то, что П2. ⁶ Борятинской ис пот Кромъ П2. ⁷ уговаривать П2. ⁸ послали бояре к государю П2. *Въ Арх. сперва было написано:* послали.

цы и с казаки с Коломны собрався пошли к Москвѣ. И царь Василей послал противу их всех бояр и околничихъ и думныхъ дворян и Московскихъ, и столников и стряпчихъ и жилцов, и приказныхъ людей. И по общему греху ¹ тогда воры под селом бояр побили и розганяли, что люди были не единомысленны, а воров было бѣзчисленное множество; а которыхъ дворян воры на бою поимали, и тех отвели в Путимль, и боярина князя Василья Кардануковича Черкаскова и иныхъ воевод, которые были по городомъ.

А в Путимль привели казаки шова вора Петрушку, назвавъ царя Ѳедора сыномъ, и тотъ вор Петрушка боярина князя Василья Кардануковича ² и воевод и дворянъ (л. 556) и воевод которыхъ приводили, и Ондрѣя Воейкова, что шол ис Крыму, всех побили до смерти розными казнями, иныхъ мѣтали з башен, и сажал по колю и по суставомъ резал. А воры Болотников да Папков с Резанцы и всехъ городов со многими людьми пришли под Москву, стали в Коломенскомъ да в Заборье и ³ во многихъ местехъ. А на Москвѣ царь Василей велелъ быть за Москвою рѣкою противу воров бояромъ и воеводамъ: князю Михаилу Васильевичю Шуйскому, да князю Ондрѣю Васильевичю Голицыну, да князь Борису Петровичю Татеву; и с ворами бои были ежедневные под Даниловскимъ и за Язую. А головы были у князя Михаила Васильевича: князь Иванъ Хованской, князь Данило Мезецкой, Василей Бутурлин ⁴, князь Ѳедоръ Лыков, князь Яковъ да князь Михайло Борятинские ⁵, Тимоѣй Грязнова, Володимиръ Вешняков, Богданъ Глебовъ.

(л.—об) Тое ж осени послалъ царь Василей противъ Смольянъ князь Данила Ивановича Мезецкого да Ивана Никитина сына Ржевского, а под Волокъ послалъ противъ Смольянъ же другою дорогою околничего Ивана Ѳедоровича Крюка Колычова. А какъ Смольяне пришли к Москвѣ, и изъ городовъ изъ Замосковныхъ почали збиратца, а изъ воровскихъ полковъ перѣехали ⁶ Коробинны и иные Резанцы, и царь Василей послалъ на воров бояр и воеводъ бѣзъ мести: напередъ шолъ в полку ⁷ бояре и воеводы—князь Иванъ Ивановичъ Шуйской, да князь Иванъ Васильевичъ Голицынъ да Михайло Борисовичъ Шеинъ; в другомъ полку бояре и воеводы: князь Михайло Васильевичъ Шуйской, да князь Ондрѣй Васильевичъ Голицынъ да князь Борисъ Петровичъ Татевъ. И Божию милостию и Пречистые Богородицы заступлениемъ воровъ многихъ побили, а которые стояли в Заборье, техъ всехъ взяли, и воръ Ивашко Болотниковъ и Юшка Бѣззубцовъ с воровъ з достальными побѣжалъ в Колугу; а Истома Папковъ с ⁸ Резанцы перѣехали к Москвѣ ко государю.

(л. 557) И царь Василей послалъ за ворами под Колугу бояр и воевод на три полки: в болшомъ полку бояре князь Иванъ Ивановичъ Шуйской да Иванъ Никитичъ Рамановъ, в передовомъ полку бояринъ князь Иванъ

¹ под селомъ под Заборьемъ бояр побили и розогнали П2. ² *вст.*: Черкаского П2. ³ и *мѣтъ* П2. ⁴ *вст.*: князь Юрья Хворостинин П2. ⁵ *вст.*: князь Дмитрей Пожарской, князь Федоръ Елецкой П2. ⁶ *написано*: порѣехали. В П2: перѣехали. ⁷ Колгу П2. ⁸ товариши приехали к государю. И царь П2.

Васильевич Голицын да княз Данило Иванович Мезетцкой, в сторожевом полку околничей Василей Петрович Морозов да боярин Михайло Александрович Нагой. У наряду Яков Васильевъ сынъ Зюзин да Дмитрѣй Пушечниковъ. И после того послалъ царь Василей под Колугу ж бояр і воевод: княз Ѳедора Ивановича Мстисловского, да княз Михайла Васильевича Шуйского да княз Бориса Петровича Татева; а стояли в особномъ полку по другую сторону Колуги от Яченки. А вор Петрушка из Путимля со многими людьми пришол на Тулу, а с ним князь Ондрѣй Телатевской да воры княз Григорѣй Шеховской с товарищи, и послал на проход в Колугу многих людей. И бояре ¹ противу их послали ² на три полки: в (л.—об.) большом полку боярин Иван Никитич Раманов, в передовом полку княз Данило Иванович Мезѣтцкой, в сторожевом полку Михайло Александрович Нагой. И Божию милостию воеводы воров за сем версть от Колуги на Выркѣ побили на головы и наряд вес взяли. И тогда княз Данила Мезетцкого ранили, и на его мѣсто в передовом полку велено быть ³ боярину Михайлу Александровичю Нагому, а в сторожевом полку ³ княз Михайлу Петровичю Борятинскому. И за ту службу присылалъ царь Василей з золотыми княз Ивана Борисовича Черкасского.

Того ж году послалъ царь Василей в Новгород околничего Михаила Татищева ⁴, а быт з боярином со князь Ондрѣем Петровичем Куракинымъ.

И тое ж весны вор Петрушка послал с Тулы в Колугу на проход многих людей. И бояре і воеводы княз Ѳедор Иванович Мстисловской с товарищи послали против их воевод на три полки: (л. 558) в большом полку боярин княз Борис Петрович Татев, да передовова и сторожевова полку других воевод, в передовом полку боярин Михайло Александрович Нагой, в сторожевом полку княз Михайло Петрович Борятинской; да из Олексина велено в сход быть воеводе князю Юрью Петровичю Ушатуму. И сошлис воеводы с воровскими людьми на Пчелне, и воровские люди воевод тогда побили и боярина княз Бориса Петровича Татева убили. И после того бояре і воеводы княз Ѳедор Иванович Мстисловской с товарищи от Колуги отошли.

И тогда ж послалъ царь Василей на Коширу боярина княз Ондрѣя Васильевича Голицына да Григорья Григорьева сына Пушкина.

А на Рѣзани был боярин княз Борис Михайлович Лыков, да Ѳедор Булгаков да Прокоеѣй Ляпунов.

(л.—об.) Того ж 115-го году послалъ царь Василей пот Тулу бояр и воевод на три полки: в большом полку бояре княз Михайло Васильевич Шуйской-Скопин, да ⁵ Иван Никитич Раманов, да в большом же полку с прибыльным полком боярин княз Борис Михайлович Лыков, да Ѳедор Булгаков да Прокоеей Ляпунов; в передовом полку боярин княз

¹ вст.: и воеводы Пз. ² вст.: воеводъ Пз. ³ вст.: в другихъ Пз. ⁴ в товарищи к боярину князю Ондрѣю П—чу К—у Пз. ⁵ вст.: бояринъ Пз.

Иван Васильевич Голицын да околничей княз Григорей Петрович Рамадановской, в сторожевом полку боярин Василей Петрович Морозов да Яков Васильевич Зюзин. А за Упою рѣкою стоял своим полком боярин княз Ондрѣй Васильевич Голицын да Григорѣй Григорьевич Пушкин. А отпуща царь Василей воевод пот Тулу, пошел самъ ¹ под Олексин. А дворовые воеводы ²: боярин княз Иван Иванович Шуйской да околничей Иванъ Крюкъ Ѳедорович Колычовъ. А рынды за государем ³ были: (л. 559) з болшим саадаком княз Иван княж Петров сынъ Буйносов, ⁴ копя княз Семен княж Васильевъ сынъ Прозоровской ⁴, у рогатины Тимоѣѣй Васильевъ сынъ Измайловъ, у доспехов Иван Васильевъ сынъ Измайлов.

И тогда царь Василей, взяв Олексин, пришел пот Тулу ж, стоял за двѣ версты. А пот Тулою у наряду велет быть: в первом мѣсте княз Володимер Тимоѣевич Долгорукой ⁵, в другом мѣсте за рѣкою у наряду ж Григорей Левонтьев сынъ Валув, въ трѣтѣем месте за Упою ж у наряду Иванис Григорьевъ сынъ Одадуровъ. Того ж лѣта под Тулою ж назвался царю Василью город Тулу потопить Муромец сынъ боярской Сумин сынъ Кротково, и збирали со всех людѣй да(то)шних людей, и дѣлали заплоту и Тулу потопили.

(л.—об.) И во 116-м году в сентябре Тулу город і вора Петрушку и бояр ево княз Григорья Шеховского да Ивашка Болотников с товарищи взяли.

Того ж лѣта из пот Тулы посланы под Крапивну воеводы: княз Юрья княж Петров сынъ Ушатой да княз Семен Кропоткин для войны.

Под Гремячей посланы: Ѳедор Булгаков да Прокоѣей Ляпунов.

Того ж лѣта ис под Тулы ж послан в Смоленескъ боярин Михайло Борисович Шеин да княз Петръ княж Иванов сынъ Горчаковъ.

Того ж лѣта ис под Тулы ж посланы во Брянескъ воевода княз Михайло Ѳедорович Кашин да Ондрѣй Ржевской.

Под Козелескъ послан княз Василей княж Ѳедоров сынъ Масалской.

Из с под Тулы-ж посылан был от царя Василья под Крапивну воевода княз Данило Иванович Мезетцкой да Ѳедор Исаков сынъ Левонтьев, и Крапивну и Одоев взяли; и на Крапивне велено быт Ѳедору Чюлкову, в Одоеве княз Иван княж Григорьевъ сынъ Звенигородцкой.

(л. 560) Лѣта 7116-го году, взяв Тулу, царь Василей пошел к Москвѣ, а на Туле оставил боярина Михаила Ѳедоровича Нагова да Судока Мяснова. А очистя царь Василей Тулу, после себя бояром князю Михаилу Васильевичю Шуйскому да Ивану Никитичю Раманову велел итит на Пчелну для Брянских вестей.

¹ самъ *ититъ* П2. ² *вст.*: были у государя П2. ³ за государемъ *ититъ* П2. ⁴ *вст.*: з другимъ саадаком княз Олексѣй княж Юрьев сынъ Сидкой П2. ⁵ *вст.*: да княз Иванъ Федоровичъ Волконской П2.

Того ж лѣта пожаловал царь Василей в околничие княз Данило Ивановича Мезетцкого, а сказывал околничей Иван Большой Петрович Голубин да думной дьяк Василей Яновъ.

Тое ж осени велел царь Василей быт в Олексине быт воеводе князю Якову Петровичю Борятинскому.

Того ж лѣта под осен назвался в Стародубѣ иной вор царем¹ Дмитрѣем и собрався с казаки, и з Северскими людьми и с Литвою припол подо Брянскъ. А Северские и Украинные города опять отложились. (л—об.) И царь Василей послал помогати Брянску боярина князь Ивана Семеновича Куракина, да боярина ж княз Бориса Михайловича Лыкова да княз Василья княж Ѳедорова сына Масалского. И вор ото Брянску отошел на Орел и учали к нему приходит Литовские многие люди. И царь Василей послал против ево брата своего боярина князь Дмитрѣя Ивановича на три полки: в болшом полку боярин княз Дмитрѣй Иванович Шуйской да боярин княз Борис Михайлович Лыков, да в болшом же полку княз Григорей княж Костянтинов сынъ Волконской, да с розрядом дѣакъ Семейка Еуоимьевъ; в передовом полку боярин княз Василей Васильевич Голицын да боярин же Михайло Александрович Нагой; в сторожевом полку боярин княз Иван Семенович Куракин да княз Василей княж Ѳедоров сынъ Масалской, и княз Василей отпущен к Москвѣ, а на его мѣсто был Григорѣй Григорьев сынъ Пушкинъ; (л. 561) у наряду Григорѣй Левонтьевъ сынъ Валуев. А збиралис воеводы в Олексине, и пришли в Бѣлев, и посылали на воровъ и на Литовских людей посылку княз Василья княж Раманова сына Борятинского да Михаила Зыбина, и воров побили и языки многие поймали. И по последнему пути пришли боярѣ и воеводы в Болховъ.

И тое ж весны бояре и воеводы из Болхова пошли против вора и Литовских людей в пятницу, а вор, с Литовскими людьми собрався, с Орла пошел к Болхову, и в субботу с Литовскими людьми и с воры через вес ден был бой. А назавтрѣе в недѣлю изменил Микита Лихарев, отбѣхал к вору, и иные многие, и бояре отпустили наряд в Болхов, видя в людѣх сумненье; и Литовские люди на походе на бояр пришли, и от Болхова оттолкнули, и бояре пошли к Москвѣ. И царь Василей послалъ на встречу брата своего и всех бояр о здоровье спрашиват (л.—об.) околничего Ѳедора Васильевича Головина. И пришли бояре со всѣми людьми к Москвѣ.

А вор с Полскими² людьми и с воры припол под Москву в Тошнское, а оттуды перешол в Тушино. И царь Василей велел на Москвѣ против вора быт бояром и воеводам на три полки: в болшом полку бояре князь Михайло Васильевич Скопин-Шуйской да Иван Никитич Рамановъ, в передовом полку боярин княз Иван Михайлович Воротынской да околничей княз Григорей Петрович Рамодановской, в сторожевом полку столникъ и воеводы княз Иван Борисович Черкасской да околничей

¹ царевичем 112. ² вст.: и с Литовскими 112.

Федор Васильевич Головин. А царь Василей своим полком стал за городом на Пресне рѣкѣ ¹. А дворовые воеводы были: боярин князь Иван Иванович Шуйской да околичей князь Данило Иванович Мезетцкой. (л. 562) У наряду воеводы: князь Иван князь Федоров сынъ Волконской, а в другом месте у наряду Григорей Левонтьевъ сынъ Валугевъ. А бояре и околичие и все приказные люди были в государеве полку. А на Москвѣ оставлен был боярин ² князь Василей Васильевич Голицын.

Того ж лѣта Лисовской с Черкасы и собрався с Литовскими людьми и с воры Украинных городов со многими людьми пошел под Москву к вору. И царь Василей послал на Лисовского бояр и воевод по Коломенской дороге на три полки: в большом полку боярин князь Иван Семенович Куракин да Григорей Суземша Григорьевъ сынъ Пушкин, в передовом полку боярин князь Борис Михайлович Лыков да князь Григорей князь Костянтиновъ сынъ Волконской, в сторожевом полку Василей Иванович Бутурлин да князь Федор Мерин князь Иванов сынъ Волконской. (л.—об.) И Василей Бутурлин билъ челом на князь Бориса Лыкова, и в сторожевом полку для князь Бориса не был, а был в большом полку в ряду, а в сторожевом один был князь Федор Мерин Волконской. И тогда бояре и воеводы Лисовского и воров побили и языки многие поймали.

Тогда ж посланы воеводы на воровских людей и на Литовских по разным дорогам ³: по Звенигородцкой дороге князь Василей князь Федоров сынъ Масалской; по Колуской князь Яков князь Петровъ сынъ Борятинской; по Волоцкой ⁴ Иван Возгря Матвѣевъ сынъ Бутурлин; по Коширской ⁴ князь Михайло князь Петровъ сынъ Борятинской.

Того ж лѣта отпустил царь Василей с Вологды из Бѣлаозера Литовских людей, и Сеномирского з дочерью и послов Литовских с Москвы, а провожать послов и Литовских людей послан боярин князь Володимир Тимофѣевич Долгорукой да Иван Момот Олександровъ сынъ Колтовской. (л. 563) А объѣзгат послов посланы воеводы на три полки: в большом полку боярин князь Ондрѣй Васильевич Голицын да князь Яков ⁵ Петрович Борятинской, в передовом полку околичей Иван Крюкъ Федорович Колычов ⁶ да князь Михайло Петрович Борятинской, в сторожевом полку.....

Того ж лѣта послал царь Василей в Новгород боярина князь Михайла Васильевича Шуйского, а с ним дворян для Неметцких людей, чтоб их нанят ⁷, и Ноугородцов и в-ыных городех собрався людей притить и Московскому государству от воровъ и от Полских людей помочь учинить. А на князь Михайлово мѣсто ⁸ в большом полку велел быт боярину князю Ивану Ивановичю Шуйскому. (л. — об.) А передовому и сторожевому полком быт по прежнему.

¹ рѣкѣ *нѣтъ* П2. ² бояринъ *нѣтъ* П2. ³ мѣстомъ П2. ⁴ *вст.*: дороге П2. ⁵ *Сперва было написано: Яковъ, потомъ исправлено на: ихаило* П2 ⁶ в сторожевомъ полку князь Яковъ (*сперва было написано: Михаило*) Петровичъ Борятинской. Того лѣта П2. ⁷ нанявъ притить с ними к Москвѣ. А на князь П2. ⁸ *вст.*: Васильевича П2.

Того ж году послан на Рѣзан князь Данило Иванович Долгорукой, да Ѳеодор Исаков сынъ Левонтьевъ ¹, да для збору, а писано к ним от государя: збирать дѣтей боярскихъ велено Ѳеодору Юрьеву сыну Булгакову и ² привести к нимъ; а какъ Ѳеодор ³ збѣрет людей и им отдасть, и князю Данилу и Ѳеодору с теми людьми притит к Москвѣ.

(л. 564) Лѣта 7117-го году в сентябре послал вор ис Тушина от себя под Троицу Сергиевъ монастырь Яна Петра Сапегу со многими ⁴ людьми Полскими и Литовскими и Руских воров. И царь Василей послал за ними воевод на три полки: в большом полку боярин ⁵ князь Иван Иванович Шуйской, в передовом полку окопничей князь Григорей Петрович Рамадановской, в сторожевом полку окопничей Ѳеодор Васильевич Головин. И бой имъ был подо Воздвиженским. и Полские люди тогда Руских людей розогнали ⁶.

Тое ж осени в сентябре ⁷ послан въ Ярославль збиратца с людьми боярин князь Ондрѣй Васильевич Голицын; да в Нижней для збору послан і в Муромъ ⁸ князь Юрьи Дмитрѣевич Хвѣростинин.

Тое ж осени ⁹ послан под Смоленскъ з Смольяны князь Яков Петрович Борятинской да Семейка Григорьевъ сынъ Одадунов (л. — об.) Да в Касимов к царю послан князь Иван Михайлович Борятинской да с ним головы: Григорей Иванов сынъ Ѳефилатьевъ, Данило Келарев сынъ Протасьевъ, Нев Лачинов, Каритъ Волков, Ѳеодор Баранцов; а велено с царем и з Шатчаны, и с Алатарцы, и с Арзамасцы притит в Суздаль, і в Суздале Ѳеодор Смердов сынъ Плещеевъ, сослався в Володимере с окопничим Иваном Ивановичем Годуновым, целовали крестъ вору и людей х кресту привели, а окопничему Ивану Ивановичю велено было из Володимеря быть в Нижнем на князь Олександрово мѣсто Репнина, и он не поѣхалъ. И боярин князь Ондрѣй Васильевич Голицын услышав, что в тех городех стала смута, и он ис под Володимеря воротился к Москвѣ.

Тое ж осени послал царь Василей противу Башкирских ¹⁰ людей соколничего Гаврила Григорьевича Пушкина.

И стоял царь Василей за городом в обозе до Николина дни, а с Николина дни пришел к Москвѣ и полком велел войти в Деревяной город, и стояли до вѣсны: (л. 565) бояре князь Иван Иванович Шуйской да Иван Никитич Раманов з большим полком стояли у Тверских ворот, боярин князь Иван Михайлович Воротынской да окопничей князь Григорѣй Петрович Рамадановской с передовым полком стоял у Петровских ворот; а у Никитцких ворот з государевым полком стоял окопничей князь Данило Иванович Мезѣтцкой; а на Ваганкове от государева полку в заставе Григорѣй Валуев, а после того на Григорьево мѣсто был Ѳеодор Юрьевъ сынъ Булгаковъ, а после того на Булгаково мѣсто был князь Ѳеодор Коркодинов.

¹ и писано к ним П2. ² вст.: собравъ П2. ³ имъ люлей отдасть П2. ⁴ Полскими и Литовскими людьми и с Рускими вору. И царь П2. ⁵ бояринъ *кнѣзь* П2. ⁶ *притисано*: і побили П2. ⁷ въ сент брѣ *кнѣзь* П2. ⁸ і въ Муромъ *кнѣзь* П2. ⁹ тою ж осени *кнѣзь* П2. ¹⁰ Башкирскихъ П2.

И с весны велел царь Василей росписат по Деревянному городу по воротам бояр и воевод по росписи: у Никитцких ворот стоялъ государевъ полкъ боярин княз Ѳедор Иванович Мстисловской да околничей княз Данило Иванович Мезетцкой, (л. — об.) у Тверскихъ ворот болшой полкъ боярин княз Иван Иванович Шуйской да боярин Иван Никитич Рамановъ, у Петровских ворот передовой полкъ бояре княз Иван Михайлович Воротынской да Михайло Федорович Нагой, у Орбатцких ворот сторожевой полкъ ¹, у Чертольских ворот боярин княз Василей Васильевич Голицын да Василей Сукинъ. За Москвою рѣкою: у Колужскихъ ворот боярин княз Дмитрѣй Иванович Шуйской да княз Григорѣй Волконской, у Серпуховскихъ ворот Василей Иванович Бутурлин да Иван Колтовской, у Стретенскихъ ворот боярин княз Ондрѣй Васильевич Голицын да княз Михайло Петрович Борятинской, у Орловскихъ ворот боярин княз Борис Михайлович Лыковъ, у Покровскихъ ворот боярин княз Иван Семенович Куракин да княз Ѳедор Волконской. (л. 566) За Язую княз Григорей Ѳедорович Хворостинин, а после княз Григорья стоял околничей Ѳедор Головин и иныя перѣменяся. И по той росписи стояли бояре и воеводы бѣз мѣсть до княз Михайлова приходу Васильевича Шуйского.

В Володимере был воевода княз Василей Михайлович Лобанов-Ростовской.

На Коломпѣ княз Василей Ѳедорович Масалской да Семен Глебовъ.

Того ж лѣта после велика дни пошел из Новагорода боярин княз Михайло Васильевич Шуйской, а к нему пришли Немцы Свитцкие Яков Пунтусовъ с товарищи, и пошел княз Михайло ² Васильевич и с Рускими людьми к Торшкю; а перед собою послал в Торжок воевод: шурина своего Семена Васильевича Головина да Ѳедора Васильевича Чюлкова. А в Торшкю от Литвы сидел Корнило Чоголков, и Торжокъ тогда очистили. (л. — об.) А из Смоленска пришел ко князю Михайлу Васильевичю под Торжекъ княз Яков Петрович Борятинской да Семейка Одауровъ, а с ними Смольяне, да Брянчане да Серпяне; и идучи ис Смоленска Дорогобуж ³, Вязму, Бѣлую очистили и Литовскихъ людей многихъ побили. И пришел боярин княз Михайло Васильевич и воеводы с Рускими и с Неметцкими людьми ко Твѣри, и Зборовского побили и Тверь взяли. А шол ⁴ княз Михайло Васильевич Шуйской на три полки: в болшом полку боярин княз Михайло Васильевич Шуйской да Неметцкой воевода Яков Пунтусовъ, в передовом полку шурина княз Михайлов Семен Васильевич Головин да Неметцкой ротмистръ, в сторожевом полку княз Яков Петрович Борятинской да Неметцкой ротмистръ. А как от княз Михайла Немцы пошли назад, и княз Михайло Васильевич с товарищи пришли в Колязин монастырь и стоял в Коля-

¹ *прписано:* князь Иван Борисович Черкаской П2. ² с Немцы и с Рускими людьми П2. ³ Дорогобужъ *нѣтъ* П2. ⁴ *вст.:* бояринъ П2.

зине, до коих местъ Яков Пунтосов с Неметцкими людьми воротилис и пришли х князю Михайлу ¹.

(л. 567) Того ж 117-го году шол ис Казани боярин Ѳедор Иванович Шерѣметевъ да Иван Никитич Салтыков и идучи очистили Нижней, Кострому, Муром ², Володимер і воров и Литовских людей ³ во многих мѣстех побили. А ходили от него с Ондрѣем Олябьевым головы.

(л. — об.) Лѣта 7118-го году на Москвѣ бояре и воеводы у ворот были по городу по прежней росписи.

Того ж году какъ Яков Пунтосовъ с Неметцкими людьми пришли, и княз Михайло Васильевич послал под Переславль Залеской Семена Васильевича Головина, и тогда Переславль взяли.

Того ж году княз Михайло Васильевич послал в Олександрову слободу острогу ставит Григорья Валуева; а какъ острогъ поставили, и пришол в слободу со всѣми людьми и запасы к Москвѣ пропустили.

И того ж году пришол к боярину ко князю Михайлу Васильевичю в сход боярин Ѳедор Иванович Шерѣметевъ с понизовыми людьми. А с Москвы послал царь Василей к ним же прибывных воевод боярина князь Ивана Семеновича Куракина да княз Бориса Михайловича Лыкова. И как ⁴ поход, и быть по росписи на три полки: в большом полку бояре князь Михайло Васильевич Шуйской да княз Борис Михайлович Лыковъ, (л. 568) в передовом полку боярин княз Иван Семенович Куракин да Семен Васильевич Головин, в сторожевом полку боярин Ѳедор Иванович Шерѣметев да княз Яков Петрович Борятинской.

Того ж году посылал княз Михайло Васильевич под Суздам воевод: ⁵ боярина князь Бориса Михайловича Лыкова да княз Якова Петровича Борятинского; и князь Яковъ на княз Бориса билъ челом и с ним не пошол. И царь Василей писалъ ко князю Михайлу Васильевичю: и преж сего княз Яков в Северском походе был менши князь Бориса, и потому ему и нынѣ мочно быт со княз Борисом, и он бы на нашей службѣ был, чтоб в том нашему дѣлу и земскому порухи не было.

И тое ж зимы от княз Михаила Васильевича х Троицѣ в Сергиев монастырь прошол в осаду с людьми Давидъ Жеребцов.

Тое ж зимы ходил от княз Михаила ⁶ под Дмитров на Сопегу боярин княз Иван Семенович Куракин, да Семен Васильевич Головин, да с пешими людьми Григорей Валуев, и Дмитров очистили и Литовских многих людей побили.

(л. — об.) Того ж году послан с Москвы в Можаяскъ Иван Васильев сынъ Измайлов по присылкѣ Можаячъ.

Тое ж зимы ходили от княз Михаила Васильевича воеводы: княз Иван Ондрѣевич Хованской да княз Яков Петрович Борятинской к Ростову, а оттуды х Кашину, и города очистили.

¹ *вст.*: а посылал уговаривать Немец княз Якова Петровича Борятинского *П.2.* Далее: Того же году шол ис Казани..... ² Муромъ *нѣтъ П.2.* ³ *вст.*: многихъ *П.2.* ⁴ *вст.*: будеть *П.2.* ⁵ воеводъ *нѣтъ П.2.* ⁶ *вст.*: Васильевича *П.2.*

Тое ж зимы вор ис Тушина побежал в Колугу, а Литовские люди отошли на Волокы, і во Ржеву і вшыные города; и Руские люди Михайло Салтыковъ с товарищи, которые служили вору, к Москвѣ не поѣхали, пошли с Литовскими людьми к королю, а иные княз Григорей Шоховской с товарищи поѣхали в Колугу к вору. А боярин княз Михайло Васильевич і все бояре і воеводы и с Неметцкими людьми пришли всѣ к Москвѣ.

Тое ж весны послал царь Василей в Можаяскъ воевод боярина княз Ондрѣя Васильевича Голицына да околичного княз Данила Ивановича Мезетцкой, а с пешими людьми Григорья Валугева.

(л. 569) В Погорѣлое Городище послал воеводу жъ Василья Бутурлина да Григорья Сулемшу Пушкина.

А в Боровескѣ послан в осаду княз Михайло Волконской.

Того ж году послан в Новгород боярин ¹ княз Иван Никитич Большой ² Одоевской.

Подо Псков послан боярин княз Володимер Тимоѣевич Долгорукой да княз Григорей Волконской.

В Володимере готов воевода княз Василей Михайлович Лобанов Ростовской.

На Рѣзани княз Ѳедор Тимоѣевич Долгорукой да Прокоеѣй Ляпунов.

На Коломнѣ боярин княз Михайло Самсонович Туренин да Семен Глебов.

У Николы Зараскова ³ княз Дмитрѣй Михайлович Пожарской.

На Кошире околичней княз Григорей Петрович Рамодановской да княз Овонасей Гагарин.

В Серпуховѣ княз Иван Михайлович Одоевской да Семен Ушаковъ.

(л. — об.) Того ж году ведомо учинилос, что гетман Полской Станиславъ Желковской со многими людьми из Смоленска идет под Москву. И царь Василей послал в Можаяскъ брата своего боярина князь Дмитрѣя Ивановича Шуйского да готовы в Можайску: боярин княз Ондрѣй Васильевич Голицыи, да околичней княз Данило Иванович Мезетцкой, да с княж Дмитрѣем же Ивановичем пришел в Можаяскъ с Неметцкими людьми Яков Пунтосовъ. Да из городов в сход пришли воеводы: изо Ржовы княз Иван Ондрѣевич Хованской да княз Яков Петрович Борятинской, из Погорелова Василей Иванович Бутурлин да Григорей Сулемша Пушкин; а Григорью Валугеву с пешими людьми велено итит в Царево Займище и быт с воеводою со княз Ѳедором Ондрѣевичем Елетцким и поставит острогъ. И под острожекъ пришел гетман Желковской со многими людьми и острожек осадил. (л. 570) И из Можайска на гетмана пошли бояре княз Дмитрѣй Иванович с товарищи со всѣми воеводы и с Неметцкими людьми, и бой был с Полскими людьми под Клушиным, и Неметцкие люди изменили к Полским людям, и Полские люди тогда Руских людей розгяняли, и бояре пришли и с людьми к Москвѣ.

¹ вст.: большой П2. ² большой нѣтъ П2. ³ вст.: воевода П2.

Того ж лѣта приходили ис Крыму царевич, да Араслаи княз Сулешев, и мурзы на помоч; и царь Василей посылал к нимъ под Серпухов боярипа князя Бориса Михайловича Лыкова да околничего Ортемья Васильевича Измайлова с людьми. И царевич и мурзы на бой к вору не пошли, воротилис назад, а Колуской вор пришол под Москву и стал под Коломенским. И бояре и воеводы были по воротам по прежней росписи.

Того ж лѣта патриархъ Ермоген со всем освещенным собором и бояре ¹ и околничие и дворяне и всякие служилые и посадцкие люди посылали ко государю царю Василью бит челом, штоб он государство отставил, а при ево государстве смуте не престать и крови крестьянской не унятьца, во всех городех всякие люди ему загубили и служить не хотят. (л. — об.) А ѣздилъ о том к царю Василью патриархъ со всем соборомъ да бояре княз Иван Михайлович Воротышской да Федор Иванович Шереметев. И по прошенью всех людей Московского государства царь Василей государство отставил и съѣхал на свой двор. А на том ему бояре и все люди крестъ целовали по записи, что над нимъ никакова дурна не учинит и из Московскихъ людей на государство нико ² не обирать. И после спустя день из дворян княз Василей Тюеякин, Гаврило Пушкин да княз Федор Волконской с товарищи и из мелких людей бѣз патриархова вѣдома и бѣз боярского приговору, самоволством, собрався, царя Василья постригли и с париюю.

И после того патриархъ Ермоген со всем освещенным собором, совѣтовав з бояры и з дворяны и со всѣми служилыми и земскими людьми, приговорили: битъ челом Жигимонту королю Полскому и великому князю Литовскому, чтоб дал на Московское государство сына своего королевича Владислава Жигимонтовича; и писали о том под Можаяскъ к гетману к Станиславу Желковскому (л. 571) воеводе Киевскому, чтоб гетман пришол под Москву и о том с ними договор учинил.

Того ж лѣта пришол под Москву гетман Полской Станислав Желковской и стал вверх по Москвѣ рѣке. И бояре, совѣтовав о том с патриархом Гермогеном и со всем освещенным собором и со всѣми людьми Московского государства, приговорили съѣзжати з гетманом и договор учинит, чтоб быт на Московскомъ государстве королевичю Владиславу Жигимонтовичю, и какъ ему государю быть на Московскомъ государстве на которых статьях всяким государским и земским дѣлом о царскомъ правленье, и тому всему написали статейной список, о чем договор дѣлать меж себя з гетманом с Полским з ³ Станиславом Желковским. И святѣйшии патриархъ Гермогенъ со всем освещенным собором и з бояры и со всѣми людьми Московского государства приговорили: на съѣздъ ѣздит и договор чинит з гетманом ⁴ по статейному списку бояром князю Федору Ивановичю Мстисловскому, да княз Василью Васильевичю Голицыну, да Федору Ивановичю Шерѣметеву, да околнич-

¹ вст.: и воеводы П2. ² никакова не отбирать П2. ³ вст.: паномъ П2. ⁴ вст.: Полскимъ П2.

чему князю Данилу Ивановичю Мезецкому, да думным дьяком Василью Телепневу да Томилу Луговскому.

(л.—об.) И бояре княз Ѳедор Иванович Мстисловской с товарищи с паном гетманом Станиславом Желковским и с полковники и с рохмистры по статейному списку договор учинили, что великому государю Жигимонту королю Полскому і великому князю Литовскому дать на Московское государство сына своего великого государя королевича Владислава Жигимонтовича всеа Русі, і всем городом Московского государства быть по прежнему к Московскому государству, какъ было при прежних великих государех Московское государство, и х Полскому и Литовскому государству Московского государства городов не отдавать, і воеводам Полским и Литовским в Московских городех не быть и людей Полских и Литовских из городов вывезть ¹. А на которой мере быть великому государю королевичю Владиславу Жигимонтовичю всеа Русі и государство Московское править, какъ быть государственным и земским дѣлам, тем ² делам договор учинили по статейному списку. И договор учина, записи пописали с обѣ стороны—бояре ³ княз Ѳедор Иванович Мстисловской да княз Василей Васильевич Голицын по своей записи за бояр и за всех людей Московского государства крестъ цѣловали (л. 572) на том, что мимо великого государя королевича Владислава Жигимонтовича на Московское государство иного государя не хотеть и не обирать, и послати ⁴ битъ челом послов под Смоленскъ к великому государю Жигимонту королю Полскому і великому князю Литовскому, чтоб отпустил сына своего королевича Владислава Жигимонтовича всеа Русі на Московское государство государем царем і великим князем всеа Русі не мешкавъ ⁵. А гетман Полской воевода Киевской Станиславъ Желковской и полковники і рохмистры и напреднейше рыцество по своей записи крестъ же целовали всему Московскому государству за великих государей Жигимонта короля и за его государского сына за королевича Владислава Жигимонтовича и за великое государство за коруну Полскую и за великое княжество Литовское и за все рыцество на томъ, что великому государю Жигимонту королю дати сына своего королевича Владислава Жигимонтовича всеа Русі государем царем і великим князем ⁶ на Московское государство, і все статьи учинити по договорной записи и держати крепко.

(л.—об.) И после зговору Московского государства бояре ⁷ и околичне и думные люди и дворяне і всякие служивые ⁸ и земские люди по записи крестъ целовали великому государю королевичю Владиславу Жигимонтовичю царю і великому князю всеа Русі на том: ему государю и ево государским дѣтем, коих ему вперед Богъ дастъ, служить

¹ *вст.*: вонъ П2. ² и тѣмъ П2. ³ і бояре П2. ⁴ послали П2. ⁵ не мешкавъ *нѣтъ* П2. ⁶ і великимъ княземъ *нѣтъ* П2. ⁷ *вст.*: и воеводы П2. ⁸ служилые П2.

и прямити во всем, и інова государя оприч королевича Владислава Жигимонтовича на Московское государство никою не хотеть ни ис которых государствъ. ни из Московского государства. И после крестного целованья приговорил патриархъ Ермоген со всем собором и з бояры и со вѣми людьми Московского государства послать под Смоленскъ послов ото всего Московского государства к великому государю Жигимонту королю Полскому і великому князю Литовскому бити челом, чтобы отпустил на Московское государство сына своего королевича Владислава Жигимонтовича государем царем і великим князем всеа Русіи не мешкая и пожаловал бы велел учинить договор с папы радными по гетманскому договору, на чем гетман и полковники и рохмистры всему Московскому государству крестъ целовали за них великих (л. 573) государей и за іх великое государство за коруну Полскую и за великое княжество Литовское и за все рыцарство; а о которых статьях гетман Станислав Желковской с ними не договарился, и о тех бы статьях велел паном раде с ними договор учинить и своими государскими душами закрѣпить; а сына своего великого государя королевича Владислава Жигимонтовича отпустилъ не мешкая на Московское государство царем і великим князем всеа Русіи ¹, чтоб имъ великимъ государемъ Московское государство приняло покой и тишину и кровопролитие б уняло, и, увидя б его государские очи, все люди ² Московского государства наполнилися великие радости.

(л.—об.) Лѣта 7119-го в сентябре пришли ³ к великому государю Жигимонту королю Полскому и к великому князю Литовскому под Смоленскъ ото всего Московского государства послы: митрополит Феодарѣтъ Ростовской и Ерославской, да боярин княз Василей Васильевич Голицын, да околничей княз Данило Иванович Мезетцкой, да думной дворянин Василей Борисович Сукин, да думные дьяки Томило Луговской да Сыдавной Васильевъ. И послы пришли к королю под Смоленскъ и по наказу о королевиче били челом. И король по договору не учинил, и на чом гетман и полковники крестъ целовали, преступил, сына своего королевича ⁴ на Московское государство не дал, а в Москву ввел многих Полских людей и Смоленскъ взял взятьемъ. И Московского государства всякие люди, видя королевскую неправду, что Жигимонтъ король во всем нарушил крестное целованье и Московским государством хочет завладеть к Польше и к Литвѣ, (л. 574). почали збиратца по городом ъо всякими людьми воинскими, чтоб ⁵ имъ притить, и Московское государство очистить и Литву из Москвы выбить ⁶. Збиралис по городом: на Рѣзани збиралис Прокоѣй Ляпунов, в Колуге збиралис княз Дмитрѣй Тимоѣевич Трубѣтцкой, в Нижнем княз Олександръ Ондрѣевич Решнин. И ізо всех Замосковных городов служивые ⁷ всякие люди собрався пришли под Москву. А на Москвѣ в те поры были

¹ и кровопролитие б П2. ² люди *мѣтъ* П2. ³ пошли П2. ⁴ королевича *мѣтъ* П2. ⁵ Московское государство П2. ⁶ на Рязани П2. ⁷ служивые П2.

Литовскіе люди: Олександра Гасевской, да Збаровской, да Струс, да Зановской,¹ и іныя полковники и ротмистры со многими с Литовскими и с Неметцкими людьми.

И видя, что Московскіе люди начали под Москву збиратца, и на Страшной недѣле во вторникъ Москву в Бѣлом городе во многих местах зажгли, а роты стали по воротамъ и людей почали² побиват, а іныя грабить учали дворы, и Московское государство все выжгли, і в Китае ряды пограбили, и людей в Китае всех высекли и храмы Божіи разорили; (л.—об.) а в Кремле городе захватили патриарха Ермогена да бояр князя Ѳедора Ивановича Мстисловского с товарищи, а боярина княз Ондрѣя Васильевича Голицына убили по паученью³ Михаила Глебова да Ѳедки Ондронова. А под Смоленским корол Жигимонтъ Московского государства пословъ митрополита Ростовского Ѳеларѣта Никитича, и боярина княз Василья Васильевича Голицына, и княз Данила Ивановича Мезетцкого, и дьяка Томила, и дворян княз Якова Петровича Борятинского с товарищи сослал в Польшу.

А какъ собрався Московского государства всякше люди Москву осадили, и Полскіе люди ото всего рыцерства послали х патриарху Ермогену на Кириловское подворье полковника Казановского с товарищи, да бояр княз Бориса Михайловича Лыкова, да Михаила Глебова да дьяка Василья Янова, а велел⁴ патриарху говорить и бить челом, что⁵ он в полки к Московским людям отписал, і велел им с полки от города отступить, (л. 575) а они пошлют х королю послов, чтоб он по прежнему договору королевича на Московское государство дал вскорѣ; а учинить бы с Московскими людьми о том срокъ, в кою пору послы по королевича сходят. И патриархъ Ермоген в том отказал и говорил, что он их благословляет за Московское государство пострадать не токмо до крове, и до смерти, а их треклатых за неправду проклиняет. И Олександра Гасевской с товарищи святѣйшого патриарха Ермогена велели свестъ в Чюдов монастырь и уморить злою смертью, и на Божіи церкви и на люди⁶ пуще возьярились, и храмы осквернять, ставить лошеді, и на образех спать, а бояр теснить и людей побивать; а х королю послали в послех полковника, да княз Юрья Трубѣтцкого, да Михаила Глебова да дьяка Василья Янова⁷.

И того ж году под Москвою в полках возмутили казаки, учинили з дворяны рознь, воеводу Прокоевя Ляпунова убили.

(л.—об.) Лѣта 7120-го году стоял под Москвою с людьми боярин княз Дмитрѣй Тимоѣевич Трубѣтцкой и іныя воеводы у ворот⁸ по острошкамъ.

А в Нижней пришли Смольяне и іных городов служивые⁹ люди и, совѣтовав с Нижегородцы с выборным человеком с Кузмою Мининым,

¹ Казановской П2. ² учили П2. ³ На полях рукою конца XVII в.: „по научению Михаила Глѣбова сына Салтыкова“. ⁴ велели П2. ⁵ чтобъ П2. ⁶ и на люди нѣтъ П2. ⁷ На полях тою же рукою, что выше (см. прим. 3): „хотя написанъ Михайло Глѣбовъ, а онъ Михайло Глѣбовъ сынъ Салтыковъ“. ⁸ у воротъ нѣтъ П2. ⁹ служивые П2.

выбрали воеводу столника ¹ князь Дмитръя Михайловича Пожарского, и приход въ Ерославль, собрався с людми, пришли под Москву и стали таборомъ у Орбатцких и у Чертолских ворот.

Того ж году в августе приходил под Москву Литовской гетман пан Хоткѣвич со многими Полскими и Литовскими людми с конными и с пешими, и хотел в Москву провестъ запасы, и был с ним бой по два дни, и Божию милостью и Пречистые Богородицы ² и Московских чюдотворцов молитвами многих у него людей побили, в Москву не пропустили ³ и запасы у него поимали.

(л. 576) Лѣта 7121-го году бояре и воеводы и служивые ⁴ люди Китай город взяли приступомъ, а в Кремле городе Литовские люди здадас в ноябре. И Божиею милостию Московское государство от Полских и от Литовскихъ людей очистили.

Тое ж осени пошел был под Москву Полской и Литовской корол и с королевичем и со многими людми, и дошед до Волока, и слышал, что Московское государство Руские люди очистили, и Полских и Литовских людей всех поимали, и корол воротился и с королевичем в Польшу с великим срамом, и под Волокомъ и под Погорѣлым Городищем у него на приступѣх побили многих людей, а в городех отсидѣлис.

(л.—об.) Того ж 121-го году Московского государства митрополиты и архиепискупы и все освященный собор и бояре и дворяне и столники и головы стрелетцкие атаманы и казаки и всякие служилые ⁴ и земские люди, съѣхався изо всех городов всего Російского государства и прося у Бога милости и Пречистые Богородицы, и совет положили, что имъ на Московское государство Литовского королевича Владислава и Неметцкого королевича и из иных государствъ государя ⁵ не хотеть и не обирать; а обирает государя из Московских родов, ково Богъ дастъ.

И избрали быт на Московском государстве государем царем і великим князем всеа Русіи Михаила Ѳеодоровича Раманова Юрьева, по племяни прежних великих государей блаженные памяти великого государя царя Івана царицы Настасеи Рамановны внука, а блаженные памяти великого государя царя і великого князя Ѳеодора Ивановича всеа Русіи племянника. И послали бить челом на Кострому к великому государю царю і великому князю Михаилу Ѳеодоровичю всеа Русіи и к матери ево государственой к великой старице инокѣ Марѣе Ивановне в-Ѳлпатцкой монастырь, от ⁶ священного чину (л. 577) Резанского архиепискупа и архимаритов и игуменов, а от бояр и от всех служивых ⁷ людей боярина Ѳеодора Ивановича Шерѣметева, да князь Володимера Ивановича Бахтеярова Ростовского, да околничего Ѳеодора Васильевича Головина, а с ними столников и дворян и ото всехъ городов выбранных ⁸ людей, чтоб государь пожаловал шоль к Москвѣ.

¹ столника *итѣ* Пз. ² *вст.*: помощью Пз. ³ въ Москву не пропустили *итѣ* Пз. ⁴ служилые Пз. ⁵ государя *итѣ* Пз. ⁶ освященнаго чину Пз. ⁷ служилыхъ Пз. ⁸ выборныхъ Пз.

И по прошенію всего Московскаго государства пошел государь с Костромы въ Ерославль и стоял в Спаскомъ монастыре, а из Ерославля пошел к Москвѣ. А на Москвѣ бояре, совѣтовавъ с митрополитомъ и со всемъ освещеннымъ соборомъ, послали государя встречати отъ духовнаго чину архиепискупа Суздальскаго и архимаритовъ и игуменовъ, а бояръ князь Івана Михайловича Воротынскаго, да Василья Петровича Морозова, да околничего князь Данила Ивановича Мезецкаго, и дворянъ и столниковъ и ото всякихъ чиновъ людей. И встретили государя в Братошине. И пришел государь к Москвѣ мая въ день¹. И встречали государя за городомъ со кресты митрополитъ и все власти с освещеннымъ соборомъ, да бояре князь Ѳеодоръ (л.—об.) Ивановичъ Мстисловской, и все бояре, и околничіе и всякихъ чиновъ люди.

А зъ дороги государь отпустилъ на Тихвинъ воеводъ князь Семена Васильевича Прозоровскаго да Левонтья Ондрѣева сына Ватрака Вельяминова.

Того жъ году въ шюле венчался государь царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ всеа Русіи царскимъ венцемъ на Російское государство, а венчалъ государя митрополитъ Казанской Ееремъ. А осыпалъ государя бояринъ князь Ѳеодоръ Ивановичъ Мстисловской, а с царскою шапкою стоялъ бояринъ Иванъ Никитичъ Рамаповъ, а (съ) скипетромъ бояринъ князь Дмитрѣй Тимоѣевичъ Трубѣтцкой. По царской сан на Казенной дворъ ходилъ столникъ князь Дмитрѣй Михайловичъ Пожарской, а с Казеннаго двора шол с нимъ вмѣстѣ казначей Микиѳоръ Васильевичъ Траханиотовъ. А передъ царскимъ саномъ шол ко Пречистой бояринъ Василей Петровичъ Морозовъ.

(л. 578) А назавтрее царскаго поставленья былъ государь в Золотой полатѣ и пожаловалъ боярствомъ князь Івана Борисовича Черкаскаго, а сказывалъ ему бояринъ Василей Петровичъ Морозовъ. Того жъ дни пожаловалъ в бояре князь Дмитрѣя Михайловича Пожарскаго, а сказывалъ ему соколничей Гаврило Григорьевъ сынъ Пушкинъ; и Гаврило билъ челомъ государю на князь Дмитрѣя Пожарскаго, и государь указалъ, велелъ имъ быть бѣзъ мести.

Того жъ году послалъ государь воеводъ на Ивашка Зарутцкаго князь Івана Никитича Меньшого Одоевскаго, а с нимъ велелъ в сходе быти воеводамъ изъ разныхъ городовъ: исъ Переславля Рязанскаго Миронъ Вельяминовъ с людьми, с Тулы князь Григорѣй Тюѳякинъ, изъ Володимеря Иванъ Измайловъ, изъ Суздаля князь Романъ Пожарской. И они дошедъ подъ Воронежемъ Зарутцкаго побили.

Того жъ году велелъ государь быти в Белеве воеводе князю Ондрѣю Ондрѣевичю Хованскому. (л.—об.) А по вѣстемъ в сходе указалъ государь с нимъ быти воеводамъ изъ Мценска князь Иванъ Ондрѣевичъ Хворостининъ да князь Тимоѣй князь Юрьевъ сынъ Мещерской, исъ Колуги Василей Ортемьевъ Измайловъ.

Того жъ лѣта послалъ государь в свое поставленьѣ в Датскую землю къ Крестьянусу королю в послехъ князь Івана Михайловича Борятинскаго,

¹ *Далѣе разнотченія ркп. П2 не ош.ищечны.*

да с нимъ діака Гаврила Богданова да дву человекъ дворян Левонтья Карсакова да Семена Протопопова; и Левонтей на дороге разболелся, за морем не былъ. Да х цысарю крестьянскому посланников Степана Ушакова да Семена Заборовского. В Аглинскую землю послал государь къ Якубу королю Олексея Зюзина да дьяка Олексея Витохтова.

Того ж году посланы в Путимя княз Данило Иванович Долгорукой да княз Тимоѣй княж Юрьев сынъ (л. 579) Мещерской да головы с казаки Семен Михайлов сынъ Колтовской да Гаврило Чобышов; и они пришли в Путивльское городище, а Литва город и посады выжгли и пошли в свою землю. И после того на княз Данилово мѣсто Мезетцко-го велено быть князю Ѳедору Ондрѣвичю Елецкому да княз Тимоѣю Мещерскому; и княз Тимоѣй посылал бить челом, что ему менши княз Ѳедора быть невмѣстно.

Того ж году были воеводы по городом на украине і в Замосков-ных і в Низовых городех:

На Туле.....

В Колуге околичей Ортемей Васильевич Измайлов.

В Боровску Ѳедор Левонтьевич Бутурлин.

На Коломиѣ княз Шкита Петрович Борятинской.

(л.—об.) На Воронеже княз Василей Петрович Амануков.

На Ливнах Петръ Данилов сынъ Псленьевъ.

На Елце Ондрѣй Богданов сынъ Полев.

В Болхове Степан Меншиков сынъ Волынской.

В Курску Юрь Игнатьевъ сынъ Татищев.

В Белегороде Володимер Игнатьевъ сынъ Татищевъ.

На Осколе.

В Новѣгородкѣ княз Михайло Петрович Борятинской.

В Торопце княз Василей Иванович Турѣнини и на его мѣсто княз Олексеѣ Юрьевич Ситцкой.

В Можайску Микита Иванов сынъ Капустин Пащокин.

В Погорѣлом княз Юрь княз Ивановъ сынъ Шеховской.

(л. 580) Во Ржеве Иван Дмитрѣвич Заец Плещеев.

В Старице Семен Иванов сынъ Жеребцов.

В Торшку княз Михайло Васильевич Бѣлосельской да Иван Степа-новъ сынъ Урусовъ.

Во Твѣри княз Василей Раманович Борятинской.

В Кашине князь Володимеръ Иванович Шаня Масальской.

На Углече Ѳедор Иванов сынъ Погожей.

На Устюжне Железной князь Ондрѣй Васильевич Ситцкой.

Въ Ерославле князь Иван Ондрѣвич Хованской да околичей Се-мен Васильевич Головинъ.

На Вологдѣ княз Михайло Григорьевичъ Темкин Ростовской да Григорѣй Григорьевъ сынъ Пушкин.

(л.—об.) На Костромѣ княз Василей Раманович Пронской да Он-дрѣй Семенов сынъ Колычов.

У Архангельскаго Микита Михайлов сынъ Пушкин и на ево мѣсто прислан князь Петръ Иванович Пронской да Мосей Ѳедоров сынъ Глебовъ.

В Суздале Иван Иванович Салтыков.

В Володимерь Семен Гаврилов сынъ Коробьин.

В Нижнем воеводы боярин князь Володимерь Иванович Бахтеаров да Семен Глебов.

В Казани боярин князь Иван Михайлович Воротынской да князь Юрьи князь Петров сынъ Ушатай.

В Свияском Богдан Иванов сынъ Полев.

На Самарѣ князь Дмитрѣй Лопата князь Петров сынъ Пожарской.

На Уоѣ князь Борис Ондрѣевич Хилков да Перонлей Ивановъ сынъ Секеригъ.

(л. 581) Того ж лѣта сказано под Вязму Ѳедору Смердову сыну Плещееву да Исаку Семепову сыну Погожему. И Исакъ на Ѳедора билъ челом государю, что быти ему менши Ѳедора невмѣсно; и государь приказал у них бояромъ взяти случаи. И Исакъ случаи принесъ, а Ѳедор принесъ левшицы своей из родословца росписъ и случаи; а написалъ у себя Ѳедор по левшицѣ—от Даниловыхъ дѣтей Олександровича Плещеева. от большова сына, от Данилова от Бориса написалъ колено Плещеевыхъ Колодку Ивана и дѣтей ево и Очиныхъ. А от другова сына от Данилова от Ивана свое колено написалъ, отца своего Смерда Плещеева. И бояре велели выписать из государевыхъ родославца. И в государеве родославцѣ написано: у Данила Олександровича Плещеева три сыны: большой Борис, от того пошлѣ Болшие Плещеевы, Колоткины и Очины; а другой сынъ Иван Даниловичъ бѣздетен, от которова написались Смердовы дѣти Плещеевы, и от того родъ не пошолъ. А написаны в государеве в родословце от Ѳеовапа (л.—об.) от Ѳедорова сына Бяконтова, от которого пошли Ѳомины, Игнатѣвы, Болдырѣвы, а служили у властей и у митрополитов. А Погожихъ в родословцѣ не сыскали.—И бояре, слушавъ дѣла, приговорили и велели сказать Ѳедору Плещееву: мочно тебѣ быть болши Исака Погожева одного, потому что оне люди не родословные, дѣти боярские обышныя. И в Розряде велели записать, что Ѳедор Плещеев болши Исака Погожева одного. А сказано имъ 122-го году августа въ 5 день.

Того ж лѣта под осенъ послал государь воеводъ под Бѣлую столниковъ князя Дмитрѣя Мамстрюковича Черкаскаго да Михаила Матвѣевича Бутурлина; и они тем походомъ Вязму и Дорогобуж очистили и Белую взяли. И какъ под Бѣлою Михаила Бутурлина ранили, и на Михайлово мѣсто Бутурлина велел государь быть воеводе со князь Дмитрѣемъ Мамстрюковичемъ Черкасскимъ князю Ивану Ѳедоровичю Троекурову, и итить под Смоленскъ; да дьяку с ними быть Оеонасю Царевскому.

Лѣта 7122-го году въ сентябре

II.

По рукописи библиотеки Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ № 118/165. Варианты отмѣчаются изъ рукописей: а) собранія графа А. С. Уварова № 1503(604), обозначается У и б) собранія Императорскаго Эрмитажа (въ Императорской Публичной Библиотекѣ) № 389, обозначается Э; а также частью изъ ркп. гр. Н. П. Румянцева № 339, обозначается Р, № 341, обозначается Р2 и библиотеки Моск. Архива М. И. Д. № 396/848, обозначается Х.

(л. 273) Лѣта 7113-го году был у государя Аглинской посол, а царь был в царскомъ платьѣ в Золотой полатѣ. А рынды были: 1—князь Иван Михайловичъ Катырев; 2—князь Иван Семеновичъ Куракинъ; 3—князь Раманъ Троекуров; 4—князь Ѳедоръ Елецкой. И Елецкой билъ челом на Троекурова, и царь Борис челобитье ево велѣлъ записать ¹ в Розрядѣ. А встречал посла. А пристав был у посла..... Того ж дни у государя был посоль и ел; и государь велѣлъ смотрѣть: в большой стол князь Юрью Никитичю Трубецкому да князь Роману Троекурову; (л.—об.) в кривой стол велѣлъ смотрѣть князю Ивану Куракину да князю Ѳедору Лыкову. И князь Ѳедор Лыков на Троекурова билъ челомъ, и государь велѣлъ ему дати суд.

Тово ж году под осень посланы воеводы в полки на обмену большимъ воеводамъ: в большой полкъ во Мъценескъ на Михайлово мѣсто Борисовича Шеина Тимоѣѣй Семенов сын Пушкин; в передовой полкъ в Новосиль на князь Михаилово мѣсто Самсоновича Туренина князь Ѳедор князь Иванов сын Меринъ Волконской; в сторожевой полкъ на Орел на ² князь Иваново мѣсто Петровича Ромодановсково Ѳедоръ Онѣдрѣевъ сынъ Еропкинъ ³.

(л. 274) Того ж году учинилася вѣсть царю Борису, что назвался царевичемъ Дмитрѣемъ вор Гришка Отрепьев, розстрига из чернцов ⁴, а был во дьяконах; а идет на Северу, а с нимъ Полевские и Литовские люди, и воевода Сердомирской, да князь Вишневецкой со многими людьми. И по вѣстемъ послал царь Борис на подводехъ в Чернигов в осад боярина князь Никиту Романовича Трубецково да околничево Петра Ѳедоровича Басманова; и князь Никита Трубецкой и Петръ Басмановъ в Чернигов не пришли и сели в Новгородкѣ Северскомъ. Да в Новѣ ж городкѣ Северскомъ ⁵ были воеводы: Олексѣй Романович Плещеев, да

¹ Того ж году посланы воеводы под осень Р, Х. ² на князевомъ мѣсто Ромодановсково Э, У. ³ того же году в Новѣгородкѣ Сѣверскомъ Алексѣй Р, Х. ⁴ из черозов Э, У. Въ Арх. сперва было написано: изъ чернцов, а потомъ поправлено на: черозов. ⁵ Северскомъ нѣтъ Э, У.

князь Ѳеодор Ондръевичъ Звенигородцкой, да князь Яков Борятинъской, (л.—об.) да Ондръей Воейков, да Елизарей Бартенев ¹.

В Путимле были воеводы: околничей Михаило Михайловичъ ² Салтыков да князь Василей Михайловичъ Рубецъ-Мосалской.

В Курску князь Ѳеодор Тимоѳевич Долгорукой да князь Григорей князь Борисов сынъ ³ Долгорукой.

В Бѣлгороде воеводы князь Борис Михайловичъ Лыков, да Иванъ Микитичъ Салтыков да князь Ѳеодор Костентинов сынъ ⁴ Волконской. И Ивана Салтыкова велѣлъ государь взять къ Москвѣ, а на ево ⁵ мѣсто послан в Бѣльгород Гаврило Григорьев сынъ ⁶ Пушкин ⁷.

Да по тѣм же вестямъ послал царь Борис во Брянскъ воевод на три полки наперед больших воевод: (л. 275) в большомъ полку боярин князь Дмитръей Иванович Шуйской да князь Михаила Ѳеодоровичъ Кашин; в передовомъ полку околничей Иван Иванович Гудунов да князь Лука Щербатой; в сторожевомъ полку боярин Михаило Глебовичъ Салтыков да князь Ѳеодор Ондръевичъ Звенигородцкой. И князь Михаила Кашин билъ челом на ⁸ Михаила Салтыкова, и Михаилъ Салтыков сказал перед государем, што ему мошно быть менши князь Михаила Кашина; и государь то велѣлъ записать. — А князь Лука Щербатой билъ же челом на Михаила Салтыкова, и царь Борис ему отказал: что бьешъ челом не дѣлом.

Тово ж году послал царь Борис збирать дворянъ (л.—об.) и детей боярскихъ столников и стряпчих по городомъ, а наказы им даны особные:

Во Ржеву Володимерову князь Иван Буйносовъ-Ростовской да князь Ѳеодор Лыков.

На Тулу Олексѣй Романов сынъ Плещеевъ да Ондръей Полев.

В Переславль-Резанъской князь Иван Хилковъ.

В Мещескъ Ооонасей Пушкин да Василей Савиновъ сын Плещеевъ.

В Ряской Ѳеодоръ Волинской.

В Пронескъ Яков Зюзин.

И какъ Рострига стоял под Новым городкомъ под Северским, и царь Борис отпустил бояр и воевод на Сѣверу, а велел им быть по новой росписи по полком: в большом полку боярин князь Ѳеодор Иванович (л. 276) Мъстисловской да боярин князь Ондръей Ондръевичъ Телятевской; в передовом полку боярин князь Василей Васильевичъ Голицынъ да боярин Михаило Глѣбовичъ Салтыков; в правой руке боярин князь Дмитръей Иванович Шуйской да князь Михаило Ѳеодоровичъ Кашинъ; в сторожевом полку околничей Иван Иванович Гудуновъ да князь Михаило Самъсонович Туренин, и князь Михаило бил челом на Михаила Салтыкова; в лѣвой руке околничей Василей Петровичъ Морозов да князь

¹ Въ Бѣлгородѣ Р, X. ² вст.: Кривой Э, У ³ сперва было написано: Григорей Борисовичъ.—Борисовичъ Э, У. ⁴ сперва было написано: Костентиновичъ.—Костентиновичъ Э, У. ⁵ на Иваново Э, У. ⁶ сперва было написано: Григорьевичъ.—Григорьевичъ Э, У. ⁷ Григорьевича Пушкина. Во Брянске воеводы (см. ниже стр. 29, стр. 27) Р, X. ⁸ вст.: князь Э, У. Въ Арх. это слово зачеркнуто.

Лука ¹ князь Осипов сын Щербатой. А какъ пошли из Радонежского острошку бояре и воеводы, и Василью Морозову велено быть (л.—об.) в ряду, а на ево мѣсто в левую руку воевода Замятня Сабуров.—И бояре и воеводы сошлись с вором и бой у нихъ былъ под Новым городкомъ под Сѣверским, и на томъ бою ранили боярина князь Ѳедора Ивановича Мстисловского. И государь послал в большой полкъ боярина князя Василья Ивановича Шуйского; а какъ обмогъся бояринъ князь Ѳедор Иванович Мѣстисловской, и онъ был по старой росписи в большом полку, а с нимъ боярин князь Василей Ивановичъ Шуйской с прибылыми людьми; а писалися от государя грамоты о всякихъ дѣлахъ: ко князю Ѳедору Ивановичю Мѣстисловскому, да князю Василью да князь Дмитръю Ивановичемъ Шуйскимъ (л. 277) с товарищи. И был бой бояромъ и воеводам с вором с Ростригою в Комарицкой волости в Добрыничах, и на том бою вора побили, и многих людей у него поимали и парядъ взяли, а самъ вор ушел в Путимль с невеликими людьми. А с сеунчом от бояръ пригонял къ царю Борису Михаило Борисовичъ Шенн, и за тое службу послал государь къ бояром и воеводам и ко всей рати зъ золотыми князь Данила Ивановича Мезецково.

Тово ж году послал государь под Кромы воеводу Ѳедора Ивановича Шереметева; а в Карачев посланъ Олексѣй Романов сынъ Плещѣев да голова Меркуръ Безобразов. И тово ж году бояре и воеводы князь Ѳедор Иванович Мстисловской (л.—об.) да князь Василей да князь Дмитръй Ивановичи Шуйские ис Комарецкой волости пошъли под Кромы. А Ѳедору Шереметеву велено быть на Орлѣ. А в Шацкомъ велено быть для осаднова дѣла князю Ивану Ѳедоровичю Хованскому да ему ж велено вѣдать Касимов, и Елатму, и Темников и Кадамъ. В Ряскомъ велено быть для осады Юрью Григорьеву сыну ² Пилемову. Во Брянске воеводы князь Иван Жировой-Засекинъ да князь Иван князь Григорьев сынъ Звенигородцкой ³. На Туле велено быть для осады воеводе князю Ивану Семеповичю Куракину. (л. 278) На Михайлове для осады князю Данилу Ивановичю Мезецкому.

Тово ж году царя Бориса не стало после Велика дни, и царица Марья да царевич Ѳедор Борисовичъ велѣлъ быть ис-под Кром бояром к Москвѣ князю Ѳедору Ивановичю Мѣстисловскому, да князю Василью да князю Дмитръю Ивановичемъ Шуйскимъ.

А под Кромами были бояре и воеводы по полкомъ по новой росписи: в большом полку князь Михаило Петровичъ Катывев да бояринъ Петръ Ѳедоровичъ Басманов; в правой руке боярин князь Василей Васильевичъ Голицынъ да князь Михаило Ѳедоровичъ Кашинъ; (л.—об.) в передовом полку околичей Иван Ивановичъ Годунов да бояринъ Михаило Глѣбовичъ Салтыков; в сторожевом полку боярин князь Онѣдрѣй

¹ сперва было написано: Лука Осипович.—Осиповичъ Э, У. ² сперва было написано: Григорьевичю.—Григорьевичю Э, У. ³ того ж году в Белѣгородѣ воеводы князъ Григорей Шаховской да Осипъ Нащокинъ. Того ж году послан в Корѣлу (см. ниже, стр. 40, строка 19.). Р, X.

Ондрѣевичъ Телятевской да князь Михайло Самъсоновичъ Туренин; в лѣвой руке воеводы Замятня Ивановичъ Сабуров да князь Лука Щербатой.

Тово ж году под Кромами воеводы многие, и дворяне и дѣти боярские поѣхали к вору к Ростриге, а иные бояре и воеводы и дворяне поѣхали к Москвѣ.

А города Украйные все отложилися к вору, и вор пошел к Москвѣ. А воевод учинил у себя по полком: в большом полку князь Василей Васильевичъ Голицынъ (л. 279) да князь Борисъ Михайловичъ Лыков; в правой руке князь Иван Семеновичъ Куракинъ да князь Лука князь Осипов сынъ ¹ Щербатой; в передовом полку Петръ Ѳедоровичъ Басманов да князь Олексѣй Долъгорукой; в сторожевом полку. . . ; в левой руке..... И пошел на Тулу, а к Москвѣ послал ко кресту приводить дворян Гаврила Григорьева сына ² Пушкина да Наума Михайлова сына ³ Плещеева. И какъ припли к Москвѣ Гаврила да Наумъ, и на Москвѣ бояре, и околничіи, и дворяне, и столники, и стрягччіи, и жилцы, и всѣхъ чинов приказные люди, и гости и посадыцкие люди ему крестъ целовали.

(л.—об.) И какъ Ростриге вѣсть учинилася, что ему на Москвѣ крестъ всѣ целовали, и онъ с Тулы к Москвѣ послал боярина князя Василья Васильевича Голицына, да князь Василья Рубца-Мосалского да дьяка Богдана Сутупова, а велѣлъ цареву Борисову жену и сына еѣ царевича Ѳедора убить; и по его веленью их убили. А с Москвы встречали ево бояре князь Иван Михайловичъ Воротыннской, да князь Ондрѣй Ондрѣевичъ Телятевской, да околничей Петръ Пикитичъ Шереметев да думной дьяк Ооонасей Власьев; а с ними столники и дворяне большіи и изо всѣхъ чинов люди. И какъ вор пришел к Москвѣ, і венцем царским венчался.

(л. 280) И тово ж году послал воевод по городом: в Бѣльгород князь Данило Мезецкой, да головы Богданъ Сонцев да Олексѣй Губостой.

А наперед посланы были на время ис Путимля воеводы: в Бѣльгород князь Григорей Шеховской да Осип Налцокинъ.

В Царевъ-город Богданъ Сабуров, да князь Юрьи Приемков да головы Семен Малцов.

На Воудуйку Михаила Оксаков, да головы Ондрѣй Ржевской Вязметин да Сарыч Линевъ.

На Осколе Матвѣй Васильевичъ Бутурлинъ да голова Иван Безобразов.

Тово ж году велел Рострига у стола стоять князь Борису Михайловичю Лыкову да князь Юрью Дмитрѣевичю Хворостинину. (л.—об) И князь Юрьи на князь Бориса бил челом: царю государю и великому князю Дмитрѣю Ивановичю всеа Русні бьет челом холопъ твой ⁴ Юшка Хворостининъ. Велел ты, государь, мнѣ, холопу своему, стоять у стола со князем Борисом Лыковым, и мнѣ, холопу твоему, менши князь Бо-

¹ сперва было написано: Лука Осиповичъ.—Осиповичъ Э, У. ² сперва было написано: Григорьевича.—Григорьевича Э, У. ³ сперва было написано: Михайловича.—Михайловича Э, У. ⁴ холопъ твой нѣтъ Об., В.

риса Лыкова¹ быть не вмѣстно: по вашей царьской милости Лыковы с нами, холопи твоими, везде бывали безсловны, в мѣшних товарищи², и с теми, которые с нами, холопи твоими, живут, в пятых и в шестых; лучшей, государь, в родствѣ Оболенских и Лыковых боярин князь Юрьи Иванович Кашинъ менши былъ князя Петра Ѳедоровича³ Охлябинина многими мѣсты, а Охлябинины, государь, по вашей государьской милости с нами, холопи твоими, живут (л. 281) везде в товарищех. 7032-го году ходили воеводы к Козани в судех: в большом полку боярин князь Иван Ѳедорович Бѣлской, в правой руке⁴ въ других князь Петръ Ѳедоровичъ Охлябининъ в передовом полку в других князь Василей Елецкой, в лѣвой руке в других князь Василей Ушатой. А⁵ 40, государь, въ 9-м году князь Василей Чулокъ Ушатой больши былъ князь Ивана Прозоровского двѣма мѣсты: на Коломнѣ были воеводы—в большом полку боярин князь Ондрѣй Иванович (л.—об.) Шуйской, в правой руке другой князь Василей Васильевич⁷ Ушатой, в сторожевомъ полку в других⁸ Василей Борисов, в лѣвой руке въ других⁸ князь Иванъ Прозоровской. А (въ) 52-м году князь Иванов меншой брат родной князь Ѳедор Прозоровской больши (былъ) князь Юрьи Кашина: на Коломнѣ были воеводы по полком—в большомъ полку боярин князь Дмитрѣй Ивановичъ Бельской, в правой руке в других⁸ князь Ѳедоръ Ондрѣевичъ Прозоровской, в передовомъ полку в других⁸ князь Юрьи Ивановичъ Кашинъ. А князь Юрьи, государь⁹, Кашинъ князь Борисову дѣду (л. 282) князю Юрью князь Васильева сына Лыкова брат в третьемъ колене, в родстве своем по лестнице больши дѣда князь Борисова князь Юрья Лыкова. И по тем, государь, случаемъ князь Петръ Ѳедоровичъ Охлѣбининъ больши князь Борисова дѣда князь Юрья Лыкова семью мѣсты; а князь Борисов, государь, отецъ князь Михаилу у отца своего у князи Юрья другой сын, а внук, государь, князь Петровъ князь Василей Ондрѣевичъ¹⁰ Охлѣбининъ больши князя Бориса Лыкова семью мѣсты. А 79-м году князь Василей Ондрѣевичъ¹⁰ Охлѣбининъ менши былъ дяди моего родного князя Петра Ивановича Хворостинина: ходилъ¹¹ отецъ твой, государь, нашъ царь и великий князь Иванъ Васильевич всеа Русии против (л.—об.) недруга своего Крымского цари, а рынды были: з большим саадаком дядя мой родной князь Петръ Ивановичъ Хворостининъ—отцу моему боярину князю Дмитрѣю Ивановичю брат меншой; з другимъ саадакомъ князь Василей Ондрѣевичъ Охлѣбининъ. И по тем случаем дядя мой родной князь Петръ Иванович¹² больши князь Бориса Лыкова осмью мѣсты. А дядя, государь, мой родной¹³ князь Петръ Иванович к чюжему роду ровен брату моему родному князю Ивану Дмитрѣевичю Хворостинину¹⁴. И по темъ случаемъ я, холопъ твой Юшка, больши князь Бориса Лыкова

¹ вст.: Лыкова *нѣтъ* Об. ² товарищах Об., В. ³ Ивановича В. ⁴ руке 2 (т. е.: другой) князь Петръ В. ⁵ в левой руке другой князь Василей Чулок Ушатой В. ⁶ а 49-м году В. ⁷ вст.: Чулок В. ⁸ другой В. ⁹ государь *нѣтъ* В. ¹⁰ князь Ондре-евъ сынъ В. ¹¹ ходилъ *опущено* Об. ¹² *спрва было написано и потомъ зачеркнуто*: Ѳедоро... ¹³ мой родной *нѣтъ* В. ¹⁴ Хворостинину *нѣтъ* В.

шестью мѣсты.—50 ¹, государь, во 2-м году дѣдъ мой околничей князь Иван Михайлович Хворостинин болши (л. 283) был князь Юрѣя да князь Петра Дѣвух: в Галиче были воеводы—князь Петрѣ Дѣвѣ больши был князь Василья Щербатого; в Володимере были воеводы в большомъ полку боярин князь Иван Васильевич Шуйской, в передовомъ полку в других ² князь Иван Дѣв, в левой руке ⁴ князь Василей Щербатой ⁵ больши был князь Микиты Палецково; во Брянске да на Сѣвере были воеводы: в большомъ полку ⁶ царевичъ Ѳеодор Ардасовичъ ⁷ да Василей Онѣдрѣвич Шереметев, в сторожевомъ полку в других ⁸ князь Василей Щербатой, в лѣвой руке в других ⁸ князь Микита ⁹ Палецкой.—А ¹⁰ 60, государь, въ 4-м году князь Никитин меньшей (л.—об.) брат третьей князь Давыд Палецкой больши был князь Дмитрѣя Хилкова: на берегу были воеводы—в Серпухове князь Иван Ѳеодорович Мстисловской, в правой руке в других ⁸ князь Давыд Ѳеодоровичъ Палецкой, в передовом полку въ других ⁸ князь Дмитрѣй Иванович Хилков. 65 году князь Дмитрѣй Хилков больши был князь Ивана Кашива: на Коломнѣ были воеводы князь Иван Ѳеодорович Мстисловской, в правой руке другой князь Дмитрѣй Иванович Хилков, в передовом полку другой князь Иван Иванович (л. 284) Кашин. А ¹¹ 60, государь, въ 6-м году князь Иван Иванович Кашин больши былъ Василья ¹² Умново: какъ царевичъ ¹³ поворотил от украинны, и тогда ходили воеводы иза Мпенска по полкомъ: в большомъ полку боярин князь Михаило Иванович ¹⁴ Воротынъской, в передовом полку князь Иван ¹⁵ Кашин да Василей Умной. А 60, государь, въ 8-м году Василей Умной больши был Оеонасыя Колычова ¹⁶: в Дѣдилове ходили воеводы на Тулу ¹⁷—в большомъ полку боярин князь Олександръ Иванович Воротынской, в передовом полку Василей Иванович Умной ¹⁸ да Оеопасей Григорьевъ сынъ Колычев. (л.—об.) А 75-го году Оеопасей Колычов больши былъ князь Ивана Лыкова: в Смоленске бояре и воеводы—Петрѣ Васильевич Морозов, да князь Ондрѣй Татев, Оеопасей Колычов, князь Иван Лыков. А князь Иванъ Лыков ¹⁹ князь Борисову отцу родной большой братъ.—И по тем случаемъ дѣдъ мой околничей князь Иван Михайлович Хворостинин больши князь Борисова отца князь Михаила Лыкова многими мѣсты, а дѣда князь Борисова больши двунатцатью мѣсты; и по тем, государь, случаемъ я, холопъ твой Юшка, больши князь Бориса Лыкова деветью мѣсты.—А 85-м году отецъ мой боярин ²⁰ князь Дмитрѣй (л. 285) Ивановичъ Хворостинин больши был дяди князь Борисова князь Ѳеодора Лыкова: ходили воеводы под Колывань с норядом—в большом полку боярин князь Ѳеодор Иванович Мстисловской да Иван ²¹

¹ а 52-го дед мой В. ² вст.: по полком В. ³ другой князь Петрѣ Деев В. ⁴ вст.: другой В. ⁵ вст.: а 43-го году князь Василей Щербатой Об. В. ⁶ у царевича Ѳеодора Ардасовича Об. ⁷ Айдарович В. ⁸ другой В. ⁹ вст.: Ѳеодорович Об.; князь Ѳеодоров сынъ В. ¹⁰ а 64-м году В. ¹¹ а 66-м году князь В. ¹² Иванова сына Умного Колычова: какъ В. ¹³ государь В. ¹⁴ Иван Михайлович В. ¹⁵ вст.: Иванович В. ¹⁶ сперва было написано: Лыкова. ¹⁷ на поле Об., В. ¹⁸ вст.: Колычов В. ¹⁹ а князь Иван Лыковъ нѣтъ В. ²⁰ бояринъ нѣтъ В. ²¹ вст.: Васильевич В.

Шереметев, и какъ, государь ¹, Ивана Шереметева ранили ² под Колыванью, и на ево мѣсто велено быть Ѳедору Шереметеву; в правой руке въ других ³ на Ѳедорово мѣсто ⁴ отецъ мой боярин князь Дмитрѣй Ивановичъ Хворостинин, в сторожевом полку дядя князь Борисов князь Ѳедор ⁵ Лыковъ; а князь Ѳедор ⁶, государь, больши князя Борисова отца князя Михаила Лыкова четырма мѣсты. И по тому, государь, розряду отецъ мой князь Дмитрѣй (л.—об.) Ивановичъ Хворостинин больши князь Борисова отца князь Михаила Лыкова шестью мѣсты, а я, холопъ твой Юшка, больши князя Бориса Лыкова тремя мѣсты. А ⁷ 100, государь, въ 1-м году у князь ⁸ Дмитрѣя Пожарского суд был в отечестве со князь Борисом Лыковым, а искал, государь, князь Дмитрѣй Пожарской на отце ⁹ князь Борисова на князь Михаиле Лыкова своего отечества.—А князь Дмитрѣев, государь, прадед и ¹⁰ отецъ нигдѣ не бывали в ваших государьских ¹¹ чинех и в розрядах окромѣ городничества и городовых приказчиков, а вашею царскою милостью с нами, холопи твоими, нигдѣ не смешивались; а с которыми, государь, дѣдъ князь Дмитрѣев (л. 286) и дѣда ево братья бывали, и тех, государь, большая братья бывали з дѣдомъ с моим со князем Иваном Михайловичем Хворостинным по вашим царским розрядом. А ¹² 60, государь, 4-м году дѣдъ князь Дмитрѣев князь Ѳедор Пожарской менши был князь Ивана Ромодановского: въ Связскомъ были бояре и воеводы Иванъ Петрович Ѳедоров да князь Иван Ромодановской да в городничих дѣдъ князь Дмитрѣевъ князь Ѳедор Пожарской да Борис Шестаков. А князь Иван, государь ¹³, Ромодановской в родстве своем менши князь Онѣтона Ромодановского шестью мѣсты. А ¹⁴ 70, государь, 2-м году князь Онѣтон Ромодановской менши был дяди ¹⁵ моего околничева князь Ивана (л.—об.) Михайловича Хворостинина: в Колуге были ¹⁶ воеводы—в большемъ полку боярин князь Петръ Ивановичъ Микулинской, в сторожевомъ полку в первых дѣдъ мой околничей ¹⁷ князь Иван Михайлович Хворостинин, в передовом полку другой князь Онѣтон Ромодановской. И по тем, государь ¹⁸, случаем дѣдъ мой князь Иванъ Михайлович Хворостинин больши князя Борисова дѣда князь Юрья Лыкова многими мѣсты.—А ¹⁹ 60, государь, въ 6-м году князь Иван Пожарской менши ²⁰ Ивана Очина, а князь Тимоѣй Пожарской менши был князь Ивана Дашкова ²¹ тремя мѣсты: в Казани были воеводы—князь Олександръ (л. 287) Ивановичъ Воротынской, да Иванъ Иванович Очинъ-Плещеев, да князь Ондрѣй Засекин, да въ городовых приказниках дѣдъ князь Дмитрѣев князь Иван Пожарской да Михаило Одинцов; а въ Связскомъ, государь, городе были воеводы—князь Ондрѣй Ивано-

¹ государь *нѣтъ* В. ² убили В. ³ *вст.*: велено быть В. ⁴ Шеремѣтева отцу моему князь Дм—ю И—чю Хв—ну В. ⁵ *вст.*: князь Иванов сынъ В. ⁶ Лыков болши В. ⁷ а 111-го году В. ⁸ Бориса Лыкова... с князь Дмитреем Пожарскимъ В. ⁹ отце князь Бор—ве на князь Михаиле Лыкове В. ¹⁰ ни Об. ¹¹ царскихъ В, Об. ¹² а 64-м году В. ¹³ государь *нѣтъ* В. ¹⁴ а 72-м году В. ¹⁵ деда В. ¹⁶ по полком: в болшом В. ¹⁷ околничей *нѣтъ* В. ¹⁸ а 66-м году князь В. ¹⁹ *вст.*: был В. ²⁰ *сперва было написано, а потомъ зачеркнуто*: Ромодановского. ²¹ *вст.*: бояре и Об., В.

вичь Похтев ¹, да Иванъ Михайловичъ Воронцовъ, да князь Иванъ Дашковъ, да в городскихъ приказчикахъ дѣдъ князь Дмитръевъ князь Ѳедоръ Пожарской. И по темъ, государь, розрядомъ Иванъ Очинъ-Плещеевъ тремя мѣсты больши дѣдовъ князь Дмитръевыхъ Пожарскова, а князь Иванъ Дашковъ менши ² былъ Иванова брата меншова Микиты Очина-Плещеева ³ тремя мѣсты.—А 70-мъ, государь ⁴, году ⁵ князь Иванъ Дашковъ менши былъ Микиты Очина-Плещеева: (л.—об.) в Смоленске были бояре и воеводы Михайло Яковлевичъ Морозовъ, да Микита Васильевичъ Шереметевъ, да околичей Михайло Головинъ да Иванъ да Микита Очины-Плещеевы ⁶. А 60, государь, во 2-мъ году Иванъ Очинъ былъ менши дяди ⁷ моего князя Ивана Михайловича Хворостинина: а какъ ходилъ воевать князь Семенъ Микулинской Арской ⁸ стороны, и тогда посланы были воеводы отъ князя Семена Микулинскова: в большомъ полку дѣдъ мой околичей князь Иванъ Михайловичъ Хворостининъ, в сторожевомъ полку Иванъ Очин-Плещеевъ. И по темъ, государь, случаемъ, дѣдъ мой больши князь Ивана Пожарскова, (л. 288) а князь Иванъ и князь Тимоѳѣй больши братья дѣду князю Дмитръеву Пожарскому князю Ѳедору; а у князя, государь, Дмитръя Пожарского судъ былъ со княземъ Борисомъ Лыковымъ во 101-мъ ⁹ году—И по темъ, государь, случаемъ я, холопъ твой Юшка, больши князя Бориса Лыкова многими мѣсты.—Милостивый государь царь и великий князь ¹⁰ Дмитръей Ивановичъ всеа Русии! Пожалуй покажи милость, вели тѣ мои случаи и розряды сыскать по своимъ царскимъ розрядомъ и не вели, государь, у насъ холопей своихъ, отнять нашева отечества безъ суда. Царь государь смилуйся, пожалуй!

Тово жъ году июля въ 14 день былъ судъ в отечестве у Гаврила Григорьева ¹¹ сына Пушкина со княземъ Ѳедоромъ княземъ Ондръевымъ сыномъ ¹² Звенигородскимъ, а судилъ (л.—об.) бояринъ князь Ондръей Петровичъ Куракинъ, да дьякъ Иванъ Стрепшевъ да Петръ Лошаковъ; и таковыя случаи и счотныя памяти подаваны в судъ, а судъ былъ в воскресенье передъ Николинымъ ¹³ днемъ.

80, государь, 9-мъ году ¹⁴ ходили воеводы изъ Ржевы подъ Луки, а были по полкомъ: в большомъ полку Ѳома Ѳеонасьевичъ Бутурлинъ да Михайло Безпинъ, в передовомъ полку князь Ондръей Примков-Ростовской, в сторожевомъ полку князь Меркуръ Щербатой; а отъ государя ¹⁵ царя и великого князя Ивана Васильевича ¹⁶ всеа Русии грамоты писались: Ѳомѣ Ѳеонасьевичю ¹⁷ Бутурлину да Михайлу Безпину с товарищи. И по темъ, государь, случаемъ Михайло Безпинъ больши князь Ондръей Ростовского ¹⁸ Примкова (л. 289) и князя Меркура Щербатого. А я, холопъ твой Гаврилка, больши Михаила Безпина, да не токьмо Михаила Безпина,

¹ Ноготковъ Об., В. ² болши былъ Ивана меншова Очина брата Микиты Об. ³ Плещеева *нѣтъ* В. ⁴ государь *нѣтъ* В. ⁵ в Смоленску были В. ⁶ князь Иванъ Дашковъ. А 62-мъ году В. ⁷ деда В. ⁸ Абрской страны В. ⁹ во 111-мъ году В. ¹⁰ Борис Ѳедоровичъ всеа В. ¹¹ *сперва было написано*: Григорьевича.—Григорьевича Э, У. ¹² *сперва было написано*: Ѳедоромъ Ондръевичемъ. ¹³ Ильинымъ Об., В. ¹⁴ 89-го году В. ¹⁵ грамоты писались В. ¹⁶ *сперва было написано*: Михайла Ѳедоровича. ¹⁷ Ѳеонасьевича *нѣтъ* В. ¹⁸ Ростовскова *нѣтъ* В.

вашею царьскою милостью я, холопъ твой Гаврилко¹, больши большова брата² Михаила³ Безнина Романа Олѣерьева⁴.—Брат, государь, мой Остаеѣй Пушкин вашею царьскою милостью больши был Романа Олѣерьева: 80. государь, въ 6-м году посылалъ царь государь и великий князь Иван Васильевичъ всеа Русіи в Резицу по поряд воевод своих князя Ондрѣя Репнипа, да брата моего Остаеѣя Пушкина да Романа Олѣерьева; а наказ, государь⁵, и грамоты и розписи⁶ от государя посылались⁷: ко князю Ондрѣю Репнину, да⁸ Остаеѣю Пушкину да Роману Олѣерьеву. А по тем, государь, случаемъ брат мой Остаеѣй⁹ больши Романа Олѣерьева¹⁰.—А Михаила, (л.—об.) государь, Безнина вашим царскимъ жалованьемъ был больши брат мой Иванъ Пушкинъ: 80¹¹, государь, въ 5-м году были воеводы в Немецкой земли, а были¹² по росписи по полкомъ: в большомъ полку воевода князь Тимоѣѣй Романовичъ Трубецкой, в передовомъ полку воеводы¹³ князь Иван Ивановичъ Голицын, да братъ мой Остаеѣй Пушкин да Михаила Безнинъ, в сторожевомъ полку воеводы¹⁴ князь Иван Туренинъ да брат мой Иван Пушкин. И по тому, государь, розряду вашею царьскою милостью¹⁴ брат мой Иванъ Пушкин больши Михаила Безнина, а Михаилу Безнинъ больши князя Меркура Щербатого.—А¹⁵ князь Меркура Щербатого меншей¹⁶ брат князь Василей Щербатой многими мѣсты (л. 290) больши большова¹⁷ родново князя Ѳедорова брата князя Василья Звенигородцова: 90¹⁸, государь, 2-м году были ваши государевы послы на съѣзде на Литовскомъ рубеже с Литовскими послы¹⁹: окольничей князь Ѳедор Михайловичъ²⁰ Троекуров, да Володимер Васильев сынъ Головинъ, да князь Ондрѣѣй князь Дмитрѣев сынъ Звенигородцкой²¹, да дѣяки Ооонасей Демьянов да Сапун Обрамовъ²². И по тому, государь, случею князя Ѳедора Звенигородцкого большой²³ брат князь Ондрѣѣй²⁴ князь Дмитрѣевъ сынъ Звенигородцкой менши Володимера Васильева сына Головина, а Володимер, государь, Головин в своем родстве менши брата своего Михаила Иванова сына Головина. А Михаилу, государь, Иванов сын Головин (л.—об.) вашим царским жалованьемъ²⁵ менши брата моего Ивана Пушкина: 85-м²⁶ году были²⁷ ваши государевы воеводы в Немецкой земли, а были по росписи по полкомъ: в большомъ полку воеводы²⁸ князь Тимоѣѣй Романович Трубецкой, да князь Михаилу Тюеякин да Михаилу Иванов сынъ Головин; в сторожевомъ полку князь

¹ я, холопъ твой Гаврилко, *нѣтъ В.* ² Михайлова брата Романа *В.* ³ Михайлова Э, У. ⁴ 86-м году посылалъ *В.* ⁵ государь *нѣтъ В.* ⁶ и росписи *нѣтъ В.* ⁷ писались *Об., В.* ⁸ вст.: к брату моему *Об., В.* ⁹ вст.: Пушкинъ *В.* ¹⁰ сперва было написано: Олѣерова, и потомъ исправлено на: Олѣерьева *Об.* ¹¹ 85-м году *В.* ¹² а были *нѣтъ В.* ¹³ воеводы *нѣтъ В.* ¹⁴ вашею царскою милостью *нѣтъ В.* ¹⁵ а князь Меркура Щербатого *нѣтъ Об.* ¹⁶ а меншой, государь, братъ князь Меркуловъ князь Василей *В.* ¹⁷ большова *нѣтъ В.* ¹⁸ 92-м году *В.* ¹⁹ съ Литовскими послы *нѣтъ В.* ²⁰ князь Михайлов сынъ *В.* ²¹ и по тому, государь, случаю *В.* ²² Абрамовъ *Об.* ²³ больши *Об.* ²⁴ Ондрѣевъ *Об.;* Ондрей менши Володимера Головина. А Михаилу, государь, *В.* ²⁵ вашимъ царскимъ жалованьемъ *нѣтъ В.* ²⁶ 80-м *Об.* ²⁷ были воеводы в Немецкой землѣ по росписи по полкомъ *В.* ²⁸ воеводы *нѣтъ В.*

Иван Туревин да братъ мой Иван Пушкинъ. И по тому, государь, розряду вашею царскою милостью ¹ братъ мой Иван Пушкинъ больши Михаила Иванова сына Головина ².—(л. 291) Лѣта 7084-го году посылал государь ³ царь и великий князь Иванъ Васильевичъ всеа Русии брата моего Ѳедора Олександрова сына Пушкина да князь Меркура князь Олександрова сына Щербатого на Рязань для государь ⁴ (sic) своего дѣла, а ваш царской ⁵ наказъ и грамоты писаны брату моему Ѳедору да князь Меркуру ⁶ Щербатому ⁷; и наказ и грамоты государевы на князь Меркура Щербатого и ныне у нас ⁸. Лѣта 7089-го году посылал государь царь и великий князь Иванъ Васильевичъ всеа Русии в Литву воеводъ своих: в большом полку князь Михайло Петровичъ Катырев-Ростовской, в правой руке ⁹ Иван Михайловичъ Бутурлинъ да князь Меркуръ князь Олександров сын Щербатой, (л.—об.) в передовом полку ¹⁰ Роман Бутурлинъ да князь Михайла князь Васильев сын Ноздреватой. И по тому, государь, розряду князь Михайло Ноздреватой менши князь ¹¹ Меркура Щербатого. А князь Михайло, государь ¹², Ноздреватой по вашим царским розрядомъ и по своему родству больши князь Ѳедора князь Ондрѣва сына Звенигородского пятью мѣсты ¹³.—Лѣта 7092-го году князь Михайло Ноздреватой был больши родново князь Ѳедорова большова брата князь Василья князь Ондрѣва сына Звенигородского: были воеводы по ¹⁴ Украиним городом—в большом полку на Туле боярин князь Тимоѣй Романович Трубецкой да князь Василей (л. 292) князь Ондрѣвъ сынъ Звенигородской, в передовом полку в больших на Дѣдилове князь Михайло ¹⁵ Ноздреватой. И по тому, государь, розряду князь ¹⁶ Василей менши князь Михайла Ноздреватого, а князь Михайло, государь, Ноздреватой менши князь Меркура Щербатого; а князь Меркуръ, государь ¹⁷, Щербатой менши был ¹⁸ брата моего Ѳедора Олександрова сына Пушкина ¹⁹.—Лѣта 7112-го году были на Москвѣ Кизылбаские послы, и въ приставех у пословъ был князь Ѳедор князь Ондрѣвъ сынъ Звенигородской; а ис полаты вѣстреча первая была послом: князь Михайло князь Михайлов сынъ Путятин. И по тому случаю князь Михайло Путятин (л.—об.) больши был ²⁰ князь Ѳедора Звенигородского. А ²¹ 100, государь, въ 9-м году на Ливне князь Михайло Путятин был менши брата моего Ивана Пушкина ²².—Лѣта 7113 году были воеводы во Брянске князь Иванъ князь Ѳедо-

¹ вашей царскою милостью *мѣтъ В.* ² 84-го году посылал *В.* того же году 84 посылал *Об.* ³ брата моего *В.* ⁴ для своего государева дѣла *Об.*, *В.* ⁵ государьской *В.* ⁶ и наказ и грамоты государевы на князь Меркула и нынѣ у нас *В.* ⁷ и ныне у насъ *Об.* ⁸ 89-го году посылал государь в Литву воевод своих *В.* того же году 89 послал *Об.* ⁹ другой князь Меркул Щербатой *В.* ¹⁰ другой князь Михайло *В.* ¹¹ *сперва было написано и потомъ зачеркнуто:* государь *Арх.*; государь *Э, У.* ¹² государь *мѣтъ В.* ¹³ 92 году князь *В.*; того же году 92 князь *Об.* ¹⁴ на украине по полком: в болшом *В.* ¹⁵ *ост.:* князь Васильевъ сынъ *Об.*, *В.* ¹⁶ князь Михайло Ноздреватой больши князь Василья Звенигородского, а князь Михайло Ноздреватой менши князь Меркула *В.* ¹⁷ государь *мѣтъ В.* ¹⁸ былъ *мѣтъ В.* ¹⁹ того же году 112 году были *Об.*; 112 году были *В.* ²⁰ былъ *мѣтъ В.* ²¹ а 113-го году были воеводы *В.* ²² того же году 113 были *Об.*

ров сынъ Жировой-Засекинъ да князь Иванъ князь Григорьевъ сынъ Звенигородцкой. И по тому, государь, розряду князь Иванъ Звенигородцкой менши князь Ивана Жирового ¹ Засекина. А князь Иванов братъ родной большой князь Олександра ² Жировой-Засекин был менши князь Василья князь Григорьева сына Щербатого: 91-го году были воеводы по росписи по ³ Украиннымъ городом, стояли по полкомъ: в большом полку князь Ѳедор ⁴ Ноготков ⁵ да князь (л. 293) Иванъ Ромодановской, в передовом полку князь Михаило Туревин, в сторожевом полку князь Василей Щербатой да князь Олександра Жировой-Засекин. И князь Василей, государь ⁶, Щербатой ⁷ по вашимъ царскимъ розрядомъ и по своему родству менши князь Меркурья Щербатова тремя мѣсты, а князь Меркуръ, государь ⁸, Щербатой ⁹ вашею царскою милостью менши брата моего родново ⁹ Ѳедора Олександрова сына Пушкина, 84-го году и наказъ и грамоты ¹⁰ на князь Меркура и ныне у нас ¹¹.—Лѣта 7092-го году были воеводы в Украинныхъ городех, а были по полкомъ по росписи: в большом полку на Туле боярин князь Тимоѳей Романович Трубечкой да князь Василей (л.—об.) князь Ондрѣевъ сынъ Звенигородцкой ¹², в передовомъ полку князь Михаило Ноздроватой, в сторожевомъ полку князь Иванъ князь Ондрѣевъ сынъ Сонцов-Засекин. И по тому, государь, розряду князь Иванъ Сонцов ¹³ был болши болшово роднова брата князя Ѳедорова Звенигородцкова князь Василья князь Ондрѣева сына Звенигородцкова.—А князь Иван, государь ⁶, Сонцовъ был менши князь Василья Тюеякина ¹⁴. Лѣта 7097-го году были в Асторохани боярин и воеводы князь Ѳедор Михайлович Троекуров да князь Василей Тюеякин, а головы с ними писменные ¹⁵: князь Иван князь Ондрѣевъ сынъ Сонцов-Засекин. И по тому случаею князь (л. 294) Иванъ Сонцов менши князь Василья Тюеякина. Да тово ж году князь Василей Тюеякинъ был в Асторохани менши Михаила Иванова сына Вельяминова: от государя ¹⁶ царя и великого князя Ѳедора Ивановича всеа Русии писались грамоты—боярину и воеводамъ князю Ѳедору Михайловичю Троекурову, да Михаилу Вельяминову да князь Василью Тюеякину.—А брат, государь ⁶, мой Левонтей Пушкин вашею царскою милостью ¹⁷ болши был болшово роднова Михайлова брата Вельяминова ¹⁸ Аеонасыя Иванова сына Вельяминова: 92-м году послалъ государь царь и великий князь Иванъ Васильевичъ всеа Русии в Кашин збирать дворян и детей боярскихъ брата моего Левонтья Пушкина да Оеонасыя (л.—об.) Иванова сына Вельяминова да Еремѣя Пивова; а наказ, государь ¹⁹, и грамоты писаны къ

¹ Жирового *нѣтъ* В. ² *вст.*: князь Ѳедоровъ сынъ . ³ на украине по полкомъ В. ⁴ *вст.*: Ондрѣевичъ Об. ⁵ въ сторожевомъ полку В. ⁶ государь *нѣтъ* В. ⁷ менши князь Меркула Щербатова В. ⁸ менши был брата моего Ѳедора В. ⁹ родново *нѣтъ* Об., В. ¹⁰ у нас. 92-м году были воеводы на украинѣ по росписи по полкомъ В. ¹¹ того же году 92 были воеводы Об. ¹² въ сторожевомъ полку В. ¹³ болши роднова брата князь Ѳедорова князь Василья Звенигородцкова; а князь Иван В. ¹⁴ 97-го году были в В; того же году 97 были в Об. ¹⁵ писменою Об., В. ¹⁶ писались грамоты ко князю Ѳедору Троекурову, да Михаилу В. ¹⁷ вашею царскою милостью *нѣтъ* В. ¹⁸ Вельяминова *нѣтъ* В. ¹⁹ государевъ Э, У; государь *нѣтъ* В.

брату моему Левоньтью ¹, да Оеонасыю Вельяминову да къ Еремѣю Пивову. И по тому, государь, розряду князь Василей Туюякинъ менши Михаила Иванова сына Вельяминова, а Михайлов ² родной брат большой Оеонасей ³ Иванов сынъ Вельяминов менши брата моего Левоньтья Пушкина; и наказ и грамоты, государь ⁴, и ныне у нас на брата ево на Михайлова большова на Оеонасыя Вельяминова ⁵.—Лѣта 7088-го году были твои ⁶ государевы воеводы в Смоленску: князь Данило Ондрѣевич Нохтев, а брат мой Остаѣй Пушкин был в то время (л. 295) в Смоленске же; да въ Смоленске ж, государь ⁷, был воевода Игнатей Блудов менши брата моего Остаѣя Пушкина. И ⁸ воеводу Игнатѣя Блудова на вашей государьской ⁹ службе в Смоленске убили Литовские люди, а на Игнатѣево мѣсто Блудова присланъ в Смоленскъ ¹⁰ Романъ Григорьевъ сынъ Плещеев; и Роман Плещеев менши брата моего Остаѣя в Смоленске был и на брата моего Остаѣя не бивал челом и по смерть по свою. И по тому, государь, случею Романъ Плещеев менши брата моего Остаѣя Пушкина. А Романов, государь ⁷, сынъ Олексѣй Плещеев ¹¹ болши был князь Ѳедора ¹² князь Ондрѣева сына Звенигородцкова в нынешнем, государь ⁷, во 113-м году в Новегородке Северскомъ. И по тем, государь ¹³, по всем случаем мошно (л.—об.) мнѣ, холопу твоему Гаврилку, болши быть князь Ѳедора Звенигородцкова многими мѣсты.—Да подал, государь, память князь Ѳедор Звенигородцкой, а въ памяти ¹⁴ своей пишет, государь ¹³, ложно, буттося брат мой Остаѣй ¹⁵ во Пъскове у норяду был менши князь Захарья Сугорсково ¹⁶: менши не бывал, а был, государь, брат мой Остаѣй воевода во Пъскове в товарищех з боярином с Петром Васильевичем ¹⁷ Морозовымъ у поряду, а князь Захарей, государь ¹³, Сугорской да Ѳедор Писемской были у посохи. Да в п(ам)яти же своей князь Ѳедор написал, буттося у Остаѣя со князем Захарьемъ и суд был. И милость, государь, покажи нам ¹⁸, холопом своимъ, вели сыскати Остаѣевы челобитные (л. 296) и случей, и в том шлемся ¹⁹ на свои челобитные, что у нас суд не бывал; а ваши царьские суды безъ челобитных и без случаев не живут. А по случаем, государь, князь Ѳедор самъ менши князя Захарья Сугорсково.—88-м ²⁰ году были, государь, ваши государевы воеводы во Ржеве Володимеровой: в большомъ полку боярин ²¹ князь Семен Данилович Пронской, в правой руке другой князь Меркуръ Щербатой, в левой руке большой ²² князь Ондрѣй Приемковъ да князь Захарей Сугорской. И князь Захарей ²³, государь, Сугорской, билъ челом ²⁴ на князь Ондрѣя Приемкова, и государь царь ²⁵ князь Захарью

¹ вст.: Пушкину В. ² вст.: государь Об. ³ менши был брата моего В. ⁴ государевы и нынѣ у нас. 88-го году были В. ⁵ того же году 88-м были воеводы Об. ⁶ ваши Об., В. ⁷ государь *нѣтъ* В. ⁸ и Игнатѣя Блудова в Смоленску В. ⁹ государь Об. ¹⁰ вст.: воевода В. ¹¹ Плещѣевъ *нѣтъ* В. ¹² Андрѣя У. ¹³ государь *нѣтъ* Об., В. ¹⁴ вст.: государь Об. ¹⁵ вст.: Пушкинъ В. ¹⁶ вст.: и Остаѣй, государь, князь Захара Сугорсково Об., В. ¹⁷ Васильевичемъ *нѣтъ* В. ¹⁸ над холопи своимъ Об., В. ¹⁹ шлюся Об., В. ²⁰ 88-м году были воеводы во Ржеве Володимерове В.; 80, государь, во 8-м году были ваши Об. ²¹ бояринъ *нѣтъ* В. ²² первой В. ²³ бил челом В. ²⁴ вст.: в отечествѣ В. ²⁵ царь *нѣтъ* В.

пожаловал, на князя Ондрѣя Приимъкова ¹ прислал невмѣсную грамоту. И по тому, государь ², случею князь Захарей Сугорской ³ (л.—об.) мѣстник князю Ондрѣю Приимкову, а князь Меркура, государь, и князь Василья Щербатовых по тому случею князь Захарей Сугорской по вашей царьской ⁴ грамоте больши. А князь Василей, государь, Щербатой был больши ⁵ брата князя Василья Звенигородцкого: были посланы в Смоленескъ для городского дѣла околничей Иван Михайловичь Бутурлинъ, да князь Василей да князь Иван Щербатые, да князь Ѳедор Звенигородцкой ⁶ большой брат князь Василей Звенигородцкой; и Ивану, государь ⁷, Бутурлину велено быть на Ливнах для съезду Крымских полков ⁸ (sic), а после Ивана был воевода у ⁹ городского дѣла князь Василей Щербатой, да князь Иван Щербатой же, да князь Василей Звенигородцкой. (л. 297) И по тому, государь, случаю и болшой брат князь Ѳедор ¹⁰ менши князь Захарья Сугорсково. А брат, государь ¹¹, мой Остаеѣй ¹² менши князь Захара Сугорсково не бывал, а был Остаеѣй з боярином с Петром Васильевичем Морозовым, и ваша царская грамота прислана к Остаеѣю брату, а велено Остаеѣю ¹³ быти во Пскове у норяду з боярином с Петром ¹⁴ Васильевичем; и та грамота и ныне у нас.—Да подал, государь ⁷, князь Ѳедор память, бутгося брат мой Иван Пушкинъ ¹⁵ менши Якова Наумова, што брат мой Иван был в ловчих, а Яков Наумов бутгося был в сокольничих; и брат ¹⁶ мой Иван был ¹⁷ государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии ¹⁸ милостью в ловчих пожалован с путем, а Якову, государь, Наумову было сокольничей приказано ¹⁹ в приказ, а сокольничим ²⁰, государь, Якову (л.—об.) не написывалося ²¹ и сокольничим ²² Яков у вас, государей, был не пожалован. И в том, государь, шлюся из виноватых на вашъ царьской чинъ.—Да послал, государь, память князь Ѳедор Звенигородцкой, а в памяти своей пишет, бутгося Дмитрѣй Шеериков Пушкин мнѣ по родству большой братъ. И мнѣ, холопу твоему Гаврилку, Дмитрѣй Шеериков Пушкин по родству ²³ мал и розошлися мы в родстве своемъ ²⁴ з Дмитрѣемъ подолеку. И Дмитрѣемъ ²⁵, государь, ²⁶ я, холопъ твой, ни прав, ни виноват быть не хочу, потомучто Дмитрѣй Шеериковъ Пушкин служит с велика Новагорода; а ваша царьская милость к нам ²⁷, холопемъ вашимъ, ко всѣмъ, которые города ²⁸ из великова Новагорода служили, (л. 298) а по ²⁹ которым случаемъ и будет бывал гдѣ с теми дворяны, которые присланы от вашево царьсково лица, и по вашей царьской милости тѣхъ случаев в дѣла не ставливали, нашол онъ и потерял собѣ да своим родителем, которые служат по Новугороду ³⁰, а не

¹ Приимкова *нѣтъ Об.*, В. ² государь *нѣтъ В.* ³ Сугорской *нѣтъ Об.*, В. ⁴ *вст.*: милости и по В. ⁵ *вст.*: во 109-м году князя Ѳедорова (Ѳедора В.) болшова Об., В. ⁶ Ѳедора Звенигородцова Об., В. ⁷ государь *нѣтъ Об.*, В. ⁸ послов В. ⁹ для В. ¹⁰ Ѳедоров В. ¹¹ государь *нѣтъ В.* ¹² *вст.*: Пушкинъ Об., В. ¹³ *вст.*: брату В. ¹⁴ Морозовым В. ¹⁵ *вст.*: был В. ¹⁶ *вст.*: государь Об. ¹⁷ *вст.*: у Об., В. ¹⁸ *вст.*: ево государевою В. ¹⁹ приказана Об., В. ²⁰ соколничеем Об. ²¹ не писывалося Об., В. ²² соколничей, государь, Яков у вас В. ²³ *зачеркнуто*: мнѣ Арх.; *вст.*: мнѣ Об., В. ²⁴ своемъ *нѣтъ Об.*, В. ²⁵ я ни правни В. ²⁶ *вст.*: Шеериковъ Об. ²⁷ к намъ *нѣтъ В.* ²⁸ роды В. ²⁹ по *нѣтъ В.* ³⁰ в Новѣгородке были воеводы Об., В.

нам. А мы, государь, Новгородцами ни правы, ни виноваты быти не хотим, и ими не считаемся, а считаемся мы своею лѣствицею.

Того ж году Рострига велел быть у себя царю Семиону Бекъбулатовичю, а послал к нему на подворье князь Григорья Долгорукова Росцю, и велено ему с царем Семионом ехать в городъ; а пристав был у царя Семень Олеерьев. Встреча была первая: окольникей Михаило Борисовичъ Шеинъ да князь Александръ Жировой; (л.—об.) 2 встреча— боярин Ондрѣй Олексанъдрович Нагой ¹ да окольникей князь Дмитрѣй Васильевичъ Туренин.

Тово ж году в Новегородке в Северскомъ были воеводы: Олексѣй Романов сынъ Плещеев да князь Ѳеодор князь Ондрѣев сынъ Звенигородской.

На Ливнах боярин и воевода князь Петръ Иванович Буйносов.

Того ж году какъ Рострига пришол к Москвѣ, послал в великий Новгородъ воевод боярина князь Михаила Петровича Катырева-Ростовского да Ивана Никитича Салтыкова.

В-Ывангород боярина Михаила Глѣбовича Салтыкова да князь Ѳеодора Петровича Борятинского.

(л. 299) В Корелу думного дворянина Ивана Михайловича ² Пушкина да Михаила Борисова сына Боборыкина ³.

Тово ж году были воеводы по городомъ: в Переславль Резаньской князь Иван Жировой-Засекинъ да голова...

В Пронескъ князь Иванъ Шалкин-Мезецкой.

На Михайлов князь Юрьи Мещерской.

На Туле.....

В Курске князь Конъдратей Щербатой, а инде пишет: князь Григорей Шеховской да голова Богдан Глѣбов.

В Асторохани воеводы окольникей князь Иван Дмитрѣевич Хворостинин да Ѳеодор Чюдин Окинофевъ.

(л.—об.) Тово ж году велел Рострига воеводам быть на Резани: в Переславле-Резанскомъ Ѳеодор Левонтьевич Бутурлинъ да Тимоѳей Семенович Пушкин. На Михайлове—князь Юрьи Мещерской да Ѳеодор Михалков. В Пронску князь Иван Мезецкой да Иван Биркинъ. В Рясском князь Семен Вяземской да Иван Язвцовъ. И Тимоѳей Пушкинъ билъ челом на князь Юрья Мещерского, да на князь Ивана Мезецкова да на князь Семена Вяземского о мѣстех; и къ Тимоѳею послана ⁴ на них невмѣстная грамота за приписью думного дьяка Ивана Стрѣшнева ⁵.

(л. 302) Лѣта 7114-го году были воеводы по городомъ: в Цареве Борисове городе бояринъ Михаило Богдановичъ Сабуровъ, да князь Юрьи Данилович Приимков да голова Семень Малцов.

В Белѣгородѣ князь Данило Ивановичъ Мезецкой, да головы: Богданъ Сонцов да Олексѣй Губостой. И князь Данилу из Белагорода ве-

¹ *Сперва было написано и потомъ зачеркнуто:* Жировой Арх. ² Борисова сына Боборыкина У. ³ лѣта 7114-го году на Ливнахъ (с.м. стр. 41, стр. 3) Р, X. ⁴ *сперва было написано и потомъ зачеркнуто:* писа(на) Арх. ⁵ листы 300 и 301 чистые въ Арх.

лено быть к Москвѣ, а в Белегороде велено быть с Ливны боярину князь Петру Ивановичю Буйносову-Ростовскому; а головы с ним были тѣже.

А на Ливне велено быть на князь Петрово мѣсто Буйносова воеводам Олексѣю Плещееву да князь Дмитрѣю Мосалскому¹.

В Курску князь Григорей Шеховской да голова Богдан Глѣбовъ. (л.—об.) Того ж году послал Рострига в Литву посланъникомъ Ивана Безобразова для Маринки Сендомирсково дочери.

Того ж году на украине были воеводы по полком: в большомъ полку в Новосиль бояре князь Иван Ивановичъ Шуйской да князь Михаилло Федоровичъ Кашиц; в передовом полку околничей Михаилло Борисовичъ Шениъ да князь Василей Долгорукой; в сторожевом полку князь Иван Ондрѣевичъ Хованской да князь Олексѣй Долгорукой, и на князь Олексѣево мѣсто прислан князь Иван Борятинской.

Того ж году какъ шла Маринка Юрьева доч Сендомирсково из Литвы к Ростриге к Москвѣ, (л. 303) и Рострига послал еѣ встречать в Смоленскъ бояр Михайла Олексѣандровича Нагово, да князь Василья Михайловича Рубца-Мосалсково да из Дворца дьякъ Василей Нелюбов. А какъ Маринка Сендомирсково дочь пришла к Москвѣ весною, и Рострига на ней женился того ж мѣсяца мая въ день против Николина дня в четвергъ. И бояре и всяких чинов люди Московского государства, видя от Ростриги поруганье православной крестьянской вѣре, и того ж году мѣсяца мая въ день на Москвѣ бояре и вся земля, совѣтовавъ, Ростригу убили, потому что учал розоряти православную крестьянскую вѣру; да с Ростригою же убили (л.—об.) боярина Петра Федоровича Басманова и Литовскихъ людей многих побили и дворы розграбили.—А после Ростриги обрали на Московское государство царем і великим князем боярина князь Василья Ивановича Шуйсково. И царь Василей Ивановичъ всеа Руси тово ж году мѣсяца въ день венчался царскимъ венцем; а бояре были в чинех всѣ без мѣсть².

(л. 304) Того ж году послал царь Василей воевод по городом: в Смоленскъ боярин князь Иван Семеновичъ Куракин, да князь Василей Ондреевичъ Звенигородцкой да дьякъ Иван Бунаков.

На Белую воевода соколничей и думной дворянинъ Гаврило Григорьевичъ Пушкин.

В Торопец князь Олександра Жировой-Засекин.

В Белгород боярин князь Петръ Иваловичъ Буйносов-Ростовской.

На Оскол Матвей Васильевичъ Бутурлинъ да Иван Безобразов.

Того ж году послана память Григорью Петрову сыну Акинѣеву, а в памяти пишет: лѣта 7114-го году память Григорью Петровичю Акинѣеву. Какъ к тебе ся память придет, а которые суды у вас не доделаны немного, и тебе б, свестися (л.—об.) с Леонтъем Пушкиным и з головами, которые пришли с норядом со князем Семеном Коркодиновым с товарищи, а товарищей было со князем Семеном: князь Иван

¹ того ж году послана память (с.м. ниже, строка 37) Р, X. ² Въ Арх. въ концѣ страницы: справлена.

князь Васильевъ сынъ Бабин, Ондрей Ѳедоровъ сынъ Обрасцов, Осип Грязной, Иев Загряской¹, — те суды доделывал, да тем всем судом, што зделаетца, дайте воеводе князю Григорью Долгорукому роспись за своими руками, и суды и с судовыми запасы, а дайте им же; а вновь судов не делайте. А ты б, Григорей, доделал те суды, которые не доделаны, и отдав роспись и суды, ехали к Москве; а плотников судовых мастеров ропустил по домом. А Илье Урусову и Василью Грибцову велели ехати к Москвѣ же и явиться и роспись судом отдай в Московском Розряде дяку Томилу Луговскому.

(л. 305) А по городом были воеводы при царе Василье те ж, что при Ростриге.

Того ж году назвался на Севере вор Петрушка в Стародубе царевичем, и многие воры и казаки почели к нему збиратца, и города к нему откладыватца, и своровали Путимцы да Рыляне Комарицкие волости мужики, царю Василью изменили; и воевод многих в Путимле вор Петрушко побил, приводя из городов. И царь Василей послалъ на Северу против ево воевод своих князя Юрья Никитича Трубецково с товарищи. А были воеводы под Кромами по полкомъ: в болшом полку князь Юрьи Никитич Трубецкой да боярин Михаило Александровичъ Нагово; въ передовом полку² боярин князь Борис Михайлович Лыков да князь Яков Борятинской; въ сторожевом полку³ околничей князь Григорей Петрович Ромодановской да князь Раман Ивасович Гусев-Гогарин. А наперед тово были под Кромами один боярин Михаило Погой. И Болотниковъ приходил в Кромы, и он Болотникова побил, и с тово бою прислал к Москвѣ къ государю с сеунчом Дорогобуженина⁴ Ондreja Семенова сына Кольчева⁵.

А под Елец царь Василей послал боярина княз Ивана Михайловича Воратынсково да с Ливен велель к нему в сход итти околничему Михаилу Борисовичю Шенну.

(л. 307⁶) Лѣта 7115-го году сначала под Кромами те ж были воеводы, что во 114-м году, князь Юрьи Никитич Трубецкой. И как их Болотников от Кром оттолкнулъ, а от Ельца князь Иван Воратынской отшол же; а воры собрався пошли г Береговым городамъ. И царь Василей Иванович всеа Руси послал в Колугу боярина князя Ивана Ивановича Шуйского, да боярина князя Бориса Петровича Татова да околничего Михаило Игнатьевича Татищева с людьми против Болотникова. И боярин князь Иван Иванович Шуйской с то(ва)рыщи пришли в Колугу и на Оке реке воровъ побили, а в городе в Колуге не сели, потому что города все Украинные и Береговые отложилися (л.—об.) и в людех учала быть смута великая. А на Коширу были посланы князь Данило Иванович Мезецкой да Борисъ Нанцокин, и Коширы не достали же, отложилась. А в Серпухов был послан бояринъ князь Володимер Колцовъ-Мосалской.

¹ того ж году были посланы воеводы против Петрушки по полкомъ: (см. строка 17) Р, X. ² другой князь Яков Р. ³ другой князь Роман Р. ⁴ Дорогобуженина нѣтъ Р. ⁵ лѣта 7115-го году послалъ царь Василей под Можаскъ (строка 42) Р, X. ⁶ Въ Арх. листъ 306—чистый. Въ У одна страница—тоже чистая.

Того ж году послал царь Василей под Можаяескъ против Смольянь князь Данила ¹ Мезецково да Ивана Микитина сына Ржевского. И Иван Ржевской бил челом на князь Данила Мезецково о мѣстех, и велено Ивану быть к Москвѣ; а ко князю Данилу писано от государя, что Иван взят не для мести, что били челомъ на него ратные люди ².

Тое ж осени ходили на воровъ в Серпуховъ (л. 308) бояре князь Михаило Васильевич Скопин, да князь Борис Петрович Татев да Ортемей Измайлов.

На Волок и под Можаяескъ посланъ околничей Иван Ѳедоровичъ Крюжъ-Колычов.

А в осадных воеводах велел государь быть за Москвою рекою у Серпуховских ворот околичему князю Дмитрею Васильевичю Туренину да думному дворянину Ивану Михайловичю Пушкину, а от государя приезжал надзирать боярин князь Иван Никитич Одоевской Большой. А на выласке государь велел быть боярину князю Михайлу Васильевичю Скопину, да князь Ондрею Васильевичю Голицыну да князь Борису Петровичю Татеву; а з бояры со князь Михаилом Васильевичем Скопиным с товарищи (л.—об.) были столники, стряпче, дворяне Московские, жилцы. У Колуских ворот воеводы..... За Язую.....

И тое ж осени собрався воры Ивашка Болотников, Истома Пашков, Юшка Беззубцов, а с ними многие украинные люди пришли под Москву; а стояли в Коломенском да на Угреше. И у боярина князя Михаила Васильевича Скопина с товарищи с теми ворами многие были бои во многих местех. А какъ пришли к Москвѣ Смольяне и иные города, и царь Василей велел им быть з боярином со княземъ Иваном Ивановичем Шюйским с товарищи. И бояре князь Иван Иванович Шюйской да князь Василей Васильевич (л. 309) Голицын, да Михаило Борисович Шейн, да околничей Иван Ѳедорович Колычев с теми людьми пришли на воровъ в Коломенском. А от Серпуховских ворот бояре князь Михаило Васильевич Скопин, да князь Ондрей Васильевич Голицын да князь Борисъ Петрович Татев в Коломенское же пошли своим полкомъ. А головы были с людьми—у князь Михаила Васильевича Скопина: князь Иван Хаванской, Василей Иванов сынъ Бутурлинъ, князь Данило Мезецкой, князь Ѳедор Лыков, князь Яков Борятинской, Тимоѳей Грязной, Володимер Вешняков, Богдан Глебовъ и иные головы. (л.—об.) И пришед под Коломенское, бояре воров побили и живых многих поймали, а Болотников да Гришка Беззубцовъ побѣжали в Колугу и в Серпуховъ, а Истома Пашковъ приехал к государю к Москвѣ.

И государь послал под Колугу за ворами бояръ своих и воевод: въ болшом полку бояре князь Иванъ Иванович Шюйской да Иван Никитич Романов, въ передовом полку боярин князь Иван Васильевич Голицын да князь Данило Иванович Мезецкой, в сторожевом полку околничей Василей Петрович Морозов да боярин Михаило (л. 310) Олек-

¹ *ист.* Ивановича Р. ² того ж году сошлись воеводы под Серебряными Прудами и Пруды Серебряныя взяли. И с того бою. (с.м. стр. 44, стр. 11) Р. X.

сандрович Нагой, с порядом Яков Зюзин да Дмитрий Пушечников. И после того послалъ государь под Колугу бояр і воевод с людьми князя Ѳедора Ивановича Мстисловского, да князь Михаила Васильевича Скопина да князь Бориса Петровича Татеева; а стояли в особном полку, а писалось обо всемъ от государя: боярину князю Ѳедору Ивановичу Мстисловскому с товарищи.

Того ж году послал царь Василей воевод Григорья Григорьева сына Пушкина да Сергея Ододурова с ратными людьми под Муром, под Орзамас, под Олаторь, и города многие поворотили царю Василью и ко кресту привели.

И собравшись с ратными людьми пошли к Москвѣ, и пришли под Серебряные Пруды, а на Прудах (л.—об.) сидели воры, а под Прудами стояли воеводы князь Ондрей Васильевич Хилков да Богдан Глебов; и Григорей Пушкин приход с ратными людьми Пруды взяли взятъемъ, и воров побили и многих живых поймали. И с того бою Григорей Пушкин прислал с сеунчом к царю Василью князь Дмитрея князь Петрова сына Пожарсково, а князь Ондрей Хилков да Богдан Глебов прислали с сеуньчом Ивана Олександрова сына Колтовсково ¹.

Того ж году пришли воры с Тулы многие люди и хотели притти в Колугу, и бояре князь Ѳедор Иванович Мстисловской с товарищи послали против воров воевод на три полки: (л. 311) въ болшомъ полку боярин Иван Никитич Романов, в передовом полку князь Данило Иванович Мезецкой, в сторожевом полку боярин Михаила Олександрович Нагой. И воеводы встречали воров от Калуги за 7 верстъ на Вырке, и воровъ побили на голову и наряд и обоз взяли. И бояре князь Ѳедор Иванович Мстисловской с товарищи писали ко государю, что посылали воевод і воров побили; и цар Василей за ту службу прислал з золотыми князь Ивана Борисовича Черкассково. А какъ князь ² Данила ранили, и на ево мѣсто въ передовой полкъ другой воевода Михаило Нагой; а в сторожевой полкъ другой воевода (л.—об.) на Михайлова мѣсто Нагово князь Михайло Борятинской.

А подо Пчелью посылали ис под Колуги боярина князь Бориса Петровича Татеева да с ним головы: из болшово полку Ѳедор Левонтьевъ сынъ Бутурлинъ да Иван Михайлов сынъ Пушкин Меншой с сотнями; в передовом полку князь Ондрея Чюмакова Черкассково, а с ним головы ис передового ³ полку; в сторожевом полку воевода князь Михайло Борятинской, а головы с ним из сторожевого полку.

Того ж году наперед сего были посланы на Бобриковскую засеку головы из болшово полку Иван Михайловъ Пушкин Меншой, князь Третьякъ князь Ѳедоров сынъ Сейтов, Миша Лыковъ, Григорей Волуев; да ис передового полку и ис сторожевого полку ⁴ (л. 312) головы: Микита Иванов сынъ Пащокин, да князь Иван князь Ѳедоров сынъ Бородавка Мещерской, Иван Микиооров сынъ Давыдов, а

¹ того ж году были посланы на Бобриковскую засеку . . . . (с.и. стр. 34) Р, X.
² государь 9, У. ³ сторожевого 9, У. ⁴ Въ концѣ страницы: справлена Дрх.

грамоты писалис от государя Ивану Михайлову сыну Пушкину с товарищи ¹.

Того ж году боярин князь Ондрей Ондреевичъ Телятевской да Ивашка Болотников со многими с воровскими людьми з Донскими казаки шли х Кошире против государевых воевод на прямой бой. И государевы воеводы боярин князь Ондрей Васильевич Голицын с товарищи встретили их на реке на Восме, а были воеводы по полкомъ: в болшом полку воеводы боярин князь Ондрей Васильевич Голицынъ да Григорей Григорьевъ сынъ Пушкѣинъ; да сходные воеводы: бояринъ князь Борис Михайлович Лыков да Ѳедор Юрьевъ сынъ Булгаков Денисьев; (л.—об.) да с Резанцы воевода Прокофей Ляпунов. И бояром и воеводам князю Ондрею Васильевичю Голицыну с товарищи бой былъ с воровскими людьми с казаки на реке на Восмѣ, и на том бою воров побили на голову, и наряд и знамена и коши все поимали, а языков взяли на том бою 1700 ч.; а князь Ондрей Телятевской да Ивашка Болотников ушли с невеликими людьми к вору Петрушке. И за ту службу царь Василей Иванович прислал к бояром и к воеводам и ко всей рати з золотыми столника Матвея Семенова сына Измайлова. А по росписи государево жалованье золотые подовали бояром и воеводамъ: боярину князю Ондрею Васильевичю Голицыну, да боярину князю Борису Михайловичю Лыкову, да воеводе Григорью Григорьеву сыну Пушкину, да воеводе (л. 313) Ѳедору Юрьеву сыну Булгакову Денисьеву, да воеводе Прокофью Петрову сыну Ляпунову, и головам и всей рати ², дворяном и детем боярскимъ, и стрелцомъ, и казаком и всяким служивым людем.

Того ж году царь Василей Иванович пошел пот Тулу на воровъ; а бояре и воеводы были по полком: в болшомъ полку бояре и воеводы: князь Михайло Васильевич Шуйской-Скопин да Иван Микитич Романов; да в болшом же полку с Резани бояре: князь Борис Михайлович Лыков да воевода Прокофей Ляпунов; в передовом полку боярин князь Иван Васильевич Голицын да околничей князь Григорей Петрович ³ Ромодановской; (л.—об.) в сторожевом полку бояринъ Василей Петровичъ Морозов да Яков Васильевич Зюзин; в государеве полку боярин князь Иван Иванович Шуйской да околничей Иван Крюкъ Колычев; у порядку боярин князь Володимер Тимофеевич Долгорукой да князь Иван Вольконской, в другом мѣсте у норяду за рекою Григорей Волуев, в третьемъ месте за Упою у норяду Иванис Одоуров; в прибыльном полку с Короши боярин и воеводы: князь Ондрей Васильевич Голицын, да Григорей Григорьевич Пушкин да дьякъ Сыдавной Васильевъ. (л. 314) Рынды: у болшова саадака князь Иван Буйносовъ, у копя князь Семен Прозоровской, у рогатины Тимофеей Измайлов, у доспеху Иван Измай-

¹ того ж году побили воров в Каширском уезде на Восме, и за ту службу пригоял от государя з золотыми столник Матвей Семенов сынъ Измайлов к бояром ко князю Ондрѣю Васильевичю Голицыну да ко князю Борису..... (с.м. стр. 45, стр. 14) Р, X. ² лѣта 7116-го году на Николин день ссенней..... (с.м. стр. 46, стр. 17) Р, X. ³ Григорьевич Морозов Э, У.

ловъ. Посылочные воеводы под Кропивну князь Юрья Ушатой да князь Семен Кропоткинъ; под осеп под Кропивну посылочной воевода князь Данило Мезецкой да Федор Левонтъев. И Кропивну и Одоев очистили.

Во Брянскъ посланы воеводы: боярин князь Михайло Федорович Кашин да Ондрей Ржевской. Под Козелескъ послан воевода князь Василей Мосалской.

Того ж году были на Земскихъ дворех: на Старом на Земском дворе— Григорей Образцов, да Дмитрей Пушечников да дьякъ Иван Болотников; а на Новомъ на Земском дворе (л.—об.) князь Ондрей Гуядоров да Оеонасей Зиновьев.

Того ж году указал государь быти в Красном селе для оберегания от воров изменников воеводе Пиките Михайлову сыну Пушкину да Нелюбу Васильеву сыну Огареву. А с ним был голова Иван Козьлов, а с ним: пят человекъ сотниковъ, 408¹ ч. стрелцов Пиминова приказу Гурьева² з двумя сотники, 195 чел. стрелцовъ, да з борщиком с Микитой Колычовымъ с Каргаполя да с Турчесова 88 ч., да с нимъ же с Чаронцыным охочих людей 100 ч., да з головою с Тимоеемъ Острениным охочих 100 ч., з Двины з двумя сотники: з Богданом Нееловым да з Смирным Чертовскимъ 70 ч., с Выми с сотником (л. 315) с Максимом Резиковым 47 ч. А наряду с ними 10 пицалей полковых съ ядры и з зельемъ и со всякими запасы, а ядро по гривевке. А подлинная память писана рука Розрядново дьяка Михаила Данилова.

(л. 316) Лѣта 7116-го году с осени царь Василей Иванович взял Тулу, (и) ис под Тулы пошли к Москвѣ. А на Туле оставил воевод боярина Михаила Федоровича Нагова да Судока Мясново. На Кропивне Федор Чюлковъ. В Одоеве князь Иван княз Григорьевъ сынъ Звенигородцкогго.

Того ж году на Пиколпи депъ осенней пожаловаль царь Василей в околничие князя Данила Ивановича Мезецково, а сказывал околничей Иван Петрович Большой Головин да³ думпой дьякъ Василей Янов в Золотой полате.

Того ж году иной вор назвался Дмитреем царевнчем и пришел подо Брянскъ, а с ним были многие Литовьские люди. (л.—об.) А во Брянске были воеводы: боярин князь Михайло Федорович Кашин да Ондрей⁴ Пикитичъ сынь Ржевской. I государь послалъ с Москвы помогати Брянску боярина князь Ивана Семеновича Куракина да с ним князь Василья князь Федорова сына Мосалсково; и подо Брянскомъ воров⁵ побили. И царь Василей Иванович послалъ во Брянскъ х боярину и воеводам князю Михаилу Федоровичю Кашину да⁶ к Ондрею Никитину сыну Ржевскому за службу з золотыми.

Того ж году царь Василей Иванович всеа Руси послал во Брянскъ воеводъ, а боярину князь Михаилу Федоровичю Кашину и Ондрею Ржевскому и ратным людям всем, которые сидели во Брянске в осаде,

¹ 450 У. ² Юрьева У. ³ да дьякъ. Того ж году были воеводы под Болховым по полком. . . . (см. стр. 47, стр. 5) Р, X. ⁴ Дмитрей У. ⁵ вст.: многихъ Э, У. ⁶ да Кондратью Никитичу сыну У.

велел быт к Москве. (л. 317) I как оне приехали к Москве и были у государя у руки, и царь Василей Иванович пожаловал, велѣл быт им у стола; и после стола жаловал за Брянскую осаду боярину князю Михаилу Федоровичю Капину шубу да кубок, а Ондрею Ржевскому шубу да кубок же. И Ондрей Ржевской бил челом царю Василью, што ему шубу дали хуже князь Михаила Капина; ево-де, государь, во Брянске лише имя было, а служба де была и промысль мой, холопа твоего; вели, государь, про то сыскат всею ратью. И царь Василей Иванович ему отказал: потому князю Михаилу дана шуба и кубок лутче твоего, что он боярин да перед тобою в отечестве чесноі ч ¹. I Ондрей бил челом: хотя де, государь, он честью и отечеством меня болши, толко де моей службы к тебе, государю, и в осаде промыслу было (л.—об.) болши ево; а ево де князь Михаила в осаде ни со шта не было.

Тово ж году царь Василей Иванович послалъ бояр своих и воевод в Болхов, а велел збиратися с людми итти против воров; а бытъ бояром и воеводам по полком: в большом полку бояре: князь Дмитрей Иванович Шюйской, да князь Борисъ Михайлович Лыков, да воевода князь Григорей Константинович Волконской; в передовом полку бояре и воеводы: князь Василей Васильевич Голицын да Михайло Александрович Нагой; в сторожевом полку боярин князь Иван Семенович Куракин да воевода Григорей Григорьев(ич)ь сынъ Пушкин. I Григорей Пушкин (л. 318) бил челом государю на Михаила Нагова о мѣстехъ; и ему на боярина на Михаила Александровича Нагова дана невместная грамота ². Въ ертоуде были воеводы: князь Федор Ондреевич Татев да Веденихть Тимоѳеевъ сынъ Колычов; у норяду Григорей Волуев.

Список з грамоты. От царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русні воеводе нашему Григорью Григорьевичю Пушкину. Писал еся к нам, что по нашему приказу ³ велено тебѣ быт на нашей службе з сторожевом полку в товарищех з боярином нашимъ и воеводою со князь Иваном Семеновичем Куракиным; а в передовом полку в других бояриех и воевода Михайло Александрович Нагой, и тебе (л.—об.) Михаила Нагова менши быт не зля. И как к тебѣ ся грамота наша придет, и ты б по прежнему нашему указу был на службе по росписи в сторожевом полку; а Михаила Нагова мы тебя менши не ставим, а передовому полку с сторожевым полком мечь не живет. Писан на Москвѣ лѣта 7116-го году.

И как был бой с вором под Болховым и с Польскими людми, и воевод оттолкнули от Болхова, и бояре и воеводы пришли к Москве, а вор со всеми людми с Польскими и с Рускими, пришел ⁴ под Москву. И на Москве были у государя царя Василья против вора бояре и воеводы по полком: в большом полку бояре князь Михайло (л. 319) Васильевич Шюйской-Скопин да Иван Никитич Рамановъ; в передовом

¹ з *Арх.* сперва было написано: чеснее ч.; честиѣ ч. Э, У. ² того ж году. были воеводы посланы по Коломенской дороге против Лисовского на 3 полки.. (см. стр. 40) Р, X. ³ указу Э, У. ⁴ пришел Э, У.

полку боярин князь Иван Михайлович Воротынской да околничей князь Григорей Петрович Ромодановской; в сторожевом полку столникъ и воевода князь Иван Борисович Черкасской да околничей Ѳедор Васильевич Головин; в государеве полку воевода князь Данило Иванович Мезецкой; у наряду князь Иван Лос Волконской; в государеве ж полку в другом мѣсте у наряду Григорей Волуев.

Того ж году Лисовской взял Коломну и пошел под Москву в сход к вору в Тушино со многими людьми. (л. — об.) И против Лисовска царь Василей послалъ по Коломенской дороге воевод на три полки: в болшом полку боярин князь Иван Семенович Куракин да воевода Григорей Григорьевъ сынъ Пушкин; в передовом полку боярин князь Борис Михайлович Лыков да воевода князь Григорей Костянтинович Волконской; в сторожевом полку воеводы Василей Иванович Бутурлинъ да князь Ѳедор князь Ивановъ сынъ Волконской¹. И воеводы с Литовскими людьми сошлись на Медвежье пруду² и бой был, и Лисовского побили, и Черкасъ, и Руских воров многих живых поимали и наряд взяли, а сам Лисовской уполъ.

(л. 320) А по дорогам посылочные были воеводы с людьми: по Звенигородской дороге князь Василей Ѳедорович Мосалской да с ним головы ис полков; под Подгорелой Городище послалъ воевода князь Семень Ондреевич Татев да с ним головы из полковъ; под Осипов монастырь послал соколничей и думной дворянин и воевода Гаврило Григорьевич Пушкин да с ним головы из полков писменные з детьми боярскими; с Костромичи голова Ѳедор Бобарыкин; у Деревские пятинны головы князь Иван Кропоткин да Дей Хвостов; з Бежечины голова Потап Нарбеков, у Дмитровцов голова Дмитрей Полтинин³, (л. — об.) по Волоцкой Иван Матвеев сынъ Сопля Бутурлин да с нимъ головы, под Коширу князь Михайло князь Петров сынъ Борятинской да с ним головы, по Колуской дороге князь Яков Борятинской да с нимъ головы.

Того ж году отпущены с Москвы в Литву послы Литовские, которые были у Ростриги от короля, да Юрьи Сендомирской з дочерью с Маринкою с Ростригиною женою; провозат их ходил до Твери боярин князь Володимер Тимофеевич Долгорукой да Иван Александров сынъ Кольтовъской. И после того вестъ учинилося царю Василью, что вор послал людей под Дмитров переимат Юрья Сендомирсково з дочерью и послов Литовских. (л. 321) Царь Василей по тем вестям послалъ воевод своих обѣрегать послов Литовских и Юрья Сендомирсково: в болшом полку боярин князь Ондрей Васильевич Голицын да князь Яков Борятинской, в передовом полку Иванъ Ѳедорович Крюкъ Кольчовъ да князь Михайло князь Петровъ сынъ Борятинской, в сторожевом.....

Того ж году под осен отпустил царь Василей в великий Новгород боярина князь Михаила Васильевича Скопина, а с ним дворян для Не-

¹ того ж году посылал государь под Осипов монастырь воеводу Гаврила... (см. стр. 9) Р, X. ² броду Э, У. ³ Полтвев Р. Того ж году были на Рязани... (см. стр. 38)... Р, X.

мецких людей, чтоб их нанять, и Руских людей собрати, и к Москве притти, и от воров помоч учинить.

А после князь Михаила были воеводы на Москвѣ стояли на Пресне по полком: (л. — об.) в болшом полку боярин и воеводы князь Иван Михайлович Воротынской ¹, Иван Пикитич Романов, а в передовой полкъ и в сторожевой полкъ и государевъ полкъ был по прежней росписи.

Того ж году были на Резани воеводы: князь Данило Долгорукой да Федор Левонтьев ², и велено собрать детей боярских зборщику Федору Юрьеву сыну Булгакову и привести их ко князю Давилу Долгорукому да к Федору Левонтьеву. А от государя писана к ним грамота: как что приведетъ к ним детей боярских собравъ Федор Булгаков, и им от него ³ взяв их детей боярскихъ, а ево отпустит к государю к Москве.

Того ж году 116-го и 117-го году были воеводы:

(л. 322) В Тоболске князь Иван Михайлович Кашинъ ⁴ да Борис Иванов сынъ Пащокин.

На Верхотурье воеводы Степан Степанович Годунов да Иван Михайлов сынъ Плещеевъ. И Иван Плещеев на Бориса Пащокина бил челомъ, што Борис Пащокин в Тоболске другой воевода, и он Иван в пригородке в Тоболскемъ на Верхотурье другим воеводаю, и ему Ивану менши Бориса Пащокина быт нельзя. И Ивану Плещееву на Бориса Пащокина дана невместная грамота.

На Тюмени Матвей Михайлович Годунов да Семен Иванов сынъ Волынской.

На Пельме Иванъ Михайлович Годунов да Петръ Дашлов сынъ Пстеньевъ ⁵.

В Березове Степан Иванов сынъ Волынской.

(л. — об.) В Мангазеи....

В Тарскомъ ⁶ городе Василей Васильевъ сынъ Валынской да Михайло Игнатьевъ сынъ Новосилцовъ.

В Сургуте Федор Васильевъ сынъ Валынской да Иван Володимеров сынъ Благой.

(л. 323) Лѣта 7117-го году сентября въ 1 день царь и великий князь Василей Иванович всеа Русии стоял на Пресне реке против вора Тушинсково. А воеводы были по полкомъ: в болшомъ полку бояре и воеводы князь Иван Иванович Шюйской, ⁷ Иван Пикитич Раманов ⁸, в передовом полку боярин князь Иван Михайлович Воротынской да ⁹

¹ Иван Иванович Шюйской да Иван Э.У. ² и проводил к ним к обѣим дворян и детей боярских Федор Юрьев сынъ Булгаков. Того ж году были воеводы в Сибири в Тоболску... (см. ниже строка 15) Р.Х. ³ у него Э.У. ⁴Катыревъ Х.Р.Э.У. ⁵ 7117-го году стояли воеводы на Пресне после Рохманцовского бою: в болшом полку князь Иванъ... (стр. 36) Р.Х. ⁶ сперва было написано: Терскомъ Арх.; Терскомъ Э.У. ⁷ вст.: да Э; да Иевъ У. ⁸ вст.: да княз Ввсилей Федорович Мосалской Р.Х. ⁹ да на князь Гр - во мѣсто Ромодановского, какъ ево ранили. Гаврило Григорьевичъ... (стр. 30, стр. 19) Р.Х.

околничей князь Григорей Петрович Ромодановской, в сторожевом полку столникъ князь Иван Борисович Черкасской да околничей Ѳедор Васильевич Головин, а в государеве полку околничей и воевода князь Данило Иванович Мезецкой.

Того ж году сентября въ 18 день отпустил вор от себя ис Тушина пана Сапегу под Троицу Сергиев манастыр, (л. — об.) а с ним многие Литовские люди и Руские воры. И за ними государь послалъ бояр своих и воевод ис полковъ: из болшова полку боярина князя Ивана Ивановича Шюйсково, ис передового полку околничево князь Григорья Петровича Рамадановского, ис сторожевого полку околничево Ѳедора Васильевича Головина. И бой был с Литовскими людьми под Рогманцовым ¹, и Московских людей Литовские люди разогнали, и передового полку околничево и воеводу князь Григорья Петровича Рамадановского ранили; и боярин и воеводы князь Иван Иванович Шюйской с товарищи пришли опят к царю Василью на Пресну в обоз.

И сентября въ 23 день указал государь быт на (л. 324) князь Григорьево место Ромодановского: в передовом полку бытъ з боярином со князь Иваномъ Михайловичем Воратынскимъ соколничему и думному дворянину Гаврилу Григорьевичю Пушкину, в сторожевом полку ² со князѣмъ Иваном Борисовичем Черкасским околничей Ѳедор Васильевич Головин ³ по прежней росписи.

И октября въ 13 день околничево Ѳедора Головина велел государь отставит за болезнью, а на ево мѣсто велено бытъ князю Миرونу Шеховскому.

Того ж году октября въ 24 день соколничево и думного дворянина Гаврила Григорьевича Пушкина (л. — об.) ис передового полку послал государь в Муром против Тотар, а на ево мѣсто велел государь быт в передовом полку з боярином со князь Иваном Михайловичем Воратынским боярину Михаилу Ѳедоровичю Ногово.

А стоял царь Василей Иванович в обозе на Пресне со всеми полки до Николина дни зимнево, а с Николина дни велел по полком всемъ войтить в город Деревяной. И в Деревянном городе стояли до весны: в болшой полкъ у Тверских ворот, передовой полкъ у Петровских ворот, сторожевой полкъ у Арьбацких ворот, а государевъ полкъ стоял у Микицких ворот; а на Воганкове от государева полку стояла застава Григорей Волуев, (л. 325) а после Григорья Юрьи Булгаков, а после Юрья князь Ѳедор Коркодинов.

А с весны государь росписал бояр и воевод по воротам по Деревянному городу: за Москвою рекою у Колуских ворот боярин князь Дмитрий Иванович Шюйской да князь Григорей Волконской, у Серпуховских ворот Василей Иванович Бутурлин да Иван Колтовской, у Чертольских ворот боярин князь Василей Васильевич Голицын да Васи-

¹ Рохманцовым Э. У. ² князь И. Б. Черкасскій да окольничей Ѳедоръ... Р, X
³ того ж году были на Коломне воеводы... (с.м. стр. 51, стр. 41) Р, X.

лей Сукин, у Орбацких ворот сторожевой полкъ князь Иван Борисович Черкасской да князь Мирон Шеховской, у Никцицких ворот государевъ полкъ: боярин князь Федор Иванович Мстисловской, околничей князь (л. — об.) Данило ¹ Иванович Мезецкой; у Тверских ворот большой полкъ: боярин князь Иван Иванович Шюйской да Иван Никитич Раманов; у Петровских ворот передовой полкъ: боярин князь Иван Михайлович Воротынской да Михайло Михайлович ² Нагой; у Стретенских ворот боярин князь Ондрей Васильевич Голицын да князь Михайла князь Петров сынъ Борятинской; у Орловских ворот боярин князь Борис Михайлович Лыков; у Покровских ворот боярин князь Иван Семёнович Куракин да князь Федор Волконъской; за Яузою князь Григорей Федорович Хворостинин, а после князь Григорья стоялъ (л. 326) околничей Федор Васильевич Головин.—И по той росписи стояли бояре и воеводы до князь Михайлова приходу Васильевича из Новагорода.

Тово ж году после Велика дни пошел из Новагорода бояринъ князь Михайло Васильевич Шюйской-Скопин, а пришли к нему Свейского короля на помоч Немецкой воевода Яков Пунтусов с Немецкими людьми, і пошел Ноугородцкою дорогою х Торжку; а перед собою послать в Торжекъ воеводу Семена Головина да Корнила Чоглокова, и Торжек засели, и бой былъ с паном Эборовскимъ. А ис Смоленска послал боярин и воевода Михайло Борисович Шеин ко князю Михайлу жъ Васильевичю в сход воеводу князя Якова князь Петрова сына Борятинсково да Семейку Ододурова, (л. — об.) а с ними Смольянъ, Брянчан, Серпьян; и оне идучи очистили Дорогобуж, Вязму, Бѣлую, и Литовских людей побили, и сошлись со князем Михайлом Васильевичем под Торшком.

И пришел боярин князь Михайло Васильевич с Рускими людьми и с Немцы ко Твери, и Твер взял, и Литовских людей Эборовсково побил. А шол на три полки: в большом полку боярин князь Михайло Васильевич Шюйской-Скопин да Немецкой воевода Яков Пунтусов, в передовом полку Семен Васильев сынъ Головинъ да Корнило Чоглаков, в сторожевом полку князь Яков князь Петров сынъ Борятинской да Немецкой полковникъ. (л. 327) И как Немцы ото Твери поворотилися, пошли от князь Михайла Васильевича проч, и боярин князь Михайло Васильевич пошел в Колязин монастыр и стоял в Колязине, покаместа опят Яков Пунтусов с Немцы воротился.

Того ж году с Низу шол боярин Федор Иванович Шереметев, да Иван Никитич Салтыков да Иван Дмитриевич Зайко Плещеев, и очистили Нижней Новгород, и Муром взяли и Касимов; а ходили головы от них посылочные.

Тово ж году на Коломне были воеводы: Иван Матвеев сынъ Сопля Бутурлин да Семен Глебов; а с ратными людьми присланы были воеводы: князь Семен Васильевич Прозоровской да Василей Борисов сынъ Сукин. И как Хмелевской шол под Коломну, і князь (л. — об.) Семену Про-

¹ Василей Э, У. ² Олександровичъ Э, У'

зоровскому велено итти против Хмелевсково, а Ивану Бутурлину с ним же. И Иван на князь Семена писал к Москве государю царю Василью, что ему менши быт князь Семена нелзя. И царь Василей велел к Ивану Бутурлину отписать с опалою, что он дурует, на Прозоровсково бьет челом не делом, всегда ему мочно быт менши Прозоровсково. И оне против Хмелевсково ходили, и побили ¹ на голову, и языки поимали и самого Хмелевсково жива взяли.

Тово ж году на Коломне же были воеводы: Иван Михайлов сын Меншой Пушкин да Семен Глебов. Да на Коломну же прислан был с ратными людьми (л. 328) столникъ и воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарской.

Того ж году прислана на Коломну государева грамота о ратных людех ², а в грамоте пишеть:

От царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русии на Коломну столнику нашему и воеводам князю Дмитрею Михайловичю Пожарскому, да Ивану Михайловичю Пушкину, да Семену Матвеевичю Глебову. Иван ³ Пушкин писал с Коломны к царю Василью, что прислана на Коломну государева грамота ко князю Дмитрею Пожарскому, да к нему Ивану, да к Семену Глебову, и ему Ивану менши князь Дмитрея Пожарсково быт нелзя ⁴; и царь Василей велель ему быт к Москве, а на Коломне быт со князь Дмитреем ⁵ один Семен Глебов.

(л. — об. И приехал с Коломны Иван Пушкин, царю Василью на князя Дмитрея Пожарсково бил челом в отечестве о счете, и царь Василей велел их бояром судит. И бояре Ивана Пушкина со князь Дмитреем Пожарским с очей на очи ставили, и случаи у них у обѣих взяли. Князь Дмитрий в суде подал бояром в случаях Татевых, да Хилковых, да Палецких, а не своих Пожарских. И Иван бил челом государю, что князь Дмитрий Пожарской, ведая то, что по случаем своим Пожарским мошно ему быт менши ево Ивана Пушкина ⁶, потому Пожарских и в случаях не писал, а подал в случаях Татевых, да Хилковых да Палецких. А я, Иванка, подовал одних Пушкиных, (л. 329) а Челяднинных и Оedorовых и Бутурлиных не подовал. И государь бы ево Ивана пожаловал, велел князю Дмитрею Пожарскому с ним считатца своими Пожарскими, а не Палецкими, и не Татевыми, и ни Хилковыми; а будет ему считатца Палецкими, и Татевыми, и Хилковыми, и государь бы ево пожаловал, велел ему с ним считатца своими родителями Челяднинными, да Оedorовыми да Бутурлиными. И государь приказал бояром по челобитью Ивана Пушкина, велел князь Дмитрея по-

¹ *вст.*: его Э, У. ² ко князю Дмитрею, да к Ивану да к Семену. И Иванъ Пушкин на съѣздъ к нему не ѣздил и у дѣла государева не был и к царю Василью писал, что ему менши княз Дмитрия Пожарсково бытъ невмѣстно. И ему велено бытъ. И на Москвѣ у него со князем Дмитреем суд был и суд нершон со князем Дмитреем Х.Р. ³ И Иванъ Э, У. ⁴ *вст.*: и на съездъ к нему не ѣздил, и у дѣла государева с ним не был Э, У. ⁵ того ж году на Воладе... (с.и. стр. 53, стр. 5) Р,Х. ⁶ *вст.*: многими месты У.

ставит с-Иваном в другой ряд с очей на очи и велел у князь Дмитрея Пожарсково взят иные случие, где бывали их Пожарские ¹. И тот суд у Ивана Пушкина со князь Дмитреемъ Пожарскимъ при царе Василье не вершен.

(л.—об.) Того ж году на Вологде были воеводы: Микита Михайлов сынъ Пушкин, да Григорей Никитин сын ² Борисов Бороздин, да дьяк Рохманин Воропов ³.

(л. 333¹) Лѣта 7118-го году на Москвѣ были в осаде бояре и воеводы по прежней розписи, а боярин князь Михайло Васильевич Скопин стоял в Колязине монастыре. И какъ пришел к нему Немецкой воевода Яков Пунтусовъ с Немецкими людми, и боярин князь Михайло Васильевич ис Колязина монастыря послал под Переславль Семена Васильевича Головина да Немецково ротмистра Христошума; и онѣ, приход, Переславль взяли и Литовских людей побили.

Тое ж зимы посылал князь Михайло Васильевич Григорья Волуева с людми, а велѣлъ в слободе (л. — об.) Олексадрове острог поставит. И какъ Григорей в слободе поставил острогъ, и бояринъ князь Михайло Васильевич со всѣми людми пришел в слободу, и к Москвѣ запасы пропустил.

Тое ж осени пришел ко князю Михаилу Васильевичу в сход бояринъ Ѳедор Иванович Шереметев с понизовскими людми.

А с Москвы прислал государь ко князю Михаилу в сход воевод с людми бояръ: князя Ивана Семеновича Куракина да князя Бориса Михайловича Лыкова. А какъ будет поход боярину князю Михаилу Васильевичу против воровъ, и им быт по розписи по полкомъ: (л. 334) в болшомъ полку князь Михайло Васильевич Скопин да князь Борис Михайлович Лыков, в передовомъ полку боярин князь Иванъ Семеновичъ Куракин да воевода Семень Васильевич Головинъ, в сторожевом полку боярин Ѳедоръ Иванович Шереметевъ да воевода князь Яковъ Петровичъ Борятинской.

Тое ж зимы послал князь Михайло Васильевич под Суздаль воевод князя Бориса Михайловича Лыкова да князь Якова Борятинскова. И князь Яковъ со князь Борисомъ не пошолъ, а бил челомъ о мѣstech; и от государя писана ко князю Михаилу Васильевичу, что князь Яков дурует, а преже сево бывал и не одна, а нынеча ему мочно (л.—об.) быт со князь Борисомъ.

Тое ж зимы послал царь Василей Ивановичъ с Москвы в Корелу Ивана Меншова Михайловича Пушкина, да Слексѣя Иванова сына Безобразова, да дьяка Микиту Дмитреева.

Тое ж зимы послалъ князь Михайло Васильевичъ проходит к Троице в осад Давида Жеребцова с людми, и Давидъ прошол к Троице в осад.

¹ *вст.*: и хотел того суда царь Василей слушать сам Э, У. ² Никита Григорьевичъ—Х, Р ³ 7118 го году какъ бой был под Клушиным, и нѣмцы почели изменять, с Литвою съезжатца, и бояринъ... (с.м. стр. 55, стр. 16) Р, Х. ⁷ Въ Арх. л. 330—332 чистые.

Тое ж зимы послать князь Михайло Васильевич под Дмитров на Сопегу боярина князя Ивана Семеновича Куракина да Семена Головина, да с пѣшими людми с огненнымъ боемъ воеводу Григорья Волуева; и онѣ приишод (л. 335) Сопегу из Дмитрева выбили и многих у него людей побили.

Тое ж зимы послал князь Михайло Васильевич в Ростов воевод князь Ивана Хованского да князь Якова Борятинского, а из Ростова велѣно итти к Кашину да ко Твери.

Тое ж зимы вор ис Тушина побѣжал в Колугу, а Литовские люди отошли на Волокѣ, ко Ржову, в Зубцов и в-ыные города. А боярин князь Михайло Васильевич с товарищи і Немецкой воевода Яков Пунтусовъ со всеми людми пришли к Москвѣ.

(л.—об.) І того же году весною послал государь воевод в Можаяскъ перед болшими воеводами боярина князь Одрѣя Васильевича Голицына да околничего князь Данила Ивановича Мезецкого с людми, а под Волокѣ послал с пѣшими людми воеводу Григорья Волуева, а в Погорѣлое Городище послал воевод Василья Ивановича Бутурлина да Григорья Григорьевича Пушкина, в Серпуховѣ князь Иванъ Михайлович Одоевской да Семень Ушаков, на Кошпру' околничей князь Григорья Петрович Ромодановской да князь Оеонасей Гогарин, (л. 336) к Николе Зарайскому князь Дмитрѣй Пожарской, на Коломнѣ боярин князь Михайло Самсонович Туренин да Семен Глѣбовъ, в Володимере воевода князь Васплей Михайлович Лобановъ Ростовской, на Резани боярин князь Ѳедор Тимоѳѣевич Долгорукой да Прокоеѣй Ляпуновъ, в Новѣгород великий послал государь боярина и воеводу князя Ивана Никитича Болшо(го)—Одоевского да Ратмана Вельяминова.

Того же году князя Михаила Васильевича Скопина не стало.

Тово ж году послал царь Василей Иванович в Можаяскъ (л.—об.) против гетмана Желковского брата своего князя Дмитрѣя Ивановича Шюйскова; а велѣно быт в Можайске боярину князю Дмитрею Ивановичю Шюйскому, да боярину князю Одрѣю Васильевичю Голицыну, да околничему князю Данилу Ивановичю Мезецкому. Да в Можайске же с Москвы послан соколничей и думной дворянин и воевода Гаврило Григорьевич Пушкинъ да дьяки Олексѣй Аргамаковъ, а с ними Немецкой воевода Яковъ Пунтусовъ, и полковники, и ротмистры и всѣ Немцы, которые были на Москвѣ, конные и пѣшие. Да в Можайске ж к боярину ко князю Дмитрею Ивановичю Шюйскому в сход пришли ис под (л. 337) Погорѣлова Городища воеводы: Василей Иванович Бутурлинъ да Григорѣй Григорьевич Пушкин с Рускими и с Немецкими людми.

А с Волока Григорью Волуеву с людми велѣно итти во Царево Займище острог ставит. А из Можайску послан во Царево ж Займище воевода князь Ѳедор Одрѣевич¹ Елецкой; а велѣно князю Ѳедору Елецкому и Григорью Волуеву промышлят заодно. И под Царево Займище

¹ сперва было написано: Ѳедорович Арх.

под острожекъ пришол гетман Полской Станиславъ Желковской, воевода Киевской, со многими с Полскими и с Литовскими людьми, и в острожке (л.—об.) князя Ѳедора Елецкого да Григорья Волуева осадили.

Да в Можайске же пришли в сход изо Ржовы воеводы: князь Иванъ Ондрѣвичъ Хованской, да князь Яковъ Петровичъ Борятинской, да Немецкой полковникъ Ивенгордъ со многими Немецкими людьми. И бояре и воеводы князь Дмитрей Ивановичъ Шюйской с товарищи и Немецкие полковники Яковъ Пунтосовъ да Ивенгордъ с Немецкими с конными и с пѣшими людьми пошли из Можайсково против гетмана Желтовского на прямой бой, сошлись с Литовскими людьми под Клушинымъ, и бой был под Клушиным; (л. 338) и полковникъ Ивенгордъ со всѣмъ своимъ полкомъ на бой не пошел, а стоял себѣ полкомъ. И по грѣхомъ Московскихъ людей и Немецкихъ людей Яковлева полку Пунтосова Литовския люди толкнули, а бояринъ князь Дмитрѣй Ивановичъ Шюйской устоялъ в обозѣ, и стоял до половина дни; и Немецкие люди царю Василью Ивановичю изменили и почали съезжатца с Литовскими людьми. И бояринъ князь Дмитрей Ивановичъ Шюйской послалъ ¹ к нимъ говорит соколничево и думнова дворенина Гаврила Григорьевича Пушкина да с нимъ дворенина Михайла Ѳедоровича ² Бобарыкина, чтобы онѣ крестное целованье понаметовали, на чомъ онѣ царю Василью (л.—об.) крестъ целовали, што имъ с Литвою битца, и онѣ бы в правдѣ своей стояли. И какъ Гаврило и Михайло из обозу к Немецкимъ людямъ въ полкъ пошли, и после тово немногое время спусти из обозу бояринъ князь Дмитрей Ивановичъ Шюйской побегалъ со всѣми людьми, а обозъ покинул; а соколничей и думной дворенинъ Гаврило Григорьевичъ Пушкинъ, видя то, что Руские люди побегали, а обозъ покинули, побегал из Немецкого обозу в болото, и отшел лѣсомъ, и в Можайскъ пришол на третей день. А товарища ево Михайла Бобарыкинъ Немецкие люди иссекли и взяли ево в полонъ.

Тово ж лѣта приходили Крымской царевич и мурзы (л. 339) Араслан князь Сулешевъ на помочъ государю. И государь послал к ним боярина князя Бориса Михайловича Лыкова да околничево Ортемья Васильевича Измайлова с людьми промышлят над воромъ. И царевич и мурзы на бой противъ вора не пошли, а пошли онѣ проч в свою землю.

Тово ж году ³ пришол ис Колуги под Москву вор, которой был в Тушине, что называетца царевичемъ Дмитрѣемъ, и стал под Москвою в селѣ Коломенскомъ. А на Москвѣ бояре были в городе по воротамъ по прежней розписи.

(л.—об.) Тово ж лѣта пришол под Москву гетманъ Полской Станиславъ Желтовской, воевода Киевской, со многими Полскими людьми и Литовскими по Можайской дороге; да с нимъ же пришли под Москву и Рус-

¹ их уговаривать Гаврила Р.Х. ² Борисова сына Бобарыкина; и Михайла тутъ нѣмцы в полонъ взяли, а Г. Г. Пушкинъ ушел. 7121-го году наркли на Московское царство г. ц. и в. к. Михайла Ѳедоровича и послали къ нему на Кострому... (см. стр. 64, стр. 10) Р.Х. ³ лѣта Э, У.

кие люди, которые сидѣли в Цареве Займище. И бояре и окопични и дворяне и всякие служивые люди и гости и посадские всякие люди, видя тесноту от Литовских людей, посылали къ царю Василью бити челомъ, чтоб онъ пожаловалъ, государство отставил, и ѣхал бы на свой двор; а при ево государстве смуты и крови не престали і во всѣхъ городѣхъ служити ему не хотят. А ѣздилъ о томъ говорит к царю Василью боярин (л. 340) князь Иванъ Михайловичъ Воротынской. І царь Василей по прошенью всѣхъ людей Московского государства царство свое отставил, и посохъ царской отдал; а самъ съѣхалъ и с царицею на свой на старой двор, гдѣ жить в боярехъ, июля въ 17 день. А бояре ему и все люди крестъ целовали на томъ, что над нимъ никакова дурна не учинити и тѣспоты никакой не дѣлать.

И на третей день попущенъемъ Божимъ, а дѣйствомъ дьявольскимъ, забывъ крестное целованье, взволновалися немногие дворяне: князь Василей Тюекин, Михайло Оксепов, князь Ѳедоръ Меринъ ¹ (л.—об.) Волконской, Захаръ Лепунов и иные дворяне мѣлкие, и дѣти боярские городовые, и стрѣдцы немногия и всякия Московския земския люди, самоволствомъ собрався, пришли на царя Васильевъ на старой двор, и царя Василья Ивановича постригли в черпцы и отвезли ево в Чюдов монастырь. І бояре и окопични и дворяне, видя такое дурно, приходили к патриарху Ермагену Московскому бити челомъ, что во всѣхъ людехъ Московского государства смятенье и шатость стало великое, а государя на Московскомъ государстве нѣтъ, а неприятели всѣхъ православныхъ крестьян гетманъ Желтовской с Полскими и с Литовскими (л. 341) со многими людьми под Москвою утеснение дѣлають Москвѣ, а з другую сторону под Москвою же стоит вор ² и сказываетца царевичемъ Дмитреемъ, с Полскими ж людьми и с Рускими сворами с козаки хотят Московское государство доступит. А их боярской приговор на томъ, что имъ из Московского государства государя не обирает никого, а чтоб имъ ѣхат на съездъ, и договор учинили ³ съ етманомъ Станиславомъ Желтовскимъ, чтоб вора, которой называетца царевичемъ Дмитрѣемъ, отогнат от Москвы; да съ етманомъ же говорит о королевиче Владиславе Полскомъ, чтоб королевичю быт на Московскомъ государстве государемъ царемъ. (л.—об.) І свѣтейший патриархъ Ергоген со всѣмъ освященнымъ соборомъ совѣтовавъ и, по прошенью бояръ и всѣхъ людей Московского государства, благословил их на съѣздъ ѣхати к гетману, велѣлъ на томъ, что имъ гетману говорит, чтоб королевичъ Владиславъ крестился в православную вѣру крестьянскую грѣческаго закона, и всѣмъ бы городомъ быт по прежнему к Московскому государству, какъ при прежнихъ государехъ, а в Литву городовъ не отдават и воеводамъ Литовскимъ и полковникомъ по городамъ ⁴ не быт; і будет королевичъ креститца, и ему быт (л. 342) государемъ царемъ на Московскомъ госу-

¹ Муриный Э, У. ² называется Э, У. ³ учинили (—ти надъ строкой) Э; учинити У. ⁴ Въ Арх. сперва было написано: по городу; по городу Э, У.

дарстве; а будет не креститца, и ево на Московское государство не хотят. И тому всему написали статейной списокъ, о чем договор дѣлат.

А на съезде были бояре з гетманомъ: князь Ѳеодор Иванович Мстисловской, князь Василей Васильевич Голицын, Ѳеодор Иванович Шереметевъ, околничей князь Данило Иванович Мезецкой, думные дьяки: Василей Яновъ, Томило Луговской. И съ етманомъ Желтовскимъ и с полковники и с ротмистры договор учинили на всемъ по статейному списку, что королевичю Владиславу креститца, а королю Жигимонту (л.—об.) дать ево на Московское государство, и всѣмъ городом быт по прежнему к Московскому государству. И учиня договор, и грамоты утвержденные межъ себя и записи пописали с обѣ стороны: бояр(ин) князь Ѳеодор Ивалович Мстисловской с товарищи, которые с нимъ на съезде были, по своей записи королевичю Владиславу крестъ целовати за бояр и за всѣх людей Московского государства августа въ 17 день; а гетманъ и полковники и ротмистры по своей записи крестъ целовали ж всему Московскому государству на томъ, что их (л. 343) Жигимонту королю на Московское государство дать сына своего королевича Владислава и, будучи ему на Московскомъ государстве, креститца в православную крестьянскую вѣру грѣческаго закона, и всѣ имъ статьи учинит по договорной записи.

А вор, которой называетца ¹ царевичемъ Дмитреемъ, побѣжал ис под Москвы в Колугу и стоял в Колуге до зимы 119 году; а во 119-м году о зимней године милосердый Господь Богъ отвратил свой праведный гнѣвъ от православного крестьянского народу, не востерпе злоплевеному его злокозньству, прелесть вражью сокруши, яко Богъ не хотя беззаконья, не пребудут же (л.—об.) законопреступницы, возненавидѣлъ еси вся творящая беззакония, погубиша вся подножеству нечестия его изрини я: выеха он, злокозненный царь, Тушенский вор, названный царьским именемъ Дмитреем. на всполье града того Колуги, а с нимъ ближний его великий боярин князь Петръ Аросланович Урусовъ и умыслиша отсечи главу ему; а самъ в Крымъ побегоша, и Сендомирсково дочь Маринка и все его воинство Полское и Руское, которое было с нимъ в Колуге, тѣло его взяша и погребоша ее. И погибѣ память его с шумомъ: ров изрыи ископа и впадеса въ яму, юже содѣла; обратися болѣзнь его на главу его и на верхъ его неправда его; (л. 344) спиде и погibe он нечестивый.

(л. 345) Лѣта 7119-го году сентября въ 12 день патриархъ Ермогенъ Московский со всѣмъ освященнымъ соборомъ и з бояры отпустилъ к Жигимонту королю под Смоленскъ пословъ ото всего Московского государства: митрополита Ѳиларета Никитича Ростовского, да боярина князя Василья Васильевича Голицыпа, околничево князя Данила Ивановича Мезецкого, да думново дворенина Василья Борисовича Сукина, да дьяковъ думново Томила Луговского, Сыдавново Васильева;

¹ назывался Э, У.

а с ними столников дворянъ Московских из городовъ. И послы пришли под Смоленскъ х королю (л.—об.) для королевича Владислава. И король много посломъ манилъ, хотѣлъ сына своего королевича Владислава дать на Московское государство, што б ему быт на Московскомъ государствѣ государемъ царемъ; а для того манил, чтоб Смоленскъ здался ему, и хотел корол самъ завладѣть Московскимъ государствомъ. И видя то корол Полскій, што в Смоленске боярин Михайло Борисович Шеин сидитъ крѣпко и города королю не здасть, покажѣста он права своего и гетмансково крестного целованья не нарушит, и дастъ сына своего королевича Владислава на Московское государство государемъ царемъ. (л. 346) И потомъ король Полскій слово свое и гетманской договор и крестное целованье нарушил, королевича на Московское государство не дал, а в Москву ввел многих Полских и Литовских и Немецких людей, и Московскому государству учели тесноту чинит великую, и хотя Московское государство до конца розорити и православную истинную крестьянскую вѣру грѣческаго закона хотя искоренить, а хотя свою проклятую еретическую латынскую вѣру в Московскомъ государствѣ утвердит.

И тово ж году по городом служивые люди, слышав такой Божей праведный гневъ, што за умножения ради грѣховъ всѣх православных крестьян, (л.—об.) попущением Божиимъ, корол Полскій бояр и всяких чпновъ людей Московского государства своимъ бездушеством и крестопреступлениемъ оманул, хотѣлъ дать сына своего на Московское государство, чемъ бы ему Московское государство себѣ доступить, и видя королевскую неправду, што корол гетманское крестное целованье и всѣ договорные статьи нарушил, и сына своего на Московское государство не дал, и своимъ злохитрымъ проницствомъ усты своими мирная глаголя, в сердце же и во умѣ кровопролитие умышляя, лестию своею и крестопреступлениемъ ввел в Московское государство многих Полских и Литовских и Немецких людей, и Московское государство (л. 347) хочет до конца розорить и православную истинную крестьянскую вѣру грѣческаго закона хочет искоренить, а хочет свою проклятую еретическую латынскую вѣру в Московскомъ государствѣ утвердить,—и призывая в Троицы славимаго Бога и всемирную Заступницу и Помощнику Царицу Владычицу Богородицу на помощь, почали воеводы по городом збиратца с ратными людьми. В Колуге збирался с ратными людьми боярин князь Дмитрей Тимоѣевич Трубецкой да Иванъ Заруцкой, на Резани Прокоѣй Ляпуновъ, в Нижнемъ князь Олександръ Репнинъ, (л.—об.) в Муроме князь Василей Мосалской, в Володимере Ортемей Измайловъ, в Суздале Ондрѣй Просовецкой, въ Ярославле Иванъ Иванович Вольтинской, на Костромѣ князь Ѳедор Меринъ Волконской.

Того же году в Великій постъ на Страстной недѣли во вторникъ мѣсяца марта въ 19 день на память святых мученик Хрисанѳа и Дары, за умноженіе грѣхъ ради всѣхъ православных крестьян, попущением Божиим, Полские и Литовские и Немецкие люди Москву выжгли и вы-

секи, и бояр и думных людей побили: боярина князя Ондрѣя Васильевича Голицына, да думново дворенина Ивана (л. 348) Михайловича Пушкина, дворянина князь Василья Михайловича Лабаново—Ростовского, и иных многих дворян и дѣтей боярских и всяких чинов людей побили безчисленно, и святыя Божия церкви и образы кололи, и не пощаде Господь Богъ образа своего поруганна от иновѣрцовъ всемирного ради согрѣшенья, и царскую искони вѣчную казну пограбляи, и все Московское государство боярские и дворянски и гостины и посадцких людей дома и во всѣх редѣх лавки розграбили, и казны взяли безчисленное множество.

Того ж году мѣсяца собрався воеводы из городов: ис Колуги боярин князь Дмитрей Тимоѣевич Трубецкой да Иван Зарутцкой ¹, (л.—об.) с Резани Прокофеей Ляпузов, из Нижнева князь Олександръ Репнин, из Мурома околничей князь Василей Мосальской, из Володимера околничей Ортемей Измайловъ, из Суздаля Ондрѣй Просовецкой, из Ярославля Иванъ Иванов сынъ Волинской и иные воеводы из разных городовъ, а с ними столники и стряпчие дворяне ² и дѣти боярские и атаманы и казаки и стрелцы и всякие служивые люди пришли под Москву, и Полских и Литовских и Немецких людей пана Гасевского, да полковника Зборовского, и иных полковников (л. 349) и ротмистров осадили в Москвѣ в дву городех в Китае да в Кремле.

Тово ж году корол Полский великих послов Московского государства митрополита Филарета Никитича Ростовского, да боярина князя Василья Васильевича Голицына, да думного дьяка Томила Луговского, столника Бориса Ивановича Пушкина, дворян князь Якова Борятинского, Фому Квашнина ³, Богдана Глѣбова, Ивана Коробьина, Бориса Бартенева, Василья Павлова, Антона Загоскина, Олександра Хотяинцова, и иных дворянъ сослал в Польшу, и розослал их по разнымъ городом, и тѣснота имъ была многая и голод великий за то, што онѣ, памятуя Бога и души свои и приказ (л.—об.) и благословенья великого государя крѣпково противъ враговъ стоятеля святѣйшаго Ермагена патриарха Московского и всеа Русии, стояли в твердости разума своего за всѣх православныхъ крестьян Московского государства, и ни на какие королевские прелести не предстилися, и грозъ смертныхъ не убоались, и многую свою службу и правду показали ко всѣму Московскому государству. А иные думные люди и дворяне, которые были с послы с Москвы вмѣсте посланы, и онѣ, забывъ Бога и души свои, прелстилис на королевския смуты и были во всемъ послушны королевской воли; а великихъ пословъ Московского государства (л. 350) митрополита Ростовского Филарета Никитича, и боярина князя Василья Васильевича Голицына с товарищы покинули, и многие ис под Смоленска к Москвѣ поѣхали, а корол имъ на то волю учинил.

¹ *сперва было написано:* Загряской Арх. ² *вст.:* большие, и жилцы, и дворяне из городов Э, У. ³ *сперва было написано:* Ивашкина Арх.; Ивашкина Э, У.

Того же году корол Смоленскъ взял, и боярина Михаила Борисовича Шеина в Смоленске взял з женою и з детми, и пытал ево многими розными пытками, и сослал ево з женою и з дѣтми в Польшу, и велѣлъ их розослать по рознымъ городомъ; и тѣснота имъ и голод был великой за то, что он противъ короля в Смоленске сидѣлъ многое время, и королевских Полских и Литовских и Немецких людей на многих приступех многих побилъ, а королю города не здаль, а на королевские (л.—об.) прелести ни на какие не уклонился, стоял в твердости разума своего.

(л. 352) ¹ Лѣта 7120-го ² году стояли под Москвою воеводы: бояриинъ князь Дмитрѣй Тимооѣвич Трубецкой, да Иванъ Заруцкой, и инне многие люди ³.

Того ж году в Нижнемъ Новегороде мужъ пѣкий убогою куплею пятася, сиирѣчь продавец мясу, имянем Кузма ⁴ Минин; той же Кузма ⁴ отложше свое дѣло, и восприемлет велемудрое разумение и смыслъ, и на всѣх людех страны тоя силу и власть восприемлет, и многие поборы денежные собирает, и изыскует во градах воинских людей, которые избыша от посечении иноплеменных и живут в великих бѣдностех от многого разорения, и сих ⁵ (л.—об.) изыскует, и жаждущая сердца их утоляет, и скудости их исполняет; и сими дѣлы собирает многое воинство. В то же время случися быти столнику князю Дмитрѣю Михайловичю Пожарскому в Нижегородскомъ уезде в своей вотчинѣ. Той же Кузма Минин, слышавъ о пѣмъ, и посылает к нему, чтобы ⁶ ѣхаль в великий Нижней Новѣгород, и поручает ему всѣ собраное ⁷ воинство. И столникъ князь Дмитрей Пожарской прошение их с радостию приемлет ⁸; и придоша в Нижней Новѣгород и воинство многое собираетца.

Того ж году столникъ князь Дмитрей Пожарской да Кузма Минин пришли въ Ярославль, а с ними многие ратные люди; и въ (л. 353) Ярославле стояли многое время. И ту собрашася многое воинство. Кузма же Минин, о своемъ дѣле непрестанно попечения имея, во всѣ города Росиіского царьства грамоты посылает, и многую денежную казну собирает и роздает воинству ⁹, и исполниша их скудости. И тако поидоша столникъ князь Дмитрѣй Михайлович Пожарской да Кузма Минин со многимъ воинством под царствующий град Москву; и пришед под Москву, стали обозомъ зъ другую сторону Московского государьства у Арбацких ворот.

Того же году припол под Москву ¹⁰ великий гетман Хаткѣвич со многими полковники и ротмистры с Полскими и с Литовскими людьми, и розъярился (л.—об.) зѣло, и хотя отженути Московское воинство ¹¹ от стен городцких, своих же во граде Москвѣ свободных учинити хотя, и

¹ Въ Арх. л. 351--чистый. ² Этими словами начинается ркп. гр. Румянцова № 341; только вмѣсто „7120-го“ написано: „7121-го“. ³ воеводы Р2, Э, У. ⁴ Кузма Р2. ⁵ сїи Р2. ⁶ вст.: онъ Р2. ⁷ сперва было написано: соборное Арх.; соборное Э, У. ⁸ радостно восприемлет Р2. ⁹ роздаша войску Р2. ¹⁰ вст.: Литовской Р2. ¹¹ войско Р2.

скачет по полком своим, всюду аки левъ рыкая ¹, повелѣвая крѣпнѣ битис. Стольник же князь Дмитрий Пожарской со всѣми своими полки прииде на бой, и бысть бой велий с Поляки. В то ж время начальный воевода бояринъ князь Дмитрий ² Трубецкой от Яуских воротъ прииде на бой с полки своими ко князю Дмитрею Пожарскому на помощь, и бысть гром великий от стрѣляния пищального и молния яко с небес блистаяс ³. И тако Московские люди силу над Поляки восхищают, а Поляки бѣгству вдашас ⁴; и которые запасы хотѣли провести в город, и Московские люди тѣ запасы всѣ поймали, а в город Поляком нечево не пропустили, и Полских и Литовских людей многих людей ⁵ побили, а гетманъ отшел в станы свои.

Тое же ночи гетман начальный воевода Полского народу пан Хаткѣвич, видявъ ⁶ Московского народу собрание велие изрядное их ополчение, помышляше на долгое время, и поидоша воспят; в Москвѣ же Поляком некоторые помочи учинити не возмогоша. И Поляки в осаде запасомъ оскудѣша, и до того доиде: всякое сквѣрно и нечисто ядыху, и сами себя тайне побиваху и друг друга съѣдаху ⁷.

(л. 355) .Лѣта 7121-го сентября въ день стояли под Москвою воеводы: у Яуских ворот боярин и воевода князь Дмитрѣй Тимоѣевич Трубецкой, у Орбацких ворот столникъ и воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарской да Кузма Минин. А в Москвѣ сидѣли в осаде полковник Струс и ротмистры, а с ними Полские и Литовские и Немецкие люди; и запасы своими конечно оскудѣша, всякое скверно и нечисто ядыху, и сами себя тайно побиваху, и друг друга съѣдаху ⁷, и ослабѣша от глада, изомроша от глада ⁸ мнози; Московсково ⁹ же государства народу великих бояр окупе ж ¹⁰ и всѣх людей мужей (л. — об.) и жеп и отроковицъ послѣдняго ¹¹ ряду несходя своего от насилуваннныя ¹² руки своя свободных ¹³ учиняют, и врата городцкия имъ отворяют. Они ж яко пленницы да становъ Московского воинства ¹⁴ приходят, и койждо своими познаваетца. Воеводы ж Московского государства, видя враги своя оскудѣваема, и повелѣ всему воинству ко граду Китаю приступати и хоругви по стенамъ городцкимъ простирають; и тако взяту бывшу граду Китаю. Московски ж воини, яко лвы рыкая ¹⁵, скоряд ко вратомъ превысокого града Кремля, уповая ¹⁶ отомщения врагомъ своимъ немедленно воздати. И тако ужасни быша Поляки, ворота городцкия утверждаютъ жестокими затворы, а оружия своего не могоша поднять (л. 356) и бегают семо и овамо ¹⁷, и недоумѣваютца, како бы от посекаемаго меча могли избыти.

И тако снисдошася вкупе на площадь ¹⁸ вся воинство, посреди ж ихъ стоитъ начальной воевода пан Струс ¹⁹, мужъ великий ²⁰ храбрости и

¹ рыская Р2. ² *вст.*: Тимоѣевич Р2, Э, У. ³ блистаяс Р2., Э, У. ⁴ дашася Р2; вдашася Э, У. ⁵ людей *нѣтъ* Р2, Э, У. ⁶ видел Р2. ⁷ ядыху Р2. ⁸ отъ глада *нѣтъ* Р2. ⁹ народу Р2. ¹⁰ вкупе же Р2. ¹¹ ради незгодия Р2. ¹² насилныя Р2. ¹³ свободны их Р2. ¹⁴ войска Р2. ¹⁵ рыскають, скорят Р2. ¹⁶ уповають Р2. ¹⁷ семоовама і недоумеваеяса, како бы от посеченія Р2. ¹⁸ войско, посреди же Р2. ¹⁹ Трус Р2. ²⁰ великия Р2.

многова разсужения, и рече: воиши Полского народу полковникам ¹ и ротмистрам и всѣ рыцарство! Вѣсте сами настоящую сию бѣду нашу, юже ² наша кончина приходит; слаткий убо свѣтъ минуетца ³, а горшшая тма покрывает и посекаемый мечь уже готовъ бысть. Подайте ми совѣтъ благъ, да како избыти можемъ от немилостиваго сего меча врагъ нашихъ.—Поляки ж вси единодушно воздвигоша гласы своя, да пошлют послы к воеводам Московского воинства просити от них милосердия, штоб онѣ не предали их лютыя и горкия смерти и не (л. — об.) свели бы их душъ с кровию во ад. Воеводы ж и начальники Московского государства собрания на милость ⁴ уклоняютца, и обѣщание имъ дають, да ⁵ в сохраненію живота своего пребудут от меча их. Послы ж радостны во град возвращаютца и повѣдаютъ вся бывшая; Поляки ж возрадовася о семъ радостію велию зѣло и ворота города Кремля отворяють. И воеводы ж Московского воинства в город входят тихими стопами, и к соборной апостолской церкви Пречистые Владычице ⁶ Богородицы приступаютъ, и пред чудотворною иконою Владимирскою припадаютъ, и от радости многіе слезы проливаютъ, благодаряще неисповѣдимаго Дародавца (л. 357) Бога, иже на херувимах сѣдя и на смиренныя призывая и на боящихся его велия щедроты изливая, што всещедрый и всемилостивый Господь Богъ нашъ, не помянувъ всемирново нашево согрѣшения, праведный свой гнѣвъ отвратилъ и свою всещедрую и неизреченную милость показал не по нашему окоянству, по своему милосердому чловѣколюбію и по умоленію всемирныя Заступницы и Помощницы Царицы и Владычицы Богородицы и Московских чудотворцовъ Петра и Олексѣя и Ионы, Московское государство ото враговъ Богъ очистил. И воздавъ хвалу Богу, потомъ приходятъ в царские полаты, и призываютъ к себѣ начальниковъ Полсково воинства и Московских изменников, и их испытуютъ о царских (л. — об.) многолѣтных сокровищех. Они же имъ вся повѣдаютъ оставшая сокровища от похищения; и Московский же ⁷ начальники вся собирають вкупе. И потомъ Московскіе начальники и воеводы повелѣвають воеводу и властелина Полсково народу пана Струса утвердити за крѣпкими стражи, и иных полковниковъ и ротмистровъ Полского народу и все воинство за приставы раздаша; а иных воин ⁸ в окрѣстные города розослаша, смерти же их по обѣщанію не предаша. Потом же воеводы ⁹ и все воинство, вкупе ж и весь народ Московский, воздаша хвалу всещедрому и всемилостивому в Троице славимому Богу и всемирной Заступнице и Помощнице Царицы Владычице Матери Божии, и (л. 358) пред чудотворною Еѣ иконою молебное пѣніе воспеваху. И уставивша празникъ торжественный празновати образу чудотворному иконы ¹⁰ Пречистые Богородицы Казанскіе октября въ 22 день.

¹ полковники и ротмистры Р2; полковнику и ротмистры; Э, У. ВЪ Арх. сперва было также написано. ² уже Р2. ³ минетца Р2. ⁴ молитву Р2. ⁵ до сохранения Р2. ⁶ вст.: наша Р2. ⁷ воеводы и начальники Р2. ⁸ воинъ мѣтъ Р2, У. ⁹ воевода Р2. ¹⁰ чудотворные Э, У.

Того же году королъ Полскій со многимиъ собраніемъ с Полскими и с Литовскими и с Немецкими людьми шолъ под Московское государство, а хотѣлъ воеводъ Московскаго государства и все воинство от Московскаго ¹ царствующаго града от ² Москвы отогнатъ, и хотѣлъ самъ завладѣти Московскимъ государствомъ. И всещедрый и всемилостивый Господь Богъ не попусти его на такое злое похищреніе; и приде под городокъ под Волокъ под Ламской и стоялъ под нимъ многое время, а в городе (л.—об.) сидѣли ³ воевода Иванъ Костянтиновъ Сычъ ⁴ Корамышевъ да отаманы и казаки: и королъ велѣлъ к Волоку приступать многими жестокими приступы; и на приступе многое у него побили Полскихъ и Литовскихъ и Немецкихъ людей. А ис под Волока Ламскаго присылалъ ⁵ под Москву околничево князя Данила ⁶ Ивановича Мезецкова, а с нимъ ротмистровъ и Полскихъ и Литовскихъ людей человекъ съ триста провѣдывать: еще ли сидятъ ⁷ в Москвѣ ⁸ Полскіе и Литовскіе люди. И Московскіе люди, из Москвы выѣхавъ, хотѣли с ними битися; и онѣ побегали, и взяли ⁹ на стороже сына боярскаго, и привели къ королю, и воспрося ¹⁰ ево королъ, и пошелъ къ себѣ в Польшу с великимъ позоромъ. А Волоку никакова дурна учинитъ не умѣлъ, лише людей много потерялъ.

(л. 359) Тое жъ осени околничей князь Данило Ивановичъ Мезецкой от короля утекъ з дороги, и приѣхалъ къ Москвѣ къ бояромъ, и сказалъ, што королъ пошелъ прямо в Польшу со всеми людьми ¹¹.

Тое жъ осени писали бояре и околничія и всякихъ чиновъ люди во все города, штобы изъ всехъ городовъ ѣхали выборные люди къ Москвѣ для ради царскаго избирания.

Тое жъ зимы къ Москвѣ съѣхались изъ всехъ городовъ и выборные люди, и совѣтують о царскомъ избирании; и тако по многія дни бысть собранія людемъ, дѣла жъ толикаго вѣща утвердити не могутъ, и все мятутся сѣмо и овамо.—Во единый жъ день снадошасъ в сонмъ едину и нача совѣтовать (л.—об.) о царскомъ избирании. Всещедрый и всемилосердый Господь Богъ вложи в сердца ¹² Московскому государству, и отверзають уста своя вси народи и вопиють великими гласы единодушно: да будетъ на Московскомъ государстве и на всемъ Російскомъ царствѣ государемъ царемъ и великимъ княземъ Михайло Федоровичъ,

¹ Московскаго *нѣтъ* Р2. ² отъ *нѣтъ* Р2. ³ сидѣлъ Р2. ⁴ сынъ Р2, Э, У, В; *Арх. сперва было написано:* Костянтиновичъ. ⁵ присылали Р2. ⁶ Василья Э, У ⁷ идетъ Э, У. ⁸ въ Москвѣ *нѣтъ* Р2. ⁹ взял на стороже сына боярскаго Р2. ¹⁰ роспрося Р2. ¹¹ *далее въ ркп. Р2 на той же страницѣ, тотчасъ, безъ какого либо отступа, написано тѣмъ же почеркомъ:* „Книга, а в ней писаны розряды при великомъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Михайлѣ Федоровичѣ, всеа Русіи самодержце, какъ, по милости всемогущаго Бога и по избранію всего Російскаго государства всякихъ чиновъ людей, великий государь царь и великий князь Михайло Федоровичъ, всеа Русіи самодержецъ, учинился на Владимерскомъ, и на Московскомъ и на всехъ великихъ преславныхъ государствахъ Російскаго царствия государемъ царемъ и великимъ княземъ всеа Русіи самодержцемъ.“ ¹² и во умы всему Московскому народу и отверзають Э, У.

преже бывшаго великаго боярина сынъ Ѳедора Никитича Раманова и единокровок бысть блаженныя памяти преже бывшему великому праведному и благородному государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичю всеа Русіи. И не от челоувѣкъ, но Богомъ избранный великий государь царь и великий князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи, юноша зѣло млад бысть в тыя дни, когда ж избран бысть на царской престол, Богом направляем, и в тыя дні бысть он государь в Костромскомъ уезде в вотчинах (л. 360) своих с матерью своею с великою государынею старицею инокою Марою Ивановною.

Тое ж зимы власти и бояре послали к нему государю на Кострому ото всего Московского государства бити челом архиепископа Рязанского, да бояр Ѳедора Ивановича Шереметева, да князь Володимера Ивановича Бохтеярова, да околничево Ѳедора Васильевича Головина ¹, да с ними столников и стряпчих и дворян и всяких чинов людей Московского государства,—просити у него государя милости, чтоб он государь пожаловал всеѣх православныхъ крестьян, моления не презрил, и был на Московскомъ государстве и на всемъ Російскомъ царстве государемъ царемъ и великимъ княземъ всеа Русіи и шол на свой царской престол.

Тое ж зимы в великіе говѣина марта въ 14 день нарчен бысть Богомъ избранный государь царь и великій (л. об.) князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи на царство.

Тово ж мѣсяца государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи с матерію своею с великою государынею старицею инокою Марою Ивановною пошол с Костромы въ Ярославль, и стоял въ Ярославле в Спаскомъ монастыре до весны до просухи.

Тово жь году послали с Москвы власти и бояре и всяких чиновъ люди Московского государства к великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи бити челом и просити у него государя милости, чтоб онъ шоль государь на свой царской престолъ, другую болшую встрѣчу: архиепископа Суздальскаго, да бояр князь Ивана Михайловича Воротынскаго, Василья (л. 361) Петровича Морозова, да околничево князя Данила Ивановича Мезецкова, а с ними всяких чиновъ людей Московскаго государства ².

Тово ж лѣта государь царь и великий князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи пришол в царствующій град Москву на свой царской престолъ.

Тово ж лѣта іюня въ 11 день государь царь и великий князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи венчался царскимъ вѣнцомъ в соборной и апостолской церкви у Пречистые Богородицы, а вѣнчал Казанской митрополитъ.

Тово жь дни пришол государь в Золотую полату и сѣлъ на своемъ царскомъ мѣсте и пожаловал государь в бояре столника князь Ивана

¹ того ж году послали къ нему государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Росіи болшую встрѣчу въ Ярославль архиепископа Р.

² Тово ж году государь царь і великий князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Росіи пожаловал в бояре Р.Х.

Борисовича Черкасского; а сказати велѣль (л.—об.) думному дьяку Сыдавному Васильеву, а у скаски велѣль стояти боярину Василью Петровичю Морозову.

Тово же ¹ дни пожаловаль государь в бояре столника князя Дмитрея Михайловича Пожарского, а сказывал ² боярство думной Розрядной ³ дьякъ Сыдавной Васильевъ. А у скаски велѣль государь стоять думному дворянину Гаврилу Григорьевичю Пушкину; и Гаврила ⁴ на князя Дмитрея ⁵ бил челомъ государю в отечестве, што ему у скаски стояти и менши князя Дмитрѣя быти невмѣстно. И государь, говоря з бояры, и указал у скаски стоять Гаврилу ⁶ со князь Дмитреемъ без мѣсть; и ⁷ Розрядному думному дьяку Сыдавному Васильеву приказаль государь в тѣ жь поры в Золотой (л. 362) полате при всѣхъ боярехъ, Гаврилово челобитье в Розряде велѣль записать, што ему та скаска со князь Дмитреемъ без мѣсть. А князь Дмитрѣево встрѣшнево челобитья на Гаврила не было ⁸.

І в тѣ жь поры в Золотой полате государь царь і великий князь Михайло Ѳедорович всеа Русіи велѣль сказать Посольскому дьяку Петру Третьякову: бояромъ князю Ѳедору Ивановичю Мстисловскому велѣль себя государя золотыми осыпать. А дяде своему родному боярину Ивану Никитичю Романову велѣль сказать, што ему держать шапку Маномахову. А боярину князю Дмитрею Тимоѣевичю Трубецкому велѣль сказать держати ему скиеетръ. (л.—об.) І бояринъ князь Дмитрей Трубецкой бил челомъ на боярина на Ивана Никитича Романова о мѣстех, што ему менши Ивана быти невмѣстно. И государь сказал боярину князю Дмитрею Трубецкому: ведомо твое отчество перед Иваномъ, мочно ему тебя менши быть; а ныне тебѣ быти для того, что мнѣ Иванъ Никитич по родству дядя, а быть вамъ без мѣсть.

І в тѣ жь поры велѣль государь итти на Козенной двор бояромъ по свой царьской сань боярину Василью Петровичю Морозову да боярину князю Дмитрею Михайловичю Пожарскому, Микиеору Трахониотову. И с Казенново двора деодиму и крестъ и шапку нес на блюде Благовѣщенской протопоп Кирило, скиеетръ нес боярин князь Дмитрей Михайловичъ (л. 363) Пожарской, яблоко нес Микиеор Трахониотов,

¹ тово ж году государь царь і великій князь Михайло Ѳедорович всеа Росіи пожаловал в бояре Р, X. ² вст.: ему Р, X. ³ Розрядной *мѣтъ* Р, X. ⁴ Гаврило Пушкин Р, X. ⁵ вст. Пожарского X, Р. ⁶ Гаврилу *мѣтъ* X, Р. ⁷ челобитье Гаврила Григорьевича велѣл государь записать. А князь Р, X. ⁸ Того ж году как венчался государь царским венцем, и с Казенного двора царьской сан несли в Золотую полату, а из Золотыя полаты к соборной церкви. И боярин князь Дмитрей Пожарской нес скиеетръ, а яблока нес Микиеор Трахониотов. Того ж году послал за Зарѣцким князь Иван Иванович Меншой Одоевской, а в сходе велено быти воеводам из городов; и грамота к ним от государя прислана о том, а в грамоте написано: Ивану Измаилу наперед князь Романа Пожарского. Того ж году послан под Тихвин Ѳедор Смердов сынъ Плещѣев да Исак Погожей. И у скаски Исак Погожей бил челом на Ѳедора Плещѣева в отчествѣ, и в томъ Исак перед Ѳедором Плещѣевым обвинен. 7122 г. какъ посылан... Р, X.

стоянецъ нес дьяк Олексѣй Шапиловъ; а перед саном шол с Казенново двора боярин Василей Петрович Морозовъ.

И какъ пришли с саномъ в Золотую полату, и государь велѣлъ имъ же несть из Золотой полаты в церковь к Пречистой Богородицы; а боярину Василью Петровичю велѣлъ перед своимъ государевым саномъ итти ко Пречистой Богородицы. И боярин Василей Морозовъ билъ челомъ государю о мѣстех на боярина на князь Дмитрея ¹ Трубецкова, что ему перед саномъ быть, а боярину князю Дмитрѣю держать скиѣетръ, и миѣ по вашей царьской милости князя Дмитрѣя Трубецково быть менши нельзя. И государь Василью сказал: мочно тебѣ со князь Дмитреем (л.—об.) быти всегда и велѣлъ ему итти перед саном.

И потомъ царь и великий князь Михайло Ѳедорович всеа Русии самъ пошел в соборную и апостольскую церковь ко Пречистой Богородицы и, пришедъ ко Пречистой Богородицы, сталъ на мѣсте на царьскомъ. А шапку Маламахову держалъ родной дядя боярин Иванъ Никитичъ Юрьевъ-Романовъ, скиѣетръ держалъ боярин князь Дмитрей Тимоѣевичъ Трубецкой.

А какъ государь венчался своимъ царьскимъ вѣнцомъ и пошел из Пречистой Богородицы ко Архангилу, и во дверех у Пречистой государя осыпал бояринъ князь Ѳедор Иванович Мстисловской; в другорать осыпал у Архангела во дверехъ, (л. 364) в третій осыпал у Грановитой полаты на леснице. И государь пришел к себѣ в хоромы. А столъ был в Грановитой полате, а бояромъ государь велѣлъ быть у стола всѣмъ без мѣстъ. А в столы сказывали: в большой стол князь Юрьи Яншин Сулешевъ, в кривой стол Василей Иванович Бутурлинъ. А вина нарежал князь Иванъ Ѳедоровичъ Троекуровъ.

Назавтрея тово дни июля въ 12 день пожаловал государь Кузму Минина, велѣлъ ему быть в Думе.

Тово жъ дни столъ был у государя в Грановитой же полате, а бояромъ велѣлъ быть у стола всѣмъ без мѣстъ. А в столы сказывали: в большой стол князь Петръ Иванович Пронской, в кривой стол князь Олексѣй Михайловичъ Лвов.

(л.—об.) Июня въ 13 день пожаловал государь Микиѳора Васильевича Трохопиотова, велѣлъ ему быти в казначѣях. А сказывал ему думной дьякъ Сыдавной Васильевъ.

Тово ж дни пожаловал государь, велѣлъ быть в Думе дьяку Петру Третьякову.

Тово ж дни у государя столъ был в Грановитой ж полате, а бояре у стола были всѣ без мѣстъ. А в столы сказывали: в большой стол князь Василей Семенович Куракин, в кривой стол князь Олексѣй Лвовъ.

Тово же году послан на Заруцкого воевода князь Иванъ Иванович ² Меншой Одоевской, а в сходе с нимъ велено быть воеводамъ из городовъ: из Володимера Ивану Васильеву сыну Измайлову, из Суздаля князь Роману Петрову сыну Пожарскому, с Резани Мирону Ондрѣеву

¹ *зачеркнуто*: Ивана Арх. ² *надъ строкой*: или Никитичъ Арх.

сыну Вельяминову, изю Брянску князь Григорью князь Васильеву сыну Тюеякин, (л. 365) из Рыльска князю Ѳедору князь Ондръеву сыну Елецкому. И какъ сошлись воеводы со князь Иваномъ Одоевскимъ, и Божиею милостию и государевымъ счастьемъ вора Заруцково побили; и Заруцкой с Маринкинымъ сыномъ и с Маринкою побѣжалъ в Астаракань. И государь писалъ ко князю Ивану Одоевскому на Резань, а велѣлъ государь ему быть к себѣ государю к Москвѣ.

Тово ж июня въ 7 день писали с Тихвина воеводы князь Семен Васильевич Прозоровской да Левонтей Ондръевич Вельяминовъ-Воронцовъ, что идут в Тихвинъ многие Немецкие люди и Черкасы. И по тѣмъ вестямъ приказал государь послать на Тихвину с прибыльными людьми воевод Ѳедора Смердова сына Плѣщеева да Исака Семенова сына Погожева. И у скаски бил челомъ государю Исакъ Погожей на Ѳедора Плѣщеева в отечестве, что ему менши Ѳедора Плѣщеева (л.—об.) быти невмѣстно. И государь велѣлъ у нихъ взять челобитные и приказал бояромъ, велѣлъ ихъ поставить с очей на очи и про ихъ отечество велѣлъ сыскать своими государевыми розряды; и то ихъ дѣло вершилося и скаска имъ была: (в) 122-мъ году Исакъ Погожей Ѳедору Плѣщеву обвиненъ.

Того же году послал государь под Вязму, и под Бѣлую, и под Дорогобужъ и под Смоленскъ столниковъ і воевод князя Дмитрѣя Мамстрюковича Черкасского, да Михайла Матвѣевича Бутурлина да дьяка Оеонася Царевского, а с ними дворян Московских, и стряпчих, и жильцовъ и многие города дворян, и дѣтей боярских, и атамановъ, и казаковъ, и стрелцовъ и многихъ ратныхъ людей. И Литовские люди, послыша государевыхъ воевод и многихъ ратныхъ людей, Вязму и Дорогобужъ покпнули, а сами побѣжали. И государевы воеводы князь Дмитрѣй Мамстрюкович (л. 366) Черкасской да Михайло Матвѣевич Бутурлинь оставили в Вязме воеводу Дмитрѣя Ѳедоровича сына Скуратова до государева указа, а в Дорогобуж послали Микиту Парамонова сына Хихорева, а сами пошли под Бѣлую. И на Белой Немцы и Литва сели в осаде, и столника і воеводу Михайла Матвѣевича Бутурлина под Белою ранили ис пушки, кость из головы вырвало, немного от тое раны не умер. И того же мѣсяца августа въ день Немцы и Литва, которые сидели в осаде на Бѣлой, здалися, государю добили челомъ; и столникъ і воевода князь Дмитрѣй Мамстрюкович Черкасской Бѣлую взял и к государю прислалъ с сеупчомъ.

Того же году послал государь ко князю Дмитрею Мамстрюковичю з жалованнымъ словомъ за Белскую службу столника¹ Василья Петровича Шереметева и велѣлъ (л.—об.) ему столника князь Дмитрѣя Мамстрюковича о здоровье спросить.

Тово ж году послал государь на Белую ко князю Дмитрею Мамстрюковичю Черкасскому в товарищи на Михайлово мѣсто Бутурлина столника и воеводу князя Ивана Ѳедоровича Троекурова, і велѣлъ государь князю Дмитрѣю Мамстрюковичю да князь Ивану Троекову

¹ *зачеркнуто*: князь Арх.

итти под Смоленескъ со всѣми людми; и онѣ по государеву указу пошли под Смоленескъ и в Смоленске Литовских людей осадили.

Тово ж мѣсяца августа въ день сказано воеводам под великий Новѣгород боярину князю Дмитрею Тимоѣевичю Трубецкому да околничему князю Данилу Ивановичю Мезецкому. А посланы под Новѣгород и у руки у государя на отпуске были во 122-м году в сентябре.

(л. 367) Тово ж году сказано столнику Борису Петровичю Шереметеву да дьяку Богдану Губину под Смоленескъ к столнику и к воеводе князю Дмитрею Мамстрюковичю Черкаскому и ко всѣмъ ратнымъ людемъ ѣхати з золотыми за Белскую службу; а отпущены под Смоленескъ з золотыми во 122-м году в сентябре.

III.

По рукописи собранія князя М. А. Оболенскаго № 100. Варіанты отмѣчаются изъ рукописей: а) Археографической Комиссіи № 983/104, обозначается А; б) собранія И. Д. Бѣляева (въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ музеяхъ) № 76/1585, обозначается Б; в) Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, т. н. Бахмаковская, обозначается О; г) библиотеки Императорской Академіи Наукъ № 42, нынѣ 34. 3. 2., обозначается С и д) собранія Императорскаго Эрмитажа (въ Императорской Публичной Библиотекѣ) № 390 а, обозначается В; здѣсь отмѣчаются только варіанты челобитной князя Юрія Хворостинина и «случаевъ и счетныхъ памятей», поданныхъ на судъ въ отечество Г. Г. Пушкина съ княземъ Ѳ. А. Звенигородскимъ; самый же текстъ записей по сей рукописи печатается отдѣльно, ниже подъ А: IV.

(л. 291) Лѣта 7113 году. В Астарахани околничей и воеводы князь Иванъ Дмитриевичъ Хворостинин да Ѳедоръ ¹ Петровъ сынъ Окинеовъ да дьякъ Ѳеонасей ² Карповъ.

Того же году были бояре и воеводы ³ во Брянску по полкомъ: в болшомъ полку бояринъ и воеводы—князь Дмитрей Ивановичъ Шуйской да князь Михайло Ѳедоровичъ ⁴ Кашинъ; в передовомъ полку околничей и воеводы: Иванъ Ивановичъ Годуповъ да князь Лука Осиповичъ ⁵ Щербатой; в сторожевомъ полку бояринъ и воеводы: Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ да князь Ѳедоръ Ондрѣевичъ ⁶ Звенигородцкой. А какъ государь указал на Сѣвере быти воеводамъ на пять полковъ: в болшомъ полку бояре ⁷ и воеводы—князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстисловской, да князь Ондрей Ондрѣевичъ Телятевской, да ⁸ с Розрядомъ дьяки Василей Нелюбовъ да Иванъ Грамотинъ; да в болшомъ же полку с нарядомъ: воевода думной дворянинъ Василей Борисовичъ ⁹ Сукинъ да дьякъ Иванъ Колъ ¹⁰ Тимоѣевъ; в правой рукѣ бояринъ и воеводы: князь Дмитрей Ивановичъ ¹¹ Шуйской да князь Михайло Ѳедоровичъ ⁴ Кашинъ; в пере-

¹ Акинѣевъ А, О. ² Аюна С. ³ князь Дмитрей Ивановичъ О. ⁴ Ѳедоровичъ мѣтъ А, О. ⁵ Осиповичъ мѣтъ А, О. ⁶ Ондрѣевичъ мѣтъ А, О. ⁷ бояринъ Б, А, С, О. ⁸ да Розрядной дьякъ С; да Розрядные дьяки О. ⁹ Борисовъ сынъ Б, С; Борисовичъ мѣтъ А, О. ¹⁰ Колъ мѣтъ Б, А, С, О. ¹¹ Петровичъ А, О.

довом полку бояре ¹ и воеводы ²: князь Василей Васильевич Голицын да Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ ³; в сторожевомъ полку околничей и воеводы: Иван Иванович Годуновъ да князь Михайло Самсоновичъ ⁴ Туренин; в лѣвой рукѣ околничей и воеводы: Василей Петровичъ Морозовъ да князь Лука Осиповичъ ⁵ (л.—об.) Щербатой. А грамоты писались от государя: бояромъ и воеводамъ князю Ѳедору Ивановичю Мстисловскому ⁶ да князю Дмитрею Ивановичю Шуйскому с товарищи. И ⁷ был имъ бой под Новым городкомъ Сѣверскимъ с воромъ ⁸ с Ростригою и на томъ бою боярина князя Ѳедора Ивановича Мстисловского ранили. И государь послалъ на Сѣверу боярина князя Василья Ивановича Шуйскова, а с нимъ столпиковъ и дворянъ Московских; а велено ему быть в болшомъ полку з бояриномъ со княземъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Мстисловскимъ. А грамоты к нимъ ⁹ писаны от государя: к бояромъ князю Ѳедору Ивановичю Мстисловскому, да князю Василью да князю Дмитрею Ивановичемъ Шуйскимъ.

Того же году послал государь по вестемъ, какъ шол Рострига на Сѣверу ¹⁰, в Черниговъ боярина ¹¹ князя Никиту Романовича Трубецкова, да околничего Петра Ѳедоровича Басманова, да голову Ондрѣя Матвѣева сына ¹² Воейкова. А в Чернигове воеводы: князь Иванъ Ондрѣевичъ ¹³ Татев да князь Петръ князь Михайловъ сынъ ¹⁴ Шеховской. А велено быти в Чернигове боярину ж князю Миките ¹⁵ Трубецкому, да околничему Петру Басманову ¹⁶, да воеводамъ князю Ивану ¹⁷ Татеву, да князю Петру Шеховскому, да головѣ Ондрѣю Воейкову. И князь Микита и Петръ в Черниговъ не поспѣли, потому что Черниговъ Рострига взял и крестъ ему целовали ¹⁸, и онѣ сѣли в осаде в Новѣгородкѣ Сѣверскомъ. А в Новѣгородкѣ ¹⁹ (Сѣверскомъ) были (л. 292) воевода князь Григорей Ивановичъ ²⁰ Гогаринъ да голова Елизарей.....²¹ сынъ Бартеневъ. Да в Новѣ же городокъ Сѣверской посланъ ²² князь Яковъ Петровичъ ²³ Борятинской. А в Путимлѣ послан околничей Михайло Михайловичъ Кривой ²⁴ Салтыков да дьякъ Богданъ Сутуковъ ²⁵. А в Путимле воевода князь Василей Михайловичъ ²⁶ Рубецъ ²⁷ Мосалской ²⁸. А быти въ Путимле околничему Михайлу Салтыкову, да князю Василью Мосалскому, да дьяку Богдану Сутукову ²⁹. А в Новѣгородкѣ Сѣверскомъ вѣтѣлъ государь быти боярину князю Миките Рома-

¹ бояринъ Б, А, С, О. ² воевода А, Ѳ. ³ Морозов А, О. ⁴ Самсоновичъ *нѣтъ* А, О. ⁵ Осиповичъ *нѣтъ* А, О. ⁶ на поляхъ: Рострига *Обол.* ⁷ и у воеводъ был бой О. ⁸ с воромъ *нѣтъ* Б, А, С, О. ⁹ къ нимъ *нѣтъ* О. ¹⁰ на Сѣверу *нѣтъ* О. ¹¹ бояръ князя Дмитрея да князя Микиту Романовичев Трубецких, да околничего О. ¹² Матвѣева сына *нѣтъ* А, О. ¹³ Ондрѣевичъ *нѣтъ* А, О. ¹⁴ князь Михайловъ сынъ *нѣтъ* А, О. ¹⁵ *ест.*: Романовичю Б. ¹⁶ и они в Чернигов не поспѣли, а Рострига Черниговъ взял, и воеводы сѣли в осаде О. ¹⁷ Петру А. ¹⁸ и крестъ ему целовали *нѣтъ* А. ¹⁹ были воеводы А; воеводы были: князь Иван Гагарин да голова О. ²⁰ Ивановичъ *нѣтъ* А. ²¹ Бартеневъ А; Патрѣкѣевъ; да к нимъ же в Новгородъ послан воевода князь О; Даниловъ сынъ Бахтѣяров Б, С. ²² *то слово въ ркп. дважды написано. Вст.*: воевода Б, А, С. ²³ Петровичъ *нѣтъ* А, О. ²⁴ Кривой *нѣтъ* Б, С, О. ²⁵ Сапуновъ Б, С; Сутуков О. ²⁶ Михайловичъ *нѣтъ* А, О. ²⁷ Рубцовъ О. ²⁸ и Рострига приходъ в Новгородокъ в Сѣверскъ приступал, и воеводы князь Никита Романовичъ Трубецкой с товарищи отсидѣлись и О. ²⁹ Сапунову Б, С.

новичю Трубецкому, да околничему Петру Ѳедоровичю Басманову, да воеводамъ князю Якову Петровичю ¹ Борятинскому, да князю Григорью Ивановичю ² Гогарину, да головамъ: Ондрѣю Матвѣеву сыну ³ Воейкову да Елизарью ⁴... сыну Бартеневу. А грамоты писаны от государя к нимъ: боярину князю Никите ⁵ Трубецкому да околничему Петру Ѳедоровичю Басманову с товарищи; а онѣ писались такъ же. А князь Микита и Петръ ⁶ от Ростриги в Новѣгородкѣ Сѣверском ⁷ отсидѣлись и прислали к государю с сеунчемъ Ондрѣя ⁸ Матвѣева сына ⁹ Воейкова. И государь послал в Новѣгородокъ Сѣверской о здоровье спрашивать столника Микиту ¹⁰ Дмитреевича Обинякова Вельяминова. А з золотыми государь послал ¹¹ в Новѣгородокъ Сѣверской к боярину князь Миките ¹² Трубецкому да околничему к Петру Басманову с товарищи столника (л.—об.) княз Петра ¹³ Ондрѣевича Чюмакова ¹⁴ Черкаскова. А в Комарицкую ¹⁵ волость послан ¹⁶ воевода Олексѣй Романович ¹⁷ Плещѣвъ. Да въ ¹⁸ Северу же посланъ ¹⁹ воевода Михайло Борисовичъ ²⁰ Шеин. И Михаилу Шеину и Олексѣю Плещѣеву велено быть в полкѣхъ з бояры с воеводы в ряду.

Да в ²¹ Севере под острожкомъ ²² под Чемлижеемъ побили вора ²³ Ростригу и Литовских людей бояре и воеводы князь Ѳедоръ Иванович Мстисловской ²⁴, да княз Василей да княз Дмитрий Ивановичи ²⁵ Шуйские с товарищи и прислали ²⁶ к государю с сеунчомъ Михайла Борисовича ²⁷ Шеина ²⁸. И государь посылалъ о здоровье спрашивать бояръ и воеводъ ²⁹ князь Ѳедора Ивановича Мстисловскова, да княз Василья да княз Дмитрея Ивановичев Шуйских с товарищи и всѣхъ ратных людей под Чемлишъ столника княз Романа Ѳедоровича ³⁰ Троекурова. А з золотыми государь посылалъ ³¹ под Чемлин к бояромъ и воеводамъ ко княз Ѳедору Ивановичю Мстисловскому, да ко князю Василью да князь Дмитрею Ивановичем Шуйскимъ с товарищи, и ко всѣмъ ратнымъ людямъ столника княз Данила Ивановича ³² Мезецкова.

А пот Кромы посланъ ³³ был воевода Ѳедор Иванович Шереметевъ. А какъ пришли пот Кромы болшие ³⁴ бояре и воеводы ³⁵, и Ѳедору ³⁶ Шереметеву велено быть на Орлѣ.

¹ Петровичю *кнѣзь А.* ² Ивановичю *кнѣзь А.* ³ Матвѣеву сыну *кнѣзь А.* ⁴ Бартеневу *А;* *вст.:* Данилову *Б, С.* ⁵ *вст.:* Романовичю *Б, А, С.* ⁶ *словъ:* а князь Никита и Петръ *кнѣзь Б, А, С.* ⁷ въ Новѣгородкѣ Сѣверскомъ *кнѣзь А.* ⁸ прислалъ къ государю съ сеунчомъ Андрей Матвѣевъ сынъ Воейковъ *Б, С.* ⁹ Матвѣева сына *кнѣзь А, О.* ¹⁰ Бинякова Вельяминова *А;* — Обинякова, а з золотыми *О.* ¹¹ столника князя Петра *О.* ¹² *вст.:* Романовичю *Б.* ¹³ Машукова Черкасково *А;* Амашукова—Черкасково *О.* ¹⁴ Ахамашуковича *Б, С.* ¹⁵ *сперва было написано:* Комарскую *Обол.* ¹⁶ послалъ *Б, С;* послал государь воеводу Алексѣя Плещѣева. Того ж году под острожском под Чемлижем. *О.* ¹⁷ Романовичъ *кнѣзь А.* ¹⁸ на *Б, А, С.* ¹⁹ послалъ *Б.* ²⁰ Борисовичъ *кнѣзь А.* ²¹ на *Б, А, С.* ²² в ночи побили *Б, С.* ²³ вора *кнѣзь А;* побили вора *кнѣзь О.* ²⁴ с товарищи побили и с сеунчомъ *О.* ²⁵ Ивановичи *кнѣзь А.* ²⁶ присланъ *Б;* прислалъ *С.* ²⁷ Борисовича *кнѣзь А, О.* ²⁸ Борисовичъ Шеинъ *Б.* ²⁹ и всѣхъ ратныхъ *О.* ³⁰ князь Ѳедорова сына *О.* ³¹ столника князя Данила *О.* ³² Ивановича *кнѣзь А, О.* ³³ послал государь воеводу Ѳедора *О.* ³⁴ больше *кнѣзь О.* ³⁵ *вст.:* князь Ѳедор Ивановичъ Мстисловской с товарищи *О.* ³⁶ *вст.:* Ивановичю *Б, С.*

На Елцѣ воеводы: княз Ондрѣй Васильевичъ ¹ Хилковъ да княз Ѳедоръ княж Петровъ сынъ ² Борятинской. (л. 293) А какъ велено взять ³ из лѣвые руки к Москве околничева ⁴ Василья Морозова, и на ево мѣсто велено быть ⁵ в лѣвой рукѣ воеводе Замятне Ивановичю ⁶ Сабурову. А ⁷ тѣ воеводы были по прежнему. Да тѣ же бояре и воеводы стояли и под Кромами.

В Новѣгородкѣ Сѣверскомъ были воеводы: княз Иван Васильевичъ Голицынъ, да Олексѣй Романовичъ ⁸ Плещѣвъ, да княз Ѳедоръ княж Ондрѣвъ сынъ Звенигородской. И князю Ивану Голицыну велено быть в полкѣхъ ¹⁰ у боярина у князя Ѳедора ¹¹ Мстисловскаго ¹² в ряду; а в Новѣгородкѣ Сѣверскомъ велено быть околничему Михайлу Борисовичю Шеину, да Олексѣю Плещѣву, да княз Ѳедору Звенигородскому.

А какъ велено взять ис пот Кром бояръ и воевод: княз Ѳедора Ивановича Мстисловскаго ¹³, да княз Василья да княз Дмитрея Ивановичевъ Шуйскихъ к Москве, и государь велѣлъ быть под Кромами ¹⁴ воеводам на пять полковъ по иной росписи ¹⁵: в болшомъ полку бояре и воеводы: княз Михайло Петровичъ Катыревъ-Ростовской да Петръ Ѳедоровичъ ¹⁶ Басмановъ; в правой рукѣ бояринъ ¹⁷ и воеводы: княз Василей Васильевичъ Голицынъ да княз Михайло Ѳедоровичъ ¹⁸ Кашинъ; в передовомъ полку воеводы: околничей Иван Ивановичъ Годуновъ да бояринъ Михайло Глѣбовичъ ¹⁹ Салтыков; в сторожевомъ полку бояринъ и воеводы: княз Ондрѣй Ондрѣевичъ (л.—об.) Телятевской да княз Михайло Самсоновичъ ²⁰ Туренинъ; в лѣвой рукѣ воеводы: Замятня Ивановичъ ²¹ Сабуровъ да княз Лука Осиповичъ ²² Щербатой. А грамоты к ним писаны от государя: бояромъ и воеводам княз Михайлу Петровичю Катыреву-Ростовскому с товарищи.

А какъ ²³ под Кромами бояре ²⁴ и воеводы княз Василей Васильевичъ Голицынъ с товарищи, Резань и Украинные города целовали крестъ Ростриге, а ко кресту ихъ приводить присланъ от Ростриги ис Путимля княз Борис Михайловичъ Лыковъ. Да с Кропивны послал Рострига к Москве з грамотами Гаврила Григорьевича ²⁵ Пушкина ²⁶ да Наума Михайлова сына ²⁷ Плещѣва; и на Москвѣ ему ²⁸ бояре и всякие люди крестъ целовали.

А какъ ²⁹ пришел на Тулу, и с Тулы послал ³⁰ в Серпуховъ ³¹ воеводъ по полкомъ: в болшомъ полку бояринъ ³² и воевода Петръ Ѳедо-

¹ Васильевичъ *нѣтъ А, О.* ² княж Петровъ сынъ *нѣтъ А, О.* ³ быть *О.* ⁴ околничему Василью Мор-ву *О.* ⁵ Замятне *О.* ⁶ Ивановичю *нѣтъ А, О.* ⁷ а какъ бояре и воеводы стояли под Кромами. А в Новгороде Северскомъ *О.* ⁸ Романовичъ *нѣтъ А, О.* ⁹ княж Ондрѣвъ сынъ *нѣтъ А, О.* ¹⁰ в полку в рядовых у боярина *О.* ¹¹ *вст.*: Ивановича *Б, А, С, О.* ¹² а на ево мѣсто присланъ большим воеводою околничей Михайлс Борисовичъ Шеин. А какъ *О.* ¹³ с товарищи к Москвѣ, а под Кромами государь велѣлъ *О.* ¹⁴ *вст.*: бояромъ и *О.* ¹⁵ по иной росписи *нѣтъ О.* ¹⁶ Ѳедоровичъ *нѣтъ А, О.* ¹⁷ бояре *А.* ¹⁸ Михайловичъ *А, О.* ¹⁹ Самсоновичъ *нѣтъ А, О.* ²⁰ Ивановичъ *нѣтъ А, О.* ²¹ Осиповичъ *нѣтъ А, О.* ²² Резанцы и Украинные города измѣнили, и приложились к Ростриге, и крестъ ему целовали, и ис Путимля от Ростриги ко кресту приводилъ княз Борис княж Михайловъ сынъ Лыков. А с Кропивны *О.* ²³ бояринъ *А, С.* ²⁴ Григорьевича *нѣтъ А, О.* ²⁵ на поляхъ: смотри *Обол.* ²⁶ Михайлова сына *нѣтъ А, О.* ²⁷ Ростриге *О.* ²⁸ *вст.*: Рострига *О.* ²⁹ послал воеводъ по полкомъ: в Серпуховъ в болшомъ *А, С.* ³⁰ в Серпуховъ *нѣтъ О.* ³¹ боярина Петра Басманова *О.*

ровичъ Басмановъ, в передовом полку воевода ¹ княз Василей Григорьевич ² Долгорукой, в сторожевомъ полку ³ воевода княз Олексѣй Григорьевичъ Долгорукой. И боярину ⁴ Петру Басманову велѣлъ ⁵ быть к себѣ на Тулу, а на ево мѣсто велѣлъ ⁶ быть в болшом полку околничему Михаилу Борисовичю Шеину ⁷; а в тѣхъ полкѣхъ воеводы были тѣже.

А какъ пошел воря ⁸ Рострига к Москве с Тулы ⁹, которой называлса царевичем Дмитреемъ, царя и великого князя Ивана Васильевича ¹⁰ сыномъ, а воеводы у него ¹¹ были (л. 294) по полкомъ: в болшом полку бояринъ и воеводы: князь Василей Васильевичъ Голицынъ да князь Борис Михайловичъ Лыковъ; в правой рукѣ воеводы: князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ да князь Лука Осиповичъ ¹² Шербатой; в передовомъ полку воеводы: Ѳедоръ Ивановичъ Шереметев да князь Петръ Ахамашуковичъ Черкасской; в сторожевомъ полку воеводы: князь Борис Петровичъ ¹³ Татев да князь Ѳедор Ондрѣвичъ ¹⁴ Звенигородской; в лѣвой рукѣ воеводы: ¹⁵ князь ¹⁶ Юрьи Петровичъ ¹⁷ Ушатоу да князь Василей Григорьевичъ ¹⁸ Щетинин. А дворовые воеводы были: бояре ¹⁹ князь Иванъ Васильевичъ Голицынъ да Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ. Околничие ²⁰ перед нимъ ²¹: князь Дмитрий Васильевичъ Туренинъ да ²² Дворецкой Ортемей Васильевичъ ²³ Измаиловъ. Кравчей князь Борисъ Михайловичъ ²⁴ Лыковъ. Рында Иванъ Васильевичъ ²⁵ Измаиловъ. У наряду воевода князь Яковъ Петровичъ ²⁶ Борятинской. А ²⁷ бояре с нимъ были—князь Василей Михайловичъ ²⁸ Мосалской ²⁹. Околничие ³⁰—князь Григорей Роща Борисовичъ Долгорукой. Печатникъ ³¹ думной дьякъ Богданъ Ивановичъ Сутуповъ ³². В Розряде дьяки: думной ³¹ Иванъ Грамотинъ да Петръ Лошаковъ. Дворцовые дьяки: Василей Нелюбовъ да ³³.....

А какъ на Москвѣ крестъ ему целовали, и он послал к Москвѣ наперед себя бояре: князь Василья ³³ (л.—об.) Васильевича Голицына, да князь ³⁴ Василья Михайловича Мосалскова, да печатника и думнова дьяка Богдана Ивановича Сутупова ³⁵.

Того же году на украине были воеводы по полкомъ ³⁶: в болшом полку во Мценску воеводы ³⁷: князь Василей Романовичъ Пронской да ³⁸ в передовомъ полку в Новасили князь Юрьи ³⁸

¹ воевода *нѣтъ* А, С, О. ² Григорьевичъ *нѣтъ* А, О. ³ князь Алексѣя Долгорукова О. ⁴ боярину *нѣтъ* О. ⁵ велѣлъ *опущено* А. ⁶ послал в болшой полкъ околничего О. ⁷ а как пошел О. ⁸ воря *нѣтъ* Б, А, С, О. ⁹ наскоро назався О. ¹⁰ *вст.*: всеа Русия А, С. ¹¹ у него *нѣтъ* О. ¹² Осиповичъ *нѣтъ* А, О. ¹³ Петровичъ *нѣтъ* А, О. ¹⁴ Ондрѣвичъ *нѣтъ* А, О. ¹⁵ воеводы *нѣтъ* А, О. ¹⁶ Василей Ушатоу да князь Василей Шербатой. А дворовые О. ¹⁷ Петровичъ *нѣтъ* А. ¹⁸ Григорьевичъ *нѣтъ* А. ¹⁹ бояринъ О. ²⁰ околничей Б, А, С. ²¹ Ростригою князь Василей Туренин. Дворецкой О. ²² *Въ Б пропуска нѣтъ, читается:* да дворецкой; *въ А нѣтъ:* да. ²³ Васильевичъ *нѣтъ* О. ²⁴ Михайловичъ *нѣтъ* О. ²⁵ Васильевъ сынъ Б, А, С, О. ²⁶ князь Петров сын О. ²⁷ с Ростригой был боярин князь О. ²⁸ дворцовой дьякъ Василей Нелюбов. А к Москвѣ Рострига посылал ко кресту приводить наперед себя боярина князь Василья О. ²⁹ *вст.*: и А. ³⁰ Сатуковъ Б С. ³¹ думные А. ³² да и *пропуска нѣтъ* Б, А, О. ³³ *это слово дважды написано* Об. ³⁴ Михайла Мосалского. Того ж году на украине О. ³⁵ Сатукова Б, С. ³⁶ по полкомъ *нѣтъ* О. ³⁷ воеводы *нѣтъ* О. ³⁸ Иванъ А, О.

Петрович Ушатой да ¹ ; в сторожевомъ полку ² на Орле воеводы ³:

По городомъ: на Осколе—воевода Матвѣй Васильевичъ ⁴ Бутурлинъ да голова ⁵ Иван Безобразовъ.

В Белѣгородѣ воевода князь Данило Ивановичъ ⁶ Мезецкой ⁷, да головы Богданъ Сонцовъ да Олексѣй Губастой.

В Цареве-Борисове городе воеводы ⁸: Богданъ Степановичъ ⁹ Сабуровъ ¹⁰, да князь Юрьи Приимковъ, да голова Семен Малцовъ.

В Чернигове бояринъ и воеводы ¹¹: князь Ондрѣй Ондрѣевичъ Телятевской да князь Ѳедоръ Ивановичъ ¹² Лыковъ; а ¹³ какъ князь Ѳедора взяли к Москве, и на ево мѣсто был князь Семенъ Григорьевичъ ¹⁴ Звенигородской.

В Смоленску бояринъ и воеводы ¹⁵: князь Иван Семеновичъ Куракинъ, да князь Иванъ Петровичъ ¹⁶ Ромодановской ¹⁷, да дьякъ Василей Яновъ ¹⁸; а какъ князь Иванъ Ромодановской взят к Москве, и на ево мѣсто был князь Василей Андрѣевичъ ¹⁹ Звенигородской.

В Путимле (л. 295) воевода Невъ ²⁰ Игнатъевъ сынъ Загряской.

В Казани ²¹ бояринъ и воеводы: Степан Олександровичъ Волоской, да князь Михайло Самсоновичъ ²² Туренинъ ²³, да дьяки

На Царицыне воевода Ѳедоръ Петровъ сынъ ²⁴ Окинѣевъ ²⁵.

На Терке воевода Петръ Петровичъ ²⁶ Меншой Головин.

В Новѣгородѣ великомъ бояринъ и воеводы ²⁷: князь Михайло Петровичъ Катыревъ-Ростовской, да Иван Микитичъ Салтыков, да дьяки Василей ²⁸ Оладъинъ да Еюмъ Телепнев ²⁹.

В Иванегородѣ бояринъ и воеводы: Михайло Глѣбовичъ Салтыков да князь Ѳедоръ Петровичъ ³⁰ Борятинской ³¹.

Того же году былъ посолъ Аглинской, и царь был в царскомъ платьѣ в Золотой полатѣ. А рынды были: 1—князь Иванъ Михайловичъ Катыревъ, 2—князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ, 3—князь Романъ Троекуровъ, 4—князь Ѳедоръ Клецкой. II Клецкой бил челомъ на Троекурова ³². А встречалъ посла.... А приставъ был у посла....

¹ Ушатой, да в сторожевомъ А; да *нѣтъ* В, С, О. ² на (О)сколе Матвѣй Бутурлин. В Белѣгородѣ князь О. ³ Въ В, С *тоже* пропускъ. ⁴ Васильевичъ *нѣтъ* А. ⁵ Сарычъ Никитинъ сынъ Лигѣвъ В, С; Сардин Никитинъ сынъ Лиевъ А. ⁶ Ивановичъ *нѣтъ* А, О. ⁷ в Цареве-Борисове В, А, О; да . . . . В Цареве С. ⁸ городе воеводы *нѣтъ* О. ⁹ Степановичъ *нѣтъ* А, О. ¹⁰ в Чернигове В, А, О да . . . . В Черниговѣ С. ¹¹ и воеводы *нѣтъ* О. ¹² Ивановичъ *нѣтъ* О. ¹³ и князь Ѳедоръ взят к Москве, на ево мѣсто присланъ князь Семенъ Звенигородской О. ¹⁴ Григорьевичъ *нѣтъ* А. ¹⁵ и воеводы *нѣтъ* О. ¹⁶ Семеновичъ В, С. Въ А и О *отчество* опущено. ¹⁷ на поляхъ: смотри Об. ¹⁸ в Путимле О. ¹⁹ Андрѣевичъ *нѣтъ* А. ²⁰ Иванъ А, О. ²¹ воевода Степанъ Александровъ сынъ Волынской да О. ²² Самсоновичъ *нѣтъ* А, О. ²³ на Царицынѣ Петръ Меншой Головин. В великомъ Новегородѣ О. ²⁴ Петровъ сынъ *нѣтъ* А. ²⁵ Акинѣевъ В, С. ²⁶ Петровичъ *нѣтъ* А. ²⁷ и воеводы *нѣтъ* О. ²⁸ это слово опущено въ А. ²⁹ 7114-го году пришел из Литвы Растрининъ тесть Юрья Сердомирской, а встрѣча ему была первая: князь Иван Ромодановской и пр., с.и. ниже на стр. 77. ³⁰ Петровичъ *нѣтъ* А. ³¹ Въ В, А и С *далее* большой пропускъ, слѣдуютъ прямо записи о прѣздѣ Юрья Сандомирского, с.и. ниже стр. 77: лѣта 7114-го пришел при Ростриге Юрья Сордамирской и пр. . ³² на поляхъ: челобитые Об.

Того же дни посла ѡль у царя, и государь велѣлъ смотреть: в большой стол князю Юрью Никитичю Трубецкому да князю Роману Троекурову, в кривой стол велѣлъ смотреть князю Ивану Куракину да князю Ѳедору Лыкову. И князь Ѳедоръ Лыковъ на Троекурова бил челомъ и государь велѣлъ ему дать суд ¹.

Того же году под осень посланы воеводы в полки на обмѣну большимъ воеводамъ: в большой полкъ во Мценскъ на Михайлово (л.—об.) мѣсто Борисовича Шеина—Тимоѡвья Семеновича Пушкина, в передовой полкъ в Новасиль на князь Михайлово мѣсто Самсоновича Туренина князь Ѳедоръ князь Ивановъ сынъ Меринок Волконской, в сторожевой полкъ на Орел на князь Иваново мѣсто Ромодановского Ѳедоръ Ондрѣевъ сынъ Яропкин.

В Шатцкомъ велено быть для осадного дѣла князю Ивану Ѳедоровичю Хованскому, да ему же велено дать Касимовъ, да Елатьму, и Темников и Кадомъ.

В Ряскомъ велено быть для осады Юрью Григорьевичю Пильевому.

Во Брянску воеводы: князь Иванъ Ѳедоровичъ Жировой-Засѣкинъ да князь Иванъ князь Григорьевъ сынъ Звенигородцкой.

На Туле велено быть для осады воеводе князю Ивану Семеновичю Куракину.

А с Москвы встречали Ростригу: бояринъ князь Ондрѣй Ондрѣевичъ Телятевской, да околничей Петръ Микитичъ Шереметев да думной дьякъ Оеонасей Власевъ, а с ними столники, дворяне болшия, изо всѣхъ чиновъ люди посланы на время.

В Бѣльгород воеводы: князь Григорей Шеховской да Осипъ Пащокинъ ².

На Волуйке Михайло Оксаковъ да головы Вязметин Ондрѣй Ржевской да Сарычъ Линевъ.

В Переславле Резанскомъ князь Иванъ Жировой-Засѣкинъ.

В Пронескѣ князь Иванъ Шапкин Мещерской да Иванъ Биркинъ.

(л. 296) Того же году велѣлъ Рострига у стола стояти столникомъ: князю Борису Михайловичю Лыкову да князю Юрью Дмитриевичю Хворостинину. И князь Юрья на князь Бориса бил челомъ в отечестве ³: царю государю и великому князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии бьетъ челомъ Юшка Хворостининъ. Велѣлъ ты, государь, мнѣ, холопу своему, стоять у стола со княземъ Борисомъ Лыковымъ; а мнѣ... и пр.; *слѣдуетъ челобитная напечатанная выше стр. 30—34; тамъ и отмѣчены варианты ея по рукописямъ сей III-ей группы*).

Милостивый государь царь и великій князь ⁴ Дмитрей Ивановичъ всеа Русии! (л. 299 об.) Покажи милость, пожалуй, вели те мои случие и розряды сыскать по своимъ царскимъ розрядомъ и не вели, государь, у нас, холопей своихъ, отвять нашева отечества безъ суда. Царь государь смилуйся, пожалуй!

Того же году июля въ 14 день былъ судъ ⁵ в отечестве у Гаврпла Григорьевича Пушкина со княземъ Ѳедоромъ Андрѣевичемъ Звениго-

¹ на поляхъ: челобитье Об. ² на поляхъ: смотри. ³ на поляхъ: челобитье Хворостининныхъ. ⁴ Борис Ѳедоровичъ всеа В. ⁵ на поляхъ: суд у Пушкиныхъ зъ Звенигородскими Об.

родцкимъ, а судиль бояринъ князь Ондръй Петровичъ Куракин, да дьякъ Иванъ Стрешнев, да Петръ Лошаковъ; и таковы случае и счетные памяти ¹ поданы в суд, а суд был в воскресенье перед Ильинимъ днемъ.

80, государь, 9-го году ² ходили воеводы изъ Ржевы под Луки, а были по полкомъ: в большом полку Ѳома Ѳоанасьевичъ Бутурлин да.... (*слѣдуетъ также, что напечатано выше на стр. 34—39; тамъ и обозначаются варианты рукописей сей III-й группы*)... (л. 304) А по которымъ случаемъ будетъ бывали гдѣ с тѣми дворяны, которые присланы отъ вашего царского лица, и по вашей царской милости тѣхъ случаевъ в дѣла не ставливали, ношол онъ и потерялъ себѣ да своимъ родителемъ, которые служатъ по Новугороду.

В Новѣгородке были воеводы: Алексѣй Романовичъ Плещѣвъ, да князь Ѳеодоръ Ондръевичъ Звенигородцкой, да князь Яковъ Борятинской, да Ондръй Воейковъ, да Елизарей Бартѣневъ.

В Путимле были воеводы: околничей (л.—об.) Михайло Михайловичъ Кривой-Салтыковъ, да князь Василей Рубецъ-Мосалской.

В Курску князь Ѳеодоръ Тимоѣевичъ Долгорукой да князь Григорей Борисовичъ Долгорукой.

В Белѣгороде воеводы: князь Борис Михайловичъ Лыковъ, да Иванъ Никитичъ Салтыковъ, да князь Ѳеодоръ Костянтиновичъ Волконской; и Ивана Салтыкова велено взять к Москвѣ, а на Иваново мѣсто посланъ в Бѣлгородъ Гаврило Григорьевичъ Пушкин. II князь Михайло Кашин бил челомъ ³ на боярина на Михаила Салтыкова. II Михайло Салтыковъ самъ сказалъ передъ государемъ, что ему мочно быть менши князь Михаила Кашина; i государь то велѣлъ записать. А князь Лука Щербатой бил же челомъ ³ на Михаила Салтыкова; i государь велѣлъ отказать: бѣгъ челомъ не дѣломъ.

Того же году послалъ государь збирать дворянъ и детей боярскихъ столниковъ и стряпчихъ по городомъ, а наказы имъ даны особные: во Ржеву Володимерову князь Иванъ Буйосовъ-Ростовской да князь Ѳеодоръ Лыковъ, на Тулу Олексѣй Романовъ сынъ Плещѣвъ да Ондръй Полевъ, в Переславль Рязанской князь Иванъ Хилковъ, в Мещескѣ Ѳоанасей Пушкинъ да Василей Савинъ сынъ Плещѣвъ, в Ряской Ѳеодоръ Васильевъ сынъ Волинской, в Пронескѣ Яковъ Зюзинъ, на Михайловъ воеводы князь Юрь Мещерской да Ѳеодоръ Михалковъ, (л. 305) в Курескѣ князь Кондратей Щербатой, а инѣде пишетъ: князь Григорей Шеховской да голова Богданъ Глѣбовъ ⁴.

(л. 307 об.) Лѣта 7114-го ⁵ былъ в Литвѣ посланникъ казначей и Посолской дьякъ Ѳоанасей Ивановичъ ⁶ Власьевъ, да с воеводою Сердомирскимъ съ Юрьемъ Мнихомъ ⁷ и з дочерью ево с Маринкою онъ же шел до Смоленска. А в Смоленску встрѣчали Маринку бояринъ Михайло Олександровичъ Нагой, да бояринъ и дворецкой князь Василей Михайловичъ Мосалской ⁸, да Дворцовой дьякъ Василей Нелюбовъ. Да с ними шли Полского и Литовского Жигимонта короля ⁹ послы Миколай Алесницкой, да Олександро ¹⁰ Гасевской, а в приставехъ у нихъ былъ князь Григорей Костянтиновичъ ¹¹ Волкон-

¹ на поляхъ: смотри Об. ² 89-го году В. ³ на поляхъ: челобитье Об. ⁴ оставшая часть листа, весь 306-й и половина 307-го чистые. ⁵ того жъ году былъ Б, С. ⁶ Ивановичъ *нѣтъ* А. ⁷ Михаилкомъ А. ⁸ да с ними же шли А, С. ⁹ короля *нѣтъ* А, С. ¹⁰ с Олександромъ Б. ¹¹ Костянтиновичъ *нѣтъ* А.

ской да дьякъ Ондрѣй Ивановъ; а воеводу Сердомирскова за городомъ встречал бояринъ Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, да думной Розрядной дьякъ Василей Яновъ. А Маринку за городомъ встречали бояре князъ Дмитрей Ивановичъ Шуйской, да Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, да думной ¹ Розрядной ² дьякъ Василей Яновъ; а бояринъ князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстисловской со всѣми бояры встречалъ Маринку за городомъ в шатрѣ ³.

(л. 308) Лѣта 7114-го приишол ⁴ при Ростриге Юрья Сардамисцкый ⁵ и встрѣча ему была первая от государя ⁶: князъ Иванъ Петровичъ ⁷ Ромодановской да дьякъ Нечай Ѳедоровъ; другая встрѣча была от государя ⁸: бояринъ князъ Борисъ Петровичъ ⁹ Татевъ да дьякъ Олексѣй Шапиловъ ¹⁰; третья встрѣча была от государя ⁸: бояринъ Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ да думные дьяки Василей Яновъ ¹¹ да Иванъ Курбатовъ ¹² сынъ Грамотинъ ¹³. А ¹⁴ у стола ¹⁵ у государя стояли столники: князь Иванъ Ондрѣевичъ ¹⁶ Хворостининъ да князъ Олексѣй Юрьевичъ ¹⁷ Ситцкой. И в столы смотрели столники: в большой стол смотрѣлъ столникъ Василей Михайловичъ ¹⁸ Нагой, в кривой стол смотрѣлъ столникъ ¹⁹ князъ Иванъ Ѳедоровичъ ²⁰ Хованской. А вина нарежали столники: Иванъ Петровичъ ²¹ Шереметевъ да Василей Ивановичъ ²² Бутурлинъ. А у ѣствы сидѣли: бояре ²³ Петръ Никитичъ Шереметевъ да князъ Борисъ Михайловичъ ¹⁸ Лыковъ, да думной дворенинъ Ортемей Васильевъ сынъ ²⁴ Измаиловъ. И князъ Борисъ Михайловичъ ²⁵ Лыковъ былъ челомъ ²⁶ государю ²⁷ на боярина ²⁸ на Петра Шереметева ²⁹. А по Юрья Сердомисцково ³⁰ ѣздилъ ³¹ от государя ³ околничей князъ Григорей Петровичъ Ромодановской. А рынды были: князъ Юрья Микитичъ Трубецкой, да князъ Иванъ да князъ Ондрѣй Володимировичи ³² Колцовы-Мосалские, да князъ Юрья ³³ княжъ Юрьевъ сынъ Мещерской. А с мечомъ стоялъ князъ Михайло Васильевичъ Скопин-Шуйской. А за ѣствою сидѣлъ у воеводы ³⁴ столникъ князъ Дмитрей Михайловичъ ¹⁸ Пожарской. А пить государю ³⁵ наливали: князъ Иванъ Ивановичъ ³⁶ Курле-

¹ дьякъ Яков, а бояринъ А. ² Розрядной *нѣтъ* Б, С. ³ того жъ году марта въ _____ день велено быть воеводамъ Б, А, С. *См. ниже стр. 79.* ⁴ из Литвы Ростригинъ тестя Юрья Сердомирской, а встрѣча ему О. ⁵ Сардамисцкой Б; Сармицкой А; *сперва: Сардамыцкой, по томъ исправлено на: Сардамисцкой С.* ⁶ от государя *нѣтъ* О. ⁷ Петровичъ *нѣтъ* А, О. ⁸ от государя *нѣтъ* Б, С, О. ⁹ Петръ Ѳедоровичъ О. ¹⁰ Шипиловъ Б, С; Татевъ А; Олексѣй Шапиловъ *нѣтъ* О. ¹¹ на поляхъ: смотри Об; Яковлевъ О. ¹² а у Ростриги стояли Б, С. ¹³ сынъ Грамотинъ *описано послѣ; нѣтъ этихъ словъ въ* А, О. ¹⁴ и Сердомирской былъ у Ростриги у стола. А у Ростриги стояли столники О. ¹⁵ у стола *нѣтъ* А. ¹⁶ Ондрѣевичъ *нѣтъ* О. ¹⁷ Юрьевичъ *нѣтъ* О. ¹⁸ Михайловичъ *нѣтъ* О. ¹⁹ столникъ *нѣтъ* О. ²⁰ Ѳедоровичъ *нѣтъ* О. ²¹ Петровичъ *нѣтъ* О. ²² Ивановичъ *нѣтъ* А, О. ²³ бояринъ О. ²⁴ Васильевъ сынъ *нѣтъ* О. ²⁵ Михайловичъ *нѣтъ* Б, А, С, О. ²⁶ на поляхъ: челобитье Об. ²⁷ государю *нѣтъ* Б, С, О. ²⁸ на боярина *нѣтъ* О. ²⁹ вст.: в отечестве О. ³⁰ Сардамисцково Б. ³¹ звать от Ростриги околничей О. ³² Володимировичи *нѣтъ* О. ³³ Юрьевичъ Б; княжъ Юрьевъ сынъ *нѣтъ* А, О. ³⁴ у Сердомирскова О. ³⁵ государю *нѣтъ* Б, С; Ростриге О. ³⁶ Ивановичъ *нѣтъ* О.

тевь (л.—об.) да княз Григорей Ѳедорович ¹ Хворостинин. А ² при воеводе Ѳли бояре: княз Ѳедоръ Ивановичъ Мстисловской, да княз Дмитрей Иванович Шуйской, да Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, да княз Борис Петровичъ Татевъ, да княз Ѳедор Тимоѳевичъ Долгорукой, да околпичие ³ Иванъ Ѳедоровичъ Крюкъ Колычевъ ⁴ да Василей Яковлевичъ Щелкаловъ ⁵.

Того же году велѣлъ Рострига воеводамъ быти: в Переславли Рязанскомъ Ѳедоръ Левонтьевичъ Бутурлин да Тимоѳей Семеновъ сынъ Пушкинъ, в Рязкомъ княз Семен Вяземской да Иванъ Язвецовъ. И Тимоѳей Пушкин бил челомъ на княз Юрья Мещерского ⁶, да на княз Ивана Мезецкова, да на княз Семена Вяземского о мѣstech. И к Тимоѳю послана на них не вмѣсная грамота за приписью думного дьяка Ивана Стрешнева.

Того же году апрѣля въ 13 день на Вербное воскресенье сказывал боярство кравчему князю Борису Михайловичю Лыкову околпичей княз Григорей Петровичъ Ромодановской да.....

В Казанскомъ дворцѣ: бояре княз Дмитрей Ивановичъ Шуйской да княз Василей Кордануковичъ Черкасской, да дьяки (л. 309) Олексѣй Шапиловъ да Нечай Ѳедоровъ.

Посылалъ Рострига в Литву посланника Ивана Безобразова для Маринки.

В Сибири: на Березове воеводы: княз Петръ Ахъямашуковичъ Черкасской да Иванъ Игнатъевъ сынъ Зубовъ ⁷.

В Томи ⁸ воеводы: Гаврило Ивановичъ ⁹ Писемской да Василей Ѳомиинъ сынъ ¹⁰ Тырковъ.

Того же году сентября ¹¹ искал ¹² своего отечества княз Юрье ¹³ Дмитриевичъ ¹⁴ Хворостининъ на княз Борисе Михайловиче ¹⁵ Лыкове. А судил ихъ боярин княз Василей Михайловичъ Рубецъ-Мосалской да дьякъ Тимоѳей Витовтов; а записывал подьячей Марко Поздѣевъ ¹⁶.

Того же году были у государя ¹⁷ Литовские послы Миколай Алеснитцкой ¹⁸ да Олександро Гасевской. А рынды были: княз Юрьи Микитич Трубецкой, да княз Иван да князь Ондрей княз Володимеровы ¹⁹ дѣти Колцова-Мосальскова, да княз Юрьи княз Юрьевъ сынъ ²⁰ Мещерской. А с мечемъ стоял княз Михайло Васильевичъ Шуйской-Ско-

¹ Ѳедоровичъ *мѣтз* А, О. ² а бояря у стола были. князь О. ³ околпичей Б, А, С. ⁴ въ Сибири на Бѣрезове Б, С. ⁵ в Сибири на Березове А. Того ж году в Сибири были воеводы: князь Петръ Агамашуковичъ О. ⁶ на поляхъ: чело-битье Об. ⁷ а Маринку встречали Юрьеву доч Сердомирскова, Ростригину жену. за городом; встречали бояринъ Петръ Басманов да думной дьякъ Василей Иванов, а бояря князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстисловской со всѣми бояры встречали Маринку за городом в шатрѣх. Того ж году мая въ 8 де женился Рострига на Маринке, и венчал О. ⁸ Томьску Б. ⁹ Ивановъ сынъ Б, С; Ивановичъ *мѣтз* А. ¹⁰ Ѳомиинъ сынъ *мѣтз* А. ¹¹ вст.: въ день Б, С. ¹² на поляхъ: суд Об. ¹³ Юрья Б. ¹⁴ Дмитриевичъ *мѣтз* А. ¹⁵ Михайловиче *мѣтз* А. ¹⁶ Дѣевъ Б, С. ¹⁷ у Ростриги Б, С. ¹⁸ Алеснитцкой Б, С; Алеснитцкой А. ¹⁹ Даниловы Б, С. ²⁰ князь Юрьевъ сынъ *мѣтз* А.

пин. А с столом ѣздил ¹ к посломъ столникъ княз Юрьи Микитч Трубецкой. Да в тот ден послы ² у государя и ѣли, а при послахъ ѣли бояре; и в столы смотрили столники: в большой стол смотрил столникъ ³ княз Юрье Дмитриевичъ Хворостинин; в кривой стол смотрилъ столникъ Степан Ивановичъ ⁴ Волинской. А вина нарежал столникъ Иван Петровичъ Шереметевъ.

(л.—об.) Того же году ⁵ посланы в полки смотрит столники: в большой полкъ, . . . , да в правую руку. . . , да в передовой ⁶ полкъ ⁷

На Костромѣ разбирали детей боярских: бояринъ ⁸ княз Ондрей Петровичъ ⁹ Куракинъ, да княз Яковъ княж Петровъ сынъ ¹⁰ Борятинской ¹¹, да дьякъ Иванъ Палицынъ ¹².

В береговой розрядъ, да в большой же, да в передовой полкъ в украинной розрядъ столникъ княз Юрьи Дмитриевичъ Хворостининъ; в сторожевой полкъ да в лѣвую руку в береговой розрядъ ¹³ столникъ княз Василей Петровичъ Щербатой; в сторожевой полкъ на Орель в украинной розрядъ да под Кромы в полки столникъ Ѳедор Васильевичъ ¹⁴ Волинской.

На Кошире воеводы: княз Ондрей Васильевичъ ¹⁵ Хилковъ да Степан Борисовъ сынъ ¹⁶ Колтовской ¹⁷.

(л. 310) Того же году марта въ ¹⁸ день велено быть воеводамъ на украине по полкомъ: в большом полку во Мценску воеводы: бояринъ княз Иванъ Ивановичъ Шуйской да околичей Михайло Михайловичъ Кривой-Салтыковъ; в передовомъ полку околичей и воеводы: Михайло Борисовичъ Шейнъ да княз Василей Григорьевичъ ¹⁹ Чертонак ²⁰ Долгорукой; в сторожевомъ полку воеводы: княз Иванъ Большой Ондрѣвичъ ²¹ Хованской да княз Олексѣй Григорьевичъ ¹⁹ Чертонакъ ²⁰ Долгорукой.

Въ Переславле Резанскомъ бояринъ и воеводы: княз Василей Кондаруковичъ ²² Черкаской да Григорей Ѳедоровъ сынъ ²³ Сунбуловъ.

На Михайлове думной дворянинъ Ортемей Васильевичъ Измайловъ; и Ортемей не был, а въ ево мѣсто был княз Василей ²⁴ Петрович Трестинской да ²⁵ Глѣбъ . . . сынъ Вердеревской.

А береговымъ воеводамъ велѣлъ ²⁶ быть по полкомъ: в большомъ полку в Серпухове бояре ²⁷ и воеводы: княз Ѳедоръ Ивановичъ Мстисловской да Михайло Олександровичъ Нагой; в правой рукѣ в Олексине

¹ княз Юрья Б, А, С. ² ели, а при Б, С. ³ столникъ *нѣтъ* Б, С. ⁴ Ивановичъ *нѣтъ* А. ⁵ *вст.*: при царе Василье А. ⁶ в бѣреговой розряд да в большой же Б, С. ⁷ в береговой розрядъ А. ⁸ бояринъ *нѣтъ* Б, А, С. ⁹ Петровичъ *нѣтъ* А. ¹⁰ княж Петровъ сынъ *нѣтъ* А. ¹¹ *на поляхъ*: смотри Об. ¹² того жъ году былъ в Литве посланникъ казначей Б, А, С. *См. выше стр. 76.* ¹³ въ береговой розрядъ *нѣтъ* Б, А, С. ¹⁴ Васильевичъ *нѣтъ* А. ¹⁵ Васильевичъ *нѣтъ* А. ¹⁶ Борисовъ сынъ *нѣтъ* Б, А, С. ¹⁷ на Костромѣ разбирали Б, А, *с.м. выше.* ¹⁸ въ 1 день А. ¹⁹ Григорьевичъ *нѣтъ* А. ²⁰ Чертонак *нѣтъ* Б. ²¹ Ондрѣвичъ *нѣтъ* А. ²² Кардануксвичъ Б, А, С. ²³ Ѳедоровъ сынъ *нѣтъ* А. ²⁴ Тростенской, а бѣреговым воеводам А. ²⁵ Тростенской да . . . Вердеревской Б, С. ²⁶ велено Б, С. ²⁷ бояринъ А.

бояре ¹ и воеводы: княз Василей Иванович Шуйской да княз Михайло Ѳедорович ² Капин; в передовомъ полку в Колуге бояря ³ и воеводы: княз Дмитрий Иванович Шуйской да княз Борисъ Михайловичъ Лыковъ; в сторожевомъ полку на Коломне: бояринъ княз Василей Васильевичъ Голицынъ да околничей князь Володимеръ Шаня ⁴ Иванович Мосалской; в лѣвой рукѣ на Кошире бояринъ и воеводы: княз Ондрей Васильевич (л.—об.) Голицынъ да княз Дмитрий Васильевичъ Мосалской. И по тѣмъ по обѣимъ ⁵ росписемъ по украинной ⁶ и по береговой воеводы по полкомъ не ⁷ были, а были по инымъ ⁸ росписямъ.

Того же году ⁹ мая въ 8 день розрядъ свадьбе, какъ женился Рострига на Маринке, которой назывался ¹⁰ царевичемъ Дмитреемъ. А венчалъ ево въ ¹¹ Пречистой соборной патриархъ Игнатей. А в отцово мѣсто был бояринъ княз Ѳедоръ Ивановичъ Мстисловской, а ¹² в материно мѣсто была боярыня княж Ѳедорова ¹³ княгини Ивановича Мъстисловского княгиня Парасковья Ивановна. Тысецкой бояринъ княз Василей Иванович Шуйской. А в поѣзду были дворяня Московские: княз Ѳедоръ да княз Семень Ондрѣевичи ¹⁴ Татевы, княз Ондрей Жекла ¹⁵ Васильевичъ Ситцкой, княз Иванъ Петровичъ ¹⁶ Ромодановской ¹⁷, княз Ондрѣй Даниловичъ Ситцкой, княз Яковъ Петровичъ ¹⁸ Борятинской, Иван Васильевичъ ¹⁹ Головинъ ¹⁹, княз Иванъ Михайловичъ ²⁰ Борятинской, Володимеръ Петровичъ ²¹ Головинъ, княз Олександро Даниловичъ ²² Приимковъ-Ростовской, княз Василей Ѳедоровичъ ²³ Мосалской, княз Михайло Борисовичъ ²⁴ Долгорукой ²⁵, Юрьи Григорьевичъ ²⁶ Пильемовъ, княз Сава Дмитреевичъ ²⁷ Щербатой, княз Григорей Тимоѣевичъ ²⁸ Долгорукой, княз Иванъ Григорьевичъ ²⁶ Щербатой, княз Иванъ Даниловичъ ²² Мосалской, Борис (л. 311) Ивановичъ ²⁹ Долматов-Карповъ ³⁰, Григорей Григорьевичъ ²⁶ Пушкин, княз Григорей Петровичъ ²¹ Шеховской. А были проезжане без мѣстъ. А друшки ³¹ княжие были: бояря княз Дмитрий Иванович Шуйской да Григорей Ѳедоровичъ Нагой; а свахи княжие были: боярыня княжъ Дмитреева княгини Ивановича Шуйскова ³² княгиня Катерина Григорьевна, да боярыня Григорьева жена Ѳедоровича Нагова Марья Ондрѣевна. А княгинины друшки были: бояринъ Михайло Олександровичъ Нагой да панъ Тарла ³³ ; а

¹ бояринъ А. ² Ѳедоровичъ *нѣтъ* А. ³ бояринъ Б. С. ⁴ Щеня Б. ⁵ по обѣимъ *нѣтъ* Б. С. ⁶ украиннымъ и по бѣреговымъ Б. С. ⁷ не *нѣтъ* Б. С. ⁸ полнымъ Б. С. ⁹ на поляхъ: свадьба Ростригина Об. ¹⁰ назвались Б. ¹¹ въ соборной церкви (ост.: друг свои собѣсѣдник—О) патриархъ Б, С, О. ¹² а жена ево была в материно мѣсто. Тысецкой О. ¹³ жена Ивановича Б, С. ¹⁴ Ондрѣевичи *нѣтъ* О. ¹⁵ Жукла Б, А, С; Жекла Васильевичъ *нѣтъ* О. ¹⁶ Петровичъ *нѣтъ* А, О. ¹⁷ да князь Яков О. ¹⁸ Васильевичъ *нѣтъ* А, О. ¹⁹ князь Александра Приимков О. ²⁰ Михайловичъ *нѣтъ* А. ²¹ Петровичъ *нѣтъ* А, О. ²² Даниловичъ *нѣтъ* А, О. ²³ Ѳедоровичъ *нѣтъ* А, О. ²⁴ Борисовичъ *нѣтъ* А, О. ²⁵ князь Иван Щербатой О. ²⁶ Григорьевичъ *нѣтъ* А, О. ²⁷ Дмитреевичъ *нѣтъ* А. ²⁸ Тимоѣевичъ *нѣтъ* А. ²⁹ Ивановичъ *нѣтъ* А, О. ³⁰ Карповъ *нѣтъ* Б, С. ³¹ были бояринъ Михайло Александровичъ Нагой. Свѣшникъ былъ Василей Нагой. Рынды О. ³² княгини Ивановича Шуйскова *нѣтъ* Б, А, С. ³³ Тархай Б, С; Тарлай А.

II.

МАТЕРИАЛЫ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ.

ПСАЛТЫРЬ

ЖИДОВСТВУЮЩИХЪ

въ переводѣ Θεодора еврея.

къ изданію приготвилъ

М. Н. Сперанскій.

Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ университетѣ.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1907.

Печатано подъ наблюденіемъ
Д. ч. М. Сперанскаго.

Изъ Чтеній Общ. Ист. и Др. Рос. 1907 г.

ПАМЯТИ

Матвѣя Ивановича

СОКОЛОВА.

Предисловіе къ издаваемому ниже тексту имѣетъ своей цѣлью не окончательное рѣшеніе вопросовъ, связанныхъ въ нашей литературѣ XV—XVI в. съ такъ называемой «Псалтирью» Θεодора еврея, а лишь сведеніе въ одно того, что до настоящаго времени сдѣлано въ этомъ отношеніи и въ связи съ памятникомъ, и немнозія дополненія, являющіяся необходимымъ слѣдствіемъ непосредственнаго знакомства съ текстомъ «Псалтири».

Такъ какъ покойнымъ М. И. Соколовымъ недавно не только еще разъ настойчиво было высказано желаніе (Чтенія, 1902) видѣть полное изданіе этого рѣдкаго памятника литературы живодствующихъ, но и предприняты были нѣкоторые шаги для осуществленія этого изданія, *) то справедливость требовала посвятить его памяти настоящаго изданія, что мною въ настоящее время и исполняется.

М. Сперанскій.

---

*) М. И. Соколовымъ выписаны были въ Москву оба Кирилловскіе текста, положенные въ основу изданія; подъ его же руководствомъ одинъ изъ его слушателей, г. Гинзбургъ, знакомый съ древнееврейскимъ языкомъ, сравнилъ русскій текстъ съ еврейскимъ «Сидуромъ» и предположилъ издать результаты этого параллельнаго изученія.

Такъ называемая «Псалтирь» Феодора-еврея, полный текстъ которой теперь издается, уже съ давнихъ поръ извѣстна въ научной литературѣ по изслѣдованіямъ и по изданіямъ отдѣльныхъ «псалмовъ». Какъ памятникъ, связанный съ эпохой ереси жидовствующихъ, она, понятно, должна была издавна привлекать вниманіе изслѣдователей; но полного текста ея до сихъ поръ не появлялось.

Первое извѣстіе о существованіи этого памятника, правда, краткое и неясное, а потому и подававшее поводъ къ недоразумѣніямъ вплоть до новѣйшаго времени, принадлежитъ П. М. Строеву, который въ своемъ «Хронологическомъ указателѣ матеріаловъ отечественной исторіи, литературы и правовѣденія до начала XVIII столѣтія»¹⁾ сообщаетъ: «§ 66. Филиппъ I, митр. всероссійскій, извѣстенъ четырьмя посланіями (1464—1473). § 67. По волѣ сего іерарха, *Феодоръ* новокрещеный перевелъ съ еврейскаго *Псалтирь*: явленіе замѣчательное». Но тому же П. М. Строеву принадлежитъ и болѣе полное сообщеніе о «Псалтыри» Феодора, обычно упускаемое изъ вида даже новѣйшими изслѣдователями, хотя оно и стало извѣстно сравнительно давно²⁾, именно, въ «Библиологическомъ словарѣ»;³⁾ вотъ оно: «*Феодоръ*, новокрещеный еврей. По приказанію митр. Филиппа перевелъ съ еврейскаго языка «книги, глаголемыя псалтырь». Эта псалтырь заслуживаетъ не малаго вниманія: пѣсни въ ней короче и совсѣмъ въ другомъ порядкѣ, нежели въ обыкновенныхъ славянскихъ псалтыряхъ. Переводъ помѣщенъ въ сборникѣ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря № 39/438 (въ 8 д. л.; разныхъ почерковъ XV в., 409 листовъ, на л. 238—264)». Свидѣтельство

1) Журн. Мин. Нар. Пр. 1834 г., II, стр. 162.

2) Это указаніе П. М. Строева не нашло мѣста ни у М. И. Соколова (Чтенія О. Ист. и Др. 1902 г., «О ереси жидовствующихъ», стр. 98), ни у Е. Е. Голубинскаго (Ист. Церкви II, 1², 886).

3) Сборн. Отд. рус. яз. и слов. И. А. Н., XXIX (1882), с. v. Феодоръ.

это заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться: оно разсѣиваетъ многія недоумѣнія, останавливавшія до сихъ поръ большинство изслѣдователей при рѣшеніи вопроса объ имени переводчика «Псалтыри». Въ этомъ показаніи Строева видно ясно: 1) онъ имѣлъ въ рукахъ текстъ съ заглавіемъ «Книгы, глаголемыя Псалтырь»; 2) это была рукоп. Кириллова монастыря XV в. за № 39 438, въ 8-ку, гдѣ эта «Псалтырь» помѣщена съ листа 238-го; 3) въ ней было извѣстіе, что переводъ сдѣланъ по приказанію митр. Филиппа I; и что сдѣланъ переводъ Θεодоромъ *новокрещенымъ*. Эта рукопись и есть та, по которой издается текстъ въ настоящее время, т. е. Кириллова мон. № 6/1083, такъ какъ: 1) въ ней именно памятникъ такъ и озаглавленъ (см. снимокъ № 2); 2) эта рукопись прежде носила №№ 39 и 438¹⁾; 3) въ ней, дѣйствительно, начиналась «Псалтырь» съ л. 238, по прежнему счету листовъ²⁾; 4) въ ея послѣсловіи читаемъ: «Милостію Божіею..... благословеніемъ и *приказаніемъ* св. Филиппа митрополита всея Руси докончалъ я....»³⁾; 5) въ этой рукописи есть *предисловіе*, гдѣ и находится и имя Θεодора и прозвище его: «се язъ *Θεодоръ новокрещеной*⁴⁾». Откуда же взялись, т. о., сомнѣнія по поводу имени Θεодора и роли его по отношенію къ «Псалтыри», высказанныя въ послѣднее время М. И. Соколовымъ и Е. Е. Голубинскимъ, изъ коихъ первый, приведя указанное выше свидѣтельство Строева изъ его «Матеріаловъ», замѣчаетъ: «Былъ ли въ рукахъ у Строева какой либо списокъ, гдѣ въ записи стояло имя Θεодора новокрещеннаго, или же ему это имя извѣстно было, напр., по печатаемому нами посланію⁵⁾, и заключеніе о переводѣ Θεодоромъ «Псалтыри», стало быть, только *догадка*,— сказать не можемъ; думаемъ, однако, что *послѣднее вѣрнѣе*»;⁶⁾

1) См. ниже описаніе рукописи.

2) См. снимокъ 2-й: зачеркнутую цифру.

3) См. снимокъ 4-й.

4) См. снимокъ 1-й; въ рукоп. же 9/1086 его нѣтъ, по случаю утраты листа, еще давно, м. б., еще въ XVI в.; см. ниже описаніе сборника 6/1083; 409 листовъ этого сборника у Строева соотвѣтствуютъ 422 правильнаго счета, какъ л. 268-й Строева—250-му теперешняго; л. 422 (приклеенный къ задней доскѣ переплета) въ счетъ перваго счетчика не вошелъ; ошибка произошла отъ того, что считавшій тогда отмѣчалъ цифрой только тотъ листъ, гдѣ начиналась новая статья сборника.

5) Т. е. по «Посланію» Θεодора жидовина по рук. Ундольскаго № 1254.

6) М. И. Соколовъ, у. с., стр. 98.

а Е. Е. Голубинскій свои заключенія по поводу «Псалтыри» заканчиваетъ: «По какимъ побужденіямъ усвоенъ былъ переводъ мнимой псалтыри новокрещенному еврею Феодору, *если только Строевъ, по какой-либо ошибкѣ или по какому-нибудь недоразумѣнію, не самъ усвоилъ его ему, не совсѣмъ для насъ ясно*.¹⁾ Послѣ сказаннаго ясенъ источникъ недоумѣнія обоихъ изслѣдователей: Строевъ былъ правъ, точно отмѣтилъ то, что нашелъ въ рукописи, ничего отъ себя не прибавлялъ ни по догадкѣ, ни по ошибкѣ или недоразумѣнію, а взялъ то, что прочелъ въ рукописи. Но тутъ же вскрывается другая причина недоумѣнія упомянутыхъ изслѣдователей: не принявши во вниманіе свѣдѣній, даваемыхъ Строевымъ въ «Библиологическомъ словарѣ», и имѣя въ рукахъ описаніе сборника 9/1086 Кир. мон., сдѣланное Варлаамомъ архим. въ 1859 г. (Зап. II отд. А. Н., V, 1—66), они сопоставили показаніе Строева въ «Матеріалахъ» съ данными у Варлаама, т. е. въ сборникѣ 9/1086, а не 6/1083, какъ-бы слѣдовало, ибо, какъ видимъ, изъ этого послѣдняго черпалъ Строевъ, а не изъ 9/1086, котораго, кажется, онъ и не зналъ, во всякомъ случаѣ не имѣлъ въ виду въ данномъ случаѣ.²⁾

Со времени появленія описанія сборника 9/1086 арх. Варлаама, описаніе это и этотъ сборникъ одинъ стали источниками для изслѣдователей. Сборникъ же 6/1083 былъ какъ-бы забытъ, не смотря на важную роль, какую онъ имѣлъ, въ виду своего предисловія съ именемъ Феодора новокрещеннаго. Только одинъ, сколько мнѣ извѣстно, изслѣдователь ереси жидовствующихъ, среди современныхъ и новѣйшихъ, не забылъ про этотъ сборникъ; это былъ Н. С. Тихонравовъ, который въ 60-хъ годахъ

1) Ист. церкви II, 1², стр. 886—7. Кромѣ того, Е. Е. даетъ ссылку лишь на «Матеріалы» Строева, какъ и М. И. Соколовъ, допуская при томъ и фактическую неточность, будто въ *двухъ* рукописяхъ Кирил. библ. (т. е. №№ 9/1086 и 6/1083) *нѣтъ* имени переводчика, что, какъ мы теперь знаемъ, не вѣрно. Винаватъ въ этой ошибкѣ арх. Варлаамъ, который о рук. 6/1083 отзывался глухо: «въ Кирилловѣ монастырѣ есть еще такой же списокъ съ перевода псалтыри и съ такимъ же послѣсловіемъ».... (Зап. втор. отд., V, 43); ясно, что арх. Варлаамъ не обратилъ вниманія на предисловіе на теперешнемъ л. 249 об., либо ограничился записью на доскѣ рукописи (см. ниже описаніе).

2) Т. о. отпадаетъ и еще предположеніе Е. Е. Голубинскаго, что пропавшій изъ 9/1086 листокъ «Псалтыри» могъ бы найтись въ бумагахъ Строева (Ист. ц. ук. стр.). Впрочемъ, и другія соображенія мѣшаютъ предположить это; см. ниже, описаніе 6/1083.

работалъ надъ своей диссертацией объ отреченныхъ книгахъ¹⁾. Узнавши изъ описанія Варлаама о второмъ (т. е. 6/1083) Кирилловскомъ сборникѣ, Н. С. обратился и къ этому сборнику, гдѣ и отмѣтилъ «Псалтырь» съ л. 237 об. (т. е. съ листка съ предисловіемъ Феодора), а въ изслѣдованіи, говоря о пропагандистской дѣятельности фанатически преданнаго еврейству Феодора, характеризуетъ его цитатой именно изъ *предисловія* къ «Псалтыри» по этой рукописи²⁾.

Въ трудѣ арх. Варлаама впервые появились и отрывки изъ «Псалтыри» по рук. 9/1086 и первая попытка характеризовать памятникъ: имъ изданы изъ «Псалтыри» шесть «псалмовъ» и три пѣсни псаломскія³⁾. Новый рядъ «псалмовъ» по той же рукописи изданъ арх. Амфилохіемъ въ приложеніяхъ къ его «Древле-славянской псалтыри», именно: 22 псалма⁴⁾ и девятая

1) Не смотря на то, что еще въ 1898 году появилась эта часть работы Н. С. Тихоравова въ печати (Собр. соч., I, 227—228), ссылокъ на эту работу мы не находимъ ни у М. И. Соколова (1902), ни у Е. Е. Голубинскаго (1900), ни у С. К. Шамбинаго (1903) при вопросѣ о Феодорѣ еврей.

2) Сочиненія, I (1898), 227—228; примѣч. 25 на стр. 67. Кстати: здѣсь мною допущена опечатка: послѣсловіе, приведенное цѣликомъ въ этомъ примѣчаніи, взято изъ рук. 9/1086, а не 6/1083, какъ напечатано.

3) Именно: 3-й, 6-й, 14-й, 41-й (а не 12-й), 62-й, 74-й и пѣсни: 1, 2 и 8-я (см. стр. 44—46).

4) III (1880), 392—403. Именно: 2, 4, 5, 9, 14, 20, 23, 26, 29, 32, 37, 41, 44, 47, 50, 53, 56, 59, 62, 65, 69, 72. Изданіе арх. Амфилохіа страдаетъ цѣлымъ рядомъ опечатокъ и ошибокъ (не говоря уже о палеографической неточности въ передачѣ текста); въ виду важности этого рѣдкаго текста привожу необходимыя исправленія по рукописи.

Послѣсловіе:

<i>Амфилохій.</i>	<i>рукопись.</i>
и заор.	а заор.
кади́змъ	кади́земь
псалти́ри	псалти́ри
азы́къ	азы́къ
<i>Псалмы:</i>	
2. помна́етеъ	помна́веть
4. бою́щимъ	болю́щимъ
нищѣ́и. же	нищѣ́и. жо
9. гѣ́твен	гѣ́твой
20. ан҃глы	ан҃глы
23. чти	чти
26. на́ вѣти	на́ вѣти
29. а чѣ́къ	а чѣ́къ
дѣ́ле те́шѣмъ	д. те́шѣмъ
32. во́инѣ	воинѣ́
37. на́мъ	на́мъ

41. ѿ недоу́жна	ѿтѣ нед.
оу́тверды	оу́тверди
взврати́	вззрати́
члѣ́вѣческѣхъ	члѣвѣ́ческѣхъ
примла́гашъ	примла́гашъ
44. оу́мрѣтъ	оу́мрѣтъ (и изъ е)
сѣ́вѣствоу́ тво́емоу	сѣвѣ́ствоу́ тво́емоу
47. почи́ветъ	почи́ветъ
щѣ́мъ	щѣ́мъ
празди́нны	празди́нны
50. црѣ́ гѣ́	црѣ́ гѣ́
сѣ́хъ	сѣ́хъ
тво́емъ	тво́емъ
53. испѣ́шъ	испѣ́шъ
присѣ́тъ	присѣ́нетъ
56. правди́ны	правди́нынъ
59. пшдо́внъ	пшдо́внъ
62. гни	гни́

пѣснь псаломская. Наконецъ у Н. С. Тихонравова изданы два «псалма»: 8 и 9-й¹⁾. Всего т. о. мы имѣли до сихъ поръ 27 «псалмовъ» и 4 псаломскихъ пѣсни, т. е., приблизительно немного болѣе трети всего памятника (изъ 74 «псалмовъ» и 9 пѣсней).

Варлааму арх. принадлежитъ и починъ въ освѣщеніи отчасти имъ изданнаго текста: до него, сколько мнѣ извѣстно, только архіеп. Филаретъ въ «Исторіи русской церкви» повторилъ извѣстіе 1834 г. П. М. Строева о «Псалтыри» и Феодоръ еврей, ограничившись предположеніемъ о тождествѣ этого Феодора съ переводчикомъ съ еврейскаго книги Есѡири²⁾. Арх. Варлаамъ (въ V т. Уч. Зап. II отд., стр. 43—47) отрицаетъ (и совершенно справедливо) въ «Псалтыри» Феодора обычную псалтырь, указываетъ, что, «ни въ одномъ изъ псалмовъ этого перевода нѣтъ пророчествъ о Христѣ, а содержатся въ оныхъ одни только хваленія Богу и молитвы. Пѣсни сіи, конечно, не Давидовы. Можетъ быть, онѣ изъ числа тѣхъ, какія составлены евреями по образцу давидовыхъ псалмовъ и употребляются у нихъ въ синагогахъ. Раздѣленіе оныхъ на каѡизмы и славы, конечно, прибавилъ переводчикъ отъ себя, поддѣлываясь подъ греческое церковное дѣленіе Псалтыри. Онъ тоже могъ сдѣлать и относительно надписей надъ псалмами или пѣснями». (стр. 46). Сверхъ того, арх. Варлаамъ предположилъ на основаніи словаря перевода, что переводчикъ могъ быть жителемъ южной Россіи. Въ этой общей замѣткѣ арх. Варлаама все оказалось вполне правильнымъ. Вскорѣ, дѣйствительно, былъ опредѣленъ и ближайшій источникъ «Псалтыри», опредѣленъ онъ былъ Н. С. Тихонравовымъ:

65. разумѣнѣ	разумѣнѣ	чтѣво	чтѣво
знмы	знмы	пркланавмса	пркланавмса
69. днѣ	днѣ	вданнымз	вданнымз
70. прѣдз тѣвом	прѣдз тѣвом	пшдобна	пшдобнш
сдѣлаах	здѣлаах	бѣз почника	бѣз поч.
бѣгшсловенз ктш	бѣгшсловенз ктш	в гѣн	н гѣн
штѣдаагтз	штѣдаагтз	вышннн	вышннн
	<i>Пѣснь Давида</i>	шворнннн	штворнннн
ш вѣка	ш вѣкн	бѣз	бѣз
наша тѣбѣ	н. тѣбѣ	равнатнса	ровнатнса
	<i>Особ. слова (стр. 402—403)</i>	мшннннн	мшннннн
сѣвчнво	сѣвчнво	ннннннн	ннннннн

1) Сочиненія, I, прим. 26, къ стр. 228.

2) Раздѣлъ III, стр. 394 (по шестому изд.—Спб. 1895).

И. Поспѣловъ въ своей статьѣ, по поводу перевода на русскій языкъ съ еврейскаго кн. Екклезіаста ¹⁾, говоря объ исправленіи надписаній псалмовъ по нѣмецкому и латинскому тексту Вульгаты въ 1500 г. (стр. 643), замѣчаетъ по поводу перевода нашей «Псалтыри»: «оригиналь, съ котораго онъ сдѣланъ, недавно отысканъ проф. московскаго университета Тихонравовымъ; это—*Махазоръ* (ciclus, circulus). Festgebete der Israeliten. 7. Th. Polnischer Ritus. Berlin 1860. Онъ писанъ на древнееврейскомъ языкѣ; въ немъ часто встрѣчаются выраженія, заимствованныя изъ библейскихъ книгъ, и приводятся въ значительномъ количествѣ тексты псалмовъ. Первые два псалма помянутой псалтыри ²⁾, за сообщеніе которой мы обязаны благодарностью означенному профессору, представляютъ очень близкій переводъ двухъ молитвъ, читаемыхъ евреями въ первый день праздника пасхи. См. указанное изданіе Махазора, стр. 161» ³⁾. Это было время, когда Н. С. Тихонравовъ самъ былъ занятъ работой надъ ересью жидовствующихъ; поэтому, не будетъ лишнимъ сейчасъ же привести дальнѣйшіе его взгляды на «Псалтырь» Феодора (хотя они стали извѣстны намъ много позднѣе) ⁴⁾: онъ появленіе этого памятника тѣсно связываетъ съ ересью жидовствующихъ и, на основаніи предисловія въ рук. 6/1083, переводъ его съ личностью Феодора—жидовина: этотъ Федоръ, вѣроятно, тотъ же, что Федоръ, участвовавшій въ переводѣ первой половины книги Есеири ⁵⁾, что видно изъ одинаковости чертъ югозападнаго говора, какія указаны Горскимъ и Невоструевымъ въ книгѣ Есеири, и какія находимъ въ «Псалтыри» Феодора ⁶⁾.

¹⁾ Приб. къ Твор. св. отцовъ, XXII, 637—673 (Москва 1863).

²⁾ По Кирил. тексту № ^{9/1083} въ ^{9/1086}, какъ извѣстно, начала 1-го псалма нѣтъ; см. ниже; Тихонравовъ пользовался и тѣмъ и другимъ.

³⁾ То же было повторено нѣсколько времени спустя о. Н. Вишняковымъ (Происхожденіе псалтыри (Спб. 1875), стр. 522—523), уже вмѣстѣ со ссылкой на арх. Варлаама.

⁴⁾ См. Сочиненія, I, (1898), 227—228 и примѣч. стр. 67; ср. также примѣч., стр. 13.

⁵⁾ Предположеніе высказано уже Филаретомъ (Обзоръ (1859), 146). По отношенію же къ «Псалтыри» преосв. Филаретъ ограничился указаніемъ П. М. Строева (1834 г.): его «Обзоръ» писанъ еще до появленія труда арх. Варлаама; поэтому онъ и полагалъ, что «нынѣ не извѣстны списки перевода XV в. съ еврейскаго ни Псалтыри, ни Пророковъ» (147); что касается послѣднихъ, то это указаніе основано на не точномъ истолкованіи мѣста изъ посланія Геннадія (1489 г.) къ Иоасафу: псалмы Давидовы, или пророчества испрощены». Ср. примѣчаніе—ниже.

⁶⁾ Опис. рук. Сивод. библ., I, 55; Прибавл. къ Твор. св. отцовъ, I, 166.

Этот Феодоръ—одинъ изъ первыхъ по времени усердныхъ и ловкихъ служителей литовско-іудейской пропаганды въ Новгородѣ. Въ слогѣ этого исконнаго представителя жидовской ереси преобладаетъ господство югозападнаго говора. Очевидно, что Феодоръ пришелъ изъ Литвы и оттуда принесъ свои «окаянныя дѣла». Феодоръ еврей, фанатически преданный іудейству, перекрестился въ Россіи (о чемъ онъ заявляетъ въ предисловіи къ «Псалтыри»). Онъ и перевелъ вовсе не псалтырь Давида, а молитвы еврейскія, употребляемыя при богослуженіи, въ которыхъ ярко просвѣчивала іудейская оппозиція ученію о троичности лицъ Божества¹⁾. «Если подѣ именемъ псалтыря Феодоръ распространялъ іудейскія молитвы, прикрывая ихъ авторитетомъ митрополичьяго благословенія, то можно ли вѣрить его словамъ, будто онъ обновилъ сердце свое отъ закона стараго, отъ вѣры еврейской²⁾? Нѣтъ, оно всегда лежало къ жидовству, и мнимымъ, внѣшнимъ обращеніемъ къ христіанству Феодоръ только выигрывалъ возможность дѣйствовать въ пользу «старога закона». Жидовствующіе воспользовались его услугой: «ино нынѣшніе жида (писалъ Геннадій (въ 1489 г.) ростовскому архіепископу) еретическое преданіе держать, *псалмы Давидовы*³⁾ или *пророчества*⁴⁾ испровращенны.» Нѣтъ сомнѣнія, что еретики пользовались молитвами, переведенными Феодоромъ, при совершеніи своего богослуженія⁵⁾. Таково мнѣніе Н. С. Тихонравова, сложившееся у него въ 60-хъ годахъ: онъ предупредилъ т. о. позднѣйшихъ изслѣдователей, отчасти и теперь стоитъ впереди ихъ по широтѣ и опредѣленности выводовъ. Но оно до 1898 года извѣстно не было. Тѣмъ любопытнѣе оно для освѣщенія вопроса:

1) Въ видѣ примѣра Н. С. и приводитъ псалмы 8 и 9 издаваемаго текста и сопоставляетъ съ ними ученіе жидовствующихъ, по скольку оно видно изъ словъ «Просвѣтителя»: яко Богъ Отецъ Вседержитель не имать Сына, ни святаго Духа единсушна и сопрестольна Себѣ, яко иѣсть святыа Троица» (изд. 1882 г., стр. 24).

2) Ср. предисловіе «Псалтыри».

3) Ср. заглавіе издаваемаго текста, конецъ предисловія.

4) Взглядъ Геннадія на нашу «Псалтырь», какъ пророчество испровращенное, объясняется съ одной стороны взглядомъ на настоящую псалтырь, какъ на книгу пророческую, такъ и тенденціей—возстановленіе земнаго царства единого Бога въ Иерусалимѣ,—проходящей въ «Псалтыри» Феодора, чего не могъ не замѣтить и Геннадій (ср. пс. 4, 22, 50, 60, 68, 71 и др.).

5) Имѣются, вѣроятно, въ виду указанія того же Геннадія въ посланіи къ Прохору; см. выше.

позднѣйшіе изслѣдователи (исключая Д. И. Иловайскаго и А. И. Соболевскаго) по частямъ, независимо отъ Н. С., лишь подтверждаютъ его наблюденія, самостоятельно приходя къ этимъ же выводамъ, незначительно ихъ дополняя, а чаще ослабляя категоричность, съ какой они вылились у Тихонравова. Такъ, митр. Макарій въ «Исторіи церкви» (VII, 186—187), оставляя въ сторонѣ имя переводчика, признаетъ связь нашей «Псалтыри» съ дѣятельностью жидовствующихъ и въ частности тѣхъ евреевъ, которые были основателями ереси, надчеркиваетъ «ложь и обманъ», которыя хотѣли прикрыть жидовствующіе послѣсловіемъ къ переводу съ именами Филиппа митр., какъ благословившаго и приказавшаго совершить этотъ переводъ, и Давида, какъ автора псалмовъ. Наконецъ, подобно Тихонравову, и преосв. Макарій готовъ эту «Псалтырь» отождествить съ той, по которой жидовствующіе отправляли свое богослуженіе, и экземпляръ которой Геннадій добылъ и переслалъ митр. Геронтію. Выводъ у преосв. Макарія таковъ: «трудно, кажется, не согласиться, что псалтырь эта переведена кѣмъ-либо изъ евреевъ, основателей у насъ ереси жидовствующихъ». Въ 1884 году возникла полемика, нашедшая мѣсто и въ печати, между Д. И. Иловайскимъ и А. С. Павловымъ о еретичествѣ митр. Зосимы и вообще о характерѣ ереси, извѣстной подъ именемъ жидовской ¹⁾). Здѣсь, конечно, не могла быть забыта и наша «Псалтырь», связь которой съ ересью жидовствующихъ представлялась почти безспорно доказанной; ея однако не призналъ Д. И. Иловайскій, вообще почти отрицающій ²⁾) участіе еврейскихъ элементовъ въ этой ереси (см. Исторію Россіи, II, 508—509). А. С. Павловъ, настаивая на

1) Напомню и обстоятельства этой полемики: Д. И. Иловайскій читалъ на археол. съѣздѣ въ Одессѣ рефератъ: «Ересь *мимо*—жидовствующихъ» (глава изъ II т. его «Исторіи Россіи»). Ему возражалъ А. С. Павловъ. Этотъ споръ переданъ въ отчетѣ о засѣданіи въ Москов. Вѣд. (№ 245, стр. 4. столб. 6) Н. И. Петровымъ. Исходя изъ этого отчета, Д. И. Иловайскій защищался и въ свою очередь напалъ на А. С. Павлова, напечатавъ въ Соврем. Извѣстіяхъ (№ 263—15 сент.): «Ересь жидовствующихъ на VI археол. съѣздѣ» (выдержки изъ этой статьи имъ перепечатаны въ «Замѣткахъ» при II т. его Исторіи Россіи, стр. 581—582). А. С. Павловъ отвѣчалъ въ тѣхъ же Совр. Извѣстіяхъ (въ концѣ сентября; у меня въ рукахъ оттискъ безъ обозначенія № газеты): «Вопросъ о ереси жидовствующихъ на VI арх. съѣздѣ.—Отвѣтъ Иловайскому». На этомъ спорѣ, кажется, кончился.

2) Д. И. Иловайскій «весьма малое сродство съ еврейскою религіею» въ ереси видитъ лишь на почвѣ увлеченія астрологіею (Исторія Россіи, II, 509).

присутствіи этихъ элементовъ, указалъ именно на нашу «Псалтырь», какъ на одно изъ доказательствъ своего мнѣнія, при чемъ ограничился въ общемъ цитатой соотвѣтствующаго (выше нами приведеннаго) мнѣнія митроп. Макарія, добавивши, впрочемъ, не лишнее интереса предположеніе: «не въ виду ли этой псалтыри митр. Зосима избралъ для изданія отъ своего лица такую редакцію стараго «Списка отреченныхъ книгъ»¹⁾), въ которой онъ начинался словами: «Яко ни *мірскихъ составленныхъ псалмовъ* глаголите въ церкви?» Принадлежность этой редакціи индекса инициативѣ и авторству Зосимы А. С. Павловъ считаетъ несомнѣнной (см. Р. Ист. Библ. VI, 788; предисловіе къ № 117),— сомнѣнія же своего на этотъ счетъ Д. И. Иловайскій ничѣмъ не подтвердилъ²⁾. Въ остальномъ А. С. Павловъ вполне совпадаетъ съ извѣстнымъ уже намъ мнѣніемъ Н. С. Тихонравова, подтверждая т. о. правильность указанной мною раньше оцѣнки этого мнѣнія³⁾. Т. о. взглядъ Д. И. Иловайскаго на ересь вообще и на нашу «Псалтырь» въ частности не поколебалъ установившагося воззрѣнія на тѣсную связь ея ересью жидовствующихъ.

Этотъ взглядъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дальнѣйшее его обоснованіе, вполне опредѣленно повторился и во введеніи къ изданію

1) Этотъ послѣдній изданъ былъ А. С. Павловымъ же въ VI т. Русск. Ист. Библ. (Спб. 1880), № 117 (стлб. 789 слѣд.).

2) На этомъ споръ ученыхъ закончился: Д. И. Иловайскій не возражалъ далѣе, лишь повторилъ свое мнѣніе (II, 502) и перепечаталъ свою замѣтку изъ № 253 Совр. Изв., въ которой, между прочимъ, приводится заявленіе А. Я. Гаркави въ пользу Д. И. Иловайскаго. А. С. Павловъ оставилъ это заявленіе безъ возраженія, какъ общее, мало обоснованное. Взглядъ же Д. И. Иловайскаго на индексъ Зосимы—это только новая пополненная редакція такихъ же списковъ, существовавшихъ и прежде—не можетъ счестся возраженіемъ А. С. Павлову, который въ этомъ отношеніи и не расходится съ Д. И. Иловайскимъ (ср. Р. И. Б. VI, ук. стр., ср. также Иловайскій, Ист. II, 578). Существенное значеніе имѣетъ здѣсь склонность А. С. Павлова въ подчеркнутыхъ словахъ ядекса видѣть намекъ на нашу «Псалтырь»: т. е., что Зосима, взявши статью ред. Погодинскаго номоканона (см. Лѣт. Арх. Ком., I, 26), примѣнилъ ее (это собственно 59 правило Лаодикійскаго собора) къ «Псалтыри».

3) М. б., это мнѣніе А. С. сложилось не безъ участія Н. С. Тихонравова, бывшаго, какъ извѣстно, въ весьма тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ А. С. На основаніи личнаго же сообщенія Ник. Саввича А. С. Павловъ передаетъ намъ, будто тогда еще Н. С. приступилъ къ печатанію славянскаго перевода съ параллельными мѣстами изъ нѣмецкаго. Какъ извѣстно, такого изданія не появилось и, сколько помнится, слѣдовъ въ бумагахъ Н. С. Тихонравова, по скольку онъ были мнѣ доступны, также не нашлось.

«Послания Феодора-еврея» у М. И. Соколова¹⁾: онъ выразилъ настоятельную потребность въ изданіи полнаго текста «Псалтыри» (по обоимъ Кирилловскимъ спискамъ), которая «несомнѣнно представляетъ собою памятникъ литературы жидовствующихъ, и вѣроятно ее имѣетъ въ виду Геннадій, когда пишетъ епископу Сарскому Прохору, что послалъ къ митрополиту (Геннадію) между прочимъ «тетрадь», почему (жидовствующіе) молились по жидовски,²⁾ и ты тамо узришь все, что ся чинило и (какъ) превращены псалмы на ихъ обычай» (99). Эта цитата изъ посланія Геннадія, приводимая М. И. Соколовымъ, ясно, еще болѣе подтверждаетъ мысль Н. С. Тихонравова, высказанную имъ по поводу «псалмовъ Давидовыхъ, или пророчествъ испроверженныхъ» въ посланіи того же Геннадія къ Іоасафу Ростовскому³⁾. Кромѣ этого, М. И. Соколовъ, такъ скептически отнесшійся къ показанію П. М. Строева (на что мы указали выше), въ концѣ концовъ склоняется къ этому показанію, допуская, впрочемъ, очень осторожно, тождество Феодора еврея, автора «Послания», съ переводчикомъ «Псалтыри», части книги Есфири и справщикомъ пятокнижія; къ этому склоняются заставляють его особенности языка этихъ переводовъ и исправленій, аналогичныя съ тѣми, которыя удалось подмѣтить въ «Посланиі». Окончательное рѣшеніе этого вопроса оставляя до полнаго изданія «Псалтыри», когда выяснится долженъ вопросъ о языкѣ перевода и объ оригиналѣ ея, М. И. дѣлаетъ однако попытку подойти къ рѣшенію послѣдняго: онъ сличилъ нѣсколько изданныхъ у Амфилохія псалмовъ съ двухтомнымъ изданіемъ «Махазора», въ русскомъ переводѣ (А. Л. Bloshstein, Вильна 1897), и убѣдился въ близкомъ или буквальномъ сходствѣ нѣсколькихъ мѣстъ изъ нашей «Псалтыри» съ текстомъ еврейскаго праздничнаго молитвенника. Впрочемъ, эта свѣрка была лишь подтвержденіемъ того, что давно было высказано Н. С. Тихонравовымъ, провѣрено И. Поспѣловымъ и о.

1) Чтенія въ О. И. и Др. за 1902: «О ереси жидовствующихъ, новые матеріалы» стр. 97—100.

2) Конечно, не на жидовскомъ языкѣ, а на жидовскій манеръ, по жидовскому обряду: такъ надо понимать этотъ терминъ. Въ посланіи къ Іоасафу эта тетрадь названа прямо *псалмами*: «псалмы ко мнѣ привесъ (попъ Наумъ, выдавшій еретиковъ), почему они себѣ правила по жидовски», писалъ Геннадій (ср. Голубинскій, II, 1, стр. 564).

3) См. выше, стр. 13.

Николаемъ Вишняковымъ ¹⁾). Собственно на этомъ изслѣдованіи М. И. Соколова и остановилось до настоящаго времени изученіе литературной исторіи «Псалтыри» Феодора еврея: мнѣніе Е. Е. Голубинскаго (Ист. Церкви II, 1², 604—605, 886—887), намъ уже знакомое, является лишь сводкой (и то, какъ мы видѣли, не чуждой неполноты) того, что было извѣстно: псалтырь зачислена въ число памятниковъ эпохи жидовствующихъ, запись о ея переводѣ и названіе «псалтырю» признаны тактической поддѣлкой пропагандистовъ ереси, съ этой же цѣлью пропаганды переведенъ и самый еврейскій молитвенникъ. ²⁾

Наконецъ, нѣсколько въ сторонѣ стоитъ мнѣніе о нашей «Псалтыри» А. И. Соболевскаго («Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вѣковъ»—Сборн. отд. рус. яз. А. Н. LXXIV, 400): признавая ее плохимъ переводомъ на ц.-славянскій языкъ, сдѣланнымъ Феодоромъ евреемъ, тѣмъ самымъ, который писалъ «Посланіе» (изданное М. И. Соколовымъ), А. И. не находитъ въ ней данныхъ, говорящихъ о принадлежности Феодора къ жидовствующимъ, а, стало быть, и его труда—къ числу памятниковъ еретической ихъ литературы. Т. о., изъ мнѣнія А. И. Соболевскаго можно заключать, что ставшій православнымъ Феодоръ еврей послѣ крещенія (онъ крестился до 1461 года, года смерти

¹⁾ Относительно первыхъ двухъ см. выше. Отзвѣтъ же о соотношеніи между еврейскимъ Махазоромъ и нашей «Псалтырю» о Вишнякова см. у арх. Амфилохія «Древле-славянская псалтырь» III (М. 1880), 419—420, гдѣ о Вишняковъ приводитъ результатъ своего сличенія «псалмовъ», напечатанныхъ у Амфилохія, съ «Махазоромъ» по изд. Гольдштейна (Вильна 1872): «надобно думать, что всѣ псалмы ни что иное, какъ сокращенія молитвъ того же Махазора, и могутъ быть отысканы въ равныхъ мѣстахъ упомянутаго изданія». О Вишняковъ при бѣгломъ просмотрѣ нашель соотвѣтствіе между 6 (въ 22 у Амфилохія) «псалмами» и еврейскими молитвами.

²⁾ Оставляю въ сторонѣ высказанное С. К. Шамбинаго мнѣніе о нашей «Псалтыри» («Слѣды непосредственнаго вліянія евреевъ, сказавшіяся на памятникахъ древней письменности»—во 2-мъ изданіи «Помощи», сборника въ пользу нуждающихся евреевъ, Спб. 1903, стр. 355—356): оно новаго, самостоятельнаго ничего не представляетъ; здѣсь только странно нѣсколько заявленіе, что у еретиковъ явился *свой переводъ* псалтыри, во въ редакціи, отличной отъ принятой у насъ; указаніе на эту редакцію С. К. Шамбинаго склоненъ видѣть въ приведенной у насъ выше цитатѣ изъ посланія Іоасафу Геннадія: дѣло, вѣдь, тамъ идетъ о нашей «Псалтыри», а не объ обычной: не переводъ, а текстъ, вѣдь, содержалъ «пророчества испровращенны». Ср. выше. Оставляю въ сторонѣ и мнѣніе арх. Амфилохія (Др. слав. псалтырь, III, 292), будто «псалтырь» *составлена* какимъ-нибудь жидомъ, знающимъ и по русски, но дурно, и жидомъ, жившимъ на югѣ Россіи: оно личный домысль автора, не познакомившагося съ литературой вопроса (ср. тамъ же, стр. 420).

митр. Іоны; см. «Послание», строка 56) переводить (до 1473 года, не раньше 1467 года—кончина и поставление Филиппа) еврейскую богослужебную книгу, не подозревая негодности ее в силу ее характера и тенденции для христиан, мало того—по благословению и даже по приказанию митрополита, который т. о. также не может судить о достоинстве книги.... Возможно и другое объяснение, предлагаемое, хотя и не решительно, М. И. Соколовым (ук. соч., 98), что Феодор, переводчик «Псалтыри», он же автор «Послания», либо в то время, когда переводил «Псалтырь» (1464—1473), уже опять отступил от христианства, или же переводил до крещения, будучи еще иудейской веры; в последнем случае приходится опять предположить, что жидовствующие помимо воли Феодора пустили в ход его перевод; а это в свою очередь заставляет предполагать, что молитвенник назван «Псалтырю» и объявлен переводом, сделанным по приказанию Филиппа, облыжно, что заглавие и послесловие и предисловие—контрафакция жидовствующих. Но это предположение, если бы оно и оправдалось когда-нибудь, не освобождает нас от обязанности признать, если не Феодора самого, то его труд памятником литературы жидовствующих (что и делает М. И. Соколов), ими ли переведенным, или только пущенным в ход, или же лишь принятым готовым—безразлично. Иначе сказать: и в этом случае «Псалтырь» исключена из ряда памятников литературы жидовствующих быть не может: кем бы она ни была переведена, православным ли, еретиком явным или тайным, она неминуемо в силу своего характера и тенденции должна была оказаться в числе книг жидовствующих, где она на деле и числилась, судя по свидетельству Геннадия, указывающего, что это были не только «псалмы Давида», но в то же время и богослужебная книга у жидовствующих¹). Остается еще одно, впрочем, чисто априорное предположение, могущее объяснить вывод А. И. Соболевскаго: это—то, что в «Псалтыри» (отбросим даже связь ее с Феодором новокре-

¹) В послании к Прохору она, как мы знаем, названа *тетрадью*: и действительно, судя по объему текста «Псалтыри» (26 листов в 8°, или 35—того же формата) в рукописях, ее Геннадий имел право назвать так. Ср. выше (о попѣ Наумѣ) примѣч. 2, стр. 16.

щенымъ, или признаемъ въ немъ искренняго христіанина—все равно) переведена лицомъ, знавшимъ еврейскій и ц.-славянскій языки, м. б., на западѣ русскаго племени, просто по невѣжеству или изъ любознательности: но и тогда, принимая во вниманіе связь переводовъ съ еврейскаго съ движеніемъ жидовствующихъ и дальнѣйшую судьбу «Псалтыри», мы должны признать, что она, будучи, такъ сказать, нейтральнымъ памятникомъ при появленіи, очень скоро (не позднѣе 1489 года—время посланія Геннадія къ Іоасафу) стала уже памятникомъ литературы жидовствующихъ. Наконецъ, если мы отвергнемъ смыслъ цитатъ изъ Геннадія, даваемый имъ Н. С. Тихонравовымъ и М. И. Соколовымъ, то все же яркая тенденція «Псалтыри», ея еврейско-богослужебный характеръ, какъ извлеченія изъ «Махазора», должны были вести, естественно, къ тому, что она включалась въ кругъ литературы жидовствующихъ еще въ старое время, если не умѣренной вѣтви ихъ, то крайней, различаемыхъ Е. Е. Голубинскимъ (II, 1², стр. 597, 599). Т. о., сжатое, категоричное мнѣніе А. И. Соболевскаго, если мною оно вѣрно истолковано (обоснованіе у автора отсутствуетъ), принято быть не можетъ. Изъ дальнѣйшаго невозможность согласиться съ А. И-чемъ по отношенію къ «Псалтыри», надѣюсь, выяснится еще болѣе. Само собою разумѣется, что мнѣніе А. И. Соболевскаго, если бы было принято нами, не можетъ поддержать взгляда Д. И. Иловайскаго на самую ересь: А. И-чѣ существованіе въ этой ереси элементовъ еврейскихъ не ограничиваетъ одной астрологіей, относя сюда и «Логіку», и «Тайная тайныхъ» и др.

Т. о., обзоръ литературы, касающейся нашей «Псалтыри», приводитъ насъ къ выводамъ: 1) переводъ сдѣланъ съ еврейскаго молитвенника «Махазоръ», 2) сдѣланъ м. б. Феодоромъ—евреемъ, авторомъ и другихъ переводовъ и м. б. «Посланія»; 3) переводъ явился не позднѣе XV в. и носить черты западно-русскія въ языкѣ; 4) «Псалтырь» должна быть поставлена въ связь съ ересью жидовствующихъ (Геннадій), въ частности съ ихъ богослужебными отправлениями. Нѣсколько дополняются эти выводы, а съ ними и литературная исторія «Псалтыри», при болѣе близкомъ ознакомленіи съ ея полнымъ текстомъ. Текстъ этотъ, какъ извѣстно, дошелъ до насъ, въ двухъ только руко-

писяхъ XV вѣка Кириллова монастыря (нынѣ Спб. духов. Академіи): 9/1086 и 6/1083. Первая изъ нихъ, какъ мы знаемъ, описана подробно арх. Варлаамомъ (Уч. Зап. второго отд. А. Н., V), не разъ упоминалась въ литературѣ, при чемъ дополнялось и описаніе рукописи¹⁾. Вторая рукопись въ литературѣ почти не упоминается, если не считать краткаго замѣчанія о ней П. М. Строева, упоминанія арх. Варлаама и нѣсколькихъ словъ Н. С. Тихонравова, приведенныхъ выше. Она на столько мало извѣстна, что М. И. Соколовъ даже усумнился въ томъ, что она уцѣлѣла до сихъ поръ (ук. соч., стр. 99). Въ виду этого, а также того, что именно этотъ текстъ положенъ въ основу настоящаго изданія «Псалтыри», привожу возможно полное описаніе рукописи, оставившись подробнѣе на той ея части, гдѣ находится издаваемый текстъ.

По своему внѣшнему виду нашъ сборникъ представляетъ много общаго съ № 9/1086: онъ также собранъ изъ различныхъ тетрадокъ приблизительно одного формата разныхъ рукъ и разнаго времени, такъ же, какъ и 9/1086, въ сборѣ его участвовалъ Евфросинъ, здѣсь даже оставившій свою записку 1482 года (л. 218)²⁾; видимъ тотъ же оригинальный пріемъ счета листовъ и статей, что и въ № 9/1086: частью черезъ 10 листковъ, частью—обозначеніе объема отдѣльныхъ статей. Въ тоже время текстъ сборника въ № 6/1083 еще пестрѣе по составу: еще больше разныхъ рукъ, которымъ принадлежатъ тѣ или иныя страницы, еще нагляднѣе видна разновременность тетрадокъ, изъ коихъ составилъ сборникъ.

Рукопись безъ начала, сохранилось всего 422 листа³⁾ (8^о; см. снимки). На переплетѣ, на его корешкѣ, выставленъ № 6-й вверху, внизу № 1083; на внутренней сторонѣ первой доски переплета № 438. Здѣсь же рядъ записей: 1) Пѣра дамѣкина и

1) Напр., у А. С. Норова, при изданіи Даниіла Паломника (1864), М. А. Веневитинова (Лѣтоп. Арх. Ком., XII (1884), Н. В. Рузскаго (Свѣд. о рукоп. хожденія Даниіла—Чтенія, 1891), П. К. Симоны (въ печатающемся въ Сборн. отд. рус. яз. А. Н. текстѣ Задонщины).

2) См. снимки 7 и 8, первый изъ № 6/1083, второй изъ № 9/1086: тождество рукъ несомнѣнно.

3) По старому, невѣрному, счету у Строева и Тихонравова,—409 листовъ; объясненіе см. выше.

псалтырь еврейская—скоропись XVII в.¹⁾; 2) Кириллока минѣра—также XVII в., но иной руки; 3) «Кирилл. Библ. № 6¹⁰⁵³. Ив. Чельцовъ, XV в.»—новаго времени; № 835—на кожѣ переплета—карандашомъ. Внизу по л. 1—3 запись рукой XVII в.: Книга Кириллока минѣра. Составъ сборника по писцамъ таковъ:

- Л. 1 — 1²—полууставъ, рука А.
 2 — 2²—Евфросинъ.
 3 — 12 — крупный полууставъ.
 13 — 14²—полууставъ мелкій, отличный отъ А.
 15 — 18 — Евфросинъ.
 18²—пустой.
 19 — 58²—рука А.
 59 — 170 — Евфросинъ.
 170²—пустой.
 171 — четыре съ небольшимъ строки—рука А.
 171²—175²—мелкій округлый полууставъ—рука іеромонаха Іоны²⁾.
 176 — 176²—Евфросинъ.
 177 — 178 — мелкій чистый полууставъ—рука Б.
 179 — 187 — Евфросинъ.
 187²—пустой.
 188 — 228²—Евфросинъ.
 229 — 240²—онъ же (?).
 241 — 249 — онъ же.
 249²—276 — «Псалтирь»—рука В (см. снимки 1—4)³⁾.
 277 — 284²—рука Г (полууставъ; м. б.=Б).
 285 — 299 — Евфросинъ.
 300 — 308²—(часть, нѣсколько строкъ)—рука Д.

1) Ср. ниже описаніе содержанія, л. 3 и 250; стало быть, уже въ XVII в. сборникъ былъ безъ начала и названъ по первому сохранившемуся заглавію статьи.

2) Въ правописаніи своеобразныя черты: прѣ, окръмливіемъ (ѣтихъ южныхъ чертъ въ другихъ текстахъ не замѣтно). Вверху статьи: ѿ хѣ†гоѣѣтѣ ме (sic), на поляхъ: ѡѡξ (слава), внизу л. 175² запись вязью, частью греческими буквами: грѣѣны іеромонахъ іѡна ѡчѣрта.

3) Замѣтки описью см. ниже. Водяной знакъ въ этой статьѣ рукописи—бычачья голова съ короной и звѣздочкой—даетъ нѣсколько варьянтовъ (см. л. 251, 252, 263, 264); у Лихачева (Бумаж. знаки) совершенно совпадающей не нашлось; ближе другихъ подходятъ № 2701, 2702 (ок. 1478 г.) и особенно № 1202 (о 1485 г.). На л. 250 вверху: ѡа ѡи., т. е. 26 листовъ—объемъ текста «Псалтири».

- Л. 308^а—317^а—Евфросинъ.
 318^а—336^а—рука Д.
 337—350^а—Евфросинъ.
 351—352—пустые; на л. 351^а—пестрая заставка безъ текста.
 352—397—рука Е.; широкой полууставъ, старшій¹⁾.
 397^а—399—пустые.
 399^а—402^а—рука Е.
 403^а—406^а—Евфросинъ.
 407—пустой.
 407^а—421^а—крупный полууставъ, очень правильный, архаичный—рука Ж.
 422—мелкий полууставъ—рука З.²⁾

По содержанию же составъ сборника таковъ:

1) Л. 1. (статья безъ начала) (пре)дохомса члѣннѣю како придохомса смерти въ истиннѣнѣю воиннѣмъ поклѣннѣмъ яко ѣсть писано подающаго преставльшии мѣса покон.

Текстъ пѣвчій, на что указываютъ оставшіеся знаки: д, ѿ, формы: истиннѣнѣю, подающаго, отсутствіе обычныхъ титлѣ.

2) Л. 3. Петра дамаскина. Описаніе мѣтвѣ. ѿже счинена с поклѣннѣмъ и соединена со исповѣданіѣ. и како бы сокровишти члѣкоу своеѣ срѣце. и смирити свою душоу.... (3^а) Оице начини. За мѣтвѣ стѣхъ оице нашѣ.

3) Л. 13. Григорія синаита ѿ стѣртѣ телесныѣ. глава .он.—Ины телесныѣ стѣрти. и ины душевныѣ. и плотныѣ.

4) л. 15. Канѣ приѣстїю. г. глѣ. д. пѣ^ѣ, ѿ. ірмѣ.—Поймѣ гѣн. славно во прѣ..... (19) Оице начало. За мѣтвѣ стѣхъ шѣцѣ нашнхъ.

На полѣ противъ заглавія: ірмосы писаны впрѣ по оуспенекѣ канонѣ. Молитва ко причащенію и по причащеніи; съ л. 19 въ текстъ приписки руки Евфросина.

5) л. 57. Исповѣданіе мирьскѣ члѣкѣ. глѣ по. перьѣе. и ѿнх послѣ.—Бже шѣцѣсти ма грѣшнаго.

Съ 59 л. продолжаетъ писать статью уже Евфросинъ (см. выше).

1) М. б. самага начала XV в.; въ письмѣ (по традиціи XIV в.) всюду ѿ, вм. оу, зи, ч=в: ѿ=з (шесть, цифра); буквы всѣ повѣзкія широкія, но приближающіеся по правильности къ уставу.

2) М. б. начала XV в.; вездѣ зи, ѿ.

6) л. 66. **И**лѣтва ѿ всакїа скверны. Гн̄ бѣ нашъ. ѣдннхъ бл҃гы чѣкоумбещъ.

7) л. 67. **Ѵ**га слоуѣтемъ болащемоу воскорѣ причастїе дати. нѣренъ творїи начало поскоро сице. — Бл҃гнхъ бѣ нашъ. Трѣѡе. (70) **И**сповѣданїе вкратцѣ. **И**сповѣданса бѡу и прѣтѣи ѣго мѣри.

8) л. 70² **И**ѡ храмоу в немже жена рѡѣтъ ѡтроча. по рѡукою прѣкрѣтитъ прагъ на дверни. гѡу помолнмса. Гн̄ бѣже нїшъ. ѣдннхъ бл҃гъ.

Пять молитвъ; кромѣ этой: 1) женѣ по роженїи ѡтрочати, 2) по роженїи женѣ и всѣмъ приложнышнмса по роженїи, 3) бакѣ дѣтннн, 4) назнаменати ѡтроча ко и днѣ роженїа ѣго.

Ср. 9/1086, л. 24 (Варлаамъ, 9).

9) л. 74². **А** си млѣтва ѣгда исполнитѣ .м. днїи по роженїи мланца. глѣ .по. гѡу помолнмса. Гн̄ бѣ нашъ. вшедїи ко црѣвь.

Кромѣ нея: 1) м̄ бакѣ тога же, 2) ѣга мланецъ в колыбѣль положи, 3) томоу же, 4) надо оумерши мланцѣ.

10) л. 77. **И**ѡ ѣга нечѣто и скверно впадѣ нѣ ко что. Гн̄ бѣ нїшъ. заповѣда проснїи (sic) спснтелнымъ смотрѣнїемъ. Двѣ молитвы; въ концѣ приписка Евфросина: в лѣ. ѡ. ѡ. ѡд. (т. е. 1476) а прѣ. и. конча страсгнма нѣли в средю

11) л. 79. **И**ѡ прѣвномоу сергїю. ѡ прѣвне и ѡсѣнаиа главо прѣблженнн аѡка сѣргїе.

Здѣсь на полѣ (л. 80) приписка Евфросина: в сергїевѣ монастырѣ книгъ .т. а млѣтвеннкѡ .к.

12) л. 80. **И**ѡ. гѡу нїшемоу иѣ хѡу съ оумиленїе. Гн̄ виднши вѣдоу мою.

13) л. 80² **И**ѡ сѣго ѣфрема. Гн̄ бѣже спсе мон. вхскоую ма ѣси ѡстагнахъ.

14) л. 81² **И**ѡ сѣго стефана. Бл҃кко гн̄ иѣ хѣ. тѣи помощникъ мон коу^н

15) л. 82. **И**ѡ на хоула вѣса. [А]а ѡбратитѣ болѣзнь твоа на главоу твою.

16) л. 83. **И**лѣтва прѣтѣи влѣци гжи вѣци. Прѣта гже дѡ вѣе. прѣвышешн (sic) ѣси аг҃лахъ.

17) л. 85. **И**оантѣ сѣго михаила арханг҃ла. Гн̄ бѣже белнкїи црїю безначалнїи.

18) л. 86. **И**ѡ іѡа злѡуѣ. ѿ всѣхъ оудъ. Гн̄ прѣстїи ѡчѣ всемоган вѣчннн бѣ

19) л. 87. **МѠ** Ѡпоуцати коравль ко плаванію. **Ѡ**лмз. рѣ.

20) л. 87¹. **МѠ** соуномь ратнымь. Ѡпоуцаемыа на ратныа. Діакону гліуцу. Гюу помолимса. Молнтса сѣль. Бже бѣ ншъ. нже море походныи мѠ на соушн.

21)—**МѠ** в бездожіе. блѠо гн бѣ. рѣ" еже к тебѣ рвеніа. Здѣсь же: 1) мѠ нна в бездожіе, 2) мѠ .г. в бездожіе.

22) л. 89. **МѠ** на ѡбоурвваемыми Ѡ дхъв нечѣыхъ. Бѣ вѣчныи нзбавлен на Ѡ плѣненіа діавольска.

Здѣсь же (89²) молитва вторая о томъ же.

23) л. 90. **МѠ** в началѣ свѣатвы. Гн бѣ вседержителю сѣтворнвыи землю н чѣка на нен.

24) л. 90² **МѠ** зажинати нивы. Тебѣ гн совершнтелю всаческыи.

Здѣсь же вторая молитва о томъ же.

25) л. 91. Слово ѡ презвитерѣ Ѡ правн писано. Потцнса ѡ презвитере, прѣставити себе дѣлателю не постыдно.

26) л. 92. Поученіе к попѠ кирилово. Слышите еренскыи прѣбныи съборз.

27) л. 93. Поновленіе черноризцель. Сѣтворнвз .г. поклони іереу рчеть. Блѣвнхъ вѣ на.

28) л. 97. Поновленіе жеіамъ. начало в мужескѠ поновленн. — **КѠ** гже дшн нан сестро нсперка кѠко растлнса дѣство твоѣ.

Ср. 9/1086, л. 80 (Варлаамъ, 14).

29) л. 99². **ВопрѠ** черныцемъ ѡ грѣсѣхъ. Пыньство. ѡбыденіе. анхонметко.

30) л. 101. **По** ннн.—**И**сповѣданса **чѠ** поновле.

31) л. 10¹ **чннх** сѣеньст **прѣ**хъ

32) л **на**шъ.

33) **г**а.

3/ **н**телею.

тебѣ **о**жнтн

покло **н** мѠ

сю.

Привожу молитву цѣликомъ: Радуйса стѣно и кореніе еѣ измѣн
гнѣ болѣзнь ѿ моѣхъ челоустен и зѣвокъ моѣхъ. да не шброушатса стѣною
въ вѣкъ хѣ бже. и дажь помощь хѣ и зрѣбіе исецѣленіе глакъ и челоустемь
рѣвоу твоеиѣ имрк. мѣткани сѣеннолѣнка антпны. и сѣла бѣда и сѣлѣ
безмезннкъ козмы и дамѣана. и кѣхъ сѣхъ твоѣхъ. нѣѣ и прѣ и въ кѣкы
кѣкомь. аминь.—Белкомоу антпнѣ антѣргію створи и дан на слоужбоу
по снаѣ.

36) л. 114² **МѠ** на всакымь сосоудомь ѡскверньшимса. блѣко
ѣрѣвндче гнѣ свѣдѣи нейзреченнаѣ.

37) л. 115² **МѠ** дроуѣа на брашноомь ѡскверньшимса. Гнѣ бже нѣшъ
заповѣдавын видѣнїемь и глѣмь петроки.

38) л. 116² **МѠ** идоуѣе на ѡвѣдѣз. Гнѣ бже нашъ нѣнѣи и жи.
вотворащїи хлѣбе.

39) л. **МѠ** идѡще ѿ ѡвѣда. Тебѣ истинномоу члѣколюкцю.

40) л. 117. **СлѠ** ѡ женѣ ѡ доврѣи и ѡ злыѣ. Послоушаѣте жены
заповѣди божиѣ.

На полѣ рук. той же руки (Евфросина) помѣта: иѡна .ѣ. иѣ
пролога въ фарафонтѡвѣ писано. На л. 118 также: до зѣѣ иѡ .ѣ. Къ
тексту: луѣе жити въ землѣи поуѣѣе нежелѣи с женомь скарлвою, на полѣ:
а се ѿ соломона—рука таже.

Ср. 9/1086, л. 115. (Варлаамъ, 19—20).

41) л. 121. **Сѣгѡ** григорїа еѣпа нисьскѣ. ѡ исповѣдающїисѣ. Иже
истинно хѡтащемоу прїнти.

42) л. 122. Чинъ исповѣданїю. кїрѣз иѡанна дамаскына какѡ
пѡбаѣе кѡщагѡ прїнати. глѣ вхѡтѣ сѣеннѣи къ црѣковѣи с хѡдащїи (sic!) кѡдѣтнѣи.

43) л. 134. **Сѣннѣьскоѡ**. Богрѣшнѣи глѣи ѡѣе иже прїахъ чинъ.

44) л. 153² Чинъ быкаѣмыѣ егда слоуѣтса скверноу или нечистоу
въ новѣи впадиѡуѣти въ вино или въ ино чѡѡ таково. Изаѣти еже впаѡ
еѣѣ и изметнѡуѣти вѡнъ.

45) л. 154² Толкованїе сѣгѡ григорїа папы римскаго. еѣѣ ѿ мѣ.
глакъ и иже иѣзыде кѡупно заѡтра наѣти дѣлѣатель. Тѡ. Заѡтра оубѡ
сеѡ свѣѣта ѿ аѣама до нѡа.

л. 155² **Мѣѡ** ѿ .ѣ. ѿ покаянїа кїпрїанѡва. аѣзъ еѣмь кнпрїанъ
иладѣи ногѡтѣ вѣанъ аполѡноу.

л. 162. Правило иѣреѡ иже не ѡблѣаюѣтса во сѣеннѣахъ ризы.
мїемъ. ли гордѡстїю. ли лѣнѡстїю.—Сѣтихарѣ еѣѣ праѣа. а фелѡнъ

19) л. 87. **МѠ** ѡпоуцати коравль ко плаванію. ψ лмз. рѣ.

20) л. 87². **МѠ** соуномь ратнымь. ѡпоуцаемыа на ратныа. Діаконю гліюу. Гіу помолимса. Молитса сѣль. Бже бѣ ншь. нже море походнымь такѠ на соуши.

21)—**МѠ** в бездожїе. влѠко гн бѣ. рѣ" еже к тебѣ рвенїа. Здѣсь же: 1) мѠ нна в бездожїе, 2) мѠ .г. в бездожїе.

22) л. 89. **МѠ** на ѡбоурвваемыми ѡ дхвз нечтѣхз. Бѣ вѣчныи избавлен на ѡ плѣненїа діавольска.

Здѣсь же (89²) молитва вторая о томъ же.

23) л. 90. **МѠ** в началѣ свѣатвы. Гн бѣ вседержителю створныхъ землю и чѣка на нен.

24) л. 90² **МѠ** зажинати ннвы. Тебѣ гн совершителю всацескыѣ.

Здѣсь же вторая молитва о томъ же.

25) л. 91. Слово ѡ презвитерѣ ѡ правн писано. Потцнса ѡ презвитере, прѣставити себе дѣлателю не постыдно.

26) л. 92. Поученїе к попѣ кирилово. Слышите еренскыѣ прѣвныи съборз.

27) л. 93. Поновленїе черноризцемь. Створных .г. поклоны іерен рчеть. Блгвенз вѣ на.

28) л. 97. Поновленїе жѣнамз. начало в мужескѣ поновленїи.—Како гже дшї нан сестро нсперка како расланса дѣбство твоє.

Ср. 9'1086, л. 80 (Варлаамъ, 14).

29) л. 99². Вопрѣ черныцемз ѡ грѣсѣхз. Пыныство. ѡбыденїе. анхоїметво.

30) л. 101. Поновленїе сщеникѣ. начало в чернечскѣ поновленїи.—Исповѣданса бшї н прѣчтѣн єго мѣрн.

31) л. 105² Поновленїе мирскыѣ попомь. Схгрѣшн гн ѡче прїахз чннх сщениства недостойнз.

32) л. 108. **МѠ** на главою ѡ іереа глѣма. Гн іѣ хѣ вже нашь. сїе и слово ѡчѣе.

33) л. 112. **МѠ** прощальнаа. Гб премлѣтнвыи да оуцедрит та.

34) л. 113. **МѠ** на ѡнованїе храмѣ. влѠко гн вже вседержителю. тебѣ са молнмь.

Здѣсь же (л 113²) вторая молитва о томъ же.

35) л. 114. **МѠ** сѣго сщениомчнка антнпы зюбнма. положити поклонз .бї. гн помилуи .м. и положи челясть на каменн. глн мѠ сїю.

Привожу молитву цѣликомъ: Радуйса стѣсно и кореніе ѣм измѣн
гѣ болѣзнь ѿ мои́хъ челюстен и зюговъ мои́хъ. да не шброушатса стѣсною
вх вѣкх хѣ бже. и дажь помощь хѣ и зрѣкїе ищѣленїе глѣкѣ и челюстемъ
рабоу твоємѣ имрк. мѣтвѣми сїѣннои́ника антнпы. и стѣла бѣа и стѣи
бѣзмѣзникх козмы и дамїана. и вѣхх стѣхх тѣснѣх. нѣѣ и прїи и в вѣкы
вѣкомъ. ѡмннь.—Беланкому антнпѣ антѣргїю створи и дан на слоужбоу
по силѣ.

36) л. 114² **Мо на всакымы сосоудомъ ѡскверньшимса. блѣко**
срѣвндче гѣ свѣдѣи нейзреченнага.

37) л. 115² **Мо дроуга на брашноомъ ѡскверньшимса. Гѣ бже нѣш**
заповѣдавын видѣнїемъ и глѣмъ петрови.

38) л. 116² **Мо идуще на ѡвѣдѣз. Гѣ бже нашъ нѣиын и жи.**
вотвораши́н хлѣбе.

39) л. **Мо идуще ѿ ѡвѣда. Тебѣ истинномуу члѣколюбцю.**

40) л. 117. **Слаб ѡ женѣ ѡ добрыѣ и ѡ злыѣ. Послоушанте жены**
заповѣди божїа.

На полѣ рук. той же руки (Евфросина) помѣта: иуна .г. иѣ
пролога в фарафонтовѣ писано. На л. 118 также: до зѣкѣ иѣ .г. Къ
тексту: лу́че жити в земаи поустѣк нежелн с женомъ скаранбомъ, на полѣ:
ѡ се ѿ соломона—рука таже.

Ср. 9 1086, л. 115. (Варлаамъ, 19—20).

41) л. 121. **Сѣго григорїа сїппа нисьскѣ. ѡ исповѣдающїйсѣ. Иже**
истинно хоташемоу прїити.

42) л. 122. **Чинъ исповѣданїю. кїрѣз іѡанна дамаскына какш**
повѣѣ кауцагѣ прїимати. гѣ вхѣтѣ сїѣннїи кх црковѣ с хѣдаши́н (sic!) кагѣтїи.

43) л. 134. **Сѣнннчьскоѣ. Богрѣши́и гѣи ѡче иже прїахх чинх.**

44) л. 153² **Чинъ бываѣмыѣ ѣгда слоуѣтса скверноу или нечистоу**
в новѣ впадоути в вино или во ино чтоѣ таково. Изати ѣже впадо
ѣсть и изметноути вѣнх.

45) л. 154² **Толкованїе сѣго григорїа папы римскаго. еѣѣ ѿ мѣ.**
глаба .п. иже иъзде коупно заѣтра напѣти дѣлагѣль. Тѣ. Заѣтра оубо
начатокх сего свѣта ѿ ѡдама до нѣм.

46) л. 155² **Мїѣа ѿ .б. ѿ покаганїа кипрїанова. Иъз ѣсмъ кипрїанъ**
иже ѿ младѣи ноготх вданх аполонѣу.

47) л. 162. **Правило іѣреѣ иже не ѡблѣчаютса во сїѣнныа ризы.**
ли неразѡмїемъ. ли гордостїю. ли лѣностїю.—Сѣтихарѣ ѣсть прѣба. ѡ фелонь
истинна.

48) л. 162² Правило сѣго іуѡнна мѣтнѡго. Нѣкоторыи нѣрен ѡ цркви іуѡнна мѣтнѡ нага слоужити вечерню бе-стихара.

49) л. 166. Иѡ ѡ исповѣдающихся егда исполнати оуставъ заповѣшеніа ихъ и хотати причаститса. Гдѣ бѣ нашъ иже сѣго апла петра столпа цркви показавъ.

50) л. 166² Сѣго макенма сказаніе рассуудительно. Кто естъ прѣихъ. и кто естъ прѣкенъ.

51) л. 169. Иѡ адрѣла .кѣ. сѣго великоѣ исповѣдника стефана еппа пермьскаго, ѡ негоже крѣпнѣе прѣша и грамотоу. Трѣ. гла. д. Ижтвеннымъ желаніемъ ѡ юнаго възроста стефане прѣдре.

52) л. 169² Сѣ .г. сѣ феоуктистоу гла. д. Оцмъ начальникъ наречеа.

53)— Иана .к. фавелею. кѣ. гла. г. дѣа днѣ. Ичнхъ страдальникъ авльса хрлворх.

54) л. 171. (безъ заглавія) Помилуй ма бѣ по велѣцѣ (sic) мѣтн твоей, по многіи щедротамъ твои крѣпнѣи собравши на га и хрѣ его слово в зако

Всего четыре строки на страницѣ.

55) л. 171². Канѡ на достолѣнное зєпеніе прѣтѣмъ вѣцѣа наша вѣа и прѣно дѣвы мрѣа пѣваѣ ѡ вечера на побѣрннцн. твореніе сѣтѣншаго и вселенскаго патрїарха константина гра, кѣ фїлофеа. превѣенхъ же бѣ на рѣкынъ изыкхъ дѣвѡромъ прѣвопрозвѣтеромъ. гла. д. пѣ. д. ірмс. мора чрхмнѣ.—Вхсеа прѣлежарїа вѣцѣе ѡтроковнцѣ тварн.

56) л. 176. (безъ заглавія) Мора чермнаго поучинноу...—выписки.

57) л. 177. (безъ заглавія) Ненавидашнѣ и ѡбндашнѣ насъ прѣсти гдѣ чѣколюбче.... выписки.

57²) л. 179. Иакѡ евсекїи памфиловъ списа ѡ потопѣ и ѡ моїсїи. И житъ моїсїи лѣ вѣтѣ. рѣ. и скончѣ.

58) л. 179² ѡ феоѡра еппа едѣка на еретники. Ице кто не иновѣдоуѣ сѣтѣи ѡцѣе гѣмнъ свѣѡ.

59) л. 188. (безъ заглавія) Пѡваѣ вѣдати. яко должно е н ѡ гдѣ послѣдовати преданїю великѣи ѡпшѣжнтельныхъ начальникъ. внегода быкаѣтъ вѣкшеніе хлѣбѡ. в магнпїн, за ѡпшѣюу трапезоу.

60) л. 189. (безъ заглавія) вѣтн пѡваѣ. ѡ возвїженїи чѣнагш крѣта. Зрї сѣн, крѣтнїи пѡстѣ. Обдержно именушѣ.

61) л. 193. ѡ девяти чинѡ. Прѣлн. хероубнми, серафимн...

62) л. 196. Сергію трѣ. глѣ. ѿ. ѿ иночти възпрѣлахъ єси хъ.

На полѣ: єпифанієво.

63)—Дроу трѣ. глѣ. ѿ. Иже добродѣтели подвижннкъ.

На полѣ внизу: пахѣміа сербина. Далѣе цѣлый рядъ (48) тропарей, позднѣе отмѣченныхъ на поляхъ; среди нихъ: Кириллу (197), Сергію (198), Іоанну Постнику, Феоклѣ и др., Варлааму хутынскому (200; на полѣ: Варлааму канѣ. глѣ. к. писѣ вѣснощное оу касіана в книзѣ), Саввѣ Сербскому (203).

64) л. 212. Хиротоніа. ѿгда штонѣтъ новосѣщеннѣ поихъ оурокаъ свои оу соборныхъ цркви ѿкоже шкычанъ єсть єппѣу. шпѣщана и к порученон ємоу цркви наказавъ дастъ ємоу ѿ роукѣъ своєю мѣтвеннкъ. и прочетъ ємоу свнтокаъ єин. положить на штарѣ, рекше на прѣлѣ и велитъ ємоу взати. видѣнѣа и памать сѣенѣа свнтокаъ законнѣ роукоположеніє єппѣа имрѣ:—Се тебѣ чадо гѣ поручн сѣеніє службуу.

На концѣ л. 218 запись: в лѣто. 55. ѿ. 4 (т. е. 1482) ѿпрѣ. ѣс. преписѣ сѣю хернтонію: рекше поученіє. інокъ євфросннъ. в патѣ вели. в оу великѣу (см. снимокъ 7-й).

65) л. 218² Поновленіє. ѿче сзгрѣшнѣ на нѣо и прѣ тобом. прѣнин ма ѿче кающаса.

66) л. 222. Григоріа вєсѣдовника. Петрѣ. Молю тѣ. геєньскы шгнь єдин ли быти лѣпо єсть вѣрвати.

67) л. 224. Сѣго григоріа папы римскаго слово. 31. ѿ болащнѣ. по глѣ. ѿгда члѣк болитъ и ѿше хошѣ мѣтвы взимати ѿ попа.

68) л. 224² ѿ никона великѣа книги. ѿ слова .м.го. ѿ еуѣа ішанова. вземъ рнзы свои и возлегъ пакы глѣ имъ. Тѣ. Рнзы же оутъ среброамбѣе.

Ср. 9/1086, л. 9² (Варлаамъ, 7).

69) л. 209. (безъ заглавія) Рѣ сѣмѣ снмешнъ стѣуднскы. братіє кромѣ слезъ да не причаститєса когда... выписки.

70) л. 237. Заповѣдъ ѿ постниковѣ правилъ. ишѣнна злѣоу ѿ законѣ црковнѣмъ. Прєже поручаю да зєнраете люди въ єдиннуу цркву ѿже єсть посрединъ села.

Ср. 9/1086, л. 54² (Варлаамъ, 13).

70²) л. 241. Чннъ шмыти моши сѣмѣ. или како поѣветъ кодоу сѣ крѣта пити. Прѣже воліють кодоу в чашуу. и ѿше бѣдѣ попъ в рнзѣ.

71) л. 246. ѿ еуѣліа впрѣ. Прінде оубо брѣ кх старцю. и рѣ ємоу ѿче. рѣ гѣ въ еуѣліин. врази члѣкоу домашннн єго оуѣ.

72) л. 247. На пасхуѣ Ѡ .Ѣ,го слова. Блѣбнши вѣнецѣ лѣтоу блѣтн твоѣа. Ѡ сннца оубо лѣто.

73)—Во фѣѡсѣевѣ житїи писано, маїа Ѣ. Лице в масле ананое мышь впадетъ. масло вылнши конз келѣз сѣѣ—вса выписка.

74) л. 247² Иѡа мана .Ѣ. оуспенїе прѣвнѣ Ѡѡа нашегѡ антонїа печерскаго. трѣб. глѣ. Ѣ. Иже ко плоти бесплотнѣ житїю поревновавъ.

75) л. 248. Ѡ постннковыхъ. Прѣже же всего пѡбаеть ѡцѣѣ дѡхѡвному лиенти чдо свое дѡхѡвное.

Ср. 9/1086, л. 54² (Варлаамъ, 13), л. 6 (Варл. 6).

76) л. 249² Во ѣма ѡѡа ѣ снѣа... Се ѣ фѣдоръ...—предисловіе къ «Псалтыри»; рука едва-ли таже, что въ самой «Псалтыри», хотя и очень близкая по характеру и времени: см. снимки 1-й и 2-й.

л. 250.—Книгы глѣмыа псалтырь., кѣ. Ѣ. Пѣлмъ дѣа. Блѣвнз ѣа бѣа нашѣ.

Издаваемый текстъ. Вверху л. 250, направо: ѣа лѣ, т. е. 26 листовъ, на которыхъ помѣщена «Псалтырь»; т. о. ко времени, когда тетрадка, заключающая текстъ «Псалтыри», вошла въ составъ сборника (а это было не позднѣ начала XVI в.)¹⁾, она уже имѣла этотъ составъ; по соединенїи ея съ предъидущей тетрадью въ сборникъ было написано предисловіе (см. снимокъ 1-й) рукой, очень близкой по времени къ написанїю самой «Псалтыри»; отсюда ясно, что предисловіе было и въ «Псалтыри»; но было либо зачеркнуто и умышленно оторвано или случайно оторвалось и вновь приписано было при соединенїи «Псалтыри» съ предъидущей тетрадью сборника; это подтверждается тѣмъ, что въ части сборника, заключающей «Псалтырь», по восьми листовъ въ каждой тетрадкѣ рукописи, но въ 1-й тетрадкѣ «Псалтыри» листовъ только семь: на восьмомъ и было предисловіе²⁾. Той же рукѣ,

1) А м. б. и въ концѣ XV в., такъ какъ рука, писавшая счетъ листовъ, очень близка рукѣ Евфросина.

2) Л. 249, на оборотѣ коего оно помѣщено, въ рукописи *вставной*: онъ вклеенъ при переплетѣ; предъидущая тетрадь сборника имѣетъ свои 8 листовъ. Тоже почти наблюдается и въ рукописи 9/1086 относительно текста «Псалтыри»: въ ней тоже, что и въ описываемой, рука помѣтила на л. 532 число листовъ занимаемыхъ «Псалтырью» лѣ лѣ, т. е., 35 л., сколько ихъ въ ней и теперь; но она безъ начала, недостаетъ, судя по тексту и счету листовъ по тетрадамъ (онъ вняву—свой; въ 1-й тетради лишь семь листовъ) одного листка; а на немъ было начало текста (строки 3—4), заглавіе; здѣсь же, навѣрное, было и предисловіе; т. е., этотъ листокъ также исчезъ, скорѣе всего, былъ умышленно удаленъ. При такомъ взглядѣ на дѣло, предположенїе Е. Е. Голубин-

которой писано предисловіе, принадлежит и послѣсловіе (л. 276^о), написанное на чистомъ оборотѣ послѣдняго листка «Псалтыри» (см. снимокъ 4-й).¹⁾ Т. о., какъ предисловіе, такъ и послѣсловіе надо счесть принадлежавшими первоначальной рукописи «Псалтыри», копии съ которой представляютъ оба ея списка, издаваемый и въ рук. 9/1086. Разница между обоими списками «Псалтыри» ничтожна и сводится почти исключительно къ незначительнымъ отличіямъ графическимъ (какъ это и видно изъ разночтеній въ изданіи текста), рѣже къ фонетикѣ. Чаше всего эта послѣдняя сводится къ тому, что текстъ 9/1086 имѣетъ іотированныя формы тамъ, гдѣ издаваемый даетъ «болгаризирующую» — не-іотированную, хотя есть и обратные случаи²⁾; то одинъ текстъ въ отличіе отъ другого имѣетъ ѳ в м. о въ словахъ: тѣѣѣ — тѣѣѣ, ѣѣѣ — ѣѣѣ, иногда болгаризирующая и русская форма въ соч. согласной+плавн.+глухой то здѣсь то тамъ чередуются: исперѣа — испръѣа. и т. д. Представляя очень близкія другъ къ другу копии одного текста, оба списка даютъ возможность, т. о., представить себѣ довольно наглядно и свой оригиналъ. Въ частности, что касается графики издаваемого текста, то можно ограничиться слѣдующими замѣчаніями:³⁾ 1) глухіе ѣ и ѣ, появляющіеся или не на мѣстѣ или какъ будто въ видѣ архаизмовъ, на дѣлѣ выражаютъ пріемъ писца, стремившагося заканчивать ими слогъ въ концѣ строки: помощ|никъ 250, помыш|леннемъ 257, земь|лю 262^о, рабъ|натиса 266^о, земь|ла 275^о, разъ|мы|ни 262^о, неволь|наа 260, крѣпъ|кыи 268^о; 2) иногда ѣ въ концѣ строки выносился на верхъ строки⁴⁾: дымъ|262^о, страхомъ|251^о, монѣѣмъ|256^о, томъ|264; 3) тѣмъ же объясняются и выносныя буквы: твоѣмъ|251, моѣмъ|, пѣ|257^о, мѣ|265^о; 4) тѣмъ же объясняется ѳ в м. и, лигатуры ч в, ч р: тво 251^о, твоа 253, 253^о (bis), 256, страхомъ 257^о. ѳтвердѣ|аъ 274^о, съблюдѣ|272, родѣ|тела 267^о, 256; 5) есть очное письмо: ѳчн 266; 6) ѣ (съ длиннымъ округлымъ ѣ) исключительно въ концѣ строкъ.

скаго (Ист. Ц. II, 1^о, стр. 886), что этого листка надо искать въ бумагахъ П. М. Строева, сомнительно: этого листка въ рукописи не было уже тогда, когда считались листы въ сборникѣ, т. е. въ концѣ XV, нач. XVI в.

¹⁾ Послѣсловіе въ рук. 9/1086 писано также на оборотѣ послѣдняго листка, писано ово рукой писавшаго всю самую «Псалтырь».

²⁾ Какъ то, такъ и другое отмѣчено въ разночтеніяхъ по печатаемому тексту.

³⁾ Остальное довольно отчетливо воспроизводятъ печатный текстъ и снимки.

⁴⁾ Въ падавіи ѣ опущенъ въ строку.

77) л. 277. Въ той днь слб. ѿ коупци хѡамевей, ёмоу бѣсз пакость створи, мѣтина его не терпа. Побѣдаше нѣкто оць вещь дѣвнѡу пользы испѡненѡ.

78) л. 280. Въ той днь слб. ѿ кѡзници и мѣтвом сотвори въздвижнѣти горѣ и коврещи в нѣлз рѣкоу. Бз ѡлександрѣи егѣпѣстѣи баше нѣкто злѡкоузнецъ слабенз зѣло.

79) л. 285. Слово завѣтъз мнихомз. ѡбгѣ. ѡ. Мнихоу смрѣчь калюгероу или калюгерници жикотз оума калденіе.

80) л. 288. ѡбгѣ. ѡ. слово ѿ нѣкоёмъ блѡуницѣ иже мѣтвину твораше и блѡда не ѡставляшеса и до смрти. и лѣта лба црѡ ѡрменна. баше вх константинѣ градѣ чѡкз слабенз.

81) л. 289. Слово како дѡволоз иъзводитъ до ѡпѣтѡа иъз цркви чѡкы. баше старецъ прозорливъ дѡомъ вх печерьскѡ монастырѣ и менемъ мѣтфѣи.

82) л. 290. Слово ѿ воскресѣнїи гѡ нашего іс хѡ. Гоу нашемоу іс хѡу исполншюу пророческоѡ слово по плѡтѣскомоу смогренїю.

83) л. 290. Въ той днь слово ѿ стрѣти хѣѣ ѣ прѡятъз за вѣ мирз. ѡже вѣ іс хѡ. лѣ рожнса ѡ стѣла дѣца мрѡа. исполнса вѣсѣхъ пррѣкз прорнцанїе ѿ немъ.

84) л. 291. Поученїе ѿ наказаньи чадз. ѡ приточъ. Казни сѡа своѡго ѡ иности его и покойт та на старость.

На верху замѣтка: іѡ. ѡс.

85) л. 292. ѡбгѣ. ѡ. Слово ѿ ѡставѣ мнишыска житиѡ и ѿ опитимѡхъ. Побѣдаше презвитерх петрх ѡ стѣмъ григорїи папѣ римьстѣ.

86) л. 293. Въ той днь слово ѡ патерника како добро ёсть стрѡтѣи. Приде неѡкоудоу мнихъ ко игоуменюу слауѡанюу.

87) л. 294. ѡказанїе григорїа двословца ѿ просфирѣ иже за ѡусопшїи дѡа ко сорокоустїе слаужать. Много можетъ дѡамъ прѣтѡа помощь слаужба.

Вверху помѣта: ѡбгѣ. ѡ.

88) л. 295. Въ той днь слово іѡа злѡу ѿ лѣчѡщи болѣзни волхѡванїемъ наѡузы. Житїа сего наводимаѡ намъ скоренѡа.

89) л. 296. ѡбгѣ. ѡ. поученїе стѣго григорїа ѿ гнѣвѣ на брѡю. Не дадите братїе в себѣ мѣста гнѣвоу, зане моужъ гнѣбань вѣїѡ блѣтти не прїнметъ.

90) л. 298. Мѡа. ѡн. слово ѿ дѡаконѣ. Дѡаконюу вѡ побѣ вѣ творити, но не безъ кола поповы.

91) л. 299. Сирахово на немлѣтивыа кнѣи ѿ не в правдоу соудѣ. Слышите кнѣи ѿ разоумѣйте.

92) л. 300. Сѣ поминаніе стѣя вѣи. ѣпкѣ и въсѣа ростовьскыа зѣмли. за цари. за кнѣси. за митрополиты ѿ за ѣпѣи. за архимандриты. ѿ за игумены. ѿ іерескѣ чиноу. ѿ ѿ мнишьскѣ. ѿ ѿ всѣхъ правобѣрныѣ христіанехъ. Ѡгда великыи ѿ бл҃гочыстныи црѣ и кнѣзь владимирхъ бѣоразоумію спѣбѣса.

Рѣчь идетъ объ установленіи христіанства и епископіи въ Ростовѣ; взято изъ лѣтописи: по взятіи Корсуни (Корсунъ) и крещеніи Владимира, грекъ митрополитъ Леонъ распредѣляетъ приведенныхъ съ собою епископовъ грековъ, въ числѣ ихъ третіаго посла въ велиныскоюу землю, а четвертаго ѣпѣа гречина феѡра (онъ только и названъ по имени) нарицаемаго в ростовхъ посла съ мѣеникѣ борисѣ. Ѡхъ кѣи прѣвыи ѣпѣхъ в ростовѣ. Далѣе рѣчь о Новгородѣ, поставленіи Іоакима, далѣе: б҃го ѣпѣа (Ярославъ послалъ) въ новъгорѣ жидатѣ лоукѣ нарицаемаго. сѣ .б. ѣпѣхъ новѣгородѣ. такоже в лѣтописицѣ пишѣ. тѣи же ѿ црѣкѣ стѣю софію сѣзда владимирхъ .с. ф. ѿг: + На этомъ кончается статья. Всѣ эти замѣтки идутъ изъ вводныхъ статей поминальника, какъ и два небольшія поученія, читаемыхъ причетникомъ для поминающаго (л. 303—308).

93) л. 308² Повѣ слѣ .м. дивна ѿ ѡтроцѣ скифанинѣ. Бѣ днѣхъ леѡнта ѿ александра кнѣзь нѣкы в пелопонисѣ куппѣ ѡтрока скифанина родомъ.

94) л. 312. Ѡ възпрѣ александровѣхъ к великомуу ѣвсѣею. Бѣ единхъ ѡ днѣи члѣкхъ рѣкою оунесенхъ бывхъ оумретхъ.

95) л. 313² Тимофеа презвитера великіа црѣкѣи и сосоудохрани-телѣ прѣвыа вѣа в халкопратїнхъ. ѿ разлчїи приходѣши ко бл҃гоче-стивїи вѣрѣ нашен. Три чины ѡбрѣтаѣмъ приходѣши къ стѣи вѣїи съборнѣи ѿ аплѣстѣи црѣкѣи.

Ср. 9/1086, л. 35 (Варлаамъ, 11) или 23 (Варл. 8).

96) л. 315. Ѡтѣго макаріа ѿ м-ци ѿ ѿ н-ци. Члѣца моѣ рѣбѣтелѣ срѣце моѣ влѣ радн.

97) л. 318. Поученіе къ всѣмъ хрѣстіанѡмъ. Поученіе клѣны матѣеа саранскаго г детѣ моимъ. чада моѣ мнѣа. прѣвое ѿмѣните вѣрѣ правоу къ б҃гѣ.

Редакція иная, нежели въ «Златой цѣпи»; ср. Буслаевъ, Христом., столб. 477.

98) л. 328. Поученіе алексіа митрополита ѿ апльскыѣ дѣланіи къ хѣланьвныѣ крѣпанѣхъ. Хѣщюу вамъ вѣспоманути дѣшеползнаа и сїсенаа.

По рукоп. XV (XIV?) в. бывш. Царскаго и рук. XVI в. М. А. И. Д. издано въ Приб. къ Твор. св. Отцовъ, V, 30 сл.

99) л. 337. Вопрошеніе и ѿстазаніе прѣ свѣдителии оу прѣла ѿ дѣховника діаконуу и ли в попы. Повѣстуетъ тебѣ гнѣ стѣи архієписѣпѣ имѣрк. коѣго града. ѿщюу дѣховномуу имѣрк. веси ден сїюу чѣдѣ ѣсть вхѣ вх стѣи бжїи жертвенникъ.

100) л. 338² (безъ заглавія) Кїиждо имѣлан помышленіе ѿ своиѣхъ согрѣшеніи ѿ вѣсѣхъ и за вѣл. в первыѣ помани гнѣ. прееѣщенномуу митрополитюу геронтіюу всеа руси. приносашемому стѣи дари гнѣи коу нашемуу. бгѣолюбивомуу архієписѣпуу васіануу бгѣосїселемыѣ градоуу ростова и прославаа..... блѣговѣрномуу и хѣланьвномуу велкомуу кнѣсю ивануу васнальѣвичюу всеа руси. и блѣгорѣдномуу велкомомуу кнѣсю івануу ивановичюу всеа руси. и блѣговѣрныѣи кнѣземъ андрѣю. корисюу. андрѣю и вѣсѣмъ православныѣи кнѣземъ.

Геронтій былъ митрополитомъ въ 1473—1489 г.; Васіанъ (Рыло)—архієп. ростовскимъ въ 1467—1481; Иванъ Ивановичъ (сынъ Ивана III, Молодой) умеръ въ 1490 г. Андрей, братъ Ивана III, Большой, кн. Волоцкїй, въ 1494, Борисъ, другой братъ, кн. Углицкїй, въ 1497. Второй Андрей—сынъ Ивана III.

101) л. 339² Великаго васнлаіа ѿ члѣцѣ. Аще хѣщеши доврѣ разуимѣти, чѣо вѣлѣ ползнаа жнтіа сего печалнаа соу.

102) л. 340² ѿ патерника. ѿ пролога. ѿ. зї. Пратїа нѣклаа нзшѣше и з монастыра идоша в поуѣгыню погѣтннн нѣкоѣго ѿшельника.

103) л. 342² ѿ поученїа ѣѣа ѿ лоуѣ. нѣ .ка. ѿ слова .мѣ. Блѣудныѣ цѣломѣрїю науучаета.

104) л. 342² Ноїа .їг. повѣстѣ вндѣнїа іуанна нѣкоѣго юноши сѣбло ползнаа. и ѿ гѣргїи. Быѣ нѣкѣчорыѣи мужь в константиннѣ градѣ, вх днн константина црѣа, иже знлѣмъ влше и самомуу црѣю.

105) л. 345² ѿ жнтіа стѣго сава. гла .ої. Бѣ нѣкто кз стѣемъ грѣѣ сребропродавецъ. родомъ же дамакынъ. а именеиъ ромоула.

106) л. 346² ѿ главы зѣ. Песѣдова в манастырѣ стѣи сава оу стѣго феѣсїа.

107) л. 347. Слово ѿ нѣкоѣмъ дѣвнѣ прѣзвнтерѣ иже вндѣ вѣсы оу кѣльи оу лѣннѣваго мннха. и науучи его в ноци молнтиса и прогна вѣсы. Прѣзвнтеръ нѣкто прозоранъ сы. идыи свѣршннн стѣюуу слѣужбуу. и вндѣ ѣдиноу оу кѣлїа братнѣа множество дѣмонъ.

На полѣ: нѣ .нѣ.

108) л. 347² Слово ѿ правдѣ и ѿ неправдѣ. апрѣла 5. Первое створена кѣ правда.

109) л. 349. Оуказъ како спѣвнзаетца стѣла понагіа въ стѣи велики четвертокъ. По ѣже створити стѣе проскомисаніе.

110) л. 350² Запись: к лѣ .с. ѿ .лѣ. (т. е. 1425) кѣ іаковѣ доврописцемъ преведено ѿ греческаго языка на руѣкѣ. во стѣки горѣ іфон-стѣи по вопросу и по шѣвѣтѣ стѣго максима исповѣнника. генкѣ .кѣ. лѣ .лѣ. иувогому ѣвскію непотребному ѣфрему руѣсному. писано в семенѣ горѣ-ломъ. гѣ.

111) л. 352² Кѣнони изборний вѣи. иуъ ѿ семи глѣсовъ. в сѣботѣ вѣ. на вѣнни кѣ. глѣ. ѣ. пѣ. ѣ. ирмѣ. Лѣтки работки извѣихъ.

112) л. 391². Канонъ чѣномъ. крѣтѣмъ. глѣ. д. иѣ. ѣ. ирмосъ. Ѡтверзъ оуста моя и наполнатьца дѣмъ.

113) л. 397² Ѡ лоуѣ. зѣ. чѣ. тѣ. Трѣе стѣе шбрази въ црѣви, ѡцнщеніе, просвѣщеніе и сѣвершеніе.

114) — зѣ. рѣ. тѣ. аминь глѣ вѣ... рѣ рече не тогѣ оушн.

115) л. 399² На исуѣннѣ. стѣры самоглавы стѣнѣи вѣи. глѣ. і. Приидѣте всекрасноѣ оуспеніе.

116) л. 403. Я си имена калоуѣгерѣ. черныѣ. Аврѣ. іронъ. антоніе. Весь алфавитѣ.

117) л. 405² Великаго іфонасіа. копрѣ антѣмъ. кѣ кѣи же ѣсть оустакъ оущества іггльскѣ. Ѡвѣ. іггльско ѣсть животно. словесно.

Ср. 9/1086, л. 32 (Варлаамъ 9).

118) л. 406. Нѣ. прѣ рѣ хѣвѣ. Моисѣи водружаше стѣнь долѣ. нѣнѣи противѣобразноу.

119) л. 407² ¹⁾ дѣнаконьства бываѣма. Ѡ сѣнника или дѣна-кона. Помилуѣи нѣ ѣже по велнцѣи мѣтѣи твоѣи.

120) л. 410² Иѣ. глѣмагѣ вѣ нашествинѣ варварьскоѣ. Бѣко гѣи ѣже нашѣ. иже шедротъ неисчерпемый источникѣ.

121) л. 415² Иѣ. ѣ. томоуѣ. Согрѣшнѣомъ, беззаконнѣомъ.

122) л. 422. Я си трѣ. прѣтѣи вѣи на молвѣ. Кѣ вѣи при-лѣжно нынѣ прѣте... грѣшнн. ²⁾

Составъ сборника, помимо интереса, представляемаго отдѣль-ными его статьями (напр., ст. 35, 92, 97, 98, 100), имѣетъ много

¹⁾ Для первой строки (вѣроятно, вязью) оставлено мѣсто.

²⁾ Край листа оборванъ, листокъ приклеенъ къ доскѣ переплета.

аналогичнаго съ 9/1086¹⁾), какъ черпавшій изъ тѣхъ же источниковъ: изъ «правиль» богослужебнаго и каноническаго характера (Требникъ, Кормчая, Уставъ церковный), изъ Пролога (ст. 46, 77—80, 84—85, 102—108 и др.), патериковъ (печерскаго—81, 73, римскаго—66), изъ статей русскаго происхожденія (92, 97, 98). Какъ и въ 9/1086, и въ нашемъ видную роль въ подборѣ статей игралъ инокъ Евфросинъ, рукъ котораго принадлежатъ весьма многія статьи (см. таблицу почерковъ)²⁾; такъ же, какъ 9/1086, и нашъ частію составленъ, повидимому, на сѣверѣ, въ землѣ Ростовской (на это указываетъ статья 93) и приблизительно въ тоже время, т. е., въ 70—80-хъ годахъ XV столѣтія, какъ видно изъ записей того же Евфросина, напр., на л. 78², 218. Но когда сборникъ принялъ тотъ видъ, въ какомъ онъ теперь, опредѣленно сказать трудно: по письму въ немъ нѣтъ ни одной статьи моложе XV в. конца, а помѣты о числѣ листовъ въ каждой статьѣ также не моложе этого времени и весьма близки по почерку къ рукъ Евфросина; предисловіе къ «Псалтыри» также не можетъ быть сочтено многимъ моложе самого текста «Псалтыри»; этотъ, судя по бумагѣ (см. выше), писанъ не ранѣе 70-хъ гг. XV ст., но и не позже конца этого вѣка. Т. о. можно безъ большаго риска предположить, что весь сборникъ, собранъ, если не самимъ Евфросиномъ, то во время къ нему весьма близкое, м. б., въ концѣ XV и много много въ началѣ XVI вѣка. Тѣ же приблизительно данныя получаемъ и для сборника 9/1086.

Переходя непосредственно къ изученію «Псалтыри», на первомъ мѣстѣ поставимъ вопросы: кѣмъ, когда и гдѣ могла быть переведена наша «Псалтырь»? Въ виду сдѣланныхъ выше разъясненій о принадлежности предисловія и послѣловія къ первоначальному тексту перевода (сомнѣній въ этомъ нѣтъ), Феодоръ «новокрещеный» можетъ быть сочтенъ переводчикомъ этой «Псалтыри» съ еврейскаго на русскій языкъ. Если принять во вниманіе наблюденія Н. С. Тихонравова, М. И. Соколова, а также мнѣніе А. И. Соболевскаго, можно полагать, что этотъ Феодоръ—еврей

1) См. ссылки на эту рукоп. выше, при перечисленіи статей.

2) Еще Евфросиновскій же сборникъ представляетъ также ^{41/1088} Кириллова мон. (описанъ у Н. В. Рувскаго (Чтенія, 1891), стр. 27). Къ нимъ же слѣдуетъ, повидимому, отнести и сборн. Уваровскій (Царскаго № 361), писанный ок. 1477 г. «попомъ Евфросиномъ».

то же лицо, которое писало «Послание», недавно изданное¹⁾, и которому принадлежит переводъ первыхъ девяти главъ Есѡири (вошедшихъ въ Геннадіевскую библию 1492 г.)²⁾. Больше всего вѣроятія за тождество Феодора—еврея, автора «Послания», и Феодора новокрещеннаго, переводчика «Псалтыри»: не говоря уже объ одинаковости положенія обоихъ (оба выкресты), можно указать и на нѣкоторую связь въ мысляхъ того и другого Феодора, одного въ «Посланиі», другого въ «предисловіи»: оба, конечно, отрицательно относятся къ своей прежней вѣрѣ; но въ то же время это отношеніе отлилось и въ «Посланиі», и въ «предисловіи» въ аналогичныя по мысли и по стилю формы; такое впечатлѣніе получимъ, сопоставивши начало «Послания» съ «предисловіемъ»:

...а́зъ дѣшѣрѣ, прѣ бывъ жнѣннѣ по-	а́ Федорѣ новокрещенон познав-
знавнѣ свѣѣ истиннѣи и непѣроч-	ши ш тмы свѣѣ. шѣ зла докро,
ннѣ вѣрѣ хрѣтнѣианскѣи шѣ вѣгъ тмы	и познавши стѣѣ крѣиенѣѣ
и штраѣ слѣпотѣ злааго некрѣиѣи. и	и православною вѣрѣ хрѣтѣ-
крѣиѣи... блѣгнѣнѣиѣ архнѣиѣпа нашего	ианскѣи... (Предисловіе «Псал-
шнѣи..., прнѣвѣши мене ш тмы вѣ свѣѣ...	тыри», строки 3—6, л. 249 ³⁾)

(«Послание», строки 2—3, 56—57, Соколовъ, стр. 107 и 109).

Сближаетъ между собой оба текста отчасти и синтаксисъ, хотя и въ слабой степени; если у Феодора, автора «Послания», стиль значительно правильнѣе и лучше, нежели въ переводѣ «Псалтыри», то, присмотрѣвшись внимательнѣе, мы до нѣкоторой степени можетъ объяснить себѣ эту разницу: переводчикъ, стремившійся, естественно, передать ближе свой оригиналъ, былъ стѣсненъ имъ и немало затрудненъ въ передачѣ такого сложнаго поэтическаго стиля, каковъ лирическаій, мало реалистическаій по содержанию стиль «Псалмовъ»; авторъ «Послания»—самъ творецъ, хозяинъ стиля и содержания; содержаніе же, правда, скудное, болѣе изложеніе фактовъ изъ жизни Христа, пераллели

1) Чтенія, 1902, стр. 97—109.

2) См. Горскаго и Невоструева, Опис. рук. Синод. библи. I, 1, стр. 55—56. Описатели признаютъ языкъ не древнимъ, съ чертами западными. Иначе смотритъ на дѣло И. Е. Есѡевъ. (Чтенія, 1902 г. «Книга прор. Даніила въ переводѣ жидовствующихъ»): онъ считаетъ переводъ по крайней мѣрѣ на столѣтіе старше ереси, а жидовствующимъ приписываетъ иной переводъ опять съ еврейскаго, но при несомнѣнномъ пользованіи и старшимъ; это текстъ въ Виленск. рук. XVI в. № 262 (стр. 131—132).

изъ ветхаго завѣта, подкрѣпляемая готовыми цитатами; наконецъ, нельзя отрицать и предположенія, что текстъ «Посланія» дошелъ до насъ уже подправленнымъ. При всемъ томъ, надо сказать, что «Посланіе» все-таки по стилю далеко не безукоризненно, а кое-гдѣ выдаетъ человѣка, не всегда справлявшагося со стилемъ; такъ и у Феодора въ «Посланіи» можно замѣтить неувѣренность въ употребленіи глагольныхъ формъ и ихъ согласованіи, бросающуюся въ глаза, какъ увидимъ, у Феодора, переводчика «Псалтыри», напр.:

1) ꙗвѣшиа̃ (вм. ꙗвѣшиа̃—gen. sg., т. е. Христа) своѣѣ оучѣнкѣ ѿ ꙗꙗломи. да ѿже (?) до пати сотхъ вратиѣ ꙗвѣшиа̃. и съ собою вхъзвѣ(ша?) ѿзо ꙗда съѣѣ оꙗгожѣши ѣмѣ ѿ же (?) ꙗвѣшиа̃ (?) мнози (10—12).

2) вознесѣ ѿзъ горы ѣлеѣнхъ оучѣнкѣ ѿже ѡкѣциа̃ послати оꙗтешиа̃ (17—18).

3) ꙗвѣшиа̃ вѣхъ ꙗвѣшиа̃ вхъ трѣцю (?) оꙗ дѣла ꙗмакрѣйска (33).

4) хѣвѣхъ же (вѣ?) проѡвразѣѣѣ тога съѣю просѣѣѣѣ (35).

5) ꙗще ꙗзъ жаловалъ (вѣ?) скон рѣ.....то равенъ вѣ вѣлъ (51).

6) вѣвѣшиа̃ ꙗрхѣнѣпиа̃ нашего ѡнѣни митропѣлѣнти киѣвѣскаго ѿ вѣсѣѣ рѣси, прѣвѣшиа̃ (аго?) мене ѡ ꙗмѣ вхъ съѣѣ (56—57).

Тоже слабое чутье церковно-славянскаго (тогдашняго) стиля, наблюдаемое въ переводѣ «Псалтыри», изрѣдка есть и у Феодора, автора «Посланія»: оно выражается въ простонародно-русскихъ (во всякомъ случаѣ, не литературныхъ) словахъ, попавшихъ въ книжный языкъ текста, каковы: прѣѣѣѣѣ (5, 48, 61, вм. чего либо въ родѣ: дружи), молодница вм. дѣл (30—31).

Наконецъ, нельзя отрицать и общности діалектическихъ особенностей въ языкѣ «Посланія» и «Псалтыри»: это черты юго-западныя или западныя: пытай (вм. вопрошай, 41), ѿзъ горы (=съ горы, 17), м. б., ꙗще ѣ родитѣл (вм. ꙗще съ родитѣхъ, 24); м. б., дѣвна (=о: аканье, 46).

Всѣ приведенныя мелочи, повидимому, могутъ вести (вмѣстѣ съ общностью имени, происхожденія) къ выводу что одинъ и тотъ же бывший еврей по вѣрѣ, выходецъ съ русскаго югозапада или запада, Феодоръ перевелъ и «Псалтырь» и написалъ и «Посланіе» соплеменникамъ и бывшимъ единовѣрцамъ.

Болѣе гипотетичнымъ представляется тождество Феодора еврея, автора «Посланія» и переводчика «Псалтыри», съ пере-

водчикомъ книги Есѣири и справщикомъ Пятокнижія¹⁾). Единственными признаками для такого сближенія являются языкъ перевода Есѣири и время перевода. Но достаточно ли этихъ основаній, разъ мы знаемъ теперь цѣлый рядъ переводовъ съ еврейскаго, совершенныхъ именно около этого времени и отличающихся одинаково чертами юго-западнаго русскаго говора, каковы: книги Даниїла, Притчей, Плачь Іереміи²⁾), свѣтскія произведенія—въ родѣ «Логики», «Аристотелевыхъ вратъ» и др.? Чего либо специфическаго, индивидуальнаго, что бы сближало ее съ переводомъ «Псалтыри», книга Есѣирь не представляетъ: черты же юго-западнаго говора, взятая сами по себѣ, силы доказательности по отношенію къ Феодору—еврею имѣть не будутъ въ такомъ случаѣ, разъ мы знаемъ, что лица, знавшія по еврейски и по русски, приходили къ намъ въ это время изъ «Литвы».

Какъ бы то ни было, принимая тождество Феодора, переводчика «Псалтыри», и Феодора, автора «Посланія», мы получаемъ нѣкоторыя данныя для этого Феодора и его дѣятельности: 1) онъ 40 лѣтъ принялъ христіанство, между 1448 и 1461 годами (при Василии Темномъ въ четвертое его княженіе и Іонѣ митроп. 1448—61), а между 1463—1473 г. (время правленія митрополіей Филиппа I) совершилъ переводъ «Псалтыри»; 2) Феодоръ по происхожденію былъ съ запада, во всякомъ случаѣ, юго-западный русскій говоръ для него былъ не чуждъ, т. е., оттуда онъ явился въ московскую Русь еще евреемъ по вѣрѣ: это послѣднее видно изъ заключительныхъ словъ «Посланія», гдѣ говорится объ участіи въ его обращеніи Василія III и митр. Іоны. На основаніи этихъ данныхъ естественно заключать, что Феодоръ принялъ крещеніе еще до 1471 года, т. е., до появленія въ Новгородѣ самой ереси; т. о. приходится предположить, что это было единичный случай обращенія, вѣроятно, безъ какой либо цѣли, которая стояла бы въ связи съ тактикой жидовствующей

¹⁾ Послѣднее, сверхъ перваго, предполагалъ преосв. Филаретъ («Обзоръ» (1854 г.), стр. 147, и (изд. 3-е 1884) 115). *Е. Е. Голубинскій* этого не принимаетъ, предлагая видѣть въ справщикѣ самого жиде Схарію (Ист. ц., II, 1, стр. 604). *И. Е. Евсѣевъ* (ук. соч., стр. 131—132) ничего не говоритъ о прикосновенности Феодора къ переводу Есѣири. *Н. С. Тихомировъ* (соч. I, 227 и прим. стр. 67) слѣдуетъ въ этомъ случаѣ Филарету.

²⁾ См. Евсѣева, у. с., стр. 158 и сл.

щихъ: м. б., это результатъ миссіонерской дѣятельности митр. Іоны¹⁾.

Въ такомъ случаѣ, по отношенію къ переводу «Псалтыри» приходится допустить, что Феодоръ, принявшій крещеніе (м. б. изъ какихъ либо выгодъ), когда появилась ересь, руководимая той еврейской интригой, которая обнаружилась тотчасъ по раскрытіи, ереси, этотъ Феодоръ, оставаясь наружно христіаниномъ, предложилъ свои услуги соотечественникамъ, тѣмъ болѣе, что онъ и русскую среду долженъ былъ знать лучше пришедшихъ недавно Схаріи и его сотрудниковъ; это тѣмъ было выгодно, что Феодоръ, какъ давнишній христіанинъ, не могъ возбудить противъ себя того недовѣрія, которое заставило Схарію и товарищей вести тайную пропаганду и скрыться, лишь только можно было пустить въ ходъ Алексѣя и Дениса. А переводъ позднѣе 1473 года, разъ онъ отнесенъ ко времени Филиппа I, совершенъ быть не могъ, т. е., опять приходимъ къ эпохѣ первыхъ шаговъ ереси²⁾. Возможна, впрочемъ, и нѣсколько иная точка зрѣнія на появленіе перевода, однако сущности дѣла не измѣняющая: появленіе ереси, какъ объ этомъ говорятъ источники, главн. обр. Іосифъ Волоцкій, представляется какъ бы внезапнымъ; уже черезъ немного времени по появленіи Схаріи и товарищей оказываются въ ея рядахъ такіе люди, какъ священники Алексѣй и Денисъ: очевидно, на дѣлѣ мы должны допустить предшествующую подготовку движенія, смотрѣть на дѣятельность Схаріи, какъ на одинъ изъ наиболѣе видныхъ, но не какъ на начальный моментъ ереси.

Такого рода соображеніе м. б. нѣсколько иначе освѣщаетъ дѣятельность Феодора, заставляя счесть его однимъ изъ предшественниковъ Схаріи, а на его «Посланіе» взглянуть, какъ на ловко прикрытый тактическій ходъ съ цѣлію отвести глаза; такой же смыслъ тактическаго приѣма пропагандиста, уже разъ испытанный (восхваленіе христіанства на счетъ іудейства), получаютъ и предисловіе (отсюда и его близость къ «Посланію» по идеѣ, что отмѣчено выше) и послѣсловіе (опять таки съ подчеркиваніемъ авторитетныхъ именъ князя и митрополита). Иначе:

¹⁾ На это намекаетъ М. И. Соколовъ (106).

²⁾ Это и имѣетъ въ виду преосв. Макарій, отчасти Н. С. Тихоуравъ (см. выше).

Феодоръ уже болѣе, чѣмъ за 10 лѣтъ до появленія ереси дѣйствовалъ въ ея пользу и, когда дѣло ереси стало крѣпнуть, явился въ ряду тѣхъ ея дѣятелей, которые помогали ея организаци: вѣдь, самое богослужебное назначеніе «Псалтыри», засвидѣтельствованное позднѣе Геннадіемъ, вполне соотвѣтствуетъ тѣмъ приспособленіямъ старыхъ текстовъ и переводамъ вновь, какіе мы находимъ въ литературѣ іудействующихъ¹⁾. Нѣкоторымъ, но только кажущимся, препятствіемъ можетъ явиться сравнительно сносный языкъ «Посланія» и очень плохой—«Псалтыри», т. е., фактъ, что старшій трудъ показываетъ большее знаніе языка, чѣмъ младшій; будто Феодоръ за время между своимъ крещеніемъ и появленіемъ ереси по-русски разучился, во всякомъ случаѣ не двинулся впередъ въ этомъ отношеніи. Но это затрудненіе мною частію уже устранено (см. выше). Оно станетъ еще менѣе существеннымъ, если мы припомнимъ, что оба факта—крещеніе Феодора и переводъ «Псалтыри»—къ сожалѣнію,—точно хронологически не устанавливаются, а могутъ быть передвигаемы, первый на пространство 13 лѣтъ, второй—9 лѣтъ; поэтому ничто намъ не препятствуетъ промежутокъ между этими фактами свести на очень небольшое время, напр., предположить, что Феодоръ принялъ крещеніе въ послѣдній годъ жизни Іоны (1461 г.), а переводъ совершилъ въ первый же годъ правленія Филиппа (1463 г.). Т. о. принявши высказанное выше объясненіе разницы языка, мы устранимъ и это препятствіе.

При устанавливаемомъ взглядѣ на переводъ «Псалтыри» именно Феодоромъ, опредѣляется и время перевода: условія развитія ереси жидовствующихъ и отношеніе къ ней Феодора указываютъ, что переводъ этотъ могъ быть совершенъ въ шестидесятыхъ или семидесятыхъ годахъ XV вѣка: въ 80-хъ годахъ его знаетъ уже Геннадій, раньше же 60-хъ годовъ едва ли была надобность въ переводѣ: вѣроятно, въ концѣ этихъ годовъ, а м. б. въ началѣ 70-хъ, организовался религіозный бытъ еретиковъ, когда для совершенія ихъ службъ и понадобилась наша «Псалтырь». Если эти соображенія вѣрны, то мы не имѣемъ основаній не довѣрять сказанному въ послѣсловіи, что переводъ

¹⁾ Имѣю въ виду книги св. Писанія (Пятокнижіе, Даниила и др.).

совершенъ во время митр. Филиппа (конечно, рѣчи о благословеніи и приказаніи его въ данномъ случаѣ быть не можетъ; это, конечно, относится къ «обману» еретика или еретиковъ).

Гдѣ совершенъ этотъ переводъ? Въ виду тѣсной связи «Псалтыри» съ ересью, а м. б. и потому, что оба списка ея, намъ извѣстные, указываютъ, что она была извѣстна на сѣверѣ¹⁾, естественно предположить, что Феодоръ жилъ, если не въ самомъ Новгородѣ, то во всякомъ случаѣ въ районѣ появленія и наибольшаго распространенія ереси—въ областяхъ Новгородскихъ—и здѣсь совершилъ свой переводъ. Если какихъ либо чертъ мѣстнаго (сѣвернаго) говора въ текстѣ «Псалтыри» мы не замѣчаемъ, это не удивительно: Феодоръ былъ пришлецъ, не владѣлъ достаточно русской рѣчью, а потому и не отразилъ на своемъ говорѣ чертъ мѣстныхъ; съ другой стороны, особенности югозападнаго говора, замѣтныя въ «Псалтыри» показываютъ, что русскому языку впервые онъ обучился на югозападѣ русскаго племени, въ Литвѣ (въ широкомъ смыслѣ этого термина), откуда онъ и пришелъ, откуда шли въ большинствѣ случаевъ и другіе «жиды» этого времени въ Новгородъ, напр., Схарія и его товарищи²⁾; тамъ, на «Литвѣ», они впервые, вѣроятно, и познакомились съ русскимъ языкомъ. Съ другой стороны, сравнивая русскій языкъ перевода «Псалтыри» съ языкомъ памятниковъ, относительно которыхъ мы можемъ съ большей увѣренностью говорить, что они переведены, хотя бы съ еврейскаго, въ области югозападнаго или западнаго русскаго говора, напр., съ языкомъ «Аристотелевыхъ вратъ» или «Логики»³⁾, мы замѣтимъ, что эти югозападныя черты въ нашей «Псалтыри» будутъ выражены много умѣреннѣе, нежели въ отмѣченныхъ памятникахъ. Это наблюденіе можетъ служить лишь подтвержденіемъ тому, что переводъ совершенъ выходцемъ изъ «Литвы», но въ областяхъ великорусскаго говора, т. е., что Феодоръ первоначально знавшій лишь бѣлорусскій или вообще югозападный говоръ, нѣсколько его уже позабылъ подъ влияніемъ великорусскаго, что будетъ согласно съ тѣмъ, что мы предположили относительно Феодора, м. б.

1) См. описаніе обоихъ сборниковъ.

2) Ср. Годубинскій, Ист. ц., II, 1, 560.

3) О нихъ см. А. И. Соболевскаго: «Переводная литература»², стр. 401, 419.

давно уже (еще при митр. Ионѣ и Василии Темномъ) явившагося въ Россію. Это предположеніе исключаетъ т. о. и другое, именно, что переводъ «Псалтыри» совершенъ на Литвѣ и въ готовомъ видѣ принесенъ въ Россію: въ немъ было бы больше остатковъ говора первоначального перевода, какъ это мы можемъ видѣть, напр., на великорусскихъ спискахъ тѣхъ же «Аристотелевыхъ вратъ»¹⁾), нежели находимъ въ «Псалтыри». И съ другой стороны послѣднее предположеніе сомнительно: если «Псалтырь» переводилась затѣмъ, чтобы служить богослужебнымъ цѣлямъ у еретиковъ, то не было цѣли переводить ее на западѣ, въ Литвѣ, гдѣ, по крайней мѣрѣ, въ XV в. не извѣстно никакой подобной ереси, и откуда перенесеніе ереси въ Новгородъ намъ неизвѣстно: ересь началась въ Новгородѣ²⁾).

Теперь—нѣсколько словъ относительно самого перевода Феодора³⁾. Даже не зная оригинала, можно положительно утверждать (что и сдѣлали въ свое время въ общихъ словахъ арх. Амфилохій, А. И. Соболевскій), что переводъ сдѣланъ дурно, неумѣло и обнаруживаетъ въ переводчикѣ плохое знаніе не только книжнаго языка XV в., но и вообще русскаго языка, на что отчасти было указано и мной выше. Это самымъ нагляднымъ образомъ подтверждаетъ, что переводчикъ былъ чужимъ по національности человекомъ, что онъ выучился (и то слабо) русскому языку сравнительно не задолго до своей работы; тотъ же языкъ перевода обнаруживаетъ также, что Феодоръ ознакомился прежде съ югозападнымъ русскимъ говоромъ, а затѣмъ съ великорусскимъ: при общемъ фонѣ великорусской фонетики (разумѣется, при условной графикѣ и формахъ книжнаго языка) въ текстѣ сквозятъ (въ обоихъ спискахъ, очень близкихъ и въ этомъ отношеніи другъ къ другу) черты не сѣвернаго и не московскаго, а югозападнаго русскаго говора, каковы напр.; мочный (I, VI, LXXIII, XXVIII), кто какъ ты (II),⁴⁾ стѣхъ какъ ты (XVIII),

1) Ср. Виленскій списокъ 222 и Унд. 750, Синод. 723.

2) Ср. Голубинскій у. с., стр. 592 со ссылкой на Graetz'a, *Gesch. d. Juden*, IX, 464.

3) Я по необходимости долженъ ограничиться немногимъ, такъ какъ болѣе обстоятельная оцѣнка качества перевода—дѣло специалиста по еврейскому языку и литературѣ. Этотъ трудъ долженъ составить второй выпускъ изданія, если окажется возможнымъ выполнять его при содѣйствіи гебраистовъ.

4) Примѣръ не ясенъ: въ переводахъ, современномъ русскому и нѣмецкому стоитъ: «кто, какъ Ты, Властитель силъ? *Wer ist, wie Du, Herr der Kräfte?*

кто бѣхъ яко ты (LIV), надѣніе (IV; при надѣніе VI) излюбн (XI), излюбназ (XXVII), икажешь (XV), радншь (XXII), словообразованія: радство, весельство, сѣхъсѣво (XXIII); мѣтъ=любовь (XXI), вжды (XXVIII), прехвалне (XXX=0), бес починка (XL), любнвхъ (LIX), справды (LXIII), справеденхъ (LIX), некупцикхъ (LXI, LXIII, XXIX, ср. L), штворца (LXI), цѣвалз, цѣметъ (LXX), ввышій (LXXIII), вышенхъ (4-я пѣснь) и др.¹⁾

Обращаясь къ качествамъ перевода (на сколько о нихъ можно судить, не имѣя въ рукахъ еврейскаго подлинника), выносимъ опять впечатлѣніе, что онъ сдѣланъ человѣкомъ, плохо знавшимъ не только условную литературную рѣчь, но и живой русскій языкъ: постоянная путаница въ склоненіяхъ (какъ будто имена существительныя не склоняются), спряженіяхъ, управленіи предлоговъ выдаютъ въ Феодорѣ, ясно, чужеземца, даже не славянина. Кромѣ указаннаго выше, можно привести цѣлый рядъ примѣровъ такого рода²⁾:

1) Ты..... ѡживляеть мѣтвыа (II: «воскрешаешь мертвыхъ»; *Hege, in Ewigkeit, der belebet die Todten*; слѣд. или: ѡживляешь, или: ѡже ѡживляеть).

2) Данъ строеніе скѣчи сѣа Исаіа помазанникхъ твоѣхъ (IV: «даруй ореоль сіянія сыну Іесея, помазаннику Твоему»).

3) Ѡ сѣнца ѡ мѣноу (XIII).

4) слышавше мѣтвы мѣ" твоѣа (XVI).

5) Бѣвн гѣ бѣхъ дше мол..... родаци тма..... испѣцаѣ сѣнца из мѣста ѣа. (XVIII).

6) ѡпрѣ тоба..... опрѣ ты (XIX).

7) изхъ его мудрство ѡтворѣ..... по ѣ бола..... тма прочнвхъ свѣтхъ (XXIV: «премудро отверзаеть..... смѣняетъ..... тьму свѣ-

1) А. Е. Крымскій, просматривавшій издаваемый текстъ, рѣшительно относить говоръ Феодора еврея къ кievскому или къ восточно-малорусскому—сѣверяѣ Кіева, но ни въ какомъ случаѣ не къ бѣлорусскимъ. Если это соображеніе вѣрно (оно, какъ знаемъ, совпадаетъ съ предположеніемъ арх. Варлаама), получаемъ любопытный намекъ: вѣдь, и Схарія пришелъ изъ Кіева съ литовскимъ княземъ въ Новгородъ въ 1470 году.

2) Для отдѣльныхъ псалмовъ при установленіи смысла пользуюсь современнымъ русскимъ переводомъ «Махазора»: Молитвы Евреевъ на день Отпущенія (для толка «Сефардъ») съ русскимъ переводомъ Э. А. Пасса и И. I. Пирожникова (Вильна 1904), тоже—на 1-й и 2-й день Новолѣтія (Вильна 1904), и нѣмецкимъ переводомъ: *Machsor. Die sämmtlichen Festgebete der Israeliten für die Neujahrstage u. d. Versöhnungsfest* (übers. v. S. G. Stern), Ausgabe in 2 Bände (Wien, 1902). Первый доставленъ мнѣ I. З. Персидцемъ, второй—проф. И. М. Громогласовымъ, за что приношу имъ обоимъ свою благодарность.

томъ...» mit Weisheit öffnet die Himmelsporten.... nach seinem Willen.... wälzt.... die Finsterniss vor das Licht).

8) Ёдинъ ѿ другома даётъ (XXX).

9) ѿмлаѡи и дѡше наша а подобниимъ бѡудемъ къ зоре (XXXIII).

10) даа ѡѡи нашн.... оучити къ ст҃раданію (XXIV).

11) деснага твѡга рѡка пространно (XXXVI).

12) ѿ соборъ ближнѡи (XXXVI).

13) припадемъ с нашнми мѡтвы.... про нма.... (XXXVII).

14) здѣлаахъ какъ хотѣ (XL).

15) ѿ соудъ тажелхъ... оутверди мене мысль доброу (XLII).

16) въ гладъ насъ напитахъ, а сыта оутѣшиѡ а ѿ меча на избавѡи. ѡтхъ мора насъ защитихъ. (L: «въ голодъ Ты насъ напиталъ, съ избыткомъ довольтвовалъ, отъ меча спасалъ, отъ чумы избавлялъ»).

17) роди҃гель, который похвалитъ хвалами (LI: «Владыка всѣхъ родовъ, прославляемый всякими хвалами....»).

18) тѣло спахъ..... ꙗкъ бѣхъ не спахъ ниже въздремаѡ ꙗкъ мочныи кто оубѡдиѡ спацихъ (LII: «Господь бдящій не дремлетъ и не спитъ; Онъ будитъ спящихъ»).

Этихъ немногихъ примѣровъ достаточно. До окончательнаго установленія того еврейскаго текста, съ котораго переведилъ Феодоръ, ограничусь нѣсколькими данными для дальнѣйшей характеристики перевода. Плохо справляясь съ русскимъ языкомъ, Феодоръ оставилъ нѣсколько мѣстъ своего подлинника безъ перевода: это названія чиновъ ангельскихъ (пс. XIII, XXIII, XXXI, XXXVIII); что заставило его поступить такъ, сказать трудно: желаніе ли сохранить неизмѣнными священныя слова (почему онъ оставилъ и еврейскую форму: херавимъ), или же неумѣніе передать ихъ соотвѣтствующимъ церковно-славянскимъ словомъ? Въ силу того же отсутствія чувства русской рѣчи, а тѣмъ болѣе условной церковной славянской (приличествовавшей «псалмамъ»), Феодоръ охотно пользуется не литературнымъ, а ходячимъ, м. б., разговорнымъ языкомъ¹⁾, предпочитая, напр., формы на-шь для 2 л. ед. ч. вм. литературнаго книжнаго-ши, употребляя такія формы, какъ: ст҃рамитиса (V) поздно (VIII, X,

¹⁾ Въ этомъ случаѣ онъ сближается съ другими переводчиками—не великоруссами—этого времени.

XXXVI, XXXVIII), грознои, хвалнои (XXXII), шеподь (XXXVIII), стрѣчи (XLI), такія выраженія, какъ: докончаніе (XII), жалѣи (XVI, ср. «Посланіе», 51: жалобалх) опричъ (XIX, LXIII), пригодна—подобаетъ (XXVII), гладншь—зриши (XXXVI), сѣхранн—сѣкрыи (схорони) (пѣснь 6-я); охотно пользуется оборотомъ: што намъ молитна (XXXV), то, што некупнах (XXVI), што нѣтъ (XLVII), ништо (XLV)¹). Съ другой стороны, у Феодора видно нѣкоторое знакомство съ церковной письменностью: у него проскальзываютъ ходячіе приемы этой письменности, каковы: употребленіе двойств. числа: предъ ѣчима, руцѣ (пѣснь 9), ногѣ моею (XI.I), на шѣѣ свѣте (XLIII), формы: очистити (XLVII, XXXV) и т. п.

Въ общемъ переводъ—его стиль, фразеологія—производитъ, дѣйствительно, впечатлѣніе неумѣлаго, крайне неяснаго, отчасти м. б. показывающаго и плохое знаніе древнееврейскаго. Чтобы закончить характеристику перевода, приведу нѣсколько отрывковъ изъ переводовъ съ подлинника по указаннымъ изданіямъ.

1) «Благословенъ Ты, Господи Боже нашъ, Богъ отцовъ нашихъ, Богъ Авраама, Богъ Исаака и Богъ Іакова! Богъ великій, всесильный и грозный, Богъ всевышній, являющій благія милости, владѣющій всѣмъ, помнящій заслуги отцовъ (нѣм. Frömmigkeit) и посылающій сынамъ сыновъ ихъ избавителя, ради²) имени Своего, по любви Своей³)... Ты царь, помогающій, спасающій и защищающій. Благословенъ Ты, Господи, щитъ Авраамовъ» (6. Отпуц.) стр.,=1; т. о. здѣсь соединены двѣ молитвы подъ нашимъ однимъ «псалмомъ».

2) «Ты, Господи, вѣчномогущъ (нѣм. Du bist der Allmächtige, Herr, in Ewigkeit), воскрешаешь мертвыхъ, великъ во спасеніи и ниспосылаешь росу. Онъ питаетъ живущее (нѣм. Der verpflegt die Lebenden) по благодати своей, воскрешаетъ мертвыхъ по великому милосердію своему, поддерживаешь падающихъ, врачуетъ больныхъ, разрѣшаетъ узниковъ, и хранитъ вѣрность свою опочившимъ во мракѣ. Кто, какъ Ты, властитель силъ (Herr der Kräfte)? Кто подобенъ тебѣ, о Царь (Weltenherr), который умер-

1) Сюда же надо отнести и тѣ мѣстныя выраженія, которыя приведены выше.

2) У Феодора: дѣло—дѣла?

3) Далѣе въ евр.-русскомъ краткая молитва, у насъ отсутствующая; въ евр.-нѣмецкомъ ея также нѣтъ.

швялетъ, животворитъ и даруетъ спасеніе?.....¹⁾ И неизмѣнно Ты воскресишь мертвыхъ (Du bist uns ein treuer Bürge für das Leben unserer Todten). Благословенъ Ты, Господи, воскрешающій мертвыхъ» (6—7, Отпуш.).=II; опять соединеніе двухъ молитвъ въ одну.

3) «И такъ, всели страхъ къ себѣ, Господи Боже нашъ, во всё творенія свои, благоговѣніе во все, что Ты создалъ, и да страшатся Тебя всё существа, поклоняются Тебѣ всё созданія, и да составляютъ всё единый союзъ, чтобы исполнять волю Твою отъ всего сердца; ибо мы знаемъ, Господи Боже нашъ, что власть у Тебя, сила въ рукѣ Твоей, мощь въ десницѣ Твоей, что имя Твое грозно для всего, что Ты создалъ» (16, Новол.).=III.

4) «И такъ, даруй, о Боже, почетъ народу своему, славу боящимся Тебя, добрую надежду стремящимся къ Тебѣ, откровеніе уповающимъ на Тебя, радость странѣ Твоей, утѣху граду Твоему, возрастаніе славы Давиду, рабу Твоему, и ореолъ сіянія сыну Іесея, помазаннику Твоему, вскорѣ, въ наши же дни» (16 Новол.).=IV.

5) Да будетъ Воля Твоя, Господи Боже нашъ и Богъ отцовъ нашихъ, приучать насъ къ ученію Твоему и привязать насъ къ заповѣдямъ Твоимъ; не предай насъ во власть грѣха, преступленія и порока, искушенія и позора; да не овладѣетъ нами дурное побужденіе; удаляй насъ отъ злого человѣка и дурного товарища; приобщи насъ къ доброму помыслу и благимъ дѣламъ; побуди чувства наши покоряться Тебѣ; даруй намъ нынѣ и всякій день благоволеніе, милость и милосердіе въ глазахъ Твоихъ и въ глазахъ видящихъ насъ и воздай намъ благія щедроты Твои. Благословенъ Ты, Господи, воздающій благія щедроты народу своему Израилю.—Да будетъ воля Твоя, Господи Боже мой и Богъ отцовъ моихъ, избавить меня нынѣ и всякій день отъ дерзкихъ лицъ и дерзостей, отъ дурного человѣка, отъ лукаваго, отъ дурного товарища, отъ дурного сосѣда, отъ несчастнаго случая, отъ лихого глаза, отъ злого языка, отъ клеветы, отъ лжесвидѣтельства, отъ людской ненависти, отъ напраслины, отъ необычной смерти, отъ злыхъ недуговъ, отъ злоключеній, отъ губительнаго соблазна, отъ тяжкаго суда и отъ

¹⁾ Въ русско-еврейск. опять небольшая молитва; въ нѣмецко-евр. ея нѣтъ.

жестокаго противника—будь онъ сынъ завѣта или не сынъ завѣта—и отъ приговора адскаго (жестокаго)» (54—55, Новол.). Ср. ХLI.

б) Благословенъ, Кто рекъ—и возникъ міръ, благословенъ Онъ; благословенъ, Кто речеть и исполняетъ; благословенъ, Кто рѣшаетъ и осуществляетъ; благословенъ Творецъ первозданія; благословенъ милующій землю; благословенъ милующій созданія; благословенъ воздающій благую мзду боящимся Его; благословенъ вѣчноживый и присносущій; благословенъ Искупитель и Избавитель—благословено имя Его. Благословенъ Ты, Господи Боже нашъ, Царь вселенной, всемогущій, Отче милосердый, прославляемый устами народа своего, восхваляемый и величаемый языкомъ праведниковъ и рабовъ своихъ. Пѣснопѣніями Давида, раба Твоего, будемъ славить Тебя, Господи Боже нашъ, славословіями и гимнами, и будемъ величать, восхвалять и превозносить Тебя, провозглашать Твое царствіе, и поминать имя Твое, о Царь нашъ, Боже нашъ, Единый, Жизнь міровъ, Царь, чье великое имя прославляется и превозносится во вѣки вѣковъ. Благословенъ Ты, Господи, Царь, прославляемый въ хвалахъ» (104—105, Новол.).=LXXII.

Изъ приведенныхъ образцовъ можно отчасти видѣть отношеніе отдѣльныхъ молитвъ изъ «Махазора» къ нашимъ «псалмамъ»: если соотвѣтствіе въ однихъ случаяхъ довольно близко, то въ иныхъ мы видимъ, что Феодоръ (или его оригиналь) имѣлъ дѣленіе иное, соединяющее по двѣ молитвы въ одну; это могло быть и личнымъ дѣломъ Феодора, весьма вѣроятно (какъ предположилъ арх. Варлаамъ), внесшимъ дѣленіе на каѳизмы въ свой переводъ; ему же м. б. принадлежали надписанія: «Махазоръ» такихъ надписей съ именами авторовъ не знаетъ; въ другихъ же соотвѣтствіе нарушается уже больше: пс. ХLI—явно уже не механически-составной, приблизительно изъ тѣхъ двухъ молитвъ, которыя приведены подъ № 5 (что выдають повторенія въ текстѣ: лихого человекъ, стрѣчи, мысли неподобной); но гдѣ эта спайка произошла?

Другой аналогичный случай представляютъ наши «псалмы» L—LV: имъ всѣмъ соотвѣтствуетъ одна большая молитва (стр. 123—127 Новол.); но здѣсь мы имѣемъ дѣло также уже не

только съ простымъ расчлененіемъ одной молитвы на шесть «псалмовъ»: здѣсь уже порядокъ кусковъ этой молитвы перебить; въ еврейскомъ текстѣ онъ таковъ: 1) Дше всакон жнѣѡци..... ни помощниккх, ни пособниккх (L), 2) кормить и мнлѣѡ..... жалость и мнлостъ (LI), 3) ѣѡ вѣх не сплхх..... што ти оучиннах нашѣ ѡѡѣмъ ѣ нѣ (LII—LIII), 4) ѣзх ѣгипта тѣѣ выкѡпнах наех..... црѣѡ твоѣ ѣ вѣкы вѣкомъ ѡмннѣ (L), 5) ѡ всакы оуста..... ѣ вѣкы вѣкѡ амнѣ (LIII). зане срѣѣ боѡѡѡнса..... знанѣнша ѣго (LIV). кто можетъ дѣломъ твоимъ рѣхнатнса.... вса нѣчрннѡѡ моѡ ѣма сѣѡѣ ѣго (LV). Кромѣ того въ еврейскомъ текстѣ нѣтъ фразъ, соотвѣтствующихъ какъ разъ, начальнымъ въ нашихъ «псалмахъ». Все это говоритъ, кажется, въ пользу того, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не только съ произволомъ Феодора, а съ чѣмъ то бѡльшимъ: иной редакціей самыхъ молитвъ, нежели въ современномъ еврейскомъ «Махазорѣ»; это подтверждаютъ и другіе случаи, кромѣ упомянутого выше пс. XLI: въ XXIV пс. (=4 стр., Новол.), XLV (=62 стр., Новол.), LIX (151), LX (152), LXI (152), LXIV (154—155), LXXII (103)—вездѣ не находимъ въ еврейскомъ текстѣ соотвѣтствія, какъ разъ, *начальнымъ* фразамъ. А разъ мы можемъ съ нѣкоторымъ правомъ предположить, что у Феодора была иная, нежели совершенный «Махазоръ», редакція текста, мы можемъ предположить, что и дѣленіе Феодоръ нашелъ въ своемъ оригиналѣ. Такого рода предположеніе находитъ отчасти себѣ подтвержденіе въ слѣдующихъ соображеніяхъ: еврейскія богослужебныя книги, какъ и вся ихъ церковная литература, извѣстны своимъ консерватизмомъ; поэтому, настоящій «Махазоръ», несмотря на различные мѣстные ритуалы, большихъ измѣненій не испытывалъ; редакціи же молитвъ, входящихъ въ него, испытывали ихъ еще менѣе; этимъ объясняется, почему, несмотря на различный составъ «Махазора» сравнительно съ «Сидуромъ»¹⁾, молитвы въ томъ и другомъ по редакціи тождественны.

Что касается, далѣе, надписаній отдѣльныхъ молитвъ (у насъ: «псаломъ», «слава», «пѣснь»), то надписанія эти, могли

1) *Seder—Tefillot*, или короче *Siddur*,—гоничныя молитвы въ одной книгѣ; о немъ см. The jewish encyclopedia (New Iork 1904), X, 71. Я имѣю подъ рукою переводъ А. Блоштейна: «Еврейскій молитвословъ на всѣ будничные и праздничные дни года и сказаніе на Пасху» (Вильна. 1900).

быть и въ подлинникѣ: характеристика молитвы, по образцу подлинной Псалтыри, перешла и на молитвы «Махазора»: «шир» или «шираг» (пѣніе, пѣснь), «мизмор» (псаломъ, *מִזְמוֹר*, *ψαλμός*), «тегиллаг» (слава, *תְּהִלָּה*) въ немъ встрѣчаются обычно въ числѣ другихъ¹⁾. Т. о. надписанія, съ нѣкоторой вѣроятностью, можно отнести и къ оригиналу Феодора. Что же касается дѣленія на каѳизмы, то здѣсь, дѣйствительно, можно видѣть уже приспособленіе къ практикѣ христіанской, въ частности православной: сколько мнѣ извѣстно, ни «Махазоръ», ни «Сидуръ», ни подлинная еврейская Псалтирь такого дѣленія не знаютъ.

Но этими отличіями нашей «Псалтири» Феодора не исчерпываются соотношенія ея къ «Махазору»: разница въ объемѣ и, слѣдовательно, въ составѣ книги очень велика между ними. «Махазоръ», какъ извѣстно, представляетъ собою своего рода служебникъ годичный, обнимающій собою полный кругъ богослуженія евреевъ (отсюда его названіе, означающее въ переводѣ: *ciclus*, *circulus*), куда входятъ не только рядовыя будничныя и праздничныя молитвы въ домѣ и синагогѣ, но и молитвы на случай, цѣлыя чтенія изъ Пятокнижія и другихъ книгъ, нравоучительныя изреченія отцовъ и т. п.;²⁾ онъ распадается на цѣлый рядъ частей, главн. обр. на двѣ: Молитвы на день Отпущенія и Молитвы на 1-й и 2-й день Новолѣтія.³⁾ Наша «Псалтирь» представляетъ лишь «тетрадку» (по выраженію Геннадія), обнимающую лишь 83 молитвы, изъ коихъ значительная часть всего въ нѣсколько строкъ. Такую же, какъ «Махазоръ», довольно объемистую книгу представляетъ и «Сидуръ» (*Seder-Tefillot*), собраніе въ одной книгѣ годичныхъ молитвъ⁴⁾. Это уже внѣшнее

1) Тоже и въ еврейской подлинной Псалтыри. Перечень этихъ обозначеній см. также у о. Н. Вишнякова, Толкованіе на псалтырь (СПб. 1882), стр. 29—31. Отсюда же могли быть заимствованы и имена авторовъ въ оригиналѣ нашей «Псалтыри», хотя въ печатномъ «Махазорѣ» этихъ именъ, повидимому, не находимъ.

2) Свѣдѣнія заимствую изъ *Wetzer u. Wette*, Kirchenlexicon, VIII (1893, Freiburg col. 422—424), *The Jewish Encyclopedia*, VIII (New-York, 1904), 262), *Ersch u. Gruber Encyclopädie*, B. 27, S. 425—426, *Meyer*, Konversationslexicon, XIII, 20, *Александрова А.* Очерки домашней жизни евреевъ (Новгородъ, 1882; авторъ—крещенный еврей) и др.

3) Такого рода дѣленіе принято въ указанныхъ выше нѣмецкомъ изданіи Штейна, русскомъ Пасса и Пирожникова.

4) Составъ ея см. въ *The Jewish Encyclopedia*, X, 171. У меня подъ рукою 5-е изданіе 1900 г. (Вильна) въ переводѣ *Блоштейна*: въ немъ болѣе 500 стр. въ 16° (включая и еврейскій текстъ); русской переводъ «Махазора» обънимаетъ 666+735 страницъ въ 8° (также съ евр. текстомъ).

сравненіе показываетъ, что «Псалтырь» Феодора не можетъ быть простымъ переводомъ, хотя бы и особой редакціи (какъ мы предположили выше) ни «Махазора», ни «Сидура»: она во много разъ короче ихъ и не содержитъ цѣлыхъ группъ текстовъ, находящихся въ нихъ¹⁾. Съ другой стороны, мы знаемъ, что есть и болѣе краткіе, нежели *Machsor*, виды *Machsorim*, содержащіе лишь молитвы и порядокъ праздниковъ, при томъ различнаго состава, смотря по мѣстностямъ ихъ употребленія²⁾. Представляютъ эти молитвенники—въ общемъ—извлеченія изъ «Махазора», слѣдовательно, должны покрываться его содержаніемъ³⁾. Одинъ изъ такихъ молитвенниковъ и могъ служить оригиналомъ Феодора. Сравнительно съ доступнымъ мнѣ въ переводѣ «Молитвенникомъ» въ переводѣ О. Я. Гурвича (вѣроятно, общераспространеннымъ, обычнымъ по типу), «Псалтырь» Феодора опять таки является много короче по составу, хотя и представляетъ съ нимъ нѣсколько болѣе сходства, нежели съ «Махазоромъ» и «Сидуромъ»⁴⁾; но при всемъ томъ и съ нимъ по составу наша «Псалтырь» не имѣетъ полного сходства: въ ней есть молитвы (до двухъ десятковъ), не находящіяся въ «Молитвенникѣ»⁵⁾. Все это заставляетъ предполагать, что оригиналомъ Феодора былъ какой-то не только очень краткій, но и своеобразный по редакціи молитвенникъ еврейскій⁶⁾. Такое предположеніе представляется возможнымъ въ виду общаго характера еврейской богослужебной литературы въ ея развитіи.

1) Это и дало поводъ о. Н. Вишнякову счесть «Псалтырь» извлеченіемъ, сокращеніемъ изъ «Махазора» (арх. Амфилохій, «Древле-славянская псалтырь» III, 420).

2) *Wetzer u. Wette*, о. с. S. 423. Изъ текстовъ съ русскимъ переводомъ мнѣ извѣстны по библиографіямъ: Молитвы Израильтянъ, пер. *Б. А. Варшавскаго* (Варшава, 1886), Молитвы евреевъ на весь годъ, пер. *Волн* (Вильна, 1870, 1886). Я имѣю подъ рукой Еврейскій молитвословъ, впервые переведенный на русскій языкъ гродненскимъ раввиномъ О. Я. Гурвичемъ (Варшава 1869; есть еще изданіе—тамъ же 1870).

3) Таковъ, напр., упомянутый выше переводъ О. Я. Гурвича.

4) Такъ, первые пять «псалмовъ» Феодора совпадаютъ съ молитвами Рошъ-Гашона (новолѣтія) у Гурвича (стр. 219 и ссылки на др. страницы).

5) Такое же приблизительно количество молитвъ «Псалтыря» не найдено мною въ «Махазорѣ» и «Сидурѣ».

6) Предположеніе, что не нашедшіяся молитвы могли быть сочинены самимъ Феодоромъ, едва-ли приемлемо, въ виду той буквальности, которую даже въ ущербъ смыслу проявляетъ плохой переводчикъ по отношенію къ тѣмъ «псалмамъ», оригиналъ которыхъ найденъ; противъ этого говорить и консервативность церковнаго творчества вообще.

«Махазоръ», какъ полный кругъ богослужебнаго еврейскаго ритуала, имѣетъ очень длинную своеобразную исторію въ связи съ исторіей всего еврейскаго племени. Эпохой его возникновенія было время соприкосновенія евреевъ съ арабской культурой; въ это время развивается своеобразная поэзія евреевъ съ ея сильной лирикой и строго опредѣленнымъ направлениемъ и назначениемъ: тѣсно и по необходимости связанная съ религіознымъ укладомъ еврейской общины она становится строго религіозной, синагогальной; исходной ея точкой является св. Писаніе, прежде всего, поэтическая Псалтырь Давида, темами—восторгъ и преклоненіе передъ единымъ Богомъ, беспомощность, страданія обездоленнаго еврейства, наконецъ мечты о возвращеніи прежняго величія и государственной самостоятельности; все это, какъ тѣсно связанное съ мѣстомъ главнаго проявленія религіознаго настроенія—синагогой, получаетъ въ тоже время и дидактическій характеръ. Таково содержаніе и настроеніе этой поэзіи¹⁾. Главнымъ ея выраженіемъ и являются первые новоеврейскіе поэты: Иосифъ сынъ Иосифа (Иосифъ-бенъ-Иосифъ), Елеазаръ-бенъ-Калиръ (XI в.), авторы многочисленныхъ *pijjutim*—²⁾ пѣсней, вмѣстѣ съ псалмами и свящ. писаніемъ вошедшихъ въ синагогальный ритуаль. Этотъ ритуаль—восточнаго происхожденія—выработался уже въ началѣ XII в.³⁾ и отлился въ «Махазоръ». Старѣйшая редакція этого «Махазора»—«Махазоръ римскій» (*Romaniya*), перешедшій сперва въ южную Италію изъ Византіи, затѣмъ въ Римъ, гдѣ впервые и былъ изданъ (1485 г.). Онъ и является родоначальникомъ для «Махазора» европейскаго вообще; отъ него идетъ германскій «Махазоръ» (*Ashkenasi*), въ свою очередь ставшій источникомъ для остальныхъ средне и восточно-европейскихъ «Махазоровъ»: чешскаго, польскаго, французскаго, русскаго. Этотъ нѣмецкій «Махазоръ» сталъ съ XVI в. печатнымъ (1522 г.)⁴⁾.

¹⁾ Займствую изъ *Gratz'sa Gesch. d. Iuden*—въ русск. переводѣ—I (М. 1881), 163—164.

²⁾ *Pijjut*—считаютъ производнымъ, заимствованнымъ словомъ изъ греческаго *παιγις* (*Ersch u. Gruber* I. c.)

³⁾ Однимъ изъ старшихъ устроителей былъ *Gaon ben Amram* (IX ст.), наиболѣе виднымъ Моисей Маймонидъ (XII—XIII в.), установившій редакцію *Seder-Tefillot'a*; см. *The Jewish Encycl.* X, 171, *Sachs Mich.* Die religiöse Poesie der Iuden in Spanien (Berl. 1901), 160—180; *Basnage*, *Histoire des Juifs (à la Haye 1716)*, VI, 2 p. 371.

⁴⁾ Подробнѣе см. *Dr. Zunz.* Die synagogale Poesie des Mittelalters, II. Abth. (Die Ritus des synagogalen Gottesdienstes geschichtlich entwickelt). Berl. 1859, S. 5—6, 20.

Къ такому «Махазору», стало быть, долженъ восходить и молитвенникъ, переведенный въ 60-хъ или началѣ 70-хъ годовъ XV в. Феодоромъ евреемъ: понятно, что Феодоръ переводилъ не съ печатнаго изданія, а съ рукописной тетрадки; а это отчасти, м. б., и дастъ объясненіе тѣмъ особенностямъ, которыя были отмѣчены раньше въ его текстѣ сравнительно съ обычнымъ «Махазоромъ» (русскимъ и нѣмецкимъ), восходящимъ черезъ изданіе 1522 года къ первопечатному римскому 1485 г.: переводъ Феодора старше этого изданія (а подавно и извлеченій изъ него—молитвенниковъ), и рукописный его оригиналъ, можетъ быть, представлялъ, какъ таковой, не установившійся текстъ: по рукописямъ могъ разнообразиться составъ молитвенника, особенно если принять во вниманіе мѣстную традицію въ обычаяхъ еврейскихъ общинъ¹⁾.

Наконецъ, имѣя въ виду происхожденіе еврейскихъ общинъ южной Руси и западной, мы можемъ предположить и группу, къ которой по редакціи долженъ относиться «Махазоръ» и нашъ молитвенникъ: въ южной и западной Руси евреи появились изъ Польши, куда въ свою очередь они явились изъ восточной Германіи въ половинѣ XIV в.; XV в. былъ уже расцвѣтомъ еврейства въ Польшѣ и на Литвѣ²⁾: отсюда, очевидно, и шла дальнѣйшая пропаганда на востокъ—въ Московскую Русь; отсюда вышли и Схарія и Феодоръ, переведшій съ одной изъ редакцій польско-еврейскихъ свою «Псалтырь» во второй половинѣ XV вѣка.

1) Наглядно такіа мѣстныя черты видны изъ сопоставленія хотя бы русскаго двухъ томнаго «Махазора» и нѣмецкаго; кое-какія различія на подборѣ молитвъ указаны выше (стр. 44, 45, прим.). Ср. также Dr. Zunz, о. с. S. 66—71.

2) *A. Leroy-Beaulieu*. *Israël chez les nations* (Paris 1893), p. 6; *Zunz*, о. с. S. 73—75. Въ Германіи послѣ гоненій на евреевъ, особенно въ 1349 г., на время гложетъ духовная ихъ дѣятельность, но въ первой половинѣ XV в. эта дѣятельность опять оживаетъ, особенно среди нѣмецкихъ и польскихъ евреевъ: появляются новыя собранія молитвъ (каковы, напр., «Maharil» (Вормсъ, 1429), «Minhagim» Eisak'a Tyrgau и Jakob'a Mülln Levi), обнимающіе, подобно «Махазору», весь годичный кругъ молитвъ и обрядовъ. Извѣстно и извлеченіе изъ нихъ—«Manhiq» (1449 г.); см. *Zunz*, о. с. S. 35—36. Не къ одному ли изъ подобныхъ извлеченій восходить и «Псалтырь» Феодора?

(249¹) Во ѿмѣ ѿца ѿ сѣа ѿ сѣго дѣа ѿ живонача
 лныа трѣци ѿ нераздѣлимыа. ѿ прѣтѣа
 ѿго мѣри ѿ всѣхъ сѣихъ. Се ѿа фѣдоръ ново
 кщении познавши ѿ тмы свѣѣ. ѿо зла
 добро. ѿ познавши сѣоѣ крщеньѣ и пра
 вославною вѣрѣ хрѣтъганьскѣю. ѿбно
 вѣи сѣце ѿ закона старѣ ѿ вѣры ѿвѣрѣнскыа
 прикѣ ѿсмы ѿ ѿзыка ѿвѣрѣнскаа въ право
 славы хрѣтъганъ въ рускыи ѿзыкъ
 двѣтцѣ каднзмѣ. псалтыри двѣа
 прѣка. кѣ. ѿ.

(250) Книгы глѣмыа псалтырь.,

(I) Пѣмъ дѣвѣ. ѿ. кѣ. ѿ.

Бѣвенъ гѣ вѣ нашъ. вѣхъ ѿцѣ нашѣхъ. вѣхъ ѿбрамовѣ. вѣхъ ѿсаковѣ
 вѣхъ ѿаковѣ. вѣхъ велѣи мочныи ѿ грозныи. вѣхъ вышнѣи даѣтъ ми-
 лость¹ сѣтворивыи всѣа. поманѣти мѣтъ ѿцѣ. ѿ призоветъ радость
 чадомѣ. ѿ дѣло ѿмени ѿго съ любовѣю. цѣемѣ помощннкъ ѿ посо-
 ннкъ. защитннкъ. бѣвенъ ѿси ты бѣо защитннкъ² ѿбрамовѣ:—

(II) Пѣмъ. дѣвѣ. бѣ.

Ты помощннкъ вѣчныи вѣхъ вѣ вѣкы. ѿживлаѣтъ мѣтѣвѣа. ты
 творецъ ѿ помощннкъ. ты превратнши вѣтръ ты ѿспѣщаѣши дожѣ
 кормишь ѿ живишь. съ милостѣю ѿживишь мѣтѣвѣа. ѿ съ (250²)
 жалостнѣю многою. ѿ пѣдѣржишь маломощныа. ты врачѣиши немощ-
 ныа. ты свобѣщаѣши³ работныа. помнаѣтъ мѣтъ къ почнѣшимѣ вѣ
 земан. кто какъ ты гѣ велѣи. ѿ кто пѣвенъ тебѣ. ѿ цѣ мѣтѣвѣи ѿ

¹ Отсюда начинается 9/1088. ² вѣхъ защитнѣи. ³ свобѣдиши. ⁴ творѣ.

живитѣ. процѣтѣтъ помощникъ ѿ пособникъ правѣнъ оживелѣтъ мртѣвѣа. ты блѣвенъ гъ егъ ѡживелѣшъ мртѣвѣа:—

(III) ПЛМЬ. ДВЪ. Г.

Въ томъ ты дѣши свои страхъ на вса дѣла твоа. да твоа гроза на всако твореніе твоѡ. ѿ тебе бойтѣса всако дѣніе роукъ твоѡѣ. да поклонитѣса прѣ тебе вса тварь. ѿ оучинили законъ вси ѡднъ дѣлати волю твою чистымъ срѣцемъ. како мы вѣдаемъ ты гъ егъ нашъ. ѿ што гѣстко в' роукѡу (251) твоѡю. силенъ и крѣпокъ въ твоѡи деснои рѣцѣ. ѿма твоѡ грозно на всакоу твою тварь:—

(IV) ГЛА. ПЛМЬ ДВЪ. АРОНЪ. Д. 1

Въ томъ данъ чти людемъ твоимъ. ѿ хвалу боимѣса тебе¹. ѿ надѣніе ѿщущимъ тѣ ѡвѣтъ добрыи ко ѿщущимъ же тебе². веселие в' земли твоѡи. ѿ вѣрбаніе граду твоѡму іерлѡмъ. кипѣніе рога дѣва слугы твоѡго. данъ строеніе(е)³ свѣчи сѣа ѿсаіа помазанникъ твоѡ:—

(V) ПЛМЬ. ДВЪ. МОУСЕЪ. Е.

Правѣники боудѣ⁴ видѣти ѿ ѿ радоватиса пѣнѣ. веселитѣса⁵ млѣтнѣи въ глѣтѣ трѣбѣ. пѣмающи ѡзыки затворахъ. ѿ всакихъ грѣшнымъ ѡкы дымъ исчезѣтъ. ѿ ты ѿзводешъ⁷ самовластныа ѿ земли. то ѿ ты цѣтѣвѣши ѡдинъ на горѣ сиѡньстѣн. почиваніе стѡѡ да ѿрѣлмъ гра твоѡ стѣн. цѣтко (251⁸) твоѡ вѣже в' вѣкы. глѣстко твоѡ ѡ рода ѿ рѡ алѣа:—

(VI) ПЛМЬ ДВЪ. СОЛОМЪ. Б.

Свѣтѣ ѡче нашъ твоѡ наказаніе да прилѣписа твоѡи заповѣди. сзѣднни мысли наша сз страхомъ твоимъ. ѿ не будемъ страмнитѣса на свѣтѣ твоѡмъ в' вѣкы. зане ко ѿма стѣини твоѡа⁸. что велии мочныи ѿ грозно, что наше надѣніе ѿ веселіе и радованіе въ мощи твоѡа:—

(VII) ГЛАВА. ПЛМЪ. ДВЪ.

Главы ѡго ѿполни свѣтъ. служебницы ѡго глѣтъ дрѣ кз дрѣгъ. гдѣ мѣсто славы ѡго. ѿ протнѣ ѿхъ сѣинници глѣтъ. блѣено ѿма славы ѡго на мѣстѣ ѡ:—

¹ Изъ 9/1088. ² тебе. ³ жо тѣ. ⁴ строеніе. ⁵ будѡу. ⁶ веселитѣ. ⁷ извѣшъ; въ изд. з изъ и. ⁸ стѣни твоѡа.

(VIII) ПЛМЪ ДБЪ.

Ѡх милостію ѡбрати́тса къ люде́ своимъ, койжо съеди́ннѣтъ ѡма́
ѡго рано ѡ поздно на всакыи днь двѣжы¹ съ млтвѡю оуслышатн глтъ.
(252) слыши ѡзрѣль. гь нашъ бгъ еди́нъ²:—

(IX) Глава. ПЛМЪ. ДБЪ. КА. Б.

Красныи краентъ насъ. коль красно ѡма́ твоѡ по всен земан. ѡ
бѡдѣ бгъ црѣ́ еди́нъ по всен земан. ѡ въ тыѡ дни бѡдѣ бгъ еди́нъ
ѡ ѡма́ ѡ́ еди́но. како бо глтъ словеса твоа. ѡнъ црѣ́твѣтъ бгъ гь
твон гь сѡнѡнъ³ ѡ рода ѡ рѡ ѡллііа:—

(X) ПЛМЪ ДБЪ МОИБЪ.

Прѡими гь бгъ люди твоа, ѡ приближи къ себѣ⁴ бола наша ѡ
млтъвы наша. рано ѡ поздно. рѣчи пѡвно похваленіѡ ѡ поклоненіѡ
твѣѣ⁵ гдѣ:—

(XI) Глава. ПЛМЪ ДБЪ. АРОНОВЪ.

Ѡуднѡ всен земан на оудѣ стоа молимьса. Ѡ животѣ съ
милостію къ людемъ недостоннѣ. не гѡн ѡ нашемъ сѡдѣ ѡ ѡ нашен
молитвѣ. къ нѡ⁶ млтвѣ рано. млтвѣ нашен датггни ѡзари како
при(252³)ношеніѡ ржѣтвѣ:—

(XII) ПЛМЪ ДБЪ АРОНО.

Помниан докончаніѡ абрама. ѡ на заколеніѡ ѡсака. ѡ млтъ іакован.
ѡфичати пѡвно лю⁷ твоа. дѣло познавши ѡма́ твоѡ стѡѡ. не ѡ
ими мысли срѣцъ нашѡ. познавши ѡма́ твоѡ и дѣло твоѡ ѡ слоу
прошеніа. Ѡбрази разумно члчство твоѡ твореніѡ пѡвно твоѡ:—

(XIII) Глава. ПЛМЪ ДБЪ.

Бгъ гь не ѡверзи ѡ себе. млтъвы ѡцѣ нашѡ. прѣхваленъ⁷ гь нашъ
ѡ ѡ всеа силы нѣныа. ѡ ѡ всѣ́ творашѡ пѡ нѣсемъ на земан. пре-
хваленъ тѣ бжѡ твоѡ стѣствомъ. препѣтын ѡ хравимъ ѡ ѡдинимъ
ѡ серадимъ. пѣми похвалнымн, премѣнне дѣло твоѡ, на ѡбновленіѡ.
на всакъ днь первѣншеѡ⁸ дѣло. бѡгословенъ тѣ ѡ неба (253) ѡ ѡ

¹ двѡжы. ² еди́нъ. ³ ?—си ѡ ѡ. ⁴ собѣ. ⁵ товѣ. ⁶ и ѡ. ⁷ пре-
хваленъ. ⁸ первѣйши.

нѣныя и ѿ ангѣл. и ѿ всѣхъ силъ ѿ лѣноу¹ и ѿ звѣздъ. и ѿ всакихъ твари прѣже²:—

(XIV) ГЛАВА. ПЛМЪ ДБЪ. КЛ. Г.

Ты гъ сѣзъ има твоѣ сѣо. сѣин на всакихъ днѣ хвала тебе³ воздантъ. блгословенъ ты бгъ сѣин:—

(XV) ПЛМЪ ДБЪ.

ѿ рода и рѣ. мы икажемъ величїа твоа. ѿ вѣка и до вѣка сѣосѣть твоа. и хвала твоа ѿ нашихъ оустенъ не ѿиметьса. зане бгъ црѣ велин⁴ сѣин. ѿ рѣ и рода мы слави. ты млтѣ и мысли даѣши члкомъ и оучишь разуму. зане ѿ тебе и мысль и оумъ и разумъ. раздѣленїемъ ты раздѣлаѣши и ѿ собе мыслиши:—

(XVI) ГЛАВА. ПЛМЪ ДБДОВЪ.

Слыши гъ бгъ глсѣ нашъ. жалби и смилѣнса бгъ гъ црѣ нашъ. прїнмаи сѣ млтнѣ болне млтѣы наша. зане ты гъ бгъ нашъ. (253⁵) слышаѣше⁶ млтѣы лю⁷ твоѣа:—

(XVII) ПЛМЪ ДБЪ.

Всакъ живущи и хвалаши тоба⁸ в⁹ вѣкы. похвала и правды има твоѣ. бгъ помощникъ нашъ и пособникъ нашъ в вѣкы. блвенъ ты гъ бгъ нашъ что добро има твоѣ. и краса похвала твоа. и алнїа:—

(XVIII) ГЛАВА. ПЛМЪ. ДБДОВЪ.

Блви гъ бгъ дше моа. и пресвѣтлыи очн мои. ты сътвораци свѣтъ. а родаци тма. оустронъ миръ и ѿверзъ весь. и всѣ тоба хвала. и всѣ тоба красать. а всѣ глѣють нѣтъ и сѣзъ какъ ты гъ бгъ нашъ. вси възвышаю има твоѣ сѣоѣ. сътвориѣши вса. бгъ ѿтворѣ на всакъ днѣ двери вратъ възхода снчьнаго и ѿкрыкаѣтъ окна нѣнаа. испущаѣ снѣца и з мѣста еа. и лѣна и з мѣста почиѣ (254) его котърын⁷ свѣтитъ на земли⁸. и которын живущи на нем. сѣ милосѣтїю и добродѣтелию его ѿновитъ на всакъ днѣ прѣжнеѣ⁹ дѣло:—

(XIX) ПЛМЪ ДБЪ.

Црѣ нѣныи. едннъ¹⁰ црѣтвѣтъ исперка¹¹. прехваленъ и прекрасенъ превышнїи ѿ начала днн свѣта. нѣ побна тебе да никїи жо тобаѣ.

¹ ѿ глнца и ѿ лѣноу. ² прѣже. ³ тебе. ⁴ в. и. ⁵ слышавши. ⁶ тебе. ⁷ которы. ⁸ земля. ⁹ прѣжнеѣ. ¹⁰ едн. ¹¹ испрѣва.

ЕДИНЪ ТЫ ПОДОВЕНЪ ТОВАЕ КТО. НѢ ТОВАЕ ПОВНА ГЪ БГЪ НАШЪ НА ТО СВѢТЕ. А НѢТЪ ОПРИ ТОВА¹ ЦРЬ НА НА ЖИВЫИ СВѢТЪ КТО ПРИДЕТЬ. ОПРИ ТЫ ИСКУПАВЪ НА ДНИ ПОСЛАЕНЕ². А НѢ ПОВНА ТОВАЕ ПОМОЩНИКЪ НАШЪ ГЪ БГЪ КОЛИ УЖИВѢ МРТВЫИ. БЛВЕНЪ ТЫ БГЪ ВЪ ВѢКЫ АМИНЬ:—

(XX) ГЛАВА. ПЛМЪ ДВЪ. КА. Д.

БГЪ ГЪ НА ВСѢХЪ ДѢЛАѢ. БЛВЕНЪ УНЪ И БЛГОСЛОВАЕ. ПОХВАЛИ ИМА ЕГО ОУСТЫ ВСАКИМИ И ДУША (254³) ВЕЛИЧИА ЕГО И ДОБРОВАДѢТЕЛИ ЕГО. ИСПОЛИ ЗЕМЛА МЫСЛИ И РАЗУМА. И ОКРУЖИТЬ СГЪСТВА ЕГО. И ПРОСВѢТИТСА ИМА ЕГО НАДЪ АГГЛЫ ЧТНЫМИ. ДА ПРѢОУКРАСИТСА³ СГЪСТКО ЕГО НА АРХГЛѢХЪ ПОВЕНЕ:—

(XXI) ГЛАВА. ПЛМЪ. ДВЪ. МОИСТѢ.

Истина и правда пѣ прѣломъ е. постъ и мѣтва съхранена по рѣкою его. прими гъ бгъ добрѣ вола его и слезы мои и рѣце. аще ускорзвеленъ есмь мѣтъ затвореніа, и поств нетерпѣніа. мѣтвы неподобныа оулучи рѣце моѣ. и мѣтъ моя къ тебе⁴ гъ бгъ. има твоѣ познають вси. и внѣтръ мон свѣчи подвѣна что ти сътвориавъ гъ бгъ нашъ. сътвориавъ и съ разумомъ. пѣвѣнѣ мудрѣствомъ⁵:—

(XXII) ГЛАВА. ПЛМЪ. ДВЪ.

(255) Сотвориавши силы нѣныа. полъ⁶ еств на нѣ мочнѣншіа силы. владати намъ земле пѣвѣне. полно ихъ свѣта а заря и красна. прегодна ихъ и свѣтла по всемъ свѣтоу. вѣрадѣств вхъ ихъ. а веселитса въ захоженн и. оучинитъ в захоженн ихъ⁷ съ страхѣ вола и творацихъ:—

(XXIII) ГЛАВА. ПЛМЪ ДВЪ. КА. Е.

Красна и чти. даѣтъ имени е мысли и немисли. рѣство и весельство поминаѣ сгъство. и црѣтво твоѣ. послышаѣ тебе гдѣ. приказѣтъ слнце⁸ узарѣ свѣтъ. Оглашаѣшь и радишь вѣразитса мѣа. хвалъ унн даѣ товѣ гъ вси силы вышнеа⁹. краснѣа и величан. серадимъ. и офаннимъ. похвалитъ товѣ алавіа:—

(XXIV) ГЛАВА. ПЛМЪ. ДѢДОВЪ:—

(255³) Блвенъ ты гъ бгъ нашъ. и блви душе моа. вѣвори камень рѣца моѣго. вѣгони дхъ изнѣтръ мон. црѣ свѣтоу что рече глы его

¹ товѣ. ² послѣ дне. ³ прѣкраситса. ⁴ к тебе. ⁵ мудрѣствомъ. ⁶ полъ; а изъ чего то, чуть ли не изъ л. ⁷ в захоженн ⁸ слнцѣ. ⁹ вышнимъ.

Ѡ вечери ѡли рано ѡли вечерна изъ ѡго мѡдрѡство Ѡтвори брата. ѡзъ разума переменнаѡ часы ѡ переменѡ ерокъ Ѡправляеѡ свѣѡзы. по ѡ страже свѣѡтъ водитса. по ѡ кола Ѡворена дѡнь и ноѡчь. ѡзколѡ свѣѡтъ ѡ противѡ тма. ѡ тма противѡ свѣѡтъ. Ѡведеть дѡнь и приведеть дѡнь и ноѡчь раздѡблаетъ межн дѡнь ѡ межн ноѡчь. бѡъ и гѡ сабаѡ ѡмени ѡго. гѡ живын ѡ вѣчнын, в' вѣкы црѡтвуетъ нѡ насъ ѡ в' вѣкы вѣкомѡ ѡмннь:—

(XXV) ГЛАВА ПѡМЪ ДѡБЪ.

Тѡ полнѡвын свѣѡтъ. дома ѡль лѡ твоѡмъ лѡбо. праѡа заповѣден. законъ ѡ сѡдѡн тѡ ѡчи(256)ннаѡ нѡ. за бѡъ гѡ нашъ. в' нашемѡ лежанѡи. ѡ възтабанѡе¹. мы глѡемъ Ѡ законѡ твоѡ. ѡ мы рѡчимса Ѡ рѡчи праѡы твоѡмъ. ѡ твоѡи заповѣди до вѣка. зане заповѣди твоѡ. животъ нашъ ѡ долги нашн² дѡи. ѡ надѡ нимѡ мы ѡчимса дѡнь ѡ ноѡчь. погубены ѡ вѣчнын рѡчи твоѡ:—

(XXVI) ГЛАВА. ПѡМЪ. ДѡБЪ. Кѡ. Б.

Гѡ бѡъ ѡзъ надѡбѡса на тѡ. лѡбви своѡмъ не Ѡими Ѡ мене. црѡтво твоѡ бѡъ гѡ нашъ. вѡти дѡети твоѡ раздѡблено море перѡ монсѡемъ. то гѡ мои противѡ глѡти. бѡъ црѡтвуетъ в вѣкы вѣкѡ. ѡ тако глѡи то што ѡкова ѡсѡпѡи. посовѡ Ѡ роукъ мочнѡишѡ:—

(XXVII) ГЛАВА. ПѡМЪ ДѡБЪ.

Похлаѡ ѡмѡ твоѡ в вѣкы тѡ црѡ нашъ. гѡ црѡ велѡи ѡ сѡын на нѡи³. занѡже пригѡна к тѡвѡе (256²) красѡта гѡ бѡъ нашъ. пѡснен хвалѡнѡе поѡци ѡ хвалѡщи сиѡиѡи вѡдѡти. вѣка ѡ величѡа хвала грозна. красѡта и црѡтво ѡ блѡвенѡе тѡ бѡъ Ѡ нѡтѡ и до вѣка. блѡвенъ тѡ гѡ црѡ велѡи прѡхвалѡе. гѡ сабаѡ. гѡ дивнын кто ѡзѡубѡи, пѡни пѡти гѡ жнѡвъ надѡ⁵ всѡмѡ свѣѡтомъ:—

(XXVIII) ГЛАВА. ПѡМЪ. ДѡДѡВЪ.

Бѡъ блѡвенъ велѡа велѡа⁶ млѡть. ѡтроѡлѡ ѡ дѡблѡлѡ зарѡ лѡннаѡ доверѡе сѡтворнѡлѡ чѡи ѡмени ѡго. далѡ свѡчи Ѡкрѡгъ млѡти ѡго. краѡ ѡголыннѡи сѡрохъ ѡго сѡын. възвышитъ бѡъ мочнын. зане възды почитаетъ бѡъ ѡ чѡи сѡтѡство ѡ. да ѡ мы живын на земѡи. похлаѡимѡ промышлено дѡло твоѡ. до вѣка, ѡмннь:—

¹ въ стѡбѡннѡе.

² наша.

³ на нѡи ѡ на земѡи.

⁴ црѡ гѡ.

⁵ надѡ.

⁶ опуш.

(XXIX) Глава. ПѠМЪ. ДѠВЪ. КѠ. З̄.

ПѠХВАЛНТЬ ДШЕ МОѠ ТВОЕ, ГЪ БГЪ. (257) БЛѠЕНЪ ЕСИ ТЫ ГЪ БГЪ НАШЪ. ХВАЛЕНІЕ ДѠЛА РОУКЪ ТВОЕЮ. НА СВѠТѠЛѠМЪ СВѠТЕ Ѡ ТВОРАЩІИ ТВОИ МЪЖЪ БЕЗУМЕНЪ ДѠЛА ТВОИ НЕ РАЗУМѠ. Ѡ ЧѠКЪ НЕСМЫШЛЕНЪ ГЛѠВИНЫ МЫСЛИ ТВОЕѠ НЕ РАЗУМѠ. ѠБРАДОВА НАСЪ ВЪ ДѠЛЕ ТВОЕМЪ. БѠГОСЛОВЕНЪ ТЫ СЪТВОРАЩИ НАСЪ. ЦРЬ НАШЪ ИСКУПЩИКЪ НАШЪ. СЪТВОРАЩИ СТИИ АГГЛЫ. ПОХВАЛАЮЩИ ИМА ТВОЕ. ЦРЬ НАШЪ ВЪ ВѠКЫ:—

(XXX) ПѠМЪ. ДѠВЪ. СОЛОМОНѠ. СЛѠ.

Прехвалне има твоѠ гѠе. помышзленнѠмъ¹ сѠтвораци блжени слѠгы твои вси стоѠщи наввышнїи и надъ свѠтѠхъ даѠ слышати. съ страхѠ и Ѡдїнымъ глѠомъ. глѠвыи гѠ живъ и црѠ в' вѠкы. вѠсѠлюбви. и вѠсѠизбранныи. и всецлныи. и все творащїа з боѠзнію. страхомъ волю нхъ творащи (257²) вѠсѠхъ. и ѠтворитѠхъ оусты и. и сѠзство и чѠтво. и пѠнїемъ. и пѠми. блѠитѠ и похвалитѠ, и краситѠ и оукрѠпитѠ. сѠтитѠ и црѠвѠсѠтъ. гѠ црѠ велии и мочныи. и грозныи. сѠз онъ и Ѡнни прїимаетѠ на сѠ. тѠгостѠ црѠвїа нѠнаго³. Ѡдїнъ Ѡ дрѠгомъ даѠтъ. Ѡни прощенїемъ. и дрѠгъ дрѠгомъ сѠтитѠ Ѡ творащїи смиренымъ дѠхомъ. и зъ глѠ чѠта и слѠка. вси якѠ Ѡдинъ ѠвѠщаваю. и глѠютъ со страхомъ. сѠз сѠз сѠз. гѠ саваѠ исполни нѠо и земли славы Ѡго:—

(XXXI) Глава. ПѠМЪ. ДѠВЪ. МОИСѠА.

БлѠен дше моѠ пѠ твердїю мысли моѠ. и придан разумъ срѠцѠ⁴ моемѠ взведи въ оутробѠ мою похвала. Ѡданнымъ, и ханїасъ. стѠи съ страхомъ великы. вопрїимаетѠ (258) сѠ. съпротивѠхъ серафїи. Ѡ противѠхъ и хвала и глѠютъ. блѠенъ⁵ бгѠ славы и мѠсто Ѡго:—

(XXXII) СЛѠ. ПѠМЪ ДѠВЪ. КѠ. И.

Ко гоу блѠенїе⁶ слѠко даю силы нѠныя. гдѠ и бгѠ и црѠ живыи и вѠчныи⁷. пѠсѠнми глѠеть. похвалѠ даѠтъ слышати. Ѡдїнъ зѠблѠлз мочно сѠтворилъ. новѠпомощникъ воинѠ сѠсѠтъ мѠтъ. цвѠти по-мощь Ѡтворилъ. врачъ грознои и хвалнои. гѠ днѠвыи ѠновитѠ на всѠкъ днѠ дѠло прѠжне⁷:—

(XXXIII) ПѠМЪ ДѠВЪ.

БлѠви дше моѠ ты гѠ бгѠ. сѠдѠщи сѠхраненъ верхѠ. гѠ бгѠ на-дѠлѠнїе моѠ на него. сѠтворяющїи свѠчи велии. зане в' вѠкы мѠтъ

¹ пѠмышлѠннѠмъ.

² вѠйѠгѠ.

³ срѠцѠ.

⁴ блѠгѠсловенъ.

⁵ блѠгѠ-

словеннѠ.

⁶ вѠчныи

⁷ прѠжне.

ЕГО. СВѢЧА НОВА НА СИВНЪ ТЫ ПРОСВѢТИ И ѸМНАВИ И ДУШЕ НАША. А ПОДОБНИМИ ВОУДЕМЪ КЪ ЗОРЕ ^Ѹ. БЛВЕНЪ ТЫ ГДЬ БГЪ НАШЬ. КОТОРЫИ (258¹) ѠТВОРИЛЪ СВѢТЪ:—

(XXXIV) СЛАВА. ПЛМЪ ДБДВЪ. ІАКОВЛЪ.

БГЪ ГДЬ МЛТЬ ВЕЛІА. ТЫ МИЛОУЕШЬ НАСЪ И ЖАЛОСТЬ ВЕЛІА. И ПРИЗРѢНІЕ Ѡ ТОВА ГИ ОЧЕ НАШЬ И ЦРЬ. ДАИ¹ ѠЦИ НАШИ И ЧТО НАДѢІАСА НА ТА. ТЫ ОУЧИЛЪ ЕСИ ЗАКОНЪ ЖИВОУ. ТАКОЖЕ² И ТЫ ѸМНАВИСА НА НАСЪ. И ОУЧИНИ НАСЪ ѠПРАВАНІЕМЪ ТВОЕ. ѠЧЕ НАШЬ ОЦЕМЪ МЛТИНЫ ПРИДАНЪ КЪ СРЦИ НАШИМЪ КЪ РАЗУМОУ. И³ СМЫСЛУ СЛЫШАНІЮ И КЪ ПОУЧЕНІЮ. ОУЧИТИ КЪ СТРАДАНІЮ. И ОУЧИТИ И ОУКРѢПИТИ. ВСИ РѢЧИ ОУЧЕНІЮ ПРАВДЫ ТВОЕА И ЛЮБВИ. И Ѡ ТО ѠБРАУЕТЕ⁴ ДША НАША ВЪ ВѢКЫ ВѢКОМЪ АМИНЬ:—

(XXXV) ПЛМЪ ДБЪ.

БГЪ ГДЬ И КЪ ТЕБѢ МЛТЬ⁵ И ПРАВА⁶. А ДѢЛО НАШО СТРАШНО ШТО НАМЪ МОЛИТИСА И ГЛАТИ И ЧЕМЪ ОПРАВДИТИСА. ОБЫЩЕМЪ ПУТЬ НАШЪ (259) И ДѢЛА НАША. СЪ ПОКАІАНІЕМЪ ПРИСТУПИМЪ КЪ ТЕБѢ⁷ ГЪ БГЪ. ДЕСНАМЪ⁸ РУКА ТВОІА ПРИМАЕТЕ ГРѢШНЫІА НА ПОКАІАНІЕ. ОЦѢСТИ⁹ МОА СКВЕРНАІА ДѢЛА. ДО КОНЦА ВЪ ВѢКЫ АМИНЬ:—

(XXXVI) СЛАВА. ПЛМЪ. ДБЪ. ІРОНОУ.

БГЪ ГДЬ. САВАУ. СЕДАН МЕЖОУ¹⁰ ХЕРУВИМЪ ТЫ ГЛАДИШЬ. И ВЪ ПОКАІАНІИ КАЮЩІСА¹⁰. ПРИБЛИЖИ КО МНѢ МЛТЬ СВОЮ СЛАКО. ВЪСПРИМАИ МЛТВА ТВОІА И ѠЖИВИ ДНИ МНОГО СЛОВЕСА ТВОА ВЪ ВѢКЫ НЕ ПРЕМѢНАЮТЬ. НА НИ МЫ ПРИБЛИЖИМИ¹¹ ПРЕКЛОАЕМЬСА. ПОМИНАИ НАСЪ КЪ ЖИВОУ БЛГУ. И ѸМНАВИСА НА НАСЪ КАКЪ МНОГАІА ТВОІА МЛТЬ. ДОБРОДѢТЕЛЬ ТВОІА ГРѢШНЫМЪ И ПРАВЕДНЫІ. А ДЕСНАІА ТВОІА РУКА ПРОСТРАННО ПРИМАТИ ГРѢШНЫІА. ЗАНЕ ПРОСНИШЬ СМРТИ ВИНЬНА. О ТОМЪ (259¹) МОЛИМЪСА ТОВА РАНО И ПОЗДО. ЦРЬ ПОХВАЛНЫИ Ѡ СОВОРУ¹² БЛИЖНИИ. И ѠТЪВѢТЪ ОЦѢСТИ¹³ НАСЪ Ѡ ГРѢХЪ И Ѡ ВИНЪ. И ѠВѢТЪ ДАИ МНѢ ІАКО Ѡ ВѢКА ЖРЪТЪВѢ¹⁴:—

(XXXVII) СЛАВА. ПЛМЪ. ДБЪ. КЛ. Д.

ПОМИНАИ ГИ ДШУ МОЮ И СПСИ ДХЪ МОИ И НЕ ѠПРАВДАНИ НАШИМИ. И ПРИПАДЕМЪ СЪ НАШИМЪ МЛТВЫ ПРѢ ТОВОЮ. ВЪИРАЕМЪ НА МЛТЬ¹⁵ ТВОЮ ВЕЛИКОУЮ. БГЪ ВЪСПРИМАИ. И БГЪ СЛЫША. БГЪ ѠПЪСТИ И ОУСТРОИ И

¹ ДЛА. ² ТАКОЖЕ. ³ И КЪ. ⁴ МЛЮСТЬ. ⁵ ПРАВДА. ⁶ ТОВА. ⁷ ДѢСНАІА. ⁸ ѠЦІСТИ. ⁹ МЕЖЪ. ¹⁰ КАЮЩІНУСА. ¹¹ ПРИБЛИЖИМИ И. ¹² СОВОРЪ. ¹³ ѠЦІСТИ. ¹⁴ ЖРЪТЪВѢ. ¹⁵ МЛЮСТЬ.

спѣшнѣиши. про ѿмѧ бгѣ гѣ стгоѣ твоѣ. зане ѿмѧ позвано на люди твоѧ. ѿ на граѧ твоѧ стын ѿерлѧмъ:—

(XXXVIII) ПЛМЪ. ДѢЪ.

Велѧ твоѧ матъ и страхъ твоѧ на нѣси и на земли. въ срѣци всѧкѧ творѧщнѧ ѿ нѣныѧ силы херубѧ ѿ ѡфанѧмъ ѧнгѧси серафѧмъ. ѿ грилѧмъ. ѧхасѧмъ. ѧсмаѧмъ. (260) ѧмѧлѧмъ. ѧмалахѧмъ. разумно члѣчество всѧкы звѣри ѿ птица. ѿ гади ѿ древа¹ ѿ травы. горы ѿ долины. Огнь ѿ вода. ѿ ѡсподь ѿ слнце ѿ луна и звѣсды въ ѿ силѣ. страхѡ похвалитъ и преслашаѣ. ѿ заповѣди твоѧ чаѣтъ рано ѿ поздно мѧти твоѣѧ, колѣни преклонѧють ѿ простирають рѡцѣ прѣ твоѡѧ гѧ. выкоко ѡуши твоѧ слышаѣтъ мѧтвѣ пѡбенѡ. ѿ мѧгѣ любѧви твоѣѧ:—

(XXXIX) Глава. ПЛМЪ. ДѢЪ.

Гѣ бгѣ прѧимѧи мѧтвѣ мои. ѡпѡсти грѣхѧ наша волнаѧ и невольнаѧ. гдѣ бгѣ ты свѣтѣ ѡутвердѧлѧ. ѿ въ свѣтѣ ты стѣ. ты црѣтѣвѣшь ѿ владѣѣшь. вѧко црѣ² црѣ. ѿмѧ твоѣ стго. блгословленъ страхъ твоѧ. ѿ слово³ твоѣ. ѡтворѧщи твоѧ верхнѧи ѿ прочитѧѡ (260³) силы твоѧ. ѿ красота твоѧ ѿ стѣзство твоѣ. ѿ высота твоѧ. гласомъ пѣсньми ѿ хваленѧемъ. твердь краше ѣго ѿ хваленѧе ѣго. ѿ въ вѣкѣ вѣка ѧминь:—

(XL) Глава. ПЛМЪ. ДѢЪ.

Гѣ свѣтѣ которѧи црѣтѣвалѧ. первѧѣ ѡтворѧса ничтѡ часѣ. задѣлалѧ какъ хотѣѣ вси тогоже звали ѧмени ѣго црѧ. после всѣх⁴ кончанѧи ѣдинъ ѡнъ црѣтѣвѣтъ грозно. гѣ ѡнъ былѧ. гѣ ѣтъ. гѣ ѡнъ будѣтъ. ѿ ѡукрашаѣ ѡнъ ѣдинъ. ѧ другаго⁵ ни къ владѧнѧю ни къ любѧви⁶. бес починка ѿ бес конца ѡу него моченъ миръ. ѡнъ гѣ мон ѿ живѧтъ дѡѧ наша. сѣтворѧщи мѧтѣ⁷ въ тѧжѧцѣ ѿ животѣ ѿ времени. въ рѡцѣ ѣго сѣхрани дѧхъ мон. во време⁸ спаниѧ и вѣтанѧѧ. тѣло моѣ ѿ дѡѧ сѣхранѧно въ рѡцѣ гѣ бгѣ. (261) ѧ члѧкъ золъ не ѡустрѧшѧѧ:—

(XLI) Глаѧ. ПЛМЪ. ДѢДОВЪ. Кѧ. Г.

Блѧви дѡѧ моѧ гѧ. ѡуправи пѡтъ ногѡ моѣю. будѧ волѧ прѣ⁸ твоѡѧ гѣ бгѣ нашѣ. гѣ ѡцѣ нашѣ зашитѧи. ѿ сѣхрани на всѧкъ дѧнь ѡ

¹ древо. ² словоѡ (sic). ³ пѡслѣ всѧхъ. ⁴ другаго. ⁵ ѿ к любѧви. ⁶ мѧвѣтъ. ⁷ въ време. ⁸ прѣдѣ.

недоужна лица. и ѿ лиха чѣка. и ѿ товарища немилосерда. и ѿ соудсѣда нелюбва. и ѿ тѣхъ стрѣчи лихн. и ѿ мысли непобныа. и ѿ дѣла нечиста. и ѿ соудъ тяжелъ. и ѿ тѣхъ судиں сребролюбннва. вѣрна или невѣрна. къпривлеци мене къ своѣн правдѣ. не привлеци мене дѣломь престѣпнымь. не приведи мене гн къ пытанію. ни къ пѣтлю срамотнѣ. оутверди мене мысль добрѣ. и ѿверши мене мысли неподвеныа. поведи мене гн хоженіе мое мирно. възврати мене гн къ домѣ мои мирно. защити (261³) мене гн ѿ тѣхъ всакнхъ лихнхъ люден. и ѿ тѣхъ всакон оубыточнон стрѣчи. и ѿ завидцаго ѿ разбола⁵. и ѿ всакнхъ лихнхъ дѣтен чѣчскнхъ. ѿ лихнхъ свѣрен чѣчскнхъ и гада. зане ты бѣхъ гь прїимаѣшь мѣтвы:—

(XLII) СЛА. ПѢМЪ ДѢХ.

Бѣхъ гдѣ нашъ. вола твоа и помыслъ твои. гь ѿче нашъ бѣхъ. дай ми животъ доагъ. и животъ смиренъ. животъ покоинъ животъ добрѣ. и животъ бѣгословенїа. и животъ кормить сытость. животъ поволно водити кости своа. животъ што ти наполнишь прошенїе срѣца наша добромъ:—

(XLIII) СЛА. ПѢМЪ ДѢХ.

Исповѣсть бѣхъ и гю. снети срѣце своѣ. ѿпроси языкъ свои. дай похвалю съ страхомь вѣинь радостно мѣтвы твоѣа изъ вѣка будѣть. человекъ боимнса бѣа исповѣдан (262) сла ѿ срѣца чиста и правѣна. и глн правдѣ въ срѣци своѣмъ. пораннса и глн гь вышнн на ѿвѣ свѣте. на немѣти нашн мы прѣ⁷ тобою препадемъ о нашн мѣтвѣ. гн долготерпѣань и велн мѣть праведн дѣла твоа съхранаюци мѣть ѿ рода и рода:—

(XLIV) СЛАВА. ПѢМЪ. ДѢХ. КѢ. АИ.

Гь сотворитель мой. всако творенїе на твоѣи чти. створиавъ дѣланїе твоѣ не можетъ чѣкъ прочитати. еднъ ис тысащъ⁸ нѣсть конца лѣтомь твоѣ. ни числа доагодн твоѣ. ни примѣнна цѣтвѣ твоѣмъ. по суди твоѣмъ кто живитъ и ктѣ оумретъ⁹. кто въ водѣ и кто въ ѿгни. кто голодѣ и кто сытъ, ктѣ оубитъ и ктѣ оудавленъ. кто богатитъ и кто оубожитъ. кто почиваѣть, (262²) и ктѣ трудитъ. и твоѣмъ соуду посуженїа нѣсть. покапанїемь мѣтвоѣ и мѣть. ѿбраѣетса стѣствѣ твоѣмъ гь:

1 ѿ тѣхъ. 2 ѿ тѣхъ. 3 ѿ тѣхъ. 4 привлеци. 5 ѿ тѣхъ зѣва. 6 што. 7 прѣдъ.

8 тысащъ. 9 оумрнть; и изъ в.

(XLV) СЛАВА. ПЛМЪ. ДВЪ.

Бл҃гословаи га дше моа гь бг҃ъ. оутверди тѣло моѣ хвалаши мѣти твоѣа. ты гь бг҃ъ въ вѣкы чл҃къ ѿ земли сътвориши. и в' землю възвратиши ѡбразъ и памѣ ѣ тако сѣнь мимо прондесть тако дымъ исчезаетъ. и тако сѣнь прондеъ тако трава исшетъ'. и тако птица прилетаетъ. а ты гь црѣ живын вѣчнын. а мы что и животъ нашъ что мѣтъ наша што и сила наша. гл҃ати намъ что прѣ² тобою гь бг҃ъ. гдѣ и ѡцн наши. зане вси вельможн прѣ тобою акы нѣтъ. а мужи именьстн акы не бысть. разумнн акы без мысли. мудрнн тако без ума, (263) зане вси и дѣла порозннша³ и дѣла и днн ихъ и животъ тако воскъ растаетъ'. зане твореніе чл҃ьскоѣ или што животны твореніе ништо. ты гь бг҃ъ нашъ на нбсн и на земли первын и ты посланнн. Опрчы тоба нѣсть на нбсн и на земли:—

(XLVI) СЛА. ПЛМЪ. ДВЪ.

Бл҃гослови дше мога гь бг҃ъ. похваленъ ты ѿ всеа нутрннма мога. помани гь бг҃ъ мѣтвы моа. зане ты вѣси срѣце моѣ. зане всака тайна скровеннаа ты вса вѣси. ты весь ѡкрытъ свѣтѣ. и тайна скровеннаа всакъ живн. и ты ѡбыщешн всака съкровеннаа и внутрннма. и разумѣеть мысли срѣчнныа. никакоѣ дѣло тайно прѣ⁵ тобою съкровенно прѣ лицемъ твоѣ. за то вина наша прѣ тобою дати хвала (263²) наша и прехвала. блженн намъ и добро намъ. молимса тобѣ гдѣ бг҃ъ нашъ:—

(XLVII) СЛАВА. ПЛМЪ. ДВЪ. КА. БИ.

Бл҃гословленъ ты гдѣ бг҃ъ нашъ. защитникъ ѿцѣ. сконни рѣчьми оживить мртвыа своимъ словѣ. гь стѣ што нѣтъ. тако нѣтъ онъ. которы почиваѣ на днѣ его стѣство. и людемъ сконмъ далъ естъ почивати надъ нимъ⁶. и прѣ нимъ поклоннса съ страхомъ и трепетомъ. а мы похвалимъ има его на всакын днѣ. по радх дѣло предложеніе⁷ гь нашъ. и гь ѿцемъ нашимъ пресвѣтѣ нашъ. твоѣи заповетѣи. и оудѣлаи насъ ѡ правдѣ твоѣи. Осѣни насъ твоѣю добродѣтелію. ѡбращи насъ твоимъ пособьемъ⁸. ѡцнети срѣца наша къ твоѣи службѣ правѣннн. придан намъ бг҃ъ гь нашъ мн(264)лостъ и волю. чтннн стѣмъ празннкы твоѣи и веселннса ѡ тобѣ, иль лю-

1 исше. 2 предъ. 3 порозннша. 4 воскъ растаетъ. 5 предъ. 6 нимн. 7 преложеннн. 8 пособнѣмъ.

БОВИ ИМЕНИ ТВОЕГО. БЛГОСЛОВЛЕНЪ ЕСИ БГЪ СГНТЬ ЛЮДИ ТВОА И ПРАЗНИКЫ ТВОА:—

(XLVIII) СЛАВА. ПЛМЪ. ДВЪ.

Блгословленъ еси ты гъ бгъ сотворившии свѣтъ. ты и гъ на томъ свѣтѣ. и ты гъ на свѣтѣ приидеши. прежде свтвореніа послѣ втвореніа. кто въ всяко дѣло рѣку твою(ю) верхнійи исподниини, можетъ обыскати дѣло твоѣ, дѣло твоѣ явни и твореніѣ. мысли твоѣа глубоки далеко искати никако живыи. ты вѣен гъ бгъ. закрыта хвала. и тайна мѣтъ и всяка закрыти. мысли нѣсть конца и похваленію твоѣму. дѣлати похоташа милости гна. ходаша мѣти гна повысаще по дѣстѣ стѣмь чюють (264) на немъ. и хвалаша и блгословаши бга въ вѣкы:—

(XLIX) СЛ. ПЛМЪ ДВЪ. МОИСѢ.

Блгослови дше моа похвалить тебѣ гдъ бгъ. въ время не забывши имени твоего. не въ время моѣ не ѡвержса мѣти твоѣа. вѣтъ тебе гни ображивъ внутрь мон и мысль моа познавши има твоѣ въ застѣни твоѣи ходитса дхъ мон. и вѣтъ росы твоѣа насытитса дша моа мѣти твоѣа. яко рано роса на травѣ. и жалость твоѣа яко дождь въ своѣ время. блвен дше моа похвално има твоѣ. ты гдъ бгъ нашъ в вѣкы аминь:—

(L) СЛ. ПЛМЪ ДВЪ. КА. ГИ.

Дше всякон живущи, ты въкрасиши. и ты възвысиши въ палати твоѣи црѣ гдъ бгъ нашъ в вѣкы. ѡ свѣта до свѣта ты гдъ. опри тебѣ нѣсть црѣ ни выкупщикъ. (265) ни помощникъ ни пособникъ. изъ египта ты выкупилъ насъ гдъ бгъ нашъ. изъ дому холѡпства оловодилъ насъ, въ гладъ насъ напитахъ. а сыта оутѣши. а ѡ меча насъ избави. вѣтъ мора насъ заштитихъ. ѡ волести лихон тяжелы много насъ помилова. и до стѣхъ мѣстѣтъ пособникъ на. и вѣтъ стѣхъ мѣстѣтъ не вѣстави насъ в вѣкы. за то што ты всякы приставилъ еси к намъ. и дхъ дше што ты пославыи в насъ. всѣ ти хвалать исповѣдаютса, красать и глють. крѣпитъ и стгитъ, и црвнтъ именемъ твоимъ црѣ нашъ. црѣтво твоѣ в вѣкы вѣкомъ аминь:—

1 тебе. 2 время. 3 тебе. 4 время.

(LI) СЛА. ПЛМЪ. ДЪВЪ. МОИСТЪЕ.

Помниши ги душъ мою. защитити и свободити. кормити и милуѣ (265²) всако время ' тажко и нужно. нѣ црѣ въпринч тобѣ². Гь первѣишии. и гь послѣднѣишии. Гь всако твораци. Шцѣ всакому и родителъ. которын похвалитъ хвалами. а которын водитъ свѣтъхъ свои. жалость и млтъ. и штворяющѣи его жалость:—

(LII) СЛА. ПЛМЪ ДЪВЪ.

Бгъ и гь вѣдн млтивъ на насъ. какъ мы надѣемса на тѣ. страхъ твои съхрани въ срѣци моему. тѣло спахъ, а срѣце моѣ слыша. гласъ вышнѣи мои съ страхѣ ко мнѣ. Гь бгъ не спахъ ниже въздрема. Гь мочныи кто оубѣдѣи спашихъ. и которын воздвигнетъ дрѣмашихъ³. которын нѣмымъ языкъ шверзашци. и которы здержан лѣтцаго. совлекшаго исправихъ. тобѣ единому мѣ гоу (266) бгъ поклонѣса:—

(LIII) СЛА. ПЛМЪ. °ДЪВЪ. КЛ. ДІ.

Знаменѣ твоѣ⁴ и днко твоѣ. и дѣла роукоу твоѣю и шгласихъ. аже были оусты нашими іако море полныи. и языки наши наполни акы валы морьскыя. а губы наша іако широта нѣнаѣ. Очи наши іа гнцѣ и луна. роуцѣ наши іако Орли по нѣси. носѣ⁵ наши акы звѣри по земли скорѣи. а мы не испѣемъ похвалити тебе⁶ вгъ гь нашъ оче нашъ блгословити и ма твоѣ на едннхъ штъхъ тысащъ. тысеца тысащъ⁷. и тма, тмами. што ти оуиннахъ нашѣ шцѣмъ и нѣ. а всакы. оуста тебе похвалатъ, а всакы іазыкъ тебе присагаѣ. а всакыи стоѣщи противу тебе единому поклонѣтиса. зане ты начало бес конца. в' вѣкы вѣкѣ ами:—

(266²) (LIV) Глава. ПЛМЪ. ДЪВЪ.

Помниши ма ги и оутверди разумъ мой. а ты гь вгъ мой оукрѣпи нутреннаѣ⁸ моѣ кз страху твоѣму ги. всако. зане срѣце боѣишса тебе ги⁹ и вса животнаѣ ставы поѣщи и мени твоѣму. іако рѣчь глтъ и вса кости моѣ. глтъ кто вгъ іако ты. застоупитъ¹⁰ вѣднаго ш рѣкы мочнѣишаго. повѣднѣи и оукога койждѣи шанѣиша его:—

(LV) Глава. ПЛМЪ ДЪВЪ.

Изъ разума твораци твоѣ¹¹ на мнози пути дѣдѣ твоѣ. всакого творенѣе разума побѣи. изъ образа и мени¹¹ кто можетъ дѣломъ твоимъ

¹ время. ² ты. ³ дрѣмашихъ. ⁴ твоѣ (sic). ⁵ нози. ⁶ тебе. ⁷ тысеца тысащъ. ⁸ нутреннаѣ. ⁹ опущено. ¹⁰ запитъ (sic). ¹¹ изъмени; з переправлено надъ строкой на и.

РАВЗНАТИСА. КТО МОЖЕТЪ ПODOБЕНЪ БЫТИ ТОВОУ. И КТО МОЖЕТЪ ЦѢ-
НИТИ ДѢЛА РЪКОУ ТВОЕЮ. ГЪ ВЕЛИИ МОЧНЫИ¹ ГРОЗНЫИ. ГЪ ВЫШНИИ.
СЪТВОРИАЪ СЪ МЛТНЮ НБO И ЗЕМЛЮ. ПОХВАЛАЕ² И ПРЕУКРАШАЕМЪ ИМА
ТВОЕ СТОУ. (267) БЛГОСЛОВИ ДШЕ МОИ БГЪ ГДЪ. И ВСА НЪТРЯНАИ МОИ
ИМА СТОЕ ЕГO:—

(LVI) СЛВ. ПЛМХ. ДБДОВХ. КЛ. ЕИ.

ТЫ И ГЪ И СЪ КРѢПОСТИ МОИ ТВОА. ВЕЛИ И ЧТИ ИМЕНИ ТВОЕМУ.
МОЧЕНЪ ВЪ ВѢКЫ ГРОЗНЫИ ТВОИ СТРАХЪ. ЦРЬ КОТОРЫИ СЪДИТЬ НА ПРЧЛѢ
КЫСОЦѢ ПДЕМЛЮЩЕ. ПОЧИВАЕТЪ ВЪ ВѢКЫ НА НБСИ СИЛА ЕГO. И НА ЗЕМЛИ
СТО ИМА ЕГO. И ВЪЗРАЮТЪСЯ ПРАВЕНЫИ МЛТИ ВЖИЕН. И КТО ПШБНЫИ
КРАСИ ПОХВАЛНЫИ ОУСТЫ ПОДОБНЫИ И ХВАЛАМИ. ВЪ ГЛѢ ПРАВЕНѢ БЛГО-
СЛОВАЕНІЕ БЪ ІАЪЦИѢ МЛТИВЕ ВОЗВЫШЕНІЕ. И³ МЕЖИ АГГЛЪХ СЪХЪСТВО ГЪ
ПРЕХВАЛЕНЪ. И ШЦЪ ДИВНЫИ СОВРАШИ ПѢСНИ И ПѢНІЕ. ЦРЬ ГЪ ЖИВЪ
НА ОБѢ СВѢТЕ:—

(LVII) ГЛАВА. ПЛМЪ ДБХ.

БЛВИ ДШЕ МОИ БГЪ И ГДЪ МОИ. ТЫ РОДИТЕЛЬ МОИ И ОУТѢШИТЕЛЬ
МОИ. (267⁴) ВЪ ДНИ НАСЫТИ⁵ ХЛѢБѢ. А ВЪ НОЩИ СНОМЪ. А СЫТОВОУСТВО
НАШO³ Ш ТВОЕИ ДОВРОДѢТЕЛИ. ОБРАДОВАЕНІЕ НАШЕ О ПОСОБЕНЕ ТВОЕМЪ
ОУЦѢСТИ⁴ ГЪ БГЪ СРЦЕ НАШЕ КЪ СЛЪЖЕБѢ ТВОЕИ ПРАВО. ЗАНЕ ТЫ ГЪ
ПРАВЪ И СЛОВО ТВОЕ ПРАВО. ЦРТВО ТВОЕ КРѢПОСТЬ ВЪ ВѢКЫ. БЛГОСЛОВ-
ЛЕНЪ ТЫ БГЪ ОУСЪНАЪ ЕСТЬ ЛЮДИ СВОА И ПРАЗНИКИ И. ТЕБѢ НА ПО-
ХВАЛЪ ВЪ ВѢКЫ АМИНЬ:—

(LVIII) СЛА. ПЛМХ ДБХ.

ТЫ САМЪ ГЪ НАШЪ НА НБСИ И НА ЗЕМЛИ. МОЧНЫИ И ХРАБРЫИ ВОЕ-
ВОДА СИЛЬНЫИ. ВСАКОМУ ТВОРЕНІЮ ЕДИНЪ ЕДИНЪ. СЪЕДИНАЛИ ТЕБЕ ГА.
КОТОРЫИ ТОВА И ПРОСИТЪ ИЩУЩИИ ЕДИНЪ БЛГЫИ ТЫ И ГЪ. ТВОРАЩИИ
МНОГО НИ Ш ЧЕГО НѢ ДѢЛАТЕЛЬ АКИ ТЫ, И ВСА ДѢЛА ТВОИ БЕЗЪ СРОКЪ
И БЕЗЪ ЧАСА. СЛОВО ТВОЕ И ДѢЛО ТВО(Е) АЛЛЪА⁵:—

(LIX) ГЛАВА, ПЛМЪ, ДБЪ, АРОНШ, (268) КЛ. ЕИ.

ПРИТЕ ЧА⁶ ПОСЛУШАИТЕ МЕНЕ, СТРАХЪ ГНЮ НАУЧЮ ВЪ. ГЪ ПРАВЕДЕНЪ
И ПОСТАВЕНЪ И ПОРАДЕНЪ И ВѢЧЕНЪ И ПОВЕНЪ. И СПРАВЕДЕНЪ И ЛЮБИВЪ
И ЛЮБИТЬ. ЧЕСТЕНЪ И ПОЧЕСТЕНЪ И СЛАДОКЪ. ГРОЗЕНЪ И ЧУДЕНЪ И НЕ
НАРАЖЕНЪ, И ПРИЕМАЕМЪ ДОБРЕ КРАСИ И ЧТНО ХВАЛИТЬ Е ВЪ ВѢКЫ
ВЪСКОМЪ АЛЛЪИТА:—

¹ мочныи и. ² опущено. ³ наш. ⁴ оуцести. ⁵ твѡѡ, алиаѡиѡ.

⁶ Придѣте чада.

(LX) СЛАВА. ПЛМЪ ДЪЪ.

Судѣа вышнѣи. ѿ долготерпѣливъ судѣа правѣнын на всако твореніѣ. правѣнъ гь свѣтъ. црѣ нашъ гь сътворенішн іакова. защитникъ ѿ помощникъ нашъ ѿ рода ѿ родъ. ѿнъ вѣ вѣкы ѿма ѣго вѣ вѣкы. прѣлъ готовъ ѿ црѣство ѣго ѿ правда ѣго вѣ вѣкы стойтъ. слава жива ѿ вѣчна слово ѣ право ѿ вѣка ѿ до вѣка на наши ѿци ѿ на наши чада ѿ весь нашъ рѣ. (268¹) сѣма ізрѣво слугы твоѣ. ѿма твоѣ похвалано ѿ нѣ вѣ вѣкы вѣка, ѿминь:—

(LXI) СЛА. ПЛМЪ ДЪЪ.

Бгъ гдѣ первѣшнѣи. бгъ гь послѣнѣшнѣи¹. глѣ твои добрыи крѣпъкыи до вѣка. ѿ правѣнъ, ты гь бгъ нашъ и црѣ ѿче нашъ ѿскѣпникъ ѿскѣпилъ ѿци наши ѿтвораци насъ ѿтворца помощь наша защитникъ ѿ хранитель нашъ. ѿ вѣ вѣкы ѿма твоѣ нѣ гь ѿпречь ты:—

(LXII) СЛАВА, ПЛМЪ ДЪЪ, СОЛОМОНѢ. КА. ЗІ.

Помилѣи гь дшѣ мой. дан ми гь бгословленіѣ ѿци наши блаженъ ѣси ты. ѿ всако бгословленіѣ ѿ тебе гь бгъ пособникъ ѿцемъ нашѣ². ты ѿнъ вѣ вѣкы защитникъ ѿ пособникъ ѿ чадомъ. ѿ после ѿ ѿ рода ѿ рода. высъшеѣ свѣта почиваніѣ твоѣ и соудъ твои ѿ правда на всѣми црѣи земьстѣи (269) даѣ похвалѣ тебе гь ѿлнѣи:—

(LXIII) СЛА. ПЛМЪ ДЪЪ.

Блаженъ мужъ которыи послѣшѣши заповѣди твоѣ. правѣ твоѣ и глѣ твои съхранитѣ въ срѣци своѣмъ. ѿ справки ты перкыи ѿ послѣнѣнѣи. ѿпречь тебе ни црѣ ни ѿскѣпникъ помощникъ ѿ пособникъ. глѣ твои приказы мѣстѣѣи знаѣми твои. ѿ ѣгипетъскѣи³ первенци. ты победилъ ѣгипетъскыи. ѿ первенци же твоѣ ты помиловалъ. раздѣливъше море самовластно ты потопи. закрыкши ѿхъ въ водѣ и въ тѣснѣ мѣстѣѣ, ѿтъ ихъ до ѣдинъ не ѿстѣса за то што хвалаци ѿскѣпникъ ѿ ближнѣи высѣшнѣи га. дале похвалимъ пѣсньми ѿ пѣнѣѣ. бгословленіѣ ѿповѣданіѣ. црѣи вѣчномъ ѿ живомъ:—

(LXIV) СЛАВА. ПЛМЪ ДЪЪ.

(269¹) Не ѿверзи мене ѿ себе гь бгъ ѿправленіемъ твоѣмъ. стопы мои ѿправи къ службѣ твоѣи вышнѣи. ѿ пѣдѣши велии ѿ

¹ пѣсньдѣннѣишнѣи.² намъ (sic).³ ѣгипетъскѣи.

грознын вышешн оумз нижить ¹ ниже возвышаѣтъ. ѡсловодить скезанаго ². ѿ оутѣшаѣ смиренаго. напитаѣтъ нищихъ. ѡвѣщаѣ людемь своѣ по часомь ѿ мѣтвѣ ихъ къ немюу. похвала гоу ³ вышнемюу. бѣго ѡнъ бѣгословить монсѣи ѿ чада ізрѣла тебѣ ³ ѡвѣтъ даѣ. пойте весельствѣ велимъ ⁴ глѣте вси. кто ѿко ты можеть гь бѣз. ѿко кто ты красно сѣо въ сѣзство ѿ грозно. прехвално оучить диво. всакъ дѣхъ да хвалить га:—

(LXV) СЛАВА. ПѢМЪ ДѢВЪ. КѢ. ПІ.

Бѣгословенъ ты гдѣ бѣз нашъ. створиѣши чѣка ѿзъ разума. твораши пѣть дѣхъ идущюу. (270) слышавши ѿ видѣвши ѿ рѣками денжѣи ѿ ногами идущи ѿ срѣемъ ѿ смыслоемъ тебе разоумѣюши. даю хвалъ ѿ мѣти твоѣи ѡкрыта вѣдомаѣ прѣ тобою. ѿ прѣ прѣтлѣо чти твоѣа ⁵. ѡзъ вы ѣдинъ ѡ нѣ не ѿсправиса или пребѣ. ѿзъ мысли вонъ твоѣи твореніѣ. не мочно стоѣти противу тебе гь бѣз. дѣло твоѣ днѣно створаши. птица даюши ѿмъ разума, познаѣши между днѣи ѿ ноци. бѣгословенъ ты гь бѣз, нагъ бѣ ѡдѣстѣ, жажѣнъ бѣ напоистѣ ⁶. ѡченъ ⁷ накормистѣ. створи ми вса потребнаѣ во время знымы ѿ лѣта. похвалить тебе гь бѣз душе мою ѡмнѣи:—

(LXVI) СЛА. ПѢМЪ ДѢВЪ.

Пѣ новаѣ похвалли ѿскѣпщны. къ ѿмени сѣзствѣ твоѣмъ. на брезе оу мора вси кмѣсто стѣди (270²) нишиса хвали ѿ глѣи црѣи ѿли бѣз црѣтѣстѣ в' вѣкы вѣкѣ. ѿ противюу ѿ. глѣз глѣтѣ створъ невѣи слыши ізрѣль. бѣз гь нашъ ѿ бѣз ѣдинъ:—

(LXVII) ПѢМЪ ДѢВЪ.

Створаши ізрѣла прѣиман мѣтвы ізрѣлевы. ѿ чѣ⁸ ихъ не ѡведи мысли и разума познаши мѣти твоѣа ѿ дѣла твоѣа вѣчна ѿ сѣзство твоѣ. ѿ почваніѣ твоѣ на горѣ синан ѿ похвала ⁹ ѡ люден ⁹ твоихъ сѣи грѣа іерѣамъ. похваленъ ты гь бѣз ѡмнѣи:—

(LXVIII) СЛАВА. ПѢМЪ ДѢВЪ.

Прѣими гѣ мѣтвѣ мою. оуслыши гѣ гла мою. оцнети гѣ мысль мою. ѿ смилѣна на ма. прѣими ¹⁰ с' жалостью мѣтвы наша. зане ты гь бѣз послышан мѣтѣ. не помани грѣховъ мой и ѡцѣ нашѣ. помани мѣти ѿ прѣвѣно. зане ѡбновѣ малаѣ твоѣа мѣтѣ свѣтъ. ѿ

¹ нижеть. ² скезанагоу. ³ тобѣ. ⁴ велимъ. ⁵ твоѣа. ⁶ найсте (sic). ⁷ ѡчѣна кормистѣ. ⁸ похвала. ⁹ люди. ¹⁰ при (sic).

(271) ГИГѢВЪ ТВОИ И НЕ БЕЛИИ ВЪ ВТОРЫИ СВѢТЪ. А ОЧИ НАШИ ВЪЗНИ-
РАЮТЪ НА СЛАВЪ ТВОЮ КРѢПКО. ІАКО ТЫ ГЛѢШИ ШЦЮУ НАШЕМУ АВРАМУ
ІСАКОУ ІАКОВУ СОБЛЮДЕШИ ПѠ РОУКОМЪ СВОЕЮ ЧАДА ВАША И СЪХРАНИВЪ БАСЪ
МНОГОСТИЮ СВОЕЮ И СТЫМЪ СВОИМЪ ПОЧИНВАНІЕМЪ. ПРЕХВАЛЕНЪ ТЫ ГЪ
БГЪ ВЪ ВѢКЫ ВѢКОМЪ АМИНЬ:—

(LXIX) СЛАВА. ПЛМЪ. ДВЪ. КА. ДІ.

ГИ ПОМНИИ МА И БГГОСЛОВИ МА НА ВСАКЫ ДНЬ И ЧАСЪ. БГЪ ПО-
МОЩНИКЪ ЦРЮ ШВѢТЪ ДИИ НАМЪ ВЪ ДНЬ ПРИЗОВЕМЪ КЪ ТОВА. ЗАНЕ
ДУША НАША ХОТѢ БГЮ. ПОСОБНИКЪ И ЗАЩИТНИКЪ НАШЪ ШНЪ. ЗАНЕ НАДЪ
НИМЪ ОБРАУЕТСА СРЦЕ НАШЕ Ш ИМЕНИ ЕГО СТЫСТВО НАДѢЕМЪ БОУДЕТЕ
ПОХВАЛНИ КО ИМЕНИ ЕГО. И СТЫСТВО. ШБРАДУИСА СРЦЕ, (271²) ВЪЗЫШИ
БГА. ШНЪ ЕСТЬ МЛТНВЪ ШНЪ ШТЪДАЕТЪ ГРѢХЫ И НЕ ИСТЕРАЕ ВЪЗВРА-
ЩЕНІЕ ЕГО. А НЕ СПЕШИТЬ ЕГО ЗЛОБА. БГГОСЛОВЕНЪ ГЪ БГЪ ВЪ ВѢКЫ
АМИНЬ І АМИНЬ:—

(LXX) СЛАВА. ПЛМЪ ДВЪ.

РАДОСТІЮ ШБРАУЮТСА НБНИИ. ВЕСЕЛО БЕСЕЛИТСА ЗЕМЛА И ВСИ ЖИ-
ВОУШИИ НА НЕИ. ГЛТЪ МЕЖЮ ЛЮДЬМИ ЦРТКА БГЪ. БГЪ ЦРВАЛЪ. И БГЪ
ЦРЮЕТЪ, И БГЪ БОУДЕТЪ ЦРТКОВАТИ И' ДО ВѢКЪ ВѢКА. БЕЛІА МЛТЪ ВЪ
СРЦИ ЧЛЧСТВА. А ДУМА ГА БГА ДО ВѢКА КРѢПЪКО СТОИТЪ. А МЫСЛИ ЕГО
Ш РОДА И РОДА АЛЛІА:—

(LXXI) СЛАВА. ПЛМЪ ДВЪ.

СМИЛУИСА ГЪ БГЪ НА НАСЪ АКИ СМИЛОУЕТСА ШЦЪ НА ЧАДА. БОУДИ ГИ
МЛТЪ ТВОА НА НАСЪ ІАКОЖЕ ОУПОВАХО НА ТА. ШТВОРИ СРЦЕ НАШЕ ПРИИ-
МАТИ СТРАХЪ ТВОИ. ІАКО ТВОА ЛЮБОВЪ ВЪ ТВОЕИ БОМЪЗНИ. (272) И
МЛТЪ ТВОА НА ТВОИ НАДѢЮЩИСА. НЕ ПРИВЕДИ МЕНЕ ПРИИМАТИ МЛТЪ
ИЗЪ РУКЫ ЧЛЧСТВА. ЗАНЕ БГАТЪСТВО И ЧТИ ПРЕ ТОВОУ. А ТЫ ВЛАДѢШИ
НА ВСЕМЪ. ІАКО ТЫ ГЛѢШИ ОЦОМЪ НАШИМЪ, ВЪЗЪАМЪ ВАМЪ КЪ ИМЕНИ И
ХВАЛѢ, АКИ ЗВЕРАИ ВАШИ ЗАВАДШИХЪ. ПРЕ ШНИМА ВАШИМА ГЛТЪ ГЪ БГЪ.
А ВЪЗВУДЕ НА ТОН ДНЬ БГЪ ЕДИНЪ ИМА ЕГО ЕДИНО. И ВУДЕ ЦРЬ НАДЪ
ВСЕЮ ЗЕМЛЕЮ. БГГОСЛОВЕНЪ БГЪ ГЪ ТЫ. БГГОСЛОВЕНЪ Ш ВѢКА И ДО ВѢКА.
ПРЕХВАЛНО ИМА Е АЛЛІА:—

(LXXII) СЛАВА. ПЛМЪ. ДВЪ. КА. К.

БГГОСЛОВИ ДШЕ МОА ГА ОУТВЕРДИ МЫСЛЬ МОЮ И ШМАГЧИ СРЦЕ МОЕ.
ПРОСВЕТИ ОЧИ МОИ. СЪБЛЮДИ МЕНЕ ГИ Ш ПРЕСТОУПЛЕНІА ПРЕ ТОВОУ ГИ.

¹ опуск.

БѢГОСЛОВЕНЪ ТЫ ГЪ МОИ. И ГЛѢТЬ И ВЪ СВѢТЪ. БѢГОСЛОВЕНЪ (272¹) ТЫ СЪТВОРИШИ ПРЕЖНАГО. БѢГОСЛОВАѢ ГАЛАЪ И ЗАБЛАЛАЪ. БѢГОСЛОВЕНЪ КТО ГЛѢТЬ И ОУТВЕРДИТЬ. БѢГОСЛОВЕНЪ МЛѢТЬ ЕГО НА ЗЕМЛИ. БѢГОСЛОВЕНЪ МЛѢТЬ ЕГО НА СОТВОРШИ¹ ЕГО. БѢГОСЛОВЕНЪ ШДАѢ ДОБРО БОГАЩИНСА ЕГО. БѢГОСЛОВЕНЪ ЖИВЫИ ДО ВѢКА И КРѢПКИИ ВЪ ВѢКЫ ВѢКОМЪ. БѢГОСЛОВЕНЪ КОТОРЫИ СВОБОДИ² И СЪВЛАДАѢ. БѢГОСЛОВЕНЪ ШНЪ И БѢГОСЛОВЕНО ИМА ЕГО. БѢГОСЛОВЕНЪ ТЫ БГЪ ГЪ НШЬ³ ЦРЬ НВНЪИИ. ГЪ РОДИТЕЛЬ МЛѢТИВЪ ПОХВАЛЕНЪ ВЪ ОУСТА ЛЮДЕИ⁴ ЕГО. ПОХВАЛЕНЪ И ПРЕОУКРАШЕНЪ. ИЗЪ ЯЗЫКА МИЛОСТИВНО ЕГО. И СЛУГИ ЕГО ВЪ ПѢСНѢ ДѢТѢХЪ ПОХВАЛЕНЪ ТЫ. БГЪ ГЪ НШЬ³ СЪ ХВАЛЕНІЕМЪ И ПѢСНИИ И МЫ ВЕЛИЧАЕМЪ ТЕБЕ. МЫ ПОХВАЛИМЪ ТЕБЕ. И МЫ ПРЕОУКРАШАЕМЪ ТЕБЕ. МЫ ЦРѢВУЕМЪ ТЕБЕ. МЫ ПОМИНАЕМЪ ИМА ТВОЕ ЦРЬ НА И ГЪ. ЖИВЫИ ЕДИНЪ ШВѢ СВѢТЕ ЦРЬ ПОХВАЛИИИ И ПРЕКРАСНИИ ВЪ ВѢКЫ ВѢКО МЛѢТЬ ЕГО ВЕЛІА. БѢГОСЛОВЕНЪ ТЫ БГЪ ПОХВАЛИ ХВАЛАМИ АЛНІИ:—

(LXXIII) СЛА ПЛМЪ ДБЪ.

СЪТВОРАЮЩИИ ОУСТЫ НАША ДАВШИ ХВАЛУ БЛЦѢ ВЫШНЕМУ ВЪЗЪТИ ВЕЛИИ МОЧНО. ШТО НЕ ШКОРАЮЩИИ НАСЪ. ІАКО ЗАТВОРЕНІЕ ЯЗЫКОМЪ. А НЕ ОУЧИНИЛЪ НА ІАКО ГРѢШИИ ЗЕМЬСТИИ. И ШВЕРГЪШИИ МЫСЛИ НАША Ш МЫСЛИ ИХЪ. ЗАНЕ ШНИ НЕ ПОЗНАША СИЛЫ СЪТВОРАЩИИ. МЛѢТВА НХЪ ІАКО И ДѢЛО И. А МЫ ЧАДА ТВОГА ПОКЛАНАЕМЪСА. И ПРИПАДАЕМЪ ПРЕ ТОВОЮ. ГЪ ЦРЬ НАДЪ ЦРИ. КОТОРЫИ ПОКЛОНИ НѢСА. И ПШСТАВИ ЗЕМЛА И ПРГЛЪ ЧТИ Е ВЪШИИ НѢСЪ И СИЛА ЕГО НА ЗЕМЛИ. И ХВАЛА ЕГО ВЪ ВѢКЫ ВѢКО АМИНЬ⁵:—

(273¹) (LXXIV) СЛА ПЛМЪ ДБЪ.

БГЪ ГАДЪ БѢГОСЛОВЕНЪ ТЫ. И ПРЕХВАЛЕНЪ ТЫ ПОХВАЛИТЬ ТЕБЕ НѢО И ЗЕМЛА. ЗАНЕ ЦРѢВО ТВОЕ НЕ ДАНО И НЕ ШИМЕТСА Ш ВѢКА⁷ ДО ВѢКА. ТЫ ЦРѢВУЕШЪ ВЪ ЧТИ. ІАКО ГЛѢТЬ О ПРАБАНІЕ ТВОЕМЪ. ВГЪ ЦРѢВУЕТЪ ВЪ ВѢКЫ ВѢКОМЪ. БѢГОСЛОВЕНЪ БГЪ ВЪ ВѢКЫ ВѢКО АМИНЬ, І АМИНЬ:—

ПѢСНЬ МОИШЕА ПРРКА⁸. ПѢ. А.

ПДИТЕ БГЪ ПѢСНИ НОВЫА. ПОХВАЛА ЕГО СЪБРАННЫИ МЛТИ. ШБРАУЕТСА ІЗРАЪ ВЪ ТВОРЕНІИ ЕГО. А ЧАДА СИШНЪ ВЪЗВЕСАИСА О ЦРѢ СВОЕМЪ. ВЕЛИЧАН ИМА ЕГО СГО. СВѢТЪ ПО ВСЕИ КОЛИ И ШТВОРИЛЪ. И ЦРѢВУЕ СВОЕ ЦРѢВО ДАЕТЪ НАМЪ ЖИВОТЪ И ДНИ НАША ПРЕЛОЖИ ШБРАУЕТСА ДОМЪ ІЗРАЕВЪ, И НА ЕГО СГОВѢСТВО ГЛѢТЬ АМИНЬ:—

¹ створшіихъ. ² свободитъ. ³ нашъ. ⁴ людии. ⁵ нашъ. ⁶ алліи.

⁷ Эти два слова приписаны той же рукой на поль. ⁸ Въ 9/1086 заглавіе писано крупной киноварью.

ПѢ. Б. ІѠНАА.

Възрадоуиса ѿ веселиса домъ іаковль. (274) възвышати глѣсъ вашь похваллющи Ѡци наши на нѣси ѿ на земли. глѣомъ своимъ ѡтвори-
выи нѣса. ѿ дѣломъ своимъ всакъ што ѡ нѣ. срокъ ѿ мѣроу въззълъ
нмъ. што не переменити нхъ приказаніа. веселитиса ѿ радобатиса
вола творачиѿ ѿ гѣ нхъ правъ ѿ дѣла ѿ правн. прехваленъ ѿ пре-
ѡкрашенъ ѿ величнв глѣти всакын боіаціиса гѣ:—

ПѢ Г ДѢА.

Пѣснь вѣоу пойте ѡмъ. слава ѡго надъ твареніемъ¹ своѡмъ. днѣна
ѡтвѣа в рѣцѣ вжїи. чада їзрѣкы ѿзвѣли ѿзъ ѡгнѣта. ѿ црїи ѿ кнїи
ѡгипетскыа потопа в мори. пойте пѣснь вѣоу. ѡстроилъ миръ
межѡ² вышнїи. ѿ ѡнъ ѡчїинитъ миръ надъ нами ѿ надо вѣемн
їзрѣкыи. похвалитъ грозно нма ѡго глѣти ѡминь:—

(274) Пѣснь, д. мойсѣа пррѣа.

Понте дѣти їзрѣкы. зрите ѿ разоумѣнте помочи бжїа. пони-
зилъ роуцѣ³ амаанка. ѿ ѡтвердилъ рѣцѣ⁴ їзрѣкы. лице їзрѣкво в
тылоу амаанкова. вѣгословлѣ ѿ похваленъ ѿ преѡкрашенъ. възвышенъ
ѿ надъ вышнїи вышенъ, ѿ надъ хвалныи хваленъ. нма ѡго стѡ
глѣти ѡминь:—

Пѣснь. ѣ. дѢДА, пррѣа.

Пѣснь ѿ хваленіе. вѣгословленіе ѿ исповѣданіе. да не црѣемъ гѣ
жнвъ ѿ вѣчннн ѡ ѿзбавитъ людї своа Ѡ силы ѿ ѡтѣ работы. пре-
ѡкраситъ грѣ свои стѣи ѿ ѡрѣмъ ѿ ѡстроитъ почиваніе своѡ стѣю
стѣхъ меже херавїи и серафимъ. нма твоѡ и сила твоа ѿ дѣла
твоѡ⁵ похвала в вѣкы вѣкѡ ѡминь:—

(275) Пѣснь. ѡ. пррѣа мойсѣа.

Гѣ долготрѣпѣанв ѿ многомилостнв, не показни на въз гнѣвѣ
твоѡ, ѿ ѡмилосерднса вѣъ на лѡ⁶ твоа, посови ѿ намъ вь всакомъ
злѣ сѣгрѣшнн ѡме прѣ⁷ твоа вѣко. Ѡдай намъ какъ много ми-
лости твоѡа гѣ. посови намъ гѣ помощннкъ нашъ. чтї даа ѿмени
твоѡго. ѿзбави на ѿ с тимъ Ѡ нашї грѣховъ прѣ⁷ нменемъ твоѡ.
не сзхрани лица своѡго Ѡ насъ. зане мѣти великы ѡтворилъ свѣтѣъ.
похваленъ ты⁸ гѣ вѣъ вѣко в вѣкы вѣкѡ ѡминь:—

¹ твореніемъ. ² межн. ³ рѣцѣ (sic). ⁴ рѣци (sic; роуцѣ?). ⁵ твоа.
⁶ предъ. ⁷ передъ. ⁸ ты.

ПѢ. 3. ДѢА.

Слышавши мѣтвы ѡ црѣтѣ твоѣмь. всакыя жнебѣца придетъ поклонитиса прѣ тобою. коли поклонитса пастн лицемъ предъ чти и имени твоѣ. поклонитса (275¹) къ вѣѣ, въ красотѣ стѣин стѣ. въстрепещоутъ прѣ нимь вса земзла¹. възыманте гла² вась и възышнте² вѣ гѣ нашъ. да поклонитѣ пѣножю³ его стѣ ѡнъ. величай ты израѣ вѣа со мною и мы возвышимъ има⁴ его иъзъ едина въ вѣкы вѣкомь аминь:—

ПѢ. и. СОЛОМО.

Пойте колѣна іаковла. хвалите вѣа племена израѣевы возвыши⁵ вѣ гѣ нашъ. и поклонитиса къ горѣ стѣи⁶ его. стѣ ѡнъ вѣ нашъ. и стѣ ѡ вѣка до вѣка аминь:—

ПѢСНЬ, д. ДѢДОВА.

Звранитеса чада израѣвы. придѣте и похвалите вѣа къ⁷ вратомъ ѣ. исповѣдантеса въ дворѣ его иъз радости хваленіемь. исповѣдайтеса блгословите има⁸ его. зане ты гѣ вѣѣ не ѡиметьса (276) мѣти твоѣ и любви твоѣѣ зане ѡ вѣка естъ неподвижно, не поминан нашъ грѣхъ первы. и іако іъзъ пою пѣсни къ гоѣ вѣѣ моѣмъ. зане іа оѣмрыи а ты вѣчныи. а іъзъ роженъ⁹ а ты безначалны. добраа моя поносивши въ рѣцѣ свои на правыи свои соудъ. а престѣупленіе моѣ грѣхъ мой прѣ очима твоима. ты же ѡцѣ нашъ блгослови и помилуи. ѡпѣсти съгрѣшеніа наша тебе гѣ вѣѣ на похваленіе. аминь:—

(276¹) Мѣтию вѣію⁷. а здорѣемъ гѣра⁸ своего, великого кнѣз ивана васыѣвн всеіа рѣси. и блвеніемь⁹ и приказаніемь стѣго фланпа митропслнта всеіа рѣси. доко нчалъ іа дватцѣ кадиземь и дѣ пѣснь, псалтыри дѣдова прѣрка што привелъ ѡ еврѣи ска іъзыка на роѣскимъ іъзыкъ:—

¹ земли. ² возвышнте. ³ възышнтѣ. ⁴ стѣѣи (sic). ⁵ кѣ. ⁶ рѣ-жены. ⁷ вѣію. ⁸ Ѡпѣдара. ⁹ блгѣсловленіемь.

960.

нмкнмд - нмалахнмк. размно
 ууветтвовскны збери нпттнн.
 нгали нррвва нптрвкы - торындолн
 ны - дтъ нвоа, нвоттоа н самце
 нлднanzъсвзь нснабъ. стпачо
 тохвдннтъ нпрсавъде. нзпобъ
 рнтвомъ уае пь рано нпозоматтн
 тввса. икогбннпрсконквотъ
 нпрвсттн рфоттъ рдъкъ прстквко
 рн. выско соушнптво нсавшшсъ
 млтвкъ пшо ншо. нмлткъ алювн
 тввса : + слаа. плавъ. рдз.
 твбръ нпнмнмлтвбнмомъ. ошъ
 бпттнрхннмашво лндн ннвса
 павъ. гъбтъ пыевбтъ пз оушн
 рвпакъ нвбвбтъ пты пты. пты
 прпвбшь нзла дтъ шъ. бавко ре
 чрь - нмлтвбсво. заоловалъ
 стпачъ птвон. н слово птвос. дъ
 рвотъ н птвонъ ввхъ нн нпротвбъ

3. Псалтырь Оеодора оврая (л 260).

Млтпнрвжкво. азуроемьтн
 свбго. вранскво нв нвднн
 еднбвнввв рбън. нбавеннма
 нпрнквзннма н стго нмнп
 мнпротолоавн рдн. р. оо
 нмалъ н рдъкъ рдъкъ н н
 прбвсъ. псалтыри рдъкъ
 прррпъ штто пррмвнъ рдъкъ
 свавъкъ нмрвснн рдъкъ :

4. Постисловіе Оеодора оврая (л. 276 об.).

520.
 А нашоу, поставити в нѣмѣ
 и речеши и: **Умб. Аѳ. Аѳ. С.**
Гвѣтъ бубна въ санатал. амбви,
 своей же шимимне. и речеши
 пѣвъ бѣгальна. бѣгити речеши
 пѣвъ гакъ, ае кому речеши
 бѣгма. пѣтъ амбви речеши
 бѣг речеши же пѣвъ бѣгальна.
 и на сѣмъ спощу на ісѣбачи
 пѣ. и пособий в речеши умчѣишч + 1 +
Слѣа. Умб. Аѳа +
Прехвалити пѣвъ вѣкѣт пѣвъ
 машь. гѣмъ велии стѣвѣи на бѣсѣ
 и на релми. **Слѣа** и речеши
 бѣгальна въ гѣна. пѣвѣи хвалѣ.
 поущи хвалѣи и нѣмѣо владѣи,
 бѣсѣи величїи хвалѣ речеши
 сопѣи речеши и бѣвѣи пѣвъ
 бѣгальна вѣсѣа. бѣгѣтѣ пѣвъ
 велии речеши, гѣсѣа. **Гѣа**

сѣвѣа вѣрѣтѣи речеши
 хвалѣи нѣмѣ. и стѣвѣи пѣ
 хвалѣи сѣвѣи пѣи мѣтѣ,
Занѣ пѣвъ бѣгѣи нѣмѣ пѣвъ
 мѣи стѣвѣи мѣи нѣмѣ пѣвъ
 гѣа нѣмѣ вѣсѣи стѣвѣи
 а вѣгѣи, нѣпоминанѣи
 хвалѣи хвалѣи хвалѣи,
 а речеши пѣвѣи и речеши
 емѣ. **З**анѣ мѣмъ и речеши
 вѣгѣи. **А** нѣмѣ речеши
 бѣгальна, **А** бѣгальна
 нѣмѣи нѣмѣ речеши и нѣмѣ
 вѣи сѣвѣи сѣвѣи, **А** речеши пѣ
 нѣмѣи речеши хвалѣи речеши
 ма пѣвѣи мѣ, пѣвѣи сѣвѣи
 ма бѣгальна мѣи, **А** речеши
 стѣвѣи речеши нѣмѣи пѣвѣи

в писанъ пресе за аи ли

члмъ гомити се а ти пр при
 мдъ ш а блъбъ у а ль с і а
 мъ р а а с т и д а с і о р н и
 п а б е м о н д а П р и с т в б р е м а
 д х е н б і п о р т в и . С л а т о м п а
 і н н в . П р е с л у т в е н а е с и б е ч е ;
 с т и с т а р и м а з а п и в о м а з
 П л а с о с а і а і м з п р е з і а е м а с в
 а н р а м о м о у р і о т р е к р а с н и
 м о и р а м о . м е н е б о і а і о с т в о
 р е н а с и . і е в т ы і а і н з а т в о
 р е н о б ы с т е . о у ж ы м з б н e
 в и ж а r a і с і c ы a п и ц р a . о у
 ж ы м з н e с a б ы ш ю т a c a r a
 н т и л б e c a t o . о у ж ы м н б і p a
 ш н a м o y и б e з a n e n o m o y r i
 т и н e ш t o б e r и м e n e t o t и
 б o ш a a t o .

мипва в похетнама

в д а к e і a m z r r n o c o y ш н ы б і в б e
 п o p ч ы . о у с т р о и т л a b o t e c a s o
 r a b e t p o m e c o r a m a . c o k o
 б e л e n ы б и o y m a m и c t o r o .
 c o t b ы в и d a n и c e t b t o y n p a
 t o m a c m ы a . б о у в e a c o o y c a
 m a m . r o r a m a c t b d e z a m o
 r e n a r o m r o k a e o і c a . и ч і o
 в ы м и p e b e z m a m e n a d a o y c t b
 п и т c a . и з л a b n ы б e p e d a r e
 б a t ы m c a б o y a e m b , і e b і t a e
 б e л a b e r b л o y o п ш e n и y c и
 л o o y t b ы ш и t e л a r a i o c o y n
 c a . и v и e ш a і t и t c a y і e b n a
 и n и b a . c o r e m л і t и b a m p e
 c a n ы b a r a m b a b o c i . c a
 п р и t a m e m a z і c b і c a t b ы t b
 л e c t и . и п р e c e л и ш и ы b z e и
 a b e c i л o y b o y a o y c a t b b i a
 a m ы b .
 і a m o . c o y . і a r b . e o . п р e c i e
 і o x e i m a n i b o . c e і e ш e n o y e m e
 в т л a b e m e . і a m a c a . e r o c k i n z .
 c o c t a b e m e d a

III.

МАТЕРИАЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ МОСКОВІЮ

ЕРЕМЕЯ ГОРСЕЯ.

Переводъ съ англійскаго

ЮРІЯ ТОЛСТОГО.

МОСКВА.

Типографія Штаба Московскаго военнаго Округа.

Остоженка, Вселожскій пер., д. военнаго вѣдомства.

1907.

О личности Горсея, помимо его сочинений, имѣется очень мало свѣдѣній. Извѣстно, что онъ происходилъ изъ старинной фамиліи помѣстныхъ владѣльцевъ въ Дорсетширѣ, въ 1573 г. (см. введеніе къ англ. изданію его сочиненій, *The travels of sir Jerome Horsey*, London, Hakluyt Society, 1856 г.; у Толстого, въ его статьѣ. «Сказанія англичанина Горсея о Россіи», *Отечествен. Записки*, 1859 г. стоитъ 1572 г.); пріѣхалъ первый разъ въ Россію въ качествѣ прикащика Русскаго общества купцовъ, торгующихъ въ Московіи, пробылъ здѣсь 18 лѣтъ ведя, какъ видно изъ его записокъ чрезвычайно дѣятельный образъ жизни, и въ 1591 г. окончательно вернулся въ Англію. Годъ его смерти точно не извѣстенъ, но повидимому онъ, былъ еще живъ въ 1626 г. Нѣкоторыя подробности, какъ о его жизни, такъ и о судьбѣ его сочиненій можно найти въ вышеупомянутыхъ статьяхъ.

Горсей оставилъ слѣдующія сочиненія:

- 1) Разсказъ или повѣствованіе о путешествіяхъ, должностяхъ, службахъ и переговорахъ сэра Еремѣя Горсея (1572—1591).
- 2) Торжественное и великолѣпное вѣнчаніе Федора Ивановича, царя російскаго и т. д. (1585).
- 3) Второе и третье посольство г. Еремѣя Горсея и т. д. (1585 и 1589 г.).

Юрій Толстой, спеціально занимавшійся исторіей сношеній Россіи съ Англіей и издавшій два капитальныхъ труда въ этой области („Россія и Англія въ XVI в“ и „Памятники дипломатич. сношеній Московскаго государства съ Англіей (1581—1604 гг.)“,—перевелъ и издаваемые нынѣ сочиненія Горсея (начало перевода помѣщено было въ I книгѣ Чтеній общества за 1877 г). Въ своемъ переводѣ Толстой до стр. 46 строго придерживается текста „Путешествій“, но, начиная съ этой страницы, онъ уже комбинируетъ всѣ три сочиненія, пользуясь наиболѣе подробнымъ текстомъ, менѣе же подробный помѣщаетъ въ примѣчаніяхъ (см. стр. 53), при чемъ дѣлаетъ эти выписки такъ тщательно, что если напр. соединить всѣ мѣста взятые изъ „Вѣнчанія“ и помѣченныя буквою В, то мы получимъ эту статью безъ пропусковъ, въ томъ видѣ какъ она напечатана въ приложеніяхъ къ англійскому изданію „Путешествій“, кромѣ поставленной въ концѣ ея и опущенной грамоты царя Федора Ивановича 1586 г. (февр. 1587 г.). Тоже можно сказать и о другой статьѣ „Посольствахъ“, гдѣ выпущены только: царскій наказъ, письмо боярина-покровителя, присланное мнѣ съ Францискомъ Черри, мой

отвѣтъ на письмо боярина и письмо посланное королевой съ Еремѣемъ Горсеемъ его величеству русскому царю, 1589 г. Къ англ. изданію „Путешествій“ приложены кромѣ того „жалоба Русскаго общества на Еремѣя Горсея“ и „бумаги относящіяся къ посольству Горсея въ Росію въ 1590—1591 гг.“; тамъ же во введеніи приведена грамота царя Ѳедора Ивановича королевѣ Елизаветѣ о привилегіяхъ англійскихъ купцовъ съ жалобами на Горсея, выраженіемъ неудовольствія по поводу сокращенія титула, употребленія малой печати и недружелюбнаго слога въ грамотахъ королевы. Надо еще замѣтить, что всѣ примѣчанія, поставленныя въ ковычкахъ, у Горсея стоятъ въ текстѣ.

Въ 1877 г. напечатаны были первыя 30 страницъ перевода сочиненій Горсея. Въ рукописи перевода, хранящейся въ библіотекѣ Импер. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ подъ № 550 и писанной самимъ Ю. Толстымъ, оказалось продолженіе этого перевода; между уже напечатаннымъ и рукописью недоставало только 2½ страницъ, которыя переведены были А. А. С—вой (стр. 31, 32 и 33 кончая словами: „на память имъ и ихъ потомству. Когда я пріѣхалъ въ Гамбургъ...“). При изданіи переводъ Ю. Толстого былъ еще разъ провѣренъ А. А. С—вой по изданію „Horsey's Travels. Hakluyt Society“, 1856 г. и въ сомнительныхъ случаяхъ были сдѣланы ею же соотвѣтствующія замѣчанія, которыя всѣ обозначены буквами А. С. (Примѣчанія Толстого—Ю. Т.).

черью Федора Ивановича Годунова. Затѣмъ послѣ торжественныхъ и великихъ празднествъ и пиршествъ царь отпустилъ всѣхъ сихъ бояръ и духовенство уже болѣе милостиво, напутствуя ихъ добрымъ словомъ, что истолковано было всѣми, какъ знакъ царскаго прощенія и взаимнаго примиренія:

Когда царскіе грамоты и наказъ были изготовлены, то онъ самъ (царь?) и думный дьякъ, Савелій Фроловъ, спрятали ихъ въ двойномъ днѣ деревянной баклажки съ водкой, цѣною не болѣе 3 пенсовъ, ее надлежало мнѣ скрыть подъ гривую моей лошади; выдали мнѣ также 400 венгерскихъ червонцевъ, я зашилъ ихъ въ сапоги и старое платье.— „Тебѣ придется проѣзжать черезъ земли моихъ недруговъ“, сказалъ мнѣ царь; „ты можешь попасться въ ихъ руки, и отъ тебя могутъ испытать то, что я желаю оставить скрытымъ. Поэтому я не сообщилъ тебѣ нѣкоторыхъ моихъ наказовъ: они спрятаны въ двойномъ днѣ баклажки съ водкой. Когда ты приѣдешь въ безопасное мѣсто, можешь ее вскрыть и узнаешь, что долженъ говорить моей любезной сестрѣ Елизаветѣ. Оставайся вѣренъ и преданъ мнѣ и будешь награжденъ моею милостію и пожалованъ мною“. Я палъ ницъ, положилъ голову на его ногу и съ тяжелой грустью на сердцѣ представилъ себѣ очевидныя и неизбѣжныя опасности, которымъ подвергался.

Путешествуя въ саняхъ, я проѣхалъ въ первую же ночь 60 миль и прибылъ со своими 20 слугами и приставленнымъ ко мнѣ знатнымъ дворяниномъ въ Тверь, гдѣ насъ ожидали свѣжія лошади и свѣстные припасы; такимъ же образомъ ѣхали мы далѣе до Новгорода, Пскова и Нейгаузена; сдѣлавъ 600 м. въ 3 дни. На границѣ Лифляндіи мой дворянинъ и мои слуги откланялись мнѣ, при чемъ попросили дать имъ какое-либо доказательство того, что они благополучно проводили меня до нея; я приказалъ имъ скорѣе ѣхать домой, ибо опасался, что непріятель, окружавшій насъ, могъ захватить ихъ и тѣмъ помѣшать мнѣ успѣшно выполнить возложенное на меня порученіе.

Меня же часовой отвелъ къ штатгальтеру или начальнику замка. Сей послѣдній съ помощникомъ своимъ строго допросили и тщательно обыскали меня; они не могли не подозрѣвать меня, ибо я прибылъ изъ страны ихъ недруга. Я сказалъ, что я радъ, что попалъ къ нимъ въ руки изъ долины плача—Московской земли и предложилъ имъ небольшой выкупъ. Посовѣтовавшись другъ съ другомъ, они смилостивились надо мной и на третій день дали мнѣ проводника, и позволили продолжать мой путь.

При прощаніи моя стража и мои прислужники ждали, что я награжу ихъ, но состояніе моего кошелька не соответствовало моей готовности исполнить ихъ желаніе, и я попросилъ ихъ извинить меня. Черезъ три дня опаснаго проѣзда по сушѣ и замерзшимъ озерамъ и проливу я прибылъ на Эзель въ Лифляндію (?), обширный и пространный островъ Датскаго короля. Здѣсь меня снова задержали нахалы солдаты, они обходились со мной очень грубо, и отвели въ Соден-бургъ, а оттуда

въ Аренбургъ, главный городъ и замокъ той области; привели и передали начальнику онаго, большому, пожилому, суровому челоуѣку. Въ ожиданіи допроса меня зорко стерегли, какъ захваченнаго лазутчика; въ помѣщеніи моемъ змѣи (snakes) ползали по столу и по моей кровати, куры и другія домашныя птицы клевали ихъ на полу и въ молочныхъ горшкахъ; такова была грязь; странно мнѣ было видѣть это, однако же я мало обращалъ на то вниманія, ибо страшился того, что со мною будетъ. Наконецъ пришло время, и меня вызвали къ правителю, весьма важному вельможѣ, бывшему въ большой милости у короля и всѣмъ управлявшему. Солдаты стояли вокругъ него съ мечами и алебардами (бердышами), онъ самъ допросилъ меня; вопросы были многочисленны. Правда я былъ подданнымъ королевы Англійской, находившейся въ мирѣ и дружбѣ со всѣми христіанскими государями, особливо же съ его величествомъ, королемъ Датскимъ, но обстоятельство сіе не могло помочь мнѣ: мы прежде всего были союзниками Московита противъ всего христіанства. На вопросъ его о моемъ имени и званіи, я заранѣе придумалъ ему отвѣтъ. Снова отгнали меня подъ стражу и отвели въ прежнее помѣщеніе.

Тогда, отпустивъ свою многочисленную свиту, правитель прислалъ за мной своего сына, истинно благовоспитаннаго дворянина, и, держа въ рукѣ какое-то письмо, снова спросилъ, какъ меня зовутъ. Я сказалъ: „я получилъ нѣсколько писемъ отъ моихъ друзей и одно недавно отъ моей дочери, находящейся, какъ и они, въ плѣну у Московскаго царя. Она пишетъ, что одинъ англичанинъ, онъ носить одинаковое съ Вами имя и ведетъ при томъ дворѣ переговоры отъ имени королевы Англійской, высказалъ ей истинно христіанское участіе и оказалъ много услугъ“. „Не зовутъ ли Вашу дочь Мадаленой фон-Иксуль?“ „Такъ именно, сэръ“, отвѣчаетъ онъ.—„Я тотъ, о комъ она пишетъ. Я хорошо знаю ее; десять дней тому назадъ она была здорова“.—„О, сэръ, вѣдь это моя дорогая, любезная дочь. Я еще не могъ выкупить ее, хотя его величество, король Датскій, и писалъ уже о ней“. И онъ съ плачемъ обнялъ меня, а за нимъ и сынъ его. „Ангелы Божіи привели васъ ко мнѣ, хотя положеніе ваше здѣсь и не лучше ея, дабы я могъ воздать Вамъ благодарностью и услугами за то доброжелательство и участіе, которые вы выказывали ко мнѣ и моимъ близкимъ. Вѣсть о вашихъ заслугахъ и вашей добротѣ дошла и до нашего острова, располагайте же всѣмъ, что есть на немъ“. Повидимому, онъ былъ весьма обрадованъ нашей встрѣчей, я же, не менѣе его, радовался своей удачѣ. Онъ велѣлъ перевести меня въ удобное помѣщеніе, сынъ же его на слѣдующій день показалъ мнѣ его конюшни, вооруженіе, боевые припасы и книгохранилище. Онъ также созвалъ своихъ друзей и угощалъ меня, подарилъ хорошіе нѣмецкіе часы и затѣмъ послѣ разнаго рода празднествъ снабдилъ меня на дорогу письмами и охранными листами и велѣлъ своему сыну и своимъ слугамъ проводить меня до безопаснаго мѣста; отпуская же меня, со слезами молилъ не оставлять его дочери.

Я спѣшно продолжалъ мой путь дальше. Вскорѣ повстрѣчался мнѣ одинъ знакомый домхеръ, значительное лицо въ Лифляндія; онъ узналъ меня, хотя и дивился, видя мое такое жалкое положеніе; онъ открылъ людямъ, сопровождавшимъ его, мое званіе. Сіе послѣднее могло повредить мнѣ, особенно же опасался я за мою баклажку съ водкой, которую днемъ я подвязывалъ подъ свой кафтанъ, а ночью клалъ подъ изголовье. Благополучно избѣжавъ, какъ мнѣ думалось, всѣ опасности, я прибылъ въ Пильтень, гдѣ засталъ короля Магнуса, о которомъ Вы уже раньше слышали. Онъ грубо обошелся со мной, по той причинѣ, что я не могъ пить безъ мѣры. Приданое, взятое имъ за племянницей царя, какъ-то: города, замки, лошади, драгоценные камни, сосуды и блюда, деньги, онъ растратилъ и роздалъ своимъ приспѣшникамъ и пріемнымъ дочерямъ; вскорѣ послѣ того онъ умеръ плачевной смертью, оставивъ жену и единственную дочь въ большой бѣдности.

Оттуда черезъ Курляндію, Пруссію, Кенигсбергъ, Эльбингъ, Данцигъ въ Польшѣ, Померанію и Мекленбургъ я прибылъ въ имперскій городъ Любекъ, гдѣ меня знали и оказали мнѣ чрезвычайно радушный и почетный пріемъ. Къ тому времени положеніе мое улучшилось, у меня уже было 4—5 слугъ изъ англичанъ и нѣмцевъ, нанятыхъ мною въ Эльбингъ и Данцигъ. Бургомистръ и сановники города прислали мнѣ въ подарокъ рыбу, мясо и вина разныхъ сортовъ, при чемъ ихъ чиновникъ произнесъ длинное привѣтствіе съ перечнемъ всѣхъ услугъ, оказанныхъ мною имъ и ихъ близкимъ. На слѣдующій же день нѣкоторые изъ значительныхъ купцовъ и ихъ друзей ¹⁾ пришли ко мнѣ, дабы выразить мнѣ ихъ благодарность и признательность и поднесли прекрасный серебряный вызолоченный кубокъ съ крышкою, наполненный рейхсталерами и червонцами. Я поблагодарилъ за кубокъ, но золото и серебро высыпалъ и отдалъ назадъ, выказавъ этимъ болѣе щедрости, чѣмъ рассудительности. Они принесли ко мнѣ ихъ городскую книгу и просили меня вписать въ нее мое имя, мѣсто рожденія и пребыванія на память имъ и ихъ потомству.

Когда я пріѣхалъ въ Гамбургъ, разстояніемъ всего въ десяти миляхъ отъ Любека, Гамбургскіе жители уже знали о томъ, какъ я былъ принятъ въ Любекѣ, и тѣ, которые также были освобождены мною изъ (Московскаго) плѣна, пришли меня благодарить и засвидѣтельствовать мнѣ свое дружеское воспоминаніе. Бургомистръ и совѣтники (ратсхеры) праздновали мой пріѣздъ.—Прошу меня извинить если, излагая личныя мои воспоминанія, я отдалился отъ предмета моего разсужденія, съ которымъ впрочемъ они имѣютъ нѣкоторую связь.

Пріѣхавъ изъ Гамбурга въ Англію я открылъ свою баклагу, вынулъ изъ нея письма и наказъ царя и сколько могъ надушилъ ихъ; не смотря на то, когда я вручилъ ихъ королевѣ, ея величество замѣтила

¹⁾ „Которымъ я помогъ выкупиться изъ московскаго плѣна, нежалѣя хлопотъ и кошелька“.

запахъ водки; я объяснилъ причину этого къ большому удовольствію ея величества. Я имѣлъ три или четыре отдѣльные аудіенціи и говорилъ съ нею; чѣмъ особенно обязанъ посредству лорда казначея ¹⁾ и сэра Франциска Уэльшингема ²⁾, а также милостивому покровительству лорда Лестера ³⁾, главнѣйше же дружбѣ и покровительству сэра Эдуарда Горсея ⁴⁾, моего искренняго, благороднаго и добраго друга и родственника. Общество торгующихъ съ Московіей сдѣлало мнѣ хорошій приемъ и подарки; но, по приказанію ея величества я долженъ былъ сообщить его членамъ только то, что царь написалъ въ своемъ наказѣ, а ни подъ какимъ видомъ не давать имъ знать о прочихъ тайныхъ порученіяхъ. При отпускѣ меня ея величество приказала зачислить меня въ число своихъ тѣлохранителей ⁵⁾, пожаловала мнѣ свой портретъ, и допустила къ своей рукѣ.

Я выѣхалъ изъ Англии въ сопровожденіи 13 большихъ кораблей. Близъ Сѣвернаго мыса (Нордкапа) я встрѣтился съ кораблями Датскаго короля, вступилъ съ ними въ бой и разбилъ ихъ. Приѣхавъ въ пристань св. Николая, я отправился черезъ Вагу въ Александровскую слободу, гдѣ вручилъ царю письма королевы и сообщилъ ему тайное ея порученіе. Царь похвалилъ меня за поспѣшность и за исполненіе его порученія; далъ мнѣ свое жалованье и обѣщаль наградить меня своею большою милостью по приѣздѣ въ Москву. Взялъ туда въ свою казну всѣ (привезенныя мною) товары: мѣдь, свинець, порохъ, селитру, сѣру и друг., всего цѣною на 9000 фунтовъ (стерлинговъ) и заплатилъ за нихъ чистыми деньгами.

Его величество переѣхалъ въ Москву, объявилъ свою опалу нѣсколькимъ тамошнимъ боярамъ и начальникамъ. Онъ послалъ одного изъ своихъ угодниковъ съ 200 пищальниками обобратъ ближайшаго нашего сосѣда Никиту Романовича (Юрьева), брата доброй царицы Настасьи, первой супруги царя. У него отняли все его оружіе, всѣхъ лошадей, всѣ блюда и все имущество, цѣною на 40 тысячъ рублей; онъ былъ лишенъ своихъ помѣстій и оставленъ въ такой бѣдности и въ такомъ недостаткѣ, что принужденъ былъ на другой день послать въ Англійскую контору просить вспомошествованія и грубой бумажной ткани на платье себѣ и своимъ дѣтямъ. Другое орудіе зла—Семена Нагого царь послалъ ограбить нѣкоего Андрея Щелкалова, важнаго чиновника и большого взяточника, который прогналъ отъ себя свою молодую прекрасную жену, развелся съ нею, изрѣзалъ и изрубилъ ея обнаженную

¹⁾ Sir William Cecil, lord Burleigh.

²⁾ Sir Francis Walsingham, Государственный секретарь и членъ тайнаго Совѣта.

³⁾ Robert Dudley, lord of Denbigh, earl of Leicester, master of the horse and knight of the Garter.

⁴⁾ Дядя сочинителя (родной братъ его отца) и губернаторъ острова Уайта. Ю. Т.

⁵⁾ Съ этою должностію были сопряжены титулъ *кавалера* и званіе *сэръ* передъ именемъ. Ю. Т.

шею (back, спину?) своимъ мечомъ. Нагой убилъ его вѣрнаго слугу Ивана Латыша (Lothsh?) и истязаніями вынудилъ Андрея Шелкалова заплатить пять тысячъ рублей деньгами ¹⁾. Въ это же время царь разгнѣвался на приведенныхъ изъ Нарвы и Дерпта Нѣмецкихъ или Ливонскихъ купцовъ и почетныхъ дворянъ, которыхъ онъ поселилъ подъ Москвою съ ихъ женами, дѣтьми и семействами и которымъ позволилъ имѣть тамъ свою церковь и исповѣдывать свою вѣру. Онъ ночью послалъ тысячу пищальниковъ предать ихъ (слободу) грабежу и расхищенію; съ нихъ сорвали одежды, неистово растлили и обезчестили всѣхъ женщинъ, старыхъ и молодыхъ безъ разбора и увлекли съ собою самыхъ юныхъ и красивыхъ дѣвъ на удовлетвореніе преступныхъ похотей. Нѣкоторые (изъ этихъ Ливонцевъ) спаслись (бѣгствомъ) и пришли въ Англійскую контору, гдѣ, съ опасеніемъ гнѣва (царскаго), ихъ одѣли, дали имъ убѣжище и вспоможеніе. Богу не угодно было оставить эти неистовства и жестокости безъ наказанія. Вскорѣ потомъ царь разсвирѣпѣлъ на своего старшаго сына царевича Ивана, который оказалъ нѣкоторое состраданіе къ этимъ бѣднымъ злополучнымъ христіанамъ и безъ царскаго дозволенія велѣлъ одному чиновнику дать пропускъ на 5 или на 6 ямскихъ лошадей какому то дворянину, посланному по его дѣлу. Кромѣ того царь думалъ имѣть другія причины негодовать на царевича за его вліяніе и за слишкомъ хорошее о немъ мнѣніе народа. Въ (порывѣ) ярости онъ кинулъ въ него свой заостренный жезлъ ²⁾; царевичъ не выдержалъ удара; заболѣлъ горячкою и умеръ черезъ три дня. Царь въ изступленіи рвалъ себѣ волосы и бороду, плача и скорбя о потери сына. Но главную потерю понесло государство, которое утратило надежду своего утѣшенія, лишившись умнаго, тихаго и достойнаго царевича, соединявшаго съ геройскимъ духомъ красивую наружность, имѣвшаго 23 года отъ роду, любимаго и оплаканнаго всѣми. Его похоронили въ церкви св. Михаила Архангела, вмѣстѣ съ его тѣломъ въ его могилу положили на 50 тысячъ фунтовъ (стерлинговъ) драгоценныхъ украшеній, камней и жемчуговъ, которые были принесены въ даръ Св. Іоанну и Михаилу Архангелу. Каждую ночь смѣна двѣнадцати гражданъ охраняла его тѣло и эти сокровища.

Царь болѣе чѣмъ когда нибудь заботился объ отправленіи въ Англію (посольства) для переговоровъ о давно задуманномъ бракѣ. Онъ поручилъ нѣкому Оедору Писемскому, благородному, важному, умному и довѣренному дворянину совѣщаться съ королевой и просить у нея (руки) леди Маріи Гастингсъ, дочери благороднаго лорда Генриха Гастингса, графа Гунтингдонскаго, о которой царю было говорено какъ о родственницѣ королевини и какъ объ отрасли королевскаго дома ³⁾;

¹⁾ „Выколотивъ у него изъ берцовъ 5000 руб.“

²⁾ Это позднѣйшая приписка Герсея: въ подлинникѣ было сперва: „далъ ему затрепну въ ухо“.

³⁾ Генрихъ Гастингсъ былъ *братомъ*, а не *отцомъ* Маріи Гастингсъ. Онъ, Марія и старшая ихъ сестра Анна были рождены отъ брака Франциска Гас-

а также просить ея величество прислать къ царю какого нибудь знатнаго посланника, чтобы договориться объ этомъ дѣлѣ. Писемскій отправился въ путь; сѣлъ на корабль въ пристани Св. Николая; пріѣхаль въ Англію, гдѣ былъ великолѣпно принятъ, имѣлъ аудіенію у королевы и представилъ свои вѣрительныя грамоты. Королева приказала леди Маріи Гастингсъ прибыть на смотръ посла въ садъ Іорскаго дворца ¹⁾; въ сопровожденіи назначеннаго числа разныхъ знатныхъ барынь и дѣвицъ своего двора и молодыхъ дворянъ Марія Гастингсъ явилась съ величественнымъ видомъ. Посланникъ, въ сопровожденіи многихъ дворянъ и другихъ лицъ, былъ приведенъ предъ нее; опустилъ глаза въ землю, палъ ницъ къ ея ногамъ, всталъ, отбѣжалъ назадъ, не спуская съ нея глазъ, что очень удивило ее и всѣхъ присутствовавшихъ. Потомъ онъ сказалъ черезъ толмача, что онъ довольно насмотрѣлся на ангела, котораго надѣется видѣть супругою своего государя, хвалилъ ея ангельскую наружность, ея величественность и изумительную красоту. Въ послѣдствіи приближенные друзья Маріи Гастингсъ звали ее при дворѣ императрицей Московской. Въ посланники ея величества къ царю былъ выбранъ сэръ Уильямъ Россель (sir William Russel), третій сынъ графа Бедфордскаго, благородный, умный и красивый дворянинъ. Но по здравомъ обсужденіи, онъ и его почтенные друзья отклонили это назначеніе, которое такимъ образомъ досталось другому.—Тогда общество купцовъ испросило это порученіе сэру Еремѣю Баусу (sir Jerome Bowes), который былъ очень хорошо снаряженъ почти совершенно на счетъ общества; въ послѣдствіи оно раскаялось въ этомъ поступкѣ, ибо сэръ Еремѣй Баусъ не имѣлъ другихъ качествъ кромѣ своей наружности и своихъ пріемовъ.

Оба посланника, королевинъ и царскій, получивъ отпускъ и письма, были отправлены ея величествомъ на хорошихъ корабляхъ и прибыли въ Россію въ пристань Св. Николая. Русскій посланникъ поѣхаль сухимъ путемъ и вручилъ свои письма и отчетъ о своемъ посольствѣ царю, который принялъ ихъ съ радостію. Сэръ Еремѣй Баусъ на судахъ купческаго общества медленно плылъ тысячу миль по рѣкѣ Двинѣ вверхъ до Вологды. Царь послалъ къ нему на встрѣчу чиновника

тингса (Francis Hastings, second earl of Huntingdon) и Катерины Поль (Catherine Pole) правнуки герцога Кларенскаго (George Plantagenet, duke of Clarence) брата Эдуарда 4 и Ричарда 3, который былъ утопленъ въ бочкѣ вина. Слѣд. родство Маріи Гастингсъ съ королевскимъ домомъ Іорской линіи было отдалено четырьмя степенями, свойство же съ королевой Елизаветой ограничивалось тѣмъ, что ея дѣдъ по матери (Henry Pole, baron of Montacute) былъ троюроднымъ братомъ отца Елизаветы, Генрика 8. Ю. Т.

¹⁾ Дворецъ этотъ (York House) въ Лондонѣ, на берегу Темзы; принадлежалъ знаменитому кардиналу Іоркскому Уольсею (Wolsey), почему и назывался Іоркскимъ; названіе это сохранилъ онъ и послѣ паденія знаменитаго министра, находясь во владѣніи Генрика 8-го и его дочерей Маріи и Елизаветы. Намѣстѣ этого дворца Яковъ 1-й построилъ Уэйтголь (Whitehall), извѣстное пребываніе Стюартовъ, мѣсто казни Карла 1-го. Ю. Т.

Михаила Протопопова ¹⁾ съ большою свитою, чтобы приготовить по его пути съѣстные припасы, подводы и лошадей для него самого, для его поклажи и для его спутниковъ. Въ Ярославлѣ (Бауса) встрѣтилъ другой чиновникъ царской конюшни; (присланный) къ нему съ двумя кобылами иноходцами, изъ которыхъ одна была назначена ему подъ верхъ на случай, если бы онъ хотѣлъ на ней ѣхать. Въ Москвѣ помѣстилъ его въ своею домѣ одинъ изъ сановниковъ (a duke) князь Иванъ Сицкій, который выѣхалъ къ нему на встрѣчу съ 300 хорошо снаряженными конниками. Царскій дьякъ, Савелій Фроловъ, былъ присланъ къ сэру Еремѣю Баусу съ многими мясными яствами для его ужина и съ обѣщаніемъ, что ему будетъ хорошее содержаніе. На другой день царь прислалъ дворянина Игнатя Татищева навѣстить Бауса, спросить его, какъ онъ въ своемъ здоровьѣ, не нуждается ли въ чемъ либо, и сказать, что царь нетерпѣливо желаетъ его видѣть и что если онъ не слишкомъ усталъ съ дороги, то, отдохнувъ два дня, будетъ принять въ слѣдующую субботу.—Баусъ отвѣчалъ, что онъ надѣется быть въ состояніи представиться его величеству.

Въ назначенный день, въ 9 часовъ улицы были полны народа и тысяча стрѣльцовъ, одѣтыхъ въ красныя, желтыя и синія платья, съ блестящими самопалами и пищалями въ рукахъ, были выстроены въ ряды своими начальниками, которые были верхами, отъ воротъ посольскаго дома до царскаго дворца. Князь Иванъ Сицкій въ богатомъ нарядѣ верхомъ на богато убранной красивой лошади выѣхалъ въ сопровожденіи 300 дворянъ верхами, также богато одѣтыхъ; передъ нимъ вели красиваго мерина въ хорошей сбруѣ. Князь послалъ звать посланника и пригласилъ его сѣсть верхомъ на мерина; но посланникъ не довольный тѣмъ, что назначенная ему лошадь была хуже лошади подъ княземъ, отправился пѣшкомъ къ царскому дворцу ²⁾, въ сопровожденіи своихъ 30 слугъ, одѣтыхъ въ хорошо сшитую стаметовую ливрею; каждый изъ этихъ слугъ несъ одинъ изъ подарковъ, состоявшихъ большею частію изъ блюдъ. У дворца посланника встрѣтилъ другой сановникъ, который сказалъ ему, что царь ждетъ его; Баусъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ итти скорѣе.—Дорогой народъ, угадывая отчасти его порученіе, которое было вообще всѣмъ непріятно, кричалъ ему въ насмѣшку: „карликъ ³⁾“! Переходы, крыльцо и комнаты, чрезъ которые провели Бауса были наполнены купцами и дворянами въ золотыхъ кафтанахъ. Въ комнату, въ которой сидѣлъ царь, вошла передъ Баусомъ его прислуга съ подарками, которые были поставлены въ сторону. Царь сидѣлъ

¹⁾ Михайлъ Протопоповъ, въ 1591 г. ѣздилъ отъ царя Федора Ивановича гонцомъ въ Крымъ къ хану Казы-гирею.—Ю. Т.

²⁾ „mounted one his own foate cloth“.

³⁾ „Carlike... which is craines laeggs“ „карликъ т. е. журавлиныя ноги“. Горсей очевидно плохо понималъ по русски. Изъ имѣющагося у меня портрета Бауса во весь ростъ видно, что онъ сухопаростью и поразительно длинными ногами дѣйствительно похожъ былъ на журавля и что его могли только въ насмѣшку назвать карликомъ.—Ю. Т.

въ полномъ величіи, богато одѣтый, имѣя предъ собой свои три короны; по сторонамъ его (стояли) четыре молодые дворянина, называемые *рындами* въ блестящихъ (одеждахъ) серебряной парчи, съ четырьмя скипетрами или свѣтлыми серебряными топориками; царевичъ, бояре и прочіе знатнѣйшіе сановники сидѣли кругомъ. Царь привсталъ, посланникъ сдѣлалъ свои поклоны, сказалъ свою рѣчь и вручилъ письма королевы. Принимая ихъ, царь снялъ свою царскую шапку, спросилъ о здоровьѣ своей сестры, королевы Елизаветы. Отвѣтивъ, посланникъ сѣлъ въ сторонѣ отъ царя на скамьѣ, покрытой ковромъ. Черезъ нѣсколько времени молчанія и обоюднаго осмотра, онъ былъ отпущенъ тѣмъ же порядкомъ, какъ пришѣлъ. Вслѣдъ затѣмъ, къ нему были присланы съ царскаго стола 200 мясныхъ блюдъ съ знатнымъ чиновникомъ, который, сдавъ ихъ и получивъ за то награжденіе, оставилъ сэра Еремѣя Бауса за обѣдомъ.

Если бы я продолжалъ столь же пространно описывать остальной ходъ этого дѣла, которое не скоро кончилось, я употребилъ бы на это много времени. Было нѣсколько тайныхъ и нѣсколько торжественныхъ посѣщеній (царя посланникомъ) и совѣщаній (между ними). Царь давалъ праздники, ежедневно присылалъ (Баусу) большое количество разныхъ припасовъ, удовлетворялъ всѣ его просьбы, и несмотря на то Баусъ ничѣмъ не былъ доволенъ. Счеты царскихъ чиновниковъ и торговаго общества были рѣшены къ обоюдному удовольствію; всѣ жалобы купцовъ были удовлетворены, всѣ ихъ привилегіи и прочія дѣла утверждены, и царь рѣшилъ отправить отъ себя чиновника посланникомъ къ королевѣ. Если бы сэръ Еремѣй Баусъ зналъ мѣру (въ своихъ требованіяхъ) и умѣлъ пользоваться временемъ, царь, пламенно желавшій исполнить свое намѣреніе, согласился бы на всякое предложеніе; даже, въ случаѣ брака съ родственницею королевы, былъ бы готовъ утвердить вѣнецъ за ея потомствомъ. Царевичъ и бояре, въ особенности же семейство Годуновыхъ, ближайшихъ родственниковъ царевичевой жены, тайными путями свѣдавъ объ этомъ, весьма грустили и обижались, и придумывали средства разстроить эти намѣренія и помѣшать ихъ исполненію. Царь въ ярости, не зная на что рѣшиться, приказалъ немедленно послать за нѣсколькими чародѣйками на сѣверъ, гдѣ ихъ множество между Холмогорами и Лапландіей. Шестьдесятъ колдуній были послѣшно привезены въ Москву ¹⁾, гдѣ ихъ помѣстили подъ стражу; ихъ ежедневно посѣщалъ и совѣщался съ ними любимецъ царскій Богданъ Бѣльскій; ему одному царь довѣрялъ отбирать отъ нихъ и переносить ему ихъ волхвованія или предсказанія о тѣхъ предметахъ, о

¹⁾ Въ (15)85 году надъ городомъ Москвой каждую ночь, 7 недѣль сряду, были видимы великая блестящая звѣзда и другія небесныя явленія. Въ этотъ самый годъ умерли: король Севастьянъ и два короля Фецскій и Марокскій, Португальскій и Варварійскій и этотъ великій царь.

которыхъ ихъ спрашивалъ ¹⁾. Чародѣйки сказали, что, по вѣрнымъ признакамъ созвѣздій, сильнѣйшія планеты небесныя враждебны царю и предвѣщаютъ его кончину въ такой то день. но Бѣльскій не посмѣлъ передать этого предсказанія; когда же царь о томъ извѣстился, то онъ всталъ въ бѣшенство и сказалъ колдуньямъ, что въ этотъ день онѣ навѣрное будутъ сожжены. У царя началась страшная болѣзнь, которая произошла отъ 50 лѣтъ, проведенныхъ имъ въ преступномъ любо-страстіи ²⁾.

Его носили каждый день въ его сокровищницу. Однажды государь сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы я слѣдовалъ за нимъ. Я сталъ между другими и слышалъ, какъ онъ спросилъ нѣсколько драгоценныхъ камней и объяснялъ свойство cadaго изъ нихъ стоявшимъ около него царевичу и боярамъ. Я запомнилъ этотъ разговоръ и прошу позволенія не долго оставить мой предметъ и записать его рѣчи собственно для моей памяти.

„Всѣ вы знаете великое и сокровенное свойство магнита: безъ него нельзя плавать по морямъ, окружающимъ свѣтъ, ни узнавать границы и предѣлы земли. Стальной гробъ Персидскаго пророка Магомета чудеснымъ образомъ виситъ (на магнитѣ) въ Дербентской мечети“.— Онъ приказалъ слугамъ принести булавокъ и, когда ихъ тронули магнитомъ, онѣ повисли одна къ другой и составили цѣпь.—„Вы видите этотъ прекрасный кораллъ и эту прекрасную бирюзу: возьмите ихъ къ себѣ на руку; вы видите какъ ярокъ ихъ природный цвѣтъ; положите ихъ теперь ко мнѣ на руку.—Я зараженъ болѣзнью; смотрите же какъ ихъ цвѣтъ изъ яркаго сдѣлался блѣднымъ... Это предвѣщаетъ мою смерть.—Принесите мой царскій жезлъ: это рогъ единорога, оправленный весьма красивыми алмазами, рубинами, сапфирами, изумрудами и другими драгоценными камнями, большой цѣны.—Этотъ жезлъ стоилъ 70 тысячъ марокъ стерлинговъ; я досталъ его отъ Аугсбургскихъ купцовъ черезъ Давида Гоуера.—Достаньте мнѣ пауковъ“.—Онъ приказалъ своему врачу Ивану Лофу (Iohannes Sloff) очертить жезломъ кругъ на столѣ; всѣ впущенные въ этотъ кругъ пауки одинъ за другимъ издыхали, тѣ-же, которые были внѣ круга, немедленно бѣжали отъ него прочь.—„Слишкомъ поздно этому жезлу спасти меня.—Смотрите на эти драгоценные камни. Вотъ алмазь, который по своему блеску дороже и цѣннѣе всѣхъ прочихъ; я никогда его не любилъ, онъ укрощаетъ ярость и сластолюбіе и (даетъ) воздержаніе и цѣломудріе; малѣйшая частица его, истолченная въ порошокъ и данная въ питьѣ, отравитъ лошадь, а тѣмъ

¹⁾ „Этотъ любимецъ утомленный дьявольскими дѣянiями тиранства, ужасными злодѣйствами и злыми замыслами новаго Геліогобла, негодовалъ на царя, котораго вся забота была польсаваться оборотами солнечнаго восхожденiя“.

²⁾ „У царя начали страшно пухнуть тайные уды, которыми онъ совершалъ столько преступленій болѣе 50 лѣтъ сряду, въ теченіи которыхъ онъ хвастался, что растлилъ тысячу дѣвъ и истребилъ тысячи дѣтей имъ рожденных“.

болѣе человѣка“.—Указывая на рубинъ: „О! Этотъ камень врачуетъ сердце, мозгъ, силу и память человѣка, очищаетъ сгущенную и испорченную кровь“.—Потомъ на изумрудъ: „Этотъ камень одного свойства съ радугою—онъ не терпитъ нечистоты. Испытайте его: онъ лопається при удовлетвореніи преступныхъ похотей ¹⁾. Я очень люблю сапфиръ: онъ хранить и усугубляетъ мужество, веселитъ сердце, радуется всѣмъ жизненнымъ чувствамъ и превосходитъ для зрѣнія; онъ очищаетъ глаза, уничтожаетъ въ нихъ кровавыя пятна, укрѣпляетъ ихъ мускулы и нервы“.—Потомъ взявъ въ руку ониксъ: „Всѣ эти камни суть дивныя дары Божіи, тайны природы, доступныя однако же созерцанію человека, который можетъ употреблять ихъ на свою пользу: они пріязненны красотѣ и добродѣтели и враждебны пороку. Мнѣ дурно . вынесите меня отсюда до другого времени“.

Послѣ полудня онъ пересмотрѣлъ свое завѣщаніе, не думая однакоже умереть, ибо часто онъ бывалъ околдованъ, и часто чары были съ него снимаемы: но на этотъ разъ дьяволъ не помогъ. Царь приказалъ начальнику своей аптеки и своимъ врачамъ приготовить ванну; заботился о предзнаменованіяхъ (созвѣздіи) и опять послалъ своего любимца къ чародѣйкамъ, узнать объ ихъ вычисленіяхъ. (Бѣльскій) пришѣлъ къ нимъ и сказалъ, что царь ихъ (велитъ) живьемъ зарыть въ землю или сжечь за ихъ обманы и ложныя предсказанія; что (назначенный ими) день насталъ, а что царь такъ здоровъ, какъ когда либо былъ. „Бояринъ, не гнѣвайся. Ты знаешь, что день начинается (съ восходомъ) и кончается съ закатомъ солнца“.—Бѣльскій поспѣшно возвратился къ царю, который готовился къ ваннѣ.—Около третьяго часа дня царь вошелъ въ ванну, почувствовалъ облегченіе и, по своему обыкновенію, забавлялся веселыми пѣснями; около 7-го часа онъ вышелъ изъ ванны весьма освѣженный; его перенесли (въ другую комнату) и посадили на постель. Онъ приказалъ одному изъ своихъ любимыхъ дворянъ Родіону Биркину (Rodovone Voerken) принести шахматную доску, разставить шахматы ²⁾. Около него стояли его главный любимецъ (Бѣльскій?), Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ и другіе. На царѣ были распашной халатъ (a lose gown), рубашка и полотняные чулки ³⁾. Онъ (вдругъ) упалъ навзничь въ обморокъ. (Поднялась) большая суета и суматоха; одинъ бѣгалъ за водкой, другіе въ аптеку за ноготковой и розовой водой, за духовникомъ, за лекарями. Между тѣмъ царь испустилъ дыханіе и оконченъ. Чтобъ остановить суматоху, (объявили, что) есть надежда, что

¹⁾ „Если мужчина и женщина прелюбодѣйствуютъ, имѣя на себѣ изумрудъ, онъ лопається при изліянніи естества“.

²⁾ „Всѣ шахматы, исключая короля, котораго онъ никакъ не могъ поставить на мѣсто на доскѣ“.

³⁾ Современница царя Ивана Васильевича, королева Елизавета первая носила *вязаные* шелковые чулки, которые были поднесены ей, какъ рѣдкость, однимъ изъ городовъ Англіи. До того времени чулки были выкраиваемы и сшивались изъ разныхъ матерій. Ю. Т.

онъ очнется. Вышеупомянутый Богданъ Бѣльскій и Борисъ Ѳеодоровичъ ¹⁾ вышли на крыльцо, сопровождаемые приверженными имъ боярами, которыхъ внезапно собралось такое множество, что странно было смотрѣть. Они громкимъ голосомъ отдали приказъ стрѣльцамъ и ихъ начальникамъ содержать крѣпкую стражу, запереть около дворца ворота, имѣть въ готовности самопалы и зажечь фитили. Вслѣдъ затѣмъ Кремлевскія ворота были заперты и къ нимъ приставлены караулы. Я предложилъ боярину—правителю ²⁾ свои услуги, своихъ людей, порохъ и пистолеты; онъ принялъ меня въ число своихъ приближенныхъ и слугъ, и, проходя мимо меня, съ ласковою улыбкой сказалъ: „Служи вѣрно и не бойся“.

Митрополиты, епископы и прочіе сановники толпились въ Кремлѣ, радуясь какъ бы въ день искупленія: всякій спѣшилъ къ Евангелію (книгѣ) и ко кресту принять присягу на вѣрность новому царю Ѳеодору Ивановичу.—Удивительно, какъ много было сдѣлано дѣла въ теченіи шести или семи часовъ: казначейства были запечатаны; къ прежнимъ чиновникамъ прибавлены были новые изъ семейства (Годуновыхъ), двѣнадцать тысячъ стрѣльцовъ съ ихъ начальниками поставлены стеречь стѣны великаго города Москвы, для охраненія Англійской конторы была дана мнѣ особенная стража. Посланникъ же сэръ Еремѣй Баусъ трепеталъ, ежечасно ожидая смерти и описанія своего имущества; въ его домѣ заперли ворота и окна, къ его слугамъ приставили стражу, ему самому прекратили отпускъ припасовъ, которые онъ прежде получалъ въ избыткѣ. Борисъ Ѳеодоровичъ былъ объявленъ бояриномъ—правителемъ; по завѣщанію прежняго царя ему были даны въ помощь для управленія три другіе старшіе боярина: князь Иванъ (Ѳеодоровичъ) Мстиславскій, князь Иванъ Петровичъ (а не Васильевичъ) Шуйскій и Никита Романовичъ (Юрьевъ). Правитель началъ управлять, рѣшать всѣ дѣла, дѣлать повсемѣстно переписи всѣмъ сокровищамъ, золоту, серебру и драгоценностямъ; пересматривалъ всѣ приказы, провѣрялъ списки доходовъ, на всѣ важныя мѣста (назначилъ) новыхъ казначеевъ, новыхъ совѣтниковъ, во всѣ приказы новыхъ начальниковъ, (наставилъ) новыхъ воеводъ, воинскихъ начальниковъ и гарнизоны, въ важнѣйшіе же города, крѣпости и области помѣстилъ довѣреннѣйшихъ лицъ (изъ своего) семейства; такимъ образомъ же (выбралъ) прислугу при своей сестрѣ царицѣ. Всѣ эти мѣры чрезвычайно упрочили его безопасность и могущество. Благодаря его проникательности его всѣ прославляли,

¹⁾ Царь (Иванъ Васильевичъ) поручилъ все правленіе четыремъ боярамъ, изъ коихъ первымъ назначилъ Бориса Ѳеодоровича, какъ шурина царя Ѳедора Ивановича и брата его супруги царицы“.

²⁾ Горсей постоянно называетъ Бориса *княземъ покровителемъ* (prince-protector), вѣроятно по сходству его положенія при царѣ Ѳеодорѣ, съ положеніемъ герцога Коммерсетскаго, бывшаго *Лордомъ* покровителемъ при королѣ Эдуардѣ 6-мъ. (Eduard Seamour, Visconti de Beauchamp, earl of Hertford, duke of Somerset, knight of the Garter, Lord Chamberlain, lord Marshal of England, Governor of His Majesty, Protector of the English Realm and Lieutenant General of the army). *Ю. Т.*

любили, боялись и почитали; и онъ умѣлъ возбудить, поддержать и утвердить эти чувства своимъ ласковымъ и любезнымъ обращеніемъ съ князьями, боярами и со всѣми сословіями народа.

Меня призвали спросить (мое мнѣніе) о томъ—какъ поступить съ сэромъ Еремѣемъ Баусомъ, котораго порученіе было кончено.—Я сказалъ боярамъ, что, согласно съ правомъ народнымъ и съ честію царя и государства, его слѣдуетъ отпустить въ безопасности и безобидно, ибо иначе произойдутъ неудовольствія, которымъ, можетъ быть, трудно будетъ положить конецъ; что впрочемъ я предаю это свое мнѣніе на ихъ умнѣйшее и лучшее усмотрѣніе. Всѣ бояре бранили (Бауса), говоря, что онъ заслужилъ смерть, но что нынѣшніе царь и царица болѣе милосерды, (чѣмъ ихъ предшественникъ). Они хотѣли, чтобы я объявилъ ему объ его отправленіи и передалъ ему разныя укоризны; но я просилъ, чтобы это порученіе было исполнено кѣмъ либо другимъ изъ слугъ его величества.

Вечеромъ меня призвалъ бояринъ Борисъ Ѳедоровичъ; я засталъ его играющаго въ шахматы съ однимъ изъ царскихъ родственниковъ, княземъ Иваномъ (Михайловичемъ) Глинскимъ. Онъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ: „Совѣтую тебѣ не говорить много въ защиту Бауса: бояре этимъ недовольны. Иди къ такому-то и къ такому-то и укроти ихъ (гнѣвъ).—О твоёмъ отвѣтѣ много разсуждали; многіе настаивали на томъ, чтобы наказать (Бауса) за его поведеніе. Ты можешь сказать ему отъ меня, что я дѣлаю все, что могу, чтобы уладить это дѣло“.—Я немедленно отправился къ указаннымъ мнѣ боярамъ и старался смягчить ихъ. Они сказали мнѣ, что я самъ не знаю, сколько я дѣлаю себѣ вреда, принимая сторону сэра Еремѣя Бауса; что мнѣ должны быть извѣстны и положеніе дѣлъ и ненависть къ нему всѣхъ, въ особенности же тѣхъ важныхъ чиновниковъ, которые такъ много потерпѣли изъ-за его наглости; что такъ какъ со мною давно знакомы, то меня нельзя не любить тѣмъ болѣе, что Борисъ Ѳедоровичъ такъ ко мнѣ милостивъ.—„Поэтому вступайся какъ можно менѣе въ это дѣло“.—Несмотря на эти совѣты, я не переставалъ изъ подъ руки хлопотать съ успѣхомъ (по дѣлу Бауса), зная въ какой онъ опасности. Его содержали, какъ плѣнника, въ тѣсномъ заключеніи, подъ строгимъ надзоромъ, не давая никакихъ средствъ къ существованію. Я старался, чтобы его призвали и отпустили. На послѣдокъ, по окончаніи другихъ болѣе важныхъ государственныхъ дѣлъ, послали за нимъ: ему не было (прежняго) приема; простой слуга провелъ его въ комнату, гдѣ находилось нѣсколько бояръ; они обошлись съ нимъ безо всякаго уваженія: обвиняли его въ гнусныхъ дѣйствіяхъ ко вреду государства, не хотѣли дать ему отвѣчать и терять времени на слушаніе его отвѣта, насмѣхались надъ нимъ ¹⁾ и, указывая изъ окна на рѣку, объявили, что ему

¹⁾ Въ особенности надъ нимъ насмѣхались два важные чиновника (братья) Щелкаловы, а также нѣкоторые другіе изъ тѣхъ, которые наиболѣе вынесли

слѣдовало бы отрубить ноги и бросить его дохлое тѣло (withered carcass) въ рѣку, въ примѣръ всѣмъ другимъ, которые, подобно ему, могутъ забыть, кто они и въ какомъ званіи они употреблены. Но что нынѣ Богъ далъ имъ болѣе милосерднаго царя, который не хочетъ мстить и который, изъ уваженія къ королевѣ Елизаветѣ, допустить его видѣть свои очи. Однако же они велѣли Баусу снять мечъ: онъ отказался (подъ предлогомъ, что) это противно его наказу и его присягѣ; ему угрожали насиліемъ, говоря, что непристойно являться съ оружіемъ въ присутствіе столь благочестиваго и смиреннаго государя, коего душа облечена печалью. Баусъ принужденъ былъ покориться. Его привели предъ царя одного (безъ прислуги), и устами думнаго дьяка онъ получилъ отъ царя отпускъ къ королевѣ Елизаветѣ. Послѣ чего сэра Еремѣя Бауса отвели домой, дали ему трое сутокъ на выѣздъ изъ города Москвы (и объявили, что) можетъ быть, вслѣдъ за нимъ будетъ послано ему письмо (къ королевѣ). Сэръ Еремѣй Баусъ имѣлъ въ это время мало средствъ, еще менѣе денегъ и то такихъ, которыя были даны ему въ пособіе, но былъ радъ, что его такъ спокойно отпустили, и спѣшилъ выбраться изъ подъ власти (своихъ враговъ). Я досталъ для его поклажи и прислуги 30 телѣгъ и столько же ямскихъ лошадей и выпросилъ у боярина-правителя дозволеніе его видѣть, говорить съ нимъ и проводить его за городъ. Въ приставы (Баусу) данъ былъ простой сынъ боярскій, которому велѣно было его стеречь и имѣть за нимъ строгій надзоръ и который, грубостію своего обращенія, очень оскорблялъ его высокогнѣвіе. Я съ своими слугами и добрыми пріятелями проводилъ Бауса изъ города Москвы: мы были верхами на хорошихъ лошадяхъ и хорошо вооружены, потому что и онъ, и другіе опасались какой нибудь неприятели. Отѣхавъ 10 миль, я разбилъ свой шатеръ и простился тамъ съ нимъ и съ его товарищами, угостивъ ихъ приготовленными припасами, разными винами и медами. Онъ просилъ меня заботиться объ его безопасности, ибо боялся на дорогѣ (сдѣлаться жертвою) какихъ нибудь злыхъ умысловъ: я не обѣщаль многого, но исполнилъ его просьбу. Онъ былъ чрезвычайно испуганъ, благодарилъ меня за все, что я для него сдѣлалъ; говорилъ, что будетъ просить королеву и моихъ друзей благодарить меня и что онъ и его друзья никогда не забудутъ (моихъ одолженій). Собственно-ручное его письмо съ дороги, изъ Переяславля, доказываетъ мою объ немъ заботливость и содержитъ просьбу о продолженіи ея. Призываю Бога въ свидѣтели, что я много сдѣлалъ для его безопасности и для его блага. По моей просьбѣ бояринъ-правитель послалъ вслѣдъ за нимъ письма къ королевѣ и отъ себя въ подарокъ *сорокъ* соболей. Когда Баусъ пріѣхалъ въ пристань св. Николая и сѣлъ на корабль, онъ наговорилъ ругательствъ приставу, который его провожалъ, изрѣзалъ въ куски (присланныя ему) письма и соболей и велѣлъ перелать царю и думѣ

неудовольствія и побоевъ отъ царя изъ-за безразсудной и неосновательной обидчивости (Бауса) и безпрестанныхъ жалобъ, которыми онъ надоедалъ царю и правительству, какъ никогда и никакой посланникъ этого не дѣлалъ".

много грубыхъ и бранныхъ рѣчей. По его отъѣздѣ, знатные чиновники Щелкаловы изъ друзей сдѣлались моими врагами за мое участіе въ его дѣлѣ. Распространяюсь объ этомъ, потому что вы увидите въ послѣдствіи какъ сэръ Еремѣй Баусъ меня отблагодарилъ

Положеніе дѣлъ и управленіе въ государствѣ до того измѣнилось даже по наружности, что Россія сдѣлалась страной совершенно иною, чѣмъ прежде. Всякій жилъ въ спокойствіи, зналъ что ему принадлежило и чѣмъ онъ можетъ пользоваться; всюду назначены были хорошіе чиновники, повсемѣстно водворилось правосудіе. Но Богъ еще готовилъ великую кару этому народу. Что скажемъ объ этомъ? Въ народѣ Русскомъ столько природной злости и коварства, что только благодаря суровости и строгости своего правленія, прежній царь успѣлъ прожить столь долго (и избѣгнуть) измѣнническихъ и коварныхъ умысловъ, которые были безпрестанно открываемы. Кто могъ бы въ то время подумать, что огромныя сокровища, имъ оставленныя, столь скоро будутъ расточены и что гибель царства, царя, бояръ и народа такъ близка!—Худо пріобрѣтешь—скоро потеряешь.

Царь Иванъ Васильевичъ царствовалъ болѣе шестидесяти лѣтъ. Онъ завоевалъ въ 700 миляхъ на юго-западъ отъ Москвы Полоцкъ, Смоленскъ и много другихъ большихъ городовъ и замковъ въ областяхъ Литовскихъ, которыя принадлежали коронѣ Польской. Онъ завоевалъ не менѣе городовъ и замковъ и на востокѣ Ливоніи и въ другихъ владѣніяхъ королей Шведскаго и Польскаго. Онъ покорилъ царство Казанское и царство Астраханское и всѣ страны и многочисленныя племена Ногаевъ и Татаръ Черкасскихъ, которые обитаютъ на протяженіи двухъ тысячъ миль по обѣимъ сторонамъ знаменитой рѣки Волги и даже на югъ отъ Каспійскаго моря ¹⁾. Онъ прекратилъ раболѣпныя почести и дань, которыя онъ и его предшественники ежегодно воздавали Крымскому хану ²⁾, и посылалъ ему только небольшую извѣстную плату, чтобы оградить себя отъ его ежегодныхъ набѣговъ. Онъ покорилъ царство Сибирское и всѣ страны, принадлежащія къ ней съ сѣвера болѣе чѣмъ на 1500 миль, такъ что онъ много расширилъ во всѣ стороны свое государство. Количество жителей (въ Россіи) такъ велико, что она ведетъ большую торговлю или мѣну со всѣми народами, которые доставляютъ каждый разныя произведенія своей страны, чѣмъ не только увеличиваются таможенныя пошлины и доходы казны, но и поддерживается богатство городовъ и областей.

Владѣнія этого государства такъ пространны и обширны, что они необходимо должны вновь распаться на нѣсколько царствъ и княжествъ и съ трудомъ могутъ быть удержаны подъ однимъ правленіемъ, несмотря на то царь совершенно подчинилъ ихъ своей единой державной вла-

¹⁾ southward even to the Mare Caspian Sea правильнѣе перевести—къ югу же до самаго Каспійскаго моря. А. С.

²⁾ the great Cithian Emperour, the Cham or Crim Tartor т. е. великому Скинскому царю хану или крымскому татарину.

сти и сдѣлался слишкомъ могущественъ для сосѣдственныхъ государей. Это именно и было его цѣлью, и надежды его повидимому исполнялись. Но безграничное властолюбіе и мудрость человѣка суть лишь безразсудство, когда оно противно волѣ Всевышняго! Мы увидимъ это изъ слѣдующаго.

Царь (Иванъ Васильевичъ) устранилъ двусмысленность и неясность изъ законовъ и тяжбъ и изложилъ законы на письмѣ самымъ яснымъ и простымъ образомъ, такъ что каждому стало возможно понимать ихъ и вести свои тяжбы безъ стряпчихъ и за извѣстную большую пошлину переносить безъ замедленія свое дѣло на разсмотрѣніе суда государева.

Этотъ же царь учредилъ и обнародовалъ единое всеобщее исповѣданіе вѣры, ученія и подчиненности ¹⁾ церковныхъ, согласное съ ученіемъ трехсимвольнымъ или православнымъ, какъ Русскіе его называютъ, которое весьма сходствуетъ съ уставомъ апостольскимъ, соблюдавшимся въ первоначальной церкви и подкрѣпленнымъ на соборѣ Никейскомъ мнѣніемъ Аванасія (Великаго) и другихъ лучшихъ и древнѣйшихъ отцовъ (церкви), Ибо, по признанію царя и его предковъ, они заимствовали у Греческой церкви первоначальные и основные правила христіанства, которыхъ древность они доказываютъ тѣмъ, что ихъ проповѣдывали имъ св. апостолъ Андрей (Первозванный) и заступникъ (ихъ земли) св. Николай (чудотворецъ). Но такъ какъ Греческая церковь, по причинѣ возникшихъ въ ней въ послѣдствіи распрей и раздоровъ, отклонилась съ того времени, какъ отъ догматовъ ученія, такъ и отъ обрядовъ, то царь отдѣлилъ отъ нея духовное управление Московское и, слѣдовательно освободилъ сіе послѣднее отъ посылки (въ Грецію) даровъ и отъ полученія оттуда настоящихъ грамотъ (sinodalls). Съ помощію Троицы ²⁾ онъ уговорилъ также пустосердаго (hollow hart) патріарха Іеремію отречься отъ патріаршества Константинопольскаго или Хіосскаго ³⁾ въ пользу митрополіи Московской. Ученія папы царь рѣшительно не признаетъ и отвергаетъ его, говоря, что оно самое ложное изъ всѣхъ ученій христіанскихъ; что оно уставлено въ угодность властолюбію папы, основано на выдумкахъ для поддержанія достоинства, никогда за палкою не признаннаго, и что онъ удивляется, что есть христіанскіе государи, которые признаютъ первенство папы и его свѣтскую власть. Все это и еще пространнѣе было, по повелѣнію царя, объявлено его митрополитами, архіепископами, епископами, архимандритами и игуменами нунцію папскому, великому іезуиту, отцу Антонію Поссевину у вратъ Успенскаго собора въ Москвѣ.

Онъ же (этотъ царь) въ свое царствованіе построилъ болѣе 40 красивыхъ каменныхъ церквей, богато убранныхъ внутри, съ главами покрытыми чистымъ золотомъ. Онъ построилъ болѣе 60 мужскихъ и

¹⁾ Англ. discipline правильнѣе перевести—благочинія. А. С.

²⁾ Съ помощію монаховъ Троицкой лавры,—вѣроятно.

³⁾ У Горсея *Хіосскаго* „Sio“; но Флетчеръ объясняетъ, что остр. Хіосъ есть именно *Sio*: „the ile Sio, sometimes called Chio“. (Январь 1589 г.).

женскихъ монастырей, снабдилъ ихъ колоколами и украшеніями и назначилъ имъ содержаніе, на поминъ своей души. Во внутренности Московскаго Кремля онъ выстроилъ красивую колокольню изъ тесаннаго камня, которая называется Благовѣщенскою колокольнею съ 30 колоколами; въ нихъ во всё звонять чрезвычайно, пріятно каждый праздникъ, — а праздниковъ тамъ много, и весьма заунывно каждый день во время полунощной службы.

Въ заключеніе благочестивыхъ подвиговъ царя не могу умолчать объ одномъ достопримѣчательномъ дѣяніи его милосердія. Въ 1575 году вслѣдъ за бывшимъ моровымъ повѣтріемъ, открылся въ народѣ голодъ. Города, улицы и дороги были наполнены бродягами, праздношатающимися нищими и притворными калѣками; при всеобщемъ недостаткѣ невозможно было положить этому предѣлъ. Всѣмъ этимъ людямъ было объявлено, чтобы они въ такой-то день пришли въ (Александровскую) Слободу, гдѣ они получаютъ отъ царя большую милостыню. Ихъ собрались тысячи: 700 самыхъ большихъ негодяевъ и обманщиковъ были забиты до смерти ударами въ голову и брошены въ большое озеро кормить рыбъ своими тѣлами; остальные же, болѣе слабые, были разосланы по монастырямъ и больницамъ, чтобы получить тамъ вспомошествованіе.

Среди многихъ подобныхъ дѣяній этотъ царь въ свое правленіе построилъ 155 крѣпостей во всѣхъ частяхъ своего государства, снабдилъ ихъ пушками и гарнизонами. Онъ построилъ 300 городовъ, называемыхъ *ямами*, длиною въ одну милю или въ двѣ, въ пустыхъ и необитаемыхъ мѣстахъ, надѣливъ каждого жителя участкомъ земли и обязавъ его содержать назначенное число лошадей на случай потребности для царской службы. Онъ построилъ около Москвы красивую, крѣпкую и пространную каменную ограду, которую уставилъ пушками съ назначенною при нихъ стражею и начальниками.

Въ заключеніе (скажу) о царѣ Иванѣ Васильевичѣ. Онъ былъ красивой и величественной наружности; имѣлъ хорошія черты лица, высокое чело, пронзительный голосъ; былъ настоящій Скиѣзъ: быстръ ужомъ, жестокъ, кровожаденъ, не зналъ милосердія; самъ, по своему разуму, управлялъ дѣлами какъ виѣшней политики, такъ и внутренняго устройства. Онъ былъ съ пышностію погребенъ въ церкви Михаила Архангела. Тамъ, стрегомый днемъ и ночью, лежитъ онъ: могила его страшное позорище для тѣхъ, которые, проходя мимо или слыша его имя, вспоминаютъ о немъ и знаменуются крестомъ съ молитвою, чтобы онъ не воскресъ и проч.

Торжественное и великодушное вѣнчаніе Феодора Ивановича, царя Россійскаго и проч., десятаго іюня 1584 года, видѣнное и описанное господиномъ Еремѣемъ Горсеемъ, дворяниномъ и слугою ея величества (королевы Елизаветы), человекомъ много путешествовавшимъ и много испытывшимъ въ тѣхъ краяхъ. Сюда же присовокуплено описаніе его (Горсеева) сухопутнаго путешествія изъ Москвы въ Эмденъ ¹⁾.

Когда старый царь Иванъ Васильевичъ умеръ въ городѣ Москвѣ ²⁾, царствовалъ онъ 54 года, между нѣкоторыми изъ дворянъ и между простымъ народомъ возникло было волненіе, но оно было быстро усмирено. Немедленно, въ ту же ночь (собрались) бояринъ Борисъ Феодоровичъ Годуновъ, князь Иванъ Феодоровичъ Мстиславскій, князь Иванъ Петровичъ Шуйскій, Никита Романовичъ (Юрьевъ) и Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій. Всѣ они были бояре ³⁾ и, по завѣщанію царя, были назначены для руководства и возведенія его сына Феодора Ивановича на престолъ ⁴⁾. Они привели къ присягѣ сперва другъ друга, потомъ всѣхъ бояръ и чиновниковъ. На утро умершій царь (былъ вынесенъ) въ церковь Михаила Архангела и положенъ въ высѣченную (изъ камня) гробницу, весьма богато убранную приличными этому обряду покровами. Вслѣдъ затѣмъ провозглашенъ былъ: „царь Феодоръ Ивановичъ всея Россіи“ и пр. По всему городу Москвѣ разставили стражу и караулы, съ солдатами и стрѣльцами; возстановили порядокъ и назначили воинскихъ начальниковъ для усмиренія мятежниковъ и водворенія тишины. Все это было сдѣлано съ необыкновенною поспѣшностію и распорядительностію. Когда все было устроено въ Москвѣ, послали вельможъ знатнаго рода и сана въ пограничные города: Смоленскъ, Псковъ, Казань, Новгородъ и пр., куда отправлены были новыя гарнизоны на мѣсто старыхъ, которые были отозваны. Около четвертаго мая созвана

¹⁾ Статья эта напечатана отдѣльно въ изданномъ Гаклюйтомъ собраніи путешествій. Въ разсказѣ своихъ путешествій Горсей вслѣдъ за смертію царя Ивана Васильевича говоритъ: „Не помѣщаю здѣсь описанія этого вѣнчанія, котораго я былъ очевидцемъ и при которомъ мнѣ оказаны были многія милости и почести: оно заняло бы болѣе мѣста, чѣмъ сколько можно ему здѣсь дать; (при томъ) оно помѣщено въ книгѣ путешествій, изданной г. Гаклюйтомъ, и въ разсужденіи д-ра Флетчера, вмѣстѣ съ другими давно сообщенными мною замѣчаніями о состояніи и правленіи этого государства“.

Горсеево описаніе вѣнчанія царя Феодора Ивановича дѣйствительно было напечатано въ Гаклюйтовомъ собраніи путешествій (изд. 1599 г.), въ которомъ перепечатано также сокращеніе Флетчерова сочиненія „О Русскомъ государствѣ“, напечатаннаго передъ тѣмъ отдѣльно въ 1591 году.

²⁾ „Что случилось по нашему счисленію восемнадцатаго апрѣля (должно быть марта) 1584 года“.

³⁾ Бѣльскій былъ не бояриномъ, а оружничимъ (съ 1578 г.).

⁴⁾ „Въ особенности бояринъ Борисъ, который былъ названный третій сынъ царя и братъ царицы: его любили всѣ сословія какъ за его мужество, такъ и за разумъ“.

была Дума, въ которую собрались митрополитъ, архіепископы, епископы, настоятели и главнѣйшія лица изъ духовенства вмѣстѣ со всѣми боярами. На этой Думѣ постановлены были многія рѣшенія, до моего предмета не относящіяся; но главное назначено было время торжественнаго вѣнчанія новаго царя.

Между тѣмъ царица, вдова покойнаго царя, съ своимъ ребенкомъ, его сыномъ царевичемъ Дмитріемъ Ивановичемъ, которому былъ годъ или около того ¹⁾, была вмѣстѣ съ своимъ отцомъ Феодоромъ Феодоровичемъ Нагимъ и его семействомъ, состоявшимъ изъ пяти братьевъ, послана въ городъ, называемый Угличъ. Городъ этотъ со всѣми землями, принадлежавшими къ его уѣзду, былъ данъ (въ удѣлъ) ей и ея сыну, молодому царевичу; имъ назначены были всякаго рода чиновники, положено жалованье, на одежду, на убранства, на пищу, на лошадей и пр., все въ большихъ размѣрахъ, прилично ихъ княжескому сану.

По прошествіи *сорочинъ*, т. е. сорока дней, посвященныхъ по русскому обряду, на сѣтованіе, наступилъ день торжественнаго вѣнчанія, для коего сдѣланы были большія приготовленія. Это было воскресенье, десятаго іюня 1584 года ²⁾. Царю было 25 лѣтъ отъ рода ³⁾. Я былъ официально приглашенъ и меня помѣстили такъ, чтобы я могъ хорошо видѣть все торжество.

При выходѣ царя изъ дворца, передъ нимъ шли митрополитъ, архіепископы, епископы и главнѣйшія лица изъ чернаго и бѣлаго духовенства въ богатыхъ митрахъ ⁴⁾ и облаченіяхъ, сопровождая свое шествіе пѣніемъ и неся образа Пресвятой Дѣвы, тезоименитаго царю святаго и другихъ (святыхъ), хоругви, кадилы и много другой, подобной торжественной утвари. Царь съ своими боярами стройно вошелъ въ церковь, называемую Благовѣщеніе, гдѣ была служба по обряду ихъ исповѣданія. Потомъ они пошли въ церковь, называемую Михаилъ Архангелъ, гдѣ также отправлена была служба; а оттуда въ соборную церковь Пречистой Дѣвы. Посреди ея былъ воздвигнутъ престолъ, на который обыкновенно садились предки царя въ такіе чрезвычайные случаи. Здѣсь съ царя сняли его одѣяніе и облачили его въ богатѣйшія, безцѣнные одежды; онъ былъ посаженъ на царское мѣсто. Около него на ступеняхъ стали бояре; митрополитъ возложилъ на его главу царскій вѣнецъ, въ правую руку ему даны были скипетръ и держава, въ лѣвую—мечъ правосудія; вся эта утварь была весьма богата. Передъ нимъ поставили его шесть вѣнцовъ, (знаменіе) его владычества надъ его царствами; по правую его руку стоялъ бояринъ Борисъ Феодоровичъ. Потомъ митрополитъ сталъ громко читать изъ небольшой книги, убѣждая царя блюсти правду и правосудіе, мирно владѣть вѣнцомъ своихъ

¹⁾ Царевичъ Дмитрій родился 19 октября 1582 года.

²⁾ 31 мая 1584 года.

³⁾ Царь Феодоръ Ивановичъ родился 11 мая 1557 года и, слѣдовательно, въ май 1584 года былъ 27 лѣтъ.

⁴⁾ Въ подлинникѣ *сорс*—чашахъ, вѣроятно ошибкою вмѣсто *сарв*—шапкахъ.

предковъ, отъ Бога ему дарованнымъ. Митрополитъ говорилъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Богъ всемогущій и безначальный, прежде вѣка бывший, въ Троицѣ славимый, Богъ единый, Отецъ, Сынъ и Духъ Святой, все создавшій, все и вездѣ творящій, все исполняющій, Коего изволеніемъ и содѣяніемъ человѣкъ живетъ и даруетъ жизнь! Богъ единый, словомъ Своимъ, чрезъ Господа нашего Іисуса Христа и Святаго животворящаго Духа жизни, даровавшій намъ Свое откровеніе! Даруй намъ въ сіи мятежныя времена, да укрѣпится въ правотѣ скипетръ нашъ, да царствуемъ разумомъ своимъ на благо государства, на покореніе народа, на одолѣніе враговъ и на водвореніе добродѣтели!“ Послѣ этой рѣчи митрополитъ благословилъ царя и возложилъ на него крестъ.

Потомъ царя свели съ престола. Верхняя его одежда была украшена разными драгоцѣнными камнями и великимъ множествомъ дорогихъ восточныхъ жемчуговъ; въ ней было двѣсти фунтовъ вѣса, ея хвостъ и полы несли шесть бояръ. Главный царскій вѣнецъ, большой цѣны, былъ надѣтъ на главѣ царя; въ правой рукѣ у него былъ его царскій жезлъ изъ рога единорогова въ три съ половиною фута длиною, украшенный драгоцѣнными камнями ¹⁾. Скипетръ и державу несъ передъ нимъ бояринъ Борисъ Ѳедоровичъ; другой бояринъ несъ передъ царемъ его богатую шапку, украшенную драгоцѣнными камнями и жемчугами; его шесть вѣнцовъ также несли его двое дядей: Дмитрій Ивановичъ Годуновъ и Никита Романовичъ (Юрьевъ) и его трое братьевъ Степанъ Васильевичъ, Григорій Васильевичъ и Иванъ Васильевичъ (Годуновы) ²⁾. Въ такомъ порядкѣ царь приблизился къ великимъ вратамъ церковнымъ, и народъ воскликнулъ: „Спаси Господи царя Ѳедора Ивановича всея Россіи!“ Ему подвели коня, богато убраннаго попоной, которая была вышита жемчугами и драгоцѣнными камнями, съ такимъ же сѣдломъ и такою же сбруею ³⁾. Между тремя церквами, для шествія царя и бояръ изъ одной въ другую, сдѣланы были помосты длиною въ 150 сажень, шириною въ двѣ и вышиною на два фута отъ земли, ибо народа было безчисленное множество и тѣснота такъ велика, что многіе въ это время были задавлены до смерти въ толпѣ. Когда царь возвращался изъ церкви ему подстилали подъ ноги золотыя парчи; щипцы ⁴⁾ церквей были обтянуты краснымъ бархатомъ, а помосты между церквами алымъ стаметомъ. Какъ только царь проходилъ, каждый,

1) „Эта драгоцѣнность была куплена старымъ царемъ въ 1581 году у Аугсбургскихъ купцовъ за 7000 марокъ стерлинговъ; за нѣсколько времени передъ тѣмъ она принадлежала мнѣ“.

2) Никита Романовичъ Юрьевъ (бояринъ съ 1563 г.) былъ братъ матери царя, царицы Анастасіи. Изъ Годуновыхъ: Дмитрій Ивановичъ (бояринъ съ 1578 г.) былъ дядя царицы Ирины и Бориса; Степанъ, Григорій и Иванъ Васильевичи (всѣ трое бояре съ 1584 г.) внучатные т. е. троюродные ея братья.

3) „Убранство этого коня цѣнили въ 30000 марокъ стерлинговъ“.

4) Англ. the paches правильнѣе перевести паперти. А. С.

кто только могъ добраться, обдиралъ парчу, бархатъ и стаметь, чтобы сохранить лоскутокъ на память. Большое множество монетъ, серебряныхъ и золотыхъ, нарочно выбитыхъ на этотъ случай, было брошено въ народъ. Бояринъ Борисъ Ѳедоровичъ былъ пышно и великолѣпно одѣтъ: платье его было покрыто большими восточными жемчугами, оправленными всякими драгоценными камнями. Столь же богато были одѣты всѣ члены семейства Годуновыхъ, также какъ и остальные бояре. По спискамъ найдено, что одежда и конская сбруя (весьма древняя) одного изъ бояръ, по имени князя Ивана Михайловича Глинскаго, вмѣстѣ съ его конемъ стоили сто тысячъ марокъ стерлинговъ.

Царица оставалась въ своемъ дворцѣ. Она сѣла у открытаго большаго окна, на престолѣ. Ея великолѣпная, богатая одежда блестяла драгоценными камнями и восточными жемчугами, на главѣ ея былъ надѣтъ вѣнецъ. Кругомъ ея стояли боярыни. Народъ воскликнулъ: „Боже храни нашу благородную царицу Ирину!“

Потомъ царь вошелъ въ Думную палату (parliament house), богато убранную. Тамъ онъ возсѣлъ на царское мѣсто съ тою же пышностію, какъ прежде: передъ нимъ поставили на столъ его шесть вѣнцовъ; одинъ изъ его тѣлохранителей держалъ царскіе золотые умывальникъ и рукомойникъ; съ каждой стороны царя стали по два чиновника, называемыхъ *рындами*, въ бѣлой одеждѣ изъ серебряной парчи, съ жезлами и золотыми сѣкирами въ рукахъ. Бояре, всѣ въ богатыхъ одеждахъ, выстроились по старшинству.

Послѣ краткой рѣчи царь допустилъ каждыя поочередно цѣловать его руку. Потомъ онъ пересѣлъ на царское мѣсто, приготовленное ему въ Столовой палатѣ, гдѣ ему, со всею царскою пышностію, прислуживали бояре. Три переднія комнаты, весьма большія и просторныя, были всѣ кругомъ, отъ пола до сводовъ, уставлены золотою и серебряною посудой, между которой было нѣсколько серебряныхъ и золотыхъ бочекъ.

Торжества эти длились цѣлую недѣлю, въ продолженіе коей даны были многіе истинно царскіе праздники. Потомъ главнѣйшіе сановники были назначены въ разныя должности. Бояринъ Борисъ Ѳедоровичъ былъ сдѣланъ ближнимъ бояриномъ (главнымъ совѣтникомъ царя), конюшимъ, хранителемъ особы царской, намѣстникомъ государства и (начальникомъ) военныхъ снарядовъ, правителемъ царствъ Казанскаго и пр. Къ этимъ званіямъ ему назначены были Думою и дарованы царемъ многіе доходы и богатя помѣстья: такъ ему и его (семейству) дана была въ вѣчное и потомственное владѣніе многолюдная и обильная область Вага, длиною въ 300, шириною въ 250 англійскихъ миль, со многими городами и селеніями, въ ней находящимися. Онъ ежегодно получаетъ съ этой области 35 тысячъ марокъ стерлинговъ, что не составляетъ и пятой части всего годового его дохода. Онъ и его семейство такъ могущественны, что въ 40 дней срока они могутъ выслать въ поле 100 тысячъ хорошо снаряженныхъ воиновъ.

(Праздники) царскаго вѣнчанія заключились пушечною пальбою, названною царскою пальбою. Въ двухъ миляхъ за городомъ были (разставлены) 170 большихъ орудій всякаго калибра, мѣдныхъ самой лучшей отдѣлки; изъ нихъ палили въ нарочно сдѣланные валы. На разстояніи двухъ миль выстроены были въ восемь рядовъ двадцать тысячъ стрѣльцовъ; всѣ они были одѣты въ бархатныя, цвѣтныя шелковыя и стаметовыя платья; они также въ хорошемъ порядкѣ дали два зала. Послѣ чего царь въ сопровожденіи всѣхъ своихъ бояръ и, по крайней мѣрѣ, 50 тысячъ конницы возвратился городомъ въ свой дворецъ.

Описаніе всѣхъ подробностей царскаго вѣнчанія потребовало-бы много времени и много листовъ бумаги. Довольно будетъ сказать, что подобнаго великолѣпія никогда не было видано въ Россіи.

По окончаніи вѣнчанія и прочихъ торжествъ, всѣ дворяне, чиновники и купцы, по принятому обычаю, по очереди своего званія и старшинства, подносили царю богатые дары, желая ему долготѣія и благополучія на царствѣ.

Въ это же время ¹⁾ я былъ призванъ къ царю, который сидѣлъ на своемъ царскомъ престолѣ. вмѣстѣ со мною былъ призванъ вновь прибывшій въ Москву знаменитый Нидерландскій купецъ, по имени Иванъ Валь (John de Wale), который выдавалъ себя за подданнаго Испанскаго короля. Нѣкоторые изъ бояръ хотѣли допустить этого Испанскаго подданнаго прежде меня, служителя королевы Англійской; но я не согласился на это, говоря, что скорѣе дамъ отрубить себѣ ноги по колѣно, чѣмъ допустить такую обиду ея величеству королевѣ Англійской и поднести царю подарокъ послѣ подданнаго короля Испанскаго или какого либо другаго государя. Замѣтивъ мой споръ, царь и бояринъ Борисъ Федоровичъ послали членовъ Думы казначея Петра Ивановича Головина и Василія Щелкалова, которые передали царю мои слова. Разумѣется я былъ допущенъ первый и, отъ имени тамошнихъ Англійскихъ купцовъ, поднесъ царю подарокъ и, пожелавъ ему благополучія, долготѣія и спокойствія на царствѣ, поцѣловалъ его руку. Царь милостиво и ласково принялъ мой подарокъ и общалъ, изъ уваженія къ сестрѣ своей, королевѣ Елизаветѣ Англійской, быть государемъ столь же милостивымъ къ ея купцамъ, каковъ былъ его отецъ. Когда я былъ отпущенъ домой, мнѣ въ тотъ-же день были присланы семьдесятъ разныхъ кушаній (мясныхъ) и три подводы, щедро нагруженныя разными напитками. Упомянутый подданный Испанскаго короля былъ допущенъ съ своимъ подаркомъ послѣ меня. Государь говорилъ ему быть не менѣе вѣрнымъ и полезнымъ, чѣмъ были и суть подданные королевы Англійской, общая въ такомъ случаѣ милость подданнымъ короля Испанскаго.

¹⁾ Вся эта статья въ подлинникѣ написана въ третьемъ лицѣ, но въ переводѣ, для единообразія, изложена въ первомъ. Въ этомъ мѣстѣ сочинитель говоритъ о себѣ: „Вышесказанный господинъ Еремѣй Горсей, оставаясь въ Россіи слугою ея преславнаго величества королевы былъ призванъ“ и т. д.

По окончаніи всего этого во всѣхъ церквахъ были пѣты молебны. Царь и царица весьма набожно ходили пѣшкомъ по главнымъ церквамъ столицы, а въ Троицынъ день отправились въ знаменитый Троицкій монастырь Св. Сергія, въ шестидесяти миляхъ отъ города Москвы; шествіе ихъ сопровождалъ огромный поѣздъ бояръ, дворянъ и друг., верхами на красивыхъ и красиво убранныхъ лошадяхъ. Царица, изъ набожности, совершила весь этотъ путь пѣшкомъ, въ сопровожденіи многочисленныхъ своихъ княгинь и боярынь. При ней было 20000 гѣлохранителей и стрѣльцовъ; главнымъ совѣтникомъ или прислужникомъ ея былъ бояринъ Дмитрій Ивановичъ Годуновъ, родственникъ царскій ¹⁾. По окончаніи этого богомолья, царь и царица возвратились въ Москву.

Вскорѣ потомъ царь, по совѣту боярина Бориса Ѳедоровича, послалъ войско въ Сибирь, откуда привозятся всѣ богатые соболіные и другіе мѣха. Войско это въ полтора года завоевало 1000 миль. Въ продолженіи войны былъ взятъ въ плѣнъ государь этой страны, называемый царь Сибирскій и съ нимъ многіе изъ его князей, его дворянъ, которые были всѣ приведены въ Москву подъ стражею солдатъ и стрѣльцовъ ²⁾. Они были приняты въ Москвѣ съ большимъ почетомъ и остаются тамъ до сего дня.

Вслѣдъ затѣмъ по всему государству были смѣнены несправедливые чиновники, судьи, воеводы и намѣстники и на ихъ должности назначены были болѣе честные люди, которымъ повелѣно подъ страхомъ строгаго наказанія прекратить лихоимство и взяточничество, существовавшія при прежнемъ царѣ, и отправлять правосудіе безъ лицепріятія, а дабы это могло быть исполнено, имъ увеличили ихъ помѣстія и годовые оклады. Большіе налоги, пошрины и подати, наложенные на народъ при прежнемъ царѣ, были уменьшены, а нѣкоторыя изъ нихъ совершенно отмѣнены. Запрещено было наказывать безъ достаточнаго доказательства (вины), даже за преступленія уголовныя, подвергавшія смертной казни. Многимъ изъ князей и бояръ знатнаго рода, бывшимъ въ опалѣ при прежнемъ царѣ и содержавшимся въ тюрьмѣ по двадцати лѣтъ, возвращены были свобода и помѣстія. Всѣ плѣнники ³⁾ были освобождены и вины ихъ имъ отпущены. Словомъ все правленіе совершенно преобразовалось, и всѣ эти перемѣны были произведены тихо, спокойно, мирно, безъ труда для государя, безъ обиды для подданныхъ;

¹⁾ „Дядя царицы, человекъ весьма могущественный“.

²⁾ Трое Сибирскихъ царевичей были ваяты въ плѣнъ: 1, *Маметкуль*, племянникъ царя Кучума, Ермакомъ въ 1582 г.; 2, князь *Сейдякъ*, побѣдитель Кучумовъ, воеводою Чулковымъ въ 1587 г.; 3, *Абдуль-Хаиръ*, сынъ Кучумовъ, княземъ Кольцовымъ Масальскимъ въ 1591 г. Горсей вѣроятно говоритъ здѣсь о первомъ изъ нихъ, который былъ присланъ въ Москву именно въ 1584 году и служилъ потомъ въ нашихъ войскахъ подъ именемъ *Маметкуля Алтауловича*. Ю. Т.

³⁾ Англ. prisoners правильнѣе перевести здѣсь словомъ: заключенные. А. С.

онѣ водворили въ государствѣ довѣріе, принесли ему честь и были исполнены главнѣйше мудростію царицы Ирины.

Когда вѣсти о всѣхъ этихъ происшествіяхъ дошли до государей, сосѣдственныхъ съ Россією, сія послѣдніе исполнились такого страха, что *монархъ всѣхъ сыновъ, называемый Крымскій татаринъ*, т. е. самъ великій ханъ, по имени Софеть-Кери-Алли ¹⁾, пріѣхалъ къ Русскому царю изъ своего отечества, въ сопровожденіи великаго множества своихъ вельможъ. Всѣ они были на прекрасныхъ лошадяхъ и, хотя и были грубы къ христіанамъ, но красивы собой и храбры. Царь былъ радъ ихъ пріѣзду и принялъ ихъ съ почетомъ. Такъ какъ Татарскій государь привезъ съ собой и своихъ женъ, то имъ сдѣланъ былъ отъ Русскаго царя царскій пріемъ и дано содержаніе согласно съ ихъ саномъ.

Вскорѣ потомъ 1200 Польскихъ дворянъ, красивыхъ и храбрыхъ воиновъ, прибыли въ Москву, предлагая царю свою службу, всѣ они были приняты (въ войска). Точно также приходили предлагать свою службу Черкесы и уроженцы другихъ странъ.

Дальнѣйшій рассказъ составленъ изъ трехъ разныхъ сочиненій Горсея: 1) *Рассказа о путешествіяхъ и пр.*; 2) *Торжественнаго и великолѣпнаго вѣнчанія и пр.* 3) *Описанія втораго и третьяго посольствъ г-на Еремѣя Горсея, дворянина, нынѣ кавалера, посланнаго ея величествомъ къ царю Русскому въ 1585 и 1589 годахъ.*

Сочиненія эти въ нѣкоторыхъ случаяхъ представляютъ значительныя разночтенія; поэтому въ текстъ перевода выбраны изложенія болѣе обстоятельныя, прочія же напечатаны въ подстраничныхъ выноскахъ. Для означенія откуда какое изложеніе заимствовано,—въ началѣ каждой статьи означены буквы: *P* для означенія заимствованныхъ изъ *Рассказа*; *B*—изъ описанія *Вѣнчанія*; *П*—изъ описанія *Посольствъ*.

P. Къ государямъ, находившимся въ союзѣ съ Россією, были отправлены послами такія лица, которыхъ Борисъ Ѳеодоровичъ считалъ болѣе способными прославить его величіе ²⁾. Содержаніе ихъ наказовъ было одинаково: объявить, что промысломъ Божиимъ, Ѳеодоръ Ивановичъ утвердился, вѣнчался и возсѣлъ на (правленіе) царствами и странами, которыми владѣлъ его отецъ, покойный царь Иванъ Васильевичъ, преславной памяти; что, движимый священною заботливостію о сохраненіи мира, онъ призналъ за благо увѣдомить и удостовѣрить прочихъ государей о своемъ великомъ желаніи быть съ ними въ союзѣ и въ братской дружбѣ и общать имъ взаимность въ сношеніяхъ и въ торговлѣ съ ними и съ ихъ (подданными).

B. Какъ только извѣстіе о восшествіи новаго царя на престолъ распространилось въ Европейскихъ государствахъ, къ нему были отправлены отъ разныхъ государей посланники. Въ Москву прибыли Турец-

¹⁾ Вѣроятно *Саидеятъ-Гирей (Кирей)*, сынъ хана Магметъ Гирейя, изгнанный около того времени изъ Крыма дядею своимъ Исламъ-Гиреемъ.

²⁾ „Между прочимъ я и былъ назначенъ быть посланнымъ къ королевѣ“. О семъ посольствѣ см. ниже.

кій, Персидскій, Бухарскій, Крымскій, Грузинскій и многіе другіе Татарскіе посланники. Также пріѣхали послы императора Германскаго, королей Польскаго, Шведскаго, Датскаго и другихъ. И со времени вѣнчанія (царя Ѳедора) ни одинъ изъ его враговъ не имѣлъ успѣха въ своихъ дѣйствіяхъ противъ него ¹⁾.

II. Въ 1585 году я былъ посланъ сухимъ путемъ къ ея величеству королевѣ (Англійской) отъ царя Русскаго, Ѳедора Ивановича, и отъ боярина правителя его, Бориса Ѳедоровича, правителя государства Русскаго, просить ея величество о продолженіи мира, любви и дружбы, такъ какъ они въ то время только что водворились одинъ на царствѣ, другой въ правленіи; увѣрить (королеву) и обѣщать (его), что они употребятъ всѣ старанія заслужить и сохранить сіе (доброе расположеніе) хорошимъ обхожденіемъ съ подданными и купцами ея величества, торговыми въ ихъ государствѣ, съ показаніемъ великой къ нимъ милости, а также всякими иными благими способами, которые ея величеству угодно будетъ имъ доставить. Во утверженіе и въ доказательство сего, упомянутые царь и правитель избрали одного изъ подданныхъ ея величества, на коего, какъ на человѣка, пользующагося ихъ уваженіемъ и великою милостію, они возложили вѣрную передачу сего ихъ порученія и ихъ грамоты.

Р ²⁾. Получивъ эти грамоты и наказъ договориться по другимъ предметамъ, касающимся блага обѣихъ державъ, я имѣлъ поредъ своимъ отъѣздомъ сперва торжественный, потомъ частный отпускъ; причемъ мнѣ оказаны были, въ особенности отъ боярина правителя Бориса Ѳедоровича, необыкновенныя милости, ласки и почести; кромѣ того мнѣ даны были еще особенныя наказы и порученія. Я выѣхалъ хорошо снабженный и съ достаточной прислугой и всюду, куда пріѣзжалъ, былъ принимаемъ, имѣлъ стражу и пользовался всѣми почестями, какъ посланникъ.

В ³⁾. Я поѣхалъ изъ Москвы пятого сентября на Тнерь, Торжокъ, великій Новгородъ, Псковъ; а оттуда въ Ливонію на Нейгаузенъ, Венденъ и въ Ригу; здѣсь я былъ задержанъ, приведенъ къ кардиналу Радзивиллу, но напоследокъ отпущенъ въ дальнѣйшій путь.

¹⁾ В. Немного времени спустя, царю угодно было послать грамоту къ королевѣ Англійской. Она нашла, что никто болѣе меня не способенъ на это порученіе, полагая, что королевѣ будетъ пріятнѣе, — если оно будетъ исполнено однимъ изъ ея подданныхъ. Главное содержаніе грамоты состояло въ томъ, что царь желаетъ продолженія союза дружбы, любви и торговыхъ сношеній, которые существовали между его отцомъ и подданными ея королевскаго величества. Кромѣ того мнѣ были даны особенныя порученія, которые не подлежать обнародованію.

²⁾ В. Получивъ грамоты и наказы царя, я изготовился къ путешествію сухимъ путемъ.

³⁾ Р. Я выѣхалъ изъ Москвы 20 августа 1585 г., ѣхалъ сухимъ путемъ шестьсотъ миль до Пскова, оттуда въ Ливонію на Дерптъ, Церяу, Венденъ, Либаву и пр., до Риги, столицы этой области.

Р. Въ Ригѣ мнѣ поручено было имѣть переговоры съ королевой (вдовой) Магнуса, ближайшей наслѣдницей престола Московскаго. Она жила въ Рижской крѣпости въ большой нищетѣ, получая малое содержаніе, которое ей отпускалось изъ казны королевства Польскаго. Я получить дозволеніе съ нею видѣться только съ разрѣшенія кардинала Радзивилла ¹⁾, случайно находившагося въ то время въ Ригѣ. Мнѣ стоило большихъ хлопотъ быть допущеннымъ къ ней. Кардиналъ сперва принялъ меня очень строго, находилъ много затрудненій (исполнить мою просьбу), кажется, чтобы показать мнѣ свою важность; но потомъ, когда мы лучше познакомились, сдѣлался веселѣе и любезнѣе и улыбнулся мнѣ, проходя мимо въ процессіи.

Когда я пришелъ къ королевѣ Маріи ²⁾, я засталъ ее расчесывающею волосы своей дочери, красивой девятилѣтней дѣвочки. Она спросила меня, чего я хочу. Я (объявилъ, что) желаю говорить съ нею наединѣ. Она посмотрѣла на меня съ страннымъ выраженіемъ, сказала, что не знаетъ меня и что у нея немного комнатъ и прислуги. Оставя свою дочь съ бывшей при ней дворянкой, (она отошла со мною) къ окну въ той же комнатѣ и приняла еще болѣе важный видъ. „Государыня! Вы видите, что я не имѣю много времени говорить съ вашимъ высочествомъ о моемъ порученіи: позвольте мнѣ просить вашего княжескаго слова, что вы сохраните въ тайнѣ то, что я скажу вамъ и что имѣеть цѣлью ваше благо и благо вашихъ (ближнихъ)“.—Она молчала, но я продолжалъ: „царь Ѳеодоръ Ивановичъ, братъ вашъ ³⁾, знаетъ въ какой нуждѣ живете вы съ вашей дочерью. Онъ желаетъ, чтобы вы возвратились въ свое отечество жить прилично вашему княжескому роду и сану. Бояринъ—правитель Борисъ Ѳеодоровичъ, изъявляя готовность свою вамъ служить, ручается вамъ въ томъ же“.—„Государь мой, сказала она. „Они меня не знаютъ, я ихъ также не знаю. Ваше обращеніе, ваши рѣчи и ваша одежда вселяютъ во мнѣ болѣе къ вамъ довѣрія, чѣмъ сколько разсудокъ можетъ меня убѣдить“. (На этомъ насъ) прервали; меня торопили уйти и начальникъ замка недовѣрчиво смотрѣлъ на насъ. Королевѣ было столь же прискорбно разстаться со мною, сколько мнѣ съ нею; она заплакала и ея примѣру послѣдовали ея дочь и бывшая при ней дворянка; она просила меня найти средство опять съ нею видѣться. Это было передано кардиналу, который призвалъ меня и спрашивалъ, чѣмъ я съумѣлъ такъ позабавить королеву. Я отвѣчалъ, что ему ошибочно донесли. „Вы понимаете, о чемъ я говорю. Вы можете съ нею видѣться, только не будьте слишкомъ смѣлы“. Я просилъ и получилъ его (письменное) дозволеніе. Королева нетерпѣливо желала слышать отъ меня остальную часть (моего порученія), и я столь же не-

¹⁾ Правитель Ливоніи, кардиналъ *Юрій Радзивиллъ*. „Этотъ прелать, княжескаго рода, былъ веселаго нрава, охотникъ до общества Ливонскихъ барынь, красивѣйшихъ въ свѣтѣ женщинъ“.

²⁾ „*Queen Magna*—„Магнусова королевѣ Ллонъ“.

³⁾ Двоюродные братья зовутся братьями.

терпѣливо хотѣлъ передать его (вполнѣ). „Вы видите, государь мой, меня держать какъ плѣнницу и мало даютъ на содержаніе—менѣе ты-сячи талеровъ въ годъ“.—„Если вамъ только угодно, вы можете этому помочь“.—„Меня особенно тревожатъ два сомнѣнія: если я соглашусь (на ваше предложеніе), я не имѣю никакихъ способовъ бѣжать и считаю это дѣломъ весьма труднымъ, ибо вижу, что король и правительство хотятъ воспользоваться тѣмъ, что я въ ихъ рукахъ ¹⁾. (Также) зная обычаи Московскіе, я не могу надѣяться, чтобы со мною поступили иначе, какъ обыкновенно поступаютъ тамъ съ вдовствующими царицами: меня запрутъ въ адскій монастырь, а я предпочту этому смерть“.—„Вы совершенно въ другомъ положеніи, чѣмъ онѣ... При томъ время измѣнило этотъ обычай: тѣхъ кто имѣетъ и воспитываетъ дѣтей не принуждаютъ вступать въ монастырь“.—„Какое имѣю я въ этомъ ручательство? Почему могу я знать, что такъ думаютъ тѣ, отъ чьего имени вы со мной говорите“.—„Отъ васъ зависитъ это испытать. Вамъ легче будетъ исполнить ваше предпріятіе, если вы повѣрите моимъ словамъ, увидите и убѣдитесь сами, что средства къ исполненію его не представляютъ опасности“.—„Въ такомъ случаѣ я должна возложить упованіе на Бога, на вашу скромность и на сдѣланное вами, какъ христіаниномъ, обѣщаніе. Скажите мнѣ ваше имя и назначьте, какъ можно ближе, время (къ побѣгу)?“—„Не сомнѣвайтесь, государыня! Менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца вы узнаете и то и другое. Въ ручательство (моей правдивости) оставляю сто золотыхъ Венгерскихъ червонцевъ; ровно черезъ семь недѣль или около того времени вы получите еще четыреста“. Ея высочество приняла деньги съ благодарностію; дочери ея я далъ еще двадцать червонцевъ. Я простился, и на прощаніе ея высочество и ея дочь пожали мою руку въ своихъ рукахъ. Я радъ былъ, что имѣлъ столь хорошей успѣхъ.

Продолжительность моего посѣщенія удивила моихъ слугъ, равно какъ и начальника замка, который опять доложилъ кардиналу. „Пустяки, сказалъ сей послѣдній; не подозрѣвайте его: вы видите, что онъ молодой и красивый волокита и пр. Я желалъ бы, чтобы онъ достигъ своей цѣли, только бы мнѣ получить назадъ то, что я на нее издержалъ“. „Но король и правительство Польское не согласились бы на это даже за сто тысячъ талеровъ“, возразилъ начальникъ замка. Я подарилъ кардиналу красивый платокъ, шитый золотомъ, и благодарилъ его за милость. „Радуюсь, сударь, что вы имѣли такой хорошей успѣхъ. Если намъ случится встрѣтиться въ Польшѣ, то мы весело припомнимъ наше знакомство“.

При выѣздѣ моемъ изъ городскихъ воротъ ко мнѣ подошла простоволосая, хорошо одѣтая дѣвушка и вручила мнѣ красиво вышитый бѣлый платокъ, въ уголокъ котораго былъ (завязанъ) маленькій пер-

¹⁾ Король и правительство намѣрены пользоваться моею породой и кровью подобно Египетской богинѣ (?).

стенъ, оправленный кругомъ рубинами небольшой цѣны. Она мнѣ не сказала отъ кого (этотъ подарокъ), но я самъ отгадалъ и спѣшилъ выѣхать изъ области кардинала ¹⁾, черезъ Курляндію, Пруссію, Кенигсбергъ, Эльбингъ и Данцигъ. Здѣсь я немного отлохнулъ и послалъ обратно моремъ въ Нарву одного изъ моихъ слугъ, Данцигскаго уроженца, къ царю и Борису Ѳеодоровичу съ письмами, платкомъ и донесеніемъ о томъ, что я сдѣлалъ; всѣ эти предметы были зашиты въ его стеганое платье. Онъ пріѣхалъ успѣшно и благополучно. Присланные за королевой и ея дочерью очень искусно увезли ихъ и провезли черезъ Ливонію прежде, чѣмъ ихъ отсутствіе было замѣчено. Начальникъ замка послалъ за ними погоню на лошадяхъ, но слишкомъ поздно; онъ лишился своего мѣста, которое было дано другому болѣе осторожному (чиновнику). Чтобы досказать все объ этомъ предметѣ: по возвращеніи изъ Англіи, я видѣлъ, что королева пользовалась большимъ уваженіемъ, имѣла своихъ чиновниковъ, свои помѣстія и жалованье, прилично своему сану; но вскорѣ потомъ ее и дочь, подобно прочимъ царицамъ, сослали въ женскій монастырь, причемъ она воскликнула: „горе тому времени, когда я была обманута и дала вѣру словамъ его (Горсея)!“ Ни ей, ни мнѣ не дозволили видѣться другъ съ другомъ. Исполненіемъ этого порученія я весьма угодилъ царю и правителю, но очень въ томъ раскаиваюсь.

Изъ Данцига я проѣхалъ черезъ Кашубію, Померанію, Штаттенъ, Мекленбургъ, Ростокъ, гдѣ чудеснымъ образомъ избѣгнулъ смерти; прибылъ въ знаменитый имперскій городъ Любекъ, гдѣ былъ чрезвычайно хорошо и почетно принятъ. Я получилъ отъ бургомистра и ратсгеровъ въ подарокъ вина и пироговъ, и они благодарили меня за мои прежнія къ нимъ милости. Изъ Гамбурга я прибылъ въ Англію.

Пріѣхавъ въ Ричмондъ, я явился къ лорду-казначею ²⁾ и къ сэру Франциску Уэльсингему. Они представили меня королевѣ. Ея величество весьма милостиво приняла письма царя и мою рѣчь и очень хвалила меня, (говоря, что) ей пріятно имѣть слугу, который пріобрѣлъ такія познанія и такое довѣріе, что столь великій иностранный государь поручаетъ ему столь важныя дѣла. Потомъ, обратясь къ г-ву вицекаммергеру сэру Ѳомѣ Гениджу ³⁾, (королева сказала:) „Позаботьтесь объ его помѣщеніи.—Теперь поздно: я буду говорить съ вами объ остальномъ завтра“ ⁴⁾. Сэръ Еремѣй Баусъ и его братъ г. Ральфъ Баусъ пришли меня привѣтствовать съ большими изъявленіями дружбы и довольно настойчиво меня спрашивали ⁵⁾. Сэръ Еремѣй говорилъ

¹⁾ Изъ Риги на Митаву, Гольдингенъ и Либаву въ Курляндію; на Мемель и Кенигсбергъ въ Пруссію; на Эльбингъ, Данцигъ, Штетинъ въ Померанію; на Ростокъ, Любекъ, Гамбургъ, Бременъ, Эмденъ и моремъ въ Лондонъ.

²⁾ Сэру Христофору Гэттону, Sir Christopher Hatton.

³⁾ „Mr Vizchamberlain, Sir Thomas Henneag“ (д. 6. Heneage).

⁴⁾ Последнія слова очевидно сказаны были королевой Горсею. Ю. Т.

⁵⁾ „With some temeritie wounded me“, „довольно дерзко меня выпытывали“.

мнѣ, что онъ очень расхвалилъ мое краспорѣчіе, милость и уваженіе, которыми я пользовался при царскомъ дворѣ, я вѣрилъ всему этому, потому что королева говорила мнѣ то же самое. На другой день ея величество изволили имѣть со мной длинное совѣщаніе и между прочимъ говорила о худомъ поведеніи сэра Еремѣя Бауса; я, покуда, мало говорилъ объ этомъ. Царскія грамоты были отданы мнѣ для перевода; переводя, я смягчилъ выраженія, употребленныя противъ сэра Еремѣя Бауса. Г-нъ секретарь ¹⁾ былъ этимъ недоволенъ и сказалъ, что королева будетъ гнѣваться, если это узнаеть, и что ея величество приказала мнѣ не бояться никого. Когда переводъ былъ мною оконченъ, г. секретарь прочелъ его королевѣ. Ея величество потребовала знать мой наказъ, такъ какъ въ письмахъ царя было сказано, что, кромѣ содержащагося въ нихъ, я долженъ передать (нѣкоторыя объясненія) изустно. Я сказалъ ея величеству, что, такъ какъ уже поздно, а наказъ мой очень длиненъ, то я боюсь утомить ея терпѣніе. „Въ такомъ случаѣ я выберу нарочное время, чтобы дать вамъ другую аудіенцію“. Потомъ обратясь къ лордамъ, ея величество сказала: „Увѣряю васъ, лорды, что мы еще не получали писемъ, которыя доказывали бы большее къ намъ уваженіе, чѣмъ эти письма: они присланы отъ государя, вновь вступившаго на престолъ, и содержатъ предложенія и увѣренія, которыя слѣдовало бы намъ первымъ сдѣлать, по всѣмъ правиламъ вѣжливости и по общепринятому обычаю государей“.

Въ Лондонѣ мнѣ отвели хорошей домъ, снабжали всѣмъ нужнымъ и дали прислугу. Мнѣ оказывали большое уваженіе, давали праздники и я встрѣтилъ хорошей пріемъ въ Московскомъ купеческомъ обществѣ, у сэра Роланда Гейварда, у сэра Егора Барнса, у г-на Смейса и у многихъ другихъ альдерменовъ и значительныхъ купцовъ ²⁾.

Королева потребовала меня въ Гриничъ. Я сообщилъ ей все, что имѣлъ сказать, и все, о чемъ ея величеству угодно было меня спросить. Она сказала: „Мы упустили удобное время и лишились большихъ богатствъ, которыя наше государство имѣло случай получить ³⁾“.

Исполненіе моего наказа и порученія царя и боярина-правителя заняло у меня много времени; я выспрашивалъ также мнѣній и наставленій ученыхъ врачей Оксфордскихъ, Кембриджскихъ и Лондонскихъ по нѣкоторымъ затруднительнымъ предметамъ (*зачатию и нарожденію дтей*) касательно царицы Ирины, которая, въ теченіи семи лѣтъ

¹⁾ Сэръ Францискъ Уэльсингемъ. Ю. Т.

²⁾ Въ привилегіи 1587 г. царя Теодора Англійскимъ купцамъ упоминаются: альдерманъ (гильдейскій староста) сэръ *Р. Гейвардъ* (sir Rowland Haiward или Neuard), и купцы: сэръ *Е. Барнесъ* (sir George Barnes) и дворянинъ *Тома Смитъ* Thomas Stith или Smyth, Esquire). Барнесъ былъ въ Лондонѣ градскимъ главою (lord Maior). Смейса Горсей называетъ customer (покупщикъ) т. е. вѣроятно оцѣнщикомъ, или пріемщикомъ товаровъ Московскаго общества. Ю. Т.

³⁾ Эти слова очевидно содержатъ намекъ на поведеніе Бауса и на смерть царя Ивана Васильевича. Ю. Т.

своего замужества, часто *бывала беременна* ¹⁾; я имѣлъ еще нѣкоторыя другія порученія о брачныхъ дѣлахъ, которыя мнѣ велѣно было содержать въ тайнѣ и которыя, въ послѣдствіи, подвергли меня большой опасности.

Вслѣдствіе неудовольствія, оказаннаго королевою сэру Еремѣю Баусу, онъ старался вредить мнѣ. Онъ донесъ лорду Лестеру, бывшему въ то время правителемъ въ Нидерландахъ ²⁾, будто бы я однажды у себя за столомъ, говорилъ разнымъ герцогамъ и дворянамъ, что лордъ Лестеръ, чтобы сдѣлаться любимцемъ королевы, сломалъ шею своей жень, сбросивъ ее съ лѣстницы ³⁾. Я никогда даже не слыхалъ объ этомъ, и Баусъ (оклеветалъ меня) единственно, чтобы сломать мнѣ шею и помѣшать успѣху моего посольства. Графъ Лестеръ написалъ королевѣ, прося остановить меня и подвергнуть допросу. (Получивъ это письмо), королева измѣнилась въ лицѣ, поклялась, что я дамъ за это отвѣтъ, и приказала лордамъ своего королевскаго совѣта разобрать это дѣло. Сэръ Еремѣй Баусъ взялся доказать (свой доносъ) нѣкимъ Фипчемъ, своимъ приверженцемъ, котораго, по его словамъ, я хотѣлъ исжарить въ Москвѣ, какъ лазутчика. Однако же королева прямо отвѣчала: „несмотря ни на что, я увѣрена, что Горсей окажется честнымъ человекомъ“.—Одинъ лордъ камергеръ, лордъ Гонсдонъ принялъ сторону сэра Еремѣя Бауса; лордъ казначей, сэръ Христофоръ Гэттонъ и особенно сэръ Францискъ Уэльсингемъ были вполне увѣрены въ своемъ добромъ мнѣніи обо мнѣ, много другихъ добрыхъ пріятелей сильно вступились за меня. Слухъ объ этомъ грязномъ дѣлѣ разошелся при дворѣ и по всему городу. Насъ потребовали въ судъ. Сэръ Ер. Баусъ притворился больнымъ, но лорды, по волѣ королевы, послали нарочныхъ привести его. (Судъ начался) въ его присутствіи. Обвинитель (Финчъ) говорилъ невнятно, боязливо, безпрестанно запинаясь и смотря на сэра Ер. Бауса, чтобы знать, что ему говорить лордамъ, которые всѣ казались очень недовольны. Я имѣлъ четырехъ значительныхъ купцовъ, охотно согласившихся быть моими свидѣтелями ⁴⁾; они находились со мною въ теченіи всего времени, которое Финчъ провелъ въ Москвѣ,

¹⁾ Подчеркнутыя слова въ рукописи Горсея написаны русскими буквами. Ю. Т.

²⁾ „Я всегда пользовался уваженіемъ и покровительствомъ лорда Лестера, получалъ отъ него особенно милостивыя письма и самъ оказывалъ услуги его превосходительству: по его письменнымъ просьбамъ я посылалъ ему богатые мѣха, бѣлыхъ соколовъ, бѣлыхъ медвѣдей со всей принадлежностію и платилъ за нихъ хорошую цѣну своимъ пріятелямъ. Гр. Лестеръ начальствовалъ въ то время Англійскимъ войскомъ въ Нидерландахъ“.

³⁾ *Любовь Робсартъ* (Amy Roggart), первая жена Лестера, умерла въ сентябрѣ 1560 г. и вскорѣ потомъ распространились упоминаемые здѣсь слухи объ ея насильственной смерти... *Примѣчаніе издателя*. Присловіе это составляетъ завязку невѣстнаго романа Вальтеръ Скотта—Кенильвортъ. Ю. Т.

⁴⁾ „Охотно преклонившихъ колѣна передъ лордами“... Допрашиваемые лордами во время допроса стояли на колѣняхъ. Ю. Т.

гдѣ онъ оставался всего десять дней. Они свидѣтельствовали, что я велъ себя съ нимъ самымъ лучшимъ образомъ и на собственный свой счетъ отправилъ его вмѣстѣ съ ними изъ Москвы, гдѣ онъ былъ въ нуждѣ и въ опасности. (Я предъявилъ) собственноручныя письма Финча, написанныя въ самыхъ благодарныхъ выраженіяхъ. Лорды приказали сэру Ер. Баусу выйти изъ комнаты совѣта и велѣли Финчу говорить правду: онъ сознался, что (предъявленные) письма были написаны имъ самимъ и что сэръ Ер. Баусъ многократно и настоятельно упрашивалъ его поддержать обвиненіе (противъ меня), которое онъ самъ въ первый разъ слышалъ отъ Бауса, и что Баусъ говорилъ, что онъ хочетъ затоптать и самого г-на Горсея и предметъ его посольства. Лорды велѣли посадить Финча въ тюрьму и заковать его въ тяжелыя желѣза. При этомъ лордъ казначей сказалъ ему: „хоть васъ, сударь, и не изжарили, а жалко, что немножко не подпалили“: Лордъ камергеръ повелъ его (Бауса?) изъ комнаты лордовъ къ королевѣ; но г-нъ секретарь опередилъ его другой дорогой и рассказалъ ея величеству все случившееся. Королева сдѣлала выговоръ лорду Гонсдону, который ссылался на Бауса; сему послѣднему лорды объявили, что безчестье, которое онъ сдѣлалъ, ничѣмъ не можетъ быть изглажено. Королева запретила ему (являться въ ея) присутствіе и сказала: „лорды, пусть тотъ, кто сдѣлалъ ложное свидѣтельство, будетъ за это наказанъ“.

Разсказъ мой скученъ, но я не могъ его сократить, желая выказать всю злобу и ненависть этого человѣка, который заслуживалъ смерть (за свою клевету).

Въ теченіе времени мое неудовольствіе было замѣчено, и меня стали ласкать. Между тѣмъ, съ помощію своихъ добрыхъ пріятелей, сэра Фр. Уэльсингема, сэра Ег. Барна и другихъ я сдѣлалъ заказанныя мнѣ покупки: досталъ львовъ, быковъ, собакъ, золоченыя алебарды, пистолеты, самопалы, оружіе, вина, запасъ всякихъ лекарствъ, органы, клавикорды, музыкантовъ, алья ткани, нити жемчуговъ, блюда необыкновенной отдѣлки и много другихъ дорогихъ предметовъ на большую цѣну.

Откланявшись королевѣ, я получилъ отъ ея величества письма къ царю и къ боярину-правителю и опасныя грамоты для моего проѣзда, при чемъ мнѣ было сказано много ласковыхъ рѣчей и сдѣлано много милостивыхъ обѣщаній. Отъ лордовъ и отъ (Московского) общества мнѣ были также даны памятные записки и указы, которые стоить прочесть. Я также получилъ нѣкоторое награжденіе за милости и услуги, которыя я оказалъ имъ при царскомъ дворѣ.

Въ двухъ другихъ своихъ сочиненіяхъ Горсей, умалчивая о доносѣ Бауса, говоритъ:

В. Прибывъ ко двору королевы, я вручилъ царскія грамоты, которыя были милостиво приняты; мнѣ велѣно было ѣхать назадъ въ Россію и отвести царю и боярину Борису Федоровичу письма ея величе-

ства, содержавшія отвѣтъ на грамоты царя и просьбу о продолженіи дружбы и милости, которыя его отецъ оказывалъ Англійскимъ купцамъ. Лондонскіе купцы (Московского) общества также настоятельно просили меня ходатайствовать объ ихъ выгодахъ.

Отпущенный такимъ образомъ изъ Лондона моремъ, 20-го апрѣля 1586 г., я прибылъ въ Москву, гдѣ былъ весьма почетно принятъ.

II. Означенныя грамоты и порученія королеза изволила принять и по милостивомъ ихъ разсмотрѣніи ея величеству угодно было отправить обратно меня, слугу своего, съ подобными же грамотами, поздравленіями и пр.

Вслѣдъ затѣмъ я выѣхалъ съ большою прислугой пятого апрѣля и прибылъ въ Москву къ царскому двору пятого слѣдующаго іюня. Въ Москвѣ я былъ почетно принятъ царемъ и радостно привѣтствованъ бояриномъ Борисомъ Ѳеодоровичемъ.

P. Я выѣхалъ изъ Англїи хорошо снабженный, съ девятью хорошими купеческими кораблями, прибылъ въ пристань Св. Николая, проѣхалъ 1200 миль до Москвы и явился къ боярину-правителю, сдѣлавшемуся княземъ области Важской. Онъ радостно принялъ меня и, послѣ длиннаго разговора, провелъ меня заднимъ ходомъ къ царю. Царь казался радъ моему возвращенію, подчивалъ меня, старался меня веселить и потомъ отпустилъ. На другой день бояринъ правитель призвалъ меня, рассказалъ мнѣ много странныхъ происшествій и перемѣнъ, случившихся со времени моего отъѣзда изъ Москвы и которыя мнѣ грустно было слышать: родственники царицы-матери царевича Димитрія умышляли злое и сносились съ нѣкоторыми другими боярами, которыхъ прежній царь, по завѣщанію своему, назначилъ товарищами (правителю) въ правленіи, но которыхъ сей послѣдній, увѣренный теперь въ своемъ могуществѣ и въ своей силѣ, не хотѣлъ допустить себѣ въ совѣтники.— „Ты услышишь многое (сказалъ мнѣ бояринъ);—вѣрь тому только, что я тебѣ скажу.“—Съ другой стороны я слышалъ большой ропотъ отъ многихъ бояръ. (Обѣ противныя стороны) скрывали свою (взаимную) ненависть съ большою осторожностію; по это не могло кончиться ничѣмъ хорошимъ. (Правитель) спросилъ меня: „когда прїѣдутъ твои подарки и товары?“—Я (отвѣчалъ, что) думаю, что скоро.

Меня призвали къ царю: онъ сидѣлъ на престолѣ въ присутствіи большей части членовъ своей Думы. Сказавъ сперва небольшую рѣчь съ исчисленіемъ его титуловъ, величія его царской державы, я, какъ дѣлаютъ прочіе посланники, вручилъ письменное изложеніе моего наказа и отвѣтныя грамоты ея Англійскаго величества царю; по принятіи ихъ, я былъ отпущенъ. У меня спросили о дарахъ, присланныхъ царю; я отвѣчалъ, что перевозка ихъ требуетъ много времени, вслѣдствіе чего велѣно было отправить дворянина съ 50-ю охотниками, чтобы всѣми средствами торопить привозъ ихъ по рѣкѣ Двинѣ.—Въ этотъ разъ меня похвалили за мою хорошую службу и за выполненіе царской воли и порученія о благополучномъ доставленіи королевы (вдовы) Магнусовой.

Богданъ Бѣльскій, главный любимецъ прежняго царя, былъ въ это время сосланъ въ опалу въ отдаленную крѣпость города Казани, какъ опасный заговорщикъ и какъ человѣкъ, старавшійся въ это смутное время посягнуть мятежъ между боярами.

Петръ Головинъ, главный казначей прежняго царя, человѣкъ знаменитый родомъ и мужествомъ, оказалъ дерзость и неуваженіе Борису Фодоровичу; его также сослали въ опалу, подѣ наблюдениемъ Ивана Воейкова, любимца боярина-правителя; дорогою Головинъ былъ умерщвленъ.

Князь Иванъ Петровичъ (а не Васильевичъ) Шуйскій, первый между князьями царской крови, пользовавшійся большимъ уваженіемъ, могуществомъ и властію былъ главнымъ совѣтникомъ (правителя) въ правленіи: онъ былъ опасенъ по своему неудовольствію и величію. Нашли предлогъ его обвинить: ему объявили царскую опалу и велѣли немедленно ѣхать изъ Москвы на покой. Онъ былъ схваченъ подѣ стражу одного полковника и недалеко (отъ Москвы) задушенъ въ избѣ дымомъ зажженнаго мокраго сѣна и жнива.—Его смерть была всѣми оплакана.

Такимъ образомъ уничтожились главныя причины опасенія для семейства Годуновыхъ; однако же еще много другихъ лицъ подверглись подозрѣнію и имѣли подобную участь. Мнѣ грустно было видѣть, какъ увеличивалась ненависть къ боярину-правителю въ тѣхъ, которые имѣли случай слишкомъ хорошо видѣть жестокость, которую онъ скрывалъ. Однажды онъ вышелъ задними воротами со мною и съ немногими другими, кромѣ своихъ сокольничихъ, смотрѣть на травлю журавлей, цапель и дикихъ лебедей соколами ¹⁾. Къ нему подошелъ оборванный монахъ, который сказалъ ему, чтобы онъ скорѣе шелъ домой и что не всѣ тѣ его друзья, которые приходятъ смотрѣть на его забаву. Въ это время около 500 молодыхъ дворянъ и придворныхъ служителей ѣхали верхами подѣ предлогомъ сдѣлать ему почетную встрѣчу и проводить его въ городъ. Онъ объявилъ, что никто не долженъ знать, что онъ туда ѣдетъ и запретилъ итти за нимъ ²⁾; вслѣдъ за молодымъ соколомъ, спустившимся на птицу на другой сторонѣ рѣки, онъ переправился ближайшимъ путемъ и былъ у воротъ своего дома (замка) прежде, чѣмъ поѣздъ успѣлъ прибыть. Я видѣлъ, что бояринъ былъ встревоженъ и радъ тому, что благополучно возвратился во дворецъ; тамъ его ожидали епископы, бояре, дворяне и другіе просители съ своими челобитными; случалось, что просители эти по два и по три дня не могли дождаться отъ него приѣма, потому что онъ обыкновенно проходилъ въ царскіе покои тайнымъ ходомъ. Я просилъ (правителя) оглянуться и показать—

¹⁾ „Травля тамошними отважными соколами—истинно царская забава, особенно когда ихъ всегда готово множество на выборъ и когда нечего заботиться о томъ, что птица ушибется или убьется“.

²⁾ Пропущено: „послѣдовалъ совѣту монаха“. А. С.

ся на крыльцѣ: онъ сердито посмотрѣлъ на меня, какъ будто бы я давалъ ему худой совѣтъ, но потомъ одумался, подошелъ къ просителямъ, объявляя многихъ изъ нихъ и принявъ ихъ челобитныя при громкихъ восклицаніяхъ: „Боже, храни здравіе Бориса Ѳеодоровича!“ — Онъ имъ сказалъ, что представитъ ихъ челобитныя царю:—„Ты нашъ царь, благороднѣйшій Борисъ Ѳеодоровичъ! Скажи лишь слово и все будетъ слѣла-но!“—Я замѣтилъ, что слова эти были ему по сердцу, потому что онъ домогался престола.

Между тѣмъ (привезенные мною) дары и всѣ остальные предметы благополучно прибыли въ Москву.—Въ назначенный день я долженъ былъ вновь явиться предъ царемъ (въ качествѣ посланника) отъ ея величества, сопровождаемый знатнымъ чиновникомъ Петромъ Пивовымъ. Я имѣлъ подъ собой такого же хорошаго коня, какъ Пивовъ, и меня сопровождали двадцать слугъ, изъ которыхъ каждый несъ какой нибудь изъ моихъ даровъ; всѣ они были одѣты въ красивыя дивреи тамошняго покроя, потому что покрой этотъ болѣе нравится (русскимъ). Я ожидалъ въ приемной комнатѣ царскаго приглашенія. Между тѣмъ царь и царица изъ дворца смотрѣли въ окно на бульдоговъ и львовъ, приведенныхъ бирючемъ и его прислугою, за которыми шли болѣе пяти тысячъ любопытныхъ. (Сперва былъ приведенъ) прекрасный бѣлый быкъ, весь испещренный природными черными пятнами, съ зобомъ, висѣвшимъ по колѣна, съ золочеными приставными (?) рогами, въ вышитомъ зеленомъ бархатномъ ошейникѣ съ красными шнурами; его принудили стать на колѣна передъ царемъ и царицей; вставши онъ свирѣпо озирался на всѣ стороны; народъ его принялъ за какое то другое странное животное, называемое буйволомъ. Потомъ двѣнадцать псарей привели двѣнадцать прекрасныхъ огромныхъ бульдоговъ, также украшенныхъ ошейниками, розами и пр. ¹⁾ —Потомъ привезли двухъ львовъ въ клѣткахъ, поставленныхъ на салазки; при нихъ находился маленькій мальчикъ Татаринъ съ прутомъ въ рукѣ: они слушались его одного и не боялись никого другого. Ихъ поставили передъ дворцомъ на зрѣлище любопытнымъ.

Царь сѣлъ на свой престолъ.—Приступаемъ теперь къ описанію главнѣйшаго предмета—привѣтствій. Меня призвали, людей моихъ съ подарками поставили въ сторону.

„Благороднѣйшій, могущественнѣйшій и знаменитѣйшій царь Ѳеодоръ Ивановичъ, царь всея Россіи, Володимирскій, Московскій, Казанскій, Астраханскій, Тверскій, Новагорода Великаго, Пермскій, Вятскій, Сибирскій, Кондинскій, Ярославскій, Нижегородскій, царь, государь и князь великій и пр. многихъ иныхъ областей! Ея наивысочайшее, наимогущественнѣйшее, далече препрославленное величество, королева Елизавета, Божіею милостію, королева Англійская, Французская и Ирландская, и королева многихъ иныхъ земель и княжествъ, защитница

¹⁾ Англ. говевъ правильнѣе перевести словомъ: банты, розетки. А. С.

христіанской католической вѣры, какъ другъ и сестра, посылаетъ свое цѣлованіе вашему царскому величеству, своему дражайшему и превозлюбленному брату. Она прислала вашему величеству свои поздравительныя грамоты, желая вашему царскому величеству вождельннаго здравія и благоденствія, дабы вы могли царствовать въ совершенномъ благополучіи, въ мирѣ и въ тишинѣ. Ея величество велѣли мнѣ, своему слугѣ и подданному, сказать вашему пресвѣтлому величеству, что она съ великой благодарностію получила ваши послѣднія грамоты къ ея величеству и что онѣ весьма пріятны ея величеству. Ея королевское (императорское?) величество съ величайшей готовностію принимаетъ содержащіяся въ нихъ предложенія и увѣренія вашей братской пріязни, удостовѣряетъ и обѣщается, что будетъ ненарушимо соблюдать въ отношеніи къ вашему царскому величеству тѣ же сестрины любовь и пріязнь, которыя имѣла доселѣ къ покойному царю Ивану Васильевичу, отцу вашего величества, преславной и преименитой памяти, на взаимныя отраду и удобство обѣихъ вашихъ державъ и вашихъ вѣрныхъ и любящихъ подданныхъ. О величайшій, могущественнѣйшій и знаменитѣйшій царь!

Потомъ, сдѣлавъ низкій поклонъ, я сѣлъ въ сторонѣ, на небольшой скамьѣ, покрытой ковромъ. Царь съ благосклоннымъ видомъ сказалъ нѣсколько словъ; но канцлеръ пошенталъ ему на ухо, и онъ всталъ, снялъ свою шапку и сказалъ, что радъ слышать, что его любезная сестра Елизавета находится въ добромъ здоровьѣ. Затѣмъ я былъ отпущенъ и отведенъ домой тѣмъ же порядкомъ, какъ пришелъ. Вмѣстѣ съ грамотами я отдалъ особенную записку съ описью даровъ ¹⁾. Вслѣдъ за мною родственникъ боярина-правителя, Иванъ Чемодановъ, принесъ мнѣ 150 блюдовъ съ разными кушавьями, напитки, хлѣбъ и пряности, посланные отъ царя для моего стола; ихъ несли ко мнѣ въ домъ по улицамъ 150 дворянъ. Я подарилъ главному дворянину (Чемоданову) платье алаго сукна, потчивалъ, пилъ и веселился, и наградилъ всѣхъ прочихъ (дворянъ).

На другой день разные дворяне, чиновники, священники и купцы, мои пріятели и знакомые, пришли, по своему обычаю, поздравить меня съ царскою милостию и пили, ѣли и веселились, покуда стало пристаннаго царемъ угощенія. Правитель Борисъ Ѳедоровичъ провелъ цѣлый день въ пересмотрѣ драгоцѣнныхъ камней, цѣпей, жемчуговъ, блюдовъ, золоченаго оружія, алебардъ, пистолетовъ и самопаловъ, бѣлыхъ, красныхъ и алыхъ бархатовъ и другихъ любопытныхъ и дорогихъ вещей, которыя я ему привезъ и до которыхъ онъ былъ большой охотникъ.

¹⁾ П. Передавъ грамоты и поклоны ея величества къ удовольствію обоихъ (царя и правителя), я былъ пожалованъ сотнею кушаній, посланныхъ ко мнѣ на серебряныхъ блюдахъ, съ разными сосудами винъ и другихъ тамошнихъ напитковъ; все это было прислано мнѣ на домъ съ бояриномъ (a duke) и сотнею прислужниковъ; я получилъ въ подарокъ прекрасный вышитый шатеръ, царскія одежды, красиваго коня, съ сѣдломъ и сбруей и двѣ тысячи фунтовъ

Царица, его сестра, приглашенная ихъ видѣть, особенно любовалась органами и клавикордами, которые были раззолочены и украшены финифтью; никогда не видавъ и не слыхавъ ихъ, она была поражена и восхищена громкостью и музыкальностью ихъ звуковъ. Тысячи народа приходили стоять около дворца, чтобы ихъ послушать. Мои люди, которые играли на этихъ инструментахъ, были щедро награждены и допущены въ присутствіе такихъ лицъ, къ которымъ даже и я не всегда имѣлъ доступъ. Всѣ вещи чрезвычайно понравились, даже мой собственный портретъ былъ у меня взятъ, и правитель прислалъ мнѣ сполна цѣну всего, что составляло болѣе 4000 фунт.; кромѣ того его конюшій Иванъ Волковъ привелъ на выборъ мнѣ подъ сѣдло трехъ персидскихъ коней съ богатыми сѣдлами, сбруей и мечами; лошадь, которую я выбралъ, была оцѣнена въ 200 фунтовъ. Другой главный дворянинъ правителя, Михайло Кольцовъ, принесъ мнѣ отъ его величества три тысячи фунтовъ мелкихъ серебряныхъ монетъ, въ знакъ памяти и въ залогъ его милости и любви.—Принявъ все это и щедро наградивъ принесшихъ, я отпустилъ ихъ ¹⁾.

Видъ этихъ рѣдкостей, бульдоговъ, львовъ, органовъ, музыки и другія удовольствія были причиною, что бояринъ-правитель и его друзья безпрестанно обо мнѣ думали (и присылали мнѣ въ подарокъ) шитые золотомъ платки, полотенца, рубахи, балдахины, ковры, кушанья и разныя сласти. Благорасположеніе и милость ко мнѣ были столь велики, что многіе города, монастыри, приказы и чиновники, купцы русскіе и иностранные, получили, по моему ходатайству, разныя льготы, увольненіе отъ многихъ пошлинъ и налоговъ, привилегіи и прощенія, не оставивъ меня безъ благодарности и вознагражденія. Обстоятельства эти мало относятся къ нашему разсказу о состояніи Россіи, но изложены болѣе подробно и правдиво въ ихъ лѣтописяхъ.

Царь, или лучше сказать бояринъ-правитель, имѣя теперь безчисленныя и безпрестанно увеличивающіяся сокровища, не зналъ какъ употребить ихъ такъ, чтобы ознаменовать свою славу. Въ это время Персидскій шахъ былъ весьма угнетаемъ сильными войсками

деньгами. Въ слѣдующей статьѣ говорится о присылкѣ Горсею коня и трехъ (а не двухъ) тысячъ фунтовъ серебра. О присылкѣ одежды и шатра говорится далѣе при описаніи отъѣзда Горсея изъ Москвы. Ю. Т.

¹⁾ Л. Кромѣ того, въ то время, какъ я велъ тамъ переговоры, благодаря особенной милости и дружбѣ, которыми я много пользовался отъ правителя, я имѣлъ къ нему свободный доступъ повсюду и во всякое время и употреблялъ оказываемую имъ мнѣ довѣренность слѣдующимъ образомъ: я исходатайствовалъ помилованіе многимъ бывшимъ въ опалѣ, свободу плѣнникамъ и заключеннымъ въ тюрьмы, прощеніе преступникамъ, пощаду и жизнь многимъ осужденнымъ, сложеніе налоговъ и взысканій, наложенныхъ на монастыри, города и области, войнами, лошадьми, припасами и деньгами. испрашивалъ для нихъ сохраненія и соблюденія ихъ жалованныхъ грамотъ и привилегій. Словомъ во всѣхъ моихъ разумныхъ просьбахъ, мнѣ стоило попросить правителя, чтобы онъ исполнилъ мою просьбу.

и ежегодными набѣгами Турокъ, которые отняли у него всю Мидію, Дербентъ, Шамаху, Бильдиль, Ардабиль и другія его богатѣйшія, лучшія и плодоноснѣйшія области, гнали его къ альпамъ т. е. къ горнымъ странамъ Персіи—Кашану, Таврису, Персеполу, Казбину и пр., а также производили набѣги на дѣвственное непокоренное царство Грузинское по причинѣ его положенія, такъ какъ обитавшіе въ немъ христіане были окружены со всѣхъ сторонъ магометанскими и языческими странами. (Персидскій шахъ и царь Грузинскій) оба присылали къ царю и боярину-правителю нѣсколькихъ посланниковъ съ мольбами о помощи. Такъ какъ неудобно было послать войско столь далеко, черезъ Каспійское море, царь и правитель удовольствовались посылкою пачею взаимы шаху Персидскому подъ вѣрныхъ заложниковъ 200 тысячъ рублей на пять лѣтъ безъ роста, а царю Грузинскому 100 тысячъ марокъ стерлинговъ подъ залогъ его царства, съ отреченіемъ его отъ своего титула. Условіе это было утверждено торжественною грамотою, удостовѣренною уполномоченными обѣихъ державъ.—Но это было поводомъ къ раздору султана съ царемъ.

Борись Ѳеодоровичъ, мѣтя на болѣе самостоятельной и великій титулъ, отправилъ князя Ѳеодора (Ивановича) Хворостинина посланникомъ къ королю Датскому Фридриху договориться о скрѣпленіи союза и дружбы (бракомъ); но третій сынъ короля, герцогъ Іоаннъ и дочь правителя Марія были еще столь малолѣтны, что невозможно было ничто рѣшить. Также, чтобы показать свое величіе, Борись отправилъ посломъ къ Германскому императору Рудольфу (а не къ Максимилиану) извѣстнаго умомъ думнаго дьяка, Аванасія Мосолова (*Власьева?*), съ большою свитою и подарками. (Мосоловъ) переѣхалъ Двину, сѣлъ на Англійскій корабль у пристани Св. Николая, приѣхалъ въ Гамбургъ и Любекъ, гдѣ былъ хорошо принятъ и угощенъ; засталъ императора въ Прагѣ, вручилъ ему грамоты и дары, (состоявшіе изъ) бѣлыхъ соколовъ, двухъ красивыхъ персидскихъ ковровъ, двухъ цѣльныхъ кусковъ золотой парчи, четырехъ сороковъ дорогихъ черныхъ соболей, четырехъ черныхъ лисиць, искусно отдѣланнаго золотого скипетра, и дорогую персидскую листовую броню. (Мосолову велѣно было) предложить дружелюбіе императору и дому Австрійскому, твердый и вѣчный союзъ, изъявить готовность вмѣстѣ съ нимъ поднять оружіе противъ смертельнаго врага Христа и христіанъ—противъ Турокъ, вторгнувшихъ въ то время въ Венгрію и въ другія части имперіи, съ предложеніемъ послать ему въ помощь 50 тысячъ храбрыхъ и опытныхъ конныхъ воиновъ, черезъ три мѣсяца по востребованіи съ тѣмъ только, чтобы императоръ исходатайствовалъ у Стефана Баторія, короля Польскаго, свободный и безпрепятственный пропускъ этого войска черезъ его владѣнія. Посланника этого очень чествовали; его предложенія были приняты съ большимъ удовольствіемъ, ему былъ сдѣланъ торжественный приѣмъ и его отпустили съ большимъ почетомъ. Однако же король Польскій не согласился впустить въ свое королевство такое войско своихъ враговъ, Мо-

сквитянъ, и императоръ послалъ (къ царю) своего посланника съ дарами, (состоявшими изъ) красивыхъ коней, нѣмецкихъ часовъ и пр., и, (объявленіемъ, что) дабы испытать предложенное дружество и воспользоваться имъ, онъ желаетъ занять у царя 300 тысячъ рублей, что составляетъ 900 тысячъ талеровъ. Но царь и Борисъ потребовали заложниковъ и ручательства Фридриха, короля Датскаго, и это пышное предложеніе осталось безъ всякихъ послѣдствій, кромѣ насмѣшекъ и злобы султана и Крымскаго хана; сего послѣдняго султанъ напустилъ на тылъ Москвитянъ съ такимъ огромнымъ войскомъ, что царь Московскій издержалъ много казны и потерялъ много людей. Пользуясь случаемъ, Поляки и Шведы съ общаго согласія въ одно время вторгнулись въ (принадлежавшія) имъ (прежде) земли, (чтобы возстановить) свои прежнія границы и въ это смутное время завоевали обратно все то, что передъ тѣмъ было у нихъ отнято прежнимъ царемъ Иваномъ.

Другое Русское войско было тогда занято покореніемъ Сибири, гдѣ русскія владѣнія были много расширены и откуда былъ присланъ въ Москву царь Сибирскій Чигликъ Алотъ (Chiglicke Alothe) ¹⁾ съ своею матерью и съ своими лучшими дворянами или мурзами, какъ они тамъ называются. Я видѣлъ въ Москвѣ, какъ онъ дѣлалъ своимъ оружіемъ много странныхъ пріемовъ, верхомъ на конѣ и пѣшкомъ, по обычаю своего народа; я также слышалъ отъ него, что въ его странѣ есть нѣсколько Англичанъ или по крайней мѣрѣ, людей такой же наружности какъ я, которые только за два года передъ тѣмъ были взяты съ кораблемъ, пушками, порохомъ и другими богатствами, въ плаваніе свое по рѣкѣ Оби для отысканія сѣверо-восточнаго пути въ Китай.

Нѣсколько Шведскихъ солдатъ бѣжали оттуда и пришли въ Москву служить царю; между ними былъ нѣкто Гавріиль Эльфингстонъ, храбрый Шотландскій капитанъ, которой принесъ мнѣ рекомендательныя письма о себѣ и о шести другихъ Шотландцахъ, бывшихъ солдатами въ его ротѣ, отъ полковника Стюарта, служившаго королю Датскому. Всѣ они не имѣли ни денегъ, ни платья; они просили меня оказать имъ милость, доставивъ имъ службу и удовлетворивъ ихъ нуждамъ. Я далъ Эльфингстону и его товарищамъ 300 талеровъ изъ моего кошелька, снабдилъ ихъ платьемъ и купилъ имъ пистолеты и мечи; когда они были посланы на службу, то ихъ предпочли Шведскимъ солдатамъ, которые пришли вмѣстѣ съ ними. Я доставилъ капитану Эльфингстону начальство надъ ними всѣми, съ назначеніемъ имъ жалованья, лошадей, дачи корма и питья. Нѣсколько времени они вели себя хорошо; но не могли ни уплатить мнѣ (долга), ни вознаградить меня до сего дня, какъ видно изъ ихъ писемъ.

1) Вѣроятно князь *Сейдякъ*, присланный въ Москву въ 1588 году воеводой Чулковымъ (см. прим. стр. 52); съ нимъ были взяты въ плѣнъ царевичъ Казачей орды Салтанъ (царевичъ Киргизскій Уразъ Магметъ), *дуинскій Татаринъ*, царя Кучума, мурза Карача и 500 человекъ. Ю. Т.

Въ это время составился тайный заговоръ между дворянствомъ (съ цѣлью) свергнуть правителя, разрушить всѣ его замыслы и его величіе; онъ не посмѣлъ явно обнаружить этотъ заговоръ, но окружилъ себя хорошей стражей.—Быль (также) открытъ замыселъ отравить и извести юнаго царевича Дмитрія, третьяго сына прежняго царя, его мать и всѣхъ его свойственниковъ и приверженцевъ съ ихъ семействами, которые содержались подъ строгимъ присмотромъ въ отдаленномъ городѣ Угличѣ.

Равнымъ образомъ дядя нынѣшняго царя, Никита Романовичъ ¹⁾, крѣпкій, мужественный бояринъ, уважаемый и любимый всѣми, былъ околдованъ и внезапно лишился языка и разсудка; однако же онъ жилъ нѣсколько времени, но правитель сказалъ мнѣ, что онъ не проживетъ долго. Сына его, двоюроднаго брата царя, Ѳеодора Никитича (Романова) ²⁾ принудили жениться на прислужницѣ своей сестры ³⁾, жены князя Бориса (Кавбулатовича) Черкаскаго; онъ имѣлъ отъ нея сына ⁴⁾, о которомъ услышите болѣе въ послѣдствіи. Вскорѣ послѣ смерти своего отца, Ѳеодоръ Никитичъ, опасный своимъ величіемъ, любовью къ нему народа и доброю своею славою, былъ постриженъ въ монахи и, несмотря на молодость, сдѣланъ архіепископомъ Ростовскимъ ⁵⁾. Второй его братъ не менѣе великодушный, по имени Александръ Никитичъ, не могъ долѣе скрывать своего неудовольствія: онъ нашель случай ранить кинжаломъ правителя, впрочемъ, не столь опасно, какъ бы хотѣлъ и бѣжалъ въ Польшу ⁶⁾, гдѣ, вмѣстѣ съ Богданомъ Бѣльскимъ ⁷⁾, главнымъ любим-

¹⁾ Никита Романовичъ прежнимъ царемъ былъ назначенъ *третьимъ* изъ бояръ съ Борисомъ Ѳеодоровичемъ (въ верховную Думу); по сей послѣдній не хотѣлъ никого допустить до правленія и, какъ я уже сказалъ, извелъ двухъ другихъ первыхъ бояръ. Горсей говоритъ выше о ссылкѣ Б. Я. Бѣльскаго и о смерти князя И. П. Шуйскаго, *втораго* изъ бояръ, упомянутыхъ въ завѣщаніи царя Ивана Васильевича; но умалчиваетъ о смерти *перваго*, князя Ѳеодора Ивановича Метиславскаго, неволею постриженнаго въ 1586 году и въ томъ же году умершаго въ Бѣлозерскомъ Кирилловскомъ монастырѣ. Ю. Т.

²⁾ „Этотъ прекрасный молодой бояринъ подавалъ большія надежды. Я написалъ для него, какъ могъ лучше, Славянскими буквами Латинскую грамматику, которая доставила ему много удовольствія“.

³⁾ Супруга Ѳеодора (Филарета) Никитича была дворянка Ксенія Ивановна Шестова, въ послѣдствіи царица-инокиня Марѳа. Ю. Т.

⁴⁾ Царя Михаила Ѳеодоровича Романова.

⁵⁾ Ѳеодоръ Никитичъ былъ постриженъ въ июнѣ 1601 г., уже при Борисѣ, 16 лѣтъ послѣ смерти своего отца, а въ митрополиты Ростовскіе поставленъ въ 1605 г., при же Дмитріи, 28 лѣтъ послѣ Ливонской войны 1577 г., въ которой его младшій братъ Александръ былъ кравчимъ и воеводою, слѣдовательно уже не въ первой молодости.

⁶⁾ Извѣстіе это невѣрно: Александру Никитичу въ 1598 г., при самомъ воцареніи Бориса, было сказано боярство. Онъ былъ сосланъ только въ 1601 году, при общей опалѣ Романовыхъ, въ Усолье Луду, къ Бѣлому морю, гдѣ вскорѣ умеръ.

⁷⁾ Также несправедливо: Бѣльскій въ 1584 г., при воцареніи Ѳеодора, былъ удаленъ въ Казань только для усмиренія мятежной толпы, которая требовала его головы; въ 1591 г. онъ уже вновь былъ при дворѣ; при воцареніи Бориса (1598 г.) пожалованъ въ окольничіи и подвергся опалѣ только въ 1600 году.

цемъ прежняго царя, чрезвычайно разбогатѣвшимъ, и съ другими, находившимися какъ тамъ (въ Польшѣ), такъ и въ Россіи, лицами не только замышлялъ конечную погибель Бориса Ѳедоровича и всего его семейства, но и раззореніе и ниспроверженіе всего государства, какъ вы услышите и прочтѣте въ послѣдствіи.

Пора, однакоже, возвратиться къ нашему предмету и къ возложеннымъ на меня переговорамъ ¹⁾.

II. Мнѣ было велѣно письменно изложить мои требованія. Въ этомъ случаѣ, какъ можно усмотрѣть, благородный бояринъ (правитель) оказалъ мнѣ свою великую любовь и особенную милость и (даже давалъ мнѣ) тайныя наставленія:

1) Во-первыхъ, прощены были 500 фун., которые оставались въ долгу царю за обществомъ за пошлины прежнихъ лѣтъ.

2) Потомъ прощены были 350 фунт., которые ихъ прикащикъ далъ слово заплатить на постройку новой стѣны около Москвы.

¹⁾ „P. Между тѣмъ я не оставался празднымъ и исходатайствовалъ для торговаго общества:

освобоженіе его конторъ въ Москвѣ, Ярославлѣ, Вологдѣ, Холмогорахъ и въ пристани Св. Николая, которыя были опечатаны, вслѣдствіе наложенныхъ на нихъ огромныхъ пеней по неудовольствіямъ, (происшедшимъ) отъ дурнаго поведенія сара Еремѣя Бауса;

прошеніе тысячи рублей, наложенныхъ на общество по случаю построенія новой стѣны около Москвы, на которую всѣ иностранцы и купцы должны были платить;

прекращеніе иска Московскихъ купцовъ на обществѣ въ 30 тысячахъ рубляхъ, должныхъ однимъ изъ прикащиковъ общества Антономъ Маршемъ (Antony Marsh), котораго поддерживали нѣкоторые изъ знатныхъ совѣтниковъ и чиновниковъ;

уплату 2000 рублей, давно и безнадежно должныхъ царемъ за мѣдь, свинецъ и другіе товары;

освобоженіе Ивана Капелля (Capell) и возвратъ находившихся у него на рукахъ товаровъ общества на 3 тыс. фун., захваченныхъ во время его опалы подъ предлогомъ, что онъ Любекскій купецъ;

заемъ изъ царской казны 4 тыс. рублей для купцовъ, посылающихъ въ Псковъ за льномъ, до тѣхъ поръ пока они успѣютъ распродать свои товары;

заемъ у боярина-правителя также для нихъ, безъ роста, 5 тыс. рублей. Онъ предлагалъ, въ случаѣ нужды, также безъ роста отпустить изъ своей казны еще 10 тыс. фунтовъ;

выдачу мнѣ на руки для отвоза въ Англію всѣхъ незаконно, безъ дозволенія общества, торговавшихъ въ этихъ странахъ купцовъ: ихъ было 29;

прошеніе пошлины, слѣдовавшей царю за этотъ годъ за всѣ товары общества и составлявшей 2 тыс. рублей.

Я испросилъ у царя привилегіи для общества вести торгъ и мѣну во всѣхъ его земляхъ рѣкою Волгою и Каспійскимъ моремъ въ Персію, безо всякихъ пошлинъ и платежей.

Я испросилъ и получилъ отъ царя, за царской печатью, привилегію обществу Англійскихъ купцовъ вести торгъ и мѣну во всѣхъ его владѣніяхъ, свободно и безъ платежа какихъ либо пошлинъ и налоговъ съ своихъ товаровъ, какъ привозныхъ, такъ и отвозныхъ, со всѣми выгодами и удобствами, которыя я только самъ могъ придумать и написать.

3) Также прощены были обществу 500 фунт., которые были присуждены взыскать съ онаго за таковую же сумму, занятую въ Ярославль у царскихъ чиновниковъ прикащикомъ общества, негодяемъ, по имени Антономъ Маршемъ, который сдѣлался несостоятеленъ.

4) Одинъ изъ старшинъ общества, Иванъ Чапель (Charle), бывшій въ опалѣ царской, получилъ прошеніе и свободу; и тысяча марокъ деньгами были уплачены обществу изъ царской казны.

5) Безнадежный долгъ 370 фунт., слѣдовавшій за многіе года съ канцлера Щелкалова, былъ насильно съ него взысканъ и уплаченъ обществу.

6) Другой безнадежный долгъ въ 460 фунт., взятыхъ нѣкоторыми чиновниками за многіе года передъ симъ отъ имени царя, былъ выплаченъ обществу изъ царской казны.

7) Нѣкто Юрій Вислоухъ (Yorse Vislough?), подчиненный Щелкалова, былъ много лѣтъ долженъ обществу 350 фунт.; его наказаніемъ принудили уплатить эти деньги обществу.

8) Общество было освобождено отъ слѣдовавшихъ съ него въ царскую казну разныхъ платежей за свои долги въ Вологдѣ и въ Холмогорахъ.

9) Такъ какъ общество много терпѣло отъ злоупотребленій царскихъ чиновниковъ и во многихъ городахъ, гдѣ торговало, не могло добиться правосудія, довѣренный дворянинъ былъ посланъ по всему государству съ указомъ лучше съ ними поступать.

10) Всѣ незаконно торговавшіе и скитавшіеся по государству Англичане были собраны и назначены къ высылкѣ.

11) Общество было освобождено отъ уплаты болѣе чѣмъ тысячи фунтовъ, слѣдовавшихъ царю пошлинъ за этотъ годъ.

12) Бояринъ Борисъ далъ займы обществу изъ царской казны 5 тыс. фунтовъ денегъ, безъ всякаго роста, настолько времени, сколько обществу будетъ нужно.

13) Наконецъ помянутому обществу пожалована была царемъ, во уваженіе ея величества (королевы) и въ утвержденіе заключеннаго дружественнаго союза, особенно важная грамота, доставлявшая обществу всѣ выгоды, которыя только могли быть придуманы правителемъ и мною; (ею дозволялось обществу) вести торговлю и мѣну во всѣхъ владѣніяхъ царя, не платя никакихъ пошлинъ. Грамоту эту я испросилъ послѣ многихъ споровъ съ канцлеромъ Щелкаловымъ, который, такъ какъ ему поручено было ее написать, подъ разными лукавыми и хитрыми уловками, будто бы изъ желанія прибыли казнѣ, старался уменьшить выгоды, ею дарованныя.

В. Для выгоды купцовъ, я достигъ исполненія всѣхъ ихъ просьбъ, благодаря особенному благорасположенію благороднаго боярина Бориса Ѳедоровича, который всегда оказывалъ мнѣ особенную дружбу ¹⁾.

¹⁾ Р. Никогда никакой посланникъ не могъ до того времени испросить ничего подобнаго, хотя бы истратилъ тысячи, чтобы получить подобную привилегію: она была скрѣплена и утверждена и вручена мнѣ торжественно бояриномъ-правителемъ въ присутствіи всѣхъ бояръ и чиновниковъ и въ тоже время обнародована по всему государству,

Испросивъ привилегію купеческому обществу, я былъ снова отправленъ царемъ къ государынѣ моей, королевѣ Англійской. Въ знакъ своего уваженія и благорасположенія къ королевѣ, бояринъ Борисъ послалъ со мной къ ея величеству истинно царскіе дары, (состоявшіе изъ) горностаевыхъ и рысьихъ мѣховъ, золотой парчи и другихъ дорогихъ предметовъ. Такъ что общество Англійскихъ купцовъ, кромѣ благодарности ея величеству, обязано также своими особенными выгодами моимъ стараніямъ, ибо я доставилъ ему такія преимущества, которыя за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ оно не могло получить.

Р. Правитель переслалъ сокровища въ Соловецкій монастырь, который стоитъ на сѣверномъ берегу моря, близъ предѣловъ Даніи и Швеціи. Онъ имѣлъ въ виду, чтобы они были тамъ въ готовности для перевоза въ Англію, которую онъ считалъ безопаснѣйшимъ мѣстомъ для убѣжища и храненія въ случаѣ, если бы необходимость принудила его (бѣжать изъ Россіи). Всѣ эти сокровища его собственныя, ничто изъ нихъ не принадлежитъ казнѣ, и, по ихъ огромной цѣнности, для Англіи было бы чрезвычайно выгодно имѣть ихъ у себя на храненіи. Но онъ еще сомнѣвался, желая вступить въ союзъ съ Даніей, чтобы имѣть опору въ дружбѣ и въ могуществѣ (сей державы). Ни онъ, ни его (приближенные) не могли удержать этого намѣренія въ тайнѣ; объ немъ прошелъ слухъ и старинное дворянство стало подозрѣвать меня, а такъ какъ бояре и епископы завидовали милости, (которою я пользовался), они перестали оказывать мнѣ прежнее ласковое и дружеское расположеніе. Поэтому я спѣшилъ окончить, какъ можно скорѣе, мои дѣла и, исполнивъ и исходатайствовавъ все и даже болѣе чѣмъ то, что поручено было и чего можно было отъ меня ожидать, по наказамъ и наставленіямъ, мнѣ даннымъ, какъ отъ совѣта (королевы), такъ и отъ общества торгующихъ въ тѣхъ странахъ купцовъ, я въ назначенное время получилъ грамоты царя и былъ почетно отпущенъ съ дозволеніемъ ѣхать.

Р. Мнѣ вручили богатые подарки для королевы отъ царя и въ особенности отъ Бориса Ѳедоровича; мнѣ даны были многочисленные заказы достать многія дорогія вещи и исполнить нѣкоторыя тайныя порученія. Правитель прислалъ мнѣ рѣдкостное платье изъ серебряной парчи, искусно вытканное въ Персіи безъ швовъ, оно было очень цѣнно, но не нравилось мнѣ; красивый вышитый шатеръ, тканые платки, рубахи и полотенца, его близкій родственникъ, Семень Чемодановъ, принесъ мнѣ отъ имени Маріи Ѳедоровны ¹⁾ золотой и серебряной бити; сорокъ отличныхъ соболей, множество самыхъ отборныхъ разныхъ соколовъ съ людьми для доставки ихъ до моря.

На прощаніе я просилъ двухъ милостей, которые были: *во-первыхъ* освобожденіе и отпускъ всѣхъ Лифляндцевъ, мужчинъ, женщинъ, вдовъ и дѣтей, съ ихъ семействами, сосланныхъ въ опалу въ Нижній Новго-

¹⁾ Царницы матери царевича Дмитрія? Ю. 7.

родъ, пустынное мѣсто въ 500 миляхъ разстоянія отъ Москвы; гдѣ, какъ видно изъ ихъ писемъ и прошенія, они были въ ужасномъ положеніи и въ плачевной нищетѣ. Сдѣланъ былъ списокъ всѣмъ ихъ именамъ. Немедленно былъ отправленъ Михайло Кольцовъ къ воеводѣ съ царскимъ приказомъ ихъ освободить. Радость ихъ сердець при ихъ освобожденіи, ихъ благодарственныя слезы и моленія...., все это можно видѣть въ посланныхъ ими вслѣдъ за мною ихъ письмахъ, доселѣ (мною) сохраненныхъ и которыя стоить прочесть. (*Во вторыхъ*): освобожденіе и отпускъ сына одного Гельдернскаго дворянина, господина Захарія Глизендергта, главнаго начальника всей иностранной (наемной) конницы царской; дворянинъ этотъ умеръ въ плѣну, и его 10-ти-лѣтній сынъ и послѣдникъ не былъ отпущенъ на выкупъ несмотря на ходатайство Датскихъ (государственныхъ) чиновъ и короля. Онъ былъ отданъ мнѣ на руки и отправленъ съ моимъ слугою Иваномъ Фризомъ къ своей матери Маргаритѣ де Феглерсъ. Джильсъ Гофманъ и Антонъ фонъ Цельманъ ¹⁾ послали мнѣ тысячу рейхсталеровъ и хорошо наградили моего слугу.

По окончаніи моихъ переговоровъ и по наступленіи времени моего отъѣзда, я получилъ царскія грамоты, богатые царскіе подарки для ея величества. Отпускъ мой соотвѣтствовалъ моему содержанію какъ со стороны царя, такъ и отъ правителя и прочихъ князей и бояръ; я былъ отпущенъ такъ милостиво и съ такими почестями, какъ не бывалъ никакой посланникъ.

Р. Изъ Москвы я выѣхалъ съ большимъ почетомъ: въ провожатые мнѣ данъ былъ дворянинъ, по имени Аванасій Савера, съ 70 телѣгами, чтобы везти мою поклажу на 40 ямскихъ лошадяхъ, собственно для меня и для моихъ спутниковъ (не считая моихъ собственныхъ коней); отъ Москвы до Вологды, 500 миль сухимъ путемъ я ѣхалъ небольшими переѣздами, разбивая (на дневкахъ) палатки; на дорогѣ мнѣ приготовляли обѣдъ и ужинъ и всякіе припасы. Въ Вологдѣ воевода князь Михайло Долгорукой пріѣхалъ ко мнѣ съ большой свитой привѣтствовать меня съ царской милостію. Онъ велѣлъ приготовить мнѣ два большіе судна или дощаника съ кормчими и 50 гребцами для плаванія моего по рѣкѣ Двинѣ, на протяженіи тысячи миль. Передо мной на легкой лодкѣ ѣхалъ мой приставъ, чтобы заготовлять мнѣ во всѣхъ городахъ, гдѣ я останавливался, кушанье, питье и гребцовъ, его сопровождалъ мой слуга для наблюденія, чтобы онъ не бралъ лишняго и не дѣлалъ бы злоупотребленій ²⁾).

1) „Которые были заложниками“, вѣроятно: „которые обязались выкупить этого мальчика“. Ю. Т.

2) В. Такъ какъ я былъ особенно почетно провожаемъ при посылкѣ меня царемъ, то расскажу здѣсь какимъ образомъ я ѣхалъ изъ Москвы. Мнѣ давали, во все продолженіе моего длиннаго пути, большое количество лошадей для меня самаго и для моихъ людей, съѣстные и всякіе другіе нужные припасы. На протяженіи 500 миль отъ Москвы до Вологды, въ каждомъ городѣ мнѣ от-

Такимъ образомъ ¹⁾ я прїѣхалъ къ монастырю и крѣпости Архангельску, гдѣ у воротъ былъ встрѣченъ воеводой княземъ Василиемъ Звенигородскимъ съ 300 стрѣльцами, въ честь моего прїѣзда онъ велѣлъ имъ стрѣлять изъ своихъ пищалей и палить изъ всѣхъ крѣпостныхъ орудій; равнымъ образомъ, по его приказанію, передъ моимъ выѣздомъ всѣ тамъ стоявшіе Голландскіе и Французскіе корабли также дали залпъ изъ своихъ пушекъ. На слѣдующій день онъ угощалъ меня; привелъ меня къ своей баркѣ, далъ мнѣ 50 человѣкъ гребцовъ и 100 стрѣльцовъ, которые въ небольшихъ лодкахъ должны были провожать меня до Розоваго острова, всячески чествовалъ меня (наряженный въ своемъ золотомъ кафтанѣ), сказалъ, что царь письменно приказалъ ему это дѣлать, простился со мной и просилъ меня свидѣтельствовать передъ Борисомъ Ѳеодоровичемъ объ его услугахъ. Такъ какъ Розовый островъ былъ въ 30 миляхъ, то онъ прїѣхалъ со мной туда на нѣсколько часовъ; тамъ я былъ встрѣченъ Англійскими старшинами, агентомъ и купцами. Стрѣльцы вышли на берегъ прежде меня, стали въ ряды и выпалили изъ своихъ пищалей; корабли, слыша это, также выпалили изъ нѣкоторыхъ изъ своихъ пушекъ. Стрѣльцовъ и гребцовъ угостили виномъ у дверей погреба и въ ту же ночь отослали обратно въ крѣпость. На другой день монахи (обители) Св. Николая принесли мнѣ въ подарокъ свѣжихъ лососей, ржаныхъ хлѣбовъ, кубки и крашенныя блюда. На третій день послѣ моего прїѣзда, воевода прислалъ ко мнѣ чиновника, капитана Заблока Завору, который вручилъ мнѣ списокъ съ милостиваго наказа, даннаго ему относительно меня царемъ и Борисомъ Ѳеодоровичемъ. Онъ далъ мнѣ слѣдующіе припасы ²⁾: 20 живыхъ

пускали на счетъ царя обильное содержаніе. Въ каждомъ городѣ вдоль по рѣкѣ Двинѣ, на протяженіи тысячи миль, царскіе чиновники заготовляли новыя съѣстные припасы.

¹⁾ В. Когда я прибылъ къ новой крѣпости, называемой Архангельскъ, я былъ, согласно съ приказомъ царя, принятъ въ крѣпость воеводой, княземъ Василиемъ Андреевичемъ Звенигородскимъ; въ крѣпости стрѣльцы, по ихъ обычаю, были выстроены въ рядахъ, и мнѣ былъ данъ торжественный праздникъ. Оттуда я отправился, обильно снабженный съѣстными и другими припасами, на воеводиной баркѣ, на которой гребли сто гребцовъ; сто стрѣльцовъ со дворяниномъ, начальникомъ своимъ, провожали меня на другихъ лодкахъ. Когда я проѣзжалъ мимо того мѣста, гдѣ стояли Англійскіе, Голландскіе и Французскіе корабли, стрѣльцы выпалили изъ своихъ ружей, и корабли также дали залпъ изъ 46 орудій. Такимъ образомъ я прибылъ въ помѣщеніе, отвѣденное мнѣ въ Англійскомъ домѣ на Розовомъ островѣ.

²⁾ В. Въ заключеніе милостей царя и Бориса Ѳеодоровича ко мнѣ, на другой день мнѣ прислали съ дворяниномъ и капитаномъ слѣдующіе припасы на время моего переѣзда моремъ: 16 живыхъ быковъ, 70 овецъ, 600 куръ, 25 окороковъ, 80 кулей муки, 600 хлѣбовъ, 2000 яицъ, 10 гусей, 2 журавлей, 2 лебедей, 65 галенковъ меда, 40 галенковъ водки, 60 галенковъ нива, 3 медвѣжатъ, 4 соколовъ, запасъ лука и чеснока, 10 свѣжихъ лососей и дикаго кабана.

Всѣ эти вещи были привезены чиновникомъ отъ царя и другимъ чиновникомъ отъ боярина Бориса Ѳеодоровича и были приняты моимъ слугою Иваномъ Фризомъ.

быковъ и воловъ, 70 живыхъ овецъ, 600 куръ, 40 окороковъ, 60 кулей муки, 100 хлѣбовъ, 2000 яицъ, 100 галенковъ меда, 40 галенковъ водки, 200 галенковъ пива, 2 дойныхъ коровъ, 2 козъ, запасы лука и чеснока и 10 свѣжихъ лососей.

Эти припасы были принесены четырьмя дюжими носильщиками, множествомъ водоносовъ и другихъ людей, которые были отпущены, какъ слѣдуетъ.

Я былъ радъ немного отдохнуть и сталъ перечитывать милостивое письмо, которымъ меня почтила королева, наказъ почтеннѣйшаго тайнаго совѣта ея величества, частныя письма членовъ онаго, наказы (торговаго) общества и многія другія памятныя записки моихъ пріятелей. Всѣ эти бумаги я сохранилъ до сего дня на свое утѣшеніе и на чтеніе моему потомству послѣ меня. Я провелъ нѣсколько времени въ увеселеніи (торговыхъ) старшинъ и купцовъ разными бывшими при мнѣ забавами: музыкой, пляшущими медвѣдями, игрой на дудкахъ, барабанахъ и трубахъ; угощалъ ихъ и щедро подѣлился съ ними моими припасами. Между тѣмъ я поспѣшно отправилъ довѣреннаго служителя Замитина ко двору, къ Борису Ѳедоровичу и къ другимъ боярамъ и сановникамъ съ моими письмами и покорными благодареніями за всѣ эти милости. Отъ него (Бориса) я получилъ милостивѣйшія письма ¹⁾ и новые подарки съ г-номъ Францискомъ Черри (который привезъ мнѣ) цѣльный кусокъ золотой парчи на платье, чтобы я ее носилъ на память Бориса Ѳедоровича, и одинъ сорокъ хорошихъ соболей на подбивку его. Если кому угодно видѣть эти письма, ихъ стоитъ посмотрѣть и прочесть, какъ по ихъ наружному виду, такъ и по ихъ слогу.

Р. Послѣ всего этого хорошо спабженный и готовый (къ отъѣзду) я съ своими спутниками сѣлъ на большой корабль Центуріонъ на другой день послѣ Св. Варооломея ²⁾ и ровно черезъ пять недѣль пріѣхалъ съ ними въ Тинмусъ ³⁾ въ Нортумберландѣ; оттуда съ четырьмя слугами въ четыре дня я пріѣхалъ черезъ Іоркъ въ Лондонъ и явился ко двору въ Ричмондъ.

Стараніями лорда казначея и тогдашняго г-на (государственнаго) секретаря сэра Франциска Уэльсингэма, я былъ представленъ королевѣ; имѣлъ аудіенцію, вручилъ грамоты и привилегіи царя, дарованныя под-

¹⁾ В. Я также получилъ почетное письмо и подарокъ, присланные мнѣ бояриномъ Борисомъ съ Англичаниномъ, г-номъ Францискомъ Черри; подарокъ этотъ состоялъ изъ цѣлой половинки богатой золотой парчи и красивой пары соболей.—Здѣсь оканчивается Горсеево „Описаніе царскаго вѣнчанія“ и пр. (см. стр. 47). Статью эту онъ заключаетъ словами: „этотъ господинъ (т. е. самъ Горсей) замѣтилъ много другихъ странныхъ предметовъ въ этихъ странахъ и замѣчанія его въ послѣдствіи, если Богу угодно, въ болѣе способное и свободное время появятся въ свѣтъ“.

²⁾ Св. Варооломея по Англійскому календарю 25-го августа.

³⁾ Горсей пріѣхалъ въ Тинмусъ 30 сентября 1587 года. *Примѣчаніе Англ. издателя.*

даннымъ ея величества, какъ залогъ братской любви царя къ королевѣ ¹⁾. Я далъ отчетъ въ данныхъ мнѣ порученіяхъ, о которыхъ ея величеству угодно было распросить меня весьма подробно въ милостивыхъ выраженіяхъ и съ благосклоннымъ видомъ; послѣ чего ея величество похвалила г-ну секретарю Уэльсингѣму мое хорошее поведеніе и отпустила меня на этотъ разъ.

Нѣсколько недѣль спустя, когда грамоты и привилегіи были переведены ²⁾ и прочтены королевѣ, она сказала: „Право, лорды, подарокъ государя Московскаго истинно царскій и купцы этого не стоятъ ³⁾, но я надѣюсь, что они лучше поступятъ съ моимъ слугою, Еремѣемъ Горсеемъ, и лучше его награждать. Прошу васъ наблюдать за этимъ, (прибавила она), обращаясь къ лорду-казначею и къ г-ну секретарю. Потомъ она приказала мнѣ стать около нея на колѣна, разсматривала въ грамотахъ очертаніе буквъ, нѣсколько сходное съ Греческимъ, спрашивала меня: не имѣютъ ли такія то буквы и знаки такого то значенія; сказала: „я могла бы скоро выучиться этому языку“. Просила лорда Эссекса выучиться прекраснѣйшему и обильнѣйшему нарѣчію въ мірѣ. Въ послѣдствіи его превосходительство очень любилъ этотъ языкъ и находилъ въ немъ удовольствіе, когда это (занятіе) не стоило ему труда и не отнимало болѣе времени, чѣмъ сколько онъ могъ на него употребить.

Корабли благополучно прибыли въ Лондонъ; мои подарки и запасы были выгружены. Я испросилъ новую аудіенцію и былъ призванъ въ Гриничъ. При мнѣ были двѣнадцать хорошо одѣтыхъ слугъ и провожатыхъ, чтобы нести мои подарки; противъ моего желанія, ея величество приказала г-ну Генриху Сакфильду (Sackfield) провести ихъ заднимъ ходомъ. Я вошелъ въ приемную комнату, гдѣ сидѣла ея величество; при ней находились графъ Эссексъ, лордъ-казначей, сэръ Тома Гинеджъ (Heapedge), сэръ Уальтеръ Ралей (Rawly т. е. Raleigh) и др., лэди маркиза (the lady Marques), лэди Уарвикъ (Warwicke) и другія лэди. Я вручилъ мои грамоты отъ боярина Бориса Фодоровича, (изъяснивъ) его санъ, передавъ его дружелюбныя и покорнѣйшія предложенія услугъ и сказавъ, что онъ желаетъ служить ея императорскому и священнѣйшему величеству предпочтительнѣе, чѣмъ кому либо изъ всѣхъ государей и властителей въ мірѣ. (Королева сказала): „если этотъ князь столь знаменитъ въ рѣчахъ, чего же должно ожидать отъ его грамотъ? Прошу ихъ распечатать: прочтите ихъ г-нъ секретарь?“ На это сей послѣдній отвѣчалъ: „позвольте доложить вашему величеству, что нужно время, чтобы ихъ перевести; я поручу (переводъ) ихъ тому, кто ихъ

¹⁾ П. По пріѣздѣ моемъ ко двору, который находился тогда въ Ричмондѣ, ея величество самымъ благосклоннымъ образомъ приняла отчетъ, который я отдалъ въ моемъ посольствѣ, и также изволила принять привилегіи и царскіе подарки, врученные мною ея величеству.

²⁾ „Онѣ были за золотыми печатями съ изображеніемъ парящихъ орловъ“.

³⁾ „Королева весьма гнѣвалась на купцовъ по причинѣ жалобъ сэра Еремѣя Бауса и тяжбъ и распрей (возникшихъ) между ними“.

привезъ“. Тогда ея величество спросила подарки: они были принесены въ галерею. Королева приказала нѣкоторымъ (изъ присутствовавшихъ) остаться (въ комнатахъ) или уйти, боясь, чтобы они не выпросили (чегонибудь для себя). Я подавалъ ея величеству подарки: она дотрогивалась до cadaго своей рукой. Я подаль четыре куска персидской золотой парчи и два цѣльные куска серебряной парчи необыкновенной работы, огромную богатую мантию бѣлаго штофа съ изображеніемъ солнца въ полномъ сіяніи, золотые и серебряные лучи его были вытканы самыми яркими цвѣтами, серебряные и золотые шелки, которые, для показанія ихъ красоты, были уложены въ гладь; большой прекрасный турецкій коверъ, четыре сорока очень богатыхъ, черныхъ соболей, шесть бѣлыхъ съ пятнами пушистыхъ рысѣихъ мѣховъ, двѣ бѣлыя горностаевыя шубы. Королева даже вспотѣла, перебирая золотую парчу, а въ особенности богатые соболя и другіе мѣха; она приказала двумъ своимъ горничнымъ г-жѣ Скадморъ (Skidmor) и г-жа Ретклифъ (Ratcliff) съ помощію г-на Ивана Стенгопа (Stanhope) уложить всѣ эти вещи въ кладовую ея величества. (Потомъ королева) смотрѣла изъ окна на двухъ бѣлыхъ кречетовъ, на ловчихъ соколовъ и на двухъ ястребовъ; приказала лорду Кумберланду и сэру Генриху Ли (Lee) взять ихъ на свое попеченіе и на свой отвѣтъ. Ея величество подняла руку и сказала, что это истинно рѣдкій и царскій подарокъ, поблагодарила меня и отпустила.

Я просилъ г-на вице-камергера, чтобы Лондонскіе купцы оцѣнили мѣха, суконники—золотую парчу, а лордъ Кумберландъ и сэръ Генрихъ Ли сказали бы цѣну птицъ для охоты.

Письма и привилегіи были переведены ¹⁾. Сэръ Роландъ Гейвардъ, сэръ Егоръ Барнъ, сэръ Иванъ Гартъ и г-нъ пріемщикъ Смисъ, вмѣстѣ съ другими главными старшинами и купцами, получили свои привилегіи; причемъ имъ дано было строгое, хотя и милостивое наставленіе. Они очень меня чествовали и сдѣлали мнѣ дружескій пріемъ. Я замѣтилъ между ними раздоръ и видѣлъ старанія изъ подъ руки болѣе о частныхъ выгодахъ и прибыляхъ, чѣмъ объ общественномъ благѣ, такъ что ихъ несогласія и дурное завѣдываніе своею торговлею, какъ въ Англіи, такъ и въ чужихъ краяхъ помѣшало имъ воспользоваться льготами и преимуществами этой важной и милостивой привилегіи, а тѣмъ еще менѣе сохранить ее.

II. Королева также изволила щедро меня наградить за мои труды и старанія въ этомъ дѣлѣ.

P. Мнѣ надобно кропленіе придворной воды, какъ мой почтенный, добрый пріятель, сэръ Францискъ Уэльсингэмъ, называлъ льстивыя рѣчи и привѣтствія; мнѣ хотѣлось удалиться, чтобы вести жизнь болѣе безо-

¹⁾ II. Ея величеству угодно было самой объявить знаменитому обществу купцовъ, ея вѣрныхъ подданныхъ и всѣмъ торгующимъ въ тѣхъ странахъ, означенныя привилегіи, повелѣвая и предупреждая своимъ королевскимъ словомъ, чтобы они разумно соблюдали сіи привилегіи, исполняли и сохранили ихъ, по ихъ важности.

пасную, уединенную и спокойную, чѣмъ въ теченіи предшествовавшихъ семнадцати лѣтъ, которыя я провелъ среди опасностей, ужасовъ и безпокойствъ, проживая мой доходъ и гораздо болѣе того, чѣмъ сколько бы прожилъ разсудительный и умѣренный человѣкъ, который заботится о будущемъ. Я вознамѣрился основаться и собрать въ одно все свое бѣдное имущество и для того взять изъ рукъ общества мой капиталъ съ прибылями и барышами.

Въроятно по поводу этого расчета съ обществомъ, Горсей подвергся разнымъ обвиненіямъ, которыя побудили его уѣхать скрытно въ Россію, откуда онъ, въ 1588 году, былъ вытребованъ Англійскимъ правительствомъ и отосланъ назадъ въ Англію съ Елизаветинымъ посломъ докторомъ Флетчеромъ. Обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ Горсей умалчиваетъ въ своихъ сочиненіяхъ; единственный находящійся въ нихъ намекъ о его бытности въ Россіи въ 1588 году заключается въ слѣдующихъ двухъ статьяхъ.

II. Около двухъ лѣтъ спустя, помнится, былъ присланъ отъ царя къ ея величеству гонецъ ¹⁾ (съ объясненіями) относительно неудовольствій, происшедшихъ по поводу одного негодяя—Антонна Марша, который, въ бытность свою прикащикомъ купцовъ общества, занялъ за ихъ счетъ у дворянъ, купцовъ и другихъ подданныхъ царя около 20 тысячъ фунтовъ, истратилъ и промоталъ ихъ. Въ послѣдствіи деньги эти весьма неосновательно были взыскиваемы съ общества, и Маршъ былъ подкупленъ канцлеромъ Шелкаловымъ, чтобы вести искъ противъ общества.

Также въ 1588 году былъ посланъ отъ ея величества къ царю д-ръ Флетчеръ ²⁾. Прежнее благорасположеніе боярина Бориса въ это время много измѣнилось, какъ видно было по его дурному обращенію съ обществомъ, а также по дурному приему, сдѣланному д-ру Флетчеру. Я самъ въ это время былъ въ немилости у царя по поводу совершенно ложнаго доноса моего слуги, Фомы Уостенэма; онъ влюбился въ одну Ливонскую дворянку и, чтобы сдѣлаться свободными, вмѣстѣ съ извѣстнымъ негодяемъ этой страны Шелкаловымъ, врагомъ ея величества и ея подданныхъ, оклеветалъ меня, будто бы я у себя за столомъ говорилъ о царѣ такія скверныя слова, которыя непристойно произнести. Объ этомъ было донесено совѣту, составленному изъ членовъ царскаго семейства (Годуновыхъ?); мнѣ сдѣланъ былъ строгій выговоръ, и на меня принесена была жестокая жалоба ея величеству. Вышеупомянутый Уостенэмъ за этотъ доносъ былъ награжденъ землями и жалованьемъ, женился на означенной дворянкѣ, но скоро получилъ заслуженное наказаніе. Въ самой Москвѣ, на улицахъ онъ былъ осмѣянъ, битъ и заколоченъ всѣми проходящими и наконецъ умеръ въ самомъ несчастномъ положеніи. Однакожь, по необходимости, ея величеству было угод-

¹⁾ Регинальдъ (Елизаръ) *Бекманъ* поѣхалъ къ Елизаветѣ въ іюнѣ 1588 года, а возвратился въ іюль 1589. *Ю. Т.*

²⁾ Онъ пріѣхалъ въ Москву 25 ноября 1588 г., а выѣхалъ въ августъ 1589. *Ю. Т.*

но вновь послать меня къ царю и къ боярину правителю съ своими письмами и порученіями.

Р. Ея величеству и ея совѣту угодно было дать мнѣ порученіе болѣе трудное и болѣе опасное, чѣмъ какое либо изъ тѣхъ, которыя были прежде на меня возлагаемы ¹⁾).

Однажды королева завела серьезный разговоръ о бояринѣ правителѣ Борисѣ Ѳедоровичѣ, объ его величїи и правленїи, о царицѣ и о бояринѣ, супругѣ его; спрашивала о разныхъ предметахъ и изъявила желаніе имѣть одно изъ ихъ (царицы и боярыни) самыхъ пышныхъ платьевъ ²⁾); (также говорила о томъ) какимъ искуснымъ политическимъ дѣйствиємъ можно склонить этого боярина, чтобы онъ исполнилъ свое намѣреніе и перевелъ свои сокровища на храненіе въ Англію ³⁾). На это я отвѣчалъ, что желалъ бы сохранить это въ тайнѣ, потому что нѣкоторыя другія тайныя порученія, на меня возложенныя, будучи разглашены не по моей винѣ, достигли ушей боярина и царицы и подали поводъ къ разнымъ неудовольствїямъ и непрїятностямъ ⁴⁾), такъ что нѣсколько гонцовъ, а именно: Бекманъ, Крау и Гарляндъ, были нарочно присланы узнать, какое дѣйствиѣ имѣли эти слухи, отъ кого и какимъ образомъ они были распушены. Это повело къ большимъ неудовольствїямъ и причинило много непрїятностей мнѣ и другимъ важнымъ лицамъ; о нихъ не слѣдуетъ говорить, а тѣмъ менѣе писать. Между прочими (клеветниками) да проститъ Богъ сэру Еремѣю Баусу. „Если такъ,“ сказала королева, „то намъ угодно, чтобы это дѣло было лучше разобрано и дознано.“—„Нѣтъ, умоляю васъ! Если ваше величество ожидаетъ хорошаго успѣха отъ моего посольства, передайте это дѣло молчанію и не поднимайте его вновь“.

Въ это время Фридрихъ, король Датскій, наложилъ въ своемъ Зундѣ и Копенгагенѣ запрещеніе на корабли и на товары Англійскихъ

¹⁾ „Это сдѣлано было единственно по причинѣ достигнутыхъ мною въ теченїи семнадцати лѣтъ опытности и познанія языковъ; нѣкоторыми изъ нихъ я хорошо владѣлъ, другіе же, какъ то Персидскій, Греческій, Польскій и Нѣмецкій зналъ только отчасти, по разговорамъ съ посланниками, дворянами и купцами. По желанію г-на секретаря Уэльсингема, который хотѣлъ знать взаимную ихъ разницу и произношеніе, я написалъ ему (нѣсколько реченїй на разныхъ языкахъ)“.

По слѣвянски: . . . (приводится фраза, которая воспроизведена въ статьѣ Ю. Толстого, помѣщенной въ „Отечественныхъ Запискахъ“).

По польски: *Bozia da vachinins Coorovia malascova moia pana.*

По нѣмецки: *Der hemmell ys both und de erde doep averst der h^o.*

По персидски: *Sollum alica. Barracalla. Shonam cardash. alica so.*

По ливонски: *Cusha casha keil sor sull yu umaluma dobrofta. A. C.*

²⁾ „Что обошлось моему кошельку дороже, чѣмъ сколько я за него получилъ“.

³⁾ „Слишкомъ поздно“, приписываетъ Горсей на полѣ своей рукописи.

⁴⁾ Горсей очевидно намекаетъ на распросы свои относительно леченія безчадїи царицы Ирины. Разглашенія этого тайнаго порученія его слѣдуетъ, кажется, приписать самой Елизаветѣ, которая приказала торговому обществу прїискать и отправить къ царицѣ повивальную бабку. Ю. Т.

кущовъ за неправильное внесеніе ими своихъ платьевъ и товаровъ въ его таможеню, чрезъ что все подверглось конфискаціи на его благоусмотрѣніе. Купцы просили королеву письменно требовать вознагражденія ихъ за убытки. О такихъ же письмахъ къ королю Польскому ходатайствовали купцы, торгующіе на Балтійскомъ морѣ по причинѣ разныхъ обидъ и несправедливостей, претерпѣнныхъ ими отъ его подданныхъ. Желая мнѣ возвышенія и добра, г-нъ секретарь думалъ, что я могу устроить все это проѣздомъ къ царю Московскому, (тѣмъ болѣе, что) мнѣ было назначено на моемъ пути заѣхать въ Кельнъ, куда созванъ былъ имперскій сеймъ, и проводить въ Германію сэра Горація Паллавичино и г-на де Френа ¹⁾, посла короля Французскаго (и Наваррскаго, Генриха 4-го). Я хорошо, какъ слѣдуетъ, изготовился къ отъѣзду. Мнѣ назначено было по сорока шиллинговъ въ день; даны были открытые листы и вѣрительныя грамоты для проѣзда чрезъ разныя государства и страны, а также всякаго рода наказы и наставленія. Королева дала мнѣ небольшую стклянку съ нѣкоторымъ количествомъ цѣлительнаго бальзама, полученнаго ею отъ сэра Франциска Дрэка, какъ весьма драгоцѣнное и вѣрное (лекарство) противъ яда и ушибовъ. Королева дала мнѣ также портретъ своего величества, вырѣзанный на прекрасномъ голубомъ сапфирѣ, (въ вознагражденіе) за разныя очень дорогіе Московскіе платки, наволоки, полотенца и т. п., богато вытканые изъ золотой и серебряной (бити) и изъ персидскихъ шелковъ; портретъ этотъ она просила меня носить на память о ея ко мнѣ милости. Я поцѣловалъ ея руки и простился.

Р. Одинъ ²⁾ изъ кораблей ея величества былъ назначенъ для сэра Горація Паллавичино и для Французскаго посланника; другой, по имени „Карлъ“, для меня съ товарищами. Я пріѣхалъ въ Линнъ. Совѣтъ (королевы) былъ извѣщенъ, что входъ въ эту гавань опасенъ для королевинныхъ кораблей; поэтому намъ велѣно было съѣсть на корабли въ Ярмусъ. Дорогой мы заѣхали въ Кембриджъ по желанію Французскаго посла, но вопреки желанію сэра Горація; въ Кембриджѣ намъ былъ

¹⁾ Sir Oracio Pallavecine т. е. Sir Orazio Pallavicino, Генуэзецъ протестантъ, поселившійся въ Англии, былъ усерднѣйшимъ агентомъ королевы Елизаветы въ собраніи и перевозѣ денегъ въ Германію и Нидерланды для вспоможенія протестантской партіи.

Monzer de Grezen, д. б. Philippe de Canaye, sieur de Fresne, Филиппъ де Канэ, владѣлецъ де Френъ, Французъ-протестантъ, былъ употребленъ Генрихомъ 4-мъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Англійей и Германіей. Въ 1589 г. онъ былъ присланъ королемъ въ Англию вмѣстѣ съ Иваномъ де ла Фенъ (Jean de la Fin, seigneur de Beauvoir de la Noche). *Примѣч. Англ. издателя.*

²⁾ II. Въ апрѣлѣ 1589 (д. б. 1590) года, получивъ въ Гриничѣ отъ ея величества мои наказы и мой отпускъ, я сѣлъ на одинъ изъ королевинныхъ кораблей, по имени „Карлъ“, который назначенъ былъ взять меня съ товарищами въ Ярмусъ и высадить меня въ Штаденъ.

Но, по выходѣ нашемъ въ море, благодаря неискуству шкипера, противный вѣтеръ загналъ насъ между двухъ опасныхъ мелей на Фрисландскомъ

сдѣланъ очень ученый пріемъ ¹⁾. Чрезъ Норичъ мы пріѣхали въ Грмушь, гдѣ будучи задержаны нѣсколько времени противными вѣтрами, были весьма учтиво приняты тамошними горожанами и сосѣдными дворянами. Между двумя посланниками было нѣкоторое несогласіе: одинъ былъ чрезмѣрно гордъ, другой бралъ надъ нимъ верхъ своимъ дипломатическимъ званіемъ ²⁾; я старался помирить ихъ, опасаясь, (чтобы это несогласіе) не помѣшало успѣху дѣла, по которому оба они были посланы. (Между тѣмъ) погода сдѣлалась благопріятна для нашего плаванія; мы отправились—они по своему порученію, а я по моему; но какъ я, такъ и они подверглись опасности быть выброшенными бурей на Эмденскій берегъ къ Штадену, куда мы наконецъ прибыли.

II ³⁾. Мнѣ оставалось до Эмдена около 30 миль и я былъ очень упорно преслѣдованъ бродягами солдатами, находившимися въ засадѣ; благодаря попутному вѣтру и (скорому ходу) нашей лодки, мы прибыли къ Эмденскимъ стѣнамъ прежде ихъ. Насъ подняли посредствомъ вѣрота черезъ стѣны, такъ какъ вѣрота съ этой стороны города были завалены. Я обратился къ Эмденскому графу съ просьбой дать мнѣ стражу для безопаснаго проѣзда черезъ его землю и предъявилъ ему грамоты и открытый листъ ея величества; ему угодно было назначить двадцать хорошо вооруженныхъ всадниковъ, чтобы проводить меня черезъ самыя опасныя мѣста до Бремена.

P ⁴⁾. Узнавъ корабли королевы по ихъ вооруженію и флагамъ, какъ жители города (Штадена), такъ и Англійскіе купцы сдѣлали намъ хорошій пріемъ, отвели каждому изъ насъ хорошее помѣщеніе, снабдили насъ винами, свѣжими съѣстными припасами и привѣтствовали рѣчами.

Изъ Штадена Паллавичино и де Френъ отправились къ герцогу Саксонскому и къ прочимъ имперскимъ принцамъ, главнымъ союзникамъ королевы, а я направился на Кельнъ. Пріѣхавъ въ Гамбургъ, я приказалъ своему слугѣ Ивану Фризу рано утромъ наклеить на двери

берегъ; поднялась буря, и корабль нашъ до того наполнился водою, что мы принуждены были очистить нашу палубу и побросать въ море канаты, орудія и тому подобные предметы; однакоже цѣлую ночь мы не имѣли никакой надежды спасти нашъ корабль и нашу жизнь. Многіе погибли не далеко отъ насъ. Мнѣ удалось пересѣсть въ Эмденскую лодку, оставивъ корабль и людей въ великой опасности.

¹⁾ „he and wee wear verie academicallie enterteyned“, „онъ и мы были очень академически угощены“, вѣроятно: привѣтствованы рѣчами преподавателей и учениковъ. Ю. Т.

²⁾ Такъ, кажется, слѣдуетъ понимать выраженіе Горсея: „the other, takes advantage by pollicie“.—т. е. „по политикѣ“;—ибо Паллавичино былъ только агентомъ королевы Елизаветы, а де Френъ—посланникомъ короля Генриха 4-го. Ю. Т.

³⁾ P. Сэръ Горацій и Французскій посланникъ едва спаслись отъ шайки бродягъ, которая ожидала ихъ близъ женскаго монастыря около Буктогау (Bucktohu) и хотѣла ваять съ нихъ окупъ.

⁴⁾ II. По пріѣздѣ моемъ въ Штаденъ, туда благополучно прибылъ корабль королевы.

городовой ратуши объявленіе на Латинскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ о томъ, что ея величество королева Англійская запрещаетъ какъ Гамбургъ, такъ и всѣмъ прочимъ Ганзейскимъ и приморскимъ городамъ, провозить въ Испанію черезъ Британскій каналъ какіе бы то ни было съѣстные припасы, зерновой хлѣбъ, военные снаряды, порохъ, канаты и иной какой такелажъ и морскія снасти, подъ опасеніемъ ихъ конфискаціи. Изъ Гамбурга я поспѣшно проѣхалъ 10 миль до Любека, гдѣ я вручилъ подобное объявленіе бургомистру, который началъ браниться, говоря, что они (Любчане) будутъ провозить свои грузы наперекоръ могуществу Англійской королевы ¹⁾.

Оттуда ²⁾ черезъ Липсвикъ (Lipswicke) я приѣхалъ въ Кельнъ, гдѣ назначено было сейму собраться; но сеймъ этотъ не состоялся по невозможности имперскихъ принцевъ съѣхаться: епископъ Трирскій былъ боленъ; епископъ Майнцскій, Пфальцграфъ, герцоги Саксонскій и Бранденбургскій и другіе не приѣхали. Согласно съ моимъ наказомъ, я отправилъ нарочнаго гонца, г-на Парвиса, увѣдомить королеву и совѣтъ, что сеймъ отложенъ на три года (и будетъ созванъ) въ Регенсбургъ; вслѣдствіе чего былъ оставленъ выѣздъ (изъ Англій) сэра Эдуарда Дейера, назначеннаго посланникомъ отъ ея величества. Любопытно однакоже было посмотрѣть на остальныхъ принцевъ, кардиналовъ, посланниковъ, на ихъ свиты, людей и запасы, которые были собраны тамъ (въ Кельнѣ).

Посланникъ королевы, сэръ Горацій Паллавичино, и посоль короля Наваррскаго, г-нъ де Френъ вели переговоры съ герцогами Саксонскимъ, Бранденбургскимъ и нѣкоторыми другими имперскими принцами, прося ихъ послать восемь тысячъ Швейцарцевъ въ помощь королю Генриху 4-му для овладѣнія Французской короной, которую его подданные оспаривали у него. Принцы эти не сочли ни во что (просьбу) короля Французскаго и его посла; но изъ любви и уваженія къ ея Англійскому величеству и по ея поручительству въ уплатѣ (имъ денегъ за сіе войско), они согласились послать въ помощь королю Наваррскому восемь тысячъ опытныхъ солдатъ, изъ коихъ четыре тысячи были набраны и отправлены въ четырнадцать дней. Это было сдѣлано благодаря стараніямъ и кредиту сэра Горація Паллавичино: женившись на дочери Джильса Гофмана, онъ, посредствомъ сего послѣдняго, Антона Ансельмана и другихъ тамошнихъ значительныхъ купцовъ, занялъ подъ заемныя письма въ Франкфуртѣ, Штаденѣ и Гамбургѣ 20 тысячъ фунтовъ стерлинговъ, которые были употреблены на наборъ и снаряженіе этихъ Швейцарцевъ. (Между тѣмъ) Французскій король прислалъ свое-

¹⁾ „За что они и заплатились“—приписано на полѣ рукописи Горсея.

²⁾ П. Я намѣревался отправиться въ Кельнъ, по приказанію г-на секретаря Уэльсингема, чтобы собрать нѣкоторые свѣдѣнія о дѣйствіяхъ имперскихъ принцевъ на сеймѣ, который долженъ былъ тамъ собраться; но дорогою узналъ что созваніе ихъ отложено. Послѣ чего я поѣхалъ черезъ Германію и второго мая прибылъ къ Польскому двору въ Варшаву.

му посланнику письма, съ тѣмъ, чтобы де Френъ объявилъ тѣмъ изъ имперскихъ принцевъ, которые не хотятъ вѣрить ему, что прежде всего онъ считаетъ себя обязаннымъ своей любезной сестрѣ, ея Англійскому величеству; что онъ имѣетъ въ готовности четыре тысячи Швейцарцевъ, что еще семь тысячъ охочихъ воиновъ присланы ему королевой Англійской, подъ предводительствомъ благороднаго начальника, лорда Виллоби; что съ этими силами и съ безчисленными толпами людей и приверженцевъ, ежедневно присоединяющихся къ его войску, онъ не только будетъ имѣть средства принудить къ миру своихъ враговъ внутри Франціи, но даже будетъ въ скоромъ времени готовъ осадить стѣны самого Рима; что, дабы не тратить денегъ на наборъ остальныхъ четырехъ тысячъ Швейцарцевъ, онъ можетъ ихъ распустить.

Однакоже я долженъ оставить эти дѣла тѣмъ, кому они поручены, и снова приняться за свои скучныя путешествія и за свой дневникъ.

Я поѣхалъ назадъ на Висмаръ и Ростокъ въ Мекленбургѣ, переправился моремъ въ Эльсенеръ, оттуда въ Копенгагенъ. Тамъ Датскій канцлеръ Рамеліусъ представилъ меня Фридриху (2-му) королю Датскому. Я вручилъ королю грамоты королевы и сказалъ рѣчь, не въ торжественной аудіенціи. Онъ поцѣловалъ меня.—Я поклонился ему до земли ¹⁾.—Онъ спросилъ меня о здоровьѣ своей любезной сестры, королевы. „При отъѣздѣ моемъ ея величество была здорова, чего желала и вашему величеству“. Я былъ отпущенъ и меня отвели въ мои покои въ домъ Фридриха Лейеля. Король прислалъ ко мнѣ одного изъ своихъ докладчиковъ, Фридриха фанъ Варда, чтобы узнать: имѣю ли я что-нибудь сказать сверхъ содержащагося въ письмахъ королевы. Я сказалъ ему: „да, имѣю, если его величеству угодно будетъ назначить мнѣ для сего аудіенцію“.

Въ Копенгагенѣ былъ (тогда) прекрасный человекъ, нѣкто сэръ Андрей Кизъ (sir Andrew Keith), посланникъ короля Шотландскаго, пользовавшійся большимъ уваженіемъ; онъ жилъ въ домѣ возлѣ моего. Сначала я смотрѣлъ на него непріязненно; (но) онъ познакомился со мной и показалъ мнѣ дружбу. Онъ сказалъ мнѣ, что уже рѣшено, что мнѣ отвѣчать, и что король сердится на королеву за то, что она, противъ ожиданія, неохотно согласилась на бракъ его дочери (Анны) съ королемъ (Яковомъ 6-мъ) ²⁾. Приванный (къ королю), я сказалъ его величеству какія только могъ придумать пріятнѣйшія для него привѣтствія. „Наша сестра, ея Англійское величество, требуетъ отъ насъ слишкомъ большой жертвы. Мы имѣемъ въ рукахъ 30 тысячъ фунтовъ (стерлинговъ) неустойки, слѣдующей въ нашу казну за мошенничество ея подданныхъ, которые своими обманами не только лишили нашу таможенную

¹⁾ Слово въ слово: „я положилъ свою руку на его щиколку“.

²⁾ Въ то время королемъ Шотландскимъ, вполслѣдствіи королемъ Англійскимъ подъ именемъ Якова 1-го. Ю. Т.

ню нѣсколькихъ тысячъ (фунтовъ), прощенныхъ имъ прежде изъ любви и искренняго дружелюбія нашего къ ея величеству, но еще побудили, къ чрезвычайному ущербу нашему, и другіе народы слѣдовать ихъ примѣру. Наше доброе расположеніе и желаніе продолжать прежній союзъ и дружество (съ королевой) наскучили ея адмиралу и ея казначею, и они не только оскорбляли насъ, но даже въ послѣднее время захватили у нашихъ подданныхъ разные корабли и товары потому единственно, что (корабли эти) для торговли плыли чрезъ Британскій проливъ, и наши подданные не могутъ получить ни вознагражденія, ни самыхъ кораблей и товаровъ. Относительно другой статьи (письма королевы),—ежедневной платы 100 розанныхъ нобелей ¹⁾, эта плата есть ничто иное, какъ признаніе нашего права (владѣнія Зундомъ); это дань, которую всегда принавали и платили предки ея величества нашимъ предшественникамъ, владѣтелямъ и королямъ Норвегіи и всего прилежащаго (къ Норвегіи) океана; она была еще недавно, по зрѣломъ разсужденіи и по порученію ея величества подтверждена посланникомъ ея, Гербертомъ, и мы намѣрены пользоваться ею и не утратить ея. Таковъ отвѣтъ, который мы рѣшились дать на письма ея величества, любезной сестры нашей. (Теперь) вы видите—поздно и (вамъ) нѣтъ времени на возраженія. Если вы хотите, я назначу чиновниковъ принять ихъ (отъ васъ), но думаю, что возражать нечего“. Было уже за полдень. „Въ настоящее время я не стану утруждать вашего королевскаго терпѣнія возраженіями, такъ какъ вашему величеству угодно назначить чиновниковъ для принятія ихъ, что, впрочемъ, весьма неудобно. Прошу только ваше величество дать ея величеству письменный отвѣтъ“. Онъ сдѣлалъ мнѣ небольшой поклонъ и отвернулся, а я пошелъ домой къ обѣду, хотя нѣкоторыя его слова отбили у меня охоту ѣсть ²⁾.

На другой день за мной прислали. Датскій канцлеръ, два докладчика и секретарь ожидали меня въ большой комнатѣ, красиво обитой, какъ мнѣ показалось, штофомъ. При мнѣ были только одинъ дворянинъ, мои слуги и четыре или пять купцовъ, давшихъ мнѣ наставленія.

„Милостивые государи! Его величеству негодно выслушать меня; но, такъ какъ я присланъ не для соблюденія церемоній, а для переговоровъ о дѣлѣ, то, мнѣ помнится, изустный отвѣтъ его величества на двѣ статьи, содержащіяся въ письмѣ ея величества, былъ таковъ...“—и я, на память, въ точности его повторилъ. „На третью статью, которую его величеству угодно было прибавить и изложить съ большимъ умою и краснорѣчіемъ, я могу объясниться не иначе, какъ обсудивъ статью эту съ вами, ибо для отвѣта и для возраженія на нее достаточно истины, изложенной въ письмахъ ея величества. Не стану защищать вины

¹⁾ „Rose nobles. Нобель—тогдашняя Англійская монета съ изображеніемъ геральдическаго цвѣтка Англій розана. Ю. Т.

²⁾ Слово въ слово: „дома ждалъ меня обѣдъ; но мнѣ очень не по вкусу пришлось переварить нѣкоторыя слова“.

купцовъ, которыя названы мошенничествомъ. Если они обвинены справедливо, то они готовы дать отвѣтъ и доказать свои показанія, что ими сдѣлано (только) то, что, съ вѣдома и дозволенія таможенныхъ чиновниковъ, дѣлалось всегда съ тѣхъ поръ, какъ эта насильственная пошлина на нихъ наложена. Списокъ количества и сортовъ ихъ суконъ былъ вѣренъ, не были включены только куски, обвертывавшіе каждый тюкъ; однакоже (вѣрность этого списка) по недоразумѣнію или по какому то неудовольствію подвергнута нынѣ подозрѣнію. Купцы, (полагаясь на) прочность дружбы и союза, существующихъ (между Англіей и Даніей), могли надѣяться, что, если они провинились не болѣе другихъ народовъ передъ подданными могущественнаго государя, который прощаетъ ту же вину другимъ, то ихъ корабли, подобно кораблямъ сихъ послѣднихъ, не подвергнутся задержанію ¹⁾. Понесенныя ими убытки, лишеніе ихъ (за это время) рынка и задержаніе въ торговлѣ, свободной для всѣхъ прочихъ, не только подвергли ихъ не вознаградимымъ потерямъ, но послужили для нихъ болѣе, чѣмъ достаточнымъ наказаніемъ, если даже они и провинились. Такъ какъ они невинны, то необходимость можетъ принудить ихъ прибѣгнуть къ какимъ-нибудь другимъ мѣрамъ. Но королева проситъ для нихъ только того правосудія, которое его величество оказываетъ безъ исключенія всѣмъ прочимъ. Что касается другой статьи, мнѣ велѣно объявить, что г-ну Герберту, послѣднему посланнику ея величества, не было дано наказа соглашаться на то, чтобы подданные ея величества, торгующіе въ моряхъ Сѣвернаго океана, платили ежегодно 100 розанныхъ нобелей; что право на подобную дань не можетъ быть признано, что она никогда не была платима предками ея величества предшественникамъ короля и что ни въ преданіяхъ, ни въ исторіи, ни въ лѣтописяхъ ни о чемъ подобномъ не упоминается. Когда подданные ея величества промысляютъ рыбною ловлею или торговлею въ одномъ изъ городовъ короля, въ Норбергравѣ, Дронтгеймѣ или Вардгуусѣ на Датскихъ берегахъ, они имѣютъ платить одинакія подати съ прочими народами, которые не обложены никакими подобными налогами, а тѣмъ менѣе данью. Я опасаясь даже, что самое слово *дань* произведетъ дурное впечатлѣніе и потому рѣшительно прошу не требовать ея и не настаивать на ней ²⁾. Что касается задержанія лордомъ казначеемъ и лордомъ адмираломъ Англіи кораблей и товаровъ, принадлежащихъ подданнымъ его Датскаго величества, то обстоятельство это не имѣетъ ничего общаго съ другими; но между прочимъ, милостивые государи, скажу, что ея Англійское величество всегда

¹⁾ Таковъ, повидимому смыслъ подлинника, весьма темнаго и, кажется, неполнаго въ этомъ мѣстѣ: „if other nacions have offended, they might, presume upon so firm amitie and league professed, sbjectsto so mightie a prince as dothe retribute the like tofarr noe worss then they, not questioned at allithe steyof their shipsand of noe other nacions“.

²⁾ На полѣ приписано Горсеемъ: „это слово было приписано недоразумѣнію“.

заботилась о томъ, чтобы не дать никакого повода къ неудовольствію его Датскому величеству. Король можетъ быть напрасно гнѣвается. Задержанные корабли, хотя и проходили черезъ Зундъ, суть корабли Ганзейскихъ городовъ, отдаленныхъ отъ Датскихъ владѣній: (они шли) изъ Любека, Штетина, Данцига, Кенигсберга къ врагамъ ея величества съ грузомъ боевыхъ снарядовъ, пороха, канатовъ и сѣстныхъ припасовъ, которые запрещено провозить чрезъ принадлежащій королевѣ проливъ; точно также, безъ сомнѣнія, и король запретилъ бы подданнымъ ея величества и другимъ народамъ провозить (подобные грузы) чрезъ Зундъ и Балтійскія моря къ его непріятелю королю Шведскому, съ которымъ онъ находится въ такой же постоянной враждѣ, какъ Англія съ Шотландіей. Можетъ быть, нѣкоторые изъ подданныхъ короля, изъ собственныхъ видовъ, представили это обстоятельство не въ настоящемъ свѣтѣ, такъ какъ между Англіей и Даніей существуютъ столь прочный союзъ и дружба. Но пусть (капитаны задержанныхъ кораблей) докажутъ противное своими грамотами или накладными и нѣтъ сомнѣнія, что имъ будетъ оказано правосудіе, и будутъ возвращены (ихъ корабли и товары). О! не допустите, чтобы злоумышленники, которые нарочно возбудили эти недоразумѣнія, разстроили и разрушили древній союзъ сихъ двухъ великихъ державъ и подали поводъ къ воспрепятствованію подданнымъ ея величества проходить чрезъ моря океана, которыя, также какъ и Британскій каналъ, состоятъ, какъ извѣстно, въ единственномъ владѣніи королевы и суть источникъ доходовъ Великобританіи. До сего дня не было никакого удовлетворенія за нападенія и оскорбленія, претерпѣнные отъ вашего адмирала, Ивана Вольфа, подданными ея величества, промышлявшими рыбой и масломъ на сѣверныхъ берегахъ (Даніи): онъ насильственно отнималъ у нихъ жизненные припасы, паруса, канаты, якоря; безо всякаго милосердія оставлялъ ихъ на вѣрную смерть среди морей. Слуги и корабельные мастера ея величества были сманиваемы (въ Данію), чтобы учредить вашъ флотъ на англійскій образецъ. (Вспомните), сколько какъ мѣдныхъ, такъ и чугунныхъ орудій, ружей и другихъ снарядовъ было вывезено изъ владѣній королевы (въ Данію) во время самыхъ жестокихъ войнъ вашихъ со Шведами. Сколько разъ торговый флотъ купцовъ ея величества былъ приглашаемъ не только проходить въ Балтійское море безо всякаго платежа, но даже оставить Зундъ и черезъ моря Норвежское и Финляндское вести торговлю и промышлять въ Швеціи, Стокгольмѣ, Нарвѣ, Ригѣ, Ревелѣ, Данцигѣ, Кенигсбергѣ и во всѣхъ прочихъ торговыхъ приморскихъ городахъ¹⁾; но они принуждены ходить черезъ Зундъ по прежнему обычаю, дабы сохранить миръ и дружбу (съ Даніей) наперекоръ тѣмъ государямъ, которые не пріязненны ни Англіи, ни Даніи и которые рады въ мало-

¹⁾ Горсей, какъ видно изъ этого мѣста его рѣчи, предполагалъ, что Скандинавія—островъ, отдѣленный отъ Россіи Финляндскимъ моремъ, которое, по его мнѣнію, соединяло море Балтійское съ Норвежскимъ т. е. Сѣвернымъ океаномъ. Ю. Т.

важныхъ причинахъ искать повода къ кровопролитіямъ. Не сомнѣваюсь, что вы,—главнѣйшіе сановники государства,—по благоразумію своему и мудрости, употребите стараніе предотвратить сіе“.

Они стали возражать; я извинулся усталостью и нуждою въ отдыхѣ и отправился въ сопровожденіи одного дворянина. Король прислалъ узнать: данъ ли мнѣ наказъ рѣшить и окончить это дѣло. „Нѣтъ, мнѣ велѣно только сдѣлать предложенія и дать объясненія по точному смыслу письма королевы. Я не ожидаю ничего болѣе, какъ исполненія (ея требованій) и отвѣта“.—„Тише, сударь, въ такомъ дѣлѣ надобно два раза подумать“. Я обѣдалъ съ королемъ, но не могъ много пить: пилъ только здоровья ея величества, короля и королевы Софіи и проч.

Я получилъ письма его величества, золотую цѣпь, цѣною около 40 фунтовъ, откланялся и былъ отпущенъ; возвратился въ Любекъ, оттуда отправилъ (въ Англію) съ достойнымъ купцомъ г-номъ Данилою Бондомъ письма (короля) и записку о томъ, что я сдѣлалъ. Переговоры (мои), повидимому, имѣли довольно хорошій успѣхъ. Купцы, которые сначала соглашались было на уступки, стали отъ нихъ отказываться; по ихъ просьбѣ былъ посланъ (въ Данію) г-нъ докторъ Перкинсъ. Онъ вскорѣ исходатайствовалъ освобожденіе и отдачу купеческихъ кораблей и товаровъ; ему было не мало за это заплачено, я же, за свои труды, получилъ мало или (лучше сказать) ничего. Пришлось однакоже приняться за другое подобное дѣло.

По пріѣздѣ ¹⁾ моемъ въ Данцигъ, въ 500 миляхъ отъ Любека, депутаты и представители Англійскихъ купцовъ, г-нъ Баркеръ и другіе, услыхавъ о моемъ пріѣздѣ, пригласили меня, по дорогѣ ко двору Польскаго короля проѣхать въ Эльбингъ, гдѣ они имѣли свое пребываніе, чтобы получить ихъ наставленія. Поэтому я проѣхалъ черезъ Торнъ и Подляхію, страну весьма плодородную, въ Варшаву, гдѣ находился Сигизмундъ (3-й) и гдѣ я встрѣтилъ означеннаго депутата, г-на Баркера съ товарищами. Я былъ хорошо приготовленъ вступить въ новый лабиринтъ, не совсѣмъ подобный прежнему и еще болѣе запутанный. Великій канцлеръ (Янъ) Замоискій былъ въ десяти миляхъ отъ двора, въ собственномъ своемъ городѣ, называвшемся его именемъ. Прежде всего я желалъ имѣть доступъ къ нему, такъ какъ онъ былъ главнымъ воеводою, короннымъ гетманомъ и первымъ сановникомъ въ королевствѣ; но, опасаясь оскорбить прочихъ пановъ и чиновниковъ и повредить успѣху моихъ переговоровъ, я обратился къ главному секретарю (коронному писарю) и къ подканцлеру, которые исходатайствовали, чтобы король принялъ меня и мое письмо.

¹⁾ II. Второго мая я прибылъ къ Польскому двору въ Варшаву, вручилъ грамоты королевы королю Сигизмунду третьему. Въ теченіи 20-ти дней, которые я тамъ пробылъ, по просьбѣ депутата и его товарищей, Англійскихъ купцовъ, торгующихъ въ тѣхъ странахъ, я сдѣлался ходатаемъ предъ королемъ по ихъ дѣламъ.

II ¹⁾. Ходатайство мое у короля Сигизмунда за Англійскихъ купцовъ состояло въ томъ, что означенные купцы потерпѣли большія потери, довѣряя въ долгъ подданнымъ его величества и другимъ лицамъ, которыя живутъ въ королевствѣ на основаніи покровительственныхъ грамотъ его величества или его предшественниковъ; что вслѣдствіе сего означенные купцы покорно просятъ, чтобы его величество, впредь, при пожалованіи подобныхъ грамотъ такимъ лицамъ, за которыми есть долгъ Англійскимъ купцамъ, или съ которыми купцы сіи ведутъ торгъ, грамотами этими не лишали сихъ послѣднихъ справедливаго права на полученіе обратно своей собственности.

II ²⁾. Два дня сряду меня призывали на совѣщаніе по этому дѣлу съ главнымъ королевскимъ камергеромъ, паномъ Маркомъ Обросіемъ Лысноволоцкимъ, съ королевскимъ секретаремъ, съ подъ-камергеромъ и съ референдаріемъ.

Эти паны заговаривали со мною о другихъ предметахъ, какъ то: одружбѣ и помощи, оказываемыхъ королевой Туркамъ, о прерваніи ея торговли Польскихъ подданныхъ съ Испаніей и пр.; но я отвѣчалъ, что не имѣю наказа вести переговоры по этимъ предметамъ.

Болѣе всѣхъ противился моимъ требованіямъ секретарь, говоря, что неприлично, чтобы король обязался жаловать грамоты такъ, какъ ему предпишутъ, а что онъ жалуется ихъ по своему королевскому благоусмотрѣнію.

„Не прошу никакого обязательства, а только того, чтобы король благоволилъ помѣщать оговорку или ограниченіе въ жалуемыхъ имъ грамотахъ. (Англійскіе) купцы желаютъ единственно огражденія отъ убытковъ. Никто здравомыслящій не сочтетъ это за оскорбленіе королю или за какое-либо стѣсненіе его королевской власти.

Референдарій отвѣчалъ, что эта просьба была уже прежде нѣсколько разъ повторяема и что коронный канцлеръ, панъ Замоискій ³⁾, по разнымъ причинамъ не считалъ удобнымъ удовлетворить ее.

¹⁾ Р. Жалобы королевы состояли въ томъ, что купцы ея, торгующіе въ Польскихъ владѣніяхъ, повѣрили въ долгъ суконъ и другихъ товаровъ, цѣною на 80-ть тысячъ фунтовъ стерлинговъ, купцамъ и подданнымъ Польскимъ; сіи послѣдніе оказались несостоятельными, перемѣнили мѣста своего жительства, а на деньги, добытыя продажей этихъ товаровъ, купили себѣ земли и дома, въ которыхъ поселились и къ величайшему убытку и ущербу купцовъ ея величества добыли себѣ несудимыя грамоты отъ короля.

²⁾ Р. Для совѣщанія со мною по этому предмету были назначены два комисара: секретарь Станиславъ и референдарій Оброскій. Они объявили мнѣ, что это новая жалоба, о которой они прежде никогда не слыхивали; что поэтому они не могутъ повѣрить справедливости свѣдѣній, дошедшихъ до королевы. Но купцы были на лицо, готовые доказать панамъ справедливость обвиненій и предъявить списки должниковъ и неуплаченные счета, по которымъ можно было видѣть, какъ долго они ждали платежа. „Все это можетъ быть такъ, но, можетъ быть, многіе изъ этихъ счетовъ уже заплачены и окончены; на рассмотрѣніе этого дѣла потребуется много времени... Нужно выслушать и обвиняемыхъ“.

³⁾ „Который въ это время, по какимъ то неудовольствіямъ, находился въ десяти миляхъ“ (отъ Варшавы).

„Съ дозволенія вашихъ ясновельможностей, я считаю, что исполненіе моего ходатайства современемъ принесетъ столь чрезвычайныя выгоды королю и его государству, что выгоды эти, по крайней мѣрѣ, будутъ равны выгодамъ, которыя оно доставитъ купцамъ. Несмотря на то, я не сомнѣваюсь, что исполненіе моей просьбы будетъ принято королевой съ большою благодарностію, когда я увѣдомлю ея величество обо всемъ, о чемъ обязанъ ей донести“.

„Если такъ, сказалъ секретарь панъ Лукашъ, то король разсмотритъ: можно ли ему на это соизволить. Прошу васъ, докажите намъ, какая будетъ выгода королю и государству отъ такого къ вамъ снисхожденія? Высказывайте ваши доводы!“

„Благороднѣйшіе паны! Я слыхалъ, что главные столпы цвѣтущаго государства суть торговли и сношенія съ (иными) народами и что они (утверждаютъ) спокойствіе—этотъ вѣнецъ (всякой) страны. Своими дѣяніями, благородные совѣтники, вы являете свѣту политику, которой вы слѣдуете въ этомъ отношеніи, и предусмотрительность, съ которою заботитесь о сохраненіи этихъ условій. Вотъ почему ваши купцы богатѣютъ, ваши ремесленники находятъ себѣ работу, ваше дворянство имѣетъ хорошій сбытъ для произведеній, доставляющихъ ему главнѣйшій доходъ; ваша страна снабжена всѣми предметами, въ которыхъ она нуждается, въ томъ количествѣ, какое ей потребно: излишекъ вашихъ произведеній вывозится отъ васъ; казна ваша обогащается таможенными пошлинами, которыя увеличиваются многоразличными способами. Такимъ образомъ благосостояніе всего государства охраняется торговлею, которая единственно поддерживается хорошимъ обращеніемъ съ купцами и ласковымъ приѣмомъ торговыхъ людей. Противное видимъ мы въ Испаніи и въ Португаліи, гдѣ главные города и самые богатые люди бѣднѣютъ и гдѣ подданные живутъ въ неудовольствіи и въ непокорности своему правительству съ тѣхъ поръ, какъ эти королевства начали войны съ Англійскою державою. Наши купцы довольны обращеніемъ съ ними Польскаго правительства. Прибавленіемъ еще этой (просимой ими) милости, они будутъ еще болѣе обязаны королю. Предоставляю все это на мудрое усмотрѣніе ваше и прошу извинить меня за мое разсужденіе“.

Они благодарили, я благодарилъ также; я нашелъ, что время было употреблено съ пользою, тоже нашли и они. Мы разстались съ большими привѣтствіями и встрѣтились опять на обѣдѣ у главнаго камергера, гдѣ я былъ пышно угощенъ.

Р ¹⁾. Я также, какъ и многіе изъ означенныхъ купцовъ, хотѣлъ знать отвѣтъ его величества. „Дѣло это будетъ доложено его величеству и прочимъ панамъ, и отвѣтъ вамъ будетъ данъ съ возможной поспѣшностію“.

¹⁾ П. По подачѣ этой просьбы, король отвѣчалъ, что разсмотреть это дѣло съ своими совѣтниками и что они объявятъ мнѣ его рѣшеніе.

Но все дѣло было остановлено до прїѣзда великаго канцлера (Замойскаго) ко двору. Я всѣми средствами старался быть принятъ имъ, но не успѣлъ въ этомъ. Панъ Янъ Глѣбовичъ, воевода Ковенскій, былъ весьма имъ любимъ; я оказалъ услуги нѣкоторымъ изъ родственниковъ и друзей сего послѣдняго въ бытность ихъ въ плѣну у прежняго царя Ивана Васильевича. По ходатайству этого пана, канцлеръ принялъ меня съ почетомъ, но показалъ неудовольствіе за то, что я не подождать его прїѣзда. Однако же посредствомъ моего прїятеля воеводы, я опять обратился къ нему съ просьбою о милостивомъ его способствованіи къ моему отъѣзду. Неудовольствіе канцлера (между тѣмъ), повидимому, миновалось: по временамъ онъ посылалъ мнѣ привѣтствія и подарки. Я былъ призванъ предъ него и предъ прочихъ пановъ (королевскаго) совѣта; онъ сказалъ мнѣ, что король весьма удивленъ, какъ Англійская королева посылаетъ къ нему, столь великому государю, такія настойчивыя письма по поводу мужиковъ, которыхъ жалобы могутъ быть безосновательны.

„Позвольте доложить вашей ясноречивости и остальнымъ панамъ, что ея высокое величество, королева Англійская, пишетъ къ его Польскому величеству точно въ такихъ же выраженіяхъ, какія употребляются ею въ сношеніяхъ съ прочими царствующими особами (emperiall kings), ея любезными союзниками и друзьями; она даже считаетъ и цѣнитъ его братскую любовь преимущественно предъ многими другими, и нѣтъ никакого справедливаго повода принимать за оскорбленіе тѣ обстоятельства, которыя изложены въ письмахъ ея величества, ибо обстоятельства эти изложены правдиво на основаніи изслѣдованныхъ должнымъ образомъ жалобъ. Жалобы же эти принесены ея величеству вѣрными ея подданными и настоящими купцами, которыхъ ея величество считаетъ гораздо выше сословія мужиковъ. Купцы сіи съ полною покорностью просятъ не болѣе, какъ той справедливости, въ которой король, по своему сану, никому не отказываетъ“¹⁾.

„Докажите ваши показанія, и правосудіе будетъ немедленно оказано. Познайте, пожалуйста, что ваша королева не можетъ ограничивать милостей его величества государя нашего, который, по своему королевскому усмотрѣнію, можетъ жаловать свою привилегію всякимъ, какимъ бы ни было подданнымъ, кого въ мудрости своей, сочтетъ ихъ достойными“.

„Объ ограниченіи не можетъ быть и помина, благородные паны. Все требованіе состоитъ въ томъ, чтобы, по правосудію королевства, подданные ея величества могли получить обратно свои товары и деньги, задержанные такими людьми, которые, можетъ быть, обманомъ добыли себѣ (несудимыя) грамоты. Слишкомъ хорошо извѣстно въ свѣтѣ съ ка-

¹⁾ Весь слѣдующій за симъ разговоръ есть очевидно повтореніе сказаннаго выше въ отсутствіи Замойскаго. Ю. Т.

кою просвѣщенною заботливостію Польское правительство, посредствомъ хорошаго обращенія со всѣми народами, поддерживаесть съ ними торговныя сношенія. Они вывозятъ изъ Польскихъ владѣній излишекъ вашихъ естественныхъ произведеній и привозятъ изъ чужихъ странъ товары, потребные для васъ. Такимъ образомъ таможенные пошлины увеличиваются, доходы дворянъ употребляются съ большою выгодною, купцы и всѣ прочіе промышленники находятъ для себя работу—и все государство, и весь народъ находятся въ томъ цвѣтущемъ положеніи, которое ставить ихъ выше многихъ иныхъ народовъ. Все это предоставляю на ваше лучшее и мудрѣйшее усмотрѣніе, ясновельможные паны, прося извинить меня, если бы что либо (изъ сказаннаго мною) не было вами одобрено“.

Мы разстались дружелюбиѣе, чѣмъ встрѣтились. На слѣдующее утро канцлеръ прислалъ спросить меня, какъ я провелъ ночь, и просить, чтобы я прислалъ къ нему съ однимъ изъ купцовъ списокъ лицъ, кому слѣдуютъ въ уплату долги, и счета ихъ съ означеніемъ мѣстъ ихъ пребыванія. Я исполнилъ это и съ однимъ изъ моихъ слугъ послалъ ему красивый платокъ съ рѣзными узорами, пару надушенныхъ перчатокъ и цѣпь изъ сѣрой амбры. Канцлеръ принялъ этотъ подарокъ съ благодарностію и хорошо наградилъ моего слугу.

Между тѣмъ мы весело проводили время, ѣздили по городу, осматривали многія достопримѣчательности и гульбища, надѣясь (на хорошій успѣхъ) и ожидая, когда канцлеръ и паны призовутъ меня.

(Наконецъ ¹⁾ канцлеръ) объявилъ мнѣ, что король согласился на просьбу королевы (Елизаветы), желаетъ жить съ нею въ дружбѣ и будетъ хорошо обращаться съ ея купцами, не допуская ихъ терпѣть несправедливости. Были напечатаны двѣнадцать воззваній для обнародованія глашатаями въ Эльбингѣ, Данцигѣ, Кенигсбергѣ и въ другихъ подобныхъ большихъ торговыхъ городахъ, по указанію купцовъ.

Воззванія эти были такого содержанія: „что всѣ купцы и другіе подданные короля Польскаго, которые состоятъ должны кому либо изъ торгующихъ въ Польшѣ Англійскихъ купцовъ за какіе либо товары, или по денежнымъ займамъ или по договорамъ, имѣютъ немедленно удовлетворить этихъ купцовъ уплатою денегъ или миролюбивою сдѣлкою въ теченіи трехъ мѣсяцовъ со времени обнародованія сего указа, подъ опасеніемъ великаго гнѣва его величества, продажи и описи всѣхъ ихъ (должниковъ) имуществъ, земель, движимостей, домовъ и замковъ, несмотря ни на какія привилегіи, права и льготныя грамоты. Писано въ королевскомъ городѣ нашемъ Варшавѣ, въ послѣдній день іюля (по старому стилю) королевствованія нашего въ лѣто второе, отъ Рождества Христова въ 1589 г.“.

¹⁾ II. Великій камергеръ объявилъ мнѣ, что, по его ходатайству, король изъявилъ согласіе на мою просьбу и что секретарю велѣно отправить по этому случаю указъ или воззваніе для обнародованія въ Данцигѣ, Эльбингѣ, Кенигсбергѣ и въ другихъ мѣстахъ.

Я обѣдалъ ¹⁾ у короля, разговаривалъ съ нимъ, получилъ письма и грамоты его величества, былъ допущенъ къ его рукѣ и получилъ отпускъ. Единственный его любимецъ, великій камергеръ, панъ Лука Обровскій, сдѣлалъ мнѣ угощеніе. Я отправилъ къ г-ну секретарю Уэльсингему купцовъ съ письмами обо всемъ происшедшемъ. Они поднесли мнѣ хоршій подарокъ, обѣщая, что ихъ общество еще болѣе меня наградить. (Посланный въ Польшу) передо мною, г-нъ Иванъ Гербертъ ²⁾ не имѣлъ успѣха (въ своихъ переговорахъ).

Позвольте удалиться немного отъ моего предмета, хотя слѣдующій рассказъ и не относится съ нему:

Мнѣ хотѣлось видѣть королеву Анну ³⁾. Я надѣлъ ливрею одного изъ моихъ слугъ и вошелъ во дворецъ. Передъ окнами дворца были разставлены рядами горшки съ яркоцвѣтными гвоздиками, Прованскими розанами, душистыми лиліями и другими пахучими ипоземными цвѣтами, которые издавали прелестнѣйшій запахъ. Вошедши въ комнату, королева сѣла за ужинъ; я стоялъ въ толпѣ другихъ дворянъ. Ея величество сидѣла подъ бѣлымъ шелковымъ балдахиномъ, въ пышныхъ креслахъ, подъ которыми былъ подосланъ большой турецкій коверъ; она была очень дурна собой. Ея фрейлины и, находившіяся при ея особѣ, дамы ужинали въ той же комнатѣ, отдѣленные отъ нея большой перекладной ⁴⁾. Я видѣлъ, какъ королевѣ подавали кушанье, какъ ей прислуживали и какъ она вела себя. Напоследокъ меня замѣтилъ одинъ изъ видѣвшихъ меня прежде; онъ сказалъ пану дворецкому, который стоялъ за королевскими креслами. Дворецкій, посмотрѣвъ на меня, указалъ меня другому; я подвинулся назадъ, дворецкій сказалъ королевѣ. „Призовите его сюда—ничего, что онъ не въ придворномъ одѣяніи“. Старый панъ (дворецкій?) спросилъ меня: „желаете-ли вы чего-нибудь отъ ея величества?“—„Нѣтъ, сударь, я просто пришелъ посмотрѣть на королеву и на ея обращеніе. Если это предосудительно, то прошу меня извинить“.—„Ея величеству угодно говорить съ вами“.

Причиной вниманія королевы былъ необыкновенный покррой моего ворота. Придворныя дамы вскочили изъ-за стола и окружили королеву.—Когда я раскланялся, королева спросила меня: я ли Англійскій дворянинъ, который въ послѣднее время велъ переговоры съ королемъ?—Спросила также черезъ переводчика имя (Англійской) королевы. „Елизавета слишкомъ благословенное имя для такого бича католической

¹⁾ П. Послѣ этого угощенія (у великаго камергера), получивъ грамоты короля, я отправился въ путь.

²⁾ Онъ былъ посланъ Елизаветою въ Польшу въ 1587 году. *Примѣчаніе Англ. издателя.*

³⁾ „Дочь короля Сигизмунда третьяго, вдову короля Стефана Баторія“. Вдова Баторія, Анна была дочь Сигизмунда 1-го, сестра Сигизмунда 2-го (Августа) и тетка Сигизмунда 3-го, который былъ сыномъ ея сестры Екатерины. Ю. Т.

⁴⁾ Вѣроятно—за особымъ столомъ. Ю. Т.

церкви. Сестра ея, которую звали Маріей ¹⁾,—преподобная святая на небесахъ.—Я хотѣлъ говорить безъ посредства переводчика, который не хорошо передавалъ мои слова.—„Пожалуйста говорите“.

„Имя королевы Елизаветы пользуется во всемъ свѣтѣ знаменитостію и величайшимъ почетомъ у могущественнѣйшихъ и величайшихъ особъ и государей. Ей принадлежитъ титулъ оборонительницы истинной древней католической церкви и вѣры, и титулъ этотъ, воздаютъ ей, какъ должное, и друзья ея и ея недруги“.

„Полноте, сударь! Если она такова, зачѣмъ же она такъ жестоко предастъ смерти столькихъ святыхъ католиковъ, каковы были Стори, Кэмпионъ ²⁾ и другіе святые мученики?“.

„Эти люди измѣнили Богу и королевѣ, замыслили свергнуть ее (съ престола) и погубить ея державу“.

„Но какъ же могла она пролить кровь помазанницы Господней, королевы гораздо знаменитѣйшей, чѣмъ она сама ³⁾, не предавъ ее суду ея равныхъ, всѣхъ христіанскихъ государей Европы и святаго отца папы?“.

„Подданные королевы и ея парламенты признали это нужнымъ, не имѣя на то ея королевскаго согласія, потому что ея безопасность и спокойствіе королевства находились въ ежедневной опасности“.

Она съ неудовольствіемъ потрясла головой при моемъ отвѣтѣ. Въ это время вошелъ духовникъ ея величества, знаменитый іезуитъ Поссевинъ ⁴⁾. Онъ былъ очень недоволенъ, увидавъ меня. Когда онъ былъ посланъ въ Москву ⁵⁾, я ему досадилъ и помѣшалъ успѣху его посольства. Ея величество спросила стопу венгерскаго вина и два куска хлѣба съ сыромъ; приказала пану дворецкому подать ее мнѣ: я отказывался, пока королева не взяла ее и изъ своихъ рукъ поднесла мнѣ. Послѣ этого я былъ отпущенъ и, возвратясь домой, съ радостью скинулъ свою ливрею; но вслѣдъ затѣмъ потребовали хозяйку моего дома, красивую

¹⁾ *Марія Кровожадная* (the bloody), королева Англійская, супруга короля Филиппа 2-го Испанскаго. *Ю. Т.*

²⁾ Докторъ правъ *Стори*, Англійскій бѣглець и агентъ герцога Альбы, схваченный въ Нидерландахъ, былъ казненъ въ Англии въ 1569 г. *Эдмундъ Кэмпионъ*, агентъ іезуитовъ въ Англии; казненъ въ 1581 г. *Ю. Т.*

³⁾ *Марія Стюартъ*, королева Шотландская, была супругою: 1) Франциска 2, короля Французскаго и 2) лорда Дарнлея (Darnly), 3) графа Босуэля (earl of Bothwell), и матерью преемника Елизаветы Якова 1-го; казнена 3-го февраля 1586 г. *Ю. Т.*

⁴⁾ *П. Поссевинъ* давно былъ сердитъ на меня за то, что я досадилъ ему и его господину—папѣ передъ царемъ Русскимъ. Онъ приказалъ находившемуся въ то время въ Варшавѣ для церковнаго сбора папскому легату, отцу Антонію, поставить въ засаду одного служившаго тамъ Испанскаго солдата съ сорока конными людьми, которые должны были ограбить и перерѣзать меня и находившихся при мнѣ. Но одинъ изъ прежнихъ моихъ знакомыхъ, добрый протестантъ, воевода, панъ Иванъ Глѣбовичъ проводилъ меня безопасною дорогою, въ противность ожиданіямъ Поссевина.

⁵⁾ *Поссевинъ* былъ въ Москвѣ въ 1581 и 1582 годахъ. *Ю. Т.*

дворянку, хорошо известную королевѣ. Ея величеству угодно было видѣть ту жемчужную цѣпь, которая была на мнѣ въ воскресенье, когда я откланивался королю. Какой то наглый жидъ, главный поставщикъ королевскій, бралъ эту цѣпь въ руки и увѣрилъ короля, какъ говорила королева, что она сдѣлала изъ поддѣльныхъ жемчуговъ, изъ высушенныхъ рыбьихъ глазъ. Королева также хотѣла знать, какъ былъ накрахмалень мой воротъ: онъ былъ накрахмалень въ Англии и держался на серебряной проволоцѣ. Моя цѣпь была мнѣ возвращена, и королева нашла ее красивою.

Пора, однакоже, приняться за серьезное и не утруждать васъ болѣе инымъ чтеніемъ.

Вечеромъ того дня, какъ я выѣхалъ изъ Варшавы, я переправился черезъ рѣку, на берегу которой лежалъ мертвый змѣй, крокодилъ, котораго мои люди разорвали рогатинами. Вонь отъ этого до такой степени меня разстроила, что я сдѣлался боленъ и принужденъ былъ остановиться на нѣсколько дней въ сосѣдней деревнѣ. Благодаря христіанскому благорасположенію, привѣтливости и пособіямъ, которыя были оказаны мнѣ, какъ чужеземцу, разными лицами, меня посѣтившими, я исцѣлился чудеснымъ образомъ.

По прибытіи въ Вильну, столицу Литвы, я представился великому князю воеводѣ Радзивиллу ¹⁾ и вручилъ ему, данный мнѣ отъ королевы, вѣрительныя грамоты. Этотъ князь былъ высокихъ качествъ, мужественъ, могущественъ и набожный протестантъ. Онъ много и пышно меня угощалъ. Сказалъ мнѣ, что хотя я и не имѣю къ нему никакого порученія отъ королевы, но изъ уваженія къ ея отличнымъ добродѣтелямъ и качествамъ, принимаетъ меня, какъ посланника ея величества. Онъ это сдѣлалъ съ намѣреніемъ, чтобы его подданные думали, будто бы я присланъ вести съ нимъ переговоры. Онъ водилъ меня съ собой въ свою церковь, гдѣ я отслушалъ божественную службу, псалмы и гимны, проповѣдь и отправленіе таинствъ по обряду реформатскихъ церквей; что возбудило негодованіе его брата, кардинала Радзивилла. Его высочество пригласилъ меня къ обѣду и прислалъ мнѣ почетную стражу, 50 сѣкироносцевъ, чтобы провести меня черезъ городъ; для моего приѣма передъ дворцомъ были разставлены стрѣльцы и 500 шляхтичей его стражи. Князь, въ сопровожденіи многихъ молодыхъ дворянъ, встрѣтилъ меня на крыльцѣ и проводилъ въ большую залу, въ которой играли органы и пѣли (пѣвчіе) и гдѣ былъ накрытъ длинный столъ; за столомъ

¹⁾ П. Около 12 іюня я прибылъ въ Вильну, къ великокняжескому Литовскому двору пана Христофора Радзивилла. Его свѣтлость угостилъ меня съ большимъ почетомъ и показывалъ мнѣ разныя увеселенія и забавы. Онъ постоянно отзывался съ величайшимъ восторгомъ о знаменитости и величин ея всемилоствѣйшаго величества королевы Англійской. Онъ живетъ съ величайшею пышностію, которая изумляетъ всю его шляхту. Получивъ отъ него охранныя грамоты, весьма милостиво написанныя, я безо всякихъ опасностей проѣхалъ черезъ его владѣнія до Смоленска въ Россію.

сидѣли воеводы, паны и панны; князь сѣлъ подѣ балдахиномъ; меня посадили противъ него, въ серединѣ стола. Трубы заиграли и барабаны зарокотали. Когда первыя кушанья были поданы, шуты и поэты начали увеселять (гостей) своими рѣчами, а громкіе и тихіе инструменты играли весьма пріятно; потомъ при нѣжной гармоніи, происходившей отъ смѣшенія тихихъ и заунывныхъ звуковъ свирѣлей съ искуснымъ пѣніемъ, вошла въ залу толпа красиво одѣтыхъ карловъ и карлицъ. Радзивиллъ называлъ эту музыку кимвалами Давида и сладко звучными колокольчиками Аарона. При разнообразіи забавъ время шло скоро и пріятно. Его высочество пилъ здоровье ея величества *ангельской* королевы *Англійской*, говорилъ объ ея величій и качествахъ; каждый изъ именитыхъ князей и пановъ пилъ изъ своей стопы сладкаго вина провозглашенное имъ здоровье. Я своей стороны провозгласилъ здоровье Радзивилла. Подавали странныя кушанья: сдѣланныя изъ сахарнаго тѣста подобія львовъ, единороговъ, парящихъ орловъ, лебедей и проч., налитыя разными винами, смѣшанными съ пряностями и начиненныя всякими конфектами. Каждый (гость) имѣлъ особенную серебряную вилку. Рассказывать по порядку всѣ разныя кушанья и рѣдкости было бы утомительно. (Довольно будетъ сказать, что) я былъ хорошо угощенъ, мнѣ были оказаны большія почести и уваженіе. Домой меня отвели тѣмъ же порядкомъ, какимъ привели во дворецъ. Мнѣ были возвращены мои вѣрительныя грамоты и данъ дворянинъ, проводить меня черезъ Литву; послѣ чего я откланялся (Радзивиллу). Не уноминаю о нѣкоторыхъ странныхъ забавахъ съ львами, быками и медвѣдями. Прѣздомъ по Литвѣ я былъ хорошо принимаемъ и прибылъ на Русскую границу въ большой торговый городъ Смоленскъ.

Въ Смоленскѣ ¹⁾ былъ въ это время воеводою и главнымъ правителемъ мой старый знакомецъ, бывший въ Москвѣ моимъ сосѣдомъ, князь Иванъ Голицынъ. Онъ принялъ меня съ грустнымъ видомъ, какъ то странно. Онъ, царь и бояринъ правитель уже знали о моемъ прибытіи, о моемъ пребываніи и приѣмѣ у Сигизмунда, короля Польскаго и у великаго князя Литовскаго: и мнѣ готовился худшій приѣмъ, чѣмъ я ожидалъ.—Князь Голицынъ пропустилъ меня, но послалъ вѣсть о моемъ прибытіи, такъ что миляхъ въ десяти отъ Москвы меня встрѣтилъ сынъ боярскій, который проводилъ меня и помѣстилъ въ домѣ Суздальскаго епископа ²⁾. Я находился тамъ не такъ какъ обыкновенно, но подѣ строжайшимъ присмотромъ,

¹⁾ П. Немедленно по прѣздѣ моемъ въ Смоленскъ, тамошній воевода и правитель извѣстилъ о томъ царя и боярина Бориса Федоровича. Вскорѣ потомъ отъ нихъ былъ присланъ значительный чиновникъ съ большою свитою, чтобы проводить меня ко двору въ Москву, куда я прибылъ въ послѣдній день іюня. Но за 3 мили до города меня встрѣтилъ одинъ изъ дворцовыхъ дворянъ, съ весьма ласковымъ привѣтствіемъ отъ царя и отъ боярина Бориса Федоровича и проводилъ меня въ столицу, гдѣ мнѣ былъ отведенъ подѣ помѣщеніе очень хорошей домъ, принадлежавшій одному изъ епископовъ.

²⁾ Вѣроятно на Суздальскомъ подворьѣ. Ю. Т.

изъ опасенія, чтобы я не имѣлъ совѣщаній съ послѣмъ короля Польскаго ¹⁾. Посолъ этотъ былъ присланъ по весьма непріятному дѣлу: онъ требовалъ возврата южныхъ областей, принадлежавшихъ нѣкогда державѣ Польской. Онъ велъ себя очень надменно; его переговоры шли впередъ, а мои не подвигались. Нѣкоторые изъ моихъ старыхъ друзей подсылали мнѣ нищихъ женщинъ объявить мнѣ за тайну, что оборотъ дѣлъ измѣнился и чтобы я былъ остороженъ.

II. Три дня сряду приставъ мой былъ ко мнѣ присылаемъ съ объявленіемъ, что царь изволилъ меня пожаловать, приказалъ отпускать мнѣ мясо, питье и другіе припасы на меня, на 10 слугъ и на столькихъ же лошадей. Я покорно благодарилъ его величество, но отвѣтилъ, что ея всемилостивѣйшее величество, — моя государыня и повелительница королева Англійская, изволила назначить мнѣ содержаніе, достаточное на всѣ эти издержки и что я не могу принять царскаго жалованья, пока не вручилъ писемъ ея величества и не объяснилъ причинъ моего пріѣзда. Нѣкоторымъ изъ моихъ старинныхъ служителей, уроженцамъ Русскимъ, было позволено остаться при мнѣ: они покупали мнѣ съ рынка съѣстные припасы и то, что мнѣ было нужно, я получалъ изъ Англійской конторы, такъ что я ни въ чемъ не терпѣлъ недостатка.

Старинный мой недругъ, канцлеръ ²⁾ часто присылалъ ко мнѣ, прося, чтобы я забылъ нашу прежнюю ссору и смягчилъ жалобы, которыя долженъ былъ принести на него. Онъ обѣщался всѣми средствами способствовать успѣху моихъ переговоровъ. Но зная, что онъ хитеръ и лукавъ, какъ лисица, я не смѣлъ ему вѣрится, чтобы не подвергнуться новымъ опасностямъ, и отвѣчалъ уклончиво, какъ считалъ лучше, такъ что онъ остался недоволенъ.

18-го іюля приставъ былъ опять ко мнѣ присланъ объявить, чтобы на другой день въ три часа я былъ готовъ явиться къ царю; но на слѣдующій день, около шести часовъ онъ пришелъ сказать мнѣ, что царь не здоровъ.

21-го онъ приходилъ съ такой же повѣсткой; но вышло тоже, что и прежде. — Тоже случилось и въ третій разъ.

29-го іюля мнѣ опять назначено было итти къ царю. Когда я пришелъ въ Кремль, меня отвели въ Посольскій приказъ, откуда, немного погодя, я былъ позванъ въ Казначейскую палату; тамъ я нашелъ главнаго казначея, Дементія Ивановича Черемисинова, и дьяка Посольскаго приказа Посника Дмитріева. Послѣ ласковыхъ привѣтствій, они объявили, что царю угодно знать: зачѣмъ я пріѣхалъ и отъ кого присланъ.

Я отвѣчалъ, что присланъ отъ ея величества королевы Англійской къ его царскому величеству и къ благородному боярину Борису Федоровичу съ грамотами и съ порученіемъ вести переговоры. Они сказали,

¹⁾ Послы Сигизмундовы, Станиславъ Радоминскій и Гаврило Война, пріѣхали въ Москву 10 окт. 1590 г.; Радоминскій умеръ тамъ 6 декабря, а Война выѣхалъ обратно 23 янв. 1591 г. Ю. Т.

²⁾ Думный дьякъ Андрей Яковлевичъ Щелкаловъ. Ю. Т.

что донесутъ объ этомъ; потомъ мы припомнили нѣкоторыя наши забавныя походы, и на этотъ разъ я былъ отпушенъ домой.

1-го августа меня опять потребовали къ царю и опять привели въ Казначейскую палату: тамъ я засталъ царскаго свойственника, князя Ивана Васильевича Сицкаго ¹⁾, другаго близкаго родственника царя, Ивана Васильевича Годунова ²⁾, Черемисинова и Дмитріева. Потолковавъ за и противъ, они просили меня показать мою грамоту и, рассмотрѣвъ ее, объявили, что ее надобно представить царю, на что я согласился.

Р ³⁾. Меня призвали: я вручилъ грамоты королевы царю, который отдалъ ихъ Андрею Щелкалову, моему врагу по дѣлу сэра Еремѣя Бауса. Слабоумный царь, чѣмъ то встревоженный, началъ плакать и креститься, говоря, что никогда не давалъ мнѣ повода быть обиженнымъ. Меня поспѣшно увели съ его глазъ.

Много было взведено обвиненій на меня: объявлено было, что грамоты королевы, слогъ, которымъ онѣ писаны, и печать къ нимъ приложенная, не таковы, какъ въ прежнее время; что онѣ обидны для царя, оскорбительны для царицы, что я сносился съ королемъ Польскимъ и воеводою Виленскимъ и вывезъ большія сокровища изъ Россіи. На все это я далъ полныя и основательныя отвѣты и совершенно устранилъ всякія сомнѣнія. Мои отзывы пріобрѣли такую гласность, что я черезъ нихъ снискалъ любовь и расположеніе многихъ.

П. Потомъ отъ меня потребовали, чтобы я объявилъ, о чемъ я хочу вести переговоры, съ тѣмъ, чтобы приготовить отвѣты. Я объявилъ, что изложу требованія свои письменно, и что отвѣтовъ отъ нихъ также прошу на письмѣ. Я исполнилъ это, тщательно изложивъ свою записку на ихъ языкѣ, чтобы предупредить ихъ обыкновенныя отговорки, которыя они всегда употребляли, когда были убѣждены (въ своихъ ошибкахъ), будто бы толмачъ не понялъ смысла или будто бы подлинникъ искаженъ въ переводѣ.

Предметы переговоровъ разумѣется были весьма неприятны, въ особенности досадны для нихъ (Щелкаловыхъ?): предметы эти были таковы, что никогда никто не вель прежде подобныхъ переговоровъ, впрочемъ, при ихъ расположеніи, очень легко было на все отвѣчать.

Они очень удивлялись: какимъ образомъ, выѣхавъ передъ тѣмъ подъ царскую опалой, я осмѣлился пріѣхать къ царю съ грамотами, столь настоятельными и въ которыхъ царскій титулъ былъ сокращенъ.

¹⁾ Боярина, супруга двоюродной сестры царя Федора, Евфиміи Никитичны Романовой. Ю. Т.

²⁾ Боярина, внучатнаго брата царицы Ирины и Бориса. Ю. Т.

³⁾ П. Меня вновь призвали, и 10 августа я вручилъ царю грамоты королевы. Нашли, что къ грамотамъ приложена малая печать (сугнет), что въ нихъ сокращенъ титулъ и что онѣ писаны не въ тѣхъ выраженіяхъ, которыя были обыкновенно употребляемы ея величествомъ. Много прошло времени въ толкахъ объ этомъ, а дѣло не подвигалось. Я на все представилъ удовлетворительныя объясненія.

Я говорилъ: „что настоятельность привезенныхъ мною грамотъ есть лишь слѣдствіе обиды, сдѣланной ея величеству королевѣ и державѣ ея священнѣйшей монархіи, оскорбленіемъ ея добрыхъ и вѣрныхъ подданныхъ купцовъ, которые торгуютъ въ Россійскихъ областяхъ; что дѣйствительно, по лживымъ навѣтамъ, его царское величество изволилъ гнѣваться на меня, но, что благородному боярину Борису Федоровичу, къ которому я также присланъ, лучше извѣстно, какъ я велъ себя и какъ служилъ царю въ теченіи 20 лѣтъ; милость и истинно княжеское благорасположеніе боярина всегда служили достаточнымъ ручательствомъ въ моей вѣрности. Ваши бояре знаютъ, какъ мнѣ хорошо извѣстны и титулъ царя и выраженія, употребляемая въ сношеніяхъ съ его величествомъ; слѣдовательно, я никоимъ образомъ не могъ ни сократить титулъ царя, ни оскорбить его величество или его державу, ибо слова: *и многихъ иныхъ* безо всякаго перечета, заключаютъ гораздо болѣе, чѣмъ сколько есть (названій областей въ его титулѣ).—Сообразивъ все это, я не вижу никакого повода порицать меня за то, что я сюда пріѣхалъ, особенно будучи присланъ своей государыней, и не ставить мнѣ въ вину обстоятельства, которыя, какъ вамъ извѣстно, не справедливы и не относятся къ предмету моихъ переговоровъ.

Мы разстались по пріятельски. Вскорѣ потомъ я получилъ на свою записку весьма удовлетворительный и благоразумный отвѣтъ, такъ что, имѣя достаточныя доказательства противъ канцлера Щелкалова, я имѣлъ полную надежду сломать ему шею и уничтожить его вліяніе. Поэтому я торопиль окончаніе переговоровъ и утвержденіе статей (моей записки), но въ послѣднемъ встрѣтилъ большую медленность.

Р. Бояринъ-правитель не присутствовалъ при моемъ представленіи царю; и я ничего не слышалъ о немъ, пока однажды вечеромъ, проѣзжая мимо моего дома, онъ не прислалъ ко мнѣ одного дворянина сказать мнѣ, чтобы я пріѣхалъ верхомъ къ нему въ его собственный дворецъ внутри стѣнъ Москвы. (Увидавъ меня), онъ приказалъ всѣмъ отойти въ сторону; по (русскому) обычаю поцѣловалъ меня, со слезами говорилъ, что не можетъ оказывать мнѣ прежней пріязни и милости. Я возразилъ, что весьма этимъ огорченъ, ибо совѣсть моя свидѣтельствуется мнѣ, что я не подалъ повода къ его гнѣву и всегда служилъ ему вѣрно, честно и преданно.—„Пусть же это будетъ на душѣ у тѣхъ, которые хотѣли поссорить меня съ тобой!“—Потомъ онъ говорилъ о разныхъ предметахъ, которыхъ нельзя изложить на бумагѣ. Прощаясь, увѣрялъ меня, что не попуститъ единому власу снасть съ главы моей. Пустыя слова!

Вода, въ которой мнѣ варили кушанье, была отравлена. Питье и съѣстные припасы, которые мнѣ присылали, также были отравлены. Мою прачку подкупили, чтобы она меня отравила; она сама въ этомъ созналась, рассказавъ—кто, когда и какимъ образомъ ее подкупилъ. Мой поваръ и мой дворецкій, оба умерли отъ яда. Въ числѣ моихъ слугъ былъ нѣкто Агацій Дускеръ, сынъ одного Данцигскаго дворянина: у

него па тѣлѣ вскочило двадцать нарывовъ и пузырей и онъ едва остался живъ.—При всемъ томъ я зналъ все, что дѣлалось.

Д¹⁾). Въ это время дѣлались большія приготовленія для приѣма великаго посла короля Польскаго. Мнѣ неожиданно повѣстили, что, въ самый день его въѣзда въ Москву, я со всеми бывшими при мнѣ долженъ выѣхать изъ этого города. По свойственной имъ подозрительности, они опасались, чтобы между нами не было какихъ либо отношеній. Приставленный ко мнѣ дворянинъ объявилъ мнѣ, что царю угодно, чтобы я ѣхалъ въ Ярославль, городъ, который находится въ 4-хъ или 5-ти дняхъ пути отъ Москвы, и что, послѣ отъѣзда Польскаго посла, я вновь буду допущенъ предъ царскіе очи и получу почетный отпускъ.

Я приѣхалъ въ Ярославль въ ноябрѣ и оставался тамъ до іюня. Въ продолженіе этого времени я получалъ разныя письма отъ нѣкоторыхъ, бывшихъ у меня при царскомъ дворѣ, друзей: они предостерегали меня обо всемъ, что только могли довѣрить письму; (увѣдомляли), что всѣ требованія королевы будутъ исполнены, и что ея величество будетъ во всемъ удовлетворена; но что канцлеръ Щелкаловъ употребилъ всѣ, какіе только могъ придумать, средства меня оклеветать; обвинилъ меня въ томъ, будто бы я, въ поѣздку свою къ королю Польскому Сигизмунду, совѣщался съ нимъ и передалъ ему тайны царя, будто бы я тоже сдѣлалъ съ великимъ княземъ Литовскимъ Радзивилломъ, будто бы я пренебрегъ царское жалованье ²⁾ и будто бы, въ случаѣ моего приѣзда къ морю прежде выгрузки кораблей, я намѣренъ овладѣть крѣпостью (Архангельскомъ), произвести замѣшательство въ торговлѣ и уничтожить царскій таможенный сборъ.

Р. Много случилось со мною другихъ происшествій, о которыхъ не стоитъ писать. Извѣстія, которыя я получилъ, были иногда пріятны, иногда ужасны. Богъ чудеснымъ образомъ сохранилъ меня.

Однажды ночью ³⁾ я предалъ свою душу Богу, думая, что часть моей смерти пробилъ. Въ полночь кто-то постучался въ мои ворота. Вооружившись пистолетами и другимъ оружіемъ, котораго у меня было большой запасъ, я и около 15 моихъ слугъ подошли къ воротамъ.— „Добрый другъ мой, дворянинъ Еремѣй, мнѣ нужно говорить съ тобою“.— При мѣсячномъ свѣтѣ я узналъ Аѳанасія Нагого, брата вдовствующей царицы, матери отрока—царевича Димитрія, который находился въ Угличѣ, въ 25 миляхъ (отъ Ярославля).—„Царевичъ Димитрій скончался: около шестаго часа дѣяки его зарѣзали; одинъ изъ его слугъ признался на пыткѣ, что царевичъ зарѣзанъ по повелѣнію Бориса.—Царица отравлена и при смерти: у нея лѣзутъ волосы, сходятъ ногти и кожа. Име-

¹⁾ Р. Опасаясь оставить меня въ Москвѣ, гдѣ въ то время было много иностранныхъ посланниковъ, царь съ своей Думой велѣлъ мнѣ выѣхать на время за 250 миль въ Ярославль. Борисъ прислалъ мнѣ сказать, чтобы я ничего не опасался.

²⁾ т. е. отказался отъ отпуска съѣстныхъ припасовъ.

³⁾ 15 мая 1591 года.

немъ Христа заклинаю тебя—помоги и дай какое нибудь снадобье!“— „Увы! мнѣ нечего дать такого!“—Я не смѣлъ отпереть ворота, вбѣжалъ въ домъ, схватилъ стклянку чистаго прованскаго масла и коробку венеційскаго теріака ¹⁾.—„Вотъ все, что у меня есть,—дай Богъ, чтобы это помогло!“—Я передалъ ему эти вещи черезъ стѣну: взявъ ихъ, онъ помчался прочь.

Дня за четыре передъ тѣмъ предмѣстія Москвы были подоожжены и двѣнадцать тысячъ домовъ сгорѣло. (Во время пожара) Борисова стража грабила добычу. Подкупили четырехъ или пятерыхъ негодяевъ-воиновъ, чтобы они выдержали пытку и объявили, будто бы они наняты царевичемъ Димитріемъ, его матерью царицей и семействомъ Нагихъ, чтобы убить царя и Бориса Ѳеодоровича и поджечь Москву. Это было обнародовано съ цѣлю возбудить въ народѣ ненависть къ царевичу, его матери и ихъ семейству; но никто не повѣрилъ этой гнусной клеветѣ.

Епископъ Крутицкій (Геласій) былъ присланъ въ Угличъ съ 500 стрѣльцами и съ многими боярами и дворянами погребсти царевича Димитрія, кажется, въ главномъ придѣлѣ церкви св. Іоанна.—Отравленная больная царица была пострижена въ монахини и умерла для свѣта, заживо схороненная спасать свою душу.—Всѣ ея родственники, братья, дяди и друзья, чиновники и служители были разосланы въ разныя невѣдомыя заточенія, осужденные никогда болѣе не видѣтъ свѣта Божія.

Вскорѣ потомъ Богъ, являющій Свое правосудіе во всѣхъ Своихъ дѣяніяхъ, послалъ ужаснѣйшую и очевидную кару на обличеніе и посрамленіе злодѣйства и преступленія; но въ то время не думали, что призракъ убіеннаго Димитрія явится такъ скоро и погубитъ Бориса Ѳеодоровича и весь его родъ.

Между тѣмъ мнѣ пора было возвратиться (въ Англію); мнѣ объявили, что вслѣдъ за мною будутъ отправлены (къ королевѣ) письма отъ царя и отъ Бориса Ѳеодоровича. Много осталось (въ Москвѣ) разныхъ моихъ вещей, разныхъ долговъ и имущества, которые пропали и которые я охотно желалъ бы имѣть обратно; много моихъ денегъ осталось также за Борисомъ. Въ письмахъ своихъ, которыя и теперь находятся на лицо; онъ увѣдомлялъ меня, что ему нельзя было сдѣлать для меня все, что бы онъ хотѣлъ; что онъ будетъ всячески стараться о моихъ выгодахъ, но что ему нужно сперва устранить нѣкоторыя препятствія; что, между тѣмъ, если я нуждаюсь въ деньгахъ, онъ пришлетъ мнѣ денегъ изъ собственной своей казны.

II ²⁾. Въ Вологдѣ меня задержали до 6 іюля; въ этотъ день ко мнѣ былъ присланъ дворянинъ. Въ наказѣ, данномъ ему за подписью

1) „Стклянка эта была тотъ самый фіаль съ бальзаомомъ, который мнѣ дала королева“... (см. стр. 79).

2) Р. Ко мнѣ былъ присланъ приставъ проводить меня внизъ по Двинѣ и посадить на корабль. Я былъ столь же радъ, какъ сэръ Еремей Баустъ выбратъся изъ Россіи.—Много дворянъ предлагали мнѣ свои услуги въ этомъ неприятомъ положеніи.

канцлера (Щелкалова), ему велѣно было объявить мнѣ, что царю сперва угодно было, чтобы я явился къ его величеству и получилъ полные и окончательные отвѣты на мои предложенія; но, что случившіяся въ послѣднее время въ его народѣ большія смятенія побудили его величество измѣнить это намѣреніе и что я буду отвезенъ къ берегу моря и тамъ посаженъ на корабль. По прїѣздѣ моемъ (въ пристань Св. Николая) начальникъ замка объявилъ мнѣ, что на письма и требованія королевы, мною предъявленные, посланы царемъ отвѣты, которые совершенно удовлетворять ея величество.

Изъ этого видно, какъ Щелкаловъ меня боялся, этотъ лукавѣйшій изъ всѣхъ когда либо бывшихъ на свѣтѣ Скивоовъ. Опасаясь, чтобы я не уличилъ его и не обнаружилъ его коварства, онъ, безъ вѣдома царя и правителя, помѣстилъ много оскорбительныхъ для меня выраженій въ письма, посланныя къ ея величеству отъ имени царя; я былъ уже предупрежденъ объ этомъ чрезъ бывшаго у меня при дворѣ прїятеля. Изъ послѣдствій, когда правитель упрекалъ въ томъ Щелкалова, сей послѣдній, по своему обыкновенію, клялся спасеніемъ своей души, что это неправда.

Такого рода злоупотребленіе весьма легко дѣлать въ Россіи, не давъ повода ни къ какому подозрѣнію, потому что порядокъ тамъ таковъ: главный дьякъ Посольскаго приказа сочиняетъ и излагаетъ грамоты, потомъ подаетъ ихъ въ чернѣ и самъ ихъ прочитываетъ; если ему заблагоразсудится, то онъ въ послѣдствіи измѣняетъ ихъ содержаніе по своему усмотрѣнію, потому что онъ никогда, или весьма рѣдко, пересматриваются вновь. Ни одна изъ нихъ не подписывается царскимъ величествомъ, но всѣ онѣ переписываются дьякомъ и печатаются печатью, которая находится у него самого на храненіи; онъ же надписываетъ грамоты и отправляетъ ихъ по принадлежности.

Щелкалову такія поддѣлки въ грамотахъ и наказахъ были такъ привычны, что онъ до конца продолжалъ ихъ, хотя всѣмъ было извѣстно, какъ онъ былъ въ этомъ уличенъ, обвиненъ и жестоко за это наказанъ. Старый царь (Иванъ Васильевичъ) держалъ его единственно, какъ орудіе для наказанія своего народа; правитель Борисъ Федоровичъ, изъ уваженія къ его опытности, употреблялъ его нѣсколько времени въ помощь другому чиновнику; но наконецъ его коварство сдѣлалось до того невыносимо, что, какъ я слышалъ, его дьявольской и ненавистной жизни былъ положенъ самый несчастный конецъ.

Р ¹⁾. Слава буди Богу! Я прибылъ въ Англію живъ и здоровъ; явился къ королевѣ и вручилъ свои письма: они оказались гораздо

¹⁾ П. Окончу начатый мною рассказъ. Сѣвши на корабль въ пристани Св. Николая, я скоро прибылъ въ Англію и 4-го октября 1590 года (т. е. 1591) года прїѣхалъ ко двору въ Ричмондъ, гдѣ ея всемилостивѣйшему величеству угодно было меня принять и выслушать мой рассказъ объ этомъ послѣднемъ моемъ посольствѣ, сопряженномъ съ такими опасностями.

лучше и пріязненѣе, чѣмъ я ожидалъ. Посредничествомъ четырехъ достойныхъ лицъ, всѣ бывшія между мною и обществомъ (купцовъ) дѣла были миролюбиво покончены. Общество уплатило мнѣ 1845 фунт. (стерлинговъ), которые оказались слѣдовавшими мнѣ за мое имущество и мои товары. Я официально получилъ общую квитанцію и расчетъ за (надлежащими) подписями и печатами. Старшины, сэръ Егоръ Барнъ и сэръ Иванъ Гартъ, отъ имени общества и въ знакъ дружественнаго окончанія дѣла, поднесли мнѣ красивую золоченую чашу съ крышкой.

Слѣдующая за симъ статья, въ которой Горсей исчисляетъ свои литературныя заслуги, помѣщена ниже, въ сличеніи съ двумя другими статьями его „Разсужденія“.

Не могу однакоже окончить моего повѣствованія, не рассказавъ тѣхъ происшествій, которыя служатъ необходимымъ дополненіемъ предъидущаго, хотя они случились уже послѣ моего отъѣзда изъ Россіи. Ихъ вызвала невинная кровь, пролитая въ это время гнетущаго тиранства; они явили несомнѣнное доказательство, что Богъ, къ утѣшенію Своихъ избранниковъ, караетъ праведнымъ судомъ Своимъ дѣянія злости и коварства и справедливо наказуетъ тѣхъ, которые, не просвѣщенные благодатію, предаются внушеніямъ дьявола и слѣдуютъ собственнымъ своимъ похотямъ и честолюбивымъ наклонностямъ. Мнѣ желательно, чтобы читатель не имѣлъ сомнѣнія въ справедливости сказаннаго мною.

Вы слышали, хотя и не вполнѣ, о жестокомъ, варварскомъ и тиранскомъ царствованіи царя Ивана Васильевича: о томъ какова была его жизнь, какъ онъ проливалъ безъ счета невинную кровь, и какіе ужасные грѣхи составляли его наслажденіе и были имъ совершены; о томъ каковъ былъ его конецъ и конецъ его старшаго сына, какъ послѣ него остался править его великой монархіей слабоумный его сынъ, прямая притча Соломонова. Слѣдствиемъ были еще большія кровопролитія. Сынъ этотъ былъ устраненъ (made away), а третій сынъ (царевичъ Димитрій), царевичъ десяти лѣтъ отъ роду, ума остраго и подававшій большія надежды, былъ зарѣзанъ.—Такимъ образомъ весь корень этого кровожаднаго рода, царствовавшаго болѣе 300 лѣтъ, прекратился и окончился въ крови.

Потомъ на престолъ вступилъ похититель, который по русски называется „Митхерингъ Тирантъ ¹⁾“. Буррисъ Федоровичъ Годоновъ. Прошу обратиться немного назадъ и вспомнить, какъ я его оставилъ. Я имѣю и готовъ показать многія письма, полученныя мною (изъ Россіи) отъ моихъ старинныхъ и достойныхъ друзей; у меня есть и другія извѣстія о положеніи дѣлъ въ этомъ государствѣ, я видѣлся также въ послѣдствіи съ двумя (тамошними) посланниками и съ однимъ знающимъ монахомъ.

¹⁾ Эти два слова въ подлинникѣ написаны славянскими буквами. Ю. Т.

II ¹⁾. Я узналъ, что съ того времени царь Ѳеодоръ умеръ и что бояринъ Борисъ, по общему согласію и избранію, вѣнчанъ на царство; что его сынъ провозглашенъ наслѣдникомъ, и что преемники ихъ признаны царскою Думой (parlemente royalle) въ томъ же достоинствѣ на вѣчныя времена. Государь этотъ былъ выведенъ въ знатность старымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ, который всегда любилъ его и жаловалъ совершенно наравнѣ съ двумя своими сыновьями и который наконецъ женилъ на его сестрѣ своего второго сына, покойнаго царя Ѳеодора. При жизни своей (Иванъ Васильевичъ) поручилъ Борису руководить (soule governmente) Ѳеодора, а въ болѣзнь свою усыновилъ его и по завѣщанію, утвержденному имъ самимъ, а послѣ него верховною Думою (counsell royalle), поручилъ ему (Борису) съ помощью 4-хъ другихъ знатныхъ бояръ царской крови, управление царствомъ, которымъ Борисъ и правилъ по смерти Ивана Васильевича. Мудростію своею и разумомъ правя государствомъ совершенно иначе, какъ оно было управляемо прежде, Борисъ царствуетъ надъ подданными, а не надъ рабами, которыхъ онъ удерживаетъ въ повиновеніи и въ вѣрности любовію, а не страхомъ и не тиранствомъ.

II ²⁾. Онъ высокъ ростомъ, весьма красивъ лицомъ и вообще величественъ въ приемахъ; привѣтливъ въ обращеніи, при этомъ мужественъ, уменъ, прозорливъ, важенъ, отъ роду ему около 50 лѣтъ; милосердъ, любитъ добродѣтель и добрыхъ людей, ненавидитъ злыхъ и строго караетъ несправедливость. Словомъ онъ лучшій изъ всѣхъ государей, когда либо царствовавшихъ надъ этимъ народомъ ³⁾. Его величество всегда имѣло особенное благорасположеніе къ моимъ соотечественникамъ, болѣе чѣмъ къ которому либо изъ другихъ народовъ.

---

¹⁾ Р. Борисъ съ своею семьею, какъ вы уже слышали, приобрѣлъ власть и большое могущество и сталъ постепенно угнетать и губить большую часть родовитыхъ и главныхъ бояръ, которыхъ онъ давно уже устранилъ (отъ правленія) и безнаказанно истязалъ, чтобы внушить къ себѣ страхъ и боязнь. Хотя уже на дѣлѣ царь—Борисъ заключилъ въ монастырь царя Ѳеодора Ивановича и сестру свою, царицу (Ирину); принудилъ патріарха, митрополитовъ, епископовъ и монаховъ, вновь пожалованныхъ бояръ, чиновниковъ своихъ, купцовъ и всѣхъ остальныхъ своихъ клевретовъ, подать ему челобитную о принятіи имъ вѣнца на царство. Въ назначенное время онъ былъ торжественно возведенъ и вѣнчанъ на царство и изъ простаго дворянина сдѣлался Борисомъ Ѳеодоровичемъ, царемъ и великимъ княземъ Владимирскимъ, Московскимъ и всея Руси, царемъ Казанскимъ, царемъ Астраханскимъ, царемъ Сибирскимъ и проч., какъ пишется (въ его титулѣ).

²⁾ Р. Онъ величественной наружности, красивъ лицомъ, привѣтливъ, пріятенъ въ обхожденіи, уступчивъ, но опасенъ для тѣхъ, кто даетъ ему совѣты, одаренъ хорошими способностями, имѣетъ отъ роду 45 лѣтъ; склоненъ къ чернокнижію, не ученъ, но быстрога ума, отъ природы краснорѣчивъ и имѣетъ звучный голосъ; лукавъ, очень вспыльчивъ, мстителенъ, не склоненъ къ роскоши, умѣренъ въ пищѣ, но любитъ великолѣпіе: пышно принимаетъ иноземныхъ посланниковъ, посылаетъ богатые дары иностраннымъ государямъ.

³⁾ „Я читалъ объ нихъ въ весьма древнихъ русскихъ лѣтописяхъ“.

Единственно благодаря его милости испросилъ я въ 1585 году жалованную грамоту знаменитому обществу (Англійскихъ) купцовъ, торгующихъ въ Россіи, которые съ тѣхъ поръ, благодаря своимъ благоразумнымъ распоряженіямъ и хорошему поведенію, постоянно пользовались дарованными имъ льготами ¹⁾).

Р. Съ намѣреніемъ явить свою славу, Борисъ старался о снисканіи, преимущественно предъ всѣми другими государями, дружбы и твердаго союза съ императоромъ Германскимъ и съ королемъ Датскимъ. Врагами его были ханъ Крымскій, король Польскій и король Шведскій, и къ нимъ присоединились всѣ его недруги: они его и погубили.

Онъ продолжалъ управлять государствомъ точно также, какъ управлялъ прежде (при царѣ Ѳедорѣ); только оказывалъ болѣе щедрости и болѣе заботливости о благоденствіи, безопасности и правахъ своихъ подданныхъ. Не будучи однакоже увѣренъ въ своей безопасности и боясь быть сверженнымъ съ престола, онъ желалъ упрочить свою державу бракомъ своей дочери съ герцогомъ Иоанпомъ, третьимъ сыномъ короля Датскаго. Условія этого брака были утверждены, договоръ заключенъ, приданое изготовлено, время и торжественный чинъ бракосочетанія назначены. Женихъ былъ мужественъ, молодъ и подавалъ большія надежды; рассчитывая на его помощь и на его родственныя связи, царь надѣялся сдѣлать чудеса. Но герцогъ, внезапно заболѣвъ, умеръ въ Москвѣ: бракъ не совершился и съ тѣмъ вмѣстѣ рушились всѣ надежды и намѣренія Бориса. Вскорѣ потомъ онъ былъ поставленъ въ крайность Крымцами, Поляками и Шведами, которые одни за другими вторгались въ предѣлы его государства.

Умалчиваю о многихъ другихъ странныхъ случаяхъ, происшедшихъ между Борисомъ, его боярами и его народомъ, и приступаю къ бѣдствіямъ, постигшимъ въ послѣднее время его и участниковъ его замысловъ. Вы слышали прежде о главномъ любимцѣ и наперникѣ великаго царя Ивана Васильевича, Богданѣ Бѣльскомъ, который былъ

¹⁾ „Многіе изъ этихъ купцовъ старались затмить мои заслуги въ этомъ дѣлѣ, испрашивая бесполезныя переписки грамоты, мною исходатайствованной. Тѣмъ не менѣе ей обязаны они поддержаніемъ упадавшей торговли общества; черезъ нее они приобрѣли себѣ много славы, большія выгоды, двойную прибыль; вывозить излишекъ естественныхъ произведеній изъ нашего королевства и привозить въ оное предметы, необходимыя для государства, которое содержитъ флотъ; кромѣ того посредствомъ этой грамоты она особенно полезны королевѣ, ибо образуютъ для флота ея величества лучшихъ и славнѣйшихъ моряковъ; притомъ торговлею своею вывозной и привозной разными путями, чрезвычайно увеличиваютъ таможенные доходы ея величества.—Будь Богъ имъ въ помощь! Такимъ достойнымъ подданнымъ стоитъ пожелать много добра“.

Здѣсь оканчивается Горсеево „Разсужденіе о двухъ его посольствахъ въ Россію въ 1585 и 1589 (т. е. 1590) годахъ“. Разсужденіе это онъ заключаетъ двумя статьями, которыя, для сравненія, сличены съ статьею, помѣщенной въ его „Повѣствованіи“, предъ разсказомъ о происшествіяхъ, случившихся въ Россіи послѣ его отъѣзда (см. „Приложеніе“ стр. 109—110).

вѣрнымъ клеветомъ царя Бориса и помогаль ему въ достиженіи его цѣлей. Никто не былъ столь ему преданъ, никто не имѣлъ столько могущества, никто не былъ столь способенъ губить величайшихъ враговъ Бориса, бояръ и другихъ его недоброжелателей. Бѣльскій однако же получилъ награду, обыкновенно воздаваемую орудіямъ коварства. Царь (Борисъ), его сестра, (вдовствующая) царица и все семейство Годуновыхъ со всѣми ихъ приверженцами страшились ковь Бѣльскаго. Борисъ нашель средства и разные поводы избавиться отъ его присутствія: отправилъ его съ его приверженцами въ опалу въ мѣста, повидимому довольно отдаленныя и безопасныя, чтобы препятствовать имъ замыслять и дѣйствовать ко вреду государства. Но, во время своего могущества, Бѣльскій собралъ несчетныя богатства и огромныя суммы денегъ и, опасаясь утратить свою власть, отправилъ ихъ за-границу. Это помогло ему отмстить. Онъ бѣжалъ изъ своей ссылки въ Польшу и, вмѣстѣ съ многими недовольными боярами и могущественными вельможами, рѣшилъ не только вступить въ службу короля Польскаго, но и возбудить его и знатнѣйшихъ воеводъ и могущественнѣйшихъ князей Литовскихъ (противъ Бориса). Увѣренныя, что въ Россіи они встрѣтятъ достаточныя пособія, (Поляки и Литовцы) съ малочисленнымъ войскомъ вторгнулись въ ея предѣлы, объявляя, что они прибыли радостными вѣстниками объ ея искупленіи и ведутъ истиннаго и законнаго наслѣдника вѣнцу и царству, царя Димитрія, сына Ивана Васильевича, (мнимо) убіеннаго коварствомъ царя-похитителя Бориса Ѳеодоровича; что Димитрію, промысломъ Божиимъ и состраданіемъ бѣдствующаго народа, была чудесно сохранена жизнь и что онъ находится въ ихъ войскѣ и идетъ въ Москву избавить и утѣшить Россію. Царь Борисъ, съ преданными ему друзьями и боярами, поспѣшно вооружился, изготовилъ снаряды, пушки и всѣ остальные запасы въ изобиліи, но не имѣлъ мужества сразиться (съ непріателемъ); и это его погубило. Ничто не могло остановить дальнѣйшаго хода происшествій: воскресій Димитрій съ Польскимъ войскомъ и со многими воеводами осадилъ Москву и занялъ всѣ выходы изъ нея, не оставивъ никакой надежды къ побѣгу. Царь Борисъ Ѳеодоровичъ, царица супруга его, ихъ сынъ и дочь, всѣ приняли яда, положили вмѣстѣ головы и легли на полъ. Трое изъ нихъ немедленно лопнули и умерли на мѣстѣ. Изнеможеннаго же сына нѣкоторые изъ главнѣйшихъ изъ его семьи, въ надеждѣ успокоить взволнованныя умы народа, провозгласили Иваномъ (т. е. Ѳеодоромъ) Борисовичемъ, царемъ всея Россіи и проч.; но онъ вскорѣ умеръ. Тогда народъ, еще болѣе жадный до новости, желалъ видѣть своего убитаго Димитрія. Отворили ворота Москвы и Димитрій вступилъ въ нее съ своимъ войскомъ:

Овладевъ столицею, онъ поселился во дворцѣ внутри Кремля. Все духовенство и весь народъ присягнули ему. Онъ былъ провозглашенъ и вѣнчанъ царемъ и великимъ княземъ всея Россіи, хотя былъ самозванецъ и обманщикъ, сынъ попа, бродившаго по Россіи и торговавшаго водкой. Перемена эта возбудила въ народѣ ропоть, особенно народъ

былъ недоволенъ дерзостію и своевольствомъ Поляковъ. По овладѣніи городомъ было всенародно повелѣно укротить населеніе и толки народные. Чтобы утвердить свою безопасность и свою власть, главный воевода (Юрій Мнишекъ), имѣвшій начальство надъ Польскимъ войскомъ и приведшій лже-Димитрія (въ Москву), былъ принужденъ выдать за царя Димитрія свою дочь, которая такимъ образомъ сдѣлалась царицей. Поляки, всегда надменные и наглые въ счастіи, стали оскорблять Русскихъ бояръ, ругаться надъ ихъ вѣрой, искажать правосудіе, тиранствовать, угнетать, расхищать казну, истребили родственниковъ и приверженцевъ Бориса, предавая ихъ позорнымъ казнямъ, требуя съ нихъ выкуповъ; словомъ—вели себя какъ завоеватели, такъ что русскіе бояре, митрополиты, епископы, монахи и всѣ сословія народа весьма раскаялись въ томъ, что измѣнили порядокъ правленія, роптали и, оставивъ свои раздоры, рѣшились воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы покарать и укротить своеволие Поляковъ. Но на каждого Русскаго воина была сотня Польскихъ. Пользуясь этою выгодою, король и королевичъ Польскіе, всегдашніе враги Москвитянь, стали готовить войско для овладѣнія престоломъ Русскимъ и всѣмъ государствомъ. Въ это время Русскіе напали на царя-самозванца Димитрія: умертвили его стражу; его самого изъ постели его жены царицы вытащили на крыльцо. Стрѣльцы и воины пронзили его ножами, изрубили ему голову, ноги и принесли куски его тѣла на площадь, гдѣ они въ теченіи трехъ дней были выставлены на позорище всему городу. Народъ толпился, проклиная самозванца и измѣнниковъ, которые привели его въ Москву. Воевода, тесть самозванца съ своей дочерью, бывшею царицею, и Польскими воинами были отпущены: челоуѣколюбіе, котораго они не заслуживали. (Бояре) приступили къ избранію новаго царя изъ среды своего сословія; называли двоихъ: князя Ивана Ѳеодоровича Мстиславскаго и князя Василія Шуйскаго. Оба боялись избранія въ это мятежное время, когда Русскіе были въ войнѣ съ Поляками и въ междоусобныхъ раздорахъ, когда всѣ связи государства распались и правительство, повидимому, не могло быть водворено и усмирено на долгое время. Однакоже князь Василій Петровичъ (т. е. Ивановичъ) Шуйскій, честолюбивѣйшій изъ двоихъ, прельстился вѣнцомъ и царствомъ; онъ былъ мужественный и великодушный князь, третій братъ благороднаго боярина князя Ивана Шуйскаго, который, какъ вы слышали, былъ задушенъ ¹⁾).

Этотъ бояринъ былъ возведенъ на престолъ ко всеобщему удовольствію, вѣнчанъ на царство съ большимъ торжествомъ, по стариннымъ русскимъ обрядамъ и обычаямъ, и наименованъ княземъ Василіемъ Петровичемъ (т. е. Ивановичемъ) Шуйскимъ, царемъ и великимъ княземъ всея Россіи, со всѣми прочими принадлежащими царю титу-

¹⁾ Царь Василій Ивановичъ, второй сынъ боярина князя Ивана Андреевича Шуйскаго (уб. при Коловеріи т. е. Лодѣ въ 1573 г.), былъ не братомъ, а лишь дальнимъ родичемъ боярина князя Ивана Петровича Шуйскаго; ихъ правды были двоюродными братьями.

лами. Онъ вооружился съ своимъ народомъ не только, чтобы положить конецъ бѣдствіямъ Россіи, но также, чтобы изгнать Поляковъ и изготавиться на случай новаго ихъ вторженія.

Къ новому царю князю Василию былъ присланъ гонецъ съ требованіемъ признать себя данникомъ Польской короны, потому что Польскій король объявилъ царство и великое княжество всея Россіи присоединеннымъ къ своей державѣ, внесъ его въ свой титулъ и не хотѣлъ отказаться отъ него такъ легко, имѣя много Дмитріевъ въ запасъ, чтобы поддержать его притязанія. Никакіе доводы, разсужденія, дружелюбныя отвѣты не могли склонить его къ миру. Поляки ковали желѣзо, пока оно было горячо, утвердивъ свое вліяніе между утомленными (безначаліемъ) боярами и народомъ Русскимъ, который былъ очень доволенъ своимъ царемъ-княземъ Василиемъ и молилъ Бога о продолженіи его державы. Но Богъ не услышалъ ихъ молитвъ, готовя новую кару этому коварному и нечестивому народу. Поляки съ храбрымъ и многочисленнымъ войскомъ напали на рабскія ¹⁾ войска и на города Москвитянъ: съ обѣихъ сторонъ пало много воеводъ и храбрыхъ воиновъ. Поляки одержали верхъ и вновь овладѣли Москвой; многіе были умерщвлены, царь-князь Василій былъ взятъ въ плѣнъ и многіе изъ бояръ уведены съ нимъ въ неволю; его посадили въ крѣпкое заточеніе въ замокъ Вильны, столицы Литовской. Поляки начали неистовствовать и ругаться надъ Русскими еще болѣе, чѣмъ прежде; захватили ихъ имущество, деньги, сокровища и богатства. Много отправлено было добычи и сокровищъ въ Польшу и Литву.—Но тѣ сокровища, которыя были скрыты старымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ и царемъ Борисомъ Ѳедоровичемъ по разнымъ тайникамъ, безъ сомнѣнія до сего дня остаются по большей части не найденными, потому что участники въ сокрытіи ихъ или знавшіе тѣ тайники никогда не оставались въ живыхъ. Русскіе покорились королю Польскому и сдѣлались его данниками, признавъ его своимъ царемъ и государемъ: они просили его торжественною грамотою, которая навѣки сохранится въ лѣтописяхъ ихъ державы, что бы его сынъ былъ вѣнчанъ ихъ царемъ и королемъ и пріѣхалъ жить между ними въ знаменитомъ городѣ Москвѣ. Но король не согласился удовлетворить ихъ просьбу и довѣрить имъ своего сына; самовластные вельможи—папы Польскіе не хотѣли лишить Польшу королевича, подававшаго большія надежды, и оказать своимъ врагамъ такую честь; ихъ намѣреніе было подчинить Россію мало по малу, дать ей Польскіе законы и постановленія и владѣть ею по своему произволу, пока судьба ея не будетъ окончательно рѣшена. Русскіе терпѣли и съ скорбящимъ сердцемъ рѣшались все переносить, пока не нашли способа освободиться. Поляки были весьма тревожены набѣгами Крымскихъ Татаръ. Луговая (Черемиса), Ногайцы и Мордва, Татары и Черкасы, съ своими князьями и предводителями ненавидѣли Польскаго короля,

¹⁾ fainte-harted правильнѣе перевести малодушные. А. С.

ибо, находясь давно въ подданствѣ Русскаго царя, который обходился съ ними лучше, чѣмъ съ прочими подвластными ему племенами, они чувствовали себя угнетенными и стѣсненными въ своихъ преимуществахъ Польскимъ правительствомъ. Будучи всѣ вообще хорошими наѣзниками и храбрыми воинами, они оказали важную услугу и себѣ, и Русскимъ. Составивъ многочисленное ополченіе, они вооружились, напали на Поляковъ, грабили и убивали столькихъ изъ нихъ и поставили ихъ въ такое опасное положеніе, что Поляки были принуждены съ возможною поспѣшностію бѣжать, захвативъ свою добычу и свои сокровища. Такимъ образомъ Россія освободилась отъ поляковъ.

Оставшіеся бояре, духовенство и всѣ сословія народа ободрились; начали совѣщаться объ устроеніи своего государства, выслали всѣхъ Поляковъ и прочихъ иноземцевъ, отказавшись отъ чужеземнаго подданства на разныхъ условіяхъ и съ разными благоразумными распоряженіями. Хотя имъ и удалось свергнуть иго Поляковъ, но они были принуждены уступить нѣкоторые изъ своихъ пограничныхъ городовъ и областей, издавна принадлежавшихъ державѣ Польской ¹⁾. Они весьма скорбятъ о своемъ послѣднемъ царѣ-князѣ Василии Шуйскомъ, котораго не отдають на выкупъ и который до сихъ поръ содержится въ тяжкомъ заточеніи. Между тѣмъ невозможно было столь многочисленному народу и такому обширному государству оставаться безъ главы и государя: стали совѣщаться объ избраніи новаго царя. Вы слышали, какъ Борисъ Ѳеодоровичъ, въ началѣ своего правленія, не желая имѣть соправителя болѣе себя знаменитаго, волшебствомъ лишилъ жизни дядю царя Никиту Романовича (Юрьева), который отъ его чаръ онѣмѣлъ. Старшій сынъ этого боярина Ѳеодоръ Никитичъ, бояринъ мужественный и исполненный надеждъ, былъ постриженъ въ монахи и, несмотря на молодыя лѣта, сдѣланъ епископомъ Ростовскимъ; теперь онъ, говорятъ, патріархъ Московскій. До вступленія своего въ монашество, онъ имѣлъ сына: сынъ этотъ, по единогласному и единодушному выбору всѣхъ чиновъ государства воцарился теперь на наслѣдіи своихъ предковъ и вѣнчанъ на царство подъ именемъ Михаила Ѳеодоровича, царя и великаго князя всея Россіи. Пошли ему Богъ болѣе безопасности, счастья, мира и успѣха, чѣмъ имѣли его предшественники, ибо онъ вступилъ на престолъ при весьма неблагоприятныхъ обстоятельствахъ: главнѣйшее изъ нихъ есть недостатокъ казны, которая была расхищена, и другихъ средствъ нужныхъ государю для поддержанія своей державы и своего правительства. Несмотря на то, онъ царствуетъ съ большимъ искусствомъ, сообразуясь съ обстоятельствами и слѣдуя во всемъ благоразумнымъ совѣтамъ своего многоопытнаго родителя ²⁾. Не могу умолчать

¹⁾ Слово въ слово: „хотя они и сняли удило, но принуждены были оставить узду (Польскаго владычества) на нѣкоторыхъ изъ своихъ пограничныхъ городовъ“ и пр.

²⁾ „Сему послѣднему, когда онъ былъ молодъ, угодно было, чтобы я написалъ для него Славянскими буквами въ родѣ грамматики Латинскихъ словъ и рѣченій; грамматика эта доставила ему большое удовольствіе“.

случая, заслуживающаго гласности: знаменитое товарищество Английскихъ купцовъ, торгующихъ въ тѣхъ странахъ, недавно предложило царю заемъ въ сто тысячъ фунтовъ (стерлинговъ) на удовлетвореніе издержекъ его величества. Это доказываетъ похвальную благодарность купцовъ за любовь и милость къ нимъ предковъ царя.

Относительно послѣдующихъ происшествій и нынѣшняго состоянія тѣхъ странъ, я долженъ сослаться на разсказъ сэра Томы Смейса и въ особенности на свѣдѣнія сэра Ивана Меррика: первый былъ тамъ посланникомъ, второй много разъ тамъ бывалъ и многое тамъ испыталъ. Въ послѣднее время было нѣсколько пересылокъ между Россіей и Англійей; но, если вѣрить общей молвѣ, они касались болѣе частныхъ (чѣмъ общественныхъ) выгодъ и по своимъ слѣдствіямъ оказались скорѣе невыгодными, чѣмъ полезными.

Многое могъ бы я еще сказать и многое прибавить, но боюсь, чтобы скучные мои разсказы не утомили вашего терпѣнія; поэтому я не внесъ и не прибавилъ многихъ объясненій относительно именъ, рѣченій и выраженій, которыхъ вы не привыкли читать (и которыхъ могли бы не понять), написанныхъ моимъ худымъ почеркомъ. Предоставляю на зрѣлое обсужденіе ваше обдумать не безъ удивленія странныя событія, столь быстро совершившіяся, которымъ подобныхъ не упоминается ни въ одной исторіи и которымъ за грѣхи сего міра Божественный Промыселъ попустилъ совершиться надъ нечестіемъ и злодѣяніями людей.

Съ тѣхъ поръ образъ моей жизни измѣнился. Болѣе тридцати лѣтъ провелъ я въ плодотворномъ графствѣ Буккингамскомъ: былъ тамъ главнымъ шерифомъ, во всѣхъ служебныхъ должностяхъ всѣми силами старался отправлять свою обязанность, какъ слѣдуетъ честному мирному судьѣ; воздавалъ должное судьямъ, которые руководствуются совѣстію, человѣколюбіемъ, благоразуміемъ и разсудкомъ; имѣлъ случай снискать много дружбы и благорасположенія въ судьяхъ, въ помѣстныхъ владѣльцахъ и во всѣхъ другихъ сословіяхъ. Благословеніемъ Божиимъ много дѣлаеть добра въ Англійи ревностное проповѣданіе Евангелія достойнѣйшими учеными, благочестивыми и набожными богословами. Да благословитъ ихъ Богъ и да продлитъ сіе на долгое время!

Я служилъ также болѣе тридцати лѣтъ въ парламентѣ. Приобрѣтенный мною какъ въ отечествѣ, такъ и въ иныхъ странахъ, опытъ сего нечестиваго міра внушаетъ мнѣ желаніе жить въ мірѣ лучшемъ. Покуда довольствуюсь тѣмъ, что, подобно старому кораблю, совершившему много плаваній, остаюсь въ пристани, пока не разснащенъ. По истинѣ скажу, что изо всѣхъ извѣстныхъ въ свѣтѣ городовъ и царствъ нѣтъ ни одного, который бы въ благоденствіи могъ сравняться съ нашимъ трижды благословеннымъ народомъ и съ нашей Англійей—ангельскимъ царствомъ Ханаана.

Засимъ я отказываюсь отъ всякаго дальнѣйшаго опыта и познанія сей жизни и слѣдую справедливому правилу: „будь христіаниномъ—объ остальномъ не заботься“.

П р и л о ж е н і е.

Въ заключеніе своего *Описанія второго и третьяго Посольствъ Горсей* пишетъ:

„Частыя мои сухопутныя путешествія по многимъ странамъ и двадцатилѣтній опытъ доставили мнѣ случай сдѣлать много любопытныхъ, достопримѣчательныхъ и достойныхъ напечатанія наблюденій о странѣ Китайской, великомъ ханѣ, которую Персіяне и Бухарцы называютъ Богатою Индіей ¹⁾; о положеніи Персіи, Бохары и Грузіи, о великомъ ханѣ Крымскомъ, Скиѣскомъ татаринѣ и о всѣхъ прочихъ странахъ Татарскихъ, о Сибирякахъ и Самоѣдахъ, о Московіи и Россіи, о Литвѣ, Ливоніи и Польшѣ, о Валахіи, Трансильваніи и Венгріи, о Швеціи, Даніи и Норвегіи, о Германіи и о всѣхъ отдѣльныхъ ея владѣніяхъ; о почвѣ, климатѣ и пространствахъ этихъ государствъ, образѣ ихъ правленія и именахъ ихъ государей съ разными ихъ титулами, объ естественныхъ произведеніяхъ и главныхъ городахъ каждой страны, постройкахъ, тамъ употребляемыхъ и матеріалахъ, идущихъ на эти постройки, о монетахъ каждой страны, природѣ и качествахъ народовъ, ее населяющихъ, ихъ вѣроисповѣданіи, древностяхъ и памятникахъ, образѣ войны, оружіи и знаменахъ и пр.

Если бы я имѣлъ смѣлость и могъ легко изложить всѣ тѣ обильныя свѣдѣнія, которыя имѣю о положеніи и особенностяхъ исчисленныхъ странъ, я охотно предоставилъ бы ихъ въ распоряженіе ученаго и благороднаго кавалера сэра Роберта Коттона, который принялъ на себя достохвальный трудъ напечатать эту мою книгу. Заключающіяся въ ней свѣдѣнія такъ рѣдки, что подобныхъ не собиралъ еще доселѣ ни одинъ историографъ. (Отъ дальнѣйшихъ сочиненій) удерживаютъ меня главнѣйшія двѣ причины: во-первыхъ—я желаю не выходить изъ предѣловъ истины и говорить только о томъ, что мнѣ извѣстно по личному моему наблюденію или въ чемъ я убѣдился достовѣрными распросами; во-вторыхъ—потому что я не имѣю ни искусства, ни учености, ни послѣдовательности, ни искусства изящно изложить свое сочиненіе. Несмотря на то, съ помощію Божіею, я надѣюсь вскорѣ употребить всѣ свои старанія, чтобы исполнить это по лучшему моему разумѣнію“.

¹⁾ Я имѣлъ много сношеній съ людьми, бывавшими въ этой странѣ.

Этой заключительной статьѣ *Описанія Посольствъ Горсея* соответствует слѣдующая статья изъ *Разказа объ его путешествіяхъ*, которая въ англійскомъ подлинникѣ помѣщена послѣ разказа объ окончаніи расчетовъ съ обществомъ и предшествуетъ изложенію событій, случившихся въ Россіи по возвращеніи Горсея въ Англію.

„Я сохранилъ всѣ наказы, наставленія, письма, привилегіи и всѣ важныя бумаги, полученныя мною отъ общества; копіи съ грамотъ королевы, съ ея наказовъ и наставленій, также мною сохранены, равно какъ всѣ бумаги, относящіяся ко всѣмъ (моимъ) переговорамъ и посольствамъ въ чужихъ краяхъ. Всѣ эти документы весьма замѣчательны, и стоитъ ихъ пересмотрѣть и прочесть. Отрывки изъ нихъ были давно напечатаны въ книгѣ путешествій г-на Гаклюйта, нѣкоторые другіе изданы г-номъ Кемденомъ (Camden); большая же часть ихъ изложена въ особенномъ, болѣе ученомъ трактатѣ доктора Флетчера, которому я доставилъ свѣдѣнія о природѣ и естественныхъ качествахъ Русскаго народа, о законахъ, нарѣчіяхъ, правленіи, о порядкѣ управленія ихъ церкви и государства, о доходахъ, произведеніяхъ, климатѣ и положеніи, о главныхъ элементахъ, которые составляютъ Россію и о томъ, съ кѣмъ она находится въ союзѣ и ведетъ торговлю. Я обѣщаль (см. стр. 1—2) написать еще два трактата о томъ, что знаю относительно Польши, Литвы, Ливоніи, Венгріи, Трансильваніи, Германіи, верхнихъ и нижнихъ кантоновъ (Швейцаріи), семнадцати Соединенныхъ Областей (Нидерландовъ), Даніи, Норвегіи и Швеціи. Для этихъ трактатовъ написано мною нѣсколько разсужденій согласно съ моими наказами, по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя я самъ имѣлъ и какія могъ собрать. Пусть мои друзья увидятъ въ этомъ доказательство, что я провелъ время съ большимъ желаніемъ усовершенствоваться и приобрѣсть познанія, и что я готовъ съ радостью дѣлиться съ ними свѣдѣніями обо всемъ, что они желаютъ знать.

IV.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

ихъ бракъ, но по проискамъ управляющаго имѣніемъ, имѣющаго виды на Марину, онъ потомъ не приходитъ на обрученіе. Последнее происходитъ безъ священника, и во время пира является управляющій безъ приглашенія и бросаетъ поднесенный ему рогъ вина. Оскорбленные и виновникъ раздора обнажаютъ кинжалы, но ихъ разводятъ. Невѣсту отправляютъ къ теткѣ въ другую деревню, а женихъ схватилъ горячку, которая повлекла за собою разстройство его умственныхъ способностей. Въ одинъ изъ острыхъ припадковъ помѣшательства, узнавъ, что его невѣста выходитъ за управляющаго, Павелъ убѣгаетъ изъ дома, летитъ въ другую деревню и закалываетъ свою невѣсту.

Авторъ называетъ свою пьесу „сценами въ пяти дѣйствіяхъ“, справедливо не причисляя ея ни къ драмамъ, ни къ комедіямъ. Изъ приведеннаго содержанія легко замѣтить, что дѣйствительно въ пьесѣ г-жи Габашвили есть дѣйствіе, есть борьба страстей, но пять актовъ не связаны живою нитью. Это не драма, а яркія картины съ умными діалогами. Съ этой точки зрѣнія „Счастье измѣнчиво“ имѣетъ свои прелести, такъ какъ большинство его картинъ взято съ натуры. (См. „Кавказъ“ и „Цнобисъ-Цурцели“) январь 1897 г.

Писательница не могла не затронуть злободневный вопросъ, интересующій феминистокъ.

Въ повѣсти „У Луарсаба нашелся патронъ“ (1901 г.) она даетъ попытку къ разрѣшенію женской эмансипаціи, оправдываетъ легкомысленный образъ жизни своей героини Вѣры и всю вину сваливаетъ на ея мужа Луарсаба.

Сюжетъ этой повѣсти заимствованъ изъ жизни интеллигентнаго грузина. Луарсабъ—образованный и краснорѣчивый адвокатъ. Ему 32 года, но уже успѣлъ приобрести своей гуманностью и энергіей имя, уваженіе и состояніе. Сынъ священника, оставившаго ему имѣніе въ деревнѣ, онъ покинулъ духовную семинарію, выдержалъ экзаменъ на аттестатъ при гимназіи, кончилъ курсъ въ университетѣ и вернулся на родину „джентльменомъ съ эстетическимъ и артистическимъ вкусомъ“. Онъ считался хорошимъ женихомъ и не мало невѣстъ помышляло о счастливой съ нимъ жизни. Онъ самъ искалъ только красивой и образованной дѣвушки, но таковыя невѣсты его не жаловали за то, что онъ не отличался изящной наружностью: „круглый какъ мячъ, съ короткой шеей, лысый, съ рыжей бородой и полныя, холодныя и всегда потныя руки“ отталкивали отъ него притязательныхъ дѣвицъ. Авторъ подчеркиваетъ внѣшнія черты Луарсаба и ими объясняетъ ожидающее героя семейное несчастіе. Случайное сосѣдство въ театрѣ съ Вѣрой Мацдурашвили, съ представительной барышней, рѣшило его участь. Эта дѣвица, посвятившая себя педагогической дѣятельности, давно мечтала о замужествѣ и только Луарсаба сумѣла своимъ смиреніемъ и притворной сдержанностью завлечь въ свои сѣти.

Вѣра Эрастовна вскорѣ расточила сбереженія Луарсаба Мацхонешвили, сблизилась съ легкомысленнымъ итальянцемъ, уѣхала за границу, требуя оттуда денегъ, въ которыхъ мужъ не отказывалъ. Не только

денежной поддержкой, но и полнымъ молчаніемъ на недостойный поступокъ жены отвѣчалъ герой повѣсти. Онъ ушелъ въ себя, замкнулся, однако ни одного звука жалобы и неудовольствія никто отъ него не услышалъ. Источникомъ его несчастья была его некрасивая наружность, причина благополучнаго устройства судьбы Вѣры—ея настойчивость и эгоизмъ.

Первые опыты ея пера захватываютъ глубже, основательнѣе провинціальную жизнь — быть крестьянства и помѣщичьяго класса ¹⁾). Отрицательныя краски, по временамъ сгущаемыя въ нихъ, ближе къ дѣйствительности, чѣмъ идеальныя типы, рисуемыя въ позднѣйшихъ повѣстяхъ г-жи Габашвили. Зарожденіе въ Грузіи новаго класса благородныхъ ревнителей о народномъ благосостояніи и просвѣщеніи было отмѣчено еще нѣсколькими другими писателями, но истинное положеніе вещей склоняетъ насъ сказать, что въ произведеніяхъ г-жи Габашвили проникнутыя сознаніемъ долга дѣятели отличаются слишкомъ безупречнымъ характеромъ, часто являются воплощеніемъ всѣхъ добродѣтелей, переходя иногда въ отвлеченныя, безжизненныя фигуры. Дѣленіе общества на ангеловъ и демоновъ, на безкорыстныхъ труженниковъ и безжалостныхъ эгоистовъ, проходящее черезъ всѣ ея произведенія, налагаетъ на послѣднія печать тенденціознаго творчества. Но мы не ставимъ въ упрекъ писательницѣ, что она создаетъ типъ не существующій, но желательный; чистотой помысловъ, преданностью интересамъ родины, гуманными чувствами она подкупаетъ читателя и воспитывающимъ образомъ вліяетъ на него. Помимо этого облагораживающаго элемента, произведенія г-жи Габашвили имѣютъ и внѣшнія крупныя достоинства: мягкій, колоритный языкъ, чистый литературный стиль безъ устарѣлыхъ выраженій, художественное чутье, подсказывающее ей мѣру въ характеристикѣ быта и людей. Въ общемъ тонъ повѣстей г-жи Габашвили ясно проводится основная черта ея міровоззрѣнія: жизнь есть борьба, жизнь—это страданіе во имя свободы и любви. Хотя жизнь полна человѣко-ненавистничества, людской тупости и злобы, хотя на сторонѣ зла огромный перевѣсъ, однако сила свѣта должна восторжествовать. Писательница уповаетъ, что почъ не устоитъ предъ сіяніемъ истины, а даль грядущаго отрадна и ясна.

А. М. Казбекъ (1848—1893).

Александръ Михайловичъ Казбекъ, одинъ изъ лучшихъ и блестящихъ новѣйшихъ грузинскихъ писателей, родился въ родовой деревнѣ

¹⁾ Не мало поработала Ек. Габашвили на пользу дѣтской литературы. Небольшой сборникъ ея „Дѣтскихъ разсказовъ“ (Тифл. 1899) составляетъ украшеніе школьной бібліотеки. Въ составъ сборника вошли: Родникъ, Божій сынъ, Столпъ семьи, Куклозка Нано, Семья Мшіерадѣе, Новогоднія картины, Страшное приключеніе (Рождественскій разсказъ), Какъ встрѣтилъ Свимоника Новый годъ, Легенда и др. Ея дѣтскіе разсказы появляются въ журналахъ *Джеджмели* и *Накадули*.

Степанъ-Цминда по метрическимъ даннымъ 8 января 1848 г., по мнѣнію же Д. Каричашвили, основывающагося на показаніи матери писателя—14 ноября 1847 г. Отець его былъ сынъ Гавріила Казбека (Чопикашвили), дослужившагося до генеральскаго чина, мать же Елизавета — дочь кн. Евстафія Тархнишвили, воспитанная на произведеніяхъ грузинской литературы. Родители его жили богато съ претензіями на роскошь, съ огромной дворней. Къ Александру приставили двухъ кормилицъ и пѣсколько нянекъ. Онъ съ дѣтства сталъ божкомъ, прихоти котораго исполнялись непрекословно, росъ баловнемъ семьи, своенравнымъ, капризнымъ, высокомѣрнымъ. Пріятное воспоминаніе онъ сохранилъ въ автобіографіи о нянѣ Нинѣ, своими разказами о крѣпостныхъ исторгающей слезы у изнѣженнаго барчука. Мальчикъ не чуждъ былъ общества сельскихъ дѣтишекъ, съ которыми онъ такъ же готовъ былъ поговорить, какъ съ домашней прислугой. Поэтому мать ему дала прозвище Мочхубаридзе („Задорный“), подъ именемъ котораго онъ пріобрѣлъ извѣстность романиста. Первоначальное обученіе до 12 лѣтъ шло подъ руководствомъ гувернеровъ. Затѣмъ его отдали (1859 г.) въ пансіонъ Гаке и продолжилъ подготовительныя занятія въ пансіонѣ Канонича (1862—1863 г.), гдѣ изучалъ между прочимъ французскій языкъ и занимался музыкой. Въ пажескій корпусъ, куда намѣревались отдать его родители, онъ не попалъ и въ 1861½ г. онъ числится въ IV классѣ тифлисской гимназіи. Осенью 1865 г. заботливые родители не пустили сына изъ деревни Степанъ-Цминда въ Тифлисъ; жаждущій просвѣщенія юноша бѣжалъ тайкомъ, но его догнали, привели домой и продержали до января 1866 г., а къ этому времени онъ былъ уже исключенъ изъ гимназіи за неявку въ теченіе 4 мѣсяцевъ. Въ виду смерти отца 18 июня 1866 г., А. М. остался главой семьи. Не оставляя мечты объ образованіи, онъ вопреки желанію матери, намѣтившей ему уже невѣсту, рѣшилъ подъ вліяніемъ студента-родственника Димитрія Казбека и друга своего Бахуташвили ѣхать слушать лекціи въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Въ сентябрѣ 1867 г. онъ сталъ вольнослушателемъ Петровско-Разумовской академіи и оправдывался въ письмѣ къ матери, что онъ уклонился отъ будущей военной карьеры, о которой грезила она, и избралъ такое заведеніе, которое воспитываетъ человѣка образованнаго и полезнаго для общества. Вначалѣ академія его увлекла и онъ работалъ энергично, но потомъ завертѣлся среди удовольствій и больше тратилъ денегъ на радости жизни, чѣмъ труда на усвоеніе знаній, требуя безконечно (по 400—800 р.) дополнительныхъ суммъ отъ матеріально разорившейся матери. Въ теченіе 16 мѣсяцевъ истратилъ 3320 р. на свои прихоти. Для поправленія своихъ средствъ онъ задумалъ искать богатую невѣсту при содѣйствіи свахи, а матери сообщилъ очень искусно вымышленную вѣсть, что онъ женится на состоятельной Чернышевой-Кругликовой и на свадебные расходы необходимо ему 1000 р., кольцо, подаренное ему принцемъ Альбертомъ и брошка, подарокъ матери отъ императрицы,—последняя ему нужна для поднесенія невѣстѣ. Тщеславная мать употребила послѣднія усилія, что-

бы помочь сыну въ осуществленіи его намѣренія. Но эти деньги были вскорѣ растрочены, мечты о богатой невѣстѣ исчезли какъ миражъ и съ разстроеннымъ здоровьемъ Казбекъ возвратился на родину въ 1870 г. Здѣсь онъ сначала увлекся овцеводствомъ и сталъ пастухомъ, потомъ открылъ питейное заведеніе, наконецъ занялся подрядами по поставкѣ вещей арміи, передвигающейся по военно-грузинской дорогѣ. Потерпѣвъ вездѣ неудачи, распродалъ почти все отцовское имѣніе (1871—1878 гг.), покинулъ онъ свое пещелище въ Хеві и въ 1879 г. переселился въ Тифлисъ. Лелѣемую мысль открыть типографію пришлось оставить за неимѣніемъ достаточныхъ средствъ; онъ вступилъ въ грузинскую труппу, предъ тѣмъ организовавшуюся, въ качествѣ актера, подъ псевдонимомъ Мохеве. Въ тоже время онъ выступаетъ на истинный путь своего призванія — литературное поприще.

На всемъ Кавказѣ нѣтъ уголка, болѣе поражающаго красотами природы, чѣмъ родина Казбека, воспитанная великими русскими поэтами. Мрачное Дарьяльское ущелье, буйный Терекъ, величественная панорама Кавказскихъ горъ—вотъ колыбель, которой суждено было воспитать будущаго писателя. Близость къ народу, окружающая природа, яркій беллетристическій талантъ—суть три элемента, создавшіе эту оригинальную и замѣчательную въ своемъ родѣ личность. Благодаря этимъ даннымъ, онъ нигдѣ не могъ чувствовать себя спокойно, кромѣ какъ въ дорогой ему родной стихіи. Изъ-за нея онъ бросаетъ академію, карьеру, высшій аристократическій кругъ, куда могъ быть вхожъ, всѣ удобства жизни, наконецъ родительскій домъ и въ простой одеждѣ пастуха семь лѣтъ странствуетъ съ барантою по горамъ и полямъ своей родины. Прошедши столь суровую школу, онъ въ концѣ 70-хъ годовъ возвращается въ Тифлисъ и на этотъ разъ уже съ тѣмъ, чтобы посвятить себя исключительно писательской и артистической дѣятельности. И вотъ одно за другимъ появляются самыя лучшія изъ его произведеній, какъ-то: „Элгуджа“, „Модзгвари“, „Бердіа“, „Эльбердъ“, „Хевисъ бери Гоча“ и многія другія, съ самаго дня своего появленія завоевавшія ему всеобщее вниманіе. ¹⁾ Цѣлый дождь повѣстей и рассказовъ наводняетъ грузинскую литературу и съ каждымъ изъ нихъ слава молодого беллетриста растетъ все больше и больше. Въ тоже время онъ состоялъ постояннымъ сотрудникомъ тифлискихъ изданій „Дрозба“ и „Иверія“, игралъ на грузинской сценѣ, для которой онъ работалъ въ качествѣ драматическаго писателя, обогативъ ее своими произведеніями, какъ оригинальными, такъ и переводными. Это была какая-то нервнo-напряженная дѣятельность, какъ будто авторъ уже предчувствовалъ приближеніе роковой минуты, долженствовавшей вырвать перо изъ рукъ, и съ лихорадочною торопливостью спѣшилъ высказать то, что хотѣлъ и долженъ былъ высказать... Страшный недугъ дѣйствительно не заставилъ себя ждать

¹⁾ Нѣсколько повѣстей въ неоконченномъ и необработанномъ видѣ осталось у него въ рукописяхъ и было издано послѣ его смерти: *Школа Гудуцацри*, *Нито* и др.

долго, онъ сразилъ Казбека въ цвѣтъ лѣтъ, въ полномъ развитіи недюжинныхъ силъ и таланта...

По характеру своей поэзіи Казбекъ-Мочхубаридзе принадлежитъ къ числу тѣхъ восторженныхъ беллетристовъ-народниковъ, которые занимаются только народомъ, имъ однимъ, и которые въ свои отношенія къ нему вносятъ слишкомъ много пафоса и иллюзіи. Справедливость, братство, свобода, любовь,—вотъ характерическія черты его героевъ въ отношеніяхъ другъ къ другу.

Но въ чемъ Казбекъ силенъ, чѣмъ онъ особенно подкупаетъ читателя,—это реальностью картинъ, образностью языка, сильнымъ художественнымъ элементомъ, который такъ и разлитъ во всѣхъ его произведеніяхъ. Въ описаніи природы, въ особенности родныхъ ему горъ и ущелій, онъ мастеръ, который сдѣлалъ бы честь любой литературѣ.

По словамъ его товарища по пансіону Александра Саванели и Н. Чавчавадзе, Казбекъ началъ (1862—1863 гг.) писать стихи 14—15 лѣтъ. Въ этомъ же возрастѣ онъ сочинилъ сцены „Воспитатель“, въ которыхъ выведены и осмѣяны были его родители. Упражненія въ стихахъ и въ прозѣ онъ продолжилъ въ Москвѣ (1867—1870 гг.), гдѣ перевелъ изъ Шекспира „Ромео и Джульету“ и „Горе отъ ума“ Грибоедова. Въ 1870 г. въ Москвѣ же написана имъ неоконченная повѣсть „Грузинскій бомондъ“, которую впоследствии передѣлалъ въ „Колесо жизни“. Но долго онъ какъ писатель никому не былъ извѣстенъ. Въ 1874 г. во время пребыванія въ Тифлисѣ подъ впечатлѣніемъ сѣтованій литераторовъ на бѣдоту театральнаго репертуара, онъ заготовилъ 21 пьесу, но онѣ всѣ были забракованы. Первая его печатная этнографическая работа появилась въ газ. *Дрозда* (1880 г.) подъ заглавіемъ „Мохевцы и ихъ жизнь“, послужившая какъ бы предисловіемъ къ его повѣстямъ изъ жизни грузинъ-горцевъ. Редакторъ газеты С. Месхи, замѣтивъ недюжинный талантъ автора, пригласилъ его въ сотрудники своего изданія. Въ этомъ-то органѣ вскорѣ А. М. напечаталъ небольшую повѣсть „Цицка“. Знакомые пренебрежительно отнеслись къ его опытамъ пера, считая ихъ автора пустымъ и легкомысленнымъ человѣкомъ. Впервые всеобщее вниманіе онъ привлекъ романомъ „Элгуджа“, вызвавшимъ восторгъ въ Гр. Орбеліани: по его словамъ, сохранившимся въ видѣ замѣтокъ читателя на страницахъ „Дрозда“, гдѣ печаталось это „увлекательное“ произведеніе, въ грузинской литературѣ ничего подобнаго никогда не появлялось. За нимъ послѣдовали другія повѣсти и въ теченіе 1880—1885 гг. Казбекъ написалъ болѣе 20 произведеній.

Съ 1885 г. Казбекъ начинаетъ скитальческую жизнь; онъ живетъ въ Батумѣ (1886), Кутаисѣ (1887) и Телавѣ (1888). Перо онъ оставилъ, но въ театральныхъ представленіяхъ принималъ участіе: играетъ, читаетъ куплеты, исполняетъ танецъ—лезгинку. Это—періодъ умственнаго и нравственнаго упадка, за которымъ послѣдовало психическое растройство, приведшее его 22 февр. 1890 г. въ больницу умалишенныхъ, гдѣ

и скончался 10 декабря 1893 г. ¹⁾ Въ то время, какъ печатались 4 обширныхъ тома только его повѣстей, со всѣхъ концовъ Грузіи направлялись денежные лепты для поддержанія жалкаго существованія медленно тлѣющаго дорогого писателя. Небольшіе взносы рабочихъ въ пользу Мочхубаридзе ярче всего свидѣтельствовали—какою сильною любовью, пользовался писатель среди грузинской публики.

Въ похоронной процессіи участвовало нѣсколько „мохевцевъ“, приѣхавшихъ нарочно въ Тифлисъ, чтобы сопровождать отсюда дорогой гробъ. То были бравыя, поражавшія своею мощностью фигуры, обращавшія на себя всеобщее вниманіе. Такъ и казалось, что герои рассказовъ покойнаго ожили и встали изъ гробовъ, чтобы идти за гробомъ пѣвца ихъ доблестей, истолкователя ихъ думъ и стремленій.

Черезъ нѣсколько дней послѣ смерти Казбека, въ молочной Адаміа, что подъ „Сѣверными номерами“ въ Тифлисъ, найдена совершенно случайно довольно объемистая тетрадь еще нигдѣ не напечатанныхъ стихотвореній его. Оказалось, покойный задолжалъ содержателю молочной и, находясь въ крайне стѣсненномъ положеніи, предложилъ ему держать тетрадь своихъ стихотвореній, пока онъ не уплатитъ слѣдующее. Содержатель молочной охотно согласился на такую комбинацію и хранилъ дорогую тетрадь, какъ зеницу ока, заучивая наизусть стихи любимаго поэта.

Жизнь его, дающая интересный сюжетъ для драмы или романа, дѣлится на два, рѣзко отличающіеся и даже прямо противоположные по характеру, періода по справедливому замѣчанію Г. М. Туманова.

Въ первомъ періодѣ А. Казбекъ представляется блестящимъ молодымъ человѣкомъ изъ аристократической семьи болѣе или менѣе матеріально обезпеченнымъ и даже готовящимся стать очень богатымъ человѣкомъ путемъ выгодной женитьбы. Онъ ѣдетъ въ Москву учиться, но скоро забываетъ о цѣли своего приѣзда и втягивается въ вихрь свѣтской жизни. Мысль о служеніи общественному благу, о литературѣ, повидимому, ему въ это время и не приходитъ въ голову. Но романъ съ богатой невѣстой А. Казбеку, въ концѣ концовъ, не удается, и онъ больной возвращается домой.

Дома принимается за разныя коммерческія предпріятія, которыя тоже не удаются. Онъ часто опять предается пустой свѣтской жизни или впадаетъ въ противоположную крайность: превращается въ простаго пастуха и ходитъ по горамъ за стадомъ. Лишь въ 1879—80 г., когда Казбеку уже было 32—33 года, онъ берется за перо. Сначала онъ переводитъ пьесы, пишетъ стихи и не умѣетъ успѣха, но вскорѣ затѣмъ начинаетъ писать рассказы и повѣсти изъ городской жизни и читатели зачитываются его произведеніями. Казбекъ изъ дэнди превращается въ скромнаго писателя. Его начинаютъ одолевать болѣзнь и нужда. По

¹⁾ О торжественныхъ его похоронахъ и надгробныхъ рѣчахъ см. *Кваліа* № 52 за 1893 г. Воспоминанія о немъ подтверждающія его авторство, см. у Цхвилоели, Хеладзе и др.

внѣшности и слѣда не оставалось отъ прежняго красиваго и франтова-таго Казбека. Прежде всѣ бѣгали за нимъ, а теперь всѣ отворачиваются отъ него. Только невѣдомый для него читатель увлекается имъ и высоко ставитъ его на пьедесталь.

Болѣзнь и нужда, въ концѣ концовъ, берутъ верхъ надъ поэзіей цыганской жизни и поэтическимъ вдохновеніемъ. Казбекъ сходитъ съ ума и кончаетъ дни свои въ больницѣ ¹⁾. На его могилѣ въ селѣ Степанъ-Уминда кн. К. И. Багратионъ-Мухданскій поставилъ оригинальный памятникъ.

Но и послѣ смерти судьба преслѣдуетъ его. Упорно распространяется въ грузинской печати и обществѣ ложная легенда, что рассказы и повѣсти Казбека изъ жизни, т. е. все лучшее изъ написаннаго имъ, вовсе не принадлежитъ ему, а что они имъ присвоены отъ покойнаго его двоюроднаго брата Дм. Казбека. Но въ подтвержденіе этого приводится только то, что Дм. Казбекъ былъ развитѣе Ал. Казбека и что рукописи перваго, послѣ его смерти, перешли къ второму. Никто, однако, не знаетъ, что заключалось въ этихъ рукописяхъ. Кромѣ того, десятки лицъ видѣли, какъ Ал. Казбекъ писалъ свои лучшія повѣсти въ помѣщеніи редакціи газ. „Дрозба“. И. Хетерели, помощникъ экспедитора *Дрозбы*, отъ 30 дек. 1904 г. № 298 въ газ. *Иверія* сообщаетъ, что Казбекъ, уставъ писать повѣсть „Элгуджа“, диктовалъ ему, автору воспоминаній; видѣли, какъ онъ писалъ, а не переписывалъ, но легенда продолжаетъ прочно держаться и до сихъ поръ.

Казбекъ, извѣстный подъ псевдонимомъ Мочхубаридзе, соединялъ въ своемъ лицѣ художника—романиста, лирическаго поэта, творца историческихъ драмъ и бытовыхъ комедій. Въ повѣстяхъ изъ жизни грузинъ-горцевъ у него нѣтъ соперника. Близкое знакомство автора съ бытомъ горцевъ, рѣдкая его наблюдательность, горячая любовь къ издревле идущимъ народнымъ обычаямъ снабдили его богатымъ запасомъ этнографическихъ свѣдѣній, послужившихъ основой и фономъ его художественныхъ повѣстей. Если присоединить къ сказанному, что А. Казбекъ отъ природы одаренъ большимъ поэтическимъ талантомъ, дающимъ ему возможность создавать яркія картины горной природы во всемъ ихъ величій, что онъ въ совершенствѣ владѣетъ легкимъ, выразительнымъ языкомъ, то станетъ вполне яснымъ, почему имя Казбека-Мочхубаридзе стало наиболѣе популярнымъ и дорогимъ для грузинскаго читателя. Страсти самыя благородныя, чувства самыя возвышенныя во-

¹⁾ Биографическій очеркъ Александра Казбекъ напечаталъ Г. Натадзе въ журналѣ „Моамбѣ“ (1904, X). На основаніи этого очерка, автобіографіи покойнаго романиста и его бумагъ составлена статья Д. Каричашвили, приложенная къ собранію сочиненій А. Казбека, изданныхъ въ одномъ томѣ „Цнобиясъ-Пурцели“ въ 1903 г. Въ 1891 г. вышло 4 тома его произведеній; сюда не вошли его драматическія произведенія: *Арсена*, *Утро послѣ свадьбы*, *Царевичъ Константинъ*. Последняя историческая трагедія въ журн. *Иверія* появилась подъ заглавіемъ *Царица Кетевана*. По цензурнымъ соображеніямъ пришлось измѣнить названіе драмы. Опытъ психологической повѣсти представляетъ его *Ганжицхули*.

одушевляють А. Казбека до такого поэтического созерцанія, благодаря которому образы, имъ создаваемые, вырисовываются во всемъ блескѣ своихъ чарующихъ красоть. Своими произведениями онъ доказалъ, что ему равно доступны таинственные уголки человѣческаго сердца и причудливо своеобразныя черты правовъ какъ своихъ соплеменниковъ грузинъ-горцевъ мтіуловъ и мохевцевъ), такъ и чужеплеменниковъ—ингушей и чеченцевъ.

Но надъ всѣми произведениями А. Казбека повисло, какъ бы въ противовѣсъ чуднымъ картинамъ природы, доминирующее безутѣшное настроеніе самого автора; на лицѣ его нельзя никогда уловить свѣтлой улыбки, глубокія морщины сковываютъ его высокій лобъ, мрачная скорбь ни на минуту не покидаетъ его. Такимъ настроеніемъ писателя, вѣрно воспроизведеннымъ и на фотографической его карточкѣ, можно объяснить трагическій фипаль всѣхъ его повѣстей. Явная несправедливость, грубое давленіе, оскорбленіе человѣческаго достоинства и чести женщины наполняютъ сердце автора неудержимою злобой и негодованіемъ, волнуютъ его до глубины души, чувствительные нервы напрягаются до того, что на 37 году писатель сталъ уже терять силы, хандрить и проявлять признаки умопомѣшательства, и кончилъ свою полную превратностей жизнь въ домѣ душевно-больныхъ. Такова участь писателя, которому каждый мигъ святого вдохновенія стоилъ слезъ, невидимыхъ для людей—

Нѣмой тоски, тревожнаго сомнѣнья
И скорбныхъ думъ въ безмолвіи людей.

Пусть авторъ говоритъ о себѣ отрывками, извлеченными изъ его произведений: лучшихъ доказательствъ сказаннаго не потребуется.

Начнемъ съ его *Воспоминаній пастуха*, рисующихъ оригинальную фигуру ихъ автора.

„Въ 18.... году я рѣшился стать пастухомъ; мнѣ захотѣлось походить по горамъ и полямъ, ознакомиться съ народомъ, вкусить отъ той, полной всякихъ страховъ и тревоженій жизни, которая называется пастушеской... Какъ у всякаго горца, у меня тоже были свои овцы, къ нимъ я прикупилъ малость (обмѣнялъ на землю) и такимъ образомъ составила баранта, которая и должна была стать предметомъ моихъ заботъ. Я взялъ палку, ружье и преобразился въ пастуха.

Нечего и говорить, что первый мой шагъ на новомъ поприщѣ всѣми, безусловно всѣми, былъ встрѣченъ насмѣшкою и издѣвательствомъ.-- „Какъ? Сыпь „барина“,—ла какого еще—извѣстнѣйшаго во всемъ околоткѣ,—пошелъ въ пастухи?! Нѣтъ, этого ему не слѣдовало дѣлать!“ было общее мнѣніе. Тѣмъ не менѣе, у меня была своя цѣль. свое желаніе и желаніе это было настолько сильно, что я не обратилъ вниманія ни на чьи совѣты. Повторяю, мнѣ хотѣлось побывать въ народѣ, узнать его заботы и думы. пожить его жизнью, испытать на себѣ все, что онъ испытываетъ, что, такъ сказать, неразрывно связано съ существованіемъ рабочаго люда. Что-же, значить, могло заставить меня остаться дома? И я добился цѣли, сблизился и познакомился съ тѣми, съ кѣмъ такъ горячо хотѣлъ познакомиться...

Пока все еще была веспа, овцы все еще доились и я продолжал заниматься этимъ дѣломъ. Разъ по дорогѣ встрѣтилъ я двухъ мохеве ¹⁾, которые меня не знали, а по одеждѣ, конечно, не могли различить,—простой-ли я пастухъ, или сынъ извѣстнаго въ горахъ человѣка.

— Плодиться твоей барантѣ,—закричали они мнѣ, поровнявшись.

— Господь да дастъ вамъ радость!—отвѣтилъ я въ свою очередь.

— Чья это баранта?—спросили незнакомцы. Я назвалъ свою фамилию. Ахъ я Акимъ—простота! Вѣдь это дѣйствительно ихъ отмѣтены, да и знакъ-то ихній,—замѣтилъ одинъ и затѣмъ добавилъ: а ты-то самъ чей!

— Арахъетець, шени квесаме²⁾,—отвѣтилъ я по-мтіульски,—сынъ Якова Бурулова.

— Что-же ты, наемникъ, или имѣешь долю въ барантѣ?—снова спросили они.

— Имѣю долю, отвѣтилъ я.

Спутники пошли со мною, помогая гнать баранту.

— Мальчикъ! какъ тебя зовуть?—поинтересовался одинъ.

— Мамука, шени квесаме.

— Правда-ли это, что твой баринъ самъ ходитъ за барантою?

— Ходитъ, клянусь Ломисою.

— Удивительно, ей Богу!

— Отчего? Что тутъ удивительнаго?—спросилъ я и сталъ слушать съ нетерпѣніемъ.

— Какъ не удивительно,—продолжалъ „мохеве“,—почти равный царю человѣкъ, а за барантою бѣгаетъ... Ау!—махнулъ онъ рукою въ знакъ досады.

— Да, что тутъ дурнаго? У него своя баранта и ходитъ за нею.

— Дурнаго?! Владѣтель „хеви“ (ущелья) и... пастухъ!

— У отца его и дѣда тоже была баранта, однако-жъ они не шли въ пастухи. О, нѣтъ, клянусь Всевышнимъ!—добавилъ другой.

— Какъ-же, стали-бы они бѣгать за овцами! И грудь, и шея,—все у нихъ блестяло въ чинахъ!..

— Тогда было другое время, а теперь—другое,—постарался я оправдать себя.

— Не другое, а никуда онъ, значить, баринъ-то твой, не годенъ,—отрѣзалъ собесѣдникъ. Будь онъ хорошъ, быть-бы ему теперь въ чинѣ пристава...

Очень ужъ обезкуражили меня этотъ отзывъ; я пересталъ бесѣдовать съ незнакомцами. Опередивъ баранту, я погналъ ее на гору, гдѣ она должна была еще пастись, такъ какъ было рано. Незнакомцы попрощались и я остался одинъ, занятый своими мыслями.

¹⁾ Такъ называются грузины *ущелья*.

²⁾ Непереводимое слово. Буквально значить: „твой стонъ да будетъ монмъ“.

Съ окрестныхъ горъ набѣжалъ туманъ и начало моросить. Завернувшись въ „кисипу“ и накинувъ башлыкъ, я сталъ передъ барантою, чтобы пріостановить переднихъ и дать имъ пасть аппетитно.

Прошло немного времени и вдругъ я вижу, что два какихъ-то бородатыхъ господина въ статскомъ платѣ приближаются ко мнѣ. Съ удивленіемъ сталъ я слѣдить за ними, ибо если они были путешественники, имъ слѣдовало идти совсѣмъ въ другую сторону, чтобъ выйти на дорогу. Но они шли прямо ко мнѣ и даже подняли палки, чтобъ отогнать мою „басару“, которая съ лаемъ бросилась на незнакомцевъ. Окликнувъ собаку, я подошелъ къ пришедшимъ, и тѣ на страшно ломаномъ русскомъ языкѣ попытались вступить со мною въ разговоръ.

— Сабакъ, сабакъ... Нѣтъ кусай!—спросили они.

— Нѣтъ кусай,—отвѣтилъ и я.

— „Баранъ, баранъ“... началъ было одинъ, но такъ и не докопчилъ...— „Какъ-бы его спросить: гдѣ тутъ достать шерсть?“—обратился онъ къ товарищу по-французски.

— А я развѣ знаю?—отвѣтилъ тотъ па томъ же языкѣ.

Затѣмъ случайные мои гости завязали разговоръ о шерсти, объ ея качествахъ, причемъ удивлялись, какимъ образомъ такое количество баранты умѣщается въ горахъ. Интересовались также вопросомъ, куда это сбывается шерсть и какое количество ея можно собрать въ горахъ?

Я говорилъ по-французски и не могъ удержаться, чтобы не отвѣтить. „Въ горахъ много баранты,—сказалъ я, народъ этимъ только и живетъ, а шерсть закупаютъ кушцы-армяне.

Нужно было видѣть ихъ удивленіе, когда гдѣ-то, въ какихъ-то странныхъ и дикихъ горахъ, обитаемыхъ, по ихъ мнѣнію, варварами, которые, пожалуй, и до девяти не умѣютъ считать, вдругъ встрѣтили пастуха, говорящаго по-французски.

— Какъ? Вы говорите по-французски? Что вы! Гдѣ вы учились?

Мнѣ хотѣлось пошутить и я отвѣтилъ:

— У насъ въ горахъ всѣ пастухи говорятъ по-французски... Я еще долго таскался по разнымъ мѣстамъ и перезабылъ, а то другихъ совсѣмъ нельзя отличить отъ французовъ.

— Вотъ диво!—педоумѣвали путешественники. А мы то приняли ихъ за варваровъ?

Послѣ долгаго разговора, когда и они устали и мнѣ порядкомъ таки надоѣли, незнакомцы попросили меня зайти къ нимъ вечеромъ на станцію Казбекъ, гдѣ они расположились почевать, и рассказать имъ о нашей жизни, обычаяхъ и т. п. Наконецъ, спросили:

— Слыхалъ-ли ты объ Англии, Франціи?—Вотъ этотъ французъ, а я англичанинъ,—сказалъ одинъ, а затѣмъ добавили:

— Все, что ты скажешь, мы запишемъ, а потомъ, когда пріѣдемъ къ себѣ, напечатаемъ въ книжкахъ, чтобы всѣ прочли... Приходи, непременно приходи,—добавили они,—мы тебѣ и деньги дадимъ.

— Очень вамъ благодаренъ, непременно буду,—отвѣтилъ я.

Французъ немедленно-же полѣзъ въ кармапъ и вынулъ рубль.

— На вотъ тебѣ до вечера, а вечеромъ еще получишь.

— Благодарю,—сказалъ я, краснѣя. Все равно, потомъ дадите.

— Ну пусть будетъ по твоему,—отвѣтилъ онъ и оба попрощались.

Я тоже поворотилъ баранту и потихонечку погналъ ее въ деревню.

Вечеромъ пришелъ ко мнѣ товарищъ пастухъ, вернувшійся съ горъ, куда онъ носилъ соль для недоной баранты; съ нимъ вмѣстѣ былъ и мальчикъ, каждую ночь помогавшій намъ караулить скотъ.

— Миръ вамъ!—привѣтствовалъ я ихъ по обычаю.

— Да дастъ Господь и тебѣ того-же! отвѣтили они.

— Ну, какъ баранта?

— Что ей! Ягнята таковы, что просто любо смотрѣть на нихъ.

— О, трава!—съ восторгомъ вскричалъ пастухъ,—о ней нечего и спрашивать. Овцы отъ нея такъ и лѣзутъ въ ширь. Да вотъ еще что, барыня приказала, чтобы на минуту завернули домой. Гости тамъ какіе-то...

-- Есть и женщины.

Ночь была чудная, лунная и все общество расположилось въ саду пить чай. По веселому разговору и хохоту я догадался, что то были желанные гости; вскорѣ я распозналъ и одинъ голосъ, принадлежавшій близкому изъ моихъ родственниковъ. Я очень обрадовался ему (то былъ лучший другъ моего отца) и посиѣшилъ переодѣться, чтобы повидаться съ гостями. Но не тутъ-то было! Меня замѣтили и стали звать, а съ другой стороны и мнѣ показалось страннымъ церемониться съ родственниками. И я подошелъ къ нимъ, въ чемъ былъ, т. е. въ пастушескомъ нарядѣ. Но представьте себѣ мое удивленіе, когда старикъ, вмѣсто ласковой встрѣчи, обдалъ меня суровымъ взглядомъ.

— Bravo! молодецъ!—саркастически началъ онъ. Хорошъ, нечего сказать, гусь... И это сынъ владѣтеля горъ!

Протянутая рука такъ и осталась у меня въ воздухѣ; старикъ продолжалъ смотрѣть гнѣвно. Молодежь изъ моихъ родственниковъ, пріютившихся въ углу, съ трудомъ удерживались отъ смѣха.

— Не стыдно тебѣ? Стыда, говорю я, стыда, что-ли, нѣтъ у тебя?—горячился старикъ.

— Зачѣмъ вы меня ругаете? Въ чемъ я провинился?—только и нашелся я сказать.

— Онъ еще спрашиваетъ!.. Каково!.. Мальчишка, щенокъ! Отецъ-то твой для этого тебя воспитывалъ? Для этого онъ тратилъ на тебя деньги? Если тебѣ хотѣлось быть пастухомъ, такъ чего-жъ было ѣздить въ Россію, изводить деньги. Поручили-бы мы тебя моему „саркали“ (старшій пастухъ) и изъ тебя вышелъ-бы пастухъ, хоть куда.

— Отецъ жить, какъ ему хотѣлось, мнѣ хочется жить, какъ мнѣ угодно,—отвѣтилъ я съ досадою, и кровь бросилась мнѣ въ голову.

— Въ народъ пошелъ, „опроститься“, вишь, ему захотѣлось,—съ ироніею замѣтилъ молодой офицеръ.

— Опроститься-ли мнѣ вздумалось, или нѣтъ,—это не вашего ума дѣло, съ сердцемъ замѣтилъ я офицеру и потомъ добавилъ: во всякомъ случаѣ это лучше, чѣмъ ничего не дѣлать; по крайней мѣрѣ, дѣло...

Я повернулъ къ дому; до меня доносился крикъ старца и хохотъ молодежи. Старикъ былъ внѣ себя.

— Выдумалъ тамъ еще сблизаться съ народомъ! Какой тамъ къ чорту народъ! Не лучше-ли сознаться, что теперешняя молодежь никуда не годится, что она ничего не дѣлаетъ, ни къ чему не подготовлена.

Офицеръ протестовалъ: Зачѣмъ-же такъ говорить! Нельзя-же по одному судить о всѣхъ... Нашъ родственникъ потому только пошелъ въ пастухи, чтобы пооригинальничать...

— Хорошо, нечего сказать, родственникъ! Хороша профессія!

И долго еще раздавались гнѣвные возгласы старца: я вошелъ въ комнату и заперъ за собою дверь.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, насмѣшки и издѣвательства за то, что я не пошелъ по торной дорогѣ, на „ловлю счастья и чиновъ“, съ другой—брань отъ „благожелателей“, посвятившихъ себя пустымъ разговорамъ, съ третьей—недовѣріе со стороны тѣхъ, къ кому я стремился всею душою, но кто не могъ понять, чтобы человѣкъ, имѣющій возможность барствовать, желалъ-бы единенія съ ними на почвѣ братства и труда...

Таковъ былъ мой первый дебютъ. Тѣмъ не менѣе я оставался вѣренъ своему ремеслу въ продолженіе семи лѣтъ.

Наступила осень. Пастухи видѣли, что всю весну я провелъ въ горахъ, что у меня не было тамъ ни дома, ни сносной обстановки, что, вопреки ожиданіямъ, я все-таки не разстаялъ, какъ сахаръ, не скучалъ и не болѣлъ, хотя вѣтеръ обдувалъ и дождь мочилъ часто. Всѣ понемногу убѣдились, что я искренно взялся за дѣло и не такъ скоро брошу его. За это время я познакомился со многими пастухами, но больше всѣхъ сблизился съ однимъ Степанъ-Цминдцемъ, Симоною Гигаури, который съ первой-же встрѣчи больше всѣхъ понравился мнѣ своимъ умомъ и смѣтливостью.

Это былъ представительный, красивый малый. Умный, ловкій, справедливый, онъ, казалось, мухи не могъ обидѣть безъ вины; за то всякая несправедливость возмущала его до глубины души, выводила изъ себя и тогда онъ былъ готовъ на все...

Серьезный и симпатичный Симонъ былъ общимъ любимцемъ, такъ что каждый только и думалъ о томъ, чтобы подружиться съ нимъ. Конечно, такой человѣкъ и для меня былъ дорогъ.

Какъ я сказалъ выше, наступила осень, а у меня все еще не было товарища, которому могъ-бы довѣриться всею душою. Это и была причина, почему я, между прочимъ, со всѣми своими пастухами рѣшилъ отправиться въ Чечню, куда обыкновенно направляется зимою баранта.

Въ одинъ вечеръ, когда мы только что пригнали баранту на „бину“¹⁾ и усѣлись около огня, собаки поднялись и съ лаемъ бросились къ бугру. Мальчикъ, бывшій съ нами, тоже всталъ и погнался за собаками.

— Добрый вечеръ!—сказалъ гость.

Пастухи, по обыкновенію, встали и поклонились пришедшему.

— Добро встрѣтиться!—сказали они и я уступилъ около себя мѣсто Симону (это былъ онъ, знаменитый въ горахъ пастухъ). Когда мы усѣлись, а затѣмъ позакусили, Симонъ началъ первый.

— Я къ тебѣ!—сказалъ онъ просто. Хочу быть твоимъ „намгалою“ (товарищемъ).

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, такъ какъ самъ искать товарищей и не находилъ ихъ.

— Зачѣмъ нѣтъ, я самъ ищу таковыхъ,—отвѣтилъ я съ радостью. Но почему ты запоздалъ, неужели не зналъ до сихъ поръ объ этомъ?

— Знать-то зналъ, но какъ-то мнѣ не вѣрилось, что ты серьезно берешься за дѣло. Я-то лично и раньше хотѣлъ придти, но товарищи не пускали, - нельзя-же было послушаться ихъ.

— А вотъ пошелъ-же, послушался...

— Хорошо-ли будетъ, если я стану теперь мстить имъ.

— Ау! Теперь ты нашъ товарищъ! Мстить товарищамъ—и людьми, и Богомъ наказано... Отъ товарища ничего нельзя скрывать.

— А тебѣ почему хотѣлось сблизиться со мною?

— Почему? А потому, что ты грамотный.

— Ну, такъ что-же?

— А то, что намъ такой человѣкъ нуженъ, чтобы вѣдаться съ казаками.

Очень ужъ они притѣсняютъ васъ?

— Очень, клянусь святымъ Георгіемъ! Нѣтъ спасенія отъ нихъ!

Этими словами мы закончили разговоръ, взяли бурки и въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ баранты улеглись на землю.

Не спали только три караульщика, которые обходили баранту и наблюдали, чтобъ овцы не ушли куда-нибудь.

Наконецъ, разсвѣло и изъ за высокихъ горъ выглянуло солнце. Лучи его какъ-бы облили золотомъ всю окрестность. Ночная роса живоительно подѣйствовала на растительность. Цвѣты и травы выглядѣли веселѣе, словно старались поразить красотой дневное свѣтило.

Пастухи встали, умылись, помолились Богу. Баранта вышла пастись, я и Симонъ остались поговорить о предстоящемъ путешествіи.

— Ты долженъ быть „саркали“,—началъ онъ.

Сперва я отказался, ссылаясь на неопытность, но товарищъ настаивалъ такъ, что я не зналъ какъ быть.

— Зачѣмъ ты настаиваешь, чтобы я былъ старшимъ, когда много пастуховъ поопытнѣе и лучше меня.

¹⁾ „Бина“—кутанъ, овчарня. Весною иногда восемьъ разъ въ мѣсяцъ мѣняютъ „бину“.

— А потому,—отвѣтилъ онъ,—что ты можешь пойти куда угодно, къ кому угодно, можешь, если понадобится, постоять и за себя, и за насъ... А мы что .. всякій насъ обидить. Съ тобою же не только казаки—старшина и приставъ, и тѣ ничего не могутъ подѣлать...

— Развѣ и они притѣсняють? Отчего-бы?

— А Господь ихъ знаетъ, отчего? Пока выдадутъ билетъ, истомятъ, душу вымотають всю... Въ Чечнѣ, если не приставскій билетъ, другой не годится, а приставъ требуетъ, чтобъ ему представили еще билетъ отъ старшины.

— Ну, что-жъ труднаго? Въ годъ всего одинъ билетъ требуется.

— Одинъ!—засмѣялся онъ. Конечно, одинъ, а попробуй взять его... Впрочемъ, и не одинъ, а нѣсколько: одинъ на всю баранту съ пастухами вмѣстѣ, потомъ еще по билету на каждахъ три человѣка.

— Это зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? То нужно отправить человѣка за провизіею, то за сѣномъ, то кому-нибудь изъ насъ придется сходить къ себѣ по дѣлу... Потомъ еще билетъ для крупнаго скота... Однимъ словомъ, не дай Богъ сколько хлопотъ и труда. Всего не перескажешь, а вотъ познакомься съ нашею жизнью и увидишь, каково оно положеніе пастуховъ.

— Ты сердить за что-то и потому такъ расписываешь всѣхъ...

— И то вѣрно! Сердить, конечно, а то какъ! Въ прошломъ году, —началь Симонъ,—баранта моя стояла въ Асинскѣ, а самъ я отправился домой, хоронить близкаго... Была середина зимы, какъ вдругъ пришелъ ко мнѣ человѣкъ съ вѣстью, что „парехи“ (загонъ) сгорѣли. Не дай Богъ врагу почувствовать то, что я почувствовалъ. Сейчасъ-же, конечно, къ старшинѣ за билетомъ. Тотъ указалъ на пристава, а приставъ вонъ гдѣ живетъ,—шестьдесятъ верстъ до него будетъ. Пройти такое разстояніе взадъ и впередъ—не шутка, а тутъ еще зима, да горы, да подъемы... Нечего было дѣлать. Попросилъ я себѣ билета: съ меня, конечно, сейчасъ-же пять рублей за печать. Заплатилъ и пустился въ путь-дорогу! Слава Богу—Господь миловаль—горы я прошелъ счастливо. Но вотъ бѣда! Пристава не оказалось на мѣстѣ: уѣхаль-ли онъ куда-нибудь по дѣлу, или просто захотѣлось ему покутить въ Тифлисѣ, но я его такъ и не засталъ... А тутъ еще есаулы говорятъ, что раньше какъ черезъ мѣсяць его не будетъ. Что было дѣлать, какъ успокоить сердце? Вѣдь, все мое достояніе баранта, а тутъ „парехи“ сгорѣли, и я еще не знаю—цѣлы-ли овцы, или нѣтъ. Грустилъ я, скорбѣлъ и, наконецъ, умаявшись, вернулся назадъ. По дорогѣ застала мятель и меня чуть не занесло снѣгомъ... Пришелъ я къ себѣ домой, думалъ, думалъ и, наконецъ, такъ и не вынесъ: рѣшилъ отправиться безъ билета. Мнѣ казалось, что расскажу я кому слѣдуетъ о своемъ положеніи, сжалятся, пропустятъ. Анъ вышло не такъ: казаки дарьяльскаго ущелья потребовали отъ меня билета,—а какъ я его могъ дать, когда не было?—Схватили, связали руки и препроводили въ Дзаугъ, (Владикавказъ). Тамъ держали двѣ недѣли въ тюрьмѣ, а затѣмъ по

этапу назадъ. Долго, очень долго таскали насъ по дорогѣ, пока, наконецъ, мы добрались до Душета. Тутъ тоже продержали недѣлю, а потомъ выпустили... Благодареніе Богу, что баранта осталась цѣла, но сердце-то у меня всетаки не зажило до сихъ поръ". Прервемъ здѣсь его разсказъ.

Двѣ раннія повѣсти А. Казбека *Элгуджа* и *Убийца отца* относятся ко времени вступленія русскихъ войскъ въ Грузію въ началѣ прошлаго (XIX) столѣтія. Горцы не могли примириться съ разрушеніемъ обычнаго порядка вещей: любовь къ отчизнѣ и свободѣ воодушевляли ихъ на продолжительную неравную борьбу съ сѣвернымъ колоссомъ. Горцы—стражи старины и независимости. Каждый изъ нихъ считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ пожертвовать имуществомъ, любимую жену, собственною жизнью для защиты своей скалистой родины. Такую мысль авторъ даетъ высказывать Свимону, одному изъ симпатичнѣйшихъ героевъ повѣсти *Элгуджа*. Во время возстанія Карталиніи, вскорѣ послѣ объявленія Грузіи присоединенной къ Россіи, горцы всѣ единодушно, какъ одинъ человекъ, изъявили готовность поднять оружіе въ пользу грузинскаго царевича Александра, бѣжавшаго въ Персію. Стали составлять отряды партизановъ и небольшія группы удалыхъ молодцовъ, посредствомъ такъ называемаго союза «побратимства», давшихъ аннибалову клятву предъ священными знаменами общины, въ присутствіи высокочтимыхъ жрецовъ «деканози», до послѣдней капли крови отстаивать неприкосновенность и интересы своего свободолюбиваго народа. Обрядъ заключенія этого союза носитъ религіозный характеръ. Горецъ, увѣрившись въ преданности своего друга, предлагаетъ ему вступить въ вѣчное побратимство. Получивъ отъ послѣдняго согласіе, оба снимаютъ шапки, обмѣниваются пулями и, призывая проклятіе ангела „цверскаго“, произносятъ: „Твоя рука будетъ служить моей, твой глазъ—моему глазу, твое колѣно моему колѣну, а измѣнника да караетъ безжалостно св. Георгій Ломисскій, да сдѣлается онъ мужемъ своей матери и переломится у него кипжаль, поднятый на врага“. Сила этого заговора неотразима для горца: съ этого времени друзья сливаются въ единое непреклонное и неумолимое существо; враги и пріятели, горе и радость дѣлаются у нихъ общими; одни и тѣ же интересы и побужденія становятся цѣлью ихъ существованія; никакія опасности и угрозы не могутъ заставить ихъ стать предателями своего собрата; дружба ихъ выше и дороже кровнаго родства. Такой союзъ заключаетъ Элгуджа и Матіа и съ безупречною честностью исполняютъ данное слово. Дружба получаетъ большую цѣну, когда она основывается на необходимости общими силами похитить любимую дѣвушку или защитить ея честь отъ легкомысленныхъ покушеній. Горецъ, принявъ подъ свое покровительство женщину, устраняетъ всѣ земныя страсти и одни „братскіе“ помыслы и готовность постоять за ея цѣломудріе воодушевляютъ и питаютъ въ немъ богатый запасъ рыцарскихъ чувствъ. Сама женщина, своимъ умѣньемъ съ оружіемъ въ рукахъ защищать свое цѣломудріе противъ насилія, двигаетъ горца на отчаянную борьбу съ нарушителями

установленной чистоты нравовъ. Женщина вооружается не только въ своихъ видахъ, но въ интересахъ своей родины, для поднятія духа и усиленія бодрости въ отстаиваніи свободы страны ¹⁾. Эта способность женщины прощикаться общими интересами ставитъ ее на тотъ пьедесталъ почитанія, какимъ она пользуется у горцевъ. Въ Романѣ *Лиція* выступаетъ женщина въ другой роли, именно посредницы примиренія двухъ ищущихъ кровной мести. Ея чистота, непорочность и красота—обыкновенный сюжетъ народныхъ лирическихъ пѣсень. Измѣна же долгу, подозрительныя сношенія и отлучка изъ дому даютъ обильную пищу сатирическимъ четверостишіямъ о ней. Попасть въ такой „лексіа“—самый чувствительный позоръ, пятно котораго ложится на всю семью женщины: отецъ предпочитаетъ гибель дочери такой уничтожающей горделивую честь участи женщины.

Послѣ примиренія враждебныхъ фамилій (напр., въ романѣ *Духовникъ Пастыръ*) кровная месть у нихъ замѣняется вѣчною и теплою дружбой, равною по силѣ союзу побратимства. Съ этихъ поръ горецъ дѣлается нѣжнымъ и исполненнымъ любви ко всѣмъ членамъ предъ тѣмъ враждебной ему семьи. Одно мѣсто изъ романа *Элгуджи* даетъ ясное представление о глубинѣ чувствъ горца, рыцаря безъ страха и упрека, въ борьбѣ съ врагомъ и о силѣ поэтического полета мысли и фантазіи самого писателя. Матіа проникся какъ-то незамѣтно для себя чувствомъ нѣжной привязанности къ возлюбленной друга своего Элгуджа. Союзъ, заключенный между ними, однако, не позволялъ Матіи давать мѣсто въ своемъ сердцѣ другимъ страстямъ за исключеніемъ однимъ „братскимъ“ помысломъ. Чувство же, разъ закраившееся, все росло въ немъ: красавица Мзаго въ видѣ тѣни почти стала преслѣдовать его всюду, заняла все его воображеніе и существо. Онъ начинаетъ таять, какъ «восковая свѣча», не рѣшаясь заикнуться предъ Мзаго о своей любви. Цѣлые дни проводитъ Матіа въ глубокой тоскѣ, въ непонятной печали... „Быль чудный вечеръ, блѣдное сіяніе луны и чарующая природа увлекали челоуѣка съ уединеннымъ мечтаніемъ. Матіа вышелъ изъ комнаты, тихо миновалъ поле и подошелъ къ берегу Арагвы, плескъ которой какъ будто убаюкивалъ природу. Журчанье рѣчки въ этой мертвой тишинѣ пробудило такую пѣгу и сладость въ душѣ Матіа, что даже его закаленное желѣзное сердце смягчилось и наполнилось тысячью различныхъ думъ, вытѣсняющихъ другъ друга новою силою прелести, очаровательности и необъятности. Онъ погрузился въ розовыя грезы и вообразилъ себя тѣмъ счастливецомъ, котораго въ тотъ моментъ услаждала Мзаго своими страстными ласками. Онъ увѣрилъ себя, что эта гордая красавица любитъ только его одного во всемъ мірѣ, что онъ служить единственнымъ предметомъ ея неотвязныхъ сердечныхъ томленій. Мечта

¹⁾ Нѣжное сердце Нуну (ром. *Убийца*) наполняется необыкновенною энергіей, кровавою враждой; она вырастаетъ въ равнаго мужчинѣ, по своей смѣлости, герою, насколько не уступая ему въ ловкости владѣть мечомъ для защиты чести и свободы родины.

увлекла его такъ далеко, что онъ любимое существо со всею ея небесною красотою воплотилъ предъ собою; онъ уже обнять ея нѣжный станъ, страстно взглядывая въ ея прекрасныя, темныя глаза и такъ приблизилъ къ ней свои горячія уста, что сталъ чувствовать и упиваться ея дыханіемъ. Предъ нимъ стали отчетливо вырисовываться ея черныя, какъ смоль, волосы, которые дуновеніемъ вѣтерка робко задѣвали ея алыя ланиты и своимъ прикосновеніемъ возбуждали иллюзію неизъяснимаго блаженства. Она шепотомъ, подобно тихому вѣянію, тономъ, исполненнымъ страха, благоговѣнія и чистоты, клялась ему въ вѣчной любви и преданности... Матіа все болѣе убѣждался, что образъ, создаваемый его фантазіей, не есть одинъ пустой плодъ его розовыхъ грезъ,— пылкое сердце такъ покорило себѣ омраченный страстью разумокъ, что воображаемыя картины встали предъ нимъ въ живыхъ, осязательныхъ формахъ“.

О Мзаго мечтаетъ вдали отъ нея на смертномъ одрѣ Элгуджа, изнывающая отъ тяжелыхъ ранъ. Однако утѣшеніе теперь облегчаетъ грызущую все его существо боль,—онъ послалъ ей прощальный поклонъ, «его привѣтъ дойдетъ до Мзаго, она вспомнитъ о немъ и своими розовыми устами произнесетъ имя Элгуджы. Можно ли представить для возлюбленнаго болѣе высокое блаженство? Онъ такъ погрузился въ эти пріятныя думы, что прелестное лицо Мзаго, нѣжныя ея уста, томныя глаза промелькнули съ быстротою молніи въ его умѣ, онъ всматривался жаднымъ, упивающимся взоромъ, съ замирениемъ сердца, въ воображаемый образъ Мзаго, ласкалъ и цѣловалъ ее, и не было конца ихъ земному блаженству“.

Красоты природы не могутъ успокоить взволнованное чувство горца. Контрастъ между душевными тревогами и внѣшними очаровательными картинами раздражаетъ его еще больше, усиливаетъ въ немъ недовольство и сознаніе своего одиночества. Матіа хорошо знаетъ, что Мзаго принадлежитъ его другу, Элгуджѣ, и эта горькая мысль вытѣсняетъ у него всѣ другіе помыслы и усвоенную привычку погружаться въ созерцаніе открывающейся предъ нимъ у подошвы снѣжныхъ вершинъ живописной долины. „Овцы постепенно шли впередъ, удаляясь отъ своего пастуха, который неподвижно оставался на мѣстѣ и безсознательно устремилъ взоры въ бѣлое облачко, разлучавшееся съ сѣдовласымъ Кавказомъ. Удивительно, что Матіа, извѣстный своею бдительностью пастухъ, ни на шагъ не отступающій отъ стада, сегодня такъ невнимателенъ къ нему, погруженъ въ какія-то думы, точно прикованный къ своему пастушескому посоху. Быть можетъ, его увлекла прелестная природа, оживленная журчащимъ потокомъ? Нѣтъ! Онъ теперь не видитъ ни гордо упирающихся въ небеса снѣжныхъ горъ, ни густо разросшихся лѣсовъ, ни горныхъ водопадовъ, которые молочными брызгами низвергались съ высокыхъ скалъ, рассыпаясь въ миліоны разноцвѣтныхъ звѣздъ, ни зеленыхъ луговъ, усѣянныхъ тысячами различныхъ благоухающихъ травъ. Нѣтъ! Онъ самъ еще не отдаетъ се-

бѣ отчета въ смутныхъ грызущихъ его сердце мечтахъ о красавицѣ Мзаго...“

Какъ горецъ всецѣло проникается чувствомъ любви къ одной, тая его до гробовой доски, такъ и женщина любить твердо и непреклонно разъ избраннаго друга своего сердца. Она не умѣетъ мѣнять или дѣлить свои чувства. Она можетъ любить только одного и никакія угрозы, никакія страданія не могутъ вырвать изъ ея души разъ загорѣвшей искры любви,—искры, охватившей неугасаемымъ пламенемъ все ея женское, чувствительное существо. „Я предпочту умереть,—говоритъ Пуну въ романѣ *Убийца отца*,—чѣмъ забыть когда-нибудь его. Я сохну и вяну въ ожиданіи его и иѣтъ отрады, утѣшенія для меня!“ Не даромъ поэзія горцевъ имѣетъ своимъ центромъ вѣрную, постоянную любовь женщины. Женщина пользуется у нихъ большимъ почетомъ, является нравственною силой, сдерживающею своимъ платкомъ кровопролитное столкновеніе двухъ ищущихъ мести фамилій. Въ женѣ грузинъ-горецъ видитъ не рабыню, а равнаго себѣ друга и помощника. Онъ эту мысль о равноправности выражаетъ довольно фигурально въ одномъ прекрасномъ, трудно переводимомъ четверостишіи: „Порожденіе льва остается львомъ, все равно, какого бы пола оно ни было“. Уваженіе къ женщинѣ у грузинъ имѣетъ свое историческое оправданіе: Грузію ввела въ кругъ христіанскихъ народовъ женщина—св. Пина; Грузію возвела на ступень политическаго могущества и культурной славы женщина—царица Тамара; грузинка-мать являлась вдохновительницей воина на полѣ брани, въ борьбѣ съ врагами родной земли и Христова креста.

Гордая красавица мохевка служитъ предметомъ горькихъ воздыханій молодого пастуха, ей посвящаются задушевные пѣсни, слава объ ея красотѣ распространяется далеко среди горцевъ; на праздникъ взоры всѣхъ обращены на нее; является толпа искателей ея руки, и заканчивается тайное ухаживаніе открытымъ похищеніемъ красавицы вооруженною силой изъ родной хижины. Интересны характеристическія черты идеала красавицы по народнымъ пѣснямъ: красавица должна быть высокаго роста—какъ чинаръ, бѣлаго цвѣта—какъ „известь“, съ румяными лентами—какъ алое вино, съ волосами черными—какъ смоль, съ черными сверкающими, какъ молнія, глазами. Однимъ изъ ея украшающихъ качествъ считается спокойная, мѣрная походка. Застѣчивость и скромность при постороннихъ, внимательность и вѣрность мужу, „языкъ ласточки“ въ бесѣдѣ довершаютъ идеалъ красавицы. Пѣсни, воспѣвающія красоту женщины, разбросаны въ романахъ А. Казбека¹⁾, но тутъ же мы встрѣчаемъ отрывки, которые даютъ общее представленіе о поэзіи горцевъ. Сюжеты ихъ пѣсенъ составляютъ рассказы объ отважныхъ подвигахъ, о благородномъ гостепримствѣ, объ уваженіи къ старѣйшимъ, о защитѣ слабыхъ и оскорбленныхъ. Блестящее оружіе, жажда

¹⁾ Онъ издалъ небольшой сборникъ народныхъ пѣсенъ мохевцевъ. (Т. 1886).

мщенія, любовь къ родинѣ, свободѣ и женщинѣ одушевляютъ горца поэтическимъ настроеніемъ, въ которомъ сама собою слагается у него пѣсня. Последняя сопровождается и описаніемъ природы: бѣлоснѣжныя горы, дѣвственные лѣса, непроницаемый туманъ, журчащій потокъ, стремительный водопадъ, веселыя трели жаворонка, унылый крикъ совы—вотъ матеріалъ изъ внѣшней природы для поэзіи горцевъ. Каждое ихъ четверостишіе много говоритъ и уму, и чувству, каждая ихъ пѣсня согрѣта теплою любовью къ родинѣ, свободѣ, красотѣ.

Въ горахъ нѣтъ социальной розни, сословныхъ градацій, не существуетъ общественныхъ предразсудковъ: здѣсь всѣ равны, нравы дышать простотой и патриархальностью. Двери хаты свободно открыты для странника; гость—неприкосновенное лицо, посланникъ Бога. Часто поднимаются споры, кому пригласить случайно показавшагося странника. Появленіе гостя—торжество для всѣхъ: дѣти начинаютъ отъ радости прыгать, собираются юноши и дѣвушки, чтобы пѣніемъ, танцами и играми доставить удовольствіе новому другу цѣлой деревни. Любовь здѣсь не стѣсняется внѣшними условіями положенія героевъ. Дочь состоятельнаго горца Корюко, Циція, влюбляется въ пастуха своего отца Бежіа. Циція, единственная дочь и гордость старика-отца, сама носитъ въ поле пастуху провизію, здѣсь они встрѣчаются, угощаются парнымъ молокомъ, постепенно зарождается въ нихъ на лонѣ роскошной природы чувство любви, которое сначала находитъ исходъ въ робкихъ взглядахъ, а потомъ и въ чистыхъ сердечныхъ изліяніяхъ.

Корюко не согласится выдать за Бежіа свою дочь; есть одно спасительное средство—похитить любимую дѣвушку. Циція сама намекаетъ на этотъ обычный способъ разрѣшенія любовной интриги, и тутъ только Бежіа убѣждается, что онъ любимъ: онъ обнялъ ее и припалъ къ ея сердцу, учащенное біеніе котораго электрическимъ токомъ пробѣгло по его напряженнымъ нервамъ. „Она не сопротивлялась, искры одного огня одинаково охватили ихъ; оба были въ забвеніи, были объаты однимъ чувствомъ, и это чувство было желаніе соединиться въ одно, перелить свою душу, вложить свое сердце и слиться въ одно нераздѣльное существо. Влюбленные не замѣчали, какъ день близился къ вечеру, какъ луна озарила всю природу лучами, возбуждающими страсти въ человѣкѣ. Ночь была тихая, объята таинственнымъ молчаніемъ, какъ будто горы и лѣса, утомленные дневнымъ зноемъ, погрузились въ желанный сонъ и покой. Только съ горъ бѣгущіе ручьи неумолкаемо звенѣли по камнямъ, словно напѣвая чудную пѣсню задремавшей природѣ“..

Но судьба разстроила мечты влюбленной пары. Циція была похищена въ отсутствіе отца не Бежіей, а какимъ-то чеченцемъ, который видѣлъ ее на похоронахъ Эпхія. „Когда ты ударила,—говорилъ ей чеченецъ,—своими маленькими ручками по алымъ ланитамъ съ едва замѣтною бородавкой, я далъ себѣ слово поцѣловать тебя какъ-разъ въ то мѣсто“. Съ этими словами онъ обнялъ дрожащую въ его крѣпкихъ ру-

какъ Цицію, привлекъ къ сердцу и жадно впился въ ея блѣдныя уста“... Черезъ нѣсколько минутъ по свистку похитителя прилетѣлъ его сотоварищъ и они, умчавшись на двухъ коняхъ вмѣстѣ съ Циціей, пропали во мракѣ ночи. Но здѣсь выступаетъ свойственная горцу черта: онъ не пользуется беззащитнымъ положеніемъ женщины, онъ не посягаетъ на ея цѣломудріе, не прибѣгаетъ къ насилію. Циція на всѣ ласки похитителя отвѣчаетъ молчаніемъ, отказывается отъ пищи, горючія слезы текутъ ручьями изъ ея темныхъ глазъ. „Сердце горца тронуту. Безстрашный воинъ, съ улыбкой встрѣчавшій тысячу смертельныхъ опасностей, стоитъ взволнованный, блѣдный и со слезами на глазахъ, едва переводя дыханіе“, умоляетъ ее пощадить, полюбить хотя бы на моментъ цѣной гибели въ пропасти съ высокихъ скалъ. Циція смягчилась: она видѣла статнаго красавца, опьяненнаго страстью, который, не употребляя насилія, палъ къ ея ногамъ и, какъ повелительницу свою, умолялъ о любви. Но въ ея чистой, не покрытой нравственною ржавчиной, душѣ два чувства еще не уживались. Она любила Бежію, и ей оставалось своему новому безумному поклоннику предложить братскую дружбу. „Я люблю другого,—говоритъ Циція,—ты—братъ, я—сестра!“.—„О-охъ“, вздохнулъ чеченецъ такъ сильно, какъ будто сердце вырвалось вонъ изъ глубины, и разразился страшнымъ, мучительнымъ плачемъ. Но онъ быстро оправился, отеръ, быть можетъ, впервые на его глазахъ навернувшіяся слезы и, обратившись къ пей, сказалъ: „Сестра моя, куда тебя вести?“ Съ этого времени онъ сдѣлался преданнымъ, безкорыстнымъ ея другомъ. Чеченецъ не жалѣетъ силъ, не останавливается предъ угрожающими ему опасностями, чтобы доставить страстно любимую дѣвушку въ обладаніе счастливому своему сопернику. Голосъ совѣсти, сознаніе нравственнаго долга заглушаютъ въ немъ бурный потокъ его страстныхъ чувствъ. Послѣ цѣлаго ряда приключеній чеченецъ съ Циціей отыскиваетъ Бежію. Послѣдній, считая свою подругу уже опозоренною похитителемъ, готовъ броситься на него съ кинжаломъ, чтобы кровью отомстить за честь женщины. Чеченецъ также обнажилъ оружіе для самообороны и не далекъ уже, по недоразумѣнію, шагъ къ кровопролитію, какъ вдругъ слышится крикъ Циціи, платокъ ея „мандили“ неожиданно появляется между разъяренными борцами и въ ту же минуту взбѣшенныя львы смиряются, опустивъ неподвижно сверкающіе мечи. Враги опомнились при видѣ „мандили“—святыни, чрезъ которую не можетъ переступить не одинъ горецъ: „мандили“ обезоруживаетъ и Бежію, и чеченца.

Одна изъ трогательныхъ повѣстей А. Казбекъ *Пастырь* была сопоставляема съ романомъ В. Гюго *Misérables*. Сходство ограничивается изображеніемъ гуманнаго духовнаго отца. Прекрасную Маквалу выдали за чуждаго ея сердцу нелюбимаго человѣка, Гелу Годерзашвили, развратившагося во время прохожденія службы есауломъ при діамбергѣ (приставѣ) въ Пассанаурѣ. Гега поселился въ деревнѣ и вскорѣ занялъ видное положеніе среди односельчанъ какъ богатый и вліятельный

человѣкъ, объяснявшійся по-русски. Одно обстоятельство причиняло ему постоянныя мученія: ни угрозами, ни ласками онъ не могъ расположить къ себѣ Маквалу. Наоборотъ—она возненавидѣла мужа и всѣми силами старалась досадить ему. Дошло дѣло до схода сельчанъ; выяснилось, что Маквала была выдана замужъ насильно. Но народный сходъ, объявившій имъ разводъ, при новыхъ административныхъ порядкахъ уже утратилъ свое значеніе, и Гела законнымъ путемъ вернулъ къ себѣ жену. Маквала, видимо, покорилась своей участи, но сердце ея все еще билось за Онисе, за смѣлаго и умнаго пастуха-горца, сосѣда Гелы. Онисе прервалъ сношенія съ Гелой съ того времени, какъ Маквала вошла въ его домъ, но разъ онъ не выдержалъ и постучался въ двери къ молодымъ супругамъ. Его пригласили войти. Подвыпившій Гела усердно сталъ его угощать и не замедлилъ для полнаго наслажденія привести деревенскихъ музыкантовъ и пѣсенниковъ. За короткое время его отсутствія Маквала и Онисе объяснились; оба убѣдились, что прежняя страстная любовь въ ихъ сердцахъ не замолкла. Но нравственныя убѣжденія не позволяютъ ей измѣнить мужу, когда послѣ отъѣзда мужа приходитъ къ ней избранникъ ея сердца. Съ тѣхъ поръ мрачныя мысли и постоянныя мечтанія о Маквалѣ не давали Онисе покоя. Онъ изыскивалъ средство „злую искусительницу“ склонить на свою сторону. Второе свиданіе съ Маквалой въ ночную пору пробудило въ немъ надежды блаженства. Но ихъ нѣжныя свиданія должны были прекратиться, въ виду возвращенія домой Гелы. Единственнымъ исходомъ является продать овецъ и переселиться въ далекія мѣста съ Маквалою. Ему больно растаться съ родиной, сходъ уговариваетъ его остаться, но Онисе непреклоненъ. Старцы, пожелавъ ему счастья на прощаніе, еще разъ напоминаютъ „о священныхъ мѣстахъ, о костяхъ предковъ“.

„Помни, что души ихъ и сердца твоихъ братьевъ возрадуются, почувствовавъ твое возвращеніе. Взгляни на горы,—указалъ старикъ и слезы заблестали на глазахъ его: здѣсь жили твои предки, здѣсь они утѣшались въ горѣ, здѣсь бились ихъ сердца, здѣсь они умерли. Взгляни и не забывай! Это все—твое родное!“

Онисе поспѣшилъ къ Маквалѣ, чтобы съ ней бѣжать отъ Гелы. Но тутъ произошла схватка между мужемъ и возлюбленнымъ Маквалы, и Онисе былъ раненъ. Въ ту же ночь исчезла Маквала. Домъ Онисе опустѣлъ. Родъ Гелы подлежалъ „крови“ за пораненіе Онисе. Бѣжавшая изъ дому Маквала находитъ пріютъ у о. Онуфрія, жившаго отшельникомъ въ Бурсачирскихъ скалахъ. Слава объ его высокомъ умѣ, добротѣ, святости и самоотверженіи проникла далеко въ горахъ. Въ пещерѣ его кромѣ креста и евангелія имѣлись лишь лѣкарственныя травы для подавія первой помощи. Онуфрій жилъ только для народа и не забывалъ его вдали отъ всѣхъ, когда онъ сливался душою съ Богомъ. Онуфрій изгналъ народомъ Маквалу, которой поставили „самани“, т. е. прокляли тѣхъ, кто протянетъ ей руку помощи, случайно откопавъ изъ снѣга и употребилъ всю заботливость, чтобы спасти ее. Когда она пришла въ себя, то рассказала

свое прошлое. „Я грѣшна, отецъ, прости меня!“ тихимъ голосомъ сказала Маквала. А священникъ перекрестился и произнесъ: „Царь небесный! Ты, зрящій сердце человѣческое! Ты знаешь все... Ты милостивъ и милосердъ... Прости грѣшникамъ, ибо не вѣдаютъ, что творятъ!“ Съ этими словами онъ поднесъ крестъ къ губамъ Маквалы. Она своимъ признаніемъ облегчила свои страданія. Съ того дня отверженная всѣми посвятила себя больнымъ и страждущимъ и помогала Онуфрію готовить лѣкарство. Случилось, разразилась страшная гроза, грянулъ громъ и пошелъ ливень; отшельникъ поспѣшилъ подать помощь пострадавшимъ въ ненастную ночь. Въ его отсутствіе къ пещерѣ приблизился человѣкъ, закутанный въ бурку. Онъ вскорѣ покинулъ пещеру, исчезъ какъ крылатый духъ и „къ стону вѣтра присоединился крикъ женщины“. Онуфрій вернулся на другое утро съ путниками. Онъ удивился, что Маквала его не встрѣтила; заглянувъ въ комнату, онъ увидѣлъ Маквалу, лежавшую въ постели и съ головой закутанную въ бурку. На зовъ его, она ни откликнулась; когда же изумленный старикъ приблизился къ постели и сдернулъ бурку, то замѣтилъ кровь, застывшую на груди Маквалы.— „Помолимся за душу ея, ибо Иисусъ снова обрѣлъ ее, потерянную“... При этихъ словахъ священникъ склонилъ колѣна и всѣ послѣдовали его примѣру. Убіеніе ея было настолько необыкновеннымъ и загадочнымъ, что оно обратилось въ предметъ безпокойныхъ толковъ. Подозрѣніе падало на Гелу и на Онисе, но время незамѣтно заставило забыть это страшное преступленіе. Разъ на закатѣ солнца отшельнику послышался ружейный выстрѣлъ. Старикъ направился въ ту сторону, откуда раздался голосъ: „чортъ возьми, хоть бы въ сердце попалъ“. Приблизившись къ равенному незнакомому, онъ перевязалъ ему рану. Лицо больного поминутно измѣнялось и слегка открытыя уста произносили непонятныя слова, сквозь которыя явственно онъ слышалъ имя Маквалы. Этотъ незнакомецъ исповѣдался предъ отшельникомъ,—онъ оказался Онисе. Онъ вскорѣ потерялъ рассудокъ и въ безуміи повторялъ слова: Маквала! Скажи, мнѣ ради Бога, кто такая Маквала!

Прошло много времени, отшельникъ потерялъ изъ виду Онисе. Его самого постигла бѣда: онъ былъ обвиненъ Гелой въ убійствѣ Моквалы и изгнанъ изъ села. На судѣ онъ не защищался и истины не открывалъ. „У меня есть высшій Судья, Онъ всевѣдущъ. Когда я предстану передъ Его лицо, то съ улыбкой скажу: Господи, воздай Кесареву Кесареви и Божіе Богови“.

Всѣ улики клонились къ обвиненію священника; правда, въ народѣ настойчиво утверждали, что старикъ не могъ совершить такого преступленія. Кто же убилъ Маквалу? Онисе? Но въ бумагахъ значилось, что онъ умеръ задолго до вышеупомянутаго убійства, а Гела молчалъ о немъ, такъ какъ готовилъ себѣ новую жертву. Быть можетъ, убилъ самъ Гела? Нѣтъ онъ состоялъ на службѣ, и во время убійства находился въ Тифлисѣ, куда ѣздилъ за наградой. Кромѣ отшельника никто не имѣлъ никакого отношенія къ Маквалѣ, никто изъ посторон-

нихъ, какъ показывали свидѣтели, не входилъ въ пещеру женщины. Онуфрій былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ. Прошло время. На церковномъ праздникѣ въ Цвери много говорили въ толпѣ о несчастномъ отшельникѣ, сообщившемъ по дорогѣ въ Сибирь одному горцу, что Гела его предаль. Богомольцы при звонѣ колокольчиковъ подъ сѣнью хоругвей собрались на зовъ старца-деканоза. „Братья!—слышалось среди гробового молчанія.—Солнце меркнетъ, темнѣетъ отъ стыда. Гнѣвъ Божій обрушился на головы наши, земля разверзлась и грозитъ намъ. Вы имѣли пастыря, который заботился о васъ; въ средѣ вашей жилъ человекъ, который не вредилъ даже ничтожнѣйшему червю. Онъ былъ возвращенъ горами, онъ былъ слава, ваша гордость; народъ гордится, имѣя въ своей средѣ такого человека.. Того, кто лѣчилъ больныхъ и раненыхъ, утѣшалъ несчастныхъ, обвинили въ убійствѣ Маквалы и сослали въ Сибирь“. Ударъ грома изъ яснаго неба въ эту минуту не произвелъ бы такого потрясающаго впечатлѣнія, какое произвели слова деканоза.—„Внимайте и разумѣйте! Онуфрій не могъ быть убійцей, вы сами знаете...“ Встряхнувъ хоругвь, онъ воскликнулъ: „Господи, св. Георгій Ломисскій, всѣ святые! Молю и взываю къ вамъ отъ лица всего народа, пошлите гнѣвъ вашъ на голову того, кто не постарается найти убійцу Маквалы. „Омень“, загудѣлъ народъ.—Убійца не устоялъ противъ заклатій и открылся. Это былъ безумно влюбленный въ Маквалу Онисе. Присутствующій на сходѣ Гела не выдержалъ и кинжаломъ разсѣкъ грудь слабого, безоружнаго Онисе. Дерзость Гелы возмутила народъ, и онъ приговорилъ его къ побитію камнями. Судъ былъ приведенъ въ исполненіе. Дѣло объ убійствѣ Маквалы также было пересмотрѣно и отецъ Онуфрій былъ оправданъ. Но вѣсть объ этомъ рѣшеніи не застала его въ живыхъ.

Въ повѣсть *Хевисъ-бери Гоча* обрисованъ не менѣе яркій типъ народнаго вождя, который въ эпоху Пугзара-Эристова собираетъ сходъ для рѣшенія вопроса, какъ отнестись къ намѣреніямъ Пугзара, претендующаго наложить руку на мохевцевъ. Мтіулы забыли узы братства и прониклись враждебными помыслами противъ сосѣдей. Гочѣ принадлежитъ рѣшающее значеніе, какъ отстоять связь мохевцевъ съ грузинскимъ царемъ и противодѣйствовать замысламъ Пугзара-Эристова.

Романъ *Элисо* заимствованъ изъ эпохи насильственнаго выселенія чеченцевъ въ Турцію. Славный наибъ Шамиля, Анзора, имя котораго гремѣло нѣкогда въ горахъ Кавказа, пожертвовавшій тремя своими сыновьями на защиту родины, теперь на старости лѣтъ съ единственною дочерью Элисо прощается съ дорогимъ непелищемъ. „На открытомъ роскошномъ полѣ, близъ Владикавказа, стояли арбы, наполненныя домашнею рухлядью. Посреди ихъ были разведены костры, предъ которыми усѣлись старики и въ глубокомъ молчаніи курили казанья. Ихъ мужественныя опечаленныя лица при свѣтѣ мерцающаго огня представляли какую-то фантастическую картину. Эта необыкновенная тишина у вѣчно подвижныхъ горцевъ, среди роскошной природы въ теплый чуд-

ный вечеръ, была прервана тихими звуками чіануры ¹⁾ и тяжело-грустнымъ пѣвкомъ. Голосъ пѣвца вырывался изъ глубины сердца, которое воспламенялось, клокотало, жгло и самого пѣвца, и слушателей. Пѣсня разсыпалась далеко по полю, гдѣ легкое вѣяніе приносило ея звуки къ каждому дереву, кусту, травкѣ и, прикоснувшись къ нимъ, какъ будто давала такъ рѣзко чувствовать свою силу, что они начинали дрожать подъ этимъ жгучимъ отголоскомъ. Скоро вопль одного пѣвца обратился въ общій вой и вся равнина наполнилась мучительнымъ ропотомъ и завываніемъ. Это пѣніе безъ словъ выражало такую глубокую грусть, наполняло сердце такой тоской и меланхоліей, что заставило человѣка невольно сочувствовать постигнутому ихъ горю. Это была ихъ лебединая пѣсня, прощаніе умирающаго, вѣчная разлука съ любимыми родителями, ласкъ которыхъ лишаетъ сына неумолимая и немилосердная судьба. Эти стоны и вздохи казались тѣмъ болѣе горькими, что они были рыданіемъ не одного несчастнаго лица, а выражалась въ нихъ одна общая грусть, общая тоска, общее мученіе; здѣсь бился общій нервъ и въ стоиѣ одного воплощались чувство и горе цѣлаго народа. Эти вѣрные сыны своей страны, готовые на безмолвное для нея самопожертвованіе, разставались съ дорогими ихъ сердцу горами и полями, для укрѣпленія которыхъ за собою отецъ не жалѣлъ сына, жена—мужа, и послѣ всѣхъ этихъ жертвъ они должны покинуть родину. Господи, гдѣ Ты? Воззри на насъ!“,—говорили ихъ обращенные къ небу глаза и, не получая отвѣта, грустно опускались къ сырой землѣ. Каждый кустъ, каждое мѣстечко и уголокъ напоминали имъ мужественную борьбу, въ которой ихъ кровь лилась рѣкой. Прикосновеніе къ каждому камню и каждый шагъ способны были воскресить въ нихъ минувшія картины жизни, которыя раскаленными иглами терзали ихъ сердце и связывали языкъ для выраженія тоски. Бываютъ минуты, когда слова безсильны для выраженія горести“...

Анзора, отецъ Элисо, съ ускореннымъ біеніемъ сердца и съ глубокими морщинами на высокомъ челѣ слушалъ, опершись на кинжалъ, эту унылую пѣсню. Онъ нѣсколько разъ дрожащею рукой отеръ уже выступавшій на лбу холодный потъ, но грусть все не покидала его и пробудившіяся воспоминанія о прошломъ горько жгли его сердце. „Онъ вспомнилъ свою юность, удалые набѣги на русскія войска, захватъ у нихъ добычи и коней и радость при этомъ молодыхъ чеченокъ; вспомнилъ, когда онъ, подобно вѣтру, носился неустанно то тамъ, то здѣсь, и пѣсня за пѣсней слагались въ честь и прославленіе его. Вспомнилъ онъ юную жену, нѣжно ласкающую его, вспомнилъ онъ своихъ сыновей—отраду на старости, которые предъ его глазами, при отраженіи враговъ, были подняты на штыки. Вспомнилъ все это, еще разъ сильнѣе провелъ рукою по лбу и грустно произнесъ: „Лай, Лай, Шъ, Алахъ!“

¹⁾ Родъ скрипки.

Этотъ нѣкогда суровый вопль, закаленный въ бояхъ и мщепяхъ, таитъ свѣтлый потокъ неизсякаемой любви и нѣжности къ своей красивой дочери Элисо. Молодая дѣвушка, вдали отъ другихъ, на берегу рѣчки, давно уже сидитъ, погруженная въ глубокия думы. Ея нѣжное блѣдное лицо прислонилось къ маленькимъ ручкамъ, а томные глаза устремились въ неопредѣленную даль. Она предавалась тутъ двойному постигнутому ее горю: вмѣстѣ съ родиной она теряетъ и своего друга, грузина-христіанина Важіа. Религія и вражда къ грузинамъ, гяурамъ-проводникамъ русскихъ въ горы, служила препятствіемъ въ глазахъ Анзоровъ къ ихъ браку. Но отецъ былъ увѣренъ, что Элисо такъ легко не разстанется съ избранникомъ своего юнаго сердца: чеченка рѣдко полюбитъ, но разъ похитившему ея сердце она отдается всецѣло, вѣчно... Отецъ тихо, украдкой приблизился къ любимой дочери, объятаю одною тяжелою мыслью—борьбою между чувствомъ и долгомъ предъ старцемъ-родителемъ.

„Я постараюсь забыть того, кого люблю!—говоритъ отцу Элисо.— Ты должна забыть, если можешь: Важіа христіанинъ, а ты чеченка“ (мусульманка), — отвѣчаетъ Анзора. Отецъ не довольствуется этимъ краткимъ лаконическимъ заявленіемъ, почему Элисо должна заглушить чувство любви къ Важіа. Онъ посвящаетъ ее въ перипетіи своей мрачной судьбы, такъ тяжело наказавшей его по милости гяуровъ. Она должна забыть ихъ. „Слушай, Элисо!—воскликаетъ отецъ.—Я имѣлъ свой табунъ лошадей, свободно разгуливавшій по полямъ Чечни,—пришли гяуры и отняли его... Я имѣлъ стада барановъ, и не прѣходилъ предъ моимъ домомъ странникъ, чтобъ я не пригласить и не зарѣзать ему овечки,—напали гяуры и отняли... Я имѣлъ домъ, и онъ былъ пріютомъ всѣхъ несчастныхъ и нуждающихся,—пришли гяуры и сожгли... Остались у меня три сына, ты и оружіе мое. Я бѣжалъ въ горы и хотѣлъ отмстить за эту несправедливость, но и сюда пришли гяуры и сыновей моихъ одного за другимъ убили предъ моими глазами. Боже мой! Какой это былъ страшный день!... Одно только утѣшало меня, что они геройски пали: у нихъ было пробито сердце,—видно, они не показывали тыла врагамъ. Остался живъ я одинъ, чтобъ адскій огонь водворился въ моемъ сердцѣ. Теперь я удрученъ годами, ослабѣлъ и, когда нуждаюсь въ покоѣ, я расстаюсь съ родиной, съ прахомъ моихъ сыновей. Только ты теперь моя отрада, ты должна закрыть мои глаза, но... если точно любишь Важіа, скажи... и этимъ послѣднимъ утѣшеніемъ я пожертвую“, — „Нѣтъ, отецъ, я не оставляю тебя, если бы даже сто разъ больше я его любила. Пройдетъ время... Я забуду... Правда, вѣдь, отецъ, забуду?“

Задуманное объясненіе отца съ дочерью прерывается неожиданнымъ появленіемъ Важіа во мракъ ночи. Важіа не скрываетъ, что „любить Элису такъ, какъ рыба—воду, птица—воздухъ“. „Элисо!, слышишь! Отвѣчай ему!...“ Элисо стояла молча и по ея блѣдному лицу замѣтно было, что въ ея душѣ происходила мучительная борьба двухъ противо-

положныхъ чувствъ: съ одной стороны были отецъ и долгъ дочери, съ другой—избранникъ сердца и необходимость пожертвовать имъ“. За минуту предъ тѣмъ для нея былъ рѣшенъ вопросъ о подчиненіи чувства долгу, но теперь какая-то невѣдомая сила пробѣжала по ея нервамъ и вся она превратилась въ чувствительное женское существо. Она упорно молчала; сердце старика, въ ожиданіи отвѣта, сжималось отъ страха, а сердце Важія усиленно билось при видѣ своей возлюбленной...“ Анзора понимаетъ, что теряетъ послѣднюю опору въ дочери, и начинаетъ просить Важія оставить ему дочь—единственную его отраду на старости лѣтъ.

„Умоляетъ тебя Анзора, который никогда ни къ кому не обращался съ просьбой: не лишай меня, старца, единственной надежды и отрады. Ты молодъ, у тебя есть домъ, родные, я же волей судьбы потерялъ все, все!...“ Здѣсь душой старца овладѣло сильное волненіе, онъ сталъ издавать прерывистые, тяжелые вздохи, только жестомъ и мимикой выражая мучительное страданіе...—Нѣтъ необходимости прибавлять къ этому отрывку, насколько вѣрно схвачена психологическая черта борьбы въ душѣ Элисо и ея отца. Авторъ безъ скачковъ, неулыбкая изъ вида отдѣльныхъ сценъ и моментовъ для развитія этой душевной драмы, показалъ намъ не горца въ его сердечной жизни, а чело-вѣка съ его внутреннимъ міромъ и страстями, остающимися одними и тѣми же во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Анзора, потративъ тщетно свои моленія, уступаетъ молодой парѣ, но по недоразумѣнію, столкновение съ властью кладетъ безвременный конецъ не отвѣдавшему счастья Важія, и вмѣстѣ съ Анзорой онъ падаетъ отъ казацкихъ пуль.

Изъ трехъ его романовъ—*Элгуджа*, *Убийца отца* и *Циція* мнѣ удалось извлечь свѣдѣнія, характеризующія народный судъ у грузинъ-горцевъ, называемыхъ *мохевцами* и *мтіули*. Эта народность живетъ въ Душетскомъ уѣздѣ Тифлисской губ., въ ущельяхъ горъ, откуда и произошло самое ихъ названіе *мтіули*—отъ слова *мта*, что значитъ гора, и *хеви*—ущелье.

Содержаніе романа „*Элгуджа*“ относится къ тому времени, когда община (теми), пользовавшаяся политической компетенціей, теряетъ свое значеніе, поколебленное новыми порядками русской администраціи. Старики въ горахъ проникаются негодованіемъ, что грузинскій царь Георгій XII, не посовѣтовавшись съ представителями народа, вошелъ въ дипломатическія сношенія съ русскимъ государемъ, рѣшившія судьбу цѣлаго края. Въ этомъ ропотѣ можно видѣть отголосокъ прежняго политическаго авторитета народнаго собранія. Нѣсколько сценъ изъ того же романа свидѣтельствуютъ о быломъ судебномъ значеніи теми. Элгуджа заочно обвиняется въ томъ, что онъ убилъ Гаги, мечь за кровь котораго падаетъ на Свимона Чопикашвили. Послѣдній приноситъ жалобу предъ теми. Собираются главари общины, покрытые глубокой сѣдиной и важно возсѣдающіе съ посохами на своихъ стульяхъ. Вызываются на ихъ судъ обвинитель, его соприсяжники и родственники Элгуджи, при-

нявшіе на себя роль его защитниковъ. Предсѣдатель собранія, вставши съ своего мѣста, снялъ шапку, молча перекрестился и произнесъ:

„Внимайте и разумѣйте!“ При этихъ словахъ всѣ моментально поднимаются, водворяется среди нихъ такая мертвая тишина, что жужжаніе мухи даже становится слышно. „Народъ,—началь предсѣдатель, вы знаете причину нашей сходки; вы должны разсудить дѣло двухъ ищущихъ кровной мести фамилій. Если среди васъ есть родственники или враги сторонъ, пусть уйдутъ изъ засѣданія: сердце человѣка мягко! Можете съ пристрастіемъ произнести приговоръ, и подобнымъ образомъ опозоренные представители народа наслѣдуютъ вѣчныя муки. Таковые да изыдутъ, таковые да изыдутъ, таковые да изыдутъ!“ Послѣ этой вступительной рѣчи предсѣдателя нѣсколько лицъ изъ присутствующихъ на судѣ надѣли шапки и оставили сходку. Проводивъ ихъ глазами, старецъ продолжалъ свое слово:

„Господи Великій Боже! Св. Крестъ и ангелы мохевцевъ и мтіуловъ! Предъ вами собралась община, дайте намъ силу и вразумите, дабы неразуміемъ своимъ не учинить какой-либо несправедливости“.—Аминь!—завопили остальные.—„Если изъ насъ кто-нибудь пристрастно произнесетъ рѣчь, не дастъ прямого показанія и утаитъ что-либо, да преслѣдуетъ его ваше проклетіе и его нисходящее потомство!“—Аминь! отвѣчали присутствующіе.—„Такого человѣка лиши друзей, сверстниковъ, дай ему жизнь продолжительную на посрамленіе, лиши его мира и спокойствія духа!“ Аминь! повторили всѣ. Послѣ этихъ словъ, по приглашенію предсѣдателя, всѣ усѣлись и, повидимому, прониклись яснымъ сознаніемъ своей отвѣтственной предъ Богомъ и народомъ обязанности. Былъ вызванъ обвинитель, который, ставъ на одно колѣно, припесъ жалобу на Элгуджу, какъ на убійцу Гаги, и требовалъ надъ нимъ заочнаго суда. Затѣмъ были приглашены къ отвѣту дальніе родственники Элгуджи, въ качествѣ защитниковъ родовыхъ интересовъ. Они также, припавъ на одно колѣно, доказывали, что Гаги не былъ убитъ Элгуджой, и потому Чопикашвили не долженъ искать съ него крови.

Допросъ сторонъ конченъ. Предсѣдатель обращается съ усердѣйшею просьбою къ присутствующимъ принять мѣры къ примиренію и соглашенію враждующихъ фамилій. Потребовали виновницу столкновенія, похищенную Элгуджой, Мзаго, сестру Гаги. Мзаго должна была откровенно заявить, была ли она силой похищена, или же добровольно послѣдовала за Элгуджой. Мзаго отвѣтила, что она давно любитъ убійцу ея брата, что она живетъ одними помыслами объ Элгуджѣ, который не позволилъ себѣ прибѣгать къ насилію надъ ея женскою честью. Послѣ ея показанія постороннія лица удаляются изъ сходки, остаются одни только судьи. Раздѣлившись на группы, они стали обсуждать положеніе вопроса, а потомъ, по приглашенію предсѣдателя, снова занявъ свои мѣста, стали по старшинству высказывать мнѣнія. Посвятивъ нѣсколько часовъ горячимъ преніямъ для выясненія самаго жгучаго въ жизни горцевъ событія кровной мести, судьи пришли къ опредѣленному рѣшенію,

постановили приговоръ, для объявленія котораго были вызваны стороны. Предсѣдатель поставилъ ихъ въ извѣстность, что, по внушенію Господа, судьи разсмотрѣли и обсудили дѣло; стороны обязаны безпрекословно повиноваться ихъ рѣшенію, иначе имъ угрожаетъ изгнаніе изъ общины, а также непризнаніе ихъ плотью и кровью членовъ общины. Стороны выразили свою покорность теми и пожелали для увѣренія судей принести присягу.

Оповѣщеніе приговора сопровождается актомъ религіознаго характера. Вошли въ засѣданіе суда жрецы мтіуловъ—„деканози“, изъ которыхъ одинъ держалъ знамя общины съ крестомъ, увѣшанное образами, колокольчиками и другими пожертвованными вещами; другой жрецъ держалъ серебрянный крестъ, покрытый платкомъ. Появленіе „деканози“ было встрѣчено благоговѣйно: всѣ поднялись съ мѣстъ и сняли шапки. Деканози подошли къ старцу, предсѣдателю сходки, и стали рядомъ съ нимъ. По требованію главы суда подсудимые подошли къ деканозамъ, перекрестились, преклонили колѣна предъ знаменемъ, взявъ его за кончикъ матеріи. Деканози именемъ всѣхъ святыхъ призывали миръ и благоволеніе Божіе на теми, милость и защиту вѣрнымъ сынамъ Грузіи, преданнымъ общинѣ, непреклоннымъ въ дружбѣ, сочувствующимъ въ страданіи несчастнымъ. На нарушителей же родства, обязанностей товарищества, долга предъ царемъ и родиной призывались ими душевныя терзанія и вѣчныя тревоги, лишеніе пріюта и домашняго священнаго очага, неудача на охотѣ за звѣрями и въ борьбѣ съ врагами. Слова деканози были выслушаны съ трепетомъ и сопровождались лишь однимъ восклицаніемъ: Аминь! Деканози, потрясая колокольчиками на знамени, допустилъ тяжущіяся стороны прикоснуться и приложиться къ нему.

Обрядъ присяги конченъ. Приступаютъ къ объявленію приговора. Предсѣдатель поднялся съ мѣста и тѣмъ же спокойнымъ голосомъ началъ: „Элгуджа дѣйствительно похитилъ изъ семьи Чоникашвили дѣвушку Мзаго и тѣмъ опозорилъ весь его родъ; но дѣвушка, какъ выяснилось, сама добровольно послѣдовала за нимъ, а Элгуджа не прибѣгалъ къ насилію надъ ней. Братъ Мзаго, Гаги, для защиты чести своего дома напалъ на Элгуджу; послѣдній въ виду самообороны употребилъ оружіе, въ результатѣ чего пали убитыми нѣсколько человекъ. При этомъ оказывается, Элгуджа ранилъ только лошадь Гаги, которая вмѣстѣ съ сѣдокомъ упала въ пропасть, а на Элгуджу напали русскіе солдаты и нанесли ему тяжелыя раны. Принявъ все сказанное во вниманіе, мы приговорили: „такъ какъ въ числѣ убитыхъ при Гаги были двое, то ихъ кровь покрывается кровью убитыхъ товарищей Элгуджи; гибель же Гаги въ пропасти не есть убійство рукой обвиняемаго, и потому кровь съ него не взыскивается. Въ вознагражденіе рода убитаго убійца лишается имѣнія въ пользу Свимона Чоникашвили, а послѣдній долженъ уплатить расходы на лѣченіе Элгуджи. Сверхъ всего этого, родственники убійцы должны явиться съ бычкомъ и пивомъ на могилу Гаги и принесеніемъ ихъ въ жертву умилоствитъ душу покойнаго. Мзаго, по

опредѣленію судей, должна остаться въ качествѣ купленной женщины у Чопикашвили, и въ случаѣ желанія Элгуджи взять ее, послѣдній обязанъ уплатить первому 40 коровъ. Послѣ исполненія нашего постановленія да водворится въ роду Элгуджи и Чопикашвили братство, дружба и любовь“. Приговоръ былъ принятъ единогласно, въ утвержденіе чего былъ накрытъ столъ съ обильными явствами и напитками, за которыми тосты произносились неумолкаемо.

Примиреніе между Элгуджой и Свимономъ Чопикашвили состоялось. „Гласъ народа—гласъ Божій“, говорили они. Если представители народа руководились одними строго установленными юридическими обычаями при раскрытіи истины, если они являлись нелицепріятными, неумолимыми судьями при производствѣ слѣдствія и произнесеніи приговора, то тѣ-же представители считаютъ своимъ нравственнымъ долгомъ повліять на тяжущихся внушеніемъ имъ христіанскаго смиренія, кротости, мягкости и любви. Элгуджа, по прошествіи нѣкотораго времени, подъ прикрытіемъ представителей народа, входитъ въ домъ умирающаго Свимона Чопикашвили, падаетъ на одно колѣно предъ женой своего бывшаго мстителя и проситъ ее признать его своимъ сыномъ. Она принимаетъ предложеніе, обнажаетъ груди, къ которымъ Элгуджа, три раза приложивши зубы, тихо произноситъ какую-то молитву. Жена Чопикашвили предъ представителями народа, по совершеніи этого обряда усыновленія, заявила присутствующимъ, которые съ непокрытой головой благоговѣнно слѣдили за исполненіемъ священнаго обряда, что Элгуджа съ этого дня считается ея роднымъ сыномъ, вскормленнымъ молокомъ ея груди. Въ заключеніе этихъ словъ вновь объявленные мать и сынъ обнялись какъ кровные родственники, сама жена Чопикашвили подвела Элгуджу къ мужу для его благословенія. Свимонъ, положивъ руку на голову новопріобрѣтеннаго сына, сказалъ, что отнынѣ Элгуджа его близкій родственникъ, друзья и враги дѣлаются у нихъ общими, въ радости и горѣ одинаково будутъ другъ друга поддерживать. Для укрѣпленія дружбы Свимонъ отказывается отъ имѣнія Элгуджи, присужденнаго роду Чопикашвили рѣшеніемъ теми въ вознагражденіе за убійство Гаги.

Такимъ образомъ, кровная месть замѣнилась вѣчной и теплой дружбой между родами Элгуджи и Чопикашвили.

Пушкинъ и Лермонтовъ первые изъ русскихъ писателей воспѣли Кавказъ. Время, къ которому относятся ихъ произведенія, отмѣчено упорною, отчаянною борьбой горцевъ съ русскимъ оружіемъ. Пушкинъ въ поэмахъ, а въ особенности въ своемъ *Путешествіи въ Эрзерумъ*, представилъ горцевъ въ одностороннихъ черныхъ краскахъ, а Лермонтовъ ярко, въ *Героѣ нашего времени*, изобразилъ нравы и бытъ кавказцевъ въ дикомъ состояніи. Бѣлинскій, словами Максима Максимыча, говоритъ, что „азіаты (т.-е. горцы) всѣ большіе плуты и что самая ихъ храбрость есть отчаянная удаля разбойничья, подстрекаемая надеждою грабежа“. Такой взглядъ основанъ на недоразумѣніи. Горсть кавказ-

скихъ горцевъ вступила въ продолжительное кровавое столкновение съ могущественнымъ русскимъ оружіемъ. Сила для этой упорной и отчаянной войны въ теченіе 60 лѣтъ черпалась въ теплой привязанности къ свободѣ и родинѣ. Горцы были побуждаемы къ поголовному вооруженію не хищническими интересами, а сознательною идеей защиты своей самостоятельности: „Онъ ждетъ, не крадется-ль казакъ, ночной ауловъ разоритель“, говоря словами поэта. Онъ оборонялся, а не нападалъ, онъ стойко защищалъ свои трупобы и кровью мстилъ за вторженіе въ его мирную обитель. Любовь къ независимости—стихійное чувство горцевъ, и это чувство воодушевляло ихъ къ геройскимъ подвигамъ. Они заблуждались только относительно результатовъ этой неравномѣрной борьбы, но побужденія къ ней были всегда искренни и чужды материальныхъ соображеній.

Присоединеніе Кавказа теперь—совершившійся фактъ. Пушкинъ и Лермонтовъ писали о горцахъ въ періодъ возбужденія народныхъ страстей, и потому ихъ взгляды на характеръ кавказцевъ отличаются недостаточною наблюдательностью и спокойствіемъ. Грузинскій писатель А. Казбекъ поставленъ въ болѣе выгодное положеніе: Кавказъ умиротворенъ, политическое волненіе улеглось, писатель, близко стоящій къ его обитателямъ, имѣетъ возможность представить ихъ бытъ и культуру съ болѣею ясностью и разносторонностью. А. Казбекъ первый бросилъ лучъ въ глубь сердца горца, проникъ въ его сокровенные изгибы, раскрылъ предъ нами богатый впутренній міръ мохевца, мтіула, чеченца. Онъ показалъ намъ, что горець—не дикій хищникъ, а человекъ съ чувствами и помыслами, какъ всѣ другіе, онъ далъ возможность заглянуть въ сердце горца, въ которомъ клокочетъ бурный потокъ и нѣжности, и пылости. Онъ положительно увѣрилъ насъ въ томъ, что въ душѣ горца также происходитъ борьба между страстью и долгомъ, разыгрывается мучительная драма при столкновеніи безсильнаго праваго съ всеильнымъ неправымъ. А. Казбеку принадлежитъ честь установленія правильного взгляда на нравы и съ виду жестока дѣянія горцевъ, вызываемыя необходимостью самообороны, защиты женской чести и свободы родины. Изъ чтенія этихъ романовъ еще разъ можно убѣдиться, что родина, какъ-бы она мала ни была, всегда занимаетъ большое и почетное мѣсто въ сердцѣ благороднаго человека. Необыкновенная теплота и искренность отношенія автора къ горцамъ заражаютъ и читателя: послѣдній начинаетъ съ біеніемъ сердца входить въ интересы героевъ повѣстей, мучится и радуется за одно съ ними. Пастухъ въ бараньемъ полушубкѣ вырастаетъ въ истиннаго героя, исполненнаго благородства, свѣтлыхъ помысловъ, глубины чувствъ, постоянства въ дружбѣ и любви. Горы и лѣса, туры и собаки, рѣчки и травка заговорили своимъ особымъ языкомъ, выражая сочувствіе правому дѣлу и соболѣзнуя жертвѣ несправедливости и гоненія. Авторъ въ нашъ вѣкъ вѣроломства и эгоизма какъ будто зоветъ насъ поучиться у горцевъ сознанію общаго дѣла, общихъ интересовъ, позаимствовать у нихъ похвальный навѣкъ

быть вѣрнымъ данному честному слову, не гнуть шею предъ грозою, а ждать всякую опасность готовымъ къ ея отраженію. Этотъ призывъ не есть возвращеніе къ первобытному состоянію, бѣганию на четверенькахъ, какъ бы сказалъ Вольтеръ, а только голосъ въ порицаніе существующему злу, призывъ къ братству и любви.

Народники-беллетристы.

Фракціей Чавчавадзевскаго направленія является *народничество*. Оно зародилось въ Грузіи въ 80-хъ гг. въ подражаніе русскимъ народникамъ съ тѣмъ отличіемъ, что вожаки этого новаго теченія оказались лицами малоподготовленными, недостаточно образованными, увлекшимися внѣшнимъ опрощеніемъ. Среди нихъ изрѣдка видимъ „кающихся дворянъ“, ищущихъ сближенія съ народомъ. Ряды народниковъ наполняютъ семинаристы крестьянскаго и духовнаго званія, близко стоящіе по своимъ воззрѣніямъ къ простому народу и безъ жертвъ отреченія отъ традицій и навыковъ щеголявшіе „мужичскимъ“ костюмомъ, простонародной рѣчью, пренебрежительнымъ отношеніемъ къ аристократіи и культурному классу. Народники презрительно относились къ дѣятельности поэтовъ-дворянъ, создавшихъ славу новой грузинской литературы, отрицали важность изученія исторіи и старины, провозгласили себя истинными руководителями защитниками интересовъ народа. Они зашли такъ далеко въ идеализаціи открытаго ими общаго строя врожденнаго ума, чистоты нравственныхъ устоевъ, глубины мысли и проникательности простого народа, что возлагали на него всѣ свои надежды, въ немъ одномъ искали источникъ возрожденія страны. Однако расчеты ихъ оказались лишенными всякой реальной опоры. Жизнь и литература при всѣхъ усиліяхъ народниковъ не только не расцвѣла, но замѣтно захирѣла въ связи съ общимъ реакціоннымъ движеніемъ; сельскіе банки и депо не посодѣйствовали благосостоянію народа.

Народники нашли пріютъ въ журналѣ *Имеди*, издаваемомъ *Михаиломъ Гургенидзе*. Онъ родился въ 1842 г., учился въ тифлисской семинаріи и московской духовной академіи. По возвращеніи на родину, былъ опредѣленъ инспекторомъ одишскаго духовнаго училища. Въ 1881 г. оставилъ службу и издавалъ журналъ *Имеди*, просуществовавшій всего два года. Умеръ въ 1885 г. ¹⁾ Бывшіе сотрудники *Имеди* впоследствии пріютились въ *Иверіи* кн. Чавчавадзе. Отъ его *Каѳіа-Адаміа-*

¹⁾ Не задолго до него скончался другой вожь грузинской прессы *Сергій Месхивъ*. Онъ родился въ 1847 г., учился въ Кутаисской гимназіи и на естественномъ факультатѣ петербургскаго университета, съ 1869 г. сталъ писать въ газ. *Дрозба* и вскорѣ (1870 г.) сдѣлался ея редакторомъ вмѣсто Г. Церетели. Онъ руководилъ этимъ періодическимъ органомъ до 1883 г., истратилъ всѣ свои матеріальныя и духовныя силы, тяжело заболѣлъ и долженъ былъ разстаться съ любимымъ дѣтищемъ. Умеръ онъ въ томъ же въ 1883 г. Публицистическія его статьи предположено издать отдѣльнымъ сборникомъ. Вышелъ уже 1 т., подъ ред. С. Пирхалава.

ни и *Разказа ницаго* ведутъ собственно начало грузинскіе народники, какъ русскіе беллетристы 60-хъ г.г. отъ „Шинели“ Гоголя.

„Мы всѣ вышли изъ-подъ гоголевской Шинели“, говорили о себѣ и о своихъ сверстникахъ Достоевскій. Грузинскіе народники могли бы сказать, что они вышли изъ-подъ Чавчавадзевоу пѣсни пахаря.

Николай Иосифовичъ Ломаури ¹⁾.

Онъ выступилъ на литературное поприще въ концѣ 70-хъ гг. Первыя пробы его пера (1872 г.), стихотворенія, относятся ко времени пребыванія его въ Кіевской духовной академіи. Направленіе его съ тѣхъ поръ остается неизмѣннымъ. Онъ началъ свою карьеру въ то время, когда въ Грузіи просыпался бытовое интересъ къ народу и зарождалось народничество. Молодое поколѣніе шло на встрѣчу нуждамъ крестьянской массы, открывало сельскія школы и ссудо-сберегательныя кассы, общественное депо и банки. Идея служенія народу охватила всѣ слои населенія. Вѣра въ чистоту нравовъ и врожденное благородство крестьянъ, превознесеніе несокрушимыхъ житейскими невзгодами достоинствъ народа привели къ идеализаціи патріархальнаго строя, основамъ котораго угрожали разлагающее вліяніе города, и настроеніе это отражалось въ газетныхъ статьяхъ и беллетристическихъ произведеніяхъ.

Къ числу беллетристовъ-народниковъ примыкаетъ Н. Ломаури, авторъ повѣстей и стихотвореній на гражданскіе мотивы.

При глубокомъ знаніи грузинской деревни и близкомъ знакомствѣ съ народнымъ бытомъ, его произведенія отличаются полною жизненностью и художественною законченностью; привлекательность ихъ усиливается тѣмъ, что авторъ блестящій стилистъ, образцовый знатокъ грузинскаго языка. Въ повѣстяхъ онъ затрогиваетъ тѣ стороны крестьянской жизни, которыя обрисовываютъ контрастъ между невѣжественнымъ міровоззрѣніемъ низшаго класса и его природными задатками ко всему прекрасному и возвышенному. Суевѣрія и предрасудки, экономическая необеспеченность и давленіе властей— вотъ тѣ враждебныя силы, которыя подрываютъ матеріальное благосостояніе и обусловливаютъ умственную усталость.

Въ журналѣ „Иверія“ (1879 г.) появилась его художественная повѣсть *Али* („Домовой“), въ которой живо и реально описывается судьба одной достаточной крестьянской семьи, разорившейся благодаря своему невѣжеству и суевѣрію, а также проискавъ сельскаго кулака, дьячка изъ дворянъ и сельскаго ростовщика.

Повѣсть „*Каджана*“ построена на популяризаціи идеи пагубныхъ послѣдствій невѣжественнаго состоянія народа. Героиня повѣсти, крестьянка Като, бойкая и умная дѣвочка, проказница и затѣйница дѣтскихъ забавъ, сдѣлалась виновницей несчастія своего любимаго ма-

¹⁾ Уроженецъ Горійскаго уѣзда, образованіе получилъ въ Тифлисской духовной семинаріи и Кіевской духовной академіи: нынѣ состоитъ преподавателемъ въ Закавказской учительской семинаріи.

ленького брата. Въ среду, на страстной недѣлѣ, когда зажигаются костры, чрезъ которые и старые, и молодые перепрыгиваютъ для очищенія отъ нечистыхъ силъ, въ ту ночь собирающихся на горѣ Ялбузѣ, она, передѣвшись въ овечью шкуру и надѣвъ на голову глиняный горшокъ, такъ напугала предъ тѣмъ воспаленнаго страшными разсказами о вѣдмахъ брата Симона, по прозванію Каджану, что онъ потерялъ способность и на нѣсколько лѣтъ онѣмѣлъ. По предсказанію гадальщицы родители отправляются помолиться въ церкви св. Георгія, построенной рѣчи на отвѣсной скалѣ, близъ деревни Сатаура. Въ жертву принесли барана, лили усердно слезы, въ особенности Като, но св. Георгій воли своей имъ не объявлялъ. Окрестнымъ жителямъ надоѣло продолжительное пребываніе семьи обѣднѣшаго и согнувашагося съ горя Кикола, дочь котораго Като вынуждена была выпрашивать у сельчанъ Сатауры пропитаніе, въ виду истощенія съ собой привезенныхъ запасовъ. Сатаурцы прибѣгли къ хитрости для избавленія села отъ этихъ невыгодныхъ богомольцевъ. Вечеромъ чрезъ небольшое окно церкви спустили во внутрь ея долго упрямившагося изъ страха мальчика, который вошедшему на поклоненіе образу св. Георгія Каджанѣ съ матерью Мареой крикнулъ: „уходите, уходите“! Мареа въ испугѣ попятилась назадъ, а поблѣднѣвшій Каджана въ ужасѣ предъ повелѣвающимъ „уходить“ святымъ, воскликнулъ: „горе мнѣ“! Эти вырвавшіяся подъ сильнымъ напоромъ взволнованнаго состоянія слова сломили печать молчанія Каджаны, онъ вновь заговорилъ, къ нему вернулась способность къ членораздѣльной рѣчи. Каджана опять послѣ мучительныхъ страданій отъ утратъ рѣчи становится душою товарищескихъ игръ, запѣваломъ своимъ звонкимъ голосомъ, оказываетъ наилучшіе успѣхи въ школѣ, имѣя конкурента только въ одной своей сестрицѣ Като, неразлучно его сопровождавшей въ дни его тяжелаго испытанія. Трогательная дружба брата и сестры, нѣжная преданность послѣдней Каджанѣ, скорбь которой она раздѣляетъ съ полной отвагой, что поражаетъ крестьянъ, составляетъ лучшую страницу въ повѣсти, правильно анализирующей психологическое состояніе онѣмѣваго и невольной виновницы постигшаго его несчастья.

Повѣсть *Судьба несчастныхъ* рисуетъ ¹⁾ другую сторону народнаго быта. Экономическія неурядицы, недостатокъ земли и оросительныхъ каналовъ служатъ канвою разсказа. Въ деревнѣ Горисдзира, выженной отъ палящихъ лучей лѣтняго солнца и утоляющей жажду у небольшого родника происходитъ ссора женщинъ изъ-за попытокъ внѣ очереди зачерпнуть студеной водицы. Невинная женская перебранка подготавливаетъ серьезное столкновеніе крестьянъ на почвѣ права пользования оросительными канавами для поливки виноградниковъ, погибающихъ отъ засухи.

Деревня Горисдзира идетъ во главѣ 28-лѣтняго крестьянина Гито и 25-лѣтняго дворянина Ваню, друга народа, на деревню Рике, которая заподозрѣна въ захватѣ въ канавѣ и той доли воды, которая

¹⁾ 3-е изд. вышло въ Тифлисѣ, 1889 г.

принадлежить горисдзирцамъ. При осмотрѣ оказалось, что весь запасъ воды былъ направленъ въ „княжескую канаву“. Крестьяне, считая захватъ воды незаконнымъ, самовольно отвели воду въ свою канаву. Тогда кн. Кона Хмамагалашвили рѣшилъ съ своимъ штатомъ слугъ отнять захваченную воду, но крестьяне не уступали и произошло столкновение. Пострадали съ обѣихъ сторонъ. Гито ударомъ лопаты въ голову ранилъ князя Реваза. Ваню былъ раненъ, Гито былъ весь въ крови, а старецъ Соломонъ былъ избитъ безпощадно. Столкновение это сопровождалось печальными послѣдствіями. Лицъ (молодого крестьянина Сосика, Нинику, старшину), въ моментъ борьбы покинувшикъ горисдзирцевъ, деревня рѣшила наказать тѣмъ, что зарѣзала у нихъ коровъ. Пострадавшіе Ниника, Сосика и старшина соединились съ кн. Коной и донесли властямъ о безчинствахъ, совершенныхъ толпою во главѣ Гито и Ваню. Эти главари были обвинены въ учиненіи мятежа и неблагонадежности, усугубленной тѣмъ болѣе, что Ваню организовалъ школу и собиралъ средства на открытіе сельскаго банка и общественнаго депо. Кн. Кона, вліятельный помѣщикъ, имѣющій связи съ знатными лицами, давно косился на дворянина Ваню, смѣлаго защитника интересовъ народа. Князь считалъ позорнымъ для дворянина входить въ близкія сношенія съ „подлымъ“ крестьянствомъ. Ваню же съ опасностью для своей жизни былъ всегда тамъ, гдѣ нужно было подать помощь крестьянамъ. Во время угрожавшаго ихъ благосостоянію и существованію сильнаго ливня, онъ энергично боролся съ стихійною силой и не мало лицъ вытащилъ изъ лачужекъ, наполнившихся горнымъ потокомъ. Этотъ дѣятельный человекъ былъ арестованъ и сведенъ въ могилу въ заточеніи, союзникъ его Гито сосланъ въ Сибирь, семья же послѣдняго разорена благодаря мщенію старшины.

Личность Ваню нѣсколько идеализирована, но черты его схвачены вѣрно. Въ 80 г., подъ вліяніемъ общественнаго движенія народился типъ дворянина—слуги народа, и Н. Ломаури правдиво закрѣпилъ его въ беллетристикѣ. Появившіеся въ журналѣ „Моамбэ“ его рассказы „Гито Грубалашаили“ и „Амиранъ о трехъ ногахъ“ не отличаются ни художественностью, ни глубиною замысла.

Въ 1904 г. въ „Моамбэ“ напечаталъ онъ рассказъ „Беруа Христесіашвили“, направленный къ прославленію патриархальныхъ устоевъ жизни. Въ большой семьѣ, состоящей изъ 22 душъ, Беруа является полновластнымъ хозяиномъ. Счастье и обиліе водворилось въ этой семьѣ благодаря тому, что она не распалась и работаетъ согласно подъ верховнымъ надзоромъ Берта. Разладъ въ семью вноситъ одинъ ея членъ, вернувшійся изъ Тифлиса съ замашками городского торговца-книто. Онъ приноситъ новые взгляды, выходитъ изъ подчиненія Беруа и угрожаетъ распаденіемъ мирному строю, завоеванному путемъ единодушнаго исполненія воли родоначальника. Въ этомъ сопоставленіи городскихъ тенденцій книто и родовыхъ устоевъ заключается идея рассказа, причемъ сочувствіе автора на сторонѣ старца Беруа (а не трудолюбиваго горожанина).

Въ повѣсти Арбоели (псевдонимъ Н. Ламаури) *Со вѣсхъ сторонъ* изображается картина разрушенія крестьянскаго благосостоянія стихійнымъ бѣдствіемъ. Добродушный сельчанинъ Андрей, готовый уплатить батюшкѣ за похороны ребенка, армянину Арутюну долгъ хлѣбомъ, при томъ его „бездонной мѣрой“, расчитаться съ евреемъ Самуэлемъ, возлагаетъ свои надежды на хорошій урожай. За нѣскольکو часовъ до урагана, уничтожившаго его посѣвы и виноградникъ, „вся равнина цвѣла и пестрѣла тысячью разныхъ отливовъ и оттѣнковъ, представляя дивно-прекрасную картину, чарующій праздникъ природы“. Андрей любитъся предънимъ открывающимся живописнымъ видомъ на величественныя вершины Кавказскаго хребта, откуда скоро поднимается буря съ ливнемъ и градомъ и разбиваетъ источникъ жизни въ прахъ и ничтожество. „Нашъ крестьянинъ настоящій силачъ, могучій великанъ, если только есть у него хлѣба да вина вдоволь! За то и превращается въ мокрую курицу, когда нѣтъ ни того, ни другого!—Пятьдесятъ лѣтъ живу на бѣломъ свѣтѣ,—продолжаетъ онъ,—и, клянусь тебѣ Всевышнимъ Богомъ, за все это время ни разу вблизи меня не оказывалось ни одного защитника и спасителя, когда надъ моей головой кружились не одинъ, а трое—четверо хищниковъ“. Но никогда онъ не возставалъ противъ *безбожныхъ грабителей*, не замышлялъ силой расправиться съ ними. „Нашъ братъ, крестьянинъ—работникъ на такія вещи не способенъ! Мало, развѣ, было случаевъ озлобиться! Но нынѣ! Слишкомъ ужъ мягкое у насъ сердце, словечка теплаго, ласковаго достаточно, чтобы разсѣять все наше недовольство и злобу“. Такъ идеализируетъ авторъ покорныхъ своей участи крестьянъ, однако предвидитъ надвигающуюся грозу, когда придется „смѣшать въ одну кашу мясо да кость“. Да теперь не прочно его спокойствіе духа: ливень, побившій все, вызываетъ отчаяніе и въ головѣ его роятся мучительныя мысли, какъ ему справиться съ государственными и земскими повинностями. Повѣсть эта внушена Н. Ломаури стихотвореніемъ кн. Р. Эристова *Тедуа* и проникнута теплымъ участіемъ къ неприглядной долѣ простолюдина.

Софроній Захаревичъ Мгалоблишвили.

Знатокъ народнаго быта и семинарскаго бурса, прекрасный чтець комическихъ сценъ изъ крестьянскаго быта, извѣстный авторъ юмористическихъ фельетоновъ (подъ псевдон. Гунцадзе), С. З. Мгалоблишвили занимаетъ видное мѣсто среди писателей послѣдней четверти прошлаго столѣтія. Уроженецъ Горійскаго уѣзда и воспитанникъ духовнаго учебнаго заведенія, онъ посвятилъ свои извѣстные рассказы изображенію быта Карталиніи и экономическихъ взаимоотношеній крестьянъ и помѣщиковъ, знакомить съ ихъ обычаями и вѣрованіями. Особенно тщательно и картинно онъ описалъ въ своихъ воспоминаніяхъ дикій школьный режимъ, грубые нравы и схоластическіе приемы обученія, царившіе въ духовныхъ училищахъ.

Симпатія автора на сторонѣ простаго народа, героевъ своихъ беретъ изъ среды низшей, крестьянства или мелкаго мѣстнаго

дворянства, приводит ихъ столкновение съ міроѣдами — кулаками и безжалостными помѣщиками и въ большинствѣ случаевъ заканчиваетъ описаніемъ торжества угнетенныхъ насиліемъ и обездоленныхъ судьбой надъ попирающими Божью правду и народную волю. Таковъ герой повѣсти „Цецо“, ночной погонщикъ быковъ изъ прекрасной деревни Д., но порабощенный издревле монахами Св. Гроба. Лексо Годердзапвили, по прозванію Цецо, пользуется среди крестьянъ славой неутомимаго работника; никто раньше его утромъ не поднимается, „на свѣтъ не найдется столь исправный погонщикъ“, отзывается объ немъ Залика Ахалкаца, дочь котораго Тамро служитъ предметомъ сердечныхъ вздыханій молодого Цецо. Но онъ сирота, сынъ бѣдной вдовы Нены и далекъ отъ идеала жениха, лелѣемаго матерью красавицы Тамро. Но счастливый исходъ грезъ Цецо обезпеченъ расположеніемъ къ нему Тамро, скромной 16-лѣтней дѣвицы, въ тайнѣ отъ родителей помышляющаго о своемъ героѣ. Но этотъ счастливый день сочетанія ихъ бракомъ все отдалается. Цецо проводитъ ночи на открытомъ полѣ среди другихъ погонщиковъ, развлекающихъ себя рассказами о домовыхъ и нечистыхъ силахъ, пророкъ Ильѣ, развѣзжающемъ по небу на огненной колесницѣ. Личное дѣло не поглощаетъ его всецѣло. Онъ посѣщаетъ крестьянкія сходки, первый поднимаетъ голосъ противъ намѣренія свято-гробскихъ монаховъ взимать повышенный сборъ податей съ своихъ имѣній, обрабатываемыхъ сельчанами. Онъ находитъ себѣ поддержку въ дворяннѣ Мито, получившемъ отъ отца разорившееся помѣстье и вступившемъ въ ряды защитниковъ крестьянскихъ интересовъ. Для борьбы противъ деревенскихъ кулаковъ Ешмакуршивили и Бгунцелашвили, Цецо и Миха составили заговоръ и прочили ихъ организованной противодѣйствующей силой. Пришлось имъ обоимъ отсиживаться въ тюремномъ заключеніи за протестъ противъ чрезмѣрныхъ поборовъ со стороны арендатора виноградниковъ. Но Цецо вышелъ не зараженнымъ гнусными рассказами арестантовъ о своихъ походеніяхъ. Онъ вернулся чистымъ къ своей невѣстѣ Тамро, свадьбу съ которой онъ отпраздновалъ при общихъ пожеланіяхъ счастья и взаимной любви.

Нельзя не отмѣтить нѣсколько совпадающихъ чертъ съ повѣстями Ломаури, а именно народныя суевѣрія, сближеніе обдѣнѣвшихъ дворянъ съ крестьянами, давленіе администраціи, томленіе героевъ въ темницѣ.

Изъ быта же крестьянъ заимствованъ сюжетъ рассказа „*Церевазе*“. Авторъ описываетъ шумные осенніе дни сбора винограда, заканчивающіеся экскурсіей по садамъ небольшой группы веселыхъ дѣвочекъ за собираніемъ остатковъ гроздьевъ. Съ этимъ стариннымъ обычаемъ грузинъ онъ связываетъ романическое сближеніе между пастухомъ Георгіемъ Рацмадзе и Ниной, дочерью состоятельнаго Гавріила Харебашвили. Они знакомы съ дѣтства, мечтаютъ о совмѣстной жизни, но скудость средствъ поклонника Нины служитъ непреодолимымъ препятствіемъ въ глазахъ ея отца, къ заключенію между ними брака. Одно обстоятельство ускорило рѣшеніе

этого вопроса: оскорбительныя для чести Нины слова недоучки-дворянина возбудили грозную вспышку въ Георгіи, преобразившемся въ глазахъ Нины въ достойнаго ея руки героя. Въ дождливую безлунную ночь она покидаетъ хату родителей и пробирается къ возлюбленному защитнику своей чести и здѣсь въ безумныхъ объятіяхъ они поклялись другъ другу въ вѣчной любви. Черезъ годъ Гавріиль Гаребашвили раскачивалъ на рукахъ своего внука—малютку, мать котораго Нина принимала живое участіе въ чисткѣ кукурузы.

Интересъ разсказа заключается въ характерной обрисовкѣ отличительныхъ чертъ строя большой грузинской семьи, Харебашвили, число членовъ которой доходило до 70 душъ. Авторъ сторонникъ организаціи семейныхъ общинъ, при которой матеріальная обезпеченность крестьянъ достигаетъ своего высшаго подъема. Аналогичная тема была затронута Н. О. Ломаури.

Другой разсказъ „Дисдалаши“ (Въ большой залѣ) ¹⁾ представляетъ рядъ картинъ изъ свѣтскаго общества, схваченныхъ наблюдателемъ во время танцевальнаго вечера. Типъ Лизочки, перезрѣлой дѣвицы, покинутой поклонникомъ, промѣнявшимъ ее на умственно-помѣшанную особу съ приданнымъ поста уѣзднаго начальника, очень ярко очерченъ; не менѣе характерна малообразованная дама—Анна, измѣняющая мужу съ Пахомомъ Прохоровичемъ только потому, что онъ русскаго происхожденія. Интересно княжна Нино Иманидзе, затрудняющаяся подъ гнетомъ предрасудковъ выйти замужъ за любимаго дворянина. Все это вѣрныя, но блѣдныя сцены изъ грузинской жизни.

Разсказъ *Деметрестъ—сахлоба* ²⁾ (Семья Дмитрія) примыкаетъ къ повѣсти Ардазіани „Соломонъ Меджгануашвили“. Герой разсказа г. Мгалоблишвили Казаръ Степановичъ, когда-то торговавшій жвачкой (кевой), благодаря плутнямъ объявилъ себя злостнымъ банкротомъ и простеръ руку на бѣднаго сапожника Деметре. Послѣдній нѣкогда веселый тифлисскій кинто, теперь перебивающійся въ уѣздномъ городкѣ, задолжалъ 50 руб. Казару и уплачиваетъ ему 30 руб. ежегодно въ видѣ процентовъ. Для его скудныхъ заработковъ оказалось непосильнымъ наложенное Казаромъ бремя,—онъ разорился, оставаясь предъ нимъ неоплатнымъ должникомъ. При видѣ судебного пристава, требующаго съ него въ счетъ 20 руб. серебряный поясъ, пріобрѣтенный въ годы беззаботной юности, Деметре вспылить, избилъ Казара и былъ привлеченъ къ отвѣтственности за его оскорбленіе дѣйствіемъ. Но повѣстка застала хладный трупъ Деметре. Его похоронили на добровольныя пожертвованія горожанъ. Такой путь преданія землѣ и называется „съ тарелкой на груди“. Жена его, Нене, осталась съ двумя сиротками. Долго она боролась съ нуждою,—пекла хлѣбъ, стирала бѣлье,—но едва зарабатывала на пропитаніе. Ея мальчикъ и дѣвочка вышли на улицу, собирали подаянія, совершали мелкія кражи, развращались бездушною толпой. Для спасенія дѣтей и для погашенія долга

¹⁾ Двѣ повѣсти С. Мгалоблишвили, изд. Гр. Кипшидзе, Тифлисъ, 1886.

²⁾ Изд. въ Гори Ир. Рамшвили въ 1889 г.

мужа Нене соглашается идти въ прислуги Казару. Но этотъ сладострастный старецъ, надругавшись надъ беззащитной вдовой, сдѣлалъ покушеніе и на честь ея малолѣтней дѣвочки. Невыдержала мать этого испытанія и отрубила топоромъ голову губителю ея семьи и чистосердечно призналась во всемъ на допросѣ у свидѣтеля.

Разсказъ написанъ сильнымъ языкомъ. Картины ненормальныхъ социальныхъ отношеній набросаны съ тонкимъ ихъ знаніемъ и противопоставлены чуднымъ описаніямъ природы равнодушной къ человѣку и его страданіямъ. Типы маленькаго воришки Тунія, сына Деметре, впоследствии еще ярче были воспроизведены талантливымъ молодымъ беллетристомъ М. Адамашвили въ разсказѣ „Чанчура“.

С. Мгалоблишвили любитъ писать небольшія сцены, выхваченныя непосредственно изъ жизни. Таковы его путевыя замѣтки („Въ вагонѣ“). Любопытнѣе его „Воспоминанія“ (Моамбэ 1899 и 1900 гг.), въ которыхъ онъ знакомитъ насъ съ школьными дореформенными порядками, предпославъ картину состоянія образованности 50-хъ гг. въ эпоху расцвѣта крѣпостнаго права, которое онъ окрашиваетъ въ идеальный колоритъ. Въ лицѣ Едишера Гегелашвили онъ характеризуетъ патріархальныя отношенія дворянства къ крѣпостнымъ, а въ борьбѣ народа съ Гигола Гуліашвили обрисовывается торжество массы, жизнь которой является продуктомъ исторически сложившихся условій Грузіи.

Разсказы С. Мгалоблишвили: „Мать Маіа“, „Мевеле“, „Гуди“, „Злой духъ горъ“, („Иверія“, 1886 г.), „Мевеле“, „Картина изъ народной жизни“, „Воръ Какиты“, „Разсказъ“ („Нобати“ 1884 г.), „Коровушка Тиніи“ („Джеджили“, 1809), „Первая кровь“, „Новогодній разсказъ“ (въ „Цноб. Пурц.“) съ прекраснымъ изложеніемъ новогоднихъ обычаевъ представляютъ огромный этнографическій интересъ и даютъ обильный матеріалъ для изученія грузинъ въ бытовомъ отношеніи.

Важа-Пшавела (Лука Разикашвили).

Важа-Пшавела, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и популярныхъ современныхъ грузинскихъ поэтовъ.

Родился онъ среди сѣдыхъ гребней величественнаго Кавказа и сталъ пѣвцомъ его торжественной красоты. Блуждая вслѣдъ за своимъ крошечнымъ стадомъ бѣлоснѣжныхъ овецъ, по причудливымъ горамъ, онъ съ ихъ заоблачныхъ высотъ взиралъ на разстилавшійся у ногъ его Божій міръ и, уносясь мысленно въ изумрудную высь, „вель бесѣду съ Творцомъ вселенной“. Горный хрустальный ручеекъ утолялъ въ жаркій знойный день его жажду, душистыя фіалки окружали его своимъ благоуханіемъ, стаи разношерстныхъ птичекъ съ неумолкаемымъ чирканьемъ носились надъ его головой, гордый туръ, закинувъ свои вѣтвистые рога, услаждалъ его взоры ловкими прыжками со скалы на скалу, робкій заяцъ, мелькнувъ, торопливо исчезалъ за опушку лѣса, не

разъ дѣлаясь лакомою добычей хищнаго съ зелеными кровожадными глазами орла. Это разнообразіе птицъ, звѣрей и красотъ природы, среди пустынной тишины, рѣдко нарушаемой человѣческой рѣчью, развивается въ чуткомъ созерцателѣ тонкое пониманіе чудесной гармоніи мірозданія, воспитываетъ въ немъ художественный даръ проникновенія въ неразгаданную жизнь неодушевленной твари и открываетъ магическій ключъ къ таинственному языку страданій и радостей безсловесныхъ существъ.

И этотъ даръ обрѣлъ грузинскій поэтъ Лука Разикашвили, извѣстный читателямъ подъ псевдонимомъ Важа-Пшавела ¹⁾.

Втеченіе почти двадцати пяти лѣтъ (онъ началъ писать въ 1881 г.), составляющихъ половину его жизни, Важа-Пшавела внесъ въ грузинскую литературу столько освѣжающихъ струй и своеобразнаго колорита, что онъ по справедливости занимаетъ въ ней почетное и видное мѣсто. По первымъ пробамъ его пера (1881—1885 гг.), рабски воспроизводящаго переводы изъ русскихъ поэтовъ, трудно было предугадать въ немъ будущаго виртуознаго автора такихъ произведеній, основой которыхъ служатъ священныя традиціонныя сказанія отцовъ или непосредственное художественное творчество, съ неподражаемой кистью воспроизводящее сцены и картины горной природы. Но уже въ 1884 г. въ дѣтскомъ журналѣ *Нобати* онъ дебютировалъ тепло написанной повѣстью: „Разсказъ маленькой лани“, открывающей длинную серію его чудныхъ этюдовъ изъ животнаго и растительнаго міра. За нимъ послѣдовали въ *Иверіи* за 1886—1887 гг. поэмы подъ заглавіемъ „Воспоминанія старца“ и „Гоготуръ и Апшина“, обнаружившіе въ поэтѣ близкое знакомство съ оригинальнымъ бытомъ пшавъ—хевсуровъ, съ ихъ живыми завѣтами и идеалами, восходящими къ временамъ ихъ героической борьбы съ окружающими горцами и къ славной эпохѣ царя Ираклія грузинскаго. Эти поэмы выдвинули Важа-Пшавела въ первый рядъ лучшихъ грузинскихъ писателей и упрочили за ними имя пѣвца народныхъ думъ и вѣрованій.

Та среда, вдохновеннымъ выразителемъ которой является Важа-Пшавела, живетъ еще архаическими понятіями и патриархальными воззрѣніями. Здѣсь продолжаютъ царить своеобразныя, сложившіеся въ отдаленныя времена, взгляды на дружбу и любовь, господствуетъ священный обычай гостепріимства и религіозная обязанность кровной мести; пестрые отголоски языческихъ представленій—вѣра въ чародѣйство и геніевъ зла—органически слились съ христіанскимъ вѣроученіемъ, природа въ народныхъ пѣсняхъ рисуется властной, одухотворенной богиней, то враждебно, то благосклонно настроенной къ смертнымъ существамъ. Жизнь пшавовъ и хевсуръ течетъ по завѣтамъ предковъ и регулируется обычаями старины. Высшая законодательница и руководитель-

¹⁾ Нѣкоторыя изъ сочиненій изданы въ Тифлисѣ въ 1897, 1898 и 1899 гг. Большая часть его произведеній печаталась въ *Иверіи*, *Моамб.*, *Джеджели*, *Цнобистъ-Пурцели* и *Квалі*. Авторъ ихъ кончилъ курсъ въ Закавказской семинаріи и короткое время состоялъ сельскимъ учителемъ.

ница ихъ—община или „теми“, каждый членъ ея связанъ долгомъ безпрекословнаго подчиненія интересамъ родины, измѣна которой влечетъ проклятіе служителей Св. Георгія, изгнаніе и лишеніе могилы на родномъ кладбищѣ—самая суровая кара для провинившагося горца. Истлѣвать на чужой сторонѣ, безъ слезъ и участія сородичей, это такая казнь, которая сопровождаетъ въ вѣчную загробную жизнь горца,—продолженіе земнаго существованія. По представленію грузинъ, душа нуждается тамъ въ пропитаніи и молитвахъ, приносимыхъ за покойника оставшимися въ живыхъ. Отвага и мужество, неустрашимость въ борьбѣ съ врагами, отчаянная смѣлость, граничащая съ безуміемъ составляютъ высшее, можно сказать, единственное достоинство, доставляющее носителю этихъ качествъ почетъ и уваженіе въ общинѣ, неувядаемую славу въ потомствѣ. Трусость и безсиліе горца, бѣгство съ поля битвы и эгонистическая самозащита покрываетъ его имя несмываемымъ позоромъ сородичей, презрѣніемъ женщины и ядовитымъ воспоминаніемъ озлобленнаго сатирика-обличителя въ народныхъ пѣсняхъ.

Проникнуть въ оригинальную сферу возрѣній и нравовъ горцевъ, войти въ ихъ душевный міръ, усвоить ихъ примитивное мышленіе и раскрыть ихъ чувствованія и впечатлѣнія, служить цѣлью и содержаніемъ творчества Важа-Пшавела. Самъ горецъ по происхожденію, и воспитанію, живущій привычками, свойственными пшавамъ и хевсурамъ, пастухъ и земледѣлецъ по занятію, Важа-Пшавела, какъ А. М. Казбекъ, былъ поставленъ въ выгодное положеніе для ознакомленія грузинскихъ читателей съ поэтическимъ уголкомъ Кавказа, остающимся до нихъ странною почти невѣдомою. Природныя его дарованія, личные опыты и наблюденія оказали ему содѣйствіе въ наиболѣе совершенномъ достиженіи намѣченной цѣли.

Его произведенія могутъ быть сопровождены двумя эпитафиями. Одинъ изъ нихъ зоветъ къ неустанной борьбѣ за родину и со всѣми житейскими невзгодами, другой заключаетъ въ себѣ грустное размышленіе о неосуществимости идеала добра и красоты, о вѣчномъ искаженіи ихъ прикосновеніемъ человѣческой руки. Помимо поэмъ, эти два основныхъ тона творчества Важа-Пшавела, слышатся въ мелкихъ его стихотвореніяхъ и прозаическихъ разсказахъ. О первомъ изъ нихъ можно судить по пѣснѣ въ переводѣ, близкомъ къ оригиналу.

Точи, точи, другъ свой кинжалъ,
 Ужъ на горѣ, злой недругъ стальъ.
 Онъ разобьетъ насъ, покорить,
 Страну родную разорить.
 Точи, точи-же свой кинжалъ,
 Такъ, чтобъ онъ головы снималъ,
 Чтобъ удалось его въ борьбѣ
 Въ крови врага омыть тебѣ.
 Вотъ на дорогѣ пыль взвилась,
 Проклятые идутъ на насъ,

И скоро выстрѣлъ прозвучить
 И дымъ окрестность *омрачить*.
 Страну родную разорять,
 Сестру въ слезахъ покинетъ братъ.
 Точи, точи-же свой кинжалъ,
 Такъ, чтобъ онъ кости разрубалъ.
 И милость Божья озарить
 За родину поднятый щитъ.
 Вотъ твой кинжалъ—ужь освященъ
 Тамары поцѣлуемъ онъ.
 Такъ ободрись, братъ, не робѣй,
 Иль-ты колеблешься? Смѣлѣй!
 Вѣдь лучше разомъ умереть,
 Чѣмъ горе на землѣ терпѣть.
 Какъ быть? Грудь ноетъ и моя,
 Хотя скелеть давно ужь я.
 Лежу безъ силъ, въ землѣ зарыть,
 Землей тяжелою покрыть,
 Душа же къ Богу отошла,
 Тамъ, гдѣ звѣздамъ нѣтъ числа.
 Но память о странѣ родной—
 Все здѣсь, погребена со мной.
 И образъ родины моей
 Все не идетъ съ моихъ очей,
 Да какъ царь Ираклій не забылъ,
 Какъ иверійцевъ онъ любилъ.

Отточенный кинжалъ для горца такой-же незаблемый символъ стойкости и рыцарской чести, какъ масличная вѣтка—символъ мира и покоя. Стѣсненные въ горахъ, разноплеменные народы, находящіеся въ вѣчной борьбѣ за существованіе, съ раннихъ лѣтъ приучаются владѣть оружіемъ и пылать жаждой геройской славы. Боевыя пѣсни о подвигахъ предковъ питаютъ воображеніе и энтузіазмъ молодаго поколѣнія, воскрешая длинной вереницей имена закаленныхъ въ битвахъ воиновъ, воспитанныхъ въ тѣ былыя времена, когда „свистъ и шипѣніе пули звались колыбельной пѣсней“.

Объ этой незабвенной эпохѣ хранить благоговѣйное воспоминаніе старецъ въ вышеназванной поэмѣ Важа-Пшавела. Это было время кроваваго нашествія на Грузію Ага-Магометъ-Хана, шаха персидскаго въ 1795 г. Къ истокамъ Арагвы, въ центръ пшавскихъ общинъ, Жинвапи, пришла грустная вѣсть отъ царя Ираклія объ опасности, грозящей Тифлису. Подъ звуки воинскихъ трубъ поспѣшно собираются вѣрные пшавы, закованные въ желѣзные панцири и шлемы, во главѣ убѣленного сѣдинами хевисбера, совмѣщающаго обязанность жреца и военачальника. Стройно и бодро несутся пшавы на копяхъ, воодушевленные желаніемъ

узрѣть обожаемаго царя, „старога орла“, сражаться рядомъ съ нимъ и за него, поклявшись биться съ врагомъ до послѣдняго вздоха. Опечаленный видъ царя не понижаетъ ихъ энергіи,—они вѣрятъ въ его счастливую звѣзду. Настала часъ ихъ испытаній. Грузины, какъ львы, дрались съ персами въ Крацинской битвѣ, подъ знаменемъ святаго креста съ тучей персидской орды и пали въ неравной борьбѣ, напоенные кровью врага. Ихъ кости нынѣ укрываетъ земляной курганъ, надъ которымъ „мѣсяць свысока льетъ горячія слезы, стонуть еще видѣвшіе ихъ храбрость окрестныя горы“. Среди павшихъ былъ поднять пастухомъ смертельно раненый юный пшавъ, который впоследствии на склонѣ лѣтъ въ назиданье безпечному потомству сообщаетъ поэту, воспоминанія о быломъ.

Идеаль современныхъ-грузинъ горцевъ остался позади. Пышный расцвѣтъ ихъ физической мощи совпадаетъ съ эрой царствованія Ираклія II-го. Съ его именемъ связанъ неисчерпаемый запасъ преданій и гѣсенъ. При немъ подвизается богатырь съ „железнымъ сердцемъ“, пшавецъ Гоготуръ, неустрашимый, неумолимый, безпощадный въ пылу разгоряченнаго сраженія. Это—герой, воплощающій идею правдивости, доброты и честности. Онъ испытываетъ скуку отъ бездѣлія во время мира или пребыванія при царскомъ дворѣ, въ городской суетѣ, его не удержи-мо влечетъ въ горы, къ вольному дуновенію вѣтерка, ближе къ всевышнимъ ангеламъ, покровителямъ его родины.

Въ противоположность Гоготуру рисуется Апшина—хевсуръ по происхожденію, отъявленный разбойникъ, грабящій всѣхъ на открытой дорогѣ, безъ искры сознанія постыдности своего ремесла. Исторія столкновенія альтруиста пшава съ эгоистомъ хевсуромъ составляетъ содержаніе поэмы. „Гоготуръ, рыцарь безупречный, восемь мечей притупившій въ борьбѣ, цѣлью жизни поставившій“ себѣ геройскіе подвиги, поддается демошскому внушенію жены и опоясывается кинжаломъ, чтобы „насилемъ приобрести богатство“, ограбить кистина или хевсура, въ глухую ночь при опасномъ поворотѣ, въ темныхъ ущельяхъ горы. Здѣсь въ самомъ началѣ весны, когда фіалки бархатнымъ ковромъ одѣли склоны горъ, по сочной зелени показались рогатые олени, а надъ взбушевавшейся Арагвой, протирающей глаза отъ зимняго сна, стаями понеслись вольныя птицы, на воропомъ конѣ летитъ Апшина, непобѣдимый хевсуръ, соперникъ пшава Гоготура. Встрѣча ихъ грозитъ „столкновеніемъ двухъ снѣжныхъ заваловъ“. Но Гоготуръ прикидывается жалкимъ, робко уступаетъ Апшинѣ по первому его желанію свой щитъ, кинжалъ и уздечку коня въ знакъ своей полной покорности.

Но въ тотъ моментъ, когда Апшина уже пришпорилъ своего коня, Гоготуръ зычнымъ голосомъ останавливаетъ его, снимаетъ всадника съ коня и обезоруживаетъ смѣлаго абрека. Эта стычка между двумя прославившимися витязями пшавовъ и хевсуровъ, доставившая Гоготуру торжество надъ Апшиной, заканчивается побратимствомъ, дружескимъ союзомъ. Помѣрившись силой и оцѣнивъ взаимно достоинства против-

ника, по обычаю они соскоблили съ серебрянной оправы своихъ кинжаловъ въ рогъ, наполненный виномъ, и выпивъ его при торжественномъ произнесеніи клятвы, они стали вѣчными друзьями и преданными братьями. Клятва Апшины гласила: „Живи, Гоготуръ, пока небо даетъ росу, солнце грѣетъ землю, пока лѣсъ покрывается листьями, а земля травой, пока муравей на спинѣ принесетъ соли изъ Тифлиса въ горы и правильной чередой идетъ смѣна вечера и утра. Да будетъ твоимъ покровителемъ крестъ Лашарскій“. Апшина съ своей стороны пожелалъ всѣхъ благъ Гоготури, закончивъ клятву молитвеннымъ воззваніемъ къ Богу о сохраненіи ихъ братской дружбы.

Побратимство ихъ сопровождалось однимъ характернымъ въ жизни горца послѣдствіемъ. Апшина въ горести сердца перенесъ страшную болѣзнь, и, оправившись отъ нея, онъ коня и оружіе раздаетъ другимъ, а самъ посвящаетъ себя Хахматскому кресту, ставъ его служителемъ.

Въ день праздника Хахматскаго Георгія онъ въ роли хевистъ-бери, жреца, благословляетъ народъ, призывая на него побѣду надъ врагомъ. А ночью, говорятъ, слышится плачевная его рѣчь сквозь слезы: „увь, герою, живымъ себя похоронившему!“ Такъ Апшина, не снесши позора пораженія, нанесеннаго ему Гоготуромъ, отрекся отъ награбленнаго состоянія, и посвятилъ себя Богу, въ званіи деканоза, духовнаго лица у хевсуръ. Затаивъ въ глубинѣ сердца и бессильную злобу, и беспросвѣтную тоску, и ничѣмъ необлегчаемую горестъ, въ день одного изъ многолюдныхъ мѣстныхъ праздниковъ, онъ смиренно и трогательно благословляетъ собравшійся народъ, который въ немъ пересталъ узнавать прежнюю грозу запоздалыхъ путниковъ.

Въ поэмѣ „Алуда Кетелаури“, воспроизводящей жизнь хевсуровъ, предъ нами развертывается сцена ихъ борьбы съ кистинами, съ вождемъ послѣднихъ, грабителемъ Муцалой. Алуда, защитникъ хевсуровъ, сразивъ противника послѣ трехкратнаго обмѣна стрѣлами, великодушно отказывается отрѣзать у него правую руку, по принятому обычаю, какъ трофеемъ побѣды. Но эту проявленную имъ жалость къ побѣжденному врагу ставятъ ему въ упрекъ на роднѣ, Шатали, мѣстечкѣ, покрытомъ „скалистымъ небомъ“, выражаютъ обидное для самолюбія открытаго бойца сомнѣніе въ его побѣдѣ и подозрѣваютъ его въ позорномъ бѣгствѣ. Провѣрить показаніе Алуды отправляется его другъ, Миндія, не менѣе его популярный герой. На разсвѣтѣ, озолотившемъ вершины горъ, въ дальнемъ туманѣ, показывается стройный всадникъ — Миндія, который ѣдетъ не только съ удостовѣреніемъ въ томъ, что Алуда правъ, но подносить ему въ присутствіи хевсуровъ и правую руку кистина. При видѣ этого трофея, сердце Алуды наполняется жалостью: онъ проситъ убрать руку молодого противника, изуродованіе котораго не соотвѣтствовало его намѣреніямъ. Напрасно волнуются хевсуры, что Алуда нарушаетъ древній обычай,—онъ и впредь отказывается побѣжденнаго соперника лишать правой руки. Но онъ идетъ дальше въ проявленіи мягкости и любви къ врагу. Къ почитаемому жрецу Гуданскаго креста

онъ благоговѣнно подводитъ барана и просить служителя св. Георгія помолиться за опозореннаго кистина. Хевись-бери (жрецъ) Бердія возмущенъ святотатственнымъ поступкомъ Алуды, ставшаго на путь дьявола. Алуда не внемлетъ его наставленіямъ и получивъ рѣшительный отказъ за некрещеннаго принести жертву, самъ обнажаетъ кинжалъ и закалываетъ жертвенное животное. Оскорбленіе священныхъ завѣтовъ и древнихъ обычаевъ навлекаетъ при звукахъ колокольчиковъ знамени св. Георгія проклятіе жреца на Алуду: онъ отвергнуть отъ общины, семья его внѣ покровительства законовъ, имущество обречено на разграбленіе, Миндія безсилеиъ защититъ своего друга; рука кистина, представленная имъ, брошена хевись-беромъ, который своимъ уклоненіемъ дотронуться до нея, доказываетъ справедливость гнѣва, разразившагося на Алуду. А онъ, въ сопровожденіи плачущей жены, дѣтей и матери, лишенный всего—и состоянія, и защиты сородичей,—бросаетъ прощальные взоры на могилы предковъ и повинуюсь рѣшенію общины, покидаетъ ее и отправляется въ скитаніе, послѣдній разъ помолившись св. кресту Гуданскому.

Такъ наказуется всякое проявленіе самостоятельности, не исключая и челоувѣколюбія, идущей въ разрѣзъ съ старинными нравами. Суровая кара постигаетъ всѣхъ, кто профанируетъ религію, притѣсняетъ народъ, оскорбляетъ его чувства нравственности и достоинства. Идея возмездія за уклоненія отъ добра и красоты выражена въ старинныхъ сказаніяхъ и пѣсняхъ пшавовъ и хевсуровъ. Важа-Пшавела пользуется узорчатой канвой народнаго творчества для художественнаго воссозданія вѣчно юныхъ и осмысленныхъ легендъ и преданій. Таковы его поэмы: „Копала и Бахтріонъ“.

Копала ¹⁾, святой мужъ, по воззванію „сыновъ божіихъ“ вступаетъ за пшавовъ, которыхъ угнетаютъ чудовища — дэви, злые духи, скрывающіеся днемъ и рыскающіе ночью по дебрямъ и топямъ... Они живутъ въ высокихъ башняхъ, пьютъ челоувѣческую кровь, торжествуютъ побѣды надъ людьми. Было время, когда дэвы стали полными владыками міра: рѣки и ручейки были въ ихъ власти, по ихъ реву исчезали съ неба облака и дождь ужъ не поливалъ засохшіе цвѣты на поляхъ, птички перестали пѣть, и казалось все „и любовь и нѣжныя фіалки—въ нѣкогда царственной природѣ сдѣлались достояніемъ смерти“. Пшавы недоумѣваютъ и скорбятъ душою, что Господь послалъ на нихъ тяжелое испытаніе и землю отдалъ въ удѣлъ и поношеніе озлобленнымъ дэвамъ.

Въ это-то время всеобщей горести, мрака и заустѣнія, провѣдавъ о народныхъ бѣдствіяхъ, Копала, посѣдѣлый монахъ всевышнимъ духомъ вызванъ на борьбу, сопровождаемый солнечнымъ блескомъ и сіяньемъ двадцати мѣсяцевъ. Вооруженный стрѣлой, онъ истребилъ страшныя чудовища, скатывающія на заступника рода челоувѣческаго

¹⁾ Сказочный сюжетъ легъ въ основу поэмы *Муцела*, въ которой участвуютъ „дэви—чудовища“ („Квали“ 1896 г. №№ 42—48)

огромныя скалы и деревья. Онъ самого Бегешу вождя дэвовъ, сто разъ превосходящаго Копалу, силою крестнаго знаменія обращаетъ въ прахъ, въ которомъ роется тьма насѣкомыхъ. Съ тѣхъ поръ вновь раздался громъ, полилъ освѣжающій дождикъ, утро торжествуетъ надъ сумерками, день надъ ночью и тучи, съ разныхъ сторонъ слетающіяся, отдыхаютъ на вершинахъ горъ. Народное сказаніе добавляетъ, какъ Копала вывѣдываетъ отъ одного бѣлаго дэва, что злыхъ духовъ легче всего перебить, когда тѣнь деревьевъ выпрямилась и они, пообѣдавъ, пьютъ опіумъ и ложатся спать. Копала воспользовался совѣтомъ и истребилъ враговъ съ помощью архангела. Вмѣстѣ съ Яхсартомъ сталъ почитаемымъ святымъ среди пшавовъ.

Бахтріонъ—историческая поэма. Въ основѣ ея лежитъ смутное воспоминаніе о событіи, относящемся къ эпохѣ мусульманскаго владычества въ Грузіи. Народная фантазія разукрасила отголосокъ достовѣрнаго факта участіемъ юной женщины, вооружившейся за освобожденіе родины отъ позорнаго ига. Все мужское населеніе Кахетіи близъ Бахтріонской крѣпости пало въ борьбѣ съ татарами. Остались однѣ матери, „грудь которыхъ будутъ сосать лишь ядовитые змѣи“. Жена Беридзе-Саната Апхушаури похоронила мужа и семь сыновей, павшихъ за честь родины. Святыни остались безъ жертвъ и молитвъ. Общій вопль и плачь раздражаютъ сердца малышей. Персы носятся по странѣ, совершая безчинства и насилья надъ беззащитнымъ населеніемъ.

Въ этотъ тяжелый моментъ, на помощь Кахетіи собираются тушины во главѣ славнаго витязя Зезва, за ними выступаютъ пшавы и хевсуры, предводительствуемые почтеннымъ старцемъ „деканозомъ“ Лухумомъ, съ явнымъ намѣреніемъ мстить за оскверненіе алтарей, у которыхъ святотатственно хозяйничаютъ муллы „Магомета“. Запрошенный чрезъ прорицателя св. Георгій не только одобряетъ ихъ намѣреніе, но и обѣщаетъ незримое соучастіе въ походѣ.

Воодушевленные прорицателемъ воины осаждаютъ Бахтріонъ, куда тайно и самоотверженно проникаетъ красавица Лелія, дочь плѣненной пшавки, вмѣстѣ съ несокрушимымъ горцемъ Квиріа, который объявляетъ, что онъ Лелію приноситъ въ даръ персидскому шаху на самомъ же дѣлѣ имѣетъ въ виду открыть ворота крѣпости спасителямъ страны, съ тѣмъ, чтобы самимъ пасть жертвой негодованія обманутыхъ враговъ. Бхтріонъ взятъ. Соединенныя силы горцевъ одержали блестящую побѣду надъ персами. Лухумъ, смертельно раненый, получаетъ чудеснымъ образомъ исцѣленіе: его раны лижетъ волосатая змѣя и высасываетъ изъ нихъ гной и матерію. Такъ, исполненнаго благодатью старца и жреца Лухума опекаетъ и лѣчитъ змѣя, смѣнившая свое жало на цѣлительный бальзамъ.

Предложенный пересказъ „Бахтріона“ не даетъ никакого представленія о тѣхъ истинно-художественныхъ красотахъ и тепломъ чувствѣ, которыми исполнена поэма Важа-Пшавела. Возвышенный стиль, мѣстами переходящій въ мягкій лирической тонъ, рельефное живое воспро-

изведеніе картинъ горной природы, тонкое пониманіе народнаго сердца и способность извлечь изъ тайниковъ души свѣтлые алмазы любви и непрочности поднимають это произведеніе, къ сожалѣнію, не существующее въ переводѣ въ уровень съ великими міровыми поэтическими созданіями. Самобытность метафорическаго языка, роскошная палитра красокъ для отгѣненія всѣхъ нюансовъ явленій физическаго и нравственнаго міра, полное перевоплощеніе поэта въ коллективную фигуру массы—все это сообщаетъ Бахтріону неотразимую прелесть и волшебную красоту. Иллюстрируемъ свои слова небольшимъ отрывкомъ, далеко не составляющимъ лучшее мѣсто въ поэмѣ.

Разсвѣтало—теряла заря въ небесахъ,
 Постепенно свой блескъ угасая..
 Ахъ, когда-бъ все прекрасное число въ лучахъ,
 Ту-же участь на свѣтѣ встрѣчая,
 И угаснувъ сегодня въ сіяньи лучей,
 Завтра къ утру бы вновь оживало
 И опять въ полной силѣ и мощи своей,
 Предъ глазами людей возставало!
 Ахъ, когда-бъ загорѣвшись въ душѣ чьей нибудь,
 Божья искра не гасла-бы вѣчно,
 А случайно погаснетъ,—пусть снова-бы грудь
 Загорѣлась...—и такъ безконечно!..
 Въ комъ божественный вѣчный огонь никогда
 Не горѣлъ, тотъ страшнѣе скелета:
 Онъ прикованный къ трону изъ чистаго льда,
 Ни тепла не узнаетъ, ни свѣта!

(Пер. Иванъ-да-Марья).

Поэма открывается оригинальною картиною одухотворенія природы, въ жанрѣ повышеннаго импрессионизма: „День накинулъ на себя покрывало, горы сомкнули глаза. Перестали стонать въ могилахъ кости облитыхъ кровью героевъ. Вѣтеръ рыдаетъ. Облака словно въ страшномъ смятеніи лютуютъ „алазанскими“¹⁾ ручьями слезы, не облегчающія ихъ сердца. Склоны и груди горъ омылись и разцвѣли. Все оживилось. Небу грозитъ глубокая ложбина и взбушевавшійся родникъ. Наполнились колокомъ сосцы горъ, неисчерпаемо молочныхъ. Привѣтствую васъ, выси горъ, несу вамъ поздній мой поклонъ, пусть вашъ можжевельникъ и коверъ украсятъ мой могильный холмъ.

Темень день... какъ легкой дымкою одѣлись горы
 Туманной пеленой сиреневыхъ тѣней.—
 Святая тишина царитъ кругомъ!.. Безсилны взоры
 Понять игру заката меркнувшихъ лучей...

¹⁾ Алазань—рѣка въ Кахетин.

Въ могилахъ дорогихъ, облитыхъ солнечнымъ закатомъ,
 Покойно кости спятъ героевъ, проливавшихъ кровь:
 Намъ память ихъ свята и праха каждый атомъ
 Намъ святъ... О, если-бы они рождались вновь!..

Со стономъ ужаса рванулась грозно буря съ моря,
 Изъ тучъ на землю хлынули потоки слезъ,
 И плачеть безконечно грустный вѣтеръ,—это горе
 О тѣхъ, кто въ жертву родинѣ всю жизнь принесъ.

Утесы горь; по скатамъ ихъ несутся съ шумомъ воды,
 Кипятъ ручьи,—ихъ шумъ угроза небесамъ...

А вдалькѣ вершины бѣлыхъ горъ, какъ символы свободы,
 И радуга по небу меркнувшимъ краямъ...

Ты, колыбель моя, вершина вѣчно снѣжныхъ горъ,
 Уступы горныхъ скалъ, ревушіе потоки,
 Небесъ лазоревыхъ святой загадочный просторъ!

—Вамъ запоздалый шлю привѣтъ, скиталець одинокій...

(Пер. Ник. Боголюбова).

Подобною-же поэтичностью и широкимъ размахомъ кисти отличается поэма „Этери“, построенная на канвѣ народнаго сказанія. Сущность сказанія заключается въ томъ, что красавица Этери терпитъ гоненія отъ своей злой мачехи. Но судьба посылаетъ несчастной сироткѣ неожиданное счастье. Разъ во время охоты царевичъ Годердзи встрѣчаетъ ее, пасущую стада овецъ и коровъ на склонѣ горы, въ тѣни развѣсистаго чинара. Царевичъ такъ ошеломленъ сіяніемъ въ ней божественной красоты, огонь любви овладѣлъ съ такой силой, что послѣ продолжительной бесѣды и нѣжныхъ изліяній онъ склонилъ ее стать его подругой жизни, обѣщавъ забыть разность общественнаго ихъ положенія, поклявшись ей въ неизмѣнной преданности. Однако, царь, пылкое увлеченіе сына и неравный бракъ, заключенный безъ согласія родителей, встрѣтилъ съ явной непріязненностью. Онъ караетъ наслѣдника престола и переводитъ его въ отдѣльное помѣщеніе. Мать-царица, какъ существо мягкое и женственное, не произнесла проклятія и предостерегла только сына, чтобы онъ остался вѣренъ данному невѣстѣ слову. Царь, въ лицѣ визиря Шере, имѣетъ сподвижника въ замыслахъ противъ юной четы. Изъ чувства зависти и ревности, Шере обращается къ живущей въ пустынной пещерѣ, среди злыхъ духовъ, черной колдунѣ за волшебнымъ лѣкарствомъ и, продавъ ей свою душу, получаетъ горсть проса. Свойство проса заключалось въ томъ, что достаточно было обсыпать имъ Этери, какъ нѣжное тѣло ея покрылось мириадой неистребимыхъ вшей и червей. Красавица исхудала; глаза впали, вся растаяла, какъ свѣча, но царевичъ съ нею не разставался, просиживая съ нею дни въ высокой башнѣ. Этери горестно вспоминаетъ, какъ она, считая себя недостойной, уклонялась отъ предложенія Годердзи при первой встрѣчѣ слѣдовать за нимъ и просить отпустить ее вновь на трудовую жизнь и вольныя

сельскія работы. Ничто, однако, царевича не охлаждает въ его горячей привязанности къ судьбою преслѣдуемой красавицѣ. Скорбь и тоска отразились только на его физическихъ силахъ,—онъ разстроилъ здоровье, лежитъ уже на смертномъ одрѣ. Всѣ средства спасти его оказались тщетными. Онъ умираетъ и вмѣстѣ съ нимъ отдаетъ душу Богу его возлюбленная Этери, ни на одинъ мигъ не сдѣлавшаяся достояніемъ Шере, который отъ колдуньи былъ обезпеченъ какъ лѣкарствомъ ея гибели, такъ снадобьемъ для ея излѣченія отъ пагубныхъ насѣкомыхъ. Въ отчаяннн Шере ослѣпляетъ себя ножемъ. На могилѣ двухъ неразлучныхъ юныхъ существъ „выросли фіалки и розы, которыя выращиваетъ пробившійся изъ земли холодный родникъ. Соловей надъ ними неумолкаемо льетъ свои жалобные трели, привлекая путниковъ къ роднику съ волшебнымъ свойствомъ: всякій пьющій изъ него не знаетъ ни скорби, ни старости. На могилѣ-же Шере, прибавляетъ народное сказаніе, выросъ тернъ, а изъ-подъ него выползли щенята ¹⁾. Такой метафорфозой heroesъ заканчивается его поэма.

Мы не исчерпали богатаго содержанія выше обозрѣваемыхъ поэмъ, не коснулись также деталей художественной обработки народныхъ сказаній подъ перомъ Важа-Пшавела. Скажемъ только, что общей чертой, проходящей чрезъ всѣ произведенія этого поэта служить необычайная пластичность образовъ, рѣдкое свойство поэта облекать индивидуальную личность heroesъ типическими особенностями, возводить, такъ сказать, частный рисунокъ въ универсальный, близкій и понятный каждому горцу, къ какой-бы національности онъ ни принадлежалъ. Эта универсальность и типичность воспроизведенія быта и вѣрованій кавказскихъ горцевъ, въ силу географическихъ и соціальныхъ условій,—усвоившихъ въ значительной мѣрѣ идентификаціонный характеръ, съ особенной яркостью сказанъ въ поэмѣ „Гость и Хозяинъ“ (*Стумар—Маспиндзелн*), основой которой служить не устное сказаніе, а народный обычай священнаго гостепріимства, въ равной степени обязательный для всѣхъ племенъ Кавказа. Для заблудившагося или запоздалаго путника въ горахъ во время проливного дождя, урагана, безпросвѣтнаго мрака и зимней вьюги, когда одинъ ложный шагъ по узкой тропинкѣ грозитъ гибелью въ пропасть или среди ледниковъ, постучаться въ первыя двери, при случайно блеснувшемъ огнѣ, и воспользоваться гостепріимствомъ незнакомаго домохозяина—является важнымъ и неопѣненнымъ правомъ. Традиція обязываетъ хозяина пріютить даже кровнаго врага, и пока гость находится подъ покровительствомъ его очага, онъ остается неприкосновеннымъ, бережно охраняемымъ отъ всѣхъ покушеній на его особу. Прекрасенъ и незаблѣмъ этотъ обычай; онъ связываетъ узами дружбы сосѣднія племена, сближаетъ ихъ между собою, облегчаетъ мирныя сно-

¹⁾ Нѣсколько въ видоизмѣненномъ видѣ эта поэма по народной передачѣ у *Хасанова* „Очерки по ист. груз. слѣв.“ вып. I, 52—54 стр. Здѣсь царевичъ носитъ имя Абессалома, а визирь Мурмана, который продаетъ колдунѣ не свою душу, а душу матери.

сношенія. Но обязанность кровной мести не менѣ священнаго долга вошла въ нравственное сознание горцевъ. Она зачастую омрачаетъ и искажаетъ обычай гостепріимства,—чревато послѣдствіями неожиданное проникновеніе въ домъ врага, о крови котораго изъ могилы вошють павшіе сородичи хозяина. Въ такомъ случаѣ возникаетъ та кровавая стычка, которая поэтически изображена въ поэмѣ Важа-Пшавела ¹⁾).

Въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе ея заключается въ слѣдующемъ. Хевсуръ Звіадаури, блуждая по скаламъ въ ночномъ мракѣ, подъ вымышленнымъ именемъ Нинуа, попалъ въ саклю Кистина Джогола, убитый братъ котораго давно уже взываетъ о возмездіи. „Богомъ посланнаго гостя“ хозяйка принимаетъ любезно, угощаетъ и предлагаетъ ему теплую постель. Бывшій тутъ-же гость-кистинецъ почтительно встаетъ и привѣтствуетъ новаго гостя, но вскорѣ на лицѣ его отразилась злоба, волненіе овладѣло имъ и онъ готовъ былъ обнажить клижаль, узнавъ въ хевсурѣ убійцу брата Джоголы. Обычай ему запрещаетъ распорядиться и расправиться въ чужомъ домѣ, поэтому онъ быстро оповѣщаетъ односельчанъ о появленіи кровнаго врага. Толпа собирается поспѣшно съ шумомъ и гамомъ, окружаетъ нервно саклю Джоголы, и требуетъ выдачи Звіадаури, открывъ ему глаза на личность незнакомаго ему гостя. Но хозяинъ, согласно обычаю, оскорбленъ за святотатственное требованіе соплеменниковъ, нарушающее установившуюся традицію, и рѣшительно вооружается защищать гостя, „если-бы даже онъ подлежалъ взысканію цѣлаго моря крови“. Уклоненіе Джоголы отъ желанія общины навлекаетъ на него ея гнѣвъ и она объявляетъ его другомъ гяуровъ. Не устояли гость и хозяинъ противъ возбужденной массы. Звіадаури связанъ и приведенъ на могилу убитаго кистина въ качествѣ жертвы для успокоенія души павшаго соплеменника. Хевсуръ обезглавленъ и трупъ его брошенъ безъ погребенія. Но не всѣ изъ общины кистиновъ были такъ неумолимо настроены; нашлась среди нихъ добрая душа, которая сочла долгомъ тайно безъ вѣдома мужа, колѣнопреклоненно, горько оплакать ночью, при тихомъ плескѣ ручья, обезглавленнаго хевсура, и этой доброй душой оказалась Агаза, жена Джоголы. Она на память съ статнаго витязя, завоевавшаго ея симпатію своей непреклонностью предъ казнью, зубами срываетъ съ головы три волоса и завязываетъ ихъ въ кончикъ вуали. Ее преслѣдуютъ духи тьмы за измѣну родинѣ, покойники изъ могилы призываютъ на нее проклятье, скалы и травы оглашаютъ ее блудницей. Невынесла она укора со стороны убитаго кистина, прониклась ужасомъ предъ всеобщимъ возстаніемъ силъ природы и загробныхъ обитателей и вся въ огнѣ едва добѣжала до сакли, гдѣ, лишь придя въ сознаніе, открыла испуганному мужу свой благородный подвигъ. Джогола нашель, что жена, оплакавъ хевсура, исполнила свой

¹⁾ Поэма эта вызвала восторженный отзывъ *И. Накашидзе* („Квали“, 1896), давшій разборъ и предшествовавшихъ ей произведеній Важа-Пшавела. Ср. отзывъ *Гр. Кистидзе* „Моамба“ 1896, №№ 1—2.

долгъ и видить онъ въ ея слезахъ небесную благодать. Но не такъ посмотрѣли на коварное плѣненіе безоружнаго Звіадаури его сородиче-хевсуры. Они напали на общину кистиновъ, обезглавившихъ его, отомстили за кровь кровью и ослѣпленные порывами страсти, нанесли смертельный ударъ самому Джоголѣ, защитнику Звіадаури по обязанности хозяина, но борца за свою общину при столкновеніи съ хевсурами. Коңчилось состязаніе. Хевсуры удовлетворены. Паказаннымъ безъ возмездія остался одинъ Джогола. Соплеменники лишили его какъ измѣнника и сторонника Звіадаури права быть погребеннымъ на родномъ кладбищѣ. Жена его, Агаза, оставшаяся безъ призора, бросается со скалы въ рѣку, считая себя грѣшной въ томъ, что она оплакала чужеземца. На горѣ, гдѣ хевсуры убили Джоголу, ночью появляется образъ, направляющійся къ кладбищу съ жалобнымъ воемъ: „братецъ Звіадаури, что же ты не показываешься?!.“ Тогда поднимается изъ могилы тѣнь со щитомъ и кинжаломъ, подходит и привѣтствуетъ друга. Встаетъ печальная Агаза, которая жаритъ на блуждающемъ огнѣ шашлыкъ изъ турьяго мяса, рассказываютъ о геройскихъ подвигахъ, объ обычаяхъ гостеприимства и побратимства. Картина эта обращаетъ жадные взоры всѣхъ. Но вдругъ ихъ покрываетъ черный, какъ смола, туманъ, который не можетъ быть разсѣянъ ни чарами, ни молитвой. Слышенъ только плескъ рѣки, несущейся внизу и надъ пропастью взираетъ высоко поднявшееся солнце“.

Запасъ наблюденій надъ народной жизнью и поэтическихъ устныхъ сказаній, игривыхъ и фантастическихъ, у Важа-Пшавела неистощимъ. Своими 19 художественно разработанными народными мотивами онъ внесъ въ грузинскую литературу совершенно новое теченіе, обогащаемое и углубляемое его собственными произведеніями. Помимо тѣхъ поэмъ, съ которыми мы познакомились выше, есть еще у него рядъ аналогичныхъ стихотворныхъ переложеній лирическихъ легендъ и историческихъ событій ¹⁾, сохранившихся въ народной памяти.

¹⁾ Должны быть отмѣчены еще его драма „Мокветили“ изъ жизни горцевъ (въ „Моамбѣ“ 1894 г.) „Эремъ--Серемъ--Суреміани“ („Квали“, 1893 г.), рассказъ - карикатура на жизнь современной грузинской интеллигенціи, такого же содержанія поэма пародія на современную грузинскую жизнь въ осмѣяніе растительной жизни подъ заглавіемъ „Пѣсьнъ пѣсней“ („Квали“ 1893—1894 гг.), „Думы маленькаго пастуха“, „Впечатлѣнія“ (изъ жизни пшавцевъ), „Кровавая мечь“ (изъ черкесской жизни), „Воспоминанія“ (рождественская повѣсть), „Иванѣ Которашвили“, „Лашароба“ (празднованіе молельни Лашарской), „Бнелети“ (мѣсто загробной жизни), „Положеніе и судьба женщины по пшавской поэзіи“, „Пшавскій судъ стараго времени и семейные обычаи“, „Деревенскія картины“, „Сонъ горъ“ (съ легендарной подкладкой), „Холарджоба и ригеба“, „Походъ съ знаменемъ Лашарскаго креста“ (сцена въ Хевсуретіи), „Пшавцы“, (представленія о загробной, побратимство, присяга, Молельня, хевисбери)“, стихотворенія этнографическаго характера, „О суетвѣрїяхъ“, „Сцены въ горахъ“, „Хевсурская свадьба“ и рядъ еще его произведеній (въ „Иверіи“) знакомить съ обычаями и воззрѣніями пшавовъ и хевсуръ.

Дѣтскіе рассказы и стихотворенія его (въ „Джеджили“): Нашъ пѣтухъ, Цыпленокъ, Выходы, Вѣдныи курятникъ, Гогра, Свадьба соекъ, Змѣя, Корни.

Не останавливаясь на нихъ („Охотникъ“, „Гигліа“, „Среди развалинъ“, „Ахунди“, и др.), воспроизводящихъ моменты борьбы пшавовъ съ дагестанцами, религіозныя вѣрованія въ различныхъ богинь - охоты, матери—земли, ручейковъ, — обращаюсь къ тѣмъ произведеніямъ Важа-Пшавела, которыя отмѣчены особымъ колоритомъ творчества, именно—символизмомъ.

Символизмъ Важа-Пшавела оригинальнаго, самобытнаго происхожденія. Онъ не носитъ какихъ-либо признаковъ вліянія европейскихъ поэтовъ этого направленія. Символизмъ грузинскаго поэта—продуктъ мѣстный, созрѣвшій на почвѣ народныхъ сказаній отдаленныхъ временъ. Такова, напримѣръ, его поэма „Ѣдокъ змій“, напечатанная въ журналѣ *Моамбэ* (1901 кн. II и III). Герой поэмы, Миндіа, двѣнадцать лѣтъ пробылъ въ плѣну у каджовъ—злыхъ геніевъ. Это позорное рабство довело его до отчаянія и онъ рѣшилъ покончить съ собою самоубійствомъ. Съ этой цѣлью онъ съѣдаетъ вареныхъ змій, обычное блюдо каджовъ въ надеждѣ отравиться.

Но странная пища имѣла на него обратное воздѣйствіе. Миндіа совершенно переродился и перевоплотился: ему открылись глаза, слухъ приобрѣлъ необыкновенную чуткость, сталъ онъ понимать языкъ птицъ, звѣрей, травъ, небо вступило съ нимъ въ бесѣду и повѣдало ему свои тайны¹⁾. Словомъ отнынѣ усвоено было все то, что усвоилъ пушкинскій „Пророкъ“, послѣ операций, произведенныхъ надъ нимъ шестикрылымъ серафимомъ: открылись вѣщія зѣнницы, уши наполнилъ шумъ и звонъ, онъ „внялъ неба содроганье и дольней лозы прозябанье“. Умудрившійся хевсуръ Миндіа сталъ среди своихъ соплеменниковъ обоготворяемымъ богатыремъ, доставлявшимъ имъ побѣду надъ врагами и излѣченіе недуговъ, ранъ и язвъ волшебнымъ знаніемъ травъ, сообщающихъ ему свои цѣлебныя свойства. Весенняя природа его пріветствуетъ, птицы радостно встрѣчаютъ, цвѣты поютъ ему торжественныя гимны. Миндіа дѣлится со всѣми своими неуловимыми для смертныхъ впечатлѣніями, но они покрываютъ его слова насмѣшками и недоумѣніемъ; „если деревья и камни обладаютъ способностью рѣчи,—говорили они, то почему мы не слышимъ ихъ, вѣдь и мы такіе же люди, какъ онъ“! Прошло время, Миндіа обзавелся семьей. Обязанности мужа и отца, практическіе запросы поставили его лицомъ къ лицу съ ликующей природой. Его идеализмъ сталкивается съ житейской нуждой. Жена его понукаетъ доставить дрова для топки: „дѣти забнуть отъ холода“,—необходима и пища для поддержанія жизни. Поощряемый сварливой женой, далекой отъ порывовъ поэтическихъ грезъ, Миндіа понемногу сталъ рубить чинары, убивать звѣрей, топтать цвѣты. Результатомъ такого попиранія правъ природы явилось истощеніе знаній у Миндіа, утрата способности понимать языкъ птицъ и травъ. Небо онѣмѣло, вся тварь замолкла.

¹⁾ Ср. легенду объ Александрѣ Македонскомъ и нищемъ (впослѣдствіи знаменитомъ врачѣ Лохманѣ), приведенную мною въ иллюстр. приб. къ „Тифлис. Листку“ № 37, 1902 г., а также поэму „Нибелунги“.

Природа наложила на себя печать таинственности и непроницаемости. Напрасно рыдает Миндіа и кается въ своемъ преступленіи. Онъ сознаетъ свою бесполезность для народа, и никакія слезныя молитвы съ обильными жертвами не возвращаютъ ему прежняго дара. Изнеможенный нравственно, раздираемый тоской и муками сердца, онъ ослабѣлъ и физически, утратилъ отвагу и смѣлость. Онъ ищетъ смерти и находитъ ее въ столкновеніи съ врагами родины; онъ оказался побѣжденнымъ въ первой же битвѣ съ ними и самъ поднимаетъ руку на себя, закалывая себя кинжаломъ. Такъ погибъ волшебникъ и чародѣй, благодѣтель и другъ народа, лишившись божественнаго дара пониманія духовныхъ силъ природы съ того дня, какъ онъ заглушилъ въ себѣ чувство жалости къ одушевленной и неодушевленной твари и вступилъ на путь житейской суеты и земныхъ вожелѣній.

Не есть ли образъ Миндіа символъ поэта, стоящаго на высотѣ своего божественнаго призванія лишь до того времени, пока онъ не обуреваемъ страстями глухой толпы, остающагося прорицателемъ и вождемъ народа до поглощенія его житейскими интересами¹⁾.

Символизмомъ и чудодѣйственнымъ сюжетомъ отличается также поэма „Деревянная лопатка“. Охотникъ Баліа былъ завлеченъ на торжественный пиръ лѣсныхъ духовъ, во главѣ двѣ—красавицы. По ея требованію кости съѣденныхъ звѣрей гости бережно хранили, и только охотникъ выбросилъ въ воду доставшуюся лопатку. Когда же при осмотрѣ ея не оказалось среди костей, то выточили ее изъ дерева и по ней предсказали Баліа, что онъ умретъ въ день праздника „Квирилоба“. Давая постоянно осычку на охотѣ, Баліа по совѣту друзей даетъ заговорить ружье. Чары возымѣли свое дѣйствіе, и онъ убилъ оленя, по снятіи шкуры съ котораго нашли у него вставную „деревянную лопатку“. Смущенная этой находкой толпа, проситъ объясненія Баліа, который уклоняется отъ отвѣта и рѣшаетъ никогда болѣе на охоту не ходить и не ѣсть дичи. Символизмъ этой поэмы сказочнаго происхожденія и выражаетъ излюбленную идею поэта о пощадѣ и милости къ Божьей твари, одушевленной и неодушевленной.

Наиболѣе яркое проявленіе символизмъ Важа-Пшавела нашеть въ его маленькихъ поэмахъ въ прозѣ изъ животнаго и растительнаго міра. Эти произведенія грузинскаго поэта—чудные перлы поэзіи, согрѣтой такой нѣжностью чувствъ и теплотой, что неотразимо заражаютъ читателя симпатіей къ страдающей природѣ и связываютъ его съ нею тончайшими узами любви и человѣчности. Поэтъ здѣсь рисуется панте-

¹⁾ Народнымъ сказаніемъ воспользовался Важа-Пшавела въ poemѣ „Полуцыпленокъ“ (*Библиотека Иверіи* 1905, № 6). Царь, отказавшій полуцыпленку въ кормѣ, потерпѣлъ полное разореніе отъ намествія звѣрей, вступившихся за обиженную птицу. Зло не только наказано разореніемъ царя, но и торжествомъ полуцыпленка, провозглашеннаго владыкой звѣрей и птицъ.

истомъ чистѣйшей воды, усматривающимъ частицы міровой души всюду и вездѣ, во всѣхъ тваряхъ. Я ограничусь нѣсколькими отрывками изъ произведеній Важа-Пшавела названной группы. Обращаюсь прежде всего къ поэмѣ въ прозѣ небольшого размѣра. Это „Горы высокія“. Привожу эту маленькую пьесу съ сохраненіемъ по возможности всѣхъ особенностей стиля и конструкціи оригинала.

„Стояли и ждали. Ожиданье горъ не имѣетъ конца. Въ глубинѣ ихъ сердце разливается безпредѣльнымъ моремъ, окрашиваясь кровавымъ цвѣтомъ. Но съ виду ничего не замѣтно, кромѣ вражды, и въ этомъ-то скрывается тайна ожиданія. Кто знаетъ, что происходитъ въ сердцахъ горъ, какой огонь горитъ и пламенѣетъ?...”

Горы, горы! Чего вы ждете, кого вы ожидаете? Быть можетъ, вы давно въ разлукѣ съ милой? Или потеряли ребенка? Братъ или мать вдали отъ васъ и вѣсти отъ нихъ не получаете? Отвѣта нѣтъ. Стоять неподвижно. Ждали, ждутъ и вновь будутъ ждать. Что въ состояніи вычерпать въ ихъ сердцахъ это море ожиданія? Оно не имѣетъ завершенія, какъ божество.

Когда вся тварь—насъкомья, травы, цвѣты, рѣки и безпокойное неутомимое вѣяніе засыпаютъ, тогда, только тогда онѣ издають тяжелый вздохъ и даже проливаютъ слезы. Тогда-то и человѣкъ восклицаетъ: ахъ, словно камень, какая-то тоска ложится мнѣ на сердце!

Почему вы не поете, горы? Ужели я такъ умру, что вашего голоса, вашего пѣнія я не слышу? Почему вы не смѣетесь? Покажите мнѣ, милая, хоть улыбку вашу. Какъ сумѣла одна мысль такъ покорить, охватить, овладѣть вами, что заглушила всякое проявленіе жизни въ вашемъ сердцахъ? Нѣтъ, нѣтъ. Иногда и вы радуетесь, а люди думаютъ, что вы ничего не чувствуете. Я знаю, свѣтъ зажигается въ вашемъ сердцахъ, когда вольный орелъ заигриваетъ съ вашей вершиной и для отдыха спускается на ваши склоны. Какъ хороши вы тогда, какъ гармонируете съ вами, что вашъ питомецъ такъ могучъ, безстрашенъ и красивъ! Онъ, вашъ посоль, Богу передаетъ вѣсть объ васъ!

Развѣ у васъ нѣтъ мысли, идеи чувства? Развѣ вы не погружаетесь въ мечты? Какъ, нѣтъ! А что же такое тѣ восхитительные цвѣты, которые покрываютъ вашу поверхность? Они—то составляютъ вашу надежду, мечту, утѣшеніе. А почему вы такъ закрываетесь туманами, если ни о чемъ не думаете, и думы этой не скрываете отъ насъ, людей? Почему вы даете произрастать травѣ, изливаете холодные ручейки, скатываете завалы, воспитываете вольныхъ туровъ? Какъ вы, милая, хотите обмануть!

Стоять и ждутъ. Дождь льется на ихъ главу, молнія спаливаетъ ихъ золотистыя кудри, блескъ ея мелькаетъ у нихъ въ глазахъ, громовой ударъ часто вонзается стрѣлой въ ихъ грудь. Однако ничего. Случается, полгоры обрушится въ видѣ завала, сползетъ въ ущелье. Все же ничего. Онѣ продолжаютъ ждать.

Идите, кто не хочет быть съ нами на высотѣ, въ сосѣдствѣ съ небомъ, ищите внизу покоя!

Ложится снѣгъ.... Морозить. Холодно. Горы одѣлись въ саванъ, точно покойники. „Хороните, оплакиваете насъ“, какъ бы слышится ихъ голосъ. А мы отъ нихъ ждали погребенья....

Стоять и ждать. Сердце у нихъ ноетъ, сильно ноетъ. Но не умираютъ и чахоткѣ не поддаются. Ждете кого или чего?—Чего-то, да чего-то. Это что-то есть желаніе видѣть невидимое.

Видѣли все, что въ состояніи видѣть ихъ глаза, постигнуть сердце. Жажда новаго овладѣла ихъ зрѣніемъ и чувствомъ. Это вѣдь ненасытность глазъ и сердца.

„Совершенно такъ“.

Въ изображеніи природы и ея явленій Важа-Пшавела достигаетъ такой возвышенной творческой самобытности, которой ни до, ни послѣ него въ грузинской литературѣ не отмѣчалось. Пластичность воспроизведенія одухотворенной природы безъ романтическихъ прикрасъ, обвѣваемой теплымъ дыханіемъ поэта, придаетъ его незатѣйливымъ описаніямъ какую-то наивную, но неотразимую прелесть. Какъ ни старается поэтъ изолировать свою личность, поставить себя въ тѣнь, заставляя живущую тварь изливать чувства радости и скорби, однако неумовимо и невольно онъ налагаетъ на все яркую печать своего утонченнаго душевнаго настроенія и трогательной человѣчности, широкой волной вливающейся въ нашу душу, возвышающей и облагораживающей ее.

Таковъ небольшой рассказъ „Корни“, который привожу въ дословномъ переводѣ.

„Не бойся, мы не зміи! На эту высокую гору какъ могла взобраться змѣя! Напрасно ты встревожился,—вѣдь мы человѣку не вредимъ, не отравляемъ его. Тебя испугала наша измятая снаружи сухая кожа? Да, а было время, когда мы имѣли другой цвѣтъ и видъ. Брашеніе временъ измѣнило нашъ обликъ и теперь, когда случайно натолкнется на насъ пастухъ или охотникъ, мгновенно онъ исполняется смятенія, пока поближе не разсмотритъ и не убѣдится, что мы лишь корни дуба, не болѣе того. Была пора, мы питали необъятный дубъ, кормили его своимъ молочнымъ сокомъ. Величаво красовался дубъ, благодаря нашимъ заботамъ и трудамъ въ потѣ лица. И мы гордились тѣмъ, что вырастили изящное, непреклонное и мощное дѣтище.

— Вы и вашъ дубъ истожили мои силы, мое достояніе,—говорила намъ не разъ мать сыра-земля, а мы все же колѣнопреклоненно, съ простертыми руками выпрашивали у него пропитанія для нашего любезнаго питомца. Поглощаемые попеченіемъ о немъ, мы не знали покоя ни днемъ, ни ночью. Мы неустанно вдохновляли другъ друга словами: „будемъ старательно снабжать его пищей въ изобиліи“. Отдохни, мать-земля: отдохни! Мы тебя больше не станемъ беспокоить. Для кого мы ухаживали и упрашивали тебя, того ужъ не стало у насъ, да и мы

сами сохнемъ, а на что пропитаніе отцвѣтшему и мертвому? Человѣкъ, неумолимое существо, сразилъ наше сердце умертвилъ наше дѣтище и оставилъ насъ въ горькихъ слезахъ. Онъ взялъ топоръ и принялся его рубить. Онъ не вялъ ни нашему стону, ни воплю нашего питомца. При ударѣ топоромъ мы стонемъ, а вы, люди, его считаете „ступкомъ“. Мы обливаемся кровью, а вы нашу кровь называете „древеснымъ сокомъ“. Если мы не противодѣйствуемъ, не царапаемъ лица, не бранимъ, не преслѣдуемъ покидающаго насъ и съ угрозой не встрѣчаемъ приходящаго къ намъ, такъ развѣ это значить, что мы ничего не чувствуемъ?! „Дубъ рублю“, взывалъ человѣкъ своему товарищу, въ полной увѣренности, что въ этомъ нѣтъ ничего дурного. А онъ не хотѣлъ видѣть, что мы тайно въ землю слезы лили такъ горько, что изъ сочувствія къ намъ расплакалась сама земля: „несчастныя, ворчала она,— для чего, для кого трудились вы, и я для кого мучу себя? Кто скажетъ мнѣ слово благодарности“?

Земля, жалуясь въ такихъ словахъ, въ то-же время поклонившимся къ ней вдаль розросшимся корнямъ бука, березы, тополя клала обычную провизію. Это добрѣйшее существо никому не рѣшится отказать въ своемъ участіи. Она всеобщая мать, о всѣхъ она заботится, всѣ висятъ у нея на шеѣ. Да будетъ благословенна грудь твоя, о мать наша, питательница и кормилица наша!

Но что ей дѣлать, несчастной? Судьба и ей измѣнила. Вчера и сегодня мы много плакали, намъ жаль растаться съ той мѣстностью, гдѣ мы родились, выросли и испытали жизнь. Кто знаетъ, что насъ ждетъ впереди?... Со дня на день жилище наше разрушается, разстраивается, прорѣзываются рытвины, а сами мы остаемся безъ крова, голодные и нагіе. Въ концѣ концовъ мы сорвемся съ вершины и ниспадемъ въ бездонную пропасть. А кто угадаетъ, что насъ тамъ ожидаетъ? Кто скажетъ намъ теперь, какую почву мы тамъ встрѣтимъ?

Погибнемъ-ли окончательно, или вновь земля сокроетъ насъ и подастъ намъ пропитаніе?

Быть можетъ, бурныя волны рѣки вынесутъ насъ въ какое-нибудь пустынное мѣсто и подъ палящими лучами солнца мы завянемъ, засохнемъ, навсегда прервемъ свое существованіе.

Господи, не дай намъ погибнуть! О судьба, не измѣняй намъ! Земля пріюти вновь насъ у себя!

Жаждемъ жизни и труда и желаемъ еще поработать и, быть можетъ, намъ суждено будетъ еще воспитать дѣтище на своихъ корняхъ и вновь исполниться радостнаго чувства! О силы природы, примите благосклонно моленіе несчастныхъ корней!“¹⁾

Въ этой жалобной исповѣди корней, нѣкогда воспитавшихъ развѣсистый дубъ и погибающихъ нынѣ вслѣдствіе жестокосердія человѣка, срубившаго ихъ дѣтище, невольно слышится парадоксъ Ж. Ж. Руссо.

¹⁾ Поэмы въ прозѣ Важа-Пшавела *Горы высокія* и *Корни* приведены по переводу А. Хаханова (въ газ. „Курьеръ“).

„Tout est bien sortant des mains de l'auteur des choses; tout est dégénéré entre les mains de l'homme“,—слова, открывающія его трактатъ „Воспитаніе Эмиля“.

Эта идея искаженія природы отъ прикосновенія рукъ человѣка проходитъ въ нѣсколькихъ поэмахъ Важа-Пшавела изъ міра растительнаго и животнаго. То же настроеніе и тенденція проникаетъ его поэму въ прозѣ „Горный ручеекъ“.

Всѣ маленькіе его рассказы изъ міра флоры и фауны дробятся на двѣ части: въ первой поэтъ рисуетъ счастливую, радостную жизнь, упоеніе красотой, нѣкоторое самодовольство, во второй—разрушеніе счастья, горькія испытанія, гибель съ надеждой на возрожденіе. Эта антитеза создается враждебнымъ столкновеніемъ двухъ несомвѣстимыхъ и непримиримыхъ силъ природы: слабыхъ и сильныхъ, неодушевленныхъ и одушевленныхъ, при чемъ первыя всегда остаются побѣжденными, ихъ живительныя свойства временно исчерпанными. Эта идея съ полной опредѣленностью и трогательной простотой выясняется въ поэмахъ: „Горный ручеекъ“, „Фіалка“, „Малина“, „Рассказъ маленькой лани“, „Осель“ и др. Я привожу „Горный ручеекъ“ и „Фіалку“¹⁾ въ своемъ переводѣ, чувствуя всю затруднительность ихъ точнаго воспроизведенія по-русски.

Горный ручеекъ отъ своего лица рассказываетъ свою жизнь, мысли и чувства, его воодушевлявшіе, радости и горести, имъ испытанныя на пути своего кратковременнаго существованія.

„Ни однимъ грѣхомъ въ своей жизни я себя не запятналъ. Ни одно живое существо, даже не одушевленная тварь о моемъ прегрѣшеніи, о злости моей не можетъ ничего сказать. Такъ создалъ меня Господь: я долженъ течь и течь безропотно, всѣмъ дано изъ моихъ чистыхъ струй утолять свою жажду. Въ лѣтній жаркій день не одинъ звѣрь прибѣжитъ ко мнѣ испить моей студеной водицы, не одинъ утомленный жнецъ присядетъ ко мнѣ отточить свой изогнутый серпъ. Люди пьютъ меня жадно и, можетъ быть, одинъ лишь изъ нихъ скажетъ: „будь благословенъ ты, горный ручеекъ, какое вино дерзнетъ сравниться съ тобой!“ Большинство-же меня даже оскорбляетъ и какъ бы въ благодарность за услугу плюетъ на меня. Что-же дѣлать. Я ни на кого не плюну, пусть лучше на меня плюютъ!

Боже мой, какъ я счастливъ! Какіе чудные друзья меня окружаютъ! Прежде всего вотъ каменные плиты, густо покрытыя зеленымъ мохомъ, или вотъ еще выросшая надо мною желтая скала, которая кривѣтливо взираетъ на меня и точно шлемъ надвигается на мою голову. Эти стройныя тополя, какъ чудовища—„дэви“, возносясь къ небесамъ, не пропускаютъ ко мнѣ солнечныхъ лучей, а свои толстыя, искривившіеся точно зміи, корни вложили мнѣ въ полы и запазуху.

Я счастливъ и безгрѣшенъ на разстояніи двухъ или трехъ верстъ, потомъ вбираетъ и поглощаетъ меня громадная бушующая рѣка, утра-

¹⁾ Эти поэмы въ переводѣ А. Хаханова были помѣщены въ газ. „Курьеръ“.

чивает мое имя, мое славное прошлое существованіе. Рѣка съ того дня начинает играть мною по своей прихоти. Мало того, что сама реветъ, мечется, неистовствуетъ, разрушаетъ землю, срываетъ деревья и тащить за собою,—она меня, несчастнаго, заставляетъ участвовать во всѣхъ этихъ злодѣйствахъ и преступленіяхъ. Да вѣдь тогда я ужъ не то, что теперь, когда пробиваюсь изъ скаль!

Сердце у меня поетъ отъ несправедливостей рѣки, сколько я страдаю и трепещу! Не разъ до меня долетали людскія жалобы и вопли: „понесла проклятая рѣка человѣка, помогите, помогите, добрые люди! Сказать правду, и на меня въ этомъ падаетъ доля вины. Увы, несчастная моя головушка! О если бы Творецъ не такую судьбу предназначилъ мнѣ, то я совершалъ бы безмятежно свое теченіе все время, безъ конца, чтобы орошать чудныя растенія и прекрасную грудь земли, утолять жажду звѣрей и людей!

Какимъ счастливецемъ воображаю я себя, какое блаженство я испытываю, когда проношусь мимо засыхающаго бѣлокопытника и освѣжаю его. А онъ, сердечный, киваетъ мнѣ нѣжно головой, шлетъ ласковый привѣтъ и облекаетъ меня въ зеленый плащъ изъ своихъ листьевъ. Потомъ съ тихимъ журчаніемъ спускаюсь къ папоротникамъ, а они, окруживъ меня, восторженно зываютъ: „да здравствуетъ горный ручеекъ, да здравствуетъ!“ Потомъ пробѣгу мимо помятыхъ отъ обваловъ орѣшниковъ и виноградной лозы, смочу имъ своей живой росой отцвѣтшіе корни и подниму кверху уныло опущенныя головки. Господи, зачѣмъ ты позволяешь беспокойной и злой рѣкѣ портить мое доброе имя!

Охъ, вчера мнѣ приснился дурной сонъ. Всеблагій Творецъ, Хранитель и Кормилецъ нашъ, дай этому сну сбыться благополучно..... Я видѣлъ, что я будто умираю. Стояла засуха, страшная засуха. Трава, деревья, мои родители, казалось уже засохли, и я также изсыкалъ. Полногрудная птичка—уматка слетѣла ко мнѣ съ осины, чтобы искупаться въ затруднившихся моихъ струяхъ, но не могла намочить даже своихъ крыльевъ и залилась горькими слезами. Я видѣлъ это и сердце у меня тревожно замерло. „Куда ты дѣлась, моя сила благодатная“, шептала я про себя. Увядшія гладышъ, тростникъ, береза, липа всѣ вмѣстѣ растерянные завопили: „Поспѣшимъ на помощь ручейку, подадимъ ему влагу, а то онъ засохнетъ!“ И по-двѣ, по-три капли росы, слѣша подавали они мнѣ заботливо съ своихъ листьевъ, вѣтвей, корней, но напрасно—помочь мнѣ было уже поздно! Въ эту ужасную минуту мнѣ показалось, что земля разверзлась и предстояло провалиться въ ея бездонное чрево и погибнуть.

Въ испугѣ я проснулся. Сердце у меня учащенно билось, со лба струился холодный потъ. Расширилъ я зрачки, и весь дрожа, уставился въ темную даль, и о радость: внизу, надо мною все ущелье наполнилось туманами. Деревья тихо коснулись меня своими вѣтвями, раскачали мою колыбель, нѣжно нашептывая мнѣ на ухо: „не бойся, миленькій, не изсыкнешь, не погибнешь!“

Въ этотъ мигъ осторожный и предусмотрительный днемъ съ склоненными на спину пышными рогами, красавецъ-олень торопливо подлетѣлъ ко мнѣ, нагнулся, сталъ выбирать чистыя струи моея водицы и не только утолить свою жажду, но и пресытился.

Тогда только успокоенный, съ радостнымъ трепетомъ въ сердцѣ, я тихо про себя прошептала: „Нѣтъ, я еще не изсякъ“.

Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя произведенія продиктованы поэту не только его инстинктивной любовью къ природѣ, но также близкимъ знакомствомъ съ ней, продолжительнымъ наблюденіемъ надъ ея разнообразными явленіями. Вращаясь въ горахъ, больше въ сферѣ неодушевленныхъ тварей и безсловесныхъ существъ, поэтъ-горецъ подмѣчаетъ всѣ детали и колориты данной обстановки и, увлекаясь ими бессознательно, вноситъ идеализацію въ сюжеты своихъ оригинально-художественныхъ пьесъ. Впрочемъ, идеализація эта не фантастическая, а естественная, правдоподобная, какъ объ этомъ можно судить какъ изъ выше упомянутыхъ переводовъ, такъ и по одной флористической поэмѣ „Фіалка“. Она весьма характерна для опредѣленія манеры и особенностей творчества Важа-Пшавела.

„Въ глубокую чашу лѣсовъ я забралась. Пока я жива, своею красою буду услаждать лѣсъ, траву и съ той стороны взирающую на меня мшистую скалу. Меня всѣ любятъ: вотъ тотъ сгнившій толстый обрубокъ дерева все время съ меня глазъ не сводитъ, улыбается, рвется ко мнѣ, чтобы расцѣловать меня, но напрасно! Несчастный только издали мнѣ улыбается, засіяетъ радостью какъ-то некрасиво, но видно, что по всему его лицу пробѣгаетъ необычайное добродушіе.

Да развѣ только онъ одинъ радуется моею жизнью?!

Даже старыя деревья съ засохшей верхушкой съ высоты любятъ мной, своими оголенными вѣтками еще прикрываютъ меня, оберегая „свою фіалку“ отъ холода и всего неприятнаго. Они не пропускаютъ дождя прямо ко мнѣ: вѣдь, дождь можетъ сорвать съ меня нѣжные лепестки, а жизнь безъ нихъ для меня смерть. Всѣ наши деревья—береза, букъ, орѣшникъ, бузина—толпятся вокругъ меня, сторожатъ меня, удерживаютъ на своихъ вѣтвяхъ и листьяхъ дождевыя капли, а потомъ не спѣша, понемногу окропляютъ и омываютъ мнѣ лицо свѣжими капельками росы. Я вытягиваю шею въ гордомъ сознаніи своей красоты и мысленно проносятся у меня разныя желанія: „о еслибы, думается, Господь послалъ мнѣ даръ пѣсни пѣть, я бы славила въ нихъ небо, облака, солнце и этихъ моихъ хранителей—деревья, горы, рощи и птичекъ, порхающихъ предо мной, среди засохшихъ желтыхъ листьевъ въ своемъ розовенькомъ и зелененькомъ пухе, по временамъ лепечущихъ что-то мнѣ въ лицо, ободряющихъ меня и радующихся моею жизнью“.

Жизнь моя хороша, но увы, кратковременна: она длится не болѣе мѣсяца, а между тѣмъ я жажду болѣе продолжительнаго существованія. Сегодня утромъ одна птичка на буковомъ деревѣ что-то напѣвала. Она была прекрасна съ пушистой красной шейкой. Она, какъ я, любовалась

собой, посматривала на свою красивую грудь и плечи! Да, всё гордятся собой, всё радуются жизни, всё любят природу.

Вчера разразилась страшная гроза. Но громъ и молнія насъ не пугають. Громъ вѣдь предвѣстникъ дождя, а дождь насъ кормить на груди матери-земли. Солнце—нашъ отецъ—взираетъ съ высоты, грѣетъ, ласкаетъ насъ и заботливо относится къ намъ. Дождь приноситъ растеніямъ только радость: они послѣ него раздѣнутся въ новыя пышныя платья. Вотъ уже два дня, какъ показалась моя сестрица „сасутка“¹⁾. Радуется она, бѣдная, радуется жизни, киваетъ все время головой то внизъ, то вверхъ, кланяется низко землѣ и лучамъ солнца, то шепчетъ мнѣ что-то на ухо, рассказываетъ сказки о жизни и любви, иногда порывисто засмѣется, протянется ко мнѣ и нѣжно обойметъ. А вотъ вчера утромъ я и сестра моя вмѣстѣ горько плакали.

Какое безжалостное существо человѣкъ! Все, что только онъ видитъ, желаетъ обратить въ свою пользу. Это видно,—онъ не цѣнитъ нашей красоты..... Мимо насъ прошелъ какой-то человѣкъ. На одномъ плечѣ онъ несъ топоръ, а черезъ другое было перекинута ружье.

Выбралъ онъ самый развѣсистый букъ, сталъ наносить ему удары топоромъ и свалилъ его. Несчастный букъ, падая, страшно застоналъ. За нами, мы и не замѣтили, какъ подросла „гугулисъ-каба“, еще не успѣвшая подняться выше опавшихъ сухихъ листьевъ. Когда подрѣзанный букъ свалился, она сбросила съ себя покрывавшіе ее листья и въ красномъ отливѣ сверкнула на солнцѣ: замѣтно было, что она обливалась слезами въ глубинѣ своего сердца.

Въ полдень утомленный и изнуренный дикій голубь прилетѣлъ, сѣлъ предъ нами на вѣтку вяза и сталъ сладко ворковать, радуясь наступленію и счастью, что вновь видитъ знакомыя мѣста... Вдругъ раздался ружейный выстрѣлъ, голубь сразу приумолкъ, сначала повисъ одной ножкой на вѣткѣ, а потомъ палъ на землю предо мною. Хлынула кровь изъ его клюва и струившаяся красная полоса капель обозначилась на моихъ лепесткахъ. Я и сакутела²⁾ испугались, дрожь пробѣжала по всему тѣлу.

Я ничего не могу слышать, только какой-то глухой ропотъ, издали доносится до меня грустная пѣсня³⁾: увы, какъ несчастна фіалка, выросшая на высотѣ горы—или холодъ ее заморозитъ, или сразитъ ее небесный громъ. Господь послалъ ей жизнь мгновенную. Лишь мигъ красуется ею мѣръ и вновь фіалка погибаетъ. Застонетъ фіалка: „какъ я несчастна! Коль Господь создалъ меня, зачѣмъ не далъ мнѣ жить подольше?“

Такъ признаніе поэтомъ всеобщей гармоніи въ мѣрѣ сопровождается неизбѣжнымъ контрастомъ. Красотѣ вселенной сопутствуетъ торжествующая сила смерти и забвенія. Въ этой то антитезѣ кроется сѣмя

¹⁾ Названіе растенія.

²⁾ Названіе растенія, не имѣющееся въ ботаническомъ словарѣ.

³⁾ Перевожу стихи оригинала въ прозѣ.

личной горечи поэта и сочувственный трепет его души за преждевременную гибель горного ручейка, душистой фиалки, застрѣленного голубя и маленькой лани.

Но не одинъ только человекъ вноситъ дисгармонію въ художественный строй природы. Въ ней самой отсутствуетъ мирное сожительство и симфонія между отдѣльными стихійными силами и элементами. Съ точки зрѣнія поэта оправдывается или лучше сказать демонстрируется тяжкая борьба за существованіе въ мірѣ флоры и фауны: дерево давитъ нѣжное растение, орелъ похищаетъ зайчика, большая рѣка поглощаетъ горный ручеекъ. Тонкій вкусъ поэта и глубокое знаніе природы проявляется въ подборѣ контрастовъ, въ передачѣ тоновъ, стилиности формъ и въ особенной силѣ настроенія. Грузинскій писатель ни разу не теряетъ подъ собой реальной почвы,—внушая человѣческія мысли неодушевленной твари, онъ не выступаетъ изъ предѣловъ простоты и естественности, не поддается сентиментальности или слащавости. Кому приходилось жить въ гористой мѣстности, тотъ согласится съ поэтомъ, что эти незыблемые гиганты-скалы производятъ впечатлѣніе чудовищъ, окаменѣлыхъ въ выжидательномъ положеніи. Послѣдній рокоть горного ручейка, вливающего свои шумныя струи въ болѣе спокойныя многоводныя волны рѣки, отзывается въ душѣ зрителя погребальнымъ плачемъ предъ открытой могилой. Затерявшаяся среди пышной зелени фиалка, неожиданно мелькнувшая въ глазахъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ своимъ яркимъ сіяніемъ выражаетъ радость, что Господь послалъ ей жизнь, хотя и недолговременную. Словомъ, всѣ темы изъявленной природы, воспѣтыя съ чарующей прелестью грузинскимъ поэтомъ, обличаютъ въ немъ не только даровитаго художника, но и проницательнаго натуралиста.

Талантливой кисти поэта и всепроникающей любви обязаны мы тѣмъ, что скромныя растенія, птички и звѣри заставляютъ насъ любоваться ими, входить въ ихъ тревоги, радоваться ихъ счастьемъ, проникаться невольнымъ къ нимъ сочувствіемъ. Многіе ли знаютъ, что такое „дикий осоть“, какъ онъ живетъ, какія его отличительныя свойства? Подъ перомъ же Важа-Пшавела мы заинтересованы „жестокой судьбой этой горной травки, выросшей на неприступной скалѣ“. Холодныя равнодушныя глыбы камней замѣняютъ ему родителей; пріемная его мать, невозмутимая скала часто тяжело вздыхаетъ: должно быть и у нея есть горе. Она смотритъ пристально въ темную пропасть, чего-то какъ будто ищетъ: мысль ея безпредѣльна и сердечное желаніе ея неопредѣленно. Непоколебимо стоитъ она на одномъ мѣстѣ: ея не испугаетъ и снѣжный обвалъ, что съ трескомъ и шумомъ налетаетъ зимой на насъ; какъ вихрь пронесется, пролетитъ внизъ въ пропасть и тамъ вздохнетъ, словно усталъ онъ, утомился. Иногда, говорить осоть, я замѣчаю, что скала плачетъ: это она оплакиваетъ своихъ дорогихъ дѣтей, погибшихъ отъ бурь и снѣжныхъ заваловъ. Ея дѣти—каменные глыбы, которыя валяются внизу, у подножья скалы, оторванныя отъ груди матери, без-

помощно лежать онѣ одна на другой и умоляюще смотрять на свою родимую, какъ будто просятъ: „помоги намъ, подними насъ и возьми къ себѣ на грудь, обласкай! Но напрасно ихъ мольбы; бѣдная скала не можетъ спасти своихъ несчастныхъ дѣтей, но не можетъ и оторвать отъ нихъ и своего горестнаго взгляда и горько плачетъ, сознавая свое бессилье. Глядя на нее, и я плачу, говорить осотъ. Тяжело ему жить безъ друзей и близкихъ, не съ кѣмъ дѣлиться терзаніями своей несчастной любви къ Пиримзе ¹⁾ (подсолнечнику), растущему на той сторонѣ скалы, на косогорѣ, покрытомъ пестрымъ ковромъ горныхъ цвѣтовъ. Я не могу отвести глазъ на минуту, не могу налюбоваться этой гордой красавицей, изранившей мое бѣдное сердце, она на меня даже взглянуть не хочетъ! Пиримзе тоже страдаетъ отъ любви. Пиримзе возлюбленная солнца. Какими влюбленными глазами смотреть она на него; съ какимъ страстнымъ волненіемъ ждетъ наступленія утра и какимъ печальнымъ взглядомъ провожаетъ она солнце, когда оно исчезаетъ на западъ! „Вчера я былъ счастливъ, продолжаетъ осотъ свой грустный рассказъ,—мнѣ показалось, что моя красавица посмотрѣла на меня. Но нѣтъ, развѣ это можетъ быть? Она чистая, безгрѣшная, а я некрасивый запачканный кровью и пухомъ. Но развѣ я виноватъ, что старый кровожадный орелъ свиль себѣ рядомъ со мною гнѣздо... Принеся добычу, орелъ садится надъ моей головой на огромную глыбу и начинаетъ рвать свою несчастную жертву. Кровь ручьемъ стекаетъ на меня, а солнце спокойно смотритъ и сушитъ на мнѣ эту кровь. Изъ-за этой-то крови Пирамзе не любить меня! Съ первыми морозами она скрывается подъ землю. О еслибъ и я могъ исчезнуть вмѣстѣ съ ней! Быть можетъ тамъ, подъ землей кака-нибудь моя частица встрѣтилась бы съ ея частицей, лицомъ къ лицу, и я былъ-бы счастливъ! Весной Пиримзе снова оживаетъ, и съ нею оживаю душой и я. Забываю, что я одинокъ и воображаю себя на томъ склонѣ горы посреди чудныхъ цвѣтовъ, около нѣжно-любимой красавицы и будто шепчу ей: дорогая, какъ ты хороша, какъ ты прекрасна, какъ я люблю тебя“!.. Исчезновеніе зимой цвѣтовъ и гибель куропатки въ костяхъ орла—ему объясняла безстрашная скала—есть смерть. „Какъ тяжело, какъ мучительно должно быть умирать!“, восклицаетъ осотъ и обращается къ силамъ природы сохранить его на бесплодной скалѣ. „О ты, солнце, что равнодушно смотришь на все кругомъ сокрой меня, дождь—ороси; высокая, неприступная скала, мать моя,—побереги мои корешки, не выбрасывай меня! Пиримзе, моя возлюбленная красавица, хотъ изрѣдка взгляни на меня, осчастливь своей улыбкой бѣдной, дикій осотъ! И ты, горный вѣтерокъ, живительный духъ природы—освѣжи мое разгоряченное сердце. Орелъ, гордая птица, ради того, что для тебя свято, постарайся не показывать мнѣ, какъ ты безнаказанно проливаешь кровь живыхъ существъ, чтобъ я не слышалъ ихъ стоновъ, такъ какъ эти стоны, какъ бы мои стоны, больные вздохи моей души“.

¹⁾ Буквально „Пиримзе“ значитъ *лицомъ къ солнцу*, такъ какъ лицомъ къ солнцу обращается и слѣдитъ за нимъ глазами, какъ ребенокъ за матерью.

Я привелъ отрывки изъ этой чудной поэмы, исполненной неподдѣльнаго лиризма и сотканнаго изъ чистѣйшихъ струнъ поэтическаго паюса и благородныхъ порывовъ.

Для полноты характеристики особенностей творчества Важа-Пшавела необходимо познакомиться съ его произведениями изъ міра животныхъ. Я ограничусь лишь нѣсколькими цитатами изъ его „Разказа маленькой сиротки—серны“. Поэтъ описываетъ трогательную судьбу серны, осиротѣвшей черезъ недѣлю по появленіи ея на свѣтъ. Лишенная призора и ласки матери, она бродитъ безцѣльно днемъ, ночуетъ въ камышахъ, гдѣ комары и мошки не даютъ ей покою. Мать ея была подстрѣлена въ злополучную минуту, когда она вышла на лужокъ послѣ дождя. „Прошла гроза. Птицы запѣли хоромъ. Трава и листья лили слезы радости... Слышались сладкіе звуки свирѣли пастуха. Рядомъ съ нимъ сидѣла мохнатая, ужасная собака, она обводила глазами баранту и по временамъ останавливала ласковый взоръ на своемъ хозяинѣ. Солнце наполовину спряталось за вершину горы. Его блѣдные лучи прощались съ вершинами горъ и деревьевъ“. Собака увидѣла лань и бросилась за нею. На этотъ разъ она спаслась, хотя сердце ей предсказывало близкую смерть. Опасно ходить въ это время, — нашъ врагъ ищетъ насъ обыкновенно послѣ дождя, надо посматривать по сторонамъ. Это было послѣднее предупрежденіе моей матери. Вдругъ, какъ громъ раздался выстрѣлъ. Горы и скалы отозвались эхомъ, листья и растенія начали дрожать, дымъ разостлался по мокрой травѣ. Моя мать простонала и упала. Увы! Я застыла на мѣстѣ. Я видѣла, какъ катилась моя мать внизъ головой, оставляя кровавый слѣдъ. Изъ-за березъ выскочить молодой парень и побѣжалъ за моей матерью. Бѣдная мать старалась встать, приподымалась было, но колѣни ея снова подкашивались, она падала и продолжала катиться. Я замерла, остолбенѣла, когда ужасный охотникъ вынулъ блестящій кинжалъ и полоснулъ имъ мою мать по шеѣ. Кровь брызнула струей и окрасила деревья. Охъ, все это я видѣла, но чѣмъ могла помочь я, несчастная!.. Вотъ онъ полоснулъ кинжаломъ по груди, по той груди, которую я сосала, взвалилъ тѣло на плечи и ушелъ. Я начала плакать. Сердце заныло. Съ тѣхъ поръ ни жива, ни мертва, я плачу лишь, и въ этомъ мое утѣшеніе. Брожу я и со слезами взываю къ деревьямъ, къ горамъ и скаламъ, плачу надъ водой и травой, но мать не появляется. Не увижу ужъ болѣе матери, осиротѣла я... И кто знаетъ, кто завладѣетъ мною, кто запянаетъ руки моей кровью“.

Въ этомъ разказѣ есть еще одна блестящая тирада въ защиту звѣрей въ огражденіе ихъ правъ на существованіе отъ людскихъ покушеній. Тирада вложена въ уста сиротки-серны: „О человекъ! почему тебѣ не жалко меня маленькой, почему не даешь мнѣ покоя, чтобы со спокойнымъ сердцемъ свободно я могла ходить, прыгать по этой зеленой травкѣ, взбираться на холмъ и наслаждаться прохладой вечерняго вѣтерка. Я не могу выйти изъ лѣсу. Если и вздумаю выйти на лужокъ, должна держаться ближе къ лѣсу, все время посматривать по сторонамъ, пря-

таться за деревьями, скалами, въ камышахъ и со страхомъ ѣсть пищу, все время я должна быть на ногахъ!..

Въ чемъ я провинилась предъ тобою, человѣкъ, скажи, въ чемъ? Въ чемъ провинилась моя мать? Выпила ли она у тебя что-либо, съѣла ли, что ты убилъ ее и осиротилъ меня, отнявъ у меня мать?! О люди! вы увѣрены въ своей ловкости и силѣ; а до насъ вамъ дѣла нѣтъ... Вы не чувствуете, что и мы любимъ свободу; не чувствуете вашимъ черствымъ сердцемъ, что и мы любимъ жизнь, природу: шелестъ листьевъ, журчанье воды, которое я такъ часто слушаю, волнующуюся траву и веселье съ обитателями лѣса... О, ты, человѣкъ!.. Съ налитыми кровью глазами ищешь ты меня и тысячу другихъ слабыхъ и безпризорныхъ подобно мнѣ... У тебя есть оружіе, ты подкрадываешься, предательски поражаешь насъ и заставляешь разпроститься съ этимъ свѣтомъ“.

Во всѣхъ разсказахъ Важа-Пшавела изъ животнаго ¹⁾ и растительнаго міра проходитъ одна общая, весьма ярко выраженная черта. Поэтъ, становясь такъ сказать въ положеніе неодушевленной твари, и безсловеснаго существа, влагаетъ имъ въ уста исповѣдь душевныхъ волненій—радостныхъ и печальныхъ,—сопровождая психологическій анализъ ихъ внутренняго міра описаніемъ наиболѣе характерныхъ ихъ внѣшнихъ отличительныхъ свойствъ. Вѣрность воспроизведенія во всѣхъ деталяхъ внѣшней описательной стороны горной флоры и фауны сообщаетъ изумительную правдоподобность торжественному гимну жизни или жалобнымъ рѣчамъ, исходящимъ отъ олицетворенныхъ Божіихъ твореній. Колоритности разсказовъ Важа-Пшавела въ особенности содѣйствуетъ прекрасное знаніе грузинскаго языка и обладаніе богатымъ лексикономъ, не говоря о безусловно поэтическомъ талантѣ, врожденномъ и наследственномъ. Его произведенія, какъ прозаическія, такъ и стихотворныя, проникнуты при томъ особымъ отпечаткомъ народности, исключаящимъ возможность полной передачи на иностранныхъ языкахъ.

Народность Важа-Пшавела, какъ народность Шевченко, слагается изъ двухъ родственныхъ элементовъ: а) народности внѣшней, заимствованной и подражанной и б) народности внутренней, психически наследственной. Определеніе заимствованныхъ элементовъ не обставлено большими трудностями, такъ какъ въ этихъ видахъ достаточно познакомиться съ этнографическими данными (поэма „Гость и хозяинъ“) и подыскать источники въ народныхъ сказаніяхъ, вѣрованіяхъ, пѣсняхъ, обрядахъ (поэмы: „Разсказъ старца“, „Гоготуръ и Апшинда“, „Бахтрионъ“, „Копала“, „Этери“ и др.). Но установленіе психически народныхъ элементовъ представляется задачей неодолимой. Психически народные элементы есть духовный капиталъ, приобрѣтенный поэтомъ благодаря продолжительному пребыванію среди своихъ соплеменниковъ, усвоеніе по наследственной передачѣ особенностей склада мышленія и чувстваванія,

¹⁾ Столь же блестящею колоритностью отличается разсказъ *Волкъ*, переведенный и напечатанный А. Хахановымъ въ *Курьеръ*

сообщающихъ всему его творчеству своеобразную окраску. Трудность изученія произведеній Важа-Пшавела заключается еще въ томъ, что они рѣдко поддаются опредѣленію, гдѣ въ нихъ кончается народная поэзія и гдѣ начинается личное творчество. Что же касается до литературныхъ вліяній, то получается такое впечатлѣніе, что поэзія Важа-Пшавела сложилась безъ историко-литературныхъ традицій, несмотря на нѣкоторую общность направленія поэзіи Р. Д. Эристова и Важа-Пшавела съ братьями—Николаемъ и Теодоромъ. Въ творествѣ Важа-Пшавела чувствуется болѣе мощный духъ, какая-то стихійность привязанности къ горамъ и его обитателямъ.

Одно маленькое его стихотвореніе въ переводѣ Иванъ-да-Марья служитъ прекраснымъ образцомъ непреклонной энергіи поэта, готового вступить въ борьбу съ мощными силами природы.

О гдѣ ты, орелъ мой? Пронзи-же
 Мнѣ грудь своимъ клювомъ скорѣй;
 Пусть кровь моя хлынетъ изъ сердца
 И слезы польютъ изъ очей.

* *
 * *

Измучено сердце, а слезы
 Не льются, чтобъ горе стерпѣть,
 И нѣтъ никого въ этомъ мірѣ,
 Кто могъ бы меня пожалѣть!

Минорный тонъ, заканчивающій это стихотвореніе, еще ярче характеризуетъ человѣка съ высокими порывами, лишеннаго силъ для ихъ практическаго примѣненія, въ виду отсутствія сочувствующихъ лицъ. Это-же грустное настроеніе сказывается въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Важа-Пшавела и между прочимъ нашло выраженіе въ отрывкѣ, переведенномъ В. Лебедевымъ изъ исторической его поэмы (Вѣстн. Иностр. Литер., 1899, кн. III).

„Я счастья ждалъ, но зналъ лишь горе въ жизни!
 Мнѣ стало тяжело бремя бытія...
 Одно, одно въ угрюмой укоризнѣ
 Твержу, томясь: „зачѣмъ родился я?“

Зачѣмъ такъ нѣжно пѣсней колыбельной
 Въ полночный часъ ласкала мать моя?
 Въ холодной тьмѣ лежитъ мой путь безцѣльный,
 И я не жду живого блеска дня.

О злые дни! О, гибни въ бурномъ морѣ
 Безцѣльной жизни утлая ладья!
 Къ чему ты, сердце, бьешься въ жгучемъ горѣ?
 Къ чему, къ чему ты длишься жизнь моя?...

Уныніе не составляет господствующаго аккорда въ поэзіи Важа-Пшавела. Мужественности и гордости горца, воспитаннаго среди роскошной природы, чужды нытье и апатія пессимистовъ нашего времени. Въ самую горькую минуту жизни, исполненной лишений и страданій, горець поражаетъ силой своего духа, находчивостью и рѣшимостью. Эта гордость и непреклонность поэта-горца, вдохновляемаго свѣтлой надеждой на лучшее будущее, проникаетъ главнымъ образомъ его стихотворенія въ нѣмецкомъ переводѣ Артура Лейста *Georgische Dichter. Drezden und Leipzig, 1900*). Поэтъ, между прочимъ, восклицаетъ: „Die Hoffnung ich noch nicht verlier“.

Въ этомъ стихотвореніи Важа-Пшавела слышится отголосокъ воздѣйствія извѣстнаго произведенія талантливаго грузинскаго поэта кн. П. М. Бараташвили „Пегасъ“ (или „Крылатый конь“). Подчиненіе Важа-Пшавела лирѣ, манерѣ и сюжетамъ предшествовавшихъ писателей составляетъ рѣдкое, почти неувомимое явленіе его творческой фантазіи. Все обаяніе и чарующая прелесть его поэзіи заключается въ его неподражаемой самостоятельности и ненарушимой цѣльности настроенія, проникающей всѣ мелкія и крупныя его произведенія. Важа-Пшавела, при пристальномъ изученіи его отчетливаго изображенія внѣшней природы, воспринимаемой нами органами чувствъ, можетъ показаться пѣвцомъ физической красоты, виртуозомъ въ описаніяхъ формъ, колоритовъ, звуковъ и ароматовъ. Но было бы ошибочно думать, что грузинскій поэтъ, это—художникъ въ духѣ французскихъ парнасцевъ, пренебрегающихъ внутреннимъ содержаніемъ и усматривающихъ цѣль искусства въ нѣжной живописной отдѣлкѣ. Напротивъ, Важа-Пшавела полагаетъ центръ творчества въ психическомъ процессѣ, въ душѣ человѣка, способнаго претворять въ себѣ внѣшнія впечатлѣнія въ одно живое цѣлое ¹⁾. Онъ связываетъ неразрывными узами человѣка съ природою и только въ ихъ согласномъ симбіозѣ онъ видитъ осуществленіе идеала красоты и добра. Въ этомъ гуманномъ credo автора не слѣдуетъ видѣть какую-то мистическую его вѣру въ тайное родство вещей и склонность рисовать привидѣнія незримыхъ мукъ и наслажденій волшебной природы. Подобная романтическая основа его творчества опредѣленію не поддается. Естественное родство съ природою присуще Важа-Пшавела какъ уроженцу и воспитаннику причудливой поэтической среды. Его конкретное и осязательное пониманіе образовъ внѣшняго міра результатъ его длительнаго наблюденія, перевоплощеніе же его въ ихъ душу подсказано психологическимъ чутьемъ, изумительно тонкимъ перенесеніемъ свойствъ человѣка въ сферу неодушевленныхъ тварей и безсловесныхъ существъ. Этотъ художественный даръ олицетворять внѣшнія явленія, различать ихъ фзіономіи, слышать ихъ рѣчь и своеобразный тембръ голоса сообщаетъ ему тайну пропикновенія въ пѣніе птицъ, въ языкъ звѣрей, смутныя чувства цвѣтовъ.

¹⁾ Одна изъ послѣднихъ его поэмъ, появившаяся въ *Иверіи* 1902 г. №№ 87, 88, 89, 90 и 91 подъ заглавіемъ „Несчастный счастливецъ“, слѣдитъ за душевнымъ настроеніемъ героя.

Символистическая оболочка, въ которую облакаются его пьесы изъ неодушевленнаго міра, нисколько не ослабляетъ неударжимаго восторга предъ талантомъ поэта, знающаго мѣру вещей, тонко рисующаго внутреннія переживанія въ полномъ видимомъ согласіи съ внѣшними воспріятіями. Символизмъ его—не крикливаго тона, нарушающаго такъ сказать естественный ростъ сюжета; онъ незамѣтно вплетенъ въ канву произведенія и легко можетъ быть незамѣченъ. Въ этой-то способности реальной передачи внѣшнихъ впечатлѣній и психическихъ осложненій и заключается вѣчная неуываемая красота, кардинальная свѣжесть творческой палитры грузинскаго поэта. Онъ достигъ съ необычайнымъ успѣхомъ того, что называется сліяніемъ природы и искусства въ одинъ идеальный пейзажъ.

Өедоръ Разикашвили.

Братъ Луки и Николая Өедоръ Разикашвили извѣстенъ своими рассказами, составляющими украшеніе дѣтскихъ журналовъ „Джеджили“ и „Наадули“. Простота изложенія, тонкое знаніе народнаго быта, даръ проникновенія въ міръ животныхъ и птицъ, умѣнье въ нѣсколькихъ штрихахъ набросать своеобразную картину природы таковы отличительныя черты творчества Ө. Разикашвили. Кромѣ того, онъ является усерднымъ собирателемъ произведеній устной народной поэзіи.

Такъ имъ напечатаны: „Тамазъ-ханъ“ (народ. сказаніе. „Квали“ 1893 г.) „Азатъ-ханъ и Ираклій“ (1894) и рядъ другихъ народныхъ пѣсень. Ему же принадлежитъ „Смерть Моисея“, поэма, основанная на библейскомъ сказаніи о жизни прор. Моисея. Исторіи Грузіи посвящено стихотвореніе „Гаріела“, легенда о Тамарѣ, „На развалинахъ Мцхета“. (въ Иверіи), „Цискара“, сказка, записанная въ Кахетіи (въ „Джеджили“ 1890 г.) „Пѣсня пахаря“, „Плутни лисы“, „Загадка-басня“, слышанная въ „Карталиніи“, („Джеджили“) „Дочь солнца“, „Сказка о царѣ восточномъ и западномъ“, „Осель и волкъ“ (нар. пѣсня) „Насѣдка и коршунъ“ (тоже), „Сказка о соловьѣ“, „О несмѣющемся царѣ“, „Наканунъ новаго года“ (легенда), „Разсказъ хвастатао мышенка“ и др.

Бачана (Николай Разикашвили).

Бачана-Разикашвили, сельскій учитель среди горцевъ, выступилъ на литературное поприще въ 1885 г. и обратилъ на себя вниманіе маленькими лирическими стихотвореніями. Талантъ его крѣпъ и развивался. Въ первый періодъ своей поэтической дѣятельности онъ напечатать въ „Дрозба“ стихотв. „Плачь шпавки“, „Пѣсня Грузинки въ плѣну у лезгивъ“, „Дубъ“. Извѣстность ему приобрѣло не напечатанное, но распространившееся стихотвореніе, „Кто сказалъ о Грузіи?“, а затѣмъ

помѣщалъ свои миниатюрныя, скованныя изъ стали, лирическія пьесы, чудныя по формѣ и содержанію въ „Квали“ (1896 г.), „Иверіи“ (Озеро патрона звѣрей и Таглаури, стихотворенія съ этнографической подкладкой, Пѣсня Наніа; впоследствии пѣсни его появились въ „Цнобистъ-Пурцели“.

Юбилейныя годовщины Крцанискаго боя и чествованія кн. Раф. Эрнстова настроили вдохновенную лиру поэта для выраженія добрыхъ чувствъ съ призывомъ къ стойкой борьбѣ за идеаль и свободу. Стих. „Моему утѣшенію“ (Квали 1894), „Сонъ пшавцевъ“ и „Осужденная гора Казбекъ“ (Гасамартлебули Мкинвари) представляютъ интересъ, помимо художественнаго, еще бытовой.

Въ стихотвореніи *Съ миромъ лети, кукушка*,— предлагаетъ поэтъ ей при перелетѣ надъ Іерусалимомъ разсказать тамъ почивающему Шотѣ Руставели объ упадкѣ грузинскаго народа, плывущаго безцѣльно въ безбрежномъ житейскомъ морѣ и носимаго судьбой безъ надежды на спасеніе. На обратномъ пути онъ ее проситъ захватить лѣкарство противъ общественныхъ недуговъ. Въ прошломъ Грузіи онъ останавливается на величавомъ образѣ царя Ираклія II, а въ произведеніяхъ, касающихся современной жизни, иногда чувствуется дидактизмъ. Арт. Лейстъ перевелъ три его стихотворенія на нѣмецкій языкъ: *Abenddämung im gebirge, An die Eiche, Lied einer von den Lesgiern gefangenen Georgierin.*

Кн. Анастасія Георгіевна Эрнстова.

Кн. Анастасія Эрнстова, ученица Ломаури, супруга писателя Дуту Мегрели—Хоштаріа, привлекла вниманіе читателей романомъ „На скольскомъ пути“ необычайныхъ въ грузинской литературѣ размѣровъ въ 412 стр. Романистка съ широкимъ размахомъ захватила жизнь грузинскаго общества съ его традиционными переживаніями и зарождающимися явленіями. Въ романѣ отразились отцы стараго поколѣнія,—феодалы съ беззаботнымъ прозябаніемъ, и юные типы съ высшимъ образованіемъ, мечтающіе о новомъ строѣ. Сюжетъ сосредоточенъ на семейной хроникѣ богатаго карталинскаго князя Сардіонишвили. Онъ служилъ живымъ воплощеніемъ стариннаго аристократа—хлѣбосола, щедраго и гостепріимнаго. Лѣто онъ проводитъ въ деревнѣ, зиму въ Тифлисѣ. У него два сына и двѣ дочери: Титико и Окро, Макине и Гано. Сыновья учатся въ гимназія, а дочери въ институтѣ. Титико и Гано заканчиваютъ свое образованіе; первый женится на разумной и бережливой дворянкѣ Анико, вопреки спѣсивымъ воззрѣніямъ своихъ родителей. По ихъ мнѣнію кровь смертныхъ бываетъ трехъ цвѣтовъ и достоинствъ: ярко-краснаго цвѣта съ благовоннымъ запахомъ у князя, блѣдно-краснаго цвѣта безъ аромата у дворянина и чернаго цвѣта съ вонью у крестьянина. Эту легендарную градацію оттѣнковъ и запаха крови признаетъ и княжна Макине, красавица, съ институтскимъ образованіемъ. Она не-

годуеть на брата за его неравный бракъ съ дворянкой и сама выходитъ замужъ за знатнаго чиновника почтенныхъ лѣтъ, обладающаго огромнымъ имѣніемъ, съ солиднымъ окладомъ. Кн. Макрине живетъ роскошно, задаетъ балы, обѣды, окружена поклонниками, располагаетъ въ свое удовольствіе экипажами и наслаждается дачными экскурсіями. Княжна Гано вышла за кн. Ростома, современнаго бездѣльника Луарсаба Таткаридзе и спокойно продаетъ въ деревнѣ отцовское достояніе, пока оно хватаетъ. Одинъ Окро стремится къ чему-то новому. Онъ по окончаніи гимназій и университета въ Россіи, ѣдетъ въ Германію и возвращается чрезъ два года, когда родителей его нѣтъ уже въ живыхъ и имѣніемъ управляетъ братъ его, трудолюбивый Титико съ достойной супругой. Макрине за это время успѣла спустить все состояніе мужа, заняла у Титико 5000 руб. и, не получивъ новой ссуды, разсорилась съ нимъ. Окро—„ей добрый братъ“ долженъ ее выручить изъ бѣды. Она мечтаетъ женить его на богатой невѣстѣ и тѣмъ приискать себѣ новый источникъ жизни. Лѣтомъ Макрине съ неразлучнымъ братомъ пріѣзжаютъ въ деревню къ Титико. Здѣсь ихъ ожидаютъ торжественныя обѣды, пѣніе, веселіе. Не мало дѣвиць вздыхаетъ по Окро, но онъ откладываетъ мысль о женитьбѣ,—желаетъ заняться сначала приведеніемъ въ порядокъ своего хозяйства. Но судьба его неожиданно сложилась въ деревнѣ у Титико. Онъ познакомился съ княжной Кетиной, бѣдной дѣвушкой, но талантливой, жаждущей знаній и развитія, скучающей въ деревенской глуши среди бездѣльныхъ князей.

Страстью къ ней давно уже горитъ молодой и богатый князь Палико, но Кетино не сочувствуетъ ему и только идеалистически настроенный Окро плѣняетъ ея невинное, пылкое сердце. Окро ею очарованъ. Они расстаются съ клятвой въ вѣчной любви, съ твердой вѣрой, что будутъ переписываться и дѣлиться мыслями. Макрине однако не дремлетъ и принимаетъ всѣ мѣры, чтобы разстроить ихъ бракъ. Кетино получаетъ отъ Окро подметное письмо, съ отказомъ отъ даннаго слова. Убитая горемъ Кетино зачахла и слегла. вмѣстѣ съ нею страдаетъ ея безумный поклонникъ Палико. Окро также доставляютъ въ Тифлисъ письмо отъ Кетино, извѣщающей, что она будто выходитъ замужъ за Палико. Окро въ отчаяніи, сердечное его горе усугубляется тѣмъ, что имѣніе его продано за долги. Макрине потеряла мужа и пріютилась у „дорогого брата“, поступившаго для пропитанія на государственную службу. Кетино же вянетъ все больше, она не можетъ перенести измѣны Окро. А неизмѣнный другъ ея Палико умоляетъ ее съѣздить за границу не только для развлечения, но еще въ виду развитія ея таланта, обнаруживающагося въ живописи. Кетино цѣнитъ преданность своего пламеннаго друга, готова протянуть ему руку, но сердце все еще ноетъ объ Окро. Ее склоняютъ къ заключенію брачныхъ узъ съ Палико, котораго она жалѣетъ и считаетъ достойнымъ болѣе лучшей участи, чѣмъ то, что можетъ дать ей истерзанная душа. Мечта Палико осуществляется. Кетино соглашается быть его женою. Послѣ свадьбы отправляется онъ съ прелестной

Кетиной за границу и возвращается съ двумя дѣтьми черезъ два года въ то время, когда умираетъ Окро. На смертномъ одрѣ онъ все еще грезить о минувшемъ счастьи, съ его устъ не сходитъ имя его незабвенной Кетино. Макрине терзается угрызениемъ совѣсти при видѣ угасающаго брата, жертвы ея интригъ. Умирающаго Окро посѣщаетъ Кетино и обнаруживается, что Кетино никогда не писала ему „злополучнаго письма“. Макрине не въ состояніи болѣе скрываться. Ея исповѣдь переполняетъ чашу страданій Окро и онъ испускаетъ духъ. Въ сердцѣ Кетино вновь просыпается чувство мучительной къ нему любви, она заболѣваетъ и отъ чахотки погибаетъ. Палико въ моментъ ея смерти хватается за револьверъ и только появленіе въ комнатѣ ребенка, такъ похожаго на Кетино, побуждаетъ его оставить мысль о самоубійствѣ и воспитаніемъ ребенка увѣковѣчить имя своей небесной Кетино. Образъ Кетино такъ живо и нѣжно нарисованъ, столько въ ней духовной красоты и женской обаятельности, въ ея судьбѣ столько драматизма, что съ ней могутъ быть смѣло сопоставлены Лиза изъ пов. „Дворянское гнѣздо“ и Наташа изъ романа „Война и Миръ“. Для полнаго совпаденія съ Лизой ей не достаесть твердости воли, чтобы уклониться рѣшительно отъ брака съ Палико. Окро же остался человѣкомъ съ благими намѣреніями, неспособнымъ освободиться отъ путъ, наложенныхъ сестрой и выступить открыто на общественное поприще. Онъ предшественникъ настоящихъ дѣятелей съ солиднымъ образованіемъ и съ честными побужденіями.

Ан. Эрстова не менѣе близко знакома съ простонародной жизнью. Сюжетъ ея сентиментальной повѣсти *Очагъ* заимствованъ ей изъ этой сферы. Марѳа, дочь состоятельнаго крестьянина, любитъ сиротубѣдняка Симона. Бракъ ихъ неравный, печего думать о соглашеніи родителей Марѳы, для которой уже сваха пріискиваетъ приличествующаго ей жениха. Его находятъ въ лицѣ горожанина Сандро, очерченнаго авторомъ очень блѣдно. Наканунѣ сговора Марѳа съ своимъ возлюбленнымъ Симомомъ бѣжитъ въ деревню послѣдняго и, обвѣнчавшись съ нимъ, поселяется въ его наслѣдственной убогой лачужкѣ. Мать предаесть забвенію свою дочь и воспоминаетъ ее только послѣ того, какъ Симонъ погибъ трагически въ горахъ, и Марѳа осталась съ маленькимъ мальчикомъ, единственнымъ продолжателемъ отцовскаго рода, хранителемъ „очага“. Идея свободной любви въ крестьянской средѣ не впервые разрабатывается въ грузинской беллетристикѣ, но книжный языкъ и кокетливая рѣчь Марѳы не соотвѣтствуетъ характеристамъ изображаемыхъ народныхъ типовъ.

Яркія сцены изъ народной жизни Ан. Эрстова дала въ очеркѣ „Комиссія“, посвященномъ неурядицамъ, спорамъ и состязаніямъ при межеваніи, этомъ источникѣ всевозможныхъ волненій и несчастій грузинскаго народа, какъ обвѣнчавшихъ князей (Ласона), такъ и многосемейныхъ крестьянъ (Ниника, Зурабъ).

Повѣсть ея „*Господа не забраковали*“ („Квали“ 1893) и *Лазарь пересолилъ* въ („Моамбѣ“) представляютъ этнографическій интересъ. Опытъ

психологическаго анализа она сдѣлала въ разсказѣ: *Нить другого исхода* („Квали“ 1896, № 10) и обработала осетинскую легенду въ разсказѣ *Да исполнится воля Божья*.

Яковъ Свимоновичъ Гогешашвили.

Одинъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей не только въ специально педагогической области, и но въ публицистическо-литературной, Як. С. Гогешашвили занимаетъ видное мѣсто въ исторіи самопознанія грузинскаго народа. Онъ родился 15 окт. 1840 г. въ Карталинѣ, въ дер. Варіани (отсюда его псевдонимъ Варіанели). Отецъ его былъ священникъ, мать урожденная Калмахелидзе принадлежала къ фамиліи, переселившейся изъ Верхней Имеретіи. Девяти лѣтъ онъ поступилъ въ Тифлисское духовное училище. По окончаніи здѣсь курса, равно и въ Тифлисской духовной семинаріи (1861 г.) первымъ ученикомъ, на казенный счетъ онъ былъ отправленъ въ Кіевскую духовную академію. Черезъ два года по болѣзни онъ покинулъ Кіевъ и былъ назначенъ инспекторомъ Владикавказскаго духовнаго училища. Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ пріѣхать въ Владикавказъ, училище было закрыто, и Гогешашвили былъ переведенъ въ Тифлисское духовное училище преподавателемъ географіи. Затѣмъ состоялъ преподавателемъ словесности въ Тифлисской духовной семинаріи и, наконецъ, былъ избранъ и утвержденъ смотрителемъ тифлискаго духовнаго училища. По отзыву (1872 г.) синодскаго ревизора Зинченко, Як. С. Гогешашвили прекрасный преподаватель и отличный администраторъ. Онъ преодолѣлъ всѣ педагогическія затрудненія, связанныя съ слабой подготовленностью дѣтей (изъ грузинъ и другихъ народностей Кавказа), при вступленіи своемъ въ школу не понимающихъ по-русски, и съ частыми переменами наставниковъ, и достигъ того, что правильное учебные порядки и рациональные приемы преподаванія установились въ его училищѣ (какъ и въ Кутаисскомъ училищѣ, руководимомъ смотрителемъ Каландарашвили). Черезъ два года послѣ этой лестной аттестаціи Як. С., будучи обвиненъ въ насажденіи среди учащихся либерализма, былъ вынужденъ оставить службу и посвятить себя педагогическо-общественной дѣятельности. Онъ принялъ участіе во всѣхъ зарождающихся просвѣтительныхъ учрежденіяхъ. Онъ былъ учредителемъ общества распространенія грамотности среди грузинъ и состоялъ членомъ его комитета въ теченіе 20 лѣтъ. Входилъ также въ комитетъ по организаціи тифлисской дворянской школы. На литературное поприще онъ выступилъ въ 1865 г. съ грузинскимъ букваремъ и книгой для первоначальнаго чтенія. По истеченіи двухъ лѣтъ онъ измѣнилъ систему своего изложенія: вмѣсто аналитическаго метода ввелъ синтетическій и удѣлилъ мѣсто произведеніямъ народной словесности. Въ 1868 г. издалъ въ первые *Бунбисъ-Кари* (Ключъ къ природѣ) со всѣми тѣми отдѣлами, какіе онъ сохранилъ въ послѣдовавшихъ изданіяхъ: не было еще только историческаго

отдѣла. Въ 1876 г. напечаталъ *Дэна-эна* (Родной языкъ), учебникъ, построенный по аналитико-синтетическому методу, впоследствии издалъ Кокори (Бутонъ), *Азбуку*, *Акидо* или сборникъ дѣтскихъ разсказовъ, *Кунцула* (Пучокъ), сборникъ разсказовъ европейскихъ и русскихъ писателей для дѣтей старшаго возраста, *Хомли* (канделябрь, сборникъ стих.) съ книжкой для чтенія въ семьѣ, а въ 1888 г. напечаталъ *Русское Слово* съ методикой для преподавателей; впоследствии оно вышло въ 2 частяхъ. *Дэдаэна*, *Русское слово* и *Бунебисъ-Кари*, лучшіе учебники, составленные по цѣлесообразному плану. На нихъ воспитывается грузинская учащаяся молодежь въ теченіе болѣе 30 лѣтъ. Въ грузинской и русской прессѣ Як. С. принималъ всегда дѣятельное участіе какъ по вопросамъ педагогическимъ, такъ и публицистическимъ и историко-литературнымъ. Въ газ. „Дрозба“ помѣстилъ обзоръ состоянія Соединенныхъ Штатовъ по смерти Линкольна. Въ журн. *Иверія* онъ помѣстилъ историческую работу: *Чѣмъ мы были вчера?* Въ *Иверіи* же, преобразованной въ газету онъ помѣстилъ *Коренное заблужденіе*.

Въ русской газетѣ *Тифлис. Вѣстникъ* онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ въ теченіе четырехъ лѣтъ (1876—1880 гг.). Онъ здѣсь, между прочимъ, напечаталъ: 1) Къ проекту о безсловесныхъ учителяхъ, 2) О полномъ безплодіи школъ общества возстановленія христіанства на Кавказѣ, 3) О преподаваніи грузинскаго языка въ городскихъ училищахъ, 4) О мѣрахъ къ увеличенію числа грузинъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, 5) О заселеніи Абхазіи мингрельскимъ племенемъ, 6) Печальное положеніе Тифлисской духовной семинаріи. Помѣщалъ статьи въ тифлисскихъ газетахъ *Новомъ Обзор. и Возрожденіи*, а также въ столичныхъ изданіяхъ *Голосъ, Современ. Извѣстія, С.-Петербург. Вѣдомости* (въ послѣднихъ статьи: „Несправедливое обвиненіе“ въ защиту церковно-приходскихъ школъ и „Къ вопросу о мингрельской школъ“). Во всѣхъ своихъ работахъ Як. С. являлся смѣлымъ борцомъ, воодушевленнымъ идеей служенія научной педагогической правдѣ. Онъ возвышалъ неоднократно авторитетный голосъ, когда въ немъ нуждалась грузинская церковь, школа, народность.

Изъ историко-литературныхъ его работъ особенно извѣстностью пользуются: „Правда о Тифлисѣ“, „Царь Ираклій и ингилойка“, „Аспиндзскій бой“, „Икона ли причина или тоска по родинѣ“, „Что сдѣлала колыбельная пѣсня?“ (разсказъ для дѣтей). Съ большимъ знаніемъ дѣла написаны имъ работы „Какъ улучшить кавказскую народную школу“, „Къ вопросу о поднятіи образованія среди грузинъ“, и „Государственный языкъ въ грузинскихъ начальныхъ школахъ“ Нужно упомянуть еще его сочиненія педагогическаго содержанія: „Нормальное письмо“ (преимущество прямого письма) и „Разборъ учебниковъ по русскому языку“.

Видную роль въ общественной жизни Грузіи сыгралъ *Ник. З. Цхветадзе* (род. въ 1845 г.). Образованіе онъ получилъ въ Тифлис. семинаріи и Московской духовной академіи. Состоялъ 27 лѣтъ преподавателемъ исторіи въ Закавказскомъ дѣвичьемъ институтѣ. Сблизившись съ Н. Чавчавадзе

и Д. Кипіани, онъ принялъ энергичное участіе въ организаціи и въ дѣятельности общества распространенія грамотности среди грузинъ. Онъ извѣстенъ историко-публицистическими статьями въ журналахъ и газетахъ. Ему принадлежатъ слѣд. работы: *Сношенія Грузіи съ Россіей, Образованность и сельское хозяйство въ Грузіи, путевыя записки по Европѣ и др.*

Представители доктрины экономического материализма.

Три фазиса въ общественномъ развитіи, соотвѣтственно съ движеніемъ литературы, характеризуются тремя терминами, водворившимися въ грузинской прессѣ: терк-далеули, или испившіе воды изъ Терека, босая команда—или народники и хонскіе¹⁾ философы или марксисты. Первая кличка утвердилась въ 60-хъ г. за юношами, перешагнувшими чрезъ р. Терекъ. Они вернулись изъ русскихъ университетовъ съ новыми идеями, вторые зародились около 80-хъ гг. и группировались вокругъ семинаристовъ, поставившихъ себѣ цѣлью служеніе простому народу (журн. *Имеби*), третьи связали свое имя съ 90-хъ гг. съ социалистическимъ движеніемъ (журн. „Квали“).

За поколѣніемъ 60-хъ гг. съ ближайшими преемниками—А. Казбекъ, Ек. Габашвили, Разикашвили, создавшими блестящій расцвѣтъ литературы, явились писатели социаль-демократическаго направленія, вступившіе въ конфликтъ съ „отцами“. Въ то время какъ первые сѣтуютъ на отсутствіе національной школы, способной дать разумное воспитаніе, согласное съ началами педагогики, добиваются автономіи и автокефалии церкви и допущенія родного языка въ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ, вторые равнодушно относятся къ этимъ вопросамъ, поставивъ своей задачей разрѣшеніе социально-экономическихъ отношеній. Только въ самое послѣднее время вступились они (въ газ. *Заря*) за права родного языка въ школахъ, въ мѣстныхъ судахъ и въ самоуправленіи. Въ противоположность автономистамъ, они удовлетворяются мѣстнымъ широкимъ самоуправленіемъ, церковъ-же они игнорируютъ. Съ 60-хъ гг. патріоты тужатъ, что современная Грузія сбилась съ своей колѣн. Языкъ искажается и забывается въ семьѣ, воспитывающей дѣтей на русскій ладъ, женщины и матери, опора древней славы отчизны, увлекаются лишь танцами, маскарадами, модами и совершенно безучастны къ судьбѣ родины. Онѣ не воспитываютъ достойныхъ сыновъ, изломанныхъ въ добавокъ русской школой, страстныхъ до чиновъ и до теплыхъ мѣстечекъ, незнакомыхъ ни съ исторіей, ни съ литературой грузинской. Расхищается національная сокровищница: вытѣсняется языкъ, разрушаются величавые памятники старины, забывается національная музыка и пѣніе, затирается народная идея, бѣднѣетъ

¹⁾ По мѣстечку Хони, откуда вышли видные социаль-демократы: Александръ Цулукидзе и др.

дворянство, коснѣть въ невѣжествѣ и нищетѣ крестьянство, пѣтъ настоящихъ безкорыстныхъ дѣятелей среди дипломированной молодежи. Вотъ какая мрачная картина рисуется патріотами.

Соціалъ-демократы также недовольны настоящимъ, однако взирають съ вѣрою на будущее. Но предстоящее возрожденіе и преуспѣяніе, по ихъ мнѣнію, не будетъ носить національной окраски. Все, что принимаетъ народный колоритъ, они готовы обозвать буржуазнымъ строемъ, буржуазнымъ идеаломъ. Грузинскій народъ, утративъ свой обособленный укладъ, войдетъ какъ равноправный членъ въ составъ проектируемаго соціалистическаго государства. Грузинскій пролетарій не имѣетъ никакихъ специальныхъ интересовъ, отличныхъ отъ задачъ пролетарія русскаго и польскаго. Патріоты желали-бы сохранить національный языкъ, соціалисты же до послѣдняго времени считали упраздненіе его возможнымъ и даже нужнымъ. Первые огорчаются, что грузинскіе интеллигенты лишены національнаго самосознанія, вторые настаиваютъ на устраненіи всѣхъ особенностей историческаго начала. Первые продолжаютъ дѣло И. Чавчавадзе, вторые считаютъ своимъ родоначальникомъ И. Жорданія; вотъ почему главною мишенью для борьбы грузинскіе марксисты объявили дѣятельность кн. Чавчавадзе и неоднократно его подвергали беспощадной критикѣ. И. Жорданія и Ф. Махарадзе оспариваютъ его литературныя и общественныя заслуги и не менѣе суровому осужденію приговорили за его банковскую дѣятельность. Банкъ съ его публичными засѣданіями сыгралъ огромную роль какъ въ пробужденіи общественныхъ интересовъ, такъ и въ группировкѣ партій, перенесшихъ полемику и въ область литературы, слабо впрочемъ, связанную съ финансовыми операціями.

Появленіе „Квали“ въ 1893 г. и „Моамб“ въ 1894 г. знаменуетъ зарожденіе новыхъ вопросовъ въ грузинской печати. Съ 1890 гг. въ грузинской *прессѣ* затрогиваются вопросы, которыя прежде были ей чужды. Вопросы, эти касающіеся соціальнаго строя, давно занимали умы европейскихъ публицистовъ, но въ грузинской журналистикѣ только разъ въ 1882 г. г-номъ Майашвили были подняты въ „Иверіи“, но остались словомъ, брошеннымъ на неподготовленную почву. Отголоски западнаго движенія, вызваннаго капиталистическимъ строемъ, побудили русскіхъ писателей 60-хъ гг. заняться изученіемъ и улучшеніемъ экономическаго быта страны, и чрезъ посредство русскіхъ экономистовъ воспиталось новое поколѣніе грузинскихъ дѣятелей.

Вопросъ о томъ, неизбѣжно ли для Россіи капиталистическое производство, породилъ два направленія въ русской прессѣ: въ одномъ лагерѣ оказались *марксисты*, сторонники взглядовъ универсальности капиталистическаго строя, а въ другой лагерь вошли *народники*, отрицающіе возможность его водворенія въ Россіи. Въ Грузіи эти же два направленія столкнулись при первомъ появленіи статей въ духѣ экономическаго материализма. Положеніе Маркса и Энгельса, выставленное въ знаменитомъ „коммунистическомъ манифестѣ“ и выраженное въ словахъ: „Исторія всѣхъ донынѣ существовавшихъ обществъ есть исторія

борьбы классовъ“, было усвоено грузинскими марсистами и проводилось настойчиво прежде въ „Квали“, затѣмъ въ „Могзаури“. Вся совокупность отношеній производства составляетъ экономическую структуру общества, реальный базисъ, на которомъ возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуютъ извѣстныя формы общественнаго сознанія. Правовыя отношенія, равно какъ и формы государственной жизни, не могутъ быть объяснены ни сами собою, ни такъ называемымъ общимъ развитіемъ челоуѣческаго духа, но коренятся въ матеріальныхъ условіяхъ жизни. Исторія не должна заниматься психическими дѣйствіями въ ея социальной формѣ; она должна заниматься объясненіемъ политическихъ и юридическихъ движеній, равно какъ движеній философскихъ, религіозныхъ и литературныхъ, и объяснять ихъ изъ экономической основы. Таковы основныя воззрѣнія представителей экономического (или діалектическаго) матеріализма. Въ грузинской прессѣ первыми проповѣдниками экономического матеріализма явились Н. Жорданія и Джигладзе. Статьи Н. Жорданія „Экономическое преуспѣяніе и народность“ (Моамбэ, 1894 г. № IV—VI) составили эпоху въ грузинской прессѣ. Авторъ формулируетъ свою работу въ слѣд. выводахъ. Современное развитіе Грузіи слагается изъ двухъ тѣсно слитыхъ элементовъ: экономического объединенія разныхъ частей Грузіи и раздробленія грузинскаго народа въ матеріальномъ отношеніи. Оба эти процесса совершаются благодаря промышленности, капиталу. Наша жизнь, содержаніе которой прежде составляли сословныя и патріархально-идеальныя отношенія, вступила нынѣ на путь европеизаціи. Путь этотъ—дробленіе народа по имущественному состоянію и фактическое упраздненіе сословій. Такъ разрушается старинный идеальный укладъ и мѣсто его занимаетъ холодный буржуазный расчетъ.

Грузинская жизнь не такова, какой была лѣтъ 40 тому назадъ, говоритъ социаль-демократъ Гомартели ¹⁾. Въ 60-хъ годахъ центромъ грузинской жизни явилась деревня, хозяйство было натуральное, вся сила и значеніе находились въ рукахъ грузинской аристократіи, могущество которой опиралось на частную земельную собственность. Уничтоженіе крѣпостного ига ускорило въ Грузіи появленіе капитализма, благодаря увеличенію свободныхъ рукъ, но не создало его. Капитализмъ, появившись еще въ 70-хъ годахъ въ Грузіи, дѣлалъ свою работу, и въ настоящее время работа эта въ самомъ разгарѣ. Картина грузинской жизни теперь уже иная: центръ тяжести изъ деревни перемѣстился въ городъ, натуральное хозяйство уступило мѣсто денежному, представители землевладѣльческихъ интересовъ находятся въ предсмертной агоніи. Возникли съ одной стороны грузинская буржуазія, съ другой грузинскій чернорабочій. Конечно, эти новые классы далеко еще не имѣютъ опредѣленной фізіономіи, они пока находятся въ процессѣ развитія, но окончательное ихъ сформированіе—только вопросъ времени. И такъ, грузинская буржуазія несмѣлыми шагами выступила на

¹⁾ См. статьи его въ *Квали*, *Иверіи* и *Нов. Обзорнѣи*.

жизненную арену. На этой аренѣ встрѣтились съ нею соперниками русскіе, иностранцы и армяне, но изъ нихъ самой сильной соперницей надо считать армянскую буржуазію. Такъ какъ слабая грузинская буржуазія не могла сравниться съ армянской, то непріязненное отношеніе никогда не переходило въ открытую вражду; въ будущемъ же непріязненное отношеніе будетъ постепенно сглаживаться, такъ какъ развитіе капиталистическаго строя порождаетъ общность интересовъ между той и другой буржуазіей и заставляетъ ихъ объединиться точно такъ же, какъ уже на нашихъ глазахъ объединяются грузинскій и армянскій простолюдинъ. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ грузинскихъ публицистовъ того мнѣнія, что „национальная вражда“ одной части грузинской прессы и грузинскаго общества есть отраженіе экономической борьбы между буржуазіями двухъ націй. Въ этой іереміадѣ, по мнѣнію г. Гомартели, нужно видѣть отраженіе классовой вражды грузинскихъ феодаловъ къ армянамъ-ростовщикамъ.

До второй половины XIX столѣтія грузинская феодальная аристократія нисколько не относилась къ армянамъ враждебно. До XIX столѣтія эта аристократія жила постоянно въ деревнѣ; тамъ жизнь была несложная, простая, что обуславливало несложность потребностей феодала; для удовлетворенія потребностей у грузинскаго феодала все было дома въ изобиліи, покупать мало что приходилось и въ деньгахъ онъ совершенно не нуждался. Съ начала XIX столѣтія грузинскій феодалъ познакомился съ внѣшней стороной европейской жизни, у него вкусъ сталъ развиваться, потребности начали расширяться. У него появилось желаніе, если не жить въ городѣ, то, по крайней мѣрѣ, пріѣзжать часто туда, обставлять свой домъ по-европейски, какъ можно роскошнѣе, ходить на балы и вечера, ѣздить за границу и пр.—все это вызывало потребность въ деньгахъ, а у грузинскаго феодала все было, кромѣ денегъ. Отсюда и возникло начало задолженности грузинской аристократіи. Это явленіе литературнымъ достояніемъ впервые становится въ комедіяхъ г. Эрстова въ 50-хъ годахъ, но тогда грузинская аристократія еще не относилась къ армянскимъ торговцамъ ¹⁾ съ ненавистью. Аристократія брала деньги въ долгъ и тратила ихъ произвольно, вслѣдствіе чего часть недвижимой собственности, единственнаго богатства грузинской аристократіи, стала переходить въ руки армянскихъ торговцевъ. Освобожденіе крестьянъ, возникновеніе капитализма и земельный банкъ ускорили шествіе грузинскихъ землевладѣльцевъ по наклонной плоскости. Это паденіе ускорили какъ армянскіе торговцы-кулаки, такъ и грузинскій земельный банкъ, но только ускорили, а не вызвали его. Грузинскіе феодалы все-таки должны были роковымъ образомъ обѣднѣть, не потому, что они грузины, а потому, что они феодалы, дѣтище натурального хозяйства. Съ паденіемъ натурального хозяйства и возникновеніемъ капиталистическаго

¹⁾ Среди этихъ торговцевъ было очень много кулаковъ, которые всячески обирали грузинскую аристократію, замѣчаетъ Ив. Гомартели

должна была пасть и феодальная аристократія, уступивъ мѣсто и роль денежной аристократіи,—таковъ историческій процессъ; въ самомъ установленіи факта національнаго антагонизма между грузинами и армянами писатели расходятся. По мнѣнію г. Гомартели, національнаго антагонизма, въ настоящемъ смыслѣ слова, не существуетъ между этими двумя сосѣдями-народами. То, что называютъ національнымъ антагонизмомъ, не болѣе, какъ экономическій антагонизмъ между богатѣющею консервативною частью армянской буржуазіи и отживающими свой вѣкъ, разоряющимися грузинскими феодалами.

По мнѣнію же г. Джорджадзе (въ газ. *Цнобисъ-Шурцели*) между грузинами и армянами существуетъ національный антагонизмъ, и онъ совпадаетъ съ экономическимъ антагонизмомъ. Армяне экономически сильны и уже по этому одному они опасны для національнаго существованія грузинъ. Даже армянскіе переселенцы и рабочіе причиняютъ ущербъ національнымъ интересамъ грузинъ; первые занимаютъ территорію и тѣмъ стѣсняютъ грузинскихъ крестьянъ, вторые (рабочіе), при своихъ ограниченныхъ потребностяхъ, довольствуются ничтожною рабочею платою и создаютъ опасную конкуренцію грузинскимъ рабочимъ. Въ изящной литературѣ эта вражда выразилась между прочимъ въ повѣсти „Навардоба“ Меланія и въ произведеніяхъ Мачханели.

Национальный и социальный вопросъ, составляющій основу нашего развитія, теряетъ свое значеніе. По мнѣнію Джибладзе, современное теченіе экономической жизни перекинуло мостъ черезъ пропасть, отдѣляющую дворянство и крестьянство, наложило общее ярмо и, упразднивъ прежнія крѣпостническія отношенія, водворило новое постыдное рабство: новый нашъ господинъ—капиталь, предъ которымъ преклоняютъ колѣна прежній помѣщикъ и его крѣпостной; сложилось новыхъ два класса—рабочихъ и капиталистовъ. Оставаясь ортодоксальными марксистами, грузинскіе дасисты мечтаютъ объ обѣдненіи мелкихъ крестьянскихъ собственниковъ и обращеніи ихъ въ рабочій пролетаріатъ.

„Дасисты“ или марксисты вначалѣ не встрѣтили сочувствія въ грузинскомъ обществѣ. Къ нимъ, болѣею частію не обладающимъ дипломами, безъ высшаго образованія, главари прессы отнеслись съ пренебреженіемъ и взирали съ снисходительной улыбкой съ высотъ своего Олимпа. Но итъ сомнѣнія, что дасисты внесли новую струю въ грузинскую журналистику, прорыли новое русло для водворенія европейскихъ идеаловъ и внесли свою лепту въ пробужденіе грузинскаго народа. *Иверія* (впослѣдствіи „*Цнобисъ-Шурцели*“) расходилась во всѣхъ пунктахъ съ направленіемъ дасистовъ и ихъ органа *Квали*. Первая отстаивала сельско-хозяйственныя основы жизни и предлагала дворянскую школу превратить въ спеціально агрономическую, писала статьи о винодѣліи и пользѣ депо—кассъ для поднятія экономическаго быта грузинъ, а въ интересахъ духовнаго развитія она защищала читальни въ селахъ. Дасисты вдохновлялись совершенно иными мечтаніями, связанными съ городомъ, фабрикой, рабочей организаціей.

Съ 1893 г. *Квали* собрали у себя оппозиціонные *Иверіи* элементы¹⁾. Они отстаивали идею преобразования дворянской-школы въ гимназію, вели отчаянную борьбу за новыя (ведущія начало отъ „Дроэбы“) грамматическія формы,—не всегда впрочемъ правильныя,—и выдвинули важность экономическаго фактора въ общественномъ развитіи. Эпоха 60-хъ гг. поставила два вопроса, по мнѣнію П. Жорданія (*Квали*, 1896, № 18): отиѣна крѣпостного права и защита родного языка. Перваго вопроса уже не существуетъ, второй расчленяется на два пункта: экономическое развитіе цѣлаго народа и экономическое развитіе каждаго класса порознь: первый пунктъ задача національная, культурная, а второй—классовая, сословная. Прогрессъ обуславливается борьбой классовъ. Буржуазія отрицаетъ патриархально-феодалныя отношенія и устанавливаетъ буржуазный строй, рабочій же народъ отвергаетъ буржуазный укладъ и утверждаетъ коллективный. Вотъ эти два вопроса должны лечь въ основу общественной дѣятельности въ настоящемъ и стать продолженіемъ движенія 60-хъ годовъ. Съ этой точки зрѣнія для „дасистовъ“ въ *Квали* нѣтъ обособленныхъ чисто національныхъ интересовъ, по этому они своеобразно понимаютъ и вопросъ объ армяно-грузинскихъ отношеніяхъ.

Моамбе въ 1894 г. также примкнулъ къ *Квали* къ той части его программы, которая отиѣняла экономическую борьбу племенъ на аренѣ производствъ и считала необходимымъ для грузинъ, сверхъ земледѣлія, обратить свою энергію на торговлю и промышленность. Такъ зарождаются новые вопросы въ грузинской публицистикѣ. Впервые *Квали* выдвинули вопросы экономическіе и указали на зарожденіе въ Грузіи капиталистическаго производства. Эта тенденція *Квали* вызвала отпоръ со стороны *На-ли* въ „*Моамбе*“ и *Лали* въ „*Иверіи*“. Вопросъ о національности также получаетъ новое освѣщеніе у дасистовъ, настаивающихъ на союзѣ грузинъ съ армянами. Армяно-грузинская борьба объясняется ими лишь на экономической почвѣ. Не настаиваютъ они на утратѣ армяниномъ или грузиномъ національнаго облика, но должны объединиться всѣ рабочіе, въ виду ихъ общихъ интересовъ въ разрушеніи капиталистическаго производства.

Эта мысль о началѣ капиталистическаго строя въ Грузіи была усвоена впоследствии и ред. „*Иверія*“ въ лицѣ его сотрудника Лали. По его мнѣнію (1895 г. № 69), со времени освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, наступила для Россіи и въ частности для Грузіи новая эпоха. Феодално-патриархальный порядокъ разрушился и подготовилась почва для буржуазнаго уклада, поэтому-то „нашъ край“ также подвергается воздѣйствію фактовъ капиталистической эволюціи. Соглашаясь въ основномъ пунктѣ съ „дасистами“, Лали однако, исходя изъ практическихъ наблюденій, признаетъ, что для водворенія въ грузинскомъ народѣ

¹⁾ П. Жорданія помѣстилъ въ *Квали* (1895 г. №№ 28—35) статьи подъ заглавіемъ „*Моамб-Иверія и народность*“, гдѣ выражаетъ протестъ противъ стремленія органовъ И. Чавчавадзе и Чконія звать интеллигенцію въ деревню и игнорированія факта зарожденія въ Грузіи капиталистическаго производства.

капиталистическаго строя есть много препятствій и въ числѣ ихъ отсутствіе внѣшняго свободнаго рынка для предметовъ производства Грузіи, а внутри страны рынокъ очень слабъ и мало развитъ. Вскорѣ „Иверія“, а за ней „Моамбе“ еще рѣзче отмѣчали наличность водворенія въ Грузіи капиталистическаго строя. Если современная наша жизнь вступила на путь европеизаціи и подражанія западнымъ народамъ, то неизбѣжнымъ явится и капиталистическій строй. Теорія экономическаго (или діалектическаго) матеріализма всецѣло была приложена къ быту въ Грузіи Н. Жорданія въ статьѣ: „Экономическое преуспѣяніе и народность“. Онъ согласно ученію Маркса, доказываетъ, что сознательному объединенію народа предшествуютъ экономическія условія, принудительно связывающія народъ. На такой матеріальной почвѣ возводятся соотвѣтствующія политическія умственные и нравственные стороны. „Пробужденіе національнаго чувства и направленіе его къ одной цѣли возможно только на экономической почвѣ“, говоритъ онъ въ *Маамбе*, 1894 г. № 5, стр. 109 ¹⁾. Другими словами въ грузинскую прессу проникаетъ основной принципъ теоріи экономическаго матеріализма, по которому весь историческій процессъ объясняется экономическимъ факторомъ и устраняется значеніе идей религіозныхъ и культурныхъ, ибо разсматриваются онѣ какъ надстройки надъ экономической основой.

Г. Е. Церетели (*Квали* 1895, № 5) такъ формулировалъ программу „третьей фракціи“: дасисты объявили предметомъ своихъ заботъ весь грузинскій народъ безъ различія сословій, происхожденій и занятій. Грузинскій народъ составляетъ не дворянство или крестьянство въ отдѣльности, а совокупность того и другого; въ его составъ входятъ и князья, и священникъ, и купецъ, и чиновникъ, и рабочій. Эта совокупность сословій и называется грузинской націей, сложившейся подъ дѣйствіемъ одной исторической культуры, связанной языкомъ, національной вѣрой и традиціями національной самобытности“. Такому опредѣленію задачъ дасистовъ противорѣчатъ слова Н. Жорданія: „языкъ, говоритъ онъ,—не представляетъ той могучей силы, съ помощью которой два народа, говорящіе на одномъ языкѣ, могли бы соединиться для совмѣстной жизни. Языкъ лишь орудіе литературнаго и общественнаго единства, а не само единство. Языкъ средства къ жизни, а не сама жизнь. „Въ этомъ противорѣчій двухъ важней заключаются характеристика неустановленности взглядовъ дасистовъ. Борьба между марксистами и націоналистами обострилась со времени зарожденія вопроса объ автономіи Грузіи. Первые на страницахъ газетъ *Могзаури* и *Лампари*, замѣнившихъ *Квали*, отрицаютъ пользу автономіи для на-

¹⁾ Въ *Квали* 1895, № 8—11 С. Джибладзе подъ заглавіемъ „Квали и третій даси“ предсказываетъ побѣду этой партіи, какъ прогрессивной, идущей въ ногу съ жизнью; за 20—25 лѣтъ, говоритъ онъ, народилось новое капиталистическое теченіе, обусловленное торгово-промышленной жизнью, и нынѣ происходитъ дробленіе общества на 2 класса—на имущихъ и бѣдныхъ. Н. Жорданія въ *Квали* 1895 г. № 11—14 въ ст. *Иверія и народность* возражаетъ *Иверіи*, которая признаетъ нежелательнымъ дробленіе на партіи, ибо у всѣхъ грузинъ должна быть, по мнѣнію И. Чавчавадзе, одна цѣль—защита національности.

рода, а вторые въ *Иверіи, Цнобисъ-Пурцели и Шрома* единственнымъ средствомъ преуспѣянія края считаютъ автономное устройство Грузіи.

Ной Николаевичъ Жорданія, вождь грузинскихъ социаль-демократовъ, дворянинъ, родился въ 1870 г. Въ 1880 г. поступилъ въ озургетское духовное училище, а въ 1885 г. перешелъ въ тифлисскую прав. дух. семинарію, гдѣ окончилъ курсъ въ 1891 г.; въ этомъ же году онъ поступилъ въ варшавскій ветеринарный институтъ.

Еще въ семинаріи товарищи замѣтили способности Жорданія, его склонность къ научному мышленію, и когда десять лѣтъ тому назадъ возникла группа „Месамедаси“ третья партія, какъ противовѣсь грузинскимъ націоналистамъ, кавказскіе приверженцы марксизма рѣшили выдвинуть изъ своей среды кого-нибудь для научной разработки и пропаганды среди грузинъ этого ученія. Выборъ палъ на Жорданія.

Воспитанники семинаріи, священники, мѣстные интеллигенты, по копѣйкамъ и рублямъ, собрали между собой небольшую сумму денегъ, чтобы дать возможность Н. Жорданія поѣхать за границу и довершить свое научное образованіе. Жорданія оправдалъ возлагаемыя на него надежды. Поѣхавъ въ 1893 г. въ Швейцарію, онъ путешествовалъ 4 года по Франціи, Англии и Германіи. Изучивъ иностранные языки (англ., франц. и нѣм.), познакомившись въ оригиналахъ съ великими произведеніями корифеевъ европейской мысли, онъ вернулся на Кавказъ съ большимъ запасомъ научныхъ званій, съ широкой эрудиціей. Съ 1898 г. журналистики и въ теченіе 8 лѣтъ въ Грузіи онъ былъ въ первыхъ рядахъ несъ крестъ кавказскаго журналиста, крестъ обремененный стопудовой тяжестью тифлисской цензуры.

„Квали“—органъ группы „Месамедаси“, выходящій подъ его редакціей, явился первой ласточкой, возвѣстившей расцвѣтъ на Кавказѣ марксизма и рабочаго движенія. Благодаря его усиліямъ, „Квали“ скоро сталъ настольной книгой всякаго рабочаго. Въ 1901 г. дѣятельность Жорданія была временно прервана: онъ, какъ и многіе другіе, попалъ въ Метехскій замокъ, гдѣ просидѣлъ около года. Но тюрьма не исправляетъ убѣжденій, а закаляетъ. Выйдя изъ тюрьмы, Н. Жорданія опять занялся публицистикой. Однако онъ скоро принужденъ былъ эмигрировать, такъ какъ ему угрожала высылка въ отдаленныя отъ Кавказа мѣста. Послѣ амнистіи прошлаго года онъ опять получилъ возможность легальнаго пребыванія въ Россіи.

Онъ не являлся практикомъ, а былъ только научнымъ теоретикомъ, и всѣ усилія приписать ему роль агитатора - революціонера не увѣнчались успѣхомъ. Жорданія — послѣдовательный марксистъ, а въ партіи примыкаетъ по взглядамъ къ такъ называемому „меньшинству“. Одна изъ его отличительныхъ чертъ—это отвращеніе къ націонализму. Какъ марксистъ, онъ чуждъ этой язвы, разъѣдающей Кавказъ. Но быть свободнымъ отъ шовинизма, еще не значить забывать о своемъ народѣ. Напротивъ, Жорданія является сторонникомъ широка-

го самоуправления и свободы для каждой народности Кавказа въ области развитія національныхъ особенностей. Для него нѣтъ привилегіи ни для грузина, ни для армянина, ни для татарина, ни для русскаго—всѣ равны, ни одна нація не должна угнетать другую, но зато и каждой націи должно быть предоставлено развивать свою культуру.

Имя его, какъ грузинскаго публициста, знакомо всякому образованному грузину, и онъ очень популяренъ среди рабочихъ, которые полагають, что недостатокъ краснорѣчія не помѣшаетъ ему быть энергичнымъ работникомъ въ Думѣ, куда онъ поѣхалъ въ 1906 г. депутатомъ отъ г. Тифлиса и стойкимъ идейнымъ борцомъ за народную свободу.

Г. Е. Церетели (1842 – 1900).

Изъ писателей плеяды 60-хъ гг. Г. Церетели первымъ отозвался на зарождавшееся новое умственное движеніе и ученіе марксистовъ. Издаваемый имъ журналъ *Квали* сдѣлался органомъ дасистовъ. Самъ изъ беллетриста школы И. Чавчавадзе превратился въ представителя экономического матеріализма. Свои симпатіи къ дасистамъ выражалъ не только въ публицистическихъ статьяхъ, но и въ повеллахъ.

12-го января 1900 г. въ Тифлисѣ на 58 году жизни скончался послѣ продолжительной болѣзни этотъ плодовитый писатель и общественный дѣятель. Георгій Ефимовичъ Церетели, уроженецъ Шорапанскаго уѣзда Кутаисской губ., получилъ хорошее образованіе сначала на родинѣ, а потомъ въ петербургскомъ университетѣ и слушалъ лекціи въ Швейцаріи и Германіи по естественнымъ и социологическимъ наукамъ. Въ 1863 г., въ эпоху общественнаго подъема, въ виду подготовлявшагося въ Грузіи освобожденія крестьянъ изъ-подъ крѣпостной зависимости, онъ примкнулъ къ кружку кн. И. Г. Чавчавадзе, кн. А. Р. Церетели и И. Я. Николадзе, который взялся проводить въ жизнь и литературу новое гуманное вѣяніе и просвѣтительныя взгляды. Начавъ свою литературную дѣятельность еще со студенческой скамьи въ журналѣ *Цискари* (1862 г.), онъ перешелъ потомъ въ число сотрудниковъ новаго журнала кн. Чавчавадзе *Вѣстникъ Грузіи (Сакартвелосъ Момбэ)*, а въ 1866 г. онъ сталъ издавать газ. *Дрозба*, ставшую первенцемъ грузинской ежедневной прессы, если не считать газеты, вышедшей въ тридцатыхъ годахъ въ количествѣ лишь нѣсколькихъ номеровъ. Г. Е. Церетели, работая съ необычайной энергіей, до истощенія силъ въ своей газетѣ, вынужденъ былъ передать ее С. Месхи, а самъ основалъ журналъ *Кребули*, ведя одновременно и полуофициальное изданіе—*Сельскую Газету*. Сильное умственное утомленіе въ связи съ матеріальными невзгодами заставило его отказаться отъ журнальной работы и передать оба изданія другимъ лицамъ. Впослѣдствіи, по возвращеніи изъ-за границы, онъ состоялъ во время русско-турецкой кампаніи военнымъ корреспондентомъ *Голоса и Нов. Времени* и сталъ принимать

участіе въ мѣстной прессѣ: въ русской—*Тифлисскій Вѣстникъ* и въ грузинской—*Дрозба* и *Иверія*. Въ 1891 г. онъ приступилъ вмѣстѣ со своей супругой кн. А. Н. Тумановой къ изданію дѣтскаго журнала *Джеджили* и черезъ два года основалъ иллюстрированный журналъ *Квали*, въ которомъ онъ помѣщалъ статьи историческаго, публицистическаго и археологическаго содержанія. Помимо вышепоименованныхъ работъ, Г. Е. Церетели принадлежитъ рядъ рассказовъ и повѣстей, въ которыхъ онъ является строго-реальнымъ бытописателемъ. Онъ создалъ въ этомъ направленіи новую школу въ грузинской литературѣ, и его ближайшимъ послѣдователемъ былъ беллетристъ марксистъ Игнатій Ниошвили. Поглощенный журнальной работой и дѣлами общественнаго самоуправленія, Г. Е. находилъ время и для научныхъ занятій. Онъ состоялъ членомъ московскаго археологическаго Общества, и въ „Трудахъ“ его напечаталъ двѣ обстоятельныя работы „Полное собраніе надписей Гелатскаго монастыря“ и „Археологическая экскурсія по Квирильскому ущелью“. Какъ человекъ, онъ отличался непреклонностью убѣжденнаго борца за принципы шестидесятыхъ годовъ, рѣдкимъ безкорыстіемъ и искренностью въ своихъ сужденіяхъ.

Въ 1893 г. Кутаисское издательское товарищество приступило къ изданію сочиненій Георгія Ефимовича Церетели. Одинъ за другимъ въ теченіе двухъ (1893—1894 гг.) лѣтъ были отпечатаны первый и второй томы и лишь по истеченіи цѣлаго десятилѣтія появился третій томъ, заключающій романъ *Первый шагъ*. Въ составъ перваго тома вошли „Отрывки изъ писемъ туриста“ въ двухъ частяхъ подъ заглавіемъ *Киколики*, *Чиколики* и *Кудабзика*. Второй томъ весь посвященъ повѣсти *Цветокъ нашей жизни*. Кроме того, имѣются еще въ отдѣльномъ изданіи два рассказа Г. Церетели: *Тетушка Асматы* (1888, изд. „Иверія“) и *Сѣрый волкъ* (1892). Вотъ почти весь беллетристическій матеріалъ, который мы привлекаемъ для оцѣнки значенія покойнаго писателя въ области художественной литературы. Заслуги же его, какъ археолога, историка и публициста ¹⁾, могли бы составить предметъ особой работы.

Г. Церетели дебютировалъ еще со студенческой скамьи на литературномъ поприщѣ въ 1862 г. небольшой полемической статьёй, напечатанной въ „Цискари“ за подписью Тергдалеули, терминъ, получившій въ послѣдствіи смыслъ особаго лозунга въ жизни грузинской молодежи. Черезъ годъ (1863 г.) въ журналѣ кн. И. Чавчавадзе „Сакартвелось Моамбэ“ онъ выступилъ ужъ противъ „Цискари“ подъ псевдонимомъ Г—тели съ письмомъ полемическаго характера ²⁾.

Названныя двѣ статьи Г. Церетели еще не вошли въ собраніе его сочиненій. Рассказъ *Киколики*, *Чиколики* и *Кудабзика*, открывающій первый

¹⁾ Въ *Квали* онъ помѣстилъ рядъ историко-археологическихъ, филологическихъ и критико-библиографическихъ работъ.

²⁾ Въ 1873 г. онъ помѣстилъ въ *Кребули* переводъ трагедій Гете „Эгмонтъ“. См. брошюру, изд. въ память Г. Е. Церетели съ перечнемъ его сочин. (Т. 1900).

томъ, впервые появился въ редактируемой авторомъ газ. „Дрозба“, за 1866 г. Ему шель въ это время двадцать четвертый годъ, но онъ уже достаточно былъ вооруженъ специальнымъ знаніемъ въ области естествознанія и довольно основательнымъ знакомствомъ съ древней грузинской письменностью и народнымъ творчествомъ. Наблюдательный талантъ, умѣнье подмѣтить слабыя черты характера формирующейся грузинской интеллигентной молодежи, ѣдкій юморъ, соединенный съ благородными порывами автора къ насажденію новыхъ европейскихъ взглядовъ на общественную службу, назначеніе образованной женщины, необходимость улучшенія крестьянскаго быта,—все это сообщаетъ первому крупному произведенію Г. Церетели широкое культурное значеніе, выходящее за предѣлы обычной бичующей сатиры и рисующей вдали свѣтлые идеалы.

Разсказъ начинается съ того, что въ 186... г., въ послѣднихъ числахъ мая пріѣхалъ Киколики въ Кутаисъ, направляясь отсюда въ Сванетію. Киколики предложилъ автору принять участіе въ этомъ обѣщающемъ быть интереснымъ путешествіи. Авторъ охотно согласился, такъ какъ дома на него косо смотрѣли, не одобряя его уклоненія отъ государственной службы, которую онъ считалъ унижительнымъ занятіемъ, въ виду деспотическаго отношенія старшихъ чиновниковъ къ младшимъ. Пользуясь случаемъ вырваться изъ семьи, осыпающей его упреками, авторъ вмѣстѣ съ Киколики и съ двумя еще туристами—Чиколики и Кудабзики пустился въ трудное путешествіе на своемъ капризномъ нестриженномъ осликѣ.

Киколики и Чиколики были въ формѣ, соотвѣтствующей ихъ служебному положенію и снискивающей имъ почетъ по дорогѣ среди обывателей. Кудабзики, игравшій роль гонца, отставалъ на своей клячѣ и вынужденъ былъ, скрѣпя сердце, ѣхать на ряду съ авторомъ, одѣтымъ по мужицки. Педворянскій костюмъ автора, родовитаго по происхожденію, причинилъ ему не мало огорченія. Куда путники не пріѣзжали, вездѣ прислуга пренебрежительно съ нимъ обходилась: самъ долженъ былъ осѣдлатъ коня, занималъ послѣднее мѣсто, не получалъ полотенца, полагая, что ему можно утираться собственной шерстяной чохой. Вездѣ больше всѣхъ говорилъ Чиколики, перебирая и преувеличивая, „какъ подобаетъ грузину“. Касаясь разнообразныхъ темъ ихъ разговора, авторъ обнаружилъ настоящій юмористическій талантъ. Ядовитыя, мѣткія замѣчанія разсыпаны щедрою рукою. Словоохотливый, съ волчьимъ аппетитомъ, Киколики не смущаясь говорить обо всемъ. Чиколики, нѣсколько тяжеловѣсный, съ высокимъ представленіемъ о своей мудрости, помалкиваетъ, вставляя мимоходомъ брошенные словечки, чтобы поддержать бесѣду.

Путникамъ приходится затрогивать самыя животрепещущія темы сообразно съ тѣмъ, съ кѣмъ сталкиваетъ ихъ судьба. Съ однимъ духаникомъ изъ Одиши (Чигунча), съ незаконорожденнымъ сыномъ какого-то мингрельскаго князя, рѣчь идетъ о пріобрѣтеніи правъ дворянства. Чиколики ему обѣщаетъ свое содѣйствіе. Встрѣча въ духанѣ Чигунча съ

толстымъ княземъ Дазга, „глотающимъ, повидимому, больше кукурузнаго хлѣба, чѣмъ гоми“, представляетъ образецъ тонкаго юмористическаго описанія. Не менѣе занималъ путниковъ тревожный вопросъ объ освобожденіи крестьянъ изъ-подъ крѣпостной зависимости, стоявшій тогда на очереди. Собесѣдники касались также уцѣлѣвшихъ пережитковъ и плохихъ путей сообщенія.

Такъ, господствовалъ еще тогда обычай у кн. Д—ни со свитой изъ 60 лицъ посѣщать свои владѣнія и кормиться въ теченіе двухъ недѣль на счетъ крестьянъ. Авторъ не упускаетъ случая по пути знакомить читателей съ памятниками старинной архитектуры и древней письменности въ родѣ Русуданіани и Джимшедіани. Для уясненія личностей, его сопровождавшихъ, авторъ обращается къ университетскимъ воспоминаніямъ. Въ С.-Петербургѣ, гдѣ онъ слушалъ лекціи на естественномъ факультетѣ, онъ знакомится на квартирѣ стараго студента Киколики съ однимъ полякомъ Х—скимъ, образованнымъ и начитаннымъ въ области исторіи освобожденія Америки и Италіи, восторгавшимся героизмомъ Вашингтона и Гарибальди. Этотъ убѣжденный и благородный патріотъ производитъ сильное впечатлѣніе на автора, который пораженъ вмѣстѣ съ тѣмъ контрастомъ и невѣжествомъ, обнаруживающимся въ грузинскомъ студентѣ, его полнымъ незнакомствомъ съ исторіей какъ своего народа, такъ и со всеобщей исторіей. Киколики сравнительно съ Х—скимъ оказался самоувѣреннымъ невѣждой, мнящимъ себя достойнымъ соперникомъ своего умнаго собесѣдника и руководителемъ кружка своихъ юныхъ соотечественниковъ. Впослѣдствіи Киколики рисуется столь же мало удовлетворяющимъ въ сферѣ той дѣятельности, которой онъ себя посвящаетъ въ Тифлисѣ. Здѣсь дипломированный педагогъ въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ занятъ присканіемъ себѣ богатой невѣсты среди своихъ ученицъ. Киколики, впрочемъ, не лишень патріотическихъ порывовъ, но съ непремѣннымъ ихъ расчетомъ на личныя выгоды. Онъ затѣваетъ вмѣстѣ съ двумя еще лицами изданіе грузинской газеты, при чемъ главнымъ иниціаторомъ является Меликъ-ага, человекъ со средствами, предложившій открыть предварительно типографію, гдѣ можно было бы печатать какъ газету такъ и книги на благо народа. Къ этимъ двумъ лицамъ примыкаетъ еще Блукуна. Въ редакцію приглашаютъ Сагату, молодого человека съ университетскимъ образованіемъ, предъ тѣмъ учительствовавшаго въ деревнѣ. Онъ оказался незамѣнимымъ работникомъ въ составѣ неподготовленныхъ сотрудниковъ, проявилъ необычайную стойкость и даже упрямство въ отстаиваніи своихъ взглядовъ, столкнулся на этой почвѣ съ официальными руководителями—заправилами газеты, а своимъ новымъ литературнымъ языкомъ возбудилъ недовольство въ значительной публикѣ. Сагата былъ огорченъ еще тѣмъ, что удачныя статьи приписывались читателями Киколики, а неудачныя ему,—и все это побудило Сагату получающаго за свой адскій трудъ скромное вознагражденіе—30 руб. въ мѣсяцъ, разстаться съ газетой. Онъ переселился въ Кутаисъ, гдѣ и встрѣтился вновь съ Киколики, отправляющимся ревизовать горскія школы.

Въ лицѣ Сагаты, нѣтъ сомнѣнія, авторъ изобразилъ себя. Биографическія свѣдѣнія объ немъ совпадаютъ съ тѣми данными, которые выше указаны. Въ 1866 г. когда Н. Гогогеберидзе, Вах. Тулашвили и Ст. Меликишвили затѣяли издавать газ. „Дрозбу“, то редакторомъ ея былъ приглашенъ Г. Церетели съ жалованьемъ въ 30 р. въ мѣсяцъ. Скудный гонораръ не покрывалъ его расходовъ, и онъ вынужденъ былъ дополнять его заработкомъ на частныхъ урокахъ. Г. М. Тумановъ вспоминаетъ его учителемъ въ пансіонѣ Кишіани (1866 г.), гдѣ онъ производилъ на воспитанниковъ чарующее впечатлѣніе своею поэтическою мечтательностью и юношескою свѣжестью. Онъ поощрялъ увлеченія учащихся спектаклями на ученической сценѣ и литературные дебюты въ рукописной грузинской газетѣ. Онъ былъ уже въ то время извѣстный дѣтскимъ литераторъ и театралный дѣятель. Въ 1866 г. онъ уже основалъ самостоятельно газ. „Сасопло Газети“. Не трудно узнать и другихъ членовъ редакціи, выведенныхъ авторомъ подъ псевдонимами. Слишкомъ прозраченъ намекъ на журналъ Читорелидзе, не смотря на большой успѣхъ прекратившій вскорѣ свое существованіе. Конечно, здѣсь имѣется въ виду „Сакартвелосъ-Моамбэ“ Ильи Чавчавадзе, ставшаго во главѣ движенія въ пользу освобожденія крестьянъ изъ-подъ крѣпостной зависимости. Самъ Г. Церетели примкнулъ къ юному кружку, который взялся проводить въ жизнь и литературу новое гуманное вѣяніе и просвѣтительные взгляды. Нерѣдко и впоследствии въ его художественныхъ произведеніяхъ слышится отголосокъ живой дѣйствительности. Весь преданный общественнымъ интересамъ, принимая дѣятельное участие въ городскомъ самоуправленіи и комитетѣ народной грамотности, человекъ увлекающійся партійной борьбой и близко стоящій къ всѣмъ слоямъ грузинской интеллигенціи, Г. Е. Церетели отражалъ смѣну общественныхъ теченій во всѣхъ своихъ беллетристическихъ и публицистическихъ работахъ, съ юношескою чуткостью до конца своей жизни прислушивался къ зарождающемуся въ новомъ поколѣніи настроенію и первый поднималъ знамя борьбы за новые идеалы. Въ исторіи грузинской печати онъ сохранилъ имя перваго редактора первой грузинской газеты „Дрозба“, среди беллетристовъ славу талантливаго реалиста, а современные груз. социаль-демократы сочтутъ его первымъ своимъ родоначальникомъ.

Первыя его беллетристическія произведенія сочетаютъ два элемента: художественный и публицистическій. Таковы „Записки путешественника“, появившіяся въ газ. *Дрозба* вслѣдъ и подъ вліяніемъ „Писемъ туриста“ кн. П. Чавчавадзе. Онѣ опредѣлили дарованіе и направленіе юнаго писателя. Въ этихъ наброскахъ, отмѣченныхъ несомнѣннымъ художественнымъ талантомъ, предъ читателемъ проходитъ рядъ юмористическихъ бытовыхъ картинокъ изъ имеретинской жизни. За ними послѣдовалъ романъ „Цвѣтокъ нашей жизни“, по своей психологіи дѣтской жизни и идеализаціи новыхъ людей во многомъ напоминающій лучшую прозу А. Шеллера-Михайлова („Гнилыя болота“, „Жизнь Щупова“).

Весь II томъ посвященъ повѣсти подъ заглавіемъ *Цвѣтокъ жизни*. Сюжетъ ея составляетъ жизнь барчука Дито Квеладзе сначала въ домѣ вліятельнаго діамбега, потомъ въ школѣ, въ той особенной обстановкѣ, которая процвѣтала въ эпоху крѣпостного права конца 50-хъ годовъ. Повѣсть открывается тѣмъ, что Дито для забавы дергаетъ за закрученные усы преданнаго ему 40-лѣтняго слугу Тонике Квимитадзе, причиняя ему страшныя боли. Эта жестокая забава прекращается лишь тогда, когда Дито получаетъ отъ Тонике обѣщаніе доставить ему порохъ и деревянный пистолеть, чтобы стрѣлять въ птицъ.

Тонике былъ церковный крестьянинъ, человѣкъ разсудительный и осторожный. Онъ звалъ отца Дито „господиномъ“, хотя онъ и не былъ его баринъ. Дито любилъ подвижное лицо Тонике, его живой разговоръ, и когда онъ появлялся, то мальчикъ отъ него отступалъ. Для своей забавы онъ даже велѣлъ высѣчь розгами своего интереснаго рассказчика, а потомъ сѣлъ на него, принудивъ на четверинкахъ его прокатить. Этого необузданнаго мальчика, задающаго тонъ въ домѣ капризнаго тирана, отправляютъ учиться въ К... Ему въ это время исполнилось 10 лѣтъ. Не смотря на то, что отецъ далъ ему на дорогу одинъ рубль гривенниками, не взирая на мольбы матери и старанья прислуги, Дито не могли посадить на коня. Тогда его связали по рукамъ и ногамъ и такъ привезли въ К. къ дядѣ Жверіа. Послѣдній былъ мелкій чиновникъ, получалъ жалованье 7 руб. въ мѣсяць, однако считался богатымъ человѣкомъ. Онъ держалъ въ сырой комнатѣ „папха“ пансіонъ для бѣдныхъ родственниковъ; зиму мальчики проводили въ этой плетеной хатѣ, а весной они устраивались въ лѣсу. Эту ораву, доходящую до 10—12 душъ, питалъ онъ впроголодь, неаккуратно получая за нихъ взносы натурой хлѣба и вина. Не удовлетворенный аппетитъ побуждалъ дѣтей воровать фрукты въ городскихъ садахъ и таскать домашнихъ птицъ у ближайшихъ сосѣдей. За нарушение дисциплины Жверіа сурово каралъ ихъ розгами. Пансіонеры имѣли одно общее полотноце, одну гребенку и почти общее одѣяніе, которое приходилось часто распредѣлять между дѣтьми самому Жверію. Въ свободные часы отъ занятій заставлялъ ихъ работать въ саду или пасти свиней и козь. Постомъ кормилъ разъ въ день изъ религіозныхъ убѣжденій. Дито, проголодавшись постомъ, совершилъ кражу хлѣба у хромаго надзирателя-моурова въ домѣ Жверіа и попытался бѣжать домой, такъ какъ понесъ суровое наказаніе розгами за свой проступокъ. Однако былъ пойманъ и возвращенъ въ папху, примирился съ своей участью и сдѣлался отчаяннымъ союзникомъ своихъ опытныхъ въ проказахъ товарищей. Онъ сталъ самымъ искуснымъ жожакомъ въ набѣгахъ *дарбева*-пансіонеровъ при проникновеніи въ курятники и сады. Зимой похищали они дрова, разнесли заборы и крышу у сосѣдей, чтобы топить свое сырое помѣщеніе. Родные объ нихъ уже не беспокоились. Въ школѣ также царила суровая дисциплина, покоящаяся на системѣ розогъ, примѣняемыхъ начальствомъ, и колотушекъ со стороны товарищей. Онъ получалъ отъ нихъ разныя прозви-

ща—«козла» и пр. (тхи, тхиствина)... Обучение шло по старой методѣ „Старшій“ ученикъ училъ чтенію по таблицѣ. Въ первый же день „старшій“ написалъ Дито пять буквъ: *а, б, в, г, д* и, прочитавъ съ нимъ трижды, обязалъ Дито повторить самостоятельно. Дито залпнулся на четвертой буквѣ, а „старшій“ хотѣлъ воспользоваться своимъ правомъ и ударилъ его по рукѣ. Дито началъ орать. Учитель на крикъ мальчика подошелъ и сталъ спрашивать, что случилось. На этотъ вопросъ „старшій“ далъ отвѣтъ, который былъ понятенъ искусившемуся педагогу тогдашняго времени: „Его не знаетъ... не хочеть... бить“ Возмутившійся учитель пакинулся на Дито: „Ахъ, ты каналья, какъ ты смѣешь ревѣть. Дай руку!“ И получилъ онъ нѣсколько ударовъ. Съ того дня Дито уже ничему не учился. Его били, и забили. Изъ живого мальчика онъ сталъ жалкимъ и неповоротливымъ. Но за то у него пошло впрокъ изученіе грузинскаго алфавита хуцури у дьячка, который при посредствѣ его отца искалъ священническаго мѣста у епископа. Вскорѣ онъ усвоилъ первый псаломъ и получилъ душевное удовлетвореніе.

Затѣмъ онъ уразумѣлъ русскую азбуку и безъ труда къ удивленію „старшаго“ прочиталъ на таблицѣ: „Богъ, Духъ, Благій“, а въ субботу и самое трудное „Преиз-бы-то-чес-твую-ще-му-ся“.

Не столь скоро уразумѣлъ тонкость русской грамматики, въ родѣ „коликій—толикій, поколику—потолоку. Приготовленія къ экзаменамъ ясно указываютъ, какого труда и сколькихъ слезъ стоило заучиваніе на непонятномъ языкѣ заповѣдей, стиховъ, басенъ (Стрекоза). Понятно неописуемое удовольствіе Дито, когда ему приходилось на Рождественскія вакаціи забыть на короткое время жизнь впроголодь и школьное мученіе вмѣсто ученія и возвращаться домой въ сопровожденіи того же неугомонаго рассказчика Тонике. „Тюрьма“ замѣнялась просторомъ, розги учителей лаской матери, рассказы на чуждомъ языкѣ интересными сказаніями Тонике изъ жизни Христа, повѣртіями народа, воспоминаніями изъ временъ Крымской кампаніи. Русско-турецкая война объясняется по словамъ Тонике желаніемъ султана вступить за поправленія права Грузіи. Тонике принималъ участіе въ этой войнѣ и приобрѣлъ уваженіе грузинскаго офицерства своимъ хорошимъ пѣніемъ, за которое его щедро наградили. Очень забавенъ одинъ эпизодъ, который характеризуетъ Тонике какъ находчиваго въ нуждѣ человека: онъ выдалъ разъ себя за гадателя и бѣдной старушкѣ доставилъ удовольствіе, предсказавъ скорое выздоровленіе любимой дочери. Мзда за это была ему велика и обильна.

Столкновеніе трехъ грузинъ съ 7 русскими солдатами и торжество первыхъ возбудило сомнѣнія въ Дито, которыя были разсѣяны рѣшительнымъ сравненіемъ со стороны Тонике русскаго солдата съ неповоротливой уткой. Такими „исторіями“ занималъ Дито его вѣрный Тонике по дорогѣ, въ морозныя ночи, въ деревню изъ Кутаиса.

Дома его согрѣла теплая ласка матери. Дито просидѣлъ день Рождества въ комнатѣ, такъ какъ выпалъ глубокой снѣгъ и ѣхать викауда

нельзя было. Онъ былъ со всѣми любезенъ, даже съ крѣпостными слугами, которые удивлялись его превращенію изъ львенка въ овечку. Однако онъ далъ почувствовать въ себѣ прежняго властнаго Дито: онъ вступился за мальчика Кико, котораго за похищеніе яицъ немилосердно билъ моуравъ Сосика. Хворостиной онъ смягчилъ расходившагося Сосика.

Къ наиболѣе любопытнымъ страницамъ этой книги принадлежатъ воспоминанія, очевидно, самаго автора о К... гимназій конца пятидесятихъ годовъ. Къ этому времени К... трехклассное уѣздное училище было преобразовано въ гимназію. Учителями были назначены пріѣзжіе изъ Россіи частью съ университетскимъ образованіемъ, частью же составшіеся безъ движенія столоначальники, привлекаемые льготой за 20—лѣтнюю службу получить окладъ жалованья въ видѣ пенсіи. Природа, отличающаяся богатствомъ растительности и теплотой, также побуждала русскихъ стремиться въ Грузію. Изъ нихъ нѣкоторые были не высокаго мнѣнія о „темнокожихъ грузинахъ, которыхъ необходимо вновь крестить“, но были и такіе, которые проникнуты были желаніемъ сблизиться и сдружиться съ этимъ народомъ. Но по пріѣздѣ въ Грузію и они мѣнялись: имъ не нравился кинто съ его короткой черкеской вмѣсто армяка, высокими каблуками и длиннымъ кинжаломъ, ему претилъ громкій разговоръ туземцевъ, жалобныя пѣсни и зурна, раздающаяся съ развалинъ старинныхъ башенъ. Въ самой натурѣ Грузіи, съ ея горами и быстротекущими рѣчками, было много чуждаго пріѣзжимъ піонерамъ культуры.

Пріѣзжій начинаетъ отдаляться отъ мѣстнаго населенія, настойчиво требуетъ уничтоженія туземныхъ языковъ и водворенія одного государственнаго языка. Эти-то носители русской культуры рѣшали судьбу мальчиковъ К... гимназій. На педагогическомъ совѣтѣ директоръ доказывалъ, что грузины короткоголовые и умъ ихъ не способенъ къ развитію. Онъ называетъ грузинскій языкъ дикимъ, даже бѣсовскимъ языкомъ (стр. 114, ср. новые отзывы ректоровъ дух. семинаріи). По его мнѣнію, у грузинъ нѣтъ ни исторіи, ни литературы, даже языкъ ихъ не управляется грамматическими правилами.

Поэтому онъ ежедневно при представленіи отчета начальству требуетъ упраздненія преподаванія въ школахъ этого языка. Онъ лѣститъ въ глазахъ, хотя и ненавидитъ грузинъ-учениковъ; послѣдніе платятъ ему тѣмъ же и называютъ его фарисеемъ. Преподаватель русскаго языка, горбатый съ удлинненнымъ лицомъ, не сумѣлъ внушить дѣтямъ любви къ русской словесности и ясныхъ представленій о механизмѣ русскаго языка. Грамматическія и цитическія его объясненія оставались неувоенными, такъ какъ ученики не понимали самого языка, на которомъ сообщались эти свѣдѣнія. Онъ же приписывалъ эту безуспѣшность тупости грузинскаго ума. Такого же мнѣнія и другіе преподаватели, изъ которыхъ ни одинъ не вздумалъ изучить языкъ своихъ питомцевъ, объясниться съ ними на родномъ языкѣ и тогда судить объ ихъ неспособ-

ности къ культурѣ. На педагогическомъ совѣтѣ выяснилось, что окончивающіе гимназію ученики по всѣмъ предметамъ сдали экзамены удовлетворительно, за исключеніемъ письменнаго испытанія по русскому языку. Горбатый учитель настаивалъ, что онъ не согласится дать аттестатъ ученику Лега, бѣдному сиротѣ, оказывавшему слабые успѣхи по его предмету, въ особенности въ соч. „О вліяніи кочевой и земледѣльческой жизни на человѣческой родъ“, и проявившему непочтеніе къ нему тѣмъ, что его объясненіе ораторской рѣчи Лега нашель неудовлетворительнымъ. Совѣтъ въ 12 час. почти постановилъ лишить Лега аттестата. Это рѣшеніе подслушала много претерпѣвшій сирота и жестоко отомстила своему учителю, поймавъ его въ темномъ переулкѣ. Лега и всѣ взрослые ученики были исключены. Дито былъ очень огорченъ участіемъ Лега, обнаружившаго способности въ технику. Дито тоже ожидало испытаніе: онъ потерялъ родителей, и дядя принялъ на себя заботу объ немъ.

Мальчикъ былъ въ отчаяніи. Выходомъ изъ печальнаго положенія было опредѣленіе его въ благоустроенный пансіонъ при гимназіи. Имѣя все въ свое время, будучи чисто одѣтъ и проживая въ свѣтломъ помѣщеніи, Дито сталъ учиться отлично. Нашелся у него недругъ въ лицѣ одного лѣнтяя, по имени Байкуши, который всѣмъ давалъ позорныя прозвища: „бычачій глазъ“, „мѣшокъ“, „стойка“ и др. Дито не избѣгъ его нападокъ, но далъ отпоръ ему, донесъ начальству; что Байкуши бьетъ дѣтей. Виновникъ былъ запертъ въ карцеръ, но оттуда вскорѣ бѣжалъ.

Дито съ удовольствіемъ вспоминаетъ въ послѣдствіи учителя—естественника, польскаго происхожденія Уманскаго, который также оцѣнилъ и любилъ любознательнаго мальчика. Уманскій былъ благородный наставникъ юношей, внушающій честныя мысли и возбуждающій порывы къ наукѣ. Умственный горизонтъ Дито въ школѣ постепенно расширяется, у него зарождается идея объ общественной службѣ. Лѣтомъ въ деревнѣ онъ помогаетъ крестьянамъ при уборкѣ кукурузы и завоевываетъ симпатіи всѣхъ своей простотой и сердечностью. Среди нихъ онъ слышитъ старинныя сказанія на библейскіе мотивы о Гедеонѣ и историческіе сюжеты. Онъ увлекается выразительнымъ языкомъ разказчика—Моше Себискверидзе, кахетинца, воспитавшагося въ Джруцкомъ монастырѣ.

Дито сблизился и съ дядей, котораго онъ порадовалъ своими познаніями въ грузинской и всеобщей исторіи. Дито обожалъ Сципіона и Аннибала, искалъ случая выказать себя похожимъ на нихъ. Съ любопытствомъ онъ внималъ разказамъ дяди о житьи свв. Давида и Константина, царицы Кетевани, волновался при описаніи вторженія персовъ временъ шахъ-Абасса въ Грузію. Дядя читалъ ему стихотворенія грузинскихъ поэтовъ (Килкля Дамана и др.), проводники сообщали ему по дорогѣ легенды и пѣсни о развалинахъ, окружающая мѣстность наводила его на размышленія,—и все это питало его патріотическое чувство. Онъ рѣшилъ ѣхать въ университетъ, чтобы достойно приготовиться къ общественной дѣятельности. Дядя мысль эту одобрилъ и различными сентенціями внушилъ ему идею о приобрѣтеніи „имени на зем-

лѣ“. Предъ Дито смутно вырисовывалась грядущая арена общественной службы.

Авторъ заканчиваетъ свою повѣсть исторіей пробужденія въ немъ первой любви къ Маринѣ, проживающей въ деревнѣ у его тетки, супруги Жверія. Марина была 15 лѣтъ, стройная, съ живыми глазами и лукавымъ выраженіемъ. Юноша былъ охваченъ первымъ глубокимъ чувствомъ къ дѣвушкѣ, которая на видъ казалась къ нему холодной, но на дѣлѣ питала къ нему такую привязанность, что по его отъѣздѣ на охоту для развлечения, она заболѣла, и эту внезапную немощъ объясняли вліаніемъ чаръ. Разлука съ Мариной отразилась и на Дито. Его привезли больнымъ въ К... гимназію. Кончилась эта первая сердечная катастрофа благополучно. Дито сдалъ въ началѣ 60 гг. экзамены и на казенный счетъ былъ отправленъ въ С-Петербургскій университетъ.

Въ этой повѣсти также вскрываются автобіографическіе намеки и воспоминанія автора о системѣ преподаванія въ Кутаисской гимназіи, о сельской жизни и въ особенности зарожденія его пламенной любви къ грузинской старинѣ, впоследствии побудившей его писать статьи историческаго и археологическаго содержанія. Воспитанный въ С-Петербургскомъ университетѣ въ эпоху пробужденія русскаго самосознанія, Г. Е. Церетели по возвращеніи на родину, обнаружилъ разнообразныя способности на поприщѣ общественнаго служенія. Выступивъ одновременно трудолюбивымъ публицистомъ и талантливымъ беллетристомъ въ редактируемой имъ газ. Дроэбѣ (1866—1868), онъ чрезъ два года затѣялъ изданіе *Сасопло газеты* („Сельская газета“), въ видахъ внесенія свѣтлаго луча въ темное царство грузинскаго деревенскаго люда. Въ 1871 г. мы же видимъ его во главѣ журналѣ *Крсбули*, къ участію въ которомъ онъ привлекъ извѣстнаго публициста Н. Я. Николадзе. Сильное умственное утомленіе въ связи съ матеріальными невзгодами заставило его отказаться отъ журнальной работы и уѣхать въ 1872 г. за границу. По возвращеніи изъ Европы, Церетели выступилъ въ качествѣ русскаго публициста, обнаруживъ отзывчивость на все доброе и живое въ обществѣ. Ему принадлежитъ между прочимъ страстная пропаганда мысли о сближеніи суда съ жизнью, возникшей по поводу отвѣтственной роли переводчика громкомъ въ процессѣ Андреевской, Чичуа въ качествѣ защитника котораго выступилъ В. Д. Спасовичъ. Публицистическимъ увлеченіемъ объясняется его страсть къ воскресшему въ 1897 г. грузинскому театру. Цѣня просвѣтительную роль театра, онъ сталъ писать драмы („Дарія“, „Дочь семьи капризъ“), не имѣющія успѣха на сценѣ.

Не оставляя участія въ русской прессѣ, онъ дѣятельно работалъ въ грузинскомъ дѣтскомъ журналѣ *Джеджили* (статья его здѣсь „Гелатскій монастырь“, „Наши герои“) и въ газетѣ *Иверія* (1886—1889). Здѣсь онъ напечаталъ повѣсть „Эдишеръ Квелбакіани“. Сельско-хозяйственные вопросы разрабатывались усердно грузинской прессой, поставившей задачей спасти дворянъ отъ разоренія крестьянъ, пріучить къ но-

вымъ способамъ обработки земли. На эти публицистическiй поднятые вопросы въ беллетристической формѣ дать отвѣтъ Г. Церетели въ повѣсти *Тетушка Асмать*. Это одно изъ лучшихъ произведенiй А. Церетели. Тинь тетушки, старинной грузинской дворянки, обрисованъ такъ ярко и выпукло, что въ сравненiе съ нею можетъ идти только „Отарова вдова“ кн. И. Чавчавадзе. Асмать сочетаетъ въ себѣ самыя рѣзко противоположныя черты: она добра и зла, горда и недоступна, когда въ ней нуждаются, но льстива и лжива, когда она заискиваетъ у другихъ. Характерная имеретинская обстановка, въ которой живетъ и дѣйствуетъ Асмать, сообщаетъ этому произведенiю еще чисто бытовой интересъ. Домикъ ея, подпертый деревянными сваями, съ тесовой крышей на подобiе крыльевъ огромнаго коршуна, маленькiй дворъ, охраняемый тремя вооруженными слугами, запущенное хозяйство, едва поддерживаемое небольшими полосами кукурузы и огородомъ, разоряемымъ поросятами, съ маленькой мельницей на гнѣвной Дзерулѣ, покрытой бѣлоснѣжной пѣной, кругомъ густолиственный буквый лѣсъ, покрывающiй зеленымъ ковромъ склоны обрывистыхъ горъ— все окружало жилище Асматы, оставшейся одинокой вдовой по смерти мужа. Единственное утѣшенiе бездѣтной вдовушки составляетъ 10-лѣтняя племянница, Натела, круглая сирота, дочь покойнаго ея младшаго брата. Образъ Нателы нарисованъ авторомъ съ такою любовью, что невольно внушаетъ читателю симпатiю къ этой кудрявой черноглазой дѣвчонкѣ. Нѣжно любящая тетушка никакъ не можетъ усадить ее за чтенiе рванныхъ писемъ и за письмо на „бечи“ (на лопаткѣ),—дѣвочку тянетъ на поляну; еще менѣе юная племянница понимаетъ наставленiя ея о грядущемъ замужествѣ. Суровая тетушка, слывущая чародѣйкой у сосѣдей, уже намѣтила Нателѣ жениха, карталинца Ютама Тандиладзе, который обѣщаль ей поднести петкени 600 р. Противъ замысловъ Асматы дѣйствуетъ ненавистный Росапъ, ея братъ, вырвавшiй у нея опеку надъ Наталой. Подобно сестрѣ, въ натурѣ Росапа переплетены нравственныя и безнравственныя черты, радущiе и эгоизмъ. Навострившись въ уѣздномъ судѣ въ писанiи прошенiй, онъ былъ опаснымъ соперникомъ Асматы, противозаконно задерживающей у себя Нателу. Поддержку Асмать находитъ въ бѣдномъ дворяннѣ Отарѣ, коротающемъ свой вѣкъ въ кутежахъ и переѣздахъ между Потги и Гори. Этотъ представитель благороднаго сословія мало уже отличается отъ мужиковъ. Земли у него такъ мало, что еле можетъ прокормить себя бѣдненькъ, полгода онъ скитается по селамъ и градамъ и кормится у знакомыхъ родственниковъ. Бѣдность его довела до того, что не гнушался воровать даже куръ. Съ толпою себѣ подобныхъ дворянъ Отаръ, во избѣжанiе сплетенъ усыновленный тетушкой посредствомъ прикосновенiя къ ея правой груди, совершаетъ нападенiе на крестьянъ Росапа съ цѣлью отнять захваченный участокъ земли, принадлежащiй Асматѣ. Нападенiе сопровождается схваткой и жертвами этого побоища падаютъ ранеными и убитыми нѣсколько крестьянъ Росапа. Происшествiе это взбудоражило кутаисскую администрацію. Тетушка беретъ Отара

на поруки, а Росапа, обвиненнаго въ кражѣ коней у одного вліятельнаго князя, сажаютъ въ тюрьму. Асмать склоняетъ Отара и его товарищей къ новому преступленію съ цѣлью покрыть первое злодѣяніе. Она увѣряетъ ¹⁾, что участокъ земли, изъ-за котораго произошло чело-вѣкоубійство, принадлежитъ ей по завѣщанію отца. Если похитить это завѣщаніе у Росапа, который хранить его въ орѣховой шкатулкѣ, то судъ освободитъ ихъ отъ преслѣдованія. Товарищей Отара соблазняетъ увѣреніе тетушки, что въ шкатулкѣ хранится нѣсколько сотенъ рублей, которые они могутъ взять себѣ. Такъ изъ-за клочка земли Асмать губитъ нѣсколько чело-вѣкъ; изъ-за воображаемаго завѣщанія отца поджигаетъ домъ роднаго брата, и прежде чѣмъ къ тлѣющимъ остаткамъ своего жилища Росапъ прискакалъ изъ ближайшей деревни, гдѣ онъ пировалъ въ день храмоваго праздника, была похищена злосчастная шкатулка, оказавшаяся наполненной доскутками старыхъ векселей. Отаръ, разгнѣванный на Асмать, покинулъ ее, и вдовѣ пришлось задумываться надъ своей судьбой и участіемъ Нателы. Жена Росапа Мзехатунъ пришла на помощь. Она сначала въ письмѣ, исполненномъ притворной любви, а потомъ при личномъ посѣщеніи покаялась за себя и за мужа и выразила готовность вернуть занятый участокъ земли. Нателѣ она принесла красные башмаки и матерію на платье и всѣ эти происки были направлены Мзехатуной къ тому, чтобы хитростью выдать 12-лѣтнюю Нателу за своего племянника Илико Гогоришвили и тѣмъ избавиться отъ отчета за пользованіе долей Нателы въ періодъ опеки надъ нею. Мзехатуна перехитрила Асмать. Она пригласила къ себѣ Нателу, къ дочери своей въ гости, и успѣла приготовить все къ вѣнчанію ея племянницы съ Гогоришвили. Попытка помѣшкать этой свадьбѣ и похитить Нателу ночью, чтобы выдать ее за карталища, тетушкѣ не удалась; ни къ чему не привели ея жалобы, поданныя епископу и прокурору съ цѣлью затормозить дѣло вѣнчанія. Ей отвѣтили, что Росапъ опекунъ Нателы и можетъ ее выдать за мужъ, когда она придетъ въ возрастъ; пока же Натела проживетъ въ домѣ Гогоришвили. Послѣдній склоняетъ Асмать дать и свое согласіе на бракъ Нателы съ нимъ, обѣщавъ ей нѣсколько красненькихъ бумажекъ. Въ Асматин эгоистическій расчетъ говорить болѣе властно, чѣмъ безумная любовь къ племянницѣ. Обѣщанную прежнимъ женихомъ мзду ей обѣщаетъ возмѣстить похититель ея воспитанницы. Она смягчается, свадьба налаживается, и красавица Натела выходитъ за Илико Гогоришвили, а не за Ютама Тандиладзе, о которомъ она такъ много наслышалась отъ своей тетушки. Отара сослали въ Сибирь, безпріютная его жена скончалась, а Асмать поселилась рядомъ съ Нателой и убаюкиваетъ ея маленькаго сына. Навѣщаетъ эту милую семью и Росапъ, извѣстный пѣвецъ и весельчакъ, для котораго накрывается обильный напитками столъ подъ развѣсистымъ орѣховымъ деревомъ на дворѣ.

¹⁾ Переводъ повѣсти см. *Кавказ. Вѣсти*. Здѣсь-жъ переводъ его разсказа *Выстрѣлъ*.

Тетушка Асмать—реальная повѣсть, въ художественной формѣ, рисующая бытъ и нравъ грузинскаго народа. Связь ея съ повѣстью *Отарова вдова* кн. Чавчавадзе несомнѣнна. Сюжетъ этихъ произведеній взаимно дополняетъ: кн. Чавчавадзе сосредоточилъ главное вниманіе на карталинской крестьянской средѣ, герой котораго Георгій, сынъ Отаровой вдовы, долженъ былъ послужить связующимъ звеномъ—„мостомъ“ между помѣщичьимъ и бывшимъ крѣпостнымъ классомъ. Георгій Церетели проникъ въ мелкопомѣстную дворянскую среду, характеризующую Имеретію съ ея сословными особенностями и національными дефектами. Страсть къ сутяжничеству изъ-за поземельныхъ вопросовъ, готовность цѣлой группы бездѣльныхъ дворянъ совершить нападеніе на жилище, поджечь его съ цѣлью наживы, широкое примѣненіе подкуповъ и взятокъ, заглушающихъ самыя законныя и естественныя чувства вплоть до родственныхъ привязанностей—составляютъ соціальныя фонъ повѣсти. Сильный и упрямый характеръ Асматі на все налагаетъ свою печать. Свѣтлой точкой на этомъ темномъ фонѣ является Натела, приковывающая вниманіе читателя въ началѣ своей невинной красотой и нѣжною привязанностью къ суровой Асматі, а потомъ своей драматической участію въ борьбѣ между тетушкой и дядей, между „безбородымъ, молоденькимъ и хорошенькимъ женихомъ Тандиладзе“, образъ котораго рисовала ему Асмать, и Илико Гогорашвили, ставшимъ ея мужемъ. Къ послѣднему она продолжаетъ питать спокойную братскую любовь, впервые зародившуюся въ ея сердцѣ еще тогда, когда онъ ее, 13-лѣтнюю дѣвочку, въ новомъ платьѣ проводилъ къ обѣднѣ въ ближайшую церковь. Насъ трогаетъ безконечная преданность, которую Илико проявляетъ къ своей женѣ. Но мы понимаемъ и какую-то смутную неудовлетворенность Нателы. Романистъ прекрасно изобразилъ въ немногихъ словахъ это настроеніе Нателы, которой осталась невѣдомой „пылкая страсть влюбленной“. Натела за три года поразительно выросла: „высокая и стройная съ прелестнымъ, свѣжимъ личикомъ, большими темными глазами и густой, темнокаштановой косой она похожа на нарисованную рукой искуснаго артиста чудную картину; когда она держитъ на рукахъ маленькаго кудряваго сына, сіяющее и улыбающееся лицо ея съ блестящими глазами, напоминаетъ чистое безоблачное небо, усѣянное сверкающими звѣздами. Въ темныя безлунныя ночи Натела часто подолгу глядитъ на блестящія, свѣтлыя звѣзды, разбросанныя по небу, отыскивая между ними „свою“ звѣзду, самую яркую и свѣтлую звѣзду созвѣздія тельца. Долго, долго, пристально глядитъ Натела на эту звѣзду, думая о томъ, кто представляется ей похожимъ на ея кудряваго первенца“.

Это романическое окончаніе повѣсти, проникнутой реализмомъ очень характерно въ исторіи творчества Г. Церетели. Онъ всегда жилъ въ мірѣ грезъ и, пропагандируя реализмъ, оставался чистѣйшимъ идеалистомъ. Онъ уплатилъ еще большую дань таинственной силѣ и увлеченію фантастическимъ сюжетомъ въ эскизѣ *Разсказъ пастуха*.

„Какъ-то разъ я,—говорить авторъ,—пасъ своихъ овецъ въ Имеретіи, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Хихатскій острогъ, отдѣляясь отъ Кавказскаго хребта, тянется по направленію къ Сураму; острогъ этотъ является естественной границей между Карталиніей и Имеретіей. Здѣсь, среди скалистыхъ горъ, въ ущельяхъ, даже лѣтомъ лежитъ не стаявшій снѣгъ; изъ-подъ него, тихо журча, выбѣгають холодные горные ручейки и струятся далѣе по роскошнымъ пастбищамъ, покрытымъ шелковистой сочной травой. Даже самый воздухъ здѣсь особенно чистъ и прохладенъ; чудную картину для глазъ представляютъ пасущіяся здѣсь стада овецъ; бѣлыми, яркими пятнами выдѣляются они на крутыхъ склонахъ горъ, какъ бы усталыхъ зеленымъ бархатомъ.

Каждое утро я выгонялъ своихъ овецъ къ „Бѣлому ручью“, у береговъ котораго находились лучшія пастбища; ручей этотъ назывался „Бѣлымъ“ потому, что начало ему давалъ снѣгъ, ослѣпительно яркій, тянувшійся бѣлой полосой по узкому ущелью на протяженіи цѣлой версты. До самаго вечера я не разставался съ овцами; песь Курша постоянно былъ со мной. Замѣтивъ, что овцы слишкомъ разсѣиваются во всѣ стороны, онъ мигомъ обѣгалъ стадо вокругъ, сгонялъ ихъ всѣхъ въ тѣсную кучу и снова возвращался ко мнѣ, я же лежалъ себѣ на красивомъ выступѣ скалы, моемъ излюбленномъ мѣстечкѣ, и спокойно наслаждался прелестью окружающей природы. Ручеекъ нашъ, овчарни и шалаши были видны съ этого уступа, какъ на ладони. Вечерами, возвратившись домой и загнавъ овецъ въ овчарни, я, со спокойной совѣстью, весело направлялся къ своему шалашу.

И вотъ, съ нѣкоторыхъ поръ я сталъ замѣчать странныя явленія... Захожу я разъ къ себѣ и вижу, что разведенный кѣмъ-то огонь ярко и весело пылаетъ въ очагѣ...

„Кто бы могъ это сдѣлать?“—мелькнуло у меня въ головѣ, и я почувствовалъ, что весь похолодѣлъ отъ ужаса, что волосы дыбомъ становятся на моей головѣ. Я оглядѣлся—никого..., подсѣлъ къ огню—и еще болѣе ужаснулся; баранья ножка, которую я отложилъ къ ужину и привѣсилъ въ углу, къ крюку, теперь, воздѣтая на вертелъ, весело шипѣла, жарясь на огнѣ. Еле побѣждая страхъ, я заглянулъ въ дверь: вижу Курша мой наострилъ уши, широко раскрылъ глаза и, сердито ворча, уставился въ одинъ уголь; начинаю и я взглядывать туда же—и что же вижу? Сидитъ тамъ женщина чудной красоты, окруженная бѣлымъ, лучистымъ сіяніемъ, такимъ нѣжнымъ и такимъ свѣтымъ, что сіяніе ангеловъ Божіихъ ничто передъ нимъ.

Вдругъ изъ угла раздался голосъ:

— Не я ли подмела здѣсь полъ?—тихо спрашивала незнакомка.— Не я ли развела огонь для тебя? Что же ты такъ холоденъ ко мнѣ, отчего не приглашаешь ты меня ближе къ очагу?

Голосъ былъ такъ свѣжъ и чистъ, звучалъ такъ нѣжно, что показался мнѣ настоящей небесной музыкой.

— Развѣ я тебѣ это запрещаю?—тихо отвѣтилъ я.—Отчего сама ты не подходишь ближе, развѣ это не въ твоей волѣ?

— Иѣтъ!—отвѣтила она.—У меня дочь. Безъ нея я не могу приблизиться къ огню.

— Что-жь, приведи и ее!—отвѣтилъ я.

Она встала, подошла къ очагу и быстро стала вертѣть надъ огнемъ вертелъ съ бараньей ножкой; волѣ нея очутилась прелестная маленькая дѣвочка. Отъ обѣихъ исходило такое чудное сіяніе, какъ будто всѣ свѣтлыя звѣзды сошли съ небесъ внизъ, чтобы освѣтить мой бѣдный, темный шалашъ.

Ужинать успѣлись всѣ вмѣстѣ, угостили костями и Куршу; онъ сердито рычалъ за порогомъ, переступить который я ему не позволилъ; по окончаніи ужина чудная женщина и дочь ея стали ловко и весело хозяйничать, убрали всю посуду, подмели полъ и снова подошли къ огню; всю ночь я не могъ сдвинуться съ мѣста, не могъ пошевелить ни однимъ членомъ; словно окаменѣлый, сидѣлъ я на одномъ мѣстѣ, ни на минуту не сводя очарованныхъ глазъ съ двухъ прелестныхъ незнакомокъ; красота матери и дочери ослѣпляла меня, я съ восторгомъ любовался нѣжнымъ сіяніемъ, легкимъ облакомъ окружавшимъ ихъ.

На зарѣ они исчезли, скрылись снова въ свой темный уголокъ. Я вышелъ на воздухъ. Курша больше не рычалъ; разлегшись у овчарни, онъ спокойно ждалъ меня.

Я выгналъ овецъ въ свѣжее, прохладное утро, и онѣ, какъ всегда, красивыми бѣлыми пятнами разсѣялись по бархатнымъ зеленымъ склонамъ Хакатскихъ горъ. Отыскавъ свой любимый выступъ, я удобно расположился на немъ и внимательно сталъ глядѣть внизъ, по направленію къ моему шалашу. Вижу, мать и дочь несутъ къ ручью мой большой котель, чтобъ перемыть стоявшую тамъ же грязную посуду; вдругъ выбѣгаютъ къ нимъ на встрѣчу два огромныхъ волка, одинъ хватаетъ мать, другой дочь и оба бѣгутъ съ своими жертвами къ густому, темно-зеленому лѣсу. Я видѣлъ все это—и сердце мое болѣзненно сжалось отъ нестерпимой боли.. Я сталъ кричать, науськивать Куршу, показывать ему на нихъ... все было напрасно. Навостривши уши, Курша внимательно вглядывался по указанному мной направленію, но не двигался съ мѣста; онъ ничего не видѣлъ! Я не могъ понять, что случилось съ моимъ смышленнымъ и чуткимъ псомъ, который всегда за версту чувствовалъ волка... или онѣ, или я были околдованы, это ясно... Но я такъ ясно видѣлъ сіяющихъ нѣжнымъ свѣтомъ женщинъ, которыхъ волокли волки, такъ хорошо слышалъ ихъ жалобные крики и стоны... Въ глазахъ у меня потемнѣло, колѣни подкосились, я потерялъ сознание.

Не знаю, сколько времени пролежалъ я такъ, не видя, не слыша, не понимая ничего... Знаю только, что открывъ глаза, я увидѣлъ Куршу, который стоялъ надо мной и тихо, жалобно завывалъ. Замѣтивъ, что я очнулся, песь со всѣхъ ногъ бросился къ стаду; быстро вскочивъ

на ноги, я побѣжалъ туда же... Издали доносился ожесточенный лай псовъ, овцы же испуганныя и дрожавшія сбились въ одну кучу и тѣсно жались одна къ другой. Оказалось, что пока я лежалъ безъ сознанія, волкъ дѣйствительно подобрался къ моему стаду; псы съ громкимъ лаемъ отгоняли его; Курша же, который тоже почувствовалъ присутствіе врага, не рѣшался оставить меня, думая, что я умираю... Убѣдившись, что живъ и здоровъ, онъ сейчасъ же кинулся туда и вмгъ набросился на волка. Когда я побѣжалъ, все уже было кончено; Курша, страшный и взъерошенный, съ закрученнымъ вверхъ хвостомъ, радостно рычалъ, какъ бы празднуя счастливую побѣду.

Вечеромъ, загнавъ по обыкновенію овецъ въ овчарню, я направился къ своему шалашу, и...—о, Боже! — огонь опять ярко и весело пылалъ въ очагѣ, а вмѣсто моей чудной незнакомки тутъ толпилась цѣлая масса такихъ же свѣтлыхъ, сіявшихъ женщинъ, съ распущенными по плечамъ длинными золотистыми волосами: всѣ онѣ жалобно стонали и заливались горькими слезами.

— Куда ты дѣлъ нашу подругу и ея дочь? Зачѣмъ позволить ты унести ихъ волкамъ?—осыпали онѣ меня упреками.

Красавицы схватили горяція головни и съ угрозами окружили меня.

— Мы сождемъ тебя!—кричали онѣ, все ближе и ближе подступая ко мнѣ,—сождемъ, если ты не вернешь намъ нашу подругу и ея маленькую дочь...

Я еле дышалъ отъ ужаса, терялъ сознаніе... „Все кончено!“ съ тоскою пронеслось у меня въ головѣ и холодный потъ крупными каплями выступилъ на моемъ лбу... Курша куда-то исчезъ... я изнемогалъ, я погибалъ... Вдругъ къ шалашу подѣхалъ всадникъ, прекрасный и сіяющій, какъ Богъ. Бѣлый конь его сердито фыркнулъ и окружающія меня грозныя женщины съ горящими головнями мигомъ бросились въ разныя стороны:

„Не бойся!—ободряюще крикнулъ мнѣ свѣтлый всадникъ.— Это злые духи! Вотъ тебѣ кнутъ! Повѣсь его въ шалашѣ и уже не трогай до моего приѣзда! Онѣ не осмѣлятся подступить къ тебѣ!“ Я вздохнулъ свободно; слова эти влили въ меня бодрость и силу, возвратили мнѣ жизнь. Я взялъ протянутый мнѣ гордымъ всадникомъ кнутъ и сейчасъ же привѣсилъ его къ стѣнѣ шалаша. Красавицы угомонились, теперь онѣ уже не могли близко подходить ко мнѣ.

Каждый день пасъ я по обыкновенію овецъ, каждый вечеръ по обыкновенію возвращался въ свой шалашъ..., и каждый вечеръ я находилъ его чисто и аккуратно подметеннымъ; каждый вечеръ огонь весело и ярко пылаетъ въ очагѣ, а готовый, еще горячій ужинъ тутъ же ожидалъ меня. Прекрасныя женщины сидѣли въ своемъ углу, съ распущенными по плечамъ чудными золотистыми волосами и жалобно стонали, переворачивая мнѣ все сердце. Часто просили онѣ меня снять со стѣны ненавистный имъ кнутъ, часто обращались ко мнѣ съ тихими, умоляющими рѣчами,—но я не сдавался.

— Сними кнутъ!—съ чарующей лаской просили онъ меня.—Сними и выбрось его, если хочешь, чтобъ мы чудными нѣснами стали услуждать твой слухъ.

Но я все не сдавался.

Такъ прошло нѣсколько дней. И вотъ, явился наконецъ свѣтлый всадникъ, прекрасный и сіяющій, какъ Богъ.

— Дай кнутъ!—сказалъ онъ мнѣ.—Теперь уже нечего тебѣ бояться, твои товарищи спѣшатъ къ тебѣ!

И подаль ему волшебный кнутъ. Свѣтлый всадникъ на чудномъ бѣломъ конѣ быстро спустился внизъ по ущелью... и исчезъ.

Я взглянулъ вдаль и дѣйствительно увидѣлъ идущихъ ко мнѣ товарищей; сердце мое радостно забилося...; но я такъ усталъ отъ долгихъ, мучительныхъ ночей, проведенныхъ безъ сна, что не могъ уже стоять на ногахъ, я зашатался и безъ чувствъ упалъ на землю.

— Трусъ, трусъ!—весело крикнули мнѣ подоспѣвшіе товарищи.— Не бойся, это мы...

Я очнулся, приподнялся и рассказалъ имъ все. Они мнѣ объяснили, что это злые духи хотѣли меня опутать, но Ломисскій св. Георгій спасъ меня отъ гибели. Мои товарищи не позволили мнѣ больше оставаться въ горахъ и сами отвели меня домой.

Я слегъ въ постель и пролежалъ цѣлыхъ два мѣсяца. Мать потомъ рассказывала, что во время болѣзни я все время бредилъ и постоянно обращался къ Ломисскому св. Георгію съ мольбою спасти меня отъ ужасныхъ, грозныхъ женщинъ.

А самъ я не помню, ничего не знаю этого. Я знаю только, что въ томъ же году мы съ матерью отправились на ночное церковное бдѣніе и пожертвовали Ломисскому св. Георгію огромнаго круторогаго барана⁴.

Таково содержаніе этого поэтического эскиза, выхваченнаго изъ народнаго міросозерцанія и религіозныхъ вѣрованій, имѣющаго точки соприкосновенія съ изящнымъ рассказомъ *Али Николая Ломаури*.

Г. Церетели съ безпощадной откровенностью нападалъ на тѣ пороки, которые вкоренились въ грузинскую общественную жизнь; не навязываясь субъективными размышленіями, онъ давалъ читателямъ рядъ блестящихъ бытовыхъ картинъ, которыя сами громко вопіютъ о фальшивыхъ устояхъ жизни. Таковъ и рассказъ *Выстрѣлъ*¹⁾, посвященный обличенію обычной мести, господствующей среди западныхъ грузинъ. Крестьянинъ Кикола Капуставили подаль жалобу на дворянина Пасія Надзрахишвили, заколовшаго его откормленнаго борова. Хотя хевистави и удостовѣрили инкриминируемое преступленіе Пасія, однако Кикола въ видахъ обезпеченія за собою судебного рѣшенія, наловилъ форелей для благорасположенія судьи въ свою пользу. Но ночью подкрался къ его дому кто-то и, сбывъ съ балкона оставленную корзину съ рыбой, пытался исчезнуть во мракѣ.

¹⁾ Нов. Об. №№ 5508, 5512 и 5516, пер. Ел. Церетели.

Кикола слышалъ шорохъ, мгновенно даль выстрѣлъ въ крадущуюся тѣнь. По слѣдамъ свѣжихъ капель крови онъ подошелъ ко двору Пасіи и убѣдился, что врагъ его форелями намѣревался воздѣйствовать на судьбу.

На судѣ Кикола выигралъ дѣло, но рѣшеніе было постановлено заочно, за неявкой Пасіи, который въ „нижнемъ зимнемъ этажѣ“ своего дома лежалъ раненый въ бокъ, и къ нему тайкомъ ночью старуха приходила накладывать травы на незаживающую рану. Жена же Пасіи рассказывала заинтересованнымъ сосѣдямъ, что мужъ ея отправился въ Гомарети за покупкой породистыхъ воловъ. Въ одно утро пронеслась вѣсть по сел. Чхерулы, что „несчастнаго Пасію принесли изъ Гомарети на носилкахъ“, что на бедрѣ у него открылся костоѣдъ. Посѣтители толпою потянулись провѣдать больнаго, былъ въ ихъ числѣ и Кикола. Видъ его пробудилъ въ Пасіи непримиримую къ нему ненависть. Прошло нѣкоторое время и та же толпа съ крикомъ „пожаръ“ обступила домъ Киколы. Семья его спаслась, но строеніе и добро сгорѣло все до тла. „Стали поговаривать, что это дѣло рукъ Пасіи, но когда хевистави стали донскиваться, гдѣ Пасія, жена его заявила, что онъ недѣлю тому назадъ отправился въ городъ за покупкой хлопчатой бумаги“. Мщеніе осталось ненаказаннымъ. Къ разряду же этихъ произведеній относится его „*Эдишеръ Квс.бакіани*“.

Заслуга Г. Церетели заключается въ томъ, что онъ укрѣпилъ, слѣдуя за піонеромъ реализма—Ардасіани, авторомъ *Меджганушвили* это направленіе въ грузинской литературѣ. Его живыя сцены изъ народной жизни создали особую школу, и ближайшимъ ученикомъ его былъ Ниношвили. Типы, имъ намѣченные, нашли полную обрисовку въ произведеніяхъ его преемниковъ. Такъ, адвокатъ Самсонъ Джибіашвили (въ повѣсти Г. Церетели *Рухи жгели*—Сѣрый волкъ) нашелъ дальнѣйшее развитіе въ рассказѣ Ниношвили *Мосе Мцэралі* и Д. Клідіашвили въ повѣсти *Соломонъ Морбеладзе*. Адвокатъ Джибіашвили, оказывающій покровительство Автандилу Квимитадзе, помѣщику съ жестокимъ нравомъ, кровопійцѣ и грозѣ не только для крестьянъ и для мелкихъ дворянъ, нарисованъ авторомъ мимоходомъ, насколько онъ дополняетъ обрисовку помѣщика Квимитидзе, одного изъ совладѣльцевъ горы Саціоке. Онъ кончаетъ жизнь печально. За смерть въ тюрьмѣ обиженнаго дворянина Боана, котораго обвинили въ покушеніи на жизнь Автандила, мститъ сынъ погибшаго. Онъ съ друзьями, угнетенными Автандиломъ, нападаетъ на него ночью во время ловли форели при участіи адвоката Квимитадзе и настолько обоихъ избиваетъ дубинами, что ихъ полумертвыми доставляетъ домой сопровождавшій ихъ пѣшкомъ крестьянинъ Шіука. Самсонъ умеръ черезъ 6 мѣсяцевъ, а Автандиль слегъ въ постель и сталъ харкать кровью. Въ нанесеніи имъ побоевъ, по наученію Самсона, былъ оговоренъ подростокъ сынъ несчастнаго Боана, и онъ былъ сосланъ въ Сибирь. Деревня, сочувствуя горю добродушнаго Боана, пришла на помощь его осиротѣлой семьѣ и приняла на себя содержаніе его вдовы съ двумя малолѣтними дѣтьми.

Этотъ разсказъ Г. Церетели былъ увѣнчанъ преміей общества распространенія грамотности среди грузинъ. Оставаясь вѣрнымъ своей творческой манерѣ, Церетели и въ этой повѣсти держится описательнаго жанра. Объективно, безъ предвзятой тенденціи, онъ вчитывается въ страницы реальной жизни и въ характерныхъ краскахъ воспроизводитъ ее. Изъ пылкаго обличителя въ публицистикѣ, проповѣдника и всесторонняго обозрѣвателя въ критическихъ статьяхъ, — въ художественныхъ произведеніяхъ онъ превращается въ хладнокровнаго и вдумчиваго наблюдателя отрицательныхъ сторонъ грузинской жизни. Но публицистическая жилка въ немъ все же преобладала. Онъ угадывалъ новое теченіе и всегда шелъ во главѣ его, въ разрѣзъ съ старымъ направленіемъ. Отпавъ отъ писателей поколѣнія 60-хъ годовъ, онъ провозгласилъ рожденіе третьей фракціи, получившей названіе квалистовъ или дасистовъ. Съ группой молодежи, руководимой талантливымъ публицистомъ Н. Жорданія, привезшимъ изъ Европы теорію экономическаго матеріализма, онъ увлекся социаль-демократическимъ ученіемъ и внесъ поправки въ одностороннее патріотическое направленіе 60—70 годовъ. Вопросы народнаго благосостоянія были выдвинуты на первый планъ въ его еженедѣльномъ журналѣ *Квали*. Идея же всеобщаго братства вдохновляла его на страницахъ этого изданія агитировать въ пользу армяно-грузинскаго сближенія и горячо проповѣдывать національную терпимость.

Въ послѣдній періодъ своей дѣятельности Г. Е. Церетели издавалъ соц.-демократическій журналъ „Квали“ при участіи молодежи, воспитавшейся на Марксѣ и Энгельсѣ. *Квали* долженъ былъ стать продолженіемъ первой демократической газеты *Дрозба*, интересовавшейся экономическими вопросами. Зарожденіе *Квали* совпало съ увлеченіемъ Г. Церетели промышленною дѣятельностью. Будучи владѣтелемъ марганцевыхъ копей и нефтяныхъ источниковъ въ Сачхери, онъ сталъ искать крупныхъ предпринимателей для ихъ разработки. Всецѣло поглощенный новой идеей, онъ созидалъ такіе же смѣлые хозяйственные замыслы, какіе отличали его художественное творчество. Широкимъ затѣямъ его, однако, не удавалось переходить на почву практическаго осуществленія. Его интересовалъ самый процессъ рожденія крупной промышленности, считавшейся имъ высшей степенью культуры, согласно воспринятому имъ ученію Маркса. Къ этому періоду его общественной дѣятельности относится появленіе романа *Первый шагъ*, гдѣ и выведена имъ зарождающаяся грузинская буржуазія. Онъ здѣсь является представителемъ экономическаго матеріализма, какъ въ раннихъ произведеніяхъ онъ выступалъ усерднымъ реалистомъ.

Романъ Георгія Церетели „Первый шагъ“ изданъ былъ Кутаисскимъ издательскимъ товариществомъ (1903 г.). Сложная интрига, разнообразіе обрисованныхъ типовъ, обиліе бытовыхъ чертъ сообщаютъ этому произведенію исключительный интересъ. Ни въ одномъ изъ предшествовавшихъ грузинскихъ романовъ не поднимался криминальный вопросъ, на фонѣ котораго авторъ завязываетъ и развиваетъ обществен-

ныя отношенія, никто до него не раскидывалъ сѣти повѣствованія на столь широкомъ географическомъ районѣ, ни у кого не встрѣтите его попытки привлечь представителей всѣхъ главныхъ народностей грузинскаго племени: мингрельца, имеретина, карталинца, съ свойственными имъ типическими чертами. Предъ читателями мелькаютъ всѣ бойкіе пункты Западной и Восточной Грузии: Поти, Кутаисъ, Самтреди, Абаша, Тифлисъ; дѣйствіе переносится изъ Мингреліи въ Имеретію, изъ Имеретіи въ Карталинію, сопровождающееся тонкою наблюдательностью автора надъ этнографическими особенностями и картиннымъ изображеніемъ разнообразныхъ слоевъ общества. Пастухъ козъ въ Текладскихъ лѣсахъ, мелкій собственникъ владѣющій 1 десятиной земли, 2 дес. лѣса и $\frac{1}{4}$ дес. виноградника, рабочіе на цементномъ заводѣ, пьяница-кузнецъ съ женою изъ проституткокъ, портниха, усвоившая парижскія моды, коммиссіонеръ, разбогатѣвшій упрямымъ трудолюбіемъ, изолгавшійся трактирный адвокатъ, эксплуатирующій невѣжественныхъ кліентовъ, служащіе по таможенной части и въ стражѣ по огражденію отъ контрабандныхъ импортовъ, бѣглець изъ Сибири, готовый за злато совершить любое преступленіе, молодой судебный слѣдователь съ университетскимъ образованіемъ и благородными взглядами на свой общественный долгъ и въ контрасть съ нимъ присяжный повѣренный, когда-то мечтавшій быть „жертвой для блага страны и опорой для униженныхъ“, съ теченіемъ времени превратившійся въ корыстолюбца и защитника всѣхъ неправыхъ дѣлъ и оправдывающій себя словами Лира: „нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ!“ Рядомъ съ ними очерчены: разорившійся шоропанскій дворянинъ, князь сомнительной нравственности и челоуѣкоубійца, старый генералъ съ неразлучной трубкой, великосвѣтская княжна, завоевавшая сердце русскаго полковника изъ родственниковъ намѣстника Кавказскаго, страстный до женскихъ ласкъ предсѣдатель судебной палаты, дворъ высшаго начальника края и домъ богатаго армянина съ Абасъ-Абадской площади. Эта пестрая смѣсь сословій, вѣдомствъ, профессій, національностей, общественныхъ ступеней, охарактеризованная авторомъ съ рѣдкой и небывалой до него широтой размаха кисти, дѣлаетъ романъ съ загадочнымъ заглавіемъ „Первый шагъ“ выдающимся явленіемъ въ грузинской литературѣ. Жаль, что нѣкоторыя главы, обозначенные римскими цифрами, по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ, опущены и вслѣдствіе этого, повидимому, внесены элементы неясности и психологической необоснованности.

Нить разсказа авторъ твердо держитъ въ рукахъ, перекидывая читателя отъ одной группы героевъ къ другой. Фабулу романа онъ занимаетъ изъ той эпохи, когда впервые въ Поти загудѣлъ прибывшій морской пароходъ. Герой романа Бахва Пулава изъ Теклатскихъ лѣсовъ бѣжалъ отъ угрожающаго за потерю козлятъ гнѣва отца и поступилъ въ услуженіе къ одному инженеру. Патронъ обучилъ его грамотѣ, вручилъ за службу небольшую сумму денегъ. Бахва отправился въ Поти, гдѣ до него поселилась его землячка-мингрелка Саломэ, которая,

оставивъ распутный образъ жизни, вышла за мужъ за нѣкоего Ивана, хорошаго мастера изъ русскихъ, но страдающаго пристрастьемъ къ спиртнымъ напиткамъ. Сдѣлавшись жертвой своей страсти, Иванъ послѣ трагической смерти оставилъ жену и малолѣтнюю дочь Есма безъ средствъ къ существованію. Тутъ на помощь къ нимъ приходитъ Бахва. Закушая и отправляя за границу кукурузу, выгодно совершая лѣсопромышленныя операци, онъ успѣлъ пріобрѣсти средства и имѣнье въ деревнѣ. Бахва поддерживаетъ бѣдную семью сначала изъ состраданья, а потомъ, когда Есма подросла и распѣла, изъ любви къ ней. Но эту скромную красавицу, добывающую средства къ жизни своимъ трудомъ въ мастерской французской модистки, сталъ преслѣдовать своими ухаживаніями всадникъ Іеремія Царба, который однимъ своимъ грознымъ видомъ приводилъ въ трепеть робкую дѣвицу. Царба рѣшилъ ея овладѣть даже послѣ того, какъ объясненіе ей въ любви не подало ему никакой надежды, и она какъ изъ чувства признательности за вниманіе къ Бахва, такъ и изъ непосредственной симпатіи къ нему рѣшилась стать его женою. Недолго, однако, пришлось имъ наслаждаться семейнымъ счастьемъ. Іеремія Царба дѣлаетъ на ихъ усадьбу вооруженное нападеніе при соучастіи Гиви, своего бывшаго компаніона по контрабанднымъ операциамъ. По тонко обдуманному плану, Гиви ночью проникаетъ въ комнату молодыхъ супруговъ, и когда Бахва съ просонья бросается за преступникомъ, Іеремія, ворвавшись въ спальню, схватываетъ Есму и бѣжитъ съ нею къ забору, гдѣ ихъ ждутъ осѣдланныя лошади. Есма, узнавъ злодѣя, упорствуетъ, кусаетъ его и взываетъ къ помощи Бахва, который, ранивъ Гиви, на ея голосъ стремится спасти ее изъ рукъ похитителя. Іеремія, замѣтивъ во мракѣ приблизившагося Бахва, закалываетъ Есму, которая, успѣвъ сказать: „убилъ меня Іеремія“, испускаетъ духъ.

Іеремія и Гиви исчезли во мракѣ ночи. Слѣдователь тщетно ищетъ преступниковъ. Убийца переселяется въ Тифлисъ и подъ покровительствомъ княжны Валиды, своей родственницы, поступаетъ на службу и получаетъ чинъ прапорщика. Его служебная карьера благодаря вліятельному полковнику Лебову, страстному поклоннику княжны, обезпечена.

Авторъ внимательно описываетъ встрѣчи, прогулки и бесѣды княжны съ распутнымъ Лебовымъ, который вынужденъ жениться на Валидѣ, не безъ корыстнаго участія Іереміи, такъ какъ на иной видъ отношеній княжна упрямо не соглашается.

Дѣло объ убійствѣ Есмы продолжается производствомъ.

Судебный слѣдователь вызвалъ въ свою камеру духанщика Савву (Сабаія) Гапарашвили и кондуктора Байндурадзе по этому дѣлу. Савва назвалъ деревню Дзеврула, гдѣ лѣчился Гиви, сообщникъ Іереміи. Черезъ своего опытнаго чапара слѣдователь узнаетъ, что въ Дзеврулѣ Гиви лѣчился послѣ нанесеннаго ему Бахвой раны въ домѣ крестьянина Каркашидзе, укрывателя копокрадовъ. Гиви дѣйствительно признался во всемъ и оговорилъ Іеремію. Послѣдній его склонилъ подъ разными угрозами напасть на

домъ Бахвы съ тѣмъ, чтобы похищенные у него 10000 р. передать Гиви, а ее увезеть самъ Іеремія, но послѣдній случайно убилъ ее. Слѣдователь такимъ образомъ собралъ явныя улики противъ Іереміа. А въ это время Іеремія въ Тифлисѣ уже приготовился отпраздновать свадьбу съ богатой армянкой. Сама Валда почтила своимъ присутствіемъ помолвку Іереміа. И въ тотъ моментъ, когда открыли шампанское для поздравленія жениха и невѣсты, появился приставъ, которому было поручено арестовать Іеремію. Произошелъ страшный переполохъ. Въ Кутаисѣ объ этомъ стало извѣстно, и Цункула-адвокатъ поздравлялъ Бахву съ торжествомъ судебной правды. Бесѣду ихъ прервалъ заявившійся къ Бахвѣ бѣглый каторжникъ, которому Бахва поручилъ взять кровь съ Іереміа. Каторжникъ вошелъ въ Тифлисъ въ соглашеніе съ лакеемъ Іереміа, которому уплатилъ 300 руб. Лакей просить подождать, ничего не предпринимать противъ Іереміа, пока не кончится судебный процессъ. Цункула подслушалъ ихъ разговоръ и поспѣшилъ оградить свои интересы отъ возможныхъ посягательствъ этого новаго соучастника въ капиталахъ Бахвы. И послѣдній поручаетъ Цункулѣ изготovitъ „документъ“, коимъ Бахва дѣлаетъ его наслѣдникомъ всего своего движимаго имущества („а недвижимое уже захватилъ племянникъ его Несторъ“).

Іеремія приглашаетъ защитникомъ своимъ знаменитаго адвоката Сивиду, который когда-то мечталъ быть опорой для всѣхъ униженныхъ, но сталъ съ теченіемъ времени вершителемъ процессовъ людей сомнительной нравственности. Онъ основалъ свою судебную рѣчь на формальныхъ опроверженіяхъ свидѣтельскихъ показаній противъ Іереміа, выдвинувъ тотъ пунктъ, что Іеремія не былъ вблизи въ день совершенія убійства жены Пулава, какъ показываетъ протоколъ жандарма, удостовѣряющаго alibi обвиняемаго, его отъѣздъ въ сторону Тифлиса, а не въ Кулаши. Однако трогательное описаніе нападенія и убійства, сообщенное Бахвой, увѣряютъ судей въ совершенномъ Іереміей злодѣяніи. И убійца былъ приговоренъ къ 12-лѣтней каторгѣ. Тогда Валда обращается къ своему поклоннику члену судебной палаты съ просьбой, чтобы въ виду апелляціи Сивиды, по дѣлу Іереміа, послѣдній былъ непременно спасенъ. Тогда Бахва рѣшился самъ возстановить свое поруганное право. При содѣйствіи лакея Іереміа онъ проникаетъ въ спальню послѣдняго съ убійцами и наноситъ ему смертельные удары. На мѣстѣ преступленія полиція застала Бахву, который объяснилъ свой поступокъ въ такихъ странныхъ выраженіяхъ, что всѣ убѣдились въ его психической ненормальности. Дополнимъ приведенный пересказъ нѣсколькими словами.

Іеремія сблизился съ богатою дочерью тифлискаго купца, у которой было 30000 р. приданаго и ждалъ только случая сдѣлать ей предложеніе. Но мечты о семейномъ счастьѣ стеченіемъ обстоятельствъ обращаются въ прахъ. Содержатель духана по Закавказской желѣзной дорогѣ разговорился случайно съ знакомымъ кондукторомъ въ вагонѣ, въ которомъ ѣхалъ неизвѣстный имъ судебный слѣдователь, все еще тщательно со-

бирающей свѣдѣнія объ убійствѣ жены Бахвы. Выяснилось, что накануне убійства Іеремія и Савва въ духанѣ провели цѣлый день и вечеромъ направились къ станціи Абаши; откуда проникли въ деревню Бахва. Черезъ три мѣсяца послѣ совершенія убійства Гиви пригрозилъ Саввѣ поджечь его духанѣ, если онъ будетъ распространять объ нихъ подозрительные слухи. Савва взболтнулъ, что ему извѣстно, гдѣ Гиви въ теченіе мѣсяца скрывался и лѣчился, послѣ того какъ былъ раненъ въ спину. Слѣдователь, притаивъ дыханіе, съ жадностью внималъ разоблаченію Саввы. Когда Савва покинулъ вагонъ, слѣдователю удалось черезъ кондуктора установить личность этого важнаго свидѣтеля. Фамилія Саввы— Гапаріашвили, кондукторъ же именуется Нико Байндурадзе.

За этотъ мучительный періодъ розыска убійцы, дѣла Бахвы Пулава пришли въ полное расстройство. Племянникъ его Несторъ, заручившись отъ дяди векселемъ въ 8000 руб., захватилъ его имѣніе. Самъ онъ въ ожиданіи мести сталъ пить и безобразничать, приобрѣлъ дурную репутацію ростовщика и подъ вліяніемъ своего мелкаго адвоката Цункала учинилъ даже подлогъ, чтобы дважды взыскать съ должника отданную въ кредитъ сумму. Утратилъ онъ вѣру въ справедливость и людей, имъ благодѣтельствованныхъ, и рѣшилъ самому стать врагомъ людей. Вошелъ въ сношеніе съ однимъ бѣглымъ изъ Сибири, который обязался ему за 3000 руб. взять кровь съ Іереміи. Послѣдній уже былъ назначенъ сотникомъ по милости Лебова, который вынужденъ былъ жениться на непреклонной Валидѣ и выѣхать за границу. Іеремія выступилъ въ высшее тифлисское общество, утромъ дѣлалъ визиты, вечеромъ проводилъ время въ клубѣ, гдѣ одна армянка вручила ему секретно письмо съ объясненіемъ въ чувствахъ. Іеремія сталъ бывать въ домѣ этой особы съ поощренія ея матери, очарованной красивымъ грузиномъ. Отецъ же ея, извѣстный коммерсантъ, зналъ о тяготѣющемъ надъ Іереміею преступленіи, былъ противъ ихъ сближенія, но не могъ принять какой либо мѣры противъ него, такъ какъ онъ былъ подрядчикомъ полка, гдѣ Іеремія считался всесильнымъ квартирмейстеромъ.

Валида и Лебовъ вернулись вскорѣ изъ-за границы. Онъ уже остылъ къ ней, а она еще болѣе расцвѣла. Мужъ проводилъ время безъ нея. У молодой красавицы появилось много поклонниковъ и въ ихъ числѣ одинъ членъ судебной палаты. Лебовъ увлекся примадонной приѣзжей изъ Петербурга труппы и возбудилъ ревность въ своей супругѣ. Своими терзаніями она подѣлилась съ воспитавшей ее генеральской семьей. Генераль и его супруга увѣрили Валиду, что измѣна Лебова въ порядкѣ вещей, но что и она свободна дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Съ этихъ поръ „она сняла съ себя узду нравственныхъ обязанностей“. Лебовъ уѣхалъ съ примадонной въ С.-Петербургъ. Валида стала героиней „сомнительныхъ романовъ“.—Этимъ романомъ Г. Цертели открываетъ эру въ грузинской беллетристикѣ. Онъ первый отбѣнилъ измѣненія отношеній между феодаломъ и бывшимъ крѣпостнымъ, отбѣнилъ зародившіяся соціальныя классы и тѣ затрудненія, при которыхъ пред-

стоитъ осуществиться въ Грузіи новому экономическому укладу жизни. Исходя изъ основной идеи своего романа, онъ художественную его сторону подчиняетъ публицистической мысли.

Обозрѣвъ его литературную дѣятельность, хочется подвести итоги. Г. Е. Церетели, какъ уроженецъ Шоропанскаго уѣзда, пограничнаго съ Карталиней, рисовалъ по преимуществу имеретинскіе типы. Образование, полученное имъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ эпоху общественнаго подъема (1863 г.) и дополненное двухгодичнымъ пребываніемъ въ Швейцаріи (Цюрихѣ) и Германіи (Мюнхенѣ) (1872—1874 гг.), гдѣ слушалъ онъ лекціи по естественнымъ и соціологическимъ наукамъ, выработало въ немъ многосторонняго дѣятеля на аренѣ журналистики, литературы и общественной жизни. Этотъ отъ природы чуткій публицистъ по самымъ животрепещущимъ вопросамъ, временами становился спокойнымъ художникомъ, объективно воспроизводящимъ въ бытовыхъ картинахъ старые и зарождающіеся типы, нерѣдко принималъ на себя роль ученаго филолога, толкующаго вопросы этимологіи и морфологіи высказывалъ филологическій взглядъ на грузинскій языкъ и теорію Макса Мюллера, выступалъ съ сухими работами по археологіи и эпиграфикѣ (Надписи Гелатскаго монастыря, Археол. экскурсія по Квирильскому ущелью), писалъ сжатые статьи историческаго и этнографическаго содержания ¹⁾ (Борьба родовъ въ Грузіи, Политическая жизнь древней Грузіи, Мифы Кавказа на грузинской почвѣ), помѣщалъ рядъ рецензій, издалъ поэму Ш. Руставели и соч. Г. Эристова, писалъ драматическія произведенія и театральныя замѣтки, обогащалъ дѣтскую бібліотеку маленькими рассказами („Ломкаци“), внесъ свою лепту въ естественно-историческую литературу книжкой „Лучшее знаніе“ и велъ неустанную полемику съ горячими противниками, не раздѣляющими его оригинальныхъ и подѣ часъ рѣзкихъ взглядовъ.

Это былъ первый профессиональный грузинскій писатель и журналистъ: избѣгалъ официальной службы и лишь короткое время былъ преподавателемъ грузинскаго языка въ тифлисскомъ двѣичьемъ институтѣ и реальномъ училищѣ. Въ моментъ кипучей жизни онъ требовалъ отъ грузинскаго дѣятеля, чтобы онъ въ одно и тоже время былъ и публицистомъ и беллетристомъ, археологомъ и соціологомъ, историкомъ и практическимъ дѣльцомъ. Живя мечтами объ Европѣ, направляя всѣ помыслы къ насажденію въ Грузіи европейской культуры, выступая въ качествѣ переводчика (напр. траг. Гете Эгмонтъ), и укрѣпляя критическими статьями и археологическими изысканіями правильное отношеніе къ старинѣ и жизни, онъ не чуждался промышленной дѣятельности, практическихъ задачъ, выдвигаемыхъ общественными потребностями. Въ началѣ 80-хъ гг. онъ принимается за эксплуатацію сачхерскихъ нефтяныхъ источниковъ, черезъ 10

¹⁾ Въ 1898 г. въ видѣ преміи „Квали“ выпала его книжка „Наши древніе герои“ съ предисловіемъ, въ которомъ дѣлаетъ рискованныя сопоставленія грузинской мифологіи съ греческой, ассирійской и пр., а въ 1899 г. напечаталъ романъ *Пирамзе* изъ эпохи крѣпостного права.

лѣтъ мы видимъ его во главѣ грузинской рабочей артели въ Батумѣ, въ послѣдніе годы жизни былъ озабоченъ разработкой минеральныхъ богатствъ у себя на родинѣ въ горахъ Чальскихъ.

Всѣ разнообразныя сферы дѣятельности, литература и промышленность, театр и общественное самоуправленіе, онъ которымъ посвящалъ себя съ юношескимъ увлеченіемъ, объединялись его горячимъ желаніемъ пробудить народъ и выяснить въ немъ просвѣтительные идеалы, привить къ нему прогрессивно-демократическіе идеалы. Необычайная энергія и любовь къ народу воодушевляли его при всѣхъ тяжелыхъ превратностяхъ судьбы. Въ первомъ номерѣ „Дрозба“ (1866 г.) двадцатидвухлѣтній публицистъ писалъ, что онъ обрѣлъ юношескую свѣжесть послѣ освобожденія крестьянъ. Эту юношескую свѣжесть онъ сохранилъ до конца. Настойчивость и откровенность въ исповѣдуемыхъ убѣжденіяхъ сдѣлали его передовымъ борцомъ за народъ, притомъ борцомъ честнымъ и безкорыстнымъ. Выступивъ на литературное поприще послѣ паденія крѣпостного права, онъ какъ беллетристъ объективно, не сгущая красокъ и не идеализируя, рисовалъ бытъ грузинскаго народа, воздержавшись отъ крайностей тенденціознаго сентиментализма И. Чавчавадзе и пародниковъ. Г. Церетели былъ реалистъ чистѣйшей воды, однаково близко принимающій интересы дворянства и крестьянства съ устраненіемъ личныхъ симпатій и антипатій. Реалистъ въ грузинской беллетристикѣ ведетъ свое начало отъ Ардазіани, получилъ окончательное утвержденіе въ произведеніяхъ Г. Церетели и ближайшими послѣдователями его стали Кладіашвили, Д. Мегрели и И. Ниношвили. Онъ далъ художественную галерею типовъ изъ самыхъ разнородныхъ слоевъ общества: интеллигентный дѣятель, получившій уродливое воспитаніе и лѣкающийся о своей утробѣ, крестьянинъ съ его традиціонными воззрѣніями, захудалый дворянинъ съ большимъ аппетитомъ, политиканствующій чиновникъ проходятъ передъ нами яркой вереницей. На всемъ его творчествѣ лежитъ печать вдумчиваго наблюдателя и европейско-просвѣщеннаго художника. Его произведенія представляютъ во многихъ отношеніяхъ выдающееся явленіе, интересное не только съ точки зрѣнія фабулы, особенностей художественнаго выполнения, но и по глубокой жизненности своего идейнаго ¹⁾ содержанія, по своему соответствію съ работами и потребностями переживаемой минуты. Живой и общественно-чуткій темпераментъ писателя ставитъ въ его дарованіи публицистическій элементъ на первый планъ, перѣдко подчиняя ему приемы объективно-художественнаго изображенія.

¹⁾ О ком. его „Джibri“ въ журн. „Кребули“ далъ отзывъ Н. Николадзе, указавъ на реальность изображенія типовъ и простоту языка. Защищаясь отъ нападокъ Ант. Пурцеладзе, упрекнувшаго его въ томъ, что онъ по дружбѣ расхвалилъ „Джibri“, Н. Николадзе указываетъ на живость типовъ ком. Церетели, на отсутствіе въ ней шаблонной композиціи, въ рамки которой обязательно входили разбогатѣвшій армянинъ съ грузино-армянской рѣчью, кривляющийся имеретинъ, русскій чиновникъ или офицеръ, влюбленная въ него знатная дѣвица, возлюбленная имеретина и въ заключеніе комедіи двѣ обязательно свадьбы.

Общее впечатлѣніе—яркая жизненная правда, превосходная фотографія дѣйствительности, согрѣтая искреннимъ призывомъ автора къ жизни и борьбѣ съ ея темными сторонами.

Смѣна направленія и переходъ въ новый лагерь не сопровождалась революціоннымъ переворотомъ въ его настроеніи. Ему чужда была страстность прозелита, предающаго сожженію то, чему вчера поклонялся. Въ его душѣ всегда горѣлъ огонекъ, примиряющій рѣзкости литературныхъ направленій. Къ своимъ противникамъ онъ относился толерантно, не увлекаясь гнѣвомъ и мстительностью. Словомъ онъ во всемъ оставался джептльменомъ.

Игн. Ингорква (Ниношвили ¹⁾ (1861—1893).

Конецъ восьмидесятихъ годовъ XIX в. въ жизни грузинскаго общества совпалъ съ усиленнымъ подъемомъ интереса къ экономическимъ вопросамъ и стремленіемъ къ развитію промышленныхъ операцій. Въ Имеретіи усердно стали добывать марганецъ, отправляемый за границу, капиталисты расширили дѣятельность по эксплуатаціи лѣса въ Сванетіи и Карталиніи, а въ Гуріи и Мингреліи шелководство съ большимъ успѣхомъ насаждалось, охватывая все болѣе ближайшіе къ нимъ районы.

Грузинская интеллигенція присутствовала при первыхъ рѣшительныхъ поступательныхъ шагахъ капиталистическаго промышленнаго развитія. Экономическій водоворотъ, разбивающій прежній укладъ хозяйства, ограничивающагося сферой земледѣлія и винодѣлія, привлекъ дѣятелей различныхъ возрастовъ, профессій и общественныхъ положеній. Въ этой грозной сутолокѣ выросъ и кратковременно работалъ талантливый беллетристъ Игнатій Ингорква, писавшій подъ псевдонимомъ Ниношвили. Онъ происходилъ изъ крестьянскаго сословія (род. въ 1861 г., ум. въ 1893 г.), выбился изъ невѣжественной массы, велъ отчаянную борьбу съ горькою нуждою и лишь за полгода до своей смерти обратилъ на себя внима-

¹⁾ Біографія его написана Г. Церетели (18 страницъ) въ брошюрѣ, изданной *Квали* (Тиф., 1895) подъ заглавіемъ: Два разсказа Игн. Ингорквы съ портретомъ автора и біографіей, составленной Г. Церетели. Въ эту книжку вошли разсказы. *Распоряженіе и Охотникъ*. Повѣсть *Христине* изд. товариществомъ „Знаніе“ (Батумъ, 1900), разсказъ *Партези* изд. „Новымъ читателемъ“ (Тифл. 1897). *Рыцарь нашего времени* вышелъ въ Батумѣ (1896). Сборникъ его шести разсказовъ изд. К. Таварикладзе (Озургеты, 1892); сюда вошли: *Гогія Уишвили*, *Странная больная*, *Озеро Палеостомъ*, *Влюбленные* и *Симона*. Разборъ его повѣстей данъ Г. К. въ „Нов. Обзор.“ № 2892 за 1895 г.; П. Г.—с—а въ *Квали* 1893 №№ 46 и 47, *Ив. Гомартели* „Квали“ за 1899 г. Некрологъ написанъ А. Хахановымъ въ *Рус. Вѣд.* (1894 г. 24 іюня). Объ немъ же см. у *М. И. Сагарадзе* въ брошюрѣ *Наше новое поколѣніе* (Кут., 1897) и П. Г. („Квали“, 1893, №№ 46 и 47). Въ русскомъ переводѣ имѣются: *Озеро Палеостомъ* („Нов. Обзор.“ №№ 3461 и 3463 за 1894 г.), *Распоряженіе* (дважды переведилось на русскій языкъ, въ журн. „Кавказ. Вѣстн.“ и газ. „Курьеръ“ 1900 г. № 73 и этотъ же разсказъ перевелъ на армянскій языкъ Г. К. Тифлисъ, 1903 г.).

ніе общества своими произведеніями. Онъ умеръ 33 лѣтъ и хотя на литературномъ поприщѣ подвизался всего четыре года (1890—1894), онъ оставилъ по себѣ не только до двадцати повѣстей, но и цѣлое направленіе „дасистовъ“, выразителемъ котораго онъ явился въ беллетристикѣ. Судьба его настолько характерна для исторіи дасистовъ, насколько его повѣсти сумѣли очертить новое соціально-экономическое теченіе въ жизни Грузіи.

Ниношвили,—подъ этимъ именемъ извѣстенъ онъ въ литературѣ,—въ раннемъ дѣтствѣ потерялъ мать и остался на попеченіи отца и тетки,—людей бѣдныхъ, жившихъ тяжелымъ изнурительнымъ трудомъ, едва добывавшихъ себѣ средство на пропитаніе. По смерти отца, онъ пріютился у тетки, которая начала обучать его грузинской грамотѣ („анбани“), затѣмъ распорядилась отдать его для дальнѣйшаго воспитанія малообразованному сельскому священнику, обладавшему познаніями въ области церковнаго письма и незнакому съ буквами гражданскими („мхедрули). „Отъ этого священника,—продолжаетъ онъ въ своемъ дневникѣ,—меня взяли и доставили къ его племяннику въ Поти, занимавшемуся разными торговыми операціями по продажѣ лѣса и всякаго строительнаго матеріала. Почти около года я прозябалъ у этого торговца, который не училъ меня ничему. Миѣ было приказано прислуживать въ домѣ и печь на всю семью лепешки изъ кукурузной муки. Дядя мой, видя меня въ такомъ положеніи, сжалился надо мною, взялъ меня на родину, въ деревню и отдалъ въ сельскую школу“. До 15 лѣтъ мальчикъ принужденъ былъ то пасти овецъ, то работать по хозяйству и лишь въ свободное время, урывками посѣщалъ школу. Наконецъ, дядя его замѣтилъ способность и желаніе Игнатія учиться, отдалъ его (въ 1875 г.) въ Озургетское духовное училище, въ приготовительный классъ. Тутъ будущій беллетристъ проявилъ такіа замѣчательныя дарованія, что по окончаніи экзаменовъ былъ переведенъ изъ приготовительнаго класса прямо во второй классъ. Въ продолженіе двухъ лѣтъ онъ прошелъ четырех-лѣтній курсъ и перешелъ въ IV классъ чуть ли не первымъ ученикомъ. Но въ училищѣ курса не кончилъ, такъ какъ произошли ученическіе беспорядки, въ которыхъ принялъ участіе и Ниношвили. Онъ былъ уволенъ за критическое отношеніе къ распоряженіямъ училищнаго начальства. Юный бунтовщикъ не потерялся: онъ цѣлый годъ продолжалъ жить въ уѣздномъ городѣ, перебиваясь уроками и готовясь къ экзамену на званіе сельскаго учителя. Въ 1880 г. онъ уже состоялъ учителемъ въ родномъ селѣ Чочхати. За кратковременный періодъ своей педагогической дѣятельности онъ убѣдился въ недочетахъ своего образованія и рѣшилъ „самому поучиться прежде, чѣмъ учить другихъ“ Онъ весь предается мечтамъ о самообразованіи, и въ этихъ видахъ онъ въ товариществѣ съ какимъ-то землякомъ беретъ подрядъ земляныхъ работъ на строящемся тогда батумскомъ участкѣ желѣзной дороги, делѣя мысль скопить гроши для поѣздки за границу, въ надеждѣ тамъ утолить мучившую его духовную жажду. Осуществленіе этой мечты потребовало отъ него продолжи-

тельныхъ скитаній и смѣны профессиональныхъ занятій. Отказавшись навсегда отъ педагогической карьеры и прогорѣвъ на подрядахъ по желѣзной дорогѣ, онъ сталъ телеграфистомъ, но вскорѣ перебрался въ Тифлисъ и сталъ работать (1881 г.) въ качествѣ простаго типографскаго наборщика. Черезъ два года онъ принимаетъ должность сельскаго писаря въ родной деревнѣ. Мягкая, отзывчивая натура Ниношвили собрала вокругъ него доброжелательныхъ друзей, которые, зная его мечту о заграничной поѣздкѣ, посовѣтовали ему ѣхать въ Францію, причѣмъ обѣщали ему матеріальную поддержку. Не долго пришлось ему жить въ „странѣ знанія и свободы“: въ началѣ 1887 г., натерпѣвшись на чужбинѣ отъ голода и холода, возвращается онъ на родину. Бѣдствовалъ онъ и у себя на родинѣ, перебиваясь поденною работою и изнуряя себя непосильнымъ физическимъ трудомъ, въ качествѣ чернорабочаго на нефтяномъ заводѣ Ротшильда въ Батумѣ. Тутъ онъ тоскалъ тяжести, помѣщался въ сырой лачужкѣ съ семью другими заводскими рабочими, дышалъ невыносимымъ воздухомъ, питался скудной пищей; кончилось тѣмъ, что злокачественная лихорадка выжила его изъ Батума. Оправившись отъ болѣзни, онъ поступилъ въ контору Н. В. Гогоберидзе, извѣстнаго марганцепромышленника въ Квирилахъ, гдѣ, по его словамъ, окончательно разстроилъ свое здоровье. Малярія, вывезенная изъ Батума и преслѣдовавшая его до конца жизни, заставила бросить все и поселиться въ деревнѣ. Нужда, вѣрная спутница Ниношвили, и тутъ его не покинула. Послѣдніе годы своей жизни, будучи прикованъ къ одру смерти, онъ жилъ почти исключительно на гроши, зарабатываемые литературными занятіями. Въ надеждѣ на теплый климатъ, столь необходимый для восстановления его истощенныхъ отъ маляріи силъ, доктора отправили его въ Батумъ, гдѣ онъ и отдалъ Богу свою измученную душу 29 апрѣля 1894 г., 33 лѣтъ отъ роду, въ расцвѣтѣ литературнаго таланта.

Несмотря на кратковременность его литературной дѣятельности, онъ затронулъ въ своихъ произведеніяхъ много любопытныхъ вопросовъ и освѣтилъ рядъ зарождающихся общественныхъ явленій. Сочетая талантъ публициста съ кистью художника, Ниношвили рисовалъ собой положеніе народа и постепенное его матеріальное разложеніе. Причины разложенія семьи онъ группируетъ въ двѣ категоріи: въ однихъ повѣстяхъ факторами разложенія служатъ виѣшнія обстоятельства, въ другихъ—внутреннія. Къ первой категоріи произведеній относятся: Гогія Уишвили, Озеро Палеостомъ, Распоряженіе, Симопа, Охотникъ, Мосе-Пи-сець; ко второй группѣ: Странная болѣзнь, Партахи, Рыцарь нашихъ дней и Влюбленные.

Первымъ произведеніемъ Ниношвили былъ его небольшой рассказъ „Гогія Уишвили“, напечатанный въ 1890 г. въ газ. „Театръ“. Рассказъ этотъ взятъ изъ жизни гурійскаго крестьянства, не отличается особеннымъ достоинствомъ и потому прошелъ совершенно незамѣченнымъ. Трогательна судьба героя повѣсти, бѣднаго крестьянина, обладающаго лишь двумя десятинами земли, но уповающаго на Бога и вдохновляемаго своей

супругой Марине на свѣтлое будущее. Однако, участь его все ухудшалась, онъ разорялся подъ тяжестью повинностей въ пользу бывшего помѣщика, священника, старшины;— разстратилъ приданое своей жены на уплату долговъ, волновался изъ-за непрерывно постигавшихъ его бѣдствій. Последней каплей его испытаній послужила суровая расправа „эзекуціи“, поставленной будто-бы въ огражденіе деревни отъ разбойничьей шайки. Наканунѣ Новаго года казаки изъ эзекуціоннаго отряда отняли у семьи Уишвили все, что она заготовила къ торжественному дню въ ихъ жизни, а самого Гогія высѣкли розгами за сопротивленіе властямъ и требованіе правосудія. Не выпесь физическихъ и душевныхъ страданій бѣдный Гогія и умеръ, разувѣрившись въ справедливости Промыслителя и съ безутѣшнымъ воззрѣніемъ на лучшую участь въ той „загробной“ жизни. Марине же склоняетъ свою покорную голову предъ неотразимымъ предопредѣленіемъ судьбы. Попираніе правосудія авторъ рисуетъ и въ разсказѣ „Охотникъ“. Герой разсказа Бежанъ за убійство кабана присужденъ къ штрафу въ 109 р. и тюремному заключенію на полтора года.

Въ 1891 г. въ „Иверіи“ появились три его небольшихъ разсказа: „Странная болѣзнь“, „Влюбленные“ и „Озеро Палеостомъ“. Въ первомъ разсказѣ авторъ рисуетъ жизнь имеретинской деревни, трудового класса ея населенія, изъ котораго выдѣляется новый типъ, неизвѣстный еще въ грузинской беллетристикѣ. Это Коте Мамаладзе, типъ молодого человѣка, проведшаго молодость свою въ Тифлисѣ приказчикомъ и вернувшагося въ деревню съ страшною венерическою болѣзью. Водвореніе его въ деревнѣ вноситъ въ чистую патріархальную среду заразу и начало нравственнаго разложенія. Онъ губитъ прежде всего молодую жену сельчанина Тасо, которая вышла 13-лѣтъ замужъ безъ любви и притомъ за человѣка, старше себя на 23 года. Болѣзнь передается дѣтямъ ихъ, а нѣкогда красавица мать ихъ, теперь безносая и ослѣпшая, ходитъ по міру за подаяніемъ.

Въ другой повѣсти „Влюбленные“ авторъ вновь возвращается къ неравному браку и анализу современныхъ семейныхъ отношеній и въ художественномъ разсказѣ возстаетъ противъ господствующихъ взглядовъ на бракъ. Сорокалѣтній Элизбаръ Табладзе женится на 17-лѣтней дѣвушкѣ Вардико. Эти не по возрасту заключенныя брачныя узы не могли предрекать семейнаго счастья Табладзе, утратившаго способность любить пылко и страстно. Вардико влюбляется въ 21-лѣтняго юношу Сико и проводитъ съ нимъ блаженные вечера. Тайныя встрѣчи и опасенія подвергнутыя общественнымъ пересудамъ не разъ отравляли влюбленнымъ минуты наслажденій. Вскорѣ поклонникомъ ея и конкурентомъ Сико становится нѣкто Гуліа и въ результатѣ трехлѣтнихъ тщетныхъ ухаживаній послѣдній убиваетъ Сико на разсвѣтѣ, послѣ сладостно проведенной имъ ночи съ Вардико, и открываетъ глаза опозоренному мужу, который въ гнѣвѣ поднимаетъ руку на свою жену. Народъ объяснилъ это печальное происшествіе такъ, что любовники Вардики поссорились между собою и жертвой ихъ столкновенія пала она.

Авторъ устами своего героя выражаетъ негодование противъ условной морали и нравственныхъ оковъ, налагаемыхъ сложившимися воззрѣніями на нормальныя сексуальныя отношенія. Въ этихъ повѣстяхъ уже обнаружались отличительныя черты беллетристическаго дарованія Пинашвили. Манера его творчества заключается въ естественности и искренности тона, въ умѣніи подмѣтить новыя явленія жизни и рельефно очертить зарождающіеся типичныя образы. Онъ просто изображаетъ драму, которую переживаютъ люди, застигнутые поднявшеюся бурей переоцѣнки прежнихъ общественныхъ отношеній и нравственныхъ понятій.

Въ рассказѣ „Озеро Палеостомъ“ изображается первый натискъ, произведенный капиталистическимъ производствомъ на деревенскій укладъ жизни. Трогательна судьба отца - крестьянина Ивана, погибающаго вмѣстѣ съ единственнымъ сыномъ своимъ Нико въ бушующихъ волнахъ озера. Въ силу сложившихся новыхъ экономическихъ запросовъ крестьянка не можетъ выходить замужъ безъ приданого. И крестьянинъ Иванъ вынужденъ покинуть деревню и заняться сплавомъ лѣса въ Поти по озеру, чтобы съ опасностью для своей жизни зарабатывать гроши на приданое дочери Маши.

„Для деревень западной части Гуріи городъ Поти имѣетъ большое значеніе. Все, что предназначается для продажи, деревни эти сбываютъ въ Поти; все необходимое покупаютъ тамъ-же. Когда къ крестьянину, обывателю этихъ деревень, обращаются съ требованіемъ какихъ-нибудь платежей, городъ Поти служитъ ему порукой. „Дай срокъ“, говоритъ онъ сборщику или старшинѣ, „схожу въ Поти, вернусь съ деньгами и тогда получай“. И съ утра до вечера тянется по дорогѣ въ Поти вереница гурійцевъ-крестьянъ, навьюченныхъ индѣйками, курами, всевозможною живностью, мукою, кукурузой и всякими продуктами.

Лѣсной же матеріалъ изъ Гуріи доставляется въ Поти въ неограниченномъ количествѣ. Потому-то, когда проносится слухъ, что городъ Поти падаетъ, что портъ переносятъ (а такіе слухи часто циркулируютъ въ Гуріи), жители тѣхъ деревень ходятъ мрачно, понуривъ головы. Но столь выгодное для гурійцевъ общеніе съ городомъ Поти затруднено однимъ обстоятельствомъ: на пути, по которому гурійцы направляются въ Поти, стоитъ грозный ключарь, который по временамъ становится такъ упрямъ, что на цѣлыя недѣли закрываетъ доступъ въ городъ. Грозный ключарь, это озеро Палеостомъ, которое какъ бы отряжено Чернымъ моремъ, чтобы сторожить городъ Поти со стороны суши. Кажется, что Черное море сообщило своему питомцу свой бурный, бѣшеный характеръ и ненависть къ человѣчеству. Когда поднимается вѣтеръ, Палеостомъ чернѣетъ и съ пѣной у рта, бурно вздымаетъ свои гребни: какъ будто весь міръ собирается поглотить это маленькое чудовище. Хотя озеро это невелико,—человѣкъ, обладающій острымъ зрѣніемъ, легко можетъ съ середины его разглядѣть берега, покрытые густымъ тростникомъ,—но обладаетъ всѣми свойствами моря, съ которымъ Палеостомъ соединенъ длиннымъ, широкимъ каналомъ.

Относительно Палеостома въ Гуріи существуетъ такая легенда. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь озеро, нѣкогда будто бы было селеніе, называвшееся „Палеостомомъ“. Однажды суша стала опускаться, образовывая углубленіе, земля дала трещины и черезъ нихъ ринулись воды, затопившія все селеніе. Такимъ образомъ возникло озеро. Народъ, тамъ жившій, и все одушевленное погибло, только діаконъ одинъ успѣлъ спастись, захвативъ съ собою образъ архистратига Михаила, и нашелъ убѣжище на Джуматской горѣ въ Гуріи, гдѣ впоследствии въ честь той иконы была воздвигнута церковь. А тотъ діаконъ, по фамиліи Дарчіа ¹⁾, былъ поставленъ благочиннымъ священникомъ. Церковь на Джуматской горѣ существуетъ и нынѣ, и теперь живетъ въ селеніи Джумати родъ по фамиліи Дарчіа и многіе изъ нихъ духовнаго званія; но насколько содержаніе приведенной легенды правдиво—не знаю.

Озеро Палеостомъ принадлежитъ князю мингрельскому—Дадіани и въ немъ рыболовы-мингрельцы ежегодно вылавливаютъ своими широкими сѣтями громадное количество рыбы. О томъ, какъ озеро Палеостомъ перешло во владѣніе Дадіани, въ гурійскомъ народѣ ходитъ по преданію слѣдующее легендарное сказаніе.

По какому-то случаю владѣтель Мингрелии, Дадіани, отдалъ своего сына заложникомъ владѣтелю Гуріи, князю Гуріели. Но князь Гуріели, по полученіи заложника, опять заподозрилъ Дадіани въ предательскихъ замыслахъ. Поэтому наканунѣ Новаго года онъ велѣлъ обезглавить взятаго заложникомъ молодого князя, положилъ отрубленную голову въ шкатулку и объявилъ: „тотъ смѣльчакъ, который возьмется доставить эту голову князю Дадіани въ день Новаго года,—если онъ крестьянинъ,—будетъ пожалованъ дворянскимъ достоинствомъ, если онъ дворянинъ—будетъ возведенъ въ княжеское“. И одинъ крестьянинъ вызвался доставить.

Сѣлъ на коня и въ самый день Новаго года, когда князь собирался къ обѣднѣ, поднесъ ему запертую шкатулку—даръ князя Гуріели. Когда же Дадіани потребовалъ ключъ отъ шкатулки, крестьянинъ, ударивъ себя по головѣ, воскликнулъ: „горе мнѣ! Я ночевалъ въ дорогѣ и забылъ ключъ на ночлегѣ!“,—и съ этими словами, вскочивъ на коня, онъ пустился въ обратный путь какъ будто за ключемъ. Убѣдившись, что посланецъ не возвращается, Дадіани велѣлъ взломать шкатулку и нашелъ то, что тамъ было—голову своего сына.

Вслѣдствіе этого между Гуріели и Дадіани возгорѣлась война и, когда, наконецъ, они кое-какъ помирились, Дадіани получилъ отъ кн. Гуріели озеро Палеостомъ, какъ мзду за кровь убитаго сына.

Между Палеостомомъ и гурійскими деревнями расположены сначала у самыхъ деревень пахотныя и пастбищныя поля, далѣе громадный, хотя болотистый, но богатый деревьями различныхъ породъ лѣсъ и, наконецъ, покрытыя осокою и тростникомъ низменныя мѣста, которыя гурійцы называютъ „эцери“. Красивое зрѣлище представляетъ это „эце-

¹⁾ „Дарчіа“ по-грузински означаетъ „спасшійся“, „оставшійся“.

ри“ по пріятному для зрѣнія цвѣту растительности — весною ярко-зеленому, а осенью—золотисто-желтому. Это зрѣлище ласкает, но и обманываетъ взоръ: тамъ, гдѣ поверхность кажется покрытой зеленымъ бархатомъ, нога вязнетъ въ гнилой болотной водѣ.

Лѣсъ и „эцери“ бороздятъ безчисленные маленькія рѣчонки, изъ которыхъ образуются двѣ сплавыя рѣки. Рѣки эти, начинаясь около деревень, впадаютъ въ Палеостомъ.

Быль декабрь мѣсяць. Погода стояла отвратительная. То дуль рѣзкій вѣтеръ и хлесталъ дождь, по временамъ перемѣшиваясь со снѣгомъ, то сыпалъ градъ. Когда погода прояснилась, жестокіе морозы жгли все. Зажиточные люди, въ такую пору сидятъ дома у пылающихъ каминовъ и развлекаются всякими способами. Но рабочій крестьянскій людъ, какая бы пора ни стояла, не можетъ думать объ отдыхѣ.

Несмотря на отвратительную погоду, въ ближайшихъ къ Палеостому лѣсахъ слышался стукъ топоровъ и по временамъ гулъ падающихъ деревьевъ. Рабочій народъ осаждалъ лѣсъ, заготовляя для продажи въ Поти брусья. Работали безъ отдыха, промокшіе, съ покраснѣвшими отъ холода руками и ногами, а ночью усталые и изнуренные засыпали у очаговъ въ своихъ сквозныхъ шалашахъ. Въ многіе шалаши протекала дождевая вода, такъ какъ рабочіе не находили свободнаго времени, чтобы какъ слѣдуетъ исправить крыши.

Лѣсъ, въ которомъ теперь работали крестьяне, одно время составлялъ собственность сельскихъ обществъ. Люди всѣхъ состояній, большіе и малые, свободно пользовались рыбными ловлями, охотились и работали въ немъ. Ни съ чьей стороны не было никакихъ споровъ и притязаній; лишь иногда между деревнями возникалъ споръ относительно того, кому принадлежитъ пользованіе тою или другою частью лѣса. Но когда дворяне, соучастники въ общемъ пользованіи, поняли и оцѣнили выгоды исключительнаго владѣнія лѣсомъ, то вознамѣрились отдѣлаться отъ крестьянъ. Сначала они стали огрызаться, что лѣсъ ихъ, и крестьяне по закону не имѣютъ права пользоваться имъ. Затѣмъ, видя, что это не дѣйствуетъ, дворяне стали отнимать обработанныя крестьянами деревья. Понятно, въ началѣ они дозволяли это себѣ лишь съ наиболѣе безотвѣтными, но потомъ не стали церемониться и съ сильными. Съ своей стороны, крестьяне начали отвѣчать тѣмъ же и даже въ этомъ отношеніи превзошли своихъ противниковъ. Такъ какъ ихъ было много, и силою противъ нихъ ничего нельзя было подѣлать, дворяне обратились къ помощи полиціи. По жалобамъ ихъ полиція постоянно требовала то того, то другого крестьянина и мѣрами внушенія пыталась отстранить ихъ отъ пользованія лѣсомъ. Тогда крестьяне прибѣгли къ иному способу: они сплотились и все сельское общество дѣйствовало сообща, какъ въ работѣ, такъ и при захватахъ. Полиція обратилась къ послѣднему средству: она арестовала двухъ-трехъ главарей, но крестьяне все же не прекращали пользованія лѣсомъ.

„Хотя бы всѣхъ насъ арестовали поголовно, мы не можемъ отказаться отъ нашего кормильца“, настойчиво повторяли они. Въ такомъ положеніи было дѣло, когда въ той мѣстности началось межеваніе, и всѣ возникшіе споры должны были поступить на разсмотрѣніе суда. Но тутъ между князьями и дворянами произошелъ расколъ. Князья стали присваивать лѣсъ исключительно себѣ, не признавая правъ подвластныхъ имъ азнауровъ¹⁾; азнауры, напротивъ, доказывали, что каждый дворянскій домъ имѣетъ такую же долю участія въ землѣ, какъ и княжескій. Дѣло запутывалось. Видя это, казенное и церковное вѣдомства также потянулись: авось-де и намъ удастся выловить рыбу, и заявили споры, докладывая, что спорный лѣсъ не принадлежитъ ни тѣмъ, ни другимъ, а составляетъ собственность казны и церкви. Дѣло осложнилось еще болѣе. По крестьяне ни мало не тревожились: увѣренные въ правотѣ своего дѣла они говорили, что пока существуетъ законъ на землѣ, никто не можетъ лишить ихъ владѣнія лѣсомъ и спокойно продолжали свое пользованіе. Въ судѣ доводы повѣренныхъ со стороны дворянъ и уполномоченнаго казны, что крестьяне не могутъ приобрести никакой недвижимой собственности иначе, какъ по выкупному договору и крѣпостнымъ актомъ, были отвергнуты судомъ, признавшимъ, что десятилѣтнее владѣніе создаетъ право собственности для владѣльца, къ какому бы сословію онъ не принадлежалъ. Дѣло получило благоприятный оборотъ. Спорящія стороны стали внушать своимъ крестьянамъ: „мы вамъ не отказываемъ въ пользованіи, а до другихъ какое вамъ дѣло; если мы допустимъ всѣхъ соучастниками, то лѣсъ потеряемъ какъ для насъ, такъ и для васъ. Помогите намъ отдѣлаться отъ другихъ соучастниковъ, и лѣсъ останется по-прежнему въ вашемъ пользованіи“.

Помѣщики при поддержкѣ примкнувшихъ къ нимъ крестьянъ и съ помощью лжесвидѣтелей выиграли дѣло отъ остальныхъ, заявившихъ споръ, лицъ. Но и тѣ крестьяне, которые оказывали помѣщикамъ поддержку, рассчитывая на даровое пользованіе, остались „при печальномъ интересѣ“: ни одного полѣна не позволяли вырубать иначе, какъ за плату. Вотъ въ этомъ самомъ лѣсу, теперь крестьяне обтесывали брусья для сплава въ Поти. По условію изъ заготовленнаго лѣса половина должна была быть сдана владѣльцамъ въ видѣ платы за пользованіе.

На берегу одной изъ рѣченокъ стоялъ шалашъ, по наружному виду котораго легко можно было заключить, что онъ сдѣланъ опытною, умѣлою рукою мастера. Прочно сплетенный изъ крѣпкихъ прутьевъ, съ хорошо пригнанною деревянною дверью, тщательно покрытый соломою, съ двумя аккуратно сплетенными лежанками по обѣимъ сторонамъ внутри—онъ отличался отъ другихъ разбросанныхъ въ лѣсу хижинъ. Шалашъ этотъ принадлежалъ крестьянину Ивану, который съ своимъ шестнадцатилѣтнимъ сыномъ Нико также находился и работалъ въ лѣсу.

¹⁾ „Азнаурами“ называются нетитулованные дворяне. Азнауры дѣлились на тронныхъ, или коренныхъ, находившихся въ непосредственной зависимости отъ короны, и княжескихъ—подвластныхъ княжескимъ родамъ.

Ивану было лѣтъ сорокъ пять. Онъ былъ отецъ многочисленнаго семейства: двухъ сыновей и пяти дочерей. Изъ нихъ старшій былъ Николай, за нимъ слѣдовала дочь-подростокъ, а остальные были такъ малы, что ни на какую работу еще не годились. Для содержанія такого семейства отъ главы его требовался постоянный, неустанный трудъ; этому можно было приписать то, что волосы и борода у Ивана преждевременно посѣдѣли.

Между сосѣдями Иванъ пользовался уваженіемъ, благодаря своему уму, честности и расторопности. Такъ какъ онъ содержалъ свою семью сравнительно хорошо, то сосѣди предполагали, что у него припрятаны деньги, добытыя въ дни молодости. Топоромъ Иванъ владѣлъ искусно и потому часто можно было слышать между рабочими въ лѣсу: „Вотъ такъ брусья, братецъ мой, у Ивана! какъ будто заправскимъ плотникомъ обтесаны. Конечно, онъ ихъ продастъ по хорошей цѣнѣ“.

Въ этомъ году Иванъ особенно рано принялся за работу и успѣлъ обтесать порядочное число деревьевъ, такъ какъ отчасти ему помогаль Нико. По вечерамъ онъ рано отпускалъ сына домой для приготовления ужина, и, когда онъ самъ позже возвращался въ шалашъ, отецъ съ сыномъ присаживались къ огню, и ѣли свой скудный ужинъ: чурекъ съ сыромъ, а въ постные дни съ похлебкой. Иногда Иванъ ловилъ рыбу или убивалъ кабана (онъ былъ смѣлый охотникъ), хотя очень жаловался, что въ лѣсу всякая дичь перевелась. „Прежде, если я шелъ на охоту самъ-другъ, то могъ быть увѣренъ, что вернусь съ оленемъ, или съ цѣлою лодкою рыбы“, говорилъ онъ; „теперь олень совсѣмъ вывелся, рыба порѣдѣла въ водѣ“. Однажды вечеромъ Иванъ рано вернулся домой и долго бесѣдовалъ съ сыномъ.

— „Знаешь, Нико, если Богъ намъ поможетъ и не нашьлетъ на насъ какую-нибудь напасть, хорошія дѣла мы надѣлаемъ въ этомъ году: много мы съ тобою обтесали лѣса. Если бы не нужно было заготавливать приданое для дѣвченки, можно было бы выкупить надѣлъ отъ помѣщика. Эхъ! освободиться бы мнѣ отъ этихъ надѣльныхъ повинностей, кажется, о смерти бы не пожалѣлъ. Сосѣди всѣ говорятъ: „кто такъ богатъ какъ ты? Отчего не откупишься?“ Думаютъ, что у меня есть деньги. Держать семью впроголодь, чтобъ откупиться, я не могу, а такъ на все не хватаетъ одной рабочей руки. Въ этомъ году нужно покончить съ свадьбою дѣвочки... Провались она!!! Не по отеческому чувству говорю: будь такая дѣвушка, какъ моя Мата, въ прежнее время, за ней не только не просили бы приданого, но еще сами стали бы тратиться, чтобъ имѣть ее своей женой. Другой такой дѣвушки не найдется у насъ въ Мухурахъ. А теперь, если не навалишь на нее груды приданого—сколько сама вѣситъ, то должна состарѣться дома. И это еще ничего, а то кто-нибудь, пожалуй, опозоритъ ее, какъ это случилось съ Юсифовой дочерью, которая родила безъ вѣнца... Въ этомъ году покончимъ съ этимъ дѣломъ; что останется, пойдетъ на повинности, семью.

— Еслибъ намъ не приходилось платить за пользованіе лѣсомъ, всѣ обтесанныя деревья были бы наши...,—прервалъ его Нико.

— Гм!.. Еслибы этимъ не выматывали душу... Святой Георгій да поразить того съ семьей, кто до этого довель наше дѣло,—сказаль съ сердцемъ Иванъ, Эхъ! Куда дѣлись уговоръ и согласіе! Если-бъ наши братья намъ не измѣнили, кто могъ тронуть насъ? Измѣна и предательство всему причиной. Гм!... поддержи они насъ тогда... Но обманули ихъ несчастныхъ. Крестьянинъ неучъ, а неуча всякій обманетъ... Знаешь, Нико, съ запасомъ этого года распорядимся, какъ сказано. Въ будущемъ году пораньше выйдемъ въ лѣсъ.—тогда и ты больше сможешь въ работѣ,—и давай-ка откупимся отъ барина. Надѣльный крестьянинъ—тотъ же рабъ. Подумай-ка: если я вдругъ протяну ноги, --вѣдь сиротъ моихъ заложать за повинности. Богъ да поможетъ намъ!

— Умремъ мы, батя, пропадая каждую зиму въ лѣсу. Что же это,—не собаки же мы, съ неудовольствіемъ отвѣтилъ Нико отцу.

— Хорошо, сынъ мой, отдыхать. Но кто тебѣ дастъ отдыхъ: передъ баринкомъ, священникомъ, царемъ, семьей, друзьями, врагами передъ всѣми должны держать отвѣтъ. Тяжела крестьянская доля!

Нико посмотрѣлъ на отца и съ горечью вздохнулъ. Нико былъ блондинъ, съ женственно нѣжнымъ сложеніемъ и съ трудомъ переносилъ работу. Отецъ давно замѣтилъ, что Нико не способенъ къ тяжелому труду и потому рѣшилъ отдать его въ ученіе. Одно время держаль его въ сельской школѣ, потомъ отвезъ въ городское училище. Нико съ своей стороны обнаружилъ хорошія способности и считался лучшимъ ученикомъ между своими сверстниками. Но Ивану не подъ силу стало содержать сына въ училищѣ, и онъ взялъ его изъ перваго класса. Съ тѣхъ поръ прошло три года, но у Нико не пропадала охота къ ученію. Какъ только онъ находилъ свободное время, не отрывался отъ книжки. Иванъ очень сожалѣлъ, что отвлекъ сына отъ ученія.

— Погубилъ я свою душу, что взялъ тебя изъ школы. Въ нынѣшнее время незнающій человѣкъ не болѣе, какъ упряжная скотина,—говорилъ Иванъ, когда видѣлъ книжку въ рукахъ сына. Но что было дѣлать! Не смогъ одинъ тянуть тяжелое ярмо и взялъ въ подмогу себѣ старшаго сына.

— Таковы крестьянскія дѣла....., хотѣлъ продолжать разговоръ Иванъ, но въ это время въ шалашъ вошелъ сосѣдъ Гито и сказалъ:

— Слышаль, Иванъ, какое несчастье случилось? Сильный ночной вѣтеръ сломилъ дубъ около шалаша Залики, ударилъ его о шалашъ и оба товарища погибли. Хотя бы прахъ ихъ остался для преданія землѣ: шалашъ загорѣлся и, какъ свѣчи, выгорѣли оба. Что будетъ съ ихъ сиротами! У обоихъ изба полна ребятишекъ.

— Охъ! несчастные, несчастные, воскликнулъ Иванъ, ударивъ себя по головѣ. Ни у одного не осталось въ семьѣ взрослого работника. Подохнутъ всѣ отъ голода.

— Гм!, произнесъ Иванъ со вздохомъ. Такова судьба несчастнаго крестьянина: работаетъ, копошится, то туда, то сюда, смотришь,—и придавить его смерть, какъ комара“.

Долго говорили въ эту ночь отецъ съ сыномъ. Вспомнили всѣхъ умершихъ въ томъ году по несчастному случаю въ своихъ ближайшихъ деревняхъ: какого-то Павлика, который сбивая съ дерева орѣхи, свалился и разбилъ себѣ голову, какъ яйцо, какую-то шестилѣтнюю дочь Петра, которая была оставлена родными безъ присмотра и, неосторожно приблизившись къ огню, загорѣлась и умерла; какого-то Іесику, который, служа въ батракахъ у священника, былъ посланъ въ половодье куда-то и утонулъ, переправляясь чрезъ рѣку; трехъ какихъ-то дѣтей, которыхъ, когда родители ихъ были на работѣ, искусила бѣшеная собака, одинъ изъ нихъ тотчасъ же умеръ, другой заболѣлъ водобоязнью, а третій, хотя и остался живымъ, но былъ изуродованъ...

Участь деревьевъ, заготовленныхъ для отправки въ Потю, зависитъ отъ погоды: если нѣтъ половодья, тѣ рѣчки, на берегахъ которыхъ сложены деревья (по берегамъ сплавныхъ рѣкъ весь лѣсъ уже вырубленъ), по недостатку воды не могутъ поднять плотовъ. Иногда случается, что нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, по причинѣ засухи, не бываетъ половодья, и обработанные деревья гниютъ на мѣстѣ.

Потому-то лѣсопромышленники, заготовивъ партіи, съ нетерпѣніемъ смотрятъ на небо въ ожиданіи, когда хлынетъ дождь и будетъ половодье. Правда, дожди въ губерніи, благодаря близости Чернаго моря, нерѣдки, но такіе ливни, какіе необходимы для лѣсопромышленниковъ, случаются въ годъ два-три раза, а иногда и вовсе въ теченіе года не случаются. Но въ томъ году, въ февралѣ хлынулъ такой дождь, что рѣчки уносили съ собой все. Изъ ближайшихъ деревень народъ высыпалъ въ лѣсъ; дома остались только дѣти да женщины. Кто не имѣлъ своего лѣса, тотъ нанимался за плату. Нечего говорить, что Иванъ съ Нико и нѣсколькими наемными рабочими также появились около своихъ деревьевъ. Правда, холодъ пронизывалъ рабочихъ до костей,—но кто обращалъ вниманіе на холодъ! Такое половодье могло случиться лишь разъ въ три-четыре года и всѣ спѣшили воспользоваться случаемъ, чтобы сплавить лѣсъ въ Потю. Когда сплавили брусья на большую рѣку, связали большіе плоты и всѣ поплыли по направленію къ Потю; одни впереди, другіе назади; Иванъ также связалъ громадный плотъ, рассчитался съ наемными рабочими, посадилъ своего Нико съ собою, перекрестился и пустился въ путь.

Когда Иванъ приблизился къ Палеостому, уже стемнѣло. Хотя погода и прояснилась, но ночь была безлунная и было темно. Къ тому же подулъ маленькій вѣтеръ. „Откуда это взялся проклятый вѣтеръ“, съ неудовольствіемъ промолвилъ Иванъ, потомъ внимательно посмотрѣлъ на небо и добавилъ: звѣзды такъ ярко блещутъ, что вѣтеръ усилится.—Нико, сегодня придется здѣсь привязать плотъ и провести ночь. Въ такую темную ночь легко потерять берегъ и тогда мы пропади. Если-бы ты не былъ со мною—другое дѣло. Я и въ худшую погоду переплывалъ Палеостомъ; но тебя я не могу довѣрить въ такую ночь этой ненасытной прорвѣ. Ты не опытенъ и, если тебя захлеснетъ волна, то, пожалуй, снесетъ съ плота.

Съ этими словами Иванъ направилъ плотъ къ берегу. Достигнувъ суши онъ вбилъ коль, привязалъ плотъ и затѣмъ отецъ съ сыномъ вышлъ на берегъ. Иванъ отыскалъ сухое мѣсто,—гдѣ бы можно было развести огонь, ударилъ огниво и добылъ огонь; потомъ онъ досталъ съ плота дрова и развелъ такой костеръ, что пламя подымалось на сажень. Но ночь была такая холодная, дулъ такой рѣзкій вѣтеръ, что огонь, разведенный подъ открытымъ небомъ, не грѣлъ. Въ особенности Нико такъ озябъ, что стукъ его зубовъ достигалъ до Ивана, который тщательно куталъ своего сына въ бурку. Послѣ полуночи вѣтеръ сталъ ослабѣвать. Наконецъ, Нико кое-какъ заснулъ; Иванъ тоже прилегъ и чуть-чуть вздремнулъ. Но скоро начало разсвѣтать, и онъ вскочилъ на ноги. Нико тоже проснулся. Послѣ сна его опять пронизалъ холодъ и онъ сталъ стучать зубами. Иванъ хотѣлъ отправиться, какъ можно скорѣе, такъ какъ онъ боялся усиленія вѣтра, но жалость взяла его при видѣ сына, и онъ сталъ разводилъ огонь, чтобъ отогрѣть сына.

Это обстоятельство такъ замедлило ихъ отправленіе, что заря уже занималась изъ-за горы, когда они перешли на плотъ. Вѣтеръ раза два сильно дохнулъ, какъ просыпающійся, и опять сталъ. Иванъ посмотрѣлъ на небо и съ озабоченнымъ видомъ сказалъ: „Нужно спѣшить, Нико, а то вѣтеръ усилится“. Отецъ съ сыномъ перекрестились и, съ Богомъ, спустили плотъ.

— „Гдѣ же Бежанъ и Датико, что плыли слѣдомъ за нами“,—спросилъ Нико.

— Вѣроятно, они испугались холода и стали у верхняго шалаша. Съ ними и другіе были, но и тѣхъ не видать. Глупость ихняя: предупредили бы вѣтеръ, а то, если теперь поднимется, то врядъ ли уляжется раньше пятнадцати дней. Хуже будетъ тогда—мерзнуть въ бухтѣ въ ожиданіи погоды,—сказалъ Иванъ, который сильно погонялъ плотъ и по временамъ поглядывалъ на небо. Когда они миновали бухту, плотъ свободно несся по взволнованнымъ почнымъ вѣтромъ водамъ Палеостома, —оттуда ясно были видны очертанія Джуматской горы и на вершинѣ ея, какъ орлиное гнѣздо—Архангельскій монастырь.

Такъ какъ солнце еще не восходило, гору и монастырь окутывалъ какой то таинственный полумракъ. Иванъ посмотрѣлъ въ сторону монастыря и, перекрестившись, съ выраженіемъ глубокаго благоговѣйнаго чувства въ лицѣ, произнесъ: „Святый Архангелъ Гавріиль, спаси насъ!“ Нико послѣдовалъ его примѣру. Но Палеостомъ выглядывалъ такими таинственными темно-зелеными глазами, что Нико на себя былъ не похожъ отъ страха. Иванъ смѣло дѣйствовалъ шестомъ и не обращалъ вниманія на блѣдное лицо сына. Тотъ тоже старался помочь отцу и скрыть чувство страха. Солнце выглянуло и въ видѣ золотого столба опустило свой первый лучъ въ воду озера въ одномъ мѣстѣ, которое загорѣлось нестерпимымъ для глазъ огненнымъ блескомъ. Но Палеостому освѣщеніе придало еще болѣе мрачный и зловѣщій оттѣнокъ. Гора и монастырь пока еще чернѣли въ тѣни, такъ какъ туда еще не достигали лучи солнца. Гора, воздухъ и окрестное пространство привя-

ли какой-то неприятный таинственный колоритъ... Какъ-будто сопровождающая первые лучи солнца, вѣтеръ нѣсколько разъ прогремѣлъ по водамъ Палеостома и чудовище проснулось.

— Бросай шесть, садись и держись крѣпче за привязь.—крикнулъ Иванъ Нико. Самъ-же кидался, какъ левъ, чтобъ подогнать плотъ къ берегу. Но тщетна была его борьба съ силами разгнѣванной стихии: волны все болѣе и болѣе удаляли плотъ отъ берега и выносили его на середину. Наконецъ и шесть пересталъ доставать до дна, такъ какъ къ срединѣ озера глубина воды постепенно увеличивалась. Тогда Иванъ рѣшилъ бросить плотъ на произволъ судьбы, и спустивъ челнокъ, который къ нему былъ привязанъ, направиться къ берегу. Но волнение было такъ сильно, что и это оказалось невозможнымъ. Долго и отважно боролся Иванъ, но, наконецъ, когда бѣшено пѣнившіяся волны начали швырять плотъ, какъ щепку, Иванъ понялъ, что его усилія ни къ чему не приведутъ, бросилъ шесть и, припавши къ плоту, схватился рукою за привязь. „Не бойся! руку крѣпче. Вотъ насъ выпесетъ на противоположный берегъ и мы спасены“, ободрялъ онъ Нико.

А вѣтеръ гудѣлъ и гудѣлъ. Гулъ вѣтра соединялся съ ревомъ воды, такъ что пушечный выстрѣлъ не былъ бы слышенъ. Рѣзвясь и клубясь, вздымались огромные валы и грозно сходились, какъ будто снаряжая другъ у друга добычу. У Ивана оставалась единственная надежда, что плотъ его крѣпко связанъ и не развалится; волны выбросятъ его гдѣ-нибудь на берегъ и они будутъ спасены. Но это въ томъ случаѣ,—если бы они успѣли удержаться на плоту, который ежеминутно заливало волнами. Потому-то: „руку крѣпче, крѣпче руку“, ежеминутно кричалъ Иванъ Нико, который дѣйствительно такъ вцѣпился въ дерево, что его можно было оторвать, лишь отрубивъ обѣ руки. Но вотъ громадная волна свирѣпо набѣжала на плотъ, подняла его на высоту и ударила о поверхность воды съ такою силою, что виноградныя лозы, которыми плотъ былъ связанъ въ двухъ-трехъ мѣстахъ, лопнули. Это повторилось нѣсколько разъ и плотъ сталъ разваливаться. Теперь Иванъ ясно видѣлъ, что онъ погибаетъ вмѣстѣ съ сыномъ. Нико же не видѣлъ и ничего не сознавалъ. Ошеломленный отъ страха онъ въ какомъ-то тупомъ оцѣпененіи цѣплялся за плотъ. Иванъ выпустилъ привязь и, приподнявшись, нѣсколько разъ испустилъ страшный, нечеловѣческій крикъ... Ни откуда не было слышно человѣческаго отклика. Но если бы даже кто-нибудь и былъ по близости, то какъ рѣшился бы отдаться въ пасть разъяреннаго Палеостома? Иванъ однимъ прыжкомъ очутился около Нико, одною рукою взявъ его за руку, а другою схватилъ дерево, за которое держался. На лицѣ его было написано выраженіе отчаянной рѣшимости. Тяжела для человѣка та минута, когда онъ воочию видитъ, что погибаетъ, особенно тяжела для крестьянина. Онъ клянетъ свою долю и свое рожденіе, но все же всѣмъ своимъ существомъ цѣпляется за жизнь, которую онъ страстно любить.

Ивану вдругъ представилось, какой адъ ожидаетъ его семью послѣ его смерти: „что съ ними будетъ?! Пропадутъ отъ голода, погибла семья! Что ее ожидаетъ?“, какъ вѣтеръ проносятся эти мысли въ голову Ивана. „Шимшили, шимшили“ (голодь, голодь) свистѣлъ вѣтеръ. Больше Иванъ не имѣлъ времени думать: такъ сильно ударился о воду безъ того полуразвалившійся плотъ, что въ одно мгновеніе разлетѣлся отдѣльными брусьями.

Иванъ и Нико очутились въ водѣ. Хотя оба они умѣли плавать, но истощенные въ одеждахъ, въ холодной, бѣшено клокоотавшей водѣ они не могли отплыть далеко. Иванъ видѣлъ, какъ волны увлекли и поглотили его любимаго Нико. Послѣдній разъ заревѣлъ несчастный Иванъ. Какъ раненый левъ, онъ силится помочь сыну, но ни силъ не было у него для помощи, ни сына, чтобъ ему помочь. Нико уже поглотила бездна. Черезъ нѣсколько минутъ и выбившійся изъ силъ Иванъ пошелъ ко дну и послѣднія слова его: „о, мои бѣдные, несчастные,“ обратно вогнала ему въ горло хлынувшая въ ротъ вода.

Вѣтеръ крутился съ страшнымъ ревомъ. Солнце поднялось и смотрѣло на Палеостомъ, какъ будто любуясь зрѣлищемъ. Ивановы брусья ныряли и играли въ волнахъ, какъ будто они одушевились и радовались полученной свободѣ. Тутъ же носился между ними, слѣдуя за волнами, маленькій челнокъ Ивана... Черезъ нѣсколько минутъ вода выбросила на поверхность тѣла утонувшихъ, какъ-бы хотѣла еще разъ показать міру свою „добычу, и затѣмъ опять увлекла ихъ въ свои темныя нѣдра“.

Авторъ съ полнымъ спокойствіемъ создаетъ глубокую жизненную драму и располагаетъ всѣми средствами художественныхъ красокъ и эффектовъ, захватываетъ вниманіе читателя, пораженного трагической развязкой разсказа.

Въ слѣдующемъ 1892 г. появились въ печати два крупныхъ его разсказа „Христина“ и „Симона“. Вопреки грузинскимъ народникамъ (С. Мгалобишвили въ разсказѣ „изъ Прошлаго“ и пр.) Ниношвили не скрываетъ недостатковъ своихъ соотечественниковъ. Однимъ изъ главныхъ источниковъ ихъ разоренія онъ считаетъ невѣжество и незнаніе жизни. Еще болѣе онъ выдвигаетъ послѣдствія дифференціаціи и раскола образовавшагося среди крестьянскаго населенія. Оно расчленилось на двѣ группы: на разбогатѣвшихъ и обѣднѣвшихъ, удаляющихся другъ отъ друга не только по своему имущественному положенію, но еще рѣзче по своимъ интересамъ и воззрѣніямъ. Въ очеркѣ „Христина“ разсказывается про загубленную молодость деревенской красавицы, обольщенной мѣстнымъ донъ-жуаномъ, недорослемъ изъ князей. Эта небольшая повѣсть производитъ впечатлѣніе почти ужъ совсѣмъ созрѣвшаго таланта.

Красавица и любимица семьи, 16-лѣтняя Христине, дочь бѣднаго крестьянина Датіа Хелмоклидзе, становится жертвой дворянина Укмадзе, истаскавшагося въ городскихъ и сельскихъ похожденияхъ, осквернившимъ нѣ-

сколько семейных очагов и опозорившимъ дѣвушекъ подѣ видомъ влюбленнаго жениха. Давно ужъ этотъ недоучившійся прощальга слѣдилъ за молодой красавицей въ дер. Нигвзіани, и завоевавъ ея невинное, довѣрчивое сердце, бросилъ на произволъ судьбы, на беспощадные укоры родныхъ и сосѣдей мать своего сына Гогіа. Безутѣшная въ своемъ оскорбленномъ чувствѣ, Христине бѣжить тайкомъ въ Тифлисъ вмѣстѣ съ пріѣзжей изъ города бывшей горничной „Соней“, въ домѣ князя потерпѣвшей участь Нигвзіанской (когда-то горделивой красавицы. Соня доставила горько оплакивавшую родину и семью Христине къ содержательницѣ позорнаго пріюта Наталіи и послѣ тяжелой борьбы съ житейской нуждой покинутая всѣми Христине подѣ именемъ „жидовки Рахили“ становится на развратный путь, привлекая вниманіе „гостей“ своей дѣтской простотой и наивностью. Впослѣдствіи она становится наложницей какого-то военнаго и, наконецъ, ее находятъ съ изрубленнымъ лицомъ отъ кинжалныхъ ударовъ двухъ соперниковъ-гулякъ въ ортачальскихъ садахъ. Она теряетъ свою привлекательность покупателей тѣла, питается подаеніемъ и погибаетъ въ больницѣ, гдѣ она предѣ смертью жалобно умоляетъ всѣхъ отправить ее въ дер. Нигвзіани, чтобы повидать родителей и дорогое свое дѣтище. Эта повѣсть одна изъ трогательныхъ произведеній Ниношвили. Теплое, нѣжное участіе, принимаемое авторомъ въ судьбѣ Христине, служить обвинительнымъ приговоромъ противъ безчеловѣчныхъ, жестокихъ героевъ губителей женской чести.

Разложеніе деревни и семьи очерчиваетъ онъ не только извнѣ принесенными городскими привычками и буржуазными расчетами, но открываетъ въ самомъ патріархальномъ укладѣ деревенской жизни начала, приводящія къ раскрѣпощенію сложившихся традицій. Въ разсказѣ „Симона“ рисуется деревенское житье-бытье, попавшее во власть кулака-живодера, который губить крестьянскую семью Семена Дзаладзе. Семень не переноситъ позора жены, которую силою лишаетъ чести сынъ деревенскаго кулака Давида Дроидзе молодой кавалеръ Титико, подстрѣливаетъ его въ лѣсу и бѣжитъ изъ деревни, попадая въ шайку разбойниковъ, наводящихъ ужасъ на всю Гурію.

Давидъ Дроидзе—новый типъ въ грузинской деревнѣ. Онъ бывший крѣпостной одного мелкаго помѣщика. Мальчикомъ онъ служилъ у одного грека, торгующаго орѣховыми деревьями. Собравъ небольшой капиталецъ, онъ сталъ вести самостоятельные подряды, скупая кукурузу и снимая участки земли своего барина. Для старшаго сына открылъ въ деревнѣ лавку доставившую ему новый источникъ обогащенія. Сынъ бросилъ деревню и переѣхалъ въ торговый городъ. Давидъ своихъ дѣтей воспиталъ въ школѣ. Одинъ сынъ служитъ въ полиціи, другой оканчиваетъ юнкерское училище. Онъ вліятельный и состоятельный обыватель, съ которымъ трудно тягаться дворянству. Единственное горе его причиняется ему тѣмъ, что онъ податнаго сословія; выходи, однако, изъ этого „позорнаго“ для его самолюбія положенія найденъ въ томъ, что онъ приписался къ духовному званію. Деревенскія власти къ его услугамъ; безнаказанно

обижаетъ онъ сосѣдей, сажаетъ въ тюрьму 15-лѣтняго Симона только за дерзость возраженія ему; по его желанію деревня строить церковь тамъ, гдѣ онъ предлагаетъ. Но онъ все еще связанъ съ деревней привычками и образомъ жизни. Сынъ же его Титико привезъ изъ города городскія воззрѣнія. Сила теперь въ деньгахъ, говоритъ онъ; женщина въ его глазахъ имѣетъ одно назначеніе — доставлять наслажденіе мужчинамъ. Обезчестивъ Дарико, жену Симона, онъ предлагаетъ ей денежную награду и не можетъ иначе понять ея отказъ отъ платы, какъ въ смыслѣ страха предъ мужемъ и свекровью Кетеванью, единственнымъ сыномъ котораго былъ Симона.

Въ обрисовкѣ типовъ авторъ безукоризненъ. Но онъ построилъ свою повѣсть по заранѣ намѣченному плану, предпославъ ему тенденціозную цѣль. Давидъ Дроидзе, деревенскій вожакъ, возненавидѣлъ Симону Дзаладзе, оставшагося на попеченіи бѣдной вдовы Кетевани. Симона былъ любимцемъ народа, ему охотно помогали въ работѣ, приглашали къ себѣ, цѣнили его трудолюбіе. Но Дроидзе мститъ за одно неосторожное слово и доводитъ его до полного разоренія. Случится ли воровство кукурузъ, Дроидзе заявляетъ подозрѣніе на Симону, который въ его глазахъ только и способенъ, по своей бѣдности, покушаться на чужую собственность. Симона отсидѣлъ 3½ года въ тюрьмѣ, будучи обвиненъ въ кражѣ лошадей у Дроидзе, и во всемъ правый Симона и цѣлая деревня по волѣ автора не находятъ правосудія, — и сохнеть онъ въ заключеніи. Озлобленный противъ не защитившей его деревни, и противъ виновника своего разоренія, Симона убиваетъ Титико Дроидзе, оскорбившаго его семейную честь. Такъ искусственно Ниошвили обрисовалъ столкновеніе дифференцирующихся классовъ. Въ такія же тенденціозныя рамки онъ вставилъ сюжетъ повѣсти „Партахи“, появившейся въ печати послѣ смерти автора въ журн. „Квали“ (изд. отдѣльно Тифлисъ 1897 г.).

Названіе повѣсти *Партахи* объяснено авторомъ въ примѣчаніи. Словомъ этимъ обозначается оставшаяся безъ владѣльца усадьба и земля. Содержаніе повѣсти взято изъ жизни Западной Грузіи. Героємъ ея является Джеранъ Тевридзе, трудолюбивый крестьянинъ, сынъ бѣдной вдовы. Упорнымъ трудомъ ему удалось стать на ноги, выдѣлиться изъ числа столь же малоземельныхъ односельчанъ. Бѣдныя дворянки готовы идти за него замужъ; но Джеранъ знаетъ ихъ капризы и по выбору тетки своей Калиджанъ, съ одобренія матери и сестры своей Елизаветы, женится на незнакомой ему дочери Залика Наришвили, прославившагося въ эпоху крѣпостнаго права своей удалью и протестомъ противъ продажи крестьянъ въ Турцію. Бракъ оказался неудачнымъ. Жена не понравилась Джерану ни по наружности, ни по душевнымъ качествамъ. Свекровь и золовка ее возненавидѣли, придирались ко всякой мелочи, не одобряли ни молчаливаго ея отношенія къ брани старшихъ, ни робкаго ея возраженія на замѣчанія ихъ. Предоставленная своей одинокой участи, заподозрѣнная гадалками въ близости къ печистымъ силамъ, Меланія, жена Джерана, искала утѣшенія или у доброй сосѣдки старухи Феклы, или въ ласкахъ сына. Но

вскорѣ мальчикъ умеръ, романическія связи ея съ сосѣдомъ были обнаружены сестрой Джерана. Гнетущее ея положеніе въ ненавистной семьѣ еще болѣе усилилось: мужъ сталъ прибѣгать къ силѣ, свекровь и золовка къ упрекамъ и неумолкаемымъ наставленіямъ. Родители Меланіи—люди патриархальные—были возмущены измѣной ея семейному долгу и отказали ей въ пріютѣ; бѣжать изъ дому не удалось къ другу дѣтства Нико, на котораго она возлагала свои послѣднія упованія,—и ей остался одинъ выходъ ночью, во время грозы застрѣлиться пистолетомъ своего мужа, рядомъ съ нимъ. Джерапъ былъ обвиненъ въ ея убійствѣ, опъ разъ публично покушался на этотъ шагъ, и сосланъ въ Сибирь, мать сошла съ горя съ ума, сестра умерла отъ чахотки, а небольшое имѣніе его подѣлили между собою его дальніе родственники.

Такъ печально кончилась жизнь семьи Тевридзе. Та же тема, какъ устарѣлые обычаи губятъ семью, использована имъ въ повѣсти, оставшейся въ рукописи и появившейся послѣ его смерти. Повѣсть эта подъ заглавіемъ „Мужъ и жена“ напечатана въ „Квали“ за 1904 г.

Благосостоянію крестьянъ препятствуютъ ненормальный укладъ жизни и тяжелыя непосильныя повинности. Въ маленькомъ разсказѣ *Распоряженіе* Ниношвили данъ краснорѣчивый примѣръ административнаго произвола. Бѣдный Кація Мундсадзе, едва прокормливающій семью личнымъ трудомъ, былъ вызванъ дежурить на линію желѣзной дороги, по которой долженъ былъ проѣхать „важный начальникъ“. Кація только что вернувшись съ полевыхъ работъ, отиравился сторожить поѣздъ. Онъ стоялъ на одномъ мѣстѣ, опершись на ружье и задумчиво глядѣлъ въ подножіе холма, куда лушый свѣтъ еще не смогъ проникнуть. Опъ думалъ о тяжелой долѣ крестьянина. „Сколько разныхъ обязанностей и повинностей лежитъ на плечахъ бѣднаго мужика! Жену и дѣтей прокорми, „почтовый налогъ“ уплати, подай денегъ на учителя, писца, священника,—чини мосты, поправляй дорогу,—по недѣлямъ съ семьей прощайся, сторожи на линіи, будь покоренъ всѣмъ... Теперь вотъ ѣдетъ „важный особа“... Помощника старшины спрашивалъ, кто сегодня долженъ проѣхать.—Не твое дѣло, отвѣтили мнѣ... Наше дѣло сторожить, а послушаешься, въ Сибирь сошлютъ!“.. Тутъ Кація взглянулъ на небо и сказала: однако, уже много времени прошло, скоро свѣтатъ будетъ! Быть можетъ, сегодня ночью никто и не проѣдетъ... Скоро затѣмъ Кація началъ думать о своей поѣздкѣ съ кукурузой (для продажи).

Когда я возвращался съ поля и видѣлъ жену и дѣтей—слезы подступили къ глазамъ. Теперь Марина... она уже взрослая дѣвушка... несчастная дочурка... она руками прикрываетъ то тутъ, то тамъ голое тѣло... Сегодня, когда я сюда уходилъ, мальчуганъ мнѣ крикнулъ: баба (папа), рубашку мнѣ принесешь? Господи, пошли мнѣ одѣть мою семью!“ Долго еще думалъ Кація на эту тему, пока, наконецъ, утомленный и физически, и духовно, чуть не заснулъ стоя. Опъ началъ ходить по полотну желѣзной дороги, чтобы разогнать сонъ. Наконецъ, и ходитъ Кація не былъ въ состояніи отъ усталости и сна, одолѣвшаго его... Дай-ка

немного прикурну, подумаль Кація, а потомъ легче будетъ дежурить... Чтобы не прозѣвать поѣзда, положу голову на рельсы, когда поѣздъ будетъ приближаться—услышу и проснусь“... Едва Кація закрыль глаза, моментально погрузился въ тяжелый сонъ... На разсвѣтъ желѣзнодорожный сторожъ нашель на линіи раздавленный поѣздомъ обезглавленный трупъ. То былъ трупъ Кація Мундсадзе ¹⁾.

Рыцарь нашей страны принадлежитъ къ числу повѣстей, обличающихъ бездѣльное, разнузданное и распущенное дворянство, поставившее цѣлью своего существованія разгуль и половыя оргіи. Герой повѣсти гигантъ и красавецъ Таріель Мклавадзе, названный по имени „Юноши въ барсовой кожѣ“ Ш. Руставели, подражаетъ своему соименному романтическому другу Нестанъ-Дереджану только въ физической расправѣ съ соперниками и собутыльниками. Не довольствуясь своимъ неотразимымъ успѣхомъ среди похотливыхъ дамъ, онъ, при содѣйствіи друзей, обезчестилъ малолѣтнюю 12-лѣтнюю дѣвочку, похитилъ молодую жену у крестьянина и, не признавая препонъ въ удовлетвореніи своей плотской страсти, дѣлаетъ попытку силою ворваться въ номеръ постоялаго двора, занятый болѣзненнымъ сельскимъ учителемъ, чтобы овладѣть его красивой женой. Въ изображеніи двухъ рѣзко противоположныхъ типовъ—буйнаго сластолюбца Таріеля и деликатнаго, благороднаго учителя Спиридона Мциришвили сосредоточивается интересъ драматической повѣсти И. Ниношвили. Автору удалось нарисовать симпатичный образъ Спиридона, увлекшаго своимъ безкорыстнымъ служеніемъ идеѣ народнаго образованія, Деспину, дочь священника, у котораго онъ снималъ комнату въ качествѣ сельскаго учителя. Деспина полюбила чуткой своей душой этого немощнаго тѣломъ и непреклоннаго духомъ Спиридона изъ крестьянъ, получившаго при самыхъ жалкихъ матеріальныхъ условіяхъ воспитаніе въ городскомъ училищѣ и учительской семинаріи, чтобы впоследствии себя всецѣло посвятить распространенію грамотности среди народа и послужить его духовнымъ интересамъ. Изъ своего скуднаго жалованья онъ удѣляетъ средства старухѣ-матери и навѣщаетъ ее въ праздничные дни, доставляя ей этимъ единственную отраду жизни.

Во время одного изъ такихъ путешествій къ ней Спиридонъ съ женою, раздѣлявшей всѣ его труды, долженъ былъ, въ виду завала по желѣзной дорогѣ, ждать прибытія поѣзда въ ближайшемъ къ станціи духанѣ и подвергнуться въ ночное время нападенію пьяныхъ товарищей Таріеля, общавшихъ доставить ему приглянувшуюся на вокзалѣ имъ хорошенькую Деспину. Спиридону удалось вырвать изъ ихъ рукъ похищенную жену, онъ отстоялъ ее вторично противъ попытки Таріеля ворваться въ номеръ подъ видомъ гостя, которому по грузинскому обычаю „отказать въ приѣмѣ нельзя“. Мало было этихъ тревогъ, причиненныхъ беззащитному учителю съ растерявшейся отъ испуга женою, недостаточно было учтивое письмо Спиридона къ Таріелю, посланное черезъ духанщика съ

¹⁾ Неоконченныя повѣсти его появились въ *Квали*: „Деревенскіе герои“ (1901 г.), „Печальное послѣдствіе“ (1902 г.)

извиненіемъ въ коварно взведенномъ обвиненіи, въ томъ, что запертый въ номерѣ „жалкій человѣкъ“ дерзнулъ назвать поступокъ громилъ безчестнымъ,—нашъ „Рыцарь“ подвергъ избіенію тщедушнаго и безобиднаго Спиридона на глазахъ его жены и съ одобренія всей безшабашной своей компаніи. Этотъ возмутительный поступокъ рыцаря ввергъ Спиридона въ горячку, а жену его стали преслѣдовать галлюцинаціи при воспоминаніи о Таріелѣ, въ образѣ медвѣдя таскающемъ ее въ берлогу. Мучительныя видѣнія свели ее въ могилу, болѣзнь же физическая и нравственная приковали Спиридона къ постели. И этому скромному человѣку пришлось кровью отмстить „за несчастье двоихъ“ и застрѣлить Таріеля на той же стациіи, гдѣ за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ его пьяные друзья обѣщали достать ему красавицу Деспину.

Писецъ Мосе дорисовываетъ бытовую обстановку деревенской глуши. Крестьянскій мальчикъ, прошедшій курсъ сельской школы и усвоившій тонкости судебного и административнаго крючкотворства во время прохожденія лакейской службы у пристава, становится вершителемъ судебъ своихъ „земляковъ“. Тронутый щедрыми приношеніями (въ натурѣ) отца Мосе, приставъ опредѣляетъ въ канцелярію своего лукаваго и раболѣпствующаго слугу, съ обязательствомъ четвертую часть дохода удѣлять своему благодѣтелю. Это молчаливое соглашеніе обирать народъ съ одобренія начальства впервые заронило въ душу Мосе мысль о возможности безконтрольнаго распоряженія и злоупотребленія препорученною ему „властью“. Въ началѣ учтивый и внимательный къ народу, съ которымъ говоритъ на „вы“, онъ постепенно становится самовластнымъ и высокомернымъ и, въ упоеніи сознаниемъ своей начальственной силы, заставляетъ ждать у входа въ канцелярію просителей по цѣлымъ днямъ, чтобы къ вечеру ихъ отпустить съ заявленіемъ, что онъ утомленъ и не въ состояніи ихъ выслушать. Усвоивъ всѣ тонкости составленія фальшивыхъ канцелярскихъ бумагъ и искусившись въ вымогательствѣ, Мосе—писецъ рисовался благодѣтелемъ темнаго люда и принималъ взятки какъ слабое выраженіе благодарности за непомѣрные труды. Принимаясь за оборудованіе самого возмутительнаго процесса, онъ, будучи увѣренъ въ благополучномъ исходѣ своей незаконной затѣи, обставлялъ ее въ глазахъ заинтересованнаго лица неопределимыми препятствіями, съ цѣлью вырвать болѣе крупный кушъ, пріобрѣсти славу изворотливаго человѣка, превосходящаго способностями въ „борзописаніи“ окончившихъ курсъ въ „университетахъ и семинаріяхъ“. Талантъ свой разрѣшить безнадежное дѣло въ желательномъ смыслѣ проявляетъ онъ въ бесѣдѣ со вдовою Бабале, сына котораго за 50 руб. онъ спасаетъ отъ призыва къ воинской повинности. По поводу незаконнаго освобожденія Окруа отъ солдатчины, онъ составляетъ подложный документъ, подтвержденный печатью добродушнаго, малообразованнаго священника Аоапасія, а также подписью старшины и понятыхъ, и удостовѣряющій, что Окруа—единственный сынъ вдовы Бабале, а Софроній ея пасынокъ, а не сынъ. Но врагъ подстерегъ бѣдную вдовицу:

ея сосѣдъ, Баграць Керадзе, давно точившій зубы противъ семьи Ок-руа, допесь куда слѣдуетъ. Подлогъ былъ раскрытъ. Любимецъ па-сты, безъ умысла принявшій участие въ подлогѣ Мосе, старецъ о. Аванасій и понятые были принесены имъ въ жертву и понесли нелице-приятную кару. Одинъ Баграць Керадзе остался доволенъ успѣхомъ мстительнаго генія. Погибла семья Бабале, въ прахъ разсыпался домъ безкорыстнаго пастыря, многіе очутились въ Сибири по милости Мосе, уцѣлѣвшаго съ легкимъ палетомъ угрызенія совѣсти среди моря лжи и безиправственныхъ дѣяній, его окружавшихъ и имъ учиненныхъ. Одинъ судъ по совѣсти могъ бы раскрыть правду и наказать истиннаго виновника сложнаго уголовного преступленія! Судъ же формальный, безъ присяжныхъ засѣдателей покаралъ неповинныхъ людей! И здѣсь слышится мучительный крикъ автора за просвѣщеніе народа, за довѣ-ріе къ нему, за упрощеніе судопроизводства.

Ниношвили принадлежалъ къ группѣ новѣйшихъ писателей, из-вѣстныхъ подъ именемъ „дасистовъ“. Если при жизни его дасистамъ не представлялся случай сплотиться для публичнаго засвидѣтельствова-нія ему своихъ симпатій, то гробъ юнаго писателя собралъ всѣхъ его единомышленниковъ, выступившихъ на поприще съ 1890 г. Онъ, по словамъ Джибладзе, автора надгробной рѣчи, былъ выразителемъ стрем-леній дасистовъ, давшихъ цѣлую программу дѣйствій для будущаго. Ниношвили искалъ причины всѣхъ бѣдъ, постигавшихъ грузинъ, въ ма-лой культурности ихъ и экономической отсталости. Повѣсти „Озеро Палеостомъ“, „Мосе-писецъ“, „Рыцарь нашей страны“ служатъ иллюстра-ціей его главныхъ тезисовъ. Идеаль свой онъ искалъ не въ родной сторонѣ, все болѣе разрушающейся подъ напоромъ новыхъ условий жизни, а на Западѣ, въ идеалахъ европейскаго строя. Онъ былъ свидѣтелемъ зарожденія новыхъ общественныхъ классовъ на экономической почвѣ, смѣняющихся сословный укладъ Грузіи и стирающихъ пропасть между дво-рянствомъ и крестьянствомъ. Прежній помѣщикъ и бывший крестьянинъ очутились въ одномъ лагерѣ, подъ однимъ экономическимъ ярмомъ. Новымъ честнымъ дѣятелямъ на грузинской почвѣ предстоитъ тяжелая борьба. При осуществленіи своихъ благородныхъ затѣй и общественныхъ стремленій и имъ приходится наталкиваться на жестокія препятствія. „Рыцарь нашего времени“—Мклавадзе и имъ подобные еще располага-ютъ запасомъ умственныхъ, но больше физическихъ силъ для противодѣйствія завѣтнымъ мечтамъ безкорыстныхъ дѣятелей. Сельскій учитель, преслѣдующій одну цѣль, поднять народное образованіе, терпитъ гоненіе и побои отъ „рыцаря“ Мклавадзе, нравственно распущеннаго героя его по-вѣсти. Трагизмъ житейскій обрисовывается имъ не менѣе ярко въ пов. „Мосе-писецъ“. Въ посмертномъ произведеніи „Сельскіе герои“ (Квали, 1901) изображенъ традиціонный типъ малообразованнаго, разоряющагося помѣщика Манучара Арцавадзе, сѣтующаго о паденіи крѣпостнаго права. Очеркъ, набросанный съ юморомъ и яркостью, свойственными автору, остался недоконченнымъ и недоделаннымъ. Въ такомъ же видѣ дошелъ

до насъ другой его историческій романъ „Грустное послѣдствіе“ изъ жизни Грузіи 1841 года.

Заслуга его въ томъ, что онъ первый познакомилъ насъ съ бытомъ, нуждами и тревогами гурійцевъ. Бѣдственное положеніе ихъ онъ объясняетъ недостаткомъ земли и господствомъ несправедливости. Предметомъ его рассказовъ и повѣстей служила простая крестьянская среда, въ которую вносили разладъ недоучившіеся, искалѣченные городской жизнью. Всѣ симпатіи его на сторонѣ народа; разлагающее патріархальную семью новое вѣяніе, проводниками котораго является герои его произведеній—въ лицѣ сельскаго писца, гуляки-дворянина и кулака-живодера, давало писателю возможность сопоставлять зарождающееся и отживающее поколѣніе и отдавать предпочтеніе чистотѣ нравовъ крестьянства стараго строя. Исходя изъ существующихъ ненормальныхъ фактовъ сельской и городской жизни, отъ постепеннаго разрушенія устоевъ прежняго порядка и проникновенія не согласныхъ съ прежнимъ складомъ нравственныхъ воззрѣній, онъ попытался дать объясненіе этимъ явленіямъ, указать условія, при которыхъ совершается переломъ въ основахъ общественнаго строя. Такой процессъ творчества придавалъ его рассказамъ тенденціозный характеръ, но талантъ, безусловно ему присущій, спасъ его отъ крайности натурализма и предоставилъ ему одно изъ первыхъ мѣстъ среди молодыхъ грузинскихъ беллетристовъ.

Онъ умеръ буквально въ нищенской обстановкѣ, всю жизнь питался впроголодь, но никогда, даже на одрѣ болѣзни, не разставался съ перомъ. Такая рыцарская преданность—сѣять благородное слово и стойкость въ борьбѣ съ житейской неправдою усугубляютъ тяжесть утраты понесенной грузинской литературой въ лицѣ угасшаго на 33 году жизни юнаго беллетриста.

Ив. Гомартели.

Иванъ Гомартели, критикъ и публицистъ, родился въ дер. Гориса (Сачхери) въ 1877 г., учился до IV кл. въ Тифлисской дворянской школѣ, затѣмъ во 2-й гимназіи и Московскомъ университетѣ. Въ качествѣ врача онъ пріобрѣлъ любовь и довѣріе среди своихъ многочисленныхъ пациентовъ и въ качествѣ писателя социаль-демократическаго направленія извѣстность и широкую популярность. Онъ одинъ изъ плодovitѣйшихъ молодыхъ публицистовъ. Статьи его печатались въ *Квали*, *Иверіи*, *Нов. Обоз.* Въ области критики онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія утилитарной и отрицаетъ значеніе чистаго искусства. Въ публицистическихъ статьяхъ онъ раздѣляетъ взгляды социаль-демократовъ. Онъ былъ избранъ депутатомъ Государственной Думы перваго призыва отъ Кутаисской губерніи (былъ проведенъ партией социаль-демократовъ). Помимо публицистическихъ работъ, Ив. Гомартели испробовалъ силы въ художественной литературѣ.

Въ литературномъ сборникѣ, подъ названіемъ „Библиотека Иверіи“, останавливаетъ на себѣ вниманіе оригинальная пятиактная пьеса (сель-

скія картинки) И. Гомартели „Въ хижинѣ“. Пьеса интересуе насъ какъ первое драматическое произведеніе молодого автора не съ художественной стороны, а въ отношеніи констатируемаго авторомъ неизвѣстнаго даже грузинскому обществу варварскаго обычая имеретинъ «изводить» эпидеміи. Извѣстно, что при появленіи такихъ заразныхъ болѣзней, съ которыми народныя лѣчебныя средства безсильны бороться, грузины или выдворяли больныхъ изъ общихъ жилищъ въ сады и рощи, или цѣлыми семьями убѣгали въ лѣса и горы. Изоляція эпидемичнаго, конечно, разумное и цѣлесообразное средство, но, оказывается, въ Имеретіи прибѣгаютъ къ болѣе „радикальному“ безчеловѣчному средству. Съ такого рода средствомъ и знакомить насъ авторъ—докторъ И. Гомартели.

Дѣйствіе происходитъ въ мрачной обстановкѣ крестьянской бѣдности. Къ бѣдному крестьянину Сачино пріѣзжаетъ изъ города больной братъ Лука. Онъ является въ деревню, по совѣту врачей, умирать на чистомъ воздухѣ. Случайно захватившій въ деревню городской врачъ констатируетъ у Луки чахотку въ послѣдней стадіи. Сачино въ отчаяніи. Онъ знаетъ, что чахотка прилипчива, можетъ заразить всю семью и рѣшается на послѣднее средство. Отправивъ семью „на воды“, онъ приглашаетъ къ себѣ знахаря изводителя, имѣющаго специальное названіе „талхани“, который, сторговавшись сначала въ цѣнѣ „за трудъ“, достаетъ изъ кармана мѣшочекъ, накидываетъ больному на голову и стягиваетъ петлю... Кончивъ свое дѣло, обшаривъ свою жертву и взявъ найденные у него деньги (40 руб.), талхани спокойно снимаетъ съ головы задушеннаго свой мѣшочекъ и удаляется.

Хотя эта сцена по пьесѣ производитъ на братоубійцу настолько потрясающее впечатлѣніе, что онъ лишается разсудка, галлюцинируетъ, называетъ себя Каиномъ и, въ концѣ концовъ, вѣшается на осинѣ, — тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности подобныя «операціи» сходятъ, вѣроятно, безъ особыхъ умственныхъ и нравственныхъ сотрясеній. Въ предисловіи авторъ приводитъ два факта изъ своей врачебной практики.

Нѣсколько лѣтъ назадъ въ Верхней Имеретіи онъ установилъ чахотку у больной дѣвушки, которая могла прожить еще въ обычной обстановкѣ не менѣе мѣсяца. Черезъ двѣ недѣли онъ встрѣтилъ сосѣда чахоточной и спросилъ, какъ она себя чувствуетъ.—„Прикончили“,—отвѣтилъ тотъ коротко, какъ будто все это въ порядкѣ вещей. Въ прошломъ году пожилой имеретинъ привелъ къ тому же доктору больную дочь. Докторъ нашелъ чахотку и объяснилъ отцу, что при хорошемъ уходѣ больная можетъ оправиться.—„Я то зналъ, что у нея чахотка, но все же хотѣлъ убѣдиться, —сказалъ отецъ.—Не пишите рецепта, лѣкарство не поможетъ. Въ прошломъ году сынъ умеръ отъ чахотки, она за нимъ ходила и заразилась. У меня еще есть дѣти. Дайте такіе лѣкарства, чтобъ другіе не заразились“. Докторъ объяснилъ ему, какія нужны предохранительныя мѣры. Черезъ мѣсяцъ къ доктору является тотъ же имеретинъ съ больнымъ сыномъ.—„А какъ дочь?“—спрашиваетъ докторъ.—„Да ужъ что... прикончили“.—„Какъ прикончили?“—„Пе-

ремѣстили и прикончили. Страшно рыдала несчастная, увѣряла, что она не чахоточная, но нельзя же изъ-за одной губить всю семью“...

По словамъ доктора, этотъ крестьянинъ имѣлъ довольно спокойный и солидный видъ; его слова и дѣяніе совсѣмъ не соответствовали выраженію его лица. „Назови его, чѣмъ хочешь, читатель,—добавляетъ докторъ Гомартели,—а я по сей день не могу рѣшить, какъ относиться къ нему: можно-ли его порицать или оправдать... Это одинъ лишь эпизодъ изъ безотраднaго быта нашего крестьянина. Мы совсѣмъ не обращали на него вниманія, вотъ онъ въ безпомощномъ страданіи и позаботился о себѣ“.

И. Евдошвили (Хоситашвили).

Изъ молодыхъ поэтовъ особою популярностью пользуется И. Хоситашвили, извѣстный подъ псевдонимомъ Евдошвили. Не мало превратностей и горечи испыталъ юный поэтъ, прежде чѣмъ приобрѣлъ славу неподкупнаго и открытаго бойца за общественные идеалы. Какъ истый кизикинецъ, онъ проникнуть горделивымъ сознаниемъ своего достоинства и не рѣдко вступалъ въ непримиримый конфликтъ съ писателями противоположнаго лагеря. Удаленный изъ третьяго класса Тифлисской духовной семинаріи въ 1893 г., двадцатилѣтній поэтъ, уже выдвинувшійся изъ среды школьныхъ товарищей своими стихотвореніями, сталъ работать въ редакціи „Иверія“ съ 1895 г., прослуживъ передъ тѣмъ два года (1893—1895) въ качествѣ вольноопредѣляющагося. Но пылкій нравъ И. Евдошвили не соответствовалъ духу сотрудниковъ „Иверіи“, и онъ долженъ былъ чрезъ годъ покинуть ее и поступить въ филоксерную партію. Вскорѣ разстался и съ этой дѣятельностью и переѣхалъ въ Баку, гдѣ занялъ небольшую должность въ конторѣ Нобеля. По его словамъ, отсюда также былъ „изгнанъ“ и вернулся на родину; здѣсь онъ вступилъ членомъ въ Мачханское общественное депо. Когда послѣднее закрылось, то ему единственный заработокъ доставляла редакція „Квали“, которая такъ скудно платила, что „отучила“ его „ѣсть“. Особенно много онъ сталъ писать въ послѣдніе годы, ставъ ближайшимъ сотрудникомъ *Цнобисъ-Пурцели*, *Иверіи* и *Шрома*. Сборникъ его стихотвореній вторымъ изданіемъ вышелъ въ 1901 г. Онъ составляетъ, быть можетъ, десятую часть всѣхъ его произведеній.

И. Евдошвили занимаетъ особое мѣсто въ исторіи грузинской поэзіи. Предметъ его творчества новъ и самобытенъ. Онъ является представителемъ демократическаго направленія въ литературѣ и носителемъ общественной лирики. Кн. И. Чавчавадзе и А. Церетели намѣтили это теченіе, И. Евдошвили ему исключительно посвятилъ свою лиру. Поэтъ такого направленія, по мнѣнію И. Гомартели, продуктъ современнаго развитія классовыхъ отношеній. Демократическая поэзія замѣнила романтизмъ реализмомъ, женщинъ и вино разнообразными нуждами и недостатками современной грузинской жизни, вмѣсто взды-

ханія о прошломъ она стала раскрывать настоящее, освѣщая опредѣленными идеалами, „искусство для искусства“ она отбросила и всецѣло увѣривала въ „искусство для жизни“. Представителемъ такой поэзіи является И. Евдошвили, лирика котораго носитъ общественный, а не субъективный характеръ.

XIX столѣтіе для грузинской литературы является вѣкомъ расцвѣта лирической поэзіи. Въ началѣ столѣтія грузинская лирика была чисто субъективная и романтическая: личное горе, личные радости поэта—вотъ что выражала она. Съ 60-хъ годовъ лирика постепенно становится объективной, социальной, но такъ какъ общественная жизнь тогда не носила рѣзко очерченной фізіономіи, поэты, являясь въ общемъ то либерально-гуманными, то консервативными патріотами, строго опредѣленныхъ общественныхъ симпатій и идеаловъ не имѣли, то и лирика лишена была ясной общественной тенденціи. Лирика Акакія Церетели или Ильи Чавчавадзе является, безъ сомнѣнія, общественной, но у этихъ корифеевъ грузинской поэзіи вы не найдете такого рѣзко очерченнаго направленія, которое съ перваго же раза бросается въ глаза при чтеніи Евдошвили. Предметъ поэзіи Евдошвили въ грузинской литературѣ совершенно новъ и оригиналенъ. Поэтъ такого направленія могъ явиться только при извѣстной степени развитіи классовыхъ отношеній и столкновеній: Евдошвили—пѣвецъ трудящейся массы современнаго общества. Тихая тоска и грусть составляютъ общій фонъ произведеній Евдошвили, но причина тоски не лежитъ въ личной судьбѣ поэта; нѣкоторыя изъ его стихотвореній прямо говорятъ намъ, что поэтъ своей жизнью недоволенъ, но личное несчастье, личное горе не могли бы дать лирѣ Евдошвили основнаго тона, если бы поэтъ видѣлъ кругомъ себя счастье и осуществленіе справедливости.

Нѣтъ, не зови души въ страну цвѣтущихъ грѣзъ,
Гдѣ мѣста нѣтъ тоскѣ, гдѣ нѣтъ заботъ и горя!
На что мечта—на мигъ? на мигъ—забвеніе слезъ,
Когда потомъ опять зальетъ волной ихъ море?...
На что жъ бы въ звукахъ мы торжественныхъ слились?
Умолкнешь ты, а я... я стану вновь печальнымъ.
Нѣтъ, не зови души въ заоблачную высь!
Я плачу... отзовись напѣвомъ погребальнымъ!

(Стих. „Музыкѣ“, перев. *Иванъ-да-Марья*).

Для Евдошвили личность, личное горе, личное счастье—ничто въ сравненіи съ обществомъ, общимъ горемъ и несчастьемъ. Прежде всего общество, потомъ личность,—вотъ одинъ изъ основныхъ элементовъ міровоззрѣнія Евдошвили. Съ этой точки зрѣнія поэтъ разсматриваетъ какъ общественную жизнь, такъ и свою собственную. По его мнѣнію, недостойно человѣка носиться всюду со своимъ горемъ, если только кругомъ царятъ общее счастье, и стыдно предаваться радости и счастью,

когда кругомъ раздаются стоны. Общее горе сильнѣе личнаго, общее счастье выше частнаго,—таково воззрѣніе поэта. Онъ отъ каждаго человѣка требуетъ служенія обществу и ненавидитъ тѣхъ, кто живетъ только для себя и не внемлетъ страданіямъ другихъ. Со свѣтлыми надеждами вступилъ поэтъ въ жизнь, но жизнь не оправдала его ожиданій; жизнь ему представлялась величественнымъ садомъ, на человѣческую же судьбу онъ смотрѣлъ какъ на красивую розу, но убѣдился, что жизнь это только адъ, а человѣку удѣлены только страданія. Озираясь кругомъ, поэтъ видитъ одно только торжество насилія и несправедливости. Все это является причиной его тоски и печали. Не веселая досталась поэту молодость, но онъ не оплакиваетъ лучшей поры своей жизни; любовь ему никогда не улыбалась, ему суждено было въ печальномъ одиночествѣ влачить свое горькое существованіе, но со всѣмъ этимъ онъ бы примирился, если бы въ человѣческихъ отношеніяхъ онъ видѣлъ справедливость и любовь. Поэтъ ясно понимаетъ красоту природы, онъ способенъ наслаждаться этой красотой; „но какимъ образомъ можетъ меня обрадовать ликованіе безсловесной природы, когда сердце раздирають стоны словесныхъ“,—фигурально выражается поэтъ въ одномъ стихотвореніи. Вгляды свой на поэзію высказалъ онъ въ стихотвореніи *Поэтъ*.

То орелъ ширококрылый
Разсѣкаетъ воздухъ горь;
Дышетъ грудь могучей силой
И огнемъ пылаетъ взоръ.

* * *

То въ тиши лѣсной воркуетъ
Горемыка-голубокъ,
На страданья негодуетъ
И корить суровый рокъ.

* * *

То росой животворящей
Блещетъ влага на цвѣтахъ;
То природѣ гимнъ звѣнящій
Соловей поетъ въ кустахъ.

* * *

То злой демонъ прокликаетъ
Небо, міръ съ добромъ и зломъ;
То колѣна преклоняетъ
Тихій ангелъ предъ Творцомъ.

(Перев. *Иванъ-да-Марья*).

Евдошвили не отрицаетъ прошлаго величія и славы отечества, но настоящее ему дороже, и онъ требуетъ отъ каждаго человѣка патріотизма. Онъ старается раскрыть читателю именно тѣ общественныя язвы, которыя составляютъ достояніе настоящаго и истинную любовь къ оте-

честву видеть не въ пустыхъ словоизверженіяхъ на патриотическія темы, а въ борьбѣ словомъ и дѣломъ съ современными язвами, современной формой проявленія социальныхъ несправедливостей. Идеаль поэта лежитъ не въ прошломъ, — онъ направленъ къ будущему — къ царству справедливости и равенства. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній поэтъ такъ характеризуетъ себя: „Я сынъ вѣка, который воспиталъ меня на своей трепещущей груди, и теперь я играю на струнахъ настоящаго вѣка. Я сынъ вѣка, который вонзилъ въ мое сердце стрѣлу, и теперь стрѣлой же отвѣчаетъ ему моя лира. Я сынъ вѣка, который вскормилъ меня горечью, и теперь чаша, переполнившись, изливается. Я сынъ вѣка, но сынъ непокорный родителю, — предамъ я въ немъ порицанію все, что достойно порицанія“. Поэтъ жаждетъ однимъ ударомъ уничтожить всѣ несовершенства современной жизни, онъ ищетъ товарищей, но борцовъ мало; изъ этого малаго количества нѣкоторые слишкомъ скоро оставляютъ поле сраженія, ища убѣжища въ предѣлахъ личнаго счастья, — все это настолько возмущаетъ поэта и усиливаетъ его тоску и печаль, что онъ порой совершенно разочаровывается, считаетъ все суетой, но въ это время свѣтлый лучъ надежды на будущее счастье человечества озаряетъ его и придаетъ ему силу и бодрость. Эта надежда на будущее даетъ смыслъ какъ творчеству Евдошвили, такъ и его личной жизни. У поэта опредѣленное мировоззрѣніе, опредѣленные идеалы; съ точки зрѣнія этихъ идеаловъ онъ рассматриваетъ всю современную социальную обстановку. Современное общество, по его поэзіи, подчинено грубѣйшему матеріализму, и изъ него изгнано все идеальное, все возвышенное въ общественныхъ отношеніяхъ; ложь, лицемеріе, право сильного и эгоизмъ (стих. „Муша“), вотъ что является характерной чертой нашего времени. Современное общество, по мнѣнію поэта, дѣлится на двѣ части, изъ которыхъ одна трудится, а другая поѣдаетъ плоды труда первой (стих. *Надежда*). Идеаль же находится въ такомъ общественномъ устройствѣ, въ основѣ котораго лежитъ любовь, равенство и справедливость.

Нравственная оцѣнка всего существующаго у поэта выступаетъ на первый планъ. Во имя элементарной справедливости онъ требуетъ, какъ подобаешь представителю трудовой группы, чтобъ овеществленный трудъ принадлежалъ тому, кто трудится, въ современномъ же обществѣ поэтъ видитъ обратное пониманіе справедливости. Характерно въ этомъ отношеніи его стих.: „Что зриаешь братъ въ окно на богатую куладжу“ (одежду). Видя противорѣчіе между существующимъ порядкомъ вещей и своимъ идеаломъ, поэтъ сокрушается всѣмъ сердцемъ и душой, и его грустная поэзія порой такъ сладко и тихо льется и такъ захватываетъ всѣ нервы, что вы готовы воскликнуть вмѣстѣ съ поэтомъ: „Когда же возстановится нарушенная справедливость? Неужели же сто намъ и страданіямъ пѣтъ конца?“. Евдошвили вѣрить, что есть конецъ; онъ убѣжденъ, что жизнь поднимется до такой нравственной высоты, когда современные общественныя несправедливости будутъ окончательно вычеркнуты изъ

человѣческихъ отношеній. Но какимъ путемъ можно достигнуть намѣченнаго идеала? На этотъ вопросъ поэзія Евдошвили даетъ опредѣленный отвѣтъ.

По всей своей любви ко всему возвышенному, идеальному и отвращенію отъ всего грубо-матеріальнаго, поэтъ никогда не сходитъ съ реальной точки зрѣнія; онъ прямо говоритъ, что единственное средство уничтожить несчастье и страданія трудящейся массы общества—это разумная борьба во имя справедливости и братства. Этихъ возвышенныхъ понятій поэтъ и въ борьбѣ со зломъ не забываетъ и требуетъ, чтобы борьба, которая стремится къ справедливости и братству, сама не выходила изъ предѣловъ справедливости и любви къ ближнему. Поэтъ съ такими нервами и съ такимъ сердцемъ не можетъ не относиться гуманно даже къ заклятымъ врагамъ. Въ стихотвореніи „Моему кинжалу“ онъ говоритъ: „Не потому люблю я тебя, чтобъ враговъ рубить, я же не ястребъ степной, чтобъ насыщаться кровью и трупомъ“.

Воспитать въ читателѣ чувства гуманности, любви и справедливости—великая заслуга Евдошвили. Творчество его не лишено и недостатковъ, изъ которыхъ два главные: поэзія его страдаетъ монотонностью, узостью сферы дѣятельности и слабымъ полетомъ фантазіи; во-вторыхъ, съ чисто эстетической стороны стихъ его порой непластиченъ и мало музыкаленъ; въ глубинѣ, силѣ и обиліи чувствъ ему никто не можетъ отказать, но форма выраженія чувствъ иной разъ уступаетъ по красотѣ и обаятельности самимъ чувствамъ поэта (стих. *Сонъ рабочаго*). Неумѣстнымъ представляется устарѣлый приѣмъ аллегорическаго изображенія подъ видомъ соловья, розъ, фіалки, крапивы.

Характерно, между прочимъ, отношеніе поэта къ женщинамъ. Изъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ любовь играла и играетъ самое главное значеніе въ поэзіи. Различные поэты различно относятся къ любви и ея проявленіямъ. Любовь личная Евдошвили отодвигается на второй планъ, у него есть интересы и чувства болѣе сильныя, нежели любовь, онъ всецѣло преданъ своему идеалу и о любви уже не думаетъ; онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ поэтовъ, которые среди стоновъ и страданій другихъ могутъ пѣть сладкую пѣсню про любовь. Если порой у поэта вырываются слова любви, то поэтъ увлекается только духовной стороной этого чувства, не говоря ни одного слова про физическую его сторону. Въ женщинѣ онъ видитъ существо духовно-правственное, его привлекають только духовныя связи, идейныя отношенія съ этимъ существомъ. Въ одномъ стихотвореніи поэтъ, обращаясь къ женщинѣ, прямо говоритъ слѣдующее: „Не то меня чаруетъ, что въ твоихъ черныхъ глазахъ дикая страсть, словно волна вздымается, нѣтъ—меня чаруетъ твое сердце!“ Почему же поэта чаруетъ сердце? Потому что онъ тамъ читаетъ одно только униженіе, одиночество и тоску. Удрученный тоской, поэтъ иной разъ стремится къ неприступнымъ горамъ, къ небеснымъ облакамъ, подобно лебедю, чтобъ оторваться отъ земли и забыть все земное, но земля со всѣми своими

страданіями и горемъ тянетъ его къ себѣ; въ такія минуты поэтъ обращается къ женщинѣ, какъ къ подругѣ, и въ возвышенной, чистой любви ищетъ утѣшенія и опоры.

Помимо лирическихъ стихотвореній, онъ писалъ поэмы, рассказы, драматическія пьесы.

Въ поэмѣ „Елена“ Евдошвили воспроизводитъ результатъ карательной экзекуціи, отправленной въ деревню для сбора податей. Старецъ-нищій рассказываетъ собравшемуся народу, — по настойчивой просьбѣ послѣдняго, — какъ онъ вынужденъ былъ на грубый произволъ пристава, беспощадно взимающаго подати, отвѣтить покушеніемъ на его жизнь и бѣгствомъ изъ семьи. Съ того времени онъ сталъ разбойникомъ и убійцей, вздыхая издали о покинутыхъ женѣ и дочери. Разъ только пробравшись съ товарищемъ въ городской духанъ, онъ видѣлъ двухъ присосѣдившихся падшихъ женщинъ, въ которыхъ онъ узналъ супругу и дочь свою Елену. Онъ съ остервенѣніемъ зарѣзалъ жену и бѣжалъ изъ города, а дочь его Елена, потрясенная убійствомъ и стыдомъ предъ отцемъ, потеряла рассудокъ. Съ тѣхъ поръ она блуждаетъ по лѣсамъ и горамъ, наводя ужасъ своимъ видомъ: ее принимаютъ за воплощеніе али—злого духа. Поэма эта такое же выраженіе протестовъ противъ экзекуціи, какъ произведеніе И. Чавчавадзе „Како“ противъ крѣпостного права. Психологическій же анализъ занимаетъ поэта въ лирической пьесѣ „Послѣдній день приговореннаго къ смерти“. Онъ, осужденный на казнь, въ моментъ заката солнца объять горькой думой о предстоящей чашѣ. Единственнымъ утѣшеніемъ его служитъ сознаніе, что онъ ѣдимъ и беспощаднымъ словомъ „изранилъ сердца фарисеевъ сего міра“. Имъ овладѣваетъ минутное малодушіе, предъ явившимся напутствовать духовнымъ отцомъ, слеза катится съ его глазъ при воспоминаніи о матери, но потомъ онъ овладѣваетъ собою и проситъ духовнаго отца передать всѣмъ, что онъ склонилъ покорную главу предъ грознымъ моментомъ. Евдошвили вообще удаются гражданскіе мотивы, онъ борется за справедливость и готовъ идеализировать даже кровную месть (въ стих. „Взыскать“), — чистохудожественныхъ произведеній у него мало, картины природы его мало занимаютъ. Тѣ же мотивы привлекаютъ его къ иностранной литературѣ. Онъ сторонникъ современнаго социаль-демократическаго ученія, самъ себя называетъ „сыномъ своего времени“ и во многихъ (стих. „Молчать“) изъ своихъ произведеній онъ горячо отстаиваетъ интересы народа: противопоставляетъ богато разодѣтаго и оборванца, прикрывающагося лохмотьями, „господъ“ и босикомъ бѣгающихъ мальчугановъ, рисуетъ тяжелое положеніе рабочаго и „апостола мучительнаго труда“, безпріютнаго бродяги. Нѣкоторыя изъ его стихотвореній вызваны чтеніемъ Бараташвили, Гр. Орбеліани, И. Чавчавадзе, Надсона, или посвящены Р. Эристову и Г. Церетели. Въ области лирики ему удается бичующая сатира. Образцомъ же его прозы можетъ служить эскизъ *Фонтанъ*.

„День былъ пасмурный, но тихій. Густой дымъ изъ трубъ кочегарокъ и мастерскихъ вмѣстѣ съ паромъ, какъ туманъ, окуталъ вершины

буровыхъ вышекъ, и въ этой полумглѣ Балаханы издали имѣли видъ какого-то сказочнаго лѣса. Тамъ и сямъ раздавались щелканіе насосовъ, шумъ паровыхъ котловъ и машинъ. Наконецъ, кончились и послѣднія мучительныя минуты, на стѣнныхъ часахъ въ кочегаркѣ пробило шесть, и тотчасъ же раздались оглушительныя сигнальныя свистки. Мгновенно все преобразилось. Балаханы пришли въ движеніе. Одни спѣшать на отдыхъ, другіе на работу. Воздухъ оглашается разнообразными кликами, смѣхомъ, шуткой.

На промыслѣ № шли какія-то торопливыя приготовленія. Около 40 рабочихъ возводили земляные валы и чистили амбаръ для мазута. Развѣ только по движеніямъ и разговору можно было узнать, что это люди: это скорѣе были челоуѣкообразныя фигуры, вытѣпленные изъ грязи. За всѣмъ этимъ движеніемъ наблюдать упитанный и выхолонный управляющій промысломъ, увѣренно отдававшій приказанія и торопившій и безъ того быстро работавшихъ людей. По временамъ онъ оглядывался въ сторону, откуда раздавался какой-то шумъ и гдѣ буровая обливалась мазутомъ. Это былъ фонтанъ, который долженъ былъ скоро ударить, и приготовленія шли для него. Видя струю нефти, управляющій принималъ особенно торжественный видъ; его нахмуренныя брови разглаживались, глаза чуть замѣтно улыбались, и вся его фигура какъ-то гордо выпрямлялась... „Да, онъ лопнетъ съ досады“,—думалъ управляющій, вспоминая своего коллегу—управляющаго сосѣднимъ промысломъ. Момента, когда фонтанъ ударить со всей силой, ждали всѣ съ нетерпѣніемъ. Еще утромъ управляющій поспѣшилъ передать по телефону своему патрону объ ожидаемомъ радостномъ событіи и мысленно уже предвкушалъ будущее счастье, когда хозяинъ потреплетъ его по плечу и въ присутствіи всего промысловаго персонала назоветъ „незамѣнимымъ“.

Стемпло. Звѣзды на пасмурномъ небѣ виднѣлись кое-гдѣ, а луна сквозь облака тускло освѣщала балаханскій районъ. Управляющій, видя, что фонтанъ капризничаетъ и не хочетъ ударить, какъ слѣдуетъ, уѣхалъ домой, разочарованный, предоставивъ распоряжаться почному приказчику и машинисту.

Напрасно бѣдный Абдуль вытаскивалъ желонку за желонкою, наполненныя пескомъ и камнями. Вотъ уже четыре часа онъ не сводитъ глазъ съ каната, то поднимающагося вверхъ, то опускающагося внизъ съ привязанной къ нему желонкой. Глаза его отъ усталости съезжились и покраснѣли, какъ раскаленные уголья; руки и ноги отъ непрерывнаго движенія, какъ будто, онѣмѣли и отдѣлились отъ туловища; кости во всемъ тѣлѣ ныли невыносимо. „Будь ты проклятъ, фонтанъ“,—шепталъ онъ про себя. „Что онъ мнѣ дастъ, этотъ фонтанъ? Нѣтъ, поѣду я опять къ себѣ домой“... И вспомнилъ онъ свою Ленлу, которую онъ не видалъ вотъ ужъ полгода, вспомнилъ онъ ее, и вмѣстѣ съ нею предъ его глазами предстала жалкая картина его бѣднаго родного очага, старикъ-отецъ, старуха-мать и полуобвет-

шалая сакля. Горьки были эти минуты для Абдула; въ одно мгновение въ его воображеніи пробѣжаль рядъ мрачныхъ картинъ. Лихорадочно вдругъ заработала мысль, и Абдуль вспомнилъ и другія картины. Предъ нимъ встали величавыя вершины кавказскихъ горъ, дѣвственные лѣса у ихъ подножья и бархатныя поля, гдѣ онъ, какъ лань, рѣзвился, бывало, среди беззаботныхъ друзей. Да, тогда было дѣло другое; онъ имѣлъ баранту, отецъ еще могъ править плугомъ, а мать съ сестрой даже продавали избытокъ вытканной ими шали. Но потомъ все это благополучно исчезло какъ-то сразу... Усталый Абдуль потерялъ нить воспоминаній; обрывки мыслей и неясные образы быстро смѣнялись въ его отяжелѣвшей головѣ. Имъ овладѣвалъ какой-то кошмаръ. Руки его машинально опустились на колѣни, и онъ прислонился головой къ будкѣ. Вдругъ, надъ нимъ раздался какой-то необычайный шумъ. Это желонка, которою уже не правилъ Абдуль, ударила въ шкивъ.

Вскочивъ, какъ ужаленный, и быстро сообразивъ въ чемъ дѣло, Абдуль схватилъ молотокъ и выбѣжалъ на дворъ. Боясь, чтобы не пришли машинистъ или приказчикъ, которые не простятъ ему такой неосторожности, Абдуль быстро вскарабкался по лѣстницѣ, и черезъ минуту уже слышенъ былъ съ высоты 10 сажень стукъ молотка, которымъ онъ выбивалъ застрявшую желонку.

А капризный фонтанъ въ это время брызгалъ изъ скважины и, нефть, клопоча внутри, поминутно поднималась наверхъ, переливаясь черезъ трубы. Очевидно кипѣніе возобновилось съ новой силой, и „пробка“ (песокъ съ камнями) не могла удержать давленія газовъ снизу.

Вдругъ раздался страшный подземный гулъ, задрожала буровая вышка, и въ одинъ моментъ столбъ нефти, какъ разъяренный левъ, съ быстротою молніи, съ шумомъ выбросился изъ скважины. Черезъ минуту не видно было верхнихъ частей буровой вышки и расшибенныя доски вмѣстѣ съ какими-то кусками мяса полетѣли внизъ. Забилъ грандіозный фонтанъ, давно жданный, и началъ выбрасывать миллионы...

Кругомъ буровой копошились сотни рабочихъ. Управляющій и хозяинъ стояли на почтительномъ разстояніи и оттуда давали приказанія. Амбаръ былъ полонъ, и насосъ энергично качалъ мазуть на нефтяную станцію. Но вдругъ насосъ остановился; подбѣжалъ машинистъ и, осмотрѣвъ его, повернулъ клапанъ; насосъ все же не двигался. „Подымите приѣмъ“, раздался голосъ управляющаго, думавшаго, что приѣмъ уперся въ песокъ. Рабочіе подняли приѣмъ, и одинъ изъ нихъ, перебравшись на козлахъ въ амбаръ, нащупалъ трубу и, вытащивъ оттуда что-то твердое и круглое, бросилъ его на землю. Это была голова несчастнаго Абдула...

Рабочіе, вытаращивъ глаза, съ ужасомъ смотрѣли на обезображенный черепъ. „Дуракъ“, пробормоталъ управляющій, самъ не зная почему, и, приказавъ зарыть черепъ въ землю, отошелъ въ сторону.

Насосъ началъ опять щелкать, а прибывшая толпа зѣвакъ съ завистью смотрѣла на мощный фонтанъ“.

Въ послѣднее время онъ усиленно и красиво переводить изъ иностранныхъ поэтовъ: Виктора Гюго, Беранже, Стояна Карагеца, Лермонтова—*Парусъ*, Надсона—*Музыка*, Плещеева—*Впередъ безъ страха*. Новая драматическая пьеса его „Пестрый столъ“, вызвавшая рѣзкую критику въ печати, имѣеть въ виду комически изобразить претензіи легкомысленной молодежи изъ патриотовъ, порывающейся къ литературному творчеству. Осмѣянію онъ подвергъ грузинское общество въ сатиру *Вънецъ* и въ произведеніи *Патара Караманіани* („Квали“ (1901 г.). Въ лирихъ его перваго періода слышатся отголоски лиры Гр. Орбелиани, Н. Бараташвили: въ стих. Евдошвили *Привѣтъ* слышится отголосокъ пьесы „Храмъ“ Бараташвили; во второмъ періодѣ онъ пробиваетъ самостоятельную тропу въ области поэтического творчества.

Лаліони.

Лаліони пріобрѣлъ извѣстность двумя повѣстями *Пирани Давладзе* и *Мечта Ефиміи*. Героя первой повѣсти привѣтствовалъ А. Цулукидзе (Квали, 1898), назвавъ его предвѣстникомъ капиталистическаго строя. „Мечты Ефиміи“, вдумчиво написанная повѣсть (*Квали*, 1901 г.), обнаруживающая въ авторѣ силу психологическаго анализа и богатую наблюдательность. Ефимія, дочь бѣдной вдовы, встрѣчается въ деревнѣ съ пріѣзжимъ изъ Тифлиса разбогатѣвшимъ кушомъ изъ имеретинъ. Георгій Пинтиліани сразу завоевалъ сердце красавицы, отказывающей всѣмъ своимъ поклонникамъ. Она объявлена его невѣстой, и онъ уѣзжаетъ по торговымъ дѣламъ въ Тифлисъ, свадьба откладывается. Ефимія предается мечтамъ о предстоящемъ переселеніи въ городъ, въ домъ богатаго супруга и чувствуетъ себя счастливою. Но напрасно она ждетъ своего жениха,—отъ него нѣтъ никакихъ извѣстій. Она обижена въ дорогихъ чувствахъ, видитъ себя обманутою, и печали ея нѣтъ конца. Онъ-же женится въ городѣ на одной богатой урождкѣ для поправленія своихъ разстроенныхъ промышленныхъ операцій. Ефимія не можетъ примириться съ своимъ горестнымъ положеніемъ и съ смутными слухами о Георгіи, и вся истерзанная ожиданіемъ, въ сопровожденіи матери, ѣдетъ въ незнакомый ей Тифлисъ и по счастливой случайности находитъ Георгія. Онъ съ коварной лаской встрѣчаетъ ихъ, роскошно ихъ устраиваетъ, доставляетъ имъ удовольствіе, развозитъ по театрамъ, но свадьбу все откладываетъ, и умѣлымъ обхожденіемъ обезоруживаетъ какъ дочь, такъ и мать. Хотя свадьба откладывается, но Ефимія убѣждается, что никакая сила неспособна преградить имъ путь къ счастливому супружеству. Вскорѣ открывается обманъ: неожиданная гостья, явившаяся въ порывѣ гнѣва, снимаетъ завѣсу тайны и называетъ себя законной женой Георгія. Мечты Ефиміи разбиты. Она замышляетъ мщеніе и цѣною своей любви проситъ одного нефтепромышленника не щадить мѣръ для стѣсненія Георгія. Удастся-ли это, авторъ не сообщаетъ, только она кончаетъ жизнь самоубійствомъ: принимаетъ большую дозу карболовой кислоты. Лаліони въ лицѣ Георгія представилъ человѣка, возненавидѣвшаго деревню съ ея традиционными

правамі; онъ переселяется въ городъ, руководимый цѣлью обогащенія и жертвующій этой идеѣ совѣстью и этическими понятіями. Въ повѣсти противопоставлено другъ другу міровоззрѣніе сельскаго и городскаго населенія. Посителемъ городскихъ идей является Пинтиліани, руководствующійся во всѣхъ чувствахъ и дѣйствіяхъ страстью къ наживѣ. Онъ любитъ богатство, потому что оно открываетъ ему путь къ наслажденіямъ жизни.

Герои Лаліони—живые люди, сюжетъ въ его повѣстяхъ развивается постепенно съ соблюденіемъ художественной мѣры, не смотря на явную тенденцію автора, увлеченнаго социаль-демократическимъ ученіемъ.

Давидъ Клдѣшвили.

Богатство наблюдательности, свѣжесть сюжета, добродушный юморъ составляютъ отличительныя свойства въ произведеніяхъ молодого беллетриста Д. Клдѣшвили. Темы его разсказовъ не являются плодомъ напряженія творческой фантазіи. Онъ внимательно изучаетъ бытъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, сельскаго духовенства, голодныхъ крестьянъ и въ непринужденной формѣ набрасываетъ живыя картины народнаго быта. Онъ дебютировалъ въ 1894 г. талантливою повѣстью „Соломонъ Морбеладзе“ и вызвалъ всеобщее сочувствіе.

Герой повѣсти, Соломонъ, сильный мужчина, дворянинъ, еще недавно въ лицѣ своихъ предковъ—прочная опора родины противъ врага, сегодня занятъ бабьимъ дѣломъ, за малую „коммиссію“ устраиваетъ браки. Авторъ мало останавливается въ повѣсти на различныхъ детальныя описанія. Талантъ его выразился особенно въ діалогахъ. Въ словѣ, въ строѣ и манерѣ рѣчи Соломона виденъ специалистъ и мастеръ своего дѣла.

— Нѣтъ, нѣтъ, Платонъ! Чѣмъ хочешь назови меня, если не верну я тебѣ черезъ мѣсяцъ твоихъ денегъ!.. Вотъ уже цѣлый мѣсяцъ изъ-за этого только и бѣгаю... Сватаю тутъ... дѣло почти кончено... и получу ужъ много и тотчасъ лично принесу тебѣ.. клянусь дѣтьми и женой.

— Я уѣзжаю спокойно, точно деньги у меня въ карманѣ... до свиданія... И Платонъ собирался уходить.

— Я тебя успокоилъ, а ты бѣжишь уже? Эпросинэ, крикнулъ онъ!

— Что?—спросила Эпросинэ, выходя изъ конюшни, куда ходила присмотрѣть за катеромъ. -- Мигомъ подай какую-нибудь закуску.

— Ни въ какомъ случаѣ не могу, Соломонъ, клянусь тебѣ!.—И Платонъ попытался, стараясь высвободиться изъ рукъ Соломона.

— Уложу, накрою, усыплю..., утромъ рано подымешься и уѣдешь...

— Благодарю васъ... очень благодаренъ, но не могу увѣрять, не могу. Простите неделикатность... до свиданія.

— Какой ты легкомысленный человѣкъ!—проговорила сердито Эпросинэ.—А что? Что дурного сдѣлалъ я?

— Да то, что приглашать-то приглашалъ его, а у самого дома есть ли что, не спрашиваешь?!

— Ну, развѣ же могъ онъ остаться сейчасъ послѣ перваго приглашенія! Не иностранецъ какой, знаетъ, небось наши обычаи. Я пригласилъ, исполнилъ свой долгъ.. Не могъ-же я такъ отпустить его... А ты что же испугалась, что у насъ ничего нѣтъ?!. Нѣтъ, такъ будетъ! Такія красненькія десятирублевки принесу, что глаза разбѣгутся... шесть штукъ .. двадцать рублей отдамъ Платону, освобожусь ужъ отъ него. сорокъ останется намъ; на полгода хватить, а тамъ просватаю еще какую-нибудь голубку и еще заработаю!.. Ты не тужи. Смотри веселѣе...

— Ты вотъ все говоришь, а на дѣлѣ давненько ничего не вижу. Все бѣгаешь только, и ничего не выходитъ изъ твоего сватовства!..

— Какъ ничего! Уже все окончено Бессаріонъ долженъ дать Кайхосро четыреста рублей деньгами, вексель на двѣсти и приданого на двѣсти!

— А откуда Бессаріону взять столько!. Гдѣ у него столько денегъ?.. Какія настали времена, съ горечью проговорила Эпросинэ“.

Умѣніе быстро ориентироваться въ своемъ положеніи говоритъ о долгой житейской практикѣ Соломона. Авторъ ни на шагъ не отпускаетъ отъ себя свое дѣтище, своего героя: онъ преслѣдуетъ его по пятамъ и заставляетъ его говорить вездѣ и больше всѣхъ. Соломонъ все время на виду у читателей Авторъ слишкомъ занимается имъ, поэтому нѣкоторые изъ окружающихъ его обрисованы блѣдно.

Соломону во что бы то ни стало нужно заработать шестьдесятъ рублей для уплаты долга Платону, и потому сынъ Кайхосро Катамадзе, „хорошій“ семинаристъ, на порогѣ къ рукоположенію, долженъ непременно жениться на Элуизѣ, дочери Бессаріона Сакарадзе, красивой дѣвушкѣ съ скромно опущенными глазами. Вершителемъ судьбы этой парочки является Соломонъ Морбеладзе. Верхомъ на маленькомъ традиціонномъ катерѣ „джори“ онъ неумоимо носится изъ дома жениха въ домъ невесты и обратно въ хлопотахъ по бракоустройству.

Диво-Соломонъ! Посмотрите на него передъ отцомъ невесты; какъ ловко и изящно излагаетъ онъ ему, что нигдѣ и никогда не достать ему *такъ дешево такого жениха* для своей дочери. Приданого нужно немного: четыреста рублей наличными, на двѣсти—вексель и на двѣсти—всякаго скарба, подлежащаго оцѣнкѣ двухъ избранныхъ оцѣнщиковъ. И что такое вексель?! Простой звукъ, и только! Чѣмъ ближе будутъ сходитьсь они, родные невесты съ родными зятя, тѣмъ дальше будетъ отодвигаться отъ нихъ уплата по векселю. А тамъ—съ Божьей помощью—о немъ и вовсе позабыть можно. Но Бессаріонъ упрямылся. У него на умѣ другой женихъ,—правда, не съ такой карьерой, какъ семинаристъ, не съ такими душевными и тѣлесными качествами, но зато *на сто рублей дешевле*. А это очень много для бѣднаго дворянина

— Что же дѣлать, Соломонъ?.. началъ Каихосро послѣ обѣда. У меня и другія дѣти есть!.. Каждая копейка богатство для меня. Хотѣлъ было землю продать и изъ полученнаго дать на приданое, но, съ одной стороны, сынъ напустился—говорить: „продаетъ нашу землю,

хочешь насъ ни съ чѣмъ оставить“,—а съ другой—жалко, что задаромъ хотять заполучить прекрасную землю, узнавъ, что мнѣ нужны деньги... Не могу по этому добрать необходимой суммы...

— Что же ты думаешь дѣлать? что? а? что?—спрашивалъ взволнованный Соломонъ.

— Долженъ отказаться отъ него, если онъ... не сбавить.

— Я удивляюсь тебѣ,—горячился Соломонъ. Что бы я при Кайхосро заикнулся объ этомъ! Да онъ меня изъ дому выгонить, глаза выцарапаетъ, выбранить, съ грязью смѣшаетъ. Я-то не могу сказать ему это; ну, а если ты какого-либо другого пошлешь сказать ему объ этомъ, воля твоя. Гм! Странно, тотъ прислалъ меня условиться о днѣ свадьбы, думаетъ, что дѣло кончено, а теперь, чтобы я пошелъ и сказалъ ему, что Бессаріонъ не отдастъ своей дочери, если не сбавишь ста рублей! Что ты, да онъ убьетъ меня! Чего же заставлялъ меня бѣгать столько времени? Загналъ я и себя и своего катера, а теперь говоришь „не могу“. Свелъ я тебя съ порядочнымъ человѣкомъ, все сдѣлалъ, какъ тебѣ хотѣлось, столько старался... Такого зятя нашель, ему тысячу рублей съ радостью дадутъ.

— Спасибо, Соломонъ, очень благодаренъ! Въ жизнь не забуду твоихъ трудовъ.

— Образованный молодой человѣкъ, богатая семья... Не сегодня, завтра сдѣлается священникомъ... Обезпеченное существованіе... Гм! и все это за четыреста рублей! Четыреста рублей, такъ какъ векселя же не считать! Вѣдь за него теперь не платить, а что будетъ черезъ три года—кто знаетъ... И ты еще о сбавкѣ говоришь! Сказалъ бы раньше! Господи! Какъ мнѣ съ нимъ встрѣтиться? Могилу роешь и живо погребаешь меня... Кто же мнѣ послѣ этого повѣрить.

Соломонъ, удрученный, опустился на тахту и устался на Бессаріона глазами, полными отчаяніями.—Изь-за ста рублей ты упускаешь изъ рукъ такого зятя?—вскочилъ Соломонъ.

— Какъ-будто ты не знаешь, какъ трудно достать сто копеекъ, не то что сто рублей. Хоть повѣсь, а больше, чѣмъ сейчасъ у меня есть, ни копейки не могу достать. Какъ милости, прошу теперь, пусть они подарятъ мнѣ эти сто рублей. Согласятся, на вѣки обяжутъ меня, а нѣтъ придется отказаться отъ нихъ.

— Бессаріонъ,—продолжаетъ черезъ нѣкоторое время Соломонъ,—заклинаю тебя всѣмъ твоимъ семействомъ, твоей дочерью, которую ты собираешься выдать замужъ, не сватался ли кто за эти дни?

— Сватался...

— Лучше сына Кайхосро?—Сколько онъ просить, говори правду.

— Триста рублей на руки, а остальные какъ и Кайхосро.

— Въ ста рубляхъ разница, въ одной сотнѣ! Изъ-за ста рублей мѣняешь молодого образованнаго человѣка на деревенскую невѣжду. Ну-у! Я пораженъ... Тебѣ просто жаль лишнихъ ста рублей!

— Воля твоя, твоя воля! Какъ лучше, такъ и поступишь, конечно... Я добра желалъ тебѣ, а у меня своего интереса нѣтъ особеннаго.

Я могъ даже больше выгадать; стоило показать какую-либо другую дѣвушку, тысячу рублей всякій сразу же далъ бы... Лично я готовъ убавить себѣ вознагражденіе, но заранѣе знаю, Кайхосро не согласится. Да и—какъ сказать—я уже не берусь ничего говорить ему о сбавкѣ... Вотъ ужъ не думалъ, что въ этомъ домѣ меня такъ скандалятъ.

Удрученный такимъ исходомъ, тѣмъ, что изъ рукъ уплывало шестьдесятъ рублей, Соломонъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, потомъ подошелъ къ окну и молча началъ глядѣть на дворъ. Бессаріонъ также молча сидѣлъ на тахтѣ.

— А кто сватается?—улыбаясь, но не поворачивая головы, спросилъ Соломонъ. Не успѣлъ еще Бессаріонъ отвѣтить, какъ онъ вскричалъ:

— Легокъ на-поминѣ. Даю голову на-отрѣзъ, что не ошибаюсь... Паршивецъ Сикоіа, не правда ли? Догадался, небось, вѣдь, да? Даю слово, онъ сватать ходитъ сюда! Иначе зачѣмъ ему къ тебѣ приходиться—горячился Соломонъ, при видѣ показавшагося Сикоіа...

— Нѣтъ, увѣряю тебя, я не могу ни минуты оставаться. Да о чемъ и говорить... Всего нужно ждать, — произнесъ съ горькой успѣш-кой Соломонъ и вышелъ на балконъ.

— Прошу его, а онъ не остается,—сказалъ Бессаріонъ женѣ, разговаривавшей на балконѣ съ новопришедшимъ гостемъ, худымъ со вкоченными волосами и бородой челоуѣкомъ. Это былъ Сикоіа, бѣдный дворянинъ, занимавшійся тѣмъ же, чѣмъ и Соломонъ.

Соломонъ—обезкураженъ. На время его ораторская струя обрывается, точно источникъ ея вдругъ заткнули пробкой, но тамъ, въ глубинѣ души, подымается масса негодованія и оно прорывается наружу съ неудержимой силой. Но все напрасно. И Соломонъ сразу, чутьемъ, догадывается, что авторъ этой новой „дешевой“ комбинаціи—конкуррентъ по ремеслу, „презрѣнный Сикоіа“—коварно сбиль цѣну. Но не сдобровать ему, не уйти отъ гнѣва Соломона! И Соломонъ съ kloкочущей злобой въ душѣ плетется домой на своемъ „джори“, не солоно-хлебавши.

Плохо себя чувствовалъ Соломонъ. Онъ ясно видѣлъ, что Бессаріонъ уходитъ изъ рукъ, а съ нимъ вмѣстѣ уплываютъ и шестьдесятъ рублей, которые чуть ли не ощущалъ уже у себя въ карманѣ этотъ несчастный дворянинъ, забывшій изъ-за денегъ про свое дворянское происхождение... Пропадаютъ съ трудомъ, въ потѣ лица добытыя деньги, пропадаетъ и время. За это время онъ, можетъ быть успѣлъ бы уже состряпать гдѣ-нибудь свадьбу и заработать кое-что... И Соломонъ сердился на куцыхъ дворянъ, которые потеряли все, кромѣ спѣси, и съ которыми по этому нельзя сдѣлать никакого дѣла... Какъ согласить Кайхосро Катамадзе на уступку? Пропали, пропали шестьдесятъ рублей... И кто долженъ ихъ получить? Этотъ поганецъ Сикоіа... Вотъ что больше всего бѣсило несчастнаго свата...

Эпросинэ сразу замѣтила волненіе своего мужа и, узнавъ, въ чемъ дѣло, съ укоризной сказала ему: „Я заранѣе знала, что изъ этого ничего хорошаго не получится: гдѣ у Бессаріона столько денегъ, чтобы

восемьсотъ рублей дать одной дочкѣ въ приданое!—Нѣтъ,—такъ заставлю найти. Не такъ-то легко отдѣляется онъ отъ меня“. Видно было, Соломонъ не остановится ни передъ чѣмъ, чтобъ отомстить Бессаріону.

На дворѣ залаяла собака. Кто-ты? Иди въ домъ, чего въ темнотѣ стоишь!—сердито крикнулъ Соломонъ.—Перестань ты, проклятая! прикрикнулъ онъ на собаку.—Иди сюда!—послышался снова голосъ.

Соломонъ, прислушавшись къ голосу, былъ пораженъ, когда узналъ, что это звалъ Бессаріонъ. Онъ торопливо сбѣжать во дворъ и, побѣжавъ къ темной фигурѣ неожиданнаго посѣтителя, спросилъ:

— Бессаріонъ, это ты?—Да, я, Соломонъ, я...

— Не губи меня, Соломонъ... Дѣлай со мной, что хочешь, но не лишай меня твоей помощи... Помоги мнѣ, да поможетъ тебѣ Господь!..

— Ты и самъ знаешь, что сыну Кайхосро очень нравится Эпидэ, онъ ни на комъ не женится... Не нужно мнѣ приданого, говоритъ онъ.

— Дѣла твоего будущаго тестя, скажи ему, плохи... никакъ денегъ не можетъ достать... Не доводи его до того, чтобъ онъ за безцѣнокъ продалъ свое имѣнье...—Вѣдь онъ въ священники идетъ, такъ пусть первымъ добрымъ его дѣломъ будетъ это... Скажи ему, что если онъ не сбавитъ рублей сто, то я вынужденъ буду отдать дочь другому кому-либо. Не думаю, чтобъ онъ изъ-за такихъ пустяковъ отказался отъ моей дочери, если онъ ужъ такъ хочетъ на ней жениться. Если все это перескажешь ему ты, онъ, я не сомнѣваюсь, согласится.

— Все равно и такъ вѣдь пропадаютъ, а если ты сдѣлаешь, что я тебѣ говорю, то, надо думать, онъ не будетъ такъ неблагодаренъ, чтобы не заплатить тебѣ слѣдующихъ тебѣ пятидесяти рублей. Я съ своей стороны даю слово, что заплачу тебѣ десять рублей, которые ты теряешь вслѣдствіе этой сбавки.

Развеселившійся, вновь получившій надежду Соломонъ съ аппетитомъ ѣлъ свой неприхотливый ужинъ и съ удовольствіемъ выпилъ два стаканчика разбавленнаго водой вина.

На другой день Соломонъ отправился къ Кайхосро Катамадзе. Онъ былъ сынъ священника. Самъ онъ остался свѣтскимъ, но старшаго своего сына приготовилъ къ духовному званію и теперь, когда тотъ кончилъ курсъ семинаріи, спѣшилъ женить его, такъ какъ епископъ выразилъ желаніе посвятить его въ священники. Гордясь своимъ образованнымъ сыномъ, Кайхосро выказывалъ большую строгость при выборѣ невѣстки: она должна была быть и красива, и богата, и родовита.

Соломонъ зналъ Кайхосро, зналъ, какъ и о чемъ съ нимъ говорить.

Человѣкъ ты Божій. Дѣвушка хоть куда изъ хорошаго дома. А деньги ихъ такъ много у васъ. Хотите несчастнаго дворянина совсѣмъ разорить! Онъ-то заплатить, да вамъ-то на что чужое?!

— Надо непременно сбавить сто рублей, обращаясь къ Нико продолжалъ Соломонъ, не то Бессаріонъ за другого выдастъ свою дочь.. Возможно ли, чтобъ изъ-за ста рублей молодой человѣкъ отказался отъ такой невѣсты, какъ дочь Сакарадзе! Никогда! Ты

не думай, чтобъ я говорилъ все это изъ-за своихъ личныхъ видовъ.. Я хочу лишь, чтобы такому молодому человѣку, какъ ты, полезному для народа, и жена досталась хорошая... Лучшимъ вознагражденіемъ мнѣ будетъ приобрѣтеніе новыхъ друзей, новаго дома а хозяйки лучше, чѣмъ Элидэ, и желать нельзя... Красивая, статная, покорная, добрая, умная, домовитая. И упустить такую дѣвушку изъ-за ста рублей?! Это невозможно, закончилъ Соломонъ и до того довелъ своею рѣчью молодого человѣка, что тотъ самъ началъ просить и умолять Соломона помочь и не дать разстроиться дѣлу. Нико соглашался со всякимъ предложеніемъ и совѣтомъ. Вечеромъ Соломонъ ѣхалъ трусцой на своемъ катерѣ домой и уже ни разу не произнесъ ни одного браннаго слова по адресу своего неутомимаго товарища“.

Особенную своеобразность придаютъ Соломону качества природнаго имеретина, которыми его надѣлили авторъ: чисто имеретинскій строй рѣчи и мыслей, живая сообразительность. Соломонъ Морбеладзе — талантъ, бойкая сила, направленная условіями жизни на такую работу, отъ которой нечего ждать добра. Юморъ автора, его „смѣхъ сквозь слезы“ не скрываетъ, скорѣе отѣняетъ дѣйствительность во всей ея неприглядной наготѣ. Передъ нами захудалое дворянство Имеретіи. Мелкій расчетъ, порожденный безысходной нуждой, стремленіе поживиться на счетъ своего ближняго, урвать у него что-нибудь и тутъ-же, въ уголку, съ добычей въ зубахъ, поглумиться надъ жертвой,—все это схвачено мѣтко и нарисовано кистью наблюдательнаго художника

Соломонъ, со всей своей изворотливостью и краснорѣчіемъ, попадаетъ въ послѣдней затѣянной имъ исторіи въ просакъ. Отецъ невѣсты нагло провелъ злосчастнаго свата. У него было условлено съ Соломономъ провести женихова отца, не добавить ему передъ самымъ вѣнцомъ ста рублей приданаго. Объегоренный отецъ не допустить скандала; поможетъ имъ семинаристъ (очень блѣдно очерченный авторомъ) и дѣло пойдетъ, какъ по маслу. Невѣстинъ отецъ вырылъ вмѣстѣ съ Соломономъ яму женихову отцу, затѣмъ столкнулъ въ нее обоихъ и нагло отпраздновалъ побѣду. „Честное слово дворянина“ оказалось однимъ пустымъ звукомъ. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о деньгахъ, честное слово лишнее; оно нужно только, какъ декорация. Дѣло сдѣлано, и „честное слово“ безпрепятственно можно отложить до слѣдующаго удобнаго случая.

„Былъ конецъ іюля. На маленькомъ дворѣ дома Бессаріона Сакарадзе собралось много народу; подходили еще новые гости. Въ одномъ углу двора подъ навѣсомъ были накрыты столы. Вечерѣло. Будущій зять и его шафера пришли уже давно. Убранная къ вѣнцу невѣста все еще сидѣла въ биткомъ набитой женщинами маленькой комнаткѣ. Она стыдливо потупила голову и смотрѣла внизъ. Мать ея Пелагея была въ хлопотахъ; по временамъ она стремительно влетала въ комнату и вновь исчезала куда-то. Всѣмъ чувствовалось какъ-то неловко. Шепнеть кто-нибудь сосѣду слово—другое, и снова водворяется тишина. Должно быть, случилось что-либо непріятное. И въ самомъ дѣлѣ,

случилась неприя́тная исторія. Кайхосро Катамадзе соби́рался уже уходить съ женихомъ-сыномъ и съ шаферами. Онъ кричалъ, что не останется ни одной минуты, если Бессаріонъ не отсчитаетъ ему немедленно четырехсотъ рублей. Его упрашивали, оправдывали Бессаріона, его-де обманулъ одинъ человѣкъ, который вчера долженъ былъ принести сто рублей, выдумывали многое другое, но старикъ не успокаивался и не соглашался.

— Ну, пусть за Бессаріономъ будутъ эти сто рублей... Онъ ихъ позже отдастъ; не пропадутъ вѣдь... Не даромъ же собрался весь этотъ народъ!—сказалъ отцу самъ женихъ.

— Ты, сынокъ, мало пока смыслишь! Вѣдь не даромъ достались мнѣ тѣ деньги, которыя я потратилъ на твое воспитаніе. Да развѣ же ты не большаго приданаго стоишь, чѣмъ то, какое обѣщаль Бессаріонъ?.. И вдругъ онъ и обѣщаннаго не даетъ?.. Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ не женишься ты!—почти кричалъ разсвирѣпѣвшій Кайхосро.

Долго просили его пощадить несчастнаго Бессаріона, но тотъ стоялъ на своемъ (и соби́рался даже ухъать съ сыномъ).

— Кайхосро!—подошелъ къ нему совершенно сѣдой, дородный и высокій дворянинъ и загородилъ уходящему дорогу. Кайхосро, вы—почтенный человѣкъ и въ почтенномъ обществѣ.. Надо думать, что вы не станете глухи къ общей просьбѣ. Вы состоятельны, и я думаю, что не захотите ни сына приводить въ отчаяніе изъ-за пустяковъ какихъ-то, ни той семьи, съ которой вы хотѣли породниться. Вы не станете такъ жестоко наказывать и дѣвушку, которая ничѣмъ не провинилась передъ вами, а, наоборотъ, готова сдѣлаться вашей покорной рабой; вы пожалѣете ее, я увѣренъ, и не отнимете у нея ниспосланнаго ей небомъ счастья... Мы просимъ не наказывать безвинное существо, которое по гробъ будетъ помнить объ этомъ и будетъ благодарно.

Старикъ замолчалъ. Молча стоялъ и Кайхосро.

— Мы сейчасъ придемъ,—сказалъ Нико гостямъ и, взявъ отца подъ-руку, увелъ его въ другую комнату.

— Я разойдусь съ тобой, отецъ, если ты обидишь этого почтеннаго старика. Отецъ и сынъ вернулись къ гостямъ.

— Я согласенъ,—обратился Кайхосро къ сѣдому дворянину; я соглашаюсь на бракъ моего сына... изъ уваженія къ вамъ... Но при этомъ я ставлю одно условіе, и оно должно быть выполнено.

Нико съ удивленіемъ смотрѣлъ на отца. Неопытному молодому человѣку было совѣстно за поведеніе отца.

Кайхосро поставилъ Бессаріону условіемъ заплатить ему необходимые свадебные расходы тридцать рублей. Бессаріонъ клялся, что у него нѣтъ ни гроша. Кое-какъ съ большимъ трудомъ Бессаріона заставили выложить заранѣе, повидимому, на всякій случай приготовленные какъ разъ тридцать рублей, передали ихъ съ остальными деньгами Кайхосро и послѣ всѣхъ этихъ неурядицъ, наконецъ, повели жениха и невѣсту въ церковь. Нѣсколько часовъ спустя, подъ навѣсомъ у Бесса-

ріона за обильнымъ столомъ сидѣло веселое общество; пѣснямъ не было конца; съ полными виномъ стаканами поздравляли всѣ молодыхъ и высказывали имъ свои пожеланія.

Одинъ только Соломонъ не принималъ надлежащаго участія въ весельѣ. Причиной тому была холодность Кайхосро, съ какою онъ принялъ поздравленіе отъ Соломона. Была, кромѣ того, и другая причина, которая ужасно огорчила Соломона. Когда послѣ вѣнчанія народъ вернулся, Соломонъ подошелъ къ Бессаріону, поздравилъ и сказалъ:

— Надѣюсь, Бессаріонъ, ты помнишь, что обѣщаль, и исполнишь все... Я сдѣлалъ все такъ, какъ ты того хотѣлъ.

— Да, вѣрно, очень благодаренъ.. Но мнѣ не приходится исполнить обѣщанія! — отвѣтилъ Бессаріонъ.—Послѣднія деньги взялъ у меня Кайхосро. Что же тебѣ дать, голубчикъ?.. Ни гроша нѣтъ у меня.

Самъ не свой Соломонъ присоединился къ гостямъ, сѣлъ даже за столъ, но онъ былъ далекъ отъ веселья. Бессаріонъ-то надулъ, не далъ ничего; ну, а какъ и Кайхосро продѣлаетъ что-нибудь въ этомъ родѣ? И онъ тѣмъ болѣе боялся этого, что видѣлъ, какъ Кайхосро обошелся съ родителями невѣсты. Соломонъ не могъ заснуть всю ночь...

На другой день, увидѣвъ гуляющаго по двору Кайхосро, подошелъ къ нему и послѣ перваго привѣтствія сказалъ: — Надѣюсь, я теперь не нуженъ ужъ болѣе, и вы не задержите меня, отпустивъ во-время.

— Я не задерживаю тебя, другъ мой!—холодно возразилъ Кайхосро.

— Да, но заплатите ужъ что слѣдуетъ. за труды.

— Я слагаю на Бессаріона твое вознагражденіе... Пусть онъ изъ недоданныхъ денегъ заплатитъ тебѣ за твои труды... Сколько тебѣ слѣдуетъ? 60 рублей? За Бессаріономъ 70 рублей моихъ... Поди къ нему и передай отъ меня, чтобъ онъ изъ тѣхъ денегъ уплатилъ тебѣ

— Итакъ, пропадаетъ мой заработокъ?,—спросилъ Соломонъ.

— Дѣйствовалъ бы честно, и твое дѣло было бы хорошо! Не я же виноватъ, пеняй на себя!,—сказалъ Кайхосро и удалился.

Разсерженный свать проводилъ старика глазами, мотнулъ головой и, ударивъ себя въ грудь, проговорилъ:

— Да, приходится на себя пенять, связался съ такими мошенниками!.. Но куда уйдете, чтобы я не выместилъ этого на васъ?..—Онъ снова пришелъ къ Бессаріону и сказалъ ему, что Кайхосро на него переложилъ уплату вознагражденія...

— Онъ удовольствовался и получилъ все, и дѣлу конецъ!.. За мной не осталось ничего... Вознагражденіе тебѣ онъ долженъ уплатить изъ полученнаго отъ меня,—отвѣтилъ Бессаріонъ.

Соломонъ горячился, но ничего не вышло: ни отъ одного, ни отъ другого не получилъ ни копейки. Бессаріонъ лишь сказалъ ему, что велѣлъ послать воловью шкуру и положить въ его переметную сумку. Но до воловѣй ли шкуры было ему, когда пропадали деньги? Раздосадованный, онъ ухватился за послѣднюю надежду—побѣжалъ къ новобрачному и рассказалъ ему все.

— Ужъ какъ хочешь, а заплатить мнѣ долженъ ты... Я столько бѣгалъ, шлялся... Не жалѣлъ ни себя, ни катера?.. Почему же не даешь условленнаго... Тесть-то твой обмануль. У отца твоего копейки не выманить. Вы-то всѣ сдѣлали дѣло при моей помощи и довольны, а что же я?.. Долженъ ходить и кланчить, чтобы дали мнѣ то, что слѣдуетъ. Нико, хоть ты не бери грѣха на душу... Ты образованный человѣкъ; что простится этой деревенской темнотѣ, для тебя будетъ позорно...

— Соломонъ, я съ удовольствіемъ..., началъ Нико. Все приданое отецъ мой забралъ, и деньги у него въ кармапѣ... У меня, кланюсь тебѣ, всего одна пятирублевка въ кармапѣ.

— Давай, давай хоть это..., а то и это пропадетъ. Самъ же виновать, что съ такими людьми связался, да поздно уже... Но ничего, и на нашей улицѣ будетъ праздникъ. До сихъ поръ ничего подобнаго со мной не случалось. Ну, да, ничего... Гм! Повѣрилъ честному слову. Какъ же голодному держаться честнаго слова... И какъ я тогда же не принялъ этого во вниманіе! И съ чѣмъ не приходится считаться въ моей профессіи? Бросить ее? Можно было бы избавиться отъ шляпья и массы огорченій, бѣда въ томъ, это нужны эти проклятыя деньги. Откуда ихъ взять?—говорилъ съ горечью Соломонъ.—Въ кошелькѣ оказалось шесть рублей и сорокъ копеекъ. Соломонъ взялъ у молодого Катамадзе эти деньги, положилъ ихъ себѣ въ карманъ и ушелъ, конечно, не поблагодаривъ. Немного спустя, онъ велѣлъ осѣдлатъ катера, перекинулъ на него сумку, въ одномъ отдѣленіи которой лежала воловая шкура, а въ другомъ—кусочъ варенаго мяса и хлѣба, вывелъ катера за ворота, сѣлъ на него и вскачь пустился по ухабистой дорогѣ. По дорогѣ онъ много упрекалъ самого себя за то, что такъ глупо довѣрился Бессаріону и далъ себя обмануть“.

Вся повѣсть ярко иллюстрируетъ, что творить съ человѣкомъ борьба за жизнь тамъ, гдѣ у земли нечего взять и осталось брать только у себя подобныхъ силой и спорвкой.

Соломонъ и его печальная судьба представляются обычнымъ явленіемъ, легко и естественно проходятъ они передъ нами. Автору удалось показать, какое естественное, нормальное явленіе такой типъ въ жизни нашего мелкопомѣстнаго дворянства. Печальный исходъ хлопотъ Соломона вполне понятенъ въ той средѣ, гдѣ ему суждено подвизаться. Бессаріонъ не случайно попалъ въ повѣсть нашего автора: онъ—выразитель того понятія о чести и человѣческомъ достоинствѣ, какое живетъ въ окружающей его средѣ. Отецъ жениха, Кайхосро, человѣкъ съ сравнительнымъ достаткомъ, самодовольный сельскій „буржуй“, особенно типиченъ въ томъ гвалтѣ, который онъ поднималъ передъ вѣнчаніемъ сына, на не досчитавшись ста рублей въ приданомъ.

Другая повѣсть его „Мачеха Саманишвили“ (Моамбэ, 1897 янв. и февр.) не менѣе удачна по замыслу, но ей недостаетъ цѣльности, выдержанной обработки. Тутъ также на сценѣ траги-комическое положеніе героя. Сюжетъ его очень оригиналенъ и обнаруживаетъ большое знаком-

ство автора съ жизнью мелкопомѣстнаго дворянства Имеретіи. Бѣдному сельскому дворянину Бекинѣ Саманишвили, имѣющему взрослога женатаго сына Платона, вздумалось жениться во второй разъ. Сынъ и слышать объ этомъ не хочетъ: у старика можетъ появиться еще наследникъ, съ которымъ нужно будетъ раздѣлить и безъ того жалкое имѣніе Саманишвили, едва дающее столько, что и въ настоящемъ-то составѣ лишь кое-какъ семья сволить концы съ концами. Сынъ старается выбить эту блажь изъ головы старика-отца, но послѣдній твердъ въ своемъ рѣшеніи сосватать какую-нибудь пожилую вдову. Сынъ въ отчаяніи, но онъ уже придумалъ средство, чтобы предотвратить послѣдствія безразсудной затѣи отца. Является онъ къ отцу и предлагаетъ свои услуги—найти невѣсту для старика. Отецъ удивленъ такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла, но сынъ успокаиваетъ его и отправляется на поиски невѣсты. Онъ хочетъ во что бы то ни стало отыскать пожилую вдову, похоронившую двухъ мужей и ни отъ одного не имѣвшую дѣтей. Описаніе этихъ поисковъ и всевозможныхъ приключеній и встрѣчъ, то уморительныхъ, то печальныхъ и полныхъ драматизма, наполняетъ большую часть повѣсти. Наконецъ, желательная мачеха отыскана и свадьба сыграна съ подобающимъ случаю торжествомъ. Но... о ужасъ! Не проходитъ и года, какъ жена молодого Саманишвили замѣчаетъ у свекрови признаки беременности. Несчастнѣйшій Платонъ глазамъ своимъ не вѣритъ: онъ никакъ не можетъ примириться съ мыслью, что мачеха его можетъ произвести на свѣтъ существо, которое потребуеъ раздѣла имѣнія.

Таково содержаніе богатаго бытовыми подробностями разсказа Клдіашвили. Почти всѣ типы, выводимые авторомъ, отличаются большою жизненностью и какъ бы живьемъ выхвачены изъ современной жизни. Типы дворянина Кирилла, зятя героя—этого кутилы, буяна и озорника, — замужней его сестры, дворянина Аристо, самой старой невѣсты и другихъ до того живы, до того правдивы, что читателю кажется, что беллетристъ скалькировалъ съ своихъ хорошихъ знакомыхъ, близкихъ людей и родственниковъ. Сыну нужно найти для чудака-отца вдовицу, бывшую за двумя мужьями и бездѣтную. Это—прочная гарантія, что не будетъ дѣтей и отъ третьяго, и пѣжнему сыну не съ кѣмъ будетъ дѣлить крохотнаго родового наслѣдія. Авторъ съ большимъ юморомъ передаетъ всѣ перипетіи поисковъ экстраординарной невѣсты.

Двѣ слѣдующія повѣсти Д. Клдіашвили—„Искреннее сердце“ и „Жертва“—крупныя ошибки въ его писательской жизни. Въ нихъ онъ пересталъ быть самимъ собой, свернулъ съ своего естественнаго пути. „Искреннее сердце“—блѣдное, вымученное изображеніе женской любви. На каждой страницѣ ея чувствуется авторъ, потерявшій подъ ногами родную почву, въ погонѣ за избитой современной темой.

Въ „Жертвѣ“¹⁾ сразу, съ первыхъ же страницъ, встаетъ передъ нами сильная тенденція автора изобразить во что бы то ни стало женщи-

¹⁾ См. статью И. Никашидзе въ *Новомъ Обзорѣнн*.

ну-мученицу, жертву ярости злючки-свекрови. Тенденція, къ сожалѣнію, оказалась настолькоъ сильной, что овладѣла самымъ авторомъ, и совсѣмъ сковала симпатичный и свободный талантъ его.

Въ новѣйшихъ своихъ произведеніяхъ г. Клдіашвили вновь возвращается къ своему удачному жанру. Одно изъ нихъ, драматическій этюдъ въ 2-хъ дѣйствіяхъ, напечатано въ журналѣ „Моамбэ“. Въ этомъ этюдѣ („Счастье Ирины“, картины изъ сельской жизни, въ двухъ дѣйствіяхъ) изображается судьба скромной, безотвѣтной дѣвушки, Ирины Барбакидзе, брошенной непреклонной волей самодура-отца, бѣднаго сельскаго дворянчика, въ руки кутилы изъ зажиточной семьи, Абесало Саламтадзе, юноши „безъ царя въ головѣ“ и безъ какихъ бы то ни было нравственныхъ принциповъ въ жизни. Клдіашвили удалось вдохнуть новую жизнь въ этотъ старый сюжетъ, но, къ сожалѣнію, не совсѣмъ, а только наполовину: первое дѣйствіе полно правды и жизни, а второе написано въ приподнятомъ тонѣ. Въ первомъ дѣйствіи типично, выпукло очерченъ женихъ-самозванецъ, забубенная, безшабашная головушка, рослый дворянинъ, свободно и горделиво гарцующій по зеленой муравѣ на дворѣ у Иринина отца, Филиппа Барбакидзе. Бѣдная дѣвушка, связанная словомъ съ Родамашвили, не знаетъ куда уйти отъ пьяной назойливости юнца, заявляетъ изумленному отцу, что она не любитъ Абесало, но, въ концѣ концовъ, попадаетъ ему въ лапы. Фигура дѣвушки очерчена блѣдно, но благородный юноша, пріятель его, Викторъ ¹⁾, все пытавшійся сдержать своиравные порывы Абесалома, и отецъ-самодуръ, руководствующійся узкими соображеніями и патріархальными взглядами, — изображены мѣтко. Во второмъ дѣйствіи наступаетъ трагическая развязка. Юнецъ долженъ стать семьяниномъ, но на это у него нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ, и Ирина—пренесносная обуза для него. Животная страсть его удовлетворена, и у несчастной дѣвушки, у живого, одушевленнаго существа—нѣтъ для него ничего больше, она для него—товаръ обезцѣненный. Къ тому-же, по селу ходятъ злокозненные суды и пересуды насчетъ поведенія Ирины, о тайныхъ свиданіяхъ съ Родамашвили и подливаютъ масла въ огонь. Ирина погибаетъ въ присутствіи отца и Родамашвили отъ кинжала своего пресытившагося обладателя. Высокій трагическій моментъ не выдержанъ строго. Но въ концѣ авторъ „оправился“. Благородный, человѣческій протестъ жены-мученицы противъ своего мучителя въ послѣдней сценѣ полонъ правды и силы ²⁾).

Въ „Моамбэ“ же появилась картинка его изъ жизни грузинскаго сельскаго духовенства „Въ приходѣ“. Она оживлена истиннымъ правди-

¹⁾ По мнѣнію г. Хомелли, типъ Виктора является новымъ въ грузинской художественной литературѣ. Вопреки пріятному обычаю изображать въ отрицательныхъ краскахъ дворянъ, Викторъ въ ком. Клдіашвили обрисованъ защитникомъ правъ и свободы личности, обличаетъ въ Абесаломѣ грубые инстинкты и произволь, направленные для удовлетворенія личныхъ прихотей.

²⁾ Типъ Абесалома Саламтадзе впервые былъ нарисованъ Г. Церетели въ лицѣ Іереміа Царба (*Первый шагъ*) и Н. Ниношвили въ романѣ *Герой нашей страны*.

вымъ замыслѣмъ, въ ней есть идейное здоровое ядро. Ново-рукоположенный молодой священникъ (изъ семинаристовъ) попадаетъ въ село, гдѣ непріглядная дѣйствительность сразу обдаётъ его ушатомъ холодной воды. Крестьяне, много терпѣвшіе отъ его предшественниковъ, враждебно встрѣчаютъ новаго священника и оскорбляютъ его по поводу устройства для него помѣщенія. Молодые чувства и намѣренія семинариста сразу терпятъ афронтъ.

„Обѣдня только-что отошла. Подъ развѣсистой липой собрались крестьяне. Посреди нихъ стоитъ высокій, молодой священникъ и горячо говоритъ:

...Я самъ озабоченъ своимъ положеніемъ, люди добрые! Конечно, вамъ есть на что жаловаться: нѣтъ у васъ по близости священника. Но чѣмъ мнѣ помочь этому, дорогіе мои? Какъ мнѣ быть, чтобы пособить дѣлу?.. Я старался быть близко отъ васъ, но что дѣлать, когда во всей деревнѣ я не могъ найти квартиры... Трудно мнѣ платить за помѣщеніе, но я не остановился бы предъ этимъ, лишь бы не слышать вашихъ жалобъ. Видитъ Богъ, я озабоченъ своимъ положеніемъ, но никакого выхода не нахожу. И сколько времени уходитъ на бѣготню между моимъ домомъ и вашей деревней: и до прихода далеко и до церкви!.. Пастыремъ называюсь, а какой я пастырь, когда я не могу исполнять всѣхъ своихъ обязанностей!.. Вотъ отслужилъ обѣдню и долженъ спѣшить домой, а то по дорогѣ стемнѣетъ...

— Выстроимъ сообща ему маленькій домишко около этой церкви; тогда священникъ будетъ у насъ близко, и непріятностей никакихъ не будетъ,—сказалъ сидѣвшій на могильномъ камнѣ старикъ, дворянинъ.

— Для себя не можемъ выстроить домовъ, въ мазанкахъ живемъ,—гдѣ же намъ для священника строить?—выкрикнулъ старикъ—крестьянинъ, а остальные поддержали его одобрительнымъ гуломъ.

— Священники у насъ бывали и раньше, но домовъ мы для нихъ не строили.—Почему этому должны строить?

— Бывали-то бывали, Тимофей, да то были твои сосѣди, жители твоей же деревни... А теперь вотъ прислали знающаго, образованнаго священника: этотъ не чета тѣмъ, что были до него.

— Это-то хорошо... Конечно, лучше имѣть образованнаго священника, но онъ лишнимъ бременемъ ложится на насъ, господинъ Несторъ!.. Съ насъ довольно и нашихъ пуждъ; и то едва дышемъ. Мы отъ него ждали помощи, облегченія нашихъ нуждъ, а онъ—лишняя тягость.

У крестьянъ завязался разговоръ. Говорили всѣ. Отовсюду слышались негодующіе голоса. Священникъ чувствовалъ себя неловко и даже порывался бѣжать. Отъ него не ускользнуло ни одно изъ произнесенныхъ крестьянами словъ, и потому онъ все болѣе раздражался.

Вдругъ онъ вздрогнулъ, какъ ужаленный, повернулся налѣво и, весь дрожа, не своимъ голосомъ крикнулъ:—Правда, Ефимъ, правда!

Всѣ примолкли. Наступила тишина. Крестьянинъ среднихъ лѣтъ, къ которому относились слова священника, стоялъ растерянный и пристыженно поглядывалъ на разсердившагося батюшку.

— ...Ты точно угадать... Конечно, только и старался я повеселиться по соседству съ вами, что глаза у меня завидушіе и хочу жить на вашъ счетъ!.. Какъ нельзя лучше угадать! Такъ тебѣ всегда и угадывать. Стоитъ ли говорить съ тобой, есть ли у тебя совѣсть?—проговорилъ скороговоркой отецъ Зосимъ, надвинулъ на лобъ дрожащей рукой свою широкополую шляпу и отошелъ отъ опѣшившей толпы.

Страшно взволнованный, онъ остановился и сталъ печально смотреть въ разныя стороны, какъ бы нища кого глазами...

Громко произнесенное обращеніе привело въ себя Зосима: онъ обернулся и, замѣтивъ мальчика, спросилъ его:—Что тебѣ нужно?

— Мой старшій братъ сильно боленъ. Хотимъ причастить его!—сказалъ мальчикъ, и на глаза его навернулись слезы.—Скорѣе, Бога ради! Мать съ горя чуть съ ума не сходитъ... Не медлите, батюшка!

— Поди, разыщи дьячка Петра... Подведите къ воротамъ катера!.. Я захвачу молитвенникъ и сейчасъ приѣду. Отецъ Зосимъ быстро окинулъ взглядомъ все еще продолжавшую шумѣть подъ липой толпу и съ болью въ сердцѣ поѣхалъ къ больному.

„Значить, я лишь тяжелая обуза для своего прихода..., думаетъ отецъ Зосимъ. Я только о томъ и думаю, чтобы жить на счетъ своихъ духовныхъ дѣтей... Только о томъ и стараюсь, чтобы навязать себя деревнѣ и заставить ее кормить себя и свою семью! Это все, что заслужилъ въ глазахъ народа! Пастыръ съ „завидущими глазами“...“

Можно ли было молодому священнику не чувствовать боли въ сердцѣ? Онъ шелъ въ этотъ народъ съ совершенно ниими ожиданиями и надеждами. Онъ думалъ внести сюда уваженіе къ своему знанію; думалъ заставить полюбить имя тѣхъ, которые проповѣдываютъ любовь къ ближнему, просвѣщаютъ души и очищаютъ сердца отъ всякаго зла.

Безпріютный бѣднякъ, онъ вынужденъ кормиться хлѣбомъ такихъ же бѣдняковъ. Откуда же могла зародиться между ними любовь?

Взволнованный и огорченный, онъ нетерпѣливо понукалъ своего маленькаго катера, и этотъ послѣдній все больше и больше прибавлялъ шагу. Заставляя своего мула бѣжать скорѣе, священникъ тѣмъ самымъ ставилъ въ затрудненіе пожилого Петра, которому не хотѣлось отстаивать; послѣдній съ молитвенникомъ подъ мышкой, съ подобранными полами бѣжалъ сзади трусцой, и потъ градомъ катился съ его лица.

Петръ зналъ, какъ сильно разозлили молодого священника, и для того, чтобъ успокоить его, едва переводя дыханіе, выкрикивалъ:

— Ужъ очень перемѣнился народъ... очень перемѣнился... Совсѣмъ иной сталъ. Развратился, въ конецъ народъ развратился!

Отецъ Зосимъ, однако, или вовсе не слышалъ этихъ словъ, или же, если и слышалъ, то, вѣроятно, еще болѣе огорчался, такъ какъ онъ, повидимому, намѣренно сильнѣе и сильнѣе подгонялъ своего мула, какъ бы стараясь оставить Петра позади. Они уже прошли добрую часть ухабистаго пути, какъ навстрѣчу имъ попался знакомый священникъ.

— Отец Зосимъ, отецъ Зосимъ!—привѣтствовалъ встрѣтившійся,— видно, отче, ты чѣмъ-то недоволенъ!.. Потерпи, потерпи, отче, молодъ еще Сохрани себя для будущаго! Побѣди именемъ Отца и Сына и Святаго Духа, аминь! Перекрестись, плюнь на сатану, и конецъ,—весело, безъ передышки протараториль пожилой съ просьбою священникъ, который остановилъ своего катера, отодвинулъ шляпу назадъ и обнажилъ нѣсколько свою лысину.—Куда это ты, отецъ Михаилъ?—спросилъ послѣ обычнаго привѣтствія отецъ Зосимъ.

— Въ Кутансъ, въ духовное училище везу вотъ молодца; авось, украситъ родъ свой умомъ и образованностью своею! При этомъ онъ повернулъ голову назадъ къ 11—12-лѣтнему мальчику, сидѣвшему позади на одномъ съ нимъ катерѣ. Мальчикъ вплотную прижался къ отцу, обхвативъ его обѣими руками, такъ какъ на крестцѣ мула, гдѣ онъ сидѣлъ, мѣста было мало.

— Да, да!.. Насъ-то вѣдь вы презираете,—смѣясь сказалъ отецъ Михаилъ,—да и въ самомъ дѣлѣ негодны мы. Въ постоянной бѣготнѣ, въ спорахъ съ этимъ народомъ я совсѣмъ оглупѣлъ. Все вылетѣло изъ головы, совершенно пустая стала!... И я когда-то разумѣлъ кое-что. Помню, учили насъ, говорили намъ объ Испанскомъ морѣ, о Бѣломъ морѣ, о Печерской лаврѣ.. Но что отъ всего этого осталось—п самъ точно не знаю. Раньше, казалось, все зналъ, и теперь этотъ карапузъ и то побѣждаетъ... Гдѣ, малышъ, Бѣлое море? И ты не знаешь? Осрамилъ отца,—расхохотался веселый и словоохотливый попъ.

Какъ разъ въ это время подошелъ къ нимъ запыхавшійся Петръ. Увидѣвъ отца Михаила, онъ низко поклонился ему и попросилъ благословенія.—А, Петръ, Петръ,—закричалъ отецъ Михаилъ уже издали!.. А какъ на счетъ поросенка, Петръ? Поросенка!.. Отцу Зосиму, ха, ха, ха!.. Хорошаго, жирнаго поросенка!..

— Вотъ и у отца Зосима настроеніе перемѣнилось бы!.. Можетъ быть, васъ и сейчасъ гдѣ-нибудь ждетъ хорошенькій, кругленькій поросенокъ... На поросенка идете?—спросилъ, смѣясь, неумывавшій попъ.

— Причастить надо тутъ одного, —отвѣтилъ отецъ Зосимъ...

Молодой священникъ посмотрѣлъ вслѣдъ этому странному священнослужителю, и сильная печаль объяла его сердце. Неужели и его ожидаетъ такой же конецъ? Неужели и ему придется задаваться вопросомъ, существуетъ ли все еще гдѣ-либо Испанское море, или гдѣ находится Печерская лавра, и печалиться о томъ, что мало стало жирныхъ поросятъ... „Сверни, отче, сверни туда... въ ворота эти...“—послышалось ему.

О. Зосимъ поднялъ голову и тогда только замѣтилъ, что подѣхалъ къ дому больного. Онъ вѣхалъ въ открытыя ворота и сошелъ съ катера передъ низенькимъ домомъ, крытымъ камышемъ. Маленькій мальчикъ взялъ подъ узцы катера. Въ это время явился и Петръ.

Подъ навѣсомъ встрѣтила священника повязанная платкомъ старуха. Она благоговѣнно подошла къ священнику и поцѣловала у него руку. Это была мать больного, старая Ануся.

— Ну, гдѣ же больной,—спросилъ о. Зосимъ и вошелъ въ домъ.— Миръ дому сему,—произнесъ онъ.

Въ комнатѣ было совершенно темно.

— Отворите и другую дверь! Развѣ можно оставаться въ такой темнотѣ!—добавилъ священникъ недовольнымъ тономъ.

Ануса бросилась къ дверямъ для исполненія приказанія. При свѣтѣ, проникшемъ черезъ вторую дверь, можно было рассмотреть внутренность дома. На узкой тахтѣ, тянувшейся вдоль всей стѣны, въ разныхъ концахъ ея лежало два человѣческихъ существа. Одно изъ нихъ, закрытое одѣяломъ до самыхъ глазъ, испуганно глядѣвшихъ на вошедшаго, было знакомо о. Зосиму. То была дочь Ануси, дѣвица Элизія, давно уже приковапная болѣзнию къ постели.

— Это Алекси?—показалъ священникъ на вторую постель. Больной съ головой ушелъ подъ одѣяло.

Весь мокрый отъ поту, съ горящими глазами, больной взглянулъ разъ на священника и вновь закрылъ глаза.

— Умираю, батюшка!—едва слышнымъ голосомъ прошепталъ больной.

— Не бойся, не бойся!.. Ужъ и испугался болѣзни! Эхъ ты, трусъ ты этакій! Вѣдь, человѣкъ же ты; ну, сегодня боленъ, завтра будешь здоровъ, чего же трусишь!—утѣшалъ о. Зосимъ Алекси, но ясно видѣлъ, что парень догоралъ.

Темнота царившая въ домѣ Алекси, бѣдность, сквозившая изъ всѣхъ щелей, болѣзнь двухъ людей, безнадежность положенія которыхъ была очевидна на первый же взглядъ, эта старушка, укутанная на подобіе муміи и втихомолку проливавшая слезы, собственное безсиліе помочь имъ чѣмъ-либо,—все это еще болѣе сильной печалью заставляло сжиматься и безъ того болѣвшее сердце священника, удаивало горе, дѣлало его безутѣшнымъ.

— Священнику понадобится закуска. Далекъ знаешь, вѣдь, ѣхать ему, а тутъ вы его задержали еще; съ утра ничего не ѣлъ; есть у васъ что?—тихонько допрашивалъ Петръ брата Алекси, Алпезу.

— Какъ же есть!—отвѣтилъ Алпеза.

Петръ подошелъ къ священнику. Отецъ Зосимъ, печальный, пораженный на каждомъ шагу попадавшимися картинами безысходной нужды и безпросвѣтнаго горя, удрученный созерцаніемъ всѣхъ этихъ страданій и несчастій, горячо молилъ небо объ отпущеніи, просилъ о ниспосланіи надежды и радости и о томъ, чтобы Всевышній привялъ въ видѣ жертвы его наболѣвшую душу и истерзанное сердце.

— Господи, вонми моленію моему... Услышь мя, Господи!—повторялъ онъ, опустившись на колѣни. Горячая молитва успокоила его, и ему какъ-будто стало легче послѣ нея. Онъ какъ бы вновь обрѣлъ душевное спокойствіе. Закрывъ молитвенникъ, онъ передалъ его Петру, вынулъ изъ-подъ рясы маленькій образокъ, раскрылъ его и поднесъ больному святыя Дары. Забывшаяся въ уголокъ маленькая дѣвчонка съ удивленіемъ смотрѣла на этого высокаго, необычнаго человѣка.

— Не пугайтесь, Богъ милостивъ, опасности нѣтъ никакой! Не падайте духомъ! А ты что подѣлываешь, Элизія?—подошелъ Зосимъ къ больной.— Что же, ты думаешь все такъ лежать, не хочешь вставать?—На блѣдномъ лицѣ съ павшими щеками забѣгали у дѣвушки блестящіе неестественнымъ блескомъ глаза; блѣдныя, безкровныя губы прошептали что-то, и до ушей отца Зосима едва долетѣли произнесенныя слабымъ голосомъ слова:—Алекси бы только видѣть на ногахъ, а обо мнѣ стоитъ ли спрашивать!..

— Объ Алекси не думай. Вотъ ты вставай, и все будетъ хорошо,—съ улыбкой сказалъ отецъ Зосимъ. Ануся глубоко вздохнула при этихъ словахъ и въ знакъ сильнаго горя покачала головой.

— Ну, Петръ, выводи катера!—крикнулъ священникъ.

— Обожди, батюшка! Ну, какъ же поѣдешь голодный? Выпей стаканчикъ вина, закуси хоть хлѣбомъ и послѣ уходи,—вмѣшался Петръ.—Ну, и не задерживайте же, давайте же, давайте, что тамъ есть!—крикнулъ онъ на хозяевъ.

— Сію минуту, сію минуту!—засуетились Ануся съ сыномъ.

Отецъ Зосимъ принужденъ былъ остаться закусить. Столъ былъ скоро накрытъ, и Петръ сразу же сталъ хозяйничать, забирая себѣ все, что ни подавалось священнику.

— Какъ же можно отказываться! Вы—священникъ, правда, ученый, но отъ деревенской трапезы никогда не должны отказываться. Отъ этого вамъ ничего не прибавится, развѣ отнимется.. Хвала Богу, хозяевамъ добраго здравія, больнымъ скорого исцѣленія, а всему тому дому счастья и благоденствія. —произнесъ Петръ здравицу и опорожнилъ полный стаканъ.—Для голоднаго священника закуска была кстати; онъ ѣлъ съ аппетитомъ. Съ еще большимъ аппетитомъ уплеталъ Петръ; онъ даже собирался провозгласить себя толумбашемъ, но священникъ всталъ со стола и приготовился уходить.

Священникъ далъ Алпезѣ наставленіе, какъ ухаживать за больнымъ, и вышелъ на дворъ. Катеръ все еще былъ привязанъ къ плетню и ѣлъ солому. Петръ подошелъ къ катеру, снялъ привязанную къ сѣдлу сумку и началъ укладывать въ нее хлѣбъ.—Не глупи ты, пожалуйста!

— Ну, вотъ еще вздумалъ благородство проявлять!.. Въ деревнѣ живешь, живи по-деревенски.. Нашелъ время стѣсняться!.. Пора уже и привыкать къ деревенскимъ порядкамъ и обычаямъ.

— Я тебя прошу освободить меня отъ всего подобнаго, Петръ!—недовольно произнесъ о. Зосимъ.

— Теперь можете ѣхать своей дорогой!—сказалъ Петръ, когда сумка была наполнена и привязана къ сѣдлу. Не задерживайтесь уже.

— Не привыкъ пока, молодъ еще! Пройдетъ время, тогда не только хлѣбъ, а обглоданныя кости будутъ класть въ сумку и таскать домой!.. Дѣтямъ по косточкѣ хоть достанется,—сказалъ онъ съ улыбкой матери и сыну, попрощался съ ними и отправился домой.

Длинный путь предстоялъ отцу Зосиму, но сегодня путь этотъ ему показался еще длиннѣе; всю дорогу онъ думалъ только о томъ, что ему пришлось сегодня видѣть и перетерпѣть...

Нельзя сказать, чтобы картина, которую онъ увидѣлъ, въѣзжая къ себѣ во дворъ, была особенно пріятная. Дѣти въ однѣхъ рубашенкахъ стояли въ грязи и совершенно выпачканныя усердно мѣсили грязь босыми ногами.—Теклэ, Теклэ!.. Взгляни, пожалуйста, на дѣтей! Нужно иногда присмотрѣть за ними,—крикнулъ онъ, слѣзая съ катера. Привязавъ мула къ столбу, онъ вошелъ на балконъ.

На крикъ изъ дому выбѣжала молодая женщина съ собранными назадъ подъ платокъ волосами и съ засученными рукавами.

— Да, вотъ, матушка, нужно иногда присмотрѣть за дѣтьми. Посмотри, на что они похожи, какъ они перепачкались! Воскресенье же сегодня, придѣла бы ихъ поприличнѣй!

— Да во что одѣть-то ихъ, человѣче? Всего-то у нихъ по одной парѣ одежды, а выпачкають и ту, такъ и совсѣмъ ничего не останется. А скоро ли новой дождутся? Эти твои племянники въ конецъ испортили ихъ!... Гиго, Гиго... Элинка... не слышите!... Подите сейчасъ сюда, сердилась Теклэ на дѣтей. Затѣмъ она подошла къ катеру, отвязала сумку и сунула туда руку, желая на ощупь опредѣлить, что тамъ содержится. Скрывъ сумку въ складкахъ платья, чтобы ее не увидѣли сосѣди, жившіе въ томъ же домѣ, она поспѣшно вбѣжала въ комнату.

— А я-то думала въ самомъ дѣлѣ что-нибудь есть,—сказала она недовольнымъ голосомъ, когда раскрыла сумку и увидѣла только хлѣбъ.

— А ты чего ждала?—улыбаясь и нѣсколько сконфужено спросилъ у жены отецъ Зосимъ, который успѣлъ уже снять рясу.

— Мама. да-а-й ѣсть!—бросился къ матери старшій ребенокъ.

Его примѣру послѣдовалъ и другой.—Дай ѣ-ѣсть..., спросили оба.

— Отлони имъ по кусочку, успокой ихъ, матушка!—вмѣшался о. Зосимъ. Теклэ отлонила по куску обоимъ, а остальной хлѣбъ положила въ сумку и спрятала ее въ шкафчикъ. Выгнавъ предварительно изъ комнаты дѣтей, она вышла и сама.

Отецъ Зосимъ, проводивъ глазами почти нагихъ дѣтей и Теклэ, невольно глубоко вздохнулъ. „Завидующіе глаза“—мелькнуло у него въ головѣ, и въ его воображеніи вдругъ встала утренняя картина: его приходъ, роищущая крестьянская толпа, слова Ефима, попъ Михаилъ.— и снова его обьяла сильная тоска и отчаяніе. Эту картину теперь дополняла другая,—то, что онъ встрѣтитъ у себя дома.

Неужели, думалъ онъ, необходимо имѣть „завидующіе глаза“, чтобы не погибнуть въ этомъ мірѣ! Неужели нужно отрѣшиться отъ всякихъ мечтаній и жить такъ, какъ живутъ все!.. „Пора уже привыкать къ деревенскимъ порядкамъ“, вспомнилась ему фраза Петра... Вспомнилъ онъ также Апусю и ея семью, гдѣ два человѣческихъ существа лежали на смертномъ одрѣ, и какъ-будто кто-то прошепталъ ему: „вотъ и ходъ тебѣ“. Эта мысль, одно появленіе ея въ его головѣ совершенно

доконали молодого священника... На выздоровленіе больного Алекси не только не было надежды, но, наоборотъ, къ вечеру того же дня ему стало совсѣмъ плохо. Въ сильнѣйшемъ безпокойствѣ метался онъ на постели, по временамъ выкрикивалъ какія-то непонятныя слова, бредилъ и опять метался. Растерявшаяся Ануся сидѣла у изголовья сына; пораженная горемъ, она какъ-то бессмысленно уставилась на больного сына.

Къ утру больному сдѣлалось хуже, и цѣлый день онъ провелъ въ мучительной агоніи. Ануся, совершенно потерявшая голову, продолжала стоять у изголовья больного и бессмысленно смотрѣть на него.

— Мама!—вдругъ воскликнулъ больной и поднялъ голову.

— Родной, Алекси! Тутъ я, тутъ... милый ты мой, родной!

Но больной, повидимому, не слышалъ ея словъ, водилъ по сторонамъ налитыми кровью глазами и выкрикивалъ непонятныя слова...

Больной поднялся въ послѣдній разъ, поддался нѣсколько впередъ, широко раскрылъ глаза и, выпрямившись сразу, распластался на постели... Ануся, какъ ястребъ, бросилась на сына, перевернула его лицомъ вверхъ и ужаснымъ голосомъ закричала: Алекси, родной!...

— Мама, мама... что случилось?—спросила испуганно Элизія, приподнявшись на постели... Что случилось, мама?

— Ничего, ничего, дочка! Ложись, ложись! Горе мнѣ несчастной!

Ануся встала, накрыла Алекси одѣяломъ, сошла съ тахты и крикнула въ дверь: „Марико, Марико!“

Въ комнату вошла маленькая растрепанная дѣвочка.—Садись вотъ сюда,—указала Ануся на тахту, на которой лежалъ Алекси.

Когда Ануся вышла, въ домѣ водворилась полная тишина. Маленькая дѣвочка, усѣвшись на низенькой скамеечкѣ, несмѣло смотрѣла то въ сторону Элизіи, то на двери, то на покрытаго одѣяломъ брата.

Въ этой тишинѣ со двора послышался какой-то голосъ. Элизія услышала его. Чѣмъ дальше, тѣмъ голосъ становится явственнѣе: кто-то, повидимому, безутѣшно рыдалъ...

— Марико, выглянь... кто-то плачетъ тамъ! Посмотри-ка!—и Элизія приподнялась на постели. Марико встала, подошла къ стѣнѣ, отыскала щелку и начала смотрѣть въ нее.—Мама... мама плачетъ!—проговорила дѣвочка. Элизія задвигалась на постели, начала шарить руками, отыскала платъе и начала одѣваться.

— Тетя пришла. И Эленичка идетъ... Она тоже плачетъ...,—бормотала маленькая Марико, не замѣчая, что Элизія надѣла платъе, встала съ постели и, пошатываясь, направилась къ Алекси; взобравшись на тахту, она своими костлявыми руками начала снимать одѣяло съ брата.

Изъ-подъ одѣяла показалась ужасная голова Алекси: глаза были широко раскрыты, подбородокъ, обрамленный жиденькой бородкой, выступалъ впередъ, зубы были оскалены. Элизія вскрикнула изо-всѣхъ силъ и, потерявъ сознание, упала на грудь брата.

Теперь только оглянулась Марико и, увидѣвъ, что сестра лежитъ на груди брата, начала плакать.:—Мама, Элизія встала!

На крикъ въ комнату вбѣжала Ануся и съ нею всѣ, кто ни былъ на дворѣ. — Убейте меня, дѣти мои!.. Горе миѣ! — съ отчаяніемъ вскричала старуха и вспрыгнула на тахту, чтобъ отнять отъ трупa Элизію.

Домъ въ мгновенье наполнился народомъ; начались плачь и причитанья. Потерявшую сознаніе Элизію отняли отъ трупa и блѣдную, какъ смерть, уложили въ постель.

Къ вечеру не стало и Элизіи: и она отошла въ другой міръ... Вся деревня искренно соболѣзновала несчастной Анусѣ.

Два гроба, между которыми сидѣла убитая горемъ мать, цѣловавшая то одну, то другого,—эти два гроба наводили мистическій страхъ на наивную толпу: испугъ и горе рисовались на лицѣ каждаго.

А у отца Зосима, когда онъ дрожащимъ голосомъ совершалъ литію, глаза наполнились слезами при видѣ покойниковъ, еще болѣе сжималось болью и обливалось кровью сердце, такъ какъ вокругъ онъ видѣлъ и въ самомъ дѣлѣ безпомощныя существа, надломленныя душой и совершенно несчастныя. И это всеобщее страданіе, горе и безысходность приводили его въ отчаяніе, но примиряли его съ собственной судьбой. Слезы, проливаемые имъ, были слезами горя и безнадежности и въ то же время слезами примиренія съ судьбой. И потому сегодня паства съ такою благодарностью проводила своего пастыря: сегодня онъ раздѣлилъ горе своей паствы и вмѣстѣ съ нею пролилъ слезы горя и отчаянія“...

Художественное чутье заставило г. Клдіашвили вывести на сцену, навстрѣчу къ священнику-новичку сосѣдняго священника-старичка, уже полностью кристаллизованнаго, вылившагося въ обыденную форму, духовнаго коллегу. Жизненный контрастъ между ними очень тонко имъ подмѣченъ и изображенъ. Душевное настроеніе семинариста, созерцающаго въ коллегѣ-старичкѣ будущаго „себя“, изображено очень правдиво. Много помогъ дѣлу вновь проснувшійся въ этой картинкѣ здоровый, симпатичный юморъ писателя. Юморъ этотъ особенно ярко воплощенъ имъ въ лицѣ дьячка—традиціоннаго персонажа—переданнаго предшественникомъ въ помощники молодому семинаристу. Уже выработанныя, рѣзко очерченныя ухватки и земныя вождельнія духовнаго „адьютанта“, живымъ контрастомъ своимъ прекрасно отгѣняютъ фигуру молодого мечтателя-семинариста.

Одно изъ послѣднихъ произведеній Клдіашвили „Злоключенія Камушадзе“ посвящено столкновенію городской жизни съ патриархальными устоями. Когда-то состоятельный дворянинъ Отія Камушадзе впадаетъ въ бѣдность и терпитъ лишенія. Изъ горделиваго потомка рыцарскихъ предковъ онъ превратился въ простаго земледѣльца, трудъ котораго, однако, не оплачивается; и „въ потѣ лица“, голодая, не имѣя возможности платить государственныя повинности, онъ постоянно находится подъ гнетомъ связанныхъ съ этимъ положеніемъ обстоятельствъ. Заемъ по „батманамъ“ кукурузы у сосѣдей, безустанная трата своей рабочей силы,—ничто его не спасаетъ отъ матеріальной необезпеченности и „недоѣда-

нія“. Но слѣдую традиціямъ и желаніямъ старухи матери расчитывая на обновленіе жизни въ семейной обстановкѣ, онъ при помощи сельскаго пройдохи-„аблаката“ идетъ подъ вѣнецъ съ городскою дѣвушкою Соней. Новая обстановка съ перваго же дня произвела удручающее впечатлѣніе на молодую его жену. Отія не щадитъ силъ для полевыхъ работъ, но это его не спасаетъ отъ невыносимой нужды. Наблюдательная Соня, потерявъ всякое терпѣніе, обращается къ мужу съ слѣдующими словами:—„Отія намъ нельзя больше здѣсь оставаться! Давно я хотѣла тебѣ это сказать: намъ нельзя расчитывать на лучшее будущее, оставаясь въ деревнѣ. Мы должны уйти отсюда туда, гдѣ можно расчитывать на свои рабочія силы! Въ городъ!“

Отія горько улыбнулся: „Миѣ ли идти въ городъ?! Для этого надо имѣть знаніе, опытъ... Куда я гожусь со своимъ невѣжествомъ!“

Куда идти?—вопрошаетъ удивленный Отія и этимъ вопросомъ авторъ открылъ цѣлое міросозерцаніе, психологическую борьбу земледѣльца, его консервативный складъ ума, боязнь новизны, стараніе „какъ-нибудь“ улучшить свое положеніе, оставаясь въ деревнѣ прикрѣпленнымъ къ землѣ. Какъ!? Покинуть деревню, проститься съ знакомыми полями, гдѣ онъ росъ и рѣзвился, забросить домъ и дворъ, лѣса, сосѣдей, измѣнить традиціямъ, завѣтамъ и бѣжать куда-то зачѣмъ-то!...

Но жизнь устами жены подсказываетъ ему рѣшеніе вопроса. Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ „вздыхать и думать про себя“ о голодной смерти, работать съ разсвѣта до поздней ночи и все-таки не добѣдать, видѣть какъ сохнетъ жена отъ горя, нѣтъ все это невыносимо. Надо уйти, рѣшаетъ Отія. „Уйти туда, гдѣ люди находятъ спасеніе, гдѣ много средствъ и дорогъ! Послѣ такого рѣшенія онъ задумчиво присѣлъ, но сидѣть ему не удалось; всталъ, сошелъ съ балкона, обошелъ дворъ, съ какою-то непонятною горечью смотрѣлъ онъ въ этой тѣмѣ на каждую вещь. Его сердце кипѣло, сжималось. Несчастный Отія прощался со всѣмъ своимъ добромъ, отправлялся искать счастья гдѣ-то далеко“.

Изъ второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ наиболѣе ярко очерченъ сельскій адвокатъ Порфирій Біашвили, этотъ первоклассный кляузникъ и бичъ крестьянскаго населенія. О силѣ своего ума и успѣха самъ Порфирій Біашвили очень высокаго мнѣнія... „Никогда еще по Божьей милости, говоритъ онъ, не проигрывалъ ни въ чемъ и надѣюсь не проиграть и впредь... Для всего нуженъ умъ! Разъ имъ обладаешь, не о чемъ уже беспокоиться!... Сколько у насъ образованныхъ адвокатовъ изъ курсовниковъ, съ университетскимъ образованіемъ, бывшихъ даже за границей, но никто изъ нихъ не имѣетъ такого успѣха, какъ я: они не умѣютъ принаравливаться къ обстоятельствамъ, не везетъ имъ и они вѣчно голодаютъ; я же со своимъ двухкласснымъ образованіемъ нахожу столько кліентовъ, что принужденъ многимъ изъ нихъ отказывать, а хлѣба, вина и денегъ—всегда у меня чортова пропасть“...

Главная задача повѣсти г. Клдіашвили—выставить предъ читающей публикой беспомощное матеріальное состояніе мелкопомѣстнаго

дворянства Кутаисской губерніи—выполнена художественно, какъ это, впрочемъ, нужно было ожидать отъ автора „Соломона Морбиладзе“ и „Мачехи Саманашвили“. Измѣнившіяся условія жизни съ жестокою необходимостью измѣняютъ весь умственный кругозоръ земледѣльца, дѣлаютъ его измѣнникомъ завѣтамъ отца, жертвою новаго положенія вещей. Это—крупный фактъ въ грузинской общественной жизни и одинъ изъ главныхъ пунктовъ „аграрныхъ вопросовъ“. Малоземелье гонитъ сельчанина въ городъ искать болѣе выгодное примѣненіе своей рабочей силы.

Нужда гонитъ мелкаго производителя въ промышленные центры. Это вѣрное отраженіе дѣйствительности въ литературѣ есть достоинство данного произведенія. Д. Клдїашвили сумѣлъ мастерски передать психологическое состояніе разорившагося дворянина, онъ показалъ, что сословіе это, потерявъ свое экономическое могущество, одними юридическими привилегіями не можетъ противостоятъ напору безпощадной экономической борьбы. Новая жизнь требуетъ отъ него новой силы. Орудія, которыми его предки отражали удары непріятелей, должны замѣниться трудомъ и знаніемъ. Оно должно слиться съ жизнеспособнымъ трудящимся элементомъ, который носитъ въ себѣ задатки лучшаго будущаго и въ тяжелой борьбѣ, умственно и нравственно совершенствуясь и снѣчиваясь, расчищаетъ путь къ новой жизни. Пореформенная жизнь создала типы Мклавадзе (Ниношвили), Давладзе (Лаліони) и Камушадзе (Клдїашвили) ¹⁾.

Первый—слабый отпрыскъ грузина-воина, расточающаго всю свою энергію на вино и драки; для борьбы у него—кинжалъ и геркулесовы руки; все должно ему подчиняться, передъ нимъ преклоняться, какъ передъ потомкомъ великаго предка; попираетъ личность только для того, чтобы расправлять свои „орлиныя крылья“, это—его удовольствіе и жертвою этого удовольствія онъ самъ дѣлается, когда хилый, но самолюбивый, несправедливо оскорбленный имъ сельскій учитель Спиридонъ Мициришвили выстрѣломъ изъ револьвера убиваетъ его. Второй—Давладзе двойникъ его, съ тою однако разницею, что для сохраненія своего сословнаго превосходства въ борьбѣ съ „купеческимъ сыномъ“, онъ прибѣгаетъ къ другому средству—къ деньгамъ. Но какъ ихъ достать? Трудиться—не „по чину“, и вотъ онъ рѣшается старымъ орудіемъ—кинжаломъ и силою—отвоевать себѣ новое орудіе—деньги. Онъ совершаетъ разбой, но разбойниковъ не терпитъ развивающееся гражданское общество, и ему дорога—въ Сибирь. Отія Камушадзе фактически отказался отъ своихъ сословныхъ привилегій, онъ трудомъ хочетъ отвоевать у природы средства къ существованію, но, гонимый „недоуданіемъ“, бѣжитъ въ городъ. Послѣдній типъ жизнеспособнѣе и его жизнь дѣлается предметомъ серьезныхъ наблюденій и изслѣдованій.

Д. Клдїашвили знатокъ деревенской жизни, и всѣ рассказы его изъ этого міра блещутъ тонкою наблюдательностью. Но въ послѣднемъ своемъ произведеніи авторъ не удовлетворился этою задачею и набро-

¹⁾ Статья А. Цулукидзе въ „Нов. Обзорѣніи“.

саль контуры городской жизни. Его дѣйствующія лица переселяются въ городъ; здѣсь Отія покупаетъ, на вырученныя отъ продажи своего имущества деньги, участокъ земли и строить тамъ домъ. Такіе „недовольные“ деревнею образовали здѣсь цѣлый поселокъ; они ждуть только „удобнаго случая“, чтобы вполне приспособиться къ „новой жизни“ и уже не возвращаться къ своимъ полямъ и лѣсамъ.

„Горе Дариспаны“, комедія его, скорѣе фарсъ, даетъ въ блестящей сценѣ изображеніе затруднительнаго положенія Дариспаны, желающаго пристроить свою дочь, прибѣгая къ различнымъ уловкамъ. Дѣвицы заставляютъ матери играть на гармоніи и въ это время показываютъ ихъ женихамъ. Но оказывается, что молодой человекъ, для котораго онѣ старались, уже женатъ.

„Микела“ слабая повѣсть и по содержанію, и по недостаточной отдѣлкѣ формы и стили, безъ присущаго автору заразительнаго юмора. Сюжетъ ея построенъ на народномъ повѣртіи, въ силу котораго послѣ заразительной болѣзни, являющейся дѣломъ злыхъ духовъ, необходимо домъ разобрать, каждую доску деревянной постройки тщательно продезинфицировать и лишь послѣ этой процедуры вновь сложить хату. Въ періодъ такой перестройки больныхъ устраиваютъ въ временныхъ помѣщеніяхъ, подверженныхъ опасностямъ вслѣдствіе своей непрочности. Въ такой плетеной стоянкѣ погибаетъ 20-лѣтній больной Спиридонъ, внукъ Микела Георгадзе, во время ливня лишенный помощи со стороны близкихъ лицъ,—даже суевѣрной матери,—до которыхъ крики его о спасеніи не долетаютъ. Грузинская критика признала это произведеніе слабымъ, недостойнымъ пера Д. Клдѣшвили. Онъ силенъ въ безпритязательномъ изображеніи мелкомѣстныхъ дворянъ,—для него процессъ разложенія патріархальнаго и феодальнаго строя служитъ источникомъ вдохновеннаго повѣствованія.

Беллетристы-психологи ¹⁾.

Шіо Арагвиспирели (Дедабришвили).

Въ послѣднее десятилѣтіе XIX ст. грузинская беллетристика вступила въ новый фазисъ своего развитія. Молодые писатели, выступившіе съ

¹⁾ Шіо Арагвиспирели родился 4 декабря 1867 г. въ сел. Карисхви (Душетск. уѣзда Тифл. губ.) близъ м. Анануръ. 6—7 лѣтъ онъ выучился читать у пасынка сестры своей Якова Кайшаури; по смерти отца (1877 г.) онъ былъ отданъ матерью въ тифлисское духовное училище, гдѣ все время считался хорошимъ ученикомъ. Въ 1889 г. кончилъ курсъ въ тифлисской духовной семинаріи, но будучи въ VI классѣ былъ удаленъ изъ бурсы за участіе въ бунтѣ, возникшемъ вслѣдствіе того, что воспитанникамъ въ ноябрѣ или декабрѣ на обѣдъ подали хлѣбъ съ керосиновымъ запахомъ. Въ 1890 г. поступилъ онъ въ варшавскій ветеринарный институтъ, а въ 1894 г. въ годъ окончанія курса онъ былъ взятъ подъ арестъ и благодаря этому къ выпускнымъ экзаменамъ былъ допущенъ въ апрѣлѣ въ 1895 г. Литературную дѣятельность онъ началъ въ журналѣ *Джѣджили* (1890 г., № 4), потомъ онъ печатался въ *Иверіи*, *Квали*, *Моабл.* Будучи еще на скамьѣ, онъ пробовалъ писать, но не рѣшался выступить въ печати.

80-х годовъ, усвоили новую манеру творчества, эскизы стали преобладающей формой разсказа, психологическіе этюды заняли первенствующее мѣсто, бытовые очерки служили лишь иллюстраціей къ анализу душевнаго состоянія персонажей. Прежнее обиліе этнографическаго матеріала стало отступать на задній планъ, и если въ произведеніяхъ Дав. Клдіашвили національные нравы и воззрѣнія составляетъ фонъ, на которомъ обрисовывается личность сельскаго пастыря и обнищавшаго дворянина, то разсказъ Шю Арагвиспирели, начиная со втораго періода его дѣятельности, почти уже всецѣло лишень этой окраски. Наиболѣе яркими представителями юнаго кружка беллетристовъ являются Ш. Арагвиспирели и Д. Клдіашвили. Они раздѣлили сферы изображенія грузинской жизни. Первый—мтіулъ изъ Душетскаго уѣзда—въ начальный періодъ своего творчества давалъ очерки изъ карталинской жизни, второй—имеретинъ по происхожденію,—останавливается на характерныхъ явленіяхъ быта Зап. Грузіи, подвергавшагося измѣненіямъ подъ напоромъ зарождающихся общественно-экономическихъ отношеній. Ш. Арагвиспирели съ 1895 г. увлекся этюдами въ духѣ Мопассана, сосредоточился на анализѣ фальши женской любви и коварства, безъ специфически грузинскихъ оттѣнковъ, затрогивая этотъ вопросъ на, такъ сказать, интернаціональной, почвѣ, а Д. Клдіашвили остался вѣренъ себѣ, продолжалъ съ легкимъ юморомъ, въ сочныхъ краскахъ набрасывать картины изъ быта имеретинъ, держась опредѣленныхъ рамокъ исторически сложившейся народности. И тотъ, и другой имѣетъ послѣдователей и стоятъ во главѣ новой школы грузинскихъ беллетристовъ.

Ш. Арагвиспирели занимаетъ оригинальное мѣсто и по формѣ, и по сюжетамъ своихъ произведеній. Онъ самый яркій выразитель современныхъ ему безвѣрія и унынія. Психологъ и моралистъ, онъ выхватываетъ страницы жизни, изливаетъ свою скорбь и негодованіе. Въ первыхъ этюдахъ „Моя Швинда!“, „Вотъ наша жизнь?“ и „Все потерялъ“ (также „Съ Новымъ Годомъ“) онъ талантливо рисовалъ бытъ и душевныя тревоги грузинскаго народа, его радости и горести, согрѣвая свои маленькіе этюды въ объемѣ газетныхъ фельетоновъ искреннимъ сочувствіемъ къ обездоленному и обиженному людьми собрату. Авторъ нѣсколько даже сгущалъ краски, прибѣгалъ къ излишнимъ эффектамъ для возбужденія сочувствія къ народу. Такъ, въ разсказѣ „Съ Новымъ годомъ“ крестьянинъ Гигола умираетъ подъ новымъ годъ въ убогой саклѣ среди почернѣвшихъ отъ копоти стѣнъ, отъ кровохарканія, на рукахъ маленькаго Шакро, ожидавшаго новогодняго гостинца (гознаки) и молодой красивой жены. Его угнетаетъ мрачная мысль, что она промѣняетъ его на другого, а она съ ужасомъ думаетъ о горькой участи, предстоящей съ малолѣтнимъ сыномъ, при отсутствіи всякихъ средствъ къ существованію. Магдана молить Бога избавить ее отъ угрожающаго несчастья, а онъ желать бы предъ смертью взять съ нея клятву въ вѣчной ему вѣрности. И когда онъ замѣтилъ заплаканныя ея глаза и сказалъ послѣднее прости, она съ подавленнымъ рыда-

ніемъ упала на грудь мужа и обвила его шею. «Цвѣтущая полная жизни Магдана и умирающій Гигола какъ будто замерли въ страстномъ поцѣлуѣ... Послѣдній разъ Гигола держалъ въ своихъ объятіяхъ красавицу-жену. Безпощадная смерть незамѣтно подкралась и онъ тихо, точно уснулъ, умеръ на рукахъ жены, когда пѣтухи громкимъ крикомъ привѣтствовали первую зарю Нового года.—Съ Новымъ годомъ.— входя въ саклю весело произнесъ обычное привѣтствіе Дата“... Въ другомъ Новогоднемъ этюдѣ (Цн. П. 1902 г.), родительница умираетъ подь новый годъ также въ жалкой лачужкѣ.

Первый періодъ дѣятельности, отмѣченной воздѣйствіемъ произведеній С. Мгалоблишвили и Ек. Габашвили, онъ закончилъ психологическимъ этюдомъ болѣе значительныхъ размѣровъ *Братъ и Сестра*, появившемся въ журналѣ *Моамбѣ*. Здѣсь онъ явился звеномъ, связующимъ школу романтиковъ и реалистовъ. Романтикъ чувствуется въ немъ еще въ этюдахъ „Съ Новымъ годомъ“ и «Шелковый платокъ». Въ послѣднемъ произведеніи павшая нравственная женщина, вслѣдствіе ненормальныхъ общественныхъ отношеній, налагаетъ на себя руку, а въ первомъ озлобленная въ своихъ чувствахъ старуха, пзнывающая въ подвальномъ этажѣ, надъ которымъ слышатся звуки піанино въ свѣтлой залѣ, обливаешь домъ керосиномъ наканунѣ новаго года и тѣмъ мститъ своимъ прежнимъ поклонникамъ, покупавшимъ ея тѣло. Авторъ тонко рисуешь антагонизмъ между личностью и обществомъ, наслаждающимися жизнью и обойденными судьбою. Счастье и несчастье человѣка сплетаются изъ бессмысленныхъ случайностей. А природа остается безучастной созерцательницей земныхъ радостей и скорбей.

Автора встрѣтили единодушные лестные отзывы критика (К. Абашидзе, П. Накашидзе и др.), а стихотворное посланіе Ак. Церетели, признало въ немъ провозвѣстника воскресшей захирѣвшей грузинской литературы. Въ концѣ 1895 года въ томъ же журналѣ (кн. X, XI и XII), открывшемъ первое мѣсто произведеніямъ Ш. Арагвиспирели, были напечатаны три эскиза: „А вѣтеръ гудѣлъ, завывалъ и стоналъ“, „О Боже въ чемъ я согрѣшилъ!“ и „Пу пусть я погибну!“, совпавшіе съ поворотомъ юнаго писателя въ ту область художественнаго творчества, которая стала привлекать исключительное его вниманіе. Въ началѣ 1896 года въ грузинскій календарь въ томъ же духѣ далъ онъ два этюда: „Да будетъ благословенъ, Господи, Твой судъ!“ и „Изъ дневника Мело“. Эти-то этюды открыли новую полосу въ дѣятельности Ш. Арагвиспирели¹⁾.

Изъ этихъ этюдовъ только одинъ „Да будетъ благословенъ, Господи, Твой судъ!“ напоминаетъ первые очерки Ш. Арагвиспирели. Предъ нами проходитъ сцена тисковъ, въ которые попалъ бѣднякъ-крестьянинъ. Наступило чудное осеннее утро; крестьянинъ Малхазъ, сторожившій всю ночь свой виноградникъ, мечтаетъ о сборѣ винограда въ своемъ саду, ко-

¹⁾ Критическій разборъ его повѣстей въ статьяхъ Дуту Мегрели въ *Иверіи* 1897 г. №№ 75—178, 180, 182 и 183. П. Накашидзе въ *Квали* 1896 № 3, въ фельетонахъ К. Абашидзе и Занги въ газ. *Иверія* и *Цноб. Пурцели*.

торый уже восьмой годъ находится въ кабальѣ у торговца Баго, но вмѣсто радости ему пришлось испить полную чашу горечи, ибо не сумѣлъ смягчить гнѣвъ своего кровопійцы Баго, не допустившаго въ садъ семью несчастнаго владѣльца сада полюбоваться созрѣвшимъ виноградомъ и сборомъ его. Баго съ бранью гонитъ жену и ребенка Малхаза, а онъ, покорно проводивъ ихъ глазами, воскликнулъ: „да будетъ благословенъ Твой судъ, Господи!“, оросивъ щеки парой крупныхъ раскаленныхъ слезъ. Такова эта сжатая, яркими красками написанная картина изъ жизни бѣдняка, попавшаго въ цѣпи міроѣда.

Чувство жалости къ Малхазу переполняетъ наше сердце. Наше чувство на его сторонѣ. Арагвиспирели сумѣлъ внушить намъ негодование противъ царившей несправедливости и распредѣленія продукта труда. Отрывокъ же „Изъ дневника Мело“ не соответствуетъ его усвоенной творческой манерѣ. Онъ раскрываетъ страницы дневника 23-хъ лѣтней дѣвницы, которая мучится отъ сознанія, что привлекательность ея увядаетъ, и она не можетъ выйти замужъ. На танцевальномъ вечерѣ ея декольте, обнажившее сморщившіяся груди, вызываетъ насмѣшки кавалеровъ. Современный общественный строй оставляетъ еще много желать для улучшенія правоваго положенія женщинъ, однако исключительная цѣль, направленная на заключеніе брачныхъ дѣлъ, даже и теперь не можетъ перетянуть вѣсы симпатіи на сторону Мело, тоскующей о своей „горькой участи“.

Столь же неопредѣленное чувство возникаетъ въ насъ при чтеніи этюда: „А вѣтеръ гудѣлъ, завывалъ и стоналъ“ (*Моамбэ*, 1895 г.). Въ немъ содержаніе заимствовано у Мопасана и парижскіе нравы перенесены въ несоответствующую грузинскую среду. Герой этюда бѣдный, никѣмъ неутѣшенный канцелярскій служитель, Титико, оплакиваетъ жену, бывшую горничную, Бато которая спасла его отъ самоубійства и доставила ему счастье. Но чрезъ два года она умираетъ, трупъ ея еще не успѣлъ охладѣть, а вѣтеръ завываетъ въ окно, стонетъ, кто-то подаетъ письмо отъ ея возлюбленнаго Вахтаंगा, къ которому она ходила дважды въ недѣлю на свиданіе. Последняя встрѣча въ бурю повлекла за собою простуду и смерть, — событія, о которыхъ Вахтангъ ничего не знаетъ, какъ мужъ не подозрѣваетъ измѣнницы въ теченіе двухъ лѣтъ. Этюдъ носить водевильный характеръ, выходитъ изъ предѣловъ реальнаго изображенія неграмотныхъ грузинскихъ служанокъ въ маленькомъ городѣ, гдѣ всѣ подробности жизни извѣстны сосѣдямъ и отдаленнымъ роднымъ. Грузинка не парижанка: что свойственно послѣдней, совершенно недоступно первой.

Въ этюдѣ „Господи, въ чемъ я провинился?“ (*Моамбэ* 1895 г.) сюжетъ подсказанъ не Мопассаномъ, а поэмой „Мцыри“ Лермонтова. Семилѣтняго мальчика родители отдали въ Шю-Мгвимскій монастырь. Отшельникъ Серапіонъ росъ въ уединеніи 11 лѣтъ и на двадцатомъ году пробудились въ немъ воспоминанія дѣтства и съ неудержимою силою встала предъ нимъ картина страстныхъ объятій возвратившагося мужа отца и воз-

любленной жены. Переполненное пламенемъ и упрекомъ ко Господу сердце отшельника ноетъ, непрестанно повторяя: „въ чемъ я провинился предъ Тобой?“

Мученія души и угрызения совѣсти легли въ основу эскиза „Ну, пусть я погибну“ (Моамбэ, 1895, XII), раскаяніе которыхъ изливаетъ мясникъ, терзающійся отъ сознанія, что загубилъ и зарѣзалъ столько живыхъ существъ. Слезы покаянія, проливаемые въ церкви, не доставляютъ отрады его душѣ и только алкоголь заглушаетъ въ немъ пробудившіяся муки совѣсти и чувство жалости къ животнымъ.

Два этюда „Во-истинну воскресъ“ (Моамбэ 1896, III) и „Иуда“ („Моамбэ“ 1896, V) основаны на Священномъ писаніи. Въ первомъ выведенъ апостоль Петръ, который увѣровалъ въ божественность Христа послѣ Его воскресенія.

...И я... и я отрекся!... и я отрекся отъ тебя Господи!...—съ горечью повторялъ апостоль Петръ, распластавшись на землѣ и орошая ее слезами. Его слезамъ ясно представлялся нѣжный, измученный, но божественный ликъ Учителя. Они били Его, глумились надъ Нимъ, вѣнчали терніемъ. Онъ безропотно переносилъ все это, не защищаясь даже и словомъ. Ни одного упрека имъ. Онъ молился за нихъ Вышнему: „Прости имъ, Господи, ибо не вѣдаютъ, что творять“...

— Изверги!..—вскричалъ апостоль,—когда его глазамъ предсталъ Христось съ повязкой на глазахъ. „Угадай, Христось, кто ударилъ“..,—спрашивали они Его, ударяя по ланитамъ.

— Съ послѣднимъ изъ людей не обошлись бы такъ, не насмѣялись бы такъ и не унизили, а Ему повязали глаза и, смѣясь и издѣваясь надъ Нимъ, спрашивали: кто ударилъ,—угадай?“

Этотъ унизительный, противный смѣхъ мучителей и сейчасъ раздавался у него въ ухахъ, и это колело, жгло его и мутило разумъ.

— А...ахъ!..—простоналъ онъ,—извиваясь, схватившись обѣими руками за свои рѣдкіе сѣдые волосы.—Тогда я стоялъ тамъ, смотрѣлъ на это униженіе и вмѣсто того, чтобы умереть рядомъ съ Нимъ, я отрекся отъ Него... Петръ хохоталъ, но горше слезъ былъ тотъ хохотъ.

— Ку-ку-ре-ку! — прокричалъ пѣтухъ, хлопая крыльями.

— А-а!.. замолчи, замолчи!.. Не нужно твоихъ напоминаній, замолчи!.. Я помню, какъ отрекался, помню!.. Я не отрекаюсь, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!, Я ученикъ Его, слышите!,—кричалъ онъ пѣтухамъ, вскочивъ на ноги, но пѣтухи не переставали кричать; пѣтухи всего города давали знать другъ другу о приближеніи разсвѣта и не обращали вниманія на строгія приказанія Петра. Лишь Иорданъ шумно катилъ свои воды и нарушалъ безмолвіе Иерусалима... Все тотъ же міръ, ничто не измѣнилось!.. Возможно ли? Сына Твоего распяли, убили, а Ты не защитилъ Его, не столкнулъ между собой солнца, луны, звѣздъ и земли, не смѣшалъ ихъ въ одно?! Убили Его!.. Ахъ!..

И онъ стоялъ, стиснувъ ладонями рукъ виски, со сдвинутыми бровями, и, не отрывая глазъ, уставился въ землю.

А рѣка шумѣла и что-то нашептывала таинственно. Она несла съ собой хохотъ и крики толпы: „Распни Его, Онъ обманщикъ, обманщикъ, Онъ Богомъ величаетъ Себя! Пусть спасетъ Себя, если Онъ Богъ!..“

Скрылась луна, унесла свои лучи, и городъ объяла тьма.

— Боже мой, Боже мой, почто покинулъ Ты меня!—послышались ему полныя отчаянія послѣднія слова Христа.

— Слышишь, съ какимъ отчаяніемъ произнесъ Онъ это?!.. Развѣ Богъ можетъ отдаться такому отчаянію?—донеслось до апостола.

— Нѣтъ, нѣтъ, Онъ Богъ, истинный Богъ!..—произнесъ со стономъ Петръ и всталъ на ноги.

— Обманщикъ не сталъ бы проповѣдывать братство, любовь...

— Неправда, неправда!.. Если Онъ не былъ Сынъ Божій, тогда и Бога нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!.. Замолчи ты, сатана и соблазнитель!.. Онъ не Богъ?.. Я вѣрю, что Онъ Богъ, а если Онъ не Богъ, тогда... тогда... ахъ... для чего я живъ?!—произнесъ онъ съ отчаяніемъ.

Блеснула заря. Запѣли птицы, поздравляя другъ друга съ наступленіемъ разсвѣта, но не рѣшаясь улетѣть, ибо еще не достаточно разсвѣло...

— Христось воскресъ, Петръ!.. послышался ему знакомый голосъ.

— Воистину, Марія.. Ты?!..—растерянно спрашивалъ Петръ и въ то же время горячо цѣловалъ Марію Магдалину.

Безпредѣльна была его радость. Слова Маріи Магдалины возвратили ему внезапно то, что за нѣсколько мгновеній передъ тѣмъ въ немъ колебалось. И жизнь уже казалась ему противной.

Къ нему вернулась вѣра,—вѣра, которая для Петра была всѣмъ.

— Но развѣ ты зналъ что-нибудь о воскресеніи Христовомъ, что отвѣтилъ „воистину“?!—спросила она у него.

— Нѣтъ, но вѣдь Онъ Богъ, истинный Богъ и непременно долженъ былъ воскреснуть,—отвѣтилъ апостоль Петръ и направился къ гробницѣ Христа, чтобы тамъ излить свою душу въ молитвѣ.

III. Арагвиспирели любить обращаться къ темамъ изъ Священнаго писанія. Помимо названныхъ разсказовъ, онъ воспользовался одной грузинской легендой для маленькаго этюда *Мессія*, въ которомъ фигурируетъ Іафеть, возставшій изъ гроба въ числѣ другихъ по распятіи Спасителя. Нѣкогда самоотверженный народный герой, павшій на полѣ брани, Іафеть, возставшій изъ гроба въ пятницу, слышитъ чрезъ три дня радостную вѣсть, что воскресъ Христось, который при жизни называлъ себя Мессіей, былъ распятъ и похороненъ въ Геосиманскомъ саду. Онъ съ собесѣдникомъ своимъ ищетъ Христа чтобы поклониться Ему. Но когда находитъ Мессію, царство котораго будетъ на небѣ, а не на землѣ, онъ не вѣритъ въ предсказанія Его, что Іерусалимъ будетъ разрушенъ, а іудеи разсѣяны. „Если такъ, то живи вѣчно и своими глазами созерцай все будущее, сказалъ Господь!“ Съ тѣхъ поръ Іафеть скитается по міру. Видѣлъ разрушеніе Іерусалима и разсѣяніе іудеевъ и ждетъ еще мира и благоволенія въ человѣцѣхъ.

Въ легендѣ „Первая послѣдовательница“ (Цноб. Пурцели 25 дек. 1901 г.) онъ пользуется народнымъ сказаніемъ о какой-то Тамарѣ изъ колѣна Левита, тайкомъ покинувшей домъ родителей за поисками Мессіи. Красавицѣ приходится пробираться черезъ пустыню, чтобы попасть въ Виелеемъ. По дорогѣ ей предстоитъ искушеніе отъ одного пустытника, очарованнаго ея красотой. Она вырывается изъ его рукъ и, сопровождаемая видѣніемъ Младенца достигаетъ яслей Виелеема, въ одной изъ которыхъ лежитъ тотъ самый Младенецъ, который ее привелъ къ завѣтной цѣли.

Въ этюдѣ „Иуда“ образъ апостола предателя измѣненъ безъ санкціи Евангелія въ томъ смыслѣ, что злобу противъ Учителя авторъ внушалъ ему изъ-за любви къ Маріи, боготворившей Христа. Произвольное истолкованіе исторической традиціи ¹⁾ объ Иудѣ привело къ расплывчатымъ краскамъ художественнаго замысла автора, творчество котораго зиждется на анализѣ „нагой души“.

Новелла „И за что ты меня изводишь!“ представляетъ эпизодъ изъ романическихъ отношеній юныхъ Лео и Тины, послѣ пылкой любви закончившихся разрывомъ: она остается съ ребенкомъ и съ письмомъ отъ него, въ которомъ онъ проситъ ее забыть его. Сценой воспламенной страсти, онъ показываетъ, что Тина сама поощрила Лео своимъ пылкимъ взоромъ къ рѣшительному пагубному шагу и замаскированное желаніе автора оправдать „несчастную жертву“ является искусственнымъ придаткомъ.

— Не смѣй трогать, ни, ни, ..—съ ехиднымъ хихиканьемъ кричитъ Тиночка, убѣгая отъ Лео, и быстро обходитъ то одинъ кустикъ, то другой, стараясь ни попасть въ руки молодому человѣку.

— Чирь-чирь, чирь-чирь!—чирикаютъ тамъ-же въ кустахъ воробьи и перепрыгиваютъ съ одной вѣтки на другую. Неугомонно порхаютъ пташки, ускользая одна отъ другой, не даваясь другъ дружкѣ въ руки. Вотъ одна изъ нихъ бѣгаетъ за другою, кружится около нея, ластится къ ней и вздрагивая всѣмъ своимъ миниатюрнымъ тѣльцемъ, садится возлѣ, но та, противная возлюбленная, мучитъ своего поклонника: кокетничаетъ, крылышки расправляетъ и, перепорхнувъ на другую вѣточку, летитъ къ другому кусту. Бѣдный любовникъ! Страсть его отъ этого еще болѣе распаляется, онъ летитъ за возлюбленною и старается тронуть сердце своей ехидной голубушки, но...

— Ради Бога, Тинатина, кукушечка ты моя!—бѣгаетъ Лео за Тиною, все болѣе и болѣе волнуясь, едва переводя дыханіе.

Лео усталъ и остановился въ изнеможеніи. Онъ задыхается, потъ градомъ катится по его лицу, и безнадежно, въ какой-то нерѣшительности, смотритъ онъ на Тиночку. Она тоже остановилась въ отдаленіи и повернула къ нему свою прелестную головку. Улыбаясь, взглядами, полными обворожительности, смотритъ она на грустнаго Лео, какъ-бы говоря: „Чудакъ же-ты какой! чего смотришь и не поймаешь меня: вѣдь я въ твоихъ рукахъ!“ Ласковый взглядъ Тиночки и ея прелестное лицо

¹⁾ Народнымъ сказаніемъ воспользовался онъ въ этюдѣ о конокрадѣ.

приободрили молодого человекѣка, придали ему смѣлость, и онъ не помня себя, кинулся къ ней и успѣлъ схватить ее за руку.

— Ха, ха, ха!—захохотала дѣвушка, вырвалась изъ его рукъ и моментально очутилась за стоявшимъ тамъ-же тополею.

— Тиночка!—воскликнулъ увлеченный Лео и смѣло погнался за нею.

— Чирь-чирь!... Чирь-чирь!—съ неумолкаемымъ чириканьемъ поспѣшили и воробушки къ тополю и успѣлись на его вѣточкѣ недалеко другъ отъ друга. У тополя Тиночка обернулась, чтобы взглянуть на молодого человекѣка. Ей показалось, что Лео не гонится уже за нею, но тотъ былъ тутъ-же и въ ту же минуту схватилъ ее руками.

— А, поймалъ! поймалъ!...—волнуясь шепчетъ, ей на ухо Лео, заключивъ ее въ свои объятія, прижимая къ груди.

— Ну, ладно, пусти-же!...—отвѣчаетъ она ему растерянно и отъ сильнаго волненія полужакрываетъ глаза.

— Моя милая, радость ты моя!

Дрожить Лео, дрожить и Тинатиночка. У обоихъ ноги подкашиваются, оба изнемогаютъ. Еще минута, и они не выдержали и опустились на землю. — Чирь-чирь!...—тянуть на тополѣ голоса пташекъ.

А весеннее солнце продолжаетъ бросать вокругъ оживляющіе свои лучи, распространяетъ пріятное тепло и въ каждомъ существѣ вызываетъ чувство ласки и нѣги, чувство любви и сладостной истомы...

— Шш!—начали шелестѣть и листья тополя. Къ гимну любви и онъ пожелалъ присоединиться, но шелестъ его листьевъ вскорѣ заглушилъ звуки всѣхъ остальныхъ существъ. И чириканье пташекъ, и неправильный темпъ прирывыстаго дыханія, и шумъ лихорадочнаго волненія,—все покрылъ собою этотъ шелестъ листьевъ. Но вотъ все стихло, наконецъ, послѣдній звукъ замеръ въ отдаленіи, и наступила тишина,—тишина сладкая, покой блаженный, полный нѣги и томленія...

— Тя-тя-тя! тя-тя-тя! укоризненно затараторили воробушки по адресу Тиночки и шумно поднялись съ кустовъ, полетѣвъ вверхъ.

— Ахъ!..—неволью вырвался у нея стонъ изъ души, когда она увидѣла недалеко тотъ тополь, и все ея существо почувствовало какое-то нервное потрясеніе. Она закрыла глаза руками, чтобы не видѣть больше то дерево, но руки скоро у нея ослабѣли и опустились внизъ...

Полуоперившіеся птенцы пищали, что было мочи, широко раскрывая свои некрасивые рты съ желтыми клювами.

Тина пристально стала всматриваться своими темными глазами въ гнѣздо, откуда птенцы вытягивали свои уродливыя голыя шеи, и, при видѣ ихъ, ей пришла въ голову дикая, недобрая мысль—истоптать эти несчастныя существа, изорвать ихъ на кусочки, и, насладившись ихъ пискомъ, страданіемъ ихъ родителей, облегчить тѣмъ не выносимую свою муку, утишить свою жгучую душевную боль, выместить на нихъ злобу, которую она питала теперь къ „тому“. Руки поднялись было уже вверхъ машинально, и она готова была привести въ исполненіе свое намѣреніе, но вдругъ мурашки пробѣжали по ея тѣлу, и она съ

ужасомъ отскочила назадъ. Она испугалась своей мысли и, пристыженная, вернулась назадъ съ поникшею головою.

— Ахъ ты негодная!... — крикнули ей вслѣдъ воробушки и до самаго тополя преслѣдовали ее бранью и угрозами.

Но не долго продолжалось это издѣвательство и преслѣдованіе дѣвушки со стороны воробьевъ. Увидѣвъ, что Тиночка опустила у тополя на землю въ совершенномъ изнеможеніи, съ обливающимся кровью сердцемъ, они тоже успокоились, перестали нападать на нее. Они поздравили другъ друга съ побѣдой, и вспомогательный отрядъ птишекъ спокойно вернулся къ своимъ гнѣздамъ. Одна только парочка осталась около тополя, уѣбвшись недалеко на маленькомъ кустикѣ. Одна изъ птичекъ, именно самка, быстро спустилась къ гнѣзду, приласкала птенчиковъ и пустилась па поиски пищи для своихъ дѣтокъ. Самецъ же не двигался съ мѣста и не сводилъ глазъ съ Тиночки.

Воробей уступилъ свое мѣсто птичкѣ, когда та уже освободила свой клювъ, набитый разными насѣкомыми, и расположился недалеко отъ нея.

А Тиночка сидѣла все время неподвижно и съ завистью посматривала въ сторону этой счастливой парочки. „Ахъ, какъ было-бы хорошо, если-бъ и я могла также имѣть собственную семью и счастливо жить въ ней,—думала она:—мы вѣдь тоже любили другъ друга, и...“

Да она и счастлива. Теперь для нея не существуетъ уже ни этого тополя, ни этихъ кустиковъ, ни веселыхъ и рѣзвыхъ воробушекъ. Тиночка ничего этого не видитъ больше. Сидитъ она себѣ въ комнатѣ, а тутъ-же, возлѣ нея, рѣзвится маленькій, прелестный, полненькій ребенокъ, поминутно хватая свою маму за колѣни, стремясь къ ея груди. Онъ тоже въ свою очередь съ увлеченіемъ прижимаетъ его къ груди, цѣлуетъ его глазки. Вотъ и двери въ комнату отворились, и входитъ Лео, ея возлюбленный Лео.

— Измучилась я, ожидая тебя! Гдѣ ты былъ до сихъ поръ? — нѣсколько въ укоризненномъ тонѣ спрашиваетъ она его, надувши губки.

— Ну, что-жъ дѣлать, милая, опоздалъ. Прости меня, извини, голубушка!... — отвѣчаетъ ей Лео вѣжливомъ голосомъ и приподнимаетъ ея подбородокъ вверхъ, чтобы покрыть горячими поцѣлуями ея губы.

— Прощаю, только прошу въ другой разъ не дѣлать этого,—говоритъ ему Тиночка, подставляя свое лицо для поцѣлуя...

Ахъ, какое блаженство!. До такой степени она ослабѣваетъ отъ сладостной истомы, что не въ состояніи оторвать губъ своихъ отъ лица милаго. И зачѣмъ она должна отказываться отъ этого? Вѣдь она испытываетъ одно только блаженство, и не лучше-ли, чтобы какъ можно дольше продолжалось такое состояніе?

Тинатина, полузакрывши глаза, едва шевелитъ губами, какъ-бы желая всю свою жизнь вдохнуть своему милому въ этотъ радостный для нея день.—Чиръ-чиръ! — Воробей успѣлъ уже за это время смѣнить въ гнѣздѣ свою подругу и смѣло зачирикалъ по адресу Тиночки, какъ-бы прося ее выслушать, что онъ ей скажетъ...

Звуки эти как острѣмъ ножемъ поразили Тиночку въ самое сердце. Мечты ея сразу разлетѣлись, и она была возвращена къ настоящей дѣйствительности. Ахъ, какую жгучую боль она почувствовала, какъ сердце ея стало сжиматься и обливаться кровью въ этотъ моментъ, когда она опомнилась и, осмотрѣвшись кругомъ, узнала, что все, что она видѣла минуту тому назадъ такъ отчетливо, была одна только мечта. Сердце у нея сжалось, плечи согнулись, дыханіе сперлось.

— И за что-жъ ты меня изводишь.... застонала она жалобнымъ голосомъ, видя предъ собою тѣнь Лео и какъ-бы обращаясь къ ней. Раздались звуки глухого, подавленнаго рыданія. Долго сдерживаемыя слезы ручьемъ потекли изъ ея глазъ“.

Легкость и простота изображенія первыхъ порывовъ любви подкупаетъ читателя и вполне гармонируетъ съ естественными инстинктами человѣческой природы. И. Накашидзе настолько же восторженно отзывается объ этой новеллѣ, насколько признаетъ фальшивымъ эту „Заливается и заливается смѣхомъ“, объясняя его неудовлетворительность тѣмъ, что авторъ, избалованный лестной критикой, мало сталъ углубляться и вынашивать сюжетъ. Искусственность канвы и развитія дѣйствія чувствуется также въ этюдѣ: „Я пожалъ только плечами“ (*Моамбэ*, 1894 X), гдѣ повѣствуется судьба доврчиваго карталинца Гаіоза, попавшаго въ сѣти смѣтливой имеретинки въ Кутаисѣ.

Онъ въ чаду увлеченія не можетъ уяснить себѣ, любить ли она его, и поэтому въ письмѣ къ Тифлисскому другу, описывая свое отношеніе къ очаровательной Гулчинѣ, проситъ его высказаться, какую цѣну имѣетъ изліяніе чувствъ волшебной черноокой дѣвицы. Не получивъ отвѣта, онъ самъ приѣзжаетъ въ Тифлисъ и здѣсь онъ узнаетъ, что Гулчина любить другого и лишь для прикрытія своихъ любовныхъ интригъ выходитъ за него замужъ. Она сама это высказываетъ въ письмѣ къ возлюбленному, противнику гименея, обучающемуся въ русскомъ высшемъ учебномъ заведеніи, и письмо по ошибкѣ отправляетъ въ Тифлисъ. Такимъ образомъ случайное открытіе играетъ здѣсь ту роль, какую отмѣтили мы въ рассказѣ: „А вѣтеръ гудѣлъ“. Авторъ попытался нарисовать образъ дѣвицы, которая смотритъ на бракъ какъ на „ширму“, заслоня ющую затѣи адультера, избѣгающаго брачныхъ узъ. Но циничность признанія Гулчины и увѣренность ея, что возлюбленный другъ, готовящійся быть виднымъ общественнымъ дѣятелемъ, согласенъ освятить ея намѣреніе и прикрыть бракомъ съ Гаіозомъ супружескую невѣрность, представляется ложнымъ пониманіемъ женской стыдливости и недостойнымъ актомъ чести носителя культурныхъ началъ въ обществѣ, едва покидающемъ патріархальные устои.

Темою этюда „Отрывокъ изъ письма (*Квали*, 1897, № 3) служитъ вопросъ о непостоянствѣ чувства любви, мѣняющейся въ связи съ новыми впечатлѣніями, вдали отъ предмета симпатіи.

„...Когда разбираюсь, мой другъ, въ своемъ чувствѣ къ тебѣ, ужасъ охватываетъ меня: неужели все, что я говорилъ тебѣ о своей

любви—было ложью? Я не знаю, что со мной; и раньше я замѣчалъ это въ себѣ, но все не вѣрилъ, не могъ допустить ничего подобнаго... Вотъ уже годъ, какъ мы любимъ другъ друга. Мнѣ кажется, этого времени было вполне достаточно, чтобы понаблюдать за собой, проверить свое чувство и рѣшиться на что-нибудь определенное... Въ моей душѣ и въ настоящее время живетъ то же чувство, которымъ она была полна въ тотъ моментъ, когда я впервые сказалъ тебѣ: „люблю“. И это правда, я люблю тебя, люблю до самозабвенія...

„Я хочу прижать тебя къ своему сердцу, дать тебѣ заглянуть въ мою душу; я хочу, чтобы мы были неразлучны, и въ могилу сошли бы, какъ одно тѣло и одна душа... Ахъ, какое это было бы блаженство—жить съ этимъ чувствомъ и уйти въ другой мѣръ съ нимъ же!

„Ты сейчасъ далеко. Я могу бесѣдовать съ тобой лишь этими строками, но твой образъ, какъ живой, стоитъ передъ мной, и я цѣлую тебя, моя ненаглядная, обнимаю, и мою душу наполняетъ неизъяснимое блаженство. Сію минуту я счастливѣе даже, чѣмъ былъ въ тотъ моментъ, когда, ты помнишь, мы оставались совершенно одни въ комнатѣ; мы сидѣли, обнявшись, охваченные восторгомъ, и не слышали тогда ничего: ни стука стѣнныхъ часовъ, висѣвшихъ надъ нами, ни лая собакъ въ деревнѣ, ни даже самой тишины. Ахъ, какое это было блаженное состояніе! Сейчасъ же, когда я мысленно обнимаю тебя, я чувствую еще большій восторгъ. Ты все для меня, моя радость, моя ненаглядная, но... ахъ, это ужасное *но*, всегда являющееся, какъ незваный гость... но ты только тогда мое божество, когда я вижу или вспоминаю тебя. Когда же вмѣсто тебя я вижу или вспоминаю другую, тогда... прости меня, мое счастье, моя любимая, тогда не ты мое божество, а та, другая, которую я вижу передъ собою.

„Въ ту минуту я люблю только ту и люблю также безумно, какъ и тебя. Это чувство также искренно, какъ и чувство къ тебѣ. Въ ту минуту я также думаю, какъ и сейчасъ, о блаженствѣ быть вѣчно съ ней неразлучнымъ, чтобы и смерть не могла насъ разъединить, чтобы и въ тотъ мѣръ уйти какъ одна плоть и одна душа... Я забываю тебя съ ней и съ тобой не помню ея, кто бы она ни была.

„Когда я былъ съ тобой, цѣловалъ и обнималъ тебя, клянусь тебѣ всѣмъ, что у меня есть святого, весь я былъ полонъ искреннимъ и пламеннымъ чувствомъ, рѣчь моя не могла выразить всю полноту его: оно было выше и больше всего, что можетъ сказать человѣкъ. Въ нашемъ лексиконѣ нѣтъ такого ласкового слова, которое могло бы охватить мою любовь къ тебѣ. Я понимаю, что ни объятія, ни поцѣлуи не могутъ показать тебѣ всю глубину и искренность моего чувства.

„Но вотъ я разстался съ тобой, встрѣтился съ другой, и мою душу наполняетъ такое же искреннее и пламенное чувство, которое не можетъ выразить никакая ласка.

„Почему это такъ? Не знаю. Прежде я думалъ, что плохо разобрался въ своемъ чувствѣ, поэтому я и разстался съ тобой на такой

продолжительный срокъ, но какъ я ни старался, какъ ни анализировалъ свою душу, я не могъ понять, что со мной... Существуетъ ли вообще то идеальное чувство, о которомъ говорятъ намъ поэты? Сомнѣваюсь. Мнѣ кажется, ихъ любовь—плодъ фантазіи, ничего общаго не имѣющей съ земной любовью. Или быть можетъ у меня одного такая натура, а всѣ другіе знаютъ ту любовь? О, если-бы это-было такъ, но... опять это но... но, если-бы всѣ были такъ искренни, какъ я, кто знаетъ—не оказались-ли бы поэты—фантазерами, а я—глашатаемъ истины?

„Ахъ, если-бы я ошибался, тогда вѣдь и для меня была-бы надежда когда-нибудь полюбить навѣки и безраздѣльно.

„Ты видишь, моя радость, какъ я искренно говорю съ тобой. Надѣюсь и ты напишешь, если чувствуешь то же, что и я. Загляни же въ свою душу поглубже и отвѣтъ мнѣ, но отвѣтъ правду“...

Въ этуодъ же „Достойнъ я этого, достойнъ!“ (*Моамбэ*, 1897, № 3) авторъ анализируетъ психологическое состояніе героя, рѣшившагося на самоубійство въ сознаніи своего какого-то намъ неизвѣстнаго безчестнаго поступка, приведшаго въ озлобленіе цѣлое общество противъ него. Но отъ своего намѣренія отказывается въ виду невозможности этимъ путемъ оправдаться и яснаго пониманія, что наложеніемъ руки на себя онъ докажетъ только свою трусость. „Я считаю себя виновнымъ и потому долженъ сумѣть понести заслуженную кару,—пусть общество проклинаетъ меня“ говоритъ измученный внутренней борьбой герой, пользующійся публичной славою честнаго дѣятеля и скрывающій все, что набрасываетъ тѣнь на его честь.

Въ этиодахъ „Ненавижу васъ“ (*Квали* 1897, № 1) и „Все равно“ (*Моамбэ*, 1897, № 7) имѣемъ дѣло съ одинаковымъ сюжетомъ: въ первомъ мучится мужчина изъ-за нераздѣленной женщиною любви, а во второмъ тѣ же муки испытываетъ она, которой не сочувствуетъ мужчина. Излюбленная тема автора—полной и искренней любви не существуетъ—нашла здѣсь полное выраженіе и не менѣе ярко проведена въ этуодъ „Благодарю, Тебя, Господи, благодарю“ (*Иверія*, 1897 г. № 129) Героиня здѣсь обладаетъ даромъ пронизательности и въ сердцахъ всѣхъ читаетъ страницы злости, порока, неискренности и притворства.

Такимъ образомъ Арагвиспирели во всѣхъ эскизахъ является представителемъ психологического направленія.

Въ параллель приведеннымъ этиодамъ (*Моамбэ* 1896 г. № 12) онъ опубликовалъ этуодъ „Тотъ“ душу онъ раскрываетъ въ отношеніяхъ между двумя полами, написанный имъ 1893 г. и примыкающій по характеру къ произведеніямъ начальнаго періода его дѣятельности. Содержаніе заимствовано изъ грузинской ему близко знакомой жизни. Тико, дочь богатаго крестьянина Алексѣя, полюбила Дата, работника своего отца; на сцену встрѣчи влюбленнаго случайно наткнулся отецъ Тико и достаточно было ея Дата видѣть какъ отецъ въ порывѣ бѣшенства хватаетъ ее за волоса, какъ онъ бросается въ ея защиту и завязывается бой съ обнаженными кинжалами. Между разъяренными

львами—отцомъ и влюбленнымъ бросается Тико и падаетъ въ безчувственномъ состояніи. Непримиримыя враги за минуту предъ этимъ соединяются, чтобы привести ее въ сознаніе и когда она очнулась, то первый ея вопросъ, обращенный къ отцу, былъ: а „тотъ“! — „И онъ здѣсь, — отвѣтилъ отецъ, который возвелъ благодарныя очи, что такъ легко спаслась его возлюбленная дочь отъ угрожавшей опасности.

„Вонъ съ глазъ моихъ!“ представляетъ сюжетъ самый обиденный, избитый. Нико и Марѳа полюбили другъ друга, сблизились и когда она уже становится матерью, онъ начинаетъ ея избѣгать, не принимаетъ ея къ себѣ, не даетъ о себѣ знать. Добившись свиданія, Марѳа старается лаской и напоминаніемъ объ его клятвѣ въ любви пробудить въ немъ сознаніе долга и прежнее чувство, но онъ отталкиваетъ ее равнодушіемъ, жестокимъ оскорбленіемъ, бросивъ дерзкое слово, что отцомъ ребенка такой матери, какъ она, можетъ быть и всякій другой. Она готова задушить его собственными руками, но онъ загоразивается стуломъ, и когда опозоренная женщина приходитъ отъ волненія въ себя, то окинувъ его, побѣдоносно на нее взирающаго, уничтожающимъ взоромъ презрѣнія, въ волненіи произноситъ: „Вонъ съ глазъ моихъ!“.

Эта же тема использована имъ въ этюдѣ „Собака же ты!“

Въ „Моамбѣ“ помѣщенъ былъ рассказъ Арагвиспирели „Первая любовь“. Рассказъ, по обыкновенію, написанъ талантливо и отличается вѣрнымъ психологическимъ анализомъ чувствъ, переживаемыхъ героемъ. Герой Кирилль, отъ лица котораго ведется рассказъ, былъ въ дѣтствѣ влюбленъ въ Нуну дѣвочку сосѣда. Затѣмъ онъ потерялъ ее надолго (18 лѣтъ), случайно встрѣтилъ дочь своей прежней возлюбленной, вновь влюбляется, — влюбляется въ дочь, принимая ее ошибочно за мать. Романъ кончается благополучно герой женится на дочери. Содержаніе, — незатѣйливое, но рассказъ написанъ красиво и изящно. Къ сожалѣнію, авторъ не избѣгъ нѣкотораго недостатка — именно цинизма. Считаетъ онъ нужнымъ сообщить о томъ, что его герой страдалъ извѣстнымъ дѣтскимъ порокомъ.

По характеру своего творчества Арагвиспирели рѣзко отличается отъ всѣхъ своихъ предшественниковъ; нѣкоторымъ изъ нихъ онъ безусловно уступаетъ и по таланту, и по художественному воображенію и по внѣшней отдѣлкѣ произведеній. Грузинская художественная литература имѣла свое вліяніе на него, но это вліяніе выразилось исключительно въ любви Арагвиспирели къ прошлому Грузіи; — изъ иностранныхъ писателей на него больше всего повліялъ Гюи-де-Мопассанъ, которому Арагвиспирели подчасъ и подражаетъ, но это подражаніе обуславливается не моднымъ заимствованіемъ или увлеченіемъ, — корень его лежитъ глубже: у Арагвиспирели есть нѣкоторое родство души съ Мопассаномъ. Первый — законное дитя разочарованнаго вѣка. Одинокій, безъ вѣры, озирается онъ кругомъ, не находя нигдѣ утѣшенія. Отсюда вытекаетъ его грусть, его скорбь и меланхолія, которые обильно разлиты въ его

произведеніяхъ. Онъ съ жадностью обращается къ жизни, къ человѣку, къ природѣ и ищетъ у нихъ вѣры и спасенія, но одно только разочарованіе встрѣчаетъ его всюду. Онъ потерялъ вѣру во все и не ищетъ уже ея, отсюда его скептицизмъ, доходящій порой до злого осмѣянія самыхъ дорогихъ чувствъ человѣка. Онъ ищетъ и нигдѣ не находитъ доказательства того, что человѣкъ—вѣнецъ творенія; наоборотъ, природа насколько не отличаетъ человѣка отъ тварей, о судьбѣ его и участи природы столько же заботится, сколько о судьбѣ и счастіи любой ничтожной мышки. Поэтому человѣкъ въ произведеніяхъ Арагвиспирели является какимъ-то жалкимъ, ничтожнымъ созданиемъ, и авторъ всѣмъ своимъ существомъ жалѣетъ этого человѣка. Всматривается авторъ въ жизнь, въ человѣческія отношенія и не видитъ ничего, кромѣ эгоизма, лжи, лицемерія; вмѣсто того, чтобъ устроить свое счастье, люди сами являются причиной несчастій другъ друга. Поэтому рядомъ съ жалостью къ людямъ у него порой можно встрѣтить какую-то озлобленность противъ нихъ и иронію надъ человѣческой жизнью. Скептицизмъ Арагвиспирели доходитъ до того, что онъ не вѣритъ въ возможность лучшей жизни, не вѣритъ, чтобъ человѣкъ возвысился духовно и устроилъ общественную жизнь на началахъ справедливости, чтобъ онъ основалъ свои чувства на безкорыстной и возвышенной любви и преданности, изгнавъ изъ нихъ ложь, лицемеріе и грубый эгоизмъ. Скептицизмъ и пессимистическое настроеніе Арагвиспирели имѣютъ два источника: съ одной стороны философскій, съ другой общественный, иными словами, причину несчастій и ничтожества человѣка авторъ видитъ, во-первыхъ, въ самомъ устройствѣ вселенной и природѣ человѣка, во-вторыхъ—въ окружающей общественной жизни ¹⁾.

Образцомъ первой группы произведеній можетъ служить небольшой очеркъ *Э!..*, соприкасающійся съ аналогичнымъ сюжетомъ у кн. Р. Эристова и Н. Ломаури. „Какъ безумный бѣжитъ *Геге* изъ лѣсу прямо въ свой виноградникъ, будто своимъ присутствіемъ онъ спасетъ свое сокровище отъ разыгравшейся бури или укроетъ его полонъ своей изодранной черкески отъ тѣхъ большихъ градинъ, что больно ударяютъ въ лицо.

Реветь и стонетъ окрестность, рыданія, стоны, адскій смѣхъ—все смѣшалось. Ничего не слышитъ *Геге* и бѣжитъ, согнувшись и приподнявъ полы черкески, босой, въ дырявыхъ наколѣнникахъ, спотыкаясь на каждомъ шагу, бѣжитъ онъ и не чувствуетъ, какъ больно бьетъ ему въ лицо дождь и градъ, какъ пронизываетъ его холодный, рѣзкій вѣтеръ; онъ бѣжитъ, подгоняемый однимъ страстнымъ желаніемъ: во-время притти на помощь своему дѣтишу.

Но буря скоро стихла: природа успокоилась. Кругомъ было тихо, и теперь слышался только вѣжннй шелестъ листьевъ и равномерный звукъ отъ падающихъ съ деревьевъ дождевыхъ капель. Какъ разъ въ это время приближалъ *Геге* къ винограднику и, ухватившись за коль плетня, собирался уже перепрыгнуть по ту сторону забора;

¹⁾ Статья *Ив. Гомартели* въ „Нов. Обзорніи“.

но вдругъ, словно ослабѣвъ, безпомощно прислонился онъ къ забору. Опершись руками на плетень, съ пересохшимъ горломъ и лихорадочно-горящими глазами, смотрѣлъ онъ черезъ заборъ; ничего не сознавалъ, ничего не чувствовалъ, открывшаяся глазамъ картина сковала его мысли: все было побито и сломано; виноградныя лозы, листья, цѣлыя вѣтви—все лежало на землѣ, даже трава была кругомъ выбита. И только голыя жерди таркальника, какъ бы дразня бѣднягу назойливо лѣзли ему на глаза.

„Боже мой, Боже мой!“—шептали его поблѣднѣвшія губы, и ничего больше не могъ онъ произнести: все было сказано въ этомъ безпомощномъ крикѣ. Виноградникъ кормилъ его; Геге знать въ немъ каждую травку, каждый листикъ, все взростилъ онъ своими руками, надъ всѣмъ дрожалъ и всему радовался. А теперь? Старшина, пастухъ, садовникъ, чапары, приставъ, священники,—всѣ, кто получалъ маленькую долю съ этого виноградника, всѣ, какъ живые, вертѣлись передъ глазами несчастнаго Геге. Не побитый виноградникъ видитъ онъ передъ собой, а всѣхъ ихъ непримиримыхъ теперь враговъ, видитъ онъ ихъ сердитыя, безжалостныя лица, слышитъ ихъ брань, проклятія и даже чувствуетъ на себѣ удары ихъ нагаекъ.

— А вотъ его большая, голодная семья. Какими ужасными взглядами затравленныхъ звѣрьковъ встрѣтятъ его дѣти. Боже мой, Боже мой,—съ отчаяніемъ воскликнулъ несчастный и простеръ руки, какъ бы прося у Бога защиты...

А солнце весело, ласково улыбалось съ высокихъ небесъ, маленькія тучки, словно рѣзвясь, убѣгали одна за другой, оставляя за собой чистое, спокойное темно-синее небо. И бѣдному Геге также радостно улыбнулось солнце, но это еще больше огорчило его; онъ ждалъ сочувствія отъ неба, а небо надъ нимъ же смѣялось. Совершенно убитый, утомленный пережитымъ горемъ, Геге тамъ же упалъ около плетня.

А все кругомъ радостно улыбалось солнцу, все чувствовало на себѣ всеильныя чары возрожденія: дождевыя капли и неуспѣвшія еще растаять градины переливались на солнцѣ тысячами огней. Съ отлогихъ холмовъ бѣжали ручьи и пѣли свою немолчную пѣсню. Природа радовалась такъ, какъ будто никому не принесла вреда.

— Э!... только и могъ сказать Геге, махнувъ рукой при видѣ этой величественной картины.

Что означало это „э“?... Если бы вы спросили его, онъ самъ бы не могъ этого объяснить вамъ. Убитый, уничтоженный вскочилъ онъ и бѣгомъ пустился отъ своего разореннаго виноградника“.

Интимныя проявленія души онъ анализируетъ въ эту дѣ „Счастье только тогда позналъ“, т. е. послѣ разрыва съ жизнью и отреченія отъ нея.

Вторая большая группа произведеній характеризуетъ его взглядъ на общественныя отношенія.

Авторъ особенно разочарованъ въ женщинахъ, на которыхъ онъ часто нападаетъ несправедливо. Женщину онъ рисуетъ à la Мопассанъ

чувственнымъ существомъ, безотчетно отдающимся во власть животнаго инстинкта. Напрасно вы станете искать у женщинъ въ произведеніяхъ Арагвиспирели искренней и возвышенной любви. Въ этюдѣ „Ты значить ребенокъ“ герой Арчилъ не видитъ ничего безнравственнаго въ томъ, что онъ любилъ жену друга вопреки мнѣнію Элизбара, усматривающаго въ этомъ нарушеніе моральныхъ принциповъ. Арагвиспирели интересуется не цѣлою жизнью, не полной психологіей дѣйствующихъ лицъ, а только отрывкомъ изъ жизни, моментомъ изъ психологіи; но авторъ въ общемъ умѣетъ выбрать такіе отрывки и моменты, которые даютъ полную характеристику человѣка и раскрываютъ его душевное состояніе и нравственную фізіономію. Иногда онъ страдаетъ тенденціозностью, подъ влияніемъ которой модифицируетъ дѣйствительность. Арагвиспирели въ послѣднее время старается видѣть въ жизни не то, что тамъ происходитъ, а то, что ему подсказываетъ его собственный вкусъ Темы для своихъ произведеній онъ беретъ всегда простыя дѣйствующими лицами у него являются 2—3 человѣка, запутанныхъ, сложныхъ сюжетовъ онъ не любитъ, оттого его этюды бывають большей частью коротки. Героевъ онъ ставитъ „по ту сторону добра“, совѣсти и предразсудковъ, созданныхъ „глупостью всѣхъ вѣковъ“.

Первый томикъ произведеній Арагвиспирели состоитъ изъ 11 рассказовъ и этюдовъ, написанныхъ авторомъ между 90—92 годами ¹⁾. Въ этихъ рассказахъ чувствуется пока еще неопытный, несмѣлый и неустойчивый талантъ, но уже съ задатками тѣхъ особенностей творчества, которыя развились впоследствии. Съ перваго же рассказа авторъ знакомитъ читателя со своимъ меланхолически-скептическимъ настроеніемъ, но въ этихъ первыхъ рассказахъ нѣтъ пока того разочарованія въ человѣкѣ, того подкапыванія подъ чувства любви и счастья, что встрѣчаются въ послѣдующихъ произведеніяхъ. Темы этихъ раннихъ рассказовъ разнообразны, но въ нихъ красной чертой проходитъ одна и таже мысль, на которую наводятъ автора разныя картины, выхваченныя изъ жизни: это суета человѣческихъ стремленій и отсутствіе счастья.

Въ рассказѣ „Вотъ наша жизнь“! здоровый, веселый и жизнерадостный аробщикъ Симно продалъ въ городѣ дрова, на вырученныя деньги накупилъ разныхъ вещей для домашнихъ и теперь вмѣстѣ со своими односельчанами возвращается домой, заранѣе предвкушая ту всеобщую радость и веселье, съ какими его встрѣтятъ дома завтра—въ день Нового года. Благодаря несчастному случаю, Симно, избитый нагайками чапаровъ, умираетъ въ корогѣ.

„Аробщики окружили трупъ товарища и, въ тоскливомъ, сумрачномъ раздумьѣ, безмолвно, не проронивши слова, долго не могли оторвать съ него глазъ.“

„Лома и Никора (быки его), словно тоже чуя несчастье, которое стряслось надъ ихъ хозяиномъ, повернувъ шею, печально устремили влажные глаза на Симно. Они, прервавъ жвачку, вмѣсто вздоховъ, тяжело отдуваются время отъ времени“.

¹⁾ Вышелъ въ Тифлисѣ (1900 г.).

„Пораженные неожиданнымъ несчастіемъ, товарищи Симно невольно восклицаютъ: „Неужели же въ самомъ дѣлѣ жизнь человѣческая такъ глупа и ничтожна“? У автора въ этомъ первомъ разсказѣ кратко, но превосходно обрисовано безучастное отношеніе природы къ человѣческому горю и несчастію. Молодая жизнь угасла; между тѣмъ луна совершенно безучастно смотритъ сверху на все это, какъ будто не видитъ никакой разницы между человѣкомъ и мошкой.

„А безмятежная луна равнодушно и безстрастно глядитъ съ вышины и точно говоритъ: „О, жалкій, жалкій людъ!.. Чего вы понурили головы и приняли такой плаксивый видъ! Стоить-ли изъ-за одной былинки омрачать себя и убиваться горемъ... Что-же, въ такомъ случаѣ, дѣлать мнѣ, когда отъ несправедливо загубленныхъ на моихъ глазахъ миллионъ народу образуются цѣлые океаны крови, когда цѣлые народы стонуть? О, жалкій, жалкій людъ!...“

Луна вслѣдъ затѣмъ скрылась за облачко, щуря глаза и какъ-бы давая знать аробщикамъ, что полно, мошь, горевать...

— Вотъ наша жизнь!—воскликнулъ одинъ изъ нихъ послѣ долгаго молчанія и грустно покачалъ головой. Нѣсколько горячихъ, какъ пуля, слезинокъ капнуло на обледенѣлое лицо мертвеца.

Въ эту дѣ „Адаміани“ авторъ выводитъ молодого студента. Онъ бросилъ родину, бѣдныхъ родителей, чтобы вооружиться знаніемъ и потомъ утѣшить подъ старость отца и мать и принести посильную пользу родинѣ; но болѣзнь уноситъ въ могилу всѣ эти стремленія вмѣстѣ съ юнымъ идеалистомъ. Передъ смертью Тедо старается разрѣшить смыслъ жизни, цѣль человѣческаго существованія; онъ не хочетъ примириться съ мыслью, что жизнь не имѣетъ никакого смысла, что цѣль человѣческаго существованія только жизнь, а больше ничего,—но онъ такъ и умираетъ, не разрѣшивши себѣ этихъ вопросовъ. „Если мнѣ суждено было умереть, не оставивъ въ жизни никакого слѣда, для чего же я рождался, какую цѣль преслѣдовала природа, создавая меня? Неужели же я для того только родился и жилъ, чтобы только жить, только существовать?“ Такія мысли не даютъ покоя умирающему.

Арагвиспирели останавливается главнымъ образомъ на двухъ темахъ: съ одной стороны, онъ указываетъ читателю на нѣкоторыя темныя стороны современной жизни, съ другой—онъ старается понять, объяснить себѣ цѣль жизни, назначеніе человѣка. Современный буржуазный строй основанъ на несправедливости и личномъ эгоизмѣ. Люди—жалкіе трусы и эгоисты. Мы боремся словами противъ несправедливостей, пока эти несправедливости насъ самихъ давятъ. Даже словомъ перестаемъ, боремся обрѣтши счастье и цѣль жизни. На это и указываетъ Арагвиспирели въ одномъ своемъ этюдѣ. „Было время, когда Соломонъ Берикашвили мечталъ на университетской скамьѣ до конца дней своихъ бороться со зломъ, но теперь лучшую сторону своей духовной природы онъ размѣнялъ на чиновническій мундиръ и мечтаетъ уже не о борьбѣ со зломъ, а о томъ, какъ бы хорошо было, если бы ожили всѣ три

женщины, которыя представлены въ страстной позѣ на рисункѣ“. Будить совѣсть въ человѣкѣ, указывать ему, что полнота личнаго счастья не есть идеаль человѣческой жизни, обращать его вниманіе на несовершенство жизни и этимъ самымъ пробуждать въ немъ активность, стремленіе впередъ—это великое назначеніе всякой литературной дѣятельности, и этимъ достоинствомъ обладаютъ нѣкоторыя изъ повѣстей Арагвиспирели, которыя вошли въ составъ перваго тома. Онъ не можетъ примириться съ мыслью, что цѣлью жизни было только физическое существованіе¹⁾. Скептицизмъ и безуспѣшное исканіе смысла жизни привели автора къ окончательному пессимизму. Онъ сталъ пѣвцомъ „хмурыхъ“ людей не безъ вліянія русскаго беллетриста А. П. Чехова.

III. Арагвиспирели, обладая тонкимъ поэтическимъ чувствомъ, мастерски рисуетъ кавказскую природу. Его манера, какъ пейзажиста, отражаетъ вліяніе А. Казбека, онъ художественнымъ инстинктомъ понимаетъ красоты Грузія и набрасываетъ такіе чудные пейзажи, что живописцу остается перенести ихъ на полотно со всѣми тщательно обдуманнми деталями. Онъ одухотворяетъ природу, которая равнодушно взираетъ на людскія страданія. Почти ни одинъ этюдъ не обходился безъ участія мертвой и воодушевленной природы, то равнодушно взирающей на людскія тревоги, то переживающей аналогичныя волненія. Вспомнимъ новеллы „За что ты меня изводишь“, сцену соотношеній между Тиною и Лео съ одной стороны и воробушками съ другой. Человѣкъ, по его мнѣнію, въ мірѣ странникъ, безсиленъ въ сравненіи съ природой. Взаимодѣйствіе двухъ силъ мірозданія—человѣка и природы даетъ роскошную картину для художественныхъ узоровъ. Въ очеркѣ „Цари природы“ Арагвиспирели преслѣдуетъ цѣль представить безучастное отношеніе къ человѣческимъ горестямъ окружающей природы, живущей по своей прихоти и законамъ. Уже въ первомъ этюдѣ „Мой Швинда“ пластическій талантъ автора проявляется во всей силѣ.

„При видѣ утренняго свѣта, блѣдная ночь съ трепетомъ ожидала неминуемое пораженіе. Она вздыхала, дрожала и безнадежно боролась съ утреннимъ разсвѣтомъ. Въ отчаяніи обратилась она за помощью къ звѣздамъ, но онѣ куда-то исчезли, до нихъ не доносились предсмертныя вздохи поблѣднѣвшей ночи. Гдѣ-то далеко, далеко, на горизонтѣ показалась одна звѣздочка, выглянула на секунду, но завидя зарю, поникла головой и исчезла. Птицы встрѣчали разсвѣтъ криками; „ваша! ваша!“ (браво!). Жаворонокъ востропнулся и поднялся высоко, высоко встрѣчать возлюбленную зарю. Молодая, свѣжая травка, пригнутая къ землѣ ночью тьмой, выпрямилась и съ улыбкой взглянула на востокъ, откуда еще блѣдный разсвѣтъ любовно ласкалъ ее съ высоты. А вотъ, только что распутившаяся, свѣжая, какъ майское утро, алая роза стыдливо и кокетливо смотритъ на разсвѣтъ и какъ будто не слышитъ печальныхъ трелей соловья, который съ отчаяньемъ безнадежно влюбленнаго напѣваетъ

¹⁾ Осмѣяніе праздної жизни, проникнутой суевѣріемъ см. въ этюдъ „Живемъ“ (Квали, 1898 г.)

ей свои чудныя пѣсни. Бѣдная роза очарована дивными звуками его ласковой трели, но она такъ скромна, стыдлива, что не осмѣливается отвѣчать ему взаимностью, хотя вся заалѣла отъ сладкаго, пріятнаго волненія... Влюбленный соловей не замѣчаетъ этого, онъ пораженъ только чудной красотой своей возлюбленной и еще отчаяннѣе раздаются его печальныя трели, какъ будто вмѣстѣ съ ними онъ хочетъ вырвать у себя, очарованное розой, маленькое сердце и повергнуть его у ея ногъ, чтобы хотя этимъ вызвать ея взаимность.

„Послѣдній разъ пропѣли птицы свой встрѣчный гимнъ утренней зарѣ и съ веселымъ щебетаніемъ разлетѣлись ловить мелкихъ букашекъ. Вотъ и пѣтушокъ осторожно слетѣлъ съ шеста и сталъ разрывать сорную кучу, громко сзывая курочекъ и цыплятъ, которые не замедлили присоединиться къ нему. Встала и мать Сосо. Наскоро подмела она хату и прибавила соръ въ кучѣ, чѣмъ несказанно обрадовала пѣтушка и его многочисленную семью.

„Маленькій Сосо еще спалъ утреннимъ, пріятнымъ сномъ. Подошла къ нему мать, хотѣла разбудить его, но увидя, какъ онъ сладко спитъ, пожалѣла, отошла отъ него, взяла дойникъ и выпустила изъ хлѣва теленка. Теленокъ радостно заблеялъ и побѣжалъ къ матери, которая, ласково мыча, облизывала его. Теленокъ съ жадностью набросился на соски. — Ну, пока довольно, голубчикъ,—сказала она и привязала его къ дереву, а сама принялась доить корову. Послышалось журчанье теплаго молока. У теленка еще больше разыгрался аппетитъ, и онъ сталъ рваться къ матери, сисясь разорвать веревку.

„Стемнѣло. Небо заволокло черными, зловѣщими тучами, которыя все тѣснѣе собирались въ кучу, грозно озирая землю. То на одномъ, то на другомъ концѣ горизонта иногда змѣей извивалась молнія, на мгновенье освѣщая землю, какъ будто небо хотѣло осмотрѣть мѣстность. Земля дрожала подъ грозными тучами, ожидая чего-то страшнаго, ужаснаго. Кругомъ ни звука. Даже птицы, которыя съ веселымъ щебетаньемъ встрѣчали утреннюю зарю, теперь пріумолкли и гдѣ-то укрылись. Нѣкоторыя изъ нихъ пріискали покрытыя частыми листьями вѣтви и пріютились въ нихъ, чтобы избѣжать тѣхъ бѣдствій, которыми грозило имъ разгнѣванное небо. А вотъ и воробьи, усѣвшись въ рядъ на нижнихъ вѣткахъ кустарника, о чемъ-то перешептываются между собою. Тамъ-же, подъ кустомъ, притаился, настороживъ уши, сѣрый зайчикъ и пугливо оглядывается вокругъ при малѣйшемъ шорохѣ. Тамъ хитрый сизый голубь запрятался въ дупло большого дуба и не пускаетъ къ себѣ бѣдную горлицу, которая присѣла около дупла. Животныя нашли себѣ убѣжища и тамъ ожидаютъ небеснаго гнѣва. Даже волкъ, этотъ ночной бродяга, и тотъ залѣзъ въ свою нору и выглядываетъ изъ нея хищными, искристыми глазами.

„Только одно существо въ цѣлой рошѣ не боится грозы. Это маленький Сосо, который обошелъ оба берега рѣчки, но не наткнулся на слѣдъ своего Швинды ¹⁾. И вотъ теперь онъ въ самой серединѣ роши

¹⁾ Швинда, прозвище быка.

безнадежнымъ голосомъ въ тысячный разъ зоветъ: „Швинда, мой Швинда!.. Пшвие...е...е, Швинда!...“

Деревья какъ-то жалобно скрипѣли, зашумѣли листья. Вѣтеръ съ шумомъ перебѣгалъ съ одного дерева на другое. Еще немного, и полилъ дождь съ крупнымъ градомъ. Завываніе вѣтра, трескъ деревьевъ, оглушительный шумъ града: все это, сливаясь въ одно, производило какой-то неопредѣленный и страшный ревъ. Сосо укрылся подь однимъ деревомъ. Вдругъ до него донесся гулъ большого колокола. Это звонили испуганные грозой и градомъ сельчане. Вскорѣ за этимъ гуломъ послышался неясный звонъ маленькихъ колоколовъ. Сосо снялъ шапку, перекрестился и произнесъ: „Господи помоги мнѣ!“ Затѣмъ онъ глубоко вздохнулъ и вскричалъ съ чувствомъ безпредѣльной, невыразимой тоски: „Горе мнѣ, о Швинда мой, Швинда!!!“.

Зловѣщее небо успокоилось. Тучи прорвались звѣзды выглянули изъ-за чернаго покрова и ярко заблестѣли. Еще минута, и небо успокоилось очистилось. Кое-гдѣ виднѣлись маленькія тучки, убѣгавшія куда-то вдаль отъ восходящаго ночного свѣтила, которое медленно выплыло на небо и блѣднымъ свѣтомъ озарило землю. Печальную картину представляла тогда мокрая роща, въ которой шлепалъ, промокшій до костей и дрожа отъ холода, маленькій Сосо. Ни на одномъ деревѣ не уцѣлѣли листья и молодыя вѣтви. Все сравнялось съ землей. Кто знаетъ, сколько бѣдненькихъ птичекъ и мелкихъ животныхъ, не успѣвшихъ укрыться, погубилъ градъ, размноживъ имъ головки! Ихъ маленькія тѣльца похороны подь кучами осыпавшихся листьевъ. Вонъ бѣдненькая голубка съ расшибленною головой и поломанными крыльями валяется на листьяхъ. Сосо поднялъ ее. Она навела его на еще болѣе мрачныя мысли: „можетъ быть и мой Швинда также лежитъ теперь, съ пробитой головой и волки радуются находкѣ“, подумалъ Сосо и залился слезами. Съ такими печальными думами прошелъ Сосо густую рощу и добреть до другой стороны. Бѣдняжка остановился здѣсь и въ послѣдній разъ оглянулся. Нѣсколько секундъ онъ стоялъ молча и печально смотрѣлъ на рощу. „Неужели я больше не увижу своего Швинду?“ думалъ онъ.

—Швинда, Швинда!... Пшвие...е...е, Швинда!.. вдругъ закричать онъ съ такимъ безпомощнымъ и горькимъ отчаяніемъ, что, казалось, и бездушныя деревья поняли-бы его безграничную печаль.

—Мму...у...Мму...у...у! послышалось въ отвѣтъ мычаніе и неясный шорохъ. Изъ рощи показался откормленный, круглый быкъ кизиловаго цвѣта—Швинда!.. Сосо бросился къ быку и, обнимая его шею, со слезами на глазахъ цѣловалъ его. Быкъ ласково мычалъ, лизалъ заплаканное и сіяющее отъ радости личико своего маленькаго хозяина“.

Перенесеніе мыслей и чувствъ изъ міра человѣческаго въ міръ другихъ тварей заключаетъ этуодъ „Бабочка“, погибающая изъ-за жажды къ источнику свѣта и тепла.

— «Придвинься ближе ко мнѣ, развѣ тебѣ не холодно?! А я вся дрожу отъ холода, вотъ вотъ околѣю и не стану жить....,—такъ просила маленькая бѣлая бабочка у пестрой бабочки, сидѣвшей рядомъ съ ней на пожелтѣвшемъ листѣ. Сама она уже не имѣла силъ придвинуться къ своему другу. А мелкій частый дождичекъ настойчиво падалъ на нихъ, и рѣзкій, холодный вѣтеръ охватывалъ ихъ со всѣхъ сторонъ.

— Ты меня совсѣмъ не жалѣешь, со вздохомъ сказала бѣлая бабочка, слегка коснувшись своими крылышками пестрой бабочки.

— Жалѣю, но что мнѣ дѣлать, когда я сама въ такомъ же положеніи, —горячо отвѣтила та и прикрыла свою подругу однимъ крыломъ.

— Ахъ, какъ мнѣ хорошо теперь, какъ я тебѣ благодарна! Эхъ, да какъ-же я была глупа, что повѣрила имъ,—со вздохомъ произнесла послѣ минутнаго молчанія бѣлая бабочка.

— Ну, скажи, наконецъ, въ чемъ-же дѣло.

Когда я впервые открыла глаза,—начала бѣлая бабочка,—и увидѣла міръ Божій, я опьянѣла отъ восторга. Передъ моими глазами разстилалось поле, покрытое милліонами цвѣтовъ; среди него, журча, протекалъ чистый ручеекъ, все кругомъ дышало такой удивительной прелестью и свѣжестью, что казалось, будто всѣ впервые видятъ свѣтъ и такъ же, какъ и я, наслаждаются солнечными лучами. Въ чашечкахъ цвѣтовъ блестѣли слезы, сверкая и переливаясь на солнцѣ тысячами огней. Все было полно радостью и счастьемъ жизни....

«.... Ахъ, какъ хорошо!»—невольно воскликнула я и, сама не знаю почему, начала порхать. Я перелетала съ цвѣтка на другой, кружилась и порхала до самой ночи. Мнѣ было больно, когда стемнѣло и я не могла уже продолжать веселиться. Но настало утро, и я вновь начала порхать. Такъ шла жизнь моя безъ горя и заботъ.

«Однажды ночью.... Придвинься еще немного ближе, вотъ такъ. Какая холодная ночь!.. Такъ однажды, говорю я, только-что я устроилась на ночлегъ въ чашечкѣ цвѣтка, какъ вдругъ предо мной блеснулъ какой-то свѣтъ, и я, не раздумывая, тотчасъ-же полетѣла на него. И что-же я увидѣла? Сидятъ кругомъ стола, знаешь, тѣ, которые бродятъ по полямъ и ловятъ насъ, только не такіе маленькіе, а большіе... я забыла, какъ они называются...—Люди, подсказываетъ пестрая бабочка.

— Да, вотъ эти самые, сидятъ и что-то вѣдятъ.... передъ ними стоять что-то бѣлое, а надъ ними сверкаетъ огненный язычекъ. Ахъ, какъ прекрасенъ былъ этотъ огонь, онъ бросалъ кругомъ чудный блѣдный свѣтъ. Я немного приостановилась, затѣмъ покружилась около огня... почувствовавъ его близость, коснулась крылышкомъ и... ахъ, какое это было блаженство!... Правда, мнѣ было больно, но вмѣстѣ съ тѣмъ неизъяснимо пріятно.... Только, странное дѣло, я такъ ослабѣла, что не могла уже больше летать, опустилась внизъ и стала ползать.

«Какія глупыя эти насѣкомыя, сами лѣзутъ на смерть»,—произнесло одно изъ этихъ противныхъ существъ, сидѣвшихъ за столомъ.

„Мнѣ было очень неприятно слышать это. „Глупыя насѣкомыя!“—вертѣлось у меня въ головѣ, и я почувствовала страшное униженіе, собрала послѣднія силы и гордо полетѣла передъ ихъ носомъ, крикнувъ: „Я вамъ докажу, что бабочки не глупы!“...

Но съ тѣхъ поръ все измѣнилось: я бросила всѣ удовольствія. „Люди умны,—разсуждала я,—ихъ зовутъ царями природы, и если они находятъ, что мы поступаемъ глупо, летя на вѣрную смерть, то, очевидно, жизнь сама по себѣ имѣетъ большую цѣну“. И всегда, когда я замѣчала что-нибудь пріятное, тянувшее и привлекавшее меня, я улетала прочь и отняла отъ себя всякую радость. Ну, что-же, я сохранила жизнь—и для чего, для этой ужасной ночи? Теперь я умираю, но уже умираю въ мукахъ и страданіяхъ. Я думаю, что именно это глупо... О, хоть-бы пережить мнѣ эту холодную ночь. тогда.. тогда... Ахъ, я кочевью“,—вдругъ прервала свои мечтанія бѣлая бабочка и умолкла.

„Долго ждала пестрая бабочка продолженія разсказа своей подруги; ей очень хотѣлось знать, что сдѣлаетъ та, если переживетъ эту ночь, но ничего не дождалась. Она слегка тронула крылышкомъ бѣлую бабочку, и та упала мертвая внизъ.

—Не пережила, бѣдняжка,—грустно произнесла пестрая бабочка“.

Поэтическими красками дышитъ элегическій разсказъ *Она все потеряла*.

„На зеленѣющемъ пригоркѣ, покрытомъ роскошнымъ ковромъ цвѣтовъ, сидѣла молодая горская дѣвушка. Она съ восторгомъ смотрѣла на цвѣты, которые въ этотъ вечерній часъ ласково склонялись другъ къ другу и, казалось, шептали что-то нѣжное и любовное.

„Надъ ними летала пара влюбленныхъ бабочекъ, какъ будто совѣщавшихся о томъ, куда бы имъ сѣсть. Онѣ выбирали цвѣтокъ, который бы гостепріимно открылъ имъ свои объятія, и садились то на одинъ кустъ, то на другой и, вполне довольныя гостепріимствомъ, улетали и снова садились на другіе цвѣты. Дѣвушка съ интересомъ смотрѣла на цвѣты и на бабочекъ, и на ея губахъ играла мечтательная улыбка. Два года назадъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, дѣвушка послѣдовала примѣру этихъ цвѣтовъ. вмѣстѣ съ своимъ ароматомъ цвѣты ей передали искру любви, которая въ ея сердцѣ вспыхнула яркимъ пламенемъ.

„Дитя природы взяло примѣръ съ природы и, когда онъ и она сидѣли на этомъ мѣстѣ, и оба въ глубокомъ молчаніи слушали любовный шопотъ цвѣтовъ, она, помимо своей воли, склонилась къ нему головой и дрожащими устами прильнула къ его губамъ. Какая сила толкнула ихъ другъ къ другу—они не знали да и не хотѣли знать. Долго сидѣли они, обнявшись, очнувшись же, поклялись другъ другу въ вѣчной любви.

„Глянула дѣвушка на цвѣты и снова переживала все прошлое. У нея и сейчасъ быстро билось сердце, хотѣлось и сейчасъ прильнуть къ нему, но, увы,—онъ былъ далеко! Ихъ разлучили тогда-же, два года назадъ. Его взяли въ солдаты, и съ тѣхъ поръ они другъ друга не

видѣли“. Теперь ей передаетъ солдатъ Баарамъ, что ея „Нинія, ѣсть-пѣть хорошо, кутить съ женщинами“ Ей не вѣрится, что Нинія измѣнилъ. Печальная сцена убѣждаетъ ее, что счастье еяна вѣки разрушено.

„Стегнѣло. Пастухи давно уже пригнали скоть и заснули.

„Только въ одной землянкѣ бодрствовали три женщины: жена скотовладѣльца, ея незамужняя дочь и невѣстка. Они всегда сопровождали стада въ горы, чтобы тутъ же готовить сыръ, и возвращались домой осенью. Кругомъ все было спокойно. Лишь изрѣдка лѣниво лаяли собаки, да издалека доносился шумъ водопада. Изъ-за горъ поднялась луна и тихо, какъ бы жалѣя разстаться съ природой, снова скрылась. На небѣ ярко зажглись звѣзды.

„Въ это время съ вершины скалы раздались чудные звуки свирѣли, сначала низкіе и нерѣшительные, потомъ звучные и восторженные, какъ сердце горца. По окрестности разнеслась дивная пѣснь и, сливаясь съ шумомъ водопада, какъ бы рассказывала какую-то невѣдомую сказку.

— Охъ, Ѳедоръ, хоть бы ты замолчалъ, не томилъ меня!—по временамъ вскрикивала дѣвушка въ землянкѣ, вся превратившаяся въ слухъ. У нея горѣла голова и блестяли глаза. Слезы подступали къ горлу, но глаза были сухи. А свирѣль Ѳедора заливалась все жалобнѣе и жалобнѣе и, наконецъ, превратилась въ какой-то стонъ.

„Но чей-то голосъ надоѣдливо шепталъ ей: „Нинія тебя обманываетъ“. Это пѣла ей свирѣль, а водопадъ, падая, говорилъ: „Да, ты несчастна! да, ты несчастна! Дѣвушкѣ невыносимо было слушать эти таинственные голоса; она вскочила, какъ безумная.

— Я должна его видѣть! Иду сейчасъ!—громко вскричала она.

„На окраинѣ города Душета, возлѣ шоссеиной дороги стоитъ двухъ-этажный домъ, въ которомъ помѣщаются духанъ и постоялый дворъ. Этотъ духанъ всегда полонъ народа, такъ какъ никто изъ ѣдущихъ въ Тифлисъ и Владикавказъ не могутъ миновать его. Особенно много здѣсь останавливается на ночлегъ бѣднаго люда. Часто сюда приходитъ кутить и душетская молодежь. Былъ воскресный вечеръ. Нѣсколько нагруженныхъ фургоновъ въѣхали на постоялый дворъ. Изъ нихъ тотчасъ-же повысыпали разныхъ возрастовъ женщины. Однѣ изъ нихъ поднялись въ верхній этажъ, другія вошли въ духанъ.

Фургончики выпрягли лошадей и отправились туда-же заказывать себѣ ужинъ. Скоро на столахъ появилась ѣда, и гости начали усаживаться. Подошли и другіе фургоны, и вслѣдъ за ними явились и душетскіе кутилы. Начался кутежъ. Внизу, во дворѣ, устроились за столомъ три солдата Изрядно уже выпивъ, одинъ изъ нихъ всталъ и началъ звать женщинъ, стоявшихъ наверху, на балконѣ. Съ шутками и смѣхомъ они опустошали бутылку за бутылкой. Женщины до того напились, что сами не понимали, что говорили. Онѣ ругали своихъ собутыльниковъ: Нинія, Нико и Барама. Вскорѣ солдаты затагнули пѣсню. За ними стали пѣть и женщины. „Что ты дѣлаешь, безсовѣстный!“!..—вдругъ вскричалъ только что вошедшій во дворъ маленькаго роста горецъ, бросаясь съ

кинжаломъ на Ниніа, который въ это время обнималъ одну изъ женщинъ. Но поднятую руку горца удержалъ Барамъ. Ниніа подошелъ къ нему и, схвативъ за руку, спросилъ: „Ты что это хотѣлъ сдѣлать?“

— Руки прочь, ступай, цѣлуй вонъ ту,—гордо отвѣтилъ горецъ.

Пока Ниніа говорилъ съ пришедшимъ, Нико и Барамъ опять подѣли къ женщинамъ и затанули пѣсню.

— Безсовѣстный,—проговорилъ опять горецъ и отвернулся.

— Послушай,—обратился къ нему Ниніа,—я горецъ и не спущу тебѣ обиды..

— Горецъ?!—насмѣшливо произнесъ юноша,—нѣтъ, неправда, горецъ никогда такъ не поступить, какъ ты.

— Молчи, а то сейчасъ голову сниму!—закричалъ Ниніа, выхватывая кинжалъ. Вдругъ молодой горецъ обернулся и тихо прошепталъ:

— Убей меня, ради Бога, Ниніа, нѣтъ силъ больше жить.

„Ниніа отшатнулся, голосъ показался ему страшно знакомымъ, и онъ съ удивленіемъ спросилъ: „Кто ты? Откуда ты меня знаешь?“

— Я твоя Маро. — „Ты, Маро!“ — кинулся къ ней Ниніа, но Маро оттолкнула его. „Нѣтъ, я не твоя уже, ступай вотъ къ той“, — сказала она, показавъ на женщину, и кинулась вонъ со двора. Ниніа стоялъ, какъ окаменѣлый. Онъ не понималъ, на яву все это происходитъ или во снѣ. А дѣвушка пошла впередъ, не разбирая дороги. Она шла такъ быстро, будто боялась погони, боялась, чтобы не догналъ ее Ниніа. Долго шла она, наконецъ, очутилась на скалѣ, у подножія которой бушевала Арагва. Здѣсь она остановилась, посмотрѣла внизъ на рѣку, и дрожь пробѣжала по ея тѣлу. „Куда мнѣ бѣжать! Для чего жить?“—вскрикнула она, рыдая. Рыданія ея вскорѣ превратились въ громкій плачь, которому снизу шумно вторила Арагва. „Ниніа,—рыдала дѣвушка,—для чего ты взялъ грѣхъ на душу? Зачѣмъ загубилъ меня? Господи, спаси его, верни къ жизни... А я уже все потеряла... все потеряла...,—съ безумной тоской повторяла она. А внизу ей раскрывала свои объятія Арагва... Съ крикомъ тоски и ужаса кинулась въ нее дѣвушка,—и съ громкимъ смѣхомъ сомкнулись надъ ней волны“.

Арагвиспирели во всемъ прекрасномъ и чистомъ ищеть дозу уродливаго и мутнаго, отравляющаго всю прелесть и привлекательность любви, дружбы, завѣтныхъ стремленій. Пессимизмъ и душевныя муки изъ-за неосуществимости лелѣемаго идеала составляютъ заключительный аккордъ каждаго его этюда. Онъ свой субъективный пессимизмъ пытается представить въ объективно нарисованной картинѣ. Пессимизмъ и оптимизмъ, по его мнѣнію, носятъ только въ сердцѣ и умѣ человѣка, но не въ окружающей насъ реальности. Онъ выхватываетъ одинъ эпизодъ изъ жизни для иллюстраціи своей мысли, нигдѣ не допуская резонерства. Этотъ безнадежный пессимистъ уклоняется давать типы людей, характеризовать героевъ,—онъ имѣеть въ виду иллюстрировать какую-либо сторону жизни или идею. Подъ личиною дружбы прикрывается измѣна, свѣтлое чувство любви лишь миражъ, рассыпающійся

въ прахъ предъ неустойчивой силою животныхъ инстинктовъ, привязанность къ родинѣ легко уступаетъ свои права жаднѣ личнаго счастья. Нѣтъ, по мнѣнію автора, въ мірѣ безкорыстныхъ и благородныхъ порывовъ дружескихъ узъ, — предательство и пошлость царять въ мірѣ безраздѣльно, торжествуя побѣду надъ мечтой и иллюзіями о красотѣ души. Міръ полонъ страданій и тщетныхъ поисковъ за счастьемъ и успокоеніемъ.

Въ 1900 г. въ *Цнобисъ-Пурцели* (№ 1338) онъ помѣстилъ „Рождественскую фантазію“. На крыльяхъ чуднаго существа онъ взлетѣлъ на небо, гдѣ слышитъ пѣніе ангеловъ: „Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе“. Но водворенію мира препятствуетъ людская злоба и ненависть. Ему показываетъ спутница ужасную сцену страданія первой христіанки въ Римѣ, избіеніе младенцевъ Тимуромъ въ Грузіи, даже разрушеніе англичаниномъ Китченеромъ города буровъ. И на вопросъ его: неужели „благоволеніе въ человѣцѣхъ“ не наступитъ, спутница только покачала головой и спустила его на землю.

Значительная часть его этюдовъ и новеллъ можетъ быть снабжена эпиграфомъ изъ стихотворенія Надсона:

Жизнь только издали нарядна и красива
 И только издали влечетъ къ себѣ она.
 Но чуть взглядишься ты, чуть встанетъ предъ тобою
 Она лицомъ къ лицу, — и ты поймешь обманъ
 Ея величія — подъ ветхой мишурою,
 И красоты ея — подъ маскою румянъ.

Эти слова могутъ быть иллюстрированы еще его повѣстью „Гіюль“ (1900 г.) и двумя рассказами „Моя родина — мое сердце“ и „Непостижимо! странно!“. Въ первомъ этюдѣ онъ проводитъ параллель между интеллигентной грузинкой и полькой. Въ случаѣ коллизій чувствъ любви къ мужчине и любви къ родинѣ, грузинка разрѣшаетъ положеніе по принципу „родина для меня это мое сердце“, полька же по обратному принципу: „мое сердце — это моя родина“. Развѣнчивается имъ чистая любовь съ пробужденіемъ въ глазахъ возлюбленной физиологической страсти. Прочитать во взорѣ Маро красавицы животный инстинктъ было достаточно для возвышенно настроеннаго юноши, чтобы исчезли его восторгъ и упованіе отъ созерцанія предъ тѣмъ воображаемаго небеснымъ эирнымъ существомъ безплотнаго образа женщины. Онъ возненавидѣлъ ее за разрушеніе свѣтлаго міража, проникся презрѣніемъ къ ея животной натурѣ ¹⁾, забывающей родину изъ-за низкой страсти.

Этюдъ „Земля“ образно рисуется безпредѣльную любовь горца къ своей родинѣ. Горецъ Бера по этапу отправленъ въ Сибирь. По дорогѣ въ Анауръ онъ, не рассчитывая болѣе вернуться на родину, захватилъ горсть земли, завязавъ ее въ платокъ съ тою цѣлью, чтобы на чужбинѣ предъ смертью посыпать себѣ грудь роднымъ прахомъ. Начальникъ,

¹⁾ См. статью К. Абашидзе въ *Цнобисъ-Пурцели*, № 1557.

сопровожающій ссыльныхъ, требуетъ выбросить таинственный узелокъ. Бера отказывается и его подвергаютъ наказанію розгами. Во время нанесенія побоевъ изъ его рукъ вырываетъ злополучный платокъ товарищъ Георгій и разсыпаетъ землю. Когда онъ приходитъ въ себя и спрашиваетъ о судьбѣ платка, то Георгій ему отвѣчаетъ, что земля у него на груди.

Не такова патріотическая привязанность женщины, какъ видно изъ любви грузинки къ поляку Зису въ этюдѣ „Мое сердце—моя родина“.

Въ 1902 г. этюдъ Арагвиспирели „Антонъ Зурабичъ“ не удовлетворилъ никого, благодаря своей безсодержательности. Точно такое-же впечатлѣніе незаконченности производитъ разсказъ „Маріамъ и Хатаури“. Лучшимъ является народное сказаніе „Курцхалия и образъ“, въ которомъ характеризуется мингрелецъ. Народный анекдотъ использованъ въ разсказѣ „Воръ вина“! Воры, пробравшіеся въ подвалъ, устраиваютъ пиръ съ пѣніемъ тамъ же, а появившагося хозяина связываютъ и бранятъ, какъ онъ смѣлъ придти воровать вино. Хозяинъ въ недоумѣніи, не является-ли онъ въ самомъ дѣлѣ воромъ.

Анализъ удовлетворенной страсти данъ въ новеллѣ „Непостижимо, страшно“! Содержаніе ея заимствовано изъ библіи. Царевичъ Амнопъ безумно любитъ свою сестру Фамарь. Другъ Амнона, Ионадабъ, совѣтуетъ ему для достиженія преступной цѣли притвориться больнымъ и попросить посѣтившаго его царя, чтобы сестра Фамарь накормила его изъ своихъ рукъ. „Если она не согласится быть твоею добровольно, употреби силу, съ совершившимся фактомъ придется всѣмъ примириться, и Фамарь будетъ твоею навсегда и безраздѣльно“. Амнопъ и Фамарь вдвоемъ въ комнатѣ. Онъ „боленъ“. Она принесла ему лепешки. „Поднеси ѣду къ ложу моему, чтобъ я могъ вкусить ее изъ рукъ твоихъ“. Амнопъ блѣдный, взволнованный возлегъ на ложе и съ дрожью прошепталъ: „види сюда и возлягъ со мной“! Она противится, боится позора въ Израилѣ, предлагаетъ ему просить царя, чтобъ онъ ихъ соединилъ законнымъ бракомъ. Но онъ вспомнилъ слова друга: „лучше не открываться ни передъ кѣмъ...; если она не согласится быть твоею добровольно, употреби силу“... Эти слова помутили разумъ Амнона. Прелестное лицо Фамары, ея дѣвичья чистота воспламенили его, и онъ сорвалъ съ нея все ея пестрое одѣяніе, которое, обыкновенно, носили тогда дѣвушки царскаго рода“. Но когда страсть была насыщена, Амнопъ гонитъ отъ себя Фамарь, и ей остается только съ недоумѣніемъ повторять: „странно, непостижимо“!

Новогодній этюдъ „Не ненавижу васъ“ анализируетъ состояніе человѣка, нанесшаго оскорбленіе своему поклоннику (*Квали*, 1897 г.) „ненавижу васъ“ говоритъ прямо въ лицо Нато, влюбленный въ нее Лега, послѣ того какъ первая приняла холодно его съ новымъ годомъ поздравленіемъ и чтобы успокоить сознаніе своей вины, приходитъ къ нему на квартиру.

Въ 1901 г. Ш. Арагвиспирели выступилъ съ символическимъ разсказомъ „Мои приключенія“. Этотъ первый символическій опытъ онъ

назвать фееріей. Героиня ея, старуха, мать многихъ прекрасныхъ дочерей, открывающихъ человѣку страницы жизни предъ его смертію. Дочери уже не исполняютъ поученія матери, и она сама бросается на одну старую женщину, грызеть ее зубами, но боли ей не можетъ причинить. По ея совѣту она отправляется къ зубному врачу, но послѣдній вырываетъ ей всѣ зубы, отказываясь „обновить“ ея клыки. Адвокаты не берутся ее защищать, редакція уклоняется помѣстить объ ней свѣдѣнія и вскорѣ появляется въ газетахъ вѣсть, что нѣкая женщина сошла съ ума и хорошо было бы ее отправить въ домъ психически разстроенныхъ. Но старуха была вынуждена покинуть общество людей и переселиться въ лѣсъ для скитальческой жизни. Какая идея лежитъ въ основѣ этой туманной фееріи, трудно сказать. Быть можетъ, старуха—символь смерти, имѣющая много подручныхъ и ненавидимая всѣми. Или въ гоненіи на нее изображается борьба культуры со смертію? Не есть ли она символъ угрызения совѣсти, пренебрегаемый нынѣ и изгоняемый изъ жизни? Прямого отвѣта феерія не даетъ, въ виду ея полной фантастичности и отсутствія реальной правды.

Кардинальную особенность творчества Ш. Арагвиспирели составляетъ его пессимизмъ частью съ философскимъ оттѣнкомъ,—какъ у Бараташвили, впоследствии у Деканозишвили,—частью-же соціальной окраски, какъ у Евдошвили. Онъ занятъ изслѣдованіемъ обнаженной души, обнаруживающейся въ взаимныхъ отношеніяхъ половъ. Взаимное влеченіе ихъ сопровождается борьбою, любовью, ненавистью, и женщина является главною причиною несчастій мужчины. Эта своеобразная доктрина лежитъ также въ основѣ творчества польскаго романиста Пржибышевскаго.

Андрей Деканозишвили.

Андрей Деканозишвили принадлежитъ къ числу молодыхъ беллетристовъ-психологовъ. Онъ написалъ немного, но всѣ его коротенькіе этюды—перлы художественнаго творчества. Въ 1893 г. онъ дебютировалъ этюдомъ *Пропаший*, въ которомъ молодой студентъ-грузинъ, считая себя лишнимъ въ мірѣ, застрѣливается. Анализъ душевнаго состоянія сдѣланъ мастерски,—тонко и осторожно.

Этюдъ „Чужая, чужая“! (*Квали* 1901 г.) въ высшей степени просто и безыскусственно рисуетъ шаткость и мимолетность человѣческаго счастья, кратковременность и непрочность человѣческой любви, даже самой сильной. Молодой человѣкъ всего годъ прожилъ съ любимой женой; она съ собой унесла въ могилу рѣшительно все; кромѣ горя и отчаянія ничего у мужа не оставалось на этомъ свѣтѣ, но прошло время, любовь остыла; отыскался новый предметъ любви, явилась замѣстительница утерянной подруги, которая настолько вытѣснена была изъ нѣжнаго сердца мужа, что онъ отказался даже отъ ея скульптурнаго изображенія. Молодой авторъ принадлежитъ къ тѣмъ счастливымъ, которые мало пишутъ, но пишутъ съ такимъ захватывающимъ чувствомъ и такъ художественно, что сразу привлекаютъ общество. Онъ не старается дать полный характеръ или полную картину жизни; его

вниманіе привлекаютъ только единичныя явленія, единичные моменты изъ психологіи и жизни людей. Въ данномъ случаѣ его поразила мимолетность и непрочность вообще человѣческаго счастья и любви, а не только грузинскаго, и изобразилъ онъ только это; упрекать же автора въ томъ, въ чемъ обвинялъ его „Аргонавтъ“, что новелла эта французская или итальянская,—значитъ смотрѣть въ книгу и видѣть фигу.

Манеру его творчества характеризуетъ этуль „А она все шла“!

„Другого она любить, другого!.. Съ завтрашняго дня она принадлежитъ другому, навсегда другому...“

„Вчера въ послѣдній разъ я ее видѣлъ. Нѣжное, съ блѣднымъ отѣнкомъ, лицо ея не выражало ни малѣйшаго волненія; блескъ горящихъ глазъ таинственнымъ сіяніемъ озарялъ его. Но почему она такъ отворачивала отъ меня свои взоры? Зачѣмъ такъ пристально глядѣла впередъ, чего она бѣжала? Моей любви? Но вѣдь я ей ничего не говорилъ, совершенно ничего.. Впрочемъ, какой я безумецъ! Вѣдь мнѣ казалось, что какія-то невидимыя струны соединяли насъ, что все, что таится въ глубинѣ моей души, весь пламень сердца—не секретъ для нея...“

„Ея личико! Почему въ немъ такъ много привлекательности, выразительности! Спокойное, слегка поддернутое скорбью, оно иногда, словно мраморъ, вѣетъ холодомъ... Трудно разгадать, трудно понять выраженіе этого съ постоянною тѣнью задумчивости лица. Какая плѣнительная, нѣжно манящая сила дышетъ въ его чертахъ!..“

„Тщетны мои усилія разгадать изгибы ея души, напрасны старанія проникнуть туда, далѣе, за глаза.. Она непрístupна и недоувѣрчива.“

„Мои желанія, мои стремленія чужды ей и скользятъ по поверхности ея души, какъ по льду... А между тѣмъ какъ ярко сіяютъ въ ея привѣтливыхъ очахъ лучи сомнѣнія и недоувѣрія! Но въ чемъ же они сомнѣваются, если уже не доувѣряютъ ...“

„Впрочемъ, вѣдь она странная, не такая, какъ другія... Да, она вовсе не похожа на другихъ. Кто знаетъ, быть можетъ, въ этомъ и кроется причина, почему я ее такъ сильно люблю...“

„Въ послѣдній разъ я ее видѣлъ вчера. Былъ зимній, теплый день. На улицахъ было мало движенія. Она шла молча. Я также. Легкіе снѣжные хлопья, кружась, падали съ неба... Затѣмъ мы разошлись. Не помню, что со мною было. Страшная, невыразимая боль разрывала мою грудь... въ головѣ царилъ хаосъ...“

„Только одно слабое чувство говорило во мнѣ, и оно, подобно тому, какъ мерцающій на морѣ маякъ приковываетъ взоры въ мрачную ночь, составляло для меня единственную опору... Это была мечта, безумная надежда на то, что должно было совершиться чудо—что-то необыкновенное, что должно было разсѣять этотъ ужасный сонъ. И какъ близкимъ казался мнѣ этотъ моментъ, какъ близкимъ!..“

„Она же продолжала идти, и рой бѣлыхъ бабочекъ увивался вокругъ нея. Онѣ окружали ее, просили о чемъ-то, умоляли...“

„Еще одинъ разъ онѣ заставили ее оглянуться въ мою сторону. Онѣ ласкались къ ней, заглядывали ей въ очи, отдыхали на ея волосахъ, рѣсницахъ, нѣжно касались ея устъ и тихо, совсѣмъ тихо, шептали ей о неземномъ, небесномъ, напѣвали ей пѣснь любви, грустную пѣснь умиравшей любви, гимнъ осиротѣвшей души. Но все было напрасно. Ея леденящая улыбка убивала ихъ, поражала ихъ существованіе, и эти чистыя посланницы неба падали на землю...

„Этого никто не чувствовалъ, никто не видѣлъ—только я Она шла быстро, она не внимала напѣву бѣлыхъ бабочекъ, точно боясь пораженія, и новый рой ихъ снова увивался вокругъ, провожалъ ее...

„Наконецъ, она исчезла. Я шель словно объятый сномъ. Видно, долго я блуждалъ.. Очнулся я на кладбищѣ, гдѣ безцѣльно разсматривалъ драгоценныя памятники, мраморныя колонны, статуи.

„Я смотрѣлъ на нихъ и ничего не видѣлъ. Обычное гробовое молчаніе царило кругомъ, нѣмая тишина ни на мигъ не нарушалась. На всемъ лежалъ отпечатокъ покорности, покоя. Сама смерть какъ бы здѣсь замерла. А между тѣмъ сколько злобы, сколько порочности, глупости было погребено подъ этимъ мѣстомъ на аршинъ глубже. Мнѣ пришло въ голову, что смерть существуетъ единственно для ихъ сокрытія...

„Въ одномъ мѣстѣ я остановился. Бѣлый мраморный памятникъ привлекъ мои взоры, сосредоточилъ мое вниманіе.

„Это была дивная, очаровательная статуя. Невинное личико свѣтилось лучемъ грусти, безконечной скорби. Это была сама скорбь. печаль, „плачущая сестра моей души“.

„Съ неизъяснимою тоскою во взорѣ она глядѣла и указывала рукою на клумбу цвѣтовъ, едва пробивавшихся изъ-подъ снѣга...

„Я облокотился на ограду и всецѣло отдался созерцанію этого чуднаго, полнаго глубокой скорби лица.

„Долго я стоялъ такъ. Наступили сумерки... Я продолжалъ стоять неподвижно. . И вотъ тихо, незамѣтно ея образъ слился съ мутною тѣнью, разсѣялся въ пространствѣ, растаялъ, совершенно измѣнился, ожилъ. . и я видѣлъ другое, совершенно другое лицо... да, это было. Я не чувствовалъ холода, ничего я не ощущалъ, вовсе ничего. . Я окаменѣлъ въ ея созерцаніи...

«Вдругъ раздались шаги Я вздрогнулъ. Подлѣ меня стоялъ кладбищенскій сторожъ. „Довольно, сударь, смотрѣть на нее,—съ насмѣшливой улыбкой проговорилъ онъ,—не то промерзнете. Да и время запираетъ ворота. Вѣдь она и завтра здѣсь будетъ“...—Кто?“

Такою-же нѣжностью и глубиной анализа отличаются его этюды „Послѣдняя весна“ (чахоточнаго) и „Бабочка“. Авторъ беллетристъ-символистъ, мысль его свѣжа, глубока и свободна отъ морали и публицистики.

И. Елептеридзе (Зурабишвили).

Разрѣшеніе философскихъ проблемъ въ общедоступной беллетристической формѣ составляло камень преткновенія многихъ выдающихся

талантовъ. На этотъ подводный камень направилъ свою ладью юный грузинскій беллетристъ г. Елептеридзе. Въ новеллѣ „Нирвана“ онъ взялся за установленіе соотношенія между привязанностью къ земной жизни и страхомъ предъ смертью. Авторъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что награду за свои дѣянія каждый получаетъ въ періодъ земного существованія. Связь между отошедшими въ вѣчность и продолжающими свое бытіе заключается въ томъ, что дѣятельность человѣка не проходитъ безслѣдно,—къ ней примыкаетъ комплексъ дѣйствій другихъ лицъ и такимъ образомъ она входитъ звеномъ въ непрерывную цѣпь людскихъ отношеній и поступковъ. Внутренняя борьба скептика юноши Шалвы, ломающаго голову надъ вопросомъ о томъ: человѣкъ ли править теченіемъ жизни или стеченіе обстоятельствъ,—рѣшаетъ судьбу его, онъ затронулъ въ эту дѣ *Жизнь* (Иверія, 1903 г.). Если возможна борьба, то можно ожидать и побѣду, вотъ его основная идея.

Въ символическомъ эскизѣ „Портретъ“ развивается та мысль, что художественное творчество выше реальныхъ образовъ, эстетическое чувство очищаетъ отъ страсти, поднимаетъ къ небу въ поискахъ за умиротворяющимъ стимуломъ. Талантливый художникъ рисуетъ портретъ любимой чудной дѣвушки. Всю силу своего дарованія онъ посвятилъ ея воспроизведенію. Къ несчастью, его творческую работу сопровождаетъ странное явленіе. Каждая перенесенная на полотно часть красавицы моментально вянетъ, и когда онъ закончилъ свой вдохновенный трудъ, тѣло ея возлюбленной завяло и омертвѣло.

Символическій характеръ носятъ его этюды „Молодость“ и „Цвѣтокъ любви“, въ которомъ онъ заставляетъ держать рѣчи соловья, розу, нарцизъ, макъ и др. Въ духѣ Ш. Арагвиспирели онъ помѣстилъ въ *Квали* (1894 г.) эскизъ „Чти мое цѣломудріе“. Использовалъ онъ народную легенду въ рассказѣ „Безсмертный“ (*Иверія* 1902 г. №№ 33 и 34) и помѣстилъ въ бібліотекѣ Иверіи за 1905 г. рассказъ подъ заглавіемъ „Турико, Мгелія и Толіа“ и повѣсть „Высѣченный розгами“. Первый основанъ на сюжетѣ изъ жизни охотниковъ въ связи съ различными повѣртіями о появленіи души съ того свѣта для расправы съ оставшимися на землѣ. Сущность второго рассказа заключается въ томъ, что крестьянинъ Илья Цибцибадзе взятъ въ солдаты и, при незнаніи русскаго языка и нравовъ военной службы, служить мишенью насмѣшекъ и проявленій произвола со стороны ефрейтора и прочихъ властныхъ лицъ. Силачъ и борецъ Цибцибадзе не остается въ долгу, при томъ его тяготитъ мысль, что его возлюбленная Нина можетъ выйти за мужъ за другого, и безысходное горе побуждаетъ его бѣжать въ деревню. Встрѣча его съ возлюбленной Ниной одна изъ лучшихъ мѣстъ въ повѣсти. Илья самъ возвращается въ полкъ, но переведенъ за недозволенную отлучку въ разрядъ штрафованныхъ и какъ таковому не разрѣшенъ домашній отпускъ на Рождество. Съ горя съ друзьями разъ пожелалъ онъ въ ближайшемъ духанѣ выпить чарочку вина. Здѣсь онъ встрѣ-

чается съ „начальствующимъ“ Хлопотовымъ (фельдфебелемъ), который былъ настроенъ противъ Ильи и его сотоварищей, грузинскаго пѣнїа которыхъ онъ не выносилъ. Но въ виду того, что онъ былъ въ радостномъ настроенїи по случаю рожденїа у него сына, онъ потребовалъ отъ нихъ пѣнїа, за упрямый же отказъ онъ накинулся на нихъ, но былъ избитъ Ильей. За это оскорбленїе дѣйствїемъ Циццибадзе былъ приговоренъ военнымъ судомъ къ наказанїю 50 розгами. И. Елептеридзе очень живо нарисовалъ положенїе грузинскаго новобранца среди русскихъ солдатъ, проанализировалъ состоянїе его духа вдали отъ родныхъ, познакомилъ съ суровыми нравами военной среды.

Князь Дим. Эристовъ.

Въ области беллетристики въ концѣ 80-хъ г.г. обратилъ вниманїе читателей молодой писатель, по специальности врачъ, затрагивающїй рядъ текущихъ вопросовъ въ общедоступной формѣ. Этотъ авторъ, кн. Димитрій Эристовъ, выпустилъ въ 1891 г. (Кутаисъ, изд. Чиладзе) сборникъ разсказовъ. Содержанїе ихъ обнимаетъ разнообразныя темы. Первый разсказъ *Простой случай* знакомитъ насъ съ двумя персонажами, изъ которыхъ одинъ *баринъ* князь, другой крестьянинъ. Они съ дѣтства связаны дружбой, провели юные годы вмѣстѣ въ городѣ, гдѣ первый обучался въ классической гимназїи, зазубривая латинскїе вокабулы, а второй усвоилъ грузинскую грамоту подъ руководствомъ своего добраго друга. Прошло время. Князь кончилъ юридическїй факультетъ и чувствуетъ полную неудовлетворенность; крестьянскїй мальчикъ приобрѣлъ званїе сельскаго учителя, подвизается въ народной школѣ и весь живетъ мыслью о благѣ ближнихъ. Авторъ желаетъ пессимистическое настроенїе своего героя объяснить анти-педагогическимъ режимомъ, царствовавшимъ въ школѣ въ эпоху расцвѣта классицизма; но яркая разработка психологической задачи превосходить силы его дарованїа

Въ разсказѣ *На старыи ладъ* онъ возвращается къ этой же темѣ, сообщая свѣдѣнїа изъ жизни своего товарища, не выдержавшаго искуса и до окончанїа курса погибающаго въ качествѣ вольноопредѣляющагося. *Две картины* рисуютъ сцены изъ студенческой жизни, героемъ которыхъ является уважаемый товарищами Нико, рѣшившїй „надѣтъ рясу“, считая духовный санъ наиболѣе пригоднымъ для служенїа народу. Но мечтамъ его не суждено сбыться,—онъ умираетъ отъ чахотки въ университетскомъ городѣ, вдали отъ родины, съ жаждой жить и работать.

Другїе разсказы его посвящены будничнымъ явленїямъ. *Несчастный мужъ*, умирая отъ нанесенной себѣ раны, предъ смертью прощается съ женой, которая невѣрностью своему долгу довела его до рокового шага. *Жертва любви*—женщина, погибающая на рельсахъ вслѣдствїе измѣны друга. *Дневникъ молодой дѣвицы* даетъ трогательный образъ

институтки, оставшейся въ безпомощномъ положеніи и вынужденной согласиться на омерзительное предложеніе почтеннаго мужа, дѣтямъ котораго она когда-то давала уроки. Описывается романическая драма *Въ вагонѣ*. Но не всѣ его рассказы кончаются печально. *Свадьба въ тюрьмѣ* повѣствуетъ о сенсационномъ бракѣ княжны вопреки волѣ отца съ заключеннымъ въ тюрьмѣ. Авторъ въ сочныхъ краскахъ описываетъ охоту весенней порой и знакомитъ съ деревней въ рассказѣ *Дѣвка-цыганка*. Творчеству Дм. Эристова не хватаетъ широты анализа и глубины захвата наблюдаемыхъ явленій. Фигуры его блѣдныя, недорисованныя, сюжеты шаблонны, мало интересны.

Дуту Мегрели.

Поэтъ и беллетристъ, публицистъ и критикъ, Дуту Мегрели (Хоштарія) проявляетъ рѣдкую плодовитость, наблюдательность и отзывчивость въ выборѣ животрепещущихъ темъ. Онъ (род. въ 1867 г., учился въ Кутаисской гимназійи и въ Одесскомъ университетѣ) одинъ изъ тѣхъ немногихъ писателей, которые слѣдятъ за измѣненіями въ настроеніи культурныхъ слоевъ и отражаютъ эти едва обозначившіеся переломы въ повѣстяхъ и рассказахъ. Вѣчно юные вопросы подняты имъ въ небольшихъ этюдахъ и если не всегда всесторонне и глубоко они проанализированы, то упрекъ долженъ быть обращенъ не на одного ихъ автора. Онъ съ основательнымъ юридическимъ образованіемъ и съ здравымъ умомъ выдѣляется изъ круга молодыхъ беллетристовъ, своеобразно разрѣшилъ борьбу отцевъ съ дѣтьми и въ рассказѣ „Раздѣленные“¹⁾ (*Моамба* 1905 г.) отмѣтилъ конфликтъ между старшимъ поколѣніемъ, въ лицѣ Никифора Дзелшавидзе, и юношей, въ лицѣ его сына Симона, студента университета.

Бѣдный мелкопомѣстный имеретинскій дворянинъ Никифоръ Дзелшавидзе съ великимъ трудомъ воспиталъ своего старшаго сына въ гимназійи, послалъ его затѣмъ въ университетъ и закладываетъ послѣдній садъ, чтобы не отказать въ воспитаніи и всѣ свои надежды на лучшее будущее сосредоточилъ на немъ одномъ. И вотъ единственная его отрада, единственный просвѣтъ, гордость въ жизни первенецъ Симонъ возвращается домой въ деревню, уволенный изъ университета за участіе въ студенческихъ беспорядкахъ. Всѣ надежды Никифора Дзелшавидзе рухнули сразу. Положеніе убитаго горемъ отца описано авторомъ просто, правдиво и трогательно. Никифоръ не хочетъ даже выйти встрѣчать своего сына и на упреки жены, мачехи студента, отвѣчаетъ очень характерными словами: „Зачѣмъ мнѣ его встрѣчать? Какое добро, какую награду везетъ онъ съ собой? Съ чѣмъ мнѣ его поздравить?“

— Какъ съ чѣмъ, развѣ онъ не сынъ тебѣ, сынъ, котораго ты давно не видѣлъ?

¹⁾ Объ этомъ произведеніи критическія статьи см. у И. Гомартели въ *Квали* и у П. Н—дэе въ *Иверіи* 1903 г. № 83. Переводы его рассказовъ см. у Г. Вольскаго и А. Гарсеванова. Стихотворенія его переводилъ Иванъ-да-Марья.

— Сынъ... чиновникомъ первостатейнымъ онъ ѣдетъ къ намъ, нечего сказать,—со вздохомъ отвѣчалъ Никифоръ.

Отецъ и сынъ—люди двухъ міровъ, двухъ противоположныхъ полюсовъ. Столкновение между ними неизбежно. Никифоръ Дзвелшавидзе смотритъ на все глазами окружающихъ его людей; чиновникъ—магическое слово для нихъ. Это—человѣкъ свободный отъ власти капризной, подчасъ злой, своенравной мачехи земли, человѣкъ, собирающій свой урожай не разъ въ годъ, а каждый мѣсяцъ.

Сынъ Никифора, увлекающійся юноша съ благородными стремленіями, точно съ неба, падаетъ въ эту темную, захолустную глушь. Веселый, жизнерадостный пріѣхалъ онъ въ родную деревню, къ роднымъ и близкимъ людямъ, но скоро жестоко разочаровывается. Отецъ не даетъ ему проглотить куска за обѣдомъ и яростно накидывается на него: „Растилъ я тебя, лелѣялъ, изъ кожи лѣзь вонъ, чтобы воспитать тебя, и вотъ чѣмъ ты мнѣ отплатилъ!“

Отецъ въ своей наивной простотѣ, не спросясь у сына, хлопочеть устроить его писцомъ въ полицейскомъ управленіи и, отправляясь изъ дому, строго-на-строго наказываетъ ему не выходить никуда, не заговаривать съ крестьянами, стараться ничѣмъ не вызывать подозрѣнія.

Въ заключительной размовкѣ отца съ сыномъ очень правдиво и и трогательно раскрыта психологія обоихъ. Тутъ передъ нами страдалецъ-отецъ въ слезахъ, не умѣющій понять своего сына, и сынъ, чуткій, любящій человѣкъ, безпомощный, не знающій какъ помочь горю близкаго человѣка. Всѣ кругомъ ополчились на изгнанника-студента. Родные его невѣсты принудили ее выйти за другого. Симонъ не вынесъ въ концѣ концовъ всѣхъ душевныхъ мукъ, выпавшихъ на его долю, собралъ свои пожитки и бѣжалъ тайкомъ въ Тифлисъ.

Дугу Мегрели силенъ тѣмъ, что онъ весь во власти современности и дѣйствительности. Продуктъ его художественнаго воображенія, чаще чѣмъ у другихъ, просто рассказанныя дѣйствительныя событія безъ фантастическихъ прикрасъ. Первый сборникъ его рассказовъ вполне справедливо названъ „Картинами изъ жизни нашего народа“ (Кутаисъ, 1892). Въ его составъ вошли пять очерковъ: „Несчастные“, „Батюшка Свимонъ“, „Хина“. „Невинная жертва“, „Гогія и Кона“. Авторъ незатѣйливо набрасываетъ картинки современной жизни, не стараясь особенно углубляться въ разработку темъ социальныхъ недоразумѣній или психологическихъ задачъ. Таковъ задушевно, съ тонкимъ лиризмомъ написанный эскизъ „Батюшка Свимонъ“. Дѣйствие происходитъ во дворѣ крошечной N—ской церкви, гдѣ только что раздалось пѣніе „Воскресеніе Твое, Христе, Спасе“.

„Старъ я младъ, мужчины и женщины, богачъ и бѣднякъ,—всѣ прониклись единымъ чувствомъ, всѣ забыли въ это мгновение свое происхождение и санъ, помня лишь одно, что они христіане и должны встрѣтить день, когда Христосъ „воскресе изъ мертвыхъ, смертью смерть поправъ“, съ лицомъ, озареннымъ свѣтомъ, съ зажженнымъ свѣточемъ въ рукахъ и съ

сердцем чистымъ, непорочнымъ... Въ одно мгновеніе тихіе звуки стройнаго пѣнія наполнили собой всю окрестность, отозвались въ окружающихъ горахъ: горы передали ихъ облакамъ, облака сіяющимъ звѣздамъ, и весь міръ, вся вселенная превратились въ слухъ.

„Какой-то необычайно торжественный колоритъ принялъ весь холмикъ, на которомъ красуется церковь села N. Какая-то незримая нить, таинственно дивная связь образовалась между нимъ и небесами. Казалось, разверзлись небеса и рѣютъ ангелы надъ людьми: поютъ съ ними вмѣстѣ и обходятъ кругомъ церковь, осѣняя своими крыльями горящія свѣчи и не давая имъ загаснуть.

„Въ самой церкви нѣтъ теперь никого. Всѣ высыпали наружу и принимаютъ участіе въ общемъ торжествѣ. Одинъ лишь батюшка, Свимонъ, древній старецъ, еле влачащій ноги, сидитъ неподвижно въ одномъ изъ уютныхъ уголковъ алтаря. Хотя у бѣдняги отъ старости почти совсѣмъ угасъ слухъ и до крайности ослабло зрѣніе, тѣмъ не менѣе онъ не удержался, чтобы не пойти въ церковь, и съ помощью своего сына, діакона Іесе, еле доплелся до нея. Закрывъ потухшіе глаза, онъ погрузился въ думы.

„О чемъ же задумался теперь батюшка Свимонъ? О томъ, о чемъ задумывается всякій человѣкъ его возраста—о минувшемъ, о быломъ.

„Вотъ видится ему, увлеченному далекими воспоминаніями, юный, исполненный жизни, проворный дьячекъ. Онъ былъ чертовски смѣтливъ и находчивъ, чертовски уменъ, ловокъ и изворотливъ, но не чертовски золъ и злобенъ. Что изъ того, если порой при чтеніи часослова Свимонушка бывало надуетъ старца Неофита, суроваго монаха? Что изъ того, если иной разъ бывало стащить у него ключи отъ кладовой и тайкомъ глотнетъ разикъ-другой бережно хранимую тамъ водочку или винцо? Велика ли бѣда, если бывало иной разъ, вмѣсто стоянія на молитвѣ, проберется онъ въ воскресный вечеръ къ дѣвчатамъ и отдастся съ ними веселымъ играмъ, шуткѣ и смѣху? Какъ же было иначе поступать юному Свимону, если блаженной памяти Неофитъ былъ такой строгій учитель, скуповатый экономъ и непреклонно суровый наставникъ?...

„Однажды Свимону пришлось голодать цѣлый день, такъ какъ онъ не заучилъ наизусть какой-то длиннѣйшей молитвы. „Пока не будешь знать, не дамъ ничего ѣсть“, — съ ранняго утра рѣшительно отрѣзалъ ему Неофитъ, спросивъ у него молитву и убѣдившись, что онъ ея не знаетъ. Вотъ наступилъ полдень, а Свимонъ не заучилъ и половины. Спустя немного къ Неофиту пожаловалъ слѣпой нищій. Неофитъ немедленно завелъ его къ себѣ и угостилъ пришельца. Нищій и проводникъ, усѣвшись, принялись за ѣду. Бѣдный Свимонушка! За единый кусочекъ хлѣба онъ готовъ бы былъ отдать полміра, любилъ сурово держаться слова и, пожалуй, не далъ бы ни крошки вплоть до самаго ужина, если бы не удалось заучить молитву. Но вотъ, покончивъ съ ѣдой, проводникъ нищаго вышелъ за двери. Неофитъ послѣдовалъ за нимъ, и они принялись тамъ, въ сѣняхъ, продолжать бесѣду. Нищій все кушалъ, а

Свимонъ стоялъ около него. Наконецъ, кончилъ и онъ, оставивъ недоѣденнымъ цѣлый „гомиджи“ (прѣсный хлѣбъ) и еще одинъ громадный ломоть. Свимонъ знаетъ, что и эти остатки пойдутъ въ хурджини (переметную суму), что и ихъ заберетъ съ собой нищій, между тѣмъ какъ онъ, самъ Свимонъ, такъ голоденъ! Въ эту минуту изъ заднихъ дверей появилась кошка и усѣлась на порогѣ. У Свимона просіяло лицо. Очевидно, его осѣнила какая-то идея.

„Мяу!“—замяукала кошка, направляясь къ трапезѣ.

— Ципъ! ципъ! анаеема!—вскричалъ Свимонъ и, схвативъ ломоть, стремительно кинулся въ заднія двери. Перепуганная кошка исчезла мгновенно. Свимонъ, упрятавъ добычу въ карманъ, преспокойно, какъ ни въ чемъ не бывало, возвратился обратно.—Кошка стащила ломоть „гомиджи“, и я погнался за ней,—сказалъ Свимонъ.

— Гдѣ же ты былъ, чего глазѣлъ, плутъ ты этакій!.. Иди сейчасъ же и, смотри, выучи молитву, а то я тебѣ сегодня..

„Свимонъ этого только и желалъ. Не успѣлъ Неофитъ еще договорить, какъ онъ уже исчезъ и съ наслажденіемъ принялся ѣсть добытый съ такимъ трудомъ кусокъ „гомиджи“.

„Удивительная вещь! Словно настала послѣдній часъ: Свимонъ вспоминаетъ всѣ прошлыя прегрѣшенія. „Всѣ грѣхи и прегрѣшенія, какіе только кто совершилъ въ сей жизни, будутъ изображены и начертаны на одеждѣ нашей, когда предстанетъ предъ лицомъ Христа въ день втораго пришествія, дабы каждый могъ читать наши дѣянія“,— раздаются въ ухахъ Свимона любимыя слова Неофита.

„Неофитъ исчезъ, и его мѣсто въ воспоминаніяхъ Свимона заняла сперва молодая, красивая дѣвушка, а затѣмъ честная, разумная женщина. Это была Вардо, нѣжно любимая супруга Свимона. Предъ нимъ воскресли ея прелестныя глаза, такъ напоминавшіе собой свѣтлую лазурь неба, ея кроткій, исполненный любви ликъ... Вардо не была создана для сей юдоли. Ей было уготовано мѣсто тамъ, въ сонмѣ ангеловъ, и вскорѣ она навѣки покинула Свимона... О, какъ грубоко она почитала его, какъ нѣжно его любила! Вспомнились ему проведенные съ ней сладостныя дни, и его поражаетъ изумленіе, какъ могъ онъ такъ долго прожить безъ нея! О, какъ счастливы были Свимонъ и Вардо, особенно въ первые дни его рукоположенія въ священники! Первую рясу ему сшила Вардо. Къ несчастью, ей не долго довелось жить послѣ того,—такъ что ряса была еще нова, когда она скончалась. Онъ тотчасъ же снялъ эту рясу и хранить ее, какъ „святая святыхъ“. Онъ даже похоронить себя наказывалъ непременно въ той рясѣ. „Впервые она меня облачила, пусть она же облачитъ и въ послѣдній“—говоритъ Свимонъ. Быть можетъ, скоро придется ему надѣть ее!..

„Ты умерла, Вардо, но для меня всегда была живою“,—скажетъ онъ ей, и не солжетъ: она неизмѣнно жила въ немъ; неизмѣнно была для него ангеломъ-хранителемъ. Онъ вѣрилъ, что Вардо неразлучна была съ нимъ, подвигая на добро и отстраняя его отъ худа...

„Увлечшись воспоминаніями, Свимонъ не замѣтилъ, какъ церковь наполнилась народомъ и началась обѣдня. Всего разъ донеслось до него пѣніе: „Христось Воскресе“, да и тогда онъ разобралъ въ немъ голосъ лишь одного существа. То былъ голосъ діакона Іесе, всегда приводившій его въ волненіе и напоминавшій милую Вардо. Причина этого обстоятельства заключалась въ томъ, что первый крикъ Іесе и послѣдній, изданный Вардо, звукъ, слились въ единый возгласъ. Іесе впервые заплакалъ и впервые издалъ звукъ тогда, когда Вардо издала послѣдній стонъ и замолкла на вѣки. Припомнился Свимону этотъ моментъ, когда, съ одной стороны, онъ чувствовалъ себя на верху благополучія, осчастливленный рожденіемъ сына, а, съ другой — глубоко несчастнымъ, потерявъ горячо любимую подругу жизни. О, что за ужасный это былъ мигъ, когда онъ не зналъ, что ему дѣлать, воздать ли благодареніе Богу, или возроптать на Него, смѣяться или рыдать! Вспомнилъ онъ тогдашнее положеніе и, глубоко вздохнувъ, прислонилъ свою убѣленную сѣдиной голову къ стѣнѣ. Слезы обильно текутъ изъ его глазъ, скатываясь жемчужными перлами сперва по его морщинистымъ щекамъ, точно по желобамъ, а затѣмъ—по бѣлоснѣжной бородѣ и, скопившись вмѣстѣ на концѣ ея, крупными каплями капають внизъ.

„Такъ какъ въ лицѣ Іесе остался у него единственный живой памятникъ Вардо, тако неожиданно простившейся съ міромъ, то Свимонъ безгранично полюбилъ его, своего Іесе, свою утѣху: Іесе былъ для него и сыномъ и живымъ свидѣтельствомъ неугасимой любви къ супругѣ. Онъ видѣлъ только въ немъ смыслъ своего существованія. „Вотъ подрастетъ мой Іесе, поженится, будутъ у него дѣтки. Я, состарившись, покину службу, взамѣнъ меня рукоположатъ Іесе, и, когда отойду въ вѣчность, онъ не перестанетъ поминать меня въ молитвахъ и служить о спасеніи души моей“,—грезилъ бывало Свимонъ.

„И вотъ Іесе подросъ, поженился, появились у него дѣтки. Свимонъ состарился и былъ вынужденъ покинуть службу, но... взамѣнъ отца рукоположенъ былъ не Іесе, а кто-то другой. Почему же? А потому, что Іесе-де неучъ. Главнымъ образомъ потому, что благочинный не жаловалъ Свимона, а то что за ученый, въ самомъ дѣлѣ, нынѣшній священникъ! Ученый-то онъ неважный, а что вотъ богаче Іесе, это правда, если только богатство необходимо священнику. Притомъ же онъ и сродни благочинному... Вспомнилъ Свимонъ про это, и еще сильнѣе старая отравка сжала ему сердце, еще тоскливѣе стало на душѣ. Да и какъ не тосковать старику, когда онъ знаетъ, что Іесе не замѣнитъ его въ церкви, не замѣститъ тамъ, гдѣ столько поколѣній неизмѣнно передавали свой священническій санъ отъ отца сыну, когда знаетъ, что его бранные останки не будетъ сопровождать, во главѣ шествія, родное дѣтище въ священническомъ облаченіи, подобно тому, какъ онъ самъ проводилъ отца, отецъ дѣда, дѣдъ прадѣда? Да, тоскуетъ Свимонъ и льетъ слезы.

„Но вотъ снова явилась предъ нимъ его Вардо; не Вардо, а чудный ангелъ въ образѣ Вардо, въ сіяніи, въ ореолѣ какой-то горней благо-

дати, а не съ печалью земной юдоли на челѣ. Это роскошное видѣніе приблизилось къ нему и заговорило: „Довольно, Свимонъ, довольно тебѣ страдать въ семь мірѣ. Пора удалиться отсюда и обрѣсти упокоеніе тамъ, гдѣ Вардо ждетъ тебя съ нетерпѣніемъ“... Видѣніе произнесло что-то еще, но отъ радости Свимонъ дальше ничего уже не слышалъ.

„Вардо ждетъ Свимона, его Вардо!“ О, какъ сладостны эти слова для него, какъ затрепетало его старческое сердце! Вотъ подступили къ нему и прочіе ангелы, цѣлые сонмы ангеловъ, неисчислимыя, несмѣтныя, и окружили его. О, какъ они дивно хороши, какая дивная гармонія въ ихъ стройномъ хорѣ, поющемъ „Христось воскресе“. Они поютъ и манятъ къ себѣ Свимона. Поразительно: исчезли и слабость его зрѣнія и глухота — онъ прозрѣлъ, онъ все слышитъ. Онъ чувствуетъ въ себѣ мощь: онъ твердо стоитъ на ногахъ, и слѣдуетъ, не слѣдуетъ, а летитъ точно окрыленный — летитъ къ своей Вардо...

„Къ закату солнца во всемъ селѣ только и было разговору, что о чудесной кончинѣ батюшки Свимона: говорили о томъ, какъ онъ простился со всѣми послѣ заутрени, какъ онъ пріобщился святыхъ Таинъ, какъ затѣмъ напутствовалъ сына: „Во что-бы то ни стало, дай образованіе хоть одному изъ дѣтей, — говорилъ онъ Іесе: учи, учи хоть одного изъ нихъ, чтобы хоть онъ былъ рукоположенъ въ священники и могъ поминать предъ престоломъ меня съ тобой. Ученаго не одолѣютъ злые люди“. — Дай Богъ ему царство небесное! достойнъ былъ и сподобился достойной кончины, говорили одни.

— Всякій, кто умретъ въ Свѣтлое Воскресенье, непременно спасется, а Свимонъ, что и говорить, не минетъ рая, — добавляли другіе“.

Столь же задушевную и теплую привязанность сына къ матери онъ вложилъ въ рассказъ „Хина“. Въ одно чудное лѣтнее утро уютную С-скую сельскую школу, руководимую добрѣйшимъ учителемъ, посѣтилъ „высокій гость“, который въ знакъ удовольствія отвѣтами учащихъ щедро ихъ одарилъ гостинцами. Въ классѣ не оказался только маленькій Миха, который хотя и не былъ боленъ, но въ школу пойти не могъ. Бѣдная его мать страдала лихорадкой и сегодня у нея былъ сильный пароксизмъ. Отецъ, отправившись въ поле на работу, оставилъ ее на попеченіи маленькаго Миха. Сначала она не хотѣла поддаться болѣзни, стала готовить обѣдъ, но скоро ей ноги и руки стали измѣнять и она принуждена была прилечь. Миха принесъ, все что только было у нихъ и чѣмъ можно было прикрыться и набросалъ на нее.

— Иди, милый, ко мнѣ, пригрѣй меня, а то озябну, — обратилась она къ сыну дрожащимъ голосомъ. Миха этого и хотѣлось. Онъ подбѣжалъ и крѣпко, крѣпко обнялъ ее. Жаръ сталъ усиливаться и скоро она принуждена была сбросить все, чѣмъ такъ старательно за минуту старался укутывать ее Миха. Воды, воды... — требовала она поминутно, и Миха протягивалъ ей маленькій кувшинчикъ.

„Насталъ полдень. Больная вспотѣла и успокоилась. Миха сидѣлъ у изголовья матери и думалъ о школѣ: „Что теперь тамъ дѣлаютъ?“

Вѣроятно, читають какой-нибудь интересный рассказъ. Охъ, какъ тамъ должно быть хорошо!“

„Онъ хорошо понималъ, что идти въ школу уже поздно, но все же ему ужасно хотѣлось сбѣгать и, по крайней мѣрѣ, только заглянуть туда. Его недавно отдали въ школу, но онъ уже успѣлъ отъ всего сердца полюбить и учителя съ его рассказами, и книжки, которыя стали давать ему послѣ азбуки. Не быть въ школѣ было для него испытаніемъ. Приближалось время обѣда, и отецъ, видя что Миха не приноситъ ему ничего, сталъ сильно беспокоиться за жену. Оставивъ работу, онъ отправился домой.

— Что мнѣ дѣлать, какъ помочь этому новому горю?—думалъ онъ дорогой. — Работать въ полѣ или присматривать за больной? Наконецъ, нужно же что-нибудь ѣсть? А готовить некому. Господи, гдѣ же твоя справедливость? Вотъ скоро и сборщикъ явится, а у меня гроша мѣднаго нѣтъ, чтобы купить хину,—можетъ, и оставила бы лихорадка.

Хотя мужику и не было весело на душѣ, но все же къ себѣ зашелъ онъ съ улыбкой и, поздоровавшись съ женой, спросилъ объ ея здоровьи. — Ничего,—сказалъ съ улыбкой мужъ,—авось, Богъ поможетъ, достану гдѣ-нибудь денегъ, купимъ хину и прогонимъ эту назойливую лихорадку.

— Папа, а что такое хина?—спросилъ съ любопытствомъ Миха.

— Это лѣкарство, мой милый, и—какое лѣкарство?—достаточно твоей матери принять каплю и она совершенно будетъ здорова, — отвѣтилъ отецъ. Миха задумался. Его всецѣло охватило желаніе раздобыть гдѣ-нибудь эту хину. Мысленно сталъ онъ молиться Богу, просить Его пособить несчастнымъ въ тяжкомъ горѣ.

— Сынокъ мой, хочешь, иди въ школу,—сказала мать, зная, что для него это составитъ счастье.

Мальчику этого только и хотѣлось. Въ одинъ мигъ онъ вскочилъ, захватилъ свои книжки и пустился бѣжать въ школу.

Праздничное настроеніе школы не ускользнуло отъ вниманія Миха. Онъ тотчасъ же замѣтилъ счастливыя, улыбающіяся лица товарищей, веселаго учителя и довольнаго гостя. Ему ужасно стало жаль, что онъ пропустилъ торжество въ школѣ.

— Здравствуй, Миха!—обратился ласково къ нему учитель.—Гдѣ ты былъ до сихъ поръ?

Миха не отвѣчалъ. Какъ окаменѣлый стоялъ онъ на мѣстѣ.

— Ты никогда не опаздывалъ день? Сегодня посѣтилъ насъ гость. А ты такъ поздно пришелъ... Развѣ такъ встрѣчаютъ гостей?!..

Миха стоялъ съ опущенными глазами. Послѣднія слова задѣли его за живое. Еще одно слово—и несчастный разразился бы слезами; но въ это время гость подозвалъ учителя къ себѣ и сталъ о чемъ-то говорить съ нимъ шопотомъ. Во время разговора оба смотрѣли на Миха. Подошелъ потомъ учитель къ нему, погладилъ по головѣ и сказалъ:

— Ничего, ничего; все же ты вовремя пришелъ. Ну-ка, пойдѣмъ, почитай-ка книжку по-своему нашему гостю!

— Иди ко мнѣ малыш!—сказалъ ему гость. Опоздавшему Миха было пріятно видѣть такое ласковое обращеніе къ нему учителя и гостя и онъ рѣшительно подошелъ къ нему.

— Ну-ка, начни отсюда,—говорилъ ему гость, указывая на раскрытую книжку. Миха приступилъ къ чтенію дрожащимъ голосомъ, но, оправившись, сталъ читать смѣло, внятно и красиво. Прочитанное онъ разсказалъ по предложенію гостя. Прочелъ нѣсколько стихотвореній наизусть, рѣшилъ нѣсколько задачъ, однимъ словомъ отвѣчалъ блестяще.—Молодецъ, молодецъ,—говорилъ ему гость. Учитель былъ въ восторгѣ отъ отвѣтовъ своего ученика.

— Какъ жаль, что у меня нѣтъ больше подарковъ, всѣ роздалъ,—говорилъ съ сокрушеніемъ гость.—Я знаю, что вы (обращаясь къ учителю) не оставите его безъ подарка, но и мнѣ хотѣлось, чтобы онъ отъ меня имѣлъ подарокъ. Знаете что, я вамъ оставлю деньги, а вы, пожалуйста, купите ему что-нибудь по его собственному желанію. Съ послѣдними словами онъ передалъ учителю нѣсколько серебряныхъ монетъ.—Ну, Миха, скажи при гостѣ же чего тебѣ купить?—спросилъ учитель.

— Хину,—въ восторгѣ произнесъ Миха.—Всѣ съ удивленіемъ посмотрѣли на него.

— Чего?—переспросилъ учитель, недоумѣвая своимъ ушамъ.—Да, знаешь ли, что такое хина,—съ улыбкой спросилъ гость.—Лѣкарство!—отвѣчалъ онъ.

— Ну, такъ! А на что оно тебѣ?—полюбопытствовалъ учитель.

— У меня мать больна лихорадкой, а отецъ горюетъ и говоритъ, что хина избавила бы ее отъ страданія, да не на что купить.

„Гость и учитель переглянулись. Въ тотъ же вечеръ учитель съ фельдшеромъ были въ домѣ Миха. Фельдшеръ осмотрѣлъ больную, оставилъ нужныя лѣкарства, конечно и хину и далъ совѣты. А учитель принесъ книжку съ рисунками въ подарокъ Миха. Неопишима та радость, то счастье, которое испытывали и родители, и самъ Миха“.

Разсказъ „Гогія и Кона“ построенъ на канвѣ, использованной и Ниношвили. Неравный бракъ влечетъ за собою семейный разладъ, гибельно отражающійся на судьбѣ супруговъ. Въ лѣтахъ не молодыхъ Гогія женится на Конѣ, молоденькой красавицѣ, которая вступаетъ въ любовную связь съ сельскимъ писаремъ. Онъ побуждаетъ ее взять съ Гогія вексель въ 1000 руб., который присваиваетъ себѣ, отнимаетъ имѣніе у Гогія, бросаетъ и Кону; несчастные супруги встрѣчаются въ Кутаисѣ, у паперти церкви въ толпѣ нищихъ, просящихъ подаянія. Изображеніе быта мелкопомѣстнаго дворянина сближаетъ его разсказъ „Невинная жертва“ (въ сборн. „Цда“, вып. III, онъ помѣщенъ подъ заглавіемъ *Мать и сынъ*) съ произведеніями Д. Кладіашвили, давшаго рядъ блестящихъ картинъ изъ жизни обѣднѣвшихъ представителей благороднаго класса. Герой этюда „Невинная жертва“ бѣдный дворянинъ Коція Джаваришвили. Онъ усердно работаетъ цѣлые дни мотыгой за обработкой кукурузной нивы и маленькаго виноградника. Онъ ходитъ и на отхожіе заработки въ ка-

менно-угольные копи и на линию желѣзной дороги, но никогда не навивался въ служеніе, считая его „развращающимъ“ занятіемъ. Съ этимъ скромнымъ труженикомъ враждуетъ однофамилецъ Зурабъ, богатый ростовщикъ и сильный подкупомъ челоуѣкъ въ деревнѣ, пытавшійся для округленія своего владѣнія присвоить виноградникъ Кація. Воспользовавшись тѣмъ, что Кація въ сердцахъ зарѣзалъ потоптавшаго ему виноградныя лозы быка, принадлежащаго Зурабу, послѣдній съ понятиями явился въ домъ Кація. Послѣдній быка стащилъ въ погребъ, чтобы до прихода старшины собаки не разорвали его и не обвинили его въ кражѣ быка. Зурабъ, пользуясь своимъ вліяніемъ, засадилъ Кація въ тюрьму.

„Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Это была цѣлая вѣчность для Кація и его матери. Трудно представить себѣ положеніе несчастныхъ за это время. Кація у себя, въ деревнѣ, привыкъ работать, не покладая рукъ. Онъ кормилъ свою мать, доставляя ей и радость, и печаль. Мать съ каждымъ днемъ старѣла, силы измѣняли ей и она скоро должна была вовсе отказаться отъ работы. Пора бы Кація жениться! Молодая жена могла бы раздѣлить съ нимъ хлопоты по хозяйству, освободивъ старуху отъ всякихъ заботъ и трудовъ. Но женитьба Кація вызывала массу новыхъ потребностей, и потому онъ откладывалъ ее до поры до времени. Сколько разъ мать говорила ему! „Женись, дорогой мой! Неужто я такъ умру, что не увижу твоей жены, твоего счастья!“— „Нѣтъ, мама,—обыкновенно возражалъ сынъ,—развѣ можно мнѣ жениться, когда сами чуть не умираемъ съ голоду; впереди предстоитъ еще много трула, много...“ И онъ продолжалъ трудиться; онъ работалъ безъ устали, будучи всѣмъ существомъ своимъ проникнутъ любовью къ труду.

— Должно быть, онъ сынъ какого-нибудь мужика,—говорилъ про него частенько Зурабъ.

— Дѣйствительно, въ немъ ничто не напоминаетъ дворянина,—вторили вѣрные рабы Зураба.

Въ этихъ словахъ было много правды. Кація не былъ похожъ на тѣхъ дармоѣдствующихъ дворянъ, которые, покинувъ деревню, безцѣльно топчутъ городскіе бульвары. Кація понялъ, что пора крѣпостничества миновала безвозвратно, и что челоуѣкъ безъ труда никуда не годенъ. И вотъ онъ, наравнѣ съ крестьянами, взялъ заступъ и лопату и, нисколько не теряя своего дворянскаго достоинства, принялся за работу. Онъ не былъ вовсе похожъ и на честолюбца Зураба, этого сельскаго кулака, набившаго себѣ кошну всякими неправдами. Между ними цѣлая пропасть: Кація, дѣйствительно, благороденъ и честенъ, Зурабъ же могъ величаться „благороднымъ“ лишь на бумагѣ.

„Мачиха-судьба зло насмѣялась надъ этимъ честнымъ труженикомъ. Онъ, привыкшій къ деревенскому быту и вдохновляемый лишь разумнымъ трудомъ, долженъ былъ сидѣть въ тюрьмѣ безо всякаго дѣла. Среди этой ужасной обстановки, куда и солнце заглядывало неохотно, могъ ли бѣдняжка думать о трудѣ? Онъ томился всѣ дни, страдая нравственно и мучась физически. Сердце разрывалось у него при

воспоминанія о матери. Онъ ясно представлялъ себѣ ея отчаянное положеніе.

«Никто изъ знакомыхъ теперь не узналъ бы Каціа: онъ весь осунулся, похудѣлъ и пожелтѣлъ; подъ глазами образовались темныя полосы, руки и ноги отяжелѣли. Ничто не радовало его; онъ потерялъ вѣру въ человѣка, а надежда давно покинула его. Лишь чистая, высокая любовь къ матери являлась для него цѣлью жизни. Не будь этого чувства, Каціа давно лишилъ бы себя жизни, или умеръ бы отъ тоски.

«Каціа часто плакалъ и только слезами облегчалъ свою наболѣвшую душу. Лишь воскресныхъ дней онъ дождался какъ святой Пасхи; всѣ его помыслы были сосредоточены на томъ, скоро ли настанетъ желанный день, радостное для него воскресенье. Каждое воскресенье старуха стояла у тюремныхъ воротъ въ ожиданіи свиданія съ дорогимъ сыномъ. Горемычная мать! Она переживала не менѣе ужасныя страданія, чѣмъ Каціа. Она была свободна, но зачѣмъ ей свобода, когда ея единственный сынъ, невинный, какъ ребенокъ, брошенъ злыми людьми въ темницу?

«Къ счастью, старуха не теряла надежды, стойко переносила невзгоду. Сынъ обманывалъ ее, говоря, что его скоро выпустятъ на свободу, и она вѣрила ему. Ей казалось, что къ ней скоро придетъ Каціа, выпущенный изъ неволи, и они вновь заживутъ попрежнему сладкою жизнью. Но дни шли за днями, проходили недѣли, мѣсяцы, а Каціа все продолжалъ сидѣть въ тюрьмѣ; не смотря на это, его мать не приходила въ отчаяніе. Страданія, ею испытанныя вслѣдствіе постигшаго несчастья, слезы, ею пролитыя,—все это не сломило ее нравственно...

«Слѣдствіе по дѣлу о краденомъ быкѣ окончилось. Каціа, допрошенный нѣсколько разъ слѣдователемъ, со слезами на глазахъ доказывалъ свою правоту, но ему никто не повѣрилъ; у него не было свидѣтеля, а показанія матери не давали никакой цѣны. Свидѣтели же со стороны Зураба всѣ говорили въ пользу послѣдняго. Даже тѣ, которые знали истину, не сказали слѣдователю, что Каціа убилъ быка въ виноградникѣ. Слѣдователь объявилъ ему, что дѣло его онъ долженъ передать прокурору. Послѣ этого Каціа былъ переведенъ во второе отдѣленіе тюрьмы, гдѣ находились еще четыре арестанта. Всѣхъ ихъ должны были отправить въ Кутаисъ. Арестанты недовѣрчиво взглянули на своего новаго сожителя; имъ очень не нравилось его присутствіе. Они постоянно о чемъ-то шептались; видимо, ихъ связывала какая-то тайна, которую они тщательно скрывали отъ новаго узника; но Каціа ихъ не беспокоилъ. Онъ цѣлые дни лежалъ на нарахъ.

«Однажды, въ полночь, Каціа былъ разбуженъ какимъ-то шумомъ. Вначалѣ онъ не могъ сообразить, откуда доносились эти звуки; но вскорѣ онъ разглядѣлъ въ темнотѣ знакомыя фигуры арестантовъ. Одинъ изъ нихъ, поддерживаемый товарищами, распиливалъ доску потолка. Каціа притаилъ дыханіе; онъ сильно боялся за своихъ товарищей.

— Вотъ мы сейчасъ бѣжимъ отсюда,—и тебя бы взяли, да боимся, что ты не въ состояніи будешь слѣдовать за нами.

— Готово,—сказалъ арестантъ, налившій потолокъ. Товарищи взяли у него доску, а ему дали веревку, скрученную изъ разорваннаго бѣлья и архалуковъ. Затѣмъ тотъ же арестантъ вскоробкался на верхъ и, прикрѣпивъ веревку, спустилъ ее внизъ.

Кація одинъ остался въ арестантской. Печальныя думы, захвативъ все его существо, не дали ему покоя. Онъ весь обратился въ слухъ; все ждалъ выстрѣловъ. Еще минута, думалъ онъ, и шальные пули уложатъ всѣхъ бѣглецовъ; но тщетны были его ожиданія. Всюду царилъ могильная тишина. Кація не безъ зависти вспомнилъ бѣглецовъ, товарищей по тюрьмѣ, а пнѣ свободныхъ людей. „Впрочемъ,—размышлялъ онъ про себя,—можетъ быть они также невинны, какъ и я; можетъ ихъ совѣсть чиста, и они бѣжали отъ злыхъ людей, бросившихъ ихъ въ темницу. Теперь они свободны и счастливы... Но, Боже мой, что мнѣ-то дѣлать? Неужели я долженъ сгнить въ тюрьмѣ?..“ Онъ задумался на минуту, какъ бы ища отвѣтовъ на свои вопросы.—„Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!—вскричалъ онъ и привсталъ на ноги.—И я долженъ бѣжать отсюда!..“ Онъ подошелъ къ тому мѣсту, надъ которымъ виднѣлась вырѣзанная часть потолка, и задумчиво взглянулъ наверхъ. Ахъ, какъ близка была свобода! Долго стоялъ Кація на одномъ мѣстѣ; вдругъ онъ судорожно схватилъ веревку и сталъ подниматься вверхъ. Собранный съ послѣдними силами, онъ довольно ловко поднимался впередъ и, наконецъ, достигъ потолка. Уцѣпившись за доски, онъ поднялся на чердакъ. Кація, совершенно растерянный, присѣлъ отдохнуть. Съ чердака онъ поднялся на крышу. Въ его раскрытый ротъ влились струи свѣжаго, холоднаго воздуха. Давно, очень давно онъ не испытывалъ такого блаженства. Боже мой! сколько времени его легкія не вдыхали такого чистаго воздуха!.. Въ тотъ мигъ Кація былъ счастливъ. Онъ невольно устремилъ взоры въ сторону своей деревни. Его манилъ просторъ родныхъ полей; ясно рисуется бѣдняку родная избушка, онъ въ ней не забыть; тамъ есть родная душа—его старуха-мать. Кація подошелъ къ дождевой трубѣ. Было тихо, нигдѣ ни звука. Тишина, царившая кругомъ, придавала ему смѣлость; онъ увѣренно обхватилъ обѣими руками трубу и понесся внизъ. Не успѣлъ онъ придти въ себя, какъ съ шумомъ хлопнулся на землю. Бѣдняга почувствовалъ ужасныя боли. Заныло все тѣло. Теперь только почувствовалъ Кація, за какое трудное дѣло онъ взялся. Нѣсколько мгновеній онъ стоялъ въ раздумьѣ и не двигался съ мѣста. Вдругъ ему послышался какой-то шумъ и онъ навострилъ уши. Слышались шаги приближающагося къ нему человѣка. Ясно, что это былъ часовой. „Кація, спасайся!“—подсказалъ ему внутренній голосъ. Онъ бросился бѣжать, что было силы. „Куда ты?“. Караульный слѣдовалъ за нимъ, но видя, что не въ состояніи догнать, прицѣлился въ него. „Стой!“—кричалъ онъ во все горло.—„Стой, не то убью тебя!“ Но Кація ничего не слышалъ: онъ бѣжалъ не помня себя.

Раздался выстрѣлъ. Несчастнѣйшій бѣглець во весь ростъ свалился на землю, точно скошенный колосъ...

«На слѣдующій день, въ воскресенье старуха встала ранехонько. Ей не спалось всю ночь. Наполнивъ хурджинъ всякой всячиной, она взвалила его на плечо, въ руки взяла большую связку цоликаурскихъ виноградныхъ кистей и двинулась въ путь.

«Усталая и измученная, она кое-какъ добралась до уѣзднаго города; вотъ показались дома, церкви; вотъ и тюрьма, при видѣ которой у бѣдной женщины учащенно забилось сердце. У воротъ стояла толпа народу, что очень удивило ее. Старуха хотѣла-было дойти до тюремныхъ воротъ, но часовые загородили ей дорогу. Немного погодя, она увидѣла чиновника съ кокардой. Старуха и къ нему обратилась съ мольбой; но узнавъ, кто ея сынъ, онъ на исковерканномъ грузинскомъ языкѣ отвѣтилъ ей: „Вчера твой сынъ хотѣлъ бѣжать изъ тюрьмы, но его убили. Теперь докторъ вскрываетъ трупъ его. Ты можешь видѣть его послѣ“.

«Старуха слушала его, но ничего не понимала. На нее напалъ столбнякъ. „Убили моего сына!“—страшнымъ голосомъ заревѣла несчастная мать и, что было силы, начала бить себя по лицу. Она рвала себѣ волосы, царапала лицо.—Бѣдный мой сынъ! Бѣдный Кація!—вопила она во все горло: Господи, за что такое наказанье!... Побѣжавъ къ часовымъ, она дико закричала имъ: „Впустите! впустите!“ Караульные задержали ее. Больно было смотрѣть на несчастную женщину: кровь обильной струей лилась по лицу и по обнаженной груди. Ея глаза блуждали какъ-то странно, дико.

«Неожиданно обрушившееся на нее бѣдствіе совершенно лишило ее разсудка... И теперь изъ села въ село бродитъ горемычная, прося подаянія Христа ради. Лишь у сердобольныхъ старухъ, знающихъ ея прошлую жизнь, находитъ она пріютъ и ласку. По временамъ является она и въ свою родную деревню, но избѣгаетъ всякой встрѣчи съ сельчанами. Всѣмъ состояніемъ ея сына давно завладѣлъ Зурабъ. Бѣдняга часто подходитъ къ родному домику, гдѣ жилъ нѣкогда Кація. Сидитъ она здѣсь до тѣхъ поръ, пока слуги Зураба не прогонятъ прочь».

Стихотворенія Дуту Мегрели проникнуты теплымъ чувствомъ и носятъ слѣды упорной работы. Идея его лирическихъ пьесъ (съ 1883 г.) всегда благородная и чистая, выливается подчасъ въ технически-строгую форму. Въ стих. „Отвѣтъ“ поэтъ высказываетъ желаніе, чтобы его слова соответствовали его дѣлу, и въ творчествѣ его выражалась святая вѣра и неподдѣльная искренность. Цѣль его поэзіи внушить любовь къ тому, что онъ любитъ, и ненависть къ тому, что онъ ненавидитъ. Эта благородная задача не нашла достаточнаго воплощенія въ его произведеніяхъ. Воспѣвая по преимуществу господствующіе въ грузинской поэзіи національные и патріотическіе мотивы, онъ не обнаружилъ способности поставить новые идеалы, обрисовать свое „я“ въ отличіе отъ прежнихъ поэтовъ. Вліяніе Ак. Церетели, Орбеліани, („Видѣлъ я храмъ“ послѣдняго), Надсона всего сильнѣе на немъ сказывается. Въ стих. „Моя любовь“ онъ пытается выяснитъ понятіе

о любимомъ существѣ, съ которымъ онъ былъ бы связанъ единствомъ мысли и цѣли, служенія и поклоненія одному предмету. Но „новизна“ его представленія о любви очень неопредѣленна, нѣтъ словъ, рисующихъ новый образъ. Онъ вообще говоритъ мало, чувствуя, что „ротъ ему зажали“. Поэзія его носитъ отпечатокъ глубокой печали. Какъ поэтъ—гражданинъ скорбитъ о неправдѣ, тяготится подъ бременемъ зла, негодуешь противъ общественнаго несовершенства. Мы имѣемъ возможность поближе познакомиться съ молодымъ лирикомъ по двумъ сборникамъ его стихотвореній—„Слезы“ и „Горькія думы“.

Въ одномъ изъ стихотвореній онъ ясно высказываетъ свой взглядъ на поэта и на его назначеніе. Не тотъ поэтъ,—говоритъ онъ,—кто, своимъ жребіемъ довольный, забавляется писаніемъ стиховъ, или кто бессмысленно риемуется строки, думая, что поетъ подъ звуки божественныхъ струнъ. Поэтъ лишь тотъ, кто, проникнутый святыми чувствами, страдаетъ печалью народа и поетъ съ цѣлью облегчить разумнымъ словомъ душу страдальцевъ. Поэтъ пишетъ кровью, и стихъ его, омываемый слезами, оживляетъ его, но не забавляетъ. Онъ искренно вѣрить въ мечту высокаго призванія, и потому смѣло выступаетъ на борьбу со зломъ, хорошо зная, что неправда, будто „каждый звукъ его рѣчей плодитъ ему враговъ суровыхъ“. „Да и можетъ-ли поэтъ,—говоря словами Шиллера, тѣнью обманчивою плѣняться и ложнымъ призракомъ, какъ правдой, наслаждаться? Онъ хочетъ, чтобъ „истина передъ нимъ сіяла, вся обнаженная, безъ дымки покрывала“...

Сознаніе своего одиночества, воспоминаніе о тяжеломъ прошедшемъ, недовольство настоящимъ и преслѣдованіе зла—вотъ главные мотивы его пѣснопѣній. Эти мотивы ясно выражены въ одномъ изъ лучшихъ его стихотвореній—„Слезы“.

Когда борьбой съ житейскими волнами
Я удрученъ и одинокъ стою,
Лишенный силъ, покинутый друзьями,
Для всѣхъ чужой въ родномъ своемъ краю.

* *
*

Когда тоска мнѣ душу отравляетъ
И гложетъ умъ и сердце рветъ въ груди,
И вѣру въ жизнь душа моя теряетъ
И меркнетъ лучъ надежды впереди,—

* *
*

Тогда однѣ лишь слезы, въ утѣшенье
Спѣша ко мнѣ, какъ вѣрные друзья,
Смываютъ скорбь, приносятъ облегченье,
Смягчаютъ боль—и плачу, плачу я!..

* *
*

Ахъ, отчего нельзя мнѣ стать слезою
И широко разлиться по землѣ,

Чтоб смыть съ нея бушующей волною
Все зло,—весь ядъ въ господствующемъ злѣ?!..

(Перев. *Иванъ-да-Марья*).

Поэтъ въ своемъ лирическомъ экстазѣ желаетъ превратиться въ бурный потокъ слезъ, чтобы, смывъ зло, уничтожить его въ корнѣ и насадить сѣмена добра и правды. Это страстное, неутомимое и энергическое преслѣдованіе зла—вотъ цѣль, достойная поэта и человѣка! „Хочу,—говоритъ онъ въ стихотвореніи „Пять картинъ“,—живымъ глаголомъ увлечь толпу, хочу пронзить стрѣлой грудь врага и освѣтить лампадой мракъ, царящій вокругъ; жажду искорененія зла и грубой силы. Пусть одна правда царить и торжествуетъ на землѣ!“... Муза—это муза скорби и печали; хотя она и не обладаетъ ни изяществомъ, ни пластичной красотой, но отличается силой и энергіей. Характерная особенность его музыки—это ея воинственное настроеніе: она жаждетъ борьбы. Сознавая, что преобладаніе зла въ мірѣ велико, поэтъ, не отчаяваясь въ побѣдѣ, смѣло идетъ въ бой съ неправдой и тьмой за истину и свѣтъ.

Однимъ изъ мотивовъ пѣснопѣній Дуту Мегрели является также любовь его къ природѣ. Въ своихъ разнообразныхъ проявленіяхъ природа благотворно дѣйствуетъ на поэта, доставляя ему душевное спокойствіе; вотъ почему онъ въ своей поэтической грусти часто обращается къ явленіямъ внѣшней природы, возбуждающимъ въ немъ разнообразныя мысли и ощущенія. Природа съ ея вѣчными красотами привлекаетъ Дуту Мегрели настолько, насколько она соотвѣтствуетъ его внутреннему душевному настроенію. Вотъ, напримеръ, на какія мысли наводитъ поэта „Горный родникъ“ (пер. *Иванъ-да-Марья*).

Журча по глыбамъ горныхъ кручь,
Бѣжить ручей стремниной тѣсной;
Надъ нимъ кружится солнца лучъ,
Въ него глядится сводъ небесный.
Онъ то играетъ, то бурлитъ,
То извивается змѣею,
И скаламъ шепотомъ твердить,
Прильнувъ къ нимъ ласковой струею:
Прощайте, милыя! Мой путь
Благословите на прощанье:
Иду я жизнь собой вдохнуть,
Нарушить міра прозябанье.
По волѣ Бога, я землѣ
Несу живительную влагу
И силамъ, дремлющимъ во мглѣ,
Несу желанную отвагу.
Я—не одинъ, не бойтесь; тамъ,

Въ долинахъ ждуть ручьи другіе,
 Соединиться бѣ только намъ
 И слить стремленія благія!..
 Изъ насъ отдѣльно каждый слабъ,
 Но вмѣстѣ—сила мы большая!
 И насъ осилить не могла бѣ
 Ничья вражда иль власть земная...
 Прощайте, милыя! Мой путь
 Благословите на прощанье:
 Иду я жизнь собой вдохнуть,
 Нарушить міра прозябанье!“
 И вдаль, не глядя ни на что,
 Ручей отъ скаль стремится милыхъ,
 Играетъ, скачетъ,—и ничто
 Остановить его не въ силахъ!

Грустное чувство испытываетъ поэтъ при видѣ сѣраго облачного неба: не то свѣтъ, не мракъ, не то жизнь, не то смерть.

Тучи все небо покрыли,
 Льютъ надъ землей свои слезы;
 Міръ опечаленъ; застыли
 Солнца лишеныя грезы...
 Тягостны сумерки эти:
 Точно весь міръ заколдованъ
 И въ полутьмѣ, въ полусвѣтѣ
 Сномъ летаргическимъ скованъ!
 Пусть бы хоть вѣтеръ промчался,
 Грянулъ бы громъ перекатный,
 Плачь или стонъ бы раздался,
 Хлынулъ бы дождь благодатный;
 Пусть бы, на гибель и горе,
 Землетрясенье случилось,
 Заволновалось бы море,
 Бурей дыша, расходилось;
 Пусть до небесъ непогода
 Волны вздымала бѣ морскія,—
 Лишь бы очнулась природа!
 Лишь бы прошла летаргія!

Въ основѣ лучшихъ стихотвореній поэта кроется горячая и искренняя любовь къ народу, любовь гражданская. Любовь эта полна той элегической грусти, которая кладетъ на нее особый поэтический колоритъ. Это чувство и вызываетъ слезы поэта, его скорбь, а подчасъ и желчь. Проникнутый этимъ чувствомъ, поэтъ въ изображеніи житейскихъ явленій

безпощаденъ и не боится тѣхъ неприятныхъ ощущеній, какія могутъ быть вызваны созерцаніемъ неподкрашенной дѣйствительности.

Когда, уставъ въ борьбѣ съ жестокою судьбою,
 На прошлое свое бросаю взоръ, скорбя,
 То, обезсиленный бесплодною борьбою,
 Какъ будто голоса я слышу близъ себя.
 Одинъ изъ нихъ твердитъ: „Довольно! нѣтъ спасенья,—
 Оружіе сложи и покорись судьбѣ!
 Хоть кровью истекай въ пылу самозабвенья,—
 Ты все жъ не побѣдишь въ отчаянной борьбѣ!“
 Другой мнѣ говоритъ: „Разъ выспею душою,
 Среди существъ земныхъ, владѣть человекъ,
 То лучше умереть покончивши съ собою,
 Чѣмъ, покорясь судьбѣ, рабомъ влacity свой вѣкъ!“
 — „Не слушайся ты ихъ!—мнѣ молвить третій голосъ,—
 Живи и вновь борись среди земныхъ скорбей,
 И, не щадя себя ни на единый волосъ,
 Взявъ чашу горькую, до дна ее допей!
 Безсмертенъ будетъ тотъ, кто собственною кровью
 Народу путь его сумѣетъ облегчить,
 Кто слезы осушать пойдетъ ко всѣмъ съ любовью
 И будетъ до конца отечеству служить!
 Такъ поступаай и ты: борись же до могилы,—
 И память о тебѣ въ отчизнѣ не умретъ!“.

(Стихотв. „Три голоса“, перев. С. А.).

Дугу Мегрели—поэтъ субъективный, лирикъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Это молодое дарованіе, которому суждено еще развернуться во всей силѣ и красѣ. Нѣкоторые изъ читателей, относясь скептически къ нему, не хотятъ признать его истиннымъ поэтомъ; они считаютъ его риемоплетомъ и новеллистомъ недостаточно объективнымъ.

Дѣйствительно, въ повѣстяхъ не хватаетъ у него художественности и законченности. Какъ реалистъ, онъ беретъ житейскія явленія, но не поднимается выше ихъ фотографированія. Такова его повѣсть „Тасо“ (1894 г.). Героиня, 16-лѣтняя гимназистка, полюбила 14-лѣтняго мальчика Нико. Они оба молоды, красивы, честны. Онъ ее спасъ отъ простуды, предоставивъ свой зонтикъ во время ливня, а самъ схватилъ горячку и умеръ. Тасо не перенесла горя и опасно заболѣла. Богатые ея родители отвезли ее въ деревню, гдѣ она поправилась, расцвѣла и привлекла массу жениховъ. Она всѣмъ отказывается, желая оставаться вѣрной навѣки Нико. Но одинъ претендентъ на ея руку, Коста, прибѣгъ къ содѣйствію сыновей своей няни, похитилъ ее и увезъ въ горы. Тасо примирилась съ своей участью и обвѣнчалась. Эта героиня повѣсти очерчена смутно. Неясно, почему она нарушила свой „обѣтъ“, какую борьбу при этомъ она

переживала,—не выражена въ ея лицѣ потребность нашего времени, пробужденіе новыхъ интересовъ.

Дуту Мегрели написалъ поэму „Разсвѣтъ“ (Квали, 1893, 1894 г.), рядъ изящныхъ стихотвореній: „Раскаяніе“, „Развѣ?“ „Моя любовь“, „Причитываніе“, „Весна“, „Игнатію Ниношвили“ (по поводу его смерти), „Посту“ и др. Въ *Квали* помѣстилъ повѣсть *Страшная буря*, составляющую продолженіе повѣсти *Первыя волны*, „Веселый завтракъ“ (рассказъ въ Джеджили), написалъ ком. *Жизнь и смерть* (см. *Квали*, 1897 г. № 7). Переводилъ изъ Надсона, Лермонтова („Мнѣ грустно, потому что я тебя люблю“) др. Отдѣльно изданы сборники его рассказовъ (Кут., 1892) и стихотвореній 1883—1895 г. (Кутаисъ 1897 г.).

Р е а л и с т ы .

Меланія.

Авторъ произведеній, подписанныхъ псевдонимомъ Меланія, принадлежитъ къ числу реалистовъ, талантливыхъ бытописателей. Извѣстность онъ приобрѣлъ повѣстью „Бнело“. На большую ея популярность указываетъ и тотъ фактъ, что, печатаясь въ видѣ отдѣльныхъ фельетоновъ въ газетѣ „Иверія“ въ 1888 году, „Бнело“ уже удостоилась отдѣльнаго изданія черезъ два съ небольшимъ года.

Отличительное свойство этой повѣсти г. Меланіи, говоритъ г. Маишвили — это, полное почти отсутствіе сюжета, мало того: полное отсутствіе даже какой-либо опредѣленной общественной идеи. Авторъ, повидимому, вовсе не задавался цѣлью обобщить какое-либо общественное явленіе или прослѣдить практическое проявленіе какихъ-либо идей и принциповъ, живущихъ въ современномъ ему обществѣ. Онъ не имѣлъ также въ виду нарисовать передъ читателемъ различные характеры, анализировать душу своихъ героевъ и путемъ такого психологическаго изслѣдованія дать картину умственнаго и нравственнаго состоянія родного ему общества. Задача его гораздо уже, сфера его наблюденія ограниченнѣе: онъ желаетъ дать лишь точный снимокъ, вѣрную копію безхитростной, повседневной жизни грузинской деревни.

Правда, крестьянская реформа произвела коренной переломъ въ жизни деревни. Она не только разрушила унаслѣдованные устои дореформенной жизни, но и создала совершенно новый строй экономическихъ и общественныхъ отношеній. Рядомъ съ несомнѣннымъ ростомъ общаго экономическаго благосостоянія крестьянъ и даже выдѣленіемъ изъ крестьянской среды особаго слоя, сумѣвшаго накопить въ своихъ рукахъ значительныя денежныя средства и представляющаго собою нѣчто, похожее на средній классъ, мы замѣчаемъ постепенное, хотя и безостановочное, паденіе экономическаго значенія дворянства, бывшаго помѣщичьяго сословія.

Когда старое дореформенное хозяйство изъ натурального превратилось въ денежное, когда крѣпостной трудъ долженъ былъ замѣниться

трудомъ вольнонаемнымъ, когда, въ связи съ этимъ все сдѣлалось покупнымъ и продажнымъ,—то въ средѣ бывшего помѣщичьяго сословія явилась такая сильная нужда въ деньгахъ, которая могла быть удовлетворена либо займами, либо продажей земель. На выручку явились дворянскіе земельные банки, которые такимъ образомъ были прямымъ отвѣтомъ на существовавшій запросъ. Извѣстная часть дворянства оказывается не въ силахъ сводить концы съ концами и вынуждена прибѣгать къ продажѣ унаслѣдованныхъ земель. Земля, обремененная долгами, ушедшими не на ея улучшение, и обрабатываемая на старыхъ основаніяхъ, не въ состояніи, конечно, и уплачивать проценты по долгамъ, и кормить своего владѣльца. Тѣмъ болѣе, что потребности этого послѣдняго расширились далеко не въ соотвѣтствіи съ возвышеніемъ доходности его земель. Притомъ дворянство благодаря слабому развитію въ его средѣ общаго и спеціальнаго образованія, лишено въ большинствѣ случаевъ возможности путемъ службы и профессиональныхъ занятій пополнять дефициты своего хозяйства, отсюда та печальная картина, которую въ настоящее время оно представляетъ. Зрѣлище, представляемое этою глухою, съ виду незамѣтною, но ни на минуту не прекращающеюся борьбою двухъ экономическихъ силъ, соотношеніе которыхъ до освобожденія крестьянъ было діаметрально противоположно въ сравненіи съ настоящимъ временемъ, является самою характерною и любопытною стороною современной деревни.

Не вездѣ, конечно, этотъ ростъ новаго фактора, эти общественныя перестановки, выражаются съ одинаковою выпуклостью и ясностью. Есть мѣстности бойкія; находящіяся въ благопріятныхъ условіяхъ въ торгово-промышленномъ отношеніи, и есть мѣстности глухія, расположенныя вдали отъ центровъ и движенія времени. Указываемый процессъ разрушенія стараго и народненія новаго класса быстрѣе и явственнѣе совершается въ мѣстностяхъ перваго рода и едва намѣчается въ мѣстностяхъ втораго рода. Но это обстоятельство отнюдь не можетъ служить отрицаніемъ всеобщности и живучести наблюдаемыхъ явленій.

Художникъ, желающій нарисовать картину современной деревни, желающій, уловить новыя теченія, отличающія изображаемую имъ деревенскую жизнь, не станеть, конечно, предметомъ своихъ наблюденій избирать одну какую-либо опредѣленную мѣстность, и притомъ мало характерную въ этомъ отношеніи. Онъ обязанъ наблюдать интересующія его явленія вездѣ, гдѣ только возможно, и, собирая матеріаль по частямъ, долженъ постараться, путемъ присущей ему творческой силы, соединить разрозненные куски въ цѣльную картину жизни.

Что касается г. Меланія, то онъ безспорно скорѣе фотографъ, чѣмъ художникъ, проявившій творческія дарованія. Правда, фотографировать онъ превосходно, обнаруживая въ этомъ отношеніи необыкновенную наблюдательность и способность точно и живо передать наблюдаемыя явленія; къ сожалѣнію, однако, кругъ его наблюденій чрезвычайно узокъ и ограниченъ. Читая его повѣсть, все время представляется,

что изображенныя въ повѣсти лица—хорошіе знакомые автора, что описываемыя сцены и событія въ дѣйствительности имѣли мѣсто въ жизни и именно въ той мѣстности, гдѣ имѣетъ мѣстопробываніе самъ авторъ. Отдѣльныя главы повѣсти не имѣютъ между собою никакой почти связи, могутъ читаться совершенно независимо другъ отъ друга. Въ повѣсти выведены дѣйствующія лица, которыя же имѣютъ рѣшительно никакого отношенія къ главному содержанию повѣсти, будучи пристегнуты къ ней совершенно механически, искусственно. Самы по себѣ, безъ отношенія къ сюжету повѣсти, эти дѣйствующія лица нарисованы такъ живо, съ такою несравненною тщательностью и вѣрностью оригиналамъ, что при знакомствѣ съ ними получается настоящее художественное наслажденіе. Таковы, напр., члены мѣстнаго церковнаго причта, такова и шемандуха, полупомѣшанная старуха. Не было, никакой надобности въ той излишней подробности, съ какою авторъ описываетъ способъ леченія оспы въ деревнѣ, гдѣ больного стараются развлекать пѣснями, плясомъ и всевозможными болѣе или менѣе занимательными разказами. Не было надобности, въ излишнемъ и даже утомительномъ описаніи того, какъ у одной дѣвочки молодыя дѣвушки и женщины обучаются грамотѣ и рукодѣлію; точно также, какъ совсѣмъ не идетъ къ дѣлу подробная характеристика этой самой дѣвочки и ея благовѣрнаго супруга. Была-бы, быть можетъ, излишняя сцена на мельницѣ (по крайней мѣрѣ, она ничѣмъ не связана съ повѣстью), гдѣ крестьяне ведутъ разговоръ о разныхъ малопонятныхъ имъ предметахъ, въ родѣ телеграфа, причинявшаго появленія дождя, о сравнительной силѣ разныхъ государей; но сцена эта написана съ такимъ талантомъ, производитъ такое пріятное, чарующее впечатлѣніе, что читатель вполне мирится съ его неумѣстностью.

Содержаніе „Бнело“ весьма несложно. Молодой крестьянинъ Илья Окруашвили, оставшійся сиротой послѣ смерти отца и, подѣ благотворнымъ вліяніемъ матери, превратившійся въ одного изъ лучшихъ работниковъ во всей деревнѣ, женится на красивой и симпатичной крестьянской дѣвушкѣ изъ сосѣдняго села. Мѣстный сельскій старшина, вкупѣ съ своимъ закадычнымъ другомъ, промотавшимся княземъ Шахро, до того илѣнены красотой молодой крестьянки, что всѣми способами добиваются ея вниманія. Не достигнувъ, однако, своей цѣли, они рѣшаются въ той или иной формѣ устранить главное препятствіе—мужа, котораго подѣ какимъ-то неблаговиднымъ предлогомъ имъ и удастся, въ концѣ-концовъ, упрятать въ тюрьму. Старуха-мать не въ силахъ пережить несчастье, постигшее сына, вскорѣ послѣ этого умираетъ, и молодая жена Ильи остается, такимъ образомъ, одна во всемъ домѣ. Пользуясь одиночествомъ и незащищенностью несчастной женщины, князю Шахро удастся силою ворваться въ ея домъ и исполнить свои гнусныя желанія, проложивъ дорогу и своему другу-старшинѣ.

Между тѣмъ, по окончаніи срока наказанія, молодой мужъ возвращается домой. Но это уже не то простодушное и чистое сердцемъ дитя

природы, какимъ онъ выросъ подъ воздѣйствіемъ земли и простыхъ, безхитростныхъ отношеній деревни, а человекъ, познавшій, подъ влияніемъ тюрьмы и тюремныхъ товарищей, зло во всѣхъ его безобразныхъ проявленіяхъ. Вчерашній пахарь превращается въ ловкаго и безстрашнаго конокрада и мошенника. Первымъ дѣломъ онъ прогоняетъ отъ себя жену и ранитъ старшину, котораго застаетъ у своей жены, а затѣмъ принимается за обычные воровскіе подвиги, за которые, въ концѣ концовъ, по приговору сельскаго схода, выселяется изъ общества.

Такое несложное содержаніе повѣсти не лишено извѣстной поучительности. Авторъ боится сильныхъ эффектовъ, достигаемыхъ, обыкновенно, съ одной стороны, искуснымъ расположеніемъ обстоятельствъ описываемыхъ событій, а съ другой—психологическимъ освѣщеніемъ происходящихъ дѣйствій; въ то же время онъ избѣгаетъ новыхъ теченій, замѣчаемыхъ въ деревнѣ, какъ видно изъ блѣдной характеристики довольно типичнаго князя Шахро и мелкаго деревенскаго торговца, превращающагося на глазахъ читателя въ обыкновеннаго деревенскаго кулака, пресловутаго „буржуя“. Фигура этого послѣдняго вышла у него настолько туманна, дѣйствія его настолько мало понятны, что самое присутствіе его въ повѣсти становится почти неумѣстнымъ. Между тѣмъ, обрати авторъ побольше вниманія на роль этого новаго господина деревни, откажись онъ отъ рабски-фотографическаго списыванія портретовъ, деревенскій кулакъ производилъ-бы живое впечатлѣніе и объяснилъ бы собой многое въ деревенской жизни, теперь же онъ лишь вставное, мертвое лицо, своимъ присутствіемъ только мѣшающее плавности рассказа.

На протяженіи всей повѣсти Меланія ни разу не рѣшается заглянуть въ душу своихъ героевъ. Происходить это, однако, едва-ли отъ недостаточно отчетливаго пониманія душевныхъ движеній своихъ героевъ или отъ неумѣнія художественнаго ихъ воспроизведенія. У автора есть прекрасныя, чисто художественныя страницы, посвященныя описанію тѣхъ душевныхъ терзаній, какія испытываетъ разбойникъ „Бнело“. Въ простыхъ, но трогающихъ за душу, словахъ авторъ заставляетъ этого невольнаго разбойника вспоминать прежнюю свою мирную жизнь со всѣми привычными ея прелестями, тихими радостями и незатѣйливыми надеждами. *Бнело*, сравнивая свое свѣтлое прошлое съ настоящимъ его существованіемъ, полнымъ вѣчной тревоги, вѣчныхъ скитаній, безъ родныхъ, безъ друзей, безъ опредѣленныхъ занятій, невольно предается самымъ мрачнымъ и мучительнымъ думамъ. Онъ знаетъ, что съ пути, на который его толкнула злая судьба, нѣтъ для него возврата, что онъ уже не можетъ снова превратиться въ того хорошаго работника и образцоваго хозяина, какимъ онъ слылъ прежде, и слезы невольно катятся по его щекамъ... Сцена эта происходитъ какъ разъ передъ приготовленіемъ къ новому дерзкому нападенію на скотъ сосѣднихъ жителей... Чтобы заставить отпѣтаго, въ конецъ уже развратившагося, разбойника предаться покаяннымъ думамъ, въ особенности въ такой мало, повиди-

тому, подходящей обстановкѣ и не впасть при этомъ въ слащавость, въ обычную сентиментальность—для этого безспорно надо имѣть не только сильно развитое чувство художественной мѣры, но и несомнѣнные проблески дарованія. И дѣйствительно, авторъ и здѣсь остался чистокровнымъ реалистомъ, но г. Меланія не только реалистъ, но и фотографъ. Реализмъ ничуть не исключаетъ ни общественной идеи, ни художественной „выдумки“. Произведеніе должно быть жизненно, соотвѣтствовать условіямъ мѣста и времени, а не фотографически списано съ натуры.

Въ разсказѣ „Четки“ онъ касается новыхъ вѣяній среди грузинскихъ землевладѣльцевъ и безжалостно обнажаетъ ихъ слабыя стороны. Герой кн. Асланъ задался цѣлью отступитъ отъ праѣдовскихъ завѣтовъ и серьезно заняться улучшеніемъ своего хозяйства. Но онъ терпитъ полное пораженіе. По натурѣ своей онъ нерасчетливъ, увлекается пирами подъ величественнымъ дубомъ „Махарэ“ (что значитъ *обрадуи*), живетъ фантазіями и вся его затѣя кончается закладами имѣній или продажей въ стороннія руки. Не смотря на свои попытки стать въ уровень съ вѣкомъ и ввести въ хозяйства новшества, герой глубоко суетвѣренъ: онъ вѣритъ въ свою звѣзду—четки, съ которыми связываетъ свое счастье. Пропадаютъ четки и вмѣстѣ съ ними разбивается его счастье.

Разсказъ „Ладико“ посвященъ изображенію грузинскаго князя-кутилы. Учился Ладико очень лѣниво и былъ исключенъ изъ третьяго класса гимназіи. Мечты родителей, что сынъ будетъ носить эполеты и уподобится дѣду, прославленному стратегу, разлетѣлись въ прахъ. Ладико еще на школьной скамьѣ увлекся танцами и радостями жизни. Мать его Бабале удовлетворяла всѣ прихоти сына, а избалованный мальчикъ, оказавшись раньше времени въ водоворотѣ жизни, сталъ привыкать къ кутежамъ и безобразіямъ, сопровождающимъ шумныя пирушки. Онъ усовершенствовался въ этомъ „искусствѣ“ подъ руководствомъ слуги и чрезъ два года, по исключеніи изъ гимназіи, доказалъ, свою „способность“ вступить въ кружокъ кутиль: онъ безъ передышки выпилъ рогъ вина и ранилъ кинжаломъ неугомоннаго Нико. Съ того времени онъ сталъ главаремъ золотой молодежи, ему во всемъ покорной и подражающей. При ея помощи онъ задумалъ похитить дочь богатаго Асатура, чтобы воспользоваться ея приданымъ на попойки; но по дорогѣ къ этой цѣли онъ смертельно ранилъ крестьянина, который имѣлъ дерзость сказать князю, чтобы онъ своего коня нѣсколько въ сторону отвелъ. Ладико былъ привлеченъ къ отвѣтственности и сосланъ въ Сибирь ¹⁾.

Въ произведеніи „Навордоба“ авторъ проводитъ тенденціозную мысль: отецъ армянинъ завѣщаетъ предъ смертью сыну всячески обкрадывать грузинъ. Жаль, что Меланія давно уже замолкъ и въ литературѣ пересталъ принимать участіе.

¹⁾ О Меланіи (повѣсти его Бнело) см. „Квали“ статью г. Хомлели (1894 №№ 11 15) и г. Маіашвили въ „Новомъ Обзорѣніи“.

В. Барновъ.

В. Барновъ какъ беллетристъ извѣстенъ читателямъ давно, но его повѣсти „Свимонъ“ и „Нуто“ (Квали 1895—1896 гг.) мало привлекли вниманіе общества. Въ 1902 г. появилась его новелла „Жадно напилась“—повѣсть на общественную тему, заинтересовавшая критику.

Дочь крестьянина, стройная Бабуца, любитъ своего друга дѣтскихъ игръ Ило, но безъ надежды на взаимность, въ виду разности ихъ социальнаго положенія. Ило вскорѣ поѣдетъ въ Россію доканчивать свое образованіе и хотя онъ клянется, что не забудетъ ея, но она увѣрена, что любовь его къ ней братская, а не та страстная, которая ею овладѣла. Авторъ занятъ анализомъ глубокой скорби Бабуцы и безъ вниманія оставилъ Ило, не сообщивъ даже свѣдѣнія объ его сословномъ происхожденіи и тѣхъ классовыхъ предразсудкахъ, которые могли бы воспрепятствовать вступить ему въ бракъ съ крестьянкою. Замѣтивъ увиданіе Бабуцы, родители своеобразно объяснили ея тоску настроеніемъ предъ наступившимъ моментомъ выдачи ея замужъ. Бабуца затаила свою тайну и вышла за крестьянина, котораго возненавидѣла, какъ виновника своей неосуществившейся мечты. За семейнымъ раздоромъ послѣдовала попытка мужа проучить жену, а послѣдняя въ отмщеніе за оскорбленіе, и за разрушеніе лелѣмыхъ грезъ спящему супругу перерѣзала горло и съ жадностью припала испить его кровь, словно воды горнаго ручья въ жаркій день. Преступное убійство ничего неподозрѣвавшаго мужа недостаточно мотивировано; авторъ поверхностно раскрылъ поставленный вопросъ о брачныхъ узлахъ между классами, раздѣленными сословною гордостью и традиціонными воззрѣніями.

Въ другой повѣсти „Привидѣлось“, по сюжету совпадающей съ повѣстью Ек. Габашиви „У Луарсаба нашелся патронъ“ (Моамба 1901) г., Барновъ сдѣлалъ опытъ, очень рѣдкій въ грузинской литературѣ, посвятившей лучшія беллетристическія произведенія изображенію народнаго быта. Опытъ направленъ къ воспроизведенію типа интеллигентнаго человѣка въ сферѣ общественной жизни,—благороднаго мечтателя, безъ всякой инициативы, постепенно погружающагося въ омутъ наслажденій. Герой повѣсти Іосифъ Сандомидзе съ дѣтства мечталъ о своей „апостольской роли среди обездоленныхъ соотечественниковъ“. Въ университетѣ голова его была переполнена надеждами на широкую дѣятельность. Но вскорѣ на родинѣ убѣдился, что—онъ не подготовленъ для жизни, устроенной не такъ, какъ онъ ее зналъ „изъ оконъ учебнаго заведенія“. Вначалѣ онъ фантазеръ, а не дѣлецъ; онъ учительствовалъ, но гнилая атмосфера отравила его думы; товарищи его постыдно мечтали только о матеріальномъ своемъ благосостояніи, наслажденіяхъ и почестяхъ. Эти карьеристы и эпикурейцы, конечно, не сближались съ немногими „изолированными и выброшенными за бортъ“, къ

¹⁾ Критическія статьи объ немъ К. Абашадзе и Занги въ „Цноб. Пурцела“ за 1902—1903 г.

числу которых принадлежалъ и Сандомидзе. Ему предстояло испытать лишь однѣ неудачи. Сбиралъ онъ устные произведенія народа, но воздерживался ихъ печатать, на службѣ не сошелся съ товарищами, личная жизнь сложилась также къ его огорченію: возлюбленная его скончалась, прежде чѣмъ онъ рѣшилъ ей признаться; опасался, что семейная жизнь ограничитъ его общественную дѣятельность, однако женился на вѣтренной особѣ, Оеклѣ (когда сѣдина стала у него пробиваться), которая при первомъ удобномъ случаѣ измѣнила ему и бросила. Онъ сталъ пить и жизнь его пошла стремительно по наклонной плоскости. Таковъ этотъ типъ интеллигентнаго неудачника, обрисовка котораго сдѣлана нѣсколько поспѣшно, да и психологическій анализъ не отличается достаточною глубиною.

Сила наблюдательности и знакомство съ жизнью дали ему богатый запасъ свѣдѣній изъ жизни грузинскаго народа, которыя онъ использовалъ въ небольшихъ рассказахъ. „Ненасытный“—герой его рассказа подъ тѣмъ же названіемъ—представляетъ типъ князя—бражника, прожигающаго свое большое состояніе. Только учительница Какато, поставившая цѣлью жизни выйти замужъ за богатаго человѣка, долго не поддается его чарамъ. Князь Арчилъ, увлеченный ею, согласенъ даже жениться на ней,—они сближаются, она уже занялась устройствомъ обстановки для будущей совмѣстной жизни. И въ тотъ моментъ, когда она, стоя на стулѣ, поправляла гардины, онъ въ пылу страсти схватилъ за ноги, сталъ цѣловать и, не встрѣчая съ ея стороны сопротивленія, насытилъ свой инстинктъ. По достиженіи цѣли, сластолюбивый князь ее бросаетъ и вновь продолжаетъ вести разгульный образъ жизни.

В. Барновъ извѣстенъ и какъ дѣтскій писатель (рассказъ „Сапожникъ“ и др.), но онъ силенъ въ жанровыхъ картинахъ. Незатѣйливо, съ богатымъ этнографическимъ аксессуаромъ онъ рисуетъ бытовые сцены изъ крестьянской среды, бережно хранящей старинные нравы и обычаи. Таковъ рассказъ „Онисимъ“; здѣсь предъ нами проходитъ въ живомъ и пластическомъ описаніи народный праздникъ съ его пѣніемъ, танцами и борьбой. Рассказъ этотъ въ переводѣ напечатанъ былъ въ *Кавказѣ*.

Іа Екаладзе (Цинцадзе).

Онъ выступилъ на литературное поприще подъ псевдонимомъ *Томаинтъ Коба*, замѣненнымъ впоследствии другимъ *Іа Екаладзе*. Къ тому времени грузинскіе демократы успѣли приобрести вѣсъ въ обществѣ и увлекли за собою беллетристовъ. Но Екаладзе не сталъ проповѣдникомъ марксизма въ новеллахъ и очеркахъ. Онъ примкнулъ къ писателямъ, поставившимъ себѣ задачей анализъ души человѣка въ его борьбѣ съ житейскими невзгодами. Первый его дебютъ—эскизъ *Илико Беденадзе* появился въ газ. „Иверія“ (1892 г.). Съ того времени онъ принялъ дѣятельное участіе въ грузинской прессѣ и особенно близко стоялъ къ преобразованной *Иверіи*, когда редакторомъ ея былъ приглашенъ Ф. Гоги-

чайшвили. Въ 1904 г. вышелъ первый сборникъ ¹⁾ его произведеній. Въ небольшомъ къ нимъ предисловіи намѣченъ въ общихъ чертахъ характеръ творчества юнаго беллетриста. „Онъ интересуется современнымъ несовершенствомъ и насиліемъ, его симпатіи и любовь на сторонѣ тѣхъ, кто борется противъ несправедливости. Герой его Беденадзе спрашиваетъ себя: „когда же будетъ конецъ житейской неправдѣ, когда же всѣ будутъ сыты и довольны судьбой?“ Этотъ вопросъ повторяютъ всѣ его герои. Въ жизни авторъ видитъ съ одной стороны гонимыхъ, голодныхъ, честныхъ, съ другой—гонителей, сытыхъ, лукавыхъ. Природа сама служитъ выразительницей этого контраста людскихъ отношеній. Въ свирѣли нищаго ему слышится вопль обездоленного собрата: „люди же вы, дайте хлѣба, умираю отъ голоду“. Вырываясь изъ общества, онъ обращается къ морю, горамъ, лѣсу съ жалобнымъ воззваніемъ: „что такое человѣкъ, если постоянно онъ будетъ рабъ, рабъ лукавый, трусливый и лживый, рабъ знатныхъ, рабъ золота, рабъ страстей!“ Его стремленія весьма ярко выразились въ стихахъ *На берегу моря*, полныхъ страстнаго желанія найти, подобно Самуилу, героя, избавителя народа отъ страданій,—который, сразивъ негоднаго Голиаѳа, вдохновенно поведетъ впередъ пробудившійся народъ. Эта характеристическая черта творчества г. Екаладзе сдѣлала его любимымъ писателемъ трудящагося класса“.

Эти слова предисловія совершенно правильно резюмируютъ идейную сторону десятилѣтней литературной дѣятельности Іа Екаладзе. Въ критическихъ статьяхъ, посвященныхъ разбору его сборника, было высказано два противоположныхъ мнѣнія: одно, рѣзкое и недостаточно обоснованное принадлежитъ г. Занги, литературному обозрѣвателю *Цнобисъ-Пурцели* (№№ 2564 и 2589), другое г. Ситквѣ и С. Кваріани. Статья послѣдняго (*Иверія* 1904 г. № 245 и сл.) вызвана была отрицательнымъ отношеніемъ г. Занги къ литературному таланту Іа Екаладзе. Суровый критикъ объявилъ сборникъ г. Екаладзе скучной книгой, безъ фабулы и сюжета въ авторѣ онъ не призналъ творческой фантазіи, знанія человѣческой души и теченія жизни, при томъ многословіе и фразеологія часто прикрываютъ скудость внутренняго содержанія его произведеній. Рѣшительнымъ противникомъ такого „пристрастнаго“ отзыва явился Св. Кваріани. Онъ посвятилъ анализу сочиненій Іа Екаладзе нѣсколько фельетоновъ и выяснилъ истинное его значеніе. Заслуга молодого беллетриста заключается въ томъ, что онъ впервые обрисовалъ типъ грузинскаго интеллигентнаго пролетарія и образованнаго бродяги, ставшаго лишнимъ на жизненномъ пиру только потому, что не успѣлъ записаться дипломомъ. Его герои—образы самого автора, семинариста, недокончившаго курса и энергичнымъ трудомъ пополнившаго пробѣлы своего образованія. Подобно главнымъ персонажамъ своихъ произведеній (Гено, Плико, Зурай, Тимотэ), авторъ много испыталъ въ борьбѣ въ школѣ за существованіе, въ присканіи службы. Не примирившись съ школьною рутинною и

¹⁾ Въ сборникъ не вошелъ его рассказъ *Иордане* (*Иверія* за 1902 г.) „Исповѣдь Шакро“ (*Квали*, 1902), „Свящ. Фодоръ“, „Что смѣешься“ и нѣсколько др. произведеній.

съ деспотизмомъ начальства, герои его покидаютъ учебное заведеніе, расстаются съ служебной карьерой и съ огромнымъ запасомъ нравственной устойчивости и съ непреклоннымъ желаніемъ бороться со зломъ во имя блага народа вступаютъ въ жизненный водоворотъ. Если оставить въ сторонѣ нѣсколько эскизовъ подражательнаго характера (*Сонъ крестьянина, Въ Пасхальную ночь, Письма* и др.), то его стихотворенія въ прозѣ (*Небу, О, гора высокая, Въ лѣсу, На берегу моря, Фантазія*) и повѣсти изъ жизни интеллигенціи должны быть признаны приобритеніемъ въ грузинской литературѣ и по новизнѣ затронутыхъ темъ, и по вѣншей стилистической обработкѣ. Авторъ и въ первой группѣ занятъ анализомъ думъ и чувствъ одинокаго человѣка, объятаго желаніемъ сокрушить общественное зло.

Но еще болѣе замѣчательны его повѣсти *Илико Беденадзе, Нисугомонный, Въ лунную ночь, Тео*. Герой первой повѣсти Илико Беденадзе, сынъ сельскаго священника, не ужившись съ гнетущимъ строемъ Тифлисской духовной семинаріи, былъ уволенъ изъ послѣдняго класса.

Авторъ его надѣлилъ высокими благородными стремленіями. Но условія жизни нисколько не содѣйствуютъ ихъ проявленію. Выросъ онъ сиротой въ бѣдности, ни откуда ласковаго слова и привѣта не слышалъ. Провелъ онъ школьные годы у деспотической домохозяйки, гонявшей его за водой и не дававшей ему минуты покоя своими укорами. Онъ еще больше терпѣлъ отъ бездарнаго и необразованнаго учителя съ „свирѣпымъ лицомъ“. Ему оставалось бѣжать изъ школы, но былъ пойманъ и жестоко наказанъ. Эти обстоятельства заставили его рано задуматься надъ житейской неправдой и чрезъ призму своихъ страданій онъ сталъ понимать страданія окружающихъ. Горькія думы скоро его состарили, но энергія бороться противъ произвола и насилія въ немъ не ослабѣли. Наканунѣ осуществленія своихъ грезъ онъ былъ исключенъ изъ семинаріи.

Безъ аттестата, безъ служебныхъ занятій, погруженный лишь въ чтеніе книгъ, Илико Беденадзе прослылъ въ устахъ народа сумасшедшимъ. Онъ поселился въ Тифлисѣ и жилъ грошевыми уроками. Въ безысходной тоскѣ онъ ищетъ утѣшенія въ прогулкѣ на Св. гору (Мтацманда), и видъ съ одной стороны веселыхъ парочекъ, а съ другой долетающіе звуки свирѣли нищаго, которая какъ будто просить накормить играющаго на ней, наводитъ героя повѣсти на мысль, что и онъ такой же безпомощный и покинутый всѣми, какъ и тѣ нищіе. „А такихъ бѣдняковъ $\frac{3}{4}$ всего человѣчества“. Одинъ исходъ для борьбы за улучшение быта—это соединеніе всѣхъ нуждающихся. Эта идея, возникающая въ его головѣ, еще не залегла въ его сердцѣ, скользитъ по поверхности мышленія. Повѣсть *Нисугомонный* составляетъ продолженіе вышеназваннаго разсказа. Она представляетъ письмо къ другу, письмо искреннее, правдивое. Главное лицо ея, Тимотэ тотъ же Илико Беденадзе, но уже зрѣлый и истерзаный жизнью. Покинувъ службу изъ-за разпогласія съ начальствомъ, онъ поселился въ деревнѣ у вдовы-матери, мечтавшей видѣть сына богатымъ и сановнымъ. Бѣдная женщина.

въ поискахъ за пропитаніемъ, побуждаетъ его принять мѣсто писаря у богатаго княжескаго моурава (управляющаго), но и здѣсь недолго онъ остается и вновь водворяется у себя въ деревнѣ, чтобы слышать новые упреки матери и молчаливо горѣть отъ пожирающаго внутренняго огня. Авторъ оставляетъ въ тѣни дальнѣйшую судьбу его и не завершаетъ обрисовки своего героя. У Тимотэ, какъ и у Зура, есть возлюбленная—Мано, съ которой онъ бесѣдуетъ на высокопарныя темы, высказываетъ мнѣніе, что для поднятія народнаго благосостоянія, необходимо устранить всѣ условія, задерживающія его. Вся практическая его борьба за правду ограничивается заступничествомъ за служанку, на честь которой покушался студентъ, сынъ моурава, у котораго въ качествѣ писца прожилъ онъ нѣсколько педѣль.

Въ такомъ же безвыходномъ положеніи предъ семейными обязанностями находится Гено, герой повѣсти *Конечно!* Тимотэ бьется о препятствія, чтобы пропитать бѣдную мать. Гено, обремененный семьею, тщетно ищетъ безъ протекціи, безъ аттестата, приложенія своихъ силъ, чтобы накормить проголодавшихся дѣтей. Свободной вакансіи для такихъ лицъ у начальства нѣтъ, скорѣе его поддержитъ въ критическую минуту сосѣдній пекаръ и лавочникъ нѣсколькими фунтами хлѣба и пачкой папирось. Гено уже не обманываетъ себя донкихотовскими планами состязанія со зломъ, и въ этомъ его преимущество предъ другими героями Екаладзе. А пристроившійся на скудное жалованье юноша (въ рассказѣ *Лунная ночь*) проводитъ за сухими отчетами всѣ внѣслужебные часы безъ свободнаго часа на отдыхъ. Онъ клялся при поступленіи на службу начальству, что онъ будетъ покорно, прилежно и безпрекословно исполнять всѣ порученія. Цѣной физическихъ мукъ, униженія и нравственнаго страданія покупается имъ кусокъ хлѣба.

Въ повѣсти *Тео* выведенъ герой, представляющій дальнѣйшій фазисъ въ развитіи интеллигентныхъ пролетаріевъ. Зура, человекъ съ высокими стремленіями, долженъ биться изъ-за пропитанія. Бѣдный Зура любитъ богатую Тео,—мать послѣдней противъ ихъ брака. Тео готова вмѣстѣ съ возлюбленнымъ пойти на борьбу съ общественнымъ зломъ. Они говорятъ „патетическимъ и героическимъ языкомъ“, хотя въ жизни еще ничего не успѣли сдѣлать. Пока онъ жаждетъ внести свѣтъ въ деревенскую жизнь, читаетъ крестьянамъ книжки, бесѣдуетъ съ ними, навлекаетъ этимъ на себя подозрѣніе сельской администраціи и священника, который видитъ въ немъ своего опаснаго преемника. Его Тео проникнута тѣмъ же идеаломъ служенія народу. Мать ея не долго сопротивляется ихъ брачнымъ узамъ,—она уже сосватана и громкой фразой общаются другъ другу такими сдѣлать счастливыми и другихъ какъ они. Тео получаетъ право открыть сельскую школу и энергично берется за просвѣтительное дѣло. Зура же попадаетъ въ одиночное заключеніе. Когда онъ былъ выпущенъ на свободу, то силы его уже оказались надорваны,—недугъ разрушаетъ его организмъ, а онъ жаждетъ жизни, дѣятельности, добра. Такимъ образомъ всѣ его герои—жертвы бѣдности, незакончен-

ной образованности и окружающих условий среды, придающей цѣну лишь дипломированнымъ молодымъ людямъ. Они больше говорятъ, чѣмъ дѣлаютъ, прекрасные мечтатели, но плохіе практики. Въ особенности пустота „интеллигенціи“ и склонность ея къ словеснымъ изліяніямъ осмѣяны авторомъ въ эскизѣ „На собраніи“, (по устройству читальни и театра), гдѣ проявляется отвлеченное умствование грузинской молодежи (женской и мужской), воодушевленной женскимъ вопросомъ и благороднымъ антагонизмомъ ко всему, что задерживаетъ общественное развитіе, но на дѣлѣ кавалеры озабочены личнымъ честолюбіемъ поразить противника или желаніемъ обратить вниманіе присутствующихъ дамъ радикализмомъ своихъ идей, а дамы преисполнены негодованія изъ-за исключительнаго вниманія, которымъ окружаютъ ораторы нѣкоторыхъ изъ нихъ. Одни пришли на собраніе для развлечения, другіе серьезнымъ тономъ обсуждавшіе вопросъ по возвращеніи домой отъ всей души хохотали надъ темами бесѣды. Въ этюдѣ „Горько, горько!“ обрисованъ типъ—эгоиста, помышляющаго о своемъ благѣ. Его герой съ семинарскимъ образованіемъ Ваню Чопурашвили, пробившійся на дорогу изъ бѣдной семьи; ставъ извѣстнымъ, онъ проникся полнымъ пренебреженіемъ къ грузинскому театру и литературѣ. Чуждаясь всѣхъ общественныхъ дѣлъ, онъ оправдываетъ себя тѣмъ, что „служить наукѣ“. Къ позорному столбу авторъ и пригвоздилъ учителя Андрея Авкіашвили (въ повѣсти того же названія) за его рабское подчиненіе и угожденіе начальнику, человѣку ограниченнаго ума и большого самомнѣнія. Въ семьѣ Авкіашвили является деспотомъ, а въ обществѣ либераломъ, жену онъ билъ, а публично произносилъ рѣчи о женскомъ равноправіи. Неприглядная картина интеллигенціи рисуется авторомъ въ I томѣ. Несостоятельность ея имѣетъ то оправданіе, что корни ея заложены въ уродливомъ складѣ общественной жизни. Она продуктъ эпохи и историческихъ обстоятельствъ. Авторъ рѣдко отклоняется отъ излюбленной темы изображенія образованнаго круга и иногда обращается къ сценамъ изъ жизни простаго народа (*Сонъ крестьянина*), или же пользуется сюжетами священнаго писанія (*Миръ ти*, изъ легендарныхъ сказаній о Пилатѣ и его женѣ по поводу преданія смерти Спасителя). Не лишень юмора пасхальный его эскизъ *Семья Сино*. Богатый языкъ и обиліе тавтологическихъ фразъ часто прикрываетъ скудный сюжетъ. Типическое и яркое изображеніе дѣйствительности замѣняется блѣдными эскизами исключительныхъ явленій. Отсутствие психологическихъ мотивовъ въ неожиданной смѣнѣ настроенія нарушаетъ требованія художественной полноты и единства. Манерный пафосъ прикрываетъ глубину анализа. Въ небольшомъ этюдѣ „Исповѣдь Шалвы“ остается невыясненнымъ, въ виду какихъ обстоятельствъ герой, когда-то порывающійся съ неба звѣзды хватать, превращается въ такое ничтожество, что другъ его Сидоръ Бегурадзе гнушается возобновить съ нимъ знакомство. Іа Екаладзе, подобно неизвѣстному намъ автору разсказа „Свѣтлячекъ“, всю вину сваливаетъ, очевидно, на общество, которое губить личность, нивелируетъ ея индивидуальныя особенности.

Ө. Хуснивадзе принадлежит къ числу молодыхъ беллетристовъ. Онъ родился 10 января 1860 года въ деревнѣ Квалити (Шорпанскаго уѣзда Кутаисской губ.). Выучившись дома читать по-грузински, 12 лѣтъ онъ поступилъ въ Кутаисское духовное училище, гдѣ обучился подъ руководствомъ извѣстнаго педагога Каландарашвили, автора учебника по русскому языку, и Дим. Джанапвили (Ингилоели) сотрудника грузинскихъ изданій по историческому отдѣлу. Этотъ послѣдній внушилъ ему любовь къ грузинской исторіи и литературѣ. Образование свое онъ закончилъ въ Горійской учительской семинаріи. 14 лѣтъ онъ состоялъ народнымъ учителемъ, а потомъ перешелъ на службу по судебному вѣдомству. Писать онъ началъ еще на школьной скамьѣ злободневными корреспонденціями и статьями по педагогическимъ вопросамъ. Впослѣдствіи онъ специализировался въ области беллетристики по-преимуществу исторической. Ему принадлежатъ повѣсти „Горькая участь“, „Сандро Бедруладзе“, „Качагъ“ (*Квали*, 1894 г.), „Времена измѣнились“, повѣсть изъ жизни духовенства (*Мцхемси*, 1893 г.), „Незаконный кусокъ въ прокъ не пойдетъ“ (изъ жизни марганцепромышленниковъ, въ *Кребули* за 1899 г.), „Семья Гварамадзе (1902 г.). Значительно большую плодovitость онъ проявилъ въ области исторической беллетристики. Онъ написалъ рядъ повѣстей изъ исторической старины Зап. и Вост. Грузіи: 1) Екатерина Батоншвили, біографическій очеркъ дочери послѣдняго владѣтеля Грузіи, извлеченный авторомъ изъ рукописи 1840 г. на русскомъ языкѣ, 2) Константинъ Батонишвили (царевичъ), 3) Имеретинскій царь Соломонъ II (*Иверія*, 1902 г.) 4) Мамія Гуріели V, послѣдній владѣтель Гуріи, 5) Александръ Батонишвили. Къ историческимъ работамъ его должно быть отнесено археологическое описаніе Квирильскаго ущелья. Всѣ его повѣсти основаны на историческихъ данныхъ, но недостаточно освѣщена эпоха жизни героевъ, мало внесено творческой фантазіи въ сухіе документальные факты, отсутствуетъ попытка анализа душевныхъ волненій персонажей. Кромѣ того онъ писалъ дѣтскіе рассказы (Будущій врачъ, Маленькій псаломщикъ), рядъ эскизовъ изъ современной жизни въ формѣ Арагвиспирели, „Нѣтъ, не дождусь“, „И я мать“, „Вотъ любовь“, „Когда я былъ болѣе счастливъ“, „Такъ успокойся, что ты волнуешься? (обращеніе къ волнамъ морскимъ). Элегію въ прозѣ онъ написалъ подъ заглавіемъ *Лъсъ*, посвященную скромному труженику, народному учителю; ему принадлежатъ нѣсколько критико-бібліографическихъ статей и переводовъ: *Эрнани* В. Гюго, Экономическія бесѣды Карышова, Золотое сердце Соловьева и др.

Княгиня Нина Орбеліани.

Беллетристы-народники шли по стопамъ, проложеннымъ Ильей Чавчавадзе. Въ лирической поэзіи молодые грузинскіе поэты воспитывались подъ влияніемъ Ак. Церетели. Къ его школѣ принадлежатъ: Н. Орбеліани, Д. Мегрели, Евдошвили, Гандегли, Томашвили, Цахели, Надирадзе, Рухадзе и др.

Кн. Н. Орбеліани выступила на литературное поприще въ началѣ 60-хъ годовъ, вдохновляемая музой кн. Ак. Церетели. Въ теченіе 45 лѣтней дѣятельности княгиня Орбеліани успѣла написать довольно много, но въ печати имѣется лишь одинъ небольшой сборникъ ея стихотвореній и нѣсколько лирическихъ піесъ, разбросанныхъ по разнымъ изданіямъ. Большая часть ея стихотвореній представляетъ посвященія разнымъ знакомымъ и роднымъ, поэтамъ и общественнымъ дѣятелямъ. Тонъ лирики подсказанъ корифеями грузинской литературы: Гр. Орбеліани, Н. Бараташвили, Н. Чавчавадзе, Ак. Церетели. Любовь къ родинѣ, личныя невзгоды, повтореніе гражданскихъ мотивовъ Н. Чавчавадзе составляютъ монотонный сюжетъ ея произведеній. Стих. *Печаль* имѣется въ русскомъ переводѣ С. А.

Вздохъ рвется изъ груди, душа полна печали—

Оплакиваю я свой жребій роковой;

Привѣта нѣтъ вблизи и тьма въ безбрежной дали,

И мысли умъ гнетутъ, одна мрачнѣй другой.

И, словно вторя мнѣ, надъ ближними холмами

Спускается туманъ и застилаетъ взоръ...

Сердито пѣнится Ріонъ межъ берегами,

Дымятся облака надъ высью дальнихъ горъ.

О, Боже, помоги! смягчи мой рокъ суровый

Въ грядущемъ жизнь моя страданье мнѣ сулитъ,

И давить грудь мою нависшій сводъ свинцовый,

И стужа рашняя мнѣ душу леденить.

Вотъ бѣдные цвѣты, виднѣясь изъ-подъ снѣга,

Дрожатъ отъ холода въ безвременный морозъ;

На блѣдныхъ лепесткахъ послѣдней ласки нѣга

Застыла съ каплями невыплаканныхъ слезъ.

Но какъ мнѣ имъ помочь? Слѣдовъ щемящей боли

И незаслуженныхъ страданій не стереть!

Чтобъ муки ихъ прервать, сорвать ихъ разомъ, что ли?

Чѣмъ прозябая жить, имъ лучше умереть!

Но—что я говорю? Ужель могу жестоко

Сама я панести смертельный имъ ударъ?

И мнѣ ли, любящей вселенную глубоко,

Коснуться вражески ея волшебныхъ чаръ?

О, нѣтъ, мои цвѣты! Своей заботой нѣжной

Вамъ участь облегчу, а тамъ придетъ весна

И властно на поляхъ покровъ растопитъ снѣжный,

И радостнымъ лучемъ пробудитъ васъ отъ сна!

І. З. Бакрадзе.

14-го мая 1904 г. въ Тифлисъ послѣ непродолжительной болѣзни скончался извѣстный грузинскій писатель Іосифъ Зосимовичъ Бакрадзе. Онъ приобрѣлъ себѣ имя прекрасными переводами изъ европей-

скихъ авторовъ. Въ особенности прославили его переводы поэмы „Чайльдъ Гарольдъ“, (Н. Николадзе въ *Кребули* указалъ рядъ неточностей въ переводѣ этой поэмы), романа „Айвенго“ (помѣщенъ въ журналѣ *Моамбэ*), драмы Гущкова „Уриэль Акоста“. Имъ же переведены при участіи автора съ армянскаго на грузинскій языкъ пьесы г. Сундукіанца: „Пепо“, „Хатабала“ и др. Сверхъ этого онъ перевелъ рядъ стихотвореній изъ Гейне и Байрона, написалъ нѣсколько оригинальныхъ стихотвореній, принималъ участіе почти во всѣхъ грузинскихъ изданіяхъ: *Мнатоби*, *Моамбэ*, *Иверія*, *Цнобисъ-Пурцели*. Семинаристъ по образованію, покойный съ 1874 г., по окончаніи имъ курса, примкнулъ къ тогдашней грузинской литературной братини и до смерти не покидалъ участія въ прессѣ. Но извѣстно, что грузинская литература плохо обезпечиваетъ писателя. Этимъ объясняется, что покойный изъ-за куска хлѣба служилъ долгое время по судебному вѣдомству, а въ послѣднее время—въ тифлисскомъ сельскохозяиственномъ банкѣ. Въ его лицѣ грузинская литература лишилась тонкаго стилиста, прекраснаго переводчика, честнаго труженика.

Дмитрій Надирадзе (Мачханели).

Дмитрій Надирадзе (Мачханели) родился въ 1861 г. въ Кизикін, съ 80-хъ г.г. онъ принималъ участіе въ *Иверіи*, *Кребули* Ак. Церетели, *Цнобисъ-Пурцели*, *Моамбэ*. Онъ принадлежалъ къ народникамъ и наибольшую извѣстностью пользуется дидактическое его произведеніе *Братское слово*.

Послѣ покойнаго осталась богатая бібліотека, которою при жизни его пользовалась вся мѣстная (кизикская) интеллигенція. Домъ съ дворомъ покойный еще при жизни своей пожертвовалъ основанной имъ же церковно-приходской школѣ. Онъ былъ увлеченъ идеей о кооперативныхъ организаціяхъ и синдикатахъ. Товарищество „Депо“, учрежденное имъ, причинило ему много горя и, быть можетъ, оно и свело его въ могилу. Д. Надирадзе умеръ 42 лѣтъ отъ апоплексическаго удара 15 октября 1903 г.

Онъ писалъ и прозой, и стихами безъ особеннаго блеска, но тепло и искренно. Въ повѣсти „Дгеоба“ авторъ показываетъ, какимъ матеріальнымъ ущербомъ для крестьянъ сопровождаются престольные праздники: крестьянинъ Сосіа продаетъ единственнаго осла для отпразднованія храмоваго торжества, а чтобы выкупить его, идетъ въ работники къ покупателю, простуживается у него и умираетъ.

Ему принадлежать рассказы „Соплисъ-Кунцула“ (изъ деревенской жизни), „Путевыя замѣтки по Саингило“ („Иверія“ 1887 г.), нѣсколько стихотвореній „Вѣсть о Мепе-чкари“ (*Джеджили*, 1890), „Охотникъ“, „Четыре картины“, „Маро“, отрывокъ изъ драмы и др. А. Канчели перевелъ двѣ маленькія его пьесы.

Хотя бъ я Богомъ былъ надъ небомъ, надъ луною,
Никѣмъ непобѣдимый,
А солнце подо мной свой свѣтъ дарило звѣздамъ,

Свой свѣтъ неистошимый,
 И вѣчно слышать могъ я ангельскіе хоры
 Хвалы неизъяснимой,
 Все жъ я бы предпочелъ потокъ слезъ лить съ тобою,
 Потокъ неосушимый!..

* *
 *

Да, знаю я теперь, что въ сердцѣ у тебя
 Нѣтъ милосердія, ни капли сожалѣнья,
 Что рыба кровь въ тебѣ безстрастно, не любя,
 Течетъ болѣзненно; ей чужды увлеченья!..
 Я умираю, и даже врагъ мой злой
 У моего одра рыдалъ, какъ мой родимый;
 А ты, кого я ждалъ, ты, мой кумиръ святой,
 Была тверда, какъ тотъ утесъ несокрушимый.

Князь Г. Д. Абашидзе (1866—1903).

Одинъ изъ самыхъ даровитыхъ послѣдователей кн. А. Церетели былъ кн. Григорій Давидовичъ Абашидзе. Родился онъ въ 1866 году. 13—14 лѣтъ поступилъ въ II кл. кутаисской гимназіи и вышелъ изъ VI класса, а 13 марта 1903 г. въ Петербургѣ предали погребенію прахъ этого молодого грузинскаго поэта. Поэтическія дарованія въ немъ проявились еще до вступленія въ гимназію, и въ короткій промежутокъ онъ успѣлъ создать нѣсколько прекрасныхъ оригинальныхъ стихотвореній и еще болѣе обогатить грузинскую литературу переводами изъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Съ особенной любовью онъ занимался переводами изъ Лермонтова, неудовлетворенное настроеніе котораго мало гармонировало съ жизнерадостностью грузинскаго поэта. Очень красиво, притомъ съ сохраненіемъ всѣхъ тонкихъ особенностей оригинала, онъ воспроизвелъ пьесы: „Дары Терека“, „Выхожу одинъ я на дорогу“, „Когда волнуется желтѣющая нива“, „Мицри“, и др. Не мало онъ перевелъ изъ французскихъ поэтовъ: В. Гюго („А une femme“, „Портретъ“), Сюлли Прюдома („Разбитая ваза“, „Вдохновеніе“); Коппе („Ласточки Будды“); переводилъ съ итальянскаго, изъ поэмы Эдвена Арнольди („Свѣтло Азія“), Артамона („Бѣлое покрывало“), Шиллера, Гюйо, Пушкина („Ангель“), Алексѣя Толстого („Пусть тотъ, чья честь не безъ укора“), Плещеева („Впередъ безъ страха и сомнѣнья“) и др. Въ его оригинальныхъ пьесахъ болѣе всего чувствуется вліяніе грузинскаго поэта кн. Акакія Церетели (ср. „Пѣсня рабочихъ“), но слышатся также отзвуки лиры грузинскаго байрониста Николая Бараташвили въ стихотвореніи „Довольно, оставь меня, проклятый“, несомнѣнное подражаніе чудной элегіи Бараташвили „Злой геній“. Не остался онъ внѣ воздѣйствій со стороны кн. Ильи Чавчавадзе и Раф. Эривова. Вліяніемъ перваго объясняется его пьеса „Помнишь ли, коварная тотъ вечеръ?“, сказанная ему стихотвореніемъ „Ты помнишь ли, о милая!“; а воспроиз-

ведение мотивовъ второго мы находимъ въ пѣснѣ „Съ надеждой трудится Бесіа неутомимый“. Что касается оригинальныхъ его стихотвореній, то въ нихъ больше всего воспѣвается любовь къ родинѣ, красоты природы, черты милой, радости жизни, изрѣдка прерываемыя вздохами и недовольствомъ на міръ и окружающихъ. Кн. Абашидзе былъ поэтъ-анакреонтистъ-эпикуреецъ, оптимистъ мало интересовавшійся неразрѣшенными задачами современной экономической культуры. Его поэзія—беззаботная пѣснь аристократа, влюбленнаго въ жизнь, щебетанье птицъ, благоуханье розъ. Въ его произведеніяхъ напрасно искать гражданской скорби и мелодіи на общественныя темы. Стихомъ онъ владѣлъ безукоризненно, внѣшняя форма доведена до совершенства. Образы, не всегда, впрочемъ, оригинальныя, отличаются пластичностью и законченностью. Одна особенность его таланта должна быть особенно выдвинута, это—блестящій ораторскій даръ, классическая грузинская рѣчь, которой онъ умѣлъ электризовать слушателей, подкупать ихъ нѣжностью и задушевностью. Кутаисская интеллигенція, которая издала въ 1901 г. первый томъ стихотвореній Гр. Абашидзе, готовится перевезти на родину прахъ преждевременно угасшаго поэта. Приводимъ характерный для его лиры *Гимнъ весны* въ переводѣ С. А.

Звучный гимнъ поетъ съ разсвѣта
 Въ міръ сошедшая весна...
 Скорбь забывъ, душа поэта
 Вдохновенія полна.
 Оживаетъ рой стремленій
 И надежды и мечты,—
 И зоветъ ихъ гимнъ весенній
 Въ храмъ нетлѣнной красоты.
 Замеръ стонъ послѣдней бури;
 Рѣетъ ласточка въ лазури,
 Прилетѣвъ издалека;
 Вольно дышитъ грудь земная,
 Сбросивъ зимній свой покровъ
 Изумрудомъ отливая
 Бархатъ стелется луговъ;
 Надъ фіалкою лѣсною,
 Въ ожиданьи первыхъ розъ,
 Соловей поетъ съ зарею
 О волшебномъ царствѣ грезъ.
 И зари весенней пламя
 Яркимъ свѣточемъ горить;
 Въ небѣ радуга, какъ знамя,
 Миръ грядущему сулить.
 Перелетныхъ птичекъ трели
 Оглашаютъ небеса;
 Звукамъ сладостной свирѣли

Вторять горы и лѣса.
 Засѣваетъ пахарь поле,
 Осѣнивъ себя крестомъ,
 Подъ рукой его на волѣ
 Зерна сыплются дождемъ;
 Вѣрить труженикъ смиренный,
 Что Господь оцѣнитъ трудъ,
 Что весны благословенной
 Выходы пышные взойдутъ.
 Въ даръ землѣ многострадальной
 Много дастъ весна чудесь:
 Скоро благовѣсть пасхальный
 Возвѣститъ „Христось воскресъ!“
 Гимнъ любви и пѣсня мира
 Славятъ радостно Творца—
 И, звеня, имъ вторить лира
 Вдохновеннаго пѣвца!

Гр. Вольскій.

Григорій Вольскій—поэтъ, публицистъ, врачъ по спеціальности. Стихотворенія его въ духѣ лирики Ак. Церетели печатались подъ псевдонимомъ Гр. Умципаридзе. Нѣкоторые изъ его романсовъ переложены на ноты г. Балачивадзе („Все тобой я упиваюсь“). Въ переводѣ также извѣстны его стихотворенія. Искренность и правдивость тона, простота и сила языка отличаютъ аккорды его музы. Образцомъ можетъ служить стих. *Не сожальтй.*

Не сожальтй о томъ напрасно,
 Что сердце полное тобой,
 Тебя любившее такъ страстно,
 Навѣкъ засыпано землей!
 Неукротимую волной
 Въ немъ клокотали кровь и слезы...
 Пускай ислѣбеть!... Лишь бы розы
 Надъ этой жертвою земли
 Благоухали и цвѣли,
 Цвѣли стыдливыя фіалки!
 Пускай ислѣбеть трупъ мой жалкій,
 Пусть весь умру я! Лишь бы ты,
 Царица пѣсенъ и мечты,
 Царица пламенныхъ стремлений,
 Пила изъ кубка наслаждений
 Животворящую струю!
 Пускай небесный сводъ синѣбеть
 И солнца лучъ любовью грѣбеть
 Тебя, желанную мою!...

Когда навѣкъ замолкну я,
 Когда послѣднее стѣпанье
 Порветъ всѣ струны бытія,
 Весь трепеть сердца, всѣ дыханья,
 Когда лишусь я созерцанья
 Твоей волшебной красоты,
 И къ небу, къ свѣтлому, какъ ты,
 Мой взоръ угасшій не воспрянетъ
 Изъ міра вѣчной темноты,
 Когда всему конецъ настанетъ.
 И рокъ нещадный, какъ палачъ,
 Свершитъ рѣшенное заранѣй,—
 О другъ, по мнѣ тогда не плачь!
 Не надо скорбныхъ одѣяній;
 Пускай отрава горькихъ слезъ
 Не жжетъ очей твоихъ лучистыхъ!
 Не расплетай своихъ волнистыхъ
 И тьмой сверкающихъ волосъ!
 И черть лица, что озаряли,
 Какъ солнце, міръ моей печали,
 Не искажай, краса моя,
 Въ порывѣ тщетнаго страданья!
 Молчи,—чтобъ тяжкаго страданья
 Сквозь вѣчный сонъ не слышала я!

Гр. Вольскій извѣстенъ еще какъ прекрасный переводчикъ. Онъ переводилъ между прочимъ съ грузинскаго отрывки изъ „Кація-Адаміани“ И. Чавчавадзе, рассказы Арагвиспирели и Дуту Мегрели и съ русскаго языка на грузинскій пьесу А. П. Чехова „Медвѣдь“, сказку Андерсена „Улитка и розовый кустъ“ и др.

Однимъ изъ ближайшихъ послѣдователей Ак. Церетели является поэтъ Твалчрелидзе, извѣстный подъ псевдонимомъ Цахели. Цахели принималъ участіе въ *Нобати*, *Иверіи*, *Квали* и помѣстилъ народныя легенды „Марине Зааль“ (Иверія 1893г.), стихотворенія „Моей звѣздѣ“ (Квали 1894г.), „Весна“, „Потерянный сынъ“, „Безсмертный полководецъ“ (легенда), „Герой Гургенъ“ (поэма, основанная на легендѣ¹⁾), „Птичка и дитя“ (рассказъ). Отличительную черту его творчества составляетъ склонность къ фантастическимъ сюжетамъ, легендарнымъ темамъ. По формѣ его произведенія подкупаютъ тщательной отдѣлкой, чистотой языка, музыкальностью стиха.

Силованъ Хундадзе,—поэтъ, критикъ, ученый филологъ,—родился въ день Пасхи, 3 апрѣля 1860 года, въ селеніи Калачони (Кутанской гу-

¹⁾ Поэма эта издана въ Кутансѣ (1893 г.), нѣсколько избранныхъ стихотвореній Цахели находимъ въ грузинской бібліотекѣ № 11, изд. 3. Чичинадзе (Тифлисъ 1891 г.), „Приключеніе Шалвы“ изд. Обществомъ распространенія грамотности среди грузинъ (Тифлисъ, 1892).

берни, Озургетскаго уѣзда). Отецъ его, дворянинъ Тома Георгіевъ Хундадзе, занимался сельскимъ хозяйствомъ, а также куплею и продажею разныхъ сельско-хозяйственныхъ произведеній. Грузинской грамотѣ Силвана обучали дома родители и старшіе его братья; затѣмъ отдали его въ школу (Мартвильское духовное училище, перенесенное впоследствии въ Ново-Сенаки), гдѣ оставался онъ нѣсколько мѣсяцевъ. Оттуда перевели его въ Озургеты, гдѣ онъ поступилъ, согласно прошенію своего отца на имя намѣстника кавказскаго, въ число казеннокоштныхъ, такъ называемыхъ „военныхъ воспитанниковъ“, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по конкурсному испытанію, поступилъ въ Кутаисъ, также въ пансіонъ военныхъ воспитанниковъ. Это было въ 1871 году. Вплоть до IV класса онъ обучался въ классической гимназій, живя въ пансіонѣ для военныхъ воспитанниковъ. Затѣмъ пансіонъ этотъ былъ упраздненъ—и ему стали выдавать пособіе въ размѣрѣ 8 рублей въ мѣсяць. Кое-какъ перебиваясь, онъ окончилъ курсъ гимназій въ 1880 году и поступилъ сначала, прельщаясь казенной стипендіею (такъ какъ не имѣлъ своихъ собственныхъ средствъ), на медицинскій факультетъ Харьковскаго университета, откуда, по его словамъ, „убоявшись бездны премудростей“ медицинскаго факультета (въ особенности его „анатомическаго театра“), онъ перешелъ черезъ два мѣсяца на восточный факультетъ С.-Петербургскаго университета (на грузино-армянское отдѣленіе), гдѣ окончилъ курсъ наукъ въ 1884 году. Въ университетѣ онъ получилъ Императорскую стипендію, а до того времени онъ получалъ пособіе отъ разныхъ лицъ и учреждений (отъ великаго князя Михаила Николаевича, отъ покойнаго князя Николая Мингрельскаго, отъ родственниковъ, отъ кутаисской гимназій, отъ кутаисскаго дворянскаго земельнаго банка и пр.). Со дня окончанія курса со степенью кандидата факультета восточныхъ языковъ, онъ занялъ должность учителя грузинскаго языка въ прогимназическихъ классахъ при кутаисскомъ дворянскомъ училищѣ. Жена у него съ 1886 года на княжнѣ П. К. Микеладзе.

Свободное время онъ посвящалъ грузинской литературѣ. Имъ изда ны слѣдующія сочиненія на грузинскомъ языкѣ: 1) „Грузинскіе глаголы“ (Кутаисъ, 1891 г.); 2) „Стихотворенія“ (Кутаисъ, 1902 г.); 3) „Струны“ (сборникъ стихотвореній, Кутаисъ, 1894 г.); 4) „Гибель парохода“, поэма (Кутаисъ, 1896 г.); 5) „Сосѣди“ и „Сонъ Тотолы“ (2 разсказа, Батумъ, 1899 г.); 6) „Мои мысли и думы“ первая книга (сборникъ стихотвореній и статей, Кутаисъ, 1901 г.); 7) „Литературный грузинскій языкъ“ (изслѣдованіе грамматическаго строя грузинскаго языка, Кутаисъ, 1901 г.); 8) „Картины жизни“ („Мои мысли и думы“, книга вторая, Кутаисъ, 1902 г.) Кромѣ того, онъ перевелъ на грузинскій языкъ „Исторію Грузіи“ Баратова (изданы только „первая“ и „вторая“ тетради, Кутаисъ, 1895 и 1896 гг.).

Стихотворенія и статьи его печатались въ разныхъ періодическихъ грузинскихъ изданіяхъ. Первое письмо его, появившееся въ печати, это—театральная рецензія, за подписью инициаловъ его имени и фамиліи

(„Дрозба“ 1880 г., № 80); изъ стихотвореній его впервые появилось въ печати (по времени написанія оно не первое) „Воспоминаніе“ („Дрозба“ 1880 г., № 138). Затѣмъ его статьи и стихотворенія напечатаны въ „Дрозбѣ“, „Театрѣ“, „Иверіи“, „Цда“, „Джеджили“, „Квали“, „Могзаури“ Критическія статьи о стихотвореніяхъ кн. И. Чавчавадзе („Квали“ за 1894 г.); особенно извѣстны его критическій обзоръ стихотвореній кн. Григорія Орбеліани (журн. „Иверія“ за 1882 г. № 12), „О древнихъ грузинскихъ играхъ“ („Иверія“ за 1885 г., № 1); „Письма о кутаисскихъ банковскихъ выборахъ“ (газ. „Иверія“ за 1899 г. № 111 и 153; за 1900 г. № 28). Въ русской газетѣ „Новое Обозрѣніе“ напечатаны его статьи: 1) „Развалины Багратова храма въ Кутаисѣ“, 2) „Среднеагрономическое училище для дворянъ“, 3) „Снова въ защиту средняго агрономическаго училища“. Обыкновенная его подпись подъ стихотвореніями и статьями „Силованъ“.

Сборникъ стихотвореній С. Хундадзе даетъ опредѣленное представленіе о размѣрахъ и особенностяхъ дарованія юнаго писателя. Прежде всего г. Силованъ самобытенъ, самостоятеленъ и разнообразенъ какъ въ выборѣ сюжетовъ, такъ и въ манерѣ писанія. Въ изданныхъ стихотвореніяхъ рельефно обрисовываются почти всѣ стороны человѣческой природы поэта. Онъ горячій патриотъ, который краше своей родины не находитъ уголка въ мірѣ. По своимъ воззрѣніямъ онъ альтруистъ, придерживающійся и пропагандирующій высочайшую мораль Спасителя: нѣтъ выше блаженства, какъ положить душу „за други своя“. Въ первомъ стихотвореніи, посвященномъ дѣтямъ, предъ нами стоитъ нѣжно любящій отецъ и хорошій добрый семьянинъ. Общее же впечатлѣніе получается весьма выгодное для молодого поэта: онъ скорбитъ, подчасъ негодуетъ, бичуя пороки своихъ сородичей, но конечная цѣль его поэтическаго творчества—возбуждать лирой добрыя, возвышенныя чувства и стремленія. Выдающимися по силѣ чувства должны быть признаны: „На смерть Ес. М—дзе“, „Грузинамъ время царя Ираклія“, „Арагвѣ“, „Любовь“ и „Поэтъ“.

Гандегили (Доминика Эристова—Мдивани).

Въ молодую плеяду поэтовъ входитъ писательница г-жа Гандегили, творческой талантъ которой наиболѣе ярко проявился въ стихотворныхъ произведеніяхъ. Сборникъ ея стихотвореній вышелъ въ 1898 г. Первая датированная проба ея пера относится къ 1893 г. Въ теченіе двѣнадцатилѣтней ея дѣятельности характеръ ея лиры вполне опредѣлился. Она въ звучныхъ стихахъ поетъ на мелодіи кн. И. Чавчавадзе и Ак. Церетели. Стихъ ея гибокъ и музыкаленъ, образы нѣжны и граціозны красоты природы и внутреннія движенія души—основная тема ея вдохновенія. Нерѣдко она настраиваетъ свою лиру и на гражданскія мелодіи. Образцомъ ея пониманія современныхъ социальныхъ вопросовъ служить стихотвореніе *Ниццѣ* въ передѣлкѣ г-жи Гриневской:

Обиженъ я людьми и братьями, о небо!
 Отъ злобы ихъ не счесть мнѣ всѣхъ земныхъ утратъ.
 Я одинокъ и нищъ! Лишенъ и корки хлѣба.
 Но за обидчиковъ молитвой я богатъ.

Къ колоритнымъ лирическимъ пьесамъ ея должны быть отнесены: *Утро, Нѣтъ, не плачу я, Думы поэта*; разсудочный элементъ подъ художественными образами преобладаетъ въ стихотвореніи *Заключенный въ темницу*. Въ послѣднее время она занялась переводами и обогатила грузинскую драматическую литературу переводомъ ком. „Горе отъ ума“ Грибоѣдова. Къ сожалѣнію, переводчица пользовалась неисправнымъ текстомъ оригинала и допустила нѣсколько неточныхъ отгѣнковъ въ передачѣ мыслей русскаго поэта¹⁾. Она же испросила право перевода стихотвореній К. Р., и изъ нихъ не мало лирическихъ пьесъ уже передано ею на грузинскомъ языкѣ („Мѣсяцъ“ и др.). Богатство рѣчмы, чистота языка, гармоничность стиха—особенности лиры Гандегили. Эти же свойства отличаютъ ея поэму *Проклятый* (изъ черкесской жизни). Она пробовала свои силы и въ прозѣ. Ея повѣсти „Глаза“ и „Зубы“ вызвали рѣзкую критику со стороны И. Накашидзе (*Квали*, 1896 г. № 40). Сюжетъ перваго разсказа вращается на избитой темѣ—любовь, измена, раскаяніе, а сущность второй повеллы. еще менѣе разработанной, заключается въ томъ, что старуха, возмечтавшая выйти замужъ за молодого офицера, заказываетъ себѣ красивые зубы. но въ расчетъ на радостную жизнь терпитъ крушеніе: офицеръ, взявъ въ свои руки ея капиталъ, пользуется наслажденіями, а она съ горя умираетъ. Ей принадлежитъ нѣсколько разсказовъ: „Феерія“ (рождественскій разсказъ, въ *Квали* 1896 г.), „Свѣтися, свѣтися Новый Іерусалимъ“ (*Цноб. Пурц.* 1902 г.) и др. Мы приведемъ ея разсказъ *Невтрующій Моша*

Четырехлѣтняя Рахиль лежитъ на смертномъ одрѣ. У ея постели сидитъ порабощенная безпутнымъ мужемъ несчастная мать больной дѣвочки, Сарра. Она вспоминаетъ забавы своей дочки, любовь ея къ гусятамъ, и сердце ея переполняется скорбью при видѣ угасающей единственной ея опоры въ жизни. Она ждетъ Назарейнина, за которымъ она послала своего мужа Мошу, не раздѣляющаго вѣры своей супруги въ чудодѣйственныя Его силы. Но Моша—сапожникъ замедлялъ обратиться къ Нему за помощію. Онъ слѣшилъ исполнить на заказъ обувь и видѣлъ, какъ мимо его лавки провели Назарейнина „притвоздить ко кресту“. Смерть Его и болѣзнь дочери приводятъ Сарру въ отчаяніе. Ее волнуетъ и раздражаетъ разсказъ Моши, какъ онъ изъ „уваженія къ чувствамъ жены къ Назарейнину“ помазалъ Его елеемъ.

— Я не прошу, и не разсказывай мнѣ ничего, такъ какъ знаю, что твой разсказъ приумножитъ только мое горе. Довольно съ меня и того, что я вижу на смертномъ одрѣ мою милую дѣвочку и мучаюсь. Не требуется, чтобы ты подбавлялъ къ этому горю еще новое. Ты самъ сви-

¹⁾ См. статью А. Хаханова въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ 1903 года, февраль.

дѣтель, Моша, что въ продолженіе шести лѣтъ нашего супружества я не позволяла себѣ обмолвиться хоть единымъ дурнымъ словечкомъ про тебя, тогда какъ ты каждую почти минуту заслуживалъ этого. Терпѣла все, но теперь не могу: уйди ты отъ меня, чтобъ я не слышала твой сумасбродный, съ тономъ насмѣшки, передаваемый рассказъ. Ты способенъ равнодушно смотрѣть на смерть другого человѣка, когда дома у тебя лежитъ свой умирающій ребенокъ! И ты можешь сказать, что обладаешь сердцемъ или чувствами отца? Гдѣ-же эти чувства въ тебѣ, когда ты хорошо долженъ знать, что и у Назарянина есть родители и въ какомъ они должны быть теперь положеніи, видя страданія своего сына?

— А ты думала, что я голову за него положу? Нѣтъ, съ него и того довольно, что я цѣлую бочку воды, въ которой находилась приготовленная для починки обуви моихъ заказчиковъ, вылилъ ему на голову, выкупалъ его и такимъ образомъ отпустилъ на распятіе. А онъ будто и проклялъ меня, сказавъ: „какъ невѣрующему завѣщаю тебѣ не умирать до второго моего происшествія“. А на славу я его выкупалъ!.. Какъ-же: спрашиваю, онъ-ли Богъ, и какъ случилось, что народъ съ нимъ такъ обращается? Онъ мнѣ ничего не отвѣтилъ. Я его снова, — опять ни единого слова, не удостоилъ меня даже и взгляда своего.

Сарра пришла въ страшное негодованіе отъ рассказа своего мужа. Скромная по натурѣ и до сегодняшняго дня никакого протеста своему мужу не высказывавшая, Сарра въ эту минуту такъ перемѣнилась, что стала не узнаваема: все лицо ея моментально загорѣлось отъ волненія, она сильно заскрежетала зубами, глаза ея вышли изъ орбитъ. Въ такомъ состояніи она набросилась на мужа, и голосомъ отчаянія прокричала:

— Сатана ты, проклятый!.. Ты убилъ моего ребенка! Прочь съ моихъ глазъ, а то собственными зубами разорву я тебя, кровь твою я высосу всю!—Моша весь поблѣднѣлъ, не могъ проронить ни словечка. Кто знаетъ, на что рѣшилась-бы Сарра, если-бы ея вниманіе не было отвлечено голосомъ Рахили.

— Мама, мама... ко мнѣ... помоги.—О, Боже! пробормотала дрожащимъ голосомъ Сарра и поспѣшила къ постели умирающей.

— Я здѣсь, дорогая, не хочешь-ли водицы?

Дѣвочка болѣе не проронила ни слова и закрыла глаза, слышно было только частое дыханіе ея. Моша продолжалъ стоять неподвижно, словно обмеръ на мѣстѣ, не двигая даже глазами.

— Нѣтъ я не могу здѣсь остаться: или ты, или я.—Не могу видѣть убійцу, ты убилъ моего ребенка! Ты отдалъ на поруганіе добраго Назарянина, и я жить съ тобою не могу. Уйди отъ меня.

— Съ ума ты сошла, вѣрно! Изъ собственнаго дома гонишь меня... Уходи сама сейчасъ!—прокричалъ Моша и глаза его налились кровью.

Хорошо, я ухожу. Да развѣ можно жить съ человѣкоубійцею! Съ этими словами Сарра моментально схватила покрывало, завернула въ него умирающаго ребенка, взяла на руки и босая выбѣжала на улицу.

Толпа уже приблизилась къ назначенному мѣсту, когда къ ней подошла одна женщина, рыдая непрерывно. Видно было, что женщина эта пробѣжала довольно большое разстояніе, такъ какъ еле переводила дыханіе и изъ босыхъ, исполосованныхъ ногъ струилась кровь.

Въ толпѣ даже и не примѣтили, какъ она подошла къ одной старушкѣ, сопровождаемой двумя мужчинами. Мужчины старались утѣшить старушку, но послѣдняя и не слышала словъ успокоенія и продолжала рыдать навзрыдь.—О, Боже, чего дождалась я!—пробормотала старушка.

— О, Боже, чего дождалась я!—повторила тѣмъ-же голосомъ только что подошедшая къ ней женщина. Обѣ женщины невольно обратились другъ къ другу и нѣкоторое время нѣмыми взорами обмѣнивались между собою.—„Отчего ты плачешь, дорогая?“—спросила первая подошедшую.

— Я оплакиваю дочь, дорогая? Умерла моя Рахиль, отецъ убилъ ее, не удостоивъ увидѣть Назарейнина. О, какъ онъ безжалостенъ! Грѣшникъ онъ и я жена этого грѣшника, но все же пойду и увидаюсь съ Назарейникомъ. Я вѣрующая и хочу быть наказанною за это толпою. Укажите мнѣ, ради Бога, дорогу, куда взяли Назарейнина?—вопросила поспѣшно женщина со слезами на глазахъ.

— Несчастная! Я вижу ты въ одинаковомъ со мною положеніи. Вотъ тебѣ, дорогая, Назарейнинъ! Видишь, что съ нимъ дѣлаютъ!. Будь терпѣлива, Богъ многомилостивъ,—пробормотала женщина, обливаясь горячими слезами.

— Какъ въ одинаковомъ положеніи?! Развѣ Назарейнинъ вамъ сынъ? Боже, что я слышу. Нѣтъ, теперь не буду оплакивать свою Рахиль. Мать, у которой отняли Назарейнина, утѣшаетъ меня, совѣтуетъ терпѣть и подаетъ надежды, уповая на милость Божию!

Толпа хотѣла остановить женщину, но безуспѣшно: она приблизилась къ Назарейнину, бросилась ницъ, положила къ ногамъ его умершаго уже ребенка и голосомъ сильнѣйшаго отчаянія воскликнула:

— Господи, я жена грѣшника, вотъ тебѣ моя Рахиль, которую убилъ отецъ ея. Не удостоилъ онъ ее Твоего посѣщенія, чтобъ Ты исцѣлялъ ее, это онъ оскорбилъ Учителя, и я должна нести наказаніе.

Толпа пріостановилась. Остановился и Назарейнинъ. Его свѣтлый взоръ обратился на умершаго ребенка, глаза котораго остались открытыми и изъ полуоткрытыхъ губъ виднѣлись маленькіе зубки серебряными рядами. Видно было участіе всѣхъ въ этомъ ребенкѣ, потому что всѣ окружающіе почти въ одинъ голосъ сказали: „объдненькій, какъ онъ хорошъ!“ Черезъ нѣсколько мгновеній лицо Назарейнина совершенно измѣнилось: лицо просіяло еще болѣе, свѣтлые глаза вознесъ Онъ къ небу, и тихимъ, подкупающимъ голосомъ произнесъ: „Сарра возстань, вѣра твоя спасла тебя. Я воскрешаю твою дочь“. Сарра не успѣла поднять взора, какъ ребенокъ проговорилъ: „мама, водицы!“

Толпа пришла въ оцѣпенѣніе. Хотѣла она схватить Сарру и разорвать, но будто велѣніемъ свыше, всѣ стали неподвижны, остолбенѣли и

смотрѣли молча. Восторженная отъ радости мать не отнимала отъ груди любимаго ребенка, но не могла свести глазъ своихъ и съ Назарейнина.

Среди другихъ чудесъ Назарейнина, вѣсть о воскресеніи Рахили быстро разнеслась по странѣ. Говорили и о томъ, что Мошу съ того времени никто не видѣлъ, не знаютъ, куда онъ дѣлся, живъ онъ или умеръ. Прошло 60 лѣтъ послѣ описаннаго случая. Въ одно прекрасное майское утро на крыльцѣ дома сидѣла старушенка и чистила шерсть. Возлѣ нея собрались въ кружокъ дѣтки и возились съ своими игрушками. Пожилой уже мужчина лежалъ на тахтѣ, облокотившись на руку; другой помоложе сидѣлъ тутъ-же рядомъ и вытачивалъ ручку отъ лопатки. Въ это время въ двери раздался лай собаки, которая устремилась къ воротамъ.—Интересно, кто этотъ старецъ, проговорилъ лежавшій на тахтѣ, и приподнялся немного, чтобъ встать.

Всѣ обратили взоры къ воротамъ.—Шатабай, иди, голубчикъ, отопри ворота и собаку отгони, у меня вѣдь нога болитъ и, пока доберусь до мѣста, собака загрызетъ незнакомца,—сказалъ лежавшій на тахтѣ играющему тутъ-же ребенку.

— Я боюсь гуся; бабушка мнѣ говорила, что гусь кусается,—отвѣтилъ мальчикъ и продолжалъ игру.

— Эло, ну ты ступай,—сказалъ повелительный старикъ, работающій надъ ручкою лопатки. Эло лѣниво всталъ и направился къ воротамъ, но, придя туда, гостя не нашель: онъ уже успѣлъ отойти, все бормоча про себя что-то.—Кто ты, дѣдушка, и съ какимъ дѣломъ?—поспѣшилъ Эло спросить уходящаго старца, но тотъ и вида не подавалъ, что слышитъ. Эло проворно прыгнулъ за ворота, обогналъ старика, сталъ ему противъ дороги и тутъ только успѣлъ разглядѣть его физиономію: все лицо было въ глубокихъ морщинахъ, сидѣвшіе далеко въ глубинѣ глаза его блистали какими-то кровавыми пятнами; вся сгорбленная фигура его опиралась на палку и старецъ поспѣшно передвигалъ свои костлявыя ноги, которыя до половины колѣнъ были голы.

— Какое у тебя было дѣло до насъ, старецъ, и кто ты?—повторилъ ему Эло.

— Невѣрующій Моша.—Только и было сказано въ отвѣтъ, и не проронивъ болѣе ни одного слова, старецъ продолжалъ путь свой.

По преданію, такъ скитается по бѣлу свѣту до сихъ поръ Моша невярующій.—Грузинская писательница такъ своеобразно использовала легенду объ Агасверѣ—„вѣчномъ жидѣ“.

Плодовитымъ поэтомъ, преимущественно подвизающимся въ области дѣтской литературы, является *Шіо Мэвимели* (Кучукашвили), симпатичный талантъ котораго сказывается во всѣхъ его стихотвореніяхъ, согрѣтыхъ нѣжнымъ чувствомъ и искренней теплотою. „Поэтической музѣ служили *Св. Гугунава*, переложившій въ стихи „повѣсть“ Рчеулова *Царевна Тамара*, В. Рухадзе (сборн. его стихотвореній изд. въ Батумѣ, 1904), С. Кваріани (авторъ многочисленныхъ новеллъ, критическихъ статей и ученыхъ работъ по винодѣлію), Ниноцминдели (обработалъ сказаніе о

кн. Шю). Като Микеладзе и др. Общей ихъ чертой является отсутствіе яркой индивидуальности, ограниченность художественной интуаціи и повтореніе мотивовъ—преимущественно творчества кн. А. Церетели. Въ беллетристикѣ повѣйшаго времени первое мѣсто принадлежитъ символистамъ Ш. Дадіани и С. Кипіани, талантъ которыхъ обѣщаетъ дать роскошные цвѣты. Послѣдній дебютировалъ въ 1903 г. поэтическими разсказами: „Сытые и голодные“, „Зачѣмъ, для чего?“, „Зима“, „Работникъ въ лѣсу“, „Безпутный“. Рядомъ съ ними стоятъ Рев. Павленишвили (авторъ нов. „Ева“, „И природа противъ насъ“), Адамашвили, съ горькимъ юморомъ воспроизводящій бытъ обездоленныхъ бѣдняковъ („Чапчура“, „Сапожникъ Габо“, „Свадьба Курки“), Тр. Рамашвили („Митро Днедшивили“, повѣсть изъ сельской жизни), Николаишвили (авторъ психологическихъ этюдовъ: „И я человекъ“, „Помирилась“, „Вояъ отсюда“, „Мужъ и жена“), Ив. Зурабашвили (напечаталъ „Снѣгъ идетъ“, „Воспоминаніе“, „Рождественская фантазія“), авторъ лубочныхъ повѣстей Чархишвили, Максимидзе („Картинны“), Нина Накашидзе (извѣстна ея повѣсть „Кормилица“), Омамшвили („Потерянное счастье“), Пав. Кипіани („Нѣмой методъ“, „Обрушившійся мость“). Но пока еще трудно формулировать ихъ общественное міросозерпаніе и опредѣлить ихъ значеніе въ ходѣ развитія грузинской литературы.

Д р а м а.

Д. И. Кипіани ¹⁾ (1814—1887).

Остается сдѣлать обзоръ драматическихъ произведеній. Грузинскій театръ сыгралъ крупную роль въ процессѣ развитія народныхъ массъ. Въ тотъ періодъ, когда грузинскій языкъ, печать, школа и церковь подвергались всевозможнымъ стѣсненіямъ и ограниченіямъ, театръ оставался единственнымъ оплотомъ національнаго самосознанія и носителемъ художественно-просвѣтительной миссіи. Ознакомленіе зрителей съ прошлыми судьбами грузинскаго народа по историческимъ драмамъ и съ современнымъ его состояніемъ, экскурсіи артистовъ въ ближайшіе и отдаленнѣйшіе пункты между Батумомъ и Баку, пробужденіе и поддержаніе интереса къ родному языку и къ незыблемымъ традиціоннымъ началамъ составляютъ заслугу грузинской сцены, усердно насаждавшей въ сердцахъ публики „пользу и пріятность“, соединяя утилитарныя цѣли съ чистымъ эстетическимъ наслажденіемъ. Изъ писателей, подвизавшихся въ этой области, первое мѣсто отводимъ Д. И. Кипіани, вся жизнь котораго была сплошная драма. Дмитрій Ивановичъ Кипіани — выдающійся общественный дѣятель, ученый и публицистъ. Онъ родился 14 апрѣля 1814 г. въ деревнѣ Квишхети, въ семьѣ Пурцеладзе. Родъ его происходилъ изъ имеретинскихъ дворянъ. Отецъ его Кочо, передѣланный въ Ивана, былъ человекъ мирнаго нрава, а мать, урожденная Варвара Пурцеладзе, умная женщина, воспитанная на священномъ писаніи. Д. И. рано потерялъ отца и мать и попече-

¹⁾ Биографическій очеркъ (безъ окончанія) составленъ его сыномъ Николаемъ Кипіани (*Можъ* 1894, кн. 4).

нѣ объ его воспитаніи принялъ старшій братъ его Кайхосро, чиновникъ по таможенной части въ Сурамѣ. Грузинской грамотѣ онъ выучился у этого любимаго брата, а русскую азбуку усвоилъ въ теченіе нѣсколькихъ дней у пріѣзжаго изъ Тифлиса чиновника Федорова. Учился короткое время въ Тифлисской духовной семинаріи и затѣмъ перешелъ въ только что открывшееся благородное училище. По окончаніи курса, онъ былъ назначенъ преподавателемъ въ воспитавшемъ его училищѣ. Въ 1832 г. за участіе въ политическомъ заговорѣ былъ сосланъ въ Вологду ¹⁾, и прослылъ тамъ очаровательнымъ грузиномъ. Еще сидя въ Метехскомъ замкѣ, онъ изучилъ французскій языкъ, впослѣдствіи-же онъ заинтересовался англійскимъ и латинскимъ языками.

Имя Дмитрія Ивановича окружено въ памяти грузинскаго народа свѣтлымъ ореоломъ. Онъ долго и многообразно игралъ выдающуюся роль въ общественной жизни, начиная съ заговора дворянства 1830-хъ гг. до трагической своей кончины. Шестнадцатилѣтнимъ юношей, по окончаніи благороднаго училища въ Тифлисъ, примкнулъ къ партіи, затѣявшей политическое освобожденіе Грузіи. Потерявъ за участіе въ конспиративныхъ замыслахъ мѣсто преподавателя, онъ былъ сосланъ въ 1832 г. въ Вологду, гдѣ вскорѣ былъ назначенъ канцелярскимъ чиновникомъ, а въ теченіе 2-хъ лѣтъ исполнялъ (1835—1837 гг.) обязанности секретаря и правителя губернскаго правленія. Въ 1857 г. былъ переведенъ въ Кутаисъ чиновникомъ губернскаго правленія, а затѣмъ въ Тифлисъ въ исполнительную экспедицію. Здѣсь онъ прошелъ рядъ должностей отъ чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ Грузіи до секретаря управителя Имеретіей, совмѣщая эту послѣднюю обязанность съ должностью секретаря при грузинскомъ губернаторѣ. Въ 1839 г. онъ былъ переведенъ въ канцелярію главноуправляющаго и при гр. Муравьевѣ исполнялъ обязанности ея директора гражданскаго управленія. Во время Крымской компаніи онъ былъ директоромъ военно-походной канцеляріи ген. Бабутова. Въ 1859 г. былъ назначенъ членомъ совѣта намѣстника кавказскаго. Въ 1862 г. оставилъ службу и состоялъ тифлискимъ губернскимъ предводителемъ дворянства; онъ былъ инициаторомъ открытія дворянскаго банка и общества распространенія грамотности. Въ оживленное время, послѣ освобожденія крестьянъ, въ 1875—1879 гг. былъ тифлискимъ городскимъ головою, должность которую онъ покинулъ изъ-за инцидента, на какомъ языкѣ долженъ присягать армянинъ: онъ настаивалъ на русскомъ или грузинскомъ языкѣ, какъ ему понятномъ діалектѣ. Въ мрачную эпоху (1885—1886 гг.) гоненія на грузинъ при кн. Дондуковѣ-Корсаковѣ онъ былъ избранъ (1885) кутаисскимъ предводителемъ дворянства, но вскорѣ за письмо съ негодующимъ протестомъ къ экзарху Павлу, съ церковнаго амвона проклявшему грузинскій народъ, сосланъ былъ въ г. Ставрополь, гдѣ старецъ былъ съ таин-

¹⁾ Кстати замѣтимъ, что дальше его былъ сосланъ одинъ Элизбаръ Эриванскій—именно въ Архангельскъ.

ственной цѣлю убитъ въ 1887 г. и убійца не былъ розысканъ. Погребенъ былъ торжественно въ Тифлисъ въ Давыдовскомъ монастырѣ.

Д. И. Кипіани принималъ участіе въ грузинской литературѣ учеными и публицистическими работами. Подъ псевдонимомъ Бакаръ Картлели онъ помѣщалъ свою работу въ *Цискари*, повѣсть „Звима“, драмы Шекспира „Два веронца“ и „Ромео и Джульета“, ром. Фулье „Повѣсть бѣднаго человѣка“, комедіи Мольера; написалъ грузинскую грамматику (Спб. 1882) и велъ полемику по грамматическимъ вопросамъ съ профессоромъ Д. Чубиновымъ; писалъ статьи о феодализмѣ („О томъ о семъ между прочимъ и сословіяхъ“ и „о матеріалахъ для исторіи Грузіи“) и крѣпостномъ правѣ; помѣстилъ въ „Рус. Старинѣ“ интересныя *Записки и воспоминанія*.

А. А. Цагарели (1857—1904).

12-го августа 1904 г. безвременно скончался артистъ и писатель Авксентій Антоновичъ Цагарели. Уроженецъ сел. Дигоми Тифлискаго уѣзда (род. въ 1857 г.) и воспитанникъ духовной семинаріи, покойный съ ранняго дѣтства проявилъ любовь къ грузинскому театру, начало которому было положено кавказскимъ намѣстникомъ кн. М. С. Воронцовымъ. А. А. Цагарели въ юношескомъ возрастѣ принималъ живое участіе въ любительскихъ спектакляхъ и впослѣдствіи сталъ однимъ изъ первыхъ сотоварищей, организовавшихъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ постоянную грузинскую драматическую труппу. Живой темпераментъ и наблюдательный умъ его проявились не только на сценѣ, но и особенно въ драматической литературѣ. Въ 1878 году проявилась первая его бытовая пьеса „Что видѣлъ не увидишь болѣе“, встрѣченная весьма сочувственно публикой и прессой. Полнота поэзіи и народнаго юмора сказались еще ярче въ послѣдовавшихъ за первой комедіей пьесахъ „Ханума“, переведенной на русскій и армянскій языки, а также „Майко“, „Мито Анцишвили“, „Цимбирели“ и пр. Зная близко грузинно-армянскую жизнь, авторъ сумѣлъ создать вполне реальныя, художественныя типы и обрисовать характерныя бытовыя сцены. Покойный пробовалъ свои силы въ разработкѣ историческихъ сюжетовъ и переводахъ съ иностранныхъ языковъ. Ему принадлежатъ переводы такихъ драматическихъ произведеній какъ „Нора“ Ибсена, „За монастырской стѣной“ А. Камолетти, „Кардиналь Ришелье“, „Давидъ Рабинъ“, также „Волки и овцы“ и „Доходное мѣсто“ Островскаго. Но самая важная заслуга его заключается въ изображеніи грузинской жизни и вышеозначенныхъ оригинальныхъ его пьесахъ, разыгрываемыхъ понынѣ во всѣхъ концахъ Грузіи, въ селахъ и городахъ. Вслѣдствіе матеріальной необеспеченности грузинскаго артиста и писателя, А. А. искалъ постороннихъ заработковъ и нашелъ службу на Закавказской желѣзной дорогѣ въ качествѣ начальника станціи. Послѣдніе два года своей жизни онъ провелъ

въ Тифлисъ и сталъ принимать близкое участіе въ грузинскихъ изданіяхъ *Моамбэ* и *Циобисъ Пурцели*, гдѣ напечаталъ между прочимъ интересныя воспоминанія о начальномъ періодѣ грузинскаго театра. Умеръ онъ отъ простуды, проболѣвъ всего два дня. Грузинское общество, цѣня высокія заслуги А. А. Цагарели, приняло на свой счетъ расходы по его похоронамъ и приступило къ сбору пожертвованій въ видахъ организаціи какого-либо полезнаго предпріятія въ память покойнаго.

Одна изъ наиболѣе извѣстныхъ его пьесъ ¹⁾ это *Ханума*. Дѣйствующими лицами здѣсь являются представители всѣхъ классовъ и профессій. *Микичъ Тквили-Контрианицъ*, богатый купецъ, единственный принципъ, которому онъ неуклонно слѣдуетъ — приумноженіе капиталовъ. Этимъ принципомъ онъ руководствуется даже при выборѣ зятя: чрезъ него онъ можетъ захватить въ свои лапы имѣнія его многочисленныхъ родственниковъ. Есть у него и честолюбіе, особаго рода: одного богатства ему мало, никто передъ нимъ даже шапки не снимаетъ; не то будетъ, когда онъ выдастъ дочь свою за князя! Въ семейной жизни и въ отношеніяхъ къ младшимъ держится Домостроевскихъ взглядовъ: я приказываю своей дочери, и она должна выйти замужъ; я ей приказываю, и она должна умереть! *Соня*, его дочь, получила воспитаніе въ институтѣ, говоритъ по-французски, играетъ на фортепіано; въ ней нѣтъ и слѣда того запуганнаго существа, которыми представлялись ея бабушки и прабабушки, поэтому она слѣдуетъ влеченію своего сердца и сама себѣ избираетъ жениха. Отсюда ея неизбѣжное столкновеніе съ отцомъ-самодуромъ. Но воспитаніе оставило на ней и плохіе слѣды: она хитра и, гдѣ нужно, умѣетъ пускать въ ходъ потоки слезъ, падать въ обморокъ. *Сарра*, бабушка Сони, какъ всѣ старухи вообще и бабушки въ особенности, любитъ читать правоученія и можетъ до смерти надоесть ими. Часто возноситъ мольбы ко Всевышнему; любитъ до безумія свою внучку.

Акопъ, родственникъ ихъ, весельчакъ и острый малый. Онъ находитъ, что жить безъ мозгу куда какъ веселѣе: мозгу придется еще, пожалуй страховать, а кто-жъ ему заплатитъ за него, въ случаѣ онъ вздумаетъ сгорѣть ²⁾. Обладаетъ довольно чувствительнымъ сердцемъ и легко поддается увѣщаніямъ женскаго пола. Принципы, которымъ онъ слѣдуетъ въ жизни, сводятся къ одному:

Давайте пѣть, любить, плясать;
Что будетъ завтра—наплевать!

¹⁾ К. Таварткиладзе предпринялъ изданіе драматическихъ произведеній А. А. Цагарели, но не довелъ до конца. Въ первый томъ (Ахаль-Сенаки, 1895 г.) вошли три пьесы: *Грузинка-мать*, *Циобирели* и *Байкуши*. Въ 1884 г. въ Тифлисъ вышелъ сборникъ его комедій, въ которомъ напечатаны между прочимъ *Ханума* и *Другія нынче времена*.

²⁾ Ср. остроумныя словечки въ ком. „Бригадиръ“ Фонъ-Визина.

Князь Ваню Пантіа-швили—состоятельный помѣщикъ, вдовецъ; успѣлъ уже пожить на своемъ вѣку; понимаетъ толкъ въ женщинахъ. Безшабашная жизнь надоѣла ему и онъ хочетъ найти успокоеніе въ женитьбѣ. Умѣетъ держать себя съ достоинствомъ; если дѣло касается чести, умѣетъ поддержать ее съ оружіемъ въ рукѣ. *Котэ Пантіашвили*, его—молодой человекъ съ образованіемъ, живетъ собственнымъ трудомъ. Въ пьесѣ достоинствъ своихъ не обнаруживаетъ: они тамъ гдѣ-то, за кулисами; какъ всѣ влюбленные, ограничивается больше восклицаніями. *Тимотэ*, слуга Ваню, отъ него еще пахнетъ деревней, городъ не успѣлъ наложить на него своей цивилизующей руки. Довольно наблюдателенъ, любитъ болтать; обнаруживаетъ къ своимъ господамъ преданность, свойственную лишь крѣпостнымъ.

Кабато, сваха,—только вступаетъ на этотъ путь, но у нея есть всѣ задатки для блестящаго будущаго: умѣетъ льстить, когда нужно, умѣетъ покричать, гдѣ нужно, можетъ очернить человекъ такъ, что ничѣмъ грязи не отмоешь; она себя въ обиду не дастъ: что ей за дѣло, что вы—князь, у нея господина нѣтъ, и она никому не позволитъ ругаться надъ собою. *Ханума*, тоже сваха, только прошедшая сквозь огонь, воду и мѣдныя трубы. Много она лишеній перенесла за свое ремесло: разъ цѣлую недѣлю просидѣла голодной въ ямѣ; но эти лишенія только закалили ее въ бою. За то теперь нѣтъ у нея равной! Она сама сознаетъ свою силу, самоувѣрена до смѣшнаго: для нея нѣтъ ничего невозможнаго! Давайте ей деньги, и „она женить хоть самого патріарха!“ Бойкая, остроумная, настойчивая, она никого и ничего не боится: всѣ предъ нею должны преклоняться и повиноваться ей!

Дѣйствіе 1-е. *Тимотэ* сидитъ на стулѣ и жметъ отъ холода. Онъ недоволенъ тѣмъ, что баринъ взялъ его съ собой изъ деревни: здѣсь совсѣмъ не умѣютъ относиться съ должнымъ почтеніемъ къ прислугѣ. Толи дѣло въ деревнѣ: какъ встанешь,хватишь стаканъ очищенной и чувствуешь себя цѣлый день хорошо; станетъ тебѣ холодно—садись у огня, ѣшь чурчхелы (туземное лакомство) и запивай водкой. Къ чему было и барину-то ѣхать въ городъ? Эти князья—странный народъ! Продадутъ осенью хлѣбъ и вино, и спѣшать ѣхать въ Тифлисъ; здѣсь въ двѣ недѣли спускаютъ всѣ деньги и возвращаются домой ни съ чѣмъ ¹⁾. Изъ-за кулисъ раздается голосъ князя, который велитъ ему скорѣе кончить дѣло и идти съ порученіемъ. Вотъ баринъ ужъ цѣлую недѣлю посылаетъ его все съ письмами—онъ серьезно затѣвываетъ женитьбу; эти свахи такой проклятый народъ, что, навѣрное, собьютъ его съ толку... А что, не жениться-ли ужъ и ему? Надо-бы приударить за маленькой свахой—авось...

Когда является сваха *Кабато*, *Тамотэ* приступаетъ къ дѣлу съ дипломатическимъ тактомъ: предлагаетъ ей женить его и постепенно переходитъ къ тому, что онъ имѣетъ въ виду именно ее. Та сперва принимаетъ это за шутку, но, видя его настойчивость, начинаетъ сер-

¹⁾ Ср. раасужденія Осипа въ ком. „Ревизоръ“ Гоголя.

даться. Онъ старается соблазнить ее картиной будущаго счастья: она будетъ сбывать молодыхъ дѣвицъ, объ-же займется торговлей лошадыми, такъ что они будутъ какъ разъ подь-пару другъ другу. Но она не только не умиляется этой картиной, но приходитъ въ такую ярость, что снимаетъ съ ноги туфлю (довольно увѣсистую—*коши*) и пускаетъ ее въ назойливаго кавалера. Съ выходомъ князя прекращается это пріятное tête-à-tête. По уходѣ Тимотэ, Кабато сообщаетъ князю, что она нашла ему невѣсту, подобную которой развѣ найдешь у индійскаго царя, да у турецкаго султана, но больше ни у кого въ цѣломъ мірѣ. На вопросъ князя, лучше-ли она той невѣсты, которую предлагаетъ ему Ханума, Кабато удивляется, какъ онъ можетъ задавать такой вопросъ. Развѣ это невѣста? Это чортъ знаетъ что! И здѣсь она дѣлаетъ довольно картинное описаніе послѣдней, въ которомъ та является какимъ-то исчадіемъ ада. Да и самое-то Хануму можно ли пускать въ домъ? Вѣдь, ей бы только деньги драть! Потомъ она начинаетъ описывать достоинства своей невѣсты, дочери богатаго купца Тквиль-Котріанца: это ангель, прямо изъ эдема. Кабато читаетъ списокъ приданаго, стоимость котораго доходитъ до двадцати тысячъ.

Вано радуется, что онъ такъ скоро нашелъ себѣ лакомый кусокъ. И какъ, вѣдь, легко пускать людямъ пыль въ глаза! Стоитъ проѣхать пять—шесть разъ въ фазтонѣ—и двадцать тысячъ у тебя въ карманѣ! Онъ начинаетъ уже предвкушать прелести будущаго счастья, но мечтанья его обрываетъ Тимотэ, который докладываетъ о приходѣ племянника, Котэ. Послѣдній собирается жениться и пришелъ посоветоваться съ дядей. Невѣста его очень любитъ, но родныхъ ея трудно будетъ уломать. Дядя совѣтуетъ ему кончить дѣло какъ-нибудь мирно, въ случаѣ же неудачи ничего не стоитъ подослать людей и похитить невѣсту. Затѣмъ онъ сообщаетъ ему о томъ, что и самъ скоро женится. Когда онъ называетъ свою невѣсту по фамиліи, Котэ измѣняется въ лицѣ. На разспросы дяди, что съ нимъ такое, онъ отвѣчаетъ, что онъ не совсѣмъ здоровъ, и собирается уходить. Дядя проситъ его обождать, такъ какъ и онъ думаетъ итти, и идетъ къ себѣ одѣваться. Котэ остается, какъ громомъ пораженный: она—единственная женщина, которую онъ любитъ, и ту у него отнимаютъ! И кто же?—дядя, съ которымъ онъ не можетъ соперничать: тотъ богатъ, у него же ничего нѣтъ. Нѣтъ, онъ забудетъ про родство, рѣшится на всякую низость, но не уступитъ Соню! Хотя бы ему найти гдѣ-нибудь проклятую Хануму, чтобы разспросить про Соню!

Ханума легка на поминѣ. Котэ бросается къ ней и проситъ помочь ему, такъ какъ Соню выдаютъ за его дядю. Она отвѣчаетъ, что если онъ отсчитаетъ ей обѣщанныя деньги, бояться ему нечего. Дѣло, которое она затѣветъ, не можетъ разстроиться. Здѣсь она перечисляетъ свои подвиги на ея многотрудномъ поприщѣ: она на своемъ вѣку женила пятерыхъ генераловъ, изъ которыхъ каждому было 98 лѣтъ, черезъ недѣлю она уже и на поминкахъ побывала, сколькихъ женатыкъ

она вновь женила, четырех священниковъ чрезъ нее разстригли,—я съ нею-то вздумалъ его дядя шутить!.. Онъ женится безъ ея позволенія? Нѣтъ, не на такую онъ попалъ! Она всю Европу на ноги подыметъ! Скоро она будетъ пенсію получать: тридцать лѣтъ уже служить этому дѣлу! Котэ, успокоенный ея словами, уходитъ. Ханума винить во всемъ Кабато—это, навѣрное, ея дѣло. Но пока Ханума жива, не будетъ у нея соперницы въ Тифлисѣ!

Входитъ *Вано*. Ханума не подаетъ виду, что знаетъ о намѣреніи его жениться на другой. Послѣ нѣсколькихъ шуточекъ съ обѣихъ сторонъ, она передаетъ князю, что на-силу уломала родителей невѣсты, но что сначала они и слушать не хотѣли. Вано отвѣчаетъ, что и не нужно, такъ какъ онъ слышалъ, что невѣста никуда не годится. Она ему довольно спокойно возражаетъ, что для того, чтобы утверждать это, онъ долженъ сперва посмотрѣть невѣсту, теперь же разговоръ можетъ быть только о приданомъ; она вынимаетъ списокъ и читаетъ. По окончаніи чтенія, Вано заявляетъ ей, что ему предлагаютъ невѣсту, которая гораздо красивѣе и богаче; когда же онъ категорически заявляетъ, что онъ не женится на ея невѣстѣ, она упрекаетъ его въ томъ, что онъ заставилъ ее напрасно бѣгать, что такъ благородные люди не дѣлаютъ что невѣстѣ уже приданое готовить. *Кабато*, которая входитъ во время этого разговора, поддерживаетъ Вано. *Ханума* все болѣе и болѣе повышаешь тонъ, мимоходомъ вступаетъ въ перебранку съ *Кабато*, затѣмъ объявляетъ, что пока она жива, она не потерпитъ, чтобы кто-нибудь одержалъ надъ нею верхъ и что она заставитъ свою соперницу ихъ собственными зубами раздирать на себѣ мясо. Вано съ гнѣвомъ удаляется, во избѣжаніе непріятностей. *Кабато* хочетъ послѣдовать за ними, но Ханума удерживаетъ ее и вступаетъ съ нею въ объясненія, которыя заканчиваются тѣмъ, что онѣ вцѣпляются другъ другу въ волосы. Въ этомъ положеніи застаютъ ихъ *Тимотэ*, который, по приказанію Вано, разнимаетъ ихъ. Ханума бросаетъ туфлю и, вмѣсто *Кабато*, попадаетъ въ *Тимотэ*. Послѣдній гонится за ними съ палкой и всѣ убѣгаютъ.

Д. П-е. *Сарра* уговариваетъ Соню выйти замужъ за того, кому ее предназначаетъ отецъ. Во—первыхъ, она должна помнить заповѣдь Божью: „младшіе да повинуются старшимъ“, и, кромѣ того, партія которая ей представляется, очень хороша: онъ—князь, богатъ, изъ хорошей фамиліи. Соня возмущается словами бабушки, говорить, что она не можетъ сдѣлаться его женой, такъ какъ она его не любитъ; пусть бабушка, если онъ ей такъ нравится, сама за него выходитъ. Такая непочтительность со стороны внучки оскорбляетъ бабушку; она прокликаетъ всѣхъ тѣхъ, кто отдастъ своихъ дочерей въ пансіоны и гимназіи. У Сони является раскаяніе, она проситъ у бабушки извиненія. Та скоро забываетъ обиду, обнимаетъ внучку и говоритъ ей, что у нея наготовлено много вещей: однихъ драгоценныхъ камней на три тысячи.

Ихъ душевнымъ изліяніямъ полагаетъ предѣль ихъ родственникъ *Акопъ*, который входитъ съ пѣніемъ. Онъ шесть мѣсяцевъ былъ въ отсутствіи по дѣламъ *Мижича*, у котораго онъ служитъ, и вчера только вернулся. Онъ отпускаетъ разныя шуточки бабушкѣ и *Сонѣ*; послѣдняя обижается тѣмъ, что онъ ее сначала не замѣтилъ; онъ угощаетъ ее лакомствами. Затѣмъ опять обращается къ бабушкѣ и предлагаетъ ей напиться съ нимъ и затѣмъ поплакать по-русски. *Сарра* заявляетъ, что плакать ей не зачѣмъ, такъ какъ у нихъ *Сонина* свадьба. *Акопъ* сперва не вѣритъ, но когда *Сарра* подтверждаетъ клятвой, онъ обращается къ *Сонѣ* и начинаетъ ее дразнить: представляетъ, какъ она будетъ разѣзжать въ каретѣ, съ лакеями на козлахъ, какъ ее будутъ окружать кавалеры, снимать передъ нею шапки и проч. Онъ удивляется превратностямъ судьбы: дѣдъ ея шилъ двѣ пары сапогъ за 7 абазовъ (1 р. 40 коп.), починалъ водовозамъ дырявые сапоги, а внучка его—княгиня, карета, лакеи, рысаки!!... Затѣмъ обращается къ бабушкѣ и говоритъ, что ей радоваться нечего, такъ какъ, когда они будутъ приходить къ *Сонѣ* въ гости, то она будетъ гнать ихъ въ кухню и будетъ выдавать ихъ за своихъ бывшихъ слугъ. *Сонѣ* не до шутокъ. Онъ совѣтуетъ ей развеселиться, обѣщаетъ сдѣлать ея свадьбу по возможности веселою.

Его прерываетъ *Микичъ*, отецъ *Сони*, при которомъ онъ ведетъ себя нѣсколько скромнѣе. Тотъ прямо приступаетъ къ дѣлу: онъ получилъ двѣ экстренныя телеграммы, его требуютъ въ *Гори* (уѣздный городъ, недалеко отъ *Тифлиса*); если онъ останется, то потеряетъ тысячъ 50. Но и ѣхать ему нельзя, такъ какъ завтра наступаетъ великій постъ и свадьбу *Сони* придется отложить, а черезъ двѣ недѣли ему надо ѣхать въ *Астрахань*, гдѣ ему придется пробыть года три. Но нельзя же такъ оставить старуху и молодую дѣвицу? Сыновья его заграницей, учатся. Поэтому онъ хочетъ во что бы то ни стало сегодня же устроить свадьбу. Въ разговоръ вмѣшивается *Соня* и заявляетъ, что она лучше никогда не выйдетъ замужъ, чѣмъ выходить за этого безмозглаго князя. Отецъ сердится на нее. *Сарра* и *Акопъ*, въ свою очередь, уговариваютъ ее. *Микичъ* обращается къ *Акопу* и поручаетъ ему приготовить все къ свадьбѣ, позвать гостей, — словомъ, быть полнымъ хозяиномъ. *Ханума*, какъ близкая къ ихъ дому, скоро придетъ и будетъ ему помогать. Съ женихомъ онъ уже переговорилъ; онъ сегодня придетъ смотрѣть ее, а вечеромъ они повѣнчаются. Самъ онъ ѣдетъ въ *Гори*, но къ ужину непременно вернется. *Акопъ* обращается къ *Сонѣ* и совѣтуетъ ей не отказываться. *Соня* возмущена до глубины души. Она скорѣе зарѣжется, но не измѣнитъ *Котэ*. Она съ нетерпѣніемъ бросается къ *Ханумѣ*, и изливаетъ ей свое горе: если она ей не поможетъ, то она повѣсится. Та успокоиваетъ ее, требуетъ тоже, чтобы она ей отсчитала деньги, а объ остальномъ заботиться нечего. Она обѣщаетъ избавить ее отъ князя даже въ томъ случаѣ, если они будутъ уже стоять подъ вѣнцемъ: она такъ сумѣетъ подставить вмѣсто нея другую, что онъ даже не замѣтитъ. Если *Ханума* захочетъ, *Кура* потечетъ вверхъ! Когда она узна-

еть, что Микичъ оставилъ вмѣсто себя Акопа, она уже не сомнѣвается въ успѣхѣ, такъ какъ Акопа легко склонить на свою сторону. Когда послѣдній входитъ и отпускаетъ, по обыкновенію, нѣсколь-ко шутокъ, Ханума начинаетъ упрекать его въ томъ, что онъ позво-ляетъ выдать замужъ беззащитную двоюродную сестру, - какой же онъ мужчина послѣ этого! Бѣдная дѣвочка нѣсколько разъ уже въ обморокъ падала, собирается лишиться себя жизни, - а онъ такой безжалостный! Соня, съ своей стороны, начинаетъ просить его, чтобы онъ вывелъ ее изъ бѣды, увѣряетъ, что онъ спасетъ ее отъ вѣрной смерти. Акопъ сначала старается дать отпоръ, но непріятель такъ энергично его осаждаетъ, что онъ начинаетъ уже сдаваться. Къ нему является неожиданное подкрѣпленіе въ лицѣ Микича и Сарры. Микичъ обра-щается къ Ханумѣ и проситъ ее помогать Акопу. Затѣмъ даетъ Сонѣ засвидѣтельствованное у нотаріуса обязательство, по которому, если онъ ей черезъ два мѣсяца не додастъ 20 тысячъ рублей, она имѣетъ право описать его лавки и дома. Соня отказывается брать, и онъ вручаетъ бумагу Акопу. Акопъ довольно робко пытается сказать нѣсколько словъ въ пользу Сони, но Микичъ сердито обрываетъ его: что это, бунтъ что-ли? Всѣ сговорились противъ него! Ужъ не хочеть-ли Акопъ, чтобы онъ далъ ему подписку въ томъ, что оставляетъ его полнымъ хозяиномъ? И онъ идетъ съ этимъ намѣреніемъ къ себѣ въ комнату. Въ дверяхъ онъ спрашиваетъ: не знаетъ ли кто имени князя? Ханума отвѣчаетъ: „Котэ“. Акопъ пытается возразить, что его зовутъ Ваню, но Ханума заставляетъ его молчать. Наконецъ, Микичъ выноситъ бумагу, въ которой онъ выражаетъ свое согласіе на бракъ дочери съ Котэ Пантіашвили, и вручаетъ ее Акопу. Послѣдній снова на-ходится въ осадномъ положеніи. Непріятель пускаетъ уже въ ходъ всѣ средства, данныя ему для борьбы съ другою половиною рода человѣческаго: хитрость тутъ играетъ первенствующую роль при помощи ея, омоченной надлежащимъ образомъ слезами, ему удается выманить у Акопа обязательство Микича. Потерявъ по-слѣднее оружіе для борьбы, Акопъ, послѣ недолгаго ропота и колебанія, сдается окончательно. Онъ довольно нерѣшительно заявляетъ: а какъ-же быть съ княземъ, онъ скоро долженъ придти? Но и это новое препят-ствіе берется устранить всемогущая Ханума: она проситъ Соню дать ей свое платьѣ и другіе принадлежности женскаго туалета, и она сама по-кажется князю, вмѣсто нея. Предложеніе ея принимается съ радостью. Ханума проситъ Соню написать ей нѣсколько французскихъ фразъ гру-зинскими буквами, и Акопъ будетъ ей подсказывать. Затѣмъ въ сосѣд-ней комнатѣ надо придвинуть къ дверямъ піанино и, когда Ханума бу-детъ прикасаться къ клавишамъ рояля, пусть Соня играетъ въ это вре-мя на піанино. Соня успокоиваетъ Акопа, который все еще боится гнѣва дяди и знакомитъ его съ вошедшимъ Котэ. Затѣмъ рассказываетъ ему про новую затѣю Ханумы и уводитъ его къ ней, чтобы помочь ей одѣться. Акопъ, при видѣ этой парочки, не сожалѣетъ уже о томъ,

что онъ перешелъ на ихъ сторону: они созданы другъ для друга, грѣшно было-бы разъединять ихъ!

Акопъ встрѣчаетъ въ дверяхъ Ваню; усаживаетъ его. Разговоръ у нихъ не клеится; прибѣгаютъ къ спасательной въ такихъ случаяхъ погодѣ. Наконецъ, является она. Акопъ едва удерживается отъ смѣха. Князь въ недоумѣніи смотритъ на нее. Первое время разговоръ также не клеится. Ханума, при помощи Аюпа, произноситъ нѣсколько французскихъ фразъ. Князь заявляетъ, что онъ во французскомъ языкѣ слабъ; на вопросъ его, не говорить-ли она по-грузински, она рассказываетъ ему ломанымъ грузинскимъ языкомъ, что отецъ въ дѣтствѣ взялъ ее въ Парижъ и тамъ она забыла грузинскій языкъ, но теперь она старается учиться. Все это время она ходитъ по комнатѣ, сильно хромя; затѣмъ подходитъ къ князю и неожиданно начинаетъ предлагать ему бессмысленные вопросы, вродѣ того: какъ поживаютъ ваши буйволы? много-ли ихъ у васъ? Затѣмъ предлагаетъ ему прослушать романсъ и садится за рояль. Ваню пользуется этимъ моментомъ и подходитъ къ Аюпу. Начинается объясненіе. Ваню взбѣшенъ: можно-ли такъ обманывать людей,—онъ ожидалъ увидѣть ангела небеснаго, а передъ нимъ—какой-то дьяволъ въ юбкѣ. Акопъ притворяется оскорбленнымъ. Ханума догоняетъ его, проситъ взять ее въ кружокъ, или оперу.

Д. III-е. Ханума возится въ комнатѣ. Она смѣется надъ княземъ, который вздумалъ съ ней тягаться! Съ ней, которая какихъ только штукъ не продѣлывала на своемъ вѣку! Одного пьяницу, полковника, она заставила быть шаферомъ его собственной жены; одну бездѣтную княгиню заставила родить ребенка: подкинула ей въ постель только-что рожденнаго малютку, и до сихъ поръ никто не знаетъ, что онъ не ей принадлежитъ... И кто пересчитаетъ всѣ ея продѣлки! И ее-то онъ вздумалъ одолѣть! Оставила она его, дурака, совсѣмъ безъ жены: его невѣсту выдала уже замужъ, взяла полтора ста рублей, да здѣсь до шестисотъ получила!.. Но она вспомнила, что ночью видѣла во снѣ, будто воронъ каркалъ надъ ея головой. Крестится. Увидѣвъ Сарру, которая разыскиваетъ ее, она успокаивается: сонъ въ руку—чѣмъ она не воронъ? Сарра удивляется, что Микичъ говорилъ ей, будто зять ихъ носить національный костюмъ, между тѣмъ какъ женихъ былъ сегодня въ какомъ-то странномъ одѣяніи. Ханума отвѣчаетъ ей, что онъ во фракѣ—это такой сюртукъ съ отрѣзанными фалдами, онъ служить признакомъ просвѣщенія. Сарра недоумѣваетъ, что это за просвѣщеніе такое—обрѣзанныя фалды!

Входитъ Акопъ съ пѣніемъ: онъ немного на веселѣ. Онъ поздравляетъ Сарру. Она подвязываетъ ему плечо (мѣстный обычай). Онъ извѣщаетъ Сарру о скоромъ приходѣ молодыхъ изъ церкви. Когда Ханума напоминаетъ ему, что онъ долженъ еще дать отчетъ дядѣ, Акопъ отъ страха отрезвляется. Ханума успокаиваетъ его.

При появленіи молодыхъ, музыка играетъ тушь. Всѣ поздравляютъ ихъ, даютъ имъ пить шербетъ (сладкій напитокъ), ставятъ имъ подъ но-

ги тарелку, которую они разбиваютъ. Сарра усаживаетъ молодыхъ. Котэ уходитъ, чтобъ посмотрѣть, кто изъ гостей пришелъ. Акопъ и Ханума танцуютъ. Во время танцевъ появляются Микичъ и Ваню. Акопъ встрѣчаетъ Микича и говоритъ ему, чтобы онъ поздравилъ свою дочь. Когда тотъ узнаетъ, что дочь его обвѣнчалась—съ кѣмъ, онъ еще не знаетъ—онъ въ страшномъ отчаяніи. Ваню, видя въ этомъ еще большее для себя оскорбленіе, выхватываетъ шашку и угрожаетъ Акопу и Ханумѣ. Всѣ разбѣгаются. Входитъ Котэ и объявляетъ, что невѣста принадлежитъ ему. У Ваню шашка выпадаетъ изъ рукъ; онъ стоитъ какъ вкопанный. Затѣмъ онъ обвиняетъ племянника и упрекаетъ его въ томъ, что онъ раньше ему не сказалъ. Микичъ протестуетъ: Котэ бѣденъ и онъ не хочетъ выдавать за него свою дочь. Ваню подзываетъ къ себѣ жениха и невѣсту, благословляетъ ихъ и объявляетъ, что онъ послѣ этого случая закаивается и помышляетъ даже о женитьбѣ: Провидѣніе видно нарочно такъ устроило. Онъ все свое имѣніе передаетъ Котэ. Послѣднее обстоятельство смягчаетъ сердце Микича. Онъ благословляетъ дочь и зятя. Ваню спрашиваетъ Котэ, кого ему показывали вмѣсто Сони и чьи это шутики? Ваню, въ знакъ того, что онъ не сердится на Хануму, даетъ ей деньги на платье. Микичъ дѣлаетъ хозяйственныя распоряженія. Ханума обращается къ князю и совѣтуетъ никогда не забывать ее. Она, если захочетъ, можетъ превратить его въ верблюда. Затѣмъ она велитъ играть лезгинку и танцуетъ съ Акопомъ.

Не меньшей популярностью пользуется его комедія *Не тѣ ужъ нынче времена!*

Д. 1-ое. Дѣйствіе происходитъ въ домѣ Катины. Изъ ея монолога мы узнаемъ, что скоро предстоитъ свадьба ея племянницы Таси, но что князь Давидъ, вотъ ужъ второй день, какъ силой увелъ къ себѣ дѣвушку и не отпускаетъ отъ себя. И это вовсе не единственный случай самоуправства князя! Катина объясняетъ поступокъ князя тѣмъ, что братъ ея чѣмъ-то его разгнѣвалъ. Она въ отчаяніи: сегодня придетъ женихъ со своими друзьями. Что она имъ скажетъ? Является сынъ Катины, Илуа, и объявляетъ, что прибыли дружки и что скоро появится и самъ женихъ. Нужно приготовиться къ встрѣчѣ. Илуа идетъ сзывать гостей и скоро комната наполняется приглашенными. Но вотъ раздаются звуки зурны и съ пѣснями и криками входитъ женихъ, окруженный друзьями. Послѣ танцевъ начинается попойка, во время которой друзья жениха наперерывъ сыплютъ прибаутками. Рѣкой льется и вино, и остроуміе. Мишенью ѣдкихъ насмѣшекъ для всѣхъ служитъ армянинъ Аветикъ. Но онъ не остается у нихъ въ долгу и отвѣчаетъ тѣмъ-же. Тосты подгулявшихъ „кинто“ блещутъ всѣми красотами восточной фантазіи.

Гижуа, напимѣръ, пьетъ за бѣдное деревцо, которое, въ силу побочныхъ независящихся отъ него обстоятельствъ, засыхаетъ у самаго берега рѣки; или тотъ-же Гижуа пьетъ за двухъ влюбленныхъ голубковъ, сидящихъ на разныхъ вѣткахъ и не имѣющихъ возможности перелетѣть одинъ къ другому. Голубки ждутъ вѣтра, который сблизилъ-бы

эти вѣточки. Пичхула говоритъ: „Да здравствуетъ фонарь, который въ темную ночь освѣщаетъ намъ путь, какъ-бы говоря: путникъ, иди вотъ въ эту сторону, чтобы не свалиться тебѣ въ яму“.

Затѣмъ пьетъ Сосана за несчастную звѣздочку, которая всюду слѣдуетъ за мѣсяцемъ, сгораетъ отъ любви къ нему, но не встрѣчаетъ къ себѣ никакого сочувствія. Армянинъ Аветикъ, которому чужды всякія поэтическія красоты, подымаетъ ихъ на смѣхъ и говоритъ: „Да здравствуетъ разумъ, которымъ Господь Богъ, увы, не надѣлилъ васъ!“ Всѣ смѣются. Тосты смѣняются разными застольными пѣснями. Въ это время Катина секретно сообщаетъ Сакоа о продѣлкѣ князя. Разсерженный женихъ объявляетъ объ этомъ друзьямъ. Извѣстіе вызываетъ цѣлую бурю негодований; всѣ вскакиваютъ съ намѣреніемъ идти немедленно къ князю, чтобы отобрать дѣвушку силою; но благоразуміе и врожденная изворотливость Аветика спасаетъ князя отъ нашествія разгоряченныхъ виномъ кинто (тифлискаго торговца съ лотка). Онъ беретъ самъ все устроить, говоря, что силою теперь ничего не возьмешь, что противъ насилія существуютъ законы, что, наконецъ, такихъ людей, какъ князь, онъ счумѣетъ лучше обойти и т. д. И Аветикъ уже хочетъ уходить, но въ это время вбѣгаетъ Катина и взволнованная объявляетъ, что князь избилъ ея брата, который былъ посланъ ею туда за Тасією. Всѣ съ угрозами выбѣгаютъ.

2-е д. Сцена представляетъ комнату въ домѣ князя. Входитъ князь Давидъ и другъ его Захарій, который только что пріѣхалъ къ нему въ гости и успѣлъ осмотрѣть его хозяйство, и потому разговоръ идетъ на эту тему. Вошедшій слуга-имеретинъ докладываетъ, что пришли какіе-то люди и спрашиваютъ князя.

Вслѣдъ за этимъ является управляющій и говоритъ, что пришли за Тасією. Князь оставляетъ ихъ на время и уходитъ къ себѣ переодѣться. Въ его отсутствіи управляющій объясняетъ Захарію сущность дѣла. Этотъ послѣдній крайне возмущенъ поступкомъ друга и обѣщаетъ приложить всѣ старанія, чтобы уладить дѣло. Въ это время входитъ Аветикъ и представляется Захарію. Узнавъ, что Захарій, другъ князя, Аветикъ слащавымъ голосомъ объявляетъ, что онъ явился пригласить князя и его на свадьбу, конечно, если они только удостоятъ ихъ своимъ милостивымъ посѣщеніемъ. Входитъ князь. Аветикъ подходитъ къ нему и освѣдомившись о его здоровьѣ, тоже приглашаетъ на свадьбу. Когда князь узнаетъ, о какой свадьбѣ говоритъ Аветикъ, выходитъ изъ себя и категорически заявляетъ, что дѣвушку онъ ни за что не отпуститъ. Аветикъ тоже возвышаетъ голосъ и въ то-же время поглядываетъ на дверь, что бы при первой опасности улетучиться, что ему, въ концѣ концовъ, и удается съ успѣхомъ. Между оставшимися друзьями происходитъ горячій разговоръ, въ которомъ Захарій упрекаетъ своего друга въ несправедливости и совѣтуетъ, во избѣжаніе скандала со стороны жениха, возвратитъ ему невѣсту. Князь проситъ не вмѣшиваться въ его дѣло и предоставить ему самому покончить съ ними. Захарій оставляетъ его.

Входитъ Гижуга и проситъ князя уступить дѣвушку честию, но когда это не дѣйствуетъ, выходитъ изъ себя и начинаетъ угрожать. Князь зоветъ людей и велитъ вывести буяна, но „кинто“ такъ легко не сдается. Онъ далъ слово другу не возвращаться безъ невѣсты и, конечно, не намѣренъ отступать. Князь выходитъ изъ себя, но подоспѣвшій Захарій останавливаетъ его во время. Въ свою очередь, на шумъ вбѣгаютъ Сакуа (женихъ) и Аветикъ и тоже сдерживаютъ своего расхлѣвавшегося товарища. Женихъ упрекаетъ князя и говоритъ, чтобы онъ успокоился, бить его они не будутъ, такъ какъ не стоитъ мартъ рукъ, но пусть онъ знаетъ, что „нынче уже не тѣ времена“, и что противъ несправедливости существуетъ правосудіе.

Не будемъ останавливаться на передачѣ содержания другихъ его пьесъ, сходныхъ по разработкѣ съ вышеприведенными комедіями. Ограничимся нѣсколькими словами относительно послѣднихъ его произведеній.

Въ „Сценическихъ картинахъ“ герой Сико бросаетъ соблазненную имъ дѣвушку и женится на богатой особѣ и пытается оправдать себя предъ первой. Изъ-за денегъ онъ готовъ идти на все. Такова нравственная идея пьесы, затронутая имъ еще въ тенденціозной ком. „Радуга“, въ которой порицалъ до-брачныя связи и неодобрительно относился къ продукту ихъ—незаконнымъ дѣтямъ.—Ни одинъ изъ грузинскихъ драматурговъ послѣ кн. Г. Д. Эрнстова не отличался такой богатой наблюдательностью и умѣніемъ схватывать жанровыя картины, какъ А. А. Цагарели, съ его ѣдкимъ юморомъ и живымъ образнымъ языкомъ.

Василій Абашидзе.

10 марта 1902 г. въ Тифлисъ грузинское общество устроило торжественное чествованіе В. А. Абашидзе по случаю исполнившагося 25-лѣтія его артистической дѣятельности на грузинской сценѣ. По окончаніи курса въ кутанской гимназій (род. въ 1855 г., въ Душетѣ), г. Абашидзе состоялъ городскимъ учителемъ, а потомъ вступилъ въ только что (1879 г.) организовавшуюся постоянную грузинскую труппу и съ тѣхъ поръ онъ въ теченіе четверти вѣка съ неослабѣвающей энергіей и съ пламеннымъ воодушевленіемъ служилъ родному театру. О немъ мало сказать, что онъ служилъ наравнѣ съ другими, столь же восторженными, сотоварищами культу Талии и Мельпомены. В. А. Абашидзе созидалъ и съ нѣжной заботливостью возвращалъ грузинское сценическое искусство, влагая въ него весь свой богатый талантъ и искреннее, пылкое увлеченіе, заражая робкихъ и падающихъ духомъ. Природа его щедро надѣлила всѣми артистическими дарами: онъ приковываетъ зрителей граціозной мимикой, выразительностью и отчетливостью игры, тонкими варіаціями въ интонаціи и непринужденнымъ умѣньемъ держаться на сценѣ. „Абашидзе,—писалъ одинъ изъ рецензентовъ въ „Театральной Библіотекѣ“ (1879, № 4)—поражаетъ насъ разнообразіемъ своего репертуара. Почти каждую недѣлю онъ является передъ нами все въ новыхъ и новыхъ

роляхъ, которыя въ большинствѣ случаевъ исполняются имъ съ *истинной художественностью*“. Со времени появленія этой рецензїи репертуаръ г. Абашидзе значительно расширился, а талантъ его съ каждымъ годомъ замѣтно развивался и углублялся. Онъ создалъ болѣе двухсотъ типовъ изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ и классовъ. Онъ неподражаемо выступалъ въ роляхъ какъ грузинскихъ драматурговъ (напр., въ пьесѣ А. Цагарели „Ханума“ онъ играетъ роль Акопа), такъ и иностранныхъ: его видѣли Полонїемъ, Городничимъ, Хлестаковымъ, Фамусовымъ, Скапеномъ и др. Въ 1881 г. онъ принималъ участіе въ русской группѣ, исполняя по преимуществу комическія роли. Но онъ не ограничивается артистической дѣятельностью. Ему принадлежитъ около двадцати пьесъ, частью оригинальныхъ, частью передѣланныхъ для грузинской сцены, а въ теченіе двухъ лѣтъ (1885—1887 г.г.) онъ издавалъ еженедѣльную грузинскую газету „Театръ“. По прекращеніи этого изданія, онъ принималъ участіе въ грузинскихъ изданіяхъ по театральнымъ вопросамъ и напечаталъ весьма интересно составленные сборники „Лира“, стихотворенія для произнесенія на сценѣ, и „Пантеонъ“—собраніе наиболѣе популярныхъ пьесъ. Литературная его дѣятельность вполне гармонируетъ съ его широкой артистической натурой. В. А. Абашидзе давно уже сдѣлался любимцемъ грузинскаго общества и энергичнымъ руководителемъ грузинскаго театра. Чествованіе его 10 марта служило новымъ подтвержденіемъ особыхъ горячихъ симпатій, не разъ проявленныхъ грузинами къ своему даровитому артисту. 3 мая 1887 г. его чествовали, въ виду исполнившагося его десятилѣтняго служенія грузинской сценѣ, и тогда всѣ классы Грузїи—образованные и необразованные, знакомые и почитатели—привѣтствовали его неподдѣльнымъ засвидѣтельствомъ чувствъ восторга и преклоненія предъ его мощнымъ талантомъ.

Состоя въ теченіе четверти вѣка безсмѣннымъ стражемъ интересовъ родной сцены, В. Абашидзе немало потрудился по литературѣ театра, давъ въ разное время удачные переводы цѣлаго ряда такихъ пьесъ, какъ „Трудовой хлѣбъ“ Островскаго, „Нынѣшняя любовь“ Дьяченко, „Она помѣшана“, „Испанскій дворянинъ“, „Преступленіе и наказаніе“ (съ французскаго), „Ограбленная почта“, „Два подростка“, „Ученая жена“, „Жилецъ съ тромбонъ“, „Дамскій вагонъ“, „Ворона въ павлиньихъ перьяхъ“, а также либретто оперетокъ „Званный вечеръ съ итальянцами“ и „Рыцарь безъ страха и упрека“. Перу В. Абашидзе принадлежитъ также оригинальныя пьесы: „Чья вина?“ др. въ 5 д., „Вотъ такъ жена!“ одноактная комедія и драматическій этюдъ въ 1-мъ дѣйствїи „Тасико“. В. Абашидзе первый грузинскій профессиональный артистъ.

К. Д. Кипіани.

Артистъ Константины Дмитріевичъ Кипіани родился въ г. Тифлисѣ въ 1848 г. 3-го марта. До 16 лѣтняго возраста воспитывался дома, при родителяхъ, вмѣстѣ со старшимъ братомъ, Николаемъ и младшей сестрой,

Еленой. На домъ прїѣзжали къ нимъ лучшія педагогическія силы Тифлиса, каковыми были: Виссаріонъ Гогоберидзе, Николай Гогоберидзе, Монастырскій, фонъ-Дери-Ноине, священникъ I гимназіи Мицкевичъ, французы: Шарле (учитель французскаго языка) и Симонъ (музыки), художникъ Бабаевъ. Будучи 16-лѣтнимъ, онъ былъ опредѣленъ его въ I классическую гимназію, въ четвертый классъ, но въ этомъ классѣ онъ оставался одинъ только семестръ; отецъ въ 1866 году въ ноябрѣ мѣсяцѣ отвезъ его въ Петербургъ, куда онъ ѣздилъ по дѣламъ опекаемаго имъ владѣтельнаго дома князя Мингрельскаго. Большія успѣхи дѣлалъ онъ въ рисованіи. Подъ руководствомъ Филиппова началъ рисовать акварелью; великому князю Михаилу Николаевичу понравилась очень большая акварельная картина Филиппова, изображавшая „Охоту въ Караязахъ великаго князя“ и ему была заказана копія съ этой картины, которая была послана въ Петербургъ, въ подарокъ Государю Александру II. Выдержавъ экзаменъ гимназическаго курса лѣтомъ 1867 года, онъ поступилъ въ Петровскую сельско-хозяйственную академію.

Покойный отецъ его очень любилъ драматическое искусство и самъ, вмѣстѣ съ матерью артиста, не разъ игралъ на русскомъ и грузинскомъ языкахъ въ спектакляхъ во время намѣстничества на Кавказѣ князя Воронцова. Въ 1866 году, лѣтомъ былъ устроенъ торжественный грузинскій спектакль въ театрѣ Тамамшева; между прочими пьесами грузинскими любителями была разыграна одноактная комедія Мольера „Женитьба по неволѣ“ въ переводѣ Д. И. Кипіани, и тогда въ первый разъ выпустили К. Д. на театральныя подмостки въ роли пажа.

Въ академію художествъ онъ не попалъ, по причинѣ болѣзни (трахома глазъ) и поступилъ въ Петровскую академію, гдѣ пробылъ три года, изучая агрономію; до окончанія курса по домашнимъ обстоятельствамъ пришлось ему возвратиться на родину.

Въ 1872 году была введена на Кавказѣ акцизная система; управляющимъ акцизнымъ вѣдомствомъ былъ назначенъ дѣйст. ст. совѣт. Нѣжинскій, сослуживецъ отца К. Д.; Нѣжинскій принялъ его къ себѣ на службу и назначилъ его въ Сванетію. Обѣздивъ свой раіонъ и не найдя возможности вводить акцизную систему въ Сванетію, К. Д. подалъ обширный докладъ г. начальнику гражданскаго управленія барону А. П. Николаю объ этомъ предметѣ и благодаря докладу—введеніе акциза въ Сванетію было отсрочено на три года. По открытіи акцизной системы, Нѣжинскій вскорѣ умеръ и мѣсто его занялъ его помощникъ, г. Фессунъ, съ которымъ случился у Кипіани небольшой инцидентъ, на личной почвѣ, и онъ, прослуживъ почти 1½ года, вышелъ въ отставку и вернулся къ себѣ въ имѣніе, въ селеніе Квишхети, Горійскаго уѣзда, Тифлисской губерніи.

Въ 1873, 74 и 75 годахъ, въ Тифлисѣ издавался грузинскій журналъ „Иверія“, подъ редакціей Кананова (нынѣ онъ управляющій отдѣленіемъ Государственнаго банка въ г. Баку) и тамъ онъ напечаталъ

пространную статью „Письма туриста о Сванетіи“, подписавъ псевдонимомъ „Коте Санинели“ (отъ названія имѣнія матери, Нины). Лѣтомъ въ 1875 году, воспитатель дѣтей великаго князя Михаила Николаевича, Л. Н. Модзалевскій, согласно желанію великаго князя имѣть помощникомъ управляющаго (его Боржомскимъ имѣніемъ грузина, получившаго высшее сельско-хозяйственное образованіе, пригласилъ К. Д. Кипіани. Прослужилъ онъ въ Боржомѣ тоже около 1½ года; главнымъ-управляющій всѣми имѣніями великаго князя Конради, узнавъ, что отецъ К. Д. оспариваетъ имѣніе у вел. князя, а сынъ его служитъ въ этомъ самомъ имѣніи, нашель невозможнымъ тамъ его службу и безцеремонно удалилъ его оттуда.

Будучи еще въ Петровской Академіи, по порученію профессора по ветеринаріи Чернопятова, онъ напечаталъ небольшую статейку о „ящурѣ рогатаго скота и овецъ“ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1870 годъ, подписавшись Конст. Кип... и. Въ академіи же принялся за составленіе „Русско-грузино-латинскаго ботаническаго словаря“ съ энциклопедическимъ отдѣломъ, надъ каковымъ онъ работалъ болѣе 15 лѣтъ и въ настоящее время словарь этотъ, вмѣщающій въ себѣ около 5 тысячъ грузинскихъ терминовъ, находится въ Императорскомъ Кавказскомъ Обществѣ сельско-хозяйства, ожидая выхода въ свѣтъ.

Въ 1880 годахъ онъ печаталъ свои экономическія корреспонденціи о бытѣ грузинскихъ крестьянъ, подъ общимъ заглавіемъ „Изъ верхней Карталиніи“, на русскомъ и грузинскомъ языкахъ въ „Озобрѣ“, „Тифлисскомъ Вѣстникѣ“ и въ „Дрозба“, подписываясь псевдонимомъ „Коте Санинели“. Въ 1880 годахъ на Кавказѣ были аресты молодыхъ людей за распространеніе запрещенныхъ книгъ, и онъ попалъ въ Горійскую тюрьму, гдѣ просидѣлъ 1½ мѣсяца и тогда въ „Тифлисскомъ Вѣстникѣ“ напечаталъ два фельетона „Изъ тюрьмы“. Въ журналѣ „Иверія“ напечатанъ его переводъ съ русскаго на грузинскій драмы А. Банка „Мейрима или Босняки“. Тамъ же напечатанъ переводъ съ французскаго комедіи Бальзака „Меркаде дѣлепъ“. Въ „Дрозбѣ“ временъ редакціи И. Г. Мачабели появился его критическій разборъ „Ботаническаго словаря“ кн. Р. Эрстова. Передѣлалъ съ русскаго „Исиру“, комедію въ 2 дѣйствіяхъ; играли нѣсколько разъ его „Вахушти-сердаръ“, драму въ 5 дѣйствіяхъ и „Два отца“ оригинальную драму въ 5 дѣйствіяхъ. Историческая работа его „Изъ давно минувшаго Грузіи“ напечатана въ „Кавказскомъ Вѣстникѣ“ за 1900 годъ № 11. „Десять маршаловъ Грузіи“ и „Исторія тифлисской Публичной Библиотеки“ появились въ „Новомъ Обзорѣніи“; перевелъ „Исторію культуры“, соч. Липперта, „Торквемаду“, трагедію Виктора Гюго; издалъ „Тысячу грузинскихъ монограммъ“. Ему принадлежитъ „Участь Грузіи“, историческая драма на русскомъ и грузинскомъ языкахъ, въ 4 дѣйствіяхъ; „Борьба“, историческая драма въ 4 дѣйствіяхъ, „Сила любви“ историческая комедія въ 4 дѣйствіяхъ; свѣ-же перевелъ „Баши-Ачукъ“, историческую повѣсть Акакія и

комедію „Недоросль“ фопъ-Визина, составлена имъ работа „О значеніи театра“ и статья «Пзъ грузинской астрономіи» напечатана въ «Нов. Обозрѣніи».

Съ 1871 года онъ всегда принималъ участіе въ грузинскихъ спектакляхъ. Онъ первый изъ грузинъ, любителей драматическаго искусства, познакомившій грузинскую публику съ классическимъ репертуаромъ: Шекспиромъ, Шиллеромъ, Бальзакомъ, Мольеромъ и другими авторами. Играетъ какъ любитель, не имѣя строго выработаннаго амплуа, играетъ „Короля Лира“, играетъ и водевиль.

28 декабря 1894 года грузинское общество праздновало его 25-лѣтнюю артистическую дѣятельность.

Женатъ онъ на чистой грузинкѣ, Нинѣ Татіевой, тоже подвизающейся на родной литературѣ: она напечатала нѣсколько очерковъ и издала въ 1900 году переводъ романа „Спартакъ Джіованіоли“.

П. І. Умиковъ (1838—1904).

Грузинская литература 25-го мая 1904 г. потеряла одного изъ плодотворныхъ писателей и выдающагося общественнаго дѣятеля, Петра Юсифовича Умикова. Судя по автобіографіи покойнаго, родъ Умиковыхъ — очень древній и восходитъ ко временамъ царицы Тамары. Отецъ его былъ секретаремъ французскаго консула въ Тифлисѣ. Оставшись сиротой пяти лѣтъ, онъ первоначальное образованіе получилъ подъ руководствомъ своей умной матери, затѣмъ учился въ тифлисской гимназій и по окончаніи здѣсь курса въ 1860 г. слушалъ лекціи въ петербургскомъ университетѣ (1864—1867 гг.) и съ того времени былъ убѣжденнымъ носителемъ идей 60-хъ годовъ. Первая его печатная статья появилась въ журналѣ *Цискари* за 1860 г. подъ заглавіемъ „Что нужно автору?“—переводъ изъ Карамзина. Здѣсь же онъ началъ помѣщать произведенія грузинскаго байрониста Ник. Бараташвили, которыя въ 1875 г. вышли въ видѣ отдѣльнаго сборника. П. І. Умиковъ принималъ участіе въ изданіяхъ *Дрозба*, *Иверія*, *Кребули*, *Моамбэ*, самъ издавалъ *Sasonlo Газети (Сельскую Газету)* въ теченіе семи лѣтъ (1873—1880), имѣвшую значительный успѣхъ среди читателей. Помимо журнальной дѣятельности покойный очень дорожилъ памятниками древней грузинской письменности, и при его участіи, съ его предисловіями изданы были произведенія Давида Гурамшвили (1870 и 1880 г.), поэта XVIII в., сборникъ басенъ С. С. Орбеліани, современника Лафонтена, романъ „Висраміани“ (XII в.), „Дастурлама“ царя Вахтанга VI,—памятникъ весьма важный для изученія административнаго порядка въ Грузіи,—стихотворенія поэтовъ XIX в. Вахтанга и Григорія Орбеліани, Александра и Ильи Чавчавадзе. Издалъ въ теченіе 1875—1877 гг. изъ древнихъ рукописей заимствованныя поэмы „Бежаніани“ (глава изъ „Шахъ-Намэ“), „Алексіани“, „Кал-важіани“, Вардбулбуліани царя Теймураза; сборники народныхъ пословицъ и пѣсень объ Арсенѣ, героѣ-любимцѣ

грузинъ¹⁾. Поэма объ Арсенѣ выдержала нѣсколько изданій и разошлась въ количествѣ болѣе 80,000 экземпляровъ. Въ связи съ этою издательскою дѣятельностью у покойнаго шла энергичная работа по собиранію грузинскихъ народныхъ сказокъ, оставшихся у него не напечатанными. П. І. Умиковъ не ограничивался ролью этнографа, собирателя древнихъ памятниковъ письменности и журналиста. Онъ былъ рьянымъ театраломъ и авторомъ нѣсколькихъ пьесъ, разыгрывающихся понынѣ на грузинской сценѣ, изъ которыхъ къ постановкѣ первой грузинской пьесы „Приготовление“ или Самзадиси было встрѣчено сочувственно въ печати и публикой. Въ дѣятельности П. І. Умикова должна быть отмѣчена еще одна сторона; онъ былъ почти 20 лѣтъ преподавателемъ грузинскаго языка въ 1-й тифлисской гимназій, воспиталъ нѣсколько выпусковъ и въ томъ числѣ и нашъ выпускъ, съ благодарностью вспоминающій добраго и предупредительнаго наставника. Еще въ 1864 г. онъ издалъ азбуку для народа, цѣной въ 5 коп., и первую грузинскую пропись въ 1878 году. Въ Грузинскомъ календарѣ за 1904 г. онъ помѣстилъ сжатый обзоръ теченія грузинской литературы. Этнографъ и публицистъ, журналистъ и издатель памятниковъ письменности, преподаватель и драматургъ, П. І. Умиковъ выступалъ и въ качествѣ переводчика съ русскаго и иностранныхъ языковъ. Ему принадлежатъ пьесы „Въ сѣтихъ любезностей“, „Предъ бенефисомъ“ (шутка), „Сраженіе“ (мелодрама въ 4 д.), и др. Въ 1866 году онъ издалъ между прочимъ въ переводѣ съ русскаго „Жизнь древнихъ народовъ“, а въ 1899 г. напечаталъ въ *Моаибѣ* переводъ испанской повѣсти „La vida de Lazarillio de Tormes“. Въ своихъ публицистическихъ статьяхъ покойный былъ проповѣдникомъ гуманныхъ идей и служенія общественнымъ интересамъ, горячимъ поборникомъ самодѣятельности, чуждымъ крайняго націонализма. Своимъ трезвымъ умомъ и бодрымъ, жизнерадостнымъ настроеніемъ онъ производилъ чарующее впечатлѣніе и невольно внушалъ къ себѣ уваженіе даже лицъ, не раздѣляющихъ его убѣжденій.

Валеріанъ Гунія.

В. Гунія одинъ изъ плодovitѣйшихъ драматурговъ. Онъ перевелъ рядъ пьесъ, приспособивъ ихъ къ грузинской жизни и исторіи. Ему принадлежатъ пьесы частью на заимствованные сюжеты, частью переводы. „А чѣмъ не мужъ“, „Братъ и сестра“, „Два героя“, „Жизнь“ (изъ Мережковскаго), „Женскій трудъ“ (шутка), „Изъ-за мышенка“ (Армава Розо), „Качагъ Како Бгачіашвили“ (изъ поэмы кн. П. Чавчавадзе),

¹⁾ Товарищество *Цискари* издало въ 1905 г. небольшой сборникъ народныхъ пѣсенъ, собранныхъ П. І. Умикашвили. Въ сборникъ вошли еще пьеса его „Самзадиси“ и статья „Объ языкахъ мелкихъ народностей“. Сборнику предшествуетъ тепло написанный г-номъ Ф. Гогичайшвили биографическій очеркъ покойнаго писателя.

„Неисправимый“, „Охотник“, „Первая муха“ (Величко), „Путаница“, „Родина“ (Зудермана), „Съ мѣста въ карьеръ“ (водевиль), „Тайна крѣпости“ (по пьесѣ кн. Сумбатова „Старый закалъ“), „Въ холерное время“ и др.

Онъ приспособилъ къ быту гурійцевъ французскую пьесу Коппе „Два героя“, и она превратилась у него въ историческую драму съ *couleur locale* изъ гурійской жизни. Главными дѣйствующими лицами драмы являются Мамія, владѣтель Гуріи Леванъ Гуріели—полководецъ Таріель, сынъ Левана Багатараль—турецкій шпіонъ, Дуду-ханъ—вторая жена Левана Гуріели. Дѣйствіе происходитъ въ Гуріи въ XVII в. Турція, распространившая свое господство во всей западной Грузіи, преисполнена злобы на маленькую Гурію, которая, благодаря выгодному мѣстоположенію и естественнымъ границамъ, всегда съ успѣхомъ отражала нападенія турокъ. Единственный горный проходъ изъ Турціи въ Гурію „Карчхали“ хорошо укрѣпленъ гурійцами, а иного доступа въ Гурію нѣтъ. Не рассчитывая пробраться силой черезъ Карчхали въ Гурію, турки намѣреваются сдѣлать это хитростью. Въ Гурію посылаются шпіонъ Багатари. Послѣдній является къ женѣ главнаго полководца гурійскихъ силъ, красавицѣ абхазкѣ Дудуханѣ, и предлагаетъ комбинацію: повлѣять на своего стараго мужа Левана, склонить его къ измѣнѣ: провести турецкія войска черезъ Карчхали; за это султанъ обѣщаетъ возвести на гурійскій престолъ Левана, ея мужа. Честолюбивая абхазка Дуда-ханъ соглашается и пускаетъ въ оборотъ всю свою чарующую красоту, чтобы склонить мужа къ измѣнѣ родинѣ. Послѣ тяжелой душевной борьбы, Леванъ поддается влиянію молодой красавицы—жены. Планъ измѣны созрѣлъ: Леванъ пойдетъ въ Карчхали, сниметъ карауль и ночью пропуститъ турецкія войска. Но планамъ этимъ не суждено осуществиться. Объ нихъ своевременно узнаетъ другой герой драмы Таріель—сынъ Левана. Послѣдній является неожиданно въ Карчхали. Страстно любя родину, онъ рѣшается ни за что не допустить отца къ совершенію такого позора и собственноручно убиваетъ стараго заслуженнаго полководца и горячо любимаго отца для спасенія родины.—Столь же искусственно и своеобразно онъ передѣлываетъ и другія (напр. „Дѣти Ванюшины“) русскія и европейскія пьесы примѣнительно къ исторіи и современнымъ нравамъ Грузіи.

А з і а н и.

Въ самое послѣднее время на драматическое поприще выступила молодая писательница Н. Дондарова, подъ псевдонимомъ Азіани.

Сцены ея подъ заглавіемъ „Грѣхъ“—мало обработанное произведеніе. Хорошенькая 20-лѣтняя Лиза снимаетъ комнату у матери чиновника Васо Карбатова. Ухаживанія Васо за Лизой, увлеченной надеждою стать его женой, сближаютъ ихъ; но распущенный Васо, удовлетворивъ свою страсть, бросаетъ ее. Нравственно разбитая Лиза отвергаетъ предложеніе молодаго и красиваго ученаго Галалова, сдѣланное черезъ посредство свахи. Съ другой стороны противъ такого брака мать Глалова

ва и возлюбленная его Машо, которую, впрочемъ, онъ удовлетворяетъ денежной ссудой, общается и послѣ вступленія въ бракъ съ Лизой жить съ нею интимною жизнью. Тогда зачѣмъ онъ женится на Лизѣ? Или почему Карбатовъ бросаетъ ее?

Пьесы „Деньги и титулъ“, „Инженеръ и докторъ“ имѣли огромный успѣхъ на сценѣ. Послѣдняя карриатура на армянскую интеллигенцію, а первая направлена на обличеніе современной грузинской аристократіи. Кн. Леванъ Лабадзе, исключенный изъ 4 класса, вольноопредѣляющійся женится на богатой армянкѣ Шарбатовой, мечтающей о титулѣ княгини. Сочетаніе „денегъ и почетнаго положенія“ оказывается неудобноносимымъ игомъ. Кн. Лабадзе промотать огромное состояніе жены и прожигаетъ свое существованіе въ кутежахъ и безчипствахъ. Единственной надеждой для измучившейся жены Машо избавиться отъ мужа является арестъ его и ожидающая его ссылка за пораненіе человѣка. Типъ Левана на грузинской сценѣ выставленъ впервые. Картина разоряющагося князя схвачена очень живо, легкомысленные мечты о положеніи Машо, получившей поверхностное гимназическое образованіе, воспроизведены ярко и талантливо.

Двухъ-актная комедія г-жи Азіани „Несбывшіяся надежды“ (Мамбэ 1901 г.) производитъ очень выгодное впечатлѣніе жизненностью взятаго сюжета, образнымъ языкомъ и сравнительною нерастянутостью дѣйствія. Пьеса могла бы назваться даже рѣзкой сатирой на современное намъ тифлисское общество, потому что въ ней авторъ касается и ограниченнаго націонализма, тщеславія и суетности барышень и барынь, взглядовъ въ „обществѣ“ на бракъ, наконецъ, склонности нашихъ молодыхъ грузинокъ къ переплетенію своей родной рѣчи русскими фразами. Семья Степана Ивановича Заралова ждетъ пріѣзда изъ Россіи сына доктора, на котораго возлагаетъ самыя розовыя и блестящія надежды. Но онъ этихъ надеждъ не оправдываетъ: о наживѣ не думаетъ, лѣчитъ крестьянъ и бѣдныхъ даромъ, къ обычному рекламированію своихъ медицинскихъ познаній не прибѣгаетъ и, къ довершенію ужаса и алчныхъ родителей, женится на бѣдной русской дѣвушкѣ. Цѣлый рядъ живыхъ типовъ даетъ намъ г-жа Азіани—старика Заралова, двухъ сплетницъ-мамашъ—Нину и Кекелу, молодого красная-адвоката Габо, глупенькую барышню съ птичьей головкой и мечтами о птичьемъ опереніи, наконецъ, крестьянина-карталинца съ его добродушіемъ и грубоватой простотой. Слабо очерчены типы молодого доктора Ваню, идеалиста съ программой безкорыстнаго служенія человечеству, и его сестры, стремящейся не столько на высшіе курсы, сколько въ объятія Гименея.

Г-жа Азіани пробовала свое перо въ разсказахъ изъ современной взбаломученной жизни. Ей принадлежитъ живо схваченная сцена, изображающая смерть молодого идеалиста въ борьбѣ за честь сестры съ стражниками, призванными охранять благостояніе и покой горожанъ.

Грузинскую сцену поддерживали и обогащали пьесами Н. Авалишвили, бывший редактор журнала „Мнатоби“, переводчикъ *Донъ-Кихота*. Онъ переложилъ рядъ пьесъ изъ Шиллера (*Разбойники*) и Островскаго. Еще большую услугу оказалъ ей кн. Иванъ Мачабели, сотрудникъ *Iverin* и редакторъ *Дрозды*, своими переводами изъ Шекспира (Гамлетъ, Макбетъ, Король Лиръ ¹⁾), Юлій Цезарь, Коріоланъ, Ричардъ III, Отелло), Ив. Мачавариани (пер. „Тартюфъ“ Мольера, „Старшій братъ“, и „Жертва“ комедіи Доде и др.). Въ качествѣ артиста и драматическаго писателя подвизался К. С. Месхи. Онъ выступилъ на театральные подмостки въ 1878 г. и съ тѣхъ поръ грузинская публика видитъ его въ самыхъ разнообразныхъ амплуа. Онъ написалъ пьесы (на заимствованные сюжеты): „Царевна Тамара“, „Багратъ IV“, „Руставели“, „Лангъ-Темуръ“, перевелъ нѣсколько драмъ—изъ соч. Дюморье *Тильби*, „Пзмѣну“ кн. Сумбатова и др.

Нѣсколько пьесъ принадлежить публицисту и критику Ст. Чрелашвили. Онъ перевелъ ком. *Донъ-Жуанъ* Мольера. Пахуцришвили, автора разсказа Таде, переводчикъ сценъ изъ „Фауста“ Гете, написалъ бѣлыми стихами драму „Янычаръ“, увѣнчанную преміей грузинскимъ драматическимъ комитетомъ, по идеѣ близкую къ сценамъ П. Чавчавадзе „Мать и Сынъ“. Ив. Гомартели написалъ пьесу „Испорченная кровь“. Ив. Абхази выступилъ съ исторической драмой „Гантиади“ изъ жизни Грузіи въ XVII в. Трифонъ Рамишвили внесъ свою лепту бытовой драмой „Сосѣди“, Иер. Гулисашвили издалъ двѣ свои пьесы „Жизнь-борьба“ и „Времена царствуютъ“ (Тифл. 1895). Ив. Полумордвишовъ перевелъ пьесу Ибсена „Докторъ Штокманъ“, Ин-ани—драму Гауптмана „Потонувшій колоколъ“; переводили трагедіи изъ Эсхила „Прикованный Прометей“, Эврипида „Медея“, драмы Зудермана, Бьернсона-Бюрнстера („Марія Шотландская“, переведенная Ив. Зурабшвили).

Бросая ретроспективный взглядъ на развитіе грузинской поэзіи въ XIX в., легко замѣтить, что главнѣйшія литературныя теченія въ русской и западно-европейской литературѣ отражаются въ творествѣ грузинскихъ писателей XIX вѣка. Если кн. А. Чавчавадзе не успѣлъ отрѣшиться отъ духа персидской лирики, то послѣдовавшіе за нимъ поэты усваиваютъ тонъ и настроеніе европейскихъ корифеевъ литературы. Романтизмъ съ его фракціей—байронизмомъ (Гр. Орбеліани, Н. Бараташвили, В. Орбеліани), реализмъ (И. Чавчавадзе, Ак. Церетели, Р. Эристовъ), постепенно смѣняющійся натурализмомъ (Г. Церетели, Ниношвили, Меланія), народничество и символизмъ (А. Казбекъ, Ломаури, Важа-Пшавели, Бачана, Дадіани) находятъ отголоски въ движеніи грузинской творческой мысли. Лишь босякъ Максима Горькаго, произведенія котораго старательно переводятся на грузинскій языкъ, и сверхъ-человѣкъ Ницше съ его ученіемъ Заратустры не нашли отголосковъ въ грузинской

¹⁾ Переводъ траг. „Король Лиръ“ исполненъ имъ совмѣстно съ Ильей Чавчавадзе.

литературѣ. Грузинскіе писатели, проникаясь передовыми идеями эпохи и теоріями, проникшими изъ Россіи и Европы, озабочены были мыслью введенія въ литературѣ національнаго элемента. Стремленіе придать народную окраску направленіямъ, навѣянными Западомъ и Россіей, оказывало не только гуманизирующее вліяніе на общественную среду, но и способствовало сближенію литературы съ жизнью, и реформѣ книжнаго языка въ духѣ его упрощенія, выработкѣ новаго легкаго стиля и поэтическихъ формъ. Опека надъ литературнымъ языкомъ постепенно смѣняется свободнымъ его развитіемъ сообразно съ новыми понятіями и потребностями.

Новый литературный языкъ, выработанный въ эпоху кн. Воронцова горійской школой драматурга Г. Д. Эристова, въ своей основѣ положилъ карталинскій говоръ. Кн. И. Чавчавадзе съ 60-хъ гг. сообщилъ этому стилю кахетинскій оттѣнокъ, отличающійся образностью, торжественностью и пафосомъ. *Дрозба - Кребули* литературный языкъ обогатили имеретинскими провинциализмами. Борьба между двумя направленіями—старо-горійскою и новымъ кахетинско-имеретинскимъ продолжается до 1876 г., когда И. Чавчавадзе съ изданіемъ газ. *Иверія* возвращается съ нѣкоторыми нововведеніями къ старой школѣ. Дальнѣйшая стадія выработки литературнаго стиля находится въ связи съ зарожденіемъ *Квали*, поставившаго задачей „писать такъ, какъ говорятъ“, безъ соблюденія точныхъ грамматическихъ правилъ. Языкъ *Квали* вызываетъ ожесточенные нападки со стороны *Иверіи*, стоящей на стражѣ чистоты ужъ опредѣлившагося литературнаго слога. Разница въ языкѣ *Квали* (впослѣдствіи замѣнившихъ его *Могзаури* и *Лампарі*) и *Иверіи* значительно сглаживается со времени перехода послѣдней сначала въ руки А. Сараджева, а затѣмъ Ф. Гогичайшвили. Благодаря легкости и доступности новаго литературнаго языка народнымъ массамъ, беллетристика и публицистика приняла на себя задачи культурнаго самовоспитанія народа, утратившаго политическую самостоятельность. Литература и языкъ, при уродливомъ антипедагогическомъ функціонированіи школы и антиканонической организаціи церкви, сдѣлались единственнымъ стражемъ національнаго самосознанія и залогомъ грядущаго возрожденія грузинскаго народа.

Грузинская литература XIX в. представляетъ закономѣрное развитіе теоретической и художественной мысли изъ сочетанія основныхъ зародышей, завѣщанныхъ грузинской стариной и новыхъ общественныхъ тенденцій, зарождавшихся подъ воздѣйствіемъ экономической и умственной эволюціи на западѣ и въ Россіи. Содержаніе грузинской поэзіи, разсматриваемой хронологически, обусловливалось смѣной послѣдовательно выступавшихъ отдѣльныхъ соціальныхъ классовъ. Три четверти прошлаго столѣтія литература поддерживалась почти исключительно представителями дворянскаго класса,—и она служила выразительницей идей высшихъ сословій, иногда снисходящихъ къ меньшему собрату. 80-ые годы—поворотный пунктъ въ исторіи грузинской мысли: въ литературу

вступают разночинцы,—и въ ней постепенно водворяются демократы съ социалистическими идеалами. Представители этого направленія, одни—реалисты, другіе марксисты,—устраняютъ изъ литературы національно-политическій и этико-философскій элементы. Моментъ объединенія нахлынувшихъ новыхъ доктринъ не исключая и анархическихъ, съ одной стороны и національныхъ стремленій съ другой, въ одно стройное міросозерцаніе еще не наступилъ и является капитальной задачей текущей литературы XX вѣка.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
2	14 сверху	инкор...	инкорпо(рированной)
—	5 сверху	свомъ	своимъ
—	8 снизу	Вмѣствъ	Вмѣсто
3	11 снизу	многвѣковой	многовѣковой
—	9 снизу	измѣненіемъ,	падениемъ
—	5 снизу	жични	жизни
5	21 сверху	и	и
6	19 сверху	политическаго	политическаго
7	17 сверху	Тифлисѣ	въ Тифлисѣ
—	20 снизу	выходящей	выхолившей
10	5 снизу	обрушилось	обрушилась
11	3 снизу	пангрикомъ	панегиристомъ
12	20 сверху	сбор. <i>Моамбэ</i>	журн. <i>Моамбэ</i>
14	1 сверху	улегавшейсл	умчавшейся
14	24 сверху	области.	области,
16	9 снизу	Лаліони	Лаліони)
18	5 сверху	Г. Церетели	В. Марвели
—	24 сверху	предлагается	предлагаются
—	15 снизу	вѣкомъ	вѣкомъ
19	19 сверху	право;	права:
—	20 сверху	Берзенова,	Берзенова
—	22 сверху	свановъ) Н. Урбнели	свановъ), Н. Урбнели
—	24 сверху	Чавчавадае,	Чавчавадае
—	20 снизу	время въ Грузіи	право въ Грузіи
21	14 сверху	Вѣрнее	Вѣрнѣе
21	7 снизу	стѣны,воздвигаются зда- нія, выступающія	стѣны едва выступаютъ изъ- подъземли, воздвигаются зда- нія, выступающія
22	13 сверху	гуслеры передавшіяся)	передающіе старинныя мелодіи
—	3 снизу	занятіе	занятія
23	25 сверху	экономическихъ.	Экономическихъ
24	8 сверху	въ концу	къ концу
—	18 снизу	въ рождалось	вырождалось
25	5 сверху	избавланы	избавлены
—	9 сверху	помѣщичьяго	помѣщичьяго
26	6 сверху	Пурцеадзе	Пурцеладзе
—	12 снизу	затрогиается	затрогивается
28	9 сверху	распря(емыхъ)	разоряемыхъ
30	15 сверху	царства	царевича
32	19 снизу	Размаадзе	Размадзе
34	18 снизу	имеретискій	имеретинскій
35	7 сверху	Рафаэль... онъ	Рафаэль... онъ
—	13 сверху	филадельфъ	Филадельфъ
39	20 сверху	сумрачномъ	въ сумрачномъ
39	7' снизу	пѣвецъ	пѣвца
—	13 снизу	нѣкогда	некогда
41	18 снизу	твѣихъ	твоихъ
42	23 снизу	безъ	безъ
43	1 сверху	блаженсто	блаженство
—	18 снизу	звукъ	звукъ
—	17 снизу	царяшее	царящее

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ.</i>
46	18	снизу	обратятъ
—	17	снизу	въ насъ
—	10	снизу	Анчарь...
—	9	снизу	легкости
47	5	сверху	порывомъ
47	12	сверху	тайная природа
	9	снизу	превращалось онъ
48	11	снизу	грузинскихъ
49	3	сверху	признанія
—	13	сверху	долженъ былъ
50	4	сверху	на сажденія
—	12	снизу	воображеніи
—	2	снизу	памяти
51	11	снизу	недавно
53	7	снизу	Коммисарь
54	14	сверху	представится
—	8	снизу	тури и рога
55	11	сверху	адѣсь
—	7	снизу	склонность
67	2	сверху	свободу... ты муки всѣ
69	2	снизу	ночи письмо
71	5	сверху	рака
75	6	снизу	Бекханова
76	5	сверху	медика
77	21	снизу	но немъ
83	1	снизу	ком. нѣсколькихъ сценъ
103	21	сверху	изъ Горе отъ ума съ дарами, какъ при- нято у католиковъ
117	13	сверху	знойнымъ
142	11	снизу	мила
127	11	сверху	туманъ
161	7	снизу	ждетъ
140	18	сверху	воскренетъ
157	1	снизу	(Разсказъ эльзасца
183	3	сверху	ты
220	8	сверху	но пѣть
211	5	снизу	денегъ
214	5	сверху	полностью
232	14	снизу	отголоски
248	6	сверху	въ первомъ
255	12	сверху	мира
259	21	сверху	поверху
262	12	сверху	достаточно отвѣтъ... пѣ- сенъ
—	14	снизу	Славѣ предъ...
284	14	сверху	творецъ янчилъ...
293	14	снизу	деталей
299	8	снизу	княжа... Favre
372	20	снизу	Гурчинаули
316	20	сверху	Монастырь.
327	12	сверху	изъ жизни
352	12	снизу	усталость
400	7	снизу	Человѣкъ
407	12	снизу	въ одинъхъ
488	9	снизу	„Тотъ“ душу онъ...полами
503	22	сверху	любовь
535	2	снизу	Гандегли
549	5	сверху	помѣщать свою работу
			обратятъ
			насъ
			(Анчарь...
			легкости
			порывамъ
			тайна природы
			превращалось
			грузинской
			признанія
			должно было
			наслажденія
			воображенію
			памятникахъ
			недавно
			Коммисарь
			представится
			туры рога
			адѣсь
			склонность
			свободу мнѣ и муки
			Ночи. Письмо
			рая
			Бекхановой
			муза
			по немъ
			нѣсколькихъ сценъ изъ ком.
			„Горе отъ ума“
			съ дарами и исповѣдуетъ
			женщину въ алтарь, какъ
			принято у католиковъ
			зноемъ
			мала
			громъ
			ждетъ
			воскренетъ
			(Разсказъ эльзасца)
			ты
			не пѣть
			денекъ
			полны и
			отголоски
			въ послѣднемъ
			лира
			наверху
			достаточно отвѣтить... пѣсенъ
			славѣ и преклоненію предъ.
			творить значитъ величествен- ный судъ...
			деталей
			Княжна... Favre.
			Гурчинаули
			Монастырь“.
			изъ жизни горцевъ
			отсталость
			— Человѣкъ
			въ одинъхъ
			„Тотъ“, написанный
			любовью
			Гандегили
			помѣстятъ въ <i>Дискари</i> повѣсть
			Знима, переводъ...

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе	I—II
Введеніе. Водвореніе русскаго владычества въ Грузіи. Управленіе и школа за первую половину XIX в. Пресса	1— 13
Общій обзоръ литературныхъ теченій въ XIX в. Обзоръ развитія науки и искусствъ. Измѣненіе въ бытовой и общественной жизни	13— 28
Общественное движеніе въ началѣ XIX в. Геромонахъ Филадельфъ. Соломонъ Додашвили	28— 36
Кн. А. Г. Чавчавадзе. Кн. Александръ Орбелиани	36— 48
Эпоха Воронцова. Первый грузинскій журналъ. Начало театра З. Антоновъ. Кн. Н. М. Бараташвили	48— 60
Первый грузинскій драматургъ кн. Г. Д. Эристовъ	61— 82
Д. Г. Чонкадзе. Лавр. Ардазиани. Гр. Рчеуловъ. вѣ М. Тумановъ. Сотрудники «Цискари». Ив. Кереселидзе	82— 96
Чавчавадзенскій періодъ. Кн. И. Г. Чавчавадзе	96—118
Кн. Гр. З. Орбелиани	118—163
В. В. Орбелиани	163—184
Кн. Р. Д. Эристовъ	184—198
Кн. А. Р. Церетели	198—219
Кн. Г. Л. Дадіани. Кн. Маміа Гуріели Кн. Г. М. Кочакидзе	220—262
Иосифъ Давиташвили. Авт. Пурцеладзе	262—274
Николай Николадзе. Кн. Д. Г. Эристовъ	274—295
Екатерина Реваз. Габашвили	295—299
А. М. Казбекъ	299—322
Народники-беллетристы. Н. Ломаури. С. Мгалоблишвили	322—350
Важа Пшавела. Ө. Разпкашвили. Бачана Анастасія Эристова	350—366
Як. С. Гогобашвили. Ник. З. Цхетадзе	350—390
Представители доктрины эконоическаго матеріализма. Н. Жорданія	390—392
Г. Е. Церетели	392—400
И. Ниношвили. Ив. Гомартели. И. Евдошвили. Лаліони	400—425
Давидъ Блдіашвили	425—456
Беллетристы-психологи. Шіо Арагвиспирели	456—477
Андрей Деканозишвили	477—503
И. Елептеридзе	503—505
Дим. Эристовъ	505—507
Дуту Мегрели	507—508
Реалисты. Меланія	508—524
В. Барновъ	524—528
Іа Екаладзе (Цинцадзе)	528
Ө. Хускивадзе	530—534
Поэты. Книгиня Нина Орбелиани	535
І. З. Бакрадзе	535—536
Дмитрій Надирадзе (Мачханели)	536—537
Князь Г. Д. Абашидзе	537—538
Гр. Вольскій	538—540
Твалчрелидзе (Цахели)	540—541
Силованъ Хундадзе	541
Доминика Гандегили	541—543
Шіо Мгвимели, Гугунава, Рухадзе и молодые беллетристы	543—547
	547—548

II.

	<i>Стр.</i>
Драма. Д. И. Кипіани .	548—550
А. А. Цагарели .	550—560
Василій Абашидзе	560—561
Б. Д. Кипіани.	561—564
П. І. Умиковъ .	564—565
Вал. Гунія	565—566
Азіани . . .	566—567
Новые драматурги .	568
Заключеніе.	568—570

v.

С М Ъ С Ъ.

1.—Практическое описаніе монетнаго производства въ Екатеринбургѣ 1780 г.

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

Господину сенатору, Государственной Бергъ-Кольегіи призеденту, манетнаго дѣла и горнаго училища директору Михаилу Федоровичу Сойманову.

Отъ шихтъ-мейстера Попова
Покорнѣйшей репортъ.

По ордиру Вашего Высокопревосходительства, данному мнѣ, здѣлалъ практическое описаніе всево заводскаго дѣйствія въ Екатеринбургѣ, показывая въ ніомъ: 1-е, какіе припасы и къ чему имянно употребляются и какъ ихъ называютъ; 2-е, точное производство, зависящіе отъ нихъ; 3-е, коснулся и до состоянія огненнаго дѣйствія, судя при томъ причины настоящіе и быть могущіе о началѣ разныхъ матеріаловъ и о выковкѣ оныхъ; 4-е, коликимъ числомъ людей и въ какое время что выработываютъ; 5-е, и какая за то работающимъ производится плата, которое при семъ Вашему Высокопревосходительству представляю и при томъ всепокорнѣйше прошу, какъ все заведеніе дѣйствій и ихъ причины Вашему Высокопревосходительству давно уже извѣстны, такъ Вашею особою разсмотрѣть оное, и можетъ ли быть наставленіемъ или заведеніе учащихся дѣтей, а паче ежели есть въ ніомъ какіе либо погрѣшности, кои по наставленіямъ Вашего Высокопревосходительства поправить могу, и со всѣмъ тѣмъ препоручая себя въ милостивую протекцію и покровительство Вашего Высокопревосходительства

Шихтмейстеръ *Максимъ Поповъ*.

Ноября 3-го дня
1780 года.

Практическое описаніе заводскаго дѣйствія въ Екатеринбургѣ, показующее: 1-е, припасы и инструменты каждаго дѣйствія особо съ ихъ званіемъ; 2-е, производство дѣлаемыхъ тамо матеріаловъ и изъ нихъ вещей; 3-е, сколько ремесленниковъ находится при каждомъ ремеслѣ, и что они дѣлаютъ въ сутки и за то получаютъ задѣльной платы и окладнаго жалованья; 4-е, сколько же при дѣлѣ вещей положено угару и нынѣ за дѣйствительное считаютъ.

„1-е“. О кричной фабрикѣ и о дѣлѣ въ ней полосного желѣза.

Два горна замыкаемые въ одномъ корпусѣ складенного изъ кирпича. Сіи горна дѣлаются каждой изъ пяти досокъ чугунныхъ длиною и шириною десяти вершковъ квадратной, а глубиною восемь, и ящикъ поставляется между кирпичей только для того, чтобъ удобно положенные штуки чугуна привести въ густую матерію и тѣмъ одну зъ другою сѣпить и наконецъ составить изъ нихъ *крицу* осми или девяти пудоваго вѣсу.

Напротивъ же того, есть ли чугунъ разогрѣвать на простомъ горну обыкновенно какіе при якорныхъ фабрикахъ, а не въ ящикѣ, то лежавши оной на поверхности угля и горизонтально противъ мѣховаго духу одною верхнюю частію распуститься можетъ въ самую житкую матерію, псѣ коего и здѣлать будетъ ничево нельзя.

При тѣхъ двухъ горнахъ и при каждомъ по парѣ мѣховъ деревянныхъ. Сіи длиною четырехъ аршинъ, дѣйствіе жъ оныхъ силою воды, и каждая пара однимъ колесомъ приводится въ движеніи; для чево жъ здѣсь мѣха употребляются не коженные, что называютъ *галанскими*, а деревянные, то для того деревянной мѣхъ производитъ духъ несравненно сильнѣе и продолжительнѣе по той причинѣ, что движеніе деревяннаго мѣха проходитъ тишѣе отъ множества воздуха вбирающагося въ мѣхъ, и чѣмъ длительнѣе произношеніе духа, тѣмъ лутчѣе для чугуна, положеннаго въ горнъ; воздухъ мѣховой идетъ пронизательно и стремясь на чугунъ приводитъ оной въ густую матерію, а потому угля употребляется меньше, и здѣлье онаго выходитъ скоряя.

Подъ мѣхами деревянные станы здѣланы, а выше мѣховъ полати. На первыхъ поставлены мѣха и ниже оныхъ приведенъ валъ отъ дѣйствующаго колеса, которой посредствомъ на немъ чугунныхъ *бочекъ, называемыхъ мѣховыми*, приводитъ верхней мѣховой корпусъ въ движеніе, дѣйствіе жъ бочекъ только наклонить корпусъ къ низу, въ сіе время и производитъ духъ, а на послѣднихъ здѣланы *зыбки*, а положеніемъ во оныя тягости въ каждую двадцети пяти пудовъ, а сіи наполненной корпусъ чугуною бочкою поднимаютъ кверху, и такъ продолжается оное на всегда.

Молотъ и наковальня чугуныя. Вѣсомъ первой двадцети, а послѣдняя двадцети четырехъ пудовъ; дѣйствіе же ихъ: молотъ насаживается на березовое дерево, а ево называютъ *молотовище*, и на передней конецъ онаго, а задней въ желѣзной *пятникѣ* утверждается;

сей не что иное, какъ *ось*; а наковальня противъ молота внизу вставляется въ претолстое бревно, кое называютъ *стулъ*, длиною четырехъ аршинъ, а подъ нимъ дѣлають крѣпкой фундаментъ на сваяхъ; но какъ здѣсь сказано, что молота и наковальны употребляются чугунные и по крѣпости матеріала во время дѣйствія подвержены скорому поврежденію, такъ испортившись, употребляются въ перековку на желѣзо въ сей фабриктъ и съ ними другихъ множество.

Двѣ тиски чугунные. Сія ставятся подлѣ задней *ставки молота*, что называютъ *бабой*, и спереди оной только для одново пятника, коей въ ніомъ имѣеть свой оборотъ вообще съ молотовищемъ и молотомъ, и одна изъ нихъ стоновится, подлѣ *боевой валъ*, перпендикулярно, а другая ипотенузою; разница же въ томъ: первой чѣмъ ближе къ валу, тѣмъ короче понадобятся *надѣлки*, которыми поднимають молотовище съ молотомъ, и лехче подъемъ молота дѣлаеть, сверхъ же тово и ежечас[т]ные поврежденія минуются, а послѣднія (sic) наклоненіе неминуемо должно быть, для тово пятникъ или ось длиною шести четвертей и конецъ къ наклоненной тискѣ гораздо длиннѣе, дабы удобнѣе было мастеру поправлять молотъ, а ето самое зависитъ отъ *тисовъ*; а верхніе концы тисовъ крѣплятся въ чугунную коробку, утвержденную въ кривомъ деревѣ и не ширѣ между кошцами трехъ четвертей оставляется, а нижніе въ чугунные два ящика, они же и коробка, равной величины, а между оными два аршина разстоянія, такъ и должно, одну тиску наклонить; способность же ящичковъ и та, что посредствомъ оныхъ чрезъ деревянные клинѣ мастеръ можетъ поднять молотъ, въ которую сторону ему понадобится.

Березовое бревно, называютъ ево *ладонь*. Сіе полагается ипотенузно выше молота и параленно съ молотовищемъ; способность онаго та, что молотъ во время дѣйствія, ударяясь верхнею частію молотовища въ *ладонь*, и тѣмъ дѣлаеть молота сильнѣйшей ударъ, а по сему и разумѣется *ладонь не иное что, какъ пружина*; и задній конецъ оной утвержденъ въ особо поставленную стойку подъ канцомъ кривого дерева и продѣвши сквозь стойку же, впереди оно(го) стоящую и называемую *бабу*, а сія одна отъ другого въ ближайшемъ разстояніи; въ послѣдней же изъ нихъ дѣйствіе имѣить ладонь, которую можно поднять кверху и отпустить клизу дѣйствіемъ клинья.

Бревно сосновое толстое и длиною шести сажень. Называютъ оно *кривымъ деревомъ*, полагается оно выше молотовища съ молотомъ и ладони въ отвѣсъ со оными; польза въ томъ та: оно дѣйствительно подкрѣпляетъ ладонь или пружину, для чего и стойка, называемая *бабою*, верхнимъ концомъ утверждена въ него и отъ чрезвычайной въ бревнѣ тягости дѣлаеть великое подкрѣпленіе пружинѣ, а сверхъ тово и тиски верхними концами утверждены вообще и съ коробкою, въ немъ же и сія не даетъ оной пользы, какъ только для пятника дѣйствующаго молотомъ. Сверхъ же всего дѣйствіе молота вообще поставлено или утверждено на особомъ плату, здѣланномъ изъ брусья и

положенномъ на девяти сваяхъ въ такомъ разумѣ, что имъ возможно треніе вещей удержатъ отъ трясенія, слѣдовавшаго отъ молотового удара, а посему и называется *фундаментальнымъ* укрѣпленіемъ, но въ сіомъ(?) оно закрыто землею.

О точномъ производствѣ дѣлаемаго желѣза.

1-е, желѣзо беретъ свое начало изъ чугуна, а сей въ разныхъ штукахъ при помощи способнаго къ тому горна дѣйствіемъ огня и производствомъ мѣховаго духу нагрѣвается по тѣхъ поръ, покуда всѣ штуки одна зъ другою слѣпятся въ видѣ *густой матеріи*, что называютъ уже *крицою*; сія фигуру имѣетъ кругловатую во всѣхъ ее частяхъ; въ сіе же время мастеръ оборачиваетъ всѣ штуки множество разовъ, дабы они не прилипли къ чугунной доскѣ положенной на низу ящика и всѣ бы въ одно время могли провариться, а потомъ

2-е, крицу во всемъ ее жару сперва сожимаютъ подъ молотомъ въ кубическую форму; во время же сего дѣйствія отъ удара молотомъ выжимаетъ изнутри оной желтую матерію, что называютъ *шлакомъ*, а сія отъ нечево другова, какъ только отъ песку, бывшаго на чугунныхъ штукахъ, по причинѣ (что?) чугуна выпускается изъ доменнова горну въ песокъ, въ коемъ и простываетъ, и наконецъ множество частицъ песку прилипаетъ къ чугуну восьма крѣпко, а сей не только дѣлаетъ препятствіе во время производства крицы, но еще и ту пользу обратившейся въ матерію дѣлаетъ мяхкость чугуна; а когда оной выходитъ изъ крицы, такъ еще уноситъ съ собою нѣкоторые и грубые части, бывшіе въ чугунѣ; и такъ

3-е, обжавши крицу, разрубаютъ на куски двухъ пудоваго вѣсу и разрубивши паки оборачиваютъ въ горнъ, а оттудова нагрѣвши оныя и препровождаетъ мастеръ одинъ за другимъ подъ тотъ же молотъ, гдѣ и тянетъ въ полосы и брусы, и наконецъ

4-е, на крицу десяти пудоваго вѣса надобно *штыковаго* чугуна четырнадцать пудовъ ¹⁾, угля указной мѣры одинъ *коробъ* ²⁾; а сработываютъ оную мастеръ, два подмастерья и работникъ въ десять часовъ, противъ чево въ годъ выковываетъ желѣза на одномъ молотѣ 10500 пудовъ ³⁾; а что изъ нее происходитъ уменьшеніе въ угарѣ и угля не отъ чево другова, какъ только люди къ тому здѣлали привычку и лутчее производятъ у становъ всего молотового дѣйствія, сыскывая то разными опытами; за здѣланное желѣзо въ полосахъ и брускахъ задѣльной платы имъ положено:

¹⁾ а по стату 737 года положено 15 пудовъ, и слѣдовательно нынѣ угараетъ меньше, нежели положено было, одинъ пудъ.

²⁾ по тому же стату одинъ коробъ съ четвертью, и такъ меньше статнаго $\frac{1}{4}$ кораба.

³⁾ по стату положено выковать въ годъ желѣза 9000, к слѣдовательно выковывается больше статнова 1500 пудовъ.

1-е, Мастеру за сходное по	. 3 коп.
за не сходное по	2 коп.
а сіе значить, когда на полосѣ окажутся <i>рванины или плены</i> , такъ и принимается за не сходное.	
2-е, подмастерьямъ за всіо ровно каждому по .	1½ коп.
3-е, работнику по .	¾ коп.
съ каждаго пуда.	

„2-е“. О расковки мѣди на осми молотахъ.

Печи складенные изъ кирпича и по одной при каждомъ молотѣ. Во оныхъ нагрѣвается *штыковая* или продолговатыми брусками мѣдь, слѣдуемая къ расковкѣ на полосы; дѣйствіе же такимъ образомъ: въ каждую изъ нихъ мѣди накладывается всякой расъ по пятидесяти пудовъ штыковой и не болѣе 13 и 14 фунтовъ каждой и нагрѣвается же до красноватаго виду посредствомъ березовыхъ дровъ равно въ часъ, а потомъ раскавываютъ ее подъ молотомъ въ полосы длиною шести четвертей, шириною два вершка, а толщиною въ одну четверть дюйма, и продолжается оное три часа; потомъ уже разрубаютъ каждую полосу на двѣ равныя части, въ такомъ видѣ и отпускается въ *плащеніе*, во время расковки отъ удара молотомъ отскакиваютъ отъ горячей мѣди частицы въ самомалѣйшихъ пылинкахъ; сіи называютъ *окалиною*, и для збереженія оной подлѣ наковальны накладывается на деревянной *стулѣ* кругъ чугунной съ высокими закраинами, откуда она безъ всякой потери и получаютъ; бываетъ же оной не равно: иногда отъ 100 пудовъ по 15, а иногда и по 20 фунтовъ; разница же отъ того, есть ли мастеръ перегрѣетъ мѣдь, такъ во время расковки тѣже частицы отскакиваютъ гораздо толще, нежели у обыкновенно нагрѣтой мѣди; и по окончаніи передѣла, продолжающагося 30 дней, отдается она въ плавильную на сплавку въ штыки; а что тамо происходитъ, то объявлено въ 7-мъ параграфѣ ниже.

Что же принадлежитъ до угару безвозвратно теряющагося, хотя оной и положенъ былъ по разнымъ опытамъ и пробамъ, учиненнымъ отъ манетной экспедиціи и отъ канцеляріи главнаго заводовъ правленія, на сто пудовъ раскованной мѣди по два фунта и по 46 золотниковъ, каковой по тогдашнему дѣйствію и быть надлежалъ, для того, 1-е, мѣдь разогрѣвалась въ нынѣшнихъ печахъ на чугунныхъ претолстыхъ доскахъ, положенныхъ на низу въ печи, и во время ежечаснаго дѣйствія нагарала она до крайности, и полагаемая въ нее холодная мѣдь, будучи въ превеликомъ жару отъ дровъ наложенныхъ и отъ доски, такъ тонкіе части у оной по краямъ штыка, называемые *заусеницы*, расплывались и згарали, а наконецъ, во время расковки, которая продолжается не менѣе трехъ часовъ, и нѣкоторые части у послѣднихъ шты-

ковъ растапливались же, а сію получали уже они въ золахъ тѣхъ же печей, каковой по всѣмъ щетамъ и продолжался по 778-й годъ; 2-е, въ сіе время сысканъ по совершеннымъ опытамъ особой способъ: *камень*, называемой *серпе(н)тинъ*, употребленъ во всѣ нагрѣвательные печи вмѣсто чугуновыхъ досокъ и колосниковъ, на которые полагаются для нагрѣвки мѣди дрова, а потому и вышло, угаръ при расковки сокращенъ; причина тому: камень не можетъ имѣть въ себѣ столь великаго жару, каковъ въ чугуновыхъ доскахъ происходилъ, и мѣдь, на него накладываемая, нагрѣвается отъ дровъ, а не отъ камня, такъ не только толстые, но и самыя тонкіе части на штыкахъ отъ приведенія въ жидкость удержены; это самое и натурально судить должно: мѣдь теряетъ нѣкоторыя части та, которая растапливается и очищается, а при расковки только и нужды, чтобъ нагрѣть, а отнюдь не растопить; сверхъ же всего сыскана и та польза, что чугуновыхъ досокъ и колосниковъ згарало безъ возврата на великую сумму, камня же надобно къ дѣйствию всѣхъ печей только на 1 руб. 70 коп., да и бывшіе тогда частые починки и за тѣмъ остановки обойдены.

О точномъ производствѣ расковки мѣди.

1-е. Раскавываютъ на полоски штыковой мѣди въ сутки два мастера, два подмастерья и два работника на одномъ молоту по 180, по 190, по 200 и по 210 пудовъ ¹⁾); неравенство же въ выковкѣ происходитъ точно отъ того, когда у мастера случится какая либо починка и за тѣмъ надлежащаго числа здѣлать не успѣетъ; дровъ березовыхъ употребляется на 1000 пудовъ по семи сажень ²⁾); за расковку мѣди заденной платы положено по 70 коп. съ 100 пудовъ; расчитаютъ же оную бывшимъ при томъ работникамъ слѣдующимъ образомъ:

- 1-е, мастерамъ каждому окладъ 56 рублевой и 66 копеечной
- 2-е, подмастерьямъ на 28 рублей и 33 копеекъ
- 3-е, работникамъ на 24 рубли.

„3-е“. О плащеніи мѣди, вступающей изъ расковочныхъ фабрикъ.

Корпусъ, складенный съ четырьмя чугуновыми сковородами и называютъ ево *плащенная печь*. Мѣди раскованной полагается на всякую сковороду по пятидесяти пудовъ и одна подлѣ другую полосу очинь плотно и нагрѣвается углемъ, засыпавши оную вокругъ.

¹⁾ По бывшимъ пробамъ положено расковать 130 пудовъ, и слѣдовательно нынѣ расковываютъ несравненно больше.

²⁾ Прежде положено по 8 сажень и по $\frac{3}{4}$, и слѣдовательно употребляется меньше 1 сажень и $\frac{3}{4}$ у 1000 пудовъ.

5 чугунныхъ столовъ съ приборомъ и два изъ нихъ называютъ *ломовыми*, а послѣдніе *указными*. На двухъ ломовыхъ плющится нагрѣтая мѣдь пропускаясь сквозь вальки одиножды, которую протягиваетъ усильнѣйшимъ давленіемъ, при томъ и теряетъ съ обоихъ сторонъ необходимо тѣ части, которые называются окалиною, сія уже несравненно крупная бывшей при расковкѣ и большее число.

А на трехъ указныхъ плющится вышедшая изъ двухъ ломовыхъ, будучи уже холодная также одиножды проходить сквозь вальки, намазывая конецъ каждой полосы рыбимъ жиромъ для свободнаго входу оной между вальки и точно тѣмъ вѣсомъ и препорціею, какова въ денгахъ, теряя при семъ окалинныхъ частей на самое малое дѣло.

При плащеніи горячей мѣди въ ломовыхъ двухъ станахъ безъ возвратна угару теряется и положено на 100 пудовъ по 61 золотнику, каковому и быть должно для того, что накладывается мѣди въ полоскахъ 50 пудовъ, нагрѣваясь оная одинъ часть, а потомъ начинаютъ ее плющить, продолжая оное часть же, и въ сіе время оставшая нагрѣвается отъ угля и займно отъ сковороды чрезвычайно такъ, что у нѣкоторыхъ полосъ концы растапливаются, и мѣдь та идетъ между скважины на сковородѣ, ниже оной въ золу, откуда ее въ слиткахъ и получаютъ; но всево етово угару избѣгнуть или удержать по теперешнему дѣйствию никакъ не можно, а уменьшить оной есть средство: печи для нагрѣву мѣди имѣть точно такіе, каковы при расковки оной, и нагрѣвать дровами, но съ тою разницею при томъ: накладывать ихъ со обоихъ концовъ, чтобъ всю пламя онаго обращено было на оба конца же наложенной мѣди, и тѣмъ оная по тонкости ее нагрѣваться будетъ скорая, и накладывать на тотъ же камень серпентинъ, а по сему и растапливаться мѣть никогда ни будетъ и посредствомъ маленькихъ печей, въ которые накладываются дрова, коими возможно во время переплащенія жаръ прибавить и убавить, и тѣмъ угаръ сократится; сверхъ же всего окалины получается отъ ста же пудовъ по одному пуду по 27 фун., и сія идетъ въ плавильную на славку въ штыки, и о дѣйстви оной обо тамо сказано; а чтобы окалины было меньше, етово здѣлать нельзя, для того (что) мѣдь плющить иначе (не)можно, какъ горячую, и во время усильнаго давленія между вальками должны всѣ тѣ части отскакивать.

О причинѣ же и дѣствія плащеныхъ становъ здѣсь объяснется: каждой станъ чугунной съ вилитыми на немъ четырею (sic) столбиками; сія только для того, чтобы возможно было между оныхъ помѣстить два желѣзныхъ валька цилиндрической фигуры, а ихъ обтачиваютъ въ токарныхъ станкахъ, и подъ концы осей два подшипника чугунные, на которыхъ ось нижнего оборачивается дѣйствиемъ воденного колеса, а верхнева валька на концы же оси наложить такіе же по подшипнику сверху, а не снизу; посредствомъ верхнихъ подшипниковъ и все дѣствіе стана составлено по причинѣ приведенныхъ на то сверху столбиковъ двухъ желѣзныхъ винтовъ, и на каждомъ концѣ оси по одному, которыми возможно проходъ между вальками здѣлать ширѣ или свестъ

ужѣ; между же пятью станами разницы есть: при двухъ ломовыхъ на переднихъ концахъ вальковыхъ осей накладывается мѣдныхъ шестиріонъ для того, что мѣдь проходитъ сквосъ валька горячева, и одинъ конецъ между вальками приводится въ тонкость, а другой позади валька отстаетъ во обыкновенной полосовой толстотѣ и тѣмъ самымъ дѣлаетъ на мѣди небольшой возвышенной порожекъ, а имъ то и обарачиваетъ верхней валокъ.

А на указныхъ трехъ накладывается по одной шестернѣ на каждой передней конецъ оси поѣтому, что въ сихъ плющится холодная и приведенная уже въ тонкость, на коей столь великаго порошка быть не можетъ, какъ бы на горячей, а при томъ еще будучи и на толстой, и тѣмъ бы верхнего валька обарачивать никакъ было не можно, и для обороту онаго есть лутчее посредство шестерня.

Сверху же всево всѣ плащенные станы поставлены весьма на крѣпкомъ деревянномъ фундаментѣ, наблюдая при томъ, чтобы никакого трясенія во время дѣйствія быть не могло.

О здѣльѣ плащенной мѣди.

На двухъ ломовыхъ и трехъ указныхъ станахъ проплащивается мѣди въ сутки по 1200 пудовъ ¹⁾, угля употребляется на 200 пудовъ по одному коробу ²⁾; а что умножилось здѣльѣ и меньше употребляется угля отъ того: прежде шестеренки на концы вальковыхъ осей накладывались чугуныи и во время дѣйствія треніемъ между *пальцами* всѣ части весьма скоро портились и потерявъ препорцію должны были пропускать полосу по дважды, но и за тѣмъ еще выходила оная не равна—въ одномъ мѣстѣ толще, а въ другомъ тонѣ, а потому то и были ежечасныя остановки; плата за плащеніе онай положено по 31 коп. со ста пудовъ, а сію ращитають на разные оклады:

- 1-е, мастерамъ двумъ каждому на 36-ти рублевой годовой окладъ,
- 2-е, подмастерьямъ на 24 рублевой каждому,
- 3-е, работникамъ на 18 рублевой,

Сіи обращаются при ломовыхъ по 6 человекъ при каждомъ въ сутки, а на указныхъ по 4.

Въ сію фабрику отъ расковачныхъ мастеровъ мѣдь примимають вѣсомъ, а не каждого суточную выковку, равно и изъ нее отпускается и въ прорѣзку на крушки.

¹⁾ Прежде положено по 700 пудовъ, и такъ нынѣ больше сработаютъ 500 пудовъ въ сутки.

²⁾ По пробамъ положено на 150 пудовъ коробъ угля, и слѣдовательно нынѣ съ тѣмъ числомъ сработываютъ больше 50 пудовъ мѣди.

„4-е“. О прорѣзныхъ двухъ фабрикахъ.

Двѣ фабрики, въ нихъ 25 становъ чугунныхъ съ принадлежащими къ тому инструментами, дѣйствующие водою. На *прорѣску* крушковъ вступаетъ плащенная въ полоскахъ мѣди длиною пять четвертей, шириною два вершка съ четвертью, а толщиною тою, какова въ манетѣ; производство же оныхъ происходитъ слѣдующимъ образомъ.

1-е. Силою *воденного колеса* приводится желѣзной трехколенчатой валъ во оборотъ, посредствомъ же *сухаго колеса* же и шестерни чугунныхъ, а на первомъ изъ нихъ 54 пальца бер(ез)овыхъ, а въ послѣднево(сем)надатцать цѣвокъ; и такъ на одномъ оборотѣ воденного и сухого колка оборачивается шестерня со утвержденнымъ въ ней валомъ равно три раза, и во всякомъ колѣнѣ вала по одной желѣзной полосѣ, кои называются *тягами*, длиною каждая десяти аршинъ, а шириною трехъ вершковъ, и они своимъ движеніемъ приводятъ каждая пять становъ въ дѣйствіи, въ равной дистанціи поставленныхъ одинъ отъ другаго.

2-е. На всякой тягѣ и противу всякаго стана поставлено по одному желѣзному *розмаху*, а нижней конецъ онаго стояче прикрѣпленъ небольшимъ *баутомъ*, а верхней вздѣтъ на винтъ, вложенной въ станъ; а посредствомъ розмаха въ одну сторону на промахѣ тяги обарачивая винтъ и въ одну половину оборота, и тѣмъ самымъ подвигая желѣзную колоду, въ которой утвержденъ *пестикъ со стальною наваркою*, и въ самое то время прорѣзываетъ изъ полосы кружокъ, а работникъ, наблюдая только тово, чтобъ передергивать держащую въ рукахъ полосу мѣди и поставляя оную на мѣсто вырѣзаннаго крушка противъ самого пестика всходящаго въ коробку и во учрежденое въ ней мѣсто, гдѣ самое дѣйствіе въ высѣчкѣ крушка, и такъ препровождаю одну за другою.

3-е. Поставленные розмахи въ послѣднемъ оборотѣ за высѣчкою крушка никакого дѣйствія не имѣютъ; а что принадлежитъ до пестика, которой бы отводило назадъ, въ томъ способствуютъ двѣ стальные пружины по одной на сторонѣ стана, и концы оныхъ одни утверждены въ чугунной доскѣ стана, а другіе въ желѣзной колодѣ, и въ которой закрѣпленъ пестикъ, и тѣмъ самымъ во время оборота и вырѣскѣ крушка сіи натуживаются движеніемъ розмаха, а натужившись въ послѣднемъ поворотѣ они отходятъ и подвигая въ задъ колоду съ пестикомъ.

4-е. Вырѣзываемые крушки, выдвигаясь изъ коробки одинъ другимъ, а падаютъ въ деревянной ушатъ, поставленный подъ коробкою, и оттуда выносятся ихъ работники.

5-е. При (в)семъ производствѣ прорѣзныхъ фабрикъ огненнаго дѣйствія, принадлежащаго мѣди, нѣтъ, но при всемъ томъ положена была при вырѣскѣ крушковъ упаль на 100 пудовъ по 1 фунту и по 17 золот-

никовъ; а сія тутъ не иное что означена, какъ самоалтѣйшіе пылинки, которые отъ гласъ скры(ваю)тся и уносимы быть могутъ на платьѣ работающихъ, что почти никакого числа не составляетъ, а особливо у сто пудовъ; продолжаясь же то положеніе по 778 годъ, а все время по совершеннымъ опытамъ дойдено: убыль теряющуюся безъ возврата сохранена, да и можетъ ли что нибудь остаться на рукахъ и на платьѣ работающаго, а особливо отъ плащенной мѣди, какова идетъ изъ указнова стана весьма чиста и не окалится, а тѣ части остаются тамо, и что вырѣзанные крушки, поступя въ гуртильную фабрику, обжигаются, а потомъ моють ихъ въ водѣ для того, что всякая полоса во время вырѣски крушковъ намазывается рыбьимъ жиромъ, тѣмъ дѣлая способность коробкѣ и дѣйствию, чѣмъ они больше и острятся, входя одна въ другое: такъ можетъ ли сколько нибудь полоса потерять частицы, которые отъ намаски жиру еще крѣпчѣе должны быть на полосѣ, и сколько бъ ихъ ни было, то всѣ они получаютъ въ водѣ, въ которой послѣ обжигу моють.

6-е. Сверхъ упали, бываемая прежде, остается отъ вырѣски крушковъ великое множество обрѣсковъ, доказывая слѣдующимъ: полосы длиною пяти четвертей, а шириною два вершка съ четвертью, такъ и должны оставаться края полосы и промешки во оной, оставшіе за вырѣскою крушковъ, и вѣсу въ нихъ равно противъ вырѣзанныхъ крушковъ, откудова они и крушки по разбору негодны, ежедневно отдаться въ плавильную фабрику на сплавку въ штыки.

О здѣльѣ сей фабрики.

1-е. Крушковъ вырѣзывается въ сутки на каждомъ стану двумя чивка (?) 52 пуда, а на всѣхъ 25-ти 1300 пудовъ, въ томъ числѣ и не годные.

Крушки должны быть число же оныхъ бываетъ не равно, однакожь не болѣе 15 пудовъ въ сутки.

2-е. Заденной платы положено по 78 коп. съ ста пудовъ, и сія дѣлится между работающими по числу окладовъ:

1-е, мастеру на 36-ти рублевой,

2-е, подмастерьямъ двумъ на 24-хъ рублевой,

3-е, работникамъ на 18 рублевой и 96 копеешной.

„Б-е“. О пожегу и гурчени крушковъ.

Фабрика одна, въ ней двѣ обжигальныя печи съ чугунными сковородами, и одна пзъ нихъ дѣйствующая, а другая запасная на случай поврежденія первой и 15 гуртаковъ на друхъ каменкахъ поставленныхъ. На пожегъ и

гурченіе крушки вступають въ сію фабрику ись прорѣзной и однимъ только вѣсомъ; обращеніе же ихъ слѣдующимъ образомъ.

1-е, принявши ись прорѣзной фабрики крушки, обжигаютъ въ печи на чугунной сковородѣ, закладывая оныхъ по 50 пудовъ въ одинъ разъ, нагрѣвая оныя до красна и употребляютъ къ тому сосновыя дрова кубической мѣры, и продолжается оное равно часъ, а потомъ

2-е, нагрѣтыя крушки выгребають въ холодную воду, налитую въ мѣдномъ коробѣ, и въ тоже время два человекъ желѣзными граблями передергивая оныя взадъ и впередъ только для того, чтобы окалинныя части бывшіе отъ пожегу остались въ водѣ, и крушки бы чисто были вымыты; и такъ

3-е, очистивши крушки кладутъ въ желѣзные рѣшеты, называемыя *грозоты*, и простѣваютъ вообще зъ деревянными опилками и дѣлая тѣмъ, чтобы они были сухи и чисты; на послѣдокъ всѣ тѣ опилки по окончаніи передѣла жгутъ въ той же печи, гдѣ и получаютъ оставшіе части окалины, а сіе обще и съ тою, которую берутъ въ мѣдномъ коробу отъ перемывки крушковъ, отдають въ плавильну на переплавку въ штыки; а затѣмъ

4-е, сверхъ же окалинныхъ частей положенъ при обжогѣ крушковъ угаръ на 100 пудовъ по 2 ф. и по 72 золотника: сей происходитъ отъ того точно, что крушковъ накладываютъ 50 пудъ въ печь, такъ всѣ онѣ и не могутъ нагрѣться въ одно время, и для того весьма часто ихъ оборачиваютъ верхніе на низъ, а нижніе на верхъ, и въ тоже время отъ нагрѣтыхъ крушковъ отскакиваютъ части окалины, которые и згарають тамо въ пепель, какъ отъ дровъ, такъ отъ раскаленной сковороды, дожидаясь нагрѣву въ послѣднихъ крушкахъ; удержать же угару накакого посредства не остается, есть ли крушковъ класть въ печь гораздо меньше и не оборачивая оныя, а по сему и введеть, срабатывать будутъ одну только половину вступаемыхъ крушковъ, дровъ же понадобится вдвое больше; такъ згорѣвшіе часы не будутъ толь (?) стоить, что составлено будетъ отъ дровъ и отъ невыдѣлки надлежащаго числа крушковъ, развѣ только въ мѣсто чугунной сковороды положить на подѣ въ печи *серпятиной* камень, такъ имъ возможно удержать всѣ тѣ части, которые во время обжегу отскакиваютъ отъ крушковъ и згарають на сковородѣ въ пепель; далѣе

5-е, позженные и очищенные крушки идутъ для загурченіа краишковыхъ, что называютъ *пояскомъ*; а производится оное на 15 чугунныхъ станкахъ силою работающаго, и каждой станокъ утвержденъ особо къ скамѣ; дѣйствіе же оныхъ составлено изъ двухъ желѣзныхъ лапостей, верхней и нижней; у первой изъ нихъ придѣлана желѣзная рукоятка съ небольшимъ крюкомъ, которымъ всю дѣйствіе станка во время закручиванія приводится въ движеніе правою рукою работника; и что въ нихъ здѣланы эллиптическою фігурою, то для того, чтобы удобнѣе было помѣстить между оными двѣ стальные *верейки* съ принадлежащимъ приборомъ, а сія то и дѣлають гуртикъ на крушкѣ; работникъ же, отпу-

щая крушки лѣвою рукою между верейки и препровожая одинъ за другимъ весьма скоро, и во всю время работы онъ долженъ стоять для того, что во время дѣйствія упирать погами и тѣмъ дѣлаетъ великое сопротивление во оборотѣ станкамъ, и лутчее средство отправлять работу стоя, нежели сидѣть на мѣстѣ, гдѣ и силы и удобства работника останутся слабѣйшими.

О числѣ загурчиваемыхъ крушновъ.

1-е. Два работника въ сутки на одномъ станкѣ закручиваетъ 56 пудовъ, а на пятнадцати 840 пудовъ щетомъ 13440 рублей, изъ коихъ каждой день идетъ къ затисненію по 12000 рублей, показывая во оныя вѣсь.

2-е. Дровъ сосновыхъ кубической мѣры употребляется по $\frac{1}{4}$ сажени на 1000 пудовъ ¹⁾).

3-е. Задѣльной платы положено за пожегъ по 20, а за гурченіе по 46 коп. со ста пудовъ, и рассчитываютъ оную по часовымъ окладамъ:

1-е, старостѣ на 48-ми рублевой,

2-е, ученикамъ двумъ и каждому на 36 рублей,

3-е, работникамъ на 18 рублей.

„6-е“. О затисненіи денегъ.

Три фабрики, одна подлѣ другой; въ нихъ 12 становъ дѣйствуемыхъ водою. Закрученные крушки для затисненія вступаютъ въ сіи фабрики изъ гуртильной счетомъ и вѣсомъ, считая по 25 руб. въ мѣшкѣ; обращеніе же оныхъ:

1-е. отдается на всякой станъ въ сутки къ затисненію 1000 руб., и одна половина изъ нихъ въ день, а другая въ ночь переменными работниками.

2-е. при каждахъ двухъ станахъ людей находится: манетчикъ, работникъ и три клатчика изъ малолѣтства, и два изъ нихъ во всегдашней работѣ, а третей въ запасъ на случай нужды работающихъ.

3-е. Каждые два стана дѣйствуютъ силою воденного колеса чрезъ *кривой щипъ*, а сей приводитъ въ движеніе посредствомъ двухъ стоячихъ валковъ, и они то въ полъ оборота взадъ и впередъ затисняютъ пятикопеешникъ; дѣйствіе жъ оныхъ слѣдующее: каждой стоячей валокъ длиною четырехъ аршинъ, здѣсь надобно смотрѣть, чтобъ поставленъ былъ перпендикулярно безъ малѣйшей погрѣшности, и чѣмъ поставленъ прямая, тѣмъ и облегчаетъ дѣйствіе всѣхъ при томъ машинъ; посреди

¹⁾ По пробамъ положено $\frac{3}{4}$, слѣдовательно употребляютъ меньше $\frac{1}{4}$ сажени; въ семъ случаѣ не иное способствуетъ, какъ хозяйственной присмотръ.

же онаго въ продолбленную дыру утверждается березовый рычахъ, называютъ ево *ручкою*, длиною шести аршинъ, и на обѣихъ концахъ онаго прикрѣплены въ желѣзныхъ *нащочинахъ* два сыромятныхъ ремня спитые изъ семи кожъ, а другіе концы оныхъ на чугунномъ коромыслѣ осмидесяти пудовой тягости на концахъ же въ желѣзныхъ *хомутахъ* угнетающимъ винтомъ; и однимъ ремнемъ дѣлаеть ударъ на положенной между *чеканы* кружокъ и затисаетъ оной, а другимъ отводитъ назадъ тотъ винтъ, которой прижимаетъ верхнюю коробку съ чеканомъ въ верхней конецъ; а сія имѣять свое дѣйствіе между двумя желѣзными досками, а ихъ называютъ *проемными*, только для того, чтобъ коробка съ чеканомъ передвигалась вверхъ и внизъ прямо противъ нижняго чекана; да и въ одной изъ нихъ утвержденъ на меньшей желѣзной дугѣ балансъ, называемой *погонъ*; а должность онаго: когда коромысло посредствомъ ремней отводитъ винтъ назадъ прижимающей верхнюю *ступку*, то въ тоже самое время поднимается верхняя коробка съ чеканомъ тягостию баланса и даетъ мѣсто клатчику снять затисенной кружокъ и положить на мѣсто ево глаткой; а нижней чеканъ также становится не подвижно въ желѣзную и весьма низкую ступку, утверждаемую въ нижнюю часть чугуннаго стана двѣсти семидесяти пудоваго вѣсу; но оба же чеканы, какъ верхней, такъ и нижней всякой въ своей ступкѣ прикрѣпляется съ четырехъ сторонъ желѣзными винтами, дабы удобнѣе было испортившись перемѣнить оныя и поставить прямо одинъ противъ другаго.

4-е. Чугунный станъ, содержащей въ себѣ инструменты, употребляемые къ тисненію денегъ, становится въ чугунную колоду, а сія утверждается въ деревянные бруссы, связываемые крѣпостъ обоихъ станомъ, однимъ колкомъ дѣйствуемыхъ положенныя на 16 сваяхъ; сіе укрѣпленіе въ томъ разумѣ, что денги тиснятся водеными машинами и удареніе дѣлають весьма сильное, такъ что чеканы одинъ отъ другаго часто разваливаются, особливо во время перваго оборота, когда нажимаетъ верхнюю ступку съ чеканомъ наложенной кружокъ, и отъ чрезвычайнаго *форсу* коромысло назадъ отходитъ почти уже и безъ помощи ремня, а отъ одного жестокова удару, а сверхъ того, чтобы и станъ ни въ которую сторону во время удара подвигать не могло и тѣмъ не дѣлало бь оному трясенія; а когда сіе случится и работающіе скоро не усмотрятъ, то разрываетъ на нѣсколько частей, а ето самое поддерживаетъ фундаментальное укрѣпленіе, зарытое въ землѣ.

5-е. При затисненіи денегъ положено у насъ точно въ такомъ разумѣ, какъ и при прорѣскѣ крушковъ—на сто пудовъ по одному фунту и по 72 золотника; но въ 778 году слѣдующимъ посредствомъ удержана, какъ сказано выше, что въ гуртильной фабрикѣ вступившіе изъ прорѣски крушки обжигаются, моютъ въ водѣ и чистются въ *пыльной мукѣ*, гдѣ всѣ части крушка остаются безъ изытія, а по сему и могло ли что нибудь оставаться на крушкахъ, и что прежде положена была *упаль*, то оная и происходила отнюдъ не отъ того, что клатчикъ, взявши глаткой

кружокъ, положить на чеканы, и затиснувши оной, сыметъ, и оставались будто на ево рукахъ какіе нибудь частицы и тѣ, которые терялись безвозвратно, а происходило отъ того, (что) во время тисненія отъ сильнаго удара отскакиваютъ весьма тонкіе частицы, а сіи то не были никогда збираны и тѣмъ составляли упаль, а нынѣ посредствомъ кожъ, коими отянуты нижніе части печатныхъ становъ по самой полъ, гдѣ получаются крошки безъ всякой потери и идутъ оттудова на сплавку въ штыки, а ихъ очинь малое число, и упаль же тѣмъ самымъ и удержено, коей и быть бы никогда не слѣдовало.

О числѣ затисняемыхъ денегъ.

1-е. На каждомъ станѣ затисняютъ въ сутки по 1000, а на 12-ти 12000 руб. ¹⁾ и въ шесть дней рабочихъ въ недѣлѣ, исключая одинъ воскресной, по 72000 руб., и по прошествіи недѣли отдаются въ магазинъ въ пріемъ казначея счетомъ, а не вѣсомъ; положенной же *ремедиумъ* въ денгахъ 16 руб. въ пудѣ, противъ чево каждой пятикопеешникъ 12 золотниковъ вѣсу.

Сверхъ затиспенныхъ въ недѣлю 72000 руб. являются и негодные крушки къ народному хожденію по сту, а когда и по 200 руб.; сіи происходятъ отъ того: 1-е, кладчики, бывшіе въ ношной работѣ, часто случается, что они дремлютъ и въ сіе время забываютъ затисненной кружокъ снять и на мѣсто ево положить другой, такъ ударяютъ въ одинъ кружокъ три и четыре раза, и отъ того здѣлается весьма тонкимъ и широкимъ; 2-е, иногда не положить на средину чекановъ, а на одинъ которой нибудь край, и затиснится оной однимъ только бокомъ, и всѣ таковыя отдаются вообще съ окалиною въ плавильну же.

За затисняемую манету мастеровымъ выдается жалованье окладное, а не задѣльное.

1-е. Старостамъ двумъ, каждому по 100 руб.; должность же оныхъ—принять изъ гуртильной крушки и затиснивши отдать казначею и по окончаніи передѣла здѣлать въ томъ щотъ.

2-е. Ученикамъ тремъ, каждому по 48 руб.; а сіи навѣшиваютъ денги, приводя въ указной вѣсъ, и отдають всякой день манетчикамъ глаткіе крушки и тисненными принимаютъ отъ нихъ обратно.

3-е. Манетчикамъ 12-ти, каждому по 42 руб., смотрятъ оныя каждой два стана, наблюдая при томъ чистоту манеты, перемѣну чекановъ и установленіе всего при томъ дѣйствія.

4-е. Работникамъ 12-ти, каждому по 18 руб.; а ихъ должность подать клатчику мѣшокъ глаткихъ крушковъ и взять обратно тисненные, спустить или запереть воду на колесо, и, что изломается, на мѣсто ихъ принять новые припасы.

¹⁾ Двукопеешниковъ 400, денежекъ 100, полушекъ 50 руб. ручнымъ дѣйствіемъ, а не водою и на особливыхъ станахъ.

5-е. Клатчикамъ 36-ти, каждому по 12 руб. 96 коп.; сія употребляются только хъ клаждѣ крушковъ, слѣдуемыхъ тисненію, а по сему то и называются *подкладчиками*, и они во время тисненія отправляютъ ево сидя въ ямахъ, особо на то здѣланныхъ, дабы удобнѣе было ему работать, и чеканы бы были нежѣе, а не выше рукъ.

„7-е“. О плавильной фабрикѣ.

Фабрика одна, въ ней четыре горна и плавильная печка. Въ сію фабрику вступаетъ на сплавку: 1-е, отъ расковки и плащенія мѣди окалина и крохи, 2-е, отъ прорѣски крушковъ множество обрѣсковъ, 3-е, отъ пожегу и гурченія окалина и негодные круги, равно и отъ тисненія денегъ; производство оныхъ слѣдующимъ образомъ:

1-е. *Гармажерской горнѣ* имѣеть свое гнѣздо цыркульное и нутрѣ онаго набивается толченымъ углемъ, для чево и толчея въ той фабрикѣ учреждена съ шестью пестами, прибавляя къ тому, на примѣръ: когда толченого угля три пуда, песку рѣчнаго пудъ двадцать фунтовъ и тоже число обыкновенной горшечной глины, а всево будетъ 6 пудовъ, коего числа къ набивкѣ горну весма достаточно; смешавши же оной въ одно мѣсто и намочивъ водою и оставлять въ той кучѣ на двой или трои сутки, и въ сіе время, какъ уголь, такъ и глина размокнувши загустѣють, тогда уже и набиваютъ имъ горнѣ; набивши сперва сушатъ дровами, а потомъ углемъ, и послѣ сихъ дѣйствіевъ уголь съ пескомъ и глиною весьма крѣпко свяжутся, такъ что распустившаяся мѣдь не можетъ проходить далѣе сквозь набивку, и горнѣ въ дѣйствіи бываетъ 10 или 15 дней, а наконецъ отъ всегдашняго дѣйствія начнетъ уголь выгорать, а песокъ течь, такъ какъ отъ *флюса*, и между оными мѣдь находитъ будетъ самомалѣйшіе проходы въ набивку, гдѣ она и остается небольшими крупинками; и затѣмъ тое набивку выламываютъ вонъ, а на мѣсто ее дѣлають другую; бывшую же изъ нихъ для отдѣленія мѣдныхъ крупинокъ моють въ желобяхъ, гдѣ получаютъ безъ утраты и паки ихъ оборачиваютъ на тотъ же горнѣ для сплавки въ штыки.

2-е. Дѣйствіе оныхъ, однимъ коженнымъ галанскимъ мѣхомъ каждой, а сіи движутся посредствомъ воденного колеса чрезъ два кривыя щипа; для чего же бы не употребляются къ сему деревянные, какіе при ковкѣ полоснаго желѣза? для того, какъ тамъ же и сказано, что они имѣють весьма длинной и острой духъ, при томъ же и ставится ихъ ко одному горну по два мѣха по причинѣ, что они имѣють перерывной духъ отъ дѣйствія мѣховыхъ бочекъ, и одинъ изъ нихъ притягивается книзу, усиливая духъ, а другой въ то время поднимается кверху безъ всякаго при томъ дѣйствія, и такъ они перемѣняя одинъ другаго — и тѣмъ выдетъ слѣдующая неспособность: 1-е, отъ протяженнаго дѣйствія духа мѣдь наложенная въ горну тонкими частями распускаясь въ житкость

и отпускается малыми каплями въ горнѣ, должны они частію згарать; 2-е, острою онаго малѣйшіе капли мѣди отводимы будутъ отъ настоящаго мѣста, куда они обыкновенно упадаютъ и упадая въ переднюю часть горна, гдѣ не имѣя своего гнѣзда большею частію будутъ згорать, мѣшаясь съ положеннымъ углемъ и мусоромъ; а 3-е, слѣдовательно, не только бы пары ниже одново деревяннаго мѣха употребить сюда не можно, и что они перерывая духъ такъ здѣлалъ бы, отъ тово выходить должно, когда распущается мѣдь, наполняетъ горнѣ, тогда первая изъ нихъ требуетъ посредственнаго жару, а послѣдняя очиски съ поверхности шлаку, нагорающаго отъ угля, и вмѣсто бы тово при первой бы усиливало жаръ и дѣлало бы переспѣвшею, а послѣдней умножало бы шлакъ, и наконецъ подъ нимъ растопившая мѣдь будетъ густиться и застывать; и за тѣмъ то употребляются по одному галанскому мѣху, а сіи духъ произносятъ посредствомъ положенной на нихъ тягости весьма равной и непрерывной, для чево они и называются *двоедушными*, и что мѣхъ поднимаясь кверху и отпускаясь на нисъ производить дѣйствіе духа.

3-е. Мѣди въ обрѣскахъ и окалинѣ полагается въ горнѣ на одну плавку по 25 пудовъ; растопится оная равно въ полтора часа, а потомъ выпускаютъ ее чрезъ желѣзной желобокъ, утвержденной въ низу горна, и нутрь онаго намазываютъ глиною и передъ самымъ выпускомъ сушатъ для тово, чтобъ во время выпуску мѣди не могла оная простывать и льнуть къ желобку и тѣмъ стѣснять проходъ оставшей, слѣдуя желобкомъ въ другой такой же, а имъ до самыхъ ящиковъ чугунныхъ, называемыхъ *изложницъ* и связанныхъ въ одной полуцыркульной фигурѣ, въ которые и наливаетъ работникъ чрезъ тотъ желобокъ, препровождая изъ одного въ другой, гдѣ она и простываетъ; оттудова же вынимаютъ желѣзными долотами, отпущая въ холодную воду, находя въ семъ случаѣ удобность: когда нагрѣтую мѣдь отпустить въ воду, послѣ чево оная несравненно будетъ мягка; какая же въ семъ случаѣ разница зъ желѣзомъ? естли нагрѣвавши оное отпустить въ воду, то оно будетъ чрезвычайно жестоко и ломко, а мѣдь, будучи въ водѣ, теряетъ всѣ тѣ части, которые дѣлаютъ въ ней жестокость, а напротивъ тово желѣзо въ такомъ же употребленіи ихъ находитъ; и наконецъ мѣдь, вынувши изъ воды, обращается въ расковку.

4-е. Мѣди сплавливаютъ на одномъ горну въ сутки шестью челоуѣками работниковъ 200 пудовъ, дѣлая восемь плавокъ; при сей плавкѣ положено угару у обрѣсковъ ста пудовъ по 17 фун. и 24 золотника; въ семъ случаѣ есть явное доказательство о неспособности деревянныхъ мѣховъ: и можно-ль здѣсь быть столь великому угару для тово, что мѣдь въ обрѣскахъ мякая и лутчая, а паче, что она сквозь всѣ уже ремесла прошла, оставляя тамо вредные ей части, и только, вѣтъ, надобности въ сплавкѣ растопить оную и спустить въ штыки, а не для какой либо очистки; вотъ такое средство и въ дѣйстви голанскихъ коженыхъ мѣховъ не только въ деревянныхъ, гдѣ сильнѣйшей духъ, напротивъ

тово при сплавкѣ мѣди на гармахерскихъ горнахъ безъ дѣйствія мѣховаго обойтись и никакъ не можно, тово требуютъ нынѣшніе обстоятельства плавильной фабрики, а избѣжать и здѣлать другое есть слѣдующее средство: для чево бы не переплавлять обрѣски на *плещофенныхъ*(?) печахъ и не взять бы въ примѣръ отъ партикулярныхъ завогчиковъ, имѣющихъ мѣдные заводы, которые гармахерскую мѣдь, а сія точно таковая въ обрѣскахъ, перепушаютъ въ штыки на плещофенахъ безъ мѣховъ, а однимъ приведеннымъ воздухомъ(?), а отъ тово то угару у нихъ является весьма малое число противъ положенныхъ 17 фун. и 24 золотниковъ; при сплавкѣ еще окалины угару у сто пудовъ по 23 пуда, по 11 фунтовъ и по 54 золотника, а что больше положеннаго у обрѣсковъ, тово требуетъ состояніе оной для тово, что въ ней множество желѣзныхъ частицъ, вступающихъ отъ разныхъ инструментовъ въ мастерствахъ, посредствомъ коихъ она обращается въ передѣлкѣ; сверхъ же тово множество и земляныхъ частицъ, смѣшавшихся отъ половъ въ фабрикахъ, а особливо при плащеніи, гдѣ ее всякой часъ заметаютъ въ Osborne кучи; такъ и должно оную первѣе растопить, а потомъ очистить и наконецъ сплавить въ штыки; плавится оная противъ обрѣсковъ труднымъ образомъ, какъ уже довольно сказано выше, что окалина не что иное, какъ малѣйшіе частицы, отскакиваемые отъ мѣди, то въ плавильной прежде ее употребленія смачиваютъ ее водою, мѣшавъ оную, и потомъ кладутъ на горнѣ, дабы всѣ тѣ части удержать отъ поднятія на воздухъ силою мѣховъ; избѣгая же всево тово плавить точно на плещофенахъ, въ которыхъ плавятъ завогчики *черную мѣдь* и получая отъ нее угару по 4 фунта у пуда, а у ста составить 10 пудовъ, и слѣдовательно было бы меньше нынѣшняго угару 13 пуд. 11 фунт. и 54 золотника.

5-е. При плавкѣ обрѣсковъ и окалины во время дѣйствія снимаютъ съ поверхности распущенной мѣди шлакъ, о коемъ сказано выше во объясненіи фабрики; такъ какъ опой начало и происхожденіе имѣетъ на самой мѣди, то и уносить съ собою весьма малые зерныш(к)и, которыхъ почти на кускѣ шлаку примѣтить не можно; и для тово по окончаніи передѣла, 30 дней продолжающагося, переплавляется на обыкновенной плавильной печи точно такъ, какъ руда, полагая къ тому въ смѣсь бѣлаго песку четвертую часть противъ всево числа шлаку, и изъ всево тово получаютъ черную мѣдь, выпуская въ яму подлѣ печки въ земли и набитую толченымъ углемъ, въ коей она застываетъ, и въ тоже самое время сымаютъ ее тонкими кругами, а ихъ очищаютъ и сплавливаютъ въ штыки на гармахерскомъ горну; всево же не болѣе 20 пудовъ отъ передѣла получится, и сіе число не исключается изъ положеннаго угара, а считаютъ одною со(ро)ковою, по совершеннымъ же обстоятельствамъ получая оную, и слѣдуетъ уменьшить положеніе угаровъ; плавка же продолжается не болѣе семи дней осмью человекими работниковъ, при томъ плавильной печи гнѣздо набиваютъ тѣмъ же мусоромъ, которымъ и горнѣ, такъ же и сушатъ набивши, но во время дѣй-

ствія посредствомъ острыхъ частей, поставляющихъ отъ песку, приводится черная мѣдь въ житкость и разъѣдая мусоръ частію входитъ въ нихъ на биски (?) къ самой *крестовицѣ* положенной изъ горноваго камня, между коей небольшимъ проходомъ приведенъ воздухъ только для того, чтобъ не было сырости въ угольной набивкѣ; спустившуюся же туда часть мѣди получаютъ по окончаніи плавки не легулярныхъ кусовъ и называютъ ево *крицою*, а сія вообще съ кругами перечищается.

О здѣльѣ фабрики.

1-е. На четырехъ горнахъ сплавливають мѣди въ штыки всякіе сутки 800 пудовъ, къ тому употребляютъ угля на обрѣски 1000 пудовъ по 15 коробовъ¹⁾, на окалину и на тысячу же пудовъ по 60 коробовъ²⁾; а что нынѣ употребляетъ угля меньше противъ положеннаго числа по бывшимъ коробамъ, то для того: 1-е, уголь перевозится въ заводъ изъ дровосѣковъ с просѣвкою тамо; 2-е, набитые горны сушили прежде однимъ углемъ, а не дровами, какъ нынѣ; 3-е, въ *шабашное* время отнюдь бы не было на горнахъ огня и угля напрасно; а, 4-е, также и скирдовъ или кучъ своженныхъ въ заводъ брали бы работающіе къ дѣйствию съ одного края съ подрѣскою, просѣвая оной, и тѣмъ самымъ издержка сокращена.

2-е. Ремесленники плавильной фабрики получая жалованье по окладамъ:

1-е, плавильному мастеру.	. 48 руб.
2-е, подмастерью .	. 36 „
3-е, двумъ гармахерамъ каждому	. 24 „
4-е, работникамъ каждому.	. 18 „
5-е, малолѣтскимъ шести, бывшимъ при толченіи угля, по 12 руб. каждому же.	

„8-е.“ О якорныхъ фабрикахъ.

Ихъ двѣ съ двумя горнами въ каждой: первая изъ нихъ вѣдомства манетной экспедиціи, а послѣдняя канцеляріи главнаго заводовъ правленія, а сверхъ того и по одному боевому молоту. Дѣлаютъ же въ нихъ новое и починиваютъ старыя разные инструменты: въ первой къ манетному дѣлу вальки и бруски къ плащенію мѣди, тяги, розмахи, колоды къ прорѣскѣ крушковъ, тяги же и розмахи верхніе и нижніе, ступки и большіе винты, употребляемые въ коромысло къ тисненію денегъ, а къ росковкѣ мѣди одни пятники; а

¹⁾ По прежнимъ пробамъ положено 18 и $\frac{2}{3}$ короба, и слѣдовательно употребляется меньше 3 короба и $\frac{2}{3}$.

²⁾ Прежде положено было 73 короба съ $\frac{1}{3}$, и слѣдовательно употребляется меньше 13 коробовъ съ $\frac{1}{3}$.

сверхъ тово *завинтовываютъ* винты въ гайки къ прорѣскѣ и тисненію; во второй—колѣнные валы къ распиловкѣ лѣсу и горшки къ раздѣленію серебра въ Питербургѣ и Нерчинскіе заводы; а они дѣлаются изъ досокъ особо выковываемыхъ подъ молотами на Пышмынскомъ заводѣ длиною и шириною въ $\frac{3}{4}$ и въ аршинъ, а здѣсь ихъ одна зъ другою свариваютъ, сгибая вокругъ, и дѣлаютъ цилиндрическую фигуру, а потомъ уже придѣлываютъ и дно онаго; а во время згибки и обдѣлки употребляютъ особые инструменты; для чево всіо это не дѣлать въ кузницѣ и имѣть особые фабрики? для тово, какъ всѣ тѣ вещи весьма обширны и большаго вѣсу, такъ на кузничномъ горну и не позволяетъ малость горна и состояніе одного небольшого кожаннаго мѣха, да и людей только при немъ два человекъ находится, а сіи и не въ силахъ поднять и оборотить вещь: вотъ какая неудобность; но тѣ самыя вещи требуютъ точно такова установка и дѣйствія и числа работныхъ людей, каковыя въ якорныхъ: 1-е. Тутъ складены горны весьма обширныя и нискіе, но и затѣмъ еще всякую вещь дѣлаемую кладутъ въ горнъ, оборачивая въ немъ всѣ части, чтобы можно было оныя править въ густую матерію и сцѣпить одну зъ другою штуки и тѣмъ составить *варъ*; а составивши оной, то для обжимки сцѣпившихся частей и для обдѣлки вещи въ совершенной ее видѣ и препорцію относятъ подъ вододѣйствующей молотъ не силою человѣческою, а ихъ на двухъ горнахъ шеснатцать человекъ, считая въ одну только смѣну, а въ сутки тритцать два, но помощію стоячаго валька, а ево называютъ *воротъ*; такъ и можно ли помѣстить къ каждому горну въ кузницѣ воротъ и поставить тоже число людей?

2-е. При каждомъ горну поставлено по два мѣха коженныхъ, называемыхъ (хъ) однодушныхъ, сходствуя производствомъ кришной работы и произношеніемъ духа деревянныхъ при томъ мѣховъ: движеніе же оныхъ съ тою разницею, что деревянные силою мѣховыхъ бочекъ, а коженные чрезъ стоячіе вальки, дѣйствуемые однимъ кривымъ щипомъ.

Но о числѣ здѣшня якорныхъ фабрикъ ни сказать, ни положить вѣрнаго нельзя, для тово что они дѣлаютъ новыя и починиваютъ старыя вещи, такъ и неизвѣстно, сколько изломается на дѣйстви старыхъ и на мѣсто ихъ понадобится новыхъ, а потому и прямого положенія на издержку угля не дѣлано; и вмѣсто тово при употребленіи онаго особо наблюдается, дабы сколько возможно было избѣгнуть излишность въ углѣ.

Мастеровые получаютъ окладное жалованіе.

1. Манетнаго вѣдомства мастерамъ двумъ каждому по . . .	48 руб.
2. Подмастерьямъ толикому же числу и каждому по . . .	24 „
3. Работникамъ по . . .	15 „
4. Заводскаго вѣдомства уставщику . . .	60 „
5. Мастеру . . .	48 „
6. Подмастерьямъ двумъ по	24 „
7. Работникамъ по разнымъ окладамъ, но не болѣе 15, 16,	

18 и 20

„9-е.“ О укладныхъ и стальныхъ фабрикахъ.

Фабрикъ двѣ; въ нихъ по два горна укладныхъ и по одному стальному, по два молота боевыхъ и по два колотушечныхъ, одна монетнаго дѣла, а другая вѣдомства канцеляріи. Какъ сѣ два матеріала обращаются изъ одново въ другой по самой въ томъ необходимости, для чего и объясняется наперіодъ начальной изъ нихъ: 1-е, укладъ дѣлается изъ самово мелкова и расковочнова желѣза, слово же *расковки* означаетъ то, что разные припасы и инструменты и починить какъ въ томъ званія, такъ и здѣлать другую изъ нее вещь не можно; словомъ сказать: до малѣйшаго гвоздя и всѣ таковыя идутъ на укладъ, и вступя въ тое фабрику, мастеръ долженъ сперва полагая ихъ въ горнъ, здѣланной точно такъ, каковъ въ кришной, гдѣ посредствомъ огня и мѣховаго духу приводится въ самую житкую матерію, подобную чугуну, и расплавливаясь выходитъ самъ по своей воли изъ горну на чугунной полъ подлѣ горна и дѣлаетъ великіе *наплывины*; но послѣ домавши ево аттудова оборачиваютъ паки на тотъ же горнъ и дѣлая изъ нихъ крицу двухъ и трехъ пудоваго вѣсу; и для тово дѣйствіе горновъ сходствуетъ съ кричнымъ, и во время крицы оборачивая оную въ огнѣ бросая на нее рѣчной песокъ до семи и осми разовъ, чтобъ удобнѣе и скорѣя было привести положенные штуки въ густую матерію и одну зъ другою спѣпить и тѣмъ уменьшить угаръ; а что на желѣзные крицы не бросаютъ песку, то для тово, (что?) чугунные штуки на себѣ имѣютъ множество онаго, а если бы и затѣмъ еще бросать песокъ, то умножа *флюсоватой* матеріи, которая бы обратилась въ житкость, и не были бы связаны одинъ къ другой чугунные штуки; чѣмъ меньше въ огнѣ крица, тѣмъ и меньше угару; и наконецъ вынувши крицу обжимаютъ подъ молотомъ на одинъ большой кусокъ, а послѣ на пять или шесть малыхъ, а изъ нихъ тянеть уже полосы, которые называютъ *укладъ*.

2-е. При дѣлѣ уклада положено угару на одинъ пудъ по 18 фун.; но сумнѣнія въ томъ нѣтъ, что угаръ положенъ великъ, для тово что полагаемую расковку въ горнъ на начало крицы кладутъ не въ одинъ разъ, а четыре или пять разовъ, чтобы оная удобнѣе и скорѣя могла растопиться; а когда бы положить вѣсомъ число расковки, изъ которого бы составлена была крица двухъ или трехъ пудовъ, то бы положенною тягостію расковочные штуки одна другую угнеда крѣпко, и тѣмъ бы стисненъ былъ мѣховой воздухъ: тогда всево числа растопить бы было въ житкость не можно, а они бы только одна зъ другою сдѣпились и здѣлали бы крицу, подобную той, что изъ чугуна на желѣзо дѣлаютъ: а по сему то положеннаго угару уменьшить и нельзя.

3-е. Мастеровые, получая за то жалованье, мастеръ 30, работникъ 15 руб. въ годъ, дѣлаетъ укладу 4 пуд. въ половина сутокъ, и упо-

требляясь на каждой горнѣ два мастера и два работника въ сутки; подмастерьевъ же при сей работѣ не положено по той причинѣ, что производство уклада составляло не изъ большевѣсныхъ криць, а изъ малыхъ, и одинъ въ силахъ управлять его можетъ.

4-е. Здѣланной укладъ въ полосахъ идетъ на дѣло стали, бракувавъ в немъ (?) при томъ ись тово лутчей на сталь, а худшей въ кузницу на наварку топоровъ и прочаго употребляется; принимая же стальной мастеръ и первое изломаетъ ево на разные штуки, однако не длиннѣе шести вершковъ каждая, и складываетъ одна на другую по три и по четыре полосы, оборачивая въ горнѣ, а сей ни мало разницы не имѣетъ съ обыкновеннымъ кузничнымъ, гдѣ и нагрѣваетъ ево посредствомъ мѣховаго духу, но въ тоже время бросая на нево пять или шесть горстей рѣчнаго песку, а сей дѣлаетъ на положенномъ кускѣ и весьма скоро густую матерію, и тогда уже мастеръ вынимая тянетъ подъ большимъ молотомъ, дѣлая изъ всево куска одну полосу и, вытянувши таковыхъ пять или шесть полосъ, нагрѣвая на томъ же горну до красного виду и безъ мѣховаго при томъ дѣйствія, и отпускаетъ въ холодную воду, въ коей они и простываютъ, а ето самое и называютъ *закладкою*; послѣ же тѣ полосы употребляются на дѣло пружинъ къ прорѣскѣ крушковъ, почему и называна *пружин(н?)ою*; а образцовая дѣлается слѣдующимъ образомъ: тотъ же самой кусокъ, сложенной изъ укладныхъ полосъ, тянетъ подъ тѣмъ же молотомъ на длинные бруски толщиной въ полъ вершка квадратно и послѣ изломавъ оныя на штуки тянетъ уже подъ особымъ малинькимъ молоткомъ, называемымъ *колотушечнымъ*, семь или восемь кусковъ, препровождая одинъ за другимъ, нагрѣвая ихъ въ одно время; но етова самова требуютъ обстоятельства: мастеръ долженъ каждую штуку привести въ тое препорцію, въ коей образцовая сталь бываетъ, не давъ остынуть куску, а для тово, что и молотокъ дѣлаетъ весьма частое удареніе, мастеръ же всякую штуку приводитъ выковкою хъ концу въ два раза: когда онъ вытянетъ одну только половину бруска, а другая половина во время поступившаго на мѣсто ево бруска же нагрѣвается; и такъ должны они итти въ ковку одинъ за другимъ, и наконецъ вытянувши всѣ ихъ въ плоскіе брусочки шириною въ полъ, а шириною въ четверть дюйма, и наконецъ нагрѣваютъ такъ же, какъ и первой, ровно тому же и закалку, и послѣ тово изломаетъ на мелкіе кусочки, которые идутъ къ наваркѣ штемпелей, и называютъ же ихъ *чеканы*, и на другіе нужные требующія крѣпости инструменты.

5-е. Работающіе получаютъ окладное жалованье: мастеръ 30, подмастерья 20, работникъ 15 руб. въ годъ; сіе число людей обращается въ одну только перемену, а въ сутки ихъ бываетъ: мастеровъ, подмастерьевъ и работниковъ по два, всѣхъ же 6 человекъ; напротивъ же тово при дѣлѣ стали угару по 24 фунт.; но столь великаго числа кажется бы и не уповательно быть, судя должность стального мастера, которой только принявъ уклада ись четырехъ полосъ, сложенныхъ въ

одно мѣсто, здѣлаетъ одну полосу; но вотъ чрезъ что составляетъ угарь: мастеръ во время сварки сложенныхъ укладныхъ полосъ не одно то наблюдаетъ, чтобъ одна зъ другою сцѣпилась, а нагрѣваетъ ево весьма крѣпко, такъ что во время переноски куска подъ молотъ отскакиваютъ множество же частей, капавши отъ него упадаютъ на полъ, а отъ тово самото, чѣмъ больше проваривается укладъ, тѣмъ чище и крѣпче сталь бываетъ, и во времяковки отъ удара молотомъ отскакиваютъ множество же частей, называемыхъ *окалиною*, а больше и отъ тово, что мастеръ кусокъ или тянущую изъ него полосу нагрѣваетъ не одинъ разъ, а многожды и особливо во времяковки подъ колотушечнымъ молоткомъ, и всѣ тѣ части ни во что уже послѣе не годятся, и для тово ихъ не собираютъ; а чтобы оныя можно было другой разъ разтопить, какъ поступается съ мѣдною окалиною, етова здѣлать никакъ нельзя: одни имѣютъ изъ нихъ вязкость и существо еще мѣди, а другія ни всякости, ни содержанія желѣзныхъ частей не имѣютъ; а это есть не иное что, какъ згорѣвшее желѣзо.

6-е. При дѣлѣ укладу и стали вѣрнаго положенія на издершку угля не здѣлано, а вмѣсто тово употреблять должно экономической при-
смотреть.

7-е. Дѣйствіе же составлено (изъ?) двухъ большихъ молотовъ, одного укладного и одного же стального и двухъ колотушечныхъ; 1-е, что надлежитъ до большихъ двухъ молотовъ, то они ни малой разницы не имѣютъ ни въ дѣйстви ни въ инструментахъ, къ тому употребляемыхъ, какъ при ковкѣ полоснаго желѣза и при расковки мѣди, равно и скрѣпленіе оныхъ; 2-е, что же пренадлежитъ до колотушечныхъ молотовъ, такъ дѣйствіе ихъ происходитъ отъ боеваго вала, на которомъ и большой молотъ имѣитъ свое движеніе посредствомъ особой чугунной бочки, называемой колотушечной зъ деревянными 12-ю пальцами, они же и кулаки; и такъ на одномъ оборотѣ воденаго колеса ударетъ большой молотъ четыре, а малинкой 12 разовъ; 3-е, наружная фигура малинковыхъ молотковъ съ наковальнями подобныя большимъ, а разнствуетъ только одинъ бой, которымъ ударяетъ сталь притискивая и таковому же бою на наковальнѣ фигура ихъ точно такая, когда поставитъ на среди прямой линіи перпендикуляръ (однако же для лутчаго обозрѣнія точная форма здѣсь полагается) и шириною изъ нихъ означающей прямую линію въ вершокъ, а послѣдней и служащей за перпендикуляръ въ полъ вершка, и отъ остроты сего бою дѣлаетъ брусокъ длиннѣе и тоньше, а первой заглаживаетъ молотовые удары.

8-е. Колотушечный молотокъ также насаженъ на березовое не толстое бревно, и задній конецъ оного приведенъ къ самымъ деревяннымъ кулакамъ, кои, угнетая молотовище, и дѣлаютъ подъемъ молота; молотовище же оборотъ имѣитъ посредствомъ возложенной на него желѣзной оси, онъ же и пятникъ; а сей утверждёнъ въ чугунныхъ коробкахъ, называемыхъ *тищами*, но не между чугунными тисами, каковыя при большихъ молотахъ, а въ деревянныхъ стойкахъ, и натуживается

оной вмѣсто желѣзнаго ключа, какъ при чугунныхъ тисахъ бываетъ, одними березовыми брусками, полагая одинъ на другой шесть или семь брусковъ и сверху подлѣ положеннаго на стойкахъ огнива натуживаютъ клинѣмъ, а сіи равное дѣйствіе имѣють (съ?) желѣзнымъ ключемъ; также возможно здѣлать туже и слабѣе; мастеръ же наблюдаетъ и тово, чтобы задней конецъ молотовища сколько можно былъ бы длиннѣе, а симъ посредствомъ несравненно облегчивается дѣйствіе молота.

„10-е.“ О кузницахъ.

Двѣ фабрики: одна манетнаго дѣла съ осмью горнами, а другая заводскаго вѣдомства съ шестью, и по одному молоту вододѣйствуемому. Въ первой изъ нихъ дѣлаются къ манетному дѣлу: 1-е, въ прорѣзную фабрику коробки, въ которыхъ крушки прорѣзываются, и къ нимъ пестики, а притирають оные одну въ другую, наблюдая при томъ циркулящюю пятикопеешника въ особой фабрикѣ посредствомъ тисовъ и *бачты*; 2-е, къ тисненію чеканы или штемпели, нащочины и хомуты, употребляемые къ ремнямъ, первой къ деревянной ручкѣ крѣпится, а послѣдней надѣвается на конецъ чугуннаго коромысла и ими приводится въ движеніе дѣйствіе стана, винтики привіортыва(ють?) нащочины съ хомутами, проемные доски, въ которыхъ верхняя коробка двигается, погоны; а сей не что иное, какъ балансъ, поднимающей верхнюю ступку; 3-е, къ плашенію мѣди одни только *чеки*, которые закладываются въ верхніе концы столбиковъ у чугуннаго стана, удерживая ими бруски, а сіи не даютъ ни малаго попятноженія и неисправности вальковъ и ихъ дѣйствіе; 4-е, къ расковкѣ мѣди клещи, которыми берутъ горячую мѣдь во время расковки, и *разскаательные топоры* къ разрубкѣ полосовой мѣди; 5-е, тоже самое и къ дѣлу полосоваго желѣза, укладу и стали, прибавя къ тому одни *ложы*, коими оборачивають крицу въ горну во время ее дѣйствія; 6-е, въ плавильну желобки для выпуску мѣди, долота остроконечные большіе, называемые *протыкальники*, которые употребляются къ пробивкѣ горновъ передъ выпускомъ мѣди, и тѣмъ дѣлають ей проходъ, малые для выниманія изъ изложницъ штыковой мѣди; 7-е, въ гуртильную лапости и гуртики; 8-е, къ плотинному дѣлу топоры, скобели, долоты, *напары* и множество гвоздей разнаго сорта, также и починка повредившихся инструментовъ, а сверхъ тово и партикулярные подѣлки, получая деньги за употребленные желѣзо и уголь и работающимъ жалованье съ приложеніемъ указныхъ процентовъ по 11 коп. на рубль.

Что же принадлежитъ до становъ дѣйствія, горна обыкновенно, простыхъ кузницъ, мѣха употребляются небольшіе галанскіе, и дѣйствіе оныхъ не водою, а руками работника, для тово ихъ двое съ кузнецомъ на одномъ горну, и работникъ дуетъ мѣхомъ тогда, когда кузнецъ

нагрѣваетъ желѣзо, дѣлавши какую нибудь вещь, а нагрѣвши работникъ долженъ бить молотомъ, пособляя кузнецу и такъ продолжаетъ дальше.

А молотъ вододѣйствующей учрежденъ для того: когда кузнецъ дѣлаетъ небольшую вещь, а желѣзо дано на то толстое и неспособное, такъ въ надлежащую препорцію и тянетъ подъ тѣмъ молотомъ, а это превеликое подспорье въ работѣ, и отъ того потребляется угля меньше; ежели бы кузнецъ большой кусокъ желѣза тянулъ ручными молотами на кузнишной наковальнѣ, то вышло бы: 1-е, время понадобилос(ь) бы гораздо больше, и кузнецъ съ работникомъ меньше бы сработали; 2-е, угля употребилъ бы больше надлежащаго числа, а 3-е, много бы згорѣло лишнева въ желѣзѣ, для того (что?) онъ нагрѣвши одинъ разъ тотъ кусокъ вытянуть въ ту препорцію, какая ему надобна, и не можетъ, а пять или шесть (разъ) нагрѣвать долженъ, но все это удерживается посредствомъ молота.

На здѣланные вещи издержки не положено, какъ на желѣзо, равно и на уголь, да и здѣлать етова почти нельзя для того: естли дѣлаетъ кузнецъ малую вещь, такъ при томъ у него угаръ и множество маленькихъ *обсычковъ*, оборачивая штуку многожды въ горнъ, а паче, когда починиваетъ старую; такъ можно ли узнать, сколько онъ издержалъ на починку желѣза, и тому ли числу быть должно? а за всѣмъ тѣмъ особой прсмотръ ведітся.

За дѣло вещей ремесленники получаютъ окладное жалованье: мастерамъ двумъ по 48 руб., подмастерьямъ двумъ же по 24, кузнецамъ по 16, по 18, и по 20 руб., работникамъ или молотобойцамъ по 14 и по 15 руб. въ годъ; въ семь случаевъ кажется удобнѣе, быть можетъ, естли за всѣ вещи производить заденную плату, а не окладное жалованье, и польза бы при томъ была та, что каждый кузнецъ съ работникомъ долженъ стараться лишнюю вещь здѣлать и за то получить лишнюю плату, и слѣдовательно меньше бы издержалъ угля, старавшись кусокъ желѣза или дѣлаемую изъ него вещь скорая нагрѣть и затѣмъ сколько можно больше ее обдѣлать; но что самое преждѣе и положено было, а когда и за какими бы то обстоятельствами отмѣнено, не извѣстно.

Во второй дѣлаютъ все то, что надобно для заводскихъ фабрикъ и точно на такомъ же дѣйстви и установѣ, какъ и при манетной кузницѣ, и работающіе получаютъ окладное же жалованье.

„11-е“. О проволошной фабрицѣ.

Фабрика одна съ шестью станами вѣдомства канцеляріи. Дѣйствіе становъ воденымъ колесомъ чрезъ валъ и посредствомъ деревянныхъ въ ніомъ 18-ти пальцевъ, называютъ ихъ кулаки, и каждой станъ на одномъ оборотѣ колеса три раза имѣетъ свое дѣйствіе,

двигаясь взадъ и впередъ, а сіе движеніе производитъ вмѣсто кривого щипа березовая *копань*, здѣланная въ прямой уголъ, и лежащая часть оной наклоняется ремнемъ также чрезъ особые кулаки, утвержденные въ стойкахъ, а сіи заимствуютъ отъ кулаковъ же въ валу, а другая часть перпендикулярно стоящая ремнемъ же, укрѣпленнымъ къ березовому шесту, коей во время наклоненія нагибается вообще съ копанью и послѣ отходитъ къ верху, поставляя тое наклоняющуюся часть на свое мѣсто; но чрезъ всю то пользующія желѣзныя тиса, захватывая конецъ проволоки, протягиваютъ сквозь желѣзную доску, на коей множество дирокъ и одна другой меньше, и работникъ, перемѣняя изъ одной въ другую, дѣлаетъ проволоку тонѣе; но не болѣе же на полтора вершка проволоки протягиваютъ тиса за одинъ пріемъ, и такъ препровождается далѣе.

Сверхъ же тово учрежденъ колотушечной молотокъ и на томъ же валу, а учрежденіе ево въ томъ состоитъ: проволока начало свое беріотъ изъ желѣзнаго прутья, рѣзанныхъ особою машиною изъ полосъ, а дѣйствіе рѣзное такое точно, какъ и при плащени мѣди, только разница въ валькахъ: плащиленные глатки, а рѣзные нижней имѣя въ самой срединѣ вынатуую часть не глубже четверти дюйма, бока же оной перпендикулярны и одинъ другому параллельны, а на верхнемъ выпуклость той же ширины и толщины; и самыми ихъ кромками протягивая полосу сквозь вальки разрѣзываетъ на прутья, и самое то дѣйствіе учреждено особо на Каменскомъ заводѣ, а не въ Екатеринбургѣ, и нагрѣвая въ небольшомъ кузнешномъ горну, тянуть въ ту толщину, какова должна быть въ первомъ номерѣ проволоки, и при томъ множество ихъ нагрѣвается и въ одно время; мастеръ, препровождая одинъ за другимъ и вытянувши, протягиваютъ уже въ первой номеръ, а далѣе препровождая сквозь дирки на доскѣ до шестаго на десять номера; и въ семь случаевъ дѣйствіе колотушечнаго молота весьма полезно для тово: естли бы тѣ прутья тянуть на кузничныхъ горнахъ руками работающихъ, которые бы въ полы тово не здѣлали, они не могутъ употребить такую скорость въ битые молотами и не здѣлаютъ столь сильныхъ ударовъ, что производитъ колотушечка, да и угля бы употребили втрое больше.

При сей работѣ людей находится зъ жалованьемъ: мастеръ одинъ 48 руб., подмастерья одинъ 23 руб., работниковъ 12-ть человекъ по 18 руб. каждому, считая ихъ по два человека на станъ въ сутки; всѣми же ими здѣлано будетъ проволоки разныхъ номеровъ не болѣе сорока пудовъ въ годъ, а о угарѣ, бывшемъ при дѣлѣ проволоки положеніе здѣлано на каждой номеръ особо; о издержкѣ жъ угля (не?) остановлено по причинѣ, что мастеръ не всегда вытягиваетъ прутья, а побольшей части починиваетъ старые и вновь дѣлаетъ разные инструменты, потребные въ тое фабрику, также и обжигаетъ здѣланную проволоку; такъ вѣрнаго положить и то и другое ничево нельзя.

„12-е.“ О слесарныхъ фабрикахъ.

Фабрикъ двѣ: манетнаго дѣла и заводскаго вѣдомства; въ нихъ множество деревянныхъ становъ, что называютъ *верстаками*, съ привернутыми къ нимъ желѣзными тисками. Въ нихъ же дѣлается: въ первой—замки разнаго сорта, вѣсы въ фабрики и къ нимъ гири, завинтовываютъ винты въ верхніе и нижніе ступки къ тисненію денегъ и партикулярныя подѣлки, бравъ за то въ казну; деньги съ приложеніемъ указныхъ процентовъ мастеровые получаютъ жалованье по разнымъ окладамъ, а ихъ 35-ть человекъ.

Во второй: замки и вѣсы зъ гирями, часы новые и старые починиваютъ, получая за то жалованье по разнымъ окладамъ, а ихъ 24 человекъ.

О угарѣ желѣза и о издержкѣ угля положеніе здѣлано никогда не было, коего и здѣлать никоимъ образомъ нельзя, на первое: когда кузнецъ къ дѣлу какой нибудь вещи требуетъ желѣза фунтъ, а отковавши, а потомъ опилуетъ, наблюдая въ томъ чистоту, и въ ней вѣсу будетъ только одна четверть фунта, за тѣмъ же прочее згорѣло, а большая часть осталась въ окалинахъ, кои не во что не употребляются; а это самое при сей фабрикѣ почти всегда происходитъ, равно и на послѣдней тутъ не всю дѣлаются одинакіе вещи, а множество разныхъ, да и кузнецы не равно ихъ откавываютъ: одинъ дѣлаетъ скоро и хорошо, а другой долго и при томъ и весьма худо, по каковымъ обстоятельствамъ и ни малаго въ томъ сравненія здѣлать нельзя, а за всѣмъ этимъ особой присмотръ отъ мастеровъ происходитъ.

„13-е.“ О пильной мельницѣ.

Заводскаго вѣдомства одна фабрика. Въ сей фабрикѣ заимствующаго отъ огня дѣйствія никакого нѣтъ, такъ дальняго объясненія и положить не можно, а описывается только одно званіе вещей и инструментовъ, употребляемыхъ къ распиловкѣ лѣсу.

1-е, Колесо вододѣйствующее вышиною 4 арш. съ $\frac{1}{2}$, и въ немъ валь, на концѣ онаго сухое чугунное колесо двухъ аршинъ зъ деревянными пальцами, или кулаками.

2-е, Противъ сухаго колеса шестерня чугунная, въ коей утверденъ желѣзной трехколѣнчатой кривой валь, и оба они имѣютъ свой оборотъ отъ сухаго колеса.

3-е, На каждомъ колѣнѣ вала по одной желѣзной тягѣ, называемые *шатуны*, а сіи во время дѣйствія поднимаясь вверхъ и опускаются внизъ, и тѣмъ самымъ приводя деревянные рамы съ поставленными въ нихъ желѣзными пилами въ равное движеніе.

4-е, Сія рамы движутся также между рамами, кои называютъ *самями*, длиною пяти сажень, а на ихъ то и полагаются бревны, слѣдующія на распиловку въ тиосу; а чтобы имѣть въ томъ прямизну и вѣрность пилованнаго тиосу, для того на обѣихъ сторонахъ рамъ поставлены желѣзные стойки зъ дирами, называемые *копылы*, и одинъ противъ другаго, и въ тѣ дыры чрезъ наложенное бревно просавывается желѣзной кривой ломъ, и концы онаго утверждаются весьма крѣпко.

5-е, Рамы съ наложеннымъ бревномъ притягаются на пилы посредствомъ сухихъ желѣзныхъ колесъ, и по два у каждаго стана, одно изъ нихъ на верху стоячихъ рамъ и имъ то притягиваетъ бревны съ плотины въ фабрику, а другое противъ лежачихъ рамъ и въ срединѣ ево утвержденъ небольшой желѣзной валикъ, занимающей ширину рамъ, и внизу противъ рамочныхъ брусъя выдетъ двѣ желѣзные шестерни, которые чрезъ чугунные змѣйки, укрѣпленные сверху шестерніой въ тѣхъ же брусъяхъ ташутъ рамы обще и зъ бревномъ наложеннымъ, и только въ то время, когда распиловываютъ бревна; а когда оное распилется и рамы заднею частію дойдутъ до пиль, тогда обратно подвигаются они силою человѣческою, а не водою.

6-е, Дѣйствіе желѣзныхъ колесъ происходитъ отъ *хрпавъ*, одни изъ нихъ сверху, когда отпускаясь рамы книзу оборачиваютъ колесо и подвигая оное вперіодъ, а другіе на самомъ полу въ фабрикѣ только удерживаютъ колеса отъ обороту назадъ.

7-е, Распиловываютъ бревень въ сутки на каждомъ станѣ по 15 пяти-саженной длины, а на трехъ 45; люди получая за то жалованье по разнымъ окладамъ; и если полагать сіе число распиловкою на весь годъ, такъ въ рабочіе 271 день, исключая праздничныхъ и сѣнокосныхъ 94, распилютъ 12195 бревень, а сего числа никогда не понадобится для заводу; такъ по большей части распиловывается партикулярной лѣсъ, бравъ за то въ казну деньги разными цѣнами, судя по толстогѣ бревень; а наконецъ во время установу фабрики и наблюдать при томъ должно, чтобъ желѣзной кривой валъ съ шестернею лежалъ горизонтально къ деревянному валу, съ водянымъ колесомъ было бы въ прямой уголъ, а етова требуетъ и самое дѣйствіе.

Сверхъ же всево объясняется и о тѣхъ вещахъ, кои весьма нужны къ заводскому управленію.

1-е. Ларь или ящикъ. Сей имѣетъ извѣстную и одинакую зъ другими фигуру; воды въ немъ для дѣйствія колесъ глубиною стоятъ пять аршинъ, а при другихъ заводахъ бываетъ шесть и семь аршинъ; и чѣмъ оной больше въ ларѣ, тѣмъ и колеса имѣютъ свои обороты гораздо скоряя; однакожь ето при тѣхъ заводахъ, гдѣ позволили высокіе и гористые мѣста, окружающіе прудъ; такъ и принудили всѣ обстоятельства поднять вышѣ плотину и здѣлать больше въ ларѣ воды.

2-е. Окны изъ ларя и желобы, называемыя *спуски*, препровождающіе воду на колеса. Первые изъ нихъ дѣлаются къ дѣйствию молотовъ длиною осми, а вышиною 4 вершковъ, а квадратныхъ 32; къ дѣйствию же мѣховъ—шести вершковъ длиною и трехъ вершковъ вышиною, квадратныхъ же восемнадцать, а послѣдніе стараются дѣлать сколько бы возможно было короче однако же къ молотамъ, и чѣмъ ближе къ колесу, тѣмъ отъ чрезвычайнаго стремленія воды оборачиваетъ колесо весьма скоро, гдѣ и тяжесть воды почти не способствуетъ, а къ мѣховому стараются отдалить спускъ и отнять остроту воды, и колесо бы дѣйствовало одною тягостію той, а не рѣзвостію, чтобъ мѣхъ успѣвалъ производить дѣйствія духа съ протяжностію.

3-е. Молотовыя и мѣховыя колеса и къ нимъ *кафтаны*, или крышки. Первые вышиною четырехъ аршинъ съ четвертью, а послѣдніе четырехъ аршинъ, а шириною обои въ семь четвертей вообще и съ *косицами*; они раздѣляются на 24 пера или ящика, и ручки въ нево врубаются для помѣщенія вала, и чтобы между оными число ящичковъ было всегда равное, а тѣмъ вѣрной оборотъ колесу происходить для того, что тяжесть воды во всѣхъ частяхъ колеса будетъ равная; а послѣдніе дѣлаются изъ тонкова тесу и ставятъ ихъ на поверхность колеса, занимая ими четвертую часть онаго и верхнюю часть кафтана кладутъ на передніе концы спуска, и вода, идущая онымъ посредствомъ кафтана, никуда не можетъ отдѣлиться, кромѣ настоящаго въ ней дѣйствія.

И всѣ колеса для зимняго времени обносятся вокругъ деревянными и мшоными кожухами, сохраняя дѣйствіе отъ заморозу и льду.

Шихтмейстеръ Максимъ Поповъ.

Напечатанное выше „Практическое описаніе заводскаго дѣйствія въ Екатеринбургѣ“ (1780 г.) издается по рукописи Историкофилологическаго Института кн. Безбородко (въ Нѣжинѣ) № 183. Рукопись приобретена мною въ Москвѣ у торговца вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, въ числѣ коихъ оказалась также „Геометрія и плоская тригонометрія“, писанная или, по крайней мѣрѣ, принадлежавшая (въ 1742 году) тому же президенту Бергъ-Коллегіи М. Ф. Соймонову (№ 182 библ. Института; см. „Извѣстія“ Института, т. XXII, Рукописное отдѣленіе библиотеки, стр. 37—38)—доказательство того, что и № 183, по всей вѣроятности, принадлежалъ тому же Соймонову; иначе: наше „Описаніе“ представляетъ подлинный докладъ шихтмейстера Максима Попова, поданный имъ на основаніи „ордира“ Соймонову, съ чѣмъ согласна и препроводительная бумага, напечатанная впереди „Описанія“.

Помимо спеціальнаго интереса, представляемаго „Описаніемъ“, излагающимъ весь ходъ монетнаго производства въ Екатеринбургѣ, указывающаго объемъ этого производства, стоимость его, количество рабо-

чихъ, ихъ содержаніе и т. п., оно, какъ мнѣ показалось, не лишено нѣкотораго интереса и для русскаго языка XVIII в., давая матеріаль главн. обр. для словаря техническихъ словъ (показавшіяся мнѣ интересными напечатаны въ текстѣ курсивомъ), а также и для грамматическаго строя рѣчи. Въ виду этого я передаю подлинникъ, возможно точно сохраняя его начертанія,—отступивъ отъ него, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, значенія въ этомъ отношеніи не имѣющихъ; такъ: 1) писавшій почти совершенно (на всю рукопись—два три случая) не употреблялъ ѣ, пиша всюду е: мною восстановлено ѣ согласно современному принятому правописанію; 2) точно также писецъ пишетъ вездѣ и, употребляя і только въ начертаніи іо—ѣ: мною і восстановлено по нынѣшнему обычаю; 3) писецъ имѣлъ привычку иногда ставить ѣ послѣ согласнаго при переносѣ снова съ одной строки на другую: этотъ ѣ мною опускается; 4) послѣ л (рѣдко послѣ с—„весма“) имъ обыкновенно (исключеніе лишь въ заглавіи: „Бергъ-Кольлегія“) ѣ не пишется: этотъ ѣ внесенъ мною; 5) въ предлогахъ, пишущихся отдѣльно и слитно съ слѣдующимъ словомъ, часто опускался ѣ: предлоги отдѣлены, и ѣ восстановленъ.

Рукопись—въ листъ, 16 л., писана убористо, но настолько плохими и полинявшими чернилами, что читается часто съ трудомъ, писана, судя по подписи М. Попова, имъ собственноручно. Рисунокъ молотка (см. стр. 22), какъ достаточно описанный въ текстѣ, опущенъ въ изданіи.

Сообщилъ Дѣйствит. Членъ М. Сперанскій.

2.—Представленіе объ утѣсненіяхъ народа отъ подушнаго сбора. (1733 г.)

Печатаемая нами ниже записка неизвѣстнаго, относящаяся къ 1733 г. и озаглавленная въ подлинникѣ „представленіе объ утѣсненіяхъ народа отъ подушнаго сбора“, заслуживаетъ полнаго вниманія какъ по своему содержанію, касающемуся важныхъ вопросовъ, занимавшихъ русское дворянство въ первой половинѣ XVIII вѣка, такъ и по судьбѣ своей. С. М. Соловьевъ, видѣвшій эту записку въ Государственномъ Архивѣ (откуда мы и извлекаемъ ея копію) взялъ изъ нея въ своей „Исторіи Россіи“ нѣсколько строкъ ¹⁾ и при этомъ отмѣтилъ, что она

¹⁾ Въ XX томѣ „Исторіи Россіи“ читаемъ: „никакія мѣры противъ отбыванія отъ службы не помогали и потому сочли необходимымъ удовлетворить всеобщему желанію дворянства *ограничить* срокъ военной службы и дать возможность нѣкоторымъ вовсе не вступать въ нее. Въ представленіи, поданномъ въ Кабинетъ *неизвѣстно кѣмъ* (это представленіе именно и печатается нами нынѣ цѣликомъ ниже) говорилось: „въ отлученіи всего шляхетства отъ своихъ домовъ, всѣми ихъ домами и деревнями владѣютъ приказчики и старосты, которые непорядками своими помѣщиковъ и крестьянъ разоряютъ, шляхетство своимъ фамиліямъ вспоможенія учинить не можетъ а въ крестьянскихъ сбо-

оказала вліяніе на извѣстный манифестъ 31 декабря 1736 г., которымъ ограничивался, между прочимъ, срокъ обязательной дворянской службы въ войскѣ двадцатью пятью годами. Знаменитый историкъ нашъ не приводитъ никакихъ соображеній въ пользу своего утвержденія. Вѣроятно, однако, предположить, что для него вліяніе указанной записки (или „представленія“, какъ она называется въ подлинникѣ), доказывається прежде всего уже *основною мыслию* ея, осуществленною въ манифестѣ, а именно мыслию о необходимости „*нѣкоторое опредѣленное время положить, сколько въ военной и штатской службѣ быть*“ представителямъ русскаго дворянства. Обязательная служба дворянъ достигла при Петрѣ В., по своей тяжести, предѣловъ возможнаго, но, какъ только Петръ умираетъ, у дворянъ является мысль о необходимости *облегчить* для себя несеніе этой службы, при чемъ первоначально эта необходимость объясняется чисто-экономическими мотивами. Въ извѣстной запискѣ, поданной Екатеринѣ I знаменитымъ петровскимъ ген.-прокуроромъ Ягужинскимъ указывается, что въ деревнѣ у дворянина „домъ всякій безъ присмотру разоряется“, что хотя, нынѣ дворяне „по нуждамъ позваны (къ службѣ), которые уже были отпущены“, надлежитъ ихъ вновь, если возможно, отпустить, „чтобы они въ домахъ жили и смотрѣли“. Затѣмъ въ нѣкоторыхъ шляхетскихъ проектахъ, поданныхъ въ В. Тайный Совѣтъ при вступленіи Анны Іоановны на престолъ выражалось желаніе ограничить дворянскую службу двадцатью годами. Печатаемое ниже „представленіе“, по нашему мнѣнію, уже потому должно было быть принято въ то время во вниманіе, что, отвѣчая „всеобщему желанію дворянства ограничить срокъ службы“ (какъ это указано

рахъ доимки, крестьяне помѣщику и свою пашню запускаютъ, въ воровствахъ и разбояхъ являются, тюрьмы такими вездѣ наполнены. Надобно опредѣлить двойное число оберъ-офицеровъ и росписать въ полки пополамъ, отпустить одну половину въ дома безъ жалованья, а другой половинойъ быть три года въ полку неотлучно. При томъ не соизволено-ли будетъ *нѣкоторое время положить, сколько въ военной и штатской службѣ быть, а потомъ отставлять*, чтобъ всякій съ прилежаніемъ и охотою свою службу отправлять въ такой надеждѣ, что ежели Богъ въку его продолжить, будетъ имѣть время деревнями своими довольствоваться и веселиться и экономіи свои поправлять; а изъ сего еще польза. 1) Пособливыхъ офицеровъ и солдатъ на вѣчныхъ квартирахъ держать не изъ чего, но всякій помѣщикъ вначалѣ въ своихъ деревняхъ порядочный сборъ подушныхъ денегъ установить и деревни въ лучшее состояніе привести можетъ. 2) Охранены будутъ крестьяне отъ воеводскихъ и приказныхъ лишнихъ сборовъ и нападковъ. 3) Можетъ всякій помѣщикъ самъ подушный окладъ безъ высылки заплатить. 4) Крестьянъ отъ воровства удерживать не потребны будутъ сыщики, отъ которыхъ не меньше офицерскаго бываетъ обывателямъ разоренія“. Приведа указанные строки изъ печтаемой нами нынѣ записки, С. М. Соловьевъ говоритъ, „мы знаемъ что первая половина проекта не была новостью: такъ распоряжались, хотя на основаніяхъ, при Екатеринѣ I: *по теперь предпочли сторуую половину и въ послѣдній день 1736 г. изданъ былъ манифестъ, составившій эту въ исторіи русскаго дворянства въ первой половинѣ XVIII* (дальше идетъ выдержка изъ означеннаго манифеста—Исторія Россіи, томъ XX изданіе 3, Москва, 1887, г. стр. 170 и сл.).

уже Соловьевым), оно отвѣчало также и желанію правительства *увеличить* средства государственнаго казначейства, между прочимъ, путемъ наиболѣе успѣшнаго сбора подушныхъ денегъ. Авторъ представленія очень наглядно связалъ *успѣшность* сбора подушныхъ съ *ограниченіемъ* срока дворянской службы, утверждая, что вслѣдствіе невозможности для помѣщиковъ слѣдить за своимъ хозяйствомъ, они приходятъ въ бѣдность, при чемъ не только „крестьяне разоряются, но и государственннй сборъ *отъ такого несмотрѣнія* съ великимъ умаленіемъ, противъ надлежащаго, собирается и доимки немалыя остаются“. Наоборотъ, „ежелибъ, хотя временно, помѣщики въ домѣхъ своихъ были, тобъ не токмо подушннй окладъ сполна собираемъ, но и крестьянство отъ прочаго разоренія охранены и отъ своевольства удержаны были“, при чемъ тогда „*можетъ всякій помѣщикъ самъ подушннй окладъ безъ высылки заплатить*“. Въ изданныхъ нами нынѣ 8-ми томахъ „Бумагъ Кабинета министровъ“ имѣется не мало указаній, съ какой строгостью и постоянствомъ взыскивались при Аннѣ подушнныя деньги и какъ часто за крестьянъ отвѣчали *сами* помѣщики, державшіеся подъ арестомъ, въ случаѣ запущенія недоимки, и рисковавшіе конфискаціею ихъ недвижимаго имѣнія, въ случаѣ неуплаты полушннхъ и иныхъ сборовъ. Когда правительству приходилось,—вслѣдствіе худого состоянія“ крестьянъ нѣкоторыхъ губерній (напр. Смоленской),—*откладывать* взысканіе подушннхъ денегъ, какъ это было напр. въ 1734 г., оно тотчасъ же принимало мѣры къ изысканію источника, который бы *пополнилъ* временннй недостатокъ въ сборѣ подушннхъ денегъ. Такъ, по именному указу кабинетъ-министрамъ отъ 24 Юля 1734 г., императрица, посылая проектъ оберъ-прокурора Маслова „о худомъ состояніи крестьянъ Смоленской губерніи и прочихъ мѣстъ“, повелѣваетъ имъ, барону Шафирову и Маслову, „да развѣ еще кого вы можете къ тому способныхъ прибавить, *по вся дни не токмо по утру, но и къ обѣду съѣзжаться въ Кабинетъ* и совѣтовать о томъ обще, сыскывая всякій способъ, какъ-бы *помянутый недостатокъ* во всѣхъ мѣстахъ (отъ хлѣбнаго недороду находящейся) *отвратить*; буде же утвердитесь на томъ, *чтобъ всемирно подушнныя деньги съ нихъ на нѣсколько лѣтъ снять* Мы указали, *то сыскивать вамъ способъ, чрезъ который можно было тое на полки недостаточную сумму пополнить*, дабы наша армія не претерпѣвала въ томъ нужды, а особливо наивяще потомужъ сыскать способъ объ учиненіи запасныхъ магазейновъ, *такожъ и объ учрежденіи помѣщиковъ, въ какомъ-бы состояніи они деревни свои содержатъ могли и въ нужннй случай имъ всякое вспоможеніе чинили*“ (Сбор. И. Ист. Русс. Общ., томъ 108, стр. 288). Интересно, что въ указѣ императрицы, при которомъ отсылался въ Кабинетъ, для разсмотрѣнія, означенннй выше проектъ Маслова, было добавлено слѣдующее: „при семъ же прилагается еще *нѣкоторое мнѣніе*, по которому также имѣтъ вамъ разсужденіе и какой способъ *по оному* усмотрите то какъ о вышеписанномъ, такъ и о семъ безъ всякаго замедленія доложить Намъ об-

стоятельно“. Этого „нѣкотораго мнѣнія“ при вышеназванномъ указѣ отъ 24 іюня 1734 г. нами не найдено въ томъ архивѣ, гдѣ хранится указъ (а имѣнно „въ Общемъ Архивѣ Министерства Имп. Двора“). Принимая-же во вниманіе, что печатаемое нами „представленіе“ можетъ быть быть названо представленіемъ „объ учрежденіи помѣщиковъ, въ какомъ бы состояніи они деревни свои содержать могли и въ нужный случай имъ всякое вспоможеніе чинили“, о чемъ говоритъ указъ императрицы, а также ввиду того обстоятельства, что у насъ часто документы изъ одного архива переносятся въ другой, можно допустить предположеніе, что „нѣкоторое мнѣніе“ это—ничто иное, какъ „представленіе объ утѣсненіи народа отъ подушнаго сбора“, печатаемое нами ниже. Во всякомъ случаѣ, это „представленіе“ съ его мыслями о выгодѣ для государственной казны ограниченія обязательной службы дворянъ могло имѣть вліяніе на правительство, которое сдѣлало, въ своей повседневной практикѣ въ послѣдующее время, помѣщиковъ отвѣтственными „за порядочный сборъ подушныхъ денегъ“, разъ они могли жить въ деревняхъ своихъ и наблюдать за крестьянами; такая отвѣтственность, по крайней мѣрѣ въ царствованіе Анны, не была только на бумагѣ, а осуществлялась въ жизни весьма строго.

Хотя печатаемая рукопись имѣетъ въ подлинникѣ наименованіе „представленіе объ утѣсненіи народа отъ подушнаго сбора“, но это наименованіе далеко не передаетъ полностью *всего содержанія* указаннаго „представленія“, въ которомъ говорится какъ о мѣрахъ къ поднятію благосостоянія помѣщиковъ и крестьянъ вообще, такъ и указываются въ частности источники *увеличенія* государственныхъ доходовъ, а равно способы *уменьшенія* расходовъ. Мѣры, предлагаемыя авторомъ „представленія“, могутъ казаться намъ малозначительными, но, для своего времени, онѣ, вѣроятно были очень практичны и давали указаніе, какъ пополнить указанными злѣсь путями государственную казну, отличающуюся тогда большою бѣдностью средствъ. Нѣкоторыя цифровыя данныя, приводимыя авторомъ „представленія“, также заслуживаютъ вниманіе, ввиду того, что таковыхъ данныхъ вообще мало имѣется въ распоряженіи историковъ. Есть, наконецъ, основаніе предполагать, что мѣры, предлагавшіяся авторомъ „представленія“, были вообще приняты на практикѣ правительствомъ, почему это „представленіе“ независимо отъ его содержанія, приобретаетъ значеніе. Къ сожалѣнію, нельзя установить вполне точно *имени* автора „представленія“, а догадки наши пока мы не находимъ возможнымъ указывать. Отмѣтимъ лишь, что такой знатокъ дѣла, какъ С. М. Соловьевъ называетъ представленіе это „нѣизвѣстно кѣмъ поданнымъ въ Кабинетъ“, а сама императрица называетъ его „нѣкоторымъ мнѣніемъ“ безъ указанія ея автора, если только, конечно, наше предположеніе,—что это „нѣкоторое мнѣніе“ есть именно печатаемое нами „представленіе объ утѣсненіяхъ народа отъ подушнаго сбора“—заслуживаетъ уваженія. Въ подтвержденіе его еще замѣтимъ, что нѣкоторыя бумаги, поступавшія въ Кабинетъ отъ императрицы, во-

обще находятся въ Государственномъ Archivѣ; могло туда попасть и указанное „представленіе“, хотя оно должно-бы было находиться при именномъ указѣ отъ 24 іюля 1734 г., посланномъ кабинетъ—министрамъ императрицу. Но, такъ это или нѣтъ, невозможность пока установить—кто является авторомъ печатаемаго „представленія“ едва-ли уменьшаетъ его значеніе, тѣмъ болѣе, что оно, повторяемъ, не осталось безъ вліянія на правительственныя мѣры своего времени.

*Представленіе объ утѣсненіяхъ народа отъ подушнаго сбора.
1733 г.*

Извѣстно довольно всѣмъ, каковыя народу обиды отъ подушнаго непорядочнаго сбору происходятъ, къ чему слабое смотрѣніе причину подаеть, яко изъ приложеніевъ при семъ усмотрѣть возможно; но хотя-бы и было нѣкоторое въ томъ отъ командующихъ смотрѣніе, но обширность государства, такожь и не довольно-основанный порядокъ въ томъ недопускаетъ вѣрно и справедливо того смотрѣть и отъ тѣхъ непорядковъ на армію сумма не сполна и не въ свое время получается и нѣкоторые полки, за неполученіемъ своихъ квартиръ—денегъ, содержать себя, какъ надлежитъ, не могутъ, а иные, за неполученіемъ денегъ и жалованья, многое время терпятъ крайнюю нужду и отъ сего сугубый государству вредъ: 1) что отъ приметокъ крестьянство разоряется и многіе бѣгутъ, а остальные принуждены за бѣглыхъ съ пустого платить, а напоследокъ и тѣ оставшіе, или принуждены будутъ бѣжать, или все отъ того разорятся, что уже впредь взять будетъ нечего; 2) полки, не получая въ свое время суммы, надлежащаго довольства не имѣютъ и нетокмо, чтобъ имъ въ мундирѣ и въ прочемъ исправнымъ быть, но и въ пропитаніи, ежели-бъ иногда изъ магазейновъ заимно пропитанія давано не было, могли несказанную имѣть нужду, чего ради, для лучшаго и способнѣйшаго впредь сбору и содержанія полковъ и приращенія казны, а особливо для учрежденія порядочной экономіи, не соизволено-ли будетъ учинить слѣдующее:

Указами Императорскаго Величества повелѣно шляхетство писать отъ 15 лѣтъ въ школы и въ службу и тако въ отлученіи всего шляхетства отъ своихъ домовъ всѣми ихъ шляхетными домами и деревьями владѣютъ приказчики и старосты, которые непорядками своими дома помѣщиковъ своихъ, такожь и крестьянъ, разоряютъ и отъ того многое шляхетство въ такую бѣдность пришли, что своей фамиліи вспоможеніе учинить не могутъ и крестьяне нетолько разоряются, но и государственнй сборъ отъ такого несмотрѣнія съ великимъ умаленіемъ, противъ надлежащаго, собирается и доимки немалыя остаются, которыя потомъ, съ тягостью подданныхъ, собираются и многіе ни настоящаго, ни домочнаго платить не съ состояніи, наипачежь всего крестьяне, отъ такой тягости и отъ своевольства, нетокмо къ платежу надлежащихъ пода-

тей раченія, но, какъ свою, такъ и помѣщикову пашню запускаютъ, а всего злѣе, что въ воровствахъ и въ разбояхъ являются и напрасно погибаютъ и тюрьмы таковыми вездѣ наполнены, отчего въ судебныхъ мѣстахъ дѣла большею частію происходятъ разбойныя и воровскія и много случается, что сами помѣщики, хотя и въ домѣхъ не были, но за учиненныя воровства отъ крестьянъ своихъ, принуждены разоряться, а иные и всѣ свои деревни потерять безъ своей собственности вины. И хотя шляхетство отъ службы отставляются, но и тѣ, ежели мало кто годенъ, употребляются къ дѣламъ и тѣ также деревень не видятъ и о состояніи ихъ ничего вѣдать не могутъ, а ото всѣхъ дѣлъ освобождаются весьма престарѣлые или трудные болѣзни имѣющіе, что нетокмо деревень своихъ смотрѣть, но и сами виѣ своего состоянія; а ежели-бъ хотя временно помѣщики въ домахъ были, тобъ нетокмо подушный окладъ сполна собираемъ, но и крестьянство отъ прочаго разоренія охранены и отъ своевольства удержаны были и къ тому представляется: 1) чтобъ во всей полевой арміи и гарнизонахъ опредѣлить двойное число оберъ-офицеровъ, которыхъ изъ одного шляхетства со излишествомъ набрать можно, а учредить такимъ образомъ: когда такое двойное число наберется, то, расписавъ въ полки пополамъ, отпустить—одну половину въ домъ безъ жалованья, а другой половиной—быть три года въ полку неотлучно, жалованье производить дѣйствительно служащимъ въ полкахъ по табели 712 г., отчего нетокмо въ комиссаріатѣ больше 16000 рубл. оставаться можетъ, но и офицеры въ надеждѣ той, что чрезъ три года всякой къ управленію дому своего случай получить, тѣмъ 712 г. окладомъ довольны будутъ (по сему примѣру можно опредѣленіе учинить и съ статскими чинами), а иноземцы, служащіе въ войскѣ могутъ оставаться въ полкахъ при нынѣшнихъ своихъ окладахъ. Но, дабы съ лучшимъ основаніемъ сіе начать, то можно, прежде дѣйствительнаго исполненіи неутверждаясь совершенно, набрать надлежащее число офицеровъ, чтобъ видѣть было, откуда то число возможно наполнять, ибо, при такомъ собраніи и разсмотрѣніи, могутъ показаться или неудобности, на которыя тогда же надлежитъ искать способовъ, чтобъ тѣ неудобности возвратить, или лучшіе способы покажутся, чрезъ которые удобность къ произведенію того дѣла подается. При томъ, не соизволено-ли будетъ *нѣкоторое определенное время положить, сколько въ военной и штатской службѣ быть, а потомъ оставлять*, чтобъ всякій, будучи въ службѣ, съ прилежаніемъ и охотою службу свою управлялъ въ такой надеждѣ, что, ежели Богъ вѣку его продолжить, будетъ имѣть время деревнями своими довольствоваться и веселиться и экономію свою исправлять и въ лучшее состояніе привести, изъ сего еще польза 2) что 1) по времени, какъ сія перемѣна уставится, особливыхъ офицеровъ и солдатъ на вѣчныхъ квартирахъ держать не для чего, но, когда всякій помѣщикъ временно домъ свой управлять случай имѣть будетъ, то въ началѣ въ своихъ деревняхъ порядочный сборъ подушныхъ денегъ установить и дома и деревни добрымъ своимъ у-

равленіемъ отъ времени до времени въ лучшее состояніе привести можетъ; а офицеры, которые не изъ полкового комплекта, но изъ отставныхъ, могутъ, вмѣсто штабныхъ дворовъ, съ воеводами въ городахъ жить и порядочный сборъ, такъ и отправленіе наблюдать; 2) охранены будутъ крестьяне отъ воеводскихъ и приказныхъ лишнихъ сборовъ и нападковъ; 3) можетъ всякій помѣщикъ самъ подушный окладъ безъ высылки заплатить; 4) крестьянъ отъ воровства удерживать непотребны будутъ сыщики, отъ которыхъ неменьше офицерскаго бываетъ обывателямъ разореніе, но могутъ, вмѣсто того, офицеры, которые въ домѣхъ будутъ, всегда между собою соглашаться и, собравшись, разбой искоренять; 5) ежели-бъ, паче чаянія, и впредь таковыя-же замѣшанія отъ иновѣрцевъ, какъ нынѣ чинится, случились, то могутъ такіе, въ домѣхъ живущіе, офицеры, пока еще какое войско противъ нихъ прислано будетъ, по воинскому искусству съ собственными подданными, къ оборонѣ и защитѣ, какое опредѣленіе учинить; 6) отъ заплаты сумма немалая останется, а офицеровъ въ запасъ 3814 человекъ будетъ, что можно почитать за настоящую армію прибавку и всегда на нихъ крѣпкую надежду имѣть можно, напр., во время прошедшей войны, случилось въ Остзею вступленіе непріятели, но когда одно токмо новгородское и псковское шляхетство и отставные офицеры съ людьми въ помощь полкамъ высланы были, то непріятель сталъ быть окруженъ и не сыскалъ иного способу, токмо на корабли перебраться и знатную часть войска потерять, а и впредь отъ оныхъ офицеровъ равномерно такое-же защищеніе и оборона воспослѣдовать можетъ и многіе иныя изъ того пользы прилагодятся; 3) изъ Персіи вышедшій корпусъ, который ни на какіе доходы неопредѣленъ, можетъ знатною частію сею остаточною суммою вспоможенъ быть. 4) Но чтобъ шляхетство, не надѣясь на такое великое число офицеровъ, отъ солдатства иногда свободиться чаяли, то надлежитъ всѣмъ по прежнему, которые за опредѣленнымъ числомъ останутся, чрезъ гвардію выслуживаться. 5) По полковничей инструкціи велѣно лошадей покупать драгунскихъ—по 12 руб., вышиною въ 2 аршина и ниже, подъемныхъ, посредственной вышины, по 6 руб., а по воинскому штату драгунскихъ лошадей покупать велѣно въ два аршина по 18 руб., подъемныхъ, посредственной вышины, по 8 руб., токмо по той указной мѣрѣ лошадей купить не сыскалось, чего ради именнымъ Ея Императорскаго Величества указомъ, на представленіе военной коллегіи¹⁾, велѣно покупать отъ двухъ аршинъ и ниже и хотя въ мѣрѣ убавка сдѣлана, а цѣна оставлена прежняя, то никакой изъ того казенной пользы не находится, того ради, когда мѣра убавлена, то, несоизволено-ль будетъ и цѣнами покупать прежними, отчего имѣетъ оставаться въ каждый годъ по 36000 руб. 6). До 725 г. о покупкѣ лошадей особыя были опредѣ-

1) См. Высочайше утвержденное мнѣніе воинской комиссіи, представленное военною коллегіею въ Сенатъ, отъ 2 апрѣля 1733 (Бумаги Кабинета министровъ въ Сборникѣ Им. Р. Ист. Общ., т. 106, стр. 162 и сл.).

ленія и посылались изъ генералитета и изъ штабъ-офицеровъ и лошади покупкою обходились 10 р. каждая, но потомъ, какъ по полковничей инструкціи велѣно оныхъ покупать полковникомъ и офицеры и отъ каждаго полку начали командровать особыхъ офицеровъ, стали являться многіе непорядки, да и лошадямъ покупка стала быть неровная, въ одномъ полку дороже, а въ другомъ дешевле и сіе ни отъ чего иного, токмо отъ разной и непорядочной покупки чинится, ибо на ярмонки и въ прочія мѣста, гдѣ лошадямъ продажа бываетъ, въ одно время съѣдутся отъ многихъ полковъ и, не имѣя между собою сообщенія, всякій на свой полкъ напередъ купить желаетъ, что, видя, продавцы часъ отъ часу цѣну возвышаютъ и такъ беспорядочно бываетъ, что одинъ купить дороже, а другой дешевле, отчего напрасная казнѣ бываетъ трата, а въ счетахъ отъ такихъ разныхъ покупокъ великое затрудненіе и офицеры для разныхъ цѣнъ впадаютъ въ подозрѣніе и воинскіе суды умножаются. Того ради, ежели впередъ соизволено будетъ для покупки на всю армію посылать по прежнему изъ генералитета или изъ штаба офицеровъ, то такіе непорядки пресѣчены будутъ и отъ табельной цѣны немалые остатки быть могутъ.

По прежнимъ опредѣленіямъ, сроки мундиру считались съ отдачъ, а не со опредѣленій, такожъ и остаточныя отъ строенія мундира на наличныхъ людей сукна въ раздѣлъ не давались, а зачитались въ мундиръ и сукна отпускались въ добавокъ остаточнымъ отъ строенія мундира сукнамъ; а по воинскому счету оставшія отъ мундира сукна велѣно продавать и деньги раздѣлять наличнымъ-же людямъ, но изъ того драгунамъ и солдатамъ почти никакой пользы нѣтъ и рѣдко одному челоуѣку изъ той продажи по 2 к. достанется, ибо за самую низкую цѣну продаются и иногда изъ оныхъ паки отъ подрядчиковъ въ казну доходятъ уже съ повышеніемъ цѣны, отчего двойной убытокъ. Того ради, не соизволено-ли будетъ такія остаточныя сукна впредь удерживать въ казнѣ и прикладывать къ новому мундиру, какъ срокъ придетъ, отчего при покупкѣ новаго убавка расхода будетъ.

Въ генералитетскія канцеляріи отпускаются изъ комиссаріата на канцелярскіе расходы деньги опредѣленная сумма, и что отъ того году останется, велѣно раздѣлять канцелярскимъ служителямъ. А также изъ тѣхъ денегъ бываютъ остатки немалые, изъ которыхъ канцелярскіе служители, по раздѣлу, получаютъ ко опредѣленному своему жалованью едва не постольку-жъ; а когда-бы оныя деньги въ расходъ держаны по прежнему, по исходѣ года вѣдомости подавались и остатки не раздѣлялись, но къ остаточному числу надлежащую сумму въ другой годъ добавляли, тобъ лишняго расхода не было.

Генералитету и офицерамъ, которые живутъ при С.-Петербургѣ и имѣютъ деревни въ Ингерманландіи по особливому указу, по прошлой 732 годъ, раціоновъ не плачено, а съ того времени оный указъ остался безъ дѣйства и получаютъ всѣ сполна, такожъ многіе изъ штатскихъ чиновъ за раціоны по тому примѣру берутъ, приверстывая къ

своему жалованью. Не соизволено-ли оный указъ возобновить и отъ того нѣкоторые остатки быть могутъ.

Которые генералитеть и офицеры и прочіе чины отпускавались въ дома со сроками, тѣмъ за все то время жалованья и раціоновъ не плачено, а, по инструкціи комиссаріатской, велѣно только удерживать одно жалованье, а раціоны получаютъ, сколько-бы въ домахъ ни жили, а которые отпущены будутъ въ дома, генералитеть и офицеры не больше мѣсяца, а урядники и рядовые не больше 2-хъ мѣсяцевъ, у тѣхъ изъ жалованья не вычитается. А понеже всякій требуетъ отпуску въ домъ свой для своей пользы, и хотя на то время жалованья и раціоновъ не получилъ-бы, никакой ему обиды изъ того воспослѣдовать не можетъ, ибо отпущенъ въ домъ по его собственному изволенію и службы никакой вовсе то время отъ нихъ не бываетъ, къ томужъ пользуется своими деревнями. Того ради, не соизволено-ли будетъ оный пунктъ перемѣнить и впредь такимъ, вышнимъ и нижнимъ, чинамъ, хотя бы на мѣсяцъ отпуски въ дома получили, жалованья и раціоновъ не платить, отчего имѣеть оставаться въ казнѣ сумма немалая.

По плакату и по состоявшимся указамъ, собираются подушныя деньги съ купечества и съ написанныхъ въ цехи и съ записавшихся въ посады, такожь и съ государственныхъ крестьянъ и прочихъ, какъ о томъ въ плакатѣ и въ указѣхъ именно изображено, на полки 70, да, сверхъ того, за помѣщиковы доходы по 40 к. съ души, а дворцовые, синодальные и монастырскіе и помѣщиковы крестьяне платять на полки только по 70 к. съ души, да вмѣсто 40 к., на владѣльцевъ пашню пашутъ или платять, по опредѣленіямъ, денежныя и хлѣбныя доходы, и столовыя запасы; что же касается до комплектованія полковъ, то оныя ставятъ, по расположеніямъ, рекрутъ, а однодворцы, по особливому указу, ландмилицію содержать, то имъ не меньше подушнаго денежнаго платежа, становится. На противу того ямщиковъ въ государствѣ, по переписи, мужеска полу, кромѣ Соснинскаго, Тоснинскаго ямовъ и с.-петербургскихъ слободъ, 33838 душъ, которые поселены при большихъ проѣзжихъ дорогахъ и земель и прочихъ угодій отведено имъ по способности ихъ селеній. Въ такихъ весьма удобныхъ мѣстахъ торгуютъ хлѣбомъ, фуражемъ и прочими мелочами, и, нѣкоторые, имѣя довольный капиталъ, и товары и, сверхъ того, въ домахъ своихъ постоя содержатъ; они-же нанимаются отъ мѣста до мѣста, возять купеческіе товары и людей всякихъ чиновъ и отъ того всего получаютъ прибыли немалые, а подушнаго сбору съ нихъ не сбирается и рекрутъ, съ начала регулярной арміи, нѣсколько съ нихъ взято только въ одинъ наборъ, а въ прочіе наборы расположенія съ нихъ не было. Чтоже съ нихъ опредѣляется по нѣсколько лошадей на почты и, по даннымъ подорожнымъ, даютъ по ямамъ ямскія подводы, за оныя получаютъ прогонныя и поверстныя деньги по указу, отчего имъ ни малой тягости не признавается, да и крестьяне въ дачѣ подводъ не выключены, ибо гдѣ домовъ нѣтъ, подводы равно, какъ ямщики, за указные, по плакату,

прогоны, ставить, что можно почитать крестьянъ и въ томъ равномѣрно съ ящиками. И тако ящики предъ крестьянами въ великой льготѣ. Того ради, не соизволено-ли будетъ съ ящичиковыхъ, кромѣ новопоселенныхъ на Соснянкѣ и Тоснѣ и при С.-Петербургѣ, слободъ, опредѣлить платежъ подушныхъ денегъ и, вмѣсто помѣщичиковыхъ доходовъ, противъ купечества и разночинцевъ съ убавкою, только по 70 к. съ души, что имъ будетъ сносно, а казны будетъ собираться въ каждый годъ по 23686 р. 60 к.

(Государственный архивъ, отдѣлъ XIX, № 25).

Сообщилъ Александръ Филипповъ.

3.—1685 г. О поѣздкѣ въ Смоленскъ къ митроп. Симеону „для великихъ духовныхъ дѣлъ“.

Лѣта 7193-го декабря въ 31 день. По указу великаго господина святѣйшаго Іоакима патріарха Московскаго и всея Россіи, и по наказу из Патріарша розряду за приписью дьяка Івана Калитина велено Спасскаго Новаго монастыря архимандриту Ігнатію да книгъ Печатнаго двора справщику іеродиакону Каріону ѣхать для великихъ духовныхъ дѣлъ въ Смоленскъ; а приѣхав и не быв у Смоленскаго владыки Симеона, въ наутріе праздника Богоявленія Господня, какъ онъ владыка Симеонъ из соборныя церкви пойдетъ на водоосвященіе на іорданъ, велено имъ, архимандриту Ігнатію да іеродиакону Каріону, разсматривать прилѣжно: въ какихъ одеждахъ, и каковымъ чиномъ, и въ шапкѣ ли архіерейской или в митрѣ. И послѣ божественныя літургіи подать ему святѣйшаго патріарха грамоту; а подавъ грамоту говорити ему владыкѣ, что имъ, архимандриту Ігнатію и іеродиакону Каріону, от святѣйшаго патріарха приказано. И будетъ онъ, владыка, священная дѣйствуетъ въ митрѣ безъ благословенія святѣйшаго патріарха, уничтожая тѣмъ патріаршескую первопрестолническую честь, или и не дѣйствуетъ въ митрѣ,—и митра у него владыки взять и привести къ святѣйшему патріарху къ Москвѣ. И будетъ въ чемъ онъ, владыка Симеонъ, учнетъ чинитца святѣйшаго патріарха повелѣнію преслушанъ, и ему въ божественныхъ священнодѣйствахъ саккоса облачать повелѣніемъ святѣйшаго патріарха возбранити, и впредъ въ саккосъ облачатися не велѣти, а дѣйствовати священная ему владыкѣ Симеону велѣти въ фелонѣ; построенныя же саккосы, всѣ собравъ во едино мѣсто, запечатати архимандриту Ігнатію своею печатью. И мантии его же, владыки Симеона, строенія, которыя построены со источниками низанными жемчугомъ или инымъ какимъ устройеніемъ, не по соборному изложенію и не противъ его братія прочихъ архіереевъ, всѣ у него взявъ привести съ собою же

к Москвѣ. Да им же архимандриту Игнатію и іеродіакону Каріону до-
смотреть и измѣрить новопостроенныя имъ владыкою каменныя церкви
соборныя, и описать имянно долгота и широта, и что тоя церкви по-
строено, и учинити всему основанію церковному чертежъ. Да его же,
владычня Сумеонова, строенія новопостроенныхъ корѣтъ велено до-
смотреть, и описать все корѣтное строеніе и мѣру имянно; и будетъ ко-
торыя корѣты построены чрезмѣрнымъ великимъ строеніемъ, и тѣ
корѣты описавъ поставити въ пристойномъ мѣстѣ и запечатати.

И Спаскаго Новаго монастыря архимандритъ Игнатій да книгъ
Печатнаго двора справщикъ іеродіаконъ Каріонъ, приѣхавъ въ Смоленскъ
генваря в шестый день рано, священнодѣйства владыки Сумеонова Смо-
ленскаго смотрѣли. Егда из двора прииде онъ въ соборную церковь, и
на хорахъ тогда во первыхъ партесники пѣли: *Буди имя Господне бла-
гословено отнынѣ и до вѣка*, посемъ въходное архіерейское. И по об-
лаченіи архіерейскихъ одеждъ принесоша ему митру, и кадили тую
митру діаконы трижды, и на той митрѣ снизу съ перепелами вѣнец.
Принесли же и крестъ панагійный на широкомъ поясѣ, который поясъ
съ каменіемъ устроенъ. И тако на водоосвященіе на іорданъ ходил, и
по возвращеніи отгуду, пришедъ въ церковь, начали часы говорить:
Приидите, поклонимся. Въ началѣ литургіи на первыхъ дву ектені-
яхъ и на возгласѣхъ владыка сидѣлъ. *Единородный же Сынъ* пѣли на
хорахъ, и онъ стоялъ и на ектеніи. По входѣ во олтарь, *ис полла
эти деснота* пѣли на обоихъ клиросахъ по трижды, таже на хорахъ
трижды пѣли, и во всю литургію той стіхъ пѣли все по трижды. Пѣв-
чіе и подъяки на крилосахъ безъ стіхарей стояли, точию со свѣщами подъ-
дьяки, которіи ходили человекъ съ три, или съ четырь въ стіхаряхъ.
Передъ Херувимскою пѣснію пѣли съ партесъ на хорахъ молитву: *Нынѣ
видящи, душе моя, честныя и преносимыя дары, отвержи вся помыш-
ленія суетная и воспой: Иже херувімы* и весь сей стіхъ. За *Достойно
есть* пѣли праздничный ірмосъ на хорахъ. Кіноникъ пѣли на клиросахъ
и послѣ кіноника пѣли на хорахъ Богородицѣ или Празднику стіхъ съ
партесъ же особый слог. По отпустѣ же литургіи и по многолѣтіи пѣли
на хорахъ стіхъ: *Нынѣ отпущаеши*.

По совершеніи же всего сказали ему, что святѣйшій патріархъ
велѣлъ его спросить о здравіи, а благословенія ему от святѣйшаго па-
тріарха не сказано. И онъ, владыка, слышавъ то, поклонился до земли
дважды. И потомъ подали ему граммату святѣйшаго патріарха [в ней
же велено ему, владыкѣ, что мы будемъ говорить, слушать, и указъ
святѣйшаго патріарха исполнить; а есть ли не послушаетъ въ чемъ, и
ему никоего архіерейскаго священнодѣйства не творити]. По отданіи
же грамматы не баше намъ време во церкви словеснаго указа ему
сказати, что литургіи отпустъ бысть въ конецъ 7-го часа, и просилъ вла-
дыка, что бы сказали ему на архіерейскомъ дворѣ.

И пришедше мы в его хоромы, в Крестовой говорили: владыко
Сумеоновъ Смоленскій! Великій господинъ святѣйшій Іоакімъ патріархъ

Московскій и всея Россіи указаль тебѣ говорити: вѣдомо не токмо ему, святѣйшему патріарху, но и благочестивымъ великимъ государемъ учинилося, что ты, восхищая честь патріаршескую, служиши въ митрѣ патріаршеской, и мантии носиши не по обыкновенному вашему архіерейскому чину; а въ чом тебѣ служить, и что творити, какимъ образомъ одеянія носить и украшеніе, давъ тебѣ чиновникъ, который сочиненъ соборнѣ, и твоя рука у того соборнаго изложенія есть. И по той вѣдомости святѣйшему патріарху, и мы нынѣ видимъ, что ты не противъ чиновника твориши.

И владыка Сумеонъ сказалъ: оую де митру благоволилъ мнѣ дати блаженныя памяти великій государь ц. и в. к. Феодоръ Алексѣевичъ, в. в. и м. и б. Р. с., и по тому даянію ея ношу, и служу въ митрѣ точию на Господскія праздникі, и на государскія аггелы; а во иныя дни служу въ шапкѣ. А та де митра послана была от блаженныя памяти великаго государя святѣйшему патріарху, и онъ ея принять не изволилъ; и великій де государь изволилъ мнѣ пожаловать.

И мы говорили: аще тебѣ великій государь даде ону, и чесо ради тебѣ въ таковѣй славѣ отмѣнну быти от прочихъ російскихъ архіереевъ, многихъ вышшихъ тебе степенями? Есть ли у тебе повелительное писаніе царское о томъ? А святѣйшій патріархъ указаль тебѣ говорити, что и нынѣ ихъ царское величество благородныя государыни царевны извѣстуютъ, что тебѣ велено было от великаго государя ту митру передѣлать въ шапку, а не митрою носить. И чесого ради и святѣйшаго патріарха о томъ благословенія не пріялъ еси?

И онъ, владыка, сказалъ, что чесо ради ему носити митру, писанія повелительнаго нѣтъ; а всякое де во украшеніе церкви великихъ государей даяніе крѣпко есть, и все де дѣлается по царскому изволенію. И напред де сего даде и самому патріарху святѣйшему Нікону митру блаженныя памяти в. г. ц. и в. к. Алексій Михайловичъ, в. в. и м. и б. Р. с., и своими руками на него возложилъ, а не патріархъ который. И когда де мнѣ дана митра, и въ ту пору для чего никто не говорилъ, или де говорить было нѣкому?

И мы говорили: великій господинъ святѣйшій патріархъ ту митру указаль у тебе намъ взять и отвезть къ нему къ Москвѣ.

И владыка сказалъ, что я де ея не отдамъ; что митру не святѣйшій патріархъ мнѣ дать и безъ указа великихъ государей отдать не возможно.

Посемъ ему мы говорили: святѣйшій патріархъ указаль тебѣ говорити, что ты, владыка, забывъ твое обѣщаніе, презрѣвъ отецъ святыхъ правила, без воли его крайнего архіереа, ходилъ къ великому государю, и привелъ ты на то государя, чтобы тебѣ быть митрополитомъ, и тебѣ данъ саккосъ не благословно, попущеніемъ токмо и въ митрополиты поставлен нечинно. И нынѣ, болѣзнуя о души твоей, святѣйшій патріархъ, яко отецъ, о томъ твоёмъ прозорствѣ упоминаеть, что ты благословенія чиннаго на то от онаго времени доселѣ не просил еси, по-

коренія же не приносишь и прощенія не просишь въ том, и на митрополию благословенныя грамматы святѣйшаго патріарха не имѣешь.

И владыка глагола: къ государю де я ходилъ въ верхъ по его государственной милости и царской милости презирати не подобаетъ. И митрополию де въ Смоленскѣ изволилъ устроить самъ великій государь, и не во единомъ Смоленскѣ, но и во Псковѣ, и Суждалѣ и во Тѣри. А дѣйство де было въ митрополиты мнѣ въ соборной церкви при благочестивомъ царѣ, и при всемъ народѣ, а не въ кустѣ, и благословилъ и ставилъ самъ святѣйшій патріархъ мене не за палкою. И аще я нечинно то принялъ, для чего де тогда святѣйшій патріархъ мене не оговаривалъ, а и служилъ де со мною всякое священнодѣйство многое время, и уже де нынѣ началъ святѣйшій патріархъ розыскивать о томъ? А и наперед де сего блаженныя памяти царь Алексій Михайловичъ даде саккосъ Казанскому митрополиту, и Никон де патріархъ у него, хотя и безъ патріарша его благословенія данъ, обаче не отнялъ.

И мы ему говорили: за твое, владыко, къ святѣйшему патріарху преслушаніе и нimalую склонность, яко видимъ, указалъ тебѣ святѣйшій патріархъ служить въ фелони, а саккосы повелѣ намъ собрать запечатать.

И владыка началъ плачась глаголати: я де въ фелонѣ и служить не буду, и знатно де то надо мною дѣлается съ зависти. Усугуб де, Господи, таковыхъ болѣзней тѣмъ, которыя надо мною сіе содѣвають. Подобало де было святѣйшему патріарху мене въ напастехъ моихъ здѣ посѣтити милостію, а не безчестіемъ таковымъ.

И поиде въ малую келлію, мы же поидохомъ на подворье во осмомъ часу.

Въ 7 день генваря мѣсяца пришедше на дворъ ко владыкѣ Сумеону, по словесному приказу святѣйшаго патріарха мы говорили, чтобы онъ указу его не противился, и въ винахъ своихъ просилъ прощенія, и благословенія подобающаго со смиреніемъ, митру бы отдалъ, и о мантияхъ, что велено пересмотрѣть, говорили, и чтобы ту мантию, кая на немъ была въ праздникъ объеръ дикой цвѣтъ, источники золотыя и серебряныя, от скрижалей внизъ круживо болшее съ городами, отдалъ намъ отвести къ святѣйшему патріарху, да и корѣты бы ко осмотру объявилъ.

И владыка сказалъ: та де мантия государева же жалованье, и при великомъ де государѣ въ той и на Москвѣ служивалъ, и напивалъ, и возбраненія мнѣ не было; всегда де дѣлаются одежды, дабы предъ худою лучшая была, и той де мантии не отдамъ. И сказалъ, что всякой де архіерей во своей епархіи волность во украшеніи имѣеть и чины поставляетъ; и митра де отмѣнности отъ архіерейской шапки въ священномъ церковномъ украшеніи не имѣеть, и священія ей никакого вышшаго нѣтъ. А въ Кіевскихъ де странахъ и архимандриты таковыя митры носятъ, и въ здѣшней де странѣ о томъ соблазна никакова нѣтъ.

Мы глаголахомъ ему, что всякія новости и нововводимыя обычаи не токмо въ духовномъ, но и въ мірскомъ чину раждають народныя

бѣды и многія соблазны. И аще ты имаши пастыря честію вышша тебе, и россійскимъ архіереемъ главу святѣйшаго патріарха, долженъ еси слушати его во всем, яко на поставленіи твоёмъ во архіерейство и обѣщанъ еси тако творити и хранити чинъ свой, како тебѣ повелѣно, яко правило святыхъ отецъ глаголетъ: „аще епископъ безъ воли своего митрополита дерзнетъ что самохотно творити да извержется“. Святѣйшій же патріархъ и от митрополита вышшій есть, и презорства къ нему тебѣ являти отнюдь не подобаетъ. А и въ ношеніи одеждъ архіереемъ всѣмъ положено опредѣленіе, съ благословіемъ святѣйшаго патріарха, и въ пѣніи, что въ священнодѣйствѣ, положенъ чинъ. Ибо и великія государи, егда вѣнчани не будутъ, царскихъ вѣнцовъ и діадимъ безъ благословія крайнего архіереа не возлагають, но уже по вѣнчаніи съ благословіемъ. А ты митру носиши, и мантию украшаеши своимъ изволомъ, безъ благословія, и велиши пѣти стіхи вѣносныя, и нынѣ повелѣнія святѣйшаго патріарха не слушаешъ и ставишъ его благословіе твоимъ презорствомъ ни во что. И возможно ли тебѣ разумѣти отъ твоего началства, что которіи у тебе подъ началомъ люди противно тебѣ смѣють ли сотворити, и непослушнымъ ты что учиниши?

И владыка сказалъ: о митрѣ де что ношу, и о мантии, и о митрополічествѣ, се вина есть не правильная, и о семъ и присылать было нѣ о чемъ; а посмотреть де въ правду, и патріархъ таковъ же епископъ, и болши епископскія власти не имѣетъ, а играетъ де мною яко малымъ ребенкомъ. И что де мнѣ была государская милость, и тому не любяще завиствуютъ суетно. А которыя стіхи въ литургіи прибавлены передъ Херувимскою пѣснію, и послѣ киновника, и то де поють ради праздности време, что поставленныя стіхи суть кратки, и пропѣвъъ стоятъ праздны, и людямъ стояти безъ пѣнія скучно. А во иныя де дни передъ Херувимскою пѣснію поють пѣвчіе съ партесь молитву, читаемую во олтари тайно: *Никто же достоинъ отъ связавшихся*. И та де молитва ради умилепія вся у мене распѣта. А *Нынѣ отпускаеши* по отпустѣ велю пѣти, что уже де я того стіха не говорю. И людямъ, ждущимъ архіерейскаго изшествія, покамѣста разоблачатся священныхъ одеждъ, съ пѣніемъ стояти не скучно. И что де мнѣ великій государь пожаловалъ мантию, и митру и двѣ корѣты, не отдамъ и корѣтъ тѣхъ не покажу. А ест ли де святѣйшему патріарху годно то взять, и онъ де нѣчто возметъ силою, да и со мною де онъ какъ хочеть, возми де себѣ и архіерейство.

И въ той день саккосы объявилъ.

И мы его всячески о послушаніи къ святѣйшему патріарху многими приклады упоминали, чтобы онъ, помня его къ себѣ милость, пришолъ въ покореніе. И онъ и плакашеся, обаче того сотворити отнюдь не восхотѣлъ. И того дня саккосы у него пересмотріли, а не переписывали и не печатали, ожидали отъ него покоренія.

Да тебѣ же указалъ святѣйшій патріархъ говорити: для чего ты отъ прочихъ архіереевъ пѣніе въ церкви имѣеши отмѣнное, поють у тебе

съ партес, а не рускимъ согласіемъ. А въ нынѣшнія времена и въ Черкаскихъ городѣхъ, яко не сличное ко умствованію и благочинію, тое пѣніе не токмо кто иной, но и гетманъ заказалъ того пѣнія и согласіемъ тѣмъ пѣти въ той странѣ всюду.

И владыка сказалъ: надобно де было святѣйшему патріарху оное пѣніе истребляти, аще не годно, во первыхъ въ церквахъ близъ себе, а то де пѣніе въ здѣшней странѣ прилично, и людемъ любезно; а тамъ де повелѣваетъ, а здѣ запрещаетъ.

При семъ же владыкѣ по словесному приказу святѣйшаго патріарха мы говорили, что онъ, будучи въ Смоленскѣ, со всѣми бояры и воеводы съсоривается, и никоего въ доброе дѣло совѣта не творить, и ихъ запрещаетъ и проклинаетъ, а сказываютъ бояре и воеводы, бывшія тамо, что онъ творить съсоры самъ, и запрещаетъ со всякою святынею въ домъ въходити священникомъ къ нимъ напрасно.

И владыка сказалъ: которые де добрыя и богобоящіися бояре и воеводы бываютъ въ Смоленскѣ, и государевы вотчины своими нападками не разоряютъ, и живутъ благочестно, и у мене де съ таковыми съсоръ никогда не бываетъ. А которые де своеволники людей государевыхъ своего ради прибытка обидятъ и разоряютъ, церкви Божіей творятъ своимъ сквернымъ и зазорнымъ житіемъ въ таковой странѣ, близъ иноземцовъ сущей, укоръ и царскому величеству нечесть, и съ таковыми де и о добромъ дѣлѣ совѣта творити не возможно, и таковымъ де которіи въ таковыхъ дѣлахъ не слушаютъ церковныхъ учителей, церковною казнію запрещеніе имъ творилъ, зане инымъ ихъ дѣломъ смирити нѣчимъ. И они де воеводы переменяются часто, а я де здѣ непрестанно живу, и инымъ людемъ, коихъ обидятъ, воеводамъ говорить невозможно; и то де я творилъ, чтобы государевыхъ людей своихъ ради прихотей не разорали и напрасно не обидѣли.

Генваря же во 8 день пришедше мы ко владыкѣ Сумеону, паки ему о должномъ послушаніи къ святѣйшему патріарху говорили и о покореніи, чтобы указъ его не былъ противень, увѣщевали.

И онъ того сотворити отнюдь не восхотѣлъ и конечное сказалъ слово, что оныхъ дѣлъ по указу не исполнить; и развѣ де мене за ноги повлекутъ, тогда у мене даяніе государское митру, и мантию и корѣты возмутъ.

Услышавше же сіе, собравъ саккосы въ сундукъ въ его владычныхъ келлейныхъ сѣнѣхъ стоящій, переписавъ всѣ, запечаталъ архимандритъ Ігнатій своею печатью; а какія тѣ саккосы и колико ихъ, тому роспись ниже сего. И за таковое его презорство и къ святѣйшему патріарху непослушаніе, по указу святѣйшаго патріарха, ему, владыкѣ, священнодѣйствовати запретили, глаголюще сице: понеже ты, владыко Сумеонъ, не восхотѣлъ еси святѣйшему патріарху, яко отцу и пастырю, достойнаго покоренія сотворити, и прощенія у святѣйшаго патріарха въ винахъ своихъ просити, и указу его сотворился еси противень, а въ граматѣ тебѣ святѣйшаго патріарха написано, чтобы ты былъ послу-

шанъ, а есть ли въ чемъ преслушаеши, и тебѣ священнодѣйствовать не велено. И отселѣ по оному тебѣ святѣйшаго патріарха указу священнодѣйства до особаго его святѣйшаго патріарха указа къ тебѣ творити ты да не дерзнеши, и благословенія его крайнего архіереа ради твоея ему противности тебѣ нѣсть, яко того ты самъ твоею ему, святѣйшему патріарху, противностію и непослушаніемъ не восхотѣлъ еси, тѣмъ же его святѣйшаго патріарха указомъ отнынѣ того лишенъ еси.

И сказавъ ему сіе, поклоняся, не пріавъ благословенія, поидохомъ вонъ изъ Крестовой. Онъ же хотѣ по обычаю прощеніе сотворити и насъ благословити, глагола, чтобы мы остановилися. И мы у него благословлятися не стали и говорили ему: нынѣ, владыко, уже ты въ запрещеніи еси, и благословенія твоего, яко у церковнаго преслушника и къ святѣйшему патріарху непокорника, не требуемъ. И тако от него изшедше, поѣхали къ Москвѣ.

А строящяся его нынѣ соборныя каменныя церкви, колико построено въ длину и ширину и въ высоту, мѣра есть ниже сего; а каковой ей быти въпредъ, совершенныя подлинности, владыка сказалъ, что у него нѣсть.

Сообщилъ Членъ-Соревнователь Н. П. Поповъ.

4.—0 Бумажной мельницѣ въ Москвѣ на р. Яузѣ (1673—1676 гг.).

Н. П. Лихачевъ въ своей работѣ „Бумага и древнѣйшія Бумажныя мельницы въ Московскомъ государствѣ“ (Спб 1891 г., стр. 83) о мельницѣ въ Москвѣ на р. Яузѣ приводитъ только три небольшихъ извѣстія: 1) что она была въ откупѣ за иноземцемъ Еремѣемъ Левкинымъ съ 184 по 189 г.; 2) что 23 іюня 1677 г. царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ слушалъ литургію въ церкви Покрова Пресв. Богородицы, „что на Бумажной мельницѣ“, и 3) что она, по свидѣтельству Кильбургера, устроена 2 мастерами, взятыми съ Бумажной фабрики на р. Пахрѣ. Эти краткія сообщенія, изъ коихъ второе относится къ мельницѣ на р. Пахрѣ¹⁾, значительно пополняются свѣдѣніями, находящимися въ печатаемыхъ ниже документахъ, найденныхъ мной въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

¹⁾ Что это извѣстіе относится не къ Московской мельницѣ, а къ мельницѣ на р. Пахрѣ (при впаденіи ея въ Москву рѣку), видно изъ тѣхъ же „Выходовъ царскихъ“; см. предшествующія и послѣдующія записи (маршрутъ царя: изъ Москвы въ Коломенское, Екатерининскую рошу, с. Пахрино, на Бумажную мельницу и Соловецкую пустынь; обратно: Бронницы, Островъ и Москва).

Такъ какъ постройкой этой мельницы и вообще дѣлами, касающимися ея, завѣдывалъ приказъ Владимирской чети, то и свѣдѣнія о ней оказались въ документахъ сего приказа (Приказныя дѣла старыхъ лѣтъ 1673 г. № 102. 1674 г. № 177. 1675 г. № 132) и главнымъ образомъ въ расходномъ столбцѣ его за 7181-й годъ. Къ сожалѣнію мной пока не найдено такого же столбца за 7182-й годъ и послѣдующіе, изъ котораго можно бы получить болѣе подробныя извѣстія о Бумажной мельницѣ на р. Яузѣ за послѣдующіе годы. Въ хранящихся въ томъ же Архивѣ книгахъ по городу Владимиру за 7180—7195 гг. (№№ 13 ч. 2-ая, 14—18) я не встрѣтилъ никакихъ записей о ней.

Въ печатаемыхъ ниже документахъ заключаются слѣдующія свѣдѣнія.

Жившимъ въ Москвѣ торговымъ нѣмчиною Иваномъ фанъ Сведенномъ были приглашены въ Москву изъ „Весланской земли“ (Вестфалии) изъ гор. Ессена два „иноземца“—„бумажнаго дѣла мастеръ Яганъ Отендоль (называется также: Удендаль, Тундѣль) да мельничной мастеръ же Берентъ Отендоль“ (чаще называется Борисъ Андрѣевъ): „договорился онъ съ ними, что жить имъ у него на Бумажныхъ заводахъ 4 года, а найму на годъ давать: Ягану по 110 еeimковъ, Беренту по 60 еeimковъ; да имъ же сверхъ того пить и ѣсть ево Иваново“. Въ первой половинѣ 1673 года они пріѣхали въ Москву, а 19 мая с. г. состоялся уже царскій именной указъ: „на рѣкѣ Яузѣ, въ которомъ мѣстѣ напередъ сего бывала мельница, что построена была изъ Пушкарскаго приказа для зелейной и пороховой казны,—и въ томъ мѣстѣ завести къ бумажному строенію мельницу, и анбары и всякіе заводы, что къ тому дѣлу надобно, вновь изъ приказа Владимирской чети“. Изъ одного документа видно, что избранное для Бумажной мельницы мѣсто на р. Яузѣ было „подъ Новою Нѣмецкою слободой“, которая, какъ извѣстно, находилась „за Покровскими воротами, за Землянымъ городомъ, подлѣ Яузы рѣки“,—сверхъ по р. Яузѣ тамъ, гдѣ теперь Нѣмецкая улица и прилегающіе къ ней кварталы ¹⁾. Бумажную мельницу предположено было строить какъ можно скорѣе: стоявшій на избранномъ мѣстѣ амбаръ велѣно было перенести на другое мѣсто, „гдѣ пристойно“, *тотчасъ*, чтобы затѣмъ бумажному строенію всякіе мельничные заводы не стали“. Черезъ недѣлю послѣ приведеннаго царскаго указа—26 мая заключенъ былъ договоръ съ вощиками на перевозъ 300 деревъ 4—5 саженныхъ съ стараго Сафьяннаго двора, что у Землянаго города; условіе вскорѣ же было исполнено и весь лѣсъ доставленъ на мѣсто. 11 июня 16 плотниковъ (стрѣльцевъ приказа полковника В. Б. Бухвостова) подрядились сдѣлать слѣд. постройки: 1) амбаръ, „гдѣ быть мельницѣ со ступами“, въ длину 7 сажень, поперегъ 6 саж., въ вышину 5 саж., съ 8 окнами на каждой стѣнѣ; 2) избу—5 саж. кругомъ, съ чердакомъ, по 9

¹⁾ Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій. Д. В. Цвѣтаева. М. 1890 г., стр. 252—253.

оконъ въ избѣ и чердакъ 3—4); позади большого анбара прирубить къ нему 2 анбара—въ длину и поперекъ по 3 саж. и 5) къ нимъ сдѣлать „гдѣ колесамъ ходить“ анбарецъ. Кромѣ того 16 июня взять былъ еще одинъ плотникъ (Григорій Ивановъ) съ мѣсячной платой—дѣлать то, что ему укажетъ иноземецъ Борисъ Андрѣевъ¹⁾; а 1 июля еще одинъ Калинка Карповъ—поставить около бумажнаго двора 100 звеновъ забора. 25 июня куплена была на Рождественкѣ и перевезена на мельницу „баня“. Лѣсныхъ запасовъ къ 12 июля было куплено уже на 1000 рублей. 13 августа заключенъ былъ договоръ съ кузнецами—„дѣлать всякія желѣзныя снасти къ мельнишному заводу“: 8 мѣстъ напарьи, топоры долгіе, 52 обруча, 400 шиновъ въ песты, что бумагу толкутъ. — Всѣ работы производились подъ наблюденіемъ иноземцевъ бумажнаго дѣла мастеровъ Яг. Отендаля и Бориса Андрѣева, коимъ шли кормовыя деньги по 2 р. человѣку на мѣсяць съ 1 июня, ибо они „учали мельничныя бумажныя заводы на р. Яузѣ строить“ съ 29 мая (выданы на июнь, июль и августъ).

На этомъ обрываются свѣдѣнія по постройкѣ мельницы. Несомнѣнно только, что мельница закончена была и тогда же приступлено было къ выработкѣ бумаги. Ив. Сведенъ вскорѣ умеръ: 6 июля 1674 мастерамъ Яг. Отендалю и Бернету Отендолю (Борису Андрееву) „недоплатныя заслуженныя уговорныя деньги“ велѣно взыскать съ его вдовы. Въ 1783 году мельницей сдѣлано было клееной бумаги и отдано въ приказъ Новой Аптеки—бѣлой писчей 87 стопъ и сѣрой 69 стопъ, всего 156 стопъ; кромѣ того на мельницѣ осталось неклееной всякой бумаги 230 стопъ.

Въ 183 г. на мельницѣ были: бумажнаго дѣла мастеръ Яганъ Удендаль, плотничнаго дѣла мастеръ Борисъ Андрѣевъ, 2 плотника, 5 человѣкъ тряпишниковъ. Удендаль и Андреевъ получали „кормовыхъ“ денегъ по 3 руб. въ мѣсяць, 1 плотникъ 2 р., другой 1 р. 25 алт. въ мѣсяць же, тряпишники по 1 р. въ мѣсяць. Кормовыя деньги даны имъ въ 183 г. по июнь мѣсяць включительно.

Вѣроятно, вслѣдствіе смерти Сведена, Бумажная мельница въ 184 г. отдана была (по 189 г.) иноземцу Еремѣю Левкину (Herman Leeften), какъ видно изъ документа 186 года, напеч. въ Дополненіяхъ къ Актамъ Историческимъ, т. VII.

Къ сентябрю 185 г. всего бумаги было сдѣлано съ начала ея выработки 290 стопъ. Въ это время уже дѣйствуетъ Еремѣй Левкинъ.

¹⁾ Къ 6 августа всего сдѣлалъ: колесо водяное, 44 песта дубовыхъ, которые бываютъ въ ступахъ для толченія тряпицъ, на валъ вытесено 250 пальцевъ кленовыхъ, чѣмъ поднимать песты въ ступы; „а иное дѣло онъ дѣлаетъ, что иноземецъ Борисъ Андрѣевъ къ тому заводу ни укажетъ“.—Кромѣ того плотникъ Карпъ Ѳедоровъ и Иванъ Гордѣевъ подрядились поставить 2 избы 4-хъ саженныя; сдѣлать три дубины длиной 4-хъ саженныхъ: въ двухъ сдѣлать 8 ступъ 2-хъ аршинныхъ, а третью дубину выгранить въ 3 грани и растереть пилами, да въ кряжъ сдѣлать по ступѣ, всего 10 ступъ; срубить поварню (варить клей), амбаръ.

Оставшуюся неклееную бумагу (по проклейкѣ ея выйдетъ доброй 134 стопы) 13 сентября 185 г. велѣно было додѣлать „иноземца Еремѣевымъ мастерамъ Левкина и принести въ приказъ Володимерской чети совсѣмъ обрядя начисто; а то ему сказать, чтобъ та бумага была бѣла и чиста и непроступчива“¹⁾).

На этомъ и обрываются пока всѣ наши свѣдѣнія объ этой мельницѣ (последнее извѣстіе отъ сентября 1676 г.). Въ 186 году она еще существовала (см. документъ сего года въ VII т. Д. къ А. И.).

181-го мая въ 19 день. В. г. ц. и в. к. Алексѣй Михайловичъ, в. в. и м. и б. Р. с., указалъ, по своему великого государя имянному указу, на рекѣ на Яузѣ, въ которомъ мѣсте напередъ сего бывала мельница, что построена была ис Пушкарского приказу для зелейные и пороховые казны, и въ томъ мѣсте завести къ бумажному строенью мельницу, и анбары і всякие заводы, что х тому дѣлу надобно, вновь ис приказу Володимерские чети; а деньги на то мельничное строенье і за лесные запасы подрядчикомъ и плотникомъ и всякимъ работнымъ людемъ по подряднымъ записямъ отъ дѣла давати изъ доходовъ приказу Володимерские чети съ роспискою. А что на томъ мѣсте, на берегу реки Яузы, построень анбаръ для зелейные жъ и пороховые казны, и то мѣсто указалъ великий государь очистить, и тотъ анбаръ перенести на иное мѣсто, гдѣ пристойно, ис Пушкарского приказу тотчасъ, чтобъ затѣмъ бумажному строенью всякие мельничные заводы не стали. Сесь великого государя указъ приказалъ записать околичей Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.

Помѣта: сесь государевъ указъ записать въ книгу.

Лѣта 7181-го мая въ 20 день. По г. ц. і в. к. Алексѣя Михайловича, в. в. і м. і б. Р. с., указу думному дворянину Ивану Ивановичю Баклановскому да дяку Ивану Амиреву. В. г. ц. и в. к. Алексѣй Михайловичъ, в. в. и м. и б. Р. с., указалъ, по своему великого государя имянному указу, на рекѣ на Яузе, въ которомъ мѣсте напередъ сего бывала мельница, что построена была ис Пушкарского приказу для зелейные и пороховые казны, і въ томъ мѣсте завести къ бумажному строенью мельницу, и онъбары и всякие заводы, что къ тому дѣлу надобно, вновь изъ приказу Володимерские чети; а деньги на то мельничное строенья и за лесные запасы подрядчикомъ и плотникомъ и всякимъ работнымъ людемъ по подряднымъ записямъ отъ дѣла давати изъ доходовъ приказа. А что на томъ мѣсте, на берегу реки Яузы построень анбаръ для зелейные же и пороховые казны, и то мѣсто указалъ великий государь очистить, и тотъ анбаръ перенести на иное мѣсто, гдѣ пристойно, изъ Пушкарского приказу тотчасъ, чтобъ затѣмъ бумажному строенью всякие мельничные заводы не сталі. И по г. ц. і в. к. Алексѣя Михайловича, в. в. и м. и б. Р. с., указу думному дворянину Ивану Ивановичю

¹⁾ Бумага дѣлана была изъ тряпья: деньги давались на покупку „трепицы“; упоминаются тряпишники, ступы для толченія тряпицы. Клей—изъ бараньихъ ногъ.

Баклановскому и дьяку Ивану Амиреву учинить о томъ по указу великого государя.—Отпущена за приписью дьяка Ивана Евстаѣева. Такова память послана съ приставомъ с Ывашкою Тутыхинимъ.

Се азъ Дорогомиловские слободы ямщики Алексѣй Яковлевъ да язь Никиѳоръ Ѳоминъ, да язь Троѳимъ Кириловъ, да язь Сава Макаровъ, да язь Ѳедоръ Ивановъ, да язь Титъ Ивановъ, да язь Григорей Ѳоминъ, всѣ мы подрядчики поручилися другъ по друге круговою порукою за единъ человекъ въ томъ, что уговорилися мы, подрядчики Алексѣй Яковлевъ съ товарищи, въ Посолскомъ приказе передъ околичнимъ передъ Артемономъ Сергѣевичемъ Матвѣевымъ, да передъ дьяки передъ думнымъ передъ Григорьемъ Богдановымъ, да передъ Яковомъ Поздышевымъ, да передъ Иваномъ Евстаѣевымъ на лѣсную воску на 300 деревъ лѣсу 4-хъ и 5 сажень, а возить намъ, подрядчикамъ, тотъ лѣсъ на своихъ подводахъ съ Саѣянного двора, что у Земляного города; а поставить намъ, подрядчикомъ тотъ лѣсъ на зеленой мѣльнице къ государеву дѣлу. А рядили мы, подрядчики, отъ той лѣсной воски со 100 по 8 рублевъ съ полтиною; а напередъ взяли мы, подрядчики, тѣхъ провозныхъ денегъ половину, а другая половина тѣхъ же провозныхъ денегъ, какъ поставимъ того лѣсу половину, взять намъ напередъ же. А будетъ мы, подрядчики Алексѣй Яковлевъ съ товарищи, того лѣсу 300 деревъ на зеленой мѣльнице къ государеву дѣлу не поставимъ или чемъ дѣло остановимъ, и на насъ на подрядчикахъ великого государя ц. и в. к. Алексѣя Михайловича, в. в. и м. и б. Р. с., пеня; а пени что великий государь укажетъ, кто насъ будетъ въ лицахъ. А на то послуш Иванъ Березкинъ. А запись писалъ Ивановские площади подъячей Ывашко Проклюевъ. Лѣта 7181-го мая въ 26 день.

Къ сей записи стрелець Иванова приказу Ѳедоровича Полтева Ѳедка Ѳедоровъ вмѣсто Алексѣя Яковлева да Никиѳора Ѳомина съ товарищи, по ихъ веленью, руку приложилъ.

Послухъ Ывашко руку приложилъ.

Помѣта: высмотря принять и дать денегъ треть.

По сей подрядной записе подрядчикъ Алешка Яковлевъ съ товарищи взять треть денегъ за лесную воску 8 рублѣвъ съ полтиною за 100 бревень, а вмѣ(сто) ево росписался Посольскихъ сеней площадью подъячей Мишка Аѳонасьевъ.

Царю г. и в. к. Алексѣю Михайловичю, в. в. и м. и б. Р. с., бьетъ челомъ холопъ твой Дорогомиловской слободы ямщикъ Алешка Яковлевъ съ товарищи. Въ нынешнемъ, государь, во 181-мъ году по твоему великого государя указу перевозилъ я, холопъ твой, съ старого Саѣянного двора на Бумажную мельницу 200 бревень слишкомъ; а только мнѣ, холопу твоему, выдано подрядныхъ денегъ за одно сто бревень, а достальныхъ денегъ мнѣ, холопу твоему, не выдано и извощикомъ, государь, платить стало и возить нѣ чимъ. Милосердый г. ц. и в. к. Алексѣй Михайловичъ, в. в. и м. и б. Р. с.! Пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, достальные подрядные деньги

всѣ сполна за лесную воску за 200 деревь выдать. Царь государь, смилуйся!

Помѣта: выписать.

І противъ сей челобитной выписано: въ приказе Володимерские четі въ расходной книгѣ нынешняго 181-го году написано: маія въ 26 де(нь) по указу великого государя и по подрядной записи, за помѣтою думного дьяка Григорья Богданова, Дорогомиловской слободы ямщики Алешка Яковлевъ съ товарищи по уговору отъ лесные воски, что поставить ему на своихъ подводахъ 300 деревь лѣсу 4-хъ и 5-ти сажень съ Соеянного двора на рѣке на Яузе, гдѣ строить Бумажную мѣльницу, со 100 деревь по 8 рублевъ съ полтиною, і въ то число дано ему треть 8 рублевъ съ полтиною; а къ тому доведетца имѣ додать 17 рублевъ. И тѣ бревна они по договору вывезли сполна. І в. г. ц. и в. к. Алексѣю Михайловичю, в. в. и ш. и б. Р. с., бьютъ челомъ Дорогомиловской слободы ямщики Алешка Яковлевъ съ товарищи, чтобъ великій государь пожаловалъ ихъ, велѣлъ достальные подрядные деньги всѣ сполна за лесную воску, за 200 деревь выдать.—Справиль Ивашка Коровинъ.

Помѣта: по сей выписке досмотра, будетъ все перевезено, дать деньги съ роспискою.

На оборотѣ: по сему великого государя указу ямщики Алексѣй Яковлевъ съ товарищи за лесную воску достальные деньги 17 рублевъ взяли сполна, а въ ихъ мѣсто Пушкарского приказу подъячей Сава Тяшкихъ руку приложилъ.

Се азъ Евфимъ Даниловъ, да язъ Григорей Григорьевъ Дубина, да азъ Семень Романовъ, да язъ Артемей Петровъ, да язъ Степанъ Леонтьевъ, да язъ Андрѣй Ивановъ, да язъ Дмитрей Седотовъ, да язъ Филиппъ Зиновьевъ, да язъ Архипъ Микитинъ, да язъ Василей Тривановъ, да язъ Василей Яковлевъ, да язъ Ѳома Васильевъ, да язъ Еремей Ивановъ, да язъ Григорей Мининъ, да язъ Михаила Юрьевъ, да язъ Иванъ Карповъ, всѣ мы подрядчики, плотничного дѣла мастера столыника і полковника Васильева приказу Борисовича Бухвостова стрельцы. Въ нынешнемъ во 181-мъ году июня въ 11-й день подрядились мы, подрядчики, въ приказе *Галицкие чети* передъ окольныхчимъ передъ Артемонъ Сергѣевичемъ Матвѣевымъ, да передъ дьяки передъ думнымъ передъ Григорьемъ Богдановымъ, да передъ Яковомъ Поздышевымъ, да передъ Иваномъ Естасьевымъ здѣлати намъ на Яузе реке для бумажного заводу мельницу—анбаръ большой, гдѣ быть мельнице съ ступами, въ длину 7 сажень, поперехъ 6 сажень; въ анбаре жъ 2 моста, въ вышину анбаръ 5 сажень косыхъ; сомшить і покрыть сколою и тесомъ; въ анбаре дверь съ колоды, на всякой стене по 8 окошекъ большихъ красныхъ. Подле анбара поставить изба 5 сажень кругомъ поземная бѣлая; а въ той избѣ здѣлатъ 9 оконъ большихъ красныхъ, в ызбе жъ 2 моста, на избѣ чардакъ, въ чердаке мостъ, кругомъ чердака 9 оконъ. Позади анбара большого прирубить 2 анбара, въ длину и поперегъ по

3 сажени, а тѣ два анбара з большимъ мельнишнымъ анбаромъ, длиною 10 сажень, въ нихъ трои двери съ колоды, два окна красныхъ. Да къ тѣмъ же анбаромъ дѣлать, гдѣ колесамъ ходить, анбарець, покрыть сколою и дранью.—А дѣлать намъ, подрядчикомъ, тотъ весь мельнишной заводъ и сван битъ, гдѣ скажутъ, и подъ трубы хворостъ класть и песокъ сыпать; да къ тому же мельнишному заводу всякой мелкой заводъ, колеса, и ступы и станпоръ, і гребеня, и что укажутъ дѣлать намъ, подрядчикомъ, всѣ сполна. А рядили мы, подрядчики, отъ того дѣла 150 рублей денегъ, 10 вѣдръ вина; и напередъ тѣхъ денегъ взяли 75 рублей, а достольные деньги имать, какъ то подрядное дѣло всѣ сполна отдѣлаемъ. А буде мы, подрядчики, того мельнишного заводу со всѣмъ съ строенемъ, что въ сей записи выше сего писано, не дѣлаемъ и за нами, подрядчики, то мельнишное строенъе станетъ, і на насъ, подрядчикахъ, великого государя ц. і в. к. Алексѣя Михайловича, в. в. и м. и б. Р. с., пѣня; а пѣни что великий государь укажетъ, и тѣ подрядные деньги всѣ сполна. Кто насъ, подрядчиковъ, въ лицахъ будетъ, на томъ великого государя пѣня, и порука и тѣ подрядные взятые деньги. А на то послуши: Прокооей Спиридоновъ, Игнатей Рубцовъ. А подрядную запись писалъ Ивановские площади подъячей Данилка Андрѣевъ. Лѣта 7181-го июня въ 11 день.

Къ сей подрядной записи того же приказу стрелець Оилька Ивановъ вмѣсто подрядчиковъ Ельѳима Данилова съ товарищи, кои въ сей записи имяны писаны, по ихъ веленью, руку приложилъ.

Послухъ Пронька руку приложилъ.

Послухъ Игнашка руку приложилъ.

Помѣта: взять къ дѣлу. Буде порутчики добры і вѣрить есть кому, и деньги дать по сей записи половину съ роспискою і велѣтъ дѣлать со всякимъ поспешеньемъ не оплошно.

По сей подрядной записи подрядчики плотники Елѳимъ Даниловъ, да Григорей Дубина, да Семень Романовъ съ товарищи, кои имяны въ сей записи писаны, изъ приказу Володимерские чети половинныхъ денегъ 75 рублей взяли; а въ ихъ мѣсто того же приказу стрелець Сенка Кузьминъ, по ихъ веленью, руку приложилъ.

Се азъ Огородной слободы тяглець Михаило Семеновъ сынъ Масленикъ поручился есми Костромского уѣзду села Толпыгина по Григорѣ Ивановѣ сыне плотнике въ томъ: подрядился онъ, Григорей, въ Посольскомъ приказѣ передъ окольнымъ передъ Артемономъ Сергѣевичемъ Матвѣевымъ, да передъ дяки—передъ думнымъ передъ Григорьемъ Богдановымъ, да передъ Яковомъ Поздышевымъ, да передъ Иваномъ Евстаѣевымъ, что дѣлать ему Григорью, на мельнишномъ бумажномъ заводѣ с-ыноземцомъ з Борисомъ Андрѣевымъ, что онъ, Борисъ, ему укажетъ, то и дѣлать съ нынѣшняго 181-го году июня съ 15 числа помѣсечно; а отъ работы рядилъ онъ, Григорей, на мѣсяцъ по 2 рубли. А дѣлать ему, Григорью, съ нимъ, Борисомъ, покамѣстъ дѣла будетъ, потамѣстъ и дѣлать на томъ мѣльнишномъ бумажномъ

заводе. А будетъ онъ, Григорей, за мою порукою на томъ мельничномъ бумажномъ заводе съ нимъ, Борисомъ, не учнетъ дѣлать, что ему, Григорью, онъ, Борисъ, учнетъ указывать, и на мнѣ, порутчике, и на подрядчикѣ взять въ Посольской приказъ по сей записи тѣ наемные деньги всѣ сполна. А на то послухъ Дмитрей Бѣлозеровъ. А запись писалъ Ивановские площади подъячей Васка Колчинъ. Лѣта 7181-го году июня въ 16 день.

Къ сей записи Земские площади подъячей Гришка Худяковъ вмѣстѣ порутчика Михаила Семенова, по ево велѣнью, руку приложилъ.

Послухъ Митька руку приложилъ.

Помѣта: взять къ дѣлу, дать ему рубль съ роспискою.

По сей подрядной записи Григорей плотникъ рубль денегъ взялъ, въ ево мѣсто росписалса Посольскихъ сѣней подъячей Васка Яковлевъ.

Лѣта 7181-го июня въ 30 день. По государеву (п.) указу думному дворянину Ивану Ивановичу Баклановскому да дьяку Ивану Амиреву. Великий государь (п.) указалъ: по своему великого государя имянному указу на рекѣ на Яузе въ которомъ мѣсте напередъ сего бывала мельница, что построена была ись Пушкарского приказу для зелейные и пороховые казны, і въ томъ мѣсте завести къ бумажному строенью мельницу, и онбары і всякие заводы, что къ тому дѣлу надобно вновь ись приказу Володимерские чети. А что на томъ мѣсте по сю сторону на берегу реки Яузы построень анбаръ і всякие заводы для зелейные же і пороховые казны, и то мѣсто указалъ великий государь очистить, и тѣ онбары і всякие заводы перенести на ту сторону реки Яузы ись Пушкарского приказу тотчасъ, чтобъ затѣмъ бумажному строенью всякие мельничные заводы не стали. А великого государя указъ о томъ маія въ 20 день ись приказу Володимерские чети къ вамъ въ Пушкарской приказъ посланъ. И по государеву (п.) указу думному дворянину Ивану Ивановичу Баклановскому да дьяку Ивану о семъ учинить. Такова память послана за приписью діака Ивана Евстаѣева.

Послана въ Пушкарской приказъ съ приставомъ Степаномъ Болотовымъ.

Се азъ Галицкого уезду вдовы княгини Ирины Степановны Львовой крестьянинъ еѣ села ЕмUTOва Калинка Карповъ сынъ плотникъ. Подрядился язь Калина въ приказе Володимерские чети передъ оклничимъ передъ Артемономъ Сергѣевичемъ Матвѣевымъ, да передъ дьяки—передъ думнымъ передъ Григорьемъ Богдановымъ, да передъ Яковомъ Поздышевымъ, да передъ Иваномъ Еустаѣевымъ въ томъ, что въ нынешнемъ во 181-мъ году поставить мнѣ, Калине, въ государеве дѣсу около государева *бумажнаго двора подъ Новою Немѣцкою слободою* 100 звеновъ забору, а взять мнѣ, Калине, изъ государевы казны изъ приказу Володимерские чети по 6 алтынъ по 4 деньги: а напередъ взять мнѣ, Калинѣ, тѣхъ рядныхъ денегъ изъ государевы казны половина, а другая половина денегъ взять мнѣ, какъ я, Калина, кругомъ

государева бумажнаго двора 100 звень заборы поставлю, на отделке. А во всякомъ звене вышиною ставить въ 20 бревянь. А порукою помнѣ, Калине, въ задаточныхъ деньгахъ и въ одѣлке всего 100 звень забору писалися Галицкого жъ уезду вдовы княгини Ирины Степановны Львовой крестьяне села Емутава Доры деревни Григорей Есиповъ, да стольника князь Ивана Ондрѣевича Голицына села Воскресенскаго крестьянинъ ево Ѳеодоръ Михайловъ, да того жъ села Воскресенскаго крестьянинъ Кипреянъ Микитинъ, все мы, порутчики. А будетъ онь, подрядчикъ Калина Карповъ, за нашей порукою около государева бумажнаго двора по нынешнему лѣту 100 звень заборовъ въ отдѣлке не поставитъ и на насъ, на порутчикахъ и на мнѣ, подрядчике, в. г. ц. и в. к. Алексѣя Михайловича, в. в. и м. и б. Р. с., пеня, а пени что великий государь укажетъ; и тѣ взятые деньги взять на насъ же, на порутчикахъ, все сполна. А на то послуши Ипать Улеовъ. Яковъ Сусловъ. А запись писалъ Ивиповския площади подьячей Демидко Тимоѣевъ. Лѣта 7181-го июля въ 1-й день.

Къ сей подрядной записи Посольскихъ сеней площадной подьячей Юрька Басаровской вмѣсто подрядчика Калины Карпова сына плотника, по ево челобитью. руку приложилъ.

Къ сей подрядной записи Посольскихъ сеней площадной подьячей Мишка Аеонасьевъ вместо подрядчиковъ Григорья Осипова, да Ѳедора Михайлова да Киприя(на) Микитина, по ихъ велению, руку приложилъ.

Послухъ Ипатко руку приложилъ.

Послухъ Якушко руку приложилъ.

Помѣта: по сей записи дать имъ треть; а будетъ противъ трети у нихъ зделано, дать половину.

По сей подрядной записи Калина Карповъ за 100 звѣнь отъ дела половину денегъ взялъ 10 рублей, а въ ево место Стретенской сотни тяглець Макъсимко Васильевъ руку приложилъ.

181-го июня въ 25 день сказалъ купчина Григорей Карповъ: купилъ де я баню на Рожественке і подъ ту баню наймываль возить извозчиковъ ямщиковъ Дорогомилевской слободы Олешку Яковлева съ товарищи на Бумажную мельницу; отъ извозу рядить той бани 30 алтынъ. И ту она ямщики баню перевозили ку бумажные мельницы (sic); ту я баню у нихъ ямщиковъ принялъ сполна. А за извозъ имъ Олешке съ товарищи 30 алтынъ не дано. То моя і скаска.

Къ сей скаски Посольскихъ сеней площадной потьячей Ивашко Григорьевъ вмѣсто Григорья Карпова, по ево веленью, руку приложилъ.

Помѣта: дать деньги съ роспискою.

По сей скаске взялъ Алексѣй Яковлевъ съ товарищи 30 алтынъ за провозъ, а въ ихъ мѣсто росписался Посольскихъ сеней площадной подьячей Митька Алексѣевъ.

Въ пыпешнемъ во 181-мъ году мая въ 19 день в. г. ц. і в. к. Алексѣй Михайловичъ, в. в. и м. і б. Р. с., указаль по своему великого государя іминному указу на рекъ на Жузе, въ которомъ мѣсте на-

передъ сего бывала мельница, что построена была изъ Пушкарского приказа для зеленые и пороховые казны, і въ томъ мѣсте завести къ бумажному строенью мѣльницу, і амбары, і всякие заводы, что къ тому дѣлу надобно вновь изъ приказу Володимерские чети; а деньги на то мѣльничное строенье и за лесные запасы подрядчикомъ і плотникомъ і всякимъ работнымъ людемъ по подряднымъ записямъ отъ дѣла давать изъ доходовъ приказу Володимерские чети съ роспискою.—І тово жъ числа по сему великаго государя указу къ тому бумажному строенью куплено лесныхъ запасовъ у кадашевца у Филипа Аноореева; а какихъ лесныхъ запасовъ и по которой ценѣ у него, Филипа, куплено, и тому слоботчикъ Григорей Карповъ въ приказе Володимерские чети окольничему Артемону Сергѣевичю Матвѣеву да дякомъ думному Григорью Богданову, да Якову Поздышеву, да Ивану Евстаоеву подаль леснымъ покупнымъ запасомъ 2 росписи за своею рукою.

А въ росписяхъ пишеть:

181-го июня въ 20 день *роспись, что имана у кадашевца у Филики Аноорьева сына лѣсника на Бумажную мельницу*: на свои 100 дубинъ 3-хъ саженьныхъ, въ отрубе 6 вершковъ, и з провозомъ цена 35 рублевъ; на подрубки анбара і на режи 180 дубинъ 3-хъ сажень, въ отрубе 8, 9 і 10 вершковъ, цена за 100 и съ провозомъ по 80 рублевъ; на анбаръ 200 бревень 8 сажень, въ отрубѣ 6 и 7 і 8 вершковъ, цена и с провозомъ за 100 и по 120 рублевъ; да на тотъ же анбаръ 200 бревень 6 сажень, въ отрубѣ таковы же, цена за сто и съ провозомъ по 50 рублевъ; на проводную трубу 120 досокъ 6 сажень, ширина въ отрубѣ 10 вершковъ, і въ три . . і больши, цена і съ провозомъ 120 рублевъ; на кровлю анбара 1500 тесницъ доброва тесу, цена за 100 и съ провозомъ по 5 рублевъ съ полтиною; 2000 скаль добрыхъ, цена за 100 и съ провозомъ по рублю

Взято на *старой Посольской дворѣ*: 50 столбовъ, цена за десятокъ и съ провозомъ по 3 рубля; 1500 бревень 3-хъ сажень, цена за 100 и съ провозомъ по 5 рублевъ съ полтиною; 4 верей, цена і съ провозомъ 3 рубли; 100 тесницъ на кровлю, цена и съ провозомъ, 6 рублевъ; 200 скаль, цена и съ провозомъ 2 рубли.

Къ сей росписи того жъ приказу стрелець Івашка Оедоровъ вмѣсто Григорья Карпова, по ево веленью, руку приложить.

181-го июня въ разныхъ числахъ *роспись, что свясно лесныхъ запасовъ на Бумажную мельницу*:

Свезено 2000 бревень заборныхъ 3-хъ сажень, цена за 100 и съ провозомъ по 6 рублевъ; 80 столбовъ 3-хъ сажень, въ отрубѣ 7 вершковъ, цена і съ провозомъ 35 рублевъ; 2 избы 4 сажень, цена и съ провозомъ 40 рублевъ; да въ тѣ жъ избы на поль 70 досокъ 4-хъ сажень, цена за 10 и съ провозомъ 4 рубли; въ тѣ жъ избы 10 лавокъ 4-хъ сажень, цена и съ провозомъ 6 рублевъ; да на двери і на окошки 50 досокъ полоторныхъ красныхъ, цена и съ провозомъ 7 рублевъ; да гъ дверямъ и къ окошкамъ дватцатеры колоды, и съ провозомъ цена

7 рублей; да на те жъ избы на кровлю 2000 драни 3-хъ сажень, цена за 100 і съ провозомъ по 26 алтынъ по 4 деньги; 1000 скалъ, цена і съ провозомъ 10 рублей; 8 желобовъ 3-хъ сажень, 16 крюковъ 3-хъ сажень, 16 прибоинъ 3-хъ сажень, цена и съ провозомъ 36 алтынъ 4 деньги.

Къ сей росписи того жъ приказу стрелець Івашко Ѳедоровъ вмѣсто Григорья Карпова, по ево веленю, руку приложилъ.

І по тѣмъ росписямъ за тѣ лесные запасы, которые взяты къ бумажному строеню кадашевцу Ѳилипу Аноорееву денегъ доведетца дать 987 рублей 20 алтынъ, да по той же росписи у него жъ Ѳилипа Аноореева куплено на старой Посольской дворъ лесныхъ запасовъ на 150 рублей съ полтиною; обоено за тѣ лѣсные запасы денегъ доведетца ему дать 1096 рублей 3 алтына 2 деньги. І 181-го июля въ 12 день околичей Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ по симъ росписямъ за лесные запасы кадашевцу Ѳилипу Аноорееву денегъ 1096 рублей 3 алтына 2 деньги приказалъ выдать изъ доходовъ приказу Володимерские чети съ роспискою.

Справиль Івашко Коровинъ.

Помѣта: по сей выписке леснику Ѳилипу за всякой лѣсъ, что у него взять, дать ему въ уплату 596 рублей 3 алтына 2 деньги; а достальные дать, какъ будутъ деньги въ привозе. А будетъ въ приказе Володимерские чети денегъ нѣтъ, и тѣ деньги дать, покаместа будутъ въ привозе, изъ Новгородцкаго приказу.

181-го июля въ 12 день в. г. ц. и в. к. Алексѣй Михайловичъ. в. в. и м. и б. Р. с., указалъ взять изъ Новгородцкаго приказу въ приказъ Володимерские чети денегъ 500 рублей съ роспискою; а дати те деньги за лесные запасы, которые взяты къ бумажному строеню изъ приказу Володимерские четверти. Великого государя указъ о томъ за пометою думного дьяка Григорья Богданова въ приказѣ Володимерские чети. Припись дьяка Івана Евстаѣева.

181-го июня въ 21 день по приказу околичего Артемона Сергѣевича Матвѣева куплено иноземцу Борису Андрѣеву да слоботчику Григорью Карпову для ихъ многихъ волокить 2 лошади верховыхъ, ценою по 8 рублей за лошадь, ітого 16 рублей. І тѣ лошади отданы имъ Борису и Григорью съ роспискою, денегъ за тѣ лошади изъ доходовъ приказу Володимерские чети не дано.

Помѣта: учинить по сему и записать въ книгу.

Се азъ Бархатного двора кузнецъ Моисѣй Микитинъ, да язъ Таганной слободы тяглець Степанъ Ларионовъ. Въ нынешнемъ во 181-мъ году августа въ 13-й день подрядилися мы исъ Посольскаго приказу у околичего у Артемона Сергѣевича Матвѣева, да у дьяковъ—у думного у Григорья Богданова, да у Якова Поздышева, да у Івана Остаѣева на Бумажную мельницу дѣлать всякия железныя снасти къ тому мельничному заводу: здѣлать 8 мѣстъ напарьи (?), да топоры долгиа въ аршинъ; а радили мы, подрядчики, отто всякого мѣста по 10 алтынъ за

дѣло; да 52 обруча, а отъ дѣла отъ обруча рядили по 3 алт. по 2 д.; да 400 шиповъ въ пѣсты, что бумагу толкутъ, а рядили мы отъ тѣхъ шиповъ отъ десятку по 20 алт. А къ тому дѣлу желѣзо государево, а наши подрядчиковы уголья, и дѣло и работники. А тѣхъ подрядныхъ денегъ взять намъ, подрядчикамъ, напередъ половина, а достальные деньги другая половина взять намъ, подрядчикамъ, какъ то дѣло все сполна отдѣлаемъ. А то намъ, подрядчикамъ, дѣло дѣлать накрепко самымъ добрымъ мастерствомъ, і того дѣла ни за чѣмъ не остановить. А въ томъ дѣле і во взятыхъ деньгахъ напередъ ручались по насъ, подрядчикахъ, Кузнецкой старой слободы Иванъ Ѳедоровъ сынъ кузнецъ да язь Огородной слободы Сергѣй Ивановъ сынъ кузнецъ; а будетъ они подрядчики за нашею порукою того дѣла дѣлать накрепко не стануть или то дѣло за чѣмъ остановятъ, и на насъ, на порутчикахъ і на подрядчикахъ, пеня великого государя ц. і в. к. Алексѣя Михайловича, в. в. и м. и б. Р. с.; а пеню что великии государь укажетъ. А хто изъ насъ будетъ въ лицахъ, на тѣхъ и пеня и тѣ взятые деньги. А на то послуши: Іпать Ульѡвъ. А подрядную записъ писалъ Ивановской площади подьячей Куземка Малышкинъ. Лѣта 7181-го августа въ 13 день.

Къ сей подрядной записи Стрелецкого приказу площадной Івашко Масловъ вместо подрядчиковъ Моисея Микитина да Степана Лариопова, по ихъ веленю, руку приложилъ.

Къ сей подрядной записи Казенной слободы тяглець Гришка Ѳедотовъ вместо поручиковъ Ивана Ѳедорова сына да Сергея Иванова, по ихъ челобитю, что они грамотѣ не умеютъ, руку приложилъ.

Послухъ Іпатко руку приложилъ.

Помѣта: высмотря, принять, записать и дать имъ денегъ половина, будетъ мочно вѣрить; а дать съ роспискою.

181-го июля въ 16 день. По указу в. г. ц. и в. к. Алексѣя Михайловича, в. в. и м. и б. Р. с., окольнічей Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ приказалъ: слоботчику Григорью Карпову къ бумажному строенью на всякие мельнишные заводы на покупку дать изъ доходовъ приказу Володимерские чети 35 рублевъ съ роспискою; а что у него на тѣ деньги всякихъ мельнишныхъ запасовъ къ тому бумажному дѣлу куплено будетъ, и той покупке взять у него, Григорья, роспись за ево рукою.

Справилъ Івашко Коровинъ.

Помѣта: учинить по сему государеву указу.

181-го въ мае, и в-июне, и в-июлѣ и въ августѣ мѣсяцехъ взято у подьячего у Ивана Коровина 35 рублевъ денегъ къ Бумажной мельнице и на всякие покупки, и тѣмъ деньгамъ розходъ:

10 заступовъ— дано рубль, 10 лопать— 3 алт. 2 д., 2 причалки тонкихъ— 2 алт. 4 д., лычныхъ веревокъ на 8 д., провозу 8 д., работникомъ 16 человѣкомъ дано 26 алт. 4 д., работникомъ же 21 человѣку на 5 дней по 10 д. па день, итого 5 руб. 8 алт. 2 д., кирка, что землю копаютъ, 6 алт. 4 д., 13 возовъ моху— 2 руб., работникомъ 11 человѣ-

комъ дано на 4 дни 2 р. 6 алт. 4 д., работникомъ 11 человекъ дано на 3 дни рубль 21 алт. 4 д., лыкъ на 2 алт., веревка воровая—7 алт. 2 д., 10 веревокъ лычныхъ—4 алт., 2 сита на Посольской дворъ—3 алт. 2 д., 2 лопаты—4 д., на Бумажную жъ мельницу пруть ялознику на заплоту—дано 30 алт., съ 4-хъ воевъ отъ соломы провозу дано 6 алт., на старой Посольской дворъ работникомъ лопать на 6 д., на Бумажную жъ мельницу 11 воевъ моху—дано за возъ по 5 алт. по 2 д., итого рубль 25 алт.; 6 щитовъ на трои ворота на Бумажную мельницу и на старой Посольской дворъ—дано и съ провозомъ 2 руб. 8 алт. 2 д., желѣза і укладки на 62 алт., съ того жъ желѣза въ Кокуй провозу дано 10 д., отъ образцовъ і немчина свести провозу дано 6 д., съ ступы, что свои бьютъ, провозу дано 6 д., на Малоросійскомъ дворѣ отъ полатного чишенья дано 3 алт., на Бумажную мельницу свезено точило, провозу дано 6 д.; на Посольской дворъ 4 заступа—дано по 4 алт. за заступъ, итого 16 алт.; да 10 лопать колодезникомъ даны 4 алт., да имъ же колодезникомъ лычныхъ веревокъ къ воротамъ на 20 алт. на 4 д., 2 векиши—3 алт., 2 кирки землю копать 6 алт. 4 д., веревокъ воровыхъ на 16 алт. 4 д., отъ дѣла на Бумажной мельницы отъ воротъ і отъ колитки дано 1¹/₂ руб., 4 воза моху—19 алт., 15 воевъ моху жъ—дано по 5 алт. за возъ, итого 2 р. 8 алт., 2 д., къ ятманскимъ детямъ на поварню онбаръ і съ провозомъ данъ 3 руб., 6 человекъ работникомъ дано на 5 дней, по 10 денегъ на день человекъ, итого 1¹/₂ руб., 7 человекъ работникомъ дано на 8 дней противъ тогожъ на день по 10 денегъ, итого 2 р. 28 алт. 4 д., ушатъ, да ведро да шайка—дано 4 алт., у етманскихъ детей отъ ямы засыпки і отъ очага, что на поварню землю носили, работникомъ дано 3 алт. 2 д.—Всего по сей росписи денегъ въ росходе 35 рублей.

Къ сей росписи вмѣсто слободника Григорья Карпова, по его велѣнью, Соли Галицкой посадкой человекъ Івашко Успенской руку приложилъ.

Царю г. і в. к. Алексѣю Михайловичу, в. в. и м. и б. Р. с., бьютъ челомъ сироты твои Калинка Карповъ съ товарищи четверо человекъ. Въ нынешнемъ, государь, во 181-мъ году подрядились мы, сироты, на 100 звень забору забрать на Бумажномъ дворѣ ись Посольского приказу, ись твоей великого государя напередъ у порушной записи взяли 10 рублей; и та у насъ работа на отдѣлке вся. Милосердый г. ц. і в. к. Алексѣй Михайловичъ, в. в. и м. и б. Р. с.! Пожалуй насъ, сиротъ своихъ, вели, государь, послѣдние достальныя по записи деньги по подряду намъ, сиротамъ, изъ своей великого государя казны выдать. Царь, государь, смилуйся!

Помѣта: выписать.

И противъ сей челобитной выписано: въ нынешнемъ во 181-мъ году июля въ 1 день подрядился здѣлать на дворе Бумажной мельницы 100 звень забору плотникъ Калинка Карповъ. А по договору дати ему,

Калинке, отъ звена по 6 алт., по 4 д., итого 20 рублевъ; и въ то число, по помѣте на подрядной записи думного дьяка Григорья Богданова, дано ему, Калинке, отъ тѣхъ заборовъ напередъ половина—10 рублевъ, а достальныхъ денегъ ему, Калинке, тожъ число 10 рублевъ не дано. А по скаске слоботчика Григорья Карпова, что тотъ Калинка те заборы поставилъ все сполна. І великому г. ц. и в. к. Алексѣю Михайловичю, в. в. и м. и б. Р. с., бьетъ челомъ плотникъ Калинка Карповъ съ товарыщи, чтобъ великіи государь пожаловать ево, велѣлъ ему свое великого государя жалованье противъ подрядной записи достальные деньги выдать.

Къ сей скаске вмѣста Григорья Карпова слоботчика, по ево велѣнью, Васка Степанавъ руку приложилъ.

Помѣта: по сей выписке дать имъ денегъ за ихъ работу 5 рублевъ къ прежней дачи съ роспискою.

Царю г. и в. к. Алексѣю Михайловичю, в. в. и м. и б. Р. с., бьетъ челомъ сирота твой плотникъ Гришка. Въ нынѣшнемъ, государь, во 181-мъ году по твоему великого государя указу подряженъ я, сирота твой, на Бумажной мельнице въ плотники; а работаю на мельницѣ у твоево государева дѣла 2 мѣсяцъ, а твоево великого государя жалованья мнѣ, сироте твоему, только дано рубль. Милосердый г. ц. и в. к. Алексѣй Михайловичъ, в. в. и м. и б. Р. с! Пожалуй мѣя, сироту своего, вели, государь, мнѣ свое великого государя жалованья выдать противъ моей подрядной записи, чтобъ мнѣ, будучи у твоего государева дела, голодною смертию не умереть. Царь государь, смилуйся.

Помѣта: выписать.

И противъ сей челобитной выписано: въ нынешнемъ во 181-мъ году июня въ 15 день подрядился къ строенью Бумажной мельницы Костромского уѣзду села Толпигина плотникъ Гришка Ивановъ, что делати ему у Бумажной мельницы всякой заводъ, что ему укажетъ иноземецъ Борисъ Андрѣевъ; а дати ему, Гришке, по той записи отъ того дѣла по 2 рубли на мѣсяцъ, а делати ему, Гришке, съ нимъ, иноземцомъ Борисомъ, вмѣсте, по которыхъ мѣсть дѣло будетъ. І по помѣте на той подрядной записи думного дьяка Григорья Богданова дано ему отъ того дѣла исъ приказы Володимерские чети напередъ рубль съ роспискою. А по скаске иноземца бумажного дела мастера Бориса Андрѣева, что тотъ Гришка Ивановъ всякие бумажные мельничные заводы, что надобно, июня съ 15-го числа августа по 5 число нынешнего 181-го году делаетъ беспрестанно, что онъ, Борисъ, ни укажетъ; а кормовыхъ денегъ опроче одного рубля ему, Гришке, ничего не дано. І в. г. ц. и в. к. Алексѣю Михайловичю, в. в. и м. и б. Р. с., бьетъ челомъ плотникъ Гришка Ивановъ, чтобъ великіи государь пожаловать ево, велѣлъ ему свое великого государя жалованье кормовые деньги противъ подрядной записи выдать, чтобъ ему, будучи у ево великого государя дѣла, голодною смертию не умереть. І только великіи государь пожалуетъ, велить ему свое великого государя жалованье противъ подрядной записи кор-

мовые деньги выдать по 2 рублі на мѣсяць, і того доведетца дать кормовыхъ денегъ съ того числа, какъ онъ учелъ делать на бумажныхъ заводахъ всякие мельничные заводы июня съ 15-го числа августа по 6 число 2 рублі 10 алтынъ. Справиль Івашко Коровинъ.

Къ сеі скаске вмѣсто иноземца Бориса Андрѣева, по его велѣнью, Ноугородской подьячей Гераско Елисѣевъ руку приложилъ.

А по осмотру подьячего Івана Коровина на мельнице бумажныхъ заводовъ плотникъ Гришка Івановъ здѣлалъ мельничныхъ заводовъ: колесо водяное, 44 песта дубовыхъ, которые бывають въ ступахъ для толченья трипциъ, на валъ вытесено 250 пальцевъ кленовыхъ, чѣмъ поднимать песты въ ступы; а иное дѣло онъ, плотникъ Гришка, дѣлаеть, что онъ, Борисъ, къ тому заводу ни укажетъ. Іванъ Коровинъ сказалъ и руку приложилъ.

Помѣта: по сей выписке дать ему за дѣла, что онъ заработалъ 2 рублі 10 алт. съ роспискою.

По сей выписке плотникъ Григорей Івановъ кормовыхъ денегъ 2 р. 10 алт. взялъ, а вмѣсто ево росписался Посольскихъ сѣней площадной подьячей Куземка Івановъ, по ево Григорьеву велѣнью, руку приложилъ.

Царю г. і в. к. Алексѣю Михайловичю, в. в. и м. и б. Р. с., бьютъ челомъ бумажнаго дѣла мастера Яганка Удендалъ да Бориска Андрѣевъ. Работа(е)мъ мы, иноземцы, у твоео великого государя дѣла на бумажномъ заводе; а твоео великого государя жалованья намъ, иноземцамъ, на прошлой мѣсяць не дано. Милосердый г. ц. і в. к. Алексѣй Михайловичъ, в. в. и м. и б. Р. с.! Пожалуй насъ, иноземцовъ, вели, государь, намъ на прошлой мѣсяць, на іюль, свое великого государя жалованья выдать, чтобъ намъ, будучи у твоео великого государя дела, голодною смертью не помереть. Царь государь, смилуйся!

Помѣта: выписать.

И противъ сей челобитной выписано: въ нынешнемъ во 181-мъ году мая въ 19 день в. г. ц. и в. к. Алексѣй Михайловичъ, в. в. и м. и б. Р. с., указалъ: по своему великого государя имянному указу на рекѣ Яузе, на которомъ месте напередъ сего бывала мельница, что построена была изъ Пушкарского приказа, и въ томъ мѣсте завести къ бумажному строенью мельницу, и анбары, и всякие заводы; а денги на то мельничное строенье и за лесные запасы подрядчикомъ, и плотникомъ и работникомъ давать изъ доходовъ приказу Володимерские чети съ росписками. И по тому великого государя указу велено быть у того бумажнаго строенья иноземцомъ Ягану Удендалу да Борису Андрѣеву мая съ 19-го числа; а великого государя жалованья кормовыхъ денегъ по чему имъ на мѣсяць давать указано, того въ приказе Володимерские чети не вѣдомо. І в. г. ц. і в. к. Алексѣю Михайловичю, в. в. и м. и б. Р. с., бьютъ челомъ иноземцы бумажнаго дѣла мастера Яганъ Удендалъ да Борисъ Андрѣевъ, чтобъ великий государь пожаловалъ ихъ, велѣлъ имъ свое великого государя месечное жалованье кормовые день-

ги выдать, чтобъ имъ, будучи у ево великого государя бумажного дѣла, голодною смертью не умереть. Справиль Ивашко Коровинъ.—А по справке съ Посольскимъ приказомъ въ переводахъ з договорныхъ писемъ, каковы даны за Ивановою рукою *ванъ Сведена въ Весланской земль въ городе Эсенне* иноземцомъ бумажного дѣла мастеру Ягану Отендолю, да мельничному мастеру жъ Беренту Отендолю жъ написано: договорился онъ съ ними, что жить имъ у него на бумажныхъ заводахъ 4 года, а найму на годъ давать: Ягану по 110 еeimков, Беренту по 60 еeimковъ; да имъ же сверхъ того пить и есть ево Иваново. А какъ они къ Москве приѣхали, и имъ по договору вмѣсто ѣствы и пиять давано сверхъ годового по 2 рубли человѣку на мѣсяцъ.

181-го июня въ 1 день. По указу в. г. ц. и в. к. Алексѣя Михайловича, в. в. и м. и б. Р. с., околичей Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, да дьяки думной Григорей Богдановъ, да Яковъ Поздышевъ, да Иванъ Евстаѣевъ, слушавъ сей выписки, по справке съ Посольскимъ приказомъ з договорныхъ писемъ, каковы даны въ переводахъ за Ивановою рукою *ван-Сведена въ Весланской землѣ, въ городе Эсенне* иноземцамъ бумажного дѣла мастеромъ Ягану *Тундтлу* да Борису Андрѣеву, приказалъ давать великого государя жалованья кормовыхъ денегъ июня съ 1-го числа впредь помѣсечно по 2 рубли человѣку на мѣсяцъ съ роспискою, для того что тотъ Яганъ да Борисъ учали мельничные бумажные заводы на реке Яузе строить маяя зъ 19-го числа нынешнего 181-го году.

По склейкамъ: думной діакъ Григорей Богдановъ.

По сему великого государя указу бумажного заводу мастера Яганъ Удендаль да Борисъ Андрѣевъ кормовыхъ денегъ на іюнь, на іюль, на августъ мѣсяцы взяли по 2 рубли на мѣсяцъ на человѣка, ітого 12 рублевъ сполна, а въ ихъ мѣсто росписался Посольскихъ сѣней площадной подъячей Артиюшка Кургановъ.

Се азъ думного дворянина Ивана Ивановича Баклановского вотчины ево Галитцкого уѣзду Березовские волости деревни Павловы крестьянинъ ево Карпъ Ѳедоровъ да язъ того жъ Галитцкого уѣзду Успѣния Пречистой Богородицы Па(и)сѣипа монастыря Селинские волости деревни Бучигина крестьянинъ Иванъ Гордѣевъ, оба мы подрядчики і плотники съ товарищи подрядилися если ись Посольского приказу у околичего Артемона Сергѣевича Матвѣева, да у думного дьяка у Григорья Богданова, что намъ плотникомъ здѣлать на государеве Бумажномъ заводе: поставить 2 избы 4-хъ саженныхъ, а въ нихъ дѣлать нутра, стены вытесать і выскоблить, и по 6 оконъ доспѣть волоковыхъ, да по окну косяшному, да лавки кругомъ съ опушками, оп(л)ечки рубленные, рубить въ бревнахъ, да передъ печьми забрать по чулану, а у конниковъ доспѣть по залавку, что у дверей, да полка избъ тройная, да спереди у обохъ избъ по трубе по три доски въ трубу, да двери у обохъ съ косяками, да межъ ими 4 саженные сени, стена межъ ими перерубать, да 2 отхода з дверьми, да у техъ сеней двой двери: одне съ

крыльцомъ, а другіе съ рундукомъ. А свершить те сени с-ызбами подь одинъ верхъ, а крыть дранью. Да зделать 3 дубины длиною 4-хъ саженьныхъ, а въ двухъ дубинахъ здѣлать 8 ступъ 2-хъ аршинныхъ, а третью дубину выгранить въ 3 грани и растерть пилами, да въ край здѣлать по ступе и тѣхъ всѣхъ будеть 10 ступъ. А въ третьей дубинѣ въ отсычку в . сять два бруса, да переставить 3 жилово подклета . трои двери зачинать, да срубить поварня дли- (ною . са)жень въ одну сторону, а въ другую сторону поперегъ во(семь) сажени, вышину 25 рядовъ и срубить и поста(вить) въ моху і покрыть дранью, да на верху доспѣть дымникъ двои дв . косякими, 4 окна косяшныхъ, да ерчагъ; а въ той поварне варить клей. Да поставить рубленой анбаръ въ моху въ длину пять сажень, а въ ширину 3 сажени, а въ немъ доспѣть 3 окна косяшныхъ, двери косяшны, въ немъ мостъ въ закрой, а покрыть дранью со скалами. Да у того жъ заводу доспѣть ворота створные и покрыть ихъ тесомъ з зубцами, а забирать надъ теми ворота вкосять. А зделать намъ полотенцо въ доскахъ, а другіе ворота перенести, гдѣ намъ укажутъ. А рядили мы, плотники, отъ того государева дѣла 55 рублей денегъ; а напередъ взяли половину денегъ, а достальныя деньги намъ, плотникомъ, имать, какъ понадобятся . етъ мы, плотники Карпъ да Иванъ съ товарищи, . государева дѣла .

Къ сей подрядной записи вмѣсто подрядчи(ковъ) вотчины Ивана Ивановича Бакланов(скаго) Галицкаго уѣзду деревни Павловы крестьянина Карпа Ѳедорова да товарища ево Памѣяннскаго монастыря крестьянина Ивана Гордѣева князя Василья Ивановича Хилкова человекъ ево Дмитрей Ивановъ сынъ Логиновъ, по ихъ велѣнью, что они грамотѣ не умѣють, руку приложилъ.—Послухъ Лучка руку приложилъ.

Помѣта: будеть дешевле того иныя не (воз)мутъ, высмотря поручную, и деньги по уговору дать съ роспискою.

По сей подрядной записи плотники Карпъ Ѳедоровъ съ товарищи противъ сей подрядной записи половину денегъ 27 рублей съ половиною взяли, а въ ихъ мѣсто, по ихъ велѣнью, Соля Галицкой посадкой человекъ Ивашко Успенской руку приложилъ.

Лѣта 7182-го июля въ 6 день. По государеву ц. и в. к. Алексѣя Михайловича, в. в. и м. и б. Р. с., указу память Посольскаго приказу приставу Козмѣ Данилову. Доправити ему противъ уговорныхъ писемъ иноземца Ивана еан-Сведена исцомъ иску недоплатныхъ заслуженныхъ уговорныхъ денегъ бумажного мастера Ягана Оттендала 95 рублей 23 алтына 2 деньги да мельничного мастера Бернета Отендоля 58 рублей 9 алтына 2 деньги па иноземке Ивановской женѣ еан-Сведина на вдовѣ Марье Давыдове, по еѣ заемнымъ письмамъ. А доправа тѣ деньги съ вѣдома околничего Артемона Сергѣевича Матѣева, да дяков думного Григорья Богданова, да Якова Поздышева, да Ивана Евстаеѣва, да Василья Бобинина отдать имъ иноземцомъ с роспискою.

Діакъ Іванъ Евстаѣевъ. Справилъ Петръ Долгово. (1674 г., № 177).

И против сего челобитья в приказъ Володимерские чети выпи-
сано:

Великого г. ц. і в. к. Алексѣя Михайловича, в. в. и м. и б. Р. с., жалованья бумажного дѣла мастеру Ягану Удендалу, плотничного дѣла мастеру Борису Андрѣеву мѣсячных кормов указная статья по 3 рубли человѣку, плотникомъ 1-му человѣку по 2 рубли, 1-му жъ человѣку по рублю по 25 алтынъ, 5 человѣкомъ трепишникомъ по рублю человѣку на мѣсяць. И по тому в. г. ц. і в. к. Алексѣя Михайловича, в. в. и м. и б. Р. с., указу бумажного дѣла мастерамъ и плотникомъ и трепишникомъ ево государево жалованье мѣсячной кормъ данъ по апрѣль мѣсяць *нынешнего 183-го году*, а на апрѣль, и на май, и на июнь мѣсяцы кормовыхъ денегъ имъ не дано. И ныне в. г. ц. і в. к. Алексѣю Михайловичю, в. в. и м. и б. Р. с., бумажного дѣла мастера и плотники и трепишники Яган Удендал с товарищи бьют челом, чтобъ великий государь пожаловал свое государево жалованье, кормовые деньги на апрѣль, и на май, и на июнь мѣсяцы велѣл имъ выдать, чтобъ имъ дѣла не отбыть и врознь не разбрестся, а у государева де дѣла они бывають неотлучно.

И только в. г. ц. і в. к. Алексѣй Михайловичъ, в. в. и м. і б. Р. с., бумажного дѣла мастеровъ и плотниковъ Ягана Удендала с товарищи пожалуетъ, свое государево жалованье кормовые деньги укажетъ имъ дать, и иметца имъ на апрѣль, и на май и на июнь мѣсяцы дать: бумажного дѣла мастеру Ягану Удендалу 9 рублей, плотничного дѣла мастеру Борису Андрѣеву 9 рублей, одному человѣку плотнику 6 рублей, одному жъ человѣку плотнику жъ 5 рублей 8 алтынь 2 де, пяти человѣкомъ трепишникомъ по 3 рубли человѣку; всего 9-ти человѣкомъ 44 руб. 8 алт. 2 д.

Справилъ подьячей Афонко Дмитриев. (1675 г. № 132).

И бояринъ Артемон Сергѣевичъ Матѣевъ да дьяки—думной Григорей Богданов, да Василей Бобинин, да Емельянъ Украинцов, да Любимъ Домнинъ приказали: на Бумажной мельнице у иноземцовъ у Еремѣя Левкина да бумажного дѣла у мастеровъ взять скаски за руками—на Бумажной мельнице бумага, которая ныне в остатке есть, по смѣте сколько стоить будетъ и на отдѣлку той бумаги, что какихъ запасовъ надобно?

И бумажного дѣла м(астеръ Отон)деля в скаске какъ Рыкачеву: в прошл . . . марта во 2 день н .
в прошлом во 183-м . . . мельнице здѣлано бы . . .
клееной бумаги 113 . . . бумага отдана в приказ (Новые) Оптек(и). А какъ де тоѣ бумагу клеили и отдѣльвали наготово, и в то де время изьяну вышло 57 стопъ. А за тѣмъ де на Бумажной мельнице осталось неклееной всякой бумаги 230 стопъ. А какъ де тоѣ остаточную бумагу учнут клеить, и из дѣла выдетъ доброй бумаги 134 стопы; а за тѣмъ ис той остаточной бумаги изьяну будетъ 53 стопы.

И по справкѣ с приказомъ Новые Оптеки в прошлом во 183-м году з Бумажной мельницы в приказъ Новые Оптеки на расходы взято бумаги:

бѣлой писчей 87 стопъ, да сѣрой 69 стопъ, обоево бѣлой и сѣрой 156 (стопъ). А за тѣм ныне из дѣла в . . . стопы.

Всего по скаске бумажного . . . мастера Ягана Отонделя . . . здѣлано, и в приказ Новые Оптеки) отдано и что ныне из дѣла выдетъ—290 стопъ; да в клеение изьяну будетъ 110 стопъ.

Да иноземець ж Еремѣй Левкин сказал: только де великий государь укажетъ остаточную бумагу отдѣлать совсѣмъ и на клеение де той бумаги надобно запасов: 10 пуд квасцов по рублю по 20 алтын пуд, итого 16 рублей; 3 сажени дров сухих 6 рублей; на клей 30000 бараньих ног по 10 алтын 1000, итого 9 рублей; 2000 саж. верви тонкой, чѣм бу(магу) в стопы вязат, рубль 20 алтын; на терку 2 листа двойных . . . желѣза, 4 алтына; да мастером с работникой за дѣло . . . по 8 алтын пол 2 деньга от стопы, итого 30 рублей. Всего на запасы и мастеру с работникой дать 62 рубли 24 алтына.

Да наперед сего из доходов приказу Новые Аптеки и Володимерские чети на бумажное дѣло на покупку трепицы и иныхъ запасов дано 72 рубли 32 алтына 2 деньга.

И только великий государь остаточную бумагу, которая ныне в остатке есть, укажетъ отдѣлать наготово, и по скаске иноземца Еремѣя Левкина денги 62 рубли 24 алтына дать, и на бумажное дѣло с прежним расходомъ в расходе будет 135 рублей 23 . . . И бумага, которая здѣлана и отдана в Новую Оптеку, и что ныне из (дѣ)ла выдет,—ценою иметца: 176 стопъ по 20 алтын по 3 деньга стопа, а достальная 45 стопъ по 20 алтын по 2 деньга стопа. Да сверхъ той бумаги в прибыли ж сѣрой бумаги 69 стопъ, которая взята в приказ Новые Оптеки. И ныне остаточная бумага кому додѣлывать и денги на запасы против скаски иноземца Еремѣя Левкина дат ли? Великий государь ц. и в. к. Феодоръ Алексѣевичъ, в. в. и м. и б. Р. с., о том что укажет?

Справил Андриюшка Городецкой.

По склейкамъ: Емельян Украинцов.

Помѣта: 185-го сентября въ 13 де. По указу великого государя велѣть ту бумагу 134 стопы или будетъ и болши додѣлать иноземца Еремѣевым мастером Левкина и принесть в приказ Володимерские чети совсѣмъ обрядя начисто; а то ему сказать, чтоб та бумага была бела и чиста и непроступчива. А на отдѣлку той бумаги 62 р. 24 алт. выдать Еремѣю Левкину из доходов Володимерские чети с роспискою.

И против сей помѣты иноземцу Еремѣю отдано остаточной бумаги по скаске иноземца Ягана Отонделя 134 стопы, и на отдѣлку той бумаги дано ему Еремѣю на покупку запасов из Володимерские чети 62 р. 24 алт., и тое бумагу отдѣлав наготово отдать ему Еремѣю в Володимерскую четъ.

На оборотъ 3 л., на лицевой сторонѣ лл. 4 и 6 слѣдуетъ росписка Левкина (Herman Leefken) въ полученіи бумагъ и денегъ. (Дѣла вновь разобранныя № 561).

(Документы, кромѣ отмѣченныхъ, изъ дѣла 1673 г. № 102).

5.—1612 г. О дачѣ помѣстья Ч. Челищеву въ Муромскомъ уѣздѣ.

. и у выписи Чеботай Ѳеодоров сынъ Че(лицевъ) сказал: помѣсье деи за нимъ . . . в Торопцѣ . . . и обоего . . .

. тѣми помѣстьи не (влад)ѣть . . . Мо . . . ских людей от воины тѣ его помѣсья . . . , а оклад деи его 700 чети.

А о чомъ государю царю и великому князю Вл . . . Жигимонтовичю всеа Русіи Чебо . . . бьет челомъ, и в противне с писцовых книг . . . Ивана Т . . . ызина да . . . нова, каков прот . . . . . четверги за приписью діака Ондр . . . ва лѣта 7095-го написано: в Муромскомъ уѣзде в Стародубе вот . . . село Пурок на рѣке на Оке, и всего . . . , да 4 селца да 54 деревни . . . , живущих 693 дворы, а людей . . . человекѣи, да на лготе 9 (дво)ров, а людей в них 10 человекѣи, да непашен . . . с полдворомъ, а людей в них 46 человекѣи . . . впусе селище да 13 пустошей, что был дер . . . , да 38 дворов, да 48 мѣсть дворовыхъ, да непашенных впусе дворов да 4 . (л. 2) . . . дворовых, пашни паханые добрые земли 1006 десятин с четью, да средние земли 1078 десятин, да за лготчики добрые земли 12 десятин с полдесятиною, да средние земли 25 десятин с полдесятиною, да впусе перелогу добрые земли 39 десятин без чети, да средние земли перелогу 419 десятин с полдесятиною, да перелогу ж доброго лѣсомъ поросло 20 десятин, да середнего перелогу лѣсомъ поросло 335 десятин с полдесятиною. И всего пашни паханые добрые и средние земли и перелогу и лѣсомъ поросло 2936 десятин, а четвертми иметца 5872 чети в поле, а в дву потому ж, сѣна 4515 копен, да на сено дано перелогу 5 десятин с третью в поле, а в дву потому ж, сѣна помѣчена 230 копен, лѣсу пашенного 38 десятин с полдесятиною, да непашенного 183 десятины с полдесятиною, а вытей в живущемъ 381 выт бес пол-пол-трети; да накладных вытей, которые крестьяне живут о спорных деревнях и не хотя менятис меж себя прибавили на себя сверхъ мѣры выт с полтретью, и обоего и с накладными 382 выти и пол-пол-трети, да на лготе 7 вытей без чети; ис того числа полвыти выдет изо лготы въ 96-мъ году, да пол-двѣ выти выдет въ 97-м году, да пол 2 ж выти въ 98-м году, да 3 выти с четью выдут въ 99-м году, а впусе 137 вытей (л. 3) с полувытью и пол-пол-трети выти, а кладено на выт добрые земли по 5 десятин, а средние по 6 десятин, сѣна на выт по 20 копенъ, а инде по 15 копен. А посопного хлѣба з живущих вытей 4585 чети ржи, а овса то ж, с выти 12 чети ржи, а овса то ж. Да денежных доходов с саду пол 3 рубли, да пошлин по 4 ал. з денгою, с перевозу, что на Оке рѣке под Пурокою, 2 рубли, да пошлин гривна; с лугу с-Бшутинского 4 гривны, пошлин 4 денги; да з дву мелницъ оброку 5 рублевъ, пошлин 8 алтынъ 2 ден.; да с лугу, что за Окою рекою, у Олешки у Мануилова оброку пол-полтины, да пошлин

пол 3 ден.; да с лугу ж с Ывашевы веретеп 2 гривны да пошлин 2 ден., да с пяти пустошей с Рябинкины, да с Галица, да з Горбанцова, с Трепекины, да с Вастромы оброку ж 2 рубли 26 алтынъ 4 ден., да пошлин 4 алтыны 4 ден., да с пустошей же з Голенева, с Чорного Раме-нейца, что дал Иван Талызин, оброку 23 алтыны 2 ден., да пошлин 7 ден., а дати с тѣх з дву пустошей тот оброкъ впервые въ 96-м году, да с непашенных съ 39 дворов с полдворомъ оброку 3 рубли 31 ал. 4 ден., да пошлинъ 6 алтынъ пол 4 ден. И всего всяких денежных доходов оброку и пошлинъ оприч ямских денег 18 рублей и 23 алтыны. (л. 4) А сошного писма в живущемъ 5 сох бес трети; а впусе соха бес пол-пол-чети; а положено в соху добрые земли по осмисот чети, а серед-ние земли по тысяче чети.

А по Пятого писму Тумьского всеѣ в Пороке было в живущемъ и в деревнях 383 выти и пол-трети и пол-пол-пол-трети; а посопного хлѣба платили 4598 чети с осминою ржи, а овса то ж. Да денежных всяких доходов с непашенных дворов и с саду, и с перевозу, и с мельниц, и с пустошей, и с лугов оброку и пошлин 17 рублей 12 ал. 2 ден., а сош-ного писма было в живущей 4 сохи с четью, а впусе сошного писма соха с четью.

И по Иванове описи Талызина убыло из живущего в пусто выт с пол-четью, а посопного хлѣба убыло 13 чети с осминою ржи, а овса то ж; а денежных всяких доходов прибыло рубль 10 алтын 4 ден. А сошно-го писма прибыло перед Пятовою описью в живущемъ пол-сохи бес пол-пол-трети сохи, а прибыло сошного писма, потому что кладено было в соху преж сего добрые земли болши осмисот чети в соху; да во лго-ту прибыло 7 вытей без чети, а как изо лготы выдут, и посопного хлѣ-ба с тѣх вытей взяти 81 чет ржи, а овса то ж; а сошного писма в тѣх во лготных вытях пол-пол-трети сохи.

(л. 5) И у выписи Чеботай Челищев сказал: в прошломъ деи во 119-м году послан дворенин Курдюк Давидовъ в Муромской уѣздъ в село Пу-рок з деревнями, а велено ему то село Пурок з деревнями роздати в помѣсье детемъ боярскимъ розных городов: Ивану, да Захарью, да Гав-рилу Быковымъ, да Гордѣю Палчикову, да Ивану, да Левонтью Карпо-вымъ, да Семену, да Ивану, да Василью Кругликовым, да Богдану Ви-дѣньеву, да Семену Давыдову, да Степану Ламанову и иным детям боярскимъ. А отпуску в Помѣстном приказе не сыскано, как то село Пурок з деревнями велено роздати детям боярскимъ.

И государю царю и великому князю Владиславу Жигимонтовичю всеа Русии Челобай (sic) Челищев бьет челомъ, чтоб его государь пожаловал, велѣл испомѣстити в селѣ Пуроке з деревнями, что дано Ивану, да Захарью, да Гаврилу Быковымъ с товарищи, а они деи государю изменили, пишѣ у воров в полкехъ. *На оборотѣ:* правил подьячей Посничка Карпов.

Внизу помѣieno: у Посника ума нѣт, иной грамоты не сыскати, вѣрит нѣчему, сыскать для че (?) то дѣялос, при мнѣ мочно того сыскати.

**Въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ продаются слѣдующія книги:**

1. Труды и Лѣтописи Общества, 2—8 части. М. 1815—1837 г. Ц. по 50 к. за книгу.
2. Русскія достопамятности. Часть 1-я, 1815 г., ц. 50 к. Ч. 2-я (Русская Правда). 1843 г., ц. 1 р.
3. Предварительныя критическія изслѣдованія для Россійской исторіи. Эверса, пер. съ нѣмец. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 1 р.
4. Древности сѣвернаго берега Понта. Соч. П. Кенпена. переводъ съ нѣмец Средняго-Камашева. М. 1828 г., ц. 50 к.
5. Псковская лѣтопись, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р.
6. Русскій Историческій Сборникъ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—1846 г. 7 томовъ. Ц. по 1 р. за томъ.
7. Славянскія древности. П. І. Шафарика, перев. съ чешскаго О. Бодянскаго. Т. I, кн. 1 (1-е и 2-е изд.). т. II, книга 3. Ц. 2 р. за книгу.
8. Историко-критическія изысканія. Ю. Венелина. Т. II. М. 1841 г., ц. 1 р. 50 коп.
9. Повѣствованіе о Россіи Н. Арцыбашева. М. 3-й т. Ц. 3 р. Начало IV-го (кн. 7, стр. 1—308; кн. 8, стр. 1—16). Ц. 2 р.
10. Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червоной или Галицкой Руси до конца XV столѣтія. Соч. Зубрицкаго; пер. съ польск. О. Бодянскаго... М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к.
11. О Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Феодоровича и послѣ его до Петра 1-го. Изслѣд. П. Бѣляева. М. 1846 г., ц. 50 коп.
12. Книга Большой чертежъ, изд. Г. Спасскимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к.
13. Исторія о Донскихъ казакахъ Соч. А. Ригельмана. Безъ рисунковъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к.
14. Очеркъ исторіи письменности и просвѣщенія славян. народовъ до XIV в. Соч. А. Мацѣвскаго; пер. съ польскаго П. Дубровскій. М. 1846 г., ц. 50 коп.
15. Изслѣдованіе начала народовъ славянскихъ. Разсужденіе Л. Суворецкаго. Переводъ съ польскаго Юстина Бѣлявскаго. Съ предисл. О. Бодянскаго М. 1846 г., ц. 50 коп.
16. Лѣтопись самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго и о междоусобіяхъ бывшихъ въ Малой Россіи по его смерти. Съ предисловіемъ П. Кулиша и О. Бодянскаго. М. 1846 г., ц. 1 р.
17. Реймское евангеліе, изд. В. Ганкою. 1846 г. Ц. 3 р.
18. О бунтѣ г. Пинска и объ усмиреніи онаго въ 1648 году. Переводъ съ польскаго Николая Яковскаго. М. 1847 г., Ц. 10 к.
19. Исторія о казакахъ Запорожскихъ. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 50 коп.
20. Описаніе о малой Россіи и Украинѣ. Соч. Станислава Зарульскаго. Съ предисл. О. М. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 25 коп.
21. Критическое разложеніе всѣхъ именъ Аттилина семейства и прочихъ, такъ называемыхъ, гуннскихъ его вельможъ, о которыхъ только упоминаетъ Прискъ въ своихъ путевыхъ запискахъ. Юрія Венелина, ц. 50 к.
22. Переписка и другія бумаги шведскаго короля Карла XII, польскаго Станислава Лещинскаго, татарскаго хана, турецкаго султана, Филиппа Орлика и кievскаго воеводы Іосифа Потоцкаго на латин. и польск. языкахъ. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 50 коп.
23. Древнія святыни Ростова великаго. Съ 6 изображеніями. Соч. гр. М. Толстаго. М. 1847 г., ц. 50 коп.

24. Описаніе города Острога. Составл. А. Першштейномъ. Съ планомъ древняго Острога. М. 1847 г., ц. 20 к.

25. Паралипомевъ Зонариуъ. Съ предисл. О. Бодянского. М. 1847 г., ц. 50 коп.

26. Иностранныя сочиненія и акты, относящіяся до Россіи. Кн. М. А. Оболенскаго. В. І. Шаумъ М. 1847 г., ц. 50 коп.

27. Украинскія народныя преданія. Собралъ П. Булишъ. Книжка первая. М. 1847 г., ц. 50 коп.

28. Краткое историч. описаніе о Малой Россіи до 1765 г., съ дополненіемъ о Запорожскихъ казакахъ и приложеніями, касающимися до сего описанія, собранное 1789 г. Съ предисл. О. Бодянского. М. 1848 г., ц. 50 к.

29. Повесть о томъ, что случилось на Украйнѣ съ той поры, какъ она Литвою завладѣла, ажъ до смерти гетмана Зиновія Богдана Хмельницкаго. Сообщ. Н. Н. Срезневскимъ. Съ предисловіемъ О. Бодянского. М. 1848 г., ц. 25 коп.

30. Малороссійская переписка, хранящаяся въ Московской Оружейной палатѣ. Сообщ. Н. Забѣлинъ М. 1848 г., ц. 10 коп.

31. Граматично исказанѣ об Рускомъ эзыку. Соинп. попа Юрка Крижанця. Съ предисл. О. Бодянского. М. 1848 г. ц. 1 р. 25 к.

32. Исторія Россійская. В. Н. Татищева Книга 5-я, или часть 4-я. М. 1848 г., ц. 1 р. 50 к.

33. Опытъ русскаго простонароднаго словоупотребленія. (Буквы А—Н; стр. 1—181. М. Макарова. М. 1848 г. ц. 1 р.

34. Алексѣй Однорогъ. Истор. романъ. Спб. 1853 г. Ц. 1 р. съ пересылкою.

35. Источники малороссійской исторіи, собранные Д. Н. Бантышевъ-Камелскимъ и изд. О. Бодянскимъ. Ч. I. М. 1848 г. Ч. II. М. 1859 г., ц. по 2 р. за томъ; за оба 3 руб.

36. Memorial poétique sur la guerre d'Orient. écrit en vers grecs par Alexandre Soutzo et traduit en prose française par lui même. Odessa 1855 (стр. 1—225). Ц. 1 руб.

37. О времени происхожденія славян. письменъ. Соч. О. М. Бодянскаго. М. 1855 г. (безъ снимковъ) ц. 2 р.

38. Діаріушъ или журналъ, т.-е. повседневная записка случавшихся при дворѣ пана гетмана Скоропадскаго окказій и церемоній, такожъ и въ канцеляріи войсковои отправуемыхъ дѣлъ. Хорунжаго Ник. Дан. Хавенка. Съ историч. свѣдѣніемъ о сочинителѣ О. Бодянскаго. М. 1858 г., ц. 50 к.

39. Наставленіе выборному отъ Малороссіи. коллегіи въ Комиссію о сочиненіи проекта Новаго Уложенія Дм Наталину и возраженіе депутата Гр. Политики на оное наставленіе. М. 1858 г., ц. 20 к.

40. Грестьянскія челобитныя. Письма помѣщиковъ. Челобитныя помѣщиковъ. Сообщ. Вл. Борисовъ. М. 1859 г., ц. 10 к.

41. Тетрадь, а въ ней имена писаны опальныхъ при царѣ и вел. князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ. Челобитная Вологод. архіеп. Маркела царю Алексѣю о мурѣ св. Николая чудотворца, хранившемся съ 1658 г. въ Вологодскомъ Софійскомъ соборѣ. Сообщ. Н. Суворовъ. М. 1859 г., ц. 10 к.

42. Мнѣніе министра Юстиціи Трошинскаго о проектѣ Уложенія. М. 1859 г., ц. 10 к.

43. Примѣчанія на нѣкоторыя статьи, касающіяся до Россіи графа А. Р. Воронцова, импер. Александру I представленныхъ. Сообщ. А. И. Казначеевъ. Объясненія—смысла ли? (о расколу учителя діаконъ Фѣдоръ). О. М. Бодянскаго. М. 1859 г., ц. 10 к.

44. Мнѣнія генерала Мордвинова о вредныхъ послѣдствіяхъ для казны и частныхъ имуществъ отъ ошибочныхъ мѣръ управленія государств. казначействомъ; по дѣлу подрячниковъ на пенку и на парусныя полотна по Черноморскому флоту; о неудобствахъ могущихъ послѣдовать отъ введенія закона подвергать секвестру и публичной продажѣ имѣнія, кои дошли отъ мужа къ жемъ, когда окажется на первомъ казенное взысканіе; и по дѣлу о вольницѣ Тоузаковой, обвиняемой въ смерти своего мужа. М. 1859 г., ц. 15 к.

45. Походы викинговъ, государств. устройство. нравы и обычаи древнихъ скандинавовъ. Соч. А. М. Стринголма, перев. съ нѣм. А. Шемякина. Съ приложеніями и примѣчаніями нѣм. переводчика Б. Ф. Фриша. М. 1859—1861 г., ц. за оба тома 3 руб

46. О земельной собственности въ древней Сербіи. А. Майкова. М. 1860 г., ц. 50 коп.

47. а) Деньги и пулы древней Руси великокняжескія и удѣльные. Д. Сонцова. М. 1860 г. (стр. I—X+11—140 съ 11-ю таблицами (№№ 1—11) литограф. снимковъ пулъ и денегъ), ц. 2 р. перес. за 2 ф. и б) — Прибавленіе 2-е (стр. I—IV+5—82+2 таблицы (№ 13 и 14) М. 1862 г., ц. 50 коп. перес. за 1 ф.

48. Переписка между Россією и Польшею по 1700-й годъ, составленная по дипломатич. бумагамъ Н. Н. Бавтышемъ-Каменискимъ. Съ предисловіемъ О. Бодянского. Ч. I. 1487—1584 гг. М. 1860 г. — Ч. II. 1584—1612 гг. М. 1861 г. — Ч. III. 1612—1645 гг. М. 1862 г., ц. по 1 р. 50 к. за томъ; за всѣ три—3 р. 50 коп.

49. Замячаніе графа О. В. Ростовчина на книгу г. Стройновскаго. М. 1860 г., ц. 10 коп.

50. Каталогъ славянороссійскимъ рукописямъ, погибшимъ въ 1812 г. проф. Базе. В. Каразина. М. 1862 г., ц. 30 к.

51. Конст. Оеодор. Калайдовичъ. Біографич. очеркъ. Матеріалы для жизнеописанія К. О. Калайдовича и особенно для изображенія ученой его дѣятельности. П. А. Безсонова. М. 1862 г., ц. 1 р.

52. Дѣло объ Арсеніи Мацѣевичѣ, б. митрополитѣ Ростовскомъ. М. 1862 г., ц. 50 коп.

53. Писья и записки императр. Екатерины II къ графу Никитѣ Иван. Панину. М. 1863 г., ц. 1 р.

54. Церковно-историч. описаніе упраздненныхъ монастырей, находящихся въ предѣлахъ Калужской епархіи. Состав. іером. (нынѣ архим.) Леонидъ. М. 1863 г., ц. 1 р.

55. Журналъ генераль-маіора и кавалера Петра Никитича Кречетникова о движеніи и военныхъ дѣйствіяхъ въ Польшѣ въ 1767 и 1768 годахъ. Съ предисл. О. Бодянского. М. 1863 г., ц. 1 руб.

56. а) Журналъ реляцій къ Ея Импер. Велич. 1782—1787 гг. Тульского, Рязанскаго и Калужскаго генераль-губернатора Михаила Никитича Кречетникова и б) писья къ нему гр. З. Г. Чернышева и другихъ. Съ предисловіемъ О. Бодянского. М. 1863 г. Цѣна 1 руб.

57. Довошеніе попечителя Казанскаго округа на издателя «Библіографич. листовъ» г. Министру Нар. Просвѣщенія. М. 1864 г., ц. 10 к.

58. Обзорніе рукописей и старопечатныхъ книгъ въ книго-хранилищахъ монастырей, городскихъ и сельскихъ церквей Калужской епархіи. Состав. архим. Леонидъ. М. 1866 г., ц. 1 руб.

59. Описаніе славянскихъ рукописей московской Патріаршей бібліотеки. Раздѣлы I—III. Свящ. Писаніе, толкованіе его и каноническое право. Трудъ В. М. Ундольскаго. Съ предисловіемъ О. Бодянского. М. 1867 г. ц. 50 к.

60. Путешествіе въ Московію барона Августина Майерберга и Горація Вильгельма Кальвуччи, послѣвъ импер. Леопольда къ царю Алексѣю въ 1661 г. Переводъ съ латин. А. Н. Шемякина. Съ предисловіемъ О. Бодянского. М. 1874 г., ц. 2 р.

61. О вліяніи борьбы между народами и сословіями на образованіе русскаго государства въ домонгольской періодъ. Проф. М. Д. Затыркевича. М. 1874 г., ц. 2 р.

62. Россія при Петрѣ Великомъ, по рукописному извѣстію Г. Г. Фоккеродта и Оттона Плейера. Переводъ съ нѣмец. А. Н. Шемякина. М. 1874 г., ц. 1 руб.

63. Бытъ западно-русскаго селянина. Юл. О. Крачковскаго. М. 1874 г., ц. 1 р. 25 коп.

64. Описаніе путешествія въ Москву посла римскаго императора Николая Варкоча съ 22 іюля 1593 г. Переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Шемякина. М. 1875 г. ц. 1 р.

65. Реестра всего войска Запорожскаго послѣ Зборовскаго договора съ королемъ польскимъ Яномъ Казимиромъ составленные 1649 г. октября 16-го дня, и изданные по подлиннику, съ предисловіемъ, О. Бодянскимъ, съ 2-мя литографиров. снимками, именно: гербомъ гетмана Богдана Хмельницкаго и его подписью. М. 1875 г., ц. 1 р. 50 коп.

66. О мѣстѣ погребенія еп. Д. М. Пожарскаго и о томъ, гдѣ онъ лѣчился отъ ранъ осенью 1611 г. Гр. М. Д. Бутурлина. М. 1876 г., ц. 50 к.

67. Путешествія антиохійскаго патріарха Макарія, описанныя архидіакономъ Павломъ Алепскимъ, переведенныя съ арабскаго на

англійскій Ф. К. Бельфуромъ, а съ англійскаго на русскій Дмитріемъ Благово. Выпускъ 1-й. М. 1876 г., ц. 1 р. (597).

68. Русскія народныя пѣсни, собранныя П. В. Шейнымъ. Пѣсни былевья. М. 1877 г., ц. 1 р. (795).

69. Начало и возвышеніе Московіи. Соч. Давида принца изъ Бухова, дважды бывшаго посломъ у Ивана Васильевича, вел. князя Московскаго. Переводъ съ латинскаго Н. А. Тихомирова. М. 1877 г., ц. 50 коп.

70. Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собранныя Я. Θ. Головацкимъ и изданныя О. Бодянскимъ ч. I—IV. М. 1877. ц. 10 руб.

71. Богословіе св. Іоанна Дамаскина, въ переводѣ Іоанна экзарха Болгарскаго. М. 1878 г., ц. 3 р.

72. Шестодневъ, составленный Іоанномъ, экзархомъ Болгарскимъ М. 1879 г., ц. 3 р.

73. Житіе препод. отпа нашего Феодосія игум. печерскаго. Списание Нестора. По харатейя. списку москówek. Успен. собора буква въ букву и слово въ слово. Съ предисловіемъ Андрея Попова. М. 1879 г. ц. 30 коп.

74. Куранты или вѣстовыя письма 1655 и 1665 гг. Сообщ. Н. Е. Забѣлинъ. М. 1880 г., ц. 10 к.

75. Челобитье лѣкаря Ролонта боярину Б. Н. Морозову. Царскіе указы: о г. Ярославлѣ, о писаніи имени Траханиотова съ ничемъ. Приговоръ бояръ относительно Чигиринскаго похода. Сообщ. Н. Е. Забѣлинъ. М. 1880 г., ц. 10 к.

76. Послѣдніе дни кн. Вас. Лук. Долгорукова въ Соловецкомъ монастырѣ. Послѣдніе дни граф. Петра и Ивана Толстыхъ. Сообщ. Макарій епис. Архангельскій. М. 1880 г., ц. 15 к.

77. Подробное описаніе рукописныхъ сочиненій Юрьевскаго архим. Фотія, хранящихся въ Черниговской семинарской бібліотекѣ. М. Лилесва. М. 1880 г., ц. 20 к.

78. Записка объ Архангельскомъ каедральн. соборѣ. Записка объ Онежскомъ Крестномъ монастырѣ. Сообщ. Макарій еп. Архангельскій. М. 1880 г. ц. 15 к.

79. Матеріалы для исторіи Архангельской епархіи. Розыскъ о Моисѣй Чуринѣ и о волшебникахъ его письмахъ, произведенный въ Архангельскѣ и Холмогорахъ

въ 1724 г. Сообщ. Н. А. Поповъ. М. 1880 г., ц. 20 к.

80. Изложеніе хода миссіонер. дѣла по просвѣщенію казанскихъ инородцевъ съ 1552 по 1867 г. А. Можаровскаго. М. 1880 г., ц. 1 р.

81. Библиографич. матеріалы собранныя Андреемъ Поповымъ. IX—XIV. М. 1881 г. ц. 50 коп. № XV Дѣянія апп. Петра и Павла. ц. 50 коп. № XVII. Слово о лжи и клеветѣ. ц. 20 к. № XXI. Слово кратко въ защиту монастырскихъ имуществъ. Съ предисловіемъ А. Д. Григорьева. М. 1902 г. ц. 50 к. (120).

82. Посланія священно-архим. Фотія къ духовной дщери его дѣвицѣ Аннѣ (1820—1822 гг.). Съ предисл. Андрея Попова. М. 1881 г., ц. 50 коп.

83. Историко-статистич. описаніе заштатнаго Пертоминскаго мужскаго монастыря. Сообщ. Макарій епископъ Архангельскій. М. 1881 г., ц. 25 коп.

84. Изъ бумагъ митрополита московскаго Платона. М. 1882 г., ц. 50 коп.

85. Домострой по списку Императ. общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Съ предисловіемъ Н. Забѣлина. М. 1882 г., ц. 1 р. 50 коп.

86. Копія съ писемъ государя Петра Великаго съ 1700 по 1725 г. Сообщ. архим. Леонидъ. М. 1882 г., ц. 25 коп.

87. Святославовъ Изборникъ 1073 г. съ греческимъ и латинскимъ текстомъ. 1-й выпускъ. Съ предисловіемъ Е. В. Барсова и А. Л. Дювернуа. (I—XXV + 1—22 + 1—184). М. 1882 г., ц. 3 руб.

88. Великое Зерцало. (Изъ исторіи русской переводной литературы XVII в.). Изслѣдованіе П. В. Владимірова. М. 1884 г., ц. 1 р. (20).

89. Описаніе актовъ архива Маркелова, относящихся къ исторіи южнорусскихъ монастырей. Е. В. Барсова. М. 1884 г., ц. 50 коп. (967).

90. Писма разныхъ лицъ знаменитому архіепископу Иннокентію Борису. Матеріалы для исторіи Россіи текущаго столѣтія. Собраны Н. Н. Барсовымъ. М. 1885 г., ц. 50 коп. (287).

91. Мнимый «турианизмъ» русскихъ въ вопросу объ инородцахъ и переселеніяхъ ихъ въ Россіи. П. А. Безсонова. М. 1885 г. ц. 50 к. (9).

92. Биографическіе очерки сенаторовъ. (По матеріаламъ, собраннымъ П. И. Барановымъ). П. И. Семенова. М. 1886 г., ч. 1 р. 50 к. (20).

93. Константинъ Никитичъ Тихонравовъ. Н. Голышева. М. 1886 г., ц. 30 коп. (9).

94. О Тиверіадскомъ морѣ. По списку XVI в. Е. В. Барсова. М. 1886 г., ц. 20 коп. (73).

95. Акиръ Премудрый во вновь открытомъ сербскомъ спискѣ XVI в. Съ предисловіемъ Е. В. Барсова. М. 1887 г., ц. 30 коп. (285).

96. а) Лѣтопись византійца Теофана. Въ переводѣ (1846 г.) съ греческаго проф. В. И. Оболенскаго. М. 1891 г. (I—IV + 1—48). Ц. 30 коп. б) Тоже въ переводѣ В. И. Оболенскаго и Ф. А. Терновскаго. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго. М. 1887 г. (I—II + 1—270). Ц. 2 руб.

97. О селахъ Рождественѣ, что на рѣкѣ Истрѣ, Пятницкомъ-Беревдѣвѣ и Мункинѣ, состоящихъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, до 70-хъ годовъ XVIII столѣтія. Я. Копьева. М. 1887 г., ц. 50 к. (4).

98. Дѣло о богопротивныхъ сборищахъ и дѣйствіяхъ. Ш. А. Чистовичъ. М. 1887 г., ц. 40 к. (8).

99. Село Клементьево нынѣ часть Сергѣевскаго посада, составляющая одинъ изъ ея приходовъ. М. 1887 г., ц. 50 к. (4).

100. Матеріалы для Русской исторіи, собр. С. А. Блוקуровымъ. М. 1888 г., ц. 3 руб.

101. Лѣтопись церкви св. великомученика и побѣдопосца Георгія, что на Красной горкѣ, въ Никитскомъ сорокѣ, столичнаго города Москвы. Я. Копьева. М. 1888 г., ц. 50 к. (10).

102. Реляціи временно-главнокомандоващаго русскою арміею генералъ-поручика Фролова-Вагрѣва 1759 г. Д. Θ. Масловскаго. М. 1888 г., ц. 50 к. (14).

103. Дѣло М. Верещагина въ Сенатѣ въ 1812—1816 годахъ. Н. А. Поповъ. М. 1888 г., ц. 20 к. (12).

104. Слѣдственная коммиссія о злоупотребленіяхъ пензенскаго воеводы Жукова (1752—1756 г.). Н. Н. Нееловъ. М. 1888 г., ц. 30 к. (12).

105. Отпаденіе Малороссіи отъ Польши (1340—1654). П. А. Кулиша. М. 1888—

1889 гг. 1—3 тома., ц. 4 рубля съ пересылкой. (1 и 3—10, 2-й-9).

106. Историческіе матеріалы о церквахъ и селахъ XVI—XVIII ст. В. и Г. Холмогоровыхъ. Вып. 6-й Вохонская десятина. Вып. 7-й Перемышльская и Хотунская десятина.—Вып. 8-й Нехранская десятина. М. 1888—1889 гг., ц. по 1 р. за выпускъ. (13).—Вып. 9-й. Волоколамская десятина п. 2 р. Вып. 10-й. Можайская десятина. М. 1901 г., ц. 2 р. (91).

107. Солотчинскій монастырь, его слуги и крестьяне въ XVII вѣкѣ. Историческій очеркъ монастырскаго хозяйства, суда и управленія въ связи съ положеніемъ монастырскихъ слугъ и крестьянъ въ XVII столѣтіи. А. П. Доброклонскаго. М. 1888 г., ц. 50 к. (15).

108. Грамота Константинопольскаго патріарха Іоаннія къ царю Алексѣю Михайловичу отъ 1 марта 1652 года П. В. Безобразовъ. М. 1888 г., ц. 20 к. (9).

109. Дѣло объ еретичествѣ Стефана Прибыловича (1717—1718). Н. Я. Токаревъ. М. 1888 г., ц. 30 к. (11).

110. Переписка стольника А. И. Безобразова 1687 г. А. А. Востоковъ. М. 1888 г., ц. 20 к. (11).

111. Грамота намѣстника ивангородскаго къ ревельскому магистрату въ царствованіе Ивана Грознаго. А. Чумиковъ.—Къ исторіи Московскаго университета. Нилъ Поповъ. М. 1888 г., ц. 20 к. (26).

112. Сношенія Россіи съ Кавказомъ, вып. I. 1576—1613 гг. Матеріалы, извлеченныя изъ Московскаго Гл. Архива М. И. Дѣлъ С. А. Блукуровымъ. М. 1889 г., ц. 3 р.

113. Акты, относящіеся къ исторіи раскола въ XVIII в. Е. В. Барсова (изъ Чтеній 1889 г. кн. II), ц. 40 к. (18).

114. Московская помѣрная изба. Н. Оглоблинъ. М. 1889 г., ц. 20 к. (15).

115. Забѣтки къ исторіи хожденія игумена Данила. VII. Передѣлка хожденія въ сборникѣ св. Димитрія Ростовскаго. М. А. Веневитиновъ. М. 1890 г., ц. 30 к. (14).

116. Два памятника древне-русской кievской письменности XI и XIII вѣка: а) слово о перенесеніи мощей преп. Θεодосія печерскаго, соч. мнха Нестора, и б) похвала преп. Θεодосію печерскому неизвѣстнаго (архим. Серапіона). Сообщ. архим. Леонидъ. М. 1890. Ц. 30 к. (16).

117. Мангазійскій чудотворецъ Василій. Н. Н. Оглоблина. М. 1890. Ц. 10 к. (39).

118. Библиографическія разысканія въ области древнѣйшаго періода славянской письменности IX—X вв. Памятники сихъ вѣковъ по сохранившимся спискамъ XI—XVII вв. Архим. Леонида. М. 1890 г., ц. 20 к. (29).

119. Въ защиту Богдана Хмельницкаго. Историко-критическія объясненія по поводу сочиненія П. А. Кузиша: «Отпаденіе Малороссіи отъ Польши». Генн. Карпова. М. 1890 г., ц. 50 к. (2).

120. Византійскій писатель и государственный дѣятель Михаилъ Пселль. Ч. I. Біографія Михаила Пселла. Изслѣдованіе П. В. Безобразова. М. 1890 г., ц. 1 р. (9).

121. Регламентъ Вѣтчинной коллегіи. Собщеніе и обработка для изданія Н. Ардашевъ. М. 1890 г., ц. 1 р. (12).

122. Елецкая «явочная книга» 1615—16 гг. Н. Н. Оглоблина. М. 1890 г., ц. 20 к. (12).

123. Протестанство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованія. Историческое изслѣдованіе Дм. Цвѣтаева. М. 1890 г., ц. 3 рубля съ пересылкой (10).

124. О мнимои библиографической рѣдкости XVII в. («Служебникъ», изд. въ Москвѣ въ 1650 г.). С. А. Бѣлокурова. М. 1891 г., ц. 50 к.

125. Рукописи Сербскаго письма XIII—XVIII вѣка, находящіяся въ бібліотекахъ Московской губерніи. Архим. Леонидъ. М. 1891. Ц. 10 к. (37).

126. Начало Русскаго государства. Три чтенія д-ра Вильгельма Томсена, профессора сравнительнаго языковѣднія при Копенгагенскомъ университетѣ. Съ просмотрѣнной авторомъ нѣмецкой переработки д-ра Л. Бернеманна. Переводъ Н. Аммона. М. 1891 г., ц. 1 р. (11).

127. Свѣдѣнія о рукописяхъ, содержащихъ въ себѣ хожденіе въ Св. Землю русскаго игумена Данила въ началѣ XII вѣка. Н. В. Рузскаго. М. 1891 г., ц. 50 к. (10).

128. Описаніе рукописей Тверскаго музея. Трудъ М. Н. Сперанскаго. М. 1891 г., ц. 1 р. 50 к. (13).

129. Glagolitica Wündigung neuentdeckter Fragmente von Dr. V. Jagic. Mit. zehn Tafeln. Отдѣльный оттискъ изъ Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften

in Wien. Philosophisch-historische Klasse. Band. XXXVIII. В. Щепкинъ. М. 1891 г., ц. 15 к. (3).

130. Осада Ревеля (1570—1571 гг.) герцогомъ Магнусомъ королемъ ливонскимъ, голдовникомъ царя Ивана Грознаго. А. Чумикова. М. 1891 г., ц. 30 к. (17).

131. Собраніе сочиненій Юрія Кривича:

Вып. I-й: а) 1654 г. I. Pátno opisanie ot Lewówa do Móskwi II. Besída ko Czircásom, wo osobi Czircása upisana. III. Usmotrenie o Carskom Weliczestwu. (Съ одной фототипіею). Съ предисловіемъ В. Н. Щепкина, и б) 1661 г. Объясненіе виводно о писемѣ Словѣнскомъ (съ 1 фототипіею). Съ предисловіемъ В. И. Колосова.—М. 1891 г. ц. 50 к.

Вып. II-й. 1674 г. Толкованіе историческихъ пророчествъ (съ 2-мя фототипіями). Съ предисловіемъ М. И. Соколова. М. 1891 г., ц. 75 к.

Вып. III-й: а) Объ свѣтомъ Крещенію. (Съ 1 фототипіею). Съ предисловіемъ А. В. Башкирова, и б) Обличеніе на Соловѣцкую Челобитну. (Съ 1 фототипіею). М. 1893 г., ц. 1 р. 25 к.

132. Матеріалы для исторіи Крестовоздвиженскаго Визюкова монастыря. Н. А. Поповъ. М. 1892 г., ц. 30 к. (24).

133. Матеріалы для исторіи Общества. Письма О. М. Бодянскаго къ И. А. Чистовичу (1862—1877 гг.). И. А. Чистовичъ. М. 1892 г., ц. 20 к. (26).

134. Памяти о архимандрита Леонидѣ намѣстника св. Троице-Сергіевой лавры († 22 октября 1891 г.). Г. А. Воскресенскаго. М. 1892 г., ц. 30 к. (27).

135. Памятники преній о вѣрѣ возникшихъ по дѣлу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны, собранные Александромъ Голубцовымъ. М. 1892 г., ц. 2 р. 25 коп. съ перес. (9).

136. Тульскій уѣздъ въ XVII в. Его видъ и населеніе по писцовымъ и пориснымъ книгамъ. Е. Щепкиной. М. 1892 г. (съ картой), ц. 2 р. (13).

137. Дневныя дозорныя записки о ижековскихъ раскольникахъ. Части 3—7. Съ предисловіемъ Андрея Титова. М. 1892 г., ц. 1 р. 50 к. (14).

138. Реяціи кн. А. Д. Кантемира въ Лондонѣ (1732—1733 гг.). Т. I. Съ иже-

деніємъ и примѣчаніями В. Н. Александренко. М. 1892 г., ц. 1 р. Т. II, 1734—1735 гг. М. 1903 г., ц. 3 р. (26).

139. Московская Тихвинская, что въ малыхъ Лужникахъ, за Новодѣвичьимъ монастыремъ, церковь. Историческое описаніе, составленное священникомъ Н. А. Сьворцовымъ. М. 1892 г., ц. 1 р. (11).

140. Грузинскій изводъ сказанія о св. Георгіи. А. С. Хаханова. М. 1892 г., ц. 30 к. (28).

141. Общій архивъ Министерства Императорскаго Двора. II. Списки и выписки изъ архивныхъ бумагъ. (Описи домовъ и движимаго имущества кн. Потемкина-Таврическаго, купленныхъ у наследниковъ его императрицею Екатериною II). М. 1892 г., ц. 40 к. (14).

142. Памяти Нила Александровича Попова. II. Шимко и А. Голомбѣвскаго. М. 1892 г., ц. 30 к. (23).

143. Матеріалы для исторіи гор. Саратова. I. Записи книгъ Печатнаго приказа (1650—1675 гг.). Сообщилъ А. А. Гоздаво-Голомбѣвскій М. 1892 г., ц. 30 к.

144. Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ:

Вып. I-й. Собраніе рукописей митр. Макарія. Мѣлецкаго монастыря на Волини, Кіевобратскаго монастыря и Кіевской духовной семинаріи. Н. П. Петрова. М. 1892 г., ц. 2 р.

Вып. II-й. Рукописи Кіевонечерской лавры, кіевскихъ монастырей: Златоверхомихайловскаго, Пустынниколаевскаго, Выдубицкаго, женскаго Флоровскаго и Десятинной церкви М. 1897 г., ц. 2 р.

Вып. III-й. Библіотека Кіево-Софійскаго собора. М. 1904 г., ц. 3 р. (100).

145. Слава Россійская. Комедія 1724 года, представленная въ Московскомъ госпиталѣ, по случаю коронаціи императрицы Екатерины Первой. Съ предисловіемъ М. П. Соколова. М. 1892 г., ц. 60 к. (16).

146. Христорожденская церковь въ Сергіевомъ посадѣ Московской губерніи. А. I. М. 1892 г., ц. 50 к. (16).

147. Дневникъ генерала Патрика Гордона. Переводъ съ нѣмецкаго М. Салтыковой. Ч. I-я, 1655—1661 гг. М. 1892 г., ц. 1 р. 25 к. Ч. II, 1661—1684 г. М. 1892 г., ц. 1 р. 25 коп.

148. Шесть документовъ касающихся пребыванія Петра I въ Даніи. Ю. Н. Щербачевъ. М. 1893 г., ц. 50 к. (16).

149. Объ оскорбленіи царскихъ пословъ въ Крыму въ XVII вѣкѣ. А. Н. Зерцаловъ. М. 1893 г., ц. 30 к. (18).

150. Датскій Архивъ. Матеріалы по исторіи древней Россіи, хранящіеся въ Копенгагенѣ 1326—1690 гг. Сообщилъ Ю. Н. Щербачевъ. М. М. 1894 г., ц. 2 р.

151. Грузинскіе дворянскіе акты и родословныя росписи. (Матеріалы для исторіи Грузіи). Съ предисловіемъ и примѣчаніями А. С. Хаханова. М. 1893 г., ц. 30 к. (7).

152. Московскій Благовѣщенскій священникъ Сильвестръ, какъ государственный дѣятель. Епископа Сергія (Соколова). М. 1893 г., ц. 50 к. (24).

153. Письма О. М. Бодянскаго къ отцу. Письма И. П. Сахарова къ О. М. Бодянскому. Съ предисловіемъ А. А. Титова. М. 1893 г., ц. 50 к. (63).

154. Житіе св. Леонтія епископа ростовскаго. Съ предисловіемъ А. А. Титова. М. 1893 г., ц. 50 к. (18).

155. Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка. Составилъ П. А. Лавровъ. М. 1893 г., ц. 2 р. (5).

156. Междукняжескія отношенія во Владимиро-Московскомъ великомъ княжествѣ въ XIV—XV в. (Къ вопросу о «двуименныхъ» или «союзныхъ» деньгахъ). В. Уляницкаго. М. 1893 г., ц. 30 к. (23).

157. Неканонизованные святые гор. Шун (Владимирской губерніи). Опытъ агіографическаго изслѣдованія священника Ник. Миловскаго. М. 1893 г., ц. 20 к. (22).

158. Новый источникъ для исторіи московскихъ волостей 1648 г. С. Платонова. М. 1893 г., ц. 20 к. (25).

159. Александрія русскихъ хронографовъ. Изслѣдованіе и текстъ. В. Истринъ. М. 1893 г., ц. 3 руб. съ пересылкой (60).

160. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе литовско-русскаго государства ко времени изданія перваго литовскаго статута. Историческіе очерки Матвѣя Любавскаго. Съ картою литовскорусскаго государства въ концѣ XV и начала XVI в. М. 1893 г., ц. 5 р. (15).

161. Къ исторіи московскаго мятежа 1648 г. А. Н. Зерцаловъ. М. 1893 г., ц. 20 к.

162. Московскій Китай городъ въ XVII вѣкѣ (по описи 1695 г.). А. Н. Зерцаловъ. М. 1893., ц. 30 к. (11).

163. Окладная расходная роспись денежнаго и хлѣбнаго жалованья за 1681 г. (Къ исторіи государств. росписей XVII в.). А. Н. Зерцаловъ. М. 1893., ц. 40 к. (20).

164. Къ исторіи бунта Стеньки Разина въ Заволжьѣ. А. А. Голубева. М. 1894 г., ц. 25 к. (28).

165. Подписи царей Бориса Годунова и Алексѣя Михайловича. Ю. Н. Щербачовъ. М. 1894 г., ц. 30 к. (79).

166. Къ вопросу о распредѣленіи столовъ между русскими князьями въ XI—XIII вв. Н. Аммонъ. М. 1894 г., ц. 20 к. (19).

167. Къ биографіи Владимира Атласова. Н. Оглоблинъ. М. 1894 г., ц. 20 к. (32).

168. Введенская и Пятницкая церкви въ Сергіевомъ посадѣ Московской губерніи. І. А. М. 1894 г., ц. 20 к. (42).

169. Тверской уѣздъ въ XVI вѣкѣ. Его населеніе и виды земельнаго владѣнія. (Этюдъ по исторіи провинціи Московскаго государства). Н. Н. Лаппо. М. 1894 г., ц. 1 рубль. (19).

170. Сильвестра Медвѣдева созерцаніе краткое лѣтъ 7190—92, въ нихъ же что содѣяся во гражданствѣ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Александра Прозоровскаго. М. 1894 г., ц. 1 р. 50 к. (158).

171. Амфилохій епископъ Угличскій († 20 іюня 1893 г.). Г. А. Воскресенскаго. М. 1894 г., ц. 30 к. (22).

172. Сарайская и Крутицкая епархіи. Священника Н. А. Соловьева. Вып. 1-й. М. 1894 г., ц. 1 р. (29). Вып. 2-й, ц. 2 р. Вып. 3-й. М. 1902 г., ц. 2 р. (150).

173. Рукописи П. І. Шафарика (нынѣ музея королевства Чешскаго) въ Прагѣ. Описалъ М. Сперавскій. М. 1894 г., ц. 50 к. (33).

174. Объязжіе головы и полицейскія дѣла въ Москвѣ въ концѣ XVII в. А. Н. Зерцалова. М. 1894. Ц. 40 к. (31).

175. Григоровичевъ пармейникъ въ сличеніи съ другими пармейниками. Издалъ Романъ Брандтъ. В. І., М. 1894., ц. 50 к. (31). Вып. II, ц. 50 к. (48). Вып. III, ц. 50 коп.

176. Памяти въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III. Рѣчь,

произнесенная въ засѣданіи Императ. общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 28 октября 1894 г. предсѣдателемъ общества В. О. Ключевскимъ. М. 1894 г., ц. 15 к.

177. Акты домашняго архива г. Змеовыхъ. А. И. Миловидовъ. М. 1894 г., ц. 20 к. (13).

178. Отчеты о присужденіи обществомъ преміи Г. О. Карпова.

I. Разборъ изслѣдованія В. О. Эйнгорна «О сношеніяхъ малороссійскаго духовенства съ Московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича», составленный С. Т. Голубевымъ. М. 1894, ц. 50 к.

II. Разборъ изслѣдованія М. Б. Любавскаго «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе литовско-русскаго государства ко времени изданія перваго литовскаго статута», составленный С. А. Бершадскимъ. М. 1894 г., ц. 50 к.

III. Разборъ изслѣдованія С. А. Блюкурова «О библиотекѣ Московскихъ Государей въ XVI в.», сост. М. Ш. Соколовымъ. М. 1897 г. Ц. 20 к.

IV. Разборъ соч. М. Н. Лилеева «Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ», состав. С. Т. Голубевымъ. М. 1898 г. Ц. 20 к.

V—VI. Разборы соч.: 1) В. А. Уляницкаго «Историч. очеркъ русскихъ консульствъ за границей», сост. гр. Л. Камаровскимъ и 2) С. Т. Голубева «Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники», сост. Е. Е. Голубинскимъ. М. 1900 г., ц. 30 к.

VII. Разборъ сочиненія Б. Харламповича: «Западнорусскія православныя школы XVI и начала XVII вв.», сост. С. Т. Голубевымъ. М. 1906 г. Ц. 30 к.

VIII. Разборъ сочиненія И. Н. Лаппо «великое княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской уніи до смерти Стефана Баторія», сост. С. М. Середонинымъ. М. 1905 г. Ц. 30 коп (42).

IX. Разборъ сочиненія М. Б. Любавскаго «Литовско-Русскій сеймъ», сост. И. Н. Лаппо. М. 1903 г. Ц. 50 коп.

X. Разборъ сочиненія С. А. Блюкурова «Юрій Крижаничъ въ Россіи», сост. М. Н. Соколовымъ. М. 1904 г. Ц. 30 коп.

XI. Разборъ соч. А. А. Каземирскаго «Посадская община въ Россіи XVIII в.»,

гост. М. М. Богословскимъ. М. 1906 г. Ц. 30 к.

XII. Разборъ соч. А. С. Крыловскаго «Львовское ставропигиальное братство», сост. С. Т. Голубевымъ. М. 1906 г. Ц. 30 коп.

179. Очерки по исторіи Грузинской словесности. А. С. Хаханова. Вып. 1. М. 1895., ц. 2 рубля. (204). Вып. 2. М. 1897 г. ц. 2 р. 40 к. (4). Вып. 3. М. 1901 г. Ц. 3 р. (47).

180. Рѣчи, произнесенныя Иоанникомъ Галатовскимъ въ Москвѣ въ 1670 г. В. Эйнгорнъ. М. 1895 г., ц. 20 к. (39).

181. Къ исторіи сношеній Россіи съ Германіей въ началѣ XVI в. Г. Писаревскій. М. 1895 г., ц. 20 к. (13).

182. Докладная выписка 121 (1613) г. о вотчинахъ и помѣстьяхъ. А. П. Барсуковъ. М. 1895 г., ц. 30 к. (296).

183. Pamфлетъ Г. П. Ермолова на графа М. М. Сперанскаго. Съ предисловіемъ Е. И. Соколова. М. 1895 г., ц. 20 к. (10).

184. О верстаніи новиковъ въсѣхъ городовъ 7136 г. А. Н. Зерцаловъ. М. 1895 г., ц. 20 к.

185. Опись книгъ библіотеки Московскаго Успенскаго собора. М. 1895 г., ц. 30 к. (190).

186. Къ біографіи митрополита Московскаго Платова и исторіи Византской духовной семинаріи. Письма митрополита Платова къ Высочайшимъ особамъ. С. Д. Муретова. М. 1895 г., ц. 20 к. (121).

187. Къ исторіи сношеній Россіи съ Швеціей при царѣ Ивѣѣ IV. А. А. Чумикова. М. 1895 г., ц. 20 к. (32).

188. Къ матеріаламъ по исторіи Грузіи XI—XII вв. Ѳ. Жорданія. М. 1895 г., ц. 20 к. (37).

189. Обзорніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа (1592—1768 гг.). Составилъ Н. Н. Оглобинъ. Часть первая: документы восводскаго управленія. М. 1895 г., ц. 2 руб. съ пересылкой. (100). Часть 2-я: документы таможеннаго управленія. Съ дополненіями къ I части. Ц. 1 руб.—Часть 3-я: документы по сношеніямъ мѣстнаго управленія съ центральнымъ. М. 1900 г. Ц. 1 руб. 50 коп. (170).—Часть 4-я: документы центрального управленія. Съ предметнымъ указа-

телемъ къ I—IV частямъ. М. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к. (250).

190. Губныя и земскія грамоты Московскаго государства. Изслѣдованіе Сергѣя Шумакова. М. 1895 г., ц. 2 р. (180).

191. Матеріалы къ литературной исторіи русскихъ Пчелъ. I. Виктора Семенова. М. 1895 г., ц. 50 к. (143).

192. Древній Сосенскій станъ Московскаго уѣзда. Д. Шепинга. М. 1895 г. ц. 50 к. (137).

193. Лѣтописецъ русскій (Московская лѣтопись). По рукописи принадлежащей А. Н. Лебедеву. М. 1895 г., ц. 1 руб. 25 к. (80).

194. Святые Вологодскаго края. Изслѣдованіе Николая Коноплева. М. 1895 г., ц. 1 р. (41).

195. Письма А. Н. Шемакина къ О. М. Боянскому (1859—1875 г.). Съ предисловіемъ А. А. Титова. М. 1895 г. (76).

196. Климентъ епископъ Словѣнскій. Трудъ В. М. Ундольскаго. Съ предисловіемъ П. А. Лаврова. М. 1895 г., ц. 50 к. (50).

197. Государевъ Хамовный дворъ въ Московской Кадашевской слободѣ. (Постройка на помѣ новыхъ зданій въ 1658—1661 гг.). А. А. Мартыновъ. М. 1895 г., ц. 20 к. (100).

198. Извѣстіе, касающееся подробностей бунта, недавно поднятаго въ Московинъ Стевкою Разнымъ. Напечатано у Ѳомы Ньюкемъ 1672 г. Перевелъ съ англійскаго А. Станкевичъ. М. 1895 г., ц. 50 коп. (37).

199. Къ матеріаламъ о воровствѣ въ древней Руси. Сыскное дѣло 1642—1643 гг. о намѣреніи испортить царю Евдокію Лукьядову. А. Н. Зерцаловъ. М. 1895 г., ц. 30 к. (91).

200. Матеріалы для исторіи патріарха московскаго Питирима. Сообщилъ М. Г. Поповъ. М. 1895 г., ц. 20 коп. (34).

201. Сильвестръ Медвѣдевъ. Его жизнь и дѣятельность. Изслѣдованіе А. Прозоровскаго. М. 1896 г., ц. 3 р.

202. Церковныя земли въ Ростовскомъ уѣздѣ XVII в. (по писцовымъ книгамъ 1629—1631 гг.). Съ предисловіемъ А. А. Титова. М. 1896 г., ц. 25 коп.

203. Изъ актовъ Тверскаго Отроча монастыря 7052—7146 гг. Сообщилъ Сергѣй Шумаковъ. М. 1896 г. ц. 15 коп.

204. О построеніи Московскаго Покровскаго (Василія Блаженнаго) собора. Новая лѣтописныя данныя. М. 1896. Ц. 20 к.

205. Еще новыя данныя о построеніи Московскаго Покровскаго (Василія Блаженнаго) собора. П. Священника І. Кузнецова. М. 1896 г., ц. 20 коп.

206. Къ исторіи мятежа 1648 года въ Москвѣ и другихъ городахъ. Сообщилъ А. Н. Зерцаловъ. М. 1896 г., ц. 40 к. (82). |

207. О «неправдахъ и непригожихъ рѣчахъ» повгородскаго митрополита Кипріяна (1627—1633 гг.). Сообщилъ А. Н. Зерцаловъ. М. 1896 г., ц. 30 коп. (86).

208. Какашъ и Тектадеръ. Путешествіе въ Персію черезъ Московію 1602—1603 гг. Переводъ съ нѣмецкаго Алексѣя Станкевича. М. 1896 г., ц. 70 к.

209. О извоикѣ 1-го гренадерскаго баталіона (Низоваго корпуса) Евстафій Артемьевъ, назвавшемся царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. Рескриптъ импер. Павла о письмѣ Костюшки. Грамота царя Алексѣя о ловчемъ дьякѣ Н. Ларионовѣ. Слово по случаю взятія Очакова Минихомъ М. Н. Прокоповичъ. М. 1896 г. Ц. 20 к. (29).

210. Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами. Е. Е. Голубицкаго. М. 1896 г., ц. 50 к.

211. Казанская и Ильинская церкви Ильинскаго прихода въ Сергіевскомъ посадѣ Московской губерніи. І. А. М. 1896 г. Ц. 50 к. (11).

212. О большихъ строителяхъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Н. Успенскій. М. 1896 г. Ц. 30 к. (39).

213. Смѣсь 2-й книги Чтеній 1896 г. (№№ 1—10) М. 1896 г. Ц. 40 к. (10). Смѣсь 1 кн. 1897 г. (первые 1—5 №№). Ц. 10 к. (5) — Смѣсь 1 кн. 1898 г. Ц. 20 к. Смѣсь 2-й кн. 1901 г. Ц. 20 коп. (4).

214. Незаданные русскіе акты XV—XVI вв. Ревельскаго городского архива. А. Чумиковъ. М. 1897 г. Ц. 10 к. (26).

215. Московскій Архивъ Министерства Юстиціи. Акты XVII—XVIII вв., извлеченныя А. Н. Зерцаловымъ. М. 1897 г. Ц. 75 к. (13).

216. О раскопкахъ въ Московскомъ Кремлѣ XVIII в. А. Зерцаловъ. М. 1897 г. Ц. 75 к. (85).

217. Дневники второго похода Стефана Баторія на Россію (1580 г.). Яна Зборовскаго и Луки Дзялынскаго. Переводъ съ польскаго О. Н. Милевскаго. М. 1897 г. Ц. 50 к. (40).

218. О начальномъ кievскомъ лѣтописномъ сводѣ. А. А. Шахматова. I—III. М. 1897 г. Ц. 50 к. (33).

219. Поздравленія Визанской дух. семинаріи въ день тезоименитства моск. митроп. Платона. С. Муретова. М. 1897 г. Ц. 30 к. (15).

220. О содержаніи въ нынѣшнее мирное время (1725 г.) арміи и какиимъ образомъ крестьянъ въ лучшее состояніе привести. М. Н. Прокоповичъ. М. 1897 г. Ц. 10 к. (42).

221. Грамоты съ подписями Бориса. Дмитрія и Степана Годуновыхъ 7080—7111 гг. Съ предисловіемъ графа С. Д. Шереметева. М. 1897 г. Ц. 25 к. (38).

222. Россія и Швеція въ первой половинѣ XVII вѣка. Сборникъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и Шведскаго Государственнаго Архива и касающихся исторіи взаимныхъ отношеній Россіи и Швеціи въ 1616—1651 гг. Съ предисловіемъ, примѣчаніями и алфавитнымъ указателемъ личныхъ именъ. К. Н. Якубова М. 1897 г. Ц. 2 р. (400).

223. Библіотека Императ. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ въ 1896 г. Е. И. Соколовъ. М. 1897 г. Ц. 20 коп. (50).—въ 1897 г. Его же. М. 1898 г. Ц. 10 коп. (40).—въ 1898—1899 г. Его же. М. 1899 г. Ц. 15 к. (51).—въ 1899—1900 гг. Его же. М. 1900 г. Ц. 20 коп. (48).—въ 1900—1901 г. Его же. М. 1901 г. Ц. 20 коп. (80).—за 1901—1902 гг. Его же. Ц. 20 к. (75).

224. Достоверность отрывка изъ Половкихъ лѣтописей, помѣщеннаго въ Исторіи Россіи Татищева подъ 1217 г. А. П. Сапунова М. 1898 г. Ц. 20 к. (23).

225. Матеріалы для изученія творчества и быта бѣлоруссовъ. I. Пословицы, поговорки, загадки. Е. А. Ляцкаго. М. 1898 г. Ц. 50 коп. (60).

226. Пугачевщина въ Сибири. Очеркъ по документамъ экспедиціи генерала Дашева

ловга. Составилъ А. И. Дмитріевъ-Мамонъ. М. 1898 г. Ц. 1 р. (55).

227. Научно-образовательныя сношенія Россіи съ Западомъ въ началѣ XVII в. М. 1898 г. Ц. 50 коп. (185).

228. Вкладная книга Нижегородскаго Печерскаго монастыря. Съ предисловіемъ А. Титова. М. 1898 г. Ц. 50 к. (25).

229. Посланіе Пвана Бѣгичева о видѣномъ образѣ Божіемъ. По ркп. XVII в. собранія А. И. Яцимирскаго М. 1898 г. Ц. 25 к. (55).

230. Памяти В. Е. Румянцева. Е. В. Барсовъ. М. 1898 г. Ц. 15 к. (80).

231. Памяти А. Н. Зерцалова. И. С. Бѣляевъ. М. 1898 г. Ц. 20 к. (28).

232. Матеріалы для исторіи цѣнностей въ Россіи въ концѣ XVII в. М. А. Веневитиновъ. М. 1898 г. Ц. 20 к. (8).

233. Изъ разсказовъ донъ-Хуана Персискаго. Путешествіе персидскаго посольства чрезъ Россію, отъ Астрахани до Архангельска, въ 1599—1600 гг. Переводъ съ испанскаго. С. И. Соколова. М. 1898 г. Ц. 25 к. (78).

234. Строевая книга г. Пензы. Съ предисловіемъ В. Борисова. М. 1898 г. Ц. 25 к. (35).

235. Житіе св. Меодія и похвальное слово св. Кириллу и Меодію по списку XII в. Издавъ П. А. Лавровъ. М. 1899 г. Ц. 25 к. (80).

236. Къ исторіи внутренней жизни духовныхъ семинарій (Значеніе поэзіи А. С. Пушкина въ сей жизни). Н. И. Петровъ. М. 1899 г., ц. 25 к. (19).

237. Житіе св. Аркадія, епископа Новгородскаго, въ спискѣ 2-й половины XIV-го вѣка. Съ предисловіемъ А. С. Орлова: М. 1899 г. Ц. 25 к. (60).

238. Бумаги Ю. И. Веспелипа, хранящіяся въ бібліотекѣ Импер. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Е. И. Соколовъ. М. 1899 г. Ц. 25 к. (50).

239. Обычное право русскихъ инородцевъ. Матеріалы для бібліографіи обычнаго права. Е. И. Якушкинъ. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. (33).

240. Обзоръ грамотъ Коллегіи Экономіи. Выпускъ первый. Обзоръ Бѣжецкихъ (1300—1767 гг.) и Алатырскихъ (1607—1761 гг.) актовъ. Сергій Шумаковъ. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. (85).—Вып. 2-й.

Тексты и обзоръ Бѣлозерскихъ актовъ (1395—1758 гг.). М. 1900 г. Ц. 1 р. 80 к. (86).

241. Поученіе Исаин, митрополита Нижегородскаго и Алатырскаго. Съ предисловіемъ Андрея Титова. М. 1899 г. Ц. 25 к. (38).

242. Сборникъ XII вѣка Московскаго Успенскаго собора. Выпускъ первый. Издавъ подъ наблюденіемъ А. А. Шахматова и П. А. Лаврова. М. 1899 г. Ц. 1 р. (243).

243. Чиновникъ Новгородскаго Софійскаго собора. Александръ Голубцовъ. М. 1899 г. Ц. 1 р. 75 к. (23).

244. Сочиненія Константина Багрянороднаго «о семахъ» (de thematibus) и «о народахъ» (de administrando imperio). Съ предисловіемъ Гавріила Ласкина. М. 1899 г. Ц. 1 р. (58).

245. Угличскіе акты (1400—1749 гг.). Сергій Шумаковъ. М. 1899 г. Ц. 2 р. (15).

246. Русская армія въ началѣ царствованія импер. Екатерины II. Матеріалы для русской военной исторіи. Издавъ Андреемъ Лебедевымъ по рукописи ему принадлежащей. М. 1899 г. Ц. 1 р. (136).

247. Въ 1786-й годъ новой. Новое изданіе не всю и не ничево. Текстъ съ предисловіемъ Е. А. Ляцкого. М. 1899 г. Ц. 50 к. (72).

248. Допетровская Русь въ ея литературѣ по лекціямъ О. П. Буслаява е. и. в. Наслѣднику Цесаревичу великому князю Николаю Александровичу (1859—1860 гг.). А. Киричниковъ. М. 1899 г. Ц. 25 к. (108).

249. Акты литовскорусскаго государства. Съ предисловіемъ М. В. Довнар-Запольскаго. Вып. 1-й, 1390—1529 г. М. 1900 г., ц. 2 р.

250. Вильямъ Перри. Пробѣздъ чрезъ Россію персидскаго посольства въ 1599—1600 гг. Переводъ съ англійскаго С. Соколова. М. 1900 г., ц. 20 к.

251. Записки Юста Юля датскаго посланника при Петрѣ Великомъ (1709—1711 гг.). Переводъ съ датскаго Ю. Н. Щербачева. М. 1900 г., ц. 3 руб.

252. Новгородскій уѣздъ Вотской пятины по писцовой елигѣ 1500 г. Историко-экономическій очеркъ архим. Сергія (Тихомирова). М. 1900 г., ц. 1 р.

253. Указатель къ «Опыту російской библиографіи» В. С. Сопкива (книгамъ гражданской печати) Составилъ В. Н. Рогожинъ. М. 1900 г., ц. 3 р.

254. Къ исторіи г. Кашина и его уѣзда. Сообщилъ І. Кувкинъ. Ц. 20 коп.

255. Опись имущества боярина А. С. Матвѣева. Сообщилъ Г. Писаревскій. Ц. 15 коп. (13).

256. Церковно-приходская жизнь въ г. Каргополѣ въ XVI—XIX вв. К. А. Докучаева-Баскова. М. 1900 г. Ц. 30 к. (45).

257. Новые данныя о службѣ Николая Спагарія въ Россіи (1671—1708). Юрія Арсеньева. М. 1900 г. Ц. 50 коп. (35).

258. Письмо сардинскаго посла барона де-ла-Турбіа о Россіи. 1796 г. Съ предисловіемъ. М. Полѣвктова. М. 1900 г. Ц. 30 коп. (4).

259. Новые данныя о библиотекѣ кн. Д. М. Голицына (верховника). Кн. Н. В. Голицына. М. 1900 г. Ц. 30 коп. (9).

260. О вступленіи на престолъ импер. Екатерины II (записка современника, грузинскаго архіерея). А. С. Хаханова. М. 1900 г. Ц. 20 коп. (20).

261. Опись 24 рукописей Ѳ. Н. Буслая, нынѣ принадлежащихъ библиотекѣ Императорскаго Московскаго Университета. Е. Н. Соколова. М. 1900 г. Ц. 20 к. (140).

262. Литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга о событіяхъ Смутнаго времени. М. Любавскаго. М. 1901 г. Ц. 30 коп. (53).

263. Изъ переписки В. А. Мацѣвскаго съ русскими учеными. В. А. Францева. М. 1901 г. Ц. 40 коп. (10).

264. Опись Московскому Перервинскому подворью, учиненная 3 апрѣля 1763 г. Лук. Талызинымъ. М. 1901 г. Ц. 25 коп. (10).

265. Пять сговорныхъ рядныхъ записей XVII и начала XVIII в. Изъ собранія актовъ Ю. В. Арсеньева. М. 1901 г. Ц. 20 к. (12).

266. О приписываемомъ Ипатію Смольнянину описаніи Иерусалима. М. 1901 г. Ц. 20 коп. (22).

267. Письма Д. Н. Фонвизина къ А. М. Обрѣскову. 1772 г.—Кн. Н. В. Голицына. М. 1901 г. Ц. 20 коп. (35).

268. Столѣтіе сатирическаго журнала «Что-нибудь отъ бездѣля на досугъ». 1800—1900 гг. В. Н. Покровскаго. М. 1901 г. Ц. 20 коп. (42).

269. Матеріалы къ исторіи Восточнаго вопроса въ 1811—1813 гг. М. 1901 г. Ц. 1 р. (139).

270. Записка Юрія Крижаневича о миссіи въ Москву. 1641 г. М. 1901 г. Ц. 40 коп. (281).

271. Торопецкая старина. Историческіе очерки гор. Торопца съ древнѣйшихъ временъ до конца XVII в. Изслѣдованіе Ивана Побойнина. М. 1902 г. Ц. 2 р. 50 коп. (36).

272. Къ исторіи борьбы съ церковными беспорядками, отголосками язычества и пороками въ русскомъ быту XVII в. (Челобитная нижегородскихъ священниковъ 1636 г. въ связи съ первоначальной дѣятельностью Ивана Неронова). Н. В. Рождественскаго. М. 1902 г. Ц. 50 коп. (60).

273. Сотницы, грамоты и записи. Сергія Шумакова. Вып. 1-й. М. 1902 г. Ц. 2 р. (92). Вып. 2-й. Бостромскія сотницы 7068—7076 гг. М. 1903 г. Ц. 30 коп. (240).—Вып. 3-й М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 коп. (85).

274. Къ біографіи митрополита новгородскаго и петербургскаго Гавріила Петрова. Письма его къ разнымъ лицамъ, опись его имущества и два послѣднія его духовныя завѣщанія. (По поводу столѣтія со дня его кончины). Съ предисловіемъ А. Н. Львова. М. 1902 г. Ц. 50 коп. (56).

275. Литовско-русскій сеймъ. Опытъ по исторіи учрежденія въ связи съ внутреннимъ строемъ и внѣшнею жизнью государства. Изслѣдованіе М. К. Любавскаго. М. 1901 г. Ц. 4 р. (122).

276. Древнѣйшая Разрядная книга официальной редакціи (по 1565 г.). П. Н. Милюковъ. М. 1901 г., ц. 2 р. (240).

277. Забѣтки по древне-славянскому переводу св. Писанія. VI. Книга пророка Даниїла въ переводѣ жидовствующихъ до рукописи XVI в. И. Е. Евсѣевъ. М. 1902 г., ц. 30 коп. (10).

278. Объ особенностяхъ формы русскихъ воинскихъ повѣстей (кончая XVII в.). А. С. Орловъ. М. 1902 г., ц. 30 коп. (45).

279. Къ исторіи древностей Оружейной Палаты. Ю. В. Арсеньевъ. М. 1902 г., ц. 20 коп. (15).

280. Сказаніе о чудесахъ въ Баргопольской Хергозерской пустынѣ отъ препод. Макарія Унженскаго и Желто-

- скаго. К. А. Докучаева-Баскова. М. 1902 г., ц. 30 коп. (50).
281. Церковно-археологическое хранилище при Московскомъ Дворцѣ въ XVI в. А. И. Успенскаго М. 1902 г., ц. 1 р. 50 к. (69).
282. О ереси жидовствующихъ. Новые материалы, собранные С. А. Бѣлокуровымъ, С. О. Долговымъ, Н. Е. Евсѣевымъ и М. И. Соколовымъ. М. 1902 г., ц. 1 р. (14).
283. Письма Д. И. Фовизина къ А. М. Обрѣскову 1772 г. Кн. Н. В. Голицына. Ц. 20 коп. (35).
284. Челобитная Н. С. Пересвѣтова царю Ивану IV 7057 (1548—1549 гг.). М. 1902 г., ц. 30 коп. (97).
285. Мой досугъ или уединеніе. Ежедневное изданіе по средамъ и субботамъ. Съ предисловіемъ В. И. Покровскаго. М. 1902 г., ц. 30 коп. (39).
286. Областная реформа Петра Великаго. Провинція 1719—27 гг. М. Богословскій. М. 1902 г., ц. 2 р. 50 коп. (80).
287. Номокапопъ Іоанна Постника въ его редакціяхъ: грузинской, греческой и славянской. Съ предисловіями Н. А. Заозерскаго и А. С. Хахадова. М. 1902 г. Ц. 2 р. (110).
288. Ближній бояринъ князь Н. П. Одоевской и его переписка съ Галицкою вѣтчиной (1650—1684 гг.). Юрія Арсеньева. М. 1903 г. Ц. 1 р. 50 коп. (40).
289. Щеголи въ сатирической литературѣ XVIII в. В. И. Покровскаго. М. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к. (3).
290. Къ исторіи Томскаго бунта 1648 г. Н. Н. Оглоблина. М. 1903 г. Ц. 30 коп. (12).
291. Житіе преп. Іосифа Волоколамскаго, составленное неизвѣстнымъ. По двумъ рукописямъ собранія П. А. Овчинникова. Съ предисловіемъ С. А. Бѣлокурова. М. 1903 г. Ц. 50 коп. (90).
292. Изъ актовъ собранія Н. Ѳ. Самарина. Ц. 20 к. (25).
293. Городъ Кашинъ. Материалы для его исторіи, собранные І. Я. Купенинымъ. Вып. 1-й. М. 1903 г. Ц. 1 р. Вып. 2-й. М. 1905 г. Ц. 1 р. (50).
294. Къ вопросу о канонизаціи святыхъ въ Русской церкви. Архим. Никодима. М. 1903 г. Ц. 20 коп. (10).
295. Къ исторіи Коломенской епархіи. М. Н. Руднева. М. 1903 г. Ц. 50 коп. (14).
296. Къ исторіи русско-шведскихъ отношеній и населенія пограничныхъ съ Швеціей областей (1634—1648 гг.). Кн. Н. В. Голицына М. 1903 г. Ц. 20 коп. (39).
297. Чиновники Холмогорскаго Преображенскаго собора Съ предисловіемъ и указателемъ А. Голубцова. М. 1903 г. Ц. 2 р. 25 коп. (10).
298. Письма изъ 14-го корпуса (1877—1879 гг.). Н. Н. Оглоблина. М. 1904 г. Ц. 20 коп. (77).
299. Письма Павла Прусскаго. Н. Н. Оглоблина. М. 1904 г. Ц. 20 коп. (78).
300. Бытовые черты начала XVIII в. Н. Н. Оглоблина. М. 1904 г. Ц. 20 коп. (65).
301. Писаніе о зачинаніи знакъ и знаменъ или прапоровъ. По рукописи XVII в. М. 1904 г. Ц. 50 коп. на обыкновенной и 1 рубль на велевовой бумагѣ.
302. О наговорной соли. Изъ дѣлопроизводствъ XVIII в. М. Рудневъ. М. 1904 г. Ц. 10 коп. (4).
303. Переводные сборники изреченій въ славяно-русской письменности. Изслѣдованіе и тексты. М. Н. Сперанскій. М. 1904 г. Ц. 5 р. (5).
304. О такъ называемой Ростовской дѣтописи. А. А. Шахматова. М. 1904 г. Ц. 1 р. (132).
305. Письма императора Петра I, императрицы Екатерины I, царевича Алексѣя и царевны Наталіи къ кн. Якову Ѳеодоровичу Долгорукому. 1711—1716 гг. В. С. Арсеньева. М. 1904 г. Ц. 10 коп. (5).
306. Чиновникъ Нижегородскаго Преображенскаго собора. Съ предисловіемъ и указателемъ А. Голубцова. М. 1905 г. Ц. 75 коп. (70).
307. Болгарскія народныя пѣсни, собранныя Любеномъ Каравеловымъ, изданныя подъ наблюденіемъ Н. А. Лаврова. М. 1905 г. Ц. 2 р. (150).
308. Библиотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Выпускъ второй. Описаніе рукописей и бумагъ, поступившихъ съ 1846 по 1902 г. вкл. Трудъ Е. И. Соколова. М. 1905 г. Ц. 5 р. (524).
309. Показаніе польскаго шляхтича Криштофа Граевскаго о своей побѣдѣ въ

Москву. 1574—1575 гг. Иванъ Рябининъ. М. 1905 г. Ц. 30 к. (55).

310. Письма Д. Рунича 1821 и 1842 гг. Сообщилъ А. А. Титовъ. М. 1905 г. Ц. 20 коп. (9).

311. Опись дѣлъ приказа Новгородской четверти, вынесенныхъ въ пожаръ 1626 г. М. 1905 г. Ц. 30 коп. (90).

312. Ставропигиальный Бизюковъ монастырь и Смоленскіе епископы. П. Строганова. М. 1905 г. Ц. 30 коп. (90).

313. О пустошахъ въ Рузскомъ уѣздѣ, принадлежавшихъ Звенигородскому Саввы Сторожевскому монастырю. Сообщилъ В. С. Арсеньевъ. М. 1905 г. Ц. 20 коп. (21).

314. Полоцкая ревизія 1552 года. Къ изданію приготовилъ Н. Н. Лаппо. М. 1905 г. Ц. 2 руб. (42).

315. Предки и потомство Ивана Тихоновича Посоикова. (Подмосковныя села Богородское, Черкизово и Покровское въ 1646 г.). Н. С. Бѣляева. М. 1905 г. Ц. 20 коп. (50).

316. Квартиранты въ дворахъ Московскаго духовенства и патриаршихъ слугъ въ 1666 году. (Перепись ихъ въ военно-служилыхъ цѣляхъ). Н. В. Рождественскаго. М. 1905 г. Ц. 20 коп. (85).

317. Студенческіе безпорядки въ Московскомъ Университетѣ въ 1861 году. (Изъ бумагъ О. М. Бодянскаго). М. 1905 г. Ц. 30 коп. (715).

318. Списокъ трудовъ П. Д. Бѣляева. Составилъ П. Мрочекъ-Дроздовскій. М. 1905 г. Ц. 20 коп. (85).

319. Сольвычегодскія сотницы 7094 г. Сергѣя Шумакова. М. 1906 г. Ц. 20 коп.

320. Третья Новгородская скра (ок. 1325 г.). Текстъ и русскій переводъ Павла Таля. М. 1905 г. Ц. 30 коп. (265).

321. Судьбы земщины и выборнаго начала на Руси. Ив. Д. Бѣляева. М. 1906 г. Ц. 1 р. (365).

322. Сказанія свѣтлѣйшему герцогу Тосканскому Козьмѣ Третьему о Московіи. Якова Рейтенфельса. Падуа, 1680 г. Съ латинскаго перевелъ Алексѣй Сташкевичъ. 1906 г. Ц. 1 руб. 40 коп. (35).

323. Портретъ кievскаго митрополита Евгенія, со снимкомъ почерка его руки. М. 1854 г., ц. безъ пересылки 50 коп.

324. Временникъ Императорскаго общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, съ

1849 по 1858 годъ. 25 книгъ, каждая по два рубля; а за всѣ безъ перес. 37 руб. 50 коп., съ пересылкой 45 руб. На пересылку всякой книги «Временника» за 4 ф.

325. Чтенія въ Императорскомъ обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Годъ 1-й (*нѣтъ въ продажѣ*); годъ 2-й (1846—1847), книги 3, 6, 8, 9; годъ 3-й (1847—1848), 9 книгъ; въ годъ 4-й (1848—1849), 1 книга—по 2 руб. каждая книга. Годы 1861—1886, по 4 книги, каждый годъ по 10 руб.; съ 1887 г. по 8 р. 50 к. Отдѣльно книги продаются по слѣдующей цѣнѣ: за 1888 г. кн. 1—4, за 1889 г. кн. 1—4, за 1890 г. кн. 1—3 по 2 рубля за книгу; 1900 г. кн. 1—5 руб. Остальныя книги по 3 руб. за книгу.

326. Списокъ и указатель трудовъ, изслѣдованій и матеріаловъ, напечатанныхъ въ повремен. изданіяхъ Импер. общ. Ист. и Древн. Россійск. при Московск. Университетѣ (за 1815—1888 гг.), составленный Ив. Забѣлнымъ. Съ присовокупленіемъ историч. очерка дѣятельности Общества съ 1804 по 1884 г. Отд. I. Списокъ трудовъ М. 1884 г. Отд. II. Указатель трудовъ. М. 1889 г., ц. за обѣ книжки 1 р.

327. Алфавитный указатель къ періодич. изданіямъ того же общества 1815—1862 г. Сост. А. Гриневичъ. 1862 г., ц. 50 к. съ пер.

328. Указатель къ Чтеніямъ въ томъ же обществѣ за 1882—1887 гг. Сост. опъ же. М. 1888 г., ц. 50 к.; 6) за 1888—1894 гг. Составилъ опъ же. М. 1895 г., ц. 50 коп. и в) за 1895—1901 гг. М. 1902 г., ц. 50 коп.

329. Протоколы засѣданій общества:
- 1) за 1878—1880 г. (стр. 1—32), ц. 20 к.
  - 2) за 1881—1883 г. (стр. 1—64), ц. 35 к.
  - 3) за 1886 г. (стр. 1—17), ц. 10 к.
  - 4) за 1887 г. (стр. 1—23), ц. 15 к.
  - 5) за 1888—1891 гг. (стр. 1—61), ц. 30 к.
  - 6) за 1892—1893 гг. (стр. 1—112), ц. 1 р.
  - 7) за 1894 г., ц. 20 коп.
  - 8) за 1895 г., ц. 20 коп.
  - 9) за 1896—1897 гг., ц. 50 к.
  - 10) за 1898 г. Ц. 20 к.

- 11) за 1899 г. Ц. 20 к.
 12) за 1900 г. Ц. 20 к.
 13) за 1901—1902 гг. Ц. 20 к.
 14) за 1903—1904 гг. Ц. 20 к.
 15) за 1905—1906 гг. ц. 20 к.

330. Древнерусскія житія святыхъ какъ историческій источникъ. Изслѣдованіе В. О. Ключевского. М. 1871 г., ц. 2 р.

331. Исторія Русской церкви. Е. Е. Голубинскаго. Первая половина I-го тома. Періодъ первый, кievскій или до-монгольскій. XXIV+968 стр. 2-е изд. М. 1901 г. Ц. 5 руб., съ пересылкой 6 р. Вторая половина I тома. М. 1904 г. Ц. 4 р. 50 коп., съ пересылкой 5 р. (первое изданіе М. 1881 г. Ц. 15 руб.). Первая половина II-го тома, обвиняющаго время отъ

вашествія монголовъ до митр. Макарія включительно (1237—1563 гг.). Ц. безъ пересылки 4 р. 50 к., съ пересылкой 5 руб.

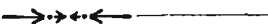
332. Къ вопросу о началѣ книгопечатанія въ Москвѣ. Е. Е. Голубинскаго. Сергіевъ посадъ. 1895 г. Ц. 25 к.

333. Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами. Его же. М. 1896 г. Ц. 50 к.—2-е изд. М. 1905 г. Ц. 2 руб.

334. Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской. Проф. Е. Е. Голубинскаго. (VIII+732 стр.), ц. 3 руб.

335. Исторія канонизаціи святыхъ въ Русской церкви. Е. Е. Голубинскаго. 2 изд. М. 1903 г. Ц. 3 р. 50 коп.

Лицъ, желающихъ приобрести означенныя книги, просятъ присылать свои требованія или въ Общество (Москва, Моховая, старое зд. Университета подъ актовымъ заломъ), или къ Казначей обществу Сергѣю Алексѣевичу Бблокурову (Воздвиженка, Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ), или въ книжный магазинъ Карбасникова (Москва, Моховая, д. б. Коха, противъ Университета).

ТАМЪ-ЖЕ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ЧТЕНІЯ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Годовое изданіе *Чтеній* состоитъ изъ четырехъ (каждая отъ 20 до 30 и болѣе печатныхъ листовъ) книжекъ, выходящихъ по третямъ года. Въ *Чтеніяхъ* помѣщаются какъ изслѣдованія, такъ и матеріалы по различнымъ вопросамъ Русской исторіи и печатаются памятники древне-русской письменности. Подписная цѣна за годъ 8 руб. 50 коп. съ доставкой въ Москвѣ и съ пересылкой въ другіе города Россіи.

Примѣчаніе. На соисканіе преміи могутъ быть приняты также: а) систематическіе обзоры находящихся въ томъ или другомъ Архивѣ матеріаловъ по исторіи и археологіи г. Москвы и Московской губерніи съ изложеніемъ содержанія ихъ, опредѣленіемъ ихъ значенія и отмѣткой того, что уже изъ нихъ напечатано, и б) систематическіе обзоры печатной литературы по тѣмъ же предметамъ съ указаніемъ содержанія той или другой работы и отмѣткой значенія ея.

§ 4. Преміи выдаются: а) или полная въ количествѣ 800 руб., б) или малыя по 400 рублей.

§ 10. На соисканіе допускаются сочиненія на русскомъ языкѣ, какъ рукописныя, такъ и печатныя, вышедшія въ теченіе послѣднихъ 4-хъ лѣтъ, предшествовавшихъ соисканію.

§ 11. Въ соисканіи преміи имѣютъ право участвовать и Члены Общества.

§ 13. Сочиненія, уже удостоенныя премій какихъ-либо другимъ ученымъ учрежденіемъ, на соисканіе преміи А. П. Бахрушина не допускаются.

§ 14. Право на полученіе преміи принадлежитъ только авторамъ и ихъ наслѣдникамъ, по отношенію не издателямъ награжденныхъ сочиненій.

III.

О преміи за исторію градоначальствованія въ Москвѣ князя Д. В. Голицына.

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ симъ объявляетъ соисканіе преміи за изслѣдованіе о *Градоначальствованіи князя Дм. Влад. въ Москвѣ.*

Извлеченіе изъ условій, которымъ означенный трудъ долженъ удовлетворять, согласно волѣ жертвователей:

1) Сочинитель долженъ представить исторію Москвы въ періодъ главноначальствованія князя Голицына и описать съ надлежащею полнотою дѣйствія и распоряженія князя для внѣшняго украшенія и внутренняго благоустройства города.

2) Сочиненіе должно быть основано на фактахъ и написано съ безпристрастіемъ и отчетливостью.

Премію составляетъ весь пожертвованный для этой цѣли капиталъ съ наросшими на него по день выдачи процентами, въ настоящее время достигающій 4.000 рублей ⁰ бумагами и наличными деньгами.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ

выходятъ въ неопредѣленные сроки не менѣе *четыре*хъ книгъ въ годъ, отъ 20 до 30 и болѣе печатныхъ листовъ. Подписка годовая (*восемь рублей пятьдесятъ копѣекъ* сер. съ доставкой въ Москвѣ и пересылкой въ другія мѣста)—принимается у Казначея Общества С. А. Бѣлокурова. Книги „Чтеній“ продаются и каждая отдѣльно по особо-назначенной цѣнѣ.

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА:

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ

Владимиръ Гавриловичъ Глазовъ,

Пречистенка, домъ Военнаго вѣдомства

СЕКРЕТАРЬ

Елпидифоръ Васильевичъ Барсовъ,

Близъ Донскаго монастыря, Шаболовская улица, собственный домъ.

КАЗНАЧЕЙ

Сергій Алексѣевичъ Бѣлокуровъ,

Воздвиженка, домъ Архива Министерства Иностраннѣхъ Дѣлъ.

БИБЛИОТЕКАРЬ

Егоръ Ивановичъ Соколовъ,

1 Мѣщанская, Троице-Капелъскій переулокъ, домъ Соколовыхъ.

Изданія Общества можно получать: 1) въ помѣщеніи Общества, Моховая, старое зданіе Университета, подъ актовымъ заломъ и 2) чрезъ книгопродавца Н. Карбасникова (въ Москвѣ, Варшавѣ и Петербургѣ).

